

Евразийский юридический журнал

№ 2 (201) 2025

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакovich, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2025

Подписано в печать 28.02.2025
Формат 62х84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов –
Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва,
ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

NECHEVIN *Dmitriy Constantinovich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV *Erkin Ermanovich*, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE *Aslan Huseynovich*, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN *Elena Aleksandrovna*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA *Guzel Mukhammetovna*, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV *Igor Spartakovich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)

BATKHIEV *Rashid Huseynovich*, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV *Alexander Valeryevich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV *Damir Kamilevich*, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV *Pavel Nikolaevich*, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO *Victor Nikolaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA *Irina Valerjevna*, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV *Anatoliy Mikhailovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV *Alexandr Nikolaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

FAKHRTUDINOVA *Elena Valerjevna*, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV *Insur Zabriovich*, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA *Evgeniya Evgenjevna*, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA *Elena Yurjevna*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV *Abdusalam Abdulkerimovich*, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV *Shaukat Makhmudovich*, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV *Andrey Victorovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN *Mark Mikhailovich*, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO *Viktor Petrovich*, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN *Vigen Vladimirovich*, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY *Alexander Ivanovich*, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH *Tatjana Gennadjevna*, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV *Valery Andreevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR *Svetlana Vladimirovna*, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO *Yuriy Vladimirovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN *Rishat Vakhidovich*, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

RAGULIN *Andrey Viktorovich*, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV *Sergey Vladimirovich*, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA *Vera Borisovna*, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

RUSAKOVA *Ekaterina Petrovna*, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV *Gafur Gubaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV *Andrey Yurievich*, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV *Stanislav Aleksandrovich*, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA *Valentina Nikolaevna* – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV *Vladimir Nikolaevich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV *Andrey Vadimovich*, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV *Vadim Aleksandrovich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE *Nelly Viktorovna*, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV *Revol Mirgalimovich*, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA *Aziza Viktorovna*, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV *Oleg Aleksandrovich*, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV *Alexandr Vladimirovich*, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

№ 2 (201) 2025

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2025

Signed for printing 28.02.2025

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадutowич, к.ю.н., доцент

ГОПОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ДЕМИЕВА Айну́р Габдулбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльну́р Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,

Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Р. Н. Салиева:

Практика – основа научного познания, а наука способствует совершенствованию практики

Интервью с Салиевой Розой Наильевной, доктором юридических наук, профессором главным научным сотрудником Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан. 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Идельбаева Г. И., Морозова С. В.

Влияние глобальных конфликтов на внутреннюю безопасность государства 22

Киньябаева Г. А., Морозова С. А.

Исторические корни китайской дипломатии 24

Минигулова И. Р.

Международная миграция: правовые механизмы регулирования 26

Нуцалханов Г. Н.

На пути к зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 28

Рыжов Н. А.

Правовые механизмы защиты иностранных инвестиций в условиях западноафриканских региональных санкций 31

Талимончик В. П.

Концепция эффективного международно-правового регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем 34

Андропова А. О.

Проблематика международно-правовой охраны средств индивидуализации юридических лиц, товаров и услуг 38

Гасанов Т. Р.

Эволюция международно-правовой интеграции прикаспийских государств 41

Марзанов А. М.

Особенности участия Римского престола и Государства Град Ватикан в дипломатических и консульских сношениях 43

Рахимова М. С.

Международно-правовая договорная база и универсальные стандарты доступа к праву на чистую воду 47

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Глинщикова Т. В., Кондра А. В., Шелест Ю. А.

К вопросу об определении предметной сферы применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. 53

Сейтягьяева Д. А., Глинщикова Т. В., Ивницкая Е. С.

Роль двусторонних договоров о поощрении и взаимной защите капиталовложений в международно-правовом регулировании иностранных инвестиций 55

Ван Цзин

Проблемы и перспективы процедуры отклонения на раннем этапе в международном коммерческом арбитраже Китая 57

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абдрашитов В. М., Вопленко Н. Н., Поляков В. А.

Концепция государственного суверенитета современной Российской Федерации (теоретический аспект) 61

Аврамов С. О.

Проблемы разграничения правовых ограничений и запретов в современной юридической науке 64

Оськин Е. Д., Петроградская А. А.

Правовая информированность и правовое сознание: проблемы соотношения и взаимосвязи 66

Семенов А. А.

Теоретико-правовой аспект деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии в обеспечении территориальной целостности Российской Федерации 69

Солтани Б. С.

Критика и проблемы пересечения права и политики 72

Страхов И. А.

E-government как тип современного государства 77

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Серкерев С. Э., Абдулмуталимова З. М., Курбанов Г. С.

Правовые основы противодействия коррупции в России в XVII-XVIII веках 83

Фурман Ф. П.

Политическая идеология и взгляды Михаила Бакунина 85

Перевозчиков А. В.

Проблема законодательного закрепления статуса Эстляндского Обер-Ландгерихта на основании источников партикулярного права при вхождении в состав Российской империи 88

Дряев Г. Б.

Синтез междисциплинарного научного подхода с государственно-правовыми идеями Д. И. Менделеева 90

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Алиева З. И., Темирганова М. Р.

Цифровые технологии как инструмент противодействия коррупции: возможности и перспективы 92

Гришко Л. Е., Прысь И. Е.

Конституционно-правовая защита молодежи от влияния криминальной субкультуры: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты 95

Рузавина Е. Ю., Бондаренко В. В.

Коррупция и социально-экономическое положение государства: анализ и перспективы 97

Самусевич А. Г., Бруева А. Е., Лиханов М. С.

Конституционно-правовые основы правоприменения в сфере майнинга в России 100

Старшова У. А.

К вопросу о доктрине российского социального государства 102

Кузнецова Е. В.

Современные реалии в правоприменительной деятельности 104

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Аксенов И. С.

Надомный труд и дистанционная работа: сравнительно-правовой анализ 107

Госачинская А. А.

Порядок ликвидации мест несанкционированного размещения отходов. Текущее состояние законодательства, существующие проблемы и пути их решения 110

Ковалишина К. В., Евсикова Е. В.

Усиление контроля (надзора) в сфере миграции как способ противодействия миграционным правонарушениям 112

Маюров Н. П., Алексеев П. В.

Правовой статус участников добровольческих формирований, принимающих участие в специальной военной операции: проблемы и пути их решения 115

Сосновский Д. В.

Право на информацию как элемент правового статуса медицинского работника 118

Бурлакова Е. М.

Административно-правовые особенности системы государственного управления в сфере спорта в Республике Индия 121

Шмелев И. В.

Управление государственными предприятиями как механизм реализации национального планирования в Намибии 126

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Архиреева А. С., Дахно Е. Е.

Муниципальные закупки: проблемы и пути их решения в условиях цифровизации государственного и муниципального управления 129

Власова Е. Л., Игнатьева И. В.

Правовое регулирование развития муниципальных образований как фактор обеспечения достойной жизни населения муниципальных образований 132

Зиньков Е. Н., Унтеров В. А.

Правовое регулирование финансово-экономической основы местного самоуправления: вопросы и перспективы совершенствования 135

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО

Багрецов Д. Н., Матвеев Е. В.

Современный брендинг: правовые и коммуникативные аспекты феномена 137

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Аббуджалилов А.

Проблема субъекта права в интернете..... 142

Бакунин С. Н., Ананьева Е. О.

Принцип добросовестности осуществления гражданских прав как мера ранней профилактики коррупционного преступного поведения 144

Босых А. И., Исаченко А. И.

Аффилированность в делах о банкротстве: развитие и тенденции судебно-арбитражной практики 146

Гриб В. Г., Кудра А. С.

Авторское право и машинное обучение: поиск правомерного формата обработки охраняемых произведений 150

Здоровцева А. А., Кирикова Т. Р.

Жилищные права и обязанности лица, находящегося в местах лишения свободы 154

Ионцев М. А.

Юридические аспекты использования цифровой валюты в качестве средства платежа и инвестиции 158

Кожокар А. П.

Генезис и эволюция правового регулирования нотариального контроля 163

Мигачева А. Ю., Параскевова С. А.

Условия применения последствий отступления от требований к качеству в договоре купли-продажи недвижимости, выработанные судебной практикой 166

Певцова И. Е., Парфенов Л. А.

Становление и развитие искусственного интеллекта: отдельные аспекты правового регулирования 169

Ястремский И. А.

Правовые основы лицензирования медицинской деятельности по профилю пластическая хирургия 172

Астахов П. О.

Проблемы рассмотрения цифровых споров на примере некоторой актуальной практики судов Англии 174

Баскин Д. Ю.

Понятие и классификация объектов гражданских прав: теория и практика правового регулирования 177

Дилинаэр

Разрешение споров по смарт-контрактам 180

Загнетин В. Н.

Закрепление теории основного и вторичных (неосновных) производств в источниках права 183

Кузьмин А. В.

Обеспечительный характер смарт-контрактов 186

Мавлянова Е. Н.

Анализ нормативной правовой базы в сфере транспортировки нефти трубопроводным транспортом в Российской Федерации 189

Мубинов Д. Д.

К вопросу реализации имущества должника-супруга при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве 191

Никиенко К. Г.

Актуальные вопросы совершенствования законодательства в сфере миграции Российской Федерации 193

Раенко Е. П., Султанова А. А.

Формы влияния на сделку третьими лицами, и определение для них правовых последствий 195

Сизов Г. Г.

Правовые аспекты телемедицины в современной России: анализ пробелов и перспектив развития 197

Тагаев А. А.

Защита прав граждан в сфере возврата просроченной задолженности 200

Тянь Цзячи, Хэ Чжэньдун, Цзян Дань

Исследование влияния формирования культуры верховенства права в вузах на развитие правовой грамотности студентов 202

Филяков Р. А.

Значение превентивных мер защиты в системе гражданско-правовых способов защиты 205

Черномордов О. М.

Значение правового регулирования особых экономических зон для развития частно-правовых отношений 208

Хузяттов А. А.

Эволюция статьи 2.1.14 Принципов УНИДРУА о договоре с умышленно открытыми условиями 211

Шайдуллин Р. М.

Возможности использования искусственного интеллекта для защиты авторских прав владельцев сайта (страниц сайта) в сети «Интернет» 215

Щавелев А. В.

Особенности и проблемы применения смарт-контрактов 217

Лилуашвили М. Г.

История становления института брачного договора в РФ и США 219

Ястремский И. А.

Правовые особенности выбора кодов статистики при регистрации медицинской организации для осуществления деятельности в области пластической хирургии 224

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Воронцова И. В., Рахматуллина Р. М.

Медиация в системе альтернативного разрешения споров 226

Морозова С. Ю.

Полномочия и обязанности суда на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве 228

Седых Н. П., Черкас Д. С., Быков Д. А.

Территориальная организация местного самоуправления в системе публичной власти 232

Сигаева Т. А.

Законодательство как источник правового регулирования гражданского судопроизводства в Республике Беларусь 235

Сычева Д. А., Казанкова Т. Н.

Перспективы развития упрощенного производства в гражданском процессе Российской Федерации 238

Воронцова И. В., Колобынина Е. А.

Цифровые технологии как фактор укрепления независимости судей 241

Неясова В. А.

Субъектный состав дел о защите коллективного интереса в гражданском судопроизводстве: количественный критерий 243

Пестова К. А.

Реализация принципа открытости цивилистического процесса в условиях развития системы веб-конференции 247

Сергеев Р. Б.

Принципы применения цифровых технологий и основные принципы гражданского процессуального права 251

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Егорова В. Ю.

Организация работы по учету и рассмотрению причин и обстоятельств возникновения микротравм как способ превенции производственного травматизма 254

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Ивлева Ю. И.

Эволюция экологической доктрины. Роль и значение конституционного регулирования 257

Папков С. С.

Обеспечение устойчивого водопользования в Арктической зоне Российской Федерации 259

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Кутателадзе Д. Д.

Правовые проблемы применения экологических ограничений в рамках земельных отношений 263

Летягина Е. А.

Цифровые процессы в управлении земельными ресурсами 265

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Винницкий Д. В., Зимилькин М. И.

«Правила о запрете обхода налогового закона и налоговые соглашения» (Рецензия на монографию G. Kofler, M. Lang, P. Pistone, A. Rust, J. Schuch, K. Spies, C. Staringer, R. Szudoczky «Anti-Abuse Rules and Tax Treaties») 268

Степанян А. Л.

Правовой статус цифровой валюты в России: проблемы определения и направления совершенствования законодательства 270

Фартунов Е. А. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля: правовые аспекты.....	274	Староселец О. С. К вопросу о формировании крупного ущерба в преднамеренном банкротстве	330
Хромченко М. Д. Электронные денежные средства как объект публично-правового регулирования	277	Удинцев Г. В. Порядок корпоративного управления: необходимость уголовно-правовой охраны	332
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Унтертов В. А., Смирнова Т. С. Правовые аспекты налогообложения цифровых платформ и интернет-торговли.....	280	Абдуллозода П. С. Понятие, правовая природа и виды международного сотрудничества в сфере уголовного процесса	335
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО		Ватутина О. Ю. Участие специалиста в доказывании, как форма реализации в российском уголовном процессе особой модели судебной экспертизы	344
Качнов М. Э. Ответственность кредиторов и арбитражного управляющего за неэффективную стратегию конкурсного производства.....	282	Демичева Т. С. Уголовно-процессуальная форма использования информационных технологий: понятие и основные свойства	347
Мучинский Д. О. Правовое регулирование каршеринга: понятие, субъектный состав и обязательные требования	286	Загорский Г. И. Постановление суда об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания	349
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Кулев А. Г. Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования, как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства	352
Абдулгапурова С. Г., Магомедова А. И. Уголовно-правовые средства противодействия коммерческому подкупу	289	Лифанова Л. Г., Любоженко И. А. К вопросу о сущности прекращения уголовного преследования	356
Агабалаев М. И. Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних.....	292	Макаров А. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном процессе по уголовным делам коррупционной направленности (по материалам Республики Крым и г. Севастополя)	359
Алисултанова С. А., Адипов З. А. Восстановление социальной справедливости, как приоритетная цель уголовного наказания	294	Некрасов А. П. Правовая оценка действиям сотрудников УИС в криминализации, в отношении осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы и меры противодействия.....	362
Бочаров В. М., Шогенов Т. М., Бураева Л. А. Об актуальных проблемах противодействия распространению идеологии экстремизма и идей неонацизма в современных условиях.....	297	Попова А. А., Абдрахманова А. Р., Буркова М. А. Общественное мнение как элемент взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества.....	364
Валиев Б. Р., Магомедова А. И. Геноцид как международное преступление.....	300	Ханов Т. А. Расследование уголовных правонарушений в протокольной форме: опыт Республики Казахстан	366
Гаужаева В. А., Шубин С. П. Отдельные вопросы применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	302	Аль Хазраджи Х. Ф. А. Меры уголовно-процессуального принуждения в России и Ираке: гарантии прав личности.....	370
Керимова М. М. Женщина как субъект преступления в современном уголовном праве.....	304	Олинович Р. А., Грозин С. Ю. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: теоретические и практические аспекты	372
Олифиренко Е. П. Специфика деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия и борьбы с преступностью несовершеннолетних (на примере Карачаево-Черкесской республики).....	307	Руденко Д. А. К вопросу о направлениях деформализации уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий.....	376
Пережогина Г. В., Тасбаева А. Н. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в законодательстве России и Казахстана.....	310	Сивораक्षा В. В. Общие правила продления процессуального срока в досудебном уголовном производстве.....	380
Радченко М. Э. Принудительные работы в контексте реализации прав осужденных.....	312	Шматова Е. В. Значение судебных решений в регулировании уголовно-исполнительных правоотношений.....	382
Сейфетдинова Е. И. Уголовно-правовое противодействие цифровой преступности в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	314	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Ступина С. А. Квалификация хулиганства, совершенного по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы	316	Михеева С. В., Бабова В. О., Побережная П. В. Установление правового статуса конвоируемых лиц при перемещении их по плановым маршрутам специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию.....	384
Агабалаев М. И. Проблемы разграничения хулиганства в уголовном и административном праве.....	319	Некрасов А. П. Проявление особо-опасных преступлений в виде террористического акта и захвата заложников в пенитенциарной системе Российской Федерации: причины, меры противодействия, констатация фактов.....	386
Алисултанова С. А., Адипов З. А. Понятие и сущность принципа справедливости, как отраслевого принципа уголовного закона.....	321	Сечкова Л. М. Анализ факторов, влияющих на рост дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных.....	388
Андреев А. С. Некоторые проблемы квалификации по признакам объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ («Неисполнение приказа»)	324		
Мамедов Т. С. Пути совершенствования уголовно-правовых мер за нарушение требований охраны труда в Республике Азербайджан и Турецкой Республике.....	327		

Симкин Е. А. Правовой статус осуждённых: теоретико-правовые аспекты и проблемы реализации в контексте уголовно-исполнительной системы	392
КРИМИНАЛИСТИКА	
Ворожцов А. М., Музафин Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Гора Е. В. Информационные технологии в деятельности подразделений оперативно-розыскной деятельности	394
Гарбуз Г. С. Актуальные проблемы применения метода фотограмметрии в расследовании преступлений, совершаемых в экологической сфере	396
Долгушина Л. В., Ступина С. А., Прасолова Е. Н. Возможности использования 3D-сканирования при расследовании и экспертизе пожаров.....	398
Позий В. С., Шелюгова А. А. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с мошенничеством в сфере кредитования	401
Серебряников С. В., Шихиев З. Ф. Выявление незаконных призывов через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети.....	404
Сыромля Л. Б. Криминалистическая профилактика кибермошенничества в пенитенциарных учреждениях	406
КРИМИНОЛОГИЯ	
Гаджиева А. А., Маликов А. Т. Проблемы криминализации общественно-опасных деяний? совершаемых с использованием цифровых технологий на современном этапе: критический анализ.....	409
Иванова Е. В. Терроризм как угроза государственной и мировой безопасности	412
Писаревская Е. А. Преступность несовершеннолетних в России в контексте криминологической безопасности	414
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Амирханян В. Г., Алексеев А. М., Тезиков Д. А. Современные угрозы национальной безопасности России: анализ рисков и стратегии МВД	418
Ахтамьянов Р. Р., Милютин Р. В., Павелко П. А. Огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел: проблемы и пути их решения	420
Бабин А. В., Филимонов Р. Н., Егосин Д. И. Служебно-прикладные виды спорта, способствующие развитию профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел	422
Бубнова Ю. Г., Каляшин А. В. Правовое регулирование гендерного равенства государственной службы	424
Гусейнов А. А., Левченко А. А., Люковец В. П., Обучение сотрудников правоохранительных органов выбору выгодного маршрута движения по местности.....	426
Давлетов В. И., Набиев В. В., Плешивцев А. Ю. Физическая подготовка служащих органов внутренних дел: ключ к эффективному выполнению задач и повышению боеготовности.....	428
Еремян А. А. Правоохранительная деятельность в условиях развития информационных технологий	430
Кузьмичев Ю. В., Темнышов А. А., Карпушкин В. В. Перспективы развития беспилотной авиации в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.....	433
Маисеев К. С., Лобанова Е. Н., Овечкин Д. Г. Оптимизация физической подготовки курсантов МВД РФ: современные вызовы и пути решения	435
Музафин Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Никифоров П. В. Профессиональная подготовка участковых уполномоченных полиции к действиям в особых условиях.....	437
Нелюбин Р. В., Поздняков И. В., Копылов И. А., Чайченко Д. В. Адаптация сотрудника органов внутренних дел к профессиональной деятельности в экстремальных условиях	439
Новохатский Б. Н., Мамаева А. А., Шилихин А. С. Физическая подготовка как основа эффективности работы сотрудников правоохранительных органов	442
Соболев А. Г., Торгерсен А. С., Афанаскин П. В., Будник Н. С. Психологическая подготовка сотрудников к применению табельного оружия	444
Хакимов Н. Н., Бурлин С. В., Ковган Е. Ю., Климовский А. С. Особенности развития коммуникативных навыков у сотрудников патрульно-постовой службы.....	446
Амирханян В. Г., Алексеев А. М., Антоненко А. А. Роль физической подготовки в обеспечении безопасности сотрудников полиции.....	448
Гусейнов А. А., Ульрих С. А., Чернейкин П. П. Топографические аспекты инженерной подготовки сотрудников органов внутренних дел	450
Евлоев Т. Я. Актуальные вопросы цифровизации органов прокуратуры.....	452
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Жуков А. З., Битов А. А. Нормативно-правовые основы обеспечения информационной безопасности цифрового рубля.....	454
Муртазин А. И., Зайцев А. Г., Ковалёв Т. В. Борьба с беспилотными летательными аппаратами в военных конфликтах	457
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Валиахметов Р. Р., Малофей А. О., Кожин Д. А., Колбышев П. Р. Особенности формирования мышечного контроля при освоении техники меткого выстрела из пистолета	459
Даминов А. А., Шохин В. Е., Подковка С. В. Совершенствование огневой подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России (педагогический аспект)	461
Заболотных А. А., Имангажинов Д. Т., Жилин Р. А. Актуальные вопросы внедрения тесных авиационных систем в образовательных организациях МВД России	463
Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Значимость патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.....	465
Ким В. О., Бондарь А. Я., Борисова Н. И., Привалов В. В. Упражнения с гириями как средство повышения силовой подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.....	467
Никитин А. И., Архипов Е. В., Пестерев Н. Н. Служебно-прикладные виды спорта как основа профессионального становления сотрудника ОВД.....	470
Николаев Н. Ю., Ахияров Р. А., Кошевец Г. В., Олефиренко А. Г. Применение искусственного интеллекта для анализа и совершенствования техники стрельбы сотрудников органов внутренних дел.....	473
Панова О. С., Коломийченко Е. В., Фомичев И. А. Комплексный подход к оценке физической подготовки сотрудников МВД: от тестирования до персонализированных программ	475
Пекарева В. В., Туарменский В. В. К проблеме просвещения по вопросам информационной инфраструктуры в уголовно-исполнительной системе.....	477
Худойкина Т. В., Королева В. В. Формирование правовой культуры учащейся молодежи	480
Шанько В. В., Лапшин И. Е. Особенности применения активных методов обучения в процессе профессиональной подготовки слушателей образовательных организаций системы МВД России	482

Зорина Н. С. Повышение образовательного уровня несовершеннолетних осуждённых как одно из условий успешной адаптации	484
Николаев Н. Ю., Давлетов В. И., Кузьмин С. С., Меликсетян Н. Г. Инновационная методика огневой подготовки курсантов: от теории к практике	486
Панова О. С., Малявина А. Б., Битюцких И. В. Физическая подготовка как основа преодоления стрессовых ситуаций в служебной деятельности МВД	488
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО	
Тайсаева С. Б., Чиркунова О. И., Кравченко В. А. Связь личностных особенностей и способности к самоуправлению у участников специальной военной операции	490
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Коробаев Д. В. Проект ТРАСЕКА: вопреки или во благо России	493
Лазовская А. Н., Ермолина М. А. Применение технологий искусственного интеллекта в устойчивом развитии городов	496
Матвеев К. С. Электронное здравоохранение в России: правовые основы и перспективы развития	499
Полунин С. В., Герман Е. С., Стабровская Е. А., Арбузов А. И. Об исторических аспектах становления концепции «Русский мир»	502
Симоненко А. Ю. Публично-правовая природа организаций с государственным участием	506
Зубенко С. И. Государство и гражданское общество: триада новых вызовов	510
ЯЗЫК И ПРАВО	
Каракулько М. И. Концепт «право каждого на возвращение в свою страну»: лингво-семантическая интерпретация	514
Латыпова Э. Р., Биктин Р. Р., Халилова А. М. Влияние невербальной коммуникации на формирование взаимодействия межличностных отношений	517
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ	
Гуденкова О. И. Реализация социокультурных прав жителей малых городов	520
Марченкова Л. М. Правовые основы обеспечения экономической безопасности страны	522
Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Негативное влияние коррупции в сфере закупок по линии государственно-частного партнерства: проблемы и пути решения	524
Корчагин Э. Р. Архитектура механизма управления инновационными проектами в организациях высшего образования на основе концепции внутрифирменного предпринимательства	527
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
Андриевская Ж. В., Черкасов В. В. Формирование позитивного образа следователя в общественном сознании	529
Волков С. Н., Ковалёва С. Е. Жизнь в социуме vs существование в условиях живой природы: социально-философский аспект	532
Золотарев С. П., Януш С. В. Философские проблемы внедрения информационных технологий и киберпространства в современную жизнь человека	537
Кугай А. И. Восток и Запад: самоутверждение личности в культурах «Обретения и сохранения лица» и «Невзирая на лица»	541
Лю Цунин Русский мир в общественном сознании России	547
Собко Р. В., Спирин В. К., Третьяков И. С. Насколько традиционны традиционные религии: к вопросу об исполнении указа В. В. Путина от 22.11.2023	551
Шайсламова М. М., Изгибаева Г. М., Смыслова К. Д. Теологическая мысль как значимый источник для философских размышлений	554
Хомич Н. В., Бодяк М. Г. Функции условности в конструировании субъективной реальности (мифологический аспект)	556
Блохин К. М. Геополитика «Большой Евразии» в концепциях неевразийства: противостояние атлантизму и поиск союзников	558
Вороницын Н. В. Философские истоки неоевразийства: от классического евразийства к постсоветской интерпретации	561
Плеханов Н. А. Постмодерн: необходимость рефлексии в новых социокультурных условиях	564
Примаков А. В., Вакуленко А. О., Губина А. О., Комаров А. М., Баженова З. С. Эволюция теории конфликта в философской мысли: от классики до постмодернизма	566
Шевчук Н. В. Формирование политической идентичности современной российской молодёжи	570
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	573

PERSONA GRATA

R. N. Salieva:

Practice is the basis of scientific knowledge, and science contributes to the improvement of practice

Interview with Salieva Roza Nailjevna, Ph.D. in Law, professor, chief researcher of the Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.....

14

INTERNATIONAL LAW

Idelbaeva G. I., Morozova S. A.

Impact of global conflicts on the internal security of the state.....

22

Kinyabaeva G. A., Morozova S. A.

Historical roots of Chinese diplomacy.....

24

Minigulova I. R.

International migration: legal mechanisms of regulation.....

26

Nutsalkhanov G. N.

Towards a nuclear-weapon-free zone in Africa.....

28

Ryzhov N. A.

Protecting foreign investment in Africa in the context of regional sanctions.....

31

Talimonchik V. P.

The concept of effective international legal regulation of the creation and use of information and communication systems.....

34

Andropova A. O.

Problems of international legal protection of means of individualization of legal entities, goods and services.....

38

Gasanov T. R.

Evolution of the international legal integration of the Caspian littoral states.....

41

Marzanov A. Yu.

Features of the participation of the Roman See and the Vatican City State in diplomatic and consular relations.....

43

Rakhimova M. S.

International legal framework and universal standards of access to the right to clean water.....

47

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Glinshikova T. V., Kondra A. V., Shelest Yu. A.

On the issue of determining the subject scope of application of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 1980.....

53

Seytyagyaeva D. A., Glinshikova T. V., Ivitskaya E. S.

The role of bilateral treaties on the promotion and mutual protection of capital investments in the international legal regulation of foreign investments.....

55

Wang Jing

Problems and prospects of early dismissal procedure in international commercial arbitration in China.....

57

THEORY OF STATE AND LAW

Abdrashitov V. M., Voplenko N. N., Polyakov V. A.

The concept of State sovereignty of the modern Russian Federation (theoretical aspect).....

61

Avramov S. O.

Problems of differentiation of legal restrictions and prohibitions in modern legal science.....

64

Oskin E. D., Petrogradskaya A. A.

Legal awareness and legal awareness: problems of correlation and interrelation.....

66

Semenov A. A.

The theoretical and legal aspect of the activities of the Federal Service of the National Guard Troops in ensuring territorial integrity Of the Russian Federation.....

69

Soltani B. S.

Critiques and challenges to the intersection of law and politics.....

72

Strakhov I. A.

E-government as a type of modern state.....

77

HISTORY OF STATE AND LAW

Serkerov S. E., Abdulmutalimova Z. M., Kurbanov G. S.

The legal framework for combating corruption in the XVII-XVIII centuries.....

83

Furman F. P.

Mikhail Bakunin's political ideology and views.....

85

Perevozchikov A. V.

The problem of legislative consolidation of the status of the Estonian Ober-landgericht on the basis of sources of particular law during its incorporation into the Russian Empire.....

88

Dryaev G. B.

Synthesis of interdisciplinary scientific approach with state-legal ideas of D. I. Mendeleev.....

90

CONSTITUTIONAL LAW

Alieva Z. I., Temirkhanova M. R.

Digital technologies as a tool for combating corruption: opportunities and prospects.....

92

Grishko L. E., Prys I. E.

Constitutional and legal protection of youth from the influence of criminal subculture: criminal law and penal enforcement aspects.....

95

Ruzavina E. Yu., Bondarenko V. V.

Corruption and the socio-economic situation of the state: analysis and prospects.....

97

Samusevich A. G., Brueva A. E., Likhonov M. S.

Constitutional and legal basis of law enforcement in the mining sphere in Russia.....

100

Starshova U. A.

On the question of the doctrine of the Russian welfare state.....

102

Kuznetsova E. V.

Modern realities in law enforcement.....

104

ADMINISTRATIVE LAW

Aksenov I. S.

Home work and remote work: comparative legal analysis.....

107

Gosachinskaya A. A.

The procedure for the elimination of unauthorized waste disposal sites. Current legislation, existing problems and ways of solution.....

110

Kovalishina K. V., Evsikova E. V.

Strengthening control (supervision) in the field of migration as a way to counteract migration offenses.....

112

Mayurov N. P., Alexeev P. V.

Legal status of participants in volunteer formations taking part in a special military operation: problems and ways to solve them.....

115

Sosnovskiy D. V.

Right to information as a part of medical workers legal status.....

118

Burlakova E. M.

Administrative-legal features of the public administration system in the field of sports in the Republic of India.....

121

Shmelev I. V.

Management of state-owned enterprises as a mechanism for implementing national planning in Namibia.....

126

MUNICIPAL LAW

Arkhireeva A. S., Dakhno E. E.

Municipal procurement: problems and solutions in the context of digitalization of public and municipal administration.....

129

Vlasova E. L., Ignatjeva I. V.

Legal regulation of the development of municipal entities as a factor in ensuring a decent life for the population of municipal entities.....

132

Zinkov E. N., Unterov V. A.

Legal regulation of the financial and economic basis of local self-government: issues and prospects for improvement.....

135

BUSINESS LAW

Bagretsov D. N., Matveev E. V.

Modern breeding: legal and communication aspects of the phenomenon.....

137

CIVIL LAW

Abdusalilov A.

The problem of the legal entity on the Internet 142

Bakunin S. N., Ananjeva E. O.

The principle of good faith in the exercise of civil rights
as a measure of early prevention
of corrupt criminal behavior 144

Bosykh A. I., Isachenko A. B.

Affiliation in bankruptcy cases: development
and trends in judicial and arbitration practice 146

Grib V. G., Kudra A. S.

Copyright and machine learning: search for a lawful format
of processing protected works 150

Zdorovtseva A. A., Kirikova T. R.

Housing rights and obligations of a person in places
of deprivation of liberty 154

Iontsev M. A.

Legal aspects of using digital currency as a means
of payment and investment 158

Kozhokar A. P.

The genesis and evolution of the legal regulation
of notary control 163

Migacheva A. Yu., Paraskevova S. A.

Conditions for the application of the consequences
of deviation from quality requirements in the contract
of sale of real estate, developed by judicial practice 166

Pevtsova I. E., Parfenov L. A.

The formation and development of artificial intelligence:
certain aspects of legal regulation 169

Yastremskiy I. A.

The legal basis for licensing medical activities
in the field of plastic surgery 172

Astakhov P. O.

Problems of digital dispute resolution at the example
of some recent case law of courts of England 174

Baskin D. Yu.

The concept and classification of objects of civil rights:
theory and practice of legal regulation 177

Dilinaer

Dispute resolution of smart contracts 180

Zagnetin V. N.

Genesis and development of the theory of main
and secondary (non-main) proceedings in cross-border
insolvency 183

Kuzmin A. V.

The security nature of smart contracts 186

Mavlyanova E. N.

Analysis of the regulatory framework in the field
of oil transportation by pipeline in the Russian Federation 189

Mubinov D. D.

Protection of the interests of the spouse in the realization
of the debtor's damage during the procedures applied
in the bankruptcy case 191

Nikienko K. G.

Current issues of improving the legislation in the sphere
of migration of the Russian Federation 193

Raenko E. P., Sultanova A. A.

Forms of influence on the transaction by third parties,
and determining the legal consequences for them 195

Sizov G. G.

Legal aspects of telemedicine in modern Russia:
analysis of gaps and development prospects 197

Tagaev A. A.

Citizens' rights protection in overdue
ebt refund 200

Tian Jiachi, He Zhendong, Jiang Dan

The study of the influence of the formation of a culture
of the rule of law in universities on the development
of legal literacy of students 202

Filyakov R. A.

The importance of preventive protection measures
in the system of civil law methods of protection 205

Chernomordov O. M.

The importance of legal regulation of special economic
zones for the development of private law relations 208

Khuziatov A. A.

Evolution of Article 2.1.14 of the UNIDROIT Principles on
a contract with terms deliberately left open 211

Shaydullin R. M.

The use of intelligent systems to identify copyright
infringements in a digital environment 215

Shchavalev A. V.

Features and problems of using smart contracts 217

Liluashvili M. G.

The history of the formation of the institution
of the marriage contract in the Russian Federation
and the USA 219

Yastremskiy I. A.

Legal features of the choice of statistical codes when
registering a medical organization to carry out activities
in the field of plastic surgery 224

CIVIL PROCESS

Vorontsova I. V., Rakhmatullina R. M.

Mediation in the alternative dispute resolution system 226

Morozova S. Yu.

Powers and responsibilities of the court at the stage
of preparing a case for judicial proceedings in administrative
court proceedings 228

Sedykh N. P., Cherkas D. S., Bykov D. A.

Territorial organization of local self-government
in the system of public authority 232

Sigaeva T. A.

Legislation as a source of legal regulation
of civil proceedings in the Republic of Belarus 235

Sycheva D. A., Kazankova T. N.

Prospects for the development of simplified production
in the civil procedure of the Russian Federation 238

Vorontsova I. V., Kolobynina E. A.

Digital technologies as a factor in strengthening
the independence of judges 241

Neyasova V. A.

Subjective composition of cases on the protection
of collective interests in civil proceedings:
a quantitative criterion 243

Pestova K. A.

Implementation of the principle of openness
of the civil process in the context of the development
of the web conference system 247

Sergeev R. B.

Principles of digital technology application
and basic principles of civil procedure law 251

LABOUR LAW

Egorova V. Yu.

Organization of work on recording and examining
the causes and circumstances of micro-injuries
as a way of preventing occupational accidents 254

ECOLOGICAL LAW

Ivleva Yu. I.

Evolution of environmental doctrine. The role
and significance of constitutional regulation 257

Popkov S. S.

Ensuring sustainable water use
in the Russian Arctic 259

LAND LAW

Kutateladze D. D.

Legal problems of the application of environmental
restrictions in the framework of land relations 263

Letyagina E. A.

Digital processes in land management 265

FINANCIAL LAW

Vinnitskiy D. V., Zimulkin M. I.

«Anti-Abuse Rules and Tax Treaties»
(Review of the textbook of G. Kofler, M. Lang, P. Pistone,
A. Rust, J. Schuch, K. Spies, C. Staringer,
R. Szudoczky «Anti-Abuse Rules and Tax Treaties») 268

Stepanyan A. L.

The legal status of digital currency in Russia:
problems of definition and directions
of improvement of legislation 270

Fartunov E. A. Financial monitoring as a type of financial control: legal aspects.....	274	CRIMINAL PROCESS Abdullozoda P. S. The notion, legal nature and types of international cooperation in the field of criminal proceeding.....	335
Khromchenko M. D. Electronic money as an object of public-law regulation.....	277	Vatutina O. Yu. The participation of a specialist in proving, as a form of implementation in the Russian criminal process of a special model of forensic examination.....	344
TAX LAW Unterov V. A., Smirnova T. S. Legal aspects of digital platforms taxation and online commerce.....	280	Demicheva T. S. Criminal procedure Form of information technology use: concept and properties.....	347
ENTREPRENEURIAL LAW Kachnov M. E. Liability of creditors and insolvency practitioner for ineffective bankruptcy strategy.....	282	Zagorskiy G. I. Court ruling on conditional parole of the convicted person from serving the sentence.....	349
Muchinskiy D. O. Legal regulation of car sharing: definition, the subject of a legal relationship, obligatory requirements.....	286	Kulev A. G. Decisions of the prosecutor in a criminal case received with the final act of the preliminary investigation, as an independent stage of criminal proceedings.....	352
CRIMINAL LAW Abdulgapurova S. G., Magomedova A. I. Criminal law means of countering commercial bribery.....	289	Lifanova L. G., Lyubozhenko I. A. On the issue of the essence of the termination of criminal prosecution.....	356
Agabalaev M. I. Problems of juvenile delinquency prevention.....	292	Makarov A. P. Use of the results of operative search activities in the trial in criminal cases of corruption (based on materials of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol).....	359
Alisultanova S. A., Adilov Z. A. Restoration of social justice as a priority goal of criminal punishment.....	294	Nekrasov A. P. A legal assessment of the actions of prison officers in criminalizing convicts serving sentences in places of deprivation of liberty and counteraction measures.....	362
Bocharov V. M., Shogenov T. M., Buraeva L. A. On the current problems of countering the spread of the ideology of extremism and ideas of neo-Nazism in modern conditions.....	297	Popova A. A., Abdrakhmanova A. R., Burkova M. A. Public opinion as an indicator of the interaction of law enforcement officers with civil society institutions.....	364
Valiev B. R., Magomedova A. I. Genocide as an international crime.....	300	Khanov T. A. Investigation of criminal offenses in protocol form: experience of the Republic of Kazakhstan.....	366
Gauzhaeva V. A., Shubin S. P. Certain issues of application of the institution of release from criminal liability in connection with active repentance.....	302	Al Khazraji H. F. A. Measures of criminal procedural coercion in Russia and Iraq: guarantees of individual rights.....	370
Kerimova M. M. A woman as a subject of crime in modern criminal law.....	304	Olinovich R. A., Grozin S. Yu. Interpreter's participation in criminal proceedings: theoretical and practical aspects.....	372
Olifirenko E. P. The specifics of the activities of the Prosecutor's office in the field of countering and combating juvenile delinquency (on the example of the Karachay-Cherkess Republic).....	307	Rudenko D. A. On the issue of the directions of the deformation of criminal proceedings in the context of the development of digital technologies.....	376
Perezhogina G. V., Tasbaeva A. N. Criminal liability for driving to suicide in the legislation of Russia and Kazakhstan.....	310	Sivoraksha V. V. General rules for extending the procedural terms in pre-trial criminal proceedings.....	380
Radchenko M. E. Forced labor in the context of the realization of convicts' rights.....	312	Shmatova E. V. The importance of court decisions in the regulation of criminal enforcement relations.....	382
Seyfetdinova E. I. Criminal law counteraction to digital crime in order to ensure the national security of the Russian Federation.....	314	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW Mikheeva S. V., Babova V. O., Poberezhnaya P. V. Establishment of the legal status of escorted persons when moving them along planned routes by special units of the penal enforcement system for escorting.....	384
Stupina S. A. Qualification of hooliganism motivated by hatred or enmity against any social group.....	316	Nekrasov A. P. The manifestation of particularly dangerous crimes in the form of a terrorist act and hostage-taking in the penitentiary system of the Russian Federation: causes, counteraction measures, statement of facts.....	386
Agabalaev M. I. Problems of distinguishing hooliganism in criminal and administrative law.....	319	Sechkova L. M. Analysis of the factors influencing the growth of administrative cases related to inadequate conditions of detention.....	388
Alisultanova S. A., Adilov Z. A. The concept and essence of the principle of justice as a branch principle of criminal law.....	321	Simkin E. A. The legal status of convicts: theoretical and legal aspects and problems of implementation in the context of the penal system.....	392
Andreev A. S. Some problems of qualification based on the objective side of the crime provided for in Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation («Failure to comply with an order»).....	324	CRIMINALISTICS Vorozhtsov A. M., Muzafin R. R., Vyshtikalyuk V. F., Gora E. V. Information technologies in the activities of operational investigative units.....	394
Mamedov T. S. Ways to improve criminal law measures for violation of labor protection requirements in the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkey.....	327		
Staroselets O. S. On the issue of the formation of major damage in deliberate bankruptcy.....	330		
Udintsev G. V. The need for criminal law protection of corporate governance.....	332		

Garbouz G. S. Current problems in the application of the photogrammetry method in investigation of crimes, that are being committed in ecological sphere	396	Khakimov N. N., Burlin S. V., Kovgan E. Yu., Klimovskiy A. S. The peculiarities of the development of communication skills among patrol officers	446
Dolgushina L. V., Stupina S. A., Prasolova E. N. The possibilities of using 3D scanning in the investigation and examination of fires	398	Amirkhanyan V. G., Alexeev A. M., Antonenko A. A. The role of physical training in ensuring the safety of police officers	448
Poziy V. S., Shelyugova A. A. Criminalistic characteristics of crimes related to fraud in the field of lending	401	Huseynov A. A., Ulrich S. A., Cherneykin P. P. Topographic aspects of engineering training of law enforcement officers.....	450
Serebryannikov S. V., Shikhiev Z. F. Identification of illegal appeals through mass media and information and telecommunication networks	404	Evloev T. Ya. Current issues of digitalization of the prosecutor's office	452
Syromly L. B. Criminalistic prevention of cyberbullying in penitentiary institutions.....	406		
CRIMINOLOGY		SECURITY AND LAW	
Gadzhieva A. A., Malikov A. T. Problems of criminalization of socially dangerous acts committed using digital technologies at the present stage: critical analysis	409	Zhukov A. Z., Bitov A. A. Regulatory and legal framework for ensuring information security of the digital ruble.....	454
Ivanova E. V. Terrorism as a threat to state and world security.....	412	Murtazin A. I., Zaitsev A. G., Kovalev T. V. Fight against unmanned aerial vehicles in military conflicts	457
Pisarevskaya E. A. Juvenile delinquency in Russia in the context of criminological security.....	414		
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		PEDAGOGY AND LAW	
Amirkhanyan V. G., Alexeev A. M., Tezikov D. A. Modern threats to Russia's national security: risk analysis and strategy of the Ministry of Internal Affairs	418	Valiakhmetov R. R., Malofey A. O., Kozhin D. A., Kolbyshev P. R. Features of the formation of muscle control when mastering the technique of a well-aimed pistol shot	459
Akhtamyanyan R. R., Milyutin R. V., Pavelko P. A. Fire training of law enforcement officers: problems and ways to solve them.....	420	Daminov A. A., Shokhin V. E., Podkovka S. V. Improving fire training of cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (pedagogical aspect)	461
Babin A. V., Filimonov R. N., Egoshin D. I. Service-applied sports that contribute to the development of professional training of law enforcement officers.....	422	Zabolotnykh A. A., Imangazhinov D. T., Zhilin R. A. Current issues of the introduction of unmanned aircraft systems in educational institutions the Ministry of Internal Affairs of Russia	463
Bubnova Yu. G., Kalyashin A. V. Legal regulation of gender equality in the civil service.....	424	Zorina N. S., Tsarkova E. G. The importance of patriotic education for juvenile offenders in correctional colonies.....	465
Huseynov A. A., Levchenko A. A., Lyukovets V. P. Training of law enforcement officers in choosing an advantageous route through the area	426	Kim V. O., Bondar A. Ya., Borisova N. I., Privalov V. V. Kettlebell exercises as a means of improving the strength training of cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	467
Davletov V. I., Nabiev V. V., Pleshivtsev A. Yu. Physical training of law enforcement officers: the key to effective task performance and increased combat readiness.....	428	Nikitin A. I., Arkhipov E. V., Pesterev N. N. Service-applied sports as the basis for the professional development of an employee of the Department of Internal Affairs.....	470
Eremyan A. A. Law enforcement activities in the context of development of information technologies	430	Nikolaev N. Yu., Akhiyarov R. A., Koshevets G. V., Olefirenko A. G. The use of artificial intelligence to analyze and improve the shooting techniques of law enforcement officers	473
Kuzmichev Yu. V., Temnyshov A. A., Karpushkin V. V. Prospects for the development of unmanned aircraft in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation	433	Panova O. S., Kolomiychenko E. V., Fomichev I. A. An integrated approach to assessing the physical fitness of employees of the Ministry of Internal Affairs: from testing to personalized programs	475
Maiseev K. S., Lobanova E. N., Ovechkin D. G. Optimization of physical training of cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: modern challenges and solutions.....	435	Pekareva V. V., Tuarmenskiy V. V. On the problem of information infrastructure education in the penal system	477
Muzafin R. R., Vyshtikalyuk V. F., Nikiforov P. V. Professional training of district police officers to act in special conditions	437	Khudoykina T. V., Koroleva V. V. Formation of legal culture of students.....	480
Nelyubin R. V., Pozdnyakov I. V., Kopylov I. A., Chaychenko D. V. Adaptation of an employee of the internal affairs bodies to professional activity in extreme conditions.....	439	Shanko V. V., Lapshin I. E. Features of the application of active teaching methods in the process of professional training of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	482
Novokhatskiy B. N., Mamaeva A. A., Shilikhin A. S. Physical training as a basis for the effectiveness of law enforcement officers.....	442	Zorina N. S. Improving the educational level of juvenile convicts as one of the conditions for successful adaptation.....	484
Sobolev A. G., Torgersen A. S., Afanaskin P. V., Budnik N. S. Psychological training of employees for the use of service weapons	444	Nikolaev N. Yu., Davletov V. I., Kuzmin S. S., Meliksetyan N. G. Innovative methods of fire training of cadets: from theory to practice	486

Panova O. S., Malyavina A. B., Bityutskikh I. V. <i>Physical training as a basis for overcoming stressful situations in the official activities of the Ministry of Internal Affairs.....</i>	488	Shayslamova M. M., Izibaeva G. M., Smyslova K. D. <i>Theological thought as a significant source for philosophical reflection.....</i>	554
PSYCHOLOGY AND LAW		Khomich N. V., Bodyak M. G. <i>The functions of convention in the construction of subjective reality (mythological aspect).....</i>	556
Taysaeva S. B., Chirkunova O. I., Kravchenko V. A. <i>The relationship between personal characteristics and the ability to self-government among participants in a special military operation.....</i>	490	Blokhin K. M. <i>The geopolitics of "Greater Eurasia" in the concepts of neo-eurasianism: opposition to atlanticism and the search for allies.....</i>	558
STATE AND LAW		Voronitsyn N. V. <i>The philosophical origins of neo-Eurasianism: from classical Eurasianism to post-soviet interpretation.....</i>	561
Korobaev D. V. <i>TRACECA project: in spite of or for the benefit of Russia.....</i>	493	Plekhanov N. A. <i>Postmodernism: the need for reflection in new socio-cultural conditions.....</i>	564
Lazovskaya A. N., Ermolina M. A. <i>Application of artificial intelligence technologies in sustainable city development.....</i>	496	Primak A. V., Vakulenko A. O., Gubina A. O., Komarov A. M., Bazhenova Z. S. <i>The evolution of conflict theory in philosophical thought: from classics to postmodernism.....</i>	566
Matveev K. S. <i>Electronic healthcare in Russia: legal framework and development prospects.....</i>	499	Shevchuk N. V. <i>Formation of the political identity of modern Russian youth.....</i>	570
Polunin S. V., German E. S., Stabrovskaya E. A., Arbuzov A. I. <i>On the historical aspects of the formation of the concept "Russian world".....</i>	502	INFORMATION FOR AUTHORS.....	573
Simonenko A. Yu. <i>Public law nature of organizations with state participation.....</i>	506		
Zubenko S. I. <i>States and civil society: a triad of new challenges.....</i>	510		
LANGUAGE AND LAW			
Karakulko M. I. <i>The concept of «everyone's right to return to their country»: linguistic and semantic interpretation.....</i>	514		
Latypova E. R., Biktin R. R., Khalilova A. M. <i>The influence of non-verbal communication on the formation of interaction.....</i>	517		
ECONOMY. LAW. SOCIETY			
Gudenkova O. I. <i>Realization of socio-cultural rights of residents of small towns.....</i>	520		
Marchenkova L. M. <i>The legal basis for ensuring economic security of the country.....</i>	522		
Radchenko E. P., Vdovina A. N. <i>The negative impact of corruption in public-private partnership procurement: problems and solutions.....</i>	524		
Korchagin E. R. <i>Architecture of the innovation project management mechanism in higher education institutions based on the concept of intra-company entrepreneurship.....</i>	527		
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY			
Andrievskaya Zh. V., Cherkasov V. V. <i>Formation of a positive image of an employee of the Investigative Committee in the public consciousness.....</i>	529		
Volkov S. N., Kovaleva S. E. <i>Life in society vs. existence in the conditions of living nature: socio-philosophical aspect.....</i>	532		
Zolotarev S. P., Yanush S. V. <i>Philosophical problems of the introduction of information technologies and cyberspace into modern human life.....</i>	537		
Kugai A. I. <i>East and west: self-assertion in the cultures of «gaining and saving face» and «regardless of face».....</i>	541		
Liu Congying <i>The Russian world in the public consciousness of Russia.....</i>	547		
Sobko R. V., Spirin V. K., Tretyakov I. S. <i>Whether traditional religions are traditional: to the question on the realization of V. V. Putin's decree of 22.11.2023.....</i>	551		

Р. Н. САЛИЕВА:

**ПРАКТИКА – ОСНОВА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ, А НАУКА СПОСОБСТВУЕТ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАКТИКИ**

Интервью с Салиевой Розой Наильевной, доктором юридических наук, профессором главным научным сотрудником Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

R. N. SALIEVA:

**PRACTICE IS THE BASIS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE, AND SCIENCE
CONTRIBUTES TO THE IMPROVEMENT OF PRACTICE**

Interview with Salieva Roza Nailjevna, Ph.D. in Law, professor, chief researcher of the Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Салиева Р. Н.

Визитная карточка

Салиева Роза Наильевна – заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса, главный научный сотрудник Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор, ученый, преподаватель, действительный член РАЕН, член комиссии по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса Ассоциации юристов России, член Российского профессорского собрания, член Палаты налоговых консультантов Российской Федерации, внештатный эксперт Министерства экологии и природных ресурсов РТ, входит в состав редакционных коллегий ведущих юридических журналов.

Образование: окончила школу № 7 г. Бугульмы (Республика Татарстан), юридический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Доктор юридических наук (2004), профессор (2007).

Научно-педагогическая деятельность: началом научно-педагогической деятельности была работа в г. Тюмени в качестве старшего преподавателя Тюменского филиала Института повышения квалификации Миннефтегазстроя, затем продолжила в должности старшего преподавателя, доцента кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, а также зав. отделом правовых проблем нефтегазового комплекса Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН. С 2005 года в связи с переездом преподает в вузах г. Казани – в Казанском государственном университете (с 2009 г. по настоящее время), в Казанском филиале Российского государственного университета правосудия (с 2017 по настоящее время), также по совместительству преподавала в Оренбургском филиале МГЮА им. О. Е. Кутафина (с 2010 г. по 2023 г.), сотрудничает с другими вузами – осуществляет руководство работой аспирантов в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова, в Казанском университете управления ТИСБИ. Основная деятельность в научной сфере – в г. Казани с 2008 г. – в должности зав. лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса и главного научного сотрудника Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

Практическая деятельность: после окончания университета работала юрисконсульт в Васильевском торге, в юротделе завода им. Серго в г. Зеленодольске, а также в Зеленодольской юридической консультации Татарстанской коллегии адвокатов. По семейным обстоятельствам переехала в г. Тюмень, где продолжила работу юрисконсульт на предприятиях Миннефтегазстроя, в администрации г. Тюмени, а также в частных юридических компаниях.

Общественная деятельность: с 2010 г. – действительный член РАЕН, в 2018 г. избрана в состав бюро Волго-Камского регионального отделения РАЕН; от РАЕН принимает участие в качестве эксперта в рецензировании работ, заявленных на 18-ую Всероссийскую научно-техническую конференцию «Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России». Участвует в организации и проведении семинаров по повышению квалификации в области недропользования, экологии работников министерств и организаций РТ; а также в экспертных работах по законопроектам и правовым вопросам недропользования, экологии и энергетического права; входила в состав экспертной группы Европейско-Азиатского правового конгресса в г. Екатеринбурге; участвует в оргкомитетах конференций и круглых столов разного уровня, в том числе международных. Принимает участие в работе диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Казанском (Приволжском) федеральном университете, участвует в работе Диссертационного совета при Санкт-Петербургском государственном университете по разовым защитами, в качестве приглашенного члена участвовала в работе диссовета Института геологии и геофизики НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика) по защите докторской диссертации на «стыке» юридических и технических наук. Входит в состав редколлегии российских юридических журналов «Государство и право», «Предпринимательское право», «Правовой энергетический форум» и других.

Профессиональные награды:

Свидетельство «Лучший ученый 2009 года» Академии наук Республики Татарстан;

в 2012 году по решению Президиума Российской академии естественных наук за фундаментальный вклад в решение правовых проблем недропользования и экологии награждена Почетной медалью Екатерины Дашковой (Решение Президиума РАН от 25.07.2012г. № 235);

– в 2014 г. решением Президиума Российской академии естественных наук награждена Почетным дипломом за научный вклад в области правового регулирования хозяйственных отношений в нефтегазовом секторе (Решение Президиума РАН от 14.01.2014г. № 249);

– в 2014 г. за существенный вклад в социально-экономическое развитие Республики Татарстан поощрена Благодарственным письмом Председателя Государственного Совета Республики Татарстан (Распоряжение о поощрении от 29.01.2014г. №49-РП);

– в 2017 году присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Республики Татарстан» (Указ Президента РТ от 23.10.2017 № УП-952).

– в 2020 году присуждена Всероссийская юридическая премия имени В.А. Мусина «За вклад в развитие энергетического права» (Решение Президиума Ассоциации юристов России от 17.11.2020г.).

За добросовестный и результативный труд имею благодарности:

Благодарность руководства юридического факультета Российско-Таджикского славянского университета за участие в развитии сотрудничества с Российско-Таджикским славянским университетом и проведение открытых лекций по вопросам реформирования гражданского законодательства и модернизации гражданского судопроизводства в Российской Федерации в рамках программы академической мобильности обучающихся, педагогических, научных работников системы образования (2015);

Благодарность Президента АН РТ (2016);

Благодарственное письмо ректора Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (2017);

Благодарственное письмо ректора К(П)ФУ (2022г.);

Благодарственное письмо директора Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (2022г.).

– **Уважаемая Роза Наильевна, с Вашего позволения начнем с выбора юридической профессии и научно-педагогической деятельности.**

– На выбор юридической профессии огромное влияние оказал мой дедушка со стороны отца, который всю свою жизнь посвятил работе следователя, имел высокие государственные награды за добросовестный труд. В моих глазах он был очень справедливым человеком, большим профессионалом. Я мечтала стать следователем, как он! Однако реалии жизни внесли свои коррективы, после того как на третьем курсе юридического факультета я прошла практику в прокуратуре под руководством профессионального следователя, поняла, что «не женское» это дело. И после третьего курса выбрала специализацию, которая именовалась тогда «Юрист в народном хозяйстве». С тех пор, фактически, моя профессиональная деятельность, и практическая, и научная, и преподавательская, так или иначе связана с работой юриста в экономической сфере.

– **А теперь расскажите, пожалуйста, о своей практической деятельности.**

– Моя профессиональная деятельность началась после окончания третьего курса юридического факультета в должности юрисконсульта торговой организации, когда я совмещала работу и учебу. Основная мотивация была – помочь родителям. С первых дней работы по специальности усвоила основное профессиональное правило – всегда относиться ответственно к тому, что делаешь и в любой ситуации поступать справедливо. В то время юрисконсульт предприятия или организации назначался на должность и освобождался от должности руководителем с последующим утверждением вышестоящим органом. На юрисконсульта возлагалась ответственность за соответствие действующему законодательству визируемых им проектов приказов, инструкций, положений, постановлений, решений, распоряжений и других документов правового характера (действовало специальное постановление Совмина «Об утверждении Общего поло-

жения о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения»).

С молодых лет с полной ответственностью старалась выполнять все возложенные на юрисконсульта обязанности: это и согласование различных локальных документов, это и консультирование по самым разнообразным правовым вопросам, это и подготовка претензионных и судебных материалов, это и представительство в судах, в прокуратуре и в других организациях.

Работа для меня была интересной и многогранной. Были, конечно, и неудачи, особенно на первых порах. Например, досадно было проиграть дело в арбитраже из-за того, что специалист, оформивший документы по приемке товара от транспортной организации на оборотной стороне транспортной накладной не проставил на месте приемки товара – должность лица, выдавшего груз на станции назначения. Оказывается, такое требование было прописано в Правилах перевозки грузов железнодорожным транспортом. Практические навыки, полученные в начале профессиональной деятельности, всегда помогали в последующей работе юрисконсультом в разных областях экономики: и в юрисконсульте производственного предприятия, и в организациях объединения «Сибнефтекомплектмонтаж» в г. Тюмени, а также в юридической компании, оказывающей услуги по правовым вопросам. В тот период был накоплен значительный практический опыт.

– **Уважаемый профессор, пожалуйста, поделитесь как началась Ваша преподавательская деятельность?**

– Можно сказать, что сама жизнь привела к преподавательской работе в то время, когда возникла необходимость побольше уделять времени сыну, особенно в дошкольный период. В самом начале в должности старшего преподавателя Тюменского филиала института повышения квалификации Миннефтегазстроя в г. Тюмени преподавала правовые дис-

циплины на курсах повышения квалификации для работников нефтегазовой отрасли. Ранее полученный практический опыт юриста в преподавательской работе в институте повышения квалификации также пригодился.

А после защиты кандидатской диссертации начала преподавать на юридическом факультете Тюменского государственного университета. Основная дисциплина была «Гражданское право». В тот период мной было подготовлено и издано учебное пособие по гражданскому праву в 2-х частях с тестовыми заданиями и приложением схем по каждой теме. При этом не оставляла и практическую работу: представляла интересы организаций в судах по экономическим спорам, консультировала, составляла правовые заключения и т.п.

На определенном жизненном этапе переехала в Казань. Преподавательскую работу здесь продолжила по гражданскому, предпринимательскому праву, а также преподавала в Казанском федеральном университете горное право. Это достаточно эксклюзивная дисциплина, она была разработана по материалам моих диссертационных исследований, и первое время преподавалась в Тюменском нефтегазовом университете. Был подготовлен и издан учебник «Горное право» с грифом УМО. Также было подготовлено учебное пособие «Правовое регулирование хозяйственных (предпринимательских) отношений в топливно-энергетическом комплексе» с грифом УМО. Данная дисциплина была включена в магистерскую программу «Право природопользования и энергетика» в Казанском федеральном университете.

– Вы – очень авторитетный практик, но и заслуженный ученый. Читателей Евразийского юридического журнала, не может не заинтересовать Ваша научно-исследовательская работа.

– Наука меня увлекла серьезно и навсегда. Наука — это увлекательная сфера человеческой деятельности, которая направлена на выработку и систематизацию объективных знаний о разных сферах окружающей действительности. Погрузившись однажды в научный процесс сбора фактов в определенной сфере правового регулирования, их постоянного обновления, систематизации и критического анализа, достаточно сложно из этого процесса выйти. Фактически, в результате исследовательской работы получаются новые знания, которые помогают объяснить те или иные общественные явления, выявить причинно-следственные связи, обосновать предложения по развитию правового регулирования. Научная сфера деятельности для меня оказалась основной.

Сложилось так, что научно-исследовательская работа выполнялась наряду с практической и преподавательской. Фактически, всегда была взаимосвязь между практической деятельностью и научной, практика была основой научных идей, а наука способствовала совершенствованию практики. Началом научно-исследовательской работы можно считать составление правовых заключений по правовым вопросам, возникающим в процессе экономической деятельности организаций. Одно из таких первых заключений запомнилось тем, что оно было связано с вопросами об авторских правах работников научно-исследовательского института на результаты научных разработок. Были даны рекомендации о необходимости разработки локальных документов, регламентирующих взаимоотношения между научно-исследовательской организацией и научными сотрудниками.

В период активной практической деятельности пришло понимание того, что необходимо защитить кандидатскую диссертацию. В то время можно было прикрепиться к кафедре вуза в качестве соискателя. Я прикрепилась к кафедре в Тюменском государственном университете, научным руководителем был доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН - М. И. Клеандров.

– Могли бы рассказать о Михаиле Ивановиче Клеандрове, чье имя в юридических кругах всегда на слуху...

– Да, мне повезло, что в 1989 году Михаил Иванович переехал в г. Тюмень и первое время был заведующим кафедрой в Тюменском государственном университете на юридическом факультете. Вместе с ним появилась уникальная возможность прикрепиться на кафедре в качестве соискателя, и научным руководителем при этом был профессор, доктор юридических наук. Он не только профессионал, но и человек, который дарит веру в себя и свои возможности. Под его руководством у меня появились навыки самостоятельной научной работы. Как наставник он не только умело передал теоретический багаж знаний по предпринимательскому (хозяйственному) праву, также его огромный практический опыт, профессиональные навыки, которыми он располагал и передавал в общении, были очень ценны, т.к. помогали понять, как ставить перед собой научные цели, эффективно организовать исследовательский и рабочий процессы и находить решения даже в самых сложных правовых ситуациях.

Для тех, кто стоит перед выбором темы научного исследования, порекомендовала бы работу М. И. Клеандрова – «Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя, выбор и разработка темы» (М., 2003; 3-е изд. 2007). Несомненно, Михаил Иванович не только прекрасный наставник, он также великолепный юрист-профессионал – в середине 90-х годов – судья Экономического суда СНГ; с 1995 по 2003 год — председатель Арбитражного суда Тюменской области; в 2003 году был назначен судьей Конституционного суда РФ. В настоящее время судья Конституционного суда РФ в отставке, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН и можно перечислять еще много.

– Что же повлияло на выбор темы Вашего научного исследования?

– Скорее на это повлияли результаты моей практической работы, и научный интерес к проблемам правового регулирования отношений собственности в сфере природопользования.

В процессе практической деятельности становилось понятным, что правовые нормы по недропользованию разрознены, часто не согласованы и не обеспечивают должного правового регулирования. В результате подготовки и оформления научной работы, благодаря поддержке и научного руководителя, и коллег, и моих родных защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Правовое регулирование отношений собственности в сфере поиска, разведки и добычи минерального сырья в Российской Федерации (на примере нефти и газа)» в диссертационном совете Уральской государственной юридической академии (сейчас это Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева) по научной специальности, которая в тот период времени была утверждена 12.00.04 - предпринимательское право; арбитражный процесс.

Основной целью работы являлось определение направлений совершенствования механизма правового регулирования отношений собственности в сфере поиска, разведки и добычи природных ресурсов из недр (нефти и газа). Эта сфера общественных отношений была и остается одной из наиболее важных, требующих системного правового регулирования. В связи с этим те проблемы правового регулирования, которые были обозначены в работе, и те направления совершенствования законодательного обеспечения, которые предлагались, в определенной мере остаются и в современных реалиях, и требуют исследования и соответствующего обоснования и разработки предложений с учетом современных социальных, политических, экономических и других условий.

Одним из направлений совершенствования законодательства было определено, в частности, что необходимо установление специального правового режима в отношении геологической информации как специфичного объекта правоотношений, а также установление порядка использования в хозяйственном обороте информации о недрах, полученной как за счет государственных средств, так и за счет средств недропользователя, об определении концептуальных положений о единой информационной системе Российской Федерации. Сейчас с учетом внесенных изменений в ст. 27 Закона «О недрах» правовой режим геологической информации в достаточной мере определен. Вместе с тем проблемы правового регулирования в сфере недропользования остаются.

– Уважаемая Роза Наильевна не могли бы подробнее рассказать о своей докторской диссертации.

– В развитие выше обозначенной темы мной была также подготовлена докторская диссертация по теме «Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики», которая была защищена в диссертационном совете Казанского федерального университета по научной специальности 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. В работе исследовались различные аспекты предпринимательской деятельности субъектов нефтегазового комплекса. При этом предпринята попытка на основе изучения системы предпринимательских (хозяйственных) отношений в нефтегазовом секторе экономики и системы нефтегазового законодательства и сопоставления правовых норм и предпринимательских отношений раскрыть механизмы взаимодействия норм, правовых институтов, отраслей права, а также выявить возможности права в обеспечении развития предпринимательства и соответственно обозначить направления развития правового регулирования.

Было предложено, в частности, разработать и принять Программу правового обеспечения энергетической стратегии, основной целью которой является определение рамок и направлений системного и комплексного правового обеспечения нефтегазового сектора как хозяйственной системы. В структуру Программы предлагалось включить блок взаимосвязанных законов и подзаконных нормативных актов, регламентирующих правовое положение естественных монополий в рамках общей стратегии развития нефтегазового сектора ТЭК, в частности, законы «О тарифной политике на продукцию (услуги) естественных монополий в ТЭК», «О государственном контроле в сфере естественных монополий». Формирование законодательных актов должно идти в направлении сближения с нормами международного эконо-

мического права в части регламентации правового статуса транснациональных компаний и т.д.

Данное направление правовых исследований остается актуальным, научный и практический интерес сохранился до настоящего времени.

– В какой форме сейчас осуществляется Ваша научная деятельность?

– В настоящее время являюсь главным научным сотрудником и зав. лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (далее – Институт). Институт был создан в 2008 году. Его предшественником был Отдел водохозяйственных проблем Казанского филиала Академии наук СССР, созданный в 1946 году, преобразованный ранее в Институт экологии природных систем Академии наук Республики Татарстан (ИНЭПС АН РТ (1993 г.)). Как видно из названия Института основными направлениями научных исследований являются естественно-научные, в частности, фундаментальные и прикладные исследования наземных и водных экосистем; разработка научных и практических основ экологического мониторинга, эколого-аналитического контроля и нормирования; формирование республиканской автоматизированной базы данных экологической информации для оперативного и перспективного решения экологических задач; работы по совершенствованию системы особо охраняемых природных территорий Татарстана; научное обоснование выявления новых залежей и месторождений углеводородного сырья.

Для меня важно, что к основным научным направлениям Института также отнесены научно-исследовательские и аналитические работы по правовым проблемам в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды и соответственно в структуре института с 2008 года создана лаборатория правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса (далее – лаборатория).

– Какие научные исследования осуществляются в Институте в рамках научно-исследовательских и аналитических работ по правовым проблемам?

– Как и в любой научно-исследовательской организации исследовательская работа проводится в соответствии с планами научно-исследовательских работ (НИР) в рамках госзадания. Так, например, в 2024 г. в соответствии с государственным заданием Института проводилась исследовательская работа по теме «Научное обоснование и разработка теоретических основ обеспечения нормативного правового регулирования отношений в сфере природопользования, охраны окружающей среды, недропользования, а также отношений, складывающихся между организациями топливно-энергетического комплекса и государством и другими участниками».

В соответствии с планом проведены исследования по вопросам - совершенствования правового регулирования в области энергетических отношений; по нормативному обеспечению развития инноваций и технологий; правовой основы экономического стимулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды.

Так, в области энергетических отношений на основе анализа нормативных правовых актов в сфере регулирования деятельности малых нефтегазовых компаний, а также

статистических данных, правоприменительной практики, было обосновано и предложено на уровне Минэнерго России подготовить организационно-правовую модель регулирования «Поддержка малого и среднего предпринимательства в нефтегазовой отрасли» (далее — Модель). В такой Модели можно изложить как критерии отнесения к субъектам МСП в нефтегазовой отрасли, так и основные виды поддержки субъектов МСП в нефтегазовой отрасли с учетом особенности осуществления хозяйственной деятельности.

В Модели могут быть отражены такие направления, как:

- определение полномочий министерства в сфере поддержки и развития субъектов МСП в нефтяной отрасли;
- реализация мер, направленных на обучение субъектов МСП;
- организация оказания финансовой поддержки субъектам МСП;
- организация оказания инфраструктурной поддержки субъектам МСП;
- организация оказания имущественной поддержки субъектам МСП;
- формирование системы налоговых льгот для субъектов МСП.

Также на основе анализа материалов правоприменительной практики было обосновано, что в целях разъяснения порядка применения положений о некондиционных запасах представляется необходимым на уровне Роснедр разработать и принять Методические рекомендации по подготовке и рассмотрению материалов, связанных с отнесением запасов нефти к некондиционным запасам (остаточным запасам пониженного качества).

Эти и другие предложения докладывались на конференциях, опубликованы в виде параграфа в монографии: Салиева Р. Н. Организационно-правовые механизмы поддержки субъектов малого предпринимательства в нефтегазовой отрасли экономики. /Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки: монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Романовой. — М.: Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», 2024. - С. 125-141.

Актуальными сейчас являются вопросы обеспечения технологического суверенитета. В связи с этим был проведен анализ нормативных документов по законодательному обеспечению в этой сфере. Сформулированы отдельные предложения. В частности, предлагается при подготовке изменений и дополнений в законодательство, регламентирующее отношения в области реализации технологической политики, исходить из целесообразности включения полномочий по реализации государственной технологической политики, государственной научно-технической политики в положения соответствующих министерств и ведомств, обеспечивающих реализацию технологической политики в отраслях топливно-энергетического комплекса. Представляется, что такой подход определения полномочий органов управления по реализации технологической политики будет способствовать целенаправленной единообразной реализации технологической политики в отраслях топливно-энергетического комплекса. По вопросам правового обеспечения технологического суверенитета, создания и использования больших

данных в ТЭК выводы докладывались на конференциях, опубликованы в рецензируемых изданиях, в сборниках материалов конференций (например, Салиева Р. Н. Правовое обеспечение реализации технологической политики в отраслях топливно-энергетического комплекса // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2024: сборник материалов / Сост.: Р. Ш. Ахмадиева, Р. Н. Минниханов; Под общей ред. член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д-ра техн. наук, проф. Р. Н. Минниханова. – Казань: ОСП «НЦБЖД АН РТ», 2024. – Ч. 1. - С. 408 - 411 и др.).

– Уважаемый профессор, какие-то Ваши предложения, разработанные в рамках научной деятельности, были внедрены?

– Внедрение - это самый сложный этап научно-исследовательской работы. Основная сфера внедрения – это, конечно, научная и образовательная деятельность: на основе научных результатов разработаны и внедрены в образовательный процесс спецкурсы в 2008 г. – «Горное право», в 2012 г. – «Правовое регулирование хозяйственных (предпринимательских) отношений в топливно-энергетическом комплексе», которые преподавались на юридическом факультете Казанского (Приволжского) федерального университета при подготовке бакалавров и магистров. Также подготовлены учебные пособия «Право природопользования и энергетика» «Правовое регулирование в энергетике» и другие. На основе диссертационных исследований изданы монографии «Правовое регулирование отношений собственности в сфере поиска, разведки и добычи минерального сырья в Российской Федерации (на примере нефти и газа)» / Р. Н. Миргазизова; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т криосферы земли. - Новосибирск: Наука, 2000. – 173 с.; Салиева Р. Н., Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики // 2001., изд-во: Наука., город: Новосибирск., 228 с.; глава «Российское горное право» в книге «Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование» // Handbuch zum deutsch-russischen Energierecht. Handbuch 2010. XXXV, 877 S. In Leinen C. H. Beck ISBN 978-3-406-60476-8 Erschienen: 2010. - С. 302-366 и др. Всего опубликовано более 300 научных работ.

Отдельные предложения обсуждались в рамках доработки проекта федерального закона «О внесении изменений в ст. 49, 51 Градостроительного кодекса РФ» в составе рабочей группы Госсовета Республики Татарстан; участвовала также в подготовке заключений по проектам Закона о внесении изменений в Закон РФ «О недрах», «О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли Российской Федерации», в подготовке правовых заключений по запросам КМ Республики Татарстан, в подготовке методических рекомендаций по разработке месторождений песчано-гравийных пород.

– Как, на ваш взгляд, можно повысить эффективность внедрения научных результатов?

– Очевидно, что ни одно исследование не будет считаться завершенным без внедрения результатов на практике. Как показывает опыт, основные сферы внедрения результатов правовых научных исследований – это научная и образовательная.

Любое научное исследование направлено на решение актуальной теоретической или практической проблемы. Обязательной частью научной работы является прогнози-

рование результатов и возможностей их дальнейшего применения. Проверяются актуальность работы, и возможность реализации результатов в рамках публикаций, докладов на различных научных мероприятиях. Наиболее результативными с точки зрения внедрения являются научные исследования, которые проводятся в рамках договоров, заключаемых с организациями, в соответствии с техническими заданиями к договорам по темам, которые востребованы в практическом плане. С моей точки зрения, в области правовых исследований преобладающим является опосредованный способ внедрения, когда осуществляется подробное описание по исследуемым проблемам, а также осуществляется создание различных моделей, обосновываются прогнозы. Так осуществляется обоснование предложений по совершенствованию законодательства, по преодолению выявленных пробелов в правовом регулировании изучаемых отношений. трудно оценить количественными критериями эффективности. В отношении правовых исследований и результатов их внедрения, «измерить» эффективность затруднительно, оценивать можно с точки зрения новизны, которая может быть положена в основу дальнейших исследований, а также публикации в ведущих журналах, издание монографий, цитируемость.

– А какие направления исследований по правовым проблемам в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды имеют практическое значение в современных условиях?

– Исходя из нашего опыта можно отметить такие направления, как:

– правовое регулирование в области охраны окружающей среды при освоении месторождений полезных ископаемых;

– анализ законодательной базы по правовому положению малых нефтяных компаний;

– научное обоснование и разработка предложений по законодательному обеспечению в сфере разработки месторождений, содержащих трудноизвлекаемые запасы полезных ископаемых;

– научное обоснование и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования нефтяной отрасли в современных условиях ухудшения качества остаточных и вновь открываемых запасов нефти и другие.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р (ред. от 22.07.2024) «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы)» в Перечень приоритетных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021-2030 годы включены, в частности:

– в области экологического права: развитие правовых основ внедрения экологически чистых (наилучших доступных) технологий в энергетической сфере; рациональное природопользование как элемент обеспечения экологической и продовольственной безопасности;

– в области горного права: создание правовых основ стимулирования разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, в том числе углеводородного сырья;

– в области правового регулирования наукоемких технологий: создание правовых основ стимулирования развития добывающей и обрабатывающей отраслей промышленности.

– Какие интересные, на Ваш взгляд, проекты были реализованы?

– Все темы, по которым проводились и проводятся исследования, на мой взгляд, актуальны и интересны. Достаточная большая работа была выполнена

по теме: «Научное обоснование и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования нефтяной отрасли в современных условиях ухудшения качества остаточных и вновь открываемых запасов нефти». Был проведен анализ теоретических основ, состояния нормативного правового регулирования и правоприменения в области правового регулирования в нефтяной отрасли в современных условиях ухудшения качества остаточных и вновь открываемых запасов нефти, в результате обоснованы выводы о необходимости разработки в законодательстве о недрах единого терминологического (понятийного) аппарата в целях эффективного регулирования отношений в сфере разработки нефтяных месторождений, а также о целесообразности регламентации технологического процесса извлечения из недр углеводородного сырья, доведения его до соответствующего качества. Анализ практики также показал, что необходимо совершенствование законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в котором не учитываются положения законодательства Российской Федерации о недрах; а также о целесообразности регламентации технологического процесса извлечения из недр углеводородного сырья, доведения его до соответствующего качества, стандартизации методов исследований и технологических процессов, связанных с геологическим изучением и охраной недр, поиском, разведкой, разработкой и мониторингом состояния недр, а также оценкой извлекаемого и оставляемого в недрах сырья.

Интересной была работа по договору об оказании консультационных услуг для налогового органа по вопросам определения объекта налогообложения по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ) согласно п. 3 статьи 337 НК РФ, в частности, возникали вопросы о том, являются ли понятия «нефть стабильная» и «нефть стабилизированная» равнозначными; может ли нефть нестабильная, доведенная до стандарта, самостоятельно разработанной организацией, являться добытым полезным ископаемым для целей обложения НДПИ. Основные выводы заключались в том, что полезным ископаемым, согласно подпункта третьего пункта второй статьи 337 Налогового кодекса РФ, является только углеводородное сырье, а именно нефть, прошедшая процессы обезвоживания, обессоливания и стабилизации. Нестабильная нефть имеет неустойчивое с физико-химической точки зрения состояние, характеризуется повышенной взрывоопасностью, вызванной давлением насыщенных паров. В таком состоянии, т.е. без дальнейших операций по переработке, которыми может являться стабилизация (на спорных месторождениях нефть не стабилизировалась). Нестабильная нефть не может служить конечным товарным продуктом, хотя и определена законодателем как вид добытого полезного ископаемого, т.е. для конечного потребления данный вид полезного ископаемого должен быть подвергнут дальнейшей переработке.

– Какую еще важную тему можете выделить в своей научно-исследовательской деятельности?

– Пожалуй, можно речь повести об научном изыскании в рамках госзадания в 2019 г.: «Проработка теоретических основ обеспечения нормативного правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды». Объектом исследования были определены общественные отношения в сфере: а) охраны окружающей среды в части ликвидации последствий накопленного экологического ущерба окружающей среде от экономической (хозяйственной) деятельности организаций топливно-энергетического комплекса, б) защиты прав участников энергетических отношений и в) государственного регулирования недропользования и использования природных ресурсов, включая энергетические. В частности, был сформулирован вывод о целесообразности разработки и принятия на уровне субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления соответствующего Регламента о порядке выявления объектов накопленного экологического вреда от прошлой хозяйственной деятельности и их паспортизации для включения в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде. На основе анализа современного экологического законодательства и изучения данных об экологическом состоянии Волжского бассейна обоснована необходимость комплексного (интегративного) подхода к решению проблем сохранения и оздоровления Волги, в т.ч. ликвидации накопленного экологического вреда.

Были также проведены работы по вопросам перехода к низкоуглеродной экономике. Результаты докладывались на нескольких международных конференциях, на совещаниях в Минэкологии РТ: целесообразно развитие регионального и отраслевого регулирования, в частности, согласно п. 42 Климатической доктрины предусмотрена возможность разработки региональных и муниципальных программ устойчивого развития, в которых целесообразно обеспечить решение задач, связанных с изменениями климата.

– Вы можете привести примеры последних актуальных исследований?

– Да, отметила бы одно из последних исследований по правовому положению малых технологических компаний. Законодательно установлены меры стимулирования деятельности малых технологических компаний. В рамках реформы налогового законодательства предусмотрены меры поддержки малых технологических компаний, которые будут применяться с 1 января 2025 года. Так, согласно п. 1.8-5 ст. 284 НК РФ для налогоплательщиков - российских организаций, включенных в реестр малых технологических компаний субъектами Российской Федерации в 2025 - 2030 годах, может устанавливаться пониженная налоговая ставка по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации. Об установлении льготы принимается Закон субъекта Российской Федерации. Законом субъекта Российской Федерации могут устанавливаться различные размеры пониженных налоговых ставок в зависимости от отнесения налогоплательщика к соответствующему виду малых технологических компаний, дополнительные условия для применения этих ставок, а также дополнительные требования к таким налогоплательщикам. Фактически, появилась возможность реализации данных положений на региональном уровне.

– Получаете ли грантовую поддержку научных исследований по проблемам правового регулирования в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды?

– Периодически подаем заявки в разные научные фонды, и в большей части заявки остаются без поддержки. Наиболее успешной оказалась заявка, которая была подана Оренбургским филиалом МГЮА по теме «Научное обоснование и разработка модели правового регулирования научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в рамках единой научно-технической политики». Мы участвовали в качестве соисполнителей. Исследование выполнялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15034. Основными результатами по данной теме наряду с научными отчетами было издание монографии «Модель правового регулирования научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в рамках единой научно-технической политики». В монографии, на основе анализа теоретических положений международного права, раскрыто понятие научно-технического сотрудничества в условиях евразийской интеграции, определены роль и значение такого сотрудничества. Изложены общие правовые основы научно-технического сотрудничества РФ и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в процессе анализа норм специального законодательства, регламентирующего научную и научно-техническую деятельность, а также межгосударственных соглашений стран СНГ и ЕАЭС, решений соответствующих комиссий объединений по вопросам научно-технического сотрудничества. Для формирования модели правового регулирования научно-технического сотрудничества важно было определить приоритетные направления научно-технического сотрудничества РФ и стран СНГ, ЕАЭС. К таким направлениям целесообразно отнести: экологический мониторинг в сфере хозяйственной деятельности организаций ТЭК (мониторинг за состоянием атмосферного воздуха, недр, водных объектов, земель; лесов); энергоэффективность и энергосбережение; обеспечение экологической и энергетической безопасности; исследования о влиянии на состояние окружающей среды и здоровье человека неблагоприятных последствий хозяйственной деятельности организаций ТЭК и мерах снижения таких неблагоприятных последствий на окружающую среду, проблемы организации мероприятий по рекультивации нарушенных земель и установлению нормативов допустимого остаточного содержания нефти и нефтепродуктов в почвах, донных отложениях; модернизацию устаревших регламентов и стандартов, устанавливающих требования к использованию природных ресурсов, безопасности продукции (услуг) для экологии и здоровья населения, а также гармонизацию российских стандартов с международными. Кроме того, выявлено, что целесообразным является повышение эффективности прикладной науки, создание целостной системы взаимодействия науки и бизнеса и инновационных структур в отраслях ТЭК.

– Осуществляется ли международное сотрудничество по научным направлениям, которые реализуются в Институте?

– Да, по ряду научных направлений в Институте осуществляется международное сотрудничество.

С целью распространения опыта по практической реализации основных принципов, заложенных в «Хартии Земли» в 2013 году на базе Института была создана кафедра ЮНЕСКО, заведующий кафедрой: директор Института доктор химических наук Р. Р. Шагидуллин. Работа кафедры организована по следующим направлениям:

- Экологическое образование и воспитание;
- Экологические инициативы;
- Природоохранное законодательство и защита прав людей на благоприятную окружающую среду;
- Экологические ценности, традиции и институты;
- Всемирное природное и культурное наследие;
- Рациональное использование и охрана природных ресурсов;
- Возобновляемые источники энергии;
- Органическая продукция;
- Международное сотрудничество в сфере устойчивого развития.

Кроме того, сотрудничество осуществляется с Институтом энергетики Национальной академии наук Беларуси. Так, с 1 по 4 октября 2024 г. в г. Минске приняли участие в работе III Международной научной конференции «Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и перспективы», соорганизаторами которой наряду с другими организациями выступил также Институт. На открытии III Международной научной конференции 1 октября 2024 г. с приветствиями выступил Первый заместитель Председателя Президиума НАН Беларуси С. А. Чижик. От Академии наук Республики Татарстан с приветственным словом выступил Президент Академии наук РТ Р. Н. Минниханов, который отметил важность долгосрочных стратегических партнерских отношений в целях наиболее эффективного использования научного, производственного, инновационного потенциала двух академий, достижения максимального синергетического эффекта от координации деятельности и интеграции интеллектуальных ресурсов. На конференции участвовала в качестве модератора секции «Экономико-правовое регулирование в энергетике», на которой обсуждались отдельные вопросы развития энергетического законодательства: общий вектор энергетического развития Беларуси и России; методы государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий в сфере энергетики; договорные конструкции для современных энергетических рынков; правовое обеспечение экологической безопасности энергетики; правовое регулирование возобновляемой энергетики; особенности регулирования и практики строительства энергетических объектов иностранными компаниями в Республике Беларусь. В дискуссии представителями научных организаций, энергетических компаний обсуждались актуальные для энергетической сферы вопросы тарифообразования в сфере деятельности субъектов естественных монополий, обеспечения энергетической, экологической и других видов безопасности, защиты прав участников. По результатам конференции подготовлен и издан сборник материалов «Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и пер-

спективы: сб. докл. III Междунар. науч. конф. (Минск, 1-4 окт. 2024 г.) / Под ред. Т. Г. Зориной. – Минск: Беларус. навука, 2025. – 685 с. Также совместно с Институтом энергетики НАН Беларуси и ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет» организуем и проводим в рамках Татарстанского энергетического форума круглые столы по теме «Экономико-правовое регулирование в энергетике». В этом году мероприятие пройдет 2 апреля по теме «Экономические и правовые основы и механизмы формирования и применения свободных и регулируемых цен в отраслях ТЭК в России и Беларуси, в государствах ЕАЭС, СНГ». Приглашаем к участию!

– Могли бы Вы коротко сказать о планах и перспективах дальнейшего развития?

– В планах - дальнейшая работа по утвержденным планам НИР, подготовка собственных кадров в рамках аспирантуры, которая открыта в Академии наук РТ, в перспективе - обновление тематики исследований, особенно по проблемам в сфере недропользования; дальнейшее развитие международного сотрудничества, в частности, в этом году согласовали план о сотрудничестве с одним из вузов Республики Таджикистан; подготовка и издание монографий по результатам исследований.

– Уважаемая Роза Наильевна, что бы Вы хотели пожелать сотрудникам редакции, авторам и читателям Евразийского юридического журнала?

– От всей души хочу пожелать всем сотрудникам редакции, авторам и читателям журнала мира, добра, счастья, радости в каждом дне и, конечно, крепкого здоровья!

Уверена, двухсотый номер вашего издания, который только что выпустили, без лишних слов свидетельствует о беспрецедентных успехах редакционного коллектива¹. От души желаю дальнейшего повышения научно-практического авторитета Евразийского юридического журнала в российском и мировом юридическом сообществе.

Интервью брал:

**Фархутдинов
Инсур Забирович,**
доктор юридических наук,
главный редактор Евразийского
юридического журнала

¹ Нечевин Д. К., Фархутдинов И. З. Вышел двухсотый номер ЕвразЮж// Евразийский юридический журнал. 1(200), 2025. С. 14.

ИДЕЛЬБАЕВА Гульфия Ишбулдовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Института права, Уфимского университета науки и технологий

МОРОЗОВА Светлана Александровна

студент, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ВНУТРЕНнюю БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается влияние глобальных конфликтов на внутреннюю безопасность государства. Анализируются основные угрозы, возникающие в результате международных кризисов и вооружённых конфликтов, включая усиление терроризма, экстремизма, миграционных кризисов и экономической нестабильности. Исследуются механизмы, через которые внешние факторы проникают во внутренние системы безопасности государства, а также роль глобализации и современных технологий в распространении этих угроз. Авторами предложены рекомендации по усилению национальной безопасности в условиях растущей нестабильности на международной арене, с акцентом на интеграцию внутренних и внешних стратегий безопасности.

Keywords: международные отношения, внутренняя безопасность государства, экономическая нестабильность, косвенные каналы, кибербезопасность, киберугрозы, комплексный подход.

IDELBAEVA Gulfiya Ishbuldovna

Ph.D. in Law, associate professor of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

MOROZOVA Svetlana Alexandrovna

student, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

IMPACT OF GLOBAL CONFLICTS ON THE INTERNAL SECURITY OF THE STATE

The article examines the impact of global conflicts on the internal security of the state. It analyzes the main threats arising from international crises and armed conflicts, including the rise of terrorism, extremism, migration crises and economic instability. It examines the mechanisms through which external factors penetrate the internal security systems of the state, as well as the role of globalization and modern technologies in the spread of these threats. The author offers recommendations for strengthening national security in the context of growing instability in the international arena, with an emphasis on the integration of internal and external security strategies.

Keywords: international relations, internal security of the state, economic instability, indirect channels, cybersecurity, cyber threats, comprehensive approach.

В современных международных отношениях глобальные конфликты оказывают всё более значительное влияние на внутреннюю безопасность государств. Транснациональные угрозы, такие как терроризм, миграционные кризисы, киберпреступность и экономическая нестабильность, усиливаются в условиях глобальных конфликтов, что требует от государств пересмотра своей внутренней политики безопасности [1]. В этой статье исследуются механизмы воздействия глобальных конфликтов на внутреннюю безопасность и предлагаются стратегии адаптации национальных систем безопасности к изменяющимся условиям международной обстановки.

1. Понятие глобальных конфликтов и их характеристика.

Глобальные конфликты представляют собой международные кризисы или войны, охватывающие сразу несколько стран или регионов и оказывающие влияние на международную систему в целом. Эти конфликты могут включать традиционные межгосударственные войны, гражданские войны с международным участием, а также различные формы гибридных и асимметричных конфликтов [2].

Одним из ключевых признаков глобальных конфликтов является их способность распространять угрозы за пределы непосредственно вовлечённых стран. Конфликты в Сирии и Ираке, гражданская война в Ливии и вооружённые действия на востоке Украины являются яркими примерами того, как

локальные кризисы перерастают в глобальные проблемы, затрагивающие внутреннюю безопасность многих государств.

2. Основные угрозы для внутренней безопасности в условиях глобальных конфликтов.

Влияние глобальных конфликтов на внутреннюю безопасность государства проявляется в нескольких ключевых направлениях:

1. Рост терроризма и экстремизма. Глобальные конфликты, такие как война, против террористических организаций, способствуют радикализации отдельных групп населения и росту экстремистских движений. Например, после начала вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке многие террористические организации, такие как ИГИЛ, использовали обострение конфликтов для вербовки новых участников по всему миру.

2. Миграционные кризисы. Глобальные конфликты часто приводят к масштабным миграционным потокам. Беженцы, покидающие охваченные войной страны, создают не только гуманитарные, но и социальные и экономические вызовы для государств, принимающих мигрантов. Поток мигрантов может привести к социальной напряжённости, росту преступности и обострению этнических конфликтов.

3. Киберугрозы и информационные войны. Современные глобальные конфликты всё чаще включают элементы кибервойн и информационных атак, направленных на подрыв стабильности государств. Атаки на государственные и част-

ные информационные системы, распространение дезинформации и использование социальных сетей для политической манипуляции создают новые вызовы для внутренних служб безопасности.

4. Экономическая нестабильность. Глобальные конфликты влияют на экономическую стабильность стран через колебания на мировых рынках, разрушение цепочек поставок и снижение доверия инвесторов. Это может приводить к финансовым кризисам, росту безработицы и бедности, что в свою очередь усиливает социальное недовольство и внутреннюю дестабилизацию.

3. Механизмы влияния глобальных конфликтов на внутреннюю безопасность [3].

Глобальные конфликты воздействуют на внутреннюю безопасность через различные каналы, которые можно разделить на прямые и косвенные.

1. Прямые каналы включают воздействие на внутренние системы безопасности через участие государства в международных вооружённых конфликтах. Например, участие стран в военных операциях за границей может повысить угрозу террористических атак внутри страны, как это произошло с рядом западных стран, участвующих в военных действиях на Ближнем Востоке.

2. Косвенные каналы включают внутренние последствия международных экономических санкций, колебаний цен на сырьё и изменение политической обстановки в регионе. Например, санкции против государства, участвующего в глобальном конфликте, могут оказать давление на его экономику, что приведёт к росту внутренней напряжённости.

4. Адаптация национальных систем безопасности в условиях глобальных конфликтов.

Для эффективного противодействия угрозам, связанным с глобальными конфликтами, государствам необходимо адаптировать свои системы безопасности к новым вызовам. Ниже приведены ключевые стратегии, которые могут быть применены для укрепления внутренней безопасности в условиях глобальных конфликтов [4]:

1. Международное сотрудничество. В условиях глобализации борьба с транснациональными угрозами требует активного взаимодействия между странами. Совместные усилия по борьбе с терроризмом, обмен информацией о киберугрозах и совместные миграционные политики способствуют более эффективному противодействию глобальным вызовам.

2. Укрепление национальной кибербезопасности. Государствам необходимо инвестировать в развитие технологий для защиты критической инфраструктуры и систем от кибератак. Создание специализированных подразделений по кибербезопасности и активное участие в международных киберсотрудничествах помогут минимизировать угрозы, связанные с кибервойнами.

3. Развитие программ интеграции мигрантов. Для минимизации негативных последствий миграционных кризисов необходимо внедрение программ социальной адаптации и интеграции мигрантов, что способствует снижению социальной напряжённости и предотвращению возможных этнических конфликтов.

4. Обеспечение экономической стабильности. Важно развивать экономические механизмы, способные защитить страну от последствий глобальных конфликтов. Сюда входят создание стратегических резервов, диверсификация экономики и развитие мер по предотвращению экономических

кризисов, вызванных международными санкциями или колебаниями мировых рынков.

Глобальные конфликты оказывают значительное влияние на внутреннюю безопасность государств, создавая новые вызовы в виде терроризма, миграционных кризисов, киберугроз и экономической нестабильности [5]. Для успешного противодействия этим угрозам государствам необходимо адаптировать свои системы безопасности к изменяющейся международной обстановке. Международное сотрудничество, кибербезопасность, интеграция мигрантов и экономическая стабильность являются ключевыми элементами успешной стратегии по обеспечению внутренней безопасности в условиях глобальных конфликтов [6].

Только комплексный подход, сочетающий как внутренние, так и внешние меры, способен минимизировать риски и обеспечить стабильность государства в условиях глобальных вызовов.

Пристатейный библиографический список

1. Мамаева Л. Н., Лазарева В. А., Рыбакова К. С., Кирихина М. В. Безопасность финансовой системы в рамках появления криптовалюты // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 1 (30). – С. 53-56.
2. Сухаренко А. Н. Противодействие транснациональной организованной преступности в России: состояние и проблемы // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 2. – С. 17-21.
3. Старцев Г. В. Проблемы экономической безопасности в условиях современной террористической активности // Угрозы и безопасность. – 2011. – № 15 (108). – С. 57-61.
4. Шульдякова В. В. Проявление монополии на рынке труда // Вопросы структуризации экономики. – 2010. – № 2. – С. 524-529.
5. Анцупов А. Я. Конфликты как угроза безопасности России // Мировые цивилизации. – 2019. – № 3-4. – С. 10-11.
6. Анцупов А. Я., Кандыбович С. Л., Тимченко Г. Н. Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935-2019 гг.). – Москва: Проспект, 2020. – 368 с.

КИНЬЯБАЕВА Гульназира Айратовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

МОРОЗОВА Светлана Александровна

специалист Центра поддержки экспорта при Министерстве внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В данной статье рассматриваются исторические корни китайской дипломатии, уходящие в древность и проходящие через ключевые этапы развития от династии Шан до современности. Акцентируется внимание на том, как концепции «тянься» и «гуманности» повлияли на подход Китая к внешним отношениям, а также на использование династических связей и экономических альянсов для обеспечения стабильности. Анализируются изменения в дипломатических практиках в различные исторические эпохи, включая влияние западного империализма в XIX веке и переход к более прагматичной политике после реформ Дэн Сяопина. Статья подчеркивает важность понимания исторических традиций для анализа современных дипломатических стратегий Китая, таких как инициатива «Один пояс-один путь», и их роль в формировании глобальной политики.

Ключевые слова: политическая стабильность, китайская дипломатия, систематизированные подходы, принципы ненападения, реформы, династические связи, устойчивое развитие.

KINYABAEVA Gulnazira Airatovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

MOROZOVA Svetlana Alexandrovna

Specialist of the Export Support Center under the Ministry of Foreign Economic Relations and Congress Activities of the Republic of Bashkortostan

HISTORICAL ROOTS OF CHINESE DIPLOMACY

This article examines the historical roots of Chinese diplomacy, dating back to ancient times and passing through key stages of development from the Shang Dynasty to the present. It focuses on how the concepts of "tianxia" and "humanity" have influenced China's approach to foreign relations, as well as the use of dynastic ties and economic alliances to ensure stability. It examines changes in diplomatic practices in different historical eras, including the influence of Western imperialism in the 19th century and the shift to a more pragmatic policy after Deng Xiaoping's reforms. The article emphasizes the importance of understanding historical traditions to analyze China's contemporary diplomatic strategies, such as the Belt and Road Initiative, and their role in shaping global politics.

Keywords: political stability, Chinese diplomacy, systematized approaches, non-aggression principles, reforms, dynastic ties, sustainable development.

Китайская дипломатия имеет глубокие исторические корни, уходящие в тысячелетнее прошлое. Становление дипломатических традиций в Китае началось ещё в древние времена, когда страна сталкивалась с необходимостью поддержания мирных отношений с соседними государствами и племенами. Китай, имея богатую культурную и философскую традицию, с древних времён осознавал важность поддержания мирных отношений с соседними государствами и племенами, что легло в основу формирования уникальной системы взаимодействия с окружающим миром. Исследование исторических корней китайской дипломатии помогает лучше понять не только ее развитие, но и современные подходы и стратегии, которыми руководствуется Китай в своих международных отношениях.

Дипломатическое искусство в Китае зародилось намного раньше, чем в европейских странах.

Дипломатические отношения в Древнем Китае, как и других государств в этот исторический период, были направлены на то, чтобы покорить соседние народы, а также захват господства на международных торговых путях и расширение рынков. Поднебесная (Срединная) империя считалась центром мира, все остальные народы воспринимались как второстепенные, варвары, которые требовали «окультуривания» через приобщение к китайской культуре. Внешняя политика выстраивалась с помощью стратегов – многоходовых планов, опирающихся на философские хитрости и искусные приемы.

Возникновение первых форм дипломатии связано с династией Шан, где комплексное использование брачных альянсов и династических связей стало основой для политической стабильности [1, с. 70].

Одним из первых систематизированных подходов к дипломатии в Китае явился «Цзуньцзюнь» (公爵外交, гунцзюнь дяосяо) во времена династии Шан (около 1600–1046 гг. до н.э.). Древние китайские правители использовали брачные альянсы и династические связи для укрепления государственных позиций и предотвращения конфликтов. Эти тактики легли в основу будущей дипломатической практики.

С переходом к династии Чжоу (1046–256 гг. до н.э.) концепция «тянься» (天下) приобрела большее значение. Она подразумевала, что Китай является центром мироздания, а все другие страны находятся в подчинённом положении. Это создало прецедент для последующей политики «культуры и цивилизации», через которую Китай стремился прививать свои ценности к соседним державам [2, с. 117].

Период оформления идейно-теоретических основ традиционной китайской дипломатии относится к глубокой древности: к VIII–III вв. до н.э. В этот период именно китецентризм становится идейным фундаментом для любых внешнеполитических доктрин, создаются и оттачиваются внешнеполитические доктрины, методы государственных контактов, которые впоследствии войдут в арсенал дипломатических средств императорского Китая.

Концепции «тянься» и «гуманности» в философии Конфуция сыграли ключевую роль в формировании подхода к внешним отношениям, подчеркивая значимость гармонии, уважения и культурного обмена. На протяжении веков, от династий Чжоу и Хань до Мин и Цин, китайская дипломатия эволюционировала, адаптируясь к различным условиям внутренней и внешней политики.

В период династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) китайская дипломатия развивалась благодаря открытию Шёлкового пути, что способствовало расширению внешнеэкономических связей и культурного обмена. Дипломатические миссии стали регулярными, и правители назначали специальных послов для поддержания этих контактов.

Династия Тан (618-907 гг. н.э.) внесла значительный вклад в формирование системных подходов к дипломатии. Эта эпоха характеризовалась активным участием Китая в международной политике, где дипломатические переговоры и альянсы играли ключевую роль в укреплении влияния страны на соседние государства.

С распространением феодальных отношений в Китае дипломатия начала принимать более сложные формы. Дипломаты имели уникальные полномочия, что позволяло им вести переговоры не только с соседями, но и с народами, находившимися на отдаленных территориях. Примером этого служит политика «недельного мира», когда дипломатические миссии отправлялись на постоянной основе, чтобы установить устойчивые отношения.

Эпоха правления династии Мин (1368-1644 гг.) и династии Цин (1644-1912 гг.) стала важным этапом в развитии китайской дипломатии. Время правления Мин характеризовалось усилением сосредоточенного контроля над внешними делами. Так, в это время была разработана система трибалитарного контроля, где внимание уделялось не только безопасности границ, но и экономическим интересам. С другой стороны, династия Цин стремилась установить дипломатические отношения с другими государствами, особенно с Западом.

В 19 веке, в эпоху империализма, китайская дипломатия столкнулась с новыми вызовами. Непредсказуемые действия западных держав и Японии принудили Китай к реформированию своих дипломатических стратегий. Это время стало поворотным, и хотя дипломатия Китая на тот момент была под давлением, произошло осознание необходимости модернизации. В этот период с ростом колониального давления, Китай начал открывать свои двери для внешнего мира через серию неравных договоров, что привело к резкому ухудшению позиций страны на международной арене. Это способствовало осознанию важности дипломатии и необходимости переосмысления подхода.

С переходом к современности, особенно после основания Китайской Народной Республики, дипломатическая практика КНР приобрела новые черты, отражая стремление к активному участию на международной арене [3, с. 111].

Современная китайская дипломатия основана на принципах ненападения, сотрудничества и взаимовыгодного развития. Постепенно, после окончания холодной войны, Китай занял активную позицию на международной арене, выступая как одна из ведущих держав, способствующей многостороннему взаимодействию и решению глобальных проблем [4, с. 77].

На протяжении XX века, особенно после образования Китайской Народной Республики в 1949 году, дипломатия Китая начала меняться. Важные принципиальные изменения произошли с приходом к власти Мао Цзэдуна, который предложил концепцию «мира» и «независимости» в международной политике. Китай вступил в противоречие с западными странами, но активно развивал отношения с социалистическими государствами.

После провозглашения реформ и открытости, начатых Дэн Сяопином в конце 1970-х годов, китайская дипломатия стала более прагматичной и стремящейся к интеграции в международное сообщество. Китай начал активно участвовать в различных многосторонних организациях, таких как ООН, ВТО, Шанхайская организация сотрудничества и другие [5, с. 56].

В последние годы китайская дипломатика стремится укрепить свои позиции на международной арене через реализацию инициативы «Один пояс – один путь», которая направлена на развитие инфраструктуры и экономического сотрудничества с другими странами. В настоящее время Китай, используя приемы «мягкой силы», стремится объединить регионы своего влияния соглашениями [6, с. 19]. Это создаёт новые возможности для Китая, позволяя ему утверждать свои интересы и влияние в стратегически важных регионах мира. В свою очередь, политика Китая направлена на недопущение формирования и укрепления коалиций, ставящих целью сдерживание КНР, ускорение региональных интеграционных процессов и повышение собственной роли в создаваемых механизмах [6, с. 19].

Ключевые принципы современной китайской дипломатии включают уважение к суверенитету и территориальной целостности, ненападение, многостороннюю дипломатию и активное участие в глобальных вопросах, таких как изменение климата, безопасность и устойчивое развитие.

Таким образом, китайская дипломатия, пройдя через разнообразные этапы и трансформации, сформировала уникальную стратегию, ориентированную на сохранение культурных и традиционных ценностей, одновременно адаптируясь к современным вызовам. Этот баланс между историческим наследием и современными реалиями делает китайскую дипломатию ключевым игроком в мировой политике. Исторические корни китайской дипломатии богатые и разнообразные, что делает её одной из самых интересных и сложных в мировом контексте.

Пристатейный библиографический список

1. Леонтьева Э. О., Белокопытова М. С. Институт Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Региолистика. – 2020. – № 5, Том 3. – С. 70-89.
2. Богданова Н. А. К вопросу о роли стратагем в дипломатии Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – № 1. – С. 117-124.
3. Киссинджер Г. О Китае / [перевод с английского В. Н. Верченко]. – Москва: АСТ, 2021. – 635 с.
4. Каткова Н. М. Стратагемность мышления и поведения как характерная особенность китайской цивилизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. – 2021. – Вып. 2. – С. 76-84.
5. Викторьен А. Особенности инвестиционного сотрудничества Китая со странами Африки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2023. – № 3. – С. 56-63.
6. Киньябаева Г. А. К проблеме островов южной части Тихого океана в контексте внешней политики Китая на современном этапе // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11 (174). – С. 18-19. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-11-174-18-19. – EDN ZECNYO.

МИНИГУЛОВА Ильмира Рафисовна

кандидат философских наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современная международная миграция, представляющая собой непрерывный процесс, характеризуется высокими темпами роста. Суть международной миграции заключается в территориальном перемещении людей с пересечением государственных границ. Одним из эффективных способов упорядочения миграционных перемещений является ее международно-правовое регулирование. Правовые механизмы регулирования осуществляются на трех уровнях: глобальном, региональном и национальном.

На сегодняшний день, сложная картина международной миграции, которая постоянно меняется под влиянием глобальных событий и тенденций, обосновывает необходимость совершенствования механизмов ее правового регулирования.

Ключевые слова: международное право, международные отношения, международная миграция, международная организация.

Минигулова И. Р.

MINIGULOVA Ilmira Rafisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

INTERNATIONAL MIGRATION: LEGAL MECHANISMS OF REGULATION

Modern international migration, which is a continuous process, is characterized by high growth rates. The essence of international migration is the territorial movement of people crossing state borders. One of the effective ways to regulate migration movements is its international legal regulation. Legal mechanisms of regulation are implemented at two levels: global and regional.

Today, the complex picture of international migration, which is constantly changing under the influence of global events and trends, justifies the need to improve the mechanisms of its legal regulation.

Keywords: international law, international relations, international migration, state, national law, international organization.

Современная миграционная ситуация характеризуется стабильным ростом численности международных мигрантов, которая с 1970 г. более чем удвоилась. Если в 1990 г. их общая численность, по оценкам ООН, составляла 154 млн. человек, то в 2020 г. – 281 млн. мигрантов [1], а в 2024 г. 304 млн., и их число продолжает расти¹. Миграционный поток разнороден по своему составу. Это проявляется в передвижении, среди прочих, трудящихся-мигрантов и членов их семей, высококвалифицированных специалистов, туристов, лиц в поисках убежища, нелегальных мигрантов, жертв торговли людьми. Поэтому, на сегодняшний день, совершенствование механизмов правового регулирования международной миграции является актуальным.

В публикации Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «International Migrant Stock 2024» представлены данные по долям международных мигрантов в процентах от общей численности населения по регионам назначения за 2024 год: Океания (21,5 %), Северная Америка (15,9 %), Европа (12,6 %), Северная Африка и Западная Азия (9,3 %), Латинская Америка и Карибы (2,6 %), Африка к югу от Сахары (2 %), Восточная и Юго-Восточная Азия (1 %), Центральная и Южная Азия (0,9 %).

В каждом из перечисленных регионов есть государство - центр притяжения мигрантов. В их числе США (52,4 млн.), Германия (16,8 млн.), Саудовская Аравия (13,7 млн.), Великобритания (11,8 млн.), Франция (9,2 млн.), Испания (8,9 млн.), Канада (8,8 млн.), Объединенные Арабские Эмираты (7,1 млн.), Австралия (8,1 млн.), Россия (7,6 млн.), Турция (7,1 млн.), Италия (6,6 млн.)². Все эти государства имеют развитое миграционное законодательство и выработанную миграционную политику. В зависимости от того, как международная миграция влияет на государство, миграционная политика и законодательство могут ужесточаться, либо упрощаться.

Вопрос правового регулирования миграции предполагает анализ международно-правовой доктрины и практики, особенностей регионального законодательства и возможностей национального права государств [2]. Иными словами, правовые механизмы регулирования осуществляются на трех уровнях: глобальном, региональном и национальном. В рамках данной статьи, особой интерес представляет региональный уровень регулирования и упорядочения миграционных перемещений.

Региональные правовые механизмы регулирования миграции подразумевают международно-правовое регулирование миграции в Европейском Союзе, Африканском Союзе,

1 International Migrant Stock 2024. Key facts and figures (UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13. January 2025) // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

2 International Migrant Stock 2024. Key facts and figures (UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13. January 2025) // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

Содружестве Независимых Государств, Евразийском экономическом союзе и др.

Европейский Союз имеет развитую систему правового регулирования миграции, включающую такие документы, как: Дублинская конвенция (1990 год), определяющая ответственность государств-членов за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища; Шенгенское соглашение (1985 год), устанавливающее единое пространство свободы передвижения граждан и упрощенный режим пересечения границ между государствами-участниками.

В рамках Африканского союза были сформулированы «базовые принципы миграционного сотрудничества, предусматривающие общие облегченные правила и процедуры пересечения границ, уважения прав человека и достоинства по отношению к мигрантам» [3, с. 5]. Одним из примеров является Протокол о свободе передвижения лиц, праве проживания и праве на работу (2018 год), который предусматривает создание единого рынка труда и свободное перемещение трудовых ресурсов в рамках союза.

Правовое регулирование миграции в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) осуществляется на основе ряда соглашений и договоров, заключенных между странами-участниками. Основная цель этих документов — создать единую правовую базу для регулирования миграционных процессов, облегчить перемещение граждан внутри региона и обеспечить защиту их прав. В структуре СНГ функционирует Консультативный Совет по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ. Основные правовые акты СНГ в сфере международной миграции: Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств СНГ (1992 год), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1993 год), Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (1994 год), Соглашение о порядке пересечения государственной границы гражданами государств СНГ (1995 год), Соглашение о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства СНГ (1995 год), Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией (1998 год), Соглашение о создании единого миграционного пространства (2000 год), Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции (2004 год), Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств (2007 год), Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств (2008 год)³.

Евразийский экономический союз является международной организацией региональной экономической интеграции. «Укрепление миграционного сотрудничества, оптимизация миграционных потоков и формирование единого рынка рабочей силы является одним из важных направлений деятельности Евразийского экономического союза» [4]. Для ЕАЭС основополагающим документом в сфере регулирования миграции выступает Договор о Евразийском экономическом союзе (Раздел XXVI). В 2023 году была принята Рекомендация «О совершенствовании подходов государств-членов Евразийского экономического союза в сфере регулирования

трудовой миграции в рамках Союза»⁴. Также в структуре ЕАЭС функционирует Департамент трудовой миграции и социальной защиты.

В заключении следует отметить, что международная миграция представляет собой сложный процесс, требующий эффективного правового регулирования для обеспечения баланса между интересами принимающих государств, отправляющих государств и самих мигрантов. Отдельного изучения требует тема сотрудничества государств и международных организаций по борьбе с нелегальной миграцией [5]. Эффективность механизмов этих взаимодействий зависит от координации действий различных уровней власти, международного и регионального сотрудничества и соблюдения международных стандартов.

Пристатейный библиографический список

1. Минигулова И. Р. Международно-правовое регулирование миграции в рамках деятельности Организации Объединённых Наций и Международной организации по миграции // Международное право и международные организации // International Law and International Organizations. - 2019. - № 4. - С. 9-15.
2. Зинченко Н. Н. Миграционное право в международно-правовой доктрине и практике: становление и перспективы развития: д. ю. наук: 12.00.10. - М., 2012. - 48 с.
3. Африканская миграция в контексте современных международных отношений: сборник статей / Отв. ред. Т. Л. Дейч, Е. Н. Корендясов / Институт Африки РАН. - М.: ИАФР РАН, 2015. - 176 с.
4. Давыденко Е. В. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе: проблемы, вызовы и решения // Экономические отношения. - 2025. - Т. 15, № 1.
5. Нигматуллин Р. В., Минигулова И. Р. Борьба с преступностью в курсе современного международного права. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. - 85 с.

3 СНГ: Сотрудничество в сфере миграции // Официальный сайт СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/show?id=13764> (дата обращения: 15.02.2025).

4 Нормативно-правовые документы и рекомендации // Официальный сайт ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/migration/tm/npa.php> (дата обращения: 15.02.2025).

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт, Всероссийский государственный университет юстиции, (РПА Минюста России), г. Махачкала

НА ПУТИ К ЗОНЕ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В АФРИКЕ

Предметом данной статьи является анализ договорного оформления безъядерной зоны на африканском континенте. Методология исследования основывается на формально-юридическом анализе положений международно-правовых актов и рассмотрении предмета исследования в ретроспективном аспекте. Автор приходит к выводу, что Договор Пелиндаба содержит ряд новых, новаторских мер по созданию региональной зоны, свободной от ядерного оружия, в нем был использован опыт, накопленный при разработке и осуществлении Договора Тлателолко.

Ключевые слова: договор, ядерное оружие, разоружение, нераспространение, зона, свободная от ядерного оружия, Африка, подписание, ратификация.

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and legal disciplines sub-faculty, North Caucasus Institute, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

TOWARDS A NUCLEAR-WEAPON-FREE ZONE IN AFRICA

The subject of this article is the content of the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Southeast Asia, its shortcomings. The research methodology is based on a formal legal analysis of the provisions of the Bangkok Treaty. The author concludes that in many respects the Bangkok Treaty is similar to other treaties on nuclear-weapon-free zones, but it has some unique features.

Keywords: treaty, nuclear weapons, disarmament, non-proliferation, nuclear-weapon-free zone, Africa, signature, ratification.

Переговоры, завершившиеся в Пелиндабе, на самом деле начались в 1960 году, когда, столкнувшись с французскими ядерными испытаниями в Сахаре, несколько африканских государств предприняли усилия по денуклеаризации Африки. Тот год ознаменовал подлинное начало зарождения предложения о создании ЗСЯО в Африке. Год спустя, по просьбе африканских государств, первая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) о создании зоны, свободной от ядерного оружия, была одобрена в соответствии с резолюцией 1652 (XVI) от 24 ноября 1961 года, озаглавленный «Рассмотрение Африки как безъядерная зона». В этой резолюции ГА ООН призвала государства-члены воздерживаться от использования континента для испытаний, хранения или транспортировки ядерного оружия.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы, используемые при изучении общественных отношений, международного права и международных отношений, и направленные на получение полного результата с позиции комплексного и системного подхода. В работе были использованы такие общенаучные методы познания, как логический, диалектический, анализ, синтез, сравнительно-правовой, исторический. В качестве специальных юридических методов использованы метод правового моделирования, анализ юридических документов.

Почти три года спустя, в июле 1964 года, ОАЕ приняла первый африканский региональный документ, прямой предшественник Пелиндабского договора, Декларацию о денуклеаризации Африки. В этой декларации участвующие главы африканских государств и правительств торжественно заявили, что они готовы взять на себя обязательство «посредством международного соглашения быть заключенным под эгидой ООН, не производить атомное оружие и не контролировать его» [1].

Кроме того, они просили ГА ООН принять «необходимые меры для созыва международной конференции с целью заключения соглашения на этот счет». Однако ГА ООН не созвала международную конференцию, как того требовала декларация ОАЕ. Тем не менее, в резолюции 2033 (XX) от 3 декабря 1965 года она одобрила декларацию и выразила надежду на то, что африканские государства сами инициируют исследования и примут необходимые меры через ОАЕ для ее осуществления. В той же резолюции ГА ООН также просила Генерального секретаря ООН предоставить ОАЕ средства и помощь, которые могут потребоваться для достижения целей резолюции [2].

Последующие резолюции ГА ООН подтвердили эту позицию. Однако африканские государства не пошли дальше и не спланировали стратегию, которая была бы необходима для того, чтобы извлечь выгоду из исторической декларации ОАЕ 1964 года и резолюции 2033(XX) ГА ООН 1965 года. Кроме того, Франция прекратила свои ядерные испытания в Сахаре в 1966 году, и после этого первоначальная мотивация африканских государств утратила значение, ибо стремления к безъядерной Африке больше не существовало. Это однозначно способствовало замедлению усилий по денуклеаризации Африки. Однако в 1970 году Южная Африка объявила, что у нее есть возможности для обогащения урана. Это привело к широко распространенным подозрениям относительно ядерных намерений и потенциала Южной Африки. Таким образом, с 1970 по 1990 год ГА ООН принимала ежегодные резолюции (авторами которых были африканские государства в ООН), в которых акцент смещался с заключения договора о ЗСЯО в Африке на вопросы, которые считались препятствиями для его достижения. Эти препятствия были связаны главным образом с различными аспектами политики правительства Южной Африки [3].

Прежде всего, Южная Африка отказалась подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и заключить соответствующее соглашение о гарантиях с Международным Агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Во-вторых, на региональном и международном уровнях нарастала обеспокоенность по поводу растущих разработок и потенциала Южной Африки в области ядерного оружия. Это, по сути, побудило ГА ООН принять резолюцию 34/76 В от 11 декабря 1979 года, которая поручила группе экспертов из Франции, Нигерии, Филиппин, бывшего Советского Союза, Швеции и Венесуэлы подготовить исследование, озаглавленное «План и возможности Южной Африки в ядерной области». Другое исследование, озаглавленное «Потенциал баллистических ракет Южной Африки с ядерными боеголовками», было введено в действие резолюцией 44/113 В Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года и передано в аренду в 1990 году. Оба исследования ООН содержали всесторонний анализ потенциала Южной Африки в области ядерного оружия и баллистических ракет. В-третьих, два зарегистрированных инцидента усилили обеспокоенность африканских государств по поводу ядерных намерений Южной Африки. Первый инцидент был раскрыт бывшим Советским Союзом после обнаружения полигона для испытания ядерного оружия для подземных взрывов в пустыне Калахари в 1977 году. Второй инцидент произошел в 1979 году, и он был связан с атмосферным взрыв, предположительно, южноафриканский ядерный взрыв в Южной Атлантике, обнаруженный американским спутником Vela. Расследования этих двух зарегистрированных инцидентов были безрезультатными. В-четвертых, конфликты Южной Африки со своими соседями включали продолжающиеся военные вторжения на территории этих государств. В-пятых, Южная Африка продолжала свою политику апартеида перед лицом всеобщего осуждения [4].

Инициативы по созданию африканской ЗСЯО и латиноамериканской ЗСЯО возникли почти в одно и то же время (идея создания латиноамериканской ЗСЯО была подскана в 1962 года из-за Кубинского ракетного кризиса). Первое взаимообогащение инициатив по созданию ЗСЯО в Африке и Латинской Америке фактически произошло в сентябре 1962 года (до Карибского ракетного кризиса), когда представитель Бразилии в ГА ООН предложил расширить резолюцию 1652(XVI) ГА ООН от 1961 года, касающуюся денуклеаризации Африки, включив в нее Латинская Америка. Две зоны развивались параллельными курсами до 1965 года. После этого латиноамериканская инициатива получила значительное преимущество благодаря решению латиноамериканских государств в ноябре 1964 года был создан специальный орган - Подготовительная комиссия по денуклеаризации Латинской Америки, на которую была возложена исключительная задача разработки требуемого проекта договора. Комиссия завершила свою работу через два года, и Договор Тлателолко был открыт для подписания в 1967 году.

В африканском контексте никаких конкретных шагов не предпринималось до 1990 года, когда в результате драматических изменений, происходивших на международной и региональной арене, было сочтено, что африканским государствам настало время конкретно добиваться денуклеаризации своего континента.

Первым значительным изменением стало политическое доверие, завоеванное присоединением Южной Африки к ДНЯО, ее быстрым принятием гарантий МАГАТЭ и раскрытием бывшими Президенту де Клерку о существовании и уничтожении шести ядерных взрывных устройств. Эти конкретные действия, предпринятые Южной Африкой, означали, что было выполнено жизненно важное предварительное условие военной денуклеаризации Африки [5].

Другие важные изменения включали успешный мирный процесс в Южной Африке с прифронтовыми и соседними государствами, ее политическая ситуация улучшилась благодаря отмене системы апартеида и проведению демократических выборов, приведших к созданию южноафриканского правительства национального единства. Эти события значительно изменили восприятие угрозы африканскими государствами и их общее отношение к созданию ЗСЯО на африканском континенте [6].

В 1990 году африканские государства в ООН в Нью-Йорке встретились на стратегической сессии, чтобы определить, как преобразовать декларацию ОАЕ 1964 года в формат договора.

После этого заседания проект резолюции, авторами которого выступили африканские государства, был одобрен ГА ООН в качестве резолюции 45/56 А 4 декабря 1990 года. В этой резолюции была принята мера, которая впоследствии оказалась решающей для успеха идеи создания ЗСЯО в Африке, - призыв к созданию группы экспертов. Группе было конкретно поручено изучить условия и элементы подготовки и осуществления конвенции или договора о денуклеаризации Африки. Позднее мандат группы был расширен в 1992 года (резолюция 47/76 от 15 декабря 1992 года), включая разработку проекта договора или конвенции о денуклеаризации Африки.

Разрабатывая проект Договора под эгидой ООН, ОАЕ соответствовала духу одной из частей декларации ОАЕ 1964 года. Фактически, Пелиндабский мирный договор является первым договором о зоне, свободной от ядерного оружия, переговоры по которому ведутся под эгидой ООН в сотрудничестве с региональной организацией - ОАЕ [7].

Этот опыт показал, что другие перспективные зоны, свободные от ядерного оружия, такие страны, как Ближний Восток, также могли бы извлечь выгоду из важной и решающей роли, которую играет ООН.

В соответствии с мандатом группа экспертов была создана в 1991 году. В ее состав вошли эксперты из различных субрегионов Африки (Западной, Восточной, Центральной, Северной), ОАЕ, ООН и МАГАТЭ. Представители Договора Раротонга и Договора Тлателолко были приглашены принять участие в качестве наблюдателей, чтобы Африка могла воспользоваться их опытом.

Переговоры по договору велись на шести совещаниях группы экспертов. Эти совещания состоялись в период с 1991 по 1995 год в различных городах Африки. Последнее совещание состоялось в Йоханнесбурге/Пелиндабе 29 мая - 2 июня 1995 года, через пять лет после создания группы.

Первое совещание было создано в мае 1991 года в Аддис-Абебе. В нем были рассмотрены условия и элементы подготовки и осуществления конвенции или договора о денуклеаризации Африки. Группа экспертов также подчеркнула, что участие Южной Африки в ДНЯО имело бы важное значение

для продвижения концепции африканской безъядерной зоны. Второе совещание группы состоялось в Ломе в апреле 1992 года. К тому времени Южная Африка присоединилась к ДНЯО в июле 1991 года и заключила соглашение о полномасштабных гарантиях с МАГАТЭ в сентябре 1991 года (в рекордно короткий срок - шесть недель). Это означало, что было выполнено жизненно важное предварительное условие для военной денуклеаризации Африки. Фактическая разработка проекта договора началась в Хараре в апреле 1993 года во время третьей встречи. Встреча в Хараре была важной, поскольку представители Южной Африки участвовали впервые. Опыт Хараре показал, насколько чрезвычайно полезным было то, что обстоятельства позволили получить ценный вклад и точки зрения Южной Африки. На своих четвертом и пятом совещаниях в Виндхукке и Аддис-Абебе в марте и мае 1994 года соответственно, группа приняла первый полный проект текста Африканского Договора о ЗСЯО. По просьбе группы представители пяти государств, обладающих ядерным оружием, приняли участие в специальном совещании группы в Виндхукке. То окончательный проект текста Пелиндабского договора был подготовлен в ходе совместного совещания группы экспертов и межправительственной группы экспертов ОАЕ в Йоханнесбурге и Пелиндабе 29 мая - 2 июня 1995 года. В Йоханнесбурге представители пяти государств, обладающих ядерным оружием, вновь приняли участие в специально организованном совещании в связи с протоколами к договору [8].

Представители Испании и Португалии также приняли участие в этом специальном совещании, посвященном Протоколу III к Договору.

Обширный обмен идеями и информацией в ходе сессий характеризует максимально открытую атмосферу сотрудничества.

В завершении можно обозначить следующие выводы. Договор Пелиндаба является первым договором о зоне, свободной от ядерного оружия, переговоры по которому велись под эгидой ООН в сотрудничестве с региональной организацией - ОАЕ. Этот опыт показал, что другие перспективные зоны, свободные от ядерного оружия, также могли бы извлечь выгоду из важной и решающей роли, которую играет ООН в деле их создания.

Хотя Договор Пелиндаба содержит ряд новых, новаторских мер по созданию региональной зоны, свободной от ядерного оружия, в нем был использован опыт, накопленный при разработке и осуществлении Договора Тлателолко. Большинство из 22 статей Договора Пелиндаба тесно соответствуют статьям Договора Раротонга (с 16 статьями), который во многих случаях послужил договорной моделью для Пелиндабского пакта. В следующем разделе мы проведем анализ основных положений каждой из статей Договора Пелиндаба и постараемся выявить существенные различия или сходства между ними и соответствующими статьями ДНЯО и других региональных договоров о безъядерных зонах, созданных до африканской зоны, свободной от ядерного оружия.

Возможно, самым ярким впечатлением за пять лет переговоров было ощущение позитивных перемен в деле денуклеаризации. Было признано, что от представлений прошлого следует отказаться как на региональном, так и на глобальном уровнях и что новая и сложная задача для государств Афри-

ки состоит в том, чтобы попытаться конструктивно и на основе сотрудничества исключить присутствия ядерного оружия на континенте.

Пристатейный библиографический список

1. Van Wyk O., Turianskyi Y. The Nuclear Weapons Ban Treaty: An African Perspective // South African Institute of International Affairs. May. 1, 2021.
2. L. Spector, A. Ohlde. Negative Security Assurances: Revisiting the Nuclear-Weapon-Free Zone Option // Arms Control Today, Vol. 35, No. 3 (APRIL 2005), pp. 13-19.
3. Ogunbanwo S. The Treaty of Pelindaba: Africa Is Nuclear-Weapon-Free // Security Dialogue, Vol. 27, No. 2 (JUNE 1996), pp. 185-200.
4. Harvey C. African NWFZ Treaty Enters Into Force // Arms Control Today, Vol. 39, No. 7 (SEPTEMBER 2009), pp. 26-27.
5. Alfred B. Nzo. Nuclear Energy and Non-Proliferation: The View From South Africa // The Brown Journal of World Affairs, Vol. 4, No. 1 (Winter/Spring 1997), pp. 139-147.
6. Fischer D. The Pelindaba Treaty: Africa Joins the Nuclear-Free World // Arms Control Today, Vol. 25, No. 10 (December 1995/January 1996), pp. 9-14.
7. Stumpf W. South Africa's Nuclear Weapons Program: From Deterrence to Dismantlement // Arms Control Today, Vol. 25, No. 10 (December 1995/January 1996), pp. 3-8.
8. Evan S. Medeiros. African Nuclear-Weapon-Free-Zone Treaty Signed By 43 Countries // Arms Control Today, Vol. 26, No. 3 (April 1996), p. 22-25.

РЫЖОВ Николай Александрович

второй секретарь Посольства Российской Федерации в Республике Сенегал, Министерство иностранных дел Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ САНКЦИЙ

На протяжении уже нескольких десятилетий в Африке развернулась настоящая «гонка инвестиций» с целью захвата наиболее прибыльных рынков на континенте.

Интерес к инвестированию в африканские страны традиционно сохраняется за такими крупными игроками как США, ЕС, Китай. В последнее время большую активность в плане инвестиций в инфраструктуру государств проявляет Турция.

Несмотря на высокий уровень инвестиционной привлекательности, и, как было упомянуто выше, динамичного развития, континент отличается крайней непредсказуемостью и хрупкостью политических режимов, что создает немало трудностей для иностранных инвесторов.

Учитывая, что в настоящее время темы санкций и событий, происходящих в Африке, в привязке к иностранным инвестициям и способам их защиты, представляются крайне актуальными, в рамках статьи будет проведен краткий правовой анализ механизмов введения региональных санкций и особенностей защиты иностранных инвестиций на примере ситуации в Западной Африке.

Ключевые слова: Африка, региональные сообщества, инвестиции, санкции, защита инвестиций.

RYZHOV Nikolay Alexandrovich

Second Secretary of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Senegal, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

PROTECTING FOREIGN INVESTMENT IN AFRICA IN THE CONTEXT OF REGIONAL SANCTIONS

For several decades a real «investment race» has been unfolding in Africa to capture the most lucrative markets on the continent.

Interest in investing in the continent has traditionally been reserved for such major players in the international market as the US, the EU and China. Recently, Turkey has been very active in terms of infrastructure investments. Russian experts also note the significant interest of domestic businesses in investing in Africa.

Despite the high level of investment attractiveness and, as mentioned above, dynamic development, the continent is characterised by extremely unpredictable and fragile political regimes, which creates many difficulties for foreign investors.

Taking into account the fact that at present the topics of sanctions and events taking place in Africa in connection with foreign investments and ways of their protection are extremely topical, the article will analyse the legal mechanisms of regional sanctions and protection of foreign investments by the example of the situation in West Africa.

Keywords: Africa, regional communities, investment, sanctions, investment protection.

Проблема нестабильности африканских государств во многом объясняется усталостью населения от бездействия политической элиты континента, слабостью правовых институтов, высоким уровнем коррупции во всех ветвях власти, безработицей, ростом незаконной миграции, терроризма, трансграничной преступности и, как следствие - госпереворотами.

В период с 2020 по 2023 года в Западном регионе Африки произошли семь государственных переворотов: Мали (два переворота за 9 месяцев), Гвинея, Габон, Буркина-Фасо (два путча за 8 месяцев), Нигер¹.

Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Западноафриканский экономический и валютный союз (ЗАЭВС) ввели в отношении стран - членов организаций, в которых произошла насильственная смена власти, экономические и политические санкции с целью их принуждения к «восстановлению конституционного порядка».

Так, 9 января 2022 г., в ходе 4-го внеочередного саммита ЭКОВАС, посвященного политической ситуации в Мали, в отношении Бамако были введены следующие санкции:

- отзыв послов государств ЭКОВАС;
- закрытие наземных и воздушных границ между странами ЭКОВАС и Мали;
- приостановка всех коммерческих и финансовых операций между странами ЭКОВАС и Мали, за исключением потребительских продуктов питания и фармацевтической продукции;

Следует отметить, что доктринами ЭКОВАС и ЗАЭВС предусмотрена возможность применения санкций в отношении государств - членов Сообщества.

Так, статья 4 пункт 4 Дополнительного Акта ЭКОВАС А/SP.13/02/12 посвящена санкциям в отношении стран Сообщества, не выполняющих свои обязательства².

Общие положения, регулирующие порядок использования санкционных механизмов ЗАЭВС определены в статье 77, главы 16 Союзного Договора³.

В соответствии со статьями, «Без ущерба для положений настоящего Договора и протоколов к нему, если государство

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ledevoir.com/monde/afrique/797205/l-afrique-a-ete-secouee-par-huit-coups-d-etat-en-trois-ans> (дата обращения: 20.01.2025).

2 Supplementary Act A/SP.13/02/12 on Sanctions Against Member States that Fail to Honour their Obligations to ECOWAS, Article 4§4.
3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://afrique.xi.info/Les-sanctions-une-arme-a-double-tranchant-au-Sahel#:~:text=Au%2Ddel%C3%A0%20des%20sanctions%20institutionnelles,des%20transactions%20commerciales%20et%20le> (дата обращения: 25.09.2023).

член не выполняет своих обязательств перед Союзом Ассамблея может принять санкции против этого государства».

Такие санкции могут включать: 1) приостановку предоставления Союзом любого нового займа или помощи; 2) заморозку финансирования всех непогашенных займов, проектов или программ помощи; 3) отказ в подаче заявлений о назначении на уставные и специальные должности; 4) отмена права голоса; 5) приостановление участия в деятельности Сообщества.

В свою очередь, перечисленные нормативно - правовые акты не содержат юридического определения «санкций», что, в свою очередь, не дает возможности дать точную правовую характеристику указанного понятия в доктрине сообществ.

Введенные ЭКОВАС и ЗАЭВС санкции отразились на финансовых, банковских и денежных операциях стран-таргетеров, поскольку автоматически привели к остановке межбанковских обменов и замораживанию счетов национальных казначейств.

Экономические блокирующие санкции оказали прямое негативное влияние на иностранные инвестиции, затормозили реализацию инвестиционных проектов, сделали невозможным конвертацию и вывод денежных средств инвесторов, что обернулось для них значительными финансовыми потерями⁴.

По данным статистики Bergu, в Мали до введения региональных санкций функционировали 46 филиалов французских компаний, в которых работали 4600 человек, а объем ПИИ составлял 125 млн. евро. По состоянию на 2025 год большая часть из них практически полностью прекратила работу.

В январе с.г. канадская золотодобывающая компания Barrick Gold, инвестировавшая средства в рудник Луоло-Гункото (Loulo-Gounkoto), на котором работало 8 тысяч человек, сообщила, что приостанавливает свою деятельность, поскольку малийские власти «заморозили» их лицензию на добычу недр и экспроприировали 3 тонны добытого компанией золота⁵.

Правовая оценка принимаемых сообществами решений, в том числе, касающихся санкций в отношении государств-членов, возложена на судебные органы ЭКОВАС и ЗАЭВС, в частности Суд ЭКОВАС (La Cour de Justice de la CEDEAO (CJCEDEAO) и Суд ЗАЭВС (La Cour de justice de l'UEMOA).

Согласно пункту 2 статьи 76 главы 15 Постановления ЭКОВАС Суд является полномочным исполнителем толкования Договора в случае возникновения споров между государствами-членами⁶.

В Дополнительном протоколе о Суде говорится, что «Суд обладает юрисдикцией в отношении всех переданных ему споров, касающихся толкования и применения нормативных актов, директив, решений и постановлений. В его задачи, в частности, входит рассмотрение случаев невыполнения государствами-членами своих обязательств по Договору,

конвенциям и протоколам, а также регламентам, решениям и директивам»⁷.

Подчеркнем, что юридическая база западноафриканских экономических и финансовых союзов все-таки позволяет опротестовывать введенные в отношении государств экономические санкции.

Так, новые власти Мали попытались оспорить введенные санкции посредством обращения в суды ЭКОВАС и ЗАЭВС. В своем иске переходное правительство малийской республики ссылалось на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совет по правам человека, где такого рода меры экономического воздействия неоднократно подвергались критике, а государства были ориентированы на необходимость воздерживаться от их принятия или применения⁸.

Постановлением Суда ЗАЭВС от 24 марта 2022 года действие санкций было приостановлено. В качестве основания для снятия эмбарго Суд указал на непредсказуемый характер сложившейся ситуации, поскольку сохранение санкций «может привести к последствиям, которые будет трудно устранить с точки зрения их социального, экономического и финансового воздействия».

Однако решение суда носило лишь временный характер в ожидании очередной встречи глав государств-членов сообществ и уже 25 марта 2022 года в ходе очередного саммита ЭКОВАС организация приняла решение сохранить введенные экономические и политические санкции⁹.

Итогом событий в Нигере, последовавшего по пути Мали, где в результате путча к власти пришли военные, стали такие же санкции со стороны региональных объединений.

Так, 4 августа 2023 г. в городе Абуджа (Нигерия) состоялся 51-й внеочередной саммит глав государств и правительств ЭКОВАС, посвященный политической ситуации в Нигере, сложившейся после военного переворота в этой стране.

По итогам саммита ЭКОВАС приняло решение о введении экономических блокирующих санкций в отношении государства. Санкции включали в себя:

- закрытие наземных и воздушных границ между странами ЭКОВАС и Нигером;
- создание запретной зоны ЭКОВАС для всех коммерческих рейсов в Нигер и из него;
- приостановку всех коммерческих и финансовых операций;
- замораживание активов Нигера в центральных банках и коммерческих банках стран ЭКОВАС;
- приостановку всей помощи и финансовых операций в пользу Нигера со стороны Банка инвестиций и развития ЭКОВАС (EBID) и Западноафриканского банка развития (BOAD).

ЭКОВАС также ввело в отношении нового руководства страны адресные санкции, которые включали в себя запрет на поездки и замораживание активов военных, членов их семей и гражданских лиц, участвовавших в госперевороте.

По информации Министерства экономики Франции, до смены власти в Нигере работало 25 дочерних предприятий, а объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составлял 650 млн. евро.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/fermeture-des-frontieres-du-niger-queelles-consequences-economiques-et-sociales-211843> (дата обращения: 21.01.2025).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20250116-mali-queelles-cons%C3%A9quences-suite-%C3%A0-la-suspension-des-op%C3%A9rations-du-minier-canadien-barrick-gold> (дата обращения: 22.01.2025).

6 Arrêt ECW/CJ/JUD/03/05, Jerry Ugokwev. Nigeria, 7 oct. 2005, pt. 20.

7 Бюллетень CODESRIA, № 1, 2022 г. С. 26

8 A/RES/51/103, 12 декабря 1996 г., Права человека и односторонние принудительные меры, §1

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://les-yeux-du-monde.fr/actualites-analyses/afrique/49762-sanctions-de-la-cedeao-contre-le-mali-quels-fondements-et-queelles-consequences/> (дата обращения: 26.12.2024).

Переходя к рассмотрению юридических механизмов защиты иностранных инвестиций в условиях санкций, следует отметить следующее.

Как правило, в международном праве принято выделять четыре основных способа защиты инвестиций, а именно:

- национальные юридические механизмы принимающей страны;
- многосторонние конвенции и соглашения (МИТ – Multilateral Investment Treaties);
- двусторонние инвестиционные договоры (БИТ – Bilateral Investment Treaties);
- дипломатическая защита.

В настоящее время наибольшую популярность из вышеперечисленных средств защиты имеют двусторонние инвестиционные договоры. Многие из ДИД, заключаемых странами ЭКОВАС и ЗАЭВС, содержат ссылку на условие о необходимости разрешения споров в МЦУИС. Другая часть договоров предусматривает обращение в Комиссию ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), а также в Международную торговую палату (ИСС). Международный суд в Гааге периодически упоминается в некоторых ДИДах как орган, ответственный за назначение арбитров, т.е. за создание арбитражных групп между государствами. Это обусловлено тем, что, как правило, инвестор старается избежать необходимости урегулирования споров в национальных юрисдикциях стран – реципиентов инвестиций и «перемещаться» в плоскость международного права, регулирующего вопросы защиты международных инвестиций.

В условиях, когда перечисленные выше «классические» способы оказываются бесполезными или теряют юридическую силу в результате смены политических режимов, как мы это можем наглядно видеть на примере Мали, Гвинеи, Буркина-Фасо и Нигера, особую актуальность, по мнению автора, приобретает институт страхования иностранных инвестиций, который представляется наиболее эффективным способом защиты иностранных капиталовложений в Западной Африке.

Существуют специальные виды страхования, которые призваны обеспечить дополнительную защиту иностранных инвестиций.

В частности, речь идет о страховании от политических рисков (P.R.I. – Political Risk Insurance.), от конфискации, экспроприации, национализации (Confiscation/expropriation/nationalisation (CEN Policy), расторжения, неисполнения контрактов (Contract Repudiation / Contract Frustration) и т.д.¹⁰ Как показывает практика, данный механизм представляется наиболее работоспособным в условиях Африки.

К примеру, в Сенегале в мае-июне 2023 г. в свете объявленных действующим на тот момент президентом страны М. Саллом планов о переизбрании на третий срок прошла волна беспорядков, инспирированная оппозицией.

По оценкам специальной государственной комиссии Сенегала, в результате прошедших в стране беспорядков были сожжены более 27 автозаправочных станций французской компании «Total», 4 заправки «Shell», разграблены 14 отделений иностранных банков, 19 магазинов «Ашан». Французский оператор мобильной связи «Orange» по указанию местных властей был вынужден ограничить интернет-трафик, что

овернулось для него потерей более \$1 млн за два дня. Серьезно пострадали туристические операторы, которые были вынуждены возвращать деньги иностранным туристам отказавшимся приезжать в охваченную беспорядками страну и т.д.¹¹ Большая часть понесенных инвесторами финансовых потерь была компенсирована именно иностранными инвестиционными страховыми агентствами.

Завершая анализ вопроса защиты иностранных инвестиций в странах Западной Африки в условиях региональных санкций, хотелось бы отметить следующее.

В действительности, африканский континент представляет собой крайне перспективное, однако слишком нестабильное направление в плане осуществления иностранных инвестиций. Еще пару лет назад было трудно представить, что бывшие французские колонии, находящиеся в крайне зависимом положении от своей метрополии, могут в одночасье изменить риторику: объявить посла Франции персоной нон-грата, отказаться от исполнения двусторонних договоров, в том числе, касающихся защиты иностранных инвестиций, свернуть деятельность западных компаний и т.д.

Последовавшие за госпереворотами события, напрямую повлиявшие на деятельность французских и других иностранных компаний, показали неэффективность широко освещаемых правовых способов защиты инвестиций в сложившихся условиях.

В действительности, несмотря на циркулирующие в местных СМИ успехи региональных интеграционных организаций, одной из основных проблем континента до сих пор остается крайне высокий уровень коррупции в государственных структурах, судебной и правоохранительной системах. Рассчитывать на главенство права здесь вряд ли приходится. В этой связи, иностранные инвесторы продолжают использовать возможности ДИД, а также гарантии инвестиционных страховых компаний в качестве механизмов обеспечения защиты инвестиций в странах Западной Африки.

¹⁰ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jeuneafrique.com/brandcontent/1093867/entretien-avec-manuel-moses-directeur-general-de-lagence-pour-lassurance-du-commerce-en-afrique-aca/> (дата обращения: 04.01.2025).

¹¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ouestaf.com/tensions-politiques-au-senegal-au-moins-vingt-milliards-de-pertes-selon-les-premiers-bilans> (дата обращения: 29.12.2024).

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Санкт-Петербург

КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОГО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Целью предпринятого в статье исследования является выработка предложений по единой концепции эффективного международно-правового регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем с учетом существующих механизмов. При исследовании использовались методы анализа и синтеза, формально-логический и проблемно-теоретический методы. В результате исследования выявлено, что эффективное международно-правовое регулирование создания и использования информационно-коммуникационных систем должно охватывать такие вопросы как кодификация принципов международно-правового регулирования информационных отношений и информационно-коммуникационных систем, унификация ограничений на создание и использование информационно-коммуникационных систем, гармонизационные положения об ответственности операторов информационно-коммуникационных систем, единая процессуальная форма для разрешения споров, связанных с информационно-коммуникационными системами.

Ключевые слова: судья, суд, правосудие, международно-правовое регулирование, эффективность международного права, международное правотворчество, информационно-коммуникационные системы, правовые принципы, Глобальный цифровой договор, кодификация, унификация.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor of General theoretical legal disciplines sub-faculty, senior researcher, North-Western branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg

THE CONCEPT OF EFFECTIVE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE CREATION AND USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEMS

The purpose of the research undertaken in the article is to develop proposals for a unified concept of effective international legal regulation of the creation and use of information and communication systems, taking into account existing mechanisms. The research used methods of analysis and synthesis, formal logical and problem-theoretical methods. As a result of the study, it was revealed that effective international legal regulation of the creation and use of information and communication systems should cover such issues as codification of the principles of international legal regulation of information relations and information and communication systems, unification of restrictions on the creation and use of information and communication systems, harmonization provisions on the responsibility of operators of information and communication systems, unified procedural dispute resolution form, related to information and communication systems.

Keywords: judge, court, justice, international legal regulation, effectiveness of international law, international law creation, information and communication systems, legal principles, Global Digital Compact, codification, unification.

1. Введение

Категория эффективности применительно к международному праву отличается многоаспектностью, что предполагает учет всех её аспектов при регулировании новых технологических явлений.

Во-первых, она охватывает как процесс международно-правотворчества, так и реализации норм международно-права на универсальном, региональном, двустороннем и национальном уровнях. В настоящем исследовании используется категория «международное правотворчество», сложившаяся в правовой доктрине [2], [9] в отличие от понятия «международное нормотворчество» [5], [11], [13]. Данные понятия необходимо разграничивать. Международное правотворчество включает и «гибкие» формы международного права.

Для регулирования транснациональных информационных отношений Каримимом Бенихлефом и Фабьеном

Желинасом была разработана концепция *lex electronica* [1, с. 34], которая получила весьма ограниченное распространение [22], [26]. Изначально она была связана с саморегулированием Интернета, но в настоящее время может быть использована как инструмент регулирования информационно-коммуникационных систем (нейронных сетей, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта, распределенных реестров, токенов, Больших данных, метавселенных). *Lex electronica* выступает эффективным инструментом регулирования при отсутствии международных договоров и обычаев.

С принятием Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 24 ноября 2021 года резолюции «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» *lex electronica* стало формироваться как универсальный инструмент регулирования международных информационных

Талимончик В. П.

отношений. Об этом говорится в п. 6 резолюции, определенной как «согласованный на глобальном уровне нормативный инструмент».

Во-вторых, эффективное международно-правовое регулирование предполагает релевантность объекту регулируемых отношений. В XXI веке международные информационные отношения преобразовались радикальным образом ввиду появления информационно-коммуникационных систем как новых технологических объектов в дополнение к «традиционным» телекоммуникациям и информационно-коммуникационным технологиям. Важное свойство информационно-коммуникационных систем – относительная автономность от оператора такой системы, не позволяет применять к ним сложившиеся международно-правовые средства регулирования телекоммуникаций. Проблема подконтрольности человеку становится очень острой именно в силу все развивающейся их автономности.

В-третьих, эффективное международное правотворчество предполагает не только своевременность принятия новых правил, но и их органичное включение в сложившуюся систему регулирования международных отношений. В доктрине встречается точка зрения, согласно которой в результате технологического прогресса «размывается традиционная концепция национального суверенитета» [12, с. 71-81]. Тем самым отрицается не только государственный суверенитет как основа современного международного права, но и эффективность действия основных принципов международного права прежде всего принципа суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела. С появлением информационно-коммуникационных систем на них распространили свое действие основные принципы международного права, которые предопределили формирование специальных принципов в этой области международно-правового регулирования.

Общетеоретическое учение об эффективности норм международного права, включающее содержание категории эффективности, её критерии и условия, разработано в фундаментальных трудах С. Ю. Марочкина [6], [7] и Л. Х. Мингазова [8]. Проблема эффективности затрагивалась и в отраслевом аспекте – применительно к эффективности международного гуманитарного [10] и международного трудового права [3], [4].

На эффективность международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем оказывают влияние фундаментальные исследования по правовым аспектам искусственного интеллекта [14], [19], [23], [24]. Больших данных [16], [17], [20] и блокчейна [15], [18], [21], [25]. Однако единая концепция регулирования информационно-коммуникационных систем не сложилась.

2. Основные составляющие Концепции эффективного международно-правового регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем

Наряду с учетом свойств объекта международно-правового регулирования – информационно-коммуникационных систем, к числу основных составляющих концепции эффективного международно-правового регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем необходимо отнести формирование специальных правовых принципов и принятие системообразующего акта.

Формирование специальных принципов идет сложно и без учета преемственности международно-правовых актов.

Качественное своеобразие отдельных групп международных отношений выражают специальные принципы, которые формируются объективно.

Основную роль в декларировании специальных принципов приняла на себя ЮНЕСКО. В качестве специальных принципов правового регулирования всех групп международных информационных отношений были кодифицированы принципы, зафиксированные в Декларации об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 28 ноября 1978 г. В регулировании информации учитываются те положения, которые относятся к международным информационным отношениям в целом. Принципы сформировались в период, когда международное информационное право регламентировало исключительно межгосударственные информационные отношения. С развитием информационного общества на универсальном и региональном уровнях эти принципы распространили своё действие на негосударственных акторов.

ЮНЕСКО также приняла резолюцию «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» от 24 ноября 2021 года и сформулировала более узкую группу специальных принципов – принципы, характерные для использования информационно-коммуникационных систем.

К специальным принципам Резолюция ЮНЕСКО отнесла: 1) безопасность и защищенность; 2) соразмерность и непричинение вреда; 3) устойчивость искусственных интеллектуальных систем; 4) справедливость и недискриминационность (принцип непредвзятости); 5) подконтрольность и подчиненность человеку искусственных интеллектуальных систем; 6) неприкосновенность частной жизни; 7) прозрачность и объяснимость в отношении искусственных интеллектуальных систем; 8) осведомленность и грамотность граждан; 9) ответственность и подотчетность субъектов связанной с искусственным интеллектом деятельности.

Не все эти положения могут рассматриваться как специальные принципы международного права с учетом признаков специальных принципов.

Специальные принципы международного права имеют следующие свойства: 1) они императивны по своему содержанию; 2) для специальных принципов характерна концентрированность их содержания; 3) они отражают качественное своеобразие отдельных групп международных отношений; 4) специальные принципы обладают системным характером и обобщенно, полностью и исчерпывающе отражают существенные черты регулируемых отношений.

В отношении содержания принципов Резолюция ЮНЕСКО весьма лаконична. Например, при раскрытии принципа соразмерности и непричинения вреда Резолюция ЮНЕСКО исходит из общего положения, согласно которому «никакая деятельность, связанная с различными этапами жизненного цикла ИИ-системы, не должна выходить за рамки того, что требуется для достижения законных целей или выполнения намеченных задач».

Для соблюдения принципа обеспечения безопасности и защищенности людей, экологии и экосистем на всех этапах

жизненного цикла ИИ-систем следует избегать непреднамеренного причинения вреда (риски для безопасности), а также уязвимости перед кибератаками (риски для защищенности),

Право на неприкосновенность частной жизни и защита данных, несомненно, носит характер правового принципа. Неприкосновенность частной жизни традиционно признавалась одним из основных прав человека (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 11 Американской конвенции о правах человека 1969 г.). Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года содержит механизмы защиты приватности в информационном обществе.

Нами выявлено три специальных принципа субинститута международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных систем: принцип соразмерности и непричинения вреда при использовании ИКС; принцип обеспечения безопасности и защищенности людей, экологии и экосистем на всех этапах жизненного цикла ИКС; принцип права на неприкосновенность частной жизни и защиты данных.

Субинститут международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных систем находится в «поиске» системообразующего акта.

11 июля 2024 года была представлена третья пересмотренная редакция Глобального цифрового договора.

При принятии Глобального цифрового договора преследуются следующие цели: 1) устранить все цифровые барьеры и ускорить прогресс в достижении Целей устойчивого развития; 2) расширить участие в цифровой экономике и воспользоваться преимуществами цифровой экономики для всех; 3) способствовать созданию инклюзивного, открытого, безопасного цифрового пространства, в котором уважаются, защищаются и поощряются права человека; 4) продвигать ответственные, справедливые и совместимые подходы к управлению данными; 5) укреплять международное управление искусственным интеллектом на благо человечества.

Кроме прав человека, для которых создана нормативная основа, другие цели не учитывают необходимость создания правовой основы для их достижения.

Если обратиться к разделу, раскрывающему международное управление искусственным интеллектом (ИИ), то он содержит констатацию значения ИИ, а также отдельные меры. Было указано, что международное управление ИИ требует гибкого, междисциплинарного и адаптируемого подхода с участием многих заинтересованных сторон. В числе конкретных мер названы: 1) создание в рамках ООН независимой междисциплинарной международной научной группы по ИИ со сбалансированным географическим представительством для содействия научному пониманию посредством оценки воздействия, рисков и возможностей на основе фактических данных, опираясь на существующие национальные, региональные и международные инициативы и исследовательские сети; 2) проведение Глобального диалога по вопросам управления ИИ с участием правительств и всех соответствующих заинтересованных сторон в рамках существующих соответствующих конференций и совещаний ООН; 3) поручение Председателю Генеральной Ассамблеи

назначить на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи координаторов, одного из развитой страны и одного из развивающейся, чтобы определить в рамках межправительственного процесса и консультаций с другими соответствующими заинтересованными сторонами круг ведения и условия создания и функционирования Международной научной группы по ИИ и Глобального диалога по управлению ИИ для утверждения Генеральной Ассамблеей; 4) поощрение развития международных партнерств по наращиванию потенциала ИИ для разработки образовательных и обучающих программ, расширения доступа к ресурсам, включая открытые модели и системы ИИ, открытые учебные данные и вычисления, содействия обучению и разработке моделей ИИ и поощрение участия микро-, малых и средних предприятий в цифровой экономике; 5) использование существующих механизмов ООН и многосторонних заинтересованных сторон для поддержки наращивания потенциала ИИ, чтобы преодолеть разногласия в области ИИ, облегчить доступ к приложениям ИИ в развивающихся странах; 6) поощрение увеличения инвестиций, особенно со стороны частного сектора и благотворительной деятельности, в целях наращивания потенциала искусственного интеллекта в интересах устойчивого развития, особенно в развивающихся странах, для чего предложено Генеральному секретарю разработать инновационные варианты финансирования для рассмотрения Генеральной Ассамблеей на 79-й сессии.

Эти меры показывают, что Глобальный цифровой договор следует рассматривать как программу действий для создания нормативных инструментов в отношении управления ИИ, но не как нормативный инструмент. Однако у этой программы есть один существенный недостаток. Ранее Концептуальная записка 5 «Глобальный цифровой договор: открытое, свободное и защищенное цифровое будущее для всех», подготовленная Генеральным секретарем ООН, ставила проблему гибкого управления искусственным интеллектом и другими формирующимися технологиями. Был предложен координационный механизм международного управления информационно-коммуникационными системами. В Глобальном цифровом договоре отражен только ИИ, информационно-коммуникационные системы «выпали» из его содержания.

Глобальный цифровой договор также не содержит процессуальную часть, учитывающую разрешение споров, связанных с ИКТ и информационно-коммуникационными системами, международными судебными учреждениями.

3. Вывод

Глобальный цифровой договор не стал системообразующим актом для регулирования информационно-коммуникационных систем, но создал программу действий для формирования такого регулирования. Результатом деятельности независимой междисциплинарной международной научной группы по ИИ может стать комплекс актов, в которых будут кодифицированы принципы международно-правового регулирования информационных отношений в целом и информационно-коммуникационных систем в частности, унифицированы ограничения на создание и использование информационно-коммуникационных систем, выработаны гармонизационные положения об ответственности операторов информационно-коммуникационных систем, а также

разработана единая процессуальная форма, отражающая особенности разрешения споров, связанных с ИКТ и информационно-коммуникационными системами.

Пристатейный библиографический список

1. Бабкин С. А. Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: основные проблемы. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 67 с.
2. Захаров Т. В. Международное правотворчество: как практика обуславливает формирование норм международного обычного права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 159-165.
3. Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права. Автореф. дис. ... к.ю.н. – Москва: 2013. – 55 с.
4. Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права. – М.: Проспект, 2014. – 328 с.
5. Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. – 2020. – Т. 18, № 2 (61). – С. 6-30.
6. Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия. Автореф. дис. ... д.ю.н. – Свердловск: 1984. – 18 с.
7. Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права и механизм международно-правового регулирования (постановка вопроса) // Вопросы государства, права и социального управления. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко. – Свердловск: Уральская государственная юридическая академия, 1983. – С. 27-32.
8. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права (теоретические проблемы). Дис. ... д.ю.н. – Казань: 2000. – 465 с.
9. Путина О. А. Международное правотворчество как особый вид создания системы норм // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 4-5.
10. Саядян М. М., Поселенкова О. В. Эффективность реализации норм международного гуманитарного права // Политика и право. ученые записки. Благовещенск: Амурский государственный университет. – 2021. – С. 158-164.
11. Тазиев Н. Д. Международное нормотворчество: современные способы создания правовых норм. Дис. ... к.ю.н. – Казань: 2002. – 186 с.
12. Технологический прогресс и современные международные отношения / Под ред. А. В. Крутских. – М., 2004. – С. 71-81.
13. Шаханов В. В., Снегирёв А. А. Международное нормотворчество: доктринальные основания, принципы, понятие, метатеория // Ученые записки. – 2021. – № 2 (38). – С. 144-148.
14. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 320 p.
15. Bambara J., Allen P. Blockchain: A Practical Guide to Developing Business, Law, and Technology Solutions. – McGraw-Hill Education, 2018. – 302 p.
16. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / Ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. – London: Springer, 2018. – 120 p.
17. Burri M. Big Data and Global Trade Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 376 p.
18. Cappelletto B., Carullo G. (eds.). Blockchain, Law and Governance. – London: Springer, 2021. – 303 p.
19. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 300 p.
20. Compagnucci M. C. Big Data, Databases and “Ownership” Rights in the Cloud. – London: Springer, 2020. – 308 p.
21. Herian R. Regulating Blockchain: Law, Technology and the Ethics of Political Economy. – New York: Routledge, 2018. – 167 p.
22. Giannopoulou A. Digital Golems – Copyright and Lex Electronica // Journal of Law, Technology and Society. – 2016. – V. 13, Iss. 1. – Pp. 108-111.
23. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. – London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. – 153 p.
24. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. – Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. – 252 p.
25. Stabile D., Prior K. Digital Assets and Blockchain Technology: U.S. Law and Regulation. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2020. – 368 p.
26. Gautrais V., Lefebvre G., Benyekhlef K. Droit du Commerce Electronique et Normes Applicables: L’Emergence De La Lex Electronica // International Business Law Journal. – 1997. – Iss. 5. – Pp. 547-584.

АНДРОПОВА Анастасия Олеговна

магистрант, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМАТИКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, ТОВАРОВ И УСЛУГ

В данной статье обозначена проблематика международно-правовой охраны средств индивидуализации юридических лиц, товаров и услуг. Проанализированы нормативные источники, такие как Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.) и Соглашение ТРИПС. Выявлены пробелы в правоприменении национального законодательства. Предложены рекомендации по улучшению механизмов охраны средств индивидуализации, с целью повышения правовой определенности и защиты прав владельцев в условиях глобальной торговли.

Ключевые слова: международное частное право, товарные знаки, интеллектуальная собственность, правовая охрана, промышленные образцы, регистрация, международные стандарты, недобросовестная конкуренция.

ANDROPOVA Anastasiya Olegovna

magister student, Institute of Law, Samara State University of Economics

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF LEGAL ENTITIES, GOODS AND SERVICES

This article considers the problems of international legal protection of means of individualization of legal entities, goods and services, which is an important part of legal regulation in the era of globalization. The main normative sources such as the Paris Convention for the Protection of Industrial Property (1883) and the TRIPS agreement are analyzed. Gaps in the enforcement of national legislation are identified. Recommendations are offered to improve the mechanisms of protection of means of individualization in order to increase legal certainty and protection of owners' rights in the conditions of global trade.

Keywords: private international law, trademarks, intellectual property, legal protection, industrial designs, registration, international standards, unfair competition.

Торговыми или производственно-торговыми объектами промышленной собственности, составляющими крупную группу объектов промышленной собственности, представляются все средства индивидуализации (товаров, услуг, лиц, предприятий). В обозначенном контексте использование формулировки из российского законодательства, а именно «средства индивидуализации» представляется корректным и допустимым ввиду того, что не создает терминологических противоречий с текстами международных договоров в сфере охраны промышленной собственности [1, с. 144].

Общими нормативными источниками для всех объектов промышленной собственности являются Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.) (далее – Парижская конвенция) и Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) 1994 г.

Логичным с точки зрения научного анализа представляется рассмотрение каждого источника по отдельности.

Повышенный интерес представляют международные механизмы Парижской конвенции, регулирующие вопросы регистрации и основания для отказа в регистрации товарных знаков. Так, исходя из ст. 6 настоящей Конвенции, товарные знаки обладают независимостью в странах Союза, если регистрация выполнена надлежащим образом. В то же время, в соответствии со ст. 6 bis в регистрации товарного знака должно быть отказано в случае, если товарный знак представляет собой воспроизведение, имитацию или перевод другого знака, способные вызвать смешение со знаком, который является общеизвестным в странах Союза.

Примечателен и тот факт, что товарные знаки зарегистрированные в одном государстве-участнике Конвенции,

могут быть отклонены при регистрации в другом государстве-участнике Конвенции в тех случаях, если такие знаки затрагивают права, приобретенные третьими лицами в стране, где испрашивается охрана; если знаки лишены каких-либо отличительных признаков или составлены исключительно из знаков или указаний, могущих служить в торговле для обозначения вида, качества, количества, назначения, стоимости, места происхождения продуктов или времени их изготовления, либо ставших общепринятыми в обиходном языке или в добросовестных и устоявшихся торговых обычаях страны, где испрашивается охрана; а также если знаки противоречат морали или публичному порядку и в особенности если они могут ввести в заблуждение общественность. Подразумевается, что знак не может рассматриваться как противоречащий публичному порядку по той единственной причине, что он не соответствует какому-либо положению законодательства о знаках, за исключением случая, когда само это положение касается публичного порядка (ст. 6-quinquies) [2].

ВТО, охватывающая 98% мировой торговли, является крупнейшим интегративным объединением, и как утверждается, единственной организацией, формирующей правила многосторонней торговли. Она обеспечивает свободный обмен товарами, производит таможенное, санитарное, ветеринарное, и фитосанитарное, а также техническое регулирование. ВТО решает вопросы поддержки промышленности и сельского хозяйства, импортного лицензирования, применения антидемпинговых, компенсационных мер, защиты интеллектуальной собственности. Данная справка приведена не случайным образом. Ключевым актом, регулирующим вопросы интеллектуальной собственности в рамках ВТО, явля-

ется Соглашение ТРИПС, в котором товарные знаки имеют более развернутое толкование [3].

Примечательно также, что Парижская конвенция не содержит определения фирменного наименования. Это следует рассматривать как существенный недостаток, учитывая возможность возникновения разногласий между государствами-участниками относительно толкования данного понятия. Тем не менее Российская Федерация как член Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), взяла на себя дополнительные обязательства по охране прав на фирменные наименования на наднациональном уровне. Согласно ТРИПС, понятие «товарный знак» охватывает любое обозначение или их комбинацию, способную отличать продукцию или услуги одной фирмы от аналогичных товаров или услуг других фирм. Это определение включает широкий спектр элементов, таких как слова, имена, буквы, цифры, изобразительные элементы, сочетание цветов и любые их комбинации, которые могут быть зарегистрированы как товарные знаки.

ТРИПС играет ключевую роль в международной системе защиты товарных знаков, и одним из важнейших аспектов этого Соглашения является положение о различительной способности знака. В соответствии с пунктом 1 статьи 15 ТРИПС, если какое-либо обозначение, заявленное в качестве товарного знака, изначально не обладает способностью четко различать товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий, иными словами, если оно не является само по себе отличительным, государства-члены ВТО имеют право обусловить его регистрацию приобретением различительной способности в процессе фактического использования на рынке.

Это означает, что если обозначение, является общим термином, описательным названием товара или не обладает достаточной оригинальностью, чтобы сразу ассоциироваться с конкретным производителем или услугой, то оно не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака, если только в дальнейшем, благодаря его использованию в коммерческой деятельности, потребители не начнут воспринимать его как идентификатор конкретного предприятия и его продукции. В процессе использования потребители могут начать ассоциировать это обозначение с определенным уровнем качества, репутацией или специфическими характеристиками товара или услуги, что будет свидетельствовать о приобретении различительной способности.

Такое требование, закрепленное в ТРИПС, придает ему особую важность, поскольку ТРИПС, как международное Соглашение, устанавливает общие стандарты и критерии определения товарных знаков, в которых различительная способность является центральным элементом. Фактически, ТРИПС выступает как универсальный акт, который не просто устанавливает правила, но и способствует сближению правовых подходов в разных странах, следовательно, унификации национального законодательства в сфере охраны товарных знаков и знаков обслуживания. Это позволяет создать более предсказуемую и прозрачную систему защиты прав интеллектуальной собственности на международном уровне, а также упрощает процессы регистрации и охраны товарных знаков для предприятий, работающих в разных юрисдикциях. Благодаря ТРИПС страны с разным уровнем экономического развития и правовыми традициями могут прийти к единому знаменателю в вопросах защиты товарных знаков, что в конечном итоге способствует развитию международной торговли и честной конкуренции. Учитывая изложенное, можно

сказать, что ТРИПС, опираясь на критерий различительной способности, обеспечивает более эффективную защиту прав на средства индивидуализации во всем мире.

В то же время ТРИПС, в отличие от Парижской конвенции, не выделяет знак обслуживания как отдельный объект охраны, считая, что товарный знак также применим к услугам, это различие не влечёт за собой существенных практических последствий. Обусловлено это тем, что правовые режимы и способы охраны товарных знаков и знаков обслуживания на практике практически идентичны, фактически сливаются и отождествляются.

Что же касается имплементации в сфере интеллектуальной собственности в российское законодательство, в условиях геополитической нестабильности, вызванной применением экономических санкций в отношении России, государство остается ключевым участником международной системы охраны интеллектуальной собственности. Тем не менее, наблюдается интенсификация правовых коллизий, в частности, в сфере регистрации товарных знаков, сходных до степени смешения с уже существующими зарегистрированными обозначениями. Российское законодательство, а именно Гражданский кодекс РФ, устанавливает ограниченный перечень правообладателей, имеющих право на подачу заявок на регистрацию товарного знака, предоставляя это право исключительно юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. С июня 2023 года физические лица и самозанятые также могут регистрировать товарные знаки благодаря внесенным поправкам [4].

Введенные поправки, с одной стороны, создают благоприятные условия для развития личных брендов самозанятых, способствуя более эффективной коммерциализации их товаров и услуг. Однако, с другой стороны, эти изменения создают потенциальную возможность для злоупотреблений со стороны недобросовестных конкурентов, в том числе физических лиц, путём подачи заявок на регистрацию известных товарных знаков, принадлежащих третьим лицам, на своё имя.

Практически применимой в рамках эффективного управления интеллектуальной собственностью и защиты бренда рекомендуется осуществлять комплексный подход, включающий экспертный анализ и систематический мониторинг. Для повышения уровня защиты также следует усовершенствовать и усилить механизмы мониторинга заявочной деятельности в отношении товарных знаков и контроля за соблюдением сроков продления и обновления свидетельств на товарные знаки.

Помимо вышеперечисленного, инструментарием защиты могут служить, также законодательные аспекты в сфере охраны и защиты промышленной собственности. Так, например, Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции или ФЗ-135) является основным нормативным актом в Российской Федерации, регулирующим отношения в сфере защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности. Закон направлен на обеспечение конкуренции и защиту от недобросовестных действий, а также на ограничение монополистической деятельности, которая может наносить серьезный ущерб экономике и потребителям.

Основные направления регулирования включают в себя:

1) запрет на монополистическую деятельность, которая может ограничить конкуренцию. Например, злоупотребление доминирующим положением на рынке, создание барье-

ров для входа новых участников, установление дискриминационных цен;

2) запрет на недобросовестную конкуренцию. На различные виды недобросовестной конкуренции, которые могут вводить потребителей в заблуждение, наносить ущерб другим участникам рынка или подрывать конкуренцию в целом;

3) государственный контроль. Закон устанавливает полномочия Федеральной антимонопольной службы (ФАС) по осуществлению контроля за соблюдением антимонопольного законодательства.

В контексте товарных знаков ФЗ-135 играет важную роль в защите от недобросовестной конкуренции, от незаконного использования чужих товарных знаков, регистрации схожих знаков с целью введения потребителя в заблуждение и т. д.

ФАС рассматривает подобные дела, выявляет нарушения и применяет соответствующие меры, например, выдаёт предписания об устранении нарушений.

Стоит обозначить и недостаточную четкость определений и терминологии на примере товарных знаков:

1) размытость понятия «сходство до степени смешения». Оценка сходства товарных знаков зачастую субъективна, что приводит к неоднозначным судебным решениям. Отсутствие четких критериев затрудняет процесс выявления нарушений;

2) отсутствие определения «добросовестного» использования товарного знака. Законодательство не всегда четко определяет границы добросовестного использования, что в последствии приводит к судебным спорам;

3) недостаточная детализация понятия «недобросовестная конкуренция» в контексте товарных знаков, из этого следует, что не всегда понятен механизм действий при признании недобросовестной конкуренции в отношении товарных знаков;

4) пробелы в регулировании отдельных видов нарушений. Случаи регистрации товарных знаков, схожих с ранее использовавшимися, но не зарегистрированными;

5) проблемы с интернет-торговлей. Возникновение сложности с привлечением к ответственности за продажу контрафактной продукции в интернете.

Дальнейшее развитие института промышленной собственности в России определяется, в первую очередь, изменениями конъюнктуры международного рынка. Глобализация экономики, усиление конкуренции, появление новых технологий и инновационных продуктов оказывают существенное влияние на структуру спроса и предложения в сфере интеллектуальной собственности. В связи с этим российским компаниям необходимо активно осваивать новые рынки, разрабатывать конкурентоспособные продукты и обеспечивать их надёжную правовую защиту за рубежом.

Безусловно, для обеспечения эффективной защиты промышленной собственности в России требуется ряд конкретных мер по совершенствованию законодательства. Во-первых, необходимо внести изменения в Гражданский кодекс и Закон о защите конкуренции, направленные на уточнение определений, устранение коллизий и создание чётких механизмов защиты от недобросовестных действий. Во-вторых, следует разработать специальные нормы, регулирующие использование товарных знаков в цифровой среде, а также усилить ответственность за нарушения в интернете. В-третьих, необходимо усовершенствовать процедуры экспертизы и регистрации объектов промышленной собственности, а также повысить квалификацию судей и экспертов, рассматривающих соответствующие споры. В-четвёртых, необходимо наладить эффективное межведомственное взаимодействие, направленное на быстрое выявление и пресечение наруше-

ний. Реализация этих мер позволит существенно повысить уровень защиты промышленной собственности в России и создать благоприятные условия для развития инновационного бизнеса.

Таким образом, дальнейшее развитие института развития и защиты промышленной собственности в Российской Федерации представляет собой не просто техническую задачу, а стратегическую цель национального масштаба. Речь идет о создании благоприятной экосистемы для инновационной деятельности, которая станет движущей силой экономического роста и повышения конкурентоспособности страны на мировой арене. Решение этой задачи требует комплексного и скоординированного подхода, объединяющего усилия государства, бизнеса, науки и образования.

Успешное развитие института промышленной собственности позволит создать условия для привлечения как внутренних, так и иностранных инвестиций в инновационные проекты. Инвесторы будут готовы вкладывать средства в разработку и коммерциализацию новых технологий, если будут уверены в надёжной защите своих прав на интеллектуальную собственность. Это, в свою очередь, приведет к созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений в бюджет и повышению уровня жизни населения, а также способствовать повышению конкурентоспособности российской экономики за счёт создания новых высокотехнологичных продуктов и услуг. Российские компании смогут успешно конкурировать на мировом рынке, предлагая инновационные решения в различных отраслях, от информационных технологий и биотехнологий до машиностроения и энергетики.

Важно также отметить, что развитие института промышленной собственности имеет не только экономическое, но и социальное значение. Создание благоприятных условий для творчества и инноваций будет способствовать развитию человеческого капитала, формированию инновационной культуры и повышению престижа научной и инженерной деятельности. Это равным образом, приведёт к улучшению качества жизни населения, повышению уровня образования и здравоохранения, а также развитию культурного и духовного потенциала страны.

Пристатейный библиографический список

1. Луткова О. В., Шахназаров Б. А. Терентьева Л. В. Интеллектуальная собственность в международном частном праве: учебник. – М.: Проспект, 2023. – С. 144.
2. Парижская Конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/parizhskaya-konvenciya-po-ohrane-promyshlennoy-sobstvennosti> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Онадациональной охране фирменных наименований. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nadnatsionalnoy-ohrane-firmennyh-naimenovaniy/viewer> (дата обращения: 23.01.2025).
4. Некоторые проблемы правоприменительной практики в сфере защиты прав на товарные знаки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekotorye-problemy-pravoprimenitelnoy-praktiki-v-sfere-zaschity-prav-na-tovarnye-znaki> (дата обращения: 24.01.2025).

ГАСАНОВ Тогрул Рахманович

аспирант кафедры конституционного и международного права, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

В научной статье описывается развитие отношений Российского государства с Персией, которые зародились еще в IX в. с началом активной торговли, а в XVIII в. начинают регулироваться правоотношения России с Персией относительно Каспийского моря. Ряд межгосударственных соглашений был заключен в период советской власти (1922 и 1940 гг.), они же и остаются на данный момент действующими. Однако подчеркивается, что с распадом СССР и по настоящее время на территории прикаспийских государств (Азербайджанская Республика, Иран, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан) не ратифицирован новый принятый межгосударственный нормативный акт, регулирующий общественные отношения между данными государствами – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., в силу чего целесообразно найти компромисс для международно-правовой интеграции.

Ключевые слова: международное право, прикаспийские государства, международно-правовая интеграция, правовой статус Каспийского моря.

GASANOV Togrul Rakhmanovich

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL LEGAL INTEGRATION OF THE CASPIAN LITTORAL STATES

The scientific article describes the development of relations between the Russian state and Persia, which originated in the 9th century with the beginning of active trade, and in the 18th century. Legal relations between Russia and Persia regarding the Caspian Sea are beginning to be regulated. A number of interstate agreements were concluded during the Soviet period (1922 and 1940), and they remain in force at the moment. However, it is emphasized that since the collapse of the USSR and to the present day, the territories of the Caspian littoral states (the Republic of Azerbaijan, Iran, the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation and Turkmenistan) have not ratified a new adopted interstate normative act regulating public relations between these states – the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in 2018, which makes it advisable to find a compromise for international legal integration.

Keywords: international law, Caspian littoral states, international legal integration, legal status of the Caspian Sea.

После распада СССР необходимо было уже с получившими суверенитет бывшими республиками СССР и Ираном урегулировать правовую интеграцию Каспийского региона, учитывая особенности развития экономических и военных отношений в данном регионе мира. С Ираном (до 1935 г. именовался Персией), как постоянным представителем прикаспийского региона, в период СССР (был образован в 1922 г.) были урегулированы международно-правовые отношения с помощью межгосударственных договоров 1922 г. и 1940 г.¹, с учетом которых на прикаспийские государства и Каспийское море соответственно не должны применяться международные правовые положения, отраженные в Конвенции ООН по международному морскому праву 1982 г.² На основании Венской конвенции о праве преемства государств 1978 г. остаются действующими межгосударственные договоры, заключенные между СССР и Ираном до того периода времени, пока не будет ратифицирована и не вступит в юридическую силу Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г.³, либо

пятью странами прикаспийского региона будет разработана новая Конвенция по международно-правовому регулированию Каспийского моря. Особенно актуальным это стало для Российской Федерации на фоне изменяющихся геополитических отношений с рядом стран Европы и Америки, а также некоторые исследователи подчеркивают наличие потенциальной угрозы влиянию России на Каспийский регион в рамках стран, относящихся к данному региону, а также ряд экономических, экологических, внешнеполитических и иных проблем [2], [4]. Именно поэтому в 2018 г. была разработана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, но не ратифицирована всеми пятью государствами, входящими в Каспийский регион, вследствие чего данный международный правовой акт не вступил в юридическую силу. Между тем любые международные правовые отношения, в том числе и в рамках международно-правовой интеграции прикаспийских регионов, должны быть урегулированы для минимизации различных рисков включая и национальную безопасность Российской Федерации.

Таким образом, считаем целесообразным проанализировать особенности развития межгосударственного правового регулирования стран прикаспийского пространства, что позволит выработать предложения по оптимизации правового регулирования данного региона мира в настоящее время.

Так, непосредственно анализируя юридическую литературу по особенностям взаимодействия нашего государства с прикаспийскими странами, можем констатировать, что проникновение славянских племен на Каспий начинается со второй половины IX в., о чем свидетельствуют Арабские летописи, в которых говорится, что русские купцы вели торговлю

- 1 Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1921. – № 73. – Ст. 597; Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами (на 1 января 1977 года). – Т. 1. – М.: Экономика, 1977. – С. 301 – 313.
- 2 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) от 10 декабря 1982 г. (с изм. от 23.07.1994) // СЗ РФ. – 1997. – № 48. – Ст. 5493.
- 3 Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с прибрежными народами и активно использовали «Джурджанское (Каспийское) море для транспортировки своих товаров в Багдад» [3, с. 65].

Именно в это время реализуется торговый путь, который просуществовал до середины XIII вв., т.е. до татаро-монгольского нашествия, и только взятие Астраханского ханства (1556 г.) позволило России вернуться к торгово-экономическим отношениям на Каспийском море, а уже к концу XVI в. устанавливается контроль над ключевым участком Волжско-Каспийского водного торгового пути, проходившего из Восточной Европы в Индию [2, с. 17].

Между тем правовое регулирование российских отношений на Каспии начали формироваться только с XVII в. после первой русско-турецкой войны [1].

В последующем, уже в период правления Петра I, в рамках развития межгосударственных отношений с Персией (в 1715-1717 гг.) был подписан ряд нормативных актов, закрепляющих свободный порядок торговли российскими товарами в Персии. Причем последний двусторонний Договор о торговле российских купцов стал фактически одним из первых двухсторонних соглашений между Россией и Персией, закрепив Россию на Каспии для продвижения геополитического влияния на Среднюю Азию [3, с. 67].

Так отметим, что одними из значимых являются Гюлистанский мирный договор 1813 г. и Туркманчайский договор 1828 г., на основе которых Персия запрещалось иметь военный флот и границы на Каспийском море. В целом данные межгосударственные правовые акты можно расценивать как базис правового регулирования прикаспийских государств.

В 1921 г., уже с приходом к власти большевиков, разрабатывался и был принят Российско-персидский договор, на основе которого происходило разграничение сфер влияния двух государств, и Персии, в отличие от иных межгосударственных правовых актов, предоставлялось право иметь суда на Каспийском море, наравне с РСФСР, с использованием своих государственных флагов, но в данном договоре отсутствует какая-либо конкретизация по разграничению границ Каспийского моря. Кроме того, подчеркивалось, что на судах Персии не должно быть представителей третьих стран, которые ведут недружественную политику по отношению к России.

Тем самым можем отметить, что в межгосударственном договоре России и Персии 1921 г. впервые было акцентировано внимание на особенностях правового режима судоходства в Каспийском море.

В 1940 г. между СССР и Ираном был заключен Договор о торговле и мореплавании, в котором оговаривалось, что за каждым государством закрепляется возможность проведения вылова рыбных ресурсов в пределах 10-мильной прибрежной зоны. При этом подчеркивалось, что в акватории Каспийского моря могли находиться суда только этих двух государств, т.е. ни одна из стран не могла разместить у себя суда для рыболовства третьих государств.

Между тем, по справедливому замечанию некоторых авторов, в подписанных межгосударственных нормативных актах между двумя государствами относительно границ Каспийского моря отсутствовала конкретизация наименования Каспия – «море» либо «озеро» [4, с. 13].

В последующем, при распаде СССР в 1991 г., и образовании новых суверенных государств (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан, находящихся в прикаспийском регионе) поднимается вопрос о правовом регулировании Каспия с учетом общих интересов всех пяти государств. Так начинаются двусторонние попытки ограничения пользования Каспием, о чем в частности свидетельствует политика Азербайджана, который в своей Конституции указал, что Каспийское море является «пограничным озером», а Туркменистан определил государственные границы по Каспию, но для того, чтобы

были учтены интересы всех прикаспийских государств, необходимо было принять новый межгосударственный акт, как это имело место в XX в. между Россией и Ираном, но этого не было сделано до начала 2025 г., так как принятая в 2018 г. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, как нами ранее было подчеркнуто, так и не вступила в силу (хотя она содержала более конкретизированные особенности правового регулирования Каспия между странами, дно и недра которого разделялись с учетом договоренности между государствами, базирующимися на международных правовых актах, при этом Каспийское море признавалось водоемом), так как не все страны ее приняли и не в полной мере разрешили международные противоречия. Например, между Азербайджаном и Туркменией до сих пор продолжается острая полемика по вопросу принадлежности трёх нефтяных месторождений Каспийского моря: «Кяпаз» (туркменский «Сердар»), «Азери» («Омар») и «Чираг» («Осман»)⁴.

Поэтому в настоящее время остается необходимость нахождения компромисса по международно-правовой интеграции прикаспийских государств.

Таким образом, подводя итог настоящей статье, можем сказать, что:

1. Эволюция международно-правовой интеграции прикаспийских государств с участием России начиналась с IX в., но непосредственно с XVII в. начало формироваться и развиваться межгосударственное взаимодействие России и Персии в частности по торговым взаимоотношениям на Каспии.

2. В настоящее время наблюдается проблема правового регулирования межгосударственных отношений на Каспийском море, так как с распадом СССР среди прикаспийских государств должен быть принят новый международный правовой акт, но разработанная и принятая в 2018 г. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря всеми участниками так и не была ратифицирована, вследствие чего наличествует правовая неурегулированность правоотношений прикаспийских государств, что требует нахождения компромисса для международно-правовой интеграции.

Пристатейный библиографический список

1. Асаева Г. Д. Интересы России в Каспийском регионе в XVII–XIX вв. // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 12-2. – С. 48-50.
2. Кузнецов А. П. Международно-правовое обеспечение национальной безопасности России в Каспийском регионе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 25 с.
3. Рожков И. С. Механизмы многостороннего взаимодействия прикаспийских государств на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2022. – 250 с.
4. Хурчак Н. М. Международно-правовой статус Каспийского моря и международное экономическое сотрудничество прикаспийских государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 28 с.

4 Конвенция о статусе Каспийского моря: путь к подписанию, сильные и слабые стороны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.ru/a/YJsu558ZoAeXWlm4> (дата обращения: 11.01.2025).

МАРЗАНОВ Ахмед Юсуфович

аспирант кафедры международного права, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ РИМСКОГО ПРЕСТОЛА И ГОСУДАРСТВА ГРАД ВАТИКАН В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ СНОШЕНИЯХ

В статье исследуется специфика осуществления папством своих внешнеполитических сношений. Делается вывод о том, что ввиду принципиальных институциональных различий между Римским престолом (высшим учреждением Католической церкви) и Государством Град Ватикан каждый из них представляет собой двух отдельных субъектов международного представительства. Град Ватикан из соображений «организационной экономии» не поддерживает дипломатических отношений с какими-либо государствами, в отличие от Римского престола, который в необходимых случаях также может выступать от имени и по поручению Града Ватикана, в том числе для осуществления консульских функций.

Ключевые слова: Римский престол, Государство Град Ватикан, Папское государство, Римская курия, международная правосубъектность, дипломатические агенты, консульские должностные лица.

MARZANOV Akhmed Yusufovich

postgraduate student of International law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF THE PARTICIPATION OF THE ROMAN SEE AND THE VATICAN CITY STATE IN DIPLOMATIC AND CONSULAR RELATIONS

The article explores the specifics of the papacy's foreign policy relations. It is concluded that due to the fundamental institutional differences between the Roman See (the supreme institution of the Catholic Church) and the Vatican City State, each of them represents two separate subjects of *jus legationis*. For 'organisational saving' reasons, the Vatican City does not maintain diplomatic relations with any state, unlike the Roman See, which, where necessary, may also act on behalf of and on behalf of the Vatican City, including for the exercise of consular functions.

Keywords: the Holy See, the Vatican City State, the Papal States, Roman Curia, international legal personality, diplomatic agents, consular officers.

Введение

Проблема современного международно-правового положения папства связана с вопросом о том, присутствует ли епископ Вечного города в межгосударственном общении через одного или двух субъектов международного права [2, с. 59]: Римский престол (*Sedes Romana*)¹ и Государство Град Ватикан (*Stato della Città del Vaticano*)². Анализ основ внутреннего устройства Римского престола и Града Ватикана, произведенный автором в другом месте, свидетельствуют о том, что институциональная система каждого из образований в настоящий момент остается обособленной друг от друга, что более всего согласуется с «дуалистической концепцией» правосубъектности папства [2, с. 60-63]. Святой престол как высшее учреждение Католической церкви состоит из самого папы и Римской курии – духовно-религиозной администрации, содействующей понтифику в руководстве повседневными делами папства. Деятельность куриальных ведомств защищена привилегиями и иммунитетами, аналогичными дипломатическим. Органы публичной власти Государства Град Ватикан, в свою очередь, включают в себя Римский престол *in sensu stricto* (самого папу как суверена этой политики) и учреждения законодательной, исполнительной и судебной власти, осуществляющие юрисдикцию над территорией и гражданами Града Ватикана. Поскольку оба образования в равной степени репрезентируют политическую волю папы, по соображениям организационной экономии в его государстве с самого основания отсутствует собственное внешнеполитическое ведомство – функции последнего выполняет Государственный (Папский) секретариат Апостольского престола (*Secretaria Status seu Papalis*), который в таких случаях действует от имени и по поручению Града Ватикана [2, с. 63].

На примере участия папы в дипломатических и консульских сношениях следует проанализировать, соответствует ли положение дел в межгосударственной практике «унитарной» или скорее «дуалистической» концепции правосубъектности папства. Если второй подход оказывается наиболее точным, это будет свидетельством того, что в определенных случаях верховный понтифик, будучи субъектом двойного международного представительства, в одних случаях действует как вселенский церковный глава, а в других – в качестве правителя собственного государственного образования.

Дипломатические отношения с участием Римского престола

В качестве предстоятеля Римско-католической церкви понтифик многие столетия продолжает осуществлять активное и пассивное право представительства. В настоящий момент Святой престол от своего имени стал одним из первоначальных участников Венской конвенции о дипломатических сношениях³. В соответствии с каноном 362 Кодекса канонического права, утвержденным папой Иоанном Павлом II 25 января 1983 г., за Апостольским престолом провозглашается «прирожденное и независимое право» (*ius nativum et independens*) посылать своих легатов в том числе к различным «государствам и гражданским властям» (*Civitates et ad publicas Auctoritates*) в соответствии с предписаниями международного права⁴. Такими легатами также являются понтификальные

1 Он же Апостольский престол (*Sedes Apostolica*), Святой престол (*Sancta Sedes*).

2 Он же Град Ватикан (*Città del Vaticano*).

3 Венская конвенция о дипломатических сношениях (18 апреля 1961 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Издательство «Международные отношения», 1970. – Вып. XXIII, Ст. 1138.

4 § 2 кан. 363 Кодекса канонического права 1983 г. в ред. от 8 августа 2023 г. (Кодекс канонического права. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 624 с.; *Littera Apostolica motu proprio data: Quibus Canones 295-296 CIC de Praelaturis*

представители, направляемые на международные конференции или в межправительственные организации в качестве делегатов или наблюдателей.

К числу основных обязанностей легата, посланного в государство в качестве дипломатического агента (*legati missi*) Римским престолом, относятся⁵:

- а) постоянное представительство особы папы при местном правительстве;
- б) развитие и поддержка отношений Святого престола с этим государством;
- в) согласование с государством пребывания его внутренней церковной политики, включая подготовку к заключению конкордатов и их исполнению;
- г) наблюдение за поместной церковью и общение с ее духовенством, включая участие в организации процесса назначения местных епископов.

Органы публичной власти Государства Град Ватикан никоим образом напрямую не участвуют в осуществлении международных сношений Святого престола. За организацию дипломатической службы Апостольского престола, как было отмечено ранее, ответственно внешнеполитическое ведомство Римской курии – Государственный (Папский) секретариат.

С 1929 по 1965 гг. Римский престол продолжал активно назначать только дипломатических представителей 1-го и 2-го классов, а именно апостольских нунциев (*nuntii apostolici*) с саном архиепископа и апостольских интернунциев (*internuntii apostolici*) с саном епископа. Эта практика нашла свое закрепление в подпунктах «а» и «б» пункта 1 статьи 14 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., которые перечисляют указанных представителей среди прочих агентов.

На момент принятия Конвенции нунции по-прежнему назначались только в те тесно сотрудничающие со Святым престолом страны, где за ними в соответствии с обычаем, подтвержденным в Венском регламенте от 19 марта 1815 г.⁶, могло быть признано старшинство в дипломатическом корпусе безотнositельно даты и времени их вступления в выполнение своих функций. Пункт 3 статьи 16 Конвенции подтвердил возможность сохранения этого обычая в соблюдающих его государствах.

Постепенные изменения в межгосударственной практике после Второй мировой войны, связанные с прекращением широкого назначения дипломатических представителей 2-го и 3-го классов, привели к тому, что с 1965 года Святой престол перестал направлять новых интернунциев в иностранные державы [11, с. 300-301]. Если государство пребывания было готово признать старшинство легатов понтифика, туда отныне всегда направлялся нунций⁷. Когда же иностранное правительство отказывалось принимать этот обычай, Римский престол отныне направлял к нему пронунциев (*pro nuntii apostolici*) – представителей 1-го класса⁸, назначавшихся до этого момента по иным причинам⁹. Первые пронунции

были назначены по новым основаниям папой Павлом VI для пребывания в Замбии и Кении в октябре 1965 г.¹⁰, однако в период с 1990 по 1992 гг. практика их назначения также постепенно прекратилась – таким образом, во все государства, согласившиеся принять дипломатических представителей Римского престола, в настоящий момент направляются только нунции¹¹.

Особый случай имел место при установлении дипломатических сношений Советского Союза со Святым престолом («Ватиканом»). В 1990 году стороны, не желая торопиться с организацией полноформатных связей, договорились установить «официальные отношения» (*rapporti ufficiali*)¹² путем обмена агентами в статусе «представителей» (*rappresentanti*), которые напрямую не были причислены сторонами к какому-либо из дипломатических классов¹³. При этом подобный формат взаимоотношений, продолжившийся после распада Советского Союза уже при участии Российской Федерации¹⁴, тем не менее предполагал *приравнивание* положения этих представителей к ординарному статусу дипломатических агентов: за ними признавались соответствующие привилегии и иммунитеты согласно Венской конвенции 1961 г.¹⁵, назнача-

государства пребывания (см.: Köck H. F. Op. cit. – P. 299). После церемонии пронунций складывал свои полномочия и приступал к постоянному служению в качестве кардинала (см.: Cardinale H. E. Cardinale H. E. The Holy See and the International Order. – Gerrards Cross: Colin Smythe Ltd., 1976. – P. 143. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/holyseeinternatiooocard/mode/2up> (дата обращения: 25.01.2025)). Церемония была окончательно отменена к 1969 году, в связи с чем практика «преображения» нунция в пронунция после принятия сана кардинала прекратилась.

- 10 Diarium Romanae Curiae // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. – 1965. – Vol. LVII, № 14. – P. 1023.

- 11 См.: Annuario Pontificio: 1998. – Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 1998. – P. 1892. Один из последних пронунциев был назначен в Гамбию и Либерию в ноябре 1992 года (Diarium Romanae Curiae // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. – 1992. – Vol. LXXXIV, № 12. – P. 1196).

- 12 Discorso di Giovanni Paolo II ai Membri del Corpo Diplomatico accreditato presso la Santa Sede (12 gennaio 1991). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/it/speeches/1991/january/documents/hf_jp-ii_spe_19910112_corpo-diplomatico.html (дата обращения: 31.01.2025).

- 13 В марте 1990 г. в Союз был направлен представитель Святого престола (*rappresentante della Santa Sede in Unione Sovietica*) архиеп. Франческо Коласуонно (Diarium Romanae Curiae // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. 1990. Vol. LXXXII. – № 8. – P. 928). Не будучи дипломатическим агентом 1-го класса, он тем не менее получил ранг апостольского нунция, в то время как назначенный представитель СССР при Святом престоле (*rappresentante dell'Unione delle Repubbliche Socialiste Sovietiche presso la Santa Sede*) Юрий Карлов – ранг чрезвычайного и полномочного посла (Diarium Romanae Curiae // Ibid. – № 4. – P. 737; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1990 г. № 1353-I «О присвоении тов. Карлову Ю. Е. дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 12. – Ст. 200). В соответствии с номенклатурой МИД СССР должности Карлова было присвоено следующее наименование: «представитель СССР в ранге Посла по поддержанию контактов с Ватиканом» (Карлов Ю. Е. Миссия в Ватикан. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 108).

- 14 В конце декабря 1991 г. Святой престол и Россия обменялись нотами о продолжении «официальных и дружественных отношений между сторонами», вследствие чего полномочия Юрия Карлова уже как «представителя Российской Федерации при Ватикане» были продлены (Там же. – С. 220–221). В документах же Римской курии он, как и его преемники, стал именоваться «представителем Российской Федерации при Святом Престоле» (Diarium Romanae Curiae // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. – 1995. – Vol. LXXXVII, № 8. – P. 731).

- 15 Письмо МИД РФ от 22.03.1994 № 279/Дтп-нс «Об освобождении от уплаты налогов, сборов и пошлин сотрудников посольств иностранных государств и членов их семей, живущих вместе

Personalibus mutantur (8 agosto 2023) // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. – 2022. – Vol. CXV. – № 9. – P. 951-953).

5 § 1 кан. 363, кан. 364–365 Кодекса канонического права 1983 г.

6 Положение относительно дипломатических агентов (1815 г. 7-го (19-го марта)) // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876. – Т. III. – С. 529-534.

7 К таким государствам относятся преимущественно католические державы.

8 См. ч. 2 ст. I Апостольского письма *Sollicitudo omnium Ecclesiarum* в форме *motu proprio* от 24 июня 1969 г. (Lettera Apostolica in forma di Motu Proprio: *Sollicitudo omnium Ecclesiarum*. – L'ufficio dei rappresentanti del Pontefice Romano (24 giugno 1969). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vatican.va/content/paul-vi/it/motu_proprio/documents/hf_p-vi_motu-proprio_19690624_sollicitudo-omnium-ecclesiarum.html (дата обращения: 25.01.2025).

9 Первоначально этот ранг с XVI в. присваивался представителю папы, возведенному в сан кардинала, но еще не прошедшему церемонию принятия кардинальской шапки из рук главы

лись путем аккредитации непосредственно при папе и главе Российского государства [1, с. 109–110], а также участвовали во всех мероприятиях дипломатического корпуса. 9 декабря 2009 года между РФ и Римским престолом была достигнута Договоренность об установлении дипломатических отношений на уровне посла и нунция соответственно¹⁶.

В настоящий момент Римский престол от своего имени поддерживает дипломатические отношения со 184 государствами, включая всех постоянных членов Совета Безопасности ООН за исключением Китайской Народной Республики, а также с Европейским союзом и Мальтийским орденом¹⁷.

Римский престол не поддерживает от своего имени консульские сношения с какой-либо страной, поскольку не имеет собственной территории и населения, в отличие от Государства Град Ватикан.

Дипломатические отношения с участием Государства Град Ватикан

Как было отмечено выше, из организационных и экономических соображений Град Ватикан отказался от создания собственного внешнеполитического ведомства¹⁸, бессрочно делегировав свое представительство в межгосударственном общении Государственному (Папскому) секретариату Святого престола. С момента своего создания в 1929 году Град Ватикан ни разу не устанавливал дипломатических отношений с какой-либо страной от своего имени. Аккредитация представителей иностранных держав по-прежнему происходит только при Римском престоле, как и во времена существования старого Папского государства до 1870 г. [7, с. 345].

В то же время в межгосударственной практике имелись случаи, когда некоторые государства намеревались начать дипломатические сношения именно с Градом Ватиканом, а не со Святым престолом. В октябре 1951 года президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн номинировал в Сенат генерала Марка Уэйна Кларка в качестве будущего «посла в Государстве Град Ватикан» (*Ambassador to State of Vatican City*)¹⁹. Верхняя палата Конгресса, противясь возобновлению дипломатических отношений с папой, отказалась утверждать назначение, в результате чего в январе 1952 г. кандидатура Кларка была отозвана²⁰. Эта номинация довольно четко указывала на намерение правительства США утвердить постоянные дипломатические сношения именно с Градом Ватиканом, в связи с чем упоминание последнего в качестве государства пребывания вряд ли представляло собой лишь метонимию для наименования «Святой престол» [8, с. 314]. В то же время кажется весьма маловероятным, что при общей и устоявшейся практике *самоустранения* Града Ватикана от прямого участия во внешнеполитических сношениях могло бы быть сделано исключение для Соединенных Штатов – это потребовало бы образования собственного ватиканского министерства иностранных дел и дипломатической службы.

с ними». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16 Договоренность об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Святым престолом (в форме обмена нотами) (09.12.2009). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=c7887af3-75f8-421a-8443-07b7e104f848> (дата обращения: 25.01.2025).

17 Informative Note on the diplomatic relations of the Holy See, 08.01.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2024/01/08/240108a.html> (дата обращения: 25.01.2025).

18 См.: Germelmann F. Heiliger Stuhl und Vatikanstaat in der internationalen Gemeinschaft. Völkerrechtliche Praxis und interne Beziehungen // Archiv des Völkerrechts. – 2009. – Bd. 47, № 2. – P. 169.

19 Editorial Note // Foreign Relations of the United States, 1951. – Washington: United States Government Printing Office, 1985. – Vol. IV, Part. 1. – P. 1003; Congressional Record. – Washington: United States Government Printing Office, 1951. – Vol. 97. – Part. 10. – P. 13733.

20 Editorial Note // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. – Washington: United States Government Printing Office, 1986. – Vol. VI, Part. 2. – P. 2002.

Наиболее же вероятным следует считать намерение президента Трумэна установить дипломатические отношения с папой «только по светским вопросам», как это имело место до 1870 г.²¹ В конце концов, установление постоянных дипломатических отношений между Соединенными Штатами и римским понтификом произошло в 1984 году путем назначения посла США именно при Святом престоле (*United States Ambassador to the Holy See*)²².

Другим примером, порождающим терминологическую неясность, являются взаимоотношения Римского престола и Российской Федерации. Метонимия «Ватикан», до сих пор часто используемая в качестве обозначения папства и его главных органов в переносном смысле [11, с. 15], [9, с. 372–373], начала укореняться еще в официальном словоупотреблении властей Российской империи в качестве синонима термину «Святой престол»²³. Советское правительство, вероятно, руководствуясь идеологическими соображениями [11, с. 15–16], использовало на регулярной основе только название «Ватикан»²⁴. Создание же в 1929 году Государства Град Ватикан никак не повлияло на эту практику. Российское правительство после 1991 г. восприняло эту терминологическую традицию, и активно использует во внутренних актах и русских версиях текстов двусторонних соглашений с папой наименования «Ватикан» и «Святой престол» в качестве синонимов друг для друга²⁵.

Употребления различных наименований Апостольского престола остается для российского правительства скорее устоявшейся языковой «привычкой», доставшейся в наследство от практики советского правительства, нежели отображением особой позиции в отношении международно-правового статуса Святого престола и Государства Град Ватикан. Ярким подтверждением этого, например, является заключение Российской Федерацией 22 августа 2017 г. Соглашения одновременно с Римским престолом и Градом Ватиканом о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов. Поначалу в проекте Соглашения, утвержденном Правительством РФ 26 мая 2017 г., контрагентом российского кабинета министров был назван «Государственный секретариат Ватикана (Святого Престола)», в то время как Российской Федерации в тексте договора в качестве другой стороны противопоставлялось «Государство Ватикан (Святой Престол)»²⁶.

21 См.: [Instructions of] James Buchanan to Jacob L. Martin. № 2 (Department of State, Washington, 5th April, 1848) // United States Ministers to the Papal States. Instructions and Despatches, 1848–1868 / Ed. by L. F. Stock. – Washington: Catholic University Press, 1933. – P. 2–3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/unitedstatesminioooooounse/mode/1up> (дата обращения: 25.01.2025).

22 Nominations, January 10, 1984 | Ronald Reagan. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/nominations-january-10-1984> (дата обращения: 30.01.2025).

23 См., например: Порядок распубликования актов Римской Курии в России (Правительственное сообщение Министерства Внутренних Дел) [21 марта 1911 г.] // Известия Министерства иностранных дел. – 1912. – Кн. I. – С. 159–160.

24 См., например: Годовой отчет за 1923 г. II-му Съезду Советов. – М.: Народный Комиссариат по иностранным делам С.С.С.Р., 1924. – С. 130.

25 См., например: Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2009 № 1330 «Об установлении дипломатических отношений с Ватиканом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 48. – Ст. 5794. В данном документе термин «Ватикан» явно играет роль метонимии для термина «Святой престол», поскольку в Указе речь идет об установлении отношений с «Ватиканом» путем открытия апостольской нунциатуры – дипломатического представительства Римского престола.

26 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.05.2017 № 1069-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Государственным секретариатом Ватикана (Святого Престола) о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201705300011> (дата обращения: 25.01.2025).

Принимая данный проект, Правительство Российской Федерации уполномочило МИД подписать Соглашение с разрешением перед этим внести в него «изменения, не имеющие принципиального характера». Таким терминологическим изменением в итоговом, уже подписанном сторонами руском экземпляре договора оказалось как раз уточнение наименования сторон²⁷: благодаря добавлению причастного оборота, подписантом Соглашения становился теперь «Государственный секретариат Ватикана (Святого Престола), действующий также от имени государства-града Ватикан». Эта поправка была обусловлена совместной компетенцией органов Римского престола и Града Ватикана в отношении регулируемых договором вопросов. Упоминания же по тексту Соглашения «Государства Ватикан (Святого Престола)» были заменены на «Ватикан (Святой престол)». Таким образом, с одной стороны, при подготовке указанной договоренности российская сторона не пожелала отказаться от практики, связанной с использованием наименования «Ватикан» в качестве метонимии для наименования «Святой Престол». С другой стороны, потребность в различении Апостольского престола и Государства Град Ватикан как *двух различных контрагентов* этого Соглашения, одинаково представленных Государственным секретариатом, привела ко внесению (повидимому, по просьбе самого Святого престола) уточнений относительно участников договора – хотя соглашение подписывалось Секретариатом, от дела это не только от лица Святого престола («Ватикана»), но и от имени Града Ватикана («государства-града Ватикана»).

Консульские отношения с участием Государства Град Ватикан

Град Ватикан также не имеет собственной консульской службы, и с момента своего создания в 1929 году ни разу не устанавливал от своего имени консульские отношения с какой-либо страной (в отличие от старого Папского государства до 1870 г.²⁸). С учетом положений Венских конвенций о дипломатических²⁹ и консульских сношениях³⁰, участниками каждой из которых является от своего имени только Римский престол, в случае необходимости консульские услуги для ватиканских граждан оказываются его дипломатические представительствами³¹. То же самое может относиться к осуществлению иных консульских функций, например, исполнению нунциатурами поручений по снятию показаний для судов Града Ватикана³² по смыслу п. «j» ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях³³.

Выводы

Римский престол от своего имени поддерживает дипломатические отношения со 184 государствами, включая четырех из пяти постоянных членов Совета безопасности Органи-

зации Объединенных Наций, а также с Европейским союзом. В свою очередь, с целью организационной экономии Государство Град Ватикан отказалось от учреждения собственных дипломатических представительств, в необходимых случаях препоручая действия в его интересах внешнеполитическому ведомству Святого престола – Государственному (Папскому) секретариату. Это в том числе приводит к тому, что чаще всего договоры с участием Государства Град Ватикан подписывают представители Государственного секретариата Римского престола, которые в таких случаях действуют не от имени последнего, а от имени и по поручению (*in nome e per conto*) Града Ватикана³⁴. Аналогичным образом, хотя Римский престол и Государство Град Ватикан осуществляют *раздельное* членство в тех или иных международных организациях³⁵, папская политика нередко представлена в таких учреждениях сотрудниками Секретариата.

Пристатейный библиографический список

1. Карлов Ю. Е. Миссия в Ватикан. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 232 с.
2. Марзанов А. Ю. Государственный строй Града Ватикан и внутреннее устройство Святого престола в свете вопроса о международной правосубъектности папства // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 59–66.
3. Cardinale H. E. The Holy See and the International Order. – Gerrards Cross: Colin Smythe Ltd., 1976. – 557 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/holyseeinternati0000card/mode/2up> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Cumbo H. F. The Holy See and International Law // The International Law Quarterly. – 1948. – Vol. 2, № 4. – P. 603–620.
5. Editorial Note // Foreign Relations of the United States, 1951. – Washington: United States Government Printing Office, 1985. – Vol. IV, Part. 1. – P. 1003.
6. Editorial Note // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. – Washington: United States Government Printing Office, 1986. – Vol. VI, Part. 2. – P. 2002.
7. Graham R. A. Vatican Diplomacy. A Study of Church and State on the International Plane. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – XII, 442 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/vaticandiplomacy0000grah/mode/2up> (дата обращения: 27.01.2025).
8. Kunz J. The Status of the Holy See in International Law // The American Journal of International Law. – 1952. – Vol. 46, № 2. – P. 308–314.
9. Worster W. T. The Human Rights Obligations of the Holy See under the Convention on the Rights of the Child // The Duke Journal of Comparative & International Law. – 2021. – Vol. 31, № 2. – P. 351–423.
10. Germelmann F. Heiliger Stuhl und Vatikanstaat in der internationalen Gemeinschaft. Völkerrechtliche Praxis und interne Beziehungen // Archiv des Völkerrechts. – 2009. – Bd. 47, № 2. – P. 147–186.
11. Köck H. F. Die völkerrechtliche Stellung des Heiligen Stuhls dargestellt an seinen Beziehungen zu Staaten und internationalen Organisationen. – Berlin: Duncker & Humblot, 1975. – XXIV, 925 p.

27 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Государственным секретариатом Ватикана (Святого Престола) о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов (22 августа 2017 г.) // Бюллетень международных договоров Российской Федерации. – 2018. – № 3. – С. 66–68.

28 Annuario Pontificio: 1870. – Roma: Tipografia della R. C. A., 1870. – P. 439–445.

29 П. 2 ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях.

30 П. 2 ст. 2, ст. 3 Венской конвенции о консульских сношениях.

31 Например, продление или замена паспортов граждан Града Ватикана (Cardinale H. E. Op. cit. – P. 289).

32 В соответствии со ст. 1 Закона № DXXXII от 6 сентября 2022 г. в рамках судебного процесса в Граде Ватикане объяснения сторон и третьих лиц, включая экспертов, находящихся за рубежом, могут получены по видеоконференц-связи при содействии аккредитованного при местном правительстве дипломатического представителя Святого престола (N. DXXXII – Legge Raccolta di prove dichiarative all'estero mediante collegamento audiovisivo (6 settembre 2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/normativa-penale/Legge%20DXXXII.pdf> (дата обращения: 31.01.2025)).

33 Венская конвенция о консульских сношениях (24 апреля 1963 г.) // Сборник международных договоров СССР. – М.: «Международные отношения», 1991. – Вып. XLV. – Ст. 4538.

34 См., например: Monetalis pactio inter Statum Civitatis Vaticanae et eius opera inter Sanctam Sedem et Communitatem Europaeam (17 dicembre 2009) // Acta Apostolicae Sedis – Commentarium Officiale. – 2010. – Vol. CII, № 1. – P. 60–65.

35 Diplomatic Relations of the Holy See. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://holyseemission.org/contents/mission/diplomatic-relations-of-the-holy-see.php> (дата обращения: 25.01.2025).

RAKHIMOVA Malakkhanim Seyfulla gyzy

lecturer of UNESCO on Human Rights and information law sub-faculty, Faculty of Law, Baku State University

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK AND UNIVERSAL STANDARDS OF ACCESS TO THE RIGHT TO CLEAN WATER

The main element of the right to a decent life is the separate effective provision of the elements of law included in this complex system. The right to water occupies one of the main places among these elements of the right to a decent life. The realization of this right at a decent and adequate level should be interpreted not only in the narrow sense of water as an economic raw material, taking into account quantitative and technical parameters, but also in the sense that it is a social and cultural asset. The realization of the rights to adequate water and basic human needs should be aimed at ensuring a decent life for all without discrimination. The right to sufficient and adequate water means the use and consumption of sufficient amounts of safe, clean, affordable and inexpensive water for drinking, personal, household and other purposes. One of the specific characteristics of this right is that it contains both rights and freedoms. In the article, the author identified the exact composition of the rights and freedoms that make up decent and adequate water relations, analyzed international standards of the right to decent water, and studied in detail the international legal means of protecting the relevant right. However, the author separately reviewed international, regional and national acts recognizing the right to decent water, and at the same time put forward certain proposals and recommendations for the adequate implementation of the relevant right.

Keywords: decent standard of living, the right to a decent life, adequate standards, social rights, the right to clean water, international legal framework, universal standards, normative act, action plan, well-being, accessibility, equality.

РАХИМОВА Малакханым Сейфулла гызы

преподаватель кафедры ЮНЕСКО по Правам человека и информационному праву, Юридический факультет, Бакинский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ДОГОВОРНАЯ БАЗА И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ДОСТУПА К ПРАВУ НА ЧИСТУЮ ВОДУ

Основным элементом существования права на достойную жизнь является раздельное эффективное обеспечение элементов права, входящих в эту сложную систему. Право на воду занимает одно из главных мест среди этих элементов права на достойную жизнь. Реализацию этого права на достойном и адекватном уровне следует трактовать не только в узком смысле воды как экономического сырья с учетом количественных и технических параметров, но и в том направлении, что она является социальным и культурным достоянием. Реализация прав на достаточную воду и основные потребности человека должна быть направлена на обеспечение достойной жизни для всех без дискриминации. Право на достаточную и адекватную воду означает использование и потребление достаточного количества безопасной, чистой, доступной и недорогой воды для питья, личных, бытовых и иных целей. Одной из специфических характеристик этого права является то, что оно содержит как права, так и свободы. В статье автор определил точный состав прав и свобод, составляющих достойные и адекватные водные отношения, проанализировал международные стандарты права на достойную воду, подробно изучил международно-правовые средства защиты соответствующего права. Однако автор отдельно рассмотрел международные, региональные и национальные акты, признающие право на достойную воду, и в то же время выдвинул определенные предложения и рекомендации по адекватной реализации соответствующего права.

Ключевые слова: достойный уровень жизни, право на достойную жизнь, адекватные стандарты, социальные права, право на чистую воду, международно-правовые рамки, универсальные стандарты, нормативный акт, план действий, состояние благополучия, доступность, равенство.

I. Introduction

The main element of the existence of a decent standard of living is the effective provision of the legal elements included in this complex system separately. The right to decent water should be explored as the next important element of the right to a decent life. Ensuring access to safe drinking water is, in fact, one of the important conditions for realizing a dignified life and the protection of human rights. It also includes the right to decent water, which includes access to adequate water to sustain life and health and meet basic needs. The concept of "adequacy of water" should be interpreted not only in the narrow sense of economic raw material with reference to quantitative and technical parameters, but also in the direction that it is a social and cultural asset [18]. Access to and consumption of water is

not only a right, but also one of the most important factors for socio-economic and sustainable development, energy and food production, maintenance of healthy ecosystems, and human survival. It lays the groundwork for establishing a critical relationship between society and the environment, standing at the center of adaptation to climate change. According to the joint data provided by the World Health Organization and UNICEF in 2023, in 2022, 2.2 billion people did not have access to clean drinking water. According to statistics provided by the World Bank in 2023, 2 billion people use health facilities without basic water supply, and 771 million of them have limited access to basic drinking water [16].

Providing the basic needs of the population precisely from a human rights perspective strengthens social and community

cohesion without creating competition for available resources. The realization of the rights to drinking water, healthy food and other basic human needs is to ensure a decent living for all without discrimination [21]. During the Seventy-ninth session of the UN General Assembly on July 19, 2024 entitled "Promotion and protection of human rights: human rights questions, including alternative approaches for improving the effective enjoyment of human rights and fundamental freedoms", the Special Rapporteur on human rights to safe drinking water and sanitation, Pedro Arrojo Agudo, in his speech entitled "Human rights to safe drinking water and sanitation" emphasized that the right to decent water is and will always be the foundation of coexistence based on respect for human rights [21].

Water law — constitutes a relevant legal system that includes various rights and freedoms related to the ownership, control and use of water. It would not be correct to talk about a decent standard of living without ensuring that people have fair access to clean water. Adequate and decent water right means the use and consumption of sufficient, safe, clean, accessible and affordable water for drinking, personal, domestic and other purposes. This determines the implementation of relevant activities in equal and free conditions within the existing resources without discrimination for the residents under the internal jurisdiction of the states, and forms active action, that is, positive obligations for those states. Thus, as a result of certain activities performed by the states for the realization of an adequate and decent standard of living, they use their respective resources and opportunities. Of course, we do not exclude cases and opportunities of free access to natural drinking water sources here. We are talking about the urban population with limited access to natural springs, wells and geysers. According to some sources, the total volume of water consumption of these people has increased more than six times in the last century [9, p. 3].

In recent times, most regions are facing water shortages and scarcity. In the 2006 Human Development Report of the United Nations Development Program, the main cause of water scarcity is the mismanagement and misuse of resources. Also, Martinus Nijhoff, one of the researchers, claimed in his research that international water law does not adequately meet individual needs, conducted detailed analyzes in this direction and investigated the specific standard of protection provided by relevant human rights, and concluded that insufficient access to fresh water is caused by administrative problems such as distribution and improper management. [15, p. 258].

The authors refer to the General Comment No. 15 issued by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights on the right to decent water and emphasize that individuals cannot be deprived of the minimum necessary water level under any circumstances. However, they note that the amount of safe drinking water can be reduced, but the complete dehydration of individuals is prohibited [23, p. 34].

II. Universal standards of the right to decent water

One of the specific features of the right to decent water is that it includes both rights and freedoms. Examples of freedoms related to its content include:

- Maintain access to existing clean and safe water resources;
- Freedom from interventions to avoid arbitrary interruption or pollution of water supply;

- Not interfering with existing water supply and access to traditional water sources;

- Ensuring that personal safety is not threatened when accessing and obtaining water outside the home.

The legal aspects of the relevant right include the following rights:

- The right to access to a minimum amount of safe drinking water to protect life and health;
- Water supply that ensures equal opportunities for people to use the right to water;
- Accessibility to the management system;
- Participate in water-related decision-making at national and community levels.

In addition, easy access to basic water supplies and the absence of water scarcity are also legal aspects of decent and adequate water. The following factors are of particular importance for the consideration of access and consumption of water as a right:

1. Presence — availability of sufficient and continuous water supply for personal and domestic purposes, such as drinking, personal hygiene and sanitation, washing clothes, preparing food, etc.;

2. Accessibility — refers to the provision of non-discriminatory access to water, its facilities and services in various aspects within the jurisdiction of the State to which individuals belong. Three types of accessibility are distinguished here: a) Physical accessibility — water services must be physically accessible to the entire population, taking into account the needs of special groups, including persons with disabilities, women, children and the elderly; b) Economic accessibility — indirect costs and payments for access to water should be affordable for all; c) Information accessibility — the conditions for searching, obtaining, and disseminating information related to water issues and relations should be acceptable to everyone.

3. Equality - there should be no discrimination in the use of water by people based on race, color, sex, language, religion, political motives, national, ethnic and social origin [22].

4. Sustainability means that the use of water is the right of not only current generations, but also future generations, and it can be used without unnecessary waste and depletion.

5. Acceptability — all facilities and resources should be culturally acceptable, as well as sensitive to gender, living conditions and privacy requirements [21].

7. Adequacy — water should meet the personal needs of a person, taking into account age, living conditions, health, profession, gender, etc., and should be safe and free of harmful substances for human consumption.

Water can only be considered decent and adequate when it meets the following international legal standards:

- Amount or accessibility — availability of adequate and decent water can vary depending on climatic conditions, the person's health, and the consumption of physical and mental energy. According to the World Health Organization, the adequate use of water per person is a minimum of 20-25 liters per day [14, report 9].

- Safety — water must be free from microbes and parasites, chemicals, and radiological effects that can pose a danger to human.

- Quality — refers to quality that includes the right to decent and safe water. So, water for personal or domestic use

should be suitable for use based on the appropriate color, smell and taste indicators. The World Health Organization Guidelines for Drinking Water Quality provide the basis for the development of national standards in the water sector that, if properly implemented, can ensure the safety of drinking water [14, report 10].

III. The right to decent water in international legal acts

According to Vladimir Abramov, one of the authors who researched the limits of civil-legal regulation of relations in the field of water use, this is a matter regulated in domestic law and divided into two parts: civil-legal type contracts and public-legal contracts [1].

At the international level, this right finds its legal basis in various acts. First of all, it should be noted that the right to decent water is included in international documents not as an independent human right, but as an element of that system that implies special obligations regarding access to safe drinking water [23].

The 1948 Declaration of Human Rights, which occupies the main place among universal international treaties, does not refer to the right to water as an explicit norm. According to the authors, the fact that the right to water is not emphasized as a separate human right in the relevant document is related to the essence of water [18].

Although this right was previously included in many international documents indirectly, it first found its legal basis in the Covenant on Social, Economic and Cultural Rights (ICESCR). In Article 11, paragraph 1 of the Covenant, the right to decent water is found together with other rights – the right to decent food, adequate living conditions and health, housing. Thus, as required by the relevant articles, everyone's right to an adequate standard of living, including the right to adequate food, clothing, housing (Article 11) and health rights (Article 12) are recognized and emphasized [13]. Adequate and decent rights stipulated in the provisions of both articles cannot be realized without water, all the listed rights are closely related to each other and one includes the other. That is why we find the right to decent water in the provisions of both articles.

In 1982, the Human Rights Committee, in General Comment No. 6 of the right to life, indicated that the right to life, in addition to protection from threats to life, also creates certain obligations towards the person, which therefore includes the right to decent water [11].

The concept of water needs focused on basic human needs was first proposed at the United Nations Water Conference in 1977 in Mar del Plata, Argentina. The states participating in the conference have adopted an Action Plan in the direction of the concept of water needs. The Action Plan states that people have the right to access drinking water in quantity and quality commensurate with their basic needs, regardless of their development indicators and social/economic status [17]. In the 1986 Declaration on the Right to Development adopted by the General Assembly of the United Nations, water is recognized as a basic human right by including it in the category of basic resources. The 1992 Rio Earth Summit also emphasized the right to water, and finally, in the 2002 Johannesburg Summit Plan of Implementation, governments committed to implementing all water-related policies to ensure poor people have access to safe water. The Programme of Action of the 1994

International Conference on Population and Development established the right of all people to an adequate standard of living for themselves and their families, including adequate food, clothing, housing, water and sanitation. In addition, the 1996 United Nations Habitat II Conference on Human Settlements adopted the Habitat Agenda, which recognized the right to water as part of the right to an adequate standard of living.

Also, the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights, in its General Comment No. 14 of 2000 on the right to the highest attainable standard of health, also includes the access to safe drinking water and sanitation to the main determinants of the right to health of the Article 12.2 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. The Committee's General Comment No. 15 of November 2002 emphasized the importance of the right to water, and at the same time explained this right in detail. The main objective of the Committee in making the Comment was that the right to water should be clearly categorized as ensuring an adequate standard of living, since it is one of the most basic conditions for life. In the Comment, the Committee, in particular, relied on Articles 11 and 12 of the 1966 Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, and in Paragraph 29 of the Comment, provision of access to adequate sanitation for everyone is not only for human dignity and privacy, but also emphasized that it is one of the main mechanisms for the protection of drinking water supply and the quality of water resources [10, para. 3]. According to the definition, sufficient, safe, acceptable, physically accessible and affordable water means sufficient and sustainable use of water to meet personal and domestic needs, i.e. for drinking, washing clothes, cooking, and personal and domestic hygiene.

In March 2008, the Human Rights Council adopted Resolution 7/22, based on the ICESCR, CEDAW and CRC 2007 "Report of the United Nations General Assembly" on obligations related to access to sanitation, and recognized them as an international human rights. Most international documents state that everyone has equal access to drinking water and sanitation. That is why, in those years, the presence of a relevant regulator in this direction was essential. For this reason, in March 2008, the Human Rights Council on water rights established the Independent Expert Institute on the issue of human rights obligations related to access to safe drinking water and sanitation. The main tasks of the expert included the development of dialogue and promotion of activities in the relevant direction with relevant UN agencies, governments, private sector, local authorities, national human rights institutions, civil society organizations and researchers. In addition, the Expert should also conduct mutual research with these entities for the implementation of their human rights obligations, including non-discrimination obligations related to access to safe drinking water and sanitation, and cooperate towards the implementation of the Millennium Development Goals and Goal 7, as well as applying a gender perspective, should take into account the opinions in close coordination of the Council with other relevant bodies of the UN and treaty bodies [12]. In addition, at the same time, the Council defined the exact framework of the rights and obligations of the states in the field of the right to decent water, and it was decided to implement a large-scale action plan.

The first action by the UN Human Rights Committee to provide funding, capacity development and technology assistance to ensure access to adequate drinking water for all was the United Nations General Assembly Resolution 64/292 on July 28, 2010 dedicated to the relevant rights. According to the document, safe and clean drinking water was recognized as an essential human right for everyone. The document was approved by the Human Rights Council in September 2010 in Resolution 64/292 (A/RES/64/292). From that moment, the UN Special Rapporteur on human rights to safe drinking water and sanitation began to request instructions from the institutions and bodies that ensure access to the right to water of all states.

Provisions on the right to decent water are also reflected in a number of sectoral acts. One such document is the 1989 Convention on the Rights of the Child (CRC). This right is directly reflected in Article 24 of the Convention, which refers to the right of children to the «highest attainable standard of health». It states that states should take appropriate measures to provide children with clean and potable water [6]. In addition, the Geneva Conventions of 1949 and its 1977 Additional Protocols, which are field documents and include humanitarian legal aspects, also mention the fundamental importance of access to safe drinking water for health and survival in international and non-international armed conflicts [20]. Also, Article 14(2)(h) of the 1979 Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW) states that women have, among other rights, the right to adequate living conditions related to water supply [4]. According to Article 28 of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, persons with disabilities have the right to an adequate standard of living and the reduction of poverty, including the right to water [5].

In accordance with the International Drinking Water Supply and Sanitation Decade 1981-1990 and the International Decade of Action, Water for Life: 2005-2015 Programs, activities were carried out to ensure the decent water rights of about 1.3 billion people in developing countries.

A Water Action Agenda to achieve the MDGs was adopted at the 2023 UN Water Conference. It was decided to analyze the results of the conference in three main summits — the SDG Summit, the Future Summit in 2024 and the World Social Summits in 2025. In the 2026 and 2028 United Nations Water Conferences, it is also planned to discuss decisions in the direction of increasing the sustainability of water and related ecosystems.

For the first time in 1993, the UN decided to celebrate March 22 as World Water Day. 2003 was declared the International Year of Freshwater by the General Assembly and a system-wide UN-Water mechanism was established by the UN General Executive Board for Coordination to cover all issues related to freshwater and sanitation. In December 2016, the UN General Assembly adopted resolution 71/222 on the declaration of the International Decade of Action on Water for Sustainable Development from March 22, 2018 to March 22, 2028 [16].

The Millennium Development Goals (MDGs) of the Millennium Declaration of September 2000 set the goal of halving the number of people without access to safe drinking water by 2015. One of the key activities in the implementation of the Millennium Development Goals was the launch of the

CEO Water Mandate in July 2007 under the auspices of the United Nations Global Compact. Within the framework of the mandate, the UN Secretary-General and international business leaders will work together to ensure efficient management of water resources during the production of goods and services [23].

Also, the Working Group on Water and Sanitation of the United Nations Millennium Project has identified the importance of solving the problem, noting that access to water is a human right. In the corporate field, we meet the provision of water rights in the work activities of the Veolia Water operator. Thus, the company supplies 110 million people with fresh water.

IV. Determining the right to decent water at regional and national levels

In addition to universal documents, the right to decent water is reflected in regional agreements and recognized as one of the basic human rights. In particular, the right to decent water is detailed in bilateral and multilateral agreements adopted in the Euroregion. According to Article 8(1) of the 1950 European Convention on Human Rights, everyone has the right to respect for private and family life, home and correspondence [3]. The European Court of Human Rights, while commenting on the relevant article, included the right to access to water and water quality to the category of civil and political rights protected by Article 8 of the Convention. However, this interpretation has a limited character and is mostly left to the internal regulation of the states [8]. However, the true “right to water” remains unrecognized by the European Court of Human Rights [2, p 20]. In 1992, the European Economic Commission’s Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes was adopted, with this document the obligation of states to take appropriate measures to protect drinking water and water resources was formed.

Article 11.1 of the 1988 Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the area of Economic, Social, and Cultural Rights states that everyone has the right to a healthy environment and access to public services, which therefore includes the right to decent water. As documents related to soft law norms, we can talk about the establishment of water rights in the Abuja Declaration adopted at the 2006 Summit of African-South American countries, as well as at the 2nd International Gathering of Social Movements on Water held in June 2017 in Detroit.

In the Decision of the meeting of the leaders of Asia-Pacific countries held in 2007, they accepted the right to drinking water and sanitation as the main indicators of human security and rights. Furthermore, the African Charter on the Rights and Welfare of the Child, 1990 on the African continent, as well as the South African Water Services Act of 1997 require water service authorities in these areas to take reasonable steps to educate potential consumers and water service establishments about relevant development projects and public comment. The 2003 Protocol on Women’s Rights in Africa to the African Charter on Human and Peoples’ Rights also includes the right to access to safe drinking water. At the same time, the 2003 African Convention on the Conservation of Nature and Natural Resources, which was adopted in the region, tasked States Parties with ensuring adequate and sustainable access to

decent water for their populations. In some sources, the authors claim that water rights disputes in South Africa between July 2017 and July 2020 are in the minority and are increasingly being resolved [7, p. 2]. Article 39 of the 2004 Arab Charter on Human Rights, which includes the right of everyone to the highest standard of health, also stipulates that States Parties must ensure access to safe drinking water for everyone under their jurisdiction.

In addition, the right to decent water was directly included in the constitutions and other legislative acts, which are the basis of the legislative systems of a number of countries. For example, the Democratic Republic of the Congo, Ecuador, Bolivia, South Africa, Uganda, Uruguay and some other states refer to the right to decent water in their basic laws. In some countries, the provision of water rights is directly regulated by state bodies. New Zealand's Local Government Act provides for a formal policy on assessment, monitoring and reporting of partnerships between local authorities and the private sector on the right to decent water. In Morocco, Article 85 of the Water Law No. 10-95 provides for preferential use of water for personal and household purposes during water shortages. According to the provisions of the Water Code of Benin, in the process of water allocation, private consumption of people comes first, followed by agricultural, industrial, municipal and recreational use. In addition, Law No. 016/PR, which regulates water relations in Chad, emphasizes the importance of prioritizing access to safe drinking water for the population. In France, there is a law confirming the priority of drinking water over other uses under Article L 211.1 of the Environmental Code. Section 9 of the Water Act No. 98-041 in Nigeria prohibits the use of water not directly related to human consumption by authorities during droughts [23].

Relations and regulations related to water rights of the Russian Federation are reflected in the Water Code of the Russian Federation dated 2006 [24]. In addition, the Water Strategy for the period up to 2020 was approved by the decision of the Government of the Russian Federation No. 1235 dated August 27, 2009 [19].

V. Conclusion

We can group the results we obtained based on our research under the heading of international legal remedies for access to the right to decent water in the following form:

- First of all, when we say the right to decent water, this includes the right to water for personal use — that is, for drinking, hygiene, domestic use and other factors. The cases of water use for agriculture, irrigation, maintenance of ecological systems and other purposes can be attributed to the points that take the next place and can be limited.
- The right to decent water, which belongs to the group of social rights in international documents, is considered an obligation that can be fulfilled gradually. But in our opinion, the corresponding right should be transferred to the group of obligations to be performed immediately. Because the gradual implementation of this right of people suffering from disease and drought can lead to unavoidable consequences. That is why each of them must immediately be provided with adequate water and the right to decent water.
- The right to decent water is a positive right. Because the realization of this right, even if it depends on individuals

to a certain extent, is ultimately regulated by states and authorities. States bear relevant obligations to ensure the right to decent water. Thus, they perform certain activities and use the appropriate resources and opportunities for the people under their jurisdiction to consume safe and clean water freely, equally and without discrimination.

- The existence of the right to life, which is considered the most important element of human existence, and other rights derived from it have no meaning without water. However, the relevant right should not be blindly implemented, but should be realized individually for each person on adequate and decent grounds.

- Although we claim that everyone has a decent right to water, this does not mean that this right should be available to people completely free of charge. For access and consumption of water to be considered a right, it must be economically accessible. This includes the relevant costs for water. Minimum costs for water use should be paid by individuals. However, no one should be restricted from using water because of the limited economic resources of individuals.

In addition, we believe that it is necessary to promptly regulate a number of cases aimed at ensuring the right to decent water:

- Means of defense against violations of the right to decent water should be provided, and the scope of case law should be expanded in this area;
- A peaceful, stable and favorable environment, political, social and economic stability should be formed, justice and gender equality should be expected, and new directions for poverty eradication should be determined. Only then is it possible to talk about the realization of the right to decent water of the population under the jurisdiction of the states;
- Everyone's decent water rights should be respected and water should not be used as a tool of pressure for political and economic purposes;
- Unhindered and comfortable access to water bodies should be ensured for everyone, taking into account the fact that these bodies are close to people's places of residence and activities or at a reasonable distance from them.

References

1. Abramov V. V. The aspects of legal regulation of water use agreement. 2018. [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-dogovora-vodopolzovaniya> (last access: 24.06.24).
2. Carolina De Mendonça Gueiros and David N. Cassuto. The Right to Water in the Case Law of the European Court of Human Rights. 2014. pp. 20-23.
3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4.XI.1950. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_ENG (last access: 12.05.24).
4. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. BY United Nations General Assembly. New York, 18 December 1979. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/>

- convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women (last access: 02.03.24).
5. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. BY Sixty-first session of the General Assembly by resolution A/RES/61/106. 12 December 2006. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities> (last access: 04.08.24).
 6. Convention on the Rights of the Child. 20 November 1989. BY General Assembly resolution 44/25. 20 November 1989. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child> (last access: 17.06.24).
 7. Dugard. J. Water Rights in a Time of Fragility: An Exploration of Contestation and Discourse around Cape Town's "Day Zero" Water Crisis. Water 2021,13,3247. <https://doi.org/10.3390/w13223247>. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.mdpi.com/2073-4441/13/22/3247> (last access: 05.06.24).
 8. European Union Network of Independent Experts on Fundamental Rights, Commentary of the Charter of Fundamental Rights of the European Union 79. 2006.
 9. Karlova G. A. Introductory speech by the Chairman of the Subcommittee on Water Resources of the Committee of the State Duma of the Russian Federation on Natural Resources, Nature Management and Ecology. // International aspects of water legislation. - Moscow, 2015. - 112 pages.
 10. General comment no. 15 (2002), The right to water (arts. 11 and 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights).
 11. General comment No. 36 - Article 6: right to life. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-36-article-6-right-life> (last access: 28.08.24).
 12. Human Rights Council. Resolution 7/22. Human rights and access to safe drinking water and sanitation. Final Resolution. 2008 March. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.right-docs.org/doc/a-hrc-res-7-22/> (last access: 12.03.24).
 13. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. BY General Assembly resolution 2200A (XXI). 16 December 1966. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (last access: 02.08.24).
 14. International Decade for Action "WATER FOR LIFE" 2005-2015. Report 9. [Electronic resource]. - Access mode: www.un.org/waterforlifedecade.
 15. Lotta Viikari. The Environmental Element in Space Law: Assessing the Present and Charting the Future. Martinus Nijhoff Publishers, 2008. 396 pages.
 16. Peace, dignity and equality on a healthy planet. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.un.org/ru/global-issues/water>.
 17. Report of the United Nations Water Conference, Mar del Plata, 14-25 March 1977. [Electronic resource]. - Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/724642?v=pdf>
 18. Right to water. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.un.org/ru/waterforlifedecade/human_right_to_water.shtml (last access: 12.07.24).
 19. Sivakov D. O. Corruption manifestations in the field of water relations and measures to reduce them. Scientific basis for combating corruption. 2018. Corruption prevention measures. [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsionnye-proyavleniya-v-oblasti-vodnyh-otnosheniy-i-mery-po-ih-snizheniyu> (last access: 04.06.24).
 20. The Geneva Conventions and their Commentaries. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.icrc.org/en/law-and-policy/geneva-conventions-and-their-commentaries> (last access: 28.08.24)
 21. The human rights to safe drinking water and sanitation Note by the Secretary-General. Seventy-ninth session. 19 July 2024. [Electronic resource]. - Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/4059193?v=pdf>.
 22. The right to an adequate standard of living. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.humanrights.is/en/human-rights-education-project/human-rights-concepts-ideas-and-fora/substantive-human-rights/the-right-to-an-adequate-standard-of-living> (last access: 24.06.24)
 23. The Right to Water. Fact Sheet No. 35. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2021-09/FactSheet35en.pdf>.
 24. Water Code of The Russian Federation. 12 April 2006. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (last access: 04.07.24).

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

КОНДРА Алиса Васильевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ШЕЛЕСТ Юлия Алексеевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ 1980 Г.

В статье анализируется сфера применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. В первую очередь, исследованию подверглась предметная сфера действия Венской конвенции 1980 г. Сделан акцент на возможности сторон контракта отказаться от применения Конвенции, исходя из диспозитивного характера ее положений. Рассматриваются вопросы, касающиеся купли-продажи конкретного имущества, в частности, акций, имущественных прав, результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, программного обеспечения. При толковании положений Венской конвенции 1980 г. суды не должны опираться на нормы российского законодательства, учитывая трансграничный характер норм Конвенции. Авторы обращают внимание на отсутствие обособленного определения договора международной купли-продажи в Конвенции и необходимости его формулировки. При этом, разработчики, следуя принципу нейтральности положений Конвенции, не должны при его создании опираться на нормы национального права.

Ключевые слова: международный договор, конвенция, контракт международной купли-продажи, автономия воли.

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

KONDRA Alisa Vasiljevna

bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SHELEST Yuliya Alexeevna

bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE SUBJECT SCOPE OF APPLICATION OF THE VIENNA CONVENTION ON CONTRACTS FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS, 1980

The article analyzes the scope of application of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 1980. First of all, the subject area of the Vienna Convention, 1980, was examined. Emphasis is placed on the possibility of the parties to the contract to refuse to apply the Convention, based on the optional nature of its provisions. Issues related to the sale and purchase of specific property, in particular, shares, property rights, results of intellectual activity and equivalent means of individualization, software are considered. When interpreting the provisions of the Vienna Convention, 1980, the courts should not rely on the norms of Russian legislation, given the transboundary nature of the Convention. The authors draw attention to the absence of a separate definition of an international sale and purchase agreement in the Convention and the need to formulate it. At the same time, the developers, following the principle of neutrality of the provisions of the Convention, should not rely on the norms of national law when creating it.

Key words: international treaty, convention, international sale and purchase contract, autonomy of will.

В международном частном праве особое внимание уделяется договорам трансграничной купли-продажи товаров, поскольку они широко применяются на практике. С этим связана необходимость повышения эффективности правовой регламентации отношений, возникающих между субъектами международного частного права по поводу трансграничной купли-продажи. Ученые в сфере юриспруденции, международная правительственная организация – ООН приложили усилия для создания наиболее эффективного инструмента правового регулирования этих отношений – Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

Принятие Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. стало существенным шагом в унификации положений о купле-продаже. Конвенция способствует решению затруднительных ситуаций, которые

могут возникать при заключении и исполнении договоров трансграничной купли-продажи товаров. Анализ положений Конвенции, содержащихся в статьях 1-6, позволяет понять правоприменителю, какие отношения подпадают под сферу ее действия. Решение подобного вопроса представляется неотъемлемой частью механизма применения международных договоров на практике.

Следует обратить внимание на тот факт, что в ст. 1 Венской конвенции 1980 г. названы отношения, на которые распространяется ее юридическая сила, при этом в последующих статьях отмечены товары и отношения, на которые Конвенция не распространяет свое действие. Правоведческие вопросы, которые не получили регламентации в Конвенции, обозначили как пробелы [1]. При рассмотрении споров, связанных с отношениями, вытекающими из договоров международной купли-продажи, но на которые действие конвен-

ции не распространяется, суды применяют национальное право, определяемое согласно коллизионным нормам.

Несмотря на то, что Венская конвенция 1980 г. регулирует отношения, подходящие под сферу ее действия, анализ ее положений демонстрирует ее основную проблему: отсутствие определения договора международной купли-продажи товаров и его признаков. Данный момент достаточно важен при анализе Конвенции, поскольку является основополагающим для дальнейшего понимания ее положений. Решение этой проблемы заключается в создании обособленного понимания договора трансграничной купли-продажи, включенного в Конвенцию, и не основанного на национальном законодательстве.

Эта проблема должна быть решена предложением определения, которое не опиралось бы на внутринациональные нормы стран-участниц Конвенции и основывалось бы исключительно на положениях Венской конвенции 1980 г. Сущность договора международной купли-продажи можно выделить путем толкования смысла статей 30 и 53 Конвенции, с помощью которых осуществляется регламентация правового статуса продавца и покупателя. Можно провести аналогию указанных статей с нормами российского гражданского законодательства. Учитывая схожесть понимания прав и обязанностей сторон договора в Гражданском кодексе РФ и Венской конвенции, можно утверждать, что толкование договора купли-продажи, закрепленное в статье 454 ГК РФ, повторяет текст Конвенции. Однако при решении вопроса о применении положений Конвенции суды не должны руководствоваться положениями российского законодательства в случае отнесения отношения к сфере действия Венской конвенции 1980 г. Положения Конвенции об обязательствах сторон позволяют суду толковать договор трансграничной купли-продажи в смысле этого международного договора.

На применимость Венской конвенции 1980 г. оказывает влияние принцип автономии воли сторон в международном частном праве. Так, стороны могут отразить в контракте, что в случае возникновения спора, они не желают, чтобы к их отношениям суд применял Венскую конвенцию 1980 г. И даже в ситуации, когда положения Конвенции позволяют применить ее для возникших разногласий между сторонами, стороны могут указать неприменение Венской конвенции не только ко всему договору, но и к отдельным ее положениям. Подобное правило обусловлено статьей 6 Венской конвенции, в которой закреплена ее диспозитивный характер.

Анализ текста Конвенции, позволяет назвать товар, купля-продажа которого подпадает под сферу ее действия. Так, область регулирования Венской конвенции 1980 г. распространяется на движимые вещи. При этом, животные, сельскохозяйственная продукция, нефть, природный газ не являются исключением. Под сферу влияния Конвенции относят как родовые, так и индивидуально-определенные вещи [2]. Конвенция может распространяться на договоры трансграничной купли-продажи картин, автомобилей, продуктов питания. Характеристика объекта договора трансграничной купли-продажи является важным условием контракта.

Создатели Конвенции указали товары, на которые не распространяются ее положения. В их число входят акции, имущественные права, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Конвенция регулирует отношения по поводу купли-продажи частей воздушных и морских судов. Однако когда речь идет о продаже целостных воздушных и морских судов, которые в дальнейшем можно использовать как средство перевозки пассажиров или грузов, тогда действие конвенции исключено. Обращая внимание на услуги в рамках Венской конвенции, следует отметить, что они не считаются товаром, что следует из ее текста. Однако, если речь идет о программном обеспечении, которое находится на материальных носителях и его модели не разработаны по заказу покупате-

ля, Конвенция распространяется на куплю этих вещей. При рассмотрении подобной категории правовых связей важно учитывать, что программное обеспечение не должно перенаправляться с помощью электронных средств связи (в таком случае имеют место квалифицирующие признаки лицензионного договора).

Спорным является вопрос о действии Венской конвенции 1980 года на договор мены. В юридической литературе нет единого мнения. Некоторые ученые утверждают, что применять Конвенцию к отношениям, складывающимся по поводу мены, возможно [3]. Они аргументируют это тем, что, несмотря на статью 53 Конвенции и ее указание на обязательство покупателя уплатить цену за товар, в ней нет положений, которые указывали бы, что оплата должна быть проведена в денежном варианте. Такой вывод подтверждается Правовым руководством ЮНСИТРАЛ по международным встречным сделкам. Представители иной точки зрения не исключают возможность применения Венской конвенции к мене, однако утверждают, что желательно это условие прописать в договоре. Они ссылаются на текст конвенции, утверждая, что из статьи 53 Конвенции вытекает обязанность уплаты цены именно в денежном выражении. Однако в силу статьи 6 Конвенции стороны могут отступить от этого правила и указать в договоре выполнение покупателем своей обязанности в виде передачи равноценного имущества. Аналогичной позиции придерживаются российские суды.

Таким образом, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. в современный период времени является достаточно востребованным на практике источником правового регулирования контрактов трансграничной купли-продажи. Разработка универсальных норм Конвенции с целью применения в судебной и арбитражной практике способствовала более эффективному разрешению споров, возникающих по поводу трансграничной купли-продажи. Однако некоторые вопросы в Конвенции не были разрешены. Прежде всего, это наличие обособленного, не относящегося ни к одной национальной правовой системе определение договора международной купли-продажи товара. Отсутствует ясность в вопросе применения Венской конвенции 1980 г. к договору мены.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Степкина К. В. Некоторые аспекты сферы действия Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 7. - С. 124-126.
2. Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров. - М., 1996. - С. 143.
3. Функ Я. И. Право международной торговли: договоры международной купли-продажи товаров и международного торгового посредничества: в 3 кн. Кн. 1. Универсальная международно-правовая унификация купли-продажи товаров. - Минск, 2005. - 296 с.
4. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам (принято ЮНСИТРАЛ 12.05.1992). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». - <http://www.consultant.ru/document/>.

СЕЙТЯГЪЯЕВА Динара Алиевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ИВНИЦКАЯ Елена Сергеевна

студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

РОЛЬ ДВУСТОРОННИХ ДОГОВОРОВ О ПООЩРЕНИИ И ВЗАИМНОЙ ЗАЩИТЕ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Правовое регулирование транснациональных инвестиционных отношений осуществляется преимущественно посредством двусторонних международных договоров. Это обусловлено тем, что национальное законодательство может меняться в зависимости от политической ситуации в государстве, поэтому не всегда отличается стабильностью. Помимо этого, национальное право не всегда отражает международные стандарты, принятые в практике трансграничных инвестиционных отношений. Такой подход в правовом регулировании иностранных инвестиций позволяет обеспечить гарантии стабильности инвестиционной деятельности, эффективно защитить права иностранных инвесторов при осуществлении инвестиций. Однако международные договоры нередко требуют внесения изменений согласно современным реалиям.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, капиталовложения, международный договор, гарантии, правовой режим.

SEYTYAGYAEVA Dinara Alievna

bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

IVNITSKAYA Elena Sergeevna

bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

THE ROLE OF BILATERAL TREATIES ON THE PROMOTION AND MUTUAL PROTECTION OF CAPITAL INVESTMENTS IN THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF FOREIGN INVESTMENTS

Legal regulation of transnational investment relations is carried out mainly through international treaties. This is due to the fact that national legislation can change in the interests of the state, i.e. not characterised by stability. In this regard, the effectiveness and stability of legal regulation of investment relations is realised through international treaties. This order of legal regulation allows to provide guarantees of stability to investors, to protect their rights when making investments.

Keywords: foreign investments, capital investments, international agreement, guarantees, legal regime.

Российской Федерацией заключено более 70 международных соглашений о защите инвестиций с зарубежными странами. Российская Федерация на взаимной основе гарантирует обеспечение стабильности в деятельности иностранных инвесторов. Иностранные инвестиции представляют собой вложение капитала в экономику других стран, поэтому двусторонние соглашения о взаимной защите капиталовложений направлены на обеспечение защиты иностранных, а не внутренних инвестиций.

Федеральный закон об иностранных инвестициях в Российской Федерации 1999 г. Среди источников правового регулирования трансграничных инвестиционных отношений называют международные договоры, приводя их в последнюю очередь в тексте статьи. Подобный законодательный подход не вполне обоснован. С учетом особенностей рассматриваемых отношений, двусторонние международные договоры о защите и поощрении капиталовложений должны стать основным источником правового регулирования иностранных инвестиций. Положения таких соглашений направлены на защиту иностранных инвестиций от некоммерческих рисков по-

средством предоставления льгот и государственных гарантий. В частности, гарантии выплаты компенсации инвестору в случае национализации его инвестиций, справедливого разрешения спора между государством и иностранным инвестором и др. Заключение международных соглашений способствует притоку иностранных инвестиций в Россию, позволяет обеспечить интересы инвесторов в стране-реципиенте [1].

Посредством положений международных договоров определены принципы правового режима, которые распространяются на деятельность иностранного инвестора. Государства, осуществляющие вложение инвестиций, стремились обеспечить отечественным инвесторам охрану от политических рисков. В национальном законодательстве развитых государств, принимающих капитал, такого стремления долгое время не просматривалось. Основную нагрузку по обеспечению правового режима иностранных инвестиций выполняли двусторонние договоры о поощрении и защите капиталовложений [2].

Однако большинство двусторонних международных инвестиционных соглашений в настоящее время требуют об-

новления. Это связано с тем, что многие из них появились в период краха колониализма и формирования нового международного экономического порядка. Ряд государств в этот период времени стали независимыми и приобрели право на самоопределение, а также возможность выбирать национальную экономическую систему, самостоятельно распределять ресурсы. Развивающиеся государства стремились стать равноправными участниками международных экономических отношений. В период освободительных гражданских войн в этих странах была национализирована отечественная и иностранная собственность частных лиц. Это обусловило потребность развитых стран, которые вкладывали капитал в экономику иностранных государств, обеспечить права и законные интересы своих инвесторов путем формирования международных договоренностей.

В 1959 г. было заключено первое двустороннее международное соглашение по поводу обеспечения иностранных инвестиций между ФРГ и Пакистаном. На сегодняшний день в мире таких соглашений насчитывается около 4000. Вместе с тем, содержание таких соглашений нельзя назвать универсальным, поскольку далеко не всегда оно вносит ясность в вопросы, связанные с компенсацией в случае проведения национализации, а также не позволяет решить другие проблемы, возникающие по поводу иностранных инвестиций. Полагаем, необходимо проведение детализации положений таких соглашений. Двусторонние соглашения по поводу защиты инвестиций предусматривают обязательство государства выступить в качестве стороны по иску, который предъявляется иностранным инвестором. Развивающиеся страны стремятся привлечь иностранный капитал, в связи с чем дают согласие на проведение процедуры по разрешению споров, связанных с иностранными инвестициями [3].

С течением времени поток иностранных инвестиций претерпевал изменения, что привело к необходимости скорректировать содержание соглашений, связанных с обеспечением защиты иностранных инвестиций. С 1980-хх по 2000-е гг. двусторонние соглашения по защите инвестиций стали рассматриваться как способ установления благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности инвесторов из стран с развитой экономикой. В результате, расширился круг объектов и субъектов капиталовложений, понятие «инвестиции» стало формироваться с учетом законодательства иностранных государств, которые осуществляли вложение средств в экономику зарубежных стран. Использование такого подхода предоставляло право инвестору обеспечить защиту своих интересов вне зависимости от результатов инвестиций.

Данная тенденция не могла обойти стороной российское законодательство, в котором частично нашли свое отражение международные правовые стандарты, закрепленные, прежде всего, в двусторонних инвестиционных соглашениях. К примеру, в российском праве было предусмотрено предоставление иностранным инвесторам национального режима. В соответствии с положениями Соглашения по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), подписанного в рамках ГАТТ, государства обязаны предоставлять иностранным инвесторам национальный режим. Соответствующие соглашения устанавливали запрет на использование национальных законов как ограничительных мер. Данное положение распространялось на многие двусторонние инвестиционные договоры, находило свое отражение в отдельных национальных правовых системах [4].

Согласно общему правилу, закреплённому в двусторонних соглашениях о поощрении и взаимной защите капиталовложений, в обязанности государства входит предоставление защиты иностранному инвестору путем использования международных институтов разрешения споров с участием инвесторов. Механизмы защиты иностранного инвестора, которые нашли свое отражение в двусторонних инвестиционных договорах, а также в российском законодательстве, обеспечивают приток инвесторов. Вместе с тем, в настоящее время сформировалась необходимость в использовании новых средств и методов привлечения иностранных инвесторов [5].

Таким образом, активизация и расширение рынка иностранных инвестиций имеет не только положительные, но и негативные тенденции, которые могут оказать неблагоприятное влияние на деятельность иностранных инвесторов. Отдельные кризисные явления обусловлены оттоком иностранных инвестиций, что говорит о потребности в использовании дифференцированного подхода правового регулирования. Это, в свою очередь, предусматривает необходимость внесения соответствующих изменений в тексты международных двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций. Анализ положений двусторонних инвестиционных договоров позволил сделать вывод об их актуальности, поскольку в них находят свое отражение основные гарантии, предоставляемые иностранным инвесторам. Положения таких соглашений имеют приоритетное значение перед нормами национального права. Гарантии предусматривают защиту прав инвесторов, включая надлежащее разрешение споров, которые возникают при осуществлении инвестиций.

Пристатейный библиографический список

1. Доронина Н. Г. Многосторонние международные договоры и российское законодательство об инвестициях // Журнал российского права. - 2002. - № 11. - С. 29.
2. Ершова И. В. Система правового регулирования российских инвестиций за рубежом // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». - 2012. - № 4. - С. 19.
3. Богатырев А. Г. Проблема соотношения источников в современном международном инвестиционном праве // Современный юрист. - 2012. - № 1. - С. 53.
4. Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. - М., 2008. - С. 217.
5. Глинщикова Т. В. Юридическая природа инвестиционных соглашений // Ленинградский юридический журнал. - 2014. - № 1 (35). - С. 149-154.

ВАН Цзин

магистрант, Международно-правовой институт, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕДУРЫ ОТКЛОНЕНИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ КИТАЯ*

В этой статье систематически рассматривается текущее состояние, проблемы и перспективы процедур отклонения на раннем этапе в международном коммерческом арбитраже Китая. Международный опыт применения этой процедуры, Китай все еще сталкивается с рядом проблем на практике, таких как несовершенная правовая база, недостаточно зрелая процедура и чрезмерные дискреционные полномочия арбитров. В данной статье используются методы анализа и сравнительного исследования. Благодаря углубленному анализу соответствующих арбитражных дел в стране и за рубежом, раскрываются практические проблемы, с которыми столкнулись стороны процесса разрешения споров при использовании процедуры отклонения на раннем этапе в Китае, и сравниваются с практикой других стран и международных арбитражных учреждений. Новизна этой статьи заключается в том, что она впервые систематически оценивает применимость процедуры отклонения на раннем этапе в Китае и ее влияние на эффективность арбитража, а также выдвигает ряд конкретных предложений по ее улучшению. Эти предложения включают совершенствование правовой базы, уточнение процессуальных стандартов и повышение профессиональной подготовки арбитров, которые служат важным ориентиром для будущего институционального строительства международного коммерческого арбитража в Китае. Кроме того, в этой статье также рассматривается тенденция развития процедуры отклонения на раннем этапе в Китае и указывается на ее потенциал для повышения авторитета арбитража в Китае. Благодаря углубленному анализу этого нового механизма эта статья дает ценные идеи для дальнейшего совершенствования системы международного коммерческого арбитража Китая.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, процедура отклонения на раннем этапе, разрешение международных коммерческих споров.

WANG Jing

magister student, International Law Institute, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF EARLY DISMISSAL PROCEDURE IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN CHINA

This article systematically examines the current status, problems and prospects of early dismissal procedures in China's international commercial arbitration. International experience of this procedure, China still faces a number of problems in practice, such as imperfect legal framework, insufficiently mature procedure and excessive discretionary power of arbitrators. This paper utilizes analytical and comparative research methods. Through in-depth analysis of relevant arbitration cases at home and abroad, the practical problems encountered by the parties to the dispute resolution process in using the early stage rejection procedure in China are revealed, and compared with the practice of other countries and international arbitration institutions. The novelty of this article is that it is the first time to systematically evaluate the applicability of the early dismissal procedure in China and its impact on arbitration efficiency, and puts forward a series of concrete suggestions for its improvement. These suggestions include improving the legal framework, clarifying procedural standards, and enhancing the training of arbitrators, which provide an important guideline for the future institution-building of international commercial arbitration in China. In addition, this article also examines the trend of early development of the rejection procedure in China and points out its potential to enhance the credibility of arbitration in China. Through an in-depth analysis of this new mechanism, this article provides valuable insights for the further improvement of China's international commercial arbitration system.

Keywords: international commercial arbitration, early dismissal procedure, international commercial dispute resolution.

Процедура отклонения на раннем этапе является одним из путей механизма раннего урегулирования споров в международном коммерческом арбитраже. Исходя из правил отклонения на раннем этапе, стороны подают заявление об отклонении арбитражного требования или защиты по делам, которые явно не имеют правовой и юрисдикционной основы, в то время как арбитр должен принять решение или постановление на основе полного или частичного согласия. По сравнению с ролью «ускоренного пути» упрощенного решения, процедура отклонения на раннем этапе может быть наглядно понята как «ворота» для арбитражного разбирательства [1]. Согласно статье 50 Арбитражного регламента

КМЭТАК Китая, его механизм работы можно резюмировать следующим образом:

Сторона подает заявление в письменной форме о досрочном отказе в производстве;

После консультации с обеими сторонами арбитражный суд принимает решение о приемлемости ходатайства о досрочном отклонении процедуры;

Арбитражный суд выносит решение или постановление, указывая мотивы, на которых оно основано.

Кроме того, арбитражный суд может потребовать от сторон представить мотивированное обоснование. Арбитражный суд вынесет решение в течение 60 дней с даты подачи заявления, но по просьбе арбитражного суда председатель арбитражного суда арбитражной комиссии может надлежащим образом продлить этот срок, если он считает

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайско-го совета по стипендиям(CSC)

это обоснованным и необходимым¹. Как видно, после того, как стороны подали заявление о процедуре отклонения на раннем этапе, основная роль действий перешла к арбитражному суду, который имел дискреционные полномочия в последующем процессе.

Во всем механизме работы важным элементом является уважительная причина заявления стороны. Основные причины включают в себя две основные ситуации: считается, что требования и встречные требования другой стороны явно не имеют правовой основы или явно выходят за рамки юрисдикции арбитражного суда. Избегая этих двух ситуаций, стороны могут защитить себя от необоснованных требований другой стороны и снизить расходы.

Поскольку система отклонения на раннем этапе в Китае была создана недавно, соответствующих дел не так много. Теория отклонения на раннем этапе также возникла в системе общего права, поэтому в этой части будут представлены проблемы, возникающие в практике процедур отклонения на раннем этапе в различных странах мира, проанализированы причины проблем и извлечены из них уроки.

Согласно пункту 1 статьи 50 Арбитражного регламента КМЭТАК Китая: «Стороны могут ходатайствовать о процедуре отклонения на раннем этапе всего или части арбитражного требования или встречного требования на том основании, что арбитражное требование или встречное требование явно не имеют правовой основы или явно выходят за рамки юрисдикции арбитражного суда», что аналогично положениям Арбитражного регламента ICSID. Как видно, арбитры могут столкнуться с проблемами при определении критерия «очевидности».

Основным источником международного определения явных стандартов является дело *Global Petroleum против Иордании*, которое является первым делом, в котором применяется процедура отклонения на раннем этапе [2, с. 228]. Заявитель, американская компания *Global Petroleum Corporation*, учредила в Иордании дочернюю компанию *Trans-Global Petroleum Jordan, Ltd.* (далее именуемая Компания Т), которая в соответствии с соглашением занимается разведкой нефти в Иордании. Согласно инвестиционному контракту между двумя сторонами, компания Т имеет право уведомить правительство Иордании о нефти после обнаружения и добычи, и правительство Иордании приняло различные меры, чтобы помешать компании Т добывать нефть и причинить ей убытки. Ее материнская компания, *Global Oil Corporation*, подала в ICSID арбитражное заявление, утверждая, что Иордания нарушила свои обязательства по двустороннему инвестиционному договору между Соединенными Штатами и Иорданией и привела к ненужным убыткам заявителя. В свою очередь, правительство Иордании подало в ICSID заявление о досрочном отклонении на том основании, что в соответствии с пунктом 5 статьи 45 Арбитражного регламента ICSID претензия «Глобал Ойл» явно не имеет под собой никаких оснований, и арбитражный суд ICSID дал толкование термина «очевидно» в отношении этого заявления.

Арбитражный суд постановил, что пункт 5 статьи 45 Арбитражного регламента ICSID был сформулирован с целью

предоставления арбитражному суду полномочий и направлен на исключение из арбитражного суда явно необоснованных требований для достижения судебного-экономических целей и повышения эффективности. В целях обеспечения последовательности применения положений Регламента, т.е. термин «очевидный» в Регламенте должен соответствовать его значению в Конвенции ICSID, т.е. высоким стандартам «ясности, определенности и заметности» (the test of clarity, certainty and obviousness)². Исходя из этого понимания, арбитражный суд отклонил первоначальное ходатайство сторон об отказе. Арбитражный суд подчеркнул, что процессуальная справедливость может быть подорвана, если будет принято ошибочное решение о процедуре отклонения на раннем этапе, и толкование термина «очевидно» в этом деле широко использовалось в последующих процедурах отклонения на раннем этапе.

В соответствии с целью установления процедуры отклонения на раннем этапе, определение «очевидного» должно применяться согласно высоким стандартам, арбитражные дела не должны быть легко отклонены, процедура отклонения на раннем этапе должна соответствовать принципу процессуальной справедливости, стремление к эффективности не может отказаться от предпосылки точности, если решение о процедуре отклонения на раннем этапе будет принято неправильно, это приведет к тому, что стороны потеряют средства правовой защиты.

Китайский Арбитражный регламент КМЭТАК предусматривает возражения против юрисдикции в статье 6 и добавляет в пункт 1 статьи 50 положение о ситуациях, выходящих за рамки юрисдикции арбитражного суда. В Арбитражном регламенте ICSID 2006 года также были объединены возражения против юрисдикции и процедуры отклонения на раннем этапе положений, касающихся юрисдикции. ICSID не дал официального толкования по этому вопросу, но его отношение к этому вопросу можно увидеть в решении по делу «*Brandes Inc. v. Venezuela*».

Дело произошло следующим образом: правительство Венесуэлы принудительно приобрело все американские депозитарные расписки и акции, принадлежащие компании *Brandes* в Национальной корпорации телекоммуникаций Венесуэлы, по цене, намного ниже рыночной стоимости. Компания *Brandes* обратилась в ICSID с ходатайством об арбитраже на том основании, что действия правительства Венесуэлы нарушили соглашение о защите инвестиций, которое заключено между США и Венесуэлой, а правительство Венесуэлы подало заявление о процедуре отклонения на раннем этапе, утверждая, что компания *Brandes* не является инвестором по смыслу Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (далее именуемая Конвенция ICSID), и что компания согласилась отказаться от претензий к правительству Венесуэлы и проданным акциям, и поэтому считает, что арбитражный суд не обладает компетенцией. Тем не менее, арбитражный суд принял решение, поскольку дело должно было быть полностью рассмотрено. Поэтому ис-

1 См. статью 50 Арбитражных правил Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (издание 2024 года).

2 See *Trans-Global Petroleum Jordan, Ltd. v. The Hashemite Kingdom of Jordan*, ICSID Case No. ARB/07/25. [Electronic resource]. – Access mode: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/07/25> (дата обращения: 25.07.2024).

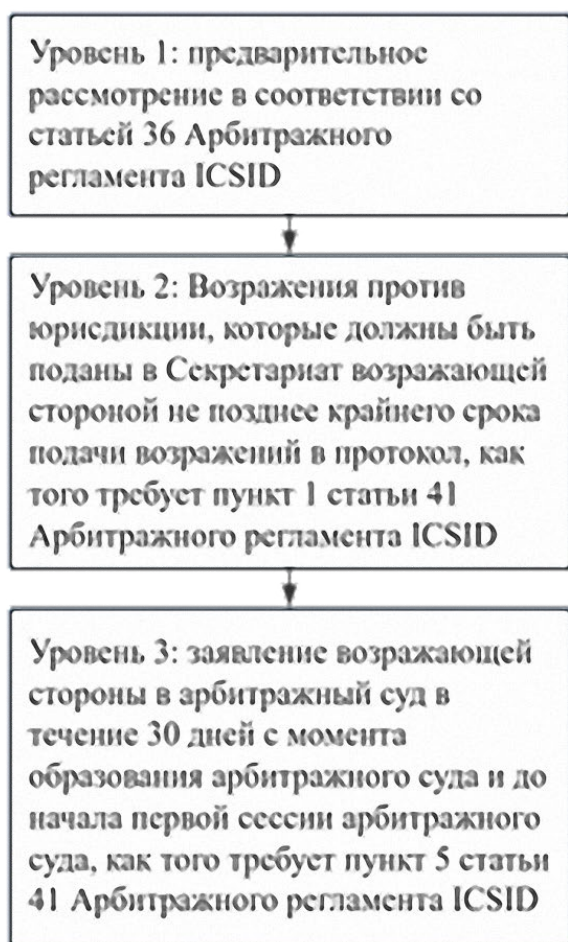

Рисунок 1. Иерархия трех уровней юрисдикции

ковое требование не должно было быть отклонено на раннем этапе.

Арбитражный суд постановил, что пересмотр решения о юрисдикции, предусмотренный статьей 36 Арбитражного регламента ICSID, ограничивается письменными документами, представленными сторонами, и рассматривается Генеральным секретарем, в то время как пересмотр может осуществляться только арбитражным судом на разных уровнях в ходе процедуры отклонения на раннем этапе. Таким образом, мы можем предположить, что если дело не было зарегистрировано Генеральным секретарем на том основании, что оно не подпадает под юрисдикцию до формирования арбитражного суда, и Генеральный секретарь не проводит рассмотрение по существу, можно считать, что рассмотрение дела подпадает под юрисдикцию на уровне рассмотрения Генерального секретаря и не препятствует последующему арбитражному суду сделать вывод о том, что дело не подпадает под его юрисдикцию. Это решение показывает, что рассмотрение возражений по поводу юрисдикции делится на три уровня. Сначала Генеральный секретарь проводит предварительное рассмотрение в соответствии со статьями 36 Арбитражного регламента ICSID. После этого рассмотрения дело может быть передано в арбитражный суд в соответствии с пунктом 5 статьи 41 Арбитражного регламента ICSID. Если арбитражный суд считает, что дело подпадает под юрисдикцию на этом уровне, стороны могут повторно подать возражение на

юрисдикцию третьего уровня в соответствии с пунктом 1 статьи 41 Арбитражного регламента ICSID.

Процедуры отклонения на раннем этапе призваны сэкономить арбитражные ресурсы и повысить эффективность арбитража. Тем не менее, есть также случаи, когда некоторые стороны намеренно злоупотребляют процедурой, чтобы повысить процент выигрыша и затянуть продолжительность рассмотрения спора, что приводит к тому, что окончательный результат противоречит первоначальному намерению процедуры.

На практике сторона подает повторные и бессмысленные арбитражные заявления, чтобы повысить вероятность своей победы, а также втягивать оппонентов в различные громоздкие процедуры, что стало специальной «юридической тактикой»³, например, в двух более типичных случаях: «МОЛ против Хорватии» и «RSM Corp. против Гренады», в первом случае арбитражный суд потребовал от правительства Хорватии покрыть расходы, понесенные на этапе процедуры отклонения на раннем этапе, на том основании, что оно явно не имело под собой никаких правовых оснований, а определенно представляло собой злоупотребление процедурой: правительство Хорватии поспешно подало ходатайство о процедуре отклонения на раннем этапе. Во втором деле заявитель неоднократно подавал просьбы, основанные на одних и тех же фактах, что также представляет собой злоупотребление процедурой.

Последствием злоупотреблений в процессе отклонения на раннем этапе является то, что ожидаемые цели судебной экономии не были достигнуты, что значительно увеличило стоимость арбитража, как, например, в деле RSM Corp. против Гренады (RSM Production Corporation and Others v. Grenada)⁴, которое длилось 177 дней. Глобал Трейдинг Инк. против Украины (Global Trading Resource Corp. & Globex International, Inc. v. Ukraine) продолжалось 330 дней⁵. Это показывает, что если не будет создан механизм для сдерживания злоупотреблений, процедура отклонения на раннем этапе не сможет достичь своей цели, а вместо этого станет инструментом, используемым некоторыми людьми для злонамеренной конкуренции.

С быстрым экономическим ростом после реформы и открытости, стала внедряться процедура отклонения на ранней стадии. Основываясь на проблемах, с которыми сталкиваются страны в практике процедуры отклонения на раннем этапе, в данной статье предлагаются следующие идеи для будущих перспектив этой процедуры.

3 See ICC Case No. 18215/GZ/MHM, CRCICA Case No. 829/2012. [Electronic resource]. – Access mode: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-east-mediterranean-gas-s-a-e-v-egyptian-general-petroleum-corporation-egyptian-natural-gas-holding-company-and-israel-electric-corporation-ltd-judgement-of-the-bundesgericht-federal-supreme-court-of-switzerland-tuesday-25th-april-2017> (дата обращения: 24.09.2024).

4 See RSM Production Corporation and Others v. Grenada, ICSID Case No. ARB/10/6. [Electronic resource]. – Access mode: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/10/6> (дата обращения: 4.09.2024).

5 See Global Trading Resource Corp. & Globex International, Inc. v. Ukraine, ICSID Case No. ARB/09/11. [Electronic resource]. – Access mode: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/09/11> (дата обращения: 4.09.2024).

Основной спор по поводу применения процедуры отклонения на раннем этапе на международном уровне заключается в том, как интерпретировать элементы в буквальном смысле. ICSID не следовал требованиям прецедента при разрешении споров, но на практике субъекты арбитража склонны ссылаться на существующие прецеденты при демонстрации своих взглядов. Таким образом, ссылка на прецеденты является четким стандартным подходом, который делает критерии определения процедуры более предсказуемыми. Таким образом, Китай также может извлечь уроки из широко принятых на международном уровне стандартов, то есть принять высокий стандарт «четкого, определенного и значительного» для определения термина «очевидный». «Очевидное отсутствие правовой основы», используемое в настоящее время в нашей стране, можно рассматривать как яркое пятно в правилах, которое соответствует зрелым международным стандартам признания, охватывает некоторые общие ситуации, предоставляет арбитражному суду свободу действий.

Сегодня не существует согласованного на международном уровне механизма обжалования, и непосредственное создание ориентированного на суд механизма пересмотра арбитражного решения в стране может противоречить частному характеру арбитража и вызвать споры в обществе. Основываясь на правовой системе Китая и гражданском характере арбитража, механизм апелляции арбитражных решений, который может быть создан в Китае, также должен быть гражданским, то есть следует обращаться в арбитражное учреждение, что также соответствует первоначальному намерению сторон, и разрешать споры на основе принципа автономии воли сторон в рамках свободы в области частных прав. Таким образом, механизм апелляционного пересмотра может быть создан в арбитражном учреждении.

Злоупотребление процедурой отклонения на раннем этапе увеличит расходы сторон и арбитражного суда. В целях справедливости сторона, злоупотребляющая процедурой отклонения на раннем этапе, должна нести все расходы и убытки, понесенные в связи с началом процедуры. В четвертом рабочем документе «Проекта арбитражного регламента ICSID», опубликованном в феврале 2020 года, ICSID предлагает, чтобы арбитражный суд мог вынести решение о том, что проигравшая сторона несет расходы, понесенные в процессе подачи возражения или возражения против отвода. Китай может извлечь уроки из этой практики, чтобы сделать результаты арбитража более справедливыми, сдержать злоупотребления, связанные с процедурой отклонения на раннем этапе, и вернуть функционирование процедуры отклонения на раннем этапе и ее ожидаемую роль в нормальное русло.

Столкнувшись со сложной международной обстановкой, зарубежные инвестиции Китая по-прежнему устойчиво растут. Согласно статистическим данным Bain & Company, объем средств предприятий, выходящие на мировые рынки в 2023 году, увеличился на 11 % по сравнению с 2022 годом, а количество такой предприятий, увеличилось на 23 %. В этом контексте количество споров между Китаем и его зарубежными инвесторами неизбежно будет расти, в то время как в настоящее время количество инвестиционных споров, связанных с Китаем, невелико, и опыт в разрешении международных коммерческих споров все еще нуждается в улучшении. Поэтому Китай должен эффективно использовать методы международного коммерческого арбитража и пра-

вильно относиться к процедурам отклонения на раннем этапе в международном коммерческом арбитраже.

Установление процедуры отклонения на раннем этапе является серьезным нововведением в рамках реформы международного коммерческого арбитража в Китае, оно соответствует тенденции развития арбитража и экономит процессуальные расходы. Тем не менее, возможности и проблемы сосуществуют в процессе разработки процедуры отклонения на раннем этапе, Только путем дальнейшего совершенствования этой процедуры мы можем повысить уровень разрешения международных коммерческих споров в Китае, чтобы лучше защищать права и интересы страны и инвесторов.

Пристатейный библиографический список

1. 唐塞潇.国际商事仲裁早期处置机制的价值平衡和制度构建 唐 Сайсяо. Баланс стоимости и институциональное построение механизма процедуры отклонения на раннем этапе в международном коммерческом арбитраже // Обзор международного права Уханьского университета. 2019. № 3 (02). С. 85-104. DOI: 10.13871/b.cnki.whuilr.2019.02.017.
2. 梁丹妮,林希楠.ICSID仲裁中的早期驳回程序研究——基于2021年《ICSID仲裁规则修订稿草案》第41条的分析 梁 Дани, Линь Синань. Исследование процедуры отклонения на раннем этапе в арбитраже ICSID — анализ на основе статьи 41 пересмотренного проекта арбитражного регламента ICSID 2021 года [J] // Юридический обзор университета Сунь Ятсена. 2020. № 18 (02). С. 225-241.
3. 蒋春,钟辉强.商事仲裁“一裁终局”的打破及实体上诉机制探析 蒋 Чунь, Чжун Хуэйцян. Разрушение «окончательного решения» коммерческого арбитража и анализ механизма обжалования материального характера [C] // Сборник «Шанхайские юридические исследования», том 2, 2023 год — Сборник юридических исследований адвокатов. Шанхайская юридическая фирма Dehe Hantong. 2023. № 7. DOI: 10.26914/c.cnkihy.2023.022439.

АБДРАШИТОВ Вагип Мнирович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет

ВОПЛЕНКО Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский государственный университет

ПОЛЯКОВ Вячеслав Александрович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье произведен анализ современных тенденций конституционно-правовых реформ в контексте укрепления государственного суверенитета. Авторы приходят к выводу, что современные изменения в основных законах ряда государств направлены на защиту традиционных ценностей, национальных интересов, усиление независимости в условиях глобального политико-культурного давления иных государств. Проанализирован процесс утверждения верховенства Конституции Российской Федерации над международными правовыми нормами, что является последовательным шагом в формировании суверенной правовой доктрины России. Подчеркивается значимость конституционных реформ для модернизации государственного управления и повышения доверия общества к институтам власти. Сделан вывод, что последовательное развитие концепции национального суверенитета России, основанное на исторических и правовых традициях, способствует укреплению государственного правового режима и повышению доверия граждан к публичной власти.

Ключевые слова: суверенитет, законодательство, глобализация, государственный суверенитет, конституционная реформа, государство, международное право, права и свободы человека, система защиты государственного суверенитета.

ABDRASHITOV Vagip Mnirovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Philosophy and theory of law sub-faculty, Volgograd State University

VOPLENKO Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Volgograd State University

POLYAKOV Vyacheslav Aleksandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Volgograd State University

THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY OF THE MODERN RUSSIAN FEDERATION (THEORETICAL ASPECT)

The article analyzes current trends in constitutional and legal reforms in the context of strengthening state sovereignty. The authors conclude that modern changes in the basic laws of a number of states are aimed at protecting traditional values, national interests, and strengthening independence in the face of global political and cultural pressure from other states. The author analyzes the process of establishing the supremacy of the Constitution of the Russian Federation over international legal norms, which is a consistent step in the formation of Russia's sovereign legal doctrine. The importance of constitutional reforms for modernizing public administration and increasing public confidence in government institutions is emphasized. It is concluded that the consistent development of the concept of national sovereignty of Russia, based on historical and legal traditions, contributes to strengthening the state legal regime and increasing citizens' trust in public authority.

Keywords: sovereignty, legislation, globalization, state sovereignty, constitutional reform, state, international law, human rights and freedoms, system of protection of state sovereignty.

Во многих государствах усматривается процесс детального самоочищения или полной «экологизации» основных законов стран, в результате которого природные богатства признаются бесценным народным наследием [1, с. 8], а семья и общественная справедливость определяются и закрепляются как важнейшие ценности государства, находящиеся на особом контроле главы государства и государственных органов.

Современные конституционно-правовые реформы большинства развивающихся государств напрямую касаются не только особенностей их правовых систем, но и ключевых ценностей, закрепленных в их основных законах, в том числе и концепции суверенитета государства. Во многих государствах все больший акцент делается именно на проблемы равноправия на международном уровне в экономической сфере

и рост членов БРИКС, при активном участии Президента РФ В. В. Путина, нелишнее тому подтверждение. Этот процесс затрагивает также международные, европейские и национальные средства обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также постепенный переход в качестве приоритета, постоянно развивающейся концепции национальной правовой доктрины в указанных вопросах. Практически, стоит признать очевидный факт, что многие современные государства в настоящий момент выходят из «летаргического нормативного сна», периода длительного давления и жесткого контроля со стороны Запада и объединенной Европы, и фактически идут по пути разработки новых нормативных координат долгосрочного взаимного сотрудничества и современных алгоритмов собственного конституционно-правового независимого развития в указанных направлениях.

Отдельно хотелось бы описать область тех трансформаций, которые наметились в направлении укрепления и модернизации государственного суверенитета нашей страны. Так, в 2020 году в рамках модернизации содержания ее Конституции и расширения конституционно-правовой защиты государственного суверенитета России, институтов брака и семьи, Президентом РФ В. В. Путиным были внесены комплексные предложения по изменению содержания Основного закона страны. Узловые нововведения, представленные главой государства, поддержанные позднее россиянами, в рамках всенародного референдума, затрагивали широкий спектр вопросов и проблем, накопившихся еще с момента принятия Конституции РФ 1993 года.

Большинство предложений 2020 года затронули вопросы российской культуры и искусства, как бесспорных явлений исключительного богатства и достояния всего многонационального народа Российской Федерации [1, с. 46]. Также они коснулись сохранения ее этнографического и этнокультурного, лингвокультурного и языкового многообразия, исторической, культурной и религиозной памяти всех поколений, включая увековечение неизменной памяти защитников Родины разных периодов. Помимо этого, также новеллами были задеты аспекты свободной и искренней веры в Бога. Предложения также прикоснулись к проблеме исторической правды, ее истоков, а также идей справедливости российского народа, его национальных, гендерных и семейных ценностей и традиций, получивших в связи с широким распространением губительной концепции псевдотолерантности свободной Европы, статус особо важного, обрядового священнодействующего значения для современной России. Обратим также внимание на то обстоятельство, что также были внесены отдельные поправки, нацеленные непосредственно на укрепление государственного суверенитета России. Ряд из них затронули проблему обеспечения полной целостности и гармоничного единства всей территории нашей Родины и недопустимости отчуждения ее земель [1, с. 29], а также безусловного верховенства и неоспоримого приоритета её Основного Закона над международными договорами и иными актами подобного статуса, идущими в разрез с идеями, принципами и нормами Конституции страны, несмотря на активные процессы по втягиванию в общие процессы глобализации [2, с. 53].

Нам видится, что современная стратегия России по внесению абсолютно новых положений и изменений уже имеющих норм Конституции РФ, в-первую очередь заключается в достижении глобальной цели по завершению построения и последующему качественному укреплению государственного суверенитета страны. Указанное положение дел может быть подтверждено словами профессора Н. И. Грачева, который в свое время обозначил: «Задачи модернизации российского общества и государства, соответствующие современным условиям и тенденциям мирового развития, могут быть успешно решены, если будут опираться на со-природные культурно-историческому коду России политико-правовые формы и методы управления» [3, с. 10], а поскольку указанные аспекты связаны в вопросах обеспечения национальной безопасности, обороноспособности, а также экономической и политической стабильностью страны, то в повестке дня все более актуальным становится тезис о повышении статуса и авторитета российской публичной власти¹ и, как

логичное следствие, очевидный результат – отклик российского общества в виде стремительного роста доверия к главе государства и правительства в последние годы².

Указанное нами выше нелишний раз подтверждает важность и приоритетность принимаемых решений Президентом РФ, как внутри страны, так и на высшем уровне, в рамках реализации государственной политики в деле обеспечения мира и безопасности [1, с. 100], их влияние на формирование мировой повестки дня, расклад мировых сил и характер их воздействия на уровень обеспеченности и защищенности национального суверенитета каждой страны принимается законно и вполне справедливо, т.к. «суверенитет является не только исторической категорией, но характеризует собой и ныне юридическую природу государственного властвования и является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов и отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств» [4, с. 565].

Закон о конституционных поправках не только декларирует и признаёт верховенство Конституции РФ над действующими нормами международного и европейского права, но и представляет собой логичное завершение очередного этапа последовательной реализации государственной программы по модернизации внутрироссийского государственного правового режима и совершенствования национального суверенитета, что вполне законно вписывается в постоянно развивающуюся концепцию государственного суверенитета и доктрину национальной конституционной идентичности, которая постепенно, но очень уверенно вырабатывается Конституционным Судом РФ и потом широко используется общеевропейскими судебными органами и активно копируется во многих других государствах, поскольку «Святая Русь» стремилась идти своим путем, отличным от пути других государств, и это нравилось не всем» [5, с. 165]. Напомним, что первоначально принципы описываемой концепции были досконально проанализированы в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года, в котором решалась судьба реализации Постановления Европейского Суда по правам человека в деле «Анчугов и Гладков против РФ» и его частичном исполнении, причем, на вполне законных основаниях. Указанным Постановлением было доказано, что обновленная Россия – это свободная страна, представляющая собой современное и независимое государство справедливости и закона. Российская Федерация обладает абсолютным, самостоятельным государственным суверенитетом и полным правовым иммунитетом. Такие характеристики позволяют современной России принимать полностью самостоятельные и независимые ни от кого, высокие по своему политическому «духу» и правовому содержанию нормы права, своевременные решения и делать единоличные выводы и формулировать личные усмотрения, решать любые тактические и стратегические задачи и актуальные проблемы.

Наконец, стоит признать, что возвращение к позиции государственного приоритета конституционных положений над нормами международного и европейского права

ресурсы]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/04/01/politologii-obiasnili-rost-doveriia-k-prezidentu.html> (дата обращения: 25.01.2025).

2 Уровень доверия граждан России Путину превысил 78 %. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1827598/2025-01-24/uroven-doveriia-grazhdan-rossii-putinu-prevysil-78> (дата обращения: 25.01.2025).

1 Политологи объяснили рост доверия к президенту // Российская газета – Федеральный выпуск: №71 (8719). – [Электронный

становится полноправным и надежным конституционным инструментом, активно содействующим и надежно способствующим последовательной реализации норм Основного закона нашей страны. По нашему общему мнению, общая совокупность разнообразных общественных отношений, урегулированных ее нормами и отражает весь спектр публичных связей, составляющих, в своей совокупности, российский государственный суверенитет.

Стоит также подчеркнуть, Россия, в современном ее формате, демонстрирует всему миру не только свою новую модель Конституции, соответствующую актуальной внутренней и внешнеполитической повестке дня, но и готовность к паритетному общению с любыми возможными участниками интернационального диалога, способность к решению международных вопросов максимальной сложности в полном соответствии с государственно-гражданской ориентацией нашего государства и ранее взятыми на себя обязательствами, в рамках заключенных международных актов, с той лишь оговоркой, что нынешний российский законодатель в состоянии разрабатывать и принимать нормы более высокого статуса, чем международный правовой эталон (к примеру, стандарт уровня межгосударственного соглашения), в том числе применительно защиты прав и свобод человека и гражданина [6] и гарантированности государственного суверенитета [7]. В этой связи, следует пояснить, что на настоящий момент в научной среде имеются различные подходы среди ученых теоретиков, рассматривающих защиту государственного суверенитета исключительно как элемент политической функции (например, Т. Н. Радько, А. С. Пиголкин, Ю. А. Дмитриев), в то время как другие считают ее лишь одним из элементов внешней функции по обороне государства (к ним можно отнести таких ученых как: Н. И. Матузов, А. В. Нырков, К. В. Шундилов). Принимая во внимание, что современная Россия, как и в период распада Советского Союза, вынуждена защищать свой суверенитет и столкнулась с беспрецедентным воздействием со стороны отдельных государств и их альянсов. Об этом явлении, в своих многочисленных трудах, еще в советский период, неоднократно упоминал профессор Р. А. Тузмухамедов [8]. Указанные процессы вылились в откровенную борьбу за сырьевые рынки, сферы влияния, поиски дешевой рабочей силы, что, в конечном итоге, привело к тотальному дипломатическому, военному, информационно-аналитическому, политико-идеологическому, сырьевому, техническому, технологическому, товарному, социокультурному и экономическому давлению. Фактически, такое воздействие на настоящий момент оказывается не только на Россию и тех, кто ее поддерживает, но и на все иные страны, проводящие собственную линию независимой международной политики и имеющие способность автономной воли и принятия стратегических решений (например, в немилость к коллективному Западу попали и своенравный Иран, и самостоятельный в принятии решений Китай, и независимая от заокеанских советов и решений Индия, опасная и непредсказуемая Северная Корея, ищущая поддержки и стремящаяся к прогрессу Бразилия).

В заключении стоит отметить следующее. Принимая во внимание, что разнообразные аспекты защиты государственного суверенитета, это священный долг и прямая обязанность любой страны [9], а на это указывают и известные теоретики права, и ученые-международники, в условиях тотального экономического сдерживания и финансового контроля, экспортных войн и импортных ограничений, беспрецедентных дипломатических демаршей и экономических санкций про-

тив нашей Родины, откровенных провокаций военного плана и роста числа региональных вооруженных конфликтов в непосредственной близости России, при постоянном росте открытых недружественных действий в отношении нее, глава государства и его политическое окружение в рамках продуманной системы мероприятий по реализации комплексной конституционной реформы предприняло целый ряд беспрецедентных, прорывных решений, нацеленных, в своей совокупности, не только на сохранение и укрепление государственного суверенитета, но и на долгосрочное стабильное, перспективное и безопасное развитие российского государства, права и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
2. Уханов А. Д. Современная трансформация государственного суверенитета // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – Т. 8, № 1 (32). – С. 53-62.
3. Грачев Н. И. Империя как форма государственного устройства и тенденции развития суверенной государственности в современном мире // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – № 5 (51). – С. 8-15.
4. Палиенко Н. И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. – Ярославль, 1903. – 593 с.
5. Михневич А. В., Гриценко А. Утерянная возможность гарантировать *restitutio in integrum* или напоминание Совету Европы о суверенитете России? // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 3 (часть 2). – С. 165-169.
6. Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения Конституционного суда РФ органов конституционного контроля зарубежных стран// Lex Russica. – 2017. – № 2. – С. 137-148. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/583136> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Алебастрова И. А. Государственный суверенитет: концепции и реальность // Lex Russica. – 2014. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-kontseptsii-i-realnost> (дата обращения: 25.02.2025).
8. Тузмухамедов Р. А. Национальный суверенитет / Акад. наук УзССР. Ин-т философии и права. – Москва: Изд-во ИМО, 1963. – 215 с.
9. Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. – Москва, 2017. – 231 с.

АВРАМОВ Степан Олегович

адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья исследует правовые ограничения как инструмент баланса интересов общества, государства и личности, подчёркивая их роль в предотвращении нарушений правопорядка. Автор разграничивает ограничения (устанавливающие рамки реализации прав) и запреты (полностью исключающие действия), анализируя их через призму словарных дефиниций и классификаций. Отмечается теоретическая неопределённость в юридической науке из-за отсутствия чётких критериев различения смежных категорий, что усложняет правоприменение.

Ключевые слова: правовые ограничения, правопорядок, юридические запреты, механизм правового регулирования, ограничение прав и свобод.

AVRAMOV Stepan Olegovich

adjunct of the adjunct and doctoral studies, Military Research Center of the Zhukov Military Academy of the National Guard of the Russian Federation

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF LEGAL RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS IN MODERN LEGAL SCIENCE

The article explores legal restrictions as a tool for balancing the interests of society, the state and the individual, emphasizing their role in preventing violations of law and order. The author distinguishes between restrictions (setting the framework for the exercise of rights) and prohibitions (completely excluding actions), analyzing them through the prism of dictionary definitions and classifications. There is a theoretical uncertainty in legal science due to the lack of clear criteria for distinguishing related categories, which complicates law enforcement.

Keywords: legal restrictions, law and order, legal prohibitions, mechanism of legal regulation, restriction of rights and freedoms.

Правовые ограничения выступают ключевым элементом правовой системы, обеспечивая равновесие между интересами общества, государства и личности. Они служат инструментом защиты законных прав, предотвращая действия, которые могут нарушить интересы других участников общественных отношений. Отсутствие таких ограничений ставит под угрозу стабильность правопорядка, поскольку именно они сдерживают деструктивную активность субъектов. Исследование правовых ограничений имеет не только научную ценность, но и практическое значение. Анализ их сущности и эффективности помогает выявить закономерности функционирования права как социального регулятора, а также адаптировать его к современным вызовам. Это создает основу для совершенствования правовых механизмов, делая их более гибкими и соответствующими динамике общественных отношений.

В современной юридической науке до сих пор не выработано единого подхода к пониманию правовых ограничений. Эта теоретическая неопределённость создаёт сложности для развития законодательства, которое регулирует различные сферы общественной жизни.

Термин «ограничение» широко используется в различных областях знаний и характеризуется схожими, но несколько различными оттенками значений в зависимости от контекста. Анализ различных определений показывает, что ограничение рассматривается преимущественно в двух аспектах: как процесс введения пределов, границ или норм, направленных на регулирование определенных явлений и как результат действия, выражающийся в установленных правилах, нормах или условиях.

Определенные сложности вызывает необходимость разграничения правовых ограничений с иными смежными категориями юридической науки, прежде всего с правовыми запретами. Несмотря на схожесть в механизмах воздействия, эти понятия имеют различную нормативную направленность. Правовые запреты исключают возможность совершения определенных действий, тогда как правовые ограничения создают условия, при которых реализация субъективных прав возможна лишь в установленных законом пределах. Тем не менее, в правовой доктрине до сих пор отсутствуют универсальные критерии для чёткого различения этих явлений, что порождает неопределённость при их правоприменении.

В ходе исследования правовых запретов С. С. Алексеев обращает особое внимание на их «функциональную роль в укреплении правопорядка, за счёт чего закрепляются общественные отношения, определяются ключевые аспекты государственной и гражданской дисциплины, непреложный минимум нравственных требований, а также очерчиваются границы допустимого и недопустимого в действиях граждан и государственных органов» [1].

Аналогичную особенность правовых запретов отмечает и А. Г. Братко, рассматривающий их как «государственно-властные предписания, главной целью которых становится предотвращение возможных действий, наносящих ущерб общественным интересам» [2]. Н. Н. Рыбушкин также указывает на роль правовых запретов как «инструмента устранения вредоносных общественных отношений, утверждая, что к ним прибегают в ситуациях, когда наблюдается либо прогнозируется определённая антисоциальная тенденция, которую необходимо пресечь при помощи запрещающих норм» [5].

Схожую трактовку правовых запретов предлагают А. В. Малько и М. М. Султыгов. Так, с точки зрения А. В. Малько, «запреты представляют собой государственно-властные сдерживающие средства, которые под угрозой ответственности должны предотвращать возможные нежелательные, противоправные деяния, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам» [3]. По мнению М. М. Султыгова, «правовые запреты – это такие юридические средства, с помощью которых обозначаются пределы правовой свободы индивида и в то же время ограничиваются возможности вмешательства государства в сферу субъективных прав и смальковобод» [6].

Ф. Н. Фаткуллин практически приравнивает понятия «ограничение» и «запрет», отмечая, что «ограничение близко к запрету, но рассчитано не на полное вытеснение какого-либо общественного отношения, а на его сохранение в жёстко очерченных границах» [7].

Исходя из этого, правовые запреты представляют собой императивные предписания, направленные на предотвращение правонарушений и защиту общественного порядка. Они являются неотъемлемым элементом правового регулирования.

ния, формируя границы допустимого поведения субъектов. Запрещающие нормы выступают инструментом государственной власти, позволяя формировать нормативную основу общественных отношений. Их обязательность обеспечивает устойчивость правовой системы и дисциплину субъектов права. Правовые запреты сочетают в себе как карательную, так и превентивную функции. Они не только фиксируют недопустимости определенных действий, но и ориентируют субъектов права на соблюдение установленного порядка.

В отличие от жестких ограничений, запреты могут быть абсолютными (полностью исключающими возможность совершения действия) или относительными (допускающими исключения или применение при определенных условиях). Это делает их эффективным инструментом регулирования.

Несмотря на их значимость, чрезмерное использование запретов может привести к правовому нигилизму и снижению эффективности нормативного регулирования. Оптимальной стратегией является их сочетание с позитивными правовыми механизмами, обеспечивающими баланс между запретами и мерами стимулирования правомерного поведения. Эти выводы подчеркивают значимость правовых запретов как инструмента правового регулирования, а также их функциональную многогранность и необходимость рационального применения в современных правовых системах.

А. А. Подмарев даёт ещё более расширенное толкование способов ограничения, включив в их перечень: «1) абсолютный запрет, который означает полное запрещение осуществлять определённое право или свободу; 2) относительный запрет, предполагающий запрет на конкретные формы реализации прав и свобод путём определения границ поведения; 3) вмешательство государственных органов в права и свобод (характеризующееся активными действиями власти и пассивным поведением граждан); 4) обязанности; 5) ответственность» [4].

Подход А. А. Подмарева к правовым ограничениям действительно интересен, поскольку он выходит за рамки традиционного понимания и рассматривает ограничения не только как запреты, но и как широкий комплекс правовых механизмов, включающих обязанности, ответственность и даже вмешательство государства. Такой взгляд делает концепцию более гибкой и приближенной к реальной практике правового регулирования, где формальные запреты далеко не всегда являются единственным или даже основным способом контроля за поведением субъектов.

Однако столь широкое толкование несёт в себе определённые риски. Включение в категорию ограничений таких элементов, как обязанности и ответственность, может привести к размыванию границ между различными правовыми институтами. Обязанности по своей природе связаны с выполнением установленных норм, а ответственность — с последствиями их нарушения. Обозначать их как разновидности ограничений можно лишь в том смысле, что они в той или иной мере ограничивают свободу действий субъекта, но такое расширительное толкование может затруднить проведение чётких границ между этими категориями.

Кроме того, вмешательство государственных органов в права и свободы — ещё более сложная и неоднозначная категория. Оно может быть как правомерным, так и чрезмерным, в зависимости от характера самого вмешательства и правовой системы, в которой оно применяется. В демократических обществах вмешательство государства обычно ограничивается принципами законности, необходимости и пропорциональности, а чрезмерное государственное регулирование может привести к злоупотреблениям и подавлению прав и свобод.

Таким образом, подход интересен своей универсальностью и попыткой дать целостную картину механизмов ограничения, но требует осторожного применения. Важно сохранять чёткие границы между запретами, обязанностями и ответственностью, чтобы не допускать правовой неопределённости, а вмешательство государства должно оставаться строго регламентированным, иначе оно рискует превратиться в инструмент подавления свобод вместо их регулирования.

С одной стороны, расширенное толкование категории «правовые ограничения» действительно способствует более детальному исследованию механизмов правового регулирования, позволяя выявить скрытые аспекты их функционирования и влияние на правоприменительную практику. Такой подход создаёт условия для более комплексного понимания динамики правовых отношений. Однако, с другой стороны, столь широкая трактовка несёт в себе и определённые риски, связанные с возможностью размывания границ понятийного аппарата.

Строгое соблюдение логических конструкций и терминологической точности является необходимым условием обеспечения научной корректности и правовой определённости. Произвольное смешение смежных категорий, таких как правовые ограничения и правовые запреты, способно привести к терминологической неопределённости, усложняя процесс интерпретации норм права и их практического применения.

Попытки отождествления правовых ограничений с юридическими обязанностями, запретами или мерами ответственности требуют особенно внимательного подхода. Несмотря на тесную взаимосвязь этих правовых категорий, их объединение под единым понятийным аппаратом может привести к размыванию границ между ними. Правовые ограничения, в отличие от обязанностей и запретов, представляют собой инструменты, направленные на сдерживание активности субъектов права для достижения баланса интересов и обеспечения защиты правопорядка [8]. В то время как юридические обязанности концентрируются на необходимости исполнения установленных норм, а ответственность реализуется в ответ на нарушение таких норм, ограничения имеют более широкую функциональную нагрузку и касаются профилактики нежелательного поведения.

Одной из форм проявления ограничений является временное изменение объёма субъективного права. Это может выражаться в частичном его умалении, полном лишении права или приостановлении его действия. Такие меры, как правило, используются для достижения правового баланса в условиях, когда реализация субъективного права одного лица может нарушить права и законные интересы других субъектов. Кроме того, ограничения могут проявляться в установлении конкретных запретов, позитивных обязанностей, лимитов, цензов или других формальных рамок, которые сужают поле допустимого поведения субъектов.

Реализация ограничений может включать меры принуждения или наказания, которые служат как сдерживающим фактором, так и способом восстановления нарушенного правопорядка. Эти механизмы обеспечивают не только соблюдение правовых ограничений, но и усиление их превентивной функции, предотвращая возможные правонарушения. Правовые ограничения, выступая в качестве инструмента правового регулирования, тесно связаны с запретами, обязанностями и санкциями, дополняя их и усиливая их эффективность. Они не только ограничивают свободу действия, но и обеспечивают устойчивость правовой системы.

Таким образом, правовые ограничения выступают неотъемлемым элементом механизма правового регулирования, обеспечивающим баланс между интересами государства, общества и личности. Их функциональная природа позволяет устанавливать границы допустимого поведения, предотвращая возможные нарушения правопорядка и способствуя защите законных интересов субъектов права.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 43.
2. Братко А. Г. Запреты в советском праве. – Саратов, 1979. – С. 17.
3. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (Теорет.-информ. аспект): дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1995.
4. Подмарев А. А. Конституции Российской Федерации 1993 года. // Конституционное развитие России. Межвузовский сборник научных статей. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – Вып. 6. – С. 127-131.
5. Рыбушкин Н. Н. Реализация запрещающих норм советского общенародного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1986.
6. Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996.
7. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. – Казань, 1987.
8. Яковлев М. В., Никонов Д. А., Аврамов С. О. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 100-105.

ОСЬКИН Егор Дмитриевич

аспирант 1-го курса, Самарский государственный экономический университет

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВАЯ ИНФОРМИРОВАННОСТЬ И ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье авторы исследуют такие важнейшие понятия, как правовая информированность и правовое сознание, рассматривают, как они соотносятся друг с другом. Отмечая тот факт, что точное определение понятия «правовая информированность» в юридической науке отсутствует, авторы предлагают исследовать её сущность через структурные элементы. Кроме того, в статье предложены рекомендации, призванные повысить эффективность правового информирования граждан в РФ. Правосознание авторы анализируют сквозь призму его возможных деформаций, таких как правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой негативизм, правовой эгоцентризм, отмечая при этом, что нередко причиной некоторых из указанных деформаций правового сознания является недостаточная правовая информированность.

Ключевые слова: правовая информированность, правовое сознание, деформация правосознания, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой негативизм, правовой эгоцентризм.

OSKIN Egor Dmitrievich

postgraduate student of the 1st course, Samara State University of Economics

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

LEGAL AWARENESS AND LEGAL AWARENESS: PROBLEMS OF CORRELATION AND INTERRELATION

In the article, the author explores such important concepts as legal awareness and legal consciousness, examines how they relate to each other. Noting the fact that there is no precise definition of the concept of "legal awareness" in legal science, the author suggests exploring its essence through structural elements. In addition, the article offers recommendations designed to improve the effectiveness of legal information for citizens in the Russian Federation. The author analyzes legal consciousness through the prism of its possible deformations, such as legal nihilism, legal infantilism, legal negativism, and legal egocentrism, noting that lack of legal awareness is often the cause of some of these deformations of legal consciousness.

Keywords: legal awareness, legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal nihilism, legal infantilism, legal negativism, legal egocentrism.

Правовая информированность – важнейшая составляющая правового воспитания и правовой культуры личности. Однако долгое время в нашей стране вопросам правовой информированности граждан не уделялось должного внимания. Между тем именно информированность граждан о том, какие законодательные акты действуют в государстве и как правильно их исполнять, во многом является залогом правомерного и правопослушного поведения граждан, их ответственного, осознанного отношения к нормам права. Кроме того, благодаря хорошо развитой правовой информированности государство и гражданское общество имеют возможность стабильно развиваться, поскольку граждане, обладающие всеми необходимыми правовыми познаниями и неукоснительно соблюдающие все требования закона, своим правопослушным поведением будут предупреждать беззаконие, произвол, правонарушения и преступления.

Анализ научной литературы показал, что к настоящему времени правоведы не сформировали единого подхода к пониманию термина «правовая информированность». Некоторые юристы, например, Н. И. Соколов, полагали, что право-

вая информированность и знания положений действующих законодательных актов, почерпнутые из средств массовой информации и других источников, не предполагающих профильного юридического образования, – по сути одно и то же [7, с. 39]. В. И. Гойман полагал, что под правовой информированностью следует понимать «степень восприятия и осознания отдельно взятым гражданином какой-либо информации о праве и государстве» [2, с. 35]. А В. И. Боер считал, что правовая информированность есть определенный уровень (степень) владения информацией о том, какие законодательные акты действуют на территории страны и какие требования в них содержатся в отношении граждан [1, с. 45]. По мнению Р. А. Осипова, «правовая информированность граждан представляет собой определенное индивидуальное или коллективное состояние знаний, опыта о праве и связанных с ним явлений» [6, с. 306].

В рамках данной статьи представлено лишь несколько определений правовой информированности, в юридической науке их гораздо больше, и каждое из них имеет свои достоинства и недостатки. По нашему мнению, для того, чтобы

глубже разобраться в природе и особенностях анализируемого понятия, необходимо исследовать элементы, из которых оно состоит. Правоведы, как правило, в структуре правовой информированности выделяют следующие элементы:

1. Когнитивный. Данный элемент является основным, так как именно он собственно и включает знания о праве, которые гражданин получил в процессе своей жизнедеятельности.

2. Мотивационный элемент включает в себя те мотивы, которые побуждают гражданина интересоваться нормами права, стремиться улучшить свои познания в данной сфере. Среди таких мотивов можно выделить следующие:

– социальный, предполагающий, что гражданин осознает, насколько важную роль, регулятивную, в первую очередь, в обществе и государстве играет право;

– познавательный, в рамках которого гражданин проявляет интерес ко всему, что относится к сфере юриспруденции, стремится регулярно пополнять свои познания в правовом поле, а также актуализировать имеющиеся;

– прагматический мотив предполагает, что индивидум хочет приобрести личный опыт применения норм права, то есть, стремится к правоприменению для личных целей (потребностей). Также к прагматическому мотиву следует отнести желание лица изучать нормы права для того, чтобы избежать ответственности за возможные противоправные деяния.

3. Деятельностный элемент правовой информированности является, по сути, опытом применения индивидумом норм права в процессе жизнедеятельности.

Как показывает практика, уровень правовой информированности граждан РФ находится в настоящее время на довольно низком уровне. В связи, с чем очевидно, что необходимо обеспечивать граждан всей необходимой информацией о нормах права более эффективно. Для этого целесообразно:

– предоставлять всю необходимую правовую информацию бесплатно в открытых источниках, доступных всем заинтересованным лицам. Это могут быть печатные средства массовой информации, справочно-правовые системы («Консультант Плюс» и «ГАРАНТ»), а также специальные сайты в сети интернет. На электронных ресурсах важна обратная связь, в рамках которой гражданин, не нашедший нужной ему информации, может обратиться с вопросом в онлайн-режиме и получить ссылку на необходимый нормативно-правовой акт. Очевидно, что для получения более полного ответа на свой вопрос гражданину целесообразно обратиться уже к специалистам в юридическую консультацию;

– чтобы язык нормативно-правовых актов был по возможности понятным для граждан, не обремененных юридическими познаниями. В настоящее время для ряда граждан чтение и, главное, понимание законодательных актов весьма затруднительно, так как многие формулировки, понятия им не известны. В итоге граждане не всегда понимают, что именно им предписывает закон и, соответственно, не руководствуются в своих поступках нормами права, так как не понимают их. В этой связи, очевидно, что законодатель должен формулировать свои предписания максимально просто и понятно, чтобы нормы закона были понятны не только профессиональным правоведом, но и прочим гражданам, не имеющим профильного юридического образования;

– чтобы граждане получали от государства всю необходимую квалифицированную юридическую помощь. Очевидно, что зачастую случаются ситуации, когда гражданину необходима профессиональная консультация юриста, но денег на такую консультацию нет. Оставить гражданина без юридической помощи, поддержки нельзя, для этого необходимо более активно развивать сеть бесплатных юридических консультаций по стране [3].

В результате реализации предложенных рекомендаций уровень правовой информированности граждан, безусловно, будет расти, что положительно скажется на уровне их правового сознания, предупредит его возможную деформацию. Здесь закономерно перейти к следующему важнейшему понятию, исследуемому в рамках данной статьи, – правовому сознанию.

Правосознание – важнейшая категория, уровень которой у граждан того или иного государства позволяет составить представление о том, насколько это государство является правовым и насколько высок в нём уровень правовой культуры. Анализ юридической литературы показал, что взгляды исследователей на сущность правосознания разнятся, каждый ученый предлагает свое определение данного понятия. В целом можно сказать, что правосознание есть совокупность правовых познаний, идей, взглядов, которые демонстрируют отношение данного индивидума к правовым нормам, правомерному поведению и т.д. Высокий уровень правосознания индивида предполагает не только его правовую информированность, то есть наличие правовых познаний, но и осознанное отношение к нормам права, правопослушное поведение, базирующееся не на страхе наказания, ответственности за неправомерное поведение, а на понимании важности соблюдения буквы закона для сохранения общественного порядка. Низкий уровень правосознания, по сути, является деформацией правосознания.

Правоведы выделяют следующие основные формы деформации правосознания:

Во-первых, правовой инфантилизм, предполагающий, что у индивида совершенно не сформировано правосознание, а уровень юридических познаний критически низок. Индивидум, которому свойственен правовой инфантилизм, не понимает, зачем ему правовые познания, какое отношение они имеют к его жизни, чем они могут ему помочь в той или иной ситуации и т.д. Следовательно, о правомерном, правопослушном поведении такого индивида говорить не приходится.

Во-вторых, правовой негативизм, предполагающий активное отрицание права, непонимание и непринятие важности его роли в регулировании общественных отношений. Индивиды, чье правосознание характеризуется правовым негативизмом, как правило, считают, что более важными и эффективными регуляторами жизни общества и государства являются нормы морали, традиции, обычаи и т.д. Правовая информированность такого гражданина очевидно находится на максимально низком уровне, так как он не испытывает потребности изучать правовые нормы, отрицает их.

В-третьих, правовой нигилизм. Очевидно, что данная форма является наиболее опасной. Правовой нигилизм предполагает активное, можно сказать агрессивное неприятие правовых предписаний, норм, требований законов и т.д. [5, с. 2084]. Причины правового нигилизма правоведы

выделяют разные: это и несовершенство законодательной базы российского государства, где одни законы зачастую противоречат другим; и юридическое невежество граждан, а порой и элементарная безграмотность, правовая невоспитанность, даже «дремучесть» некоторых индивидов. Безусловно, одной из основных причин правового нигилизма является отсутствие должной правовой информированности населения. В отсутствие эффективного информирования граждан о том, какие законодательные предписания следует соблюдать в той или иной сфере, а также о том, какие права каждый гражданин имеет, как их защитить и т.д., то есть ввиду наличия значительных пробелов в правовой информированности правовой нигилизм и начинает свое зарождение. Нигилизм – это отрицание права, а не незнание его норм. Однако важно понимать, что отрицание как раз и начинается с незнания.

В-четвертых, правовой эгоцентризм, под которым понимается внутриличностная склонность к злоупотреблению правом [4, с. 176]. Индивид, чье правосознание деформировано и характеризуется правовым эгоцентризмом, как правило, весьма хорошо осведомлен о том, какие правовые нормы, что предписывают гражданам в той или иной ситуации, однако эти свои юридические познания данное лицо использует исключительно для того, чтобы реализовывать свои личные интересы, нередко выворачивая для этого суть законодательной нормы наизнанку.

Итак, правовая информированность – важнейшая составляющая правового воспитания и правовой культуры каждого гражданина. Однако, как показывает анализ практики, уровень правовой информированности в РФ находится в настоящее время на довольно низком уровне. В связи, с чем очевидно, что необходимо обеспечивать граждан всей необходимой информацией о нормах права более эффективно. Для этого необходимо предоставлять гражданам всю необходимую информацию в открытых источниках, доступных всем желающим; также важно, чтобы язык нормативно-правовых актов должен быть по возможности понятным для лиц, не обремененных юридическими познаниями; кроме того, необходимо, чтобы граждане получали от государства всю возможную квалифицированную юридическую помощь.

Как известно, находящаяся на низком уровне правовая информированность нередко приводит к различным деформациям правосознания индивидов. Подобное положение вещей ведет к тому, что правовой прогресс в любом государстве, и в Российской Федерации в том числе, неизменно будет заторможен, а истинно демократическое, правовое государство и гражданское общество вряд ли в обозримом будущем будут окончательно сформированы. Совершенно очевидно, на наш взгляд, что действительно серьезный подход к правовому информированию граждан, предоставление всем заинтересованным лицам всей необходимой информации о нормах права будет способствовать формированию адекватного отношения личности к праву как к социальному регулятору и демократической ценности, исключаящему и отрицание значимости, и переоценку его возможностей, а также утилитарные намерения по его использованию.

В целом следует заметить, что правовая культура, правосознание и правовая информированность примени-

тельно к обществу, точнее их высокий уровень и качество, – неперенные атрибуты государства, претендующего на звание «правовое». Следовательно, и цели у них единые – они способствуют эволюционному правовому и в целом социальному развитию, торжеству идей и принципов демократии, поддержанию законности и правопорядка, наиболее полной реализации прав и свобод человека, формированию полноценного гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Боев В. И. Информационно-правовая политика России. - СПб.: С.-Петербург. акад. МВД России, 1998. - 249 с.
2. Гойман В. И. Правовая информированность граждан: состояние, пути улучшения // Советское государство и право. - 1988. - № 9. - С. 30-40.
3. Лазарева А. С., Гончаров А. А. К вопросу о понятии и структуре правовой информированности граждан // Дневник науки. - 2020. - № 7 (43). - С. 34.
4. Малиновский А. А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // Правоведение. - 2008. - № 6. - С. 171-181.
5. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. - 2012. - № 12. - С. 2080-2089.
6. Осипов Р. А. Правовая информированность как средство противодействия деформациям правосознания личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2018. - № 1 (44).
7. Соколов Н. И. Правовая информированность общества: сущность и содержание // Советское государство и право. - 1981. - № 11. - С. 39-47.

СЕМЕНОВ Андрей Александрович

адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра, Военный ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник, г. Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии в обеспечении территориальной целостности Российской Федерации. Данная работа направлена на исследование теоретико-правовых аспектов деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии в контексте обеспечения территориальной целостности Российской Федерации. Проводится анализ действующих нормативных - правовых актов, регулирующих деятельность Росгвардии в области обеспечения безопасности общества и государства.

Ключевые слова: Росгвардия, теоретико-правовой аспект, территориальная целостность, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации.

SEMENOV Andrey Alexandrovich

adjunct and doctoral student at the Research Center, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation, lieutenant colonel, St. Petersburg

THE THEORETICAL AND LEGAL ASPECT OF THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL SERVICE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS IN ENSURING TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the activities of the Federal Service of the National Guard Troops in ensuring the territorial integrity of the Russian Federation. This work is aimed at an in-depth study of the theoretical and legal aspects of the activities of the Federal Service of the National Guard Troops in the context of ensuring the territorial integrity of the Russian Federation. The analysis of the current regulatory legal acts regulating the activities of the Russian Guard in the field of ensuring the security of society and the state is carried out.

Keywords: Russian Guard, theoretical and legal aspect, territorial integrity, Federal Service of the National Guard of the Russian Federation.

Семенов А. А.

В современных условиях вопрос национальной безопасности Российской Федерации является приоритетной задачей политики государства. Национальная безопасность России возможна только при сохранении ее территориальной целостности. Сохранение территориальной целостности возложено, в том числе на Федеральную службу войск национальной гвардии, более известную как Росгвардия. Созданная в 2016 году, эта структура призвана не только обеспечить общественный порядок, но и защищать территориальные границы страны от различных угроз. В связи с этим, теоретико-правовой аспект деятельности Росгвардии представляет собой актуальную и важную область исследования, которая требует глубокого анализа и осмысления.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения правовых основ, на которых строится деятельность Росгвардии, а также ее роли в обеспечении территориальной целостности Российской Федерации. В условиях проведения специальной военной операции по демилитаризации и денационализации Украины важно понимать, как правовая база и полномочия Росгвардии способствуют выполнению возложенных на нее задач. В этом контексте необходимо рассмотреть основные правовые документы, регулирующие деятельность Росгвардии. Эти документы определяют не только полномочия и зада-

чи Росгвардии, но и ее место в системе обеспечения безопасности страны.

Данная статья направлена на глубокое исследование теоретико-правовых аспектов деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии в контексте обеспечения территориальной целостности Российской Федерации. Результаты исследования могут быть полезны как для научного сообщества, так и для практиков, работающих в области безопасности и правопорядка.

Правовая основа деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) формируется на базе множества нормативно-правовых актов. Ключевым документом в этом контексте является Конституция Российской Федерации, которая определяет основные принципы функционирования государственного механизма и гарантирует права граждан.

Федеральная служба войск национальной гвардии, более известная как Росгвардия, представляет собой федеральный орган исполнительной власти, чье создание закреплено Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [1]. Основные полномочия и задачи службы определяются именно этим законом, который устанавливает правовые и организационные основы ее деятельности. Важным аспектом является регулирование порядка использования войск,

направленного на обеспечение безопасности граждан, общественного порядка, а также защиту территориальной целостности России.

Законодательство четко формулирует задачи Росгвардии, среди которых — участие в обеспечении безопасности и общественного порядка, защита прав и свобод граждан, а также выполнение иных функций, возложенных на нее федеральными законами и решениями Президента Российской Федерации [2]. Важно отметить, что нормативные основы деятельности войск могут быть изменены и дополнены, в том числе и посредством указов Президента, что позволяет оперативно адаптироваться к возникающим вызовам и угрозам [3].

Одной из ключевых задач Росгвардии является охрана общественного порядка в условиях реальных угроз безопасности. Это может включать как участие в оперативных мероприятиях по предотвращению преступлений, так и действия в ситуациях, требующих применения физических сил и специальных средств. Например, выполнение задач по обеспечению безопасности общественных мероприятий или реагирование на массовые беспорядки — это прямые обязанности, вытекающие из закона.

Несмотря на это, более широкие полномочия России, связанные с охраной территориальной целостности, подразумевают не только действия Росгвардии, но и взаимодействие с другими правоохранительными и силовыми структурами. В рамках совместной работы могут применяться различные стратегии для обеспечения безопасности как внутри страны, так и на внешних рубежах.

Кроме того, важным аспектом работы Росгвардии является тесное сотрудничество с другими государственными структурами при проведении профилактических мероприятий, а также обмен информацией по вопросам, касающимся обеспечения безопасности. Это сотрудничество способствует формированию более комплексного подхода к вопросам охраны правопорядка и безопасности в стране.

Согласно действующему законодательству, основным приоритетом деятельности Росгвардии является защита прав и законных интересов граждан, что подчеркивает социальную значимость ее работы [2]. Выполнение задач службы осуществляется на основании четких инструкций и нормативных актов, что позволяет не только оптимально распределять ресурсы, но и оперативно реагировать на изменения в обстановке.

Современные реалии ставят перед Росгвардией новые вызовы, включая угрозы, связанные с терроризмом и экстремизмом, безопасности на массовых мероприятиях и защитой критической инфраструктуры. В этом контексте очень важен процесс постоянного совершенствования, как внутренней регуляции, так и механизма взаимодействия с другими ведомствами.

Таким образом, полномочия и задачи Росгвардии, определяемые законодательством, подвержены динамическим изменениям, что позволяет органу оставаться эффективным инструментом в обеспечении безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) осуществляет свою деятельность в области территориального планирования через взаимодействие с различными органами управления и структурными подразделениями. Ее участие в организации и координации этих процессов направлено на обеспечение территориальной целостности и безопасности государства.

Планирование включает создание и организацию функциональных подразделений, что важно для быстрого реагирования в условиях, требующих оперативной реакции.

Основным аспектом территориального планирования Росгвардии является формирование структуры и численности сил. Это связано с реализацией задач, поставленных в рамках существующей правовой базы, которая учитывает современные требования к безопасности. Важным элементом планирования являются ежегодные послания Президента России, на основе которых Росгвардия выстраивает свои стратегические прогнозы и определяет приоритетные направления деятельности [5]. Это обеспечивает согласованность действий различных государственных структур в области обороны и безопасности.

В рамках территориального планирования Росгвардия организует мобилизационный и повседневный контроль, что позволяет поддерживать готовность сил и средств к выполнению установленных задач. Основная задача заключается в оперативном управлении силами на местах, что требует высокой степени взаимодействия с местными органами власти и другими правоохранительными структурами [4]. Таким образом, планирование может быть охарактеризовано как интегрированный процесс, охватывающий как стратегическое, так и тактическое управление ресурсами для повышения общей устойчивости государственных институтов.

Таким образом, подчеркивая важность эффективного территориального планирования, можно отметить, что Росгвардия играет активную роль в обеспечении внутренней безопасности и целостности страны, используя современные методы и подходы к управлению силами на местах.

Деятельность Федеральной службы войск национальной гвардии в условиях современных вызовов и угроз требует внимательного анализа перспектив ее развития. Важность обеспечения территориальной целостности страны на фоне глобальных изменений в политической и военной обстановке является неоспоримой. Одна из ключевых задач, стоящих перед Росгвардией, заключается в интеграции новых технологий, что предполагает обновление технической базы и внедрение современных методов работы.

На заседании Совета Федерации Виктор Золотов подчеркнул необходимость создания эффективной структуры и оптимизации существующих подразделений Росгвардии. Он акцентировал внимание на планах по укреплению возможностей ведомства до 2030 года, которые включают не только материально-техническое обеспечение, но и развитие кадрового потенциала. В частности, рассматривается возможность создания добровольческих формирований для мобилизации дополнительных сил в экстренных ситуациях [6].

Также обозначены намерения Росгвардии расширить свои полномочия, с акцентом на контроль за оборотом оружия и борьбу с терроризмом. Разработка современных беспилотных аппаратов станет важным компонентом, обеспечивающим оперативность и эффективность действий на месте [7]. Участие в охране ключевых объектов государственной важности подчеркивает важность роли, которую исполняет Росгвардия в поддержании общественного порядка.

В дальнейшем планируется создание более комплексной системы взаимодействия с другими силовыми структурами. Это не только повысит готовность силовых ведомств к совместным действиям в условиях кризиса, но и улучшит стратегии по неотложному реагированию на потенциальные угрозы. Оптимизация структуры ведется с целью повышения

внутренней дисциплины и ответственности личного состава, что прямо связано с выполнением установленных задач [8].

С учетом меняющейся политической ситуации на международной арене, разумно предположить, что предоставление более тяжёлого вооружения, включая танки и артиллерию, станет частью будущих наработок. Это решение направлено на повышение обороноспособности, учитывая те угрозы, которые могут возникнуть как внутри страны, так и на её границах [9]. Такие шаги станут важной составляющей общей программы по укреплению безопасности и стабильности.

Нельзя не отметить, что перспектива использования новейших технологий, в том числе применения средств искусственного интеллекта для анализа ситуации и управления тактическими действиями, должна играть важную роль в будущем Росгвардии. Внедрение таких технологий позволит не только повысить реакцию на возникающие угрозы, но и оптимизировать внутренние процессы ведомства.

В заключение статьи следует подчеркнуть, что теоретико-правовой аспект деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии) в обеспечении территориальной целостности Российской Федерации представляет собой многогранную и актуальную тему, которая требует глубокого анализа и понимания.

Перспективы развития Росгвардии также представляют собой важный аспект, который требует дальнейшего изучения. В условиях быстро меняющегося мира, где угрозы безопасности становятся все более разнообразными и сложными, Росгвардия должна быть готова к адаптации и модернизации своих подходов. Это включает в себя не только техническое оснащение, но и развитие новых методов работы, основанных на современных технологиях и подходах к управлению.

Таким образом, теоретико-правовой аспект деятельности Росгвардии в обеспечении территориальной целостности Российской Федерации является важной и актуальной темой, требующей дальнейшего изучения и анализа. Эффективная работа Росгвардии зависит от четкой правовой базы, адекватных полномочий и задач, а также способности адаптироваться к новым вызовам и угрозам. Важно, чтобы все заинтересованные стороны, включая государственные органы, научное сообщество и общество в целом, продолжали работать над улучшением системы обеспечения безопасности, что в конечном итоге будет способствовать укреплению территориальной целостности и стабильности Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024). – Ст. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40960> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Задачи войск национальной гвардии — Росгвардия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://21.rosguard.gov.ru/page/index/zadachi-vojsk-nacionalnoj-gvardii> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40960> (дата обращения: 01.02.2025).
4. Формирование планов и показателей деятельности Росгвардии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-rosgvardii-ot-07112019-n-373-ob/prilozhenie/ii/formirovanie-planov-i-pokazatelei-deiatelnosti/> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Об утверждении Регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/563862664/titles/7eg0kj> (дата обращения: 02.02.2025).
6. Золотов В. Рассказал о перспективах развития Росгвардии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/85071/> (дата обращения: 3.02.2025).
7. Национальная оборона / Главная тема / Росгвардия смотрит. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2009-2020.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2018/0327/162923746/detail.shtml> (дата обращения: 02.02.2025).
8. Презентационный фильм «Росгвардия. История. Задачи...». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosguard.gov.ru/page/index/prezentacionnyj-film-rosgvardiya-istoriya-zadachi-perspektivy> (дата обращения: 03.02.2025).
9. Росгвардию могут наделить новыми полномочиями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/56209/> (дата обращения: 03.02.2025).

СОЛТАНИ Бахрехманд Сомайех

аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КРИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВА И ПОЛИТИКИ

В этой статье исследуются сложные отношения между политикой и правом, рассматривается как юрисдикция влияет на управление и как правовые системы меняются в ответ на политическое давление. В ней оспаривается представление о том, что политические силы не влияют на верховенство права, и утверждается, что более крупные политические, экономические и социальные переменные часто влияют на судебные решения. Важные темы, затронутые в обсуждении, включают влияние организаций с особыми интересами, политизацию принятия юридических решений и независимость судебной системы. С помощью анализа судебной ответственности, верховенства права и демократических идеалов в статье определяются препятствия на пути к поддержанию справедливой и беспристрастной судебной системы. В ней далее исследуется функция судов как театров для политических дискуссий, где правовые толкования могут стратегически использоваться для достижения политических целей. В конце статьи обосновывается, что поддержание целостности правовых институтов требует содействия судебной этике, открытости и общественного доверия, даже когда пересечение политики и права.

Ключевые слова: Независимость судебной системы, Закон-Политика, Судебная ответственность, Демократические принципы, судебная этика.

SOLTANI Bahrehmand Somayyeh

postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CRITIQUES AND CHALLENGES TO THE INTERSECTION OF LAW AND POLITICS

This article studies the intricate relationship between politics and the law, looking at how judicialization affects governance and how legal systems change in response to political pressure. It challenges the notion that political forces do not influence the rule of law, contending that larger political, economic, and social variables frequently impact court rulings. Important topics covered in the discussion include the influence of special interest organizations, the politicization of legal decision-making, and judicial independence. Through an analysis of judicial responsibility, the rule of law, and democratic ideals, the article identifies obstacles in sustaining a fair and impartial judiciary. It further explores the function of courts as theaters for policy discussions, where legal interpretations can be strategically employed to achieve political goals. In the end, the paper makes the case that maintaining the integrity of legal institutions needs promoting judicial ethics, openness, and public trust, even when the intersection of politics and law cannot be avoided.

Keywords: Judicial Independence, Law-Politics, Judicial Accountability, Democratic Principles, Judicial Ethics.

1. Introduction

The introduction sets the stage for the essay, and the intersection of law and politics is explained and defended. The introduction contains two major thematic elements. The first one is concerned with defining the enterprise - the attempt to join the study of law and the study of politics. The second element asserts the importance of the first. It claims that the interaction of contemporary society with the legal and political heritage of the past, and with those aspects of the present social order that are of a legal or political nature, has little chance of being intelligently assessed unless both lawyers and political scientists broaden their present conceptions and acquire a better understanding of each other's discipline. These themes are elaborated on in the introduction and are treated more concretely with many references to specific controversies in subsequent chapters. There is a crucial assumption made concerning the nature of jurisprudence, the legal process, and the law itself that needs to be made explicit [1]. The essay assumes that a sociological study of law which is considered as a set of official institutions, formulated rules, and the activity of officials charged with interpretation and enforcement of rules, cannot be done in isolation from a study of the political system within which these activities occur. In as much as students and scholars of law or "jurists" have made the error of isolating a study of "pure law" from political factors, jurists need to be reminded that this separation has been a harmful fiction and that at all times jurists have been making and executing law under political influences. Similarly, the study and practice of public policy or "legislation" by lawyers or politicians cannot be isolated from consideration of

the reflection of enacted policies in official rules and the activities of officials - and it is here that lawyers and legislators run into the study and application of law in the narrow sense in a way that presents them with a legal problem. The nature of modern government and the welfare of the modern state, including more primitive or traditional societies coming into contact with modern legal institutions and ideas, involves too much law for lawyers to get a clear understanding of the tasks and problems of policymakers without the same sort of understanding that is required for assessing contemporary international relations [2]. This in turn means that political scientists too must learn more about law.

1.1. Definition of the Intersection of Law and Politics

The intersection of law and politics occurs at various points and in different forms. It is by and large the study of the influence of politics on law and the influence of legal decisions upon political actors. The other ways in which political science and law overlap are the study of the structure and process of government and the analysis of the behavior of public officials. For the most part, when political scientists speak of the law, they have in mind the judiciary and its activities. However, how judges inevitably interpret and shape legislation is a matter of considerable importance and is in effect the study of the influence of the legal system on the political process. By whatever aspect or dimension of the law political scientists may be concerned, the significance of law in structuring and constraining human behavior is always of central relevance to political analysis. This can be seen in the growth of the sub-discipline of regulatory studies and more

recently in the application of 'new institutionalist' tools to the study of the development of legal and judicial institutions [3].

1.2. Importance of Examining Critiques and Challenges

There are numerous reasons why it is important to examine the critiques and challenges that have been posed to the study of law and politics from the perspective of the intersection. The first is the traditional claim that law and politics operate in separate and exclusive domains. All the way from Hobbes to the present day, the majority view has been that for purposes of analysis, the two subjects may be distinguished and the rules of one applied without reference to those of the other. If the critics of the 'separation thesis' have not succeeded in proving it false, they at least have shown it to be a largely untested hypothesis. This is especially true in the realm of jurisprudence, where the theories of law devised by political scientists have been frequently labeled as 'simpleminded' for lack of sophistication in understanding the complexities of positivist statutes and pre-emptive judicial decisions [4]. The work should be seen as a contribution to this blurring of disciplinary lines, as it attempts to analyze political forces and influences on legal outcomes.

2. Critiques of the Intersection of Law and Politics

Judicial independence has been criticized on several counts. Firstly, it is said that it lacks content, for the traditional institutional theory does not sufficiently differentiate between the functions of the judiciary and those of the legislature, and judges have frequently been compelled to make decisions that involve the allocation of resources by government preferences, in which event a 'neutral' application of the law will not provide a criterion for judgment of competence and efficiency. Dependency theorists claim that the judiciary is part of the superstructure and that judges, whether they are aware of it or not, will tend to further the interests of the dominant class. While this is too simplistic a formulation, it is not improbable that the personal backgrounds, education, and professional socialization of judges make them conservative in the defense of acquired privileges [5, p. 1045], [6]. The fact that in modern welfare states most regulation is effected through statutes, for the adjudication of social rights and duties tends to retreat as law becomes more detailed and comprehensive, means that judges are frequently 'making law' in applying legislative provisions, and here too it is likely that they will further the interests of those who have been the legislative 'clients'. Finally, economic dependency breeds political subservience in satraps, and pleadings for increased salaries have lost public sympathy for the judiciary [7].

2.1. Lack of Judicial Independence

Judicial independence is important in its protection of the rule of law. If judges are subject to the whims of political superiors then they may be pressured into finding the government's actions legal, regardless of the true legal position. Similarly, they may interpret the law in such a way as to please those who supported their appointment. If the law is an instrument of government policy then it cannot protect citizens from governments, and the rule of law is undermined. An independent judiciary also acts as a constitutional check on the legislative and executive branches of government, ensuring that state action is by the law, and protecting fundamental rights. The courts are often the last resort for the vulnerable and minorities, and only by an independent judiciary is it ensured that they are protected from the tyranny of the majority [8].

The lack of judicial independence refers to the situation where judges are influenced by others and are unable to make decisions based on only the facts and the law. Although it is recognized that it is not possible to make decisions in a complete vacuum, the concern is with decisions that are influenced by political considerations rather than the interests of justice [9].

2.2. Politicization of Legal Decision Making

Roucek's study examines the political world of judges and the guides open to them in choosing specific policies. The theoretical constitution of the state is many times interpreted in terms of a dualism of authorities and Roucek states that in practice this is simplistically interpreted as economics vs. politics. The behavior of judges is largely influenced by the slashes in the process of nation-making in the new Turkey (Loveman, 1976: 277) and it is broadly hoping to obtain a realization of the policy in preference to its form. This requires the law being attenuated to better serve the interests of the builders of the country and as Turkey has come upon many radical switches in policy to the extent the law has to be changed, or its interpretation varied. The judges are left with the dilemma between their traditional independence and the criteria set by the political energy, with many now having favor in the direction of the latter [10].

With the exception of Atatürk's reforms in the 1920s, the MECEL was constantly considered little more than a republication of Islamic regulation. The jurisdiction permitting the interpretation of the law as an alternative than certainly the implementation of already present law was an important factor in the MECEL, and main to public officers turning to spiritual leaders to fulfill the duty of felony interpreters [11]. This factor induces the judges to select between following the rule or interpreting the regulation in a geopolitical context.

2.3. Influence of Special Interest Groups

The impression of choices made by administrators and judges being the result of special interest input and their values has the potential to damage the public confidence in the justice system and rule of law; for it then appears that there are biased reasons or alternative agendas for making problems to something or enforcing rights and obligations. Often it is said that a society of laws is not enough as the satisfaction of many different interests in politics and policies lies not within the rules and norms that exist, but in an attempt to change them [12]. However, in the legal system, special interest groups are seen to be performing an ill-suited role. The determining value that the administration of legal justice holds is that it should be fair and equal to all people and groups whether in the maintaining of public order or enforcement of rights. Special interest groups have a particular interest in pushing the status and interest of a specific group in society, appealing to law and policy to enact change that favors their cause. This runs in direct violation of administration justice, and may be causing selective enforcement intertwined with the policy law cycle on the behalf of future laws as well as policy laws [13]. Influence of Special Interest Groups: Special interest groups are often cited as having a detrimental impact on the interaction of law and politics. Indeed, the engagement of SIGs has eternal been a controversial issue; etching the belief shift that "the poor oppressor lacks hate" and that hegemony between the ruling and governed classes has been lost with modern democracy as the rich and influential of society scramble to maintain/advance their status with influence on state elites by changing the law [14]. For lawmakers and politicians, special interest groups offer access to a variety of opinions and expertise on different matters, as well as maintaining a simple source of information on public attitudes towards certain issues in society. Recruitment can be made of retired politicians or civil servants, at several times increasing the lawfulness of SIGs strategies and efforts [15].

3. Challenges to the Intersection of Law and Politics

Most of the major critiques on the relationship between law and politics resolve the problems generated by this intertwining. While the following critiques can also be seen as functions and roles that law has in and for politics, many reveal some of the complications that arise due to the neutral and abstract nature of law. A most prominent and generic understanding of the intersection of law and politics is that the former's effectiveness

and reach are greatly dependent upon the latter. This is particularly true for international law, which is much more dependent upon the cooperation of state sovereignty. Even the EU, which has its vast legal system, can fall foul of non-enforcement, as seen with the recent controversy over the illegal importation of bush meat, which several member states have failed to prevent. However, this critique extends to domestic law in that it's seen the policies and ideologies of political parties and the government of the day will have a great effect on the laws that are made, above and beyond the relative autonomy of the legal system. This situation was articulated by Marx that the ideas of the ruling class are in every epoch the ruling ideas and that the class which has the means of material production at its disposal has control at the same time over the means of mental production [16]. This is manifest in various forms and levels through the indirect influence of the ruling class, politicians, and other varying pressure groups and organizations. This partisan and conflicting influence of making law can serve to undermine the attainment of justice. For example, "Who's to say what's the best legal argument?" The MP for the BMA might say that it's the cigarette advertisement law, while the tobacco company's answer will likely be the same. The law that is produced can serve the interests of sponsors rather than the public, and public interest lawyers have been an increasing voice in a call for the reversal of various consumer and protection laws. At extreme levels, laws can be made to serve tyrannical or corrupt governments where the law becomes perverted into an instrument of oppression. One need only think of Hitler's Germany or various African dictatorships [17].

3.1. Balancing the Rule of Law and Democratic Principles

The rule of law and democratic principles are often in direct competition with one another. The rule of law implies that the law is applied equally to all citizens through the decisions of neutral and independent courts. The judiciary is the guardian of the rule of law, ensuring that the political branches of government do not exceed their lawful powers. However, the rule of law may be undemocratic in the sense that it may entrench illegitimate governments or policies and prevent democratic change. If a new government wishes to enact policies that are contrary to those already entrenched, they may find it difficult to do so, particularly if the judiciary is independent. In extreme cases, the judiciary may use its powers to overturn the decisions of democratically elected governments. This was the case in Australia when the High Court in the *Engineers* case (1920) interpreted s.51 of the constitution so that it in effect extended the range of powers of the Federal government. This was contrary to how the Constitution had been interpreted in the past and how it was intended by the founding fathers and resulted in a referendum to change the Constitution so as to give more powers to the Federal government. In light of these facts, the *Engineers* case demonstrates how the judiciary using the rule of law can frustrate the political goals of elected government, highlighting the conflict between the rule of law and democratic principles [18].

3.2. Ensuring Judicial Accountability

One essential way to maintain a political influence-free judiciary is to ensure their accountability to the public, and ideally the human rights committee. In both common and civil law systems, the judiciary is a distinct branch of government, with distinct roles and responsibilities. Therefore, the judiciary should be accountable for its performance, but also in a manner consistent with judicial independence. The Bangalore Draft suggests that appropriate ways to ensure judicial accountability are the internal good governance structure as well as an effective system of review of the judiciary's performance [19]. Accountability is closely linked with the notion of liability. The Draft outlines some areas of judicial liability, including criminal and civil liability for misconduct and administrative

liability. However, any system of liability and accountability must be carefully designed so as not to impinge upon judicial independence. Although it should be a judge's primary concern to administer justice, positive or constructive incentives for good performance are also useful. This may be achieved through a system of performance appraisal, where a judge is given feedback on his/her strengths and weaknesses and can undergo training to improve their performance in certain areas [20].

3.3. Managing Public Perception and Trust

The courts, operating within a political context and subject to the political influences of both internal and external forces, have to be cognizant of the impact of politics on the public perception and trust of the judicial branch. The concept of 'trust' in terms of the judiciary is an amorphous and fragile one. Yet it is crucial to the legitimacy of a court and the effectiveness of its decisions. A perceived lack of integrity or independence in a court will render it ineffectual and undermine the purpose of its decisions. Yet there is often a conflict between the judicial and the political in terms of what is perceived to be good for the courts and the judiciary. An independent judiciary is incredibly protective of its autonomy and typically resistant to change which may negatively affect courtroom processes. However, governments and politicians may feel that modernization and reform of the courts are necessary and their impression of the judiciary may suffer when changes are met with resistance. The issue here is one of compromise and negotiation between the two forces [21], [22]. The judiciary must be seen to act in the interest of both the rule of law and the public good, yet its responsibility forces it to prioritize the former. Adhering to and promoting the rule of law is the best way for the judiciary to maintain public confidence and trust, yet it may be difficult to convince the public and the government of this given competing perceptions of what is best for society. Particularly in times of national crisis or emergency, the public and the political may view an independent judiciary as a hindrance to achieving certain ends and measures that the judiciary may view as unlawful or unconstitutional. An example is the detainment of suspected terrorists in the post-September 11 era. Here, a House of Lords ruling that the indefinite detainment of suspects without trial was unlawful posed a challenge to the government's anti-terrorism measures and strained relations between the judiciary and the executive. Yet the upholding of the rule of law helped to maintain public confidence and left the judiciary's integrity intact [23].

4. Future Considerations and Recommendations

2. **Fostering a Culture of Consultation between Judges and Other Legal Professionals** One of the fundamental principles of law and the role of the judiciary is to provide justice and resolution to disputes. Through art 8 to 11, the current KUHPer has granted the authority of administration/management of judiciary and administrative machinery to the judicial power, as well as authorities to other legal agencies. However, the constitutional court has annulled these articles, ruling that judicial administration is part of executive power. This would allow unjust encroachment of judicial power by other legal agencies. Judicial independence and justice resolution are also prejudiced by political interests and interference. To guard against judicial perversion, it is necessary for there to be judicial role models and practice providing justice free from discrimination and concerted efforts to gain public satisfaction. By promoting a sense of identity and solidarity among Indonesian and State judges, judicial integrity and justice resolution can be retained through prevailing a culture of consultation free from extraneous interests. This would reinforce the idea that the judiciary should be accountable for justice administration to the legal community and society [24].

1. **Three Guarantees to Judicial Independence** Were the salary, working conditions, and security of tenure enjoyed by

judges. Judges should only be removed from office for incapacity or behavior that renders them unfit to continue in office, and never for reasons of a political nature. Viewed in light of the current situation with the removal of the constitutional court justice's position, specifying these guidelines in legislation is a viable option to ensure judicial independence in Indonesia [25].

Judicial independence is the central part of judicial trustworthiness in a democratic society, and it is widely recognized as a cornerstone of a fair judiciary. The clear link between judicial independence and the rule of law, as well as the importance of the judiciary as the ultimate guardian of the rule of law, is universally accepted. The Bangalore Principles of Judicial Conduct, adopted by the Judicial Group on Strengthening Judicial Independence and Impartiality in 2002, prescribes general principles and guides judges [26].

4.1. Strengthening Judicial Ethics and Independence

In a recent paper, Silbey and Ewick (1998) give an insightful description of the US Tort Liability System as they paint a picture of an overly politicized and unethically charged legal system. These critiques do not simply begin and end with tort law, rather they shed light on a larger issue of politics within the legal system. They write "This essay is one of many that have sought to chart the steady erosion of the distinction between law and politics and the consequences it holds for a tort liability system founded on a jurisprudence of negligence," connecting their critique to a much larger, systemic issue. This is not simply a critique of a single legal process, rather it is a condemnation of the overall status of law and politics. Their concern is that political influences have affected the legal system to the point where legal processes and decisions are made using the same methods and rationalities used in the political system. The authors feel that this corrupts the integrity of certain legal processes and also creates an atmosphere where it is impossible to separate law from politics. This creates a caveat being that "there will likely always be law/policy gaps and the same incentives to shop for a cause of action that will allow one to prevail on a policy issue through the legal process" [27] meaning that political entities will always look to manipulation of the legal system to further their own interests. This is a rather bleak image painted by Silbey and Ewick but it is quite compelling and the many political science and law students should be able to connect it to their own studies.

4.2. Promoting Transparency and Accountability in Legal Processes

The realization that the law cannot be completely disentangled from politics but must frequently interact with any mundane and world events gives rise to a number of possible solutions for dealing with the less savory components of the relationship. A recent proposal by legal scholar Mark Tushnet is that judges should adopt "weak" judicial review of legislation, meaning that the constitutionality of a law would be determined by the legislature's own interpretation of the Constitution unless the law in question violated certain clear and "strong" constitutional mandates. This suggestion is unlikely to gain popular support among those who see the judiciary as a bulwark against transient majoritarian impulses, but it is indicative of the type of dialogue that should be generated to rationally confront the problems of law-politics interaction. Tushnet also suggests that when judges do strike down legislation, they should offer very clear and concise reasons for their decisions, which will afford the legislature a fair opportunity to revisit the issue and possibly amend the offending law. This proposal is much more in tune with the judiciary's institutional role and is likely to be more widely embraced. Coming at the problem from a different angle, Charles Sabel and William Simon have proposed a form of "decentralized" administration through which continuously updated and "fine-tuned" regulatory norms can be developed and enforced to address specific social problems. This system would

seek to avoid the rigidity of judicially enforced rules by operating under a substantive legal framework that encourages regulatory experimentation and learning from the results of various policy initiatives. Although expressed in terms of administrative law rather than judicial decision-making, this proposal points to an alternative method of reconciling policy considerations with legal norms that could reduce the amount of legislation vulnerable to legal challenge on grounds of constitutionality [28].

4.3. Enhancing Public Education on the Role of Law and Politics

Our school systems neglect the teaching of law and politics. As a legal education starts in law school, and a basic understanding of the law is assumed by legislators, judges, and administrative officers, legal education begins too late. We should begin to teach the rudiments of law and politics in primary school, and throughout the educational process, legal education should be an element of broader social and civic education efforts designed to promote civic competence and responsibility. Through learning about law, legal systems, and the relationship between law and political and economic change, students will become better equipped with analytic and normative skills that are necessary components of a democratic citizen's toolkit. Understanding the law is crucial to full and intelligent participation in American society. Knowledge about the nature and function of law, legal institutions, and the legal profession, will not only foster legal literacy, but it will also provide citizens with the tools they need to articulate and address legal problems. This will ultimately lead to a demand for accountability from legal institutions because an informed citizen is an empowered citizen. It is important not to underestimate the power of education as a catalyst for substantive change in the legal system [29]. An equally important legal education campaign should be directed at those involved with the law and legal institutions, but who are not legal practitioners. This includes elected officials, government bureaucrats, business leaders, and professionals in all fields. The purpose of legal education is to increase the awareness and understanding of how law impacts their specific domain. For example, many government administrators find themselves overseeing regulatory schemes but have no training in administrative law. By learning about the nature of law, legal methodology, and the structure and function of the state, they will better understand their role in the legal system and will be able to carry out their job more effectively. This will ultimately work to promote the rule of law and to ensure that law is a constructive rather than a hindering force in the resolution of social problems [30].

5. Conclusion

Many of the problems associated with the increasing overlap of law and politics are deeply ingrained in modern society and are the result of cultural, social, economic, and historical forces. They are problems that, in reality, have no clear resolution. Indeed, the very nature of the law makes it impossible to do so. The intersection of law and politics will always be present to some extent in a liberal democratic society. A society that holds dear the rule of law and the maintenance of rights and liberties. Law will always be dependent on the political process and so long as this is the case, the relationship between the two will always be scrutinized and critiqued. It is essential, therefore, to promote a continuing public discourse on the role of law and politics in maintaining a free and just society. This work has been a part of that effort. Ultimately, it has provided a critical reflection rather than a definitive answer on the intersection of law and politics. The questions raised by the relationship are complex and value-laden and as such, they are questions that demand continuous reflection by legal and political communities. In mentoring a dialogue, this work has made a modest contribution to a better understanding and improvement of the legal and political processes that affect the lives of so many.

References

1. Almond Paul, van Erp, Judith. Regulation and governance versus criminology: Disciplinary divides, intersections, and opportunities // *Regulation & Governance*. – 2020. – DOI: <https://doi.org/10.1111/rego.12202>.
2. Mahfud, Mahfud, Yudianta, I. Kadek, Sariyanto, Sariyanto. History of Banyuwangi Kaliklatak Plantation and Its Impact on Surrounding Communities // *International Journal of Educational Review, Law And Social Sciences (IJERLAS)*. – 2023. – Vol. 3, № 1. – Pp. 91-104. – DOI: <https://doi.org/10.54443/ijerlas.v3i1.492>.
3. Khaskheli M. B., Wang Shumin, Hussain, Rana Yassir, Butt, M. Jahanzeb, Yan, XiaoShan, Majid, Sara. Global law, policy, and governance for effective prevention and control of COVID-19: A comparative analysis of the law and policy of Pakistan, China, and Russia // *Frontiers in Public Health*. – 2023. – Vol. 10. – Article ID: 1035536. – DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.1035536>.
4. Henkin Louis. *International law: politics and values*. – Vol. 18. – M. Nijhoff, 2023.
5. Geyh Charles Gardner. Judicial Independence at Twilight // *Case W. Res. L. Review*. – 2020. – P. 1045. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol71/iss3/5>.
6. Huq Aziz Z. Why judicial independence fails // *Northwestern University Law Review*. – 2020. – Vol. 115. – Pp. 1055-2021.
7. Hodge Lord. The scope of judicial law-making in the common law tradition // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht / The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. – 2020. – № 2. – Pp. 211-227. – DOI: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:216270449>.
8. Lenaerts Koen. New Horizons for the Rule of Law within the EU // *German Law Journal*. – 2020. – DOI: 10.1017/glj.2019.91.
9. Smith B. C. Judges and Democratization: Judicial Independence in New Democracies. – 2022. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003334613>.
10. Baybek, N. Yasemin, Korhonen, Juho Topias. A Country of White Lilies: Inter-Imperial Nation-Making and Development from the Russian Empire's Periphery to Post-Ottoman Turkey // *Comparative Studies in Society and History*. – 2024. – Pp. 1-26. – DOI: 10.1017/S0010417523000506.
11. Pistor-Hatam, Anja. Iran und die Reformbewegung im Osmanischen Reich. – 2021. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112401040>.
12. Rappaport, John. Some Doubts About Democratizing Criminal Justice // *The University of Chicago Law Review*. – 2020. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol87/iss3/2>.
13. Cavallini, Cesare, Gaboardi, Marcello. Rights vs. Remedies: Towards a Global Model // *UC Davis J. Int'l L. & Pol'y*. – 2021.
14. Koskimaa, Vesa, Rapeli, Lauri, Hiedanpää, Juha. Governing through strategies: How does Finland sustain a future-oriented environmental policy for the long term? // *Futures*. – 2021. – DOI: 10.1016/j.futures.2020.102667.
15. Butković, Hrvoje, Czarzasty, Jan, Mrozowski, Adam. Gains and pitfalls of coalitions: Societal resources as sources of trade union power in Croatia and Poland // *European Journal of Industrial Relations*. – 2023. – Vol. 29, № 1. – Pp. 43-61. – DOI: <https://doi.org/10.1177/095968012211138>.
16. Klabbbers, Jan. *International law*. – 3rd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
17. Rappaport, John. Some Doubts About Democratizing Criminal Justice // *The University of Chicago Law Review*. – 2020. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol87/iss3/2>.
18. Khanderia, Saloni, Peari, Sagi. Party autonomy in the choice of law under Indian and Australian private international law: some reciprocal lessons // *Commonwealth Law Bulletin*. – 2020. – DOI: 10.1080/03050718.2020.1804420.
19. Huchhanavar, Shivaraj S. Conceptualising judicial independence and Accountability from a regulatory perspective // *Oslo Law Review*. – 2023. – DOI: <https://doi.org/10.18261/olr.9.2.3>.
20. Murphy, Kevin. Performance evaluation will not die, but it should // *Human Resource Management Journal*. – 2020. – DOI: 10.1111/1748-8583.12259.
21. Garoupa, Nuno, Magalhães, Pedro C. Public trust in the European legal systems: independence, accountability and awareness // *West European Politics*. – 2020. – DOI: 10.1080/01402382.2020.1715605.
22. Breyer, Stephen. *The Authority of the Court and the Peril of Politics*. – 2021.
23. Rappaport, John. Some Doubts About Democratizing Criminal Justice // *The University of Chicago Law Review*. – 2020. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol87/iss3/2>.
24. Walker, Justin. The Kavanaugh Court and the Schechter-to-Chevron Spectrum: How the New Supreme Court Will Make the Administrative State More Democratically Accountable // *Ind. LJ*. – 2020. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol95/iss3/7>.
25. Kosimov, Botirjon. Constitutional Elements of Judicial Independence: Are They Enough in the Constitution of Uzbekistan? // *Общество и инновации*. – 2022. – Vol. 3. – Pp. 205-212. – DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss10/S-pp205-212>.
26. Geyh, Charles Gardner. Judicial Independence at Twilight // *Case W. Res. L. Review*. – 2020. – P. 1045. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol71/iss3/5>.
27. Silbey Susan S., Ewick Patricia. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. – Chicago: University of Chicago Press, 1998.
28. Belle Anirudh. Adopting weak-form review in India: An invitation to a new constitutionalism // *Indian Journal of Constitutional Law*. – 2020. – Vol. 9. – Pp. 126-143. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://pure.jgu.edu.in/id/eprint/1901>.
29. Rachmadtullah, Reza, Syofyan, Harlinda, Rasmitadila, Rasmitadila. The role of civic education teachers in implementing multicultural education in elementary school students // *Universal Journal of Educational Research*. – 2020. – DOI: 10.13189/ujer.2020.080225.
30. Breyer, Stephen G., Stewart, Richard B., Sunstein, Cass R., Vermeule, Adrian, Herz, Michael E. *Administrative Law and Regulatory Policy: Problems, Text, and Cases*. – Aspen Publishing, 2022.

СТРАХОВ Игорь Андреевич

соискатель ученой степени кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права, Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева

Страхов И. А.

E-GOVERNMENT КАК ТИП СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье мы попытались определить, существующие в юридической науке подходы к типологии «электронного государства» (e-government). В сегодняшнем потоке научной и учебной литературы присутствует классификация «электронного государства» в основном региональных моделей. Однако данным подходом не исчерпывается перечень авторских взглядов на типологию такого типа государства. Проблема, на наш взгляд, заключается не только в ограниченности классификационных критериев и бессистемности представлений об «электронном государстве», но и его самой сути, появлении новых, ранее не существовавших типов. Несмотря на общие и во многом идентичные представления и критерии исследователей, современная наука, все-таки в своем проблемном поле рассматривает куда больше разнообразных типов «электронного государства», чем можно увидеть в текущем поверхностном научном дискурсе. Представляется, что каждый автор видит в своей классификации те или иные критерии и ключевые факторы, по которым осуществляет свою классификацию. В то же время существуют и нетипичные формы и типы «электронного государства», которые могут не совпадать с традиционными представлениями, и которые на наш взгляд могут быть очень интересными и актуальными. В своей статье в результате комплексного обобщения научной литературы, мы попытались систематизировать существующие в науке критерии и подходы к данному новому социальному феномену.

Ключевые слова: типология «электронного государства», цивилизация, типичные и нетипичные подходы, информационно-коммуникативные технологии.

STRAKHOV Igor Andreevich

competitor of academic degree of Fundamental jurisprudence and international law sub-faculty, G. B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notary

E-GOVERNMENT AS A TYPE OF MODERN STATE

In this article, we have tried to identify the existing approaches in legal science to the typology of the “electronic state” (e-government). In today’s scientific and educational literature, there is a classification of the “electronic state” mainly of regional models. However, this approach does not exhaust the list of author’s views on the typology of this type of state. The problem, in our opinion, lies not only in the limited classification criteria and unsystematic ideas about the “electronic state”, but also in its very essence, the emergence of new, previously non-existent types. Despite the common and largely identical ideas and criteria of researchers, modern science, nevertheless, considers much more diverse types of “electronic state” in its problem field than can be seen in the current superficial scientific discourse. It seems that each author sees in his classification certain criteria and key factors by which he performs his classification. At the same time, there are atypical forms and types of “e-government” that may not coincide with traditional concepts, and which, in our opinion, may be very interesting and relevant. In our article, as a result of a comprehensive generalization of scientific literature, we tried to systematize the criteria and approaches existing in science to this new social phenomenon.

Keywords: typology of the “electronic state”, civilization, typical and atypical approaches, information and communication technologies.

В вопросе типологии самого «электронного государства» существуют различные подходы, хотя они отдельно не выделяются, у каждого автора свое видение. За основу могут приниматься различные критерии – политические, технологические, идеологические, географические, экономические и т.д., и соответственно формироваться различные типологические группы «электронных государств». Критерии и типологии могут сочетаться и комбинироваться в группы. Используемые критерии или основания классификации «электронного государства», опирающиеся на категории «информация», «цифровизация», «технологизация», «политизация», «суверенизация» и др. позволяют выработать некоторые типы так называемого «гибридного государства».

Необходимость и важность типологии разнообразных и разноплановых явлений, в том числе «электронного государства» вызывается вполне насущными факторами и причинами. Особенно в настоящий момент, когда происходит интен-

сивное взаимодействие и диффузии технологий и традиций в процессе глобализации. Но и не только.

Во-первых, сугубо научными, познавательными и «образовательными» причинами. Ибо глубокое и разностороннее познание информационно-политической картины мира в цивилизационном аспекте требует не только ее общего рассмотрения, но и изучения ее по отдельным частям, вбирающим в себя сходные «электронные государства». Только глубокое и всестороннее изучение последних, а затем – в их взаимосвязи и взаимодействии друг с другом, позволяют дать четкую, адекватно отражающую реальную действительность. Во-вторых, это обуславливается сугубо практически целями – унификацией действующего государственно-го управления, информационно-коммуникативных систем (ИКТ), законодательства и совершенствованием национальных традиционных государств. А в-третьих, изучение различных типов «электронного государства» было бы невозможно фактически по дефициту времени без типологии как метода

обобщения масштабного материала. Результаты такой деятельности избавляют исследователей, занимающихся проблемами унификации, от необходимости предварительного анализа и выявления тех типов «электронного государства», более или менее «способных» к взаимному сближению друг с другом, к глубокой унификации или лишь к внешней гармонизации отдельных сторон.

Однако в отечественной науке больше типизируют региональные модели «электронного государства». Это обусловлено многими причинами как объективного, так и субъективного свойства (научно-доктринального, политического, информационно-коммуникативного и др.). Недостаток традиционного подхода видится в известном упрощении вопроса. Все сводится в основном к перечислению известных, ранее установленных типов без строго системного обоснования их элементной структуры, без опоры на определенную культурно-историческую основу их выделения. Поэтому представляется возможным и необходимым внести в исследование этого вопроса новый момент, основанный на признании концепции важнейших движущих факторов и явлений развития «электронного государства».

В качестве основных критериев типологии «электронного государства» в единые типы, группы используют не только «техничко-информационные», но также «уровень и специфика технологий», «территориальность», «исторический и традиционный характер», «политико-правовые ценности», сложившихся на протяжении жизни традиционного государства. Однако эти критерии имеют смысл только при цивилизационном рассмотрении типов «электронного государства», что накладывает на исследователя более разносторонние требования. Критерии могут сочетаться в определенных комбинациях. В настоящее время, как правило, в обосновании как самого «электронного государства», так и его моделей, опирающиеся главным образом на этногеографические, технико-информационные признаки. В зависимости от избранных критериев группировки, как правило, различают различные группы «электронного государства», образующих специфический тип.

В силу исторических причин в каждом государстве действуют свои технологии, информационные потоки, ценности и традиции, органы и учреждения, сформировавшиеся на основе глубоких культурно-исторических особенностей. Эти различия и специфичность обществ позволяет говорить об их самобытности и своеобразии, о том, что каждое из них образует свое «электронное государство» и его подтипы, традицию и цивилизацию как совокупность различных проявлений развития информационно-коммуникативных технологий. Типологическая характеристика «электронного государства» во многом обусловлена авторскими предпочтениями, методологическими аспектами, спецификой самого государства, группы государств, выбором критериев оценки и ценностей, учитываемых оснований, признаков, а самое главное – базовыми фактором (факторами), лежащими в введении типов государства.

Одним из первых, кто заговорил об «электронном государстве» как самостоятельном типе был А. Хилл в 1993 г. По его представлениям данный тип государства должно было стать переходом от традиционного бюрократического управления к высокоинтеллектуальному правлению [9]. «Электронное государство» обладает большим потенциалом, чем просто автоматизация деятельности органов государственной власти. Среди работ, посвященных электронному государству, стоит выделить труд Дж. Нерона «Пересмотр четырёх теорий прессы» (1995) [10, с. 151], в которых появились мысли о значимости внедрения данного типа государства, а также о его влиянии на все сферы общественной жизни. Третий автор, Р. Хикс, в своей работе выявил тенденции развития электронного государства, а также определил возможные направления дальнейшего совершенствования данной

идеи, связывая в совокупности измерения успешности внедрения и механизм определения рисков при практическом воплощении [11].

По мнению Р. Ф. Азизова, реализация электронного государства создает предпосылки для формирования принципиально новой модели демократии – цифровой (электронной) демократии (digital democracy), основанной на более полном подчинении деятельности государства обществу и возможности прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов путем онлайн голосования [1, с. 25]; А. С. Киселев считает, что «электронное государство» – система, предусматривающая наличие процессов взаимодействия законодательных, исполнительных и судебных органов государственной, муниципальной власти и населения на основе использования новейших информационно-телекоммуникационных технологий, направленных на оказание услуг гражданам, организациям, бизнесу, обеспечение прозрачности принимаемых решений, выстраивание открытого двустороннего диалога между гражданами и государством по интерактивной связи, и возможность прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов с помощью онлайн сервисов [8]; И. В. Понкин полагает, что «электронное государство» представляет собой совокупность инструментов реализации государственных полномочий в сфере оказания услуг гражданам, организациям, бизнесу, взаимодействия органов власти между собой в целях обеспечения интерактивного участия и прозрачности принимаемых решений, а также для улучшения демократических взаимоотношений и выстраивания демократического диалога между гражданами и государством [12, с. 53]; В. И. Решетняк и Е. С. Смагина предлагают понимать «электронное государство» как обозначение всего государства в целом, представленного тремя ветвями власти, использующими в своей деятельности современные информационно-коммуникативные технологии [15, с. 10].

Все эти и многие другие определения «электронного государства» отражают не только политический характер данного феномена, но и информационный и социально-правовой. Как показывают тенденции развития современных стран, «электронное государство» как новый тип государства современного постиндустриального общества, трансформируется благодаря информационно-коммуникативным средствам обеспечения деятельности общества и государства, заключающейся в переводе их взаимодействия в качественно новый характер реализации власти за счет цифровизации всех её процессов. Типологическими основаниями выделения нового типа государства являются степень, качество и уровень развитости ИКТ (информационно-коммуникативных технологий), внедренных в систему государственно-политического властного управления обществом. Таким образом, по данному критерию можно разделить государства на так называемые: «электронные», «неэлектронные» и «квази-электронные». К тому же, многие авторы связывают «электронное государство» с одной стороны, с использованием информационно-коммуникативных технологий, а с другой стороны, придают ему политический оттенок, как механизму взаимодействия граждан, общества, бизнеса и государства, что делает его информационно-социальным образованием. Всё это обогащает традиционное государство новыми характеристиками и типологическими особенностями. Не последнюю роль в данном процессе выполняет и право, которое обеспечивает справедливость и гуманность использования данных технологий.

За последние десятилетия сформировалась новая трактовка концепции эффективного современного государства – «система хорошего управления» (направленного на повышение благосостояния и качества жизни граждан). Данные концепции основаны на представлении о минимальной роли вмешательства государства в общественной жизни. Однако

данное понимание не всегда соответствует интересам и потребностям коренного населения и чаще перерождается в систему олигархии и корпоративного монополизма. Власенко Н. А. считает такое государство во многом «имитационным», другими словами в данной метафоре отражена картина государства, которое формально содержит в себе все признаки традиционного государства, но на деле её институты, функции и механизм содержательно и сущностно не выполняет своей основной роли – удовлетворение коренных интересов народа. Существующие изъяны управления, функционирования и деятельности в таком государстве скрываются формальными институтами демократии, свободного рынка и права [6, с. 35-45].

В настоящий период концепция «электронного государства» находит своё воплощение в реальной жизни, несмотря на все сложности правового регулирования и неопределённости в экономике. Возникнув в лоне политико-правовой идеологии, мировой культуры и технических наук, информатики и кибернетики, в последующем нашедших свое воплощение в программных актах, доктрина «электронного государства» стала эволюционировать, адаптируясь к государственной политике с учетом обеспечения преемственности традиционных ценностей. Появившись в кругах технократов, она стала фактором осмысления результатов внедрения информационно-коммуникативных технологий в экономике и политике, трансформации правовых явлений и развития правовых теорий в науке (правовое государство, гражданское общество, информационное общество, социальное государство и т.п.). Действительно на нынешнем этапе развития электронное государство представляет собой новый тип государства, новый порядок взаимодействия государства и общества на основе использования современных информационных коммуникаций, который нуждается в соответствующей доктринальной системной общетеоретической проработке.

Соответственно, «электронное государство» может также рассматриваться в рамках чисто *функционально-инструментального подхода*: как коммуникативная технология и как информационная управленческая система, интенсифицирующая и интегрирующая управленческие процессы в информационном обществе; в тоже время, как целевая стратегия развития социальных электронных коммуникаций и информационных систем управления, обеспечивающая взаимодействие граждан и государства и реализацию государственных функций. Социальное значение «электронного государства» заключается в его ценностно-функциональном предназначении. С одной стороны, «электронное государство» должно быть нацелено на решение политических и социально-экономических задач, с общесистемными целями развития и принципом эффективного управления, а с другой стороны – соотноситься с показателями эффективного управления и коммуникации в системе государственного механизма.

В этой связи правы те авторы, которые утверждают, что информационная действительность – это социальное образование, существующее относительно независимо от ее символической структуры, выраженной посредством языка. «Электронное государство», конечно, нельзя отождествлять с традиционным государством знаково-символически, выраженным в информационной среде [14, с. 117]. Это не просто информационный образ, зафиксированный в информационном пространстве с помощью компьютерных технологий, но в тоже время – определенная социальная реальность [7, с. 103].

Бурный рост информации привел к появлению новых многочисленных социально-коммуникативных структур, основанных на информационных технологиях в самом широком спектре их проявления. Наиболее интересны в этом плане представления об деятельностно-информационном аспекте «электронного государства» с позиции информационно-физических процессов управления. Как отмечает В. Г.

Афанасьев, управление в системах, это же относится к любой социальной структуре, осуществляется с помощью информации (право вид информации и энергии). «Сама по себе, в её абсолютном численном выражении, порция энергии, несомая сигналом, несущественна. Эта порция может быть ничтожно малой, однако значение сигнала состоит в том, что он несёт в себе управляющее воздействие, вынуждая систему отзываться, определённым образом перестраиваться. Усиленный имеющимися в системе энергетическими установками, сигнал способен воздействовать на объекты, неизмеримо превосходящие его по своим энергетическим характеристикам, массе и другим параметрам...» [2, с. 209]. Данное утверждение фиксирует то важное обстоятельство, что функционирование «электронного государства» осуществляется посредством информационного обмена, координации и управления субъектами в этой структуре. «Электронное государство» с этих позиций становится информационно-энергетически «заряженным» благодаря информационно-коммуникативной активности её субъектов.

«Электронное государство» как новый тип государства на основе информационного (постиндустриального) общества есть не только информационная проекция традиционного государства, но и появление новых свойств традиционного государства – информационно-коммуникативных (цифровых)¹.

В целом, одним из существенных достоинств такого подхода применяемого к новому феномену «электронное государство» считается возможность без ограничений посмотреть на использование данного средства в развитии общества, всех его сфер жизнедеятельности, любого социального явления, при условии учёта многофакторности и многоаспектности в оценке состояния общественных процессов. Сама суть цивилизационного подхода в рассмотрении «электронного государства» заключается в том, что общество рассматривается как некая среда реализации и функционирования информационно-коммуникативных технологий – соответственно, мы получаем «электронное государство» как живой организм на основании органического принципа (рождение, становление, расцвет, упадок и гибель). Этот технологический организм предстаёт как определённая социально-историческая реальность в качестве достижений постиндустриального общества. «Электронное государство» представляет собой некую не только технологическую структуру, но и становится основным ядром традиционного государства, субъектом которого является народ, а также сопутствующие факторы его развития - наука, религия, культура, искусство, экономика. Совмещение различных технологий управления в традиционном государстве есть не что иное, как гибридный тип государства, постиндустриального, информационного общества, когда одна технология в той или мере обеспечивает функционирование другой, потому и считается гибридной.

В этой связи представляется, что не только традиционные государства несут в себе цивилизационный отпечаток, но и электронные государства будут иметь свою цивилизационную специфику. Значит в цивилизационном объяснении государства необходимо учитывать не только научно-технический фактор, информационно-коммуникативные технологии и передовые технические решения, но и традиционные национально-ментальные, географические и религиозные факторы. Другими словами, те цивилизационные особенности, которыми обладают традиционные государства «накладываются» на формирование нового типа – «электронного государства». И в этом плане, цивилизационный подход имеет больше достоинств, чем формационный. Существенной проблемой цивилизационного подхода является огромный

1 Речь идет о том, что традиционное государство частично трансформируется, но до-конца никуда не исчезает, а дополняется новым типом – «электронным», становясь гибридным.

круг факторов, которые необходимо учитывать при анализе государства. В частности, цивилизационный подход трактует государство как организм, который проходит все стадии своей жизни – от рождения до гибели. Однако, если мы говорим про «электронное государство», то его сложно рассматривать как живой организм в цивилизационном ключе лишь только, если придать ему определенную «субъектность», т.е. условную социальность. Но суть цивилизационного подхода к электронному государству может заключаться в стадиях его жизни и особенностях развития этих стадий, специфике научно-технологических решений и особенностях национальной религии, мировоззрения и культуры, в которые проникает «электронное государство».

Цивилизационное рассмотрение современного государства должно учитывать все вышеназванные аспекты в единой парадигме, включая и такую важную сторону как роль, место и состояние государства в геополитическом плане, а также в перспективе планетарного существования, учитывая то обстоятельство, что научно-технологическая революция заставляет государства конкурировать уже не только на Земле, но и в Космосе. Данная характеристика представляется весьма актуальной, учитывая то обстоятельство, что недалеко то время, когда государственный суверенитет будет распространяться далеко за реальными и фактическими границами его территории. И этот фактор весьма существенный. Также как и возможность уничтожения цивилизации благодаря этой научно-технологической революции – это обоюдоострый «нож». Кроме того, в настоящее время мы наблюдаем существенную трансформацию государств, которая обусловлена не одним фактором, а множеством факторов и рисков. Во многом это связано с трансформацией экономической сферы жизнедеятельности общества, что сопровождается внедрением новых моделей управления и инновационных решений, в том числе новых цифровых технологий с переходом к так называемой экономике данных. Роль государства в такой экономике существенно меняется, что сопровождается специфическим информационно-правовым регулированием общественных отношений с использованием новых юридических конструкций: цифровые активы, цифровые права, цифровые режимы, субъектность ИИ и т.д. Эти обстоятельства оказываются весьма существенными, чтобы их не игнорировать в цивилизационном рассмотрении государства и его типологических особенностей. По сути, информационно-правовые отношения становятся приоритетными, а общество, в котором доминирует информация и информационные права как образ жизнедеятельности и культуры – становятся *информационными или цифровыми*.

Развитие цифровых технологий становится новым цивилизационно-технологическим фактором, влияющим как на формирование новой экономики и нового правового регулирования, и в тоже время нового государства. По сути, меняется сама парадигма рассмотрения государства и общественных отношений во всех сферах его жизнедеятельности и перспектив развития самого общества, его общей судьбы. В научной литературе данный научный подход рассматривается в рамках парадигмы «управление изменениями», т.к. технологическое развитие приводит к необходимости на постоянной основе совершенствовать системы управления с учетом молниеносных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, где государство с помощью так называемого «электронного государства», что называется, «сверяет свои часы с обществом». Как справедливо отмечается рядом автором, «в условиях трансформации установившейся несколько десятилетий назад и уже ставшей традиционной для общества индустрии, перехода к новому «мироустройству», необходимо развитие как минимум трех составляющих нового технологического уклада: «цифровизации, аддитивного прототипирования и роботизации» [3, с. 14].

В своём первоначальном развитии информационно-коммуникативные технологии как конвергентные – взаимное проникновение нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий, формирующих тенденции технологических процессов, функционирующих как взаимообусловленные, образуя систему. Не случайно, С. Д. Бодрунов и ряд других авторов, на основе такого подхода носит конвергентный характер, когда одна технология в той или мере обеспечивает функционирование другой [5, с. 58], а некоторые эту технологию называют «гибридной» [3, с. 12].

Данные технологии, проникая в государство и нашу жизнедеятельность, меняют наш привычный образ жизни и в целом облик самой цивилизации, где цифровизация становится важным условием и фактором, способствующий переходу на новый технологический уклад, а соответственно, укреплению жизнеспособности государства, особенно его суверенитета, новой экономики, новой социальности, новой культуре взаимоотношений людей – цифровой культуре. Особенно это важно в контексте технологического суверенитета, который учитывает национальные интересы, перспективы его развития и образ желаемого будущего. И всё это, так или иначе, связано с правом как формой существования этих технологий и электронного государства. Потому именно цивилизационный подход может высветить более широкий круг факторов, угроз и рисков, которые, так или иначе, влияют на государство, внося новые характеристики в типологию государства.

На наш взгляд, цивилизационное рассмотрение так называемого «электронного» типа государства становится более предпочтительным и объективным по ряду причин:

во-первых, цивилизационное развитие сопровождается многофакторным влиянием, что обогащает наше исследование «электронного государства», отражающим всё многообразие реальности; во-вторых, «электронное государство» с точки зрения цивилизационного подхода для ряда государств с традиционной направленностью не всегда является закономерным переходом от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу последовательно; в-третьих, появление информационно-коммуникативных технологий становится новым цивилизационным фактором, влияющим как на формирование новой экономики и нового правового регулирования, и в тоже время нового типа государства – «гибридного»; в-четвертых, так называемое «электронное государство» становится «гибридным» государством в результате конвергенции информационно-коммуникативных технологий управления, влияющие друг на друга; в-пятых, цивилизационный подход рассматривает стадии развития «электронного государства»: рождения, становления, расцвета, упадка и гибели, каждая из которых характеризуется своими особенностями.

Соответственно, по развитию технологического фактора, мы можем типологизировать государство как нетрадиционное в различные подтипы: *«подлинно электронного государства»*, *«неэлектронного государства»* и *«квазиэлектронного государства»*.

Первый подтип «электронное государство», характеризуется развитой системой информационно-коммуникативных технологий, собственной технологической базой, информационными тенденциями и процессами. В целом, это государство представляет собой новый тип в развитии информационного постиндустриального общества, выраженном в доминировании информации как важнейшего фактора развития общества и его социально-экономического уклада, а самое главное – государство нового типа социально-политического и экономического управления, основанного на цифровых платформах, экономике данных и искусственном интеллекте. Более того, такие государства, как правило, являются технологически суверенными государствами, в которых развито законодательство, регулирующее «электронное госу-

дарство», имеющие цифровые кодексы (Сингапур, Тайвань, Япония, США, Германия, Китай, ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия и т.д.). Они входят в мировом рейтинге ООН в первую группу государств.

Структура современного общества в таком государстве: 1) пронизана информационно-коммуникативными технологиями, платформами и сервисами; существует строгое разграничение информационных систем и информационных потоков; 2) власть в таком государстве использует информационные технологические платформы и системы управления, прежде всего для оптимизации государственной политики; 3) сущность такого государства становится технократической, где бюрократия обезличивается и автономизируется, становится анонимной; 4) государство, поддерживающее интересы исключительно технократического управленческого класса; 5) народ встраивается в информационные потоки и становится объектом информационного манипулирования «электронного государства»; 6) существует информационный суверенитет.

В юридической науке такое государство связывают с «электронной демократией», «электронным правительством», «электронным правосудием», «электронным нотариатом», «электронной адвокатурой» и в целом с так называемыми информационно-правовыми технологиями (legal tech). Зародившись в лоне информационных технологий и науки, в настоящее время, такие важные понятия и одновременно социально-политические явления пронизывают не только экономику, политику, социальную сферу, но и даже культуру, религию и духовность. Такие важные социально-экономические и политико-правовые ценности, как: информация, семья, религия, государство, демократия, право, искусство и правосудие имеют «цифровых двойников»². Формирующиеся новые информационные модели всех социальных и природных явлений, требует правового регулирования, в последующем право становится так называемым «цифровым» или «информационным». Законодательство становится электронно-кодифицированным.

Другой подтип – «неэлектронное государство», представляет собой такой тип государства, который является полной противоположностью развитого «электронного государства» с практически отсутствующим технологическим укладом жизни, с несформированным постиндустриальным информационным обществом, где отсутствуют информационно-коммуникативные технологии, отсутствует экономика данных и собственные разработки искусственного интеллекта. Они не являются технологически суверенными, где политические процессы не строятся на информационном управлении и цифровых платформах. К ним, конечно же, можно отнести некоторые страны Африки, Ближнего Востока (Ирак, Уганда, Афганистан), некоторые страны постсоветского пространства, это страны экономически неразвитые и не имеющие развитого законодательства, регулирующего «электронное государство».

В таком государстве: 1) структура общества не связана информационно-коммуникативными сетями, платформами и сервисами; 2) отсутствует разграничение информационных

систем и информационных потоков; 3) власть в таком государстве не использует информационные технологические платформы и системы управления, прежде всего для оптимизации государственной политики, а действует традиционными средствами и процедурами; 4) сущность такого государства продолжает во многом оставаться традиционной; 5) государство, поддерживает интересы исключительно клановых групп; 6) народ отдален от информационных потоков и продолжая оставаться объектом традиционного воздействия кланово-семейных групп; 7) отсутствует информационный суверенитет.

В данном подтипе «неэлектронного государства» абсолютно отсутствуют элементы «электронной демократии», «электронного правительства», «электронного правосудия», «электронного нотариата», «электронной адвокатуры» и в целом информационно-правовые технологии (legal tech). Такие важные социально-экономические и политико-правовые ценности, как: информация, семья, религия, государство, демократия, право и правосудие не имеют «цифровых двойников». Право остается традиционным и не оцифрованным.

Третий подтип «квазиэлектронное государство», которое стремится к тому, чтобы стать полноценным «электронным государством» отдаленно напоминая его, но пока не ставшее таковым. В рейтинге ООН такие государства находятся во второй и третьей группе «электронных государств». В таких государствах начали развиваться собственные наработки информационно-коммуникативных технологий, цифровые платформы и искусственный интеллект. Тем не менее, они пока не стали технологически суверенными, хотя и стремятся ими стать. К ним относятся страны большей части государств мира, в том числе и Россия.

И существующее заимствование передовых достижений научно-технического развития западных и азиатских государств и приобщение к некоторым информационным и технологическим структурам, нас ещё не делает информационным обществом, а всего лишь намечает тенденцию нашего возможного движения. К сожалению, на протяжении тридцати лет мы не занимались развитием этих технологий и электроники, даже сами самолеты не производили, не говоря об автомобильной промышленности. И только сегодня, когда остро прозвучал вопрос о технологическом суверенитете, мы начали развитие по этому пути. Но дорога предстоит не скорая.

В «квазиэлектронном государстве»: 1) структура общества частично связана с информационно-коммуникативными технологиями, платформами и сервисами; существует определенное разграничение информационных систем и информационных потоков; 2) власть в таком государстве пытается использовать информационные технологические платформы и системы управления, прежде всего для оптимизации государственной политики; 3) сущность такого государства находится в процессе трансформации, бюрократия постепенно обезличивается и автономизируется, становится анонимной; 4) такое государство, начинает обособлять интересы, прежде всего технократического управленческого класса; 5) народ постепенно встраивается в информационные потоки и становится объектом информационного «манипулирования» «электронного государства»; 6) постепенно формируется информационный и технологический суверенитет.

В юридической сфере такого типа государства появляются элементы «электронной демократии», «электронного правительства», «электронного правосудия», «электронного нотариата», «электронной адвокатуры» и других в целом с так называемыми информационно-правовыми технологиями и реестрами (legal tech). Информационное общество в таком государстве постепенно развивает информационно-коммуникативные решения. В таком типе государства, в существующие ценности: право, политику, экономику, культуру, постепенно проникают информационно-комму-

² Цифровой двойник – это виртуальная модель любых объектов, систем, процессов или людей. Она точно воспроизводит форму и действия оригинала и синхронизирована с ним. Цифровой двойник нужен, чтобы смоделировать, что будет происходить с оригиналом в тех или иных условиях. Это помогает, во-первых, сэкономить время и средства (например, если речь идет о сложном и дорогостоящем оборудовании), а во-вторых – избежать вреда для людей и окружающей среды. Впервые концепцию цифрового двойника описал в 2002 году Майкл Гривс, профессор Мичиганского университета. В своей книге «Происхождение цифровых двойников» он разложил их на три основные части: физический продукт в реальном пространстве, виртуальный продукт в виртуальном пространстве.

никативные технологии. Законодательство постепенно становится электронно-кодифицированным, но пока отсутствует концепция развития информационного законодательства, как и, собственно говоря, информационные кодексы.

Авторская типология включает все три модели нового типа государства («электронного государства»), которые обладают как собственным своеобразием, так и во многом сходятся между собой по принятию тех или иных технологических решений. Однако каждое государство находится на разном уровне технологического прогресса.

Результаты рейтинга ООН в 2022 г. показывают, что половина государств трансформируются в так называемые бесшовные, «невидимые правительства» («электронные государства»), в которых полностью автоматизированные и индивидуализированы услуги доступные любому человеку в любое время из любого места. Все больше государств внедряют передовые технологии, такие как облачные вычисления, искусственный интеллект и блокчейн для оценки и удовлетворения потребностей своих граждан, избирателей. Часть из них разработали новые методы использования инструментов моделирования политики на основе данных и создали экспериментальные «платформы» и «песочницы» для разработки, проверки и масштабирования инновационных решений. Эти решения и методы совершенствования дают возможность снизить возможные риски и спрогнозировать будущее развитие систем. Постоянное внимание к происходящему в обществе, к его потребностям и интересам, особенно в области социальных и политических процессов, разработчики систем имеют возможность прогнозировать. Позитивные и негативные тенденции, успехи и неудачи в развитии «электронного государства» могут привести к увеличению цифрового разрыва, если не будут приняты меры безопасности. В цифровом государстве крайне важно, чтобы инновации были направлены на развитие человеческого потенциала, его способностей и перспектив.

Таким образом, реальная суть «электронного государства» корреспондирует цифровому праву и цифровым правам граждан [13, с. 174], а по мнению И. Н. Барцица, праву на «хорошее государственное управление» [4, с. 64-71] (франц. «bonne gouvernance», англ. «good governance», испан. «buen gobierno»), предусмотренное, в частности, статьей 41 Хартии Европейского союза об Основных правах от 7 декабря 2000 года – «Право на хорошее государственное управление».

Пристатейный библиографический список

1. Азизов Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 4. (35). – С. 22-27.
2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
3. Баракина Е. Ю. К вопросу об установлении правового режима цифровых технологий в условиях перехода к экономике данных // Журнал «Теории государства и права». – 2024. – № 3-2 (40). – С. 13-23.
4. Барциц И. Н. Конституционное право на хорошее (эффективное) управление: критерии, показатели, оценки // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 64-71.
5. Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации: монография. – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. – 224 с.
6. Власенко Н. А. Современное российское государство. Очерки. – М.: Норма-М, 2023. – 152 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

8. Киселев А. С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 (91). – С. 32-39.
9. Making government work: Electronic Delivery of Federal Services. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, September 1993. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.org/ota/reports/9333.pdf> (дата обращения: 21.05.2017 г.).
10. Nerone J. C. Last Rights. Revision of Four Theories of the Press. – Urbana: University of Illinois Press, 1995. – P. 151.
11. Heeks R. Failure, Success and Improvisation of Information Systems Projects in Developing Countries // Development Informatics. Working Paper Series. – No. 11. – January 2002. – P. 1-4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan012292.pdf> (Дата обращения: 21.05.2017 г.).
12. Понкин И. В. Концепт «электронного государства» в рамках новой системы публичного управления // Вестник Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 4. – С. 52-58.
13. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машинночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник. – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с.
14. Право XX века: Идеи и ценности: Сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Пивоваров Ю. С. – М., 2001. – 328 с.
15. Решетняк В. И., Смагина Е. С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве: российский и зарубежный опыт: учеб. пособие. – М.: Городец, 2017. – 302 с.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

АБДУЛМУТАЛИМОВА Замира Магомедовна

кандидат политических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

КУРБАНОВ Гасан Сейфудинович

аспирант кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ В XVII-XVIII ВЕКАХ

Коррупция, как социальное явление, существовала во все времена и играла значительную роль в истории различных стран, включая Россию. В XVII-XVIII веках, когда Российское государство проходило через множество изменений, в том числе реформы управления, правовые основы противодействия коррупции начали постепенно формироваться. Авторы отмечают, что правовые основы противодействия коррупции в России в XVII-XVIII веках формировались в условиях сложной внутренней политической обстановки и подчеркивают, что, начиная с Петра I и заканчивая Екатериной II, российские правители стремились к созданию эффективного механизма контроля за поведением чиновников, что стало пионерским шагом в борьбе с коррупцией, которая продолжает оставаться актуальной и сегодня. Развитие правовых основ на этом этапе стало важным шагом к более эффективной и справедливой системе государственного управления в будущем.

Ключевые слова: коррупция, реформы, борьба с коррупцией, указы, правовые акты.

SERKEROV Samur Elmirovich

Ph.D. in Law, Head of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

ABDULMUTALIMOVA Zamira Magomedovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

KURBANOV Gasan Seifudinovich

postgraduate student of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

THE LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CORRUPTION IN THE XVII-XVIII CENTURIES

Corruption, as a social phenomenon, has existed at all times and has played a significant role in the history of various countries, including Russia. In the XVII-XVIII centuries, when the Russian state went through many changes, including governance reforms, the legal framework for combating corruption began to take shape gradually. The authors note that the legal framework for combating corruption in Russia in the XVII-XVIII centuries was formed in a difficult internal political situation and emphasize that starting with Peter I and ending with Catherine II, Russian rulers sought to create an effective mechanism for monitoring the behavior of officials, which became a pioneering step in the fight against corruption, which remains relevant today. The development of the legal framework at this stage was an important step towards a more efficient and equitable system of public administration in the future.

Keywords: corruption, reforms, fight against corruption, decrees, legal acts.

Коррупция – явление, которое существовало на всех этапах развития общества, и Россия не стала исключением. В 17-18 веках коррупция в России приобрела характерную особенность, вызванную историческими, социальными и экономическими изменениями, происходившими в стране. В этот период начали формироваться первые правовые основы противодействия коррупции, что стало важным шагом на пути к созданию более прозрачной и справедливой системы управления.

В 17 веке Россия столкнулась с рядом внутренних и внешних вызовов, включая Смутное время, когда имела серьезная угроза существования государственной власти. В этот период начались первые попытки законодательного регулирования как на государственном, так и на местном уров-

не. Внутренние конфликты делали коррупцию особенно актуальной проблемой, способствующей затягиванию реформ и ослаблению центральной власти.

В 18 веке, с приходом к власти Петра I, началась активная борьба с коррупцией, которая рассматривалась как существенная часть более широких реформ. Один из значимых шагов – это принятие указов, ужесточающих наказания за взяточничество и злоупотребление служебным положением. Указ 1715 года обязывал чиновников отчитываться о своих доходах и расходах, что стало важным шагом к обеспечению «прозрачности» в их деятельности [1].

Коррупция воспринималась как угроза для реформ и развития государства, поэтому изучение правовых норм, регулирующих поведение государственных служащих, было

насушной задачей. Пётр I вводил различные меры, включая установление строгих наказаний за коррупционные действия, такие как штрафы, ссылки и даже смертную казнь для наиболее тяжких преступлений.

Одним из основных документов, который касался вопросов должностной этики, был «Юридический кодекс» (первоначально проект от 1649 года, позже переработанный), в котором содержались пункты, касающиеся взяточничества и других форм коррупции. Хотя данный документ не стал окончательным сводом законов, он закладывал основы для дальнейшего правового регулирования противодействия коррупционным нарушениям.

В 18 веке также были созданы новые правовые акты, включая «Высочайшие указы», касающиеся службы и дисциплины чиновников. Эти документы закрепляли правила этического поведения и предусматривали ответственность за нарушение норм.

Пётр I издал также ряд указов и регламентов, направленных на упорядочение деятельности государственных служащих и создание механизмов ответственности за злоупотребления. Например, указ от 1715 года предусматривал возможность обжалования действий чиновников и дал возможность гражданам требовать защиту своих прав [1].

Этот документ стал важным шагом к вертикали власти, где граждане могли быть оценены по служебным заслугам, а не по знатности или другим коррумпированным критериям. Это снижало возможности для коррупции, основанной на неформальных связях.

Указ позволял простым гражданам подавать жалобы на действия коррумпированных чиновников напрямую в высшие инстанции, таким образом, обеспечивая защиту от произвола.

Создание системы административного надзора за деятельностью чиновников также стало важным элементом в борьбе с коррупцией: Пётр I и его преемники вводили в практику назначения инспекторов, задача которых состояла в проверке работы различных государственных учреждений и выявлении коррупционных практик.

Введение отчётности чиновников о расходах и доходах стало возможным шагом к открытости власти. Это позволяло контролировать финансовые потоки и снижать уровень злоупотреблений.

Екатерина II, унаследовавшая власть в 1762 году, продолжила борьбу с коррупцией. В её правление были проведены административные реформы, направленные на улучшение государственного управления и сокращение коррупционных проявлений. В «Наказе» Екатерины II 1767 года также поднимался вопрос о необходимости борьбы с взяточничеством среди служащих, что указывало на высокую значимость данной проблемы в высших эшелонах власти [1].

Несмотря на все предпринятые меры, коррупция продолжала оставаться серьёзной проблемой.

Из-за недостаточной системы контроля и недостаточного образования чиновников коррупция процветала в различных формах, особенно на местах.

Официально принятые меры не всегда исполнялись, и коррупционные практики продолжали существовать в системе на разных уровнях.

Подводя итоги можно сказать, что правовые основы противодействия коррупции в России в 17-18 веках формировались в условиях сложной внутренней политической обстановки и проведения важных реформ.

Несмотря на активные попытки борьбы с коррупцией, эта проблема была и остаётся непростой, демонстрируя, что противодействие коррупции требует не только принятия законов, но и внедрения механизмов их исполнения, а также формирования антикоррупционной культуры в обществе [2].

Появление первых законодательных актов и указов, касающихся борьбы с коррупцией, свидетельствует о том, что власти осознавали необходимость ведения борьбы с данным явлением для обеспечения стабильности и развития государства.

Начиная с Петра I и заканчивая Екатериной II, российские правители стремились к созданию эффективного механизма контроля за поведением чиновников, что стало пионерским шагом в борьбе с коррупцией, которая продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Развитие правовых основ на этом этапе стало важным шагом к более эффективной и справедливой системе государственного управления в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Чистяков О. И., Новицкая Т. Е., Дюков Л. В. История отечественного государства и права. В 2 частях. Часть 1. Учебник. – 5 изд. – М.: Юрайт, 2011. – С. 23.
2. Агеева Е. А. Юридическая ответственность в государственном управлении: (социально-правовой аспект). – СПб.: ЛГУ, 2008. – С. 125.

ФУРМАН Феликс Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ВЗГЛЯДЫ МИХАИЛА БАКУНИНА

В данной статье проводится анализ актуальности политико-правового наследия М. А. Бакунина в контексте современных социальных и международных вызовов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что многие проблемы, стоящие перед современным миром с конфликтами второй половины XIX века, в эпоху жизни и активной деятельности Михаила Бакунина. В рамках исследования проводится детальный анализ этапов формирования мировоззрения М. А. Бакунина, его критического отношения к государству и его институтам, а также его концепции социальной организации, основанной на принципах самоуправления и федерализма.

Ключевые слова: Михаил Бакунин, анархизм, политическая идеология, социальная революция, антигосударственность, теория Бакунина, революционное движение.

FURMAN Felix Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social sciences sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian federation, St. Petersburg

MIKHAIL BAKUNIN'S POLITICAL IDEOLOGY AND VIEWS

This article analyzes the relevance of Mikhail Bakunin's political and legal legacy in the context of contemporary social and international challenges. The relevance of this study is due to the fact that many of the problems facing the modern world have deep historical roots and show a clear similarity to the conflicts of the second half of the 19th century, during the life and active work of Mikhail Bakunin. The study provides a detailed analysis of the stages of the formation of Bakunin's worldview, his critical attitude towards the state and its institutions, as well as his concept of social organization based on the principles of self-government and federalism. It is determined that Bakunin's political and legal concept, despite its historical conditioning, contains a number of ideas that remain relevant in contemporary political and legal discourse. The conclusion is drawn that Bakunin's model of state structure, based on the principles of self-government and federalism, can serve as a source of inspiration for the development of new political projects aimed at creating a more just and democratic society.

Keywords: Mikhail Bakunin, anarchism, political ideology, social revolution, Bakunin's theory, revolutionary movement.

Введение. На современном этапе российская действительность характеризуется повышенным вниманием к вопросам политической организации общества, включая формы государственного устройства, механизмы демократии, функционирование системы публичной власти на различных уровнях, а также проблемы социального устройства, основанные на принципах справедливости, равенства и свободы. Данные аспекты, являющиеся предметом актуальных научных дискуссий, в своё время были в центре внимания выдающегося русского философа и революционера Михаила Александровича Бакунина, чьи взгляды на государство, общество и человека существенно отличались от позиций его знаменитого и знакового современника Карла Маркса. Исторические обстоятельства XX века, в частности, доминировавшая в советской науке идеологическая парадигма, существенно затрудняли объективный анализ политико-правовых концепций Михаила Бакунина.

М. А. Бакунин, ключевая фигура анархистского движения, демонстрировал критическое отношение к либеральному концепту свободы, предоставляемой индивидам государством. В своих философских размышлениях он позиционировал себя как неустанного искателя истины, подчеркивая, что подлинная свобода не ограничивается формальными рамками, устанавливаемыми государством. По мнению Михаила Бакунина, свобода выступает фундаментальным условием для развития человеческого интеллекта, достоинства и обретения счастья.

Центральное место в философии М. А. Бакунина занимала идея социального равенства. Он утверждал, что только на основе принципа равенства возможно достижение подлинной свободы, справедливости и всеобщего уважения человеческого достоинства. Для реализации этих идеалов Бакунин предлагал модель общества, основанную на добровольной организации труда и коллективной собственности. В качестве базовой ячейки такого общества он рассматривал промышленную ассоциацию или коммуну. Совокупность коммун, объединенных на принципах добровольной федерации, должна была составить основу нового общественного порядка, исключающего вмешательство государства [3].

Отдельно стоит выделить, что М. А. Бакунин придавал Парижской Коммуне статус идеальной модели общественного устройства, подлежащей всемирному распространению. В его понимании, Коммуна выступала радикальным отрицанием государственных институтов.

Религиозные институты также подвергались резкой критике со стороны Бакунина. Он рассматривал религию и церковь как наиболее существенные препятствия на пути человеческого прогресса и познания истины. Особое внимание философ уделял критике иудейского Бога Иеговы, которого характеризовал как воплощение несправедливости и деспотизма.

При этом социальная теория Бакунина выходила за рамки обеспечения базовых потребностей общества. Она была нацелена на концептуальное создание условий для все-

Фурман Ф. П.

стороннего развития личности и прогресса человечества в целом, предполагая построение справедливого и гуманного общества.

Цель работы заключается в комплексном анализе ключевых политико-правовых концепций русского философа и революционера М. А. Кропоткина, включая его представления о социальной организации, роли государства и права в обществе, а также о перспективах международного сотрудничества. Особое внимание уделяется анализу таких понятий, как свобода личности, автономия коммун, федерализм и идея славянской федерации.

Основной материал. Михаил Александрович Бакунин демонстрирует в эволюции своих политических и философских взглядов четкую последовательную динамику развития. Еще в России он глубоко изучил и проанализировал идеи федерализма, выдвинутые в своё время декабристами. Как результат, в июне 1848 года в Праге Бакунин разработал программный документ, посвященный федерации славянских народов. В этом документе провозглашалась необходимость создания Славянского совета как высшего органа власти, призванного координировать деятельность независимых славянских государств. Решения Совета, согласно документу, должны были носить обязательный характер для всех членов славянского сообщества [7].

В 1840-х и начале 1860-х годов в политических взглядах Михаила Бакунина еще не наблюдается ярко выраженного анархистского компонента. В этот период он выступал за установление республиканской формы правления в России. Однако к 1862 году, на фоне отмены крепостного права Александром II, Бакунин уже начал допускать возможность существования выборной монархии.

Однако при этом, М. А. Бакунин, начиная с осени 1864 года, последовательно развивал концепцию антимонархического и децентрализованного государственного устройства. В работе «Международное тайное общество освобождения человечества» он представил детальный план социальной организации, которая должна была бы возникнуть в постреволюционном обществе. Ключевым элементом бакунинской модели была Славянская федерация. Все славянские народы, входящие в ее состав, должны были бы делегировать свои государственные полномочия центральному органу управления – Славянскому совету. Совету отводилась исключительная прерогатива принятия решений о войне и мире. Более того, при возникновении вооруженного конфликта с участием одного из членов федерации, остальные обязаны были бы оказать ему всестороннюю поддержку, выступая единым военным фронтом [1].

Бакунинская концепция Славянского союза предполагала создание добровольного объединения славянских народов, основанного на принципах равенства, свободы и братской солидарности. Центральным органом управления союза выступал бы Славянский совет, призванный обеспечивать соблюдение этих основополагающих принципов и разрешать межэтнические конфликты. Характерной чертой бакунинской модели являлось предоставление каждому славянину права на апелляцию в Славянский совет в случае нарушения его прав со стороны национального правительства.

Однако, несмотря на общий энтузиазм в отношении идеи славянского единства, М. А. Бакунин выражал глубокое недоверие непосредственно к Российской империи Николая I как потенциальному лидеру такого союза. Он опасался, что присоединение славянских народов к России приведет к усилению великодержавных тенденций и подавлению национальных особенностей. Таким образом, Бакунин выступал за создание независимого славянского союза, свободного от доминирования какой-либо одной державы.

Следует отдельно отметить, что М. А. Бакунин проводил глубокий анализ различий между европейской и российской социально-политической реальностью. Он акцентировал

внимание на значительно более высоком уровне социальной несправедливости в России, обусловленном отсутствием развитых демократических институтов. В противовес этому, западные общества, по мнению Бакунина, обладали определенными механизмами сдерживания негативных социальных явлений, такими как публичность, общественное мнение и, что особенно важно, свобода. Последняя, по его убеждению, являлась не только политической категорией, но и мощным инструментом нравственного развития личности. В условиях российской действительности, отмеченной социальным неравенством и несправедливостью, наиболее уязвимой социальной группой, по Бакунину, оставались широкие народные массы.

В продолжение выстраивания своей идеологической концепции Михаил Бакунин в своих работах середины XIX века предложил ряд оригинальных политических концепций, направленных на реформирование Российской империи и международного порядка. Один из наиболее ярких проектов предполагал установление в России выборной монархии при сохранении федеративного устройства. Монарх, согласно Бакунину, должен был избираться Земским Собором, что отражало популярные в то время идеи народного представительства. Российская Федерация, в представлении философа, должна была стать частью (но не главенствующей) более широкой славянской федерации.

В своих более поздних работах Михаил Бакунин развивал идеи международного сотрудничества и социальной справедливости. Он предложил модель общества, основанного на принципах равенства, всеобщего труда и коллективного воспитания детей. В рамках этой модели государство должно было иметь республиканскую форму правления и федеративное устройство. Бакунин детально разработал проект всемирного объединения народов, в котором отсутствовало бы наследование и были бы гарантированы свобода брака и равенство полов. Эти идеи свидетельствуют о радикальном характере политических взглядов философа и его стремлении к построению нового, более справедливого мирового порядка.

В целом, бакунинская концепция общины как фундамента анархического общества представляет собой детально проработанную модель самоуправляющейся политической единицы. Она строится на принципах непосредственной демократии, предполагающей выборность органов управления и широкое участие всех членов общины в принятии решений. Центральное место в этой модели занимает принцип федерализма, согласно которому общины объединяются в более крупные структуры – провинции, формируя, таким образом, многоуровневую систему самоуправления.

Характерной чертой бакунинской концепции является стремление к достижению не только формального, но и фактического равенства всех членов общества. Однако, следует отметить, что с точки зрения современной социологии и политологии, такая цель представляется утопической ввиду объективно существующих различий между людьми.

Анархическая коммуна по Бакунину – это не просто территориальная единица, но и совокупность свободных индивидов и их добровольных ассоциаций. При этом, общины сохраняют значительную степень автономии, в то же время будучи связанными федеративными соглашениями. Механизмы разрешения межобщинных конфликтов предусматривают правовое регулирование взаимоотношений – создание специальных арбитражных судов, способных выносить окончательные решения [5].

В дальнейшем, в работах М. А. Бакунина, датированных 1870-ми годами, отчетливо прослеживается глубокая критика централизованных форм власти, унитарных государств, империй и любых проявлений социального и политического рабства. Философ акцентирует внимание на парадоксальной ситуации, при которой даже соперничающие государства

демонстрируют поразительное единодушие в стремлении к подчинению широких масс населения, что свидетельствует об их общей глубинной сущности и единой конечной цели. В связи с этим Михаил Бакунин выдвигает концепцию многоуровневой федеративной системы, в рамках которой провинции объединяются в национально-территориальные федерации, а последние, в свою очередь, интегрируются в общую международную (планетарную) федерацию. При этом в каждой из структурных единиц предполагается создание органов власти, функционирующих на принципах разделения властей, что уже подразумевает наличие исполнительной, законодательной и судебной ветвей.

Отдельно стоит указать на тот аспект, что М. А. Бакунин проводил четкую границу между немецкими социал-демократами и российскими социалистами, акцентируя внимание на их фундаментально различных целях. В то время как немецкие социал-демократы, по его мнению, стремились к консолидации всех германских земель в единое государство, русские революционеры были ориентированы на радикальное разрушение существующих государственных структур. Бакунин подчеркивал, что революционный процесс, будучи стихийным и непредсказуемым по своей природе, неизбежно сопровождается значительными разрушениями и потерями.

Отличительной чертой анархистской идеологии, которую отстаивал Бакунин, являлось категорическое неприятие идеи создания централизованного государства, даже если оно декларирует социалистические принципы. В связи с этим, он критиковал немецкую социал-демократическую партию, возглавляемую Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, за ее стремление к созданию мощного централизованного государства. Бакунин рассматривал Маркса и Энгельса как диктаторов, стремящихся установить свою власть над рабочим классом, и предостерегал от сотрудничества с ними [2].

Анархисты, по мнению Бакунина, должны были избегать любых союзов с политическими силами, которые, подобно немецким социал-демократам, стремятся к созданию государственных структур. Он считал, что такие союзы могут привести к потере революционной чистоты и компромиссам с государственной властью [6].

Михаил Бакунин, в своих работах, подвергал критике завышенные представления о могуществе Российской империи, распространенные как среди российских патриотов, так и среди западных панславистов и либералов. Он утверждал, что реальная сила государства определяется наличием профессиональной бюрократии, мощной армии и способностью эффективно контролировать обширные территории. Анализируя состояние славянского мира, Бакунин констатировал отсутствие в нем единства в 1840-х годах и последующую невозможность его достижения в обозримой перспективе. По его мнению, идея славянского единства была скорее идеологической конструкцией, нежели реальностью, и ее реализация возможна лишь в результате глубоких социальных преобразований. При этом, Бакунин видел потенциал для начала такой революции именно в России, где, по его мнению, существовали благоприятные для этого социальные и политические условия.

В рамках социальной теории Михаил Бакунина отчетливо прослеживается синтез элементов народной республики и концепции федерализма. Центральное место в бакунинской концепции занимает проблема сущности государства и государственной власти. При этом, М. А. Бакунин, несмотря на радикальные взгляды, не выступал за полное уничтожение государства. Даже в послереволюционном обществе Бакунин допускал существование специфической формы государственной организации, лишенной традиционных атрибутов власти.

К концу 1864 года Бакунин сформировал четкую концепцию идеального государственного устройства, основан-

ную на принципах народной республики, децентрализации власти и демократического представительства. Предложенная им модель федерации, в которой все властные структуры избирались бы снизу вверх, была весьма прогрессивной для своего времени. В центр его политической философии вошло стремление к ограничению концентрации власти в руках отдельного индивида или группы лиц [4].

В более поздних работах Бакунин расширил свои взгляды, перейдя от рассмотрения проблем отдельных народов к разработке концепции мировой конфедерации, основанной на принципах социальной справедливости. Он подчеркивал, что без учета социального фактора любые правовые нормы и государственные структуры неизбежно превращаются в инструменты угнетения личности и общества. Таким образом, в политической философии Бакунина социальная справедливость выступает неотъемлемым условием для обеспечения свободы и равенства всех членов общества.

Выводы. Михаил Бакунин оказал значительное влияние на формирование мировоззрения революционных и либеральных кругов XIX века, включая представителей гуманитарных наук. Его теоретические разработки, в частности, детально проработанная модель социальной организации, основанная на принципах народной республики, получили широкое признание. Бакунинский проект, предполагающий федеративное устройство, всеобщее равенство, демократию, приоритет естественного права и выборность всех органов власти, стал заметным вкладом в политико-правовую мысль эпохи. Его идеи о стихийной социальной революции и свободном волеизъявлении населения продолжают обсуждаться в современных научных исследованиях.

Анархистская концепция Бакунина, несмотря на радикальный характер, не является полностью антитезой правового государства. Она синтезирует элементы правового и социального государств, предлагая оригинальное решение проблемы соотношения свободы и порядка. Вместе с тем, анархизм Бакунина представляет собой самостоятельную политическую доктрину, которая в первой половине XX века конкурировала с либеральной и марксистской концепциями государства.

Пристатейный библиографический список

1. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Атеизм Карла Маркса и антитеологизм М. А. Бакунина: общее и особенное // *Acta Eruditorum*. - 2020. - № 35. - С.10-13.
2. Бакунин М. А. Избранные сочинения. С биографическим очерком В. Черкезова. - Изд-во: «Медиа» - 320 с.
3. Бакунин М. А. Избранные сочинения. Петербург, Москва. - Т. 4: Политика Интернационала. Усыпители. Всестороннее образование. Организация Интернационала. Письма о патриотизме. Письма к французам. Парижская коммуна и понятие о государственности - Изд-во: «Голос труда», 1920. - 267 с.
4. Буланова М. Б. Общественный договор: pro et contra М. Бакунина // *Вестник РГГУ*. - 2023. - № 3. - С.184-192.
5. Иванников И. А. Анархистское учение М. А. Бакунина и современность (к 210-летию со дня рождения мыслителя) // *Legal Bulletin*. - 2024. - №2. - С.9-17.
6. Луцевич Л. Ф. Первый славянский конгресс в Исповеди Михаила Бакунина // *Российский гуманитарный журнал*. - 2013. - Т. 2, № 4. - С.323-331.
7. Пойминов Н. М. Особенности восприятия доктрины панславизма в радикальной правовой мысли России // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*. - 2023. - Т.9, № 3. - С. 128-134.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ Александр Валерьевич

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА ЭСТЛЯНДСКОГО ОБЕР-ЛАНДГЕРИХТА НА ОСНОВАНИИ ИСТОЧНИКОВ ПАРТИКУЛЯРНОГО ПРАВА ПРИ ВХОЖДЕНИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматриваются проблемы законодательного закрепления органов государственной власти Эстляндской губернии при вхождении в состав России. Эстляндия к моменту вхождения в состав Российской империи обладала государственным аппаратом управления, проводившим судопроизводство на основе датского и шведского законодательства. Шведскую власть в регионе представлял генерал-губернатор, судебными учреждениями первой инстанции в Эстляндии являлись Мангерихты. Второй инстанцией суда являлся Обер-Ландгерихт.

Ключевые слова: губернские учреждения Эстляндии, источники права, акты соглашения, грамота, права состояний, привилегии.

PEREVOZCHIKOV Alexander Valerjevich

postgraduate student of Criminal law, theory and history of state and law sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE STATUS OF THE ESTONIAN OBER-LANDGERICHT ON THE BASIS OF SOURCES OF PARTICULAR LAW DURING ITS INCORPORATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE

The article discusses the problems of legislative consolidation of public authorities of the Estonian province when joining Russia. At the time of joining the Russian Empire, Estland had a state administrative apparatus that conducted legal proceedings on the basis of Danish and Swedish legislation.

Keywords: provincial institutions of Estonia, sources of law, acts of agreement, charter, rights of estates, privileges.

С переходом прибалтийских образований в результате польско-шведской войны 1600-1629 гг. во владение Шведского королевства был выделен доминион Шведская Ливония — «Landesstaat» из двух губерний (Эстляндия и Лифляндия), под управлением губернаторов и наместников в уездах. Шведскую власть в регионе представлял генерал-губернатор. Судебная система включала уездный суд по уголовным и гражданским делам — Ландгерихт, Гофгерихт. В правовом регулировании основная роль стала принадлежать шведскому законодательству [1], [2], [3].

Судебными учреждениями первой инстанции в Эстляндии являлись Мангерихты. Королевско-шведские указы издавались на шведском языке. Второй инстанцией суда являлся Обер-Ландгерихт.

Обер-Ландгерихт состоял из 12 ландратов и губернатора (председателя). Земская полиция (Гакенрихтеры) следила за исполнением приговоров. Ревельскому магистрату предоставлялось право подтверждения законов и издания частных постановлений для жизнедеятельности города Ревеля.

После издания в Эстляндии свода законов, по определению Суда, оставались в силе закона и древние обычаи. В самом Своде местных законов «книга V, разд. 48, ст. 3 тяжущимся дозволяется ссылаться на благоразумные, честные, всеми признанные и многократным употреблением подтвердившиеся обыкновения, потому что все таковые обыкновения, если не противны Рыцарскому и Земскому праву, им подтверждаются, и должны быть соображены наравне с письменным законом, при постановлении приговора».

Свод Эстляндских законов (Рыцарское и земское право Эстляндское), составленный в 1650 году Советником Правления и Первым Ассессором Бурггерихта Филиппом Крузенштерном не был утверждён Шведскими королями. Но дворянство начало руководствоваться им в судопроизводстве, «т.е. получило силу закона через употребление» [4, с. 131].

Вступление жителей Эстляндии и Лифляндии в Российское подданство происходило за десятилетие до окончания Северной войны со Швецией посредством капитуляций и аккордных пунктов, заключенных с депутатами городов и рыцарством. В Воззвании (Универсале, напечатанном в Полном Собрании Законов № 2287) к жителям Эстляндии сказано: Государь «не токмо намерен оставить без всякого нововведения во всей земле и городах поныне исповедуемую Евангелическую (лютеранскую) религию, и се их древние привилегии, вольности, права и преимущества, которые, как всему миру известно, в Шведское время всегда нарушаемы были по точному их смыслу и понятию свято хранить и содержать, но и обещает при случае умножить оныя еще обширнейшими и важнейшими» [4, с. 146].

Акты о присоединении Лифляндии, Эстляндии и острова Эзель к России подтверждаются, во-первых, жалованными грамотами Петра Великого:

Жалованная грамота шляхетству и земству Эстляндского княжества «В подтверждение древних их привилегий, прав и статуты — 1 марта 1712 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. — Т. 4. — № 2495.

Жалованная грамота городу Ревелю «В подтверждение всех древних оного города привилегий, нрав, судов, законных постановлений и обычаев» — 13 марта 1712г. // ПСЗРИ-1. — Т. 4. — № 2501.

Во-вторых, трактат, заключенный на конгрессе в Ништане уполномоченными министрами: с российской генерал-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштейном и бароном Штрёмфельтом «О вечном мире между обоими государствами» — 30 августа 1721 г. // ПСРИ-1. — Т. 6. — № 3819. В трактате по отношению к Лифляндии, Эстляндии и острову Эзелю имелось три пункта:

1. «В статье IX постановлено, что права и привилегии жителей новых провинций вне зависимости от сословия,

привилегии городов провинций и учреждений будут защищены.

2. В статье X постановлено, что в новых провинциях будут соблюдены права совести, как Евангелической веры, так и веры Греческого исповедания.

3. В статье XI возратить забранные Шведским правительством поместья, лицам, доказавшим свои законные права» [6, с. 146].

А также, жалованными грамотами Императоров Всероссийских при вступлении на престол и, по восшествию на престол Императрицы Екатерины II «для введения единообразия в государственном управлении», решено было ввести новые губернские учреждения по примеру центральной России. В пункте 26 Ревельской капитуляции обещано определить Эстляндского губернатора чиновника, владеющего немецким языком, а также сохранить и немецкую канцелярию [7].

Обратимся к пунктам о сохранении остзейских привилегий:

Пункт 3. «Настоящим владельцам и помещикам возратить в полную собственность то, что было утрачено при шведском владении».

Пункт 4. «Оставить в прежнем состоянии sudoустройство и земскую полицию».

Пункт 6. «Генерал-губернатора определять из немцев Евангелической веры, председательствовать ему в Обер-Ландгериште, дела производить на немецком языке».

Пункт 13. «За измену судить по земскому праву, наказывать только лично его, не затрагивая семейства и имущества, передаваемого родственникам по праву наследства».

Пункт 29. «Судей, за их приговоры не обвинять и не подвергать ответственности».

Пункт 30. «Жителям наслаждаться всеобщим миром. Виновных судить по существующему закону».

Пункт 31. «В верхних и нижних судах судей, кроме существующих не определять, языка, кроме немецкого, не вводить».

Пункт 33. «Соборную кирху города Вышгорода (Ревель) оставить за шляхетством, «в ней иному церковному служению, кроме немецкого, не быть»» [8].

Эстляндское дворянство получило право опять собираться на Ландтаги, где избирались Ландраты (чин – генерал-майора) и Риттершафтсгауптман предводитель дворянства, чин – полковник).

Законы и привилегии Эстляндии, а также учреждения были установлены в отличие от Лифляндии королями Датскими и Шведскими.

26.03.1819 г. после предварительного согласия дворянского Ландтага составлены и утверждены по примеру Положений Курляндской и Эстляндской губерний Императором Александром I новое Положение о крестьянах Лифляндских. Благодаря созданной сим императорским указом Комиссии все крестьянство в срок до 1832 года перешло в «Свободное состояние» [4, с. 184].

О правах состояний в Эстляндии. В 1785 году введена дворянская грамота (Эстляндия и Лифляндия), произошла замена Матрикула Дворянской родословной книгой.

С 1796 года восстановлены прежние присутственные места. Из собрания сведений для составления «Свода законов...» II отделения С.Е.И.В. Канцелярии не ясно основание восстановления привилегий 1756 года и замены дворянского собрания вновь на Ландтаги.

Порядок делопроизводства на Ландтагах и обязанности чиновников были определены Уставом о выборе дворянства и, напечатанным в 1826 году в Ревеле с Положением о Ландтагах. А также соблюдались права порядка суда и уголовных дел, порядок службы и замещения дворянских должностей.

Права мещанства с момента присоединения Эстляндии к Российской империи были восстановлены полностью, в том числе русским православным переселенцам со времен

Царя Бориса Годунова, как и веры лютеранской. Однако запрещено избираться на городские должности, «в раскладке городских податей и повинностей», а также участия по общественным делам проводимых совещаниях. Вообще, устройство городов Эстляндии лишь дополнялись имперскими законами, но существенных изменений не проводилось.

Отмена крепостного права в Эстляндии была инициирована дворянским сословием в 1802 и 1811 годах. Была назначена особая комиссия под председательством генерал-губернатора Эстляндской губернии принца Ольденбургского для составления проекта Положения о крестьянах Эстляндских. На Ландтаге проект был одобрен, после чего 25.05.1816 г. Императором Александром I утверждено Крестьянское Положение по отмене крепостного права и всех прочих узаконений [4, с.186-188].

Права духовенства как в Эстляндской, так и в Курляндской губерниях определялись Уставом Евангелическо-лютеранской церкви от 28.11.1832 г. (5870 г.).

Права земского владения в Эстляндской губернии сохранялись те же самые привилегии о безопасности частной собственности, какие были подтверждены лифляндскому населению. Имения, отобранные, при Шведском обладании и по документам принадлежащие подданным Лифляндским и Эстляндским по императорскому поручению были возвращены. Маестности прямым владельцам, представившим, доказательные документы возвращались без спорных дел и конфирмации Правительствующего сената. И впредь освобождались от обязательного прошения при перемене правления в Российской Империи [4, с.193].

Эстляндская губерния ко времени вхождения в состав Российской империи к началу XVIII века обладала опытом и историей развития своего государства и права.

Пристатейный библиографический список

1. Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII начала XX вв. - М., 2011.
2. История внешней политики России. XVIII век. - М.: Международные отношения, 1998.
3. История внешней политики России (конец XV-XVII век). - М., 1999.
4. Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов: Сост. из актов, хранящихся во 2 Отд-нии Собств. е. и. в. канцелярии. - СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833. - 200, VII: 21.
5. Обзорение исторических сведений, послуживших к составлению свода местных законов Остзейских губерний (1158-1858). - СПб.: ДиректМедиа, 2013. - 223 с.
6. Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генерал-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лиленштейном и бароном Штремфельтом «О вечном мире между обоими государствами». 30 августа 1721 г. // ПСРИ-1. - Т. 6. - № 3819.
7. Капитуляция, заключенная между шведским вице-губернатором генерал-майором Паткулем и российским генерал-поручиком Бауером «О сдаче города Ревеля и крепости российскому оружию. 29 сентября 1710 г. // ПСЗРИ-1. - Т. 4. - № 2297.
8. Договорные пункты, учиненные в главной квартире Гарке, между шляхетством и земством Герцогства Эстляндского и российским генерал-поручиком Бауером «О предоставлении жителям сего герцогства прежних привилегий и преимуществ, как по части их вероисповедания, так и по другим их правам». 29 сентября 1710 г. // ПСЗРИ-1. - Т. 4. - № 2299.

ДРЯЕВ Георгий Борисович

аспирант кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

СИНТЕЗ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО ПОДХОДА С ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫМИ ИДЕЯМИ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Необходимость расширения междисциплинарных связей юридической науки и ее выхода за пределы социокультурного контекста, в котором чаще всего и исследуются государственно-правовые идеи, подчеркивал в своих трудах Д. И. Менделеев. В данной статье определяются некоторые перспективные направления междисциплинарных исследований научного и технического прогресса и государственно-правового регулирования. В процессе исследования вопроса влияния научной деятельности Д. И. Менделеева на дальнейшее развитие российской государственности использовались логический и исторический методы, а также их сочетание. Изучив его взгляды на государственное управление и законодательство, можно заметить, что они пронизаны идеей применения научного подхода к решению социальных и правовых вопросов. Эта концепция делает его личность уникальной в контексте истории и культуры России.

Ключевые слова: государственная политика, зарубежный опыт, образование, наука, междисциплинарные связи.

DRYAEV Georgiy Borisovich

postgraduate student of State and law theory sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University

SYNTHESIS OF INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC APPROACH WITH STATE-LEGAL IDEAS OF D. I. MENDELEEV

D. I. Mendeleev emphasised in his works the necessity of expanding interdisciplinary relations of legal science and its going beyond the socio-cultural context, in which state-legal ideas are most often studied. This article identifies some promising directions of interdisciplinary research of scientific and technological progress and state-legal regulation. In the process of researching the issue of influence of D. I. Mendeleev's scientific activity on further development of the Russian statehood the logical and historical methods, as well as their combination were used. Having studied his views on public administration and legislation, it can be seen that they are permeated with the idea of applying a scientific approach to the solution of social and legal issues. This concept makes his personality unique in the context of Russian history and culture.

Keywords: state policy, foreign experience, education, science, interdisciplinary relations.

Дряев Г. Б.

Изучение государственно-правовых идей Дмитрия Ивановича Менделеева открывает новые горизонты в понимании связи науки и права. Менделеев, всемирно известный своими достижениями в химии, также оказал значительное влияние на развитие правовой системы России, предлагая прогрессивные идеи, многие из которых опережали свое время. Его взгляды на государственное управление и законодательство были глубоко проникнуты идеей необходимости научного подхода к решению социальных и правовых проблем, что делает его фигуру уникальной в контексте российской истории и культуры.

Менделеев выступал за комплексное развитие государственной экономики, подчеркивая важность промышленного прогресса и самодостаточности страны. Он считал, что наука должна лежать в основе экономической политики государства, и предложил ряд мер по стимулированию научных исследований и использованию их результатов в промышленности. Эти идеи находят отражение в его работах по химии и технологии, где он рассматривал вопросы оптимизации производственных процессов и разработки новых материалов. Менделеев убежденно аргументировал, что развитие науки и технологий является ключом к укреплению экономики и повышению благосостояния нации [1].

В области права Менделеев выдвигал предложения по совершенствованию законодательства, особенно в части за-

щиты интеллектуальной собственности и стимулирования инноваций. Он выступал за создание условий, при которых ученые и изобретатели могли бы получать справедливое вознаграждение за свои труды и находить поддержку для реализации своих идей. Менделеев понимал, что прогресс в науке и технике напрямую зависит от эффективности правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, способствует культурному и экономическому развитию общества.

Внедрение междисциплинарного научного подхода в работах Дмитрия Ивановича Менделеева является ключевым аспектом его научного наследия, отражающим глубокое понимание необходимости международного сотрудничества и обмена знаниями для достижения прогресса в науке и технологиях.

Менделеев, будучи ученым мирового класса, активно участвовал в международных научных конгрессах и симпозиумах, поддерживал переписку с ведущими учеными своего времени и внимательно следил за научными открытиями и исследованиями за рубежом. Это позволило ему не только вносить собственный вклад в мировую науку, но и интегрировать лучшие международные практики и идеи в свою работу, а также в разработку предложений по усовершенствованию российской научной и образовательной сферы.

Особое внимание Менделеев уделял применению международного научного подхода в решении конкретных научно-технических и экономических задач. Он активно изучал и адаптировал зарубежный опыт в таких областях, как химическое производство, металлургия и сельское хозяйство, стремясь внедрить передовые технологии и методики в российскую практику. Менделеев убежденно аргументировал, что для модернизации России необходимо не только заимствовать лучшие зарубежные разработки, но и активно развивать собственные научные исследования, что требовало создания эффективной системы образования и научных исследований, открытой к международному сотрудничеству.

Синтез государственно-правовых идей и междисциплинарного научного подхода, предложенный Дмитрием Ивановичем Менделеевым, представляет собой уникальное явление в истории развития российской науки и государственности. Этот синтез выражается в глубоком понимании Менделеевым необходимости интеграции передовых мировых научных достижений и методик в российскую практику не только в области естественных наук, но и в разработке государственной политики, экономических стратегий и правовой системы. Менделеев, как видный ученый и мыслитель, осознавал, что прогрессивное развитие страны возможно только на основе гармоничного сочетания научного подхода и эффективного государственного управления, опирающегося на принципы права и справедливости.

Менделеев стремился применять междисциплинарный научный подход не только для решения конкретных технических и экономических задач, но и для формулирования общих принципов государственной политики. Он убежденно аргументировал, что научные открытия и технологические инновации должны служить основой для разработки законодательства, направленного на стимулирование промышленного и экономического развития, защиту интеллектуальной собственности и поддержку научных исследований. Такой подход позволял бы России не только догнать ведущие мировые державы, но и занять достойное место в международном научном сообществе [5, с. 219].

Государственно-правовые идеи Д. И. Менделеева в значительной степени были продиктованы его осознанием важности международного научного обмена и сотрудничества. Менделеев, будучи ученым с мировым именем, понимал, что научные открытия и технологические инновации не имеют границ и что прогресс в одной стране может способствовать развитию в других. Это понимание нашло отражение в его предложениях по развитию государственной и правовой системы России.

Многие выводы и предложения Менделеев сформулировал, наблюдая за развитием капитализма в США, отмечая при этом как положительные, так и отрицательные стороны капиталистической действительности в Америке. Так, опыт учреждения канцелярского совета и Главного статистического комитета с точки зрения Менделеева, вполне оправдавших себя в государственной жизни США, может быть использован в России, систематизируя и упорядочивая работу всего правительства, в том числе предоставляя широкой общественности необходимые сведения о делах государственных и усиливая взаимопонимание законодательной и исполнительной властей.

Важным аспектом синтеза государственно-правовых идей и междисциплинарного научного подхода в работах Менделеева являлось его внимание к образованию. Он рассматривал образование как фундаментальный фактор раз-

вития науки и экономики, а также как средство повышения правовой грамотности населения и формирования гражданского общества. Менделеев настаивал на необходимости реформирования образовательной системы, включая введение новых научных дисциплин, модернизацию учебных программ и методов преподавания, что требовало активного внедрения международного опыта и лучших практик [4, с. 78].

Идеи Дмитрия Ивановича Менделеева, заложенные им в основу развития государственно-правовых и экономических систем, продолжают оставаться актуальными и в современной юриспруденции, подчеркивая неизменную ценность научного подхода к решению правовых вопросов. Это особенно заметно на фоне глобализации, ускоренного развития технологий и возрастающей роли интеллектуальной собственности в экономике. Менделеев, прежде всего, выступал за создание системы правовой защиты научных открытий и технологических инноваций, что сегодня является ключевым элементом в развитии любой современной экономики [2].

Другой аспект актуальности идей Менделеева касается его подходов к образованию и науке как основе для правовой и экономической стабильности государства. Современные тенденции в области юриспруденции и правового образования подчеркивают важность непрерывного обучения, междисциплинарного подхода и интеграции научных достижений в учебные программы. Менделеев был сторонником реформы образовательной системы, нацеленной на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных применять научные знания в практике. Сегодня такой подход является неотъемлемой частью современной юридической образовательной программы, подтверждая значимость и прогрессивность его взглядов.

Таким образом, идеи Менделеева и в настоящее время вдохновляют на поиск новых решений в области права и государственного управления, подчеркивая необходимость продолжения интеграции научных достижений в правовую систему для обеспечения устойчивого развития общества и государства. Государственно-правовые идеи Д. И. Менделеева, объединенные с международным научным подходом, представляют собой ценный вклад в развитие юриспруденции и государственное управление, актуальность которого не утрачивается и в современных условиях. Его предложения и взгляды служат основой для дальнейших исследований и разработок в области права, экономики и управления, подчеркивая важность научного подхода в решении социальных и экономических задач на государственном и международном уровнях.

Пристатейный библиографический список

1. Гурвич Г. Ц. Экономические взгляды Д. И. Менделеева. - Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1951.
2. Менделеев Д. И. Заветные мысли. - М., 2022.
3. Менделеев Д. И. К познанию России. - М., 2022.
4. Менделеев Д. И. Заметки о народном просвещении России, 1901.
5. Менделеев Д. И. С думой о благе российском. - Новосибирск, 1991.

АЛИЕВА Зульфия Ибрагимовна

доцент кафедры конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ТЕМИРХАНОВА Малика Рашидхановна

магистрант 2-го курса, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается роль цифровых технологий как инструмента противодействия коррупции, а также возможности и перспективы их использования в данной сфере. Анализируются различные цифровые механизмы и инструменты, такие как электронные тендеры, блокчейн, системы автоматизации процессов, которые способны существенно снизить коррупционные риски и повысить прозрачность работы государственных органов. В статье используем следующие методы: системный анализ, юридический анализ, метод синтеза. Проведенный анализ выявил, что цифровизация является мощным средством для автоматизации административных процедур и предотвращения коррупционных правонарушений. Статья подчеркивает важность комплексного подхода к реализации антикоррупционных цифровых инициатив.

Ключевые слова: цифровые технологии, противодействие коррупции, законодательство, государственное управление, коррупционные риски, государственные органы.

ALIEVA Zulfya Ibragimovna

associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

TEMIRKHANOVA Malika Rashidkhanovna

magister student of the 2nd course, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR COMBATING CORRUPTION: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

The article examines the role of digital technologies as a tool for combating corruption, as well as the possibilities and prospects of their use in this area. Various digital mechanisms and tools are analyzed, such as electronic tenders, blockchain, process automation systems that can significantly reduce corruption risks and increase the transparency of the work of government agencies. In our work we use the following methods: system analysis, legal analysis, synthesis method. The main results of the work confirm that digitalization is a powerful tool for automating administrative procedures and preventing corruption offenses. The article highlights the importance of an integrated approach to the implementation of anti-corruption digital initiatives.

Keywords: digital technologies, anti-corruption, legislation, public administration, corruption risks, government agencies.

Коррупция остается одной из главных угроз для стабильного развития общества и экономики, представляя собой не только правовую, но и социальную проблему, затрудняющую эффективное функционирование государственных и частных институтов.

Коррупция является одной из наиболее сложных и острых социально-экономических проблем в современном Дагестане. Она оказывает негативное влияние на все сферы жизни республики, подрывая доверие населения к власти, снижая эффективность государственного управления и препятствуя устойчивому развитию региона. Особую обеспокоенность вызывают проблемы коррупции в органах местного самоуправления Дагестана, поскольку именно на этом уровне власти находятся наиболее тесные взаимосвязи между чиновниками и гражданами. К примеру, в 2023 году в Дагестане по коррупционным составам преступлений было осуждено 513 человек. В этом году в республике было зарегистрировано 784 коррупционных преступления, по 768 из них установлены лица, совершившие их. В суд направлено 531 уголовное дело, по которым к уголовной ответственности привлечены 513 человек.

Бытует мнение о том, что коррупцию искоренить вовсе невозможно, но с развитием общества создаются новые ин-

струменты борьбы с ней. Так, в современных условиях возник новый путь противодействия коррупции - внедрение компьютерных технологий. Необходимость защищенности данных, противодействие киберугрозам и обеспечение доступности электронных систем для всех слоев населения становятся важнейшими задачами в контексте борьбы с коррупцией. В данной статье рассматривается роль цифровых технологий в минимизации коррупционных рисков, с особым акцентом на влияние технологий на взаимодействие граждан с государственными структурами, различные инструменты и механизмы борьбы с коррупцией с использованием цифровизации, а также на возникающие возможности и перспективы, связанные с их внедрением в государственные процессы.

Прежде чем перейти к анализу основной темы исследования следует определиться, каким коррупционным рискам может противостоять цифровизация и что они из себя представляют. Коррупционные риски представляют собой условия, при которых создается благоприятная почва для коррупции. Область коррупционных рисков недостаточно исследована, а введенные в ней нормы не удовлетворяют потребности практики предупреждения коррупции и не соответствуют уровню правосознания в нашей стране [2, с. 686].

Одним из основных коррупционных рисков является личное взаимодействие граждан с чиновниками, что дает возможность с одной стороны последним провоцировать первых на дачу взятки путем затягивания процесса оказания государственных услуг, предъявления гражданам невыполнимых требований для получения необходимых лицензий, разрешений, создания искусственных затруднительных административных процедур и т.д., и с другой стороны, возможность гражданам «стимулировать» чиновников. Именно с этой проблемой призвана бороться цифровизация, которая не только исключает прямой контакт гражданина с госслужащим, но и обеспечивает:

- прозрачность деятельности государственных органов;
- прозрачность механизма закупок для государственных и муниципальных нужд (необходимо отметить, что данная сфера отличалась наибольшей коррумпированностью);
- упрощение механизма взаимодействия граждан и юридических лиц с органами государственной власти;
- разгрузку бюрократического аппарата;
- возможность быстрого реагирования на случаи коррупции путем обращений;
- повышение осведомленности граждан.

Внедрение цифровизации – это мощный фактор противодействия коррупции. Об этом свидетельствует наличие в Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденном Указом Президента РФ, 16-ой главы, полностью посвященной этой теме [5].

В Российской Федерации цифровизация затронула разные сферы государственного управления. Например, Россия одна из первых ввела систему открытых электронных аукционов в комплекс процедур государственного заказа. В данной области высок риск неэффективного распределения и использования значительного объема финансовых ресурсов. Но если использование цифровых технологий полностью не решает проблему регулирования государственных закупок, то, как и было сказано выше, повышает прозрачность в данной области, что положительно влияет на контроль расходования бюджетных средств, на результаты проведения таких процедур и прозрачный выбор поставщика, исполнителя [6, с. 303].

Важным шагом в предупреждении коррупции и в борьбе с ее проявлениями является использование цифровых технологий, которые помогают минимизировать субъективные вмешательства человека в процесс принятия решений. В этом контексте можно выделить ряд инструментов и механизмов, способствующих снижению коррупционных рисков.

Электронные заявки и обращения – эффективный инструмент, позволяющий минимизировать такой коррупционный риск как личный контакт гражданина с госслужащим, обеспечивающий отслеживаемость каждого этапа рассмотрения заявки или обращения, исключающий дискреционные полномочия чиновников. Автоматизация подачи заявлений и документов упрощает и ускоряет доступ к государственным услугам. Так, в электронном виде можно подать заявление на получение какой-либо лицензии или разрешения, подать иск, иной документ и т.д. Также данный механизм предусматривает возможность быстрого реагирования и сообщения об известных случаях коррупции.

Публичные реестры и базы данных являются одним из важнейших инструментов по снижению коррупционных рисков и в первую очередь обеспечивают прозрачность и доступность информации. Например, реестры государственных, муниципальных контрактов, где содержатся сведения

о подписанных, исполненных и расторгнутых контрактах, реестры земельных участков, реестры лицензий и др. включающие данные, доступные для публичного просмотра. Все это снижает возможность коррупционных проявлений, так как позволяет любому гражданину или организации проверить информацию о сделках, владельцах, лицензиях и других фактах.

Блокчейн – это распределенная база данных, которая хранит информацию о транзакциях в защищенных, прозрачных и неизменных «блоках». Каждая новая запись в блокчейне становится частью цепочки, которая не может быть изменена или удалена без согласования всех участников сети. Эта технология, изначально разработанная для криптовалют, имеет огромный потенциал для применения в борьбе с коррупцией, особенно в сфере государственного управления, бизнеса и финансов. Одна из главных особенностей блокчейна – это неизменность данных. Когда информация внесена в блокчейн, она становится доступной для всех участников сети, и её невозможно изменить или удалить без обнаружения изменений. Это делает блокчейн идеальным инструментом для предотвращения манипуляций с данными, которые могут быть использованы для коррупционных целей. Одним из наиболее распространенных применений блокчейна является мониторинг финансовых потоков. Блокчейн позволяет обеспечить полную прозрачность всех транзакций, так как каждая операция фиксируется в публичной базе данных и доступна для просмотра всеми участниками. В случае с государственными средствами это означает, что любое нецелевое использование бюджета, вывод средств или незаконные переводы можно легко отследить и предотвратить. В России данная технология используется в Информационном сервисе ФНС для мониторинга реализации программ льготного кредитования. Однако и здесь есть свои риски: анонимность данной технологии может негативно сказаться на результатах антикоррупционной деятельности, послужив инструментом сокрытия незаконных транзакций [6, с. 317].

Электронное голосование (или онлайн-голосование) представляет собой технологическое решение, которое позволяет избирателям принимать участие в выборах, референдумах и других голосованиях через интернет с использованием электронных устройств [4, с. 5].

К примеру, дистанционное электронное голосование было использовано на выборах Президента Российской Федерации 2024 года. На федеральной платформе ДЭГ участвовали 28 регионов, а на региональной только Москва.

Интеграция государственных систем как процесс объединения различных информационных, управленческих и учетных систем, используемых государственными органами, в единое целое может существенно повысить эффективность государственного управления, улучшить взаимодействие между различными ведомствами и учреждениями, а также значительно снизить коррупционные риски. Так, в соответствии с ФЗ-210 «О предоставлении государственных и муниципальных услуг» в 2011 г. была создана Единая система межведомственного электронного взаимодействия, представляющая собой федеральную государственную информационную систему, включающую информационные базы данных, в том числе содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах, обеспечивающих возможность доступа через систему взаимодействия к их информационным системам, о программных и технических средствах, обеспечивающих

единый документированный способ взаимодействия информационных систем органов и организаций [8, с. 35].

Автоматизированные информационные системы – это системы, использующие программное обеспечение и базы данных для автоматизации процессов управления, учета и контроля в различных сферах деятельности. Например, ГАС «Правосудие» включает свободную информацию о судебном делопроизводстве, а в области арбитражного судопроизводства – «Мой арбитр», в области статистики – Государственная автоматизированная система правовой статистики. В сфере надзора был создан Единый портал прокуратуры Российской Федерации, где содержатся различные нормативно-правовые акты, в том числе в области антикоррупционного законодательства, методические материалы, реестр недействительных удостоверений и т.д. [7, с.191]. Также существуют специализированные информационные системы такие как «Посейдон», систематизирующие и анализирующие сведения о соблюдении запретов и ограничений для государственных служащих, и введение которого, по мнению Карапуналы А. М и Маякунова А. Э. является началом нового этапа противодействия коррупции в государственных органах [1, с. 33]. Не менее значимой информационной системой является «Единый портал государственных и муниципальных услуг». Портал в полной мере устраняет такой коррупционный риск как личный контакт гражданина или организации с государственным служащим, однако и в данной области можно выделить ряд проблем. По данным официальной статистики на 2015 год пользователи портала составляли 39,6% населения, а в 2018 году число россиян, пользующихся порталом, выросло до 74,8%. На 2023 год число пользователей достигло 110 млн. человек. Курганова М. В. в ходе своего исследования выявила и сделала вывод о том, что результативность получения государственных услуг в электронном виде сильно страдает по причине низкого уровня цифровой грамотности и информированности населения [3, с. 107].

Так, рассмотрев некоторые цифровые инструменты и механизмы противодействия коррупции, можно сказать, что цифровизация – это мощное средство для снижения коррупционных рисков и повышения прозрачности работы государственных органов. Использование технологий позволяет автоматизировать и упростить множество административных процедур, предупредить коррупционные правонарушения и снизить вероятность вмешательства человеческого фактора. Однако, прежде чем вводить новые инструменты, такие как использование искусственного интеллекта, необходимо усовершенствовать существующие механизмы, чтобы в полной мере реализовать их потенциал. Также целесообразно подробнее регламентировать правовое регулирование в области антикоррупционной цифровизации, повысить цифровую грамотность населения, укрепить защиту данных, находящихся под особой угрозой в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Карапуналы А. М., Маякунов А. Э. Цифровые технологии как инструмент противодействия коррупции // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2023. - № 1. - С.31-34.
2. Карачина Н. О. Коррупционные риски // Юридическая техника. - 2019. - № 13. - С. 685-687.
3. Курганова М. В. Популяризация электронных государственных услуг в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - № 7 (109). - Ч. 3. - С. 106-109.
4. Мамитова М. В., Ахматова Д. Р. Использование инструментов цифровой экономики в контексте минимизации коррупционных рисков и формирования антикоррупционного сознания // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. - 2018. - № 5 (101). - С. 3-10.
5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Расулаев А., Исмоилов Б. Организационно-правовые аспекты применения цифровых технологий в противодействии коррупции: зарубежный опыт правоприменительной практики // Общество и инновации. - 2020. - № 2. - С. 300-320.
7. Соколов М. С. Профилактика и предупреждение коррупции посредством цифровых и информационных технологий // Правопорядок: история, теория, практика. - 2023. - № 4 (39). - С. 184-192.
8. Чуйко А. В., Васильченко Д. С., Руденко К. С., Белова А. В., Полушковский Б. В. Правовые и технические проблемы межведомственного взаимодействия органов публичной власти при регистрации недвижимости // Московский экономический журнал. - 2023. - № 1. - С. 32-44.

ГРИШКО Людмила Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент

ПРЫСЬ Ирина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, Академия ФСИН России

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА МОЛОДЕЖИ ОТ ВЛИЯНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены вопросы криминальной субкультуры, влияющие на молодежь, механизм реализации конституционно-правовых норм, способы и средства предотвращения негативного влияния на молодежь, вопросы, связанные с необходимостью нравственно-патриотического воспитания несовершеннолетних. Обозначены проблемы распространения криминальной субкультуры в условиях лишения свободы, противодействия формированию криминальной субкультуры у молодежи уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами.

Ключевые слова: конституционная защита, субкультура, молодежь, постпенитенциарная, пробация, права, свободы, антиобщественная деятельность, неправомерное поведение, духовно-нравственные ценности, ресоциализация.

GRISHKO Lyudmila Evgenjevna

Ph.D. in Law, Associate Professor

PRYS Irina Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law, international and European law sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF YOUTH FROM THE INFLUENCE OF CRIMINAL SUBCULTURE: CRIMINAL LAW AND PENAL ENFORCEMENT ASPECTS

The article discusses the issues of criminal subculture affecting youth, the mechanism of implementation of constitutional and legal norms, ways and means of preventing negative influence on youth, issues related to the need for moral and patriotic education of minors. The problems of the spread of criminal subculture in conditions of imprisonment, countering the formation of criminal subculture among young people by criminal law and penal enforcement means are outlined.

Keywords: constitutional protection, subculture, youth, post-penitentiary, probation, rights, freedoms, antisocial activity, misconduct, spiritual and moral values, resocialization.

Конституция Российской Федерации является основным регулятором общественных отношений, который создает условия для полноценного, свободного, высоконравственного образа жизни граждан, в том числе молодёжного возраста. Однако деструктивные силы извне и некоторые негативные традиции прошлого продолжают оказывать отрицательное влияние на наше общество. Особенно уязвимой частью нашего общества традиционно является молодёжь. Подрастающее поколение ещё далеко с неустойчивой психикой, недостаточно полноценным воспитанием, в том числе и в семье, является объектом негативного воздействия в процессе его формирования как личности. Особенно наглядно это проявляется в так называемых неблагополучных семьях, немотивированных учебно-воспитательных коллективах, где отсутствуют или не проводится нравственно-патриотическая работа с молодёжью. Поэтому сегодня необходимо мобилизовать все силы и средства для исключения негативных явлений в обществе. Это возможно только лишь в том случае, если семья, общество и государство в целом будет развиваться, основываясь на важных положениях Конституции РФ, указах Президента, на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, на подвигах, героизме воинов, любви к Родине, формировании у молодежи патриотических начал, защитников своего отечества.

Заражение молодёжи криминальной субкультурой сегодня представляет собой одно из самых опасных форм иде-

ологического воздействия на становление подростков как личности. Псевдопривлекательность субкультуры, ложный к ней интерес как явления возникает у самой уязвимой части населения, его молодого поколения, которое как губка впитывает яркие краски негативного и весьма опасного содержания. Это потому что отсутствует должное воспитание, а на его месте образуется стремление молодежи к самостоятельности, завоеванию авторитета среди сверстников, где зачастую используются деструктивные элементы для вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Примером этого является массовое участие молодежи в «движении» А.У.Е. («арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство»). Данным движением в 2016–2018 годах был охвачен целый ряд регионов (Кировская, Иркутская области, Забайкальский край, отдельные регионы Центрального федерального округа). Известна цель данной организации – пропаганда и насаждение несовершеннолетним воровских, тюремных ценностей, вовлечение в деятельность, связанную, в том числе, с вымогательством денег для формирования так называемого «общака» – денег для поддержания осужденных и членов их семей. Как преступность несовершеннолетних, так и личность самого несовершеннолетнего обусловлена взаимным влиянием отрицательных факторов внешней среды. Стоит заметить, что чаще совершают преступления «трудные», педагогически запущенные подростки. Под трудновоспитуемостью, прежде всего, по-

нимают негативизм восприятия подростком мер педагогического воздействия и сопротивление ему, которое может быть обусловлено самыми разнообразными причинами, далеко выходящими за рамки педагогической и социальной запущенности. Наиболее «яркими» представителями данного контингента являются несовершеннолетние преступники, осужденные к лишению свободы.

Повышенная степень общественной опасности, формирование криминальной субкультуры у молодежи вызывает острую реакцию со стороны семьи, общественности, руководства страны в отношении лиц, оказывающих отрицательное влияние на молодежь, вовлекающих ее в антиобщественную деятельность. В 2019 году в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 210¹, предусматривающая ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Данная статья вызвала неоднозначную реакцию со стороны представителей науки. Речь идет, главным образом, о неопределенности субъекта преступления и объективной стороны преступления. Противники данной статьи считают, что в ней нет объективной стороны, поскольку нет ни действия, ни бездействия. Возникает вопрос о состоянии нахождения лица в статусе так называемого «вора в законе». Более того, зная о наличии уголовной ответственности за занятие такого положения, многие из них не отказываются от «великого» преступного статуса. Значит, такие лица заинтересованы в занятии указанного положения. При этом продолжают осуществлять криминализацию определенной части населения, особенно молодежь, в формировании у них криминальной субкультуры путем вовлечения ее в различные антиобщественные движения. «Воры в законе» активно организуют и поддерживают неформальные структуры криминальной оппозиции ...», – отмечает С. А. Кутякин [1]. О необходимости указанной нормы свидетельствуют показатели воровского движения: численность так называемых «воров в законе» в нашей стране составляет 227 человек, из них 59 человек находятся в местах лишения свободы – данные на момент установления уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (введение ст. 210¹ УК РФ). Особой темой является распространение криминальной субкультуры в условиях лишения свободы. Одной из мер, направленных на профилактику распространения криминальной субкультуры среди молодежи при отбывании данного наказания, является действующая норма ч. 9 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Согласно указанной норме осужденные, находящиеся в воспитательных колониях, могут оставаться в них до достижения ими возраста 19 лет. Кроме того, в данных учреждениях могут образовываться изолированные участки для содержания осужденных, достигших 18 лет. Реализация соответствующих норм является серьезным барьером, препятствующим влиянию взрослых осужденных на молодежь. В плане дальнейшего ограничения такого влияния представляется необходимым создание в исправительных колониях объединенного типа, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, изолированных участков для осужденных до 25 лет. Приведенные нормы уголовно-

го и уголовно-исполнительного законодательства, практика их применения свидетельствует, что противодействие формированию криминальной субкультуры у молодежи уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами занимают значимое место в системе мер по осуществлению государственной политики в области работы с молодежью, определяемой Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Однако, реализация конституционно-правовых, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, их эффективность во многом зависит от того, как они исполняются, каким механизмом реализации обеспечены. Элементами такого механизма являются: уточнение субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ; обеспечение максимальной изоляции осужденных за совершение преступлений экстремистского характера, определение для них особых форм пенитенциарной и постпенитенциарной probation, предусмотренных Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»; разработка специальной программы ресоциализации для лиц, освобожденных из воспитательных колоний; создание в исправительных колониях объединенного типа изолированных участков для осужденных молодежного возраста.

Пристатейный библиографический список

1. Кутякин С. А. «Воры в законе» и их сателлиты глазами сотрудников уголовно-исполнительной системы России (опыт социологического исследования) // Человек: преступление и наказание. – 2022. – № 3.

РУЗАВИНА Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

БОНДАРЕНКО Вероника Вячеславовна

студент, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

КОРРУПЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрена взаимосвязь коррупции и социально-экономического положения государства. Установили, что коррупция является комплексной общественной проблемой, борьба с которой требует консолидации как правовых, так и социально-экономических мер со стороны государства и иных субъектов общественной жизни. Сделан вывод о необходимости борьбы как с проявлениями коррупции, путем создания соответствующей инфраструктуры борьбы с коррупцией и усилением институций, так и с причинами коррупционных явлений.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, детерминанты коррупции, коррупционные проявления, взяточничество, антикоррупционная политика.

RUZAVINA Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

BONDARENKO Veronika Vyacheslavovna

student, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

CORRUPTION AND THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE STATE: ANALYSIS AND PROSPECTS

The article examines the relationship between corruption and the socio-economic situation of the state. As a result, it is concluded that corruption is a complex social problem, the fight against which requires the consolidation of both legal and socio-economic measures on the part of state and public organizations. A conclusion is made about the need to combat both the manifestations of corruption and the causes of corruption.

Keywords: corruption, fight against corruption, determinants of corruption, corruption manifestations, bribery, anti-corruption policy.

Рузавина Е. Ю.

Бондаренко В. В.

Коррупция является общественным явлением, присутствующим в той или иной мере, любой общественно-политической системе. Следует отметить, что коррупция существует во многих формах и, помимо прямого взяточничества, включает в себя такие формы как nepotизм, казнокрадство, протекционизм, лоббизм, фаворитизм и т.д. [5, с. 103]. При этом, несмотря на то, что, как отметили ранее, определенный уровень коррупции характерен для всех государств, уровень коррупции отличается в различных политико-правовых системах и, в целом, оценивается в России как достаточно высокий [8, с. 71].

Следует отметить, что коррупция является одной из наиболее острых проблем любого общества, так как высокий уровень коррупции коррелирует с низким экономическим развитием и прочими негативными тенденциями в жизни общества.

Как отмечает С. А. Комов, только коррупция в сфере государственных закупок приводит к ежегодному снижению темпов роста ВВП на 3 % [10]. Такой негативный эффект коррупции на экономику вызван следующими основными факторами:

– тенезация экономики. Высокий уровень коррупции приводит к тому, что подверженная коррупции часть эконо-

мики уходит в тень и, тем самым, не генерирует налогооблагаемый доход, что подрывает развитие государства;

– снижение конкуренции. Высокий уровень коррупции приводит к тому, что в ряде случаев (например, при осуществлении государственной закупки), победителем становится менее эффективный с точки зрения экономики субъект хозяйствования, а тот субъект хозяйствования, который предлагает коррупционные условия для победы в тендере, что также замедляет экономический рост;

– скрытый коррупционный налог. Высокий уровень коррупции приводит к тому, что в ряде сфер предпринимательской деятельности, бизнесмены вынуждены платить дополнительный коррупционный налог (незаконные выплаты коррупционерам), что уменьшает прибыль бизнеса и замедляет развитие;

– снижение иностранных инвестиций. Высокий уровень коррупции приводит к тому, что многие иностранные инвесторы отказываются от вложений средств в экономику. Ключевой проблемой здесь выступает как более высокий уровень затрат за счет расходов на корруммирование должностных лиц, так и неуверенность в защите капитала. Высокий уровень коррупции связан с подрывом системы верховенства права, что приводит к девальвации механизмов защиты собственности.

Очевидно, что вышеуказанные проблемы в экономике не могут не влиять на общество в целом, увеличивая фрустрацию в обществе и снижая энтузиазм различных социальных групп в вопросах социально-экономического развития и достижении целей экономического роста.

Помимо чисто экономических показателей, рост коррупции прямо влияет на увеличение социальной несправедливости и общественного недовольства. Так, как отмечает М. М. Османов, высокий уровень политической коррупции приводит к усилению давления на институты гражданского общества, что приводит к нарастанию народного недовольства [10]. Несмотря на то, что каждое общество имеет свою степень толерантности к коррупции и невозможно определить с высокой достоверностью, как именно конкретное коррупционное проявление повлияет на общественные институты, связь между замедлением социального развития и высоким уровнем коррупции представляется очевидной.

Именно комплексность, с одной стороны, различных форм коррупционных деяний, а с другой стороны – широкое распространение коррупции в обществе, обуславливает необходимость применения разнообразных и системных мер, направленных на борьбу, как с причинами коррупции, так и с конкретными коррупционными проявлениями. Следует отметить, что на коррупцию влияют множество различных факторов, от историко-цивилизационных до социально-экономических и психологических и, далеко не все из вышеуказанных факторов подлежат коррекции в рамках системы действующего правового регулирования. Вместе с тем, именно правовая антикоррупционная политика государства является центральным элементом борьбы с коррупцией, так как такая политика способна задать вектор борьбы с коррупционными проявлениями.

Одним из важнейших элементов борьбы с коррупцией является совершенствование нормативно-правового регулирования, устанавливающего меры по борьбе с коррупцией. Как отмечает А. А. Афонин, в нашей стране был введен ряд антикоррупционных мер на законодательном и исполнительном уровнях, но все это не дает быстрых результатов [1, с. 71]. По нашему мнению, все правовые меры по борьбе с коррупцией можно разделить на три большие группы:

- меры, устанавливающие юридическую ответственность за совершение коррупционных преступлений. В данном контексте следует отметить, что наиболее квалифицированные формы взяточничества (например, получение взятки в особо крупном размере) влекут за собой наказание вплоть до 15 лет лишения свободы, что сопоставимо с наказанием за убийство. Вместе с тем, не столько суровость, сколько неотвратимость наказания представляет собой важнейший механизм уменьшения коррупционных проявлений. Необходимо понимать, что коррупционные преступления, сами по себе, относятся к преступлениям с невысоким уровнем выявления;

- институциональные меры по борьбе с коррупцией. Как справедливо отмечает С. В. Климовицкий, с институциональной точки зрения, существует три основных фактора коррупции: 1) избыточные полномочия должностных лиц и государственных служащих; 2) их безответственность; 3) неправильная мотивация [9]. Таким образом, деятельность органов государственной власти должна быть направлена на разрешение вышеуказанных факторов коррупции, что позволит существенно снизить частоту коррупционных проявлений.

- информационно-мониторинговые меры. Борьба с коррупцией невозможна без транспарентности, которая включает в себя создание систем мониторинга ключевых проявлений коррупции, включая в себя анализ осуществления государственных закупок, анализ образа жизни должностных лиц на предмет соответствия их доходов расходам, анализ возможных конфликтов интересов в деятельности отдельных государственных служащих.

Как отмечает Р. В. Еремин, для осуществления эффективной борьбы с коррупцией необходимо законодательное определение системы специализированных субъектов борьбы с коррупцией и введение антикоррупционных стандартов [6, с. 5]. Таким образом, именно на совершенствование институциональной базы борьбы с коррупцией должна быть, прежде всего, направлена антикоррупционная политика государства.

Как отмечает Ю. А. Ветрик, в России так и не создан федеральный орган (или органов, или лиц), специализирующегося на борьбе с коррупцией при помощи правоохранительных мер, хотя необходимость наличия в государстве такого органа указывается в ст. 36 Конвенции ООН против коррупции [3, с. 91]. Таким образом, в вышеуказанном случае имеет место быть совпадение объекта и субъекта борьбы с коррупцией в одном лице, учитывая, что неспециализированные государственные органы (прокуратура, Следственный Комитет РФ и т.д.) сами могут быть объектами коррупционных воздействий и при этом сами же должны осуществлять борьбу с коррупцией.

Исходя из вышеизложенного, в контексте институциональных мер с коррупцией считаем целесообразным создать следующую систему антикоррупционных органов:

- специализированное агентство по борьбе с коррупцией. Такое агентство (служба) должно обладать правами правоохранительного органа и иметь компетенцию по проведению расследований, связанных с фактами осуществления коррупционных действий высшими федеральными должностными лицами, высшими должностными лицами субъектов федерации и органов местного самоуправления. Также задачей данного агентства должен стать мониторинг образа жизни высших должностных лиц, с целью выявления возможных коррупционных преступлений, а также иных коррупционных правонарушений;

- специализированный отдел прокуратуры, осуществляющий антикоррупционные расследования. Такой отдел должен быть подчинен непосредственно Генеральному прокурору РФ и иметь полную организационную независимость, на всех уровнях, от местных и региональных прокуратур;

- специализированный антикоррупционный суд (либо антикоррупционные суды), рассматривающие антикоррупционные преступления в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций [7, с. 354]. При этом за Верховным судом РФ, в целях сохранения единства правовой системы, должна остаться функция надзора за соблюдением законности.

Вместе с тем, вышеуказанные правовые меры направлены, прежде всего, на борьбу с проявлениями коррупции, в то время как разрешение вопроса относительно причин (детерминант) коррупции лежит за пределами, собственно, правового регулирования и требует измене-

ния социально-экономической политики государства в целом ряде сфер общественной жизни.

Несмотря на то, что коррупции подвержены все сферы общественной жизни, наибольшее значение приобретает коррупция в государственном секторе. Экономические реформы, направленные на уменьшение роли государства в экономике, а также уменьшение дискреционных полномочий должностных лиц станет важным фактором снижения коррупции и ее негативного влияния на социально-экономические процессы в государстве.

Следует отметить, что важным фактором противодействия коррупции является цифровизация экономики и государственного управления [4, с. 85]. Цифровизация системы государственного управления обеспечивает, с одной стороны, транспарентность принятия решений и облегчает контроль за сроками и качеством принятия решений со стороны тех или иных представителей государственных органов. Кроме того, цифровизация экономики позволяет внедрять элементы искусственного интеллекта в деятельность государственных органов, что позволит принимать решения более объективно и уменьшить возможные злоупотребления в сфере государственного управления.

Также следует отметить, что существует прямая корреляция между силой гражданского общества и коррупционными проявлениями, что свидетельствует о важной роли гражданского общества в вопросах противодействия коррупции [2, с. 167]. Вместе с тем, государство должно, стимулировать развитие гражданского общества с помощью различных льгот для его деятельности, и не может подменять собой данный институт, так как это приведет к неэффективности и возрастанию тех же коррупционных рисков, только уже в этом сегменте. Таким образом, в вопросах взаимодействия гражданского общества и государства, государство должно следовать режиму наибольшего благоприятствования деятельности институтов гражданского общества, не пытаясь вмешиваться непосредственно в их ежедневную деятельность.

Таким образом, рассматривая перспективы антикоррупционной политики в России, можно выделить три ключевых фактора, на достижение которых должны влиять все вышеуказанные меры антикоррупционной политики:

1. Достижение экономической стабильности: устранение коррупции способствует привлечению прямых иностранных инвестиций, улучшению делового климата и экономическому росту.

2. Рост социального доверия: повышение прозрачности и подотчетности государственных учреждений укрепляет доверие граждан к государству.

3. Культурные изменения: в долгосрочной перспективе успешная борьба с коррупцией может привести к изменениям во властных структурах и общекультурных представлениях, создавая более справедливое и устойчивое общество.

Таким образом, комплексное решение проблемы высокого уровня коррупции и минимизация коррупционных проявлений может привести к значительным позитивным изменениям в социально-экономической и политической ситуации в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Афонин А. А., Какадий И. И. Антикоррупционная политика в России: современное состояние и вектор развития // Бюллетень науки и практики. – 2022. – № 7. – С. 470-478.
2. Баринов С. А., Ивлиев А. В. Гражданское общество и коррупция: роль и проблемы // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 167-170.
3. Ветрик А. Ю. Есть ли перспективы у антикоррупционной политики с ее современным субъектным составом? // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 88-94.
4. Горбатов Г. А. Цифровизация в государственной деятельности и ее роль в противодействии коррупции // Экономика и социум. – 2019. – № 9 (64). – С. 85-89.
5. Грибакина Э. Н. Многообразие форм коррупции // Kant. – 2022. – № 2 (43). – С. 102-110.
6. Еремин Р. В. О мерах по борьбе с коррупцией // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2023. – № 2 (95). – С. 1-7.
7. Журкина О. В. Специализированные антикоррупционные суды: сравнительно-правовой анализ // БГЖ. – 2020. – № 4 (33). – С. 353-355.
8. Касьянова А. Н. Уровень восприятия коррупции в России за 2020 год // Вестник науки. – 2021. – № 5 (38). – С. 71-76.
9. Климовицкий С. В., Каропова С. Г. Институциональные меры по борьбе с коррупцией // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9. – С. 1-13.
10. Комов С. А. К вопросу о влиянии коррупции на экономику // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 2. – С. 191-194.
11. Османов М. М., Шогенов З. А. Влияние коррупции на государственный аппарат и гражданское общество в современной России // Образование и право. 2022. – № 1. – С. 24-26.

САМУСЕВИЧ Алексей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет

БРУЕВА Анастасия Евгеньевна

студент 2-го курса по направлению «Юриспруденция», Иркутский национальный исследовательский технический университет

ЛИХАНОВ Михаил Сергеевич

студент 2-го курса по направлению «Юриспруденция», Иркутский национальный исследовательский технический университет

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ МАЙНИНГА В РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы регулирования незаконного «серого» майнинга и характеристика его с позиции нарушения конституционных прав граждан Российской Федерации. Особое внимание уделяется правовому регулированию майнинга в России и оборота цифровых валют. Обозначены существующие проблемы, связанные с правами граждан на электроэнергию как ресурс, исходя из некоторых положений Конституции Российской Федерации и деятельности майнеров, как основного фактора нарушения этих прав.

Ключевые слова: электроэнергия, энергетическое пространство, «серый» майнинг, цифровая валюта, криптовалюта.

SAMUSEVICH Alexey Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Irkutsk National Research Technical University

BRUEVA Anastasiya Evgenjevna

student of the 2nd course in the field of «Jurisprudence», Irkutsk National Research Technical University

LIKHANOV Mikhail Sergeevich

student of the 2nd course in the field of «Jurisprudence», Irkutsk National Research Technical University

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF LAW ENFORCEMENT IN THE MINING SPHERE IN RUSSIA

The article examines the problems of regulating illegal “gray” mining and characterizes it from the perspective of violating the constitutional rights of citizens of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal regulation of mining in Russia and the turnover of digital currencies. The existing problems related to citizens’ rights to electricity as a resource are outlined, based on some provisions of the Constitution of the Russian Federation and the activities of miners as the main factor in the violation of these rights.

Keywords: electricity, energy space, “gray” mining, digital currency, cryptocurrency.

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день, как законный, так и «серый» майнинг продолжает вызывать социальную напряженность среди населения и дефицит электроэнергии во многих регионах России. Более остро вопрос дефицита электроэнергии и недовольства населения стоит и в Иркутской области, где на уровне региональной власти ведутся дискуссии о запрете майнинговой деятельности на территории региона. В связи с этим, можно прогнозировать дальнейшее увеличение «серых» майнеров, так как регион привлекателен для такой деятельности в силу дешевой электроэнергии. Несмотря на возрастающую популярность представленной темы, нельзя сказать, что она исследована в полном объеме в отечественной юриспруденции. Так, многие авторы обходят стороной вопросы привлечения к различным видам юридической ответственности за осуществление незаконного «серого» майнинга, хотя запрет на его осуществление со стороны государства получил правовое закрепление. В различных регионах по-разному квалифицируют деяния при выявлении рассматриваемой деятельности, если она осуществляется без регистрации. Также не совсем понятно, а какие права граждан нарушаются при осуществлении незаконного майнинговой деятельности. В этой связи согласимся со специалистами в части того, что бесперебойное функционирование серверов и оборудования для майнинга сопряжено с колоссальными энергозатратами, что объясняет стремление майнеров манипулировать показаниями счётчиков в сторону их уменьшения. Ведь если оплачивать электроэнергию в полном объёме, майнинг перестанет быть рентабельным [2, с. 12].

Таким образом, сформулируем цель настоящего исследования, которая состоит в том, чтобы на основе конституционно-правового анализа определить основания правоприменения в отношении незаконного майнинга в механизме защиты прав граждан на получение электроэнергии.

Итак, стоит сказать, что прорывным аспектом в российской правовой системе в сфере регулирования майнинга, стало принятие поправок в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которыми были добавлены нормы,

регулирующие и определяющие майнинг¹. Стоит особо подчеркнуть, что майнинг существовал и активно развивался задолго до принятия данного закона и оставался вне правового поля, что позволяло субъектам этой деятельности практически незаконно отбирать большие объёмы электроэнергии. Вместе с тем, законодатель определил понятие «майнинга», а также урегулировал некоторые аспекты такой деятельности. Например, майнинговой деятельностью теперь могут заниматься только физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей и юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации).

Таким образом, законодатель ограничил круг лиц, которые могут осуществлять майнинговую деятельность, что должно было снизить и нагрузку на электрические сети в тех регионах, где возник дефицит электричества. Однако, как показывает правоприменительная практика, этого не произошло. Привлекательность добычи криптовалюты продолжает порождать «серый» майнинг. Например, в Иркутской области специалистами «Иркутскэнергосбыта» за 2024 год выявили более 1,1 тыс. «серых» майнеров, а всего на интерактивной карте 7628 отметок. Как поясняют специалисты, реальное число «серых» майнеров существенно больше [3]. Вместе с тем, в продолжение регулирования правоприменительной деятельности в сфере осуществления майнинговой деятельности, помимо указанного закона, были изданы несколько Постановлений Правительства РФ, которые затрагивают различные аспекты майнинговой деятельности, в том числе установление лимитов на потребление электроэнергии²,

1 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

2 Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участия в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами – гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и

а также утверждены требования к деятельности оператора майнинговой инфраструктуры³. Кроме того, Правительством Российской Федерации были определены и отдельные субъекты РФ, где данная деятельность запрещена. Такие запреты были определены в Постановлении Правительства РФ от 01.11.2024 № 1468⁴, а позже и в Постановлении Правительства РФ от 23.12.2024 № 1869⁵. Причем данными актами установлены конкретные муниципальные образования, на которых возник дефицит электроэнергии и субъекты РФ вынуждены были прибегнуть к радикальным способам регулирования майнинговой деятельности. Проще говоря, на указанных территориях нельзя добывать криптовалюту.

В связи со сказанным, вполне резонно возникает вопрос, а какие конституционно-правовые нормы лежат в основе запрета майнинговой деятельности и какие права граждан-потребителей в этой сфере нарушаются? Отвечая на поставленный вопрос, первоначально обратим внимание на то, что свобода энергетического пространства Российской Федерации и право граждан на данный вид энергии являются таким же столпом конституционализма и широты прав граждан, как и право на природные ресурсы, как одной из основ жизни народов, на территории проживания которых, находятся данные ресурсы⁶. Несмотря на то, что Конституция РФ не дает определенного понимания касательно принадлежности электроэнергии к природным ресурсам, вопрос об отнесении прав граждан на электроэнергию поднимается все чаще. Таким образом, выявленная проблема заключается в том, что Конституция РФ не содержит в себе положений, в которых как-либо упоминались бы понятия «электроэнергетика» и «электроэнергия» среди важных прав граждан. Поэтому необходимо определиться является ли электроэнергия тем природным ресурсом, который принадлежит народу России или все же это коммерческий продукт, который может использоваться населением только при возможности его оплаты. Если говорить о том, что это коммерческий продукт, то в таком случае ни о каких обязанностях перед населением у специализированных энергетических компаний быть не может, только коммерческие отношения, например, по принципу «Take-or-Pay» (бери или плати). И в этом случае, майнеры как потребители, обладают всеми правами, несмотря на возникающий при этом дефицит электроэнергии. Это показывает и практика, когда энергосетевые компании при выделении мощностей отдают приоритет именно майнингу, так как в данном случае и тариф выше и потребление энергии больше, что выгодно поставщику данных ресурсов.

Вместе с тем, в Федеральном законе «Об электроэнергетике» сказано, что электроэнергетика является основой функционирования экономики и жизнеобеспечения⁷. Это указывает на то, что в какой-то степени, среди прав населения можно выделить и отдельное право на электроэнергетику. Логично, что в таком понимании электроэнергия является производным продуктом природных ресурсов. Согласимся с авторами, ко-

торые приходят к выводу, что объектами природоресурсного права являются природные ресурсы, включающие в себя компоненты природной среды, которые используются или могут использоваться в качестве источников энергии продуктов производства и предметов потребления [1, с. 5]. Действительно, правоотношения, которые складываются в сфере использования природных ресурсов, существенно отличаются от тех, которые традиционной складываются в гражданско-правовых отношениях. Это же относится и к электроэнергетике, выделяя ее в ресурс, который жизненно необходим для населения.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о «сером» майнинге, стоит сказать, что данная деятельность посягает на общественные отношения, установленные и регламентированные ст.ст. 9, 36 Конституции РФ, то есть посягает на право народа свободно пользоваться природными ресурсами. Как и было сказано ранее, население определенных территорий испытывают лишения и неудобства, которые выражаются в следующем: во-первых, повышение тарифов на электроэнергию (как результат попыток борьбы государства с «серым» майнингом); во-вторых, чрезмерному износу сетей электропитания (из-за перегрузок, связанных с активной добычей криптовалюты); в-третьих, усложнение процедуры подключения к сетям электропитания физических и юридических лиц (как предположительный итог государственной политики в отношении поиска потенциальных майнеров).

Приведенные аргументы подтверждают тезис о том, что рассматриваемая деятельность кардинальным образом влияет на благополучие и благосостояние граждан. Как было сказано ранее, на данный момент принято несколько правовых актов, которые регулируют деятельность майнеров, как «серых», так и «белых». Основная проблема указанных нормативных актов заключается в их «сырости» и откровенной неспособности предотвращать новые правонарушения и преступления в отношении электроэнергетики России. Можно предвидеть большое количество внесенных изменений в эти акты по мере накопления практики выявления «серых» майнеров.

Кроме того, можно отметить тот факт, что оборот цифровой валюты на территории РФ ранее вообще не подразумевался. Конституция РФ имеет однозначное видение относительно оборота цифровой валюты: «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются». Отсюда следует, что конституционные нормы никак не затрагивают вопрос майнинга. Как и непонятно, каким образом должно осуществляться правовое регулирование добытой криптовалюты в финансовом пространстве РФ.

Стоит также особо подчеркнуть, что на сегодняшний день специальная административная и уголовная ответственность за нарушение правил о майнинге не установлена. В практике применяются общие меры ответственности (ст. 7.19 КоАП РФ), а также за несанкционированное подключение к энергосетям, создающее возможность неучтенного потребления электроэнергии (ст. 165 УК РФ). В некоторых регионах России правоприменители привлекают за незаконный майнинг по ст. 159 УК РФ.

Все эти вопросы предстоит решить уже в ближайшем будущем, так как рассматриваемая деятельность уже набирает обороты и будет продолжать развиваться, несмотря на некоторые проблемы в регулировании и запреты на ее осуществление. Основное решение существующих проблем может быть в доработке существующего законодательства в направлении ужесточения наказания за незаконный майнинг. Внесение соответствующих положений в уголовное и административное законодательство во исполнение существующих положений Конституции РФ и защиты прав граждан России на пользование электроэнергией.

Пристатейный библиографический список

1. Духно Н. А. Проблемы содержания экологического права и природоресурсного права // *Аграрное и земельное право*. - 2006. - № 7. - С. 4-7.
2. Незаконный майнинг криптовалюты: сверхприбыли за счет добросовестных потребителей // *Энергоэксперт*. - 2022. - № 4 (84). - С. 12-13.
3. Энергетики выявили более 7,6 тыс. «серых» майнеров в Иркутской области / *Официальный сайт «Интерфакс-Россия»*. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/energetiki-vyyavili-bolee-7-6-tys-seryih-maynerov-v-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 22.01.2025).

- о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178: Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2024 № 1469 // *Собрание законодательства РФ*. 2024. № 45. Ст. 6818.
3. Об утверждении требований к деятельности оператора майнинговой инфраструктуры: Постановление Правительства РФ от 31.10.2024 № 1463 // *Собрание законодательства РФ*. 2024. № 45. Ст. 6812.
 4. Об утверждении Правил установления запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации или на отдельных их территориях: Постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1468 // *Собрание законодательства РФ*. 2024. № 45. Ст. 6817.
 5. Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 N 1869 // *Собрание законодательства РФ*. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8699.
 6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Российская газета*. 2020. 4 июля.
 7. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 13. Ст. 1177.

СТАРШОВА Ульяна Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры социальных отношений, рекламы и связи с общественностью, Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)

К ВОПРОСУ О ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются вопросы феномена социального государства, который предполагает существования доктрины социального государства в России. Роль доктрины заключается в том, что именно она определяет закономерности развития права, формирует его облик и содержание, вырабатывает юридическую терминологию, оказывает помощь в толковании нормативно-правовых актов. Все идеи и ценности российского социального государства, их реализация находят свое отражение в современной правовой доктрине социального государства, которая является доктриной специального вида в структуре конституционного права.

Ключевые слова: конституционное право, социальное государство, доктрина, правовая доктрина, Российская Федерация.

STARSHOVA Ulyana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev Constitutional Law sub-faculty, Saratov State Law Academy, associate professor of Social relations, advertising and public relations sub-faculty, Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI)

ON THE QUESTION OF THE DOCTRINE OF THE RUSSIAN WELFARE STATE

The article examines the issues of the phenomenon of the welfare state, which presupposes the existence of the doctrine of the welfare state in Russia. The role of the doctrine lies in the fact that it determines the patterns of development of law, forms its appearance and content, develops legal terminology, and provides assistance in the interpretation of normative legal acts. All the ideas and values of the Russian welfare state and their implementation are reflected in the modern legal doctrine of the welfare state, which is a special type of doctrine in the structure of constitutional law.

Keywords: constitutional law, welfare state, doctrine, legal doctrine, Russian Federation.

Научные изыскания в области социального государства сопряжены с разрешением большого числа вопросов теоретико-методологического и прикладного характера. Объяснение этому лежит в многофункциональности и многоаспектности, как самого феномена социального государства, так и сопутствующих ему социогуманитарных и политико-правовых явлений. Полицентричность социального государства, характеризующаяся наличием сбалансированной теоретической, идеологической, правовой, управляющей и экономической моделей общественного устройства, предполагает и существование доктрины социального государства как полицентричного образования.

Логика познания сущности доктрины социального государства определяется также тем обстоятельством, что изучаемый феномен предстает как:

- социогуманитарная научная категория определенного рода – доктрина;
- доктрина особого типа – правовая доктрина;
- правовая доктрина отдельного класса – конституционная доктрина;
- доктрина специального вида в структуре конституционного права – доктрина социального государства.

Таким образом, объективная трудность определения сущности и содержания доктрины социального государства является следствием специфичности самого предмета познания.

Основу конструкции «доктрина социального государства» составляют категории «доктрина» и «правовая доктрина». Данные категории являются неотъемлемой частью гносеологического арсенала отечественной и зарубежной юридической науки, как общетеоретической, так и отраслевой. В качестве примеров можно сослаться на термины «конституционно-правовая доктрина», «политико-правовая доктрина», «традиционная доктрина о парламентском суверенитете», «доктрина соотношения централизации/децентрализации публичной власти», «социальная доктрина» [1], [2], [5], [7], [10], [11], [12], [13] и т.п.

Роль доктрины заключается в том, что именно она определяет закономерности развития права, формирует его облик и содержание, вырабатывает юридическую терминологию, оказывает помощь в толковании нормативно-правовых актов. Таким образом, можно констатировать, что категория «доктрина» выступает и как совокупность знаний, и как разновидность социальной деятельности, обеспечивающая передачу знаний.

В первом значении доктрина представляет собой смыслообразующее явление, сумму качественных параметров социального объекта. Данные параметры могут быть использованы в процессе результативного воздействия на общественные отношения. В силу этого доктрина обладает свойством социальной нормативности.

Во втором значении доктрина выступает в качестве источника, обеспечивающего передачу знаний, и, тем самым, побуждающего субъектов, которым адресовано знание, к действиям определенного вида по совершенствованию условий существования и развития социальной реальности.

С одной стороны, юриспруденция не выходит за рамки общепринятых представлений о доктрине, рассматривая ее в целом как «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо. С другой стороны, в юридической науке отмечается специфика категории «правовая доктрина» [6].

Полагаем, что доктрина социального государства как часть правовой науки может претендовать как на установление объективных законов эволюции социальной деятельности государств, так и на критическое осмысление социальной политики различных государств в отдельные исторические периоды. При этом рациональное зерно может быть найдено и в позитивистской юриспруденции, доказывающей социально-экономическую обусловленность права, так и в герменевтической юриспруденции, изучающей смысл права конкретного исторического периода.

На первый взгляд, развитие различных теоретико-правовых моделей социального государства в схожих социально-экономических ситуациях говорит о невозможности построения линейных закономерностей его доктринального и практического бытия. И. А. Джмилев на основе анализа развития моделей социального государства в зарубежных странах пришел к выводу, что их эффективное формирование и функционирование возможно в рамках различных форм правления и разных форм территориально-административного устройства [8]. Далее автором предпринята попытка установления прямой связи между политическим режимом и социальным государством [8, с. 78]. Однако аргументация о наличии такой связи должна быть если не отвергнута, то принята со значительными оговорками, ставящими под сомнение истинность выводов. Так, в рамках капиталистического уклада экономики, вне зависимости от того, тоталитарное это государство или демократическое, вряд ли можно говорить о подчинении производственного процесса и экономики социальным целям, приоритетном характере социальных прав и интересов индивидов. Эти признаки И. А. Джмилев называет среди основных признаков социального государства. Но общеизвестно, что в настоящее время рынок, организация производства и экономика в целом зачастую подчинены интересам частных собственников, особенно – интересам корпораций и интересам представителей крупного капитала. Вместе с тем автор прав в том, что политический режим и распространяемая им правовая идеология оказывают значительное влияние на развитие позитивного права. С одной стороны, как справедливо отмечает С. Г. Павликов, «ценность доктрины, в том числе состоит в ее максимальной независимости от власти» [9], с другой стороны, воплощение теоретической модели в праве и общественном устройстве не может быть отделено от властных отношений [4].

Комплексность доктрины социального государства проявляется в сочетании объективных и субъективных начал в ее содержании. В связи с этим организация процесса познания и установления истинности полученных результатов должна строиться с учетом не только социально-экономических, но и субъективных – аксиологических, мировоззренческих основ генезиса доктрины на различных этапах ее существования [6]. Субъективные составляющие правовой доктрины диктуют необходимость учета нравственных, религиозных, культурных, информационных факторов, традиций, обычаев, установлений и т.п.

На основании изложенного полагаем, что существуют, как минимум, три причины, требующие рассмотрения проблемы правопонимания в рамках исследования влияния различных факторов на воплощение идей и ценностей социального государства в действующем праве. Во-первых, анализ подходов к правопониманию позволит определить общие закономерности в становлении права и правовой доктрины. Во-вторых, обеспечит теоретическую базу для разграничения категории «право» с категорией «правовая доктрина».

Правопонимание и правовая доктрина являются интегрированными категориями и соотносятся как часть и целое. Именно это свойство теоретико-правовой системы «правопонимание – правовая доктрина» определяет внешний облик социального государства, отраженный в конституционных нормах. Поэтому все разнообразие современных моделей государств благосостояния (социальных государств) определяется, в большей или меньшей степени, обязанностью субъекта подчинять свое поведение законодательным предписаниям и обязанностью государства осуществлять правоустанавливающую и правоприменительную функции в полном соответствии с системой морально-нравственных ценностей общества.

Как отмечалось выше, общественные ценности социального государства воплощаются в идеологии, поэтому следует говорить о политико-идеологическом характере доктрины социального государства. Но реализует свою политику государство через правовое регулирование. Определяя направления развития (формирование правового государства, построение социального государства и т.д.), государство устанавливает нормативные формулы их реализации. Таким образом, доктрина приобретает и правовой характер.

В связи с этим следует признать правильными уточнения, сделанные в диссертационном исследовании А. С. Быстровой на основе анализа специализированных словарей. Автор указывает на то, что доктрину следует понимать, во-первых, как систематизированное учение, во-вторых, как совокупность принципов, используемых в качестве основы программы действия, в-третьих, как нормативную формулу, в-четвертых, как систему официальных государственных положений [3].

Таким образом, помимо основного признака доктрины – теоретико-прикладного характера учения выделяются и другие – официальное признание, воплощение в нормах права и в государственной деятельности. Названные признаки отличают доктрину от понятий «учение», «концепция» либо «теория».

Исходя из вышеизложенного, под доктриной социального государства понимается система научно обоснованных, социально обусловленных, официально признанных взглядов, норм и принципов, определяющих содержание государственной социальной политики, программ и механизмов ее реализации в целях обеспечения интересов и прав личности, социальной защищенности граждан, создания условий для развития профессионального, интеллектуального, духовного и творческого потенциала человека.

Присущие доктрине социального государства свойства авторитетности, общеизвестности, общепризнанности, официальности, влиятельности, регулятивности, инструктивности, убедительности, востребованности, многоаспектности позволяют выполнять свойственные только ей методологическую, интерпретирующую, прогностическую функции, а также функции систематизации и интеграции.

Пристатейный библиографический список

1. Аннерс Э. История европейского права: пер. со швед. - М.: Наука, 1996. - С. 264.
2. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. - М.: Норма, 1999. - С. 3.
3. Быстрова А. С. Речевая организация текста плановых документов сферы образования и культуры: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. - Волгоград, 2019. - С. 37.
4. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Отдельные аспекты политических идей, реализуемые в правовом и социальном государстве // Базис. - 2022. - № 1 (11). - С. 18-24.
5. Гаврилов В. В. Теория трансформации и имплементации форм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. - 2001. - № 2. - С. 39.
6. Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 4. - С. 42-46.
7. Данилов С. Ю. Экономическое направление в зарубежной конституционно-правовой доктрине // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2009. - № 3. - С. 14.
8. Джмилев И. А. Социальное государство: эволюция концепции // Вестник Белорусского гос. ун-та. - 2007. - № 1. - С. 77-78.
9. Павликов С. Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 7. - С. 10.
10. Попова А. В. Российская неолиберальная политико-правовая доктрина конца XIX – начала XX вв. О роли судьи в формировании социального правового государства // Правовое государство: теория и практика. - 2015. - № 3 (41). - С. 12.
11. Хальметов А. И. Понятие доктрины и доктринальных источников в российском праве // Наука. Общество. Государство. - 2020. - № 3 (31). - С. 108.
12. Шеппель К. Л. Новый венгерский Конституционный Суд // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. - 2000. - № 1. - С. 21.
13. Kavanagh A. Constitutional review under the UK human rights Act. United Kingdom, Cambridge: Cambridge University Press, 2009. - P. 326.

КУЗНЕЦОВА Елена Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения, Астраханский государственный технический университет

Кузнецова Е. В.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены нормы законодательства, которые закрепляют права человека и порядок их защиты. Права и свободы человека и гражданина – краеугольный камень национальной безопасности России. Они обладают высочайшей значимостью, являясь неотъемлемой частью системы конституционных ценностей. Гарантирование и защита этих прав выступает одним из важнейших приоритетов национальной безопасности государства. Более того, состояние прав и свобод человека служит важнейшим индикатором стабильности государства и эффективности работы его органов власти. Защищённость гражданских прав отражает достигнутый уровень национальной безопасности на конкретном этапе развития общества и государства. В демократическом обществе, где права человека являются неотъемлемой частью государственной политики, обеспечивается социальная гармония, предотвращаются конфликты и волнения. Напротив, игнорирование или ущемление прав граждан ведёт к нестабильности и угрожает национальной безопасности. Российское государство принимает все необходимые меры для гарантирования и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: права, свобода, правосудие, гражданин, справедливость, Верховный Суд, Конституционный Суд, судебная система, Конституция, индивид, человек, гражданское общество, государственная власть, правовая культура, законы, правовая система, правовая доктрина.

KUZNETSOVA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in historical sciences, lecturer of Law sub-faculty, Astrakhan State Technical University

MODERN REALITIES IN LAW ENFORCEMENT

The article examines the norms of legislation that enshrine human rights and the procedure for their protection. Human and civil rights and freedoms – the cornerstone of Russia's national security. They are of the highest importance, being an integral part of the system of constitutional values. The guarantee and protection of these rights is one of the most important priorities of the national security of the State. Moreover, the state of human rights and freedoms serves as an important indicator of the stability of the state and the effectiveness of its authorities. The protection of civil rights reflects the achieved level of national security at a particular stage of the development of society and the state. In a democratic society, where human rights are an integral part of public policy, social harmony is ensured, conflicts and unrest are prevented. On the contrary, ignoring or infringing on the rights of citizens leads to instability and threatens national security. The Russian State takes all necessary measures to guarantee and protect human and civil rights and freedoms.

Keywords: rights, freedom, justice, citizen, justice, Supreme Court, Constitutional Court, judicial system, Constitution, individual, person, civil society, state power, legal culture, laws, legal system, legal doctrine.

Для эффективной работы юридической системы России основательное понимание механизмов государственной защиты и активное внедрение гарантий прав граждан являются ключевыми составляющими. Это особенно важно в контексте сложной структуры прав и свобод, которыми обладает каждый человек и гражданин в конкретной стране. Сложная задача обеспечения справедливости и защиты гражданских прав требует от государства разветвленной и эффективной системы правоприменения. В сердце этой системы лежит функция отправления правосудия, которую государство в России возложило исключительно на судебные органы. Это положение подчеркивает центральную роль судов в обеспечении правопорядка и справедливости, исключая возможность для любых других органов заниматься судопроизводством. Однако, такая централизация влечет за собой необходимость переосмысления роли судов в общей структуре управления государством и правовом регулировании. В свете этих вызовов, судебные акты и решения приобретают новую важность, влияя на общую правовую систему и ее развитие. Более того, это меняет подход к взаимодействию различных правовых институтов и требует от правоохранительных органов, а

также от всех участников правоприменительного процесса, новых усилий для поддержания законности и порядка. Это подчеркивает значимость не только законов, но и реальных гарантий их исполнения. В усложненной правовой структуре России, глубокое понимание и эффективное осуществление государственной защиты прав и свобод является основой для стабильности и справедливости.

В судебной системе Российской Федерации особо важное значение имеют правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ. Эти позиции заложены в постановлениях, касающихся рассмотрения дел определенных категорий. Существенно, что такие постановления влияют на формирование судебной практики в стране. В дополнение к этому, роль в формировании единой судебной практики играют и разъяснения Верховного Суда РФ, которые наделяются статусом нормативно-правовых актов. Эти документы обязательны к исполнению не только для судов низших инстанций, но и для других судебных органов РФ. Ключевой этап в становлении механизма «нормоконтроля» был положен Постановлением Конституционного Суда РФ, датированным 16 числом неуказанного месяца. Этот момент

стал вехой в развитии правоприменительной практики. Особенностью судебной системы России является также важное положение: как Верховный Суд, так и Конституционный Суд оказывают непосредственное влияние на формирование правоприменительной доктрины через свои решения и разъяснения. Помимо верховенства закона, это структурирует и упорядочивает юридическое поле страны, делая судебную практику более предсказуемой и осмысленной для всех уровней судебной системы, включая суды первой инстанции, апелляционные и кассационные суды. В результате, каждое решение, вынесенное на любом из этих уровней, носит в себе важность для дальнейшего развития судебной практики и правовой системы в целом. Следует отметить, что постановления Президиумов судов РФ играют значительную роль в укреплении правового государства, обеспечивая согласованность и единство правоприменения. Таким образом, судебное правоприменение в Российской Федерации строится на взаимодействии центральных судебных инстанций, включая Верховный Суд и Конституционный Суд, что способствует стабильности и развитию правовой системы страны.

В российском трудовом законодательстве особое внимание уделяется защите прав беременных женщин, предоставляя им серьезные льготы и гарантии. Это отражение более широкого принципа, утвержденного в правовой системе, касающегося недопустимости злоупотребления правами любым работником, в том числе и беременными женщинами. В контексте трудоустройства этот принцип в первую очередь направлен на создание справедливых условий для всех участников трудового процесса. Важно отмечать, что защитные меры для беременных работниц не ставят целью предоставить необоснованные преимущества перед работодателем. На практике это означает, что работница обязана действовать добросовестно, в том числе и в вопросах информирования работодателя о своем состоянии. Примером может послужить ситуация, когда работницы, используя свое положение, намеренно утаивают информацию о беременности от работодателя, что может привести к законности увольнения в случае, если работодатель действовал в рамках заблуждения относительно состояния работницы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает серьезность этой темы, указывая на необходимость строгого соблюдения принципов честности и добросовестности при реализации предоставленных законом гарантий. В случаях споров о восстановлении на рабочем месте судебная практика должна ориентироваться на баланс между защитой прав беременных женщин и предотвращением любого рода злоупотреблений. Обращая внимание на этот аспект, законодатель и судебная система подчеркивают важность сохранения доверительных отношений между работниками и работодателями, а также необходимость взаимного уважения и соблюдения правил добросовестной конкуренции в трудовых отношениях. Эти принципы и правила служат основой для создания здоровой и продуктивной рабочей среды, где уважаются и защищаются права всех сторон, включая беременных работниц. В ходе осуществления своих обязанностей работниками правоохранительных структур часто приходится сталкиваться с необходимостью разграничения преступлений, касающихся нарушения прав и свобод граждан, от других видов преступлений. Дело в том, что правонарушения, затрагивающие вопросы равенства прав и свобод человека, имеют тесную связь с нарушениями конкретных прав, свобод или интересов. Таким образом, квалификация действий, подпадающих под такие нарушения, требует глубокого по-

нимания взаимосвязей в сфере прав человека. На практике может возникать множество ситуаций, в которых поставлен вопрос о нарушении этих самых прав и свобод. Примером служит ситуация, когда беременная женщина сталкивается с отказом в приеме на работу на основе своего положения, в то время как предпочтение отдано мужчине. Такое деяние не только является нарушением равенства, но и углубляет понимание того, как нарушения в одной области могут повлечь последствия в других. Стоит подчеркнуть, что нарушение прав и свобод граждан не ограничивается только ситуациями, когда затрагивается социальное равенство [1]. Оно включает в себя широкий спектр действий, подрывающих основы законных интересов человека. В связи с этим, исследование каждого подобного случая требует тщательного анализа деталей и обстоятельств, приведших к правонарушению. Возвращаясь к важности правильной квалификации деяний, противоречащих принципам равноправия и свободы, необходимо акцентировать внимание на том, что именно она помогает определить наиболее адекватные способы защиты нарушенных прав. Это особенно актуально для поддержания веры в справедливость и эффективность судебной системы.

Однако, порой, в жизни возникают случаи, когда отказ в приеме на работу или иные негативные меры в отношении женщин обоснованы не беременностью или материнством, а иными причинами, в том числе половой принадлежностью. В таких обстоятельствах правомерно обращение к статье 136 УК РФ, которая затрагивает вопросы дискриминации более широко. Разграничение этих двух ситуаций и соответствующее применение законодательных норм имеет ключевое значение для обеспечения справедливости и правосудия. Значимость адекватного реагирования на дискриминацию по половому признаку или признакам, связанным с беременностью и правами родителей, в законодательстве не может быть переоценена. Нужно подчеркнуть, что правильное понимание и реализация уголовных статей 136 и 145 УК РФ служат основой для создания справедливой и беспристрастной рабочей среды, свободной от дискриминации [2]. Это подчеркивает не только важность защиты прав женщин, но и способствует созданию здоровой атмосферы в коллективе, где уважаются и ценятся права каждого, независимо от гендерной принадлежности или семейного положения. Важно начать с понимания, что судебная система Российской Федерации включает в себя не только Конституционный суд, который играет ключевую роль в защите конституционных норм и прав граждан, но и другие судебные инстанции, такие как суды общей юрисдикции и арбитражные суды, которые также несут ответственность за защиту прав и свобод человека. Стоит обратить внимание на то, что в статье 39 Конституции РФ особо подчеркивается обязанность государства предоставлять социальные гарантии гражданам, включая пенсионное обеспечение, помощь при потере кормильца, инвалидности, болезни, для воспитания детей и в других законодательством предусмотренных случаях [3].

В нынешней эпохе основополагающими ценностями выступают защита и уважение прав каждого индивида. Это истоки заложены в далекие времена, поскольку вопросы, связанные с правами и свободами относятся к числу нерешенных и постоянных задач для всего человечества, их корни уходят глубоко в прошлое. Доктрины, посвященные осмыслению человека и его места в мире, начали формироваться еще в периоды ранних государственных образований на территории Древнего Востока. Одной из ключевых идей, лежащих в основе восточной философии того време-

ни, была идея о единстве всех людей, которая опиралась на общность происхождения человека от космоса, и подразумевала глубокое уважение как к окружающему социальному, так и естественному окружению. Важность индивидуальности в контексте общества наиболее очевидна в рамках европейской цивилизации. На протяжении истории, начиная с эпохи античности, возникают первоначальные понятия о правах человека, представляя их как набор стойких правил и принципов, нацеленных на организацию взаимодействий как между отдельными людьми, так и между индивидом и общественными, государственными структурами [4]. Эти идеи, в частности, были продиктованы степенью развития демократических институтов в городах-государствах Древней Греции и Рима и, к примеру, в Афинах IV–V веков до нашей эры, где борьба за власть привела к закладыванию основ демократии того времени, стояли в оппозиции рабовладельческой деспотии. Они заложили фундамент тому, что права и свободы индивида должны стать основой государственного строя. Сравнивая с современной Россией, важным этапом в признании и защите прав и свобод граждан стал переход к рыночной экономике, ведь именно тогда были заложены основы для строительства действительно демократического государства. Этот процесс нашёл отражение в Конституции РФ, где подчёркивается, что защита прав человека осуществляется не только в рамках национального законодательства, но и с учётом международных норм и актов. В основе Конституции каждого государства лежит ключевая идея о том, что личность является наивысшей ценностью в системе общих ценностей. Это предполагает, что все государственные органы должны действовать с особым вниманием к правам и свободам граждан, ставя их на первое место в своих действиях.

Таким образом, защита и поддержка этих прав не просто дополнение к регулирующей роли закона, а его главная функция. В рамках этого процесса государство использует разнообразные методы, включая убеждение и, при необходимости, принуждение, для обеспечения соблюдения своих законов, которые отражают государственную волю и обязательны для всех без исключения, подкреплены нормами и гарантиями исполнения. В наше время фундаментальные вопросы, касающиеся защиты и выполнения прав человека, несомненно возглавляют список наиболее значимых вызовов, с которыми сталкивается общество. Эту актуальность определяет прогрессивное развитие и трансформация социальной структуры, которые способствовали повышенному вниманию к важности и неизбежности базовых свобод, поднимая сложные вопросы их эффективной защиты и обеспечения со стороны правительства. Человеческие права классифицируются на два основных уровня. Объективно, права и свободы индивида выражаются через комплекс международных и национальных законодательных актов, которые формируют юридическую природу индивида, утверждают его статус, устанавливают принципы взаимодействия между гражданами, а также между гражданами и государством. Права и свободы индивида в узком понимании выступают как его личная способность к действиям, обоснованным и охраняемым законом, что подразумевает наличие государственной поддержки. Эти базовые привилегии, доступ к которым открывают множество юридических норм, преимущественно подкреплены конституционно-правовыми положениями, гарантируя защиту прав каждой личности и гражданина. Администрирование правосудия, постановленное быть исключительной прерогативой судебных структур, выделяет их из общего числа органов государственного управления,

ограничивая возможность других институтов заниматься судопроизводственной деятельностью. Нынешнее положение и значимость судебной власти в контексте управленческих механизмов требуют нового взгляда на роль судопроизводства в области регулирования правовых отношений. Эффективная работа Конституционного суда России, занимающегося верховной защитой конституции, играет ключевую роль в улучшении защиты прав и свобод граждан на различных уровнях правовой системы страны, обеспечивая тем самым их защищённость. Однако, несмотря на это, иногда выявляются случаи нарушения прав человека, которые порождают негативные последствия. В таких обстоятельствах, некоторым российским гражданам приходится искать справедливости в Европейском суде по правам человека, что отражает неспособность России полностью выполнять свои обязанности по обеспечению и защите этих самых прав. Обеспечение реализации прав человека на практике является задачей, кардинально отличающейся от простого внесения их в текст Конституции государства. Соблюдение этих прав каждым человеком без исключения требует далеко идущих мер, а не только декларативного утверждения их существования.

Пристатейный библиографический список

1. Червяков А. Л. Жалоба на нарушение конституционных прав и свобод как специальная форма обращения граждан в Конституционный суд Российской Федерации // Вопросы права. – № 2 (апрель-июнь). – 2023. – С. 23-26.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.11.2024).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. Стремоухов А. В., Стремоухов А. А. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2 (48).

АКСЕНОВ Илья Сергеевич

кандидат юридических наук, адвокат

НАДОМНЫЙ ТРУД И ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются сходства и различия правового регулирования надомного труда и дистанционной работы, а также анализируются преимущества и недостатки каждой из рассматриваемых форм занятости. В ходе исследования применялись диалектический, логический, нормативный и формально-юридический методы научного исследования. Целью исследования является выявление возможности интеграции ряда положительных особенностей регулирования дистанционной работы в организацию труда надомников для повышения его конкурентоспособности. Результатом исследования являются сформулированные автором предложения по дополнению трудового договора с надомником пунктами, способными положительно повлиять на ряд ключевых аспектов его трудовой деятельности.

Ключевые слова: надомный труд, удаленная работа, дистанционная работа, трудовой договор, контроль, работодатель.

AKSENOV Ilya Sergeevich

Ph.D. in Law, lawyer

HOME WORK AND REMOTE WORK: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article examines the similarities and differences in the legal regulation of home work and remote work, and analyzes the advantages and disadvantages of each of the considered forms of employment. The study used dialectical, logical, normative and formal-legal methods of scientific research. The purpose of the study is to identify the possibility of integrating a number of positive features of regulating remote work into the organization of homeworkers' work in order to increase its competitiveness. The result of the study is the author's proposals for supplementing the employment contract with the homeworker with clauses that can positively affect a number of key aspects of his work activity.

Keywords: home work, remote work, remote work, employment contract, control, employer.

Концепция удаленной трудовой деятельности не нова – трудовое законодательство еще с советского периода года регулирует работу надомников (квартирников, в терминологии КЗоТ РСФСР 1922 года). В современном обществе постоянно происходит трансформация трудовых отношений. В условиях кризиса здравоохранения весны 2020 года и потрясений, вызванных появлением Covid-19, возможности современных технологии и глобализация привели к развитию удалённых форм труда и появлению понятия «дистанционная работа», закрепленному в ТК РФ в главе 49.1. Многие компании стали рассматривать дистанционную работу как актуальный и перспективный формат трудовых отношений, эффективную альтернативу стандартной офисной деятельности, позволяющую работникам гибко организовывать свой рабочий день, избегая затрат времени на дорогу и повышая личную продуктивность.

Надомный труд, как форма занятости, существует в России достаточно давно, однако, на протяжении длительного времени подход к его регулированию не менялся. Развитие надомного труда также важно для экономического и социального развития нашей страны, учитывая свою – отличную от удаленной работы направленность, что подтверждает актуальность проводимого исследования.

Отдельные вопросы, связанные с выявлением сходств и различий надомного труда и удаленной работы, были освещены в научных публикациях таких ученых, как Н. Н. Бородин, Ю. В. Васильева, О. А. Воробьева, Н. В. Закалюжная, О. В. Маркова, Е. А. Позднякова, Н. В. Черных, О. В. Чесалина и др.

В ряде научных публикаций термины «надомный труд» и «удаленная работа» часто используются как синонимы, хотя, по нашему мнению, они удаленная работа более широкое понятие, охватывающая все форматы занятости, в рамках которой человек выполняет деятельность на расстоянии от места, которое считается «рабочим» в соответствии с традиционными представлениями трудового права. Схожего мнения придерживается и Е. В. Шалкина [12, с. 15]. Считаем, что надомный труд и дистанционная занятость являются формами удаленной работы.

Надомный труд и удаленная работа имеют разные правовые основания в российском трудовом законодательстве.

Эти различия влияют на права работников, систему налогообложения, контроль рабочего времени и организацию труда. Стоит также иметь в виду, что понятие дистанционной занятости на порядок шире понятия надомного труда [1, с. 108].

Распространение цифровых технологий расширяет возможности удалённой работы, включая доступ к глобальным рынкам труда, в то время как надомный труд остается актуальным в меньшем количестве отраслей, как правило, затрагивая производство, творчество и ремесло. Внедрение новых цифровых технологий и современных подходов к организации труда надомников, по нашему мнению, могло бы увеличить их конкурентоспособность на рынке труда.

Работа вне офиса по-разному влияет на психическое здоровье, социальные связи, баланс между работой и личной жизнью. Например, надомный труд может быть изолирующим, в то время как удаленная работа чаще связана с активной виртуальной коммуникацией. Многие компании и сотрудники испытывают трудности с переходом на гибкие формы занятости. Анализ этих факторов имеет большое значение в рамках определения наиболее комфортных условий труда для каждого отдельно взятого работника.

Согласно российскому трудовому законодательству, надомная работа обычно регулируется положениями трудового договора. Она предполагает выполнение конкретных задач или функций с использованием оборудования, предоставленного работодателем, или личных ресурсов сотрудника.

Надомная работа определяется следующими факторами:

1) работа выполняется преимущественно на дому или в другом месте, выбранном работником, которое не связано с офисом работодателя;

2) работник сам организует свое рабочее время в рамках установленных договорённости, что предполагает определенную степень автономии;

3) работодатель и работник заключают трудовой договор или дополнительное соглашение, регламентирующее условия труда, включая график, оплату, использование оборудования и соблюдение норм охраны труда;

4) для выполнения задач может использоваться личное или предоставленное работодателем оборудование.

В отличие от дистанционной работы, надомная подразумевает более жесткую привязку к домашней обстановке,

в то время как дистанционный сотрудник может работать из любого места, включая кафе, коворкинги или даже в путешествии. О. В. Маркова и А. Б. Конобеева указывают, что рабочему месту надомника необходима аттестация, что, безусловно, свидетельствует о сложностях его замены [6, с. 103]. Кроме того, надомный труд часто имеет более узкую направленность на производственные задачи.

Надомная работа занимает особое место в системе трудовых отношений, способствуя обеспечению занятости тех категорий работников, которые по разным причинам не могут регулярно посещать офис, включая людей с ограниченными возможностями, родителей с маленькими детьми и других, что, по нашему мнению, подтверждает необходимость развития данного вида трудовой деятельности.

Надомная работа имеет и ряд преимуществ, среди которых можно выделить возможность совмещения трудовой деятельности с другими обязательствами (например, с семейными делами), а также отсутствие необходимости ежедневно добираться до офиса, что ощутимо сокращает транспортные расходы, экономит время и снижает уровень стресса.

Работа надомников также сопряжена с определенными трудностями, которые могут значительно усложнить ее выполнение. Одной из главных проблем является ограниченность профессионального взаимодействия. Когда человек работает вне офиса, а также не использует цифровые технологии на постоянной основе, ему зачастую не хватает возможности оперативно обсуждать задачи или получать обратную связь от руководства, что может замедлять выполнение работы и снижать общую эффективность.

Кроме того, такая форма занятости требует высокой степени самоорганизации. Не всем удастся правильно распределять рабочее время, особенно если отвлекающие факторы дома — домашние дела, дети или шумная обстановка — становятся постоянными спутниками. Это может привести как к снижению продуктивности, так и к перенапряжению, когда работа становится непрерывной и заполняет все личное пространство. Е. А. Позднякова и О. А. Тарнавский указывают, что члены семьи надомника могут оказывать ему помощь при выполнении работ, однако трудовых отношений с работодателем у них не возникает [7, с. 300], исходя из чего можно сделать вывод о том, что нахождение надомника в кругу семьи во время выполнения работы имеет свои плюсы.

Финансовые и технические аспекты также накладывают свой отпечаток на надомного работника. Не всегда работодатель готов компенсировать затраты на оборудование, интернет или электроэнергию. При этом любые технические сбои приходится устранять самостоятельно, что может вызывать стресс и сбои в выполнении задач. Все эти факторы делают работу надомников непростой и требующей значительной внутренней дисциплины и гибкости.

Надомная работа является важным инструментом для решения социальных и экономических задач. Она способствует снижению уровня безработицы, повышает доступность трудоустройства для уязвимых категорий граждан, а также поддерживает развитие малого бизнеса.

Е. Н. Бородин указывает, что виды выполняемых надомниками работ никак не ограничиваются отечественным законодательством [2, с. 271]. В условиях роста цифровизации и автоматизации традиционные формы надомной работы эволюционируют. Сегодня они включают не только физический, но и интеллектуальный труд, что делает этот формат работы ещё более востребованным в современном мире.

Дистанционная работа является формой организации трудовой деятельности, при которой работник выполняет свои профессиональные обязанности вне стационарного рабочего места, что, по мнению О. А. Воробьевой и И. Р. Шарфутдинова, выгодно как работнику, так и работодателю [4, с. 44].

В отличие от надомника, дистанционный сотрудник не ограничен конкретным местом и может выполнять свои обязанности из любого удобного для него места. При этом работник сохраняет юридический статус наемного сотрудника, регулируемый нормативными актами.

Дистанционная работа регулируется трудовым законодательством и обычно требует заключения трудового договора или дополнительного соглашения, в котором прописываются: график работы; используемые средства связи и порядок их предоставления; условия компенсации затрат (например, оплаты интернета или электроэнергии); порядок обеспечения охраны труда в удаленных условиях.

Основным инструментом дистанционной работы являются цифровые технологии, включая компьютер, специализированное программное обеспечение и средства связи (видеоконференции, мессенджеры и электронная почта).

Важным элементом организации дистанционной работы является поддержание регулярной связи. Постоянные встречи в формате видеоконференций или обсуждения в мессенджерах создают ощущение вовлеченности и позволяют своевременно корректировать задачи. Это также помогает избежать недопонимания, которое может возникнуть из-за отсутствия личного контакта. Однако существует и «обратная сторона медали» в виде интенсификации труда с последующим выгоранием работника, что связано с размытием границ между рабочим временем и временем отдыха [11, с. 107]. Стоит отметить, что грамотная организация рабочего времени и контроля за выполнением работы, со стороны руководителя, способствуют высокой продуктивности и комфорту удаленной работы, а также предотвращают переработки и их последствия. Подобный подход, по нашему мнению, актуален и для работы надомников.

Итак, дистанционная работа определяется по двум базовым аспектам: рабочее место удалено от головной компании и не обязательно это дом работника; использование информационно-коммуникационных технологий для исполнения трудовой функции и взаимодействия с работодателем. Основными режимами трудовой занятости при дистанционной работе являются: полный рабочий день вне стационарного рабочего места, комбинированный график (часть работы дома, а другая часть в офисе).

Преимущества дистанционной работы, по нашему мнению, заключаются в высокой гибкости, заключающейся в возможности сотрудников планировать свое расписание с учетом личных предпочтений и обязательств, сохраняя тем самым баланс между работой и отдыхом; расширении географических возможностей работодателя, позволяющих ему нанимать специалистов из разных регионов; снижении операционных затрат посредством сокращения расходов на аренду офисов, коммунальные услуги и обслуживание рабочих мест.

Дистанционная работа, несмотря на свою популярность, имеет ряд существенных недостатков, которые могут осложнять выполнение профессиональных обязанностей. Одной из ключевых проблем является размытие границ между работой и личной жизнью. Когда место работы и отдыха совпадают, человеку становится трудно отключиться от рабочих задач, что часто приводит к эмоциональному выгоранию и стрессу.

Еще одним слабым местом дистанционной работы является зависимость от технических условий. Стабильный интернет, надежное оборудование и подходящие условия для удаленной работы не всегда доступны, что может негативно сказаться на качестве и скорости выполнения задач.

Дополнительной сложностью становится необходимость высокой самоорганизации. Не все могут эффективно планировать свой день и справляться с отвлекающими факторами, что приводит к снижению продуктивности или, наоборот, к переработкам. Таким образом, дистанционная работа требует не только профессиональных навыков, но и усиленного контроля со стороны руководителя. Н. В. Черных считает то, что при совершении равнозначного по тяжести проступка, для сотрудника, работающего на рабочем месте и дистанционного работника вероятнее всего наступят различные последствия — в случае с первым возможно получение замечания или выговора, в то время как второй с большой долей вероятности будет уволен [10, с. 112].

Рассматриваемый формат работы способствует повышению доступности трудоустройства, интеграции глобальных рынков труда и улучшению экологической ситуации за счет сокращения ежедневных поездок. Н. В. Закалюжная указывает на важность дистанционной занятости, аргументируя это возможностью трудоустройства молодого поколения, решением проблемы безработицы, а также иных социальных проблем, связанных с трудоустройством [5, с. 77].

В то же время его успешная реализация требует адаптации корпоративных культур, внедрения современных технологий и развития навыков самоорганизации у сотрудников. В этой связи Д. В. Потапов и Л. В. Потапова, по нашему мнению, вносят абсолютно верное предложение, связанное с разработкой правовых памяток, с целью повышения правовой культуры удаленных работников, что, безусловно, повы-

сит их уровень защищенности в рамках организации труда [8, с. 47].

Труд надомников и дистанционная работа являются формами трудовой деятельности, при которых работники выполняют свои обязанности вне традиционного офиса. Еще одной общей чертой является высокая степень самоорганизации, необходимая для успешного выполнения задач. В обоих случаях работник сам отвечает за планирование своего времени, соблюдение сроков и поддержание продуктивности, что требует развитых навыков тайм-менеджмента и дисциплины.

Также схожим является ограничение личного взаимодействия с коллегами и руководством. Оба формата работы, в настоящее время, часто сопровождаются виртуальными коммуникациями через электронную почту или мессенджеры. Это позволяет решать рабочие вопросы на расстоянии, но может вызывать чувство социальной изоляции и снижать эмоциональную вовлеченность.

Кроме того, обе рассматриваемые формы удаленной деятельности нередко связаны с необходимостью создания комфортных условий для работы за счет работника.

Таким образом, оба формата объединяет удаленность от офиса, зависимость от современных технологий и требование высокой самостоятельности.

Несмотря на схожесть рассматриваемых форм трудовой деятельности, существуют важные различия, как в организационной, так и в технологической составляющих этих видов работы. Некоторые авторы считают, что не вся работа, выполняемая вне офиса, считается надомной [3, с. 24], что, безусловно, имеет под собой основания.

Надомный труд и дистанционная работа, хотя и имеют схожие черты, отличаются в ряде аспектов, связанных с организацией процесса и характером занятости. Надомный труд чаще всего подразумевает выполнение физических или ручных задач, таких как сборка, изготовление или обработка продукции, прямо на дому сотрудника. Этот вид деятельности традиционно связан с промышленностью, ремеслом или мелким производством и требует определенных материалов и инструментов, которые могут быть предоставлены работодателем или приобретаются самостоятельно.

В отличие от надомного труда, дистанционная работа в основном связана с интеллектуальной деятельностью, осуществляемой с помощью компьютера и интернета. Она характерна для таких сфер, как IT, маркетинг, образование или консалтинг. Здесь акцент делается на выполнении цифровых задач, что требует более высокого уровня владения технологиями и навыками работы с программным обеспечением.

Еще одно важное различие касается контроля и отчетности. Надомный труд, как правило, имеет четкие и осязаемые результаты в виде готовой продукции, которые можно легко проверить. Дистанционная работа, напротив, часто предполагает выполнение задач, результаты которых менее материальны, что требует более сложных методов контроля, включающих постоянный мониторинг рабочего процесса руководителем.

Надомный труд обычно фиксирован по формату и реже предполагает гибкость в графике, поскольку связан с конкретным объемом выполняемой работы. Дистанционная работа, напротив, часто предоставляет больше свободы в выборе времени и методов выполнения задач, что делает ее более привлекательной для людей, стремящихся к гибкому графику. Таким образом, эти два формата труда различаются как по характеру деятельности, так и по способам ее организации.

Исходя из сказанного выше, стоит отметить, что основное различие между рассматриваемыми форматами дистанционной работы заключается в уровне гибкости, доступности рабочего времени и места, а также в особенностях организации трудового процесса и контроля за ним. Д. В. Потапов и Л. В. Потапова указывают, что трудовой договор, заключаемый с работником, выполняющим свои обязанности удаленно, содержит в себе больше возможностей, связанных с индивидуальным договорным регулированием в сравнении со стандартным трудовым договором [9, с. 102], что наталкивает на развитие данной мысли.

В законодательство Российской Федерации о дистанционной (удаленной) работе (глава 49.1 Трудового кодекса РФ) содержится ряд положений, которые, по нашему мнению, могут быть адаптированы и внедрены в регулирование надомного труда для повышения эффективности, защиты прав работников и обеспечения их комфорта.

Кроме того, считаем, что в трудовом договоре, заключаемом с надомником должны быть отражены следующие положения:

1. Возможность заключения трудовых договоров и обмена документами в электронном виде (электронная подпись, документооборот через утвержденные платформы) в целях упрощения процессов оформления, отчетности и взаимодействия с работодателем, особенно для тех, кто работает из удаленных регионов.

2. Право работника самостоятельно определять график работы, если это не влияет на выполнение их обязательств.

3. Возможность использования программного обеспечения для мониторинга выполнения задач при условии сохранения конфиденциальности и защиты персональных данных, с целью упрощения контроля за выполнением работ без нарушения прав надомных работников.

4. Обязательство работодателя организовывать регулярные онлайн- или офлайн-встречи для укрепления связей между сотрудниками, что позволит снизить социальную изоляцию, характерную для надомного труда.

5. Организация специальных процедур для разрешения трудовых споров дистанционно (включая использование медиативных технологий). Такой подход облегчит доступ к правосудию для работников, находящихся в отдаленных местах.

Подводя итог выше сказанному, отметим, что интеграция указанных положений в трудовой договор, заключаемый с надомником, создаст более сбалансированную и современную систему, учитывающую потребности, как работников, так и работодателей. Данное нововведение может повысить привлекательность надомного труда, что особенно актуально для регионов с ограниченными возможностями трудоустройства.

Пристатейный библиографический список

1. Бородина Е. Н. Понятие и законодательство о надомном труде // Образование и право. - 2018. - № 4. - С. 107-112.
2. Бородина Е. Н. Правовое регулирование надомного и дистанционного труда в российской Федерации // Вестник ВГУ. - 2018. - № 4. - С. 270-282.
3. Васильева Ю. В., Шуралёва С. В., Браун Е. А. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики: монография / Науч. ред. Ю. В. Васильева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. - Пермь, 2016. - 128 с.
4. Воробьева О. А., Шарафутдинов И. Р. Надомные и дистанционные работники: сравнительно-правовой аспект // Гуманитарные балканские исследования. - 2017. - № 1. - С. 44-46.
5. Закалюжная Н. В. Дистанционная работа и схожие правоотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2015. - № 2. - С. 76-91.
6. Маркова О. В., Конобеева А. Б. Организационные механизмы в управлении трудовыми отношениями на удаленной основе // Вестник МФЮА. - 2021. - № 2. - С. 101-109.
7. Позднякова Е. А., Тарнавский О. А. Выполнение работником работы вне места нахождения работодателя: история и современность // Образование и право. - 2021. - № 8. - С. 297-305.
8. Потапов Д. В., Потапова Л. В. Проблемные вопросы защиты трудовых прав дистанционных работников // The scientific heritage. - 2021. - № 74. - С. 45-48.
9. Потапов Д. В., Потапова Л. В. Развитие трудового законодательства как фактор гражданско-правовой защиты трудовых прав дистанционных работников // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - № 6 (108). - С. 102-104.
10. Черных Н. В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 8 (105). - С. 108-117.
11. Чесалина О. В. Новеллы законодательства о дистанционной (удаленной) работе: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16, № 9. - С. 99-113.
12. Шалкина Е. В. Правовое положение надомников и дистанционных работников: сходства и различия // SCIENCE TIME. - 2021. - № 9 (93). - С. 14-18.

ГОСАЧИНСКАЯ Анна Артуровна

магистр, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3-го класса

ПОРЯДОК ЛИКВИДАЦИИ МЕСТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ОТХОДОВ. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В данной статье автором рассматривается порядок ликвидации мест несанкционированного размещения отходов, установленный законодательством об обращении с отходами производства и потребления. Также в статье приведены статистические данные, размещенные на сайте федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в области охраны окружающей среды, в том числе в области обращения с твердыми коммунальными отходами. Автор проводит анализ действующего законодательства, позиции Конституционного Суда Российской Федерации, позиций федеральных органов исполнительной власти по данному вопросу. Помимо этого, в статье анализируются предстоящие изменения, планируемые к внесению проектом федерального закона, находящимся на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы (ТКО), ликвидация мест несанкционированного размещения отходов, региональный оператор по обращению с ТКО.

GOSACHINSKAYA Anna Arturovna

master of law, Faculty of law, M. V. Lomonosov Moscow State University, Adviser to the State Civil Service of the Russian Federation, 3rd class

THE PROCEDURE FOR THE ELIMINATION OF UNAUTHORIZED WASTE DISPOSAL SITES. CURRENT LEGISLATION, EXISTING PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

In this article, the author examines the procedure for the elimination of unauthorized waste disposal sites, established by legislation on the management of industrial and consumer waste. The article also contains statistical data posted on the website of the federal executive authority responsible for control and supervision of environmental protection, including in the field of municipal solid waste management. The author analyzes the current legislation, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the positions of federal executive authorities on this issue. In addition, the article analyzes the upcoming changes planned to be introduced by the draft federal law under consideration in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Keywords: municipal solid waste (MSW), disposal of unauthorized waste disposal sites, regional MSW management operator.

Несмотря на то, что современное законодательство об отходах производства и потребления (далее – отходы) не стоит на месте и старается отвечать всем существующим вызовам, возникающим при реализации Правительством Российской Федерации мусорной политики, вопрос порядка ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО остается открытым. Согласно статистической отчетности о количестве несанкционированных свалок отходов, размещенной на сайте Росприроднадзора, количество несанкционированных свалок, выявленных по Российской Федерации за отчетный период 2023 г. составляет 14042. По состоянию на конец отчетного периода за 2023 г. количество несанкционированных свалок, выявленных по Российской Федерации составляет 10227 [1]. При этом, несмотря на активную работу Минприроды России по их ликвидации [2], их количество в некоторых регионах все равно растет [3]. Вышеперечисленные факты обуславливают актуальность практики правоприменения в отношении данного вопроса.

Прежде всего, стоит отметить, что в Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (далее – Закон № 89-ФЗ) отсутствует определение понятия «место несанкционированного размещения ТКО» [4] или любого другого, которое могло бы наиболее четко определить данное явление и зафиксировать его определение в законодательстве. В средствах массовой информации можно встретить понятия «незаконные свалки», «несанкционированные свалки» и тому подобные наименования. Ввиду указанного, автором в дан-

ной статье будет использовано понятие «место несанкционированного размещения ТКО», которое указано в пункте 16 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» (далее – Правила № 1156) [5].

Вместе с тем Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П (далее – постановление) обозначены пробелы законодательства об отходах в части порядка ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО. Так, пункты 1 и 2 статьи 13 Закона № 89-ФЗ и пункты 16 - 18 Правил № 1156 признаны данным постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации в части обязанности органов местного самоуправления ликвидировать места несанкционированного размещения ТКО, расположенных в границах муниципального образования, за счет средств местного бюджета на земельных участках, находящихся в государственной собственности, а также на землях или земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена. Также постановлением указана необходимость на определение в законодательстве источников и порядка финансирования полномочий по ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО в указанных случаях [6].

В целях реализации данного Постановления Минприроды России разработан проект Федерального закона «О вне-

сении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект № 751834-8), дополняющий Закон № 89-ФЗ новой главой VI¹, определяющий порядок ликвидации объектов несанкционированного размещения ТКО, а также полномочия субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [7].

С целью приведения понятия «место несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов» в соответствие с административным законодательством и законодательством об охране окружающей среды Законопроектом № 751834-8 вводится понятие «территория, загрязненная твердыми коммунальными отходами».

Законопроектом № 751834-8 устанавливается порядок выявления территорий, загрязненных в результате сброса ТКО объемом 5 кубических метров и более, не относящихся к объектам накопления или размещения отходов, а также уточняются полномочия субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в случае невозможности установления лиц, виновных в загрязнении территорий ТКО. Предполагается, что в случае невозможности определения указанных лиц за ликвидацию несанкционированных мест, расположенных в границах населенных пунктов, ответственные органы местного самоуправления, вне населенных пунктов – органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в срок не превышающий двух лет.

При этом в силу пункта 36 статьи 1 Градостроительно-го кодекса Российской Федерации в случае, если объем территорий, загрязненных в результате сброса ТКО составляет менее 5 кубических метров, то такой объем ТКО может быть убран в рамках регулярной очистки территории от отходов в соответствии с пунктом 1 статьи 13 Закона № 89-ФЗ.

Кроме того, Законопроектом № 751834-8 определено, что ликвидация загрязнения окружающей среды в местах сброса и выгрузки ТКО составляет одно из направлений использования средств платы за негативное воздействие на окружающую среду, сумм штрафов за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования и средств от платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Таким образом, при финансировании ликвидации загрязнения окружающей среды в местах сброса и выгрузки ТКО наряду с ликвидацией накопленного экологического вреда окружающей среде будут использоваться так называемые «окрашенные» платежи [8].

В настоящее время законопроект № 751834-8 находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и принят в первом чтении.

Законопроектом № 751834-8 достаточно подробно уточняется порядок ликвидации мест несанкционированного размещения ТКО. Вместе с тем, территории могут быть загрязнены отходами, не относящимися к ТКО, такими как строительные отходы [9], либо даже отходы от использования батареек и аккумуляторов, относящихся ко II классу опасности в соответствии с Федеральным классификационным каталогом отходов, утвержденным приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 [10]. В данной связи автору видится целесообразным дополнить проектируемую Законопроектом № 751834-8 главу VI¹ соответствующими положениями, конкретизирующими порядок очистки территорий от данных видов отходов.

Пристатейный библиографический список

1. Статистическая отчетность о количестве несанкционированных свалок отходов за 2023 г. // Официальный сайт Росприроднадзора (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/unauthorized-landfill/>.
2. Минус 111 свалок: «Чистая страна» подводит итоги 2023 года. 2023 // Официальный сайт Минприроды России (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/press/hottopic/minus_111_svalok_chistaya_strana_podvodit_itogi_2023_goda/.
3. Ситцевский И. Количество нелегальных свалок сократилось до рекордного минимума. 2024 // Ведомости экология (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/articles/2024/11/18/1075262-kolichestvo-nelegalnih-svalok-sokratilos>.
4. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 26, ст. 3009, № 33, ст. 4928, 4992, 5002.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 47, ст. 6640; 2018, № 40, ст. 6122).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П // СПС КонсультантПлюс.
7. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751834-8>.
8. Регионы считают свалки и строят планы - механизм «окрашивания» экологических платежей заработал в России. 2022 // Официальный сайт Минприроды России (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/press/news/regiony_schitayut_svalki_i_stroyat_plany_mekhanizm_okrashivaniya_ekologicheskikh_platezhey_zarabotal/?ysclid=m7cf744hpn546018039.
9. Баршев В. Строймусор становится эпицентром нелегальных свалок. Как с этим борются регионы // Российская Газета (дата обращения: 19 февраля 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/04/19/strojmusor-stanovitsia-epicentrom-nelegalnyh-svalok-kak-s-etim-boriutsia-regiony.html?ysclid=m7cgl6c8nc920422035>.
10. Федеральный классификационный каталог отходов, утвержденный приказом Росприроднадзора от 22 мая 2017 г. № 242 (Зарегистрирован в Минюсте России 8 июня 2017 г. № 47008) // СПС КонсультантПлюс.

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна

магистрант, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ЕВSIKOVA Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ МИГРАЦИИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МИГРАЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

В работе авторами анализируются и исследуются существующие на сегодняшний день проблемы в сфере миграции, а также, проблемы, возникающие при осуществлении деятельности по противодействию миграционным правонарушениям. Результатом проведённого исследования явились конкретные предложения по усовершенствованию нормативно-правового регулирования в обозначенной сфере, так и рекомендации по разработке программ интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: миграционные правоотношения, миграционные правонарушения, публично-правовая ответственность, цифровизация, контрольно-надзорная деятельность.

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna

magister student, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

STRENGTHENING CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF MIGRATION AS A WAY TO COUNTERACT MIGRATION OFFENSES

In the work, the author analyzes and explores the current problems in the field of migration, as well as problems arising in the implementation of activities to counteract migration offenses. The results of the study provided specific proposals for improving regulatory regulation in the designated area, as well as recommendations for the development of integration and adaptation programs for foreign citizens and stateless persons.

Keywords: migration legal relations, migration offenses, public liability, digitalization, control and supervisory activities.

В последнее время особо остро стоит так называемый «миграционный вопрос», что обусловлено с одной стороны - высокой привлекательностью Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства, причём мотивы и цели у всех разнятся, а с другой стороны – необходимостью обеспечения миграционной безопасности и правового урегулирования миграционных правоотношений.

В настоящем исследовании исходим из системного подхода к пониманию миграционных правоотношений, основными элементами которой являются: субъекты и объекты миграционных правоотношений, их права и обязанности в миграционной сфере, миграционная безопасность и её обеспечение, контроль и учёт в сфере миграционных правоотношений, механизм административной ответственности за правонарушения в миграционной сфере.

В рамках данного исследования отметим, что проблемам реализации миграционных правоотношений и нормативно-правовому урегулированию уделяется достаточно много внимания, как в научной среде, так и среди законодателей и правоприменителей.

Однако особое внимание среди исследователей занимают проблемы и перспективы усовершенствования механизма противодействия миграционным правонарушениям. Однако, определения дефиниции «миграционное правонарушение» в настоящий момент отсутствует как в правовом поле, так и в доктрине.

Полагаем, что в связи с выделением миграционного права в самостоятельную отрасль назрела острая необходимость проработки советующей терминологии и понятийного ап-

парата, а также соответствующего их правового закрепления на законодательном уровне.

Целесообразным, по нашему мнению, следующее понимание категории «миграционное правонарушение»: «<...> противоправное, виновное действие (бездействие) участника миграционных правоотношений, препятствующее надлежащей реализации миграционных отношений, по поводу въезда, выезда, перемещения внутри страны граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства в связи с реализацией указанными лицами прав и надлежащего исполнения обязанностей в миграционной сфере, а также препятствие осуществлению субъектами властных полномочий миграционного учёта и контроля миграционной сферы [1].

Действительно, «Вопросы профилактики правонарушений и обеспечения национальной и общественной безопасности тесно связаны друг с другом, а обеспечение национальной и общественной безопасности предполагает развитие и дальнейшее усовершенствование системы профилактики правонарушений, а также деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения национальной и общественной безопасности, и, прежде всего, при осуществлении мер профилактики правонарушений». Частью системы обеспечения национальной безопасности является также и «миграционная безопасность» [2].

Проблемы, возникающие в сфере миграции являются взаимосвязанными и, как правило, взаимодополняющими, что лишь подчёркивает необходимость комплексного подхода для их сокращения и полного устранения в будущем.

Так, на протяжении многих лет нерешёнными остаются следующие проблемы: нелегальная миграция, коррупция,

пробелы в действующем законодательстве, конкуренция ведомств при оказании услуг и осуществлении административных процедур, правовой нигилизм, как среди граждан РФ, так и среди мигрантов. Также, можно отметить, что с распространением информационно-телекоммуникационных технологий, стремительно распространился и сформировался «рынок посреднических услуг». Наряду с обозначенными проблемами, отечественные исследователи также обращают внимание на проблему возникновения «этнических анклавов» [3].

Одной из проблем в сфере трудовой миграции является отсутствие чёткого разграничения в категориях мигрантов и порядке их легализации. Именно поэтому, представляется необходимым на законодательном уровне закрепить обязанность работодателей обеспечить соблюдение миграционного законодательства мигрантами, осуществляющими трудовую деятельность. И, предусмотреть меры ответственности для работодателей, не сумевших обеспечить надлежащее исполнение.

Согласно данным МВД России за январь-июль 2024 года:

«Проведено 176 тыс. мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации. <...> Общее число протоколов об административных правонарушениях в сфере миграции достигло 1 034 235».

Проведённый анализ статистических данных свидетельствует об улучшении административно-деликтной и криминогенной ситуации в сфере миграции в Российской Федерации, однако, следует констатировать высокую латентность, как количества нелегальных мигрантов, так и деяний, которые совершаются как со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства, так и со стороны граждан. Одной из проблем является участие организаций, в том числе, под видом оказания юридической помощи, которые на самом деле, помогают «легализации» правового статуса нелегальных мигрантов и пр.

Практическая сложность заключается в отсутствии возможности привлечения указанных лиц к публично-правовой ответственности в виду отсутствия соответствующих составов, что ещё раз подтверждает необходимость усовершенствования нормативно-правового регулирования в сфере миграции, усовершенствования процедуры миграционного учёта с целью предупреждения и профилактики правонарушений и преступлений в обозначенной сфере.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию, либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации» (ст.18.8), «Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации» (ст. 18.10), «Нарушение иммиграционных правил» (ст. 18.11), «Представление ложных сведений при осуществлении миграционного учёта» (ст. 19.27) и др.¹

Кроме того, в Проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Проект КоАП) выделены: «Глава 37. Административные правонарушения, посягающие на институт гражданства Российской Федерации, и в области регистрационного учёта граждан Российской Федерации» и «Глава 38. Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок пребывания, проживания и осуществления трудовой

деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»². В Главе 38 Проекта сокращены составы миграционных правонарушений.

По нашему мнению, необходимо закрепление чёткого разграничения схожих составов противоправных деяний в КоАП РФ и УК РФ, а также дополнение уже существующих норм, в части установления ответственности для должностных лиц, а также для организаций. Это необходимо для борьбы с «рынком услуг» в сфере миграции.

С 1 января 2025 года на территории Российской Федерации вступят в силу изменения миграционного законодательства, предполагающие ужесточение миграционного законодательства. Так, будет введён «режим высылки». Закон предусматривает создание реестра мигрантов, находящихся в режиме высылки. Иностранному гражданину будет считаться уведомлённым о внесении сведений о нем со дня их размещения на официальном сайте МВД. Также, стоит отметить наличие достаточно большого количества ограничений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

В целом, при рассмотрении обозначенной проблематики в зарубежных государствах, пришли к выводу о схожести как нормативно-правового регулирования, так и иных способов предупреждения противоправных деяний на постсоветском пространстве (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Узбекистан и др.).

В свою очередь, Киселёва Н. Г. отмечает: «установление системы обязательных требований и контрольно-надзорных функций зависит от основного вектора их миграционной политики. Некоторые государства придерживаются принципа привлечения иностранцев вне зависимости от их этнической принадлежности, другие – противоположного подхода. Кроме того, контрольно-надзорная деятельность организована с учётом особенностей политического устройства, системы государственных органов, геополитических и исторических особенностей.» [4].

Думается, что преобразование концептуального подхода к урегулированию миграционных правоотношений, а также формирование нового подхода к планированию миграционной политики в Российской Федерации, позволит сократить масштабы нелегальной миграции и незаконного трудоустройства мигрантов.

Ввиду несовершенства миграционного законодательства, а также отсутствия целого ряда дефиниций, логичным является вопрос о целесообразности внесения, по нашему мнению, в перспективе, возможно, провести некоторое разделение на категории иностранных граждан и лиц без гражданства с целью

Однако, по нашему мнению, необходимо принять ряд мер, направленных на ужесточение контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции, что вызвано объективной необходимостью и, вопреки расхожему заблуждению не будет иметь негативных последствия для отечественной экономики, а, напротив, стимулирует экономическое развитие Российской Федерации, поскольку усиление контрольно-надзорной деятельности будет обеспечивать надлежащее исполнение законодательства в сфере миграции, а также предупреждению миграционных правонарушений и преступлений.

Совершенно справедливо отмечают Полякова Н. В. и Запорожский Н. С.: «В настоящее время, даже с учётом реформирования контрольно-надзорной деятельности, у недобросовестных работодателей (заказчиков) услуг, принимающей

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

2 Проект Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/0009059) (не внесён в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191214#5Uqg3OUhylljvYk>.

стороны иностранного гражданина, присутствует ряд способов для «сокрытия» возможных нарушений миграционного законодательства РФ» [5].

Таким образом, помимо внедрения новаций в сфере цифрового профиля мигранта, усиления необходимы также является проведение преобразований в сфере административно-правового урегулирования трудовой миграции.

Первостепенной, по нашему мнению, является усовершенствование понятийного аппарата в законодательстве, регулирующем трудовую миграцию, поскольку используемые на сегодняшний день дефиниции не конкретизированы и, зачастую, имеют схожее значение, что приводит к путанице как у самих подконтрольных, так и у контролирующих субъектов миграционных правоотношений.

Решения обозначенных нами проблем в данном исследовании видится следующим образом:

1) проведение комплексного преобразования и реформирования публичного управления миграционной сферой;
2) разработка и утверждение новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, которая будет, прежде всего, направлена на решение проблем и задач в сфере обеспечения безопасности государства, способствовать сохранению традиционных, духовно нравственных ценностей и пр.;

3) необходимость продолжения работы, как по разработке, так и по усовершенствованию уже имеющихся программ и планов мероприятий, способствующих интеграции и адаптации всех субъектов миграционных правоотношений [6];

4) внедрить реестры недобросовестных работодателей и реестра иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляющих трудовую деятельность на территории РФ;

5) внедрение риск-ориентированного подхода к осуществлению контрольно-надзорной деятельности

Указанные преобразования, по нашему мнению трудно будет назвать стремительными, поскольку помимо законодательного и практического применения, речь идёт о формировании правовой культуры и правового сознания у всех субъектов миграционных правоотношений.

С целью усовершенствования публичного управления миграционными процессами, видится необходимым Учреждение института Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по вопросам миграции и миграционной безопасности в Российской Федерации и учреждение должности Уполномоченного по вопросам миграции и миграционной безопасности в субъектах РФ, будет способствовать решению целого ряда проблем, возникающих при реализации миграционных правоотношений их субъектами, наиболее эффективному применению положений миграционного законодательства и обеспечения миграционной безопасности, а также выработке актуальных предложений по усовершенствованию законодательства, регулирующего миграционные правоотношения, разработке и применению программ и практик по интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в принимающее сообщество.

Отметим, что указанный государственный орган будет обладать широкими полномочиями как в сфере защиты прав и законных интересов субъектов миграционных правоотношений, так и принимать непосредственное участие в разработке и реализации программ адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

С целью определения правового статуса, основных задач и полномочий, целесообразно разработать Проект Федерального закона «Об Уполномоченном при Президенте РФ по вопросам миграции и миграционной безопасности в Российской Федерации». Следует отметить, что указанный институт функционирует в ФРГ, а также в США [7].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что урегулирование и реализация миграционных правоотношений на

территории Российской Федерации, в целом, нуждается в качественной нормативно-правовой базе, в силу чего, необходимым видится проведение полноценной реформы миграционного законодательства, которая будет включать в себя разработку и утверждение обновлённой Концепции миграционной политики с учётом сложившейся обстановки как внутри государства, так и за его пределами, а также разработку и принятие ряда нормативно-правовых актов, направленных на восполнение пробелов действующего законодательства в обозначенной сфере, в том числе с учётом процессов всеобщей цифровизации. Также, необходимым шагом на пути к достижению поставленных целей является усиление контрольно-надзорной деятельности.

Думается, что обозначенные нами предложения, в долгосрочной перспективе будут способствовать формированию благоприятной миграционной ситуации и миграционного климата для всех субъектов миграционных правоотношений, обеспечению миграционной безопасности, стабильности и правопорядка в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Ковалишина К. В. О необходимости усовершенствования публично-правовой ответственности за нарушение миграционного законодательства // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвящённой празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, 15 марта 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 107-114.
2. Евсикова Е. В., Ковалишина К. В. Административно-правовые основы обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации: современные реалии и перспективы // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 29-33.
3. Лебедева Е. А. Противодействие созданию мест массового проживания иностранных граждан («анклавы») на территории Российской Федерации как задача публичной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 26-30.
4. Киселева Н. Г. Зарубежный опыт осуществления государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Научный портал МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 113-119.
5. Полякова Н. В., Запорожский Н. С. Контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции и пути ее совершенствования // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2019. – № 5-3. – С. 63-66.
6. Ковалишина К. В. Проблема обеспечения прав мигрантов в современных условиях // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 23 ноября 2023 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 287-297.
7. Трифонова К. В. Уполномоченный по вопросам миграции как правозащитный институт: принципы деятельности и анализ зарубежного опыта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – №4.

МАЮРОВ Николай Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Заслуженный юрист Российской Федерации

АЛЕКСЕЕВ Павел Вадимович

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос правового положения добровольческих формирований и их участников. Проведен комплексный анализ предоставляемых льгот и механизмы их реализации для данной социальной группы. Рассмотрена история развития статуса добровольца и добровольческих формирований. Выявлены имеющиеся пробелы в правовом регулировании данного вопроса, и предложено их решение, а также дальнейшее развитие правового регулирования добровольцев и добровольческих формирований.

Ключевые слова: социальные права, социальная поддержка, добровольческие формирования, добровольцы, специальная военная операция, государство, Российская Федерация.

MAYUROV Nikolay Petrovich

Ph.D. in Law, professor, professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Honored Lawyer of the Russian Federation,

ALEXEEV Pavel Vadimovich

postgraduate student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS IN VOLUNTEER FORMATIONS TAKING PART IN A SPECIAL MILITARY OPERATION: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

The article examines the issue of the legal status of volunteer formations and their participants. A comprehensive analysis of the benefits provided and the mechanisms of their implementation for this social group have been carried out. The history of the development of the volunteer status and volunteer formations is considered. The existing gaps in the legal regulation of this issue have been identified and their solution has been proposed, as well as the further development of the legal regulation of volunteers and volunteer formations.

Keywords: social rights, social support, volunteer formations, volunteers, special military operation, the state, the Russian Federation.

С самого начала специальной военной операции (далее СВО) в ней принимало участие большое количество добровольческих формирований, часть из них действовало еще с момента провозглашения Донецкой и Луганской Народных Республик, часть была создана с началом СВО или во время ее проведения. Учитывая полезность и мотивированность добровольческих формирований сразу встал вопрос об их правовом статусе, поскольку формально при отсутствии данного регулирования всех их участники нарушали целый ряд законодательных актов, помимо этого были сложности с определением подчиненности добровольческих формирований, вопроса их снабжения, а также льгот и статуса ветеранов данных формирований.

Фактически с начала СВО и до ноября 2022 добровольческие формирования не имели, какого-либо официального статуса в Российской Федерации. Это приводило к целому ряду проблем, как по материально-техническому обеспечению непосредственно на поле боя, так и в вопросе статуса ветеранов боевых действий и выплат семьям в случае комиссования по ранению или гибели. Не имея никакого формального статуса, добровольцы имели большой разрыв в выплатах и социальных гарантиях.

30 сентября 2022 года произошло вхождение новых регионов в состав России, а уже 4 ноября 2022 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.11.2022 № 419-ФЗ, которым был установлен правовой статус участника добровольческого формирования и самих добровольческих формирований¹. Была введена новая статья 21.1 в Федераль-

ный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (далее – Федеральный закон № 61-ФЗ), согласно данной статье были урегулированы вопросы добровольческих формирований. Так было установлено, что данные формирования создаются Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации².

Это создало некоторые сложности в переходный период ввиду уже фактического существования добровольческих формирований на момент внесения изменений в Федеральный закон № 61-ФЗ. Это привело к необходимости вместо создания с нуля новых добровольческих формирований легализовать уже имеющиеся.

Для разрешения данной проблемы министром обороны 15 февраля 2023 был подписан приказ, по которому добровольческие формирования должны были подписать контракт с Министерством обороны Российской Федерации. По итогу данные контракты были подписаны всеми сохранившимися добровольческими формированиями. Как видно фактически переходный период растянулся почти на год, в ходе которого правовой статус большей части добровольческих формирований не был в полной мере урегулирован.

На данный момент все вопросы комплектования добровольческих формирований тоже определяется Министерством обороны Российской Федерации, а именно численность формирования, районы осуществления боевых действий и главное – порядок управления. Фактически это означает, что добровольческие формирования непосредственно подчиня-

ФЗ // «Российская газета». – № 251. – 08.11.2022.

1 Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.11.2022 № 419-

2 Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ // «Российская газета». – № 106. – 06.06.1996.

ются офицеру, осуществляющему командование на направлении выполнения боевых задач.

С целью конкретизации данных вопросов, был принят приказ Министра обороны РФ от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» (далее – Приказ). Согласно Приказу рассмотрением заявления о поступлении на службу в добровольческие формирования занимаются военные комиссариаты, либо по месту жительства, для лиц не стоящих на военном учете, либо те, в которых гражданами состоит на военном учете. Также в Приказе отражены ограничения для приема в добровольческие формирования и требования для прохождения медицинского осмотра. При этом медицинский осмотр обязательно включает психологический осмотр с беседой для установления целей и причин поступления в добровольческие формирования и психологическую устойчивость добровольца³.

Также приказом предусмотрено формирование специальных воинских частей, выполняющих мероприятия по формированию добровольческих формирований. В данных частях добровольцы получают обмундирование, а также проходят доподготовку, в ходе которой определяется его уровень навыков и его подготовки на должность, установленную временным штатно-должностным расчетом добровольческого формирования. Только после прохождения данного обучения доброволец попадает непосредственно в добровольческое формирование⁴.

Уже начиная с подписания контракта на добровольца распространяется полный перечень прав и обязанностей, значительная часть из них отражена в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁵. В статье 13.2 установлены нормы денежного содержания граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. Его размеры и порядок обеспечения устанавливаются Минобороны России не ниже размеров денежного довольствия военнослужащих, занимающих аналогичные воинские должности. Внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»⁶. Данные выплаты во много были приведены к уровню довольствия военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации.

Таким образом, основные вопросы добровольческих формирований были урегулированы, однако, важно обратиться к историческому опыту деятельности добровольческих формирований и в целом добровольцев, что позволит выявить неочевидные недостатки действующего правового регулирования.

Начнем с опыта СССР, прежде всего надо определить, кого в то время считали добровольцами. Во-первых, это были лица, которые добровольно не по повестке явились с прось-

бой отправить на фронт. Данные лица сводились в отдельные добровольческие формирования, которые включались в обычные воинские части. Во-вторых, добровольцами считались лица, которые имели бронь, были освобождены от призыва или не относились к призывному возрасту.

В связи со сложностями осуществления призыва ввиду пропускной способности пунктов подготовки и комплектования был принят особый порядок, по которому добровольцы призывались и отправлялись на обучение без очереди. Данное решение является логичным и применимым и сейчас, учитывая перегруженность военкоматов, особенно во время проведения очередного призыва на срочную службу, целесообразно официально закрепить правило прохождения добровольцев и лиц, поступающих на военную службу по контракту, всех процедур без очереди [3].

Учитывая происходящие проникновения диверсионно-разведывательных и террористических групп на территорию Российской Федерации, целесообразно вспомнить, что во времена Великой Отечественной войны были приняты Постановления СНК СССР от 24.06.1941 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» [4]. Во исполнение названных актов Приказ НКВД СССР от 25.06.1941 № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» обязал руководителей нижестоящих управлений в течение суток при органах НКВД создать истребительные батальоны⁷. Данные батальоны состояли помимо сотрудников НКВД и из добровольцев из числа местных жителей, в некоторых случаях данные батальоны состояли целиком из добровольцев под командованием сотрудников НКВД.

Данные боевые части показали высокую эффективность в борьбе как с диверсантами, так и с неожиданными прорывами противника. Фактически за линиями обороны выстраивалась дополнительная резервная линия, которая мешала прорвавшимся или проникнувшим силам врага нарушать связность и целостность фронта, а также защищала критическую инфраструктуру. При этом важно помнить, что в случае отступления основных сил, данные части за счет руководства кадровыми офицерами достаточно легко вливались во фронтовые части и помогали обеспечивать оборону [2]. При этом, за счет специализации они имели несколько другой перечень снаряжения, которое колебалось от фронта к фронту. Так при обороне Ленинграда они выполняли и функции пожарных при обстрелах и при этом каждый батальон в обязательном порядке имел средства борьбы с техникой, что позволяло купировать одиночные прорывы [6].

Таким образом, очевидным заимствованием из советского опыта видится разделение добровольческих формирований на различные категории с различными условиями прохождения службы и льготами. В настоящий момент, подобные пытаются реализовать в рамках территориальной обороны в приграничных районах Российской Федерации. Однако территориальная оборона имеет ряд проблем с обеспечением и обучением, так на начальном этапе были сложности с выдачей даже стрелкового оружия. В дальнейшем данный вопрос был частично решен, однако до сих пор значительная часть территориальной обороны представляет собой фактически мобилизационный резерв, которые проходят обучение раз в квартал и военные сборы раз в полгода, а в случае необходимости привлекаются к боевым действиям [5].

Данные действия являются недостаточными для формирования соединений достаточных противодействия проникновению диверсионно-разведывательных групп, целесообразнее видится с опорой на опыт СССР создать специальный вид добровольческих формирований, условно их можно назвать «отдельные истребительные отряды прикрытия границы», состоящие из местной территориальной

3 Приказ Министра обороны РФ от 15 февраля 2023 г. № 67 «Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта» // «Российская газета». – № 137. – 07.03.2023.

4 Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ // «Российская газета». – № 45. – 05.03.1997.

5 Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ // «Российская газета». – № 104. 02.06.1998.

6 Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 07.11.2011 № 306-ФЗ // «Российская газета». – № 251. – 09.11.2011.

7 Приказ НКВД СССР от 25.06.1941 № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» // ЦА ФСБ России. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 579. – Л. 251-263.

обороны, однако находящихся на службе постоянно, хотя и в границах своего региона и с льготными правилами отпуска и ротации. Размер их денежного довольствия целесообразным видится установить по формуле: к доходу добровольца до поступления на службу прибавляется зарплата военнослужащего соответствующей специальности и звания. Таким образом, будет создана надежная защита от диверсионно-разведывательных групп противника, повышена мотивация местных жителей вступать в подобные добровольческие формирования, одновременно будет сохранена справедливость в вопросе соразмерности рисков и тяжести службы и выплат между ними и участниками СВО. При этом, в случае если данные добровольческие формирования будут вынуждены принять участие непосредственно в боевых действиях, все участники данного формирования получат все льготы, полагающиеся ветеранам боевых действий.

Целесообразно обратиться и к опыту Российской империи, а именно к институту вольноопределяющихся. У данного института была длительная история, однако наиболее интересен нам этап после отмены рекрутского набора, хотя основная цель всегда была одна – привлечь в вооруженные силы образованные кадры.

Вольноопределяющиеся имели ряд льгот перед обычными рядовыми, ключевым из которых являлось право на ускоренную сдачу офицерского экзамена, так вольноопределяющиеся с высшим образованием имели право на произведение в офицеры при условии прохождения 3 месяцев строевой службы и после сдачи экзаменов по военным наукам из курса юнкерского училища. Такие же экзамены сдавали лица со средним образованием, но служить требовалось год⁸. Данные льготы были обусловлены традиционным нежеланием лиц с невоенным образованием идти в армию и дефицитом офицеров особенно младшего состава. При этом данный институт показал себя эффективно не только в привлечении, но и в удержании на военной службе образованных кадров и к 1917 около половины генералов составляли бывшие вольноопределяющиеся. Даже с учетом малого числа лиц с высшим образованием на протяжении второй половины девятнадцатого века 1,5-2 тысячам вольноопределяющимся ежегодно присваивались офицерские чины [7].

Данный опыт конечно нельзя перенимать дословно, изменилась и социальная структура общества, и число образованных лиц и потребности армии. Нельзя, однако, не признать, что крайне странно направлять человека, получившего полное высшее образование на службу по общему основанию, при том, что данный человек уже фактом освоения высшего образования доказал свои когнитивные возможности и как следствие способен быстрее освоить необходимые военные навыки и знания для младшего командного состава.

Помимо этого, привлечение молодых лиц с высшим образованием, не связанным с военными специальностями, достаточно затруднено, иногда даже не столько ввиду принципиального нежелания заниматься военной службой, в том числе, в рамках добровольческих формирований, сколько ввиду понимания формальной бесполезности полученного образования для продвижения по службе. Говоря более предметно, гражданин, поступивший на службу в 18 лет, уже в 19 может стать младшим сержантом и затем, получив образование в военной образовательной организации высшего образования, будет в 23 младшим лейтенантом, при этом гражданин, получивший полное высшее образование и после поступивший на военную службу будет в 23 максимум сержантом. Соответственно, по итогам получения любого образования кроме военного идти на военную службу нецелесообразно.

Данная проблема еще более обострилась с началом СВО, поскольку потребовалось привлечение большого числа лиц в младший и средний командный состав, что частич-

но достигается благодаря большому числу лиц прошедших срочную службу, однако, наиболее эффективен молодой военнотрудовой, пусть резервист за сорок способен воевать, но его среднестатистические физические данные будут хуже, чем у человека едва за двадцать.

Таким образом, введение льгот для лиц с высшим образованием добровольно и впервые поступивших на военную службу, включая службу в добровольческих формированиях, сходные с льготами, которые предоставлялись вольноопределяющимся, позволит не только повысить количество, но и качество привлекаемых к службе граждан. Например, вполне возможно сократить для них срок службы для присвоения званий и заменить требование на получение полноценного образования в военной образовательной организации высшего образования на прохождение курсов повышения квалификации.

По итогу, можно сказать, что основные сложности функционирования добровольческих формирований были решены, однако до сих пор остались пробелы, требующие исправления, что сможет повысить эффективность деятельности добровольческих формирований, а также число и мотивированность добровольцев.

Из основных хочется отметить введение градации добровольческих формирований, с формальным разделением их обязанностей и выделение части из них в более эффективную замену территориальной обороны.

Также, хочется повторно отметить важность привлечения, как в вооруженные силы, так и в добровольческие формирования образованных кадров, в чем бесценным является опыт Российской Империи, поскольку именно она сталкивалась со сложностью привлечения образованных кадров к военной службе.

Пристатейный библиографический список

1. Антипьева Н. В. Социальное обеспечение военнотрудовых (проблемы правового регулирования): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 45 с.
2. Борисевич С. П. Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны // Научное образование. – 2021. – № 3 (12). – С. 21-25.
3. Брыксин И. И. Добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской области) // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 241-249.
4. Колошинская Н. В. Проблемы правового регулирования организации и деятельности истребительных батальонов в Ленинграде (1941-1944 гг.) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 2 (74). – С. 112-114.
5. Корякин В. М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции: учебник и практикум. – Москва: Русайнс, 2024. – 293 с.
6. Медведев Е. Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса // Российская история. – 2022. – № 3. – С. 146-153.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. – Москва: Воениздат, 1993. – 367 с.: ил.; 22 см.

8 Об изменении Устава о воинской повинности: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон 23 июня 1912 г. // 3 ПСЗ. – Т. 32. – № 37417. Собрание узаконений. – 1912. – 10 июля. – Отд. I. – Ст. 1197.

СОСНОВСКИЙ Дмитрий Владимирович

магистрант, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

В настоящей статье автор предлагает рассматривать право на информацию в качестве элемента правового статуса медицинского работника. Предлагается обозначить основные аспекты права на информацию в связи с осуществлением медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Кроме того, автор предлагает реформировать положения действующего законодательства об обращении лекарственных препаратов в части расширения правовых средств медицинских работников по получению информации о лекарственном препарате.

Ключевые слова: медицинский работник, право на информацию, лекарственный препарат, информация, запрос.

SOSNOVSKIY Dmitry Vladimirovich

magister student, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

RIGHT TO INFORMATION AS A PART OF MEDICAL WORKERS LEGAL STATUS

In this article the author proposes to consider the right to information as an element of the legal status of a medical worker. It is proposed to outline the main aspects of the right to information in connection with the exercise by a medical worker of his professional duties. In addition, the author proposes to reform the provisions of the current legislation on the circulation of medicines in terms of expanding the legal means of medical workers to obtain information about a medicinal product.

Keywords: medical worker, right to information, medication, information, inquiry.

Информационные права являются одним из неотъемлемых элементов любого правового статуса как ординарного (например, гражданина), так и специального субъекта правоотношений. В настоящее время в законодательстве, судебной практике и научной литературе практически отсутствует освещение проблематики права на информацию как элемента правового статуса медицинского работника, хотя в условиях, с одной стороны, цифровизации различных сфер государственного управления, в том числе сферы здравоохранения, а с другой стороны, противодействия санкционным рискам, выражающимся, помимо прочего, в области информационной асимметрии. Именно поэтому анализ проблематики, существующей в области информационных прав, как права медицинского работника представляется крайне актуальной.

Действующее российское законодательство не предполагает существования общей нормы, устанавливающей правовые средства получения необходимой для осуществления медицинским работником своей профессиональной деятельности. Допустимо обозначить, что действующее законодательство исходит из существования модели права на информацию в медицинской сфере, которая предполагает легализацию лишь пассивного права на информацию, то есть обязанности медицинского работника по предоставлению запрашиваемой информации со стороны пациента либо третьих лиц; в то же время, пассивной информационной обязанности медицинского работника не корреспондирует активное информационное право на получение необходимой информации в качестве общей нормы. Действующее законодательство содержит лишь крайне узкие примеры, наделяющие медицинского работника правом на получение информации, необходимой для осуществления своей профессиональной деятельности.

В положениях закона «Об основах охраны здоровья граждан»¹ и в законе «Об обращении лекарственных средств»² содержатся положения, соответствующие активной

обязанности медицинского работника по предоставлению информации, связанной с осуществлением своей профессиональной деятельности. Так, медицинский работник обязан достоверно информировать пациента о состоянии его здоровья, равно как и обеспечивать охрану данной информации от неуправомоченных третьих лиц (ч. 1 ст. 22, п. 6 ч. 1 ст. 79 Закона об основах охраны здоровья граждан); право на получение информации о лекарственном препарате (ст. 67 закона «Об обращении лекарственных средств»). Кроме того, подзаконные акты указывают на ряд категорий информации, связанных с отрицательными происшествиями и подлежащих передаче в систему фармаконадзора и Росздравнадзора³. Иначе говоря, действующее законодательство формирует системы информационных прав пациентов и связанных с ним лиц, однако, не предполагает закрепления соответствующей возможности за врачом или медицинским работником (далее – медицинский работник).

Вопрос информационных прав в медицинской сфере становился предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ (далее – КС РФ). КС РФ занял позицию, связанную с тем, что право на получение информации в медицинской сфере должно постепенно расширяться в связи с тем, что его узкое восприятие рискует привести к информационной асимметрии. Кроме того, КС РФ прямо указывает на то, что в рамках реформирования действующего законодательства в части регулирования информации по вопросам медицинской и фармацевтической деятельности необходимо учитывать баланс интересов к доступу к соответствующей информации со стороны широкого круга лиц (например, пациенты, их правопреемники, заинтересованные органы и т.п.)⁴. При этом объективным недостатком правовой позиции КС РФ является односторонний взгляд на проблему

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2011. - № 48. - Ст. 6724 (далее – Закон об основах охраны здоровья граждан).

2 Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. - 2010. - № 16. - Ст. 1815 (далее – Закон об обращении лекарственных средств).

3 Письмо Росздравнадзора от 31.01.2020 № 02И-208-20 «Об организации работы фармаконадзора в медицинских организациях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 См. п. 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 1-П по делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой // СЗ РФ. - 2020. - № 3. - Ст. 275.

информационных прав, поскольку данная проблема рассматривается лишь через призму доступа к медицинской информации со стороны пациента и действующих на стороне такого пациента лиц. В то же время информационные права медицинских работников в медицинской и фармацевтической сферах обделены вниманием, как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения правоприменения.

Полагаем, что наличие подобной проблемы в правовом регулировании информационных прав медицинских работников будет приводить к снижению эффективности их медицинской деятельности, которая выражается в оказании некачественной медицинской помощи, связанной с отсутствием осведомленности относительно определенных механизмов действия лекарственного препарата.

В настоящее время в положениях ст. ст. 67-67.2 закона «Об обращении лекарственных средств» установлены основные условия и случаи использования информации о лекарственных средствах при осуществлении отдельных категорий деятельности медицинским работником. В целом, случаи использования информации следует обозначить как специальные и узконаправленные, поскольку они не предполагают закрепления за медицинским работником возможности по получению необходимой информации о лекарственном препарате.

Обращаясь к зарубежному опыту, обозначим, что ЕС стал одной из первой юрисдикций, где обеспечивается прозрачность не только реестра зарегистрированных патентов, но и реестра заявок, поданных для соответствующей регистрации. Подобный подход, связанный с открытостью информации, делал оборот лекарственных препаратов безопаснее, обеспечивал его предвидимость для третьих лиц.

При этом существуют определенные сферы – связанные со стандартизацией, а также обеспечением информирования и информационной открытости – которые напрямую урегулированы как в национальном, так и в наднациональном законодательстве. Очевидно, что в данных сферах сотрудничество и взаимопроникновение двух уровней необходимо для целей обеспечения сотрудничества участников фармацевтического рынка, а также снижения общих издержек, возникающих в связи с правовой охраной лекарственных препаратов. В целом, необходимость реформирования системы информационных прав в медицинской сфере подчеркивается в действующей доктрине с точки зрения повышения эффективности медицинской деятельности [1, с. 6].

При этом стандарты информирования и иного взаимодействия не предусматриваются в Соглашении ТРИПС и ТРИПС-плюс, которое касается минимальных стандартов осуществления интеллектуальных прав, но четко обозначается в наднациональных (ЕС, ЕАЭС) документах. В этой связи Ф. В. Цомартова отмечает, что информационная система ЕАЭС в сфере обращения лекарственных средств является частью интегрированной информационной системы [2, с. 81-85].

В контексте евразийского взаимодействия следует указать на то, что ЕАЭС в сфере обращения лекарственных средств по уровню прозрачности не достигла европейских стандартов. Согласно ст. 14 Соглашения, цель создания единого информационного пространства и единого реестра лекарственных средств заключается в обеспечении представления единой объективной и достоверной информации относительно лекарственных средств⁵. При этом информация предоставляется относительно открытой части реестра, то есть в отношении лекарственных средств, прошедших процедуру регистрации, но не в отношении закрытой части реестра, которая находится в процессе регистрации или не завершила регистрацию по различным причинам [2, с. 75-77].

Национальные законодательства под воздействием наднационального регулирования устанавливают основную информацию, которая подлежит обозначению на этикетках. В рамках ЕС отражению подлежит информация, связанная с названием, активным ингредиентом, правилами использования, датой истечения сроков годности, а также устанавли-

ваются особые предостережения при их наличии⁶. В отечественном регулировании указанию подлежит информация как на первичной (наименование, срок годности, дозировка, концентрация, объем, активность и т.п.), так и на вторичной упаковках (аналогичные данные, а также номер регистрационного удостоверения, способ применения, лекарственная форма, условия отпуска, условия хранения, а также предупредительные надписи) (ч. 1 ст. 46 закона «Об обращении лекарственных средств»). Помимо прочего, в зависимости от особенностей лекарственного препарата, а также иных условий производства лекарственного препарата указываются иные данные (ч. 2-12 ст. 46 закона «Об обращении лекарственных средств»).

Подобные меры по информированию потребителя являются достаточно важными в современных условиях потребительского общества, поскольку информация, представляемая потребителю, позволяет покупателю сделать более осознанный выбор, однако, слишком большой объем информации, например о возможных последствиях применения лекарств, может оттолкнуть потенциального потребителя [3, с. 120]. Следовательно, информирование и маркировка лекарственных препаратов составляет важный элемент взаимодействия национальных и наднациональных правил регулирования в части информирования потребителей.

Примером дальнейшей детализации положений наднационального регулирования в российской практике является введение института обязательной маркировки, а также государственной информационной системы мониторинга за оборотом соответствующих товаров. Лекарственные препараты и лекарственные изделия не являются исключениями из этого правила, поскольку они подлежат обязательной маркировке в государственной информационной системе по отслеживанию оборота соответствующих объектов⁷. Усиление подобных тенденций, связанных с контролем над оборотом лекарственных препаратов, представляет весьма важным в контексте повышения стандартов качества лекарственных препаратов и иных медицинских изделий.

В контексте соотношений национальных и наднациональных механизмов правовой защиты лекарственных препаратов правопорядки не имеют чрезмерно тесной связи, ограничиваясь лишь информационным обеспечением, а также стандартизацией лекарственных препаратов для целей введения их в оборот. Подобная ситуация объясняется тем, что на данный момент правопорядки не готовы к взаимопроникновению, а также подмене национальных правил наднациональным регулированием.

Кроме того, вопрос информационных прав медицинских работников может оказаться актуальным в контексте использования препаратов off-label, которые могут использоваться без проведения клинических испытаний на территории определенного государства. В целом, такие исследования являются лишь бюрократическим барьером на пути применения жизненно важных лекарственных препаратов, в результате чего в некоторых случаях допускается их применение в обход существующих бюрократических требований.

В настоящее время применение препаратов off-label на территории РФ является неопределенным, поскольку национальное правовое регулирование на данный момент не сложилось⁸. При этом на наднациональном уровне (уровень

6 Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 in the community code relating to medicinal products for human use // Official Journal. - 2004. - L 311. - P. 67-128.

7 См.: Федеральный закон от 27.12.2019 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. - 2019. - № 52 (часть I). - Ст. 7780; п. 3 Постановления Правительства РФ от 14.12.2018 № 1556 «Об утверждении Положения о системе мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения» // СЗ РФ. - 2018. - № 53 (часть I). - Ст. 8641.

8 Законопроект № 1145391-7 О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в части совершенствования системы оказания

5 См. ст. 14 Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23.12.2014 г. // СЗ РФ. - 2016. - № 20. - Ст. 2776.

Евразийского экономического сообщества (далее – ЕАЭС)) правовое регулирование подобных препаратов имеет место: в качестве применения препарата в порядке off-label представляет собой применение с медицинской целью, но вне утвержденной инструкции или общей характеристикой лекарственного препарата⁹. При этом практика применения данных норм разнообразна: при формальном подходе к использованию off-label препаратов врачебные комиссии лишаются права назначать лекарственные препараты не в связи с прямым назначением лекарственного препарата, но если исходить материально, то судебная практика свидетельствует о неправомерности отказа в назначении пациенту лечения препаратами off-label¹⁰. Помимо ряда недостатков, связанных с использованием такого препарата в медицинской деятельности, а также места таких препаратов и его влияния на фармацевтический рынок, отметим, что отсутствие требования о проведении клинических исследований препятствует получению полноценной информации о лекарственном препарате для медицинского работника.

Именно поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о возможности наделения медицинского работника полномочиями по запросу информации, необходимой для осуществления своей профессиональной деятельности. Первоначально целесообразно базироваться на положениях ст. 67 закона «Об обращении лекарственных средств», где целесообразно закрепить общее право медицинского работника на получение информации о лекарственном препарате. В целом, подобное правовое средство позволит повысить эффективность профессиональной деятельности медицинского работника, который может самостоятельно получать соответствующую информацию у определенных организаций (например, производителей лекарственного препарата, его официального импортера и т.п.).

Если обращаться к политико-правовой основе данного полномочия, то оно характерно для множества субъектов профессиональной деятельности (например, для адвокатов или арбитражных управляющих в деле о банкротстве). Наиболее развитым является институт адвокатского запроса, который позволяет обеспечить эффективное оказание юридической помощи [4]. В то же время основным различием адвокатского запроса и предполагаемого правового средства, позволяющего медицинскому работнику запрашивать информацию о лекарственном препарате, заключается в том, что соответствующее полномочие медицинского работника может быть реализовано через единую систему информационная система в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ) (ст. 91.1 закона «Об основах охраны здоровья граждан»).

В целом, соответствующие правила позволяют устранить пробел в законодательстве об обращении лекарственных средств в части реализации права медицинского работника на получение информации о лекарственном средстве путем использования ЕГИСЗ либо иным путем, позволяющим идентифицировать медицинского работника как субъекта профессиональной деятельности. Подобное правило будет способствовать реализации возможности оперативного доступа к информации, а также исключит случаи затягивания или иные ситуации, связанные с нарушением прав медицинского работника. Целесообразно определить механизм самостоятельного получения информации о лекарственных

средствах, а также описать порядок фиксации информации, имеющей значение для медицинского работника на специальных бланках либо иным способом.

Информационные права медицинских работников легализованы и в зарубежных правовых системах. Если обратиться к законодательству Великобритании, то оно предусматривает порядок получения информации о лекарственном препарате, в том числе чувствительной информации о лекарственном препарате, при помощи системы электронного взаимодействия¹¹. В то же время подобный порядок предполагает не только урегулирование вопроса предоставления информации о лекарственном препарате медицинскому работнику, но и предусматривает полноценный информационный обмен, включающий в себя необходимость обмена информацией не только в отношении информации о лекарственном препарате, но и в отношении более широкого круга данных, связанных с полным циклом использования лекарственного препарата. Иначе говоря, модель информационного обеспечения медицинской деятельности, во-первых, принимает электронную форму, что упрощает взаимодействие между заинтересованными субъектами, а, во-вторых, расширяет категории информации, которые подлежат раскрытию и предоставлению в рамках электронного взаимодействия. В этой связи отечественные новеллы могут оказаться примером следования международным стандартам в фармацевтической сфере.

Расширение информационных прав медицинских работников в контексте осуществления медицинской деятельности, предполагающей как оказание медицинской помощи пациенту, так и обеспечение использования лекарственных препаратов, предполагает необходимость легализации правовых механизмов получения информации, касающейся тех или иных свойств лекарственных препаратов. В условиях широкого распространения лекарственных препаратов off-label, развитие интеграционных экономических объединений, а также активного развития фармацевтической сферы необходимо обеспечение широкого доступа к информационной составляющей лекарственных препаратов во избежание информационной асимметрии медицинских работников.

Необходимо закрепление в действующем законодательстве положения относительно возможности получения необходимой информации относительно лекарственного препарата со стороны медицинского работника. Реализация такого механизма может быть осуществлена как на базе ЕГИСЗ, так и путем создания системы запросов, которая позволила бы медицинскому работнику самостоятельно либо от имени медицинской организации направлять соответствующие запросы производителям лекарств.

Пристатейный библиографический список

медицинской помощи детям). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145391-7> (дата обращения: 01.02.2025). При этом следует отметить, что на данный момент применение off-label препаратов не урегулировано, что вызывает существенные риски для национального здравоохранения.

9 См. Раздел 1 Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2017 № 87 «Об утверждении Правил надлежащей практики фармаконадзора Евразийского экономического союза». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 См.: Определение Верховного Суда РФ от 02.12.2019 № 11-КГ19-24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 11-КГ18-8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Шабров Р. В. Изменения в законе «Об обращении лекарственных средств» // Ремедиум. – 2014. – № 3 (123). – С. 4-8.
2. Путило Н. В., Волкова Н. С., Морозов А. Н. [и др.]. Научно-практический комментарий к соглашению о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г. (постатейный) / Отв. ред. Н. В. Путило. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – 96 с.
3. Волков А. К., Рыжков А. А. Влияние права Европейского союза на регулирование национальных рынков фармацевтических средств государств-членов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 2. – С. 116-133.
4. Осокин А. В. Защита права адвоката на получение информации по адвокатскому запросу: вопросы теории и практики // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 1242-1270.

11 The National Health Service (Charges and Pharmaceutical and Local Pharmaceutical Services) (Amendment) Regulations 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/1126/made> (date of approach: 01.02.2025).

БУРЛАКОВА Ева-Мария Михайловна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, помощник депутата Государственной Думы Российской Федерации С. Н. Коткина по работе в Государственной Думе на общественных началах

Бурлакова Е. М.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Тема. Статья посвящена исследованию системы государственного управления в сфере спорта в Индии.

Цели. Анализ административно-правовых аспектов системы и структуры органов государственного управления спортом в Индии. Выявление особенностей системы управления спортом, роли государства в управлении спортом.

Методология. Применен системный анализ, а также контент-анализ многочисленных отечественных и зарубежных источников: научных исследований, нормативных правовых актов Индии, приведена историческая ретроспектива.

Результаты. Проанализирована система государственного управления спортом в Индии и этапы ее становления; приведена авторская схема системы управления спортом в Индии; выявлены пробелы в системе управления спортом и недостаток участия государства в его управлении.

Выводы. Участие индийского государства в управлении спортом осуществляется без активного вмешательства, что влечет за собой такие проблемы, как недостаточная прозрачность, неравенство в доступе к спортивной инфраструктуре и другие. Принятие новых законодательных инициатив может сыграть важную роль в решении этих проблем.

Ключевые слова: спорт, административное право, законодательство о спорте, государственное управление в сфере спорта, Индия.

BURLAKOVA Eva-Mariya Mikhaylovna

candidate of Ph.D. in Law, M. V. Lomonosov Moscow State University, Assistant to S. N. Kotkin, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, for work in the State Duma on a voluntary basis

ADMINISTRATIVE-LEGAL FEATURES OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE FIELD OF SPORTS IN THE REPUBLIC OF INDIA

Topic. The article is devoted to the study of public administration system in the field of sports in India.

Objectives. Analysis of the administrative and legal aspects of the system and structure of public administration of sports in India. Identification of the aspects of the system of sports administration, the role of the state in sports administration.

Methodology. System analysis as well as content analysis of numerous domestic and foreign sources: scientific studies, normative legal acts of India, historical retrospective was applied.

Results. The system of public administration of sports in India and the stages of its formation are analysed; the author's scheme of the system of sports administration in India is given; the gaps in the system of sports administration and the lack of state participation in its administration are revealed.

Conclusions. The Indian state's involvement in the governance of sport has been without active intervention, leading to problems such as lack of transparency, inequalities in access to sport infrastructure and others. The adoption of new legislative initiatives can play an important role in addressing these issues.

Keywords: sport, sports law, sports legislation, public administration in the field of sports, India.

Введение

Индия обладает значительным потенциалом в сфере физической культуры и спорта, имея опыт проведения таких крупных международных соревнований, как Игры Содружества, Азиатские игры, чемпионаты мира по хоккею на траве и крикету. Однако, помимо популярных видов спорта (крикета, пулевой стрельбы, бадминтона, вольной борьбы), индийские спортсмены не демонстрируют выдающихся результатов в других дисциплинах.

Тем не менее, спортивная индустрия Индии развивается, что делает актуальным изучение ее опыта в области

административно-правового регулирования и реализации государственного управления в сфере спорта.

Индийские ученые в области административного права рассматривают государственное управление как многогранную дисциплину, которая включает в себя реализацию государственной политики, управление государственными программами и деятельность чиновников в рамках административной системы [1]. Деятельность органов государственной власти играет важную роль в функционировании сферы спорта, так как через государственное управление осуществляется реализация государственной политики в данной области.

В этой связи исследование зарубежных практик управления спортом значимо для возможного совершенствования системы в России. Опыт Индии был подробно изучен О. А. Кашуро, защитившей в 2017 году диссертацию по теме: «Особенности административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере спорта в Индии» [4]. Однако система управления спортом в стране продолжает меняться, что требует дальнейшего изучения.

Из зарубежных авторов чьи работы касались отдельных аспектов исследуемой темы, можно выделить следующих: Дешпанде Б. [2], Мангалдас Сирил Амарчанд [6], Рамачандран К.К. Кейс [8], Шаббир С. Вахария¹, Митеш Кумар [3] и другие.

Становление государственного управления спортом в Индии

Несмотря на определенный уровень развития спорта в Индии двухсотлетнее господство колонизаторов привело страну к глубокой культурной отсталости, в том числе к упадку развития спорта. После обретения независимости (1947 г.) произошли существенные изменения. В 1948 году был создан Комитет физического воспитания (Комитет Тара Чанд), который предложил рекомендации по развитию физической культуры, включая создание центрального органа управления². В 1950 году появился Центральный консультативный совет по физическому воспитанию и рекреации. В 1954 году был образован Национальный спортивный совет (Совет), который курировал взаимодействие правительства с национальными спортивными федерациями³. После этого под эгидой Совета были образованы его подразделения: спортивные советы на уровне штатов и округов.

В 1956 году Министерство образования запустило программу популяризации национальных видов спорта. В 1958 году создан Департамент спорта и благосостояния молодежи. В этот период руководство спортом осуществлялось через Министерство образования.

Правительство формировало комиссии для изучения зарубежного опыта, в частности, структуры олимпийской подготовки. В 1961 году комиссия рекомендовала включить спорт в образовательные программы. Однако четкой системы управления спортом в стране еще не существовало: управление осуществлялось через Совет, не имеющий статуса министерства, а часть функций выполнялась Министерством образования⁴.

Серьезным шагом стало проведение IX Азиатских игр 1982 года в Нью-Дели. Впоследствии был создан Департамент спорта, который в 1985 году был реорганизован в Департамент по делам молодежи и спорта.

В 1984 году также было создано Спортивное управление (SAI) – автономная организация под общим контролем Министерства развития человеческих ресурсов и Департа-

мента по делам молодежи и спорта. Спортивное управление было учреждено в форме Общества, зарегистрированного согласно Закону Индии от 1860 г. «Об обществах» во исполнение Резолюции Департамента спорта Правительства Индии с целью продвижения спорта и игр, как указано в Резолюции [2].

В настоящее время Спортивное управление, будучи автономной организацией, подчиняется Министерству по делам молодежи и спорта.

Основные задачи Спортивного управления: выявление спортивных талантов, обучение, международное сотрудничество, развитие спортивной инфраструктуры и поддержка национальных команд и др.⁵

Система государственного управления спортом

В 2000 году Департамент по делам молодежи и спорта получил статус Министерства, а в 2008 году Министерство по делам молодежи и спорта было разделено на два отдельных департамента: Департамент спорта и Департамент по делам молодежи⁶. Такая структура Министерства действует и по сей день.

На тот момент полномочия обоих департаментов были определены Постановлением Правительства Индии от 1961 года⁷. Изначально функциями Департамента спорта являлись – финансовая поддержка национальных федераций, студенческих спортивных организаций, Олимпийской ассоциации Индии; управление национальными институтами подготовки тренеров; развитие спортивной инфраструктуры; организация спортивных мероприятий; установление спортивных стандартов и др.⁸

Указанный нормативный правовой акт действует и в настоящее время с изменениями от 2017 года и относит к ведению Департамента спорта: спортивная политика; Национальный фонд благосостояния спортсменов; Национальный институт спорта имени Нетаджи Субхаса; Спортивное управление Индии; вопросы, связанные с Индийской олимпийской ассоциацией и национальными спортивными федерациями; участие индийских спортсменов в международных соревнованиях и участие иностранных спортсменов в международных соревнованиях в Индии; национальные спортивные премии; спортивные стипендии; обмен спортивными деятелями, экспертами и командами с зарубежными странами; спортивная инфраструктура, включая финансовую помощь для ее создания и развития; финансовая помощь на проведение тренировок, соревнований, экипировку и другие сопутствующие вопросы; спортивные вопросы союзных территорий; физическое воспитание⁹.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sportsauthorityofindia.nic.in/sai/about-us>.

6 Департамент спорта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yas.nic.in/sports/introduction>.

7 Постановление Правительства Индии от 14.01.1961. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cabsec.gov.in/writereaddata/aobarchive/english/1_Upload_915.pdf; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cabsec.nic.in/files/allocation/abr_rules_archive_299.pdf.

8 Правительство и спорт в штате Керала, Индия// Journal of Sport Management. – 1993. – No 7. – P. 256-262. – P. 256.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cabsec.gov.in/writereaddata/allocationbusinessrule/completeaobrules/english/1_Upload_1187.pdf.

1 Шаббир С. Вахария «Краткое изложение спортивного права в Индии», 2024.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journalofsports.com/pdf/2018/vol3issue2/PartZ/8-1-6-286.pdf>.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journalofsports.com/pdf/2018/vol3issue2/PartZ/8-1-6-286.pdf>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journalofsports.com/pdf/2018/vol3issue2/PartZ/8-1-6-286.pdf>.

Схема 1. система управления спортом в Индии

Согласно официальному сайту Министерства по делам молодежи и спорта, за развитие спорта в первую очередь отвечают национальные спортивные федерации, обладающие автономией. Роль правительства сводится к созданию инфраструктуры, содействию подготовке спортсменов и поддержке участия в международных соревнованиях¹⁰.

Министерство осуществляет прямой контроль над Олимпийской ассоциацией Индии, которая координирует свои действия с национальными спортивными федерациями и ассоциациями олимпийских видов спорта [2].

Структуру государственного управления спортом в Индии можно определить следующим образом: государственная подсистема управления спортом включает Министерство по делам молодежи и спорта (департаменты спорта и молодежной политики), Спортивное управление Индии (SAI), национальные тренировочные центры и спортивные учебные заведения. На региональном уровне (в штатах и союзных территориях) действуют спортивные департаменты и управления. Государственная система отвечает за финансовую поддержку и развитие инфраструктуры.

На уровне регионов (штатов и союзных территорий) действуют спортивные управления и департаменты, находящиеся в подчинении у Министерства. Основная роль государственной подсистемы состоит в предоставлении фи-

нансовой поддержки и обеспечении наличия надлежащей спортивной инфраструктуры.

Негосударственная подсистема включает Олимпийскую ассоциацию Индии, региональные спортивные организации и национальные федерации. Основная роль подсистемы состоит в организации соревнований, популяризации спорта и международном представительстве.

Структура управления спортом в Индии изображена на схеме 1.

Правовые основы государственного управления спортом в Индии.

В Индии отсутствует единый закон о физической культуре и спорте, как в России или Китае. Спортивное законодательство развивается и представлено в различных нормативных актах. Конституция Индии относит спорт к юрисдикции правительств штатов (ст. 33, Список штатов в Приложении VII)¹¹.

Согласно исследованию Бхишека Дишпанде, государственное регулирование охватывает семь направлений: налогообложение спортсменов, борьбу с допингом, ставки на спорт, финансовую поддержку, предотвращение насилия, защиту интеллектуальной собственности и альтернативное разрешение споров [2].

¹⁰ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.gov.in/sports/about-sports-department>.

¹¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/images/pdf1/S7.pdf>.

Первым нормативным актом стал Закон о подоходном налоге (1961 г.)¹², регулирующий налогообложение в сфере спорта. Закон «Об игорном бизнесе» (1867 г.)¹³ и Уголовный кодекс Индии от 1860 года¹⁴ регулируют отношения и ответственность в области спортивных ставок. Национальный закон о борьбе с допингом регулирует деятельность Национального антидопингового агентства¹⁵.

На уровне штатов и союзных территорий действует лишь несколько профильных законов о спорте. Например, Закон штата Андхра Прадеш от 1988 года №4/1988 «Об органах государственного управления спортом в штате Андхра Прадеш»¹⁶; Закон штата Керала от 2000 года № 2 «О спорте»¹⁷, Закон штата Керала от 2010 года «О внесении изменений в законодательство о спорте» и другие.

В 2011 году Правительством Индии введен в действие Национальный кодекс развития спорта Индии. Документ содержит инструкции по управлению спортивными организациями, возрастные ограничения для должностных лиц, правила выборов и отчетности. Правительство признает спорт общественным благом и считает его развитие своей функцией. В кодексе определены ключевые принципы: прозрачность, профессионализм, финансовая подотчетность, защита спортсменов, инклюзивность и соблюдение международных стандартов [4].

Во введении указанного документа приводятся примеры из судебной практики, демонстрирующие определенные пробелы в государственном управлении спортом или наоборот эффективные аспекты такого управления.

Так, например, в судебном процессе по делу «Рахул Мехра против Университета штата Калифорния и других» Высокий суд Дели рассмотрел проблему бесхозяйственности в спортивном секторе страны и раскритиковал отсутствие контроля за сроками пребывания в должности спортивных чиновников¹⁸.

По делу Индийской федерации хоккея Высокий суд Дели отметил, что инструкции правительства Индии обязательны к исполнению, а признание спортивных организаций и федераций зависит от его одобрения. Исходя из вышесказанного, суд отметил, что, хотя национальные спортивные федерации обладают автономией в фактиче-

ском проведении спортивных мероприятий, для представления страны необходимо признание правительства¹⁹.

Далее также отмечено, что перед участием в международных соревнованиях индийским командам требуются политические и дипломатические разрешения, и такой компетенцией обладает лишь федеральное правительство²⁰.

В настоящее время в индийском правительстве находится на рассмотрении законопроект о национальном управлении спортом 2024 года²¹.

Документ направлен на повышение прозрачности и эффективности управления спортом. Он регулирует признание Национального олимпийского и паралимпийского комитетов (НОК/НПК), национальных и региональных спортивных федераций, создание Совета по спортивному регулированию Индии, Комиссии спортсменов, Комиссии по этике, Апелляционного спортивного трибунала и других органов²².

Данный законопроект отражает намерение индийского правительства повысить профессионализм управления спортом, обеспечить прозрачность и благополучие спортсменов в соответствии с международными стандартами.

В соответствии с законопроектом Совет по спортивному регулированию Индии - это юридическое лицо с полномочиями по признанию и контролю за деятельностью спортивных организаций. Спортивная избирательная комиссия призвана обеспечить прозрачность выборов в НОК/НПК и федерациях. Апелляционный спортивный трибунал будет рассматривать гражданские дела, подпадающие под действие настоящего законопроекта.

Анализируя в целом положения данного законопроекта можно сделать вывод, что совершенствование управления спортом в данном случае в основном касается негосударственной системы управления (кроме создания Апелляционного спортивного трибунала). Создание различных комиссий внутри НОК/НПК, четкой структуры управления спортивными федерациями; развитие деятельности региональных спортивных федераций подтверждают высказанное суждение. Государство выполняет роль надзорного органа, не принимающего непосредственного участия в осуществлении регулирования спортом.

Тем не менее принятие законопроекта может стать значительным шагом в части совершенствования спортивного управления в Индии, укрепления прав спортсменов, развития деятельности спортивных организаций на всех уровнях.

Так, например, исследователями отмечаются следующие пробелы: отсутствие единого нормативного правового документа в области спорта, непрозрачное финансирование, слабым регулированием сроков пребывания должностных лиц в федерациях и отсутствие специализи-

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://incometaxindia.gov.in/pages/acts/income-tax-act.aspx>.

13 Закон Индии от 25.01.1867 «Об игорном бизнесе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sangrurpolice.in/wp-content/themes/intrepidity/images/actrule/publicGamblingAct1867.pdf>.

14 Уголовный кодекс Индии от 1860 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ncw.nic.in/acts/THEINDIANPENALCODE1860.pdf>.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prsindia.org/files/bills_acts/acts_parliament/2022/The%20National%20Anti%20Doping%20Act%202022.pdf.

16 Закон штата Андхра Прадеш от 1988 года №4/1988 «Об органах государственного управления спортом в штате Андхра Прадеш». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawsfindia.org/pdf/andhra_pradesh/1988/1988AP4.pdf.

17 Закон штата Керала от 2010 года «О внесении изменений в законодательство о спорте». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niyamasabha.org/bills/12kla/311eng.pdf>.

18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.nic.in/sites/default/files/File918.compressed.pdf>.

19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.nic.in/sites/default/files/File918.compressed.pdf>.

20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.nic.in/sites/default/files/File918.compressed.pdf>.

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.nic.in/sites/default/files/Draft%20National%20Sports%20Governance%20Bill%20-2024.pdf>.

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yas.nic.in/sites/default/files/Draft%20National%20Sports%20Governance%20Bill%20-2024.pdf>.

рованного суда для разрешения спортивных споров²³. Указанный законопроект может поспособствовать решению этих вопросов.

Важно отметить, что некоторые спортивные федерации опасаются, что вмешательство государства нарушит их автономию и вызовет санкции со стороны МОК. Министерство спорта Индии начало консультации с МОК и международными федерациями для доработки закона в 2025 году²⁴. Указанный законопроект, по мнению Министра по делам молодежи и спорта Индии Мансуха Мандави, защитит автономию Олимпийской ассоциации Индии и национальных спортивных федераций и обеспечит эффективное управление спортом.

Заключение

Модель государственного управления спортом в Индии представляет собой систему, в состав которой входят две взаимосвязанные автономные подсистемы: государственная и негосударственная.

Система управления спортом в Индии включает государственную и негосударственную подсистемы. Государственная подсистема представлена Министерством по делам молодежи и спорта, Спортивным управлением Индии (SAI) и региональными управлениями и департаментами. Задачи государственной подсистемы - финансирование и развитие инфраструктуры. Негосударственная подсистема состоит из Олимпийской ассоциации Индии, национальных и региональных федераций, осуществляющих непосредственное развитие спорта, а также представительские функции государства на международной арене.

Исследование показало, что участие государства в управлении спортом осуществляется без активного вмешательства. Государство постепенно усиливает регулирование, разрабатывает правовые механизмы для обеспечения прозрачности и поддержки спортсменов, тем не менее его участие не является преобладающим, что вызвано Принятием законопроекта о национальном управлении спортом может стать важным шагом в совершенствовании системы управления спортом Индии.

Система управления спортом в Индии имеет значительный потенциал для развития, однако сталкивается с рядом вызовов, таких как недостаточная прозрачность, ограниченное финансирование и неравенство в доступе к спортивной инфраструктуре. Принятие новых законодательных инициатив, включая законопроект о национальном управлении спортом, может сыграть ключевую роль в решении этих проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Бидьют Чакрабартти и Пракаш Чанд Кандал. Государственное управление в Индии // Рутледж. – 2025. – 431 с.
2. Дешпанде Б. Спорт: руководящие органы и регулирование в Индии [Спорт: органы государственного управления и регулирование в Индии] // Электронный спортивный журнал. – 2015. – Том III, № 1-2. – С. 78-94.
3. Доктор Митеш Кумар. Развитие физического воспитания и спорта в Британии и в период после обретения независимости в Индии // Международный журнал физиологии, питания и физического воспитания. – 2018. – № 3 (2). – С. 2298-2302. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journalofsports.com/pdf/2018/vol3issue2/PartZ/8-1-6-286.pdf>
4. Кашуро О. А. Особенности административно-правового обеспечения и реализации государственного управления в сфере спорта в Индии: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / РАНХиГС при Президенте РФ. – М., 2017. – 192 с.
5. Кашуро О. А. Государственное управление в сфере спорта в Индии / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. – М.: Буки Веди, 2017. – 147 с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Вып. 23).
6. Мангалдас Сирил Амарчанд. В обзоре: спортивное управление и разрешение споров в Индии. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=37ea2e4e-17b4-4b92-9bc7-e853aa765ef1>;
7. Правительство и спорт в штате Керала, Индия // Журнал спортивного менеджмента. – 1993. – № 7. – С. 256-262. – С. 256.
8. Рамачандран К. К. Кейс 12. Изучение маркетинговых возможностей и результаты развития менее популярных видов спорта в Индии // Коммерческая деятельность в спорте: примеры из международной практики / Под ред. С. Чедвика и Д. Артура; Пер. с англ. А. В. Самсоновой / Российский международный олимпийский университет. – М.: Национальное образование, 2016. – 512 с. – С. 229-244. – С. 230.

²³ Мангалдас Сирил Амарчанд «В обзоре: спортивное управление и разрешение споров в Индии», 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=37ea2e4e-17b4-4b92-9bc7-e853aa765ef1>.

²⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://timesofindia.indiatimes.com/sports/more-sports/others/govt-for-mature-sports-bill-dont-want-to-interfere-in-ioa-nsfs-functioning-sports-minister-mansukh-mandaviya/articleshow/115605664.cms>.

ШМЕЛЕВ Иван Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В НАМИБИИ

Государственное планирование традиционно соотносят с командной экономикой. Однако в отношении Намибии исследование данного метода управления осложнено присутствием экономики смешанного типа. В конституции Намибии выделяется 6 видов собственности, что также накладывает отпечаток на исследование.

Однако актуальность данного исследования обусловлена относительно новым законодательством об управлении государственными предприятиями и взаимосвязи последних с национальным планированием.

Ключевые слова: экономика смешанного типа, государственное планирование, государственное управление, Намибия, государственные предприятия.

SHMELEV Ivan Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MANAGEMENT OF STATE-OWNED ENTERPRISES AS A MECHANISM FOR IMPLEMENTING NATIONAL PLANNING IN NAMIBIA

Government planning is traditionally correlated with the command economy. However, in relation to Namibia, the study of this management method is complicated by the presence of a mixed economy. The Constitution of Namibia identifies 6 types of property, which also affects the study.

However, the relevance of this study is primarily due to the relatively new legislation on the management of state-owned enterprises and the relationship of the latter with national planning.

Keywords: mixed-type economy, public planning, public administration, Namibia, state-owned enterprises.

В соответствии со ст. 98 Конституции Намибии¹ экономический порядок в Намибии должен основываться на принципах смешанной экономики, направленной на обеспечение экономического роста, процветания и достойной жизни для всех намибийцев. Для этого согласно 129 статьи Конституции актом парламента² учреждена Национальная комиссия по планированию.

Планирование как философия эффективного управления и использования государственных ресурсов для развития традиционно использовалось в условиях командной экономики. Исключительная собственность на ресурсы или средства производства в государственном секторе была основной нормой командной экономики³.

Традиционно⁴ предпринимательская деятельность была прерогативой в основном индивидуальных предпринимателей и частных организаций, а правительство занималось только жизненно важными услугами, такими как железные дороги, электроснабжение, почтовые услуги и т. д. Однако было замечено, что частный сектор не проявлял интереса

к сферам, где период развития был долгим, инвестиции – крупными, а прибыль – низкой, таким как машиностроение, инфраструктура, разведка нефтяных месторождений и т. д.

Однако если взять в расчёт долгосрочные публичные обязательства, а именно так сформулированы задачи национального плана развития⁵, государству не обойтись без государственных предприятий, реализующих стратегическое видение и цели.

Согласно отчёту Министра финансов и государственных предприятий в Намибии в настоящее время насчитывается 81 государственное предприятие, общая стоимость активов предприятий в стране составляет 119 миллиардов найр, а стоимость чистых активов – 50 миллиардов найр⁶.

Управление по делам бизнеса и интеллектуальной собственности⁷ является центром регистрации организации и промышленной собственности и отвечает за управление и защиту коммерческой и интеллектуальной собственности.

В 2019 году был принят закон об управлении государственными предприятиями⁸ в целях обеспечения эффек-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Namibia_2014.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namiblii.org/akn/na/act/2013/2/eng@2013-04-18>.

3 BANGLADESH JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION Volume IX, Number I and Number 11, 2000. Planning in Market Economy by mir obaidur Rahman.

4 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/61972513/Public_enterprise_2021_Public_enterprise_by_Dr_Usman_Bappi_Gombe_State_University_Gombe_State_Nigeria.

5 См.: Шмелев И. В. Правовое регулирование государственного планирования развития Намибии // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 1.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.namibian.com.na/public-enterprises-mediocre-ineffective-finance-minister/>.

7 Business and Intellectual Property Authority Act, 2016 Act 8 of 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namiblii.org/akn/na/act/2016/8/eng@2016-08-25>.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namiblii.org/akn/na/act/2019/1/eng@2019-05-17>.

тивного управления государственными предприятиями и контроля за их деятельностью, а также в целях обеспечения реструктуризации государственных предприятий.

В соответствии со ст. 4 данного закона, вышеуказанный министр уполномочен устанавливать директивы в отношении соглашения об управлении, которые должны быть заключены с соответствующим руководством государственного предприятия.

В течение девяноста дней с даты, когда был создан совет директоров, соглашение об управлении с советом директоров государственного предприятия должно быть заключено и содержать следующие директивы:

- ожидания государства в отношении государственного предприятия, сферы его деятельности, эффективности и финансовых показателей, а также достижения целей;
- обязательства соответствующего министра в отношении любой функции, предусмотренной или возложенной законом или документом, учреждающим государственное предприятие;
- принципы, которым должно следовать государственное предприятие при бизнес-планировании;
- меры, необходимые для обеспечения финансовой стабильности государственного предприятия;
- ключевые показатели эффективности, по которым будет оцениваться деятельность государственного предприятия;
- структура комплексного стратегического бизнес-плана и годового финансового плана;
- принципы, которым необходимо следовать в конце каждого финансового года в отношении любого излишка на счетах государственного предприятия.

Таким образом государственное предприятие становится подконтрольным министру, что является гарантом стабильности реального сектора в условиях смешанной экономики и государственного планирования.

Государственное предприятие должно разработать комплексный стратегический бизнес-план на период в пять лет и представить его соответствующему министру.

Совет государственного предприятия должен как можно скорее, но в любом случае не позднее чем через шесть месяцев после окончания каждого финансового года государственного предприятия, представить ежегодный отчет о деятельности государственного предприятия за этот год соответствующему министру.

Также Министр может в письменной форме запросить у руководителя государственного предприятия или лица, исполняющего его обязанности, любую информацию или документы, которые требуются министру в связи с любой деятельностью, осуществляемой государственным предприятием или любой из его дочерних компаний в соответствии с их комплексным стратегическим бизнес-планом или годовым финансовым планом, а также в отношении любого периода, охватываемого комплексным стратегическим бизнес-планом или годовым финансовым планом.

Если министр (после консультации с соответствующим министром в случае некоммерческого государственного предприятия или внебюджетного фонда) сочтет это необходимым или желательным по какой-либо причине, министр может распорядиться о проведении специального расследования в отношении любого вопроса, касающегося деятельно-

сти, торговли, сделок, дел, активов или обязательств государственного предприятия.

Министр может издавать постановления:

- предписывает предоставление конкретной информации, которая должна быть предоставлена при определенных обстоятельствах и в установленные сроки, министру, соответствующему министру или любому другому должностному лицу;
- установление обязанностей для правления, членов правления или сотрудников государственных предприятий;
- предписывает ведение записей и определяет порядок работы с такими записями (в том числе определяет, кому такие записи должны предоставляться или могут предоставляться);
- предусматривает наказания за нарушение положений настоящего Закона или нормативных актов и предусматривает создание комиссий для рассмотрения заявлений о таких нарушениях или несоблюдении таких положений, а также определяет порядок применения таких наказаний;
- установление обстоятельств, при которых нарушение настоящего Закона или нормативных актов или несоблюдение положений настоящего Закона или нормативных актов будет являться основанием для отстранения члена правления государственного предприятия;
- предписывающий метод расследования оснований для отстранения члена правления или главного исполнительного директора государственного предприятия и вопреки положениям учредительного закона или документа государственного предприятия любые процедурные вопросы, касающиеся удаления включая создание панелей, чтобы расследовать это дело и вынести рекомендации соответствующий министр;
- определение общих принципов политики в отношении государственных предприятий, касающихся человеческих ресурсов, активов и финансов;
- регулирование любых вопросов, связанных с измерением и оценкой эффективности государственных предприятий;
- предписывает любую обязанность или ответственность, которые необходимы для содействия или обеспечения надлежащего корпоративного управления.

В целом данный закон гармонично соотносится с видением 2030, а именно целями в развитии экономики Намибии⁹.

По данным Международного валютного фонда (МВФ)¹⁰, ожидается, что к 2024 году реальный ВВП Намибии вырастет на 3 %, что является хорошей новостью как для жителей Намибии, так и для бизнеса. Ожидается¹¹, что этот рост будет обусловлен развитием некоторых отраслей, в том числе сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности и туризма.

В Намибии устойчивый сельскохозяйственный сектор и значительная часть населения зависит от него в плане средств

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npc.gov.na/national-plans/vision-2030/>.

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/namibia/economical-context>.

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economist.com.na/76922/columns/unlocking-namibias-economic-growth-and-opportunities-in-2023/>.

к существованию. Ожидается, что в ближайшие несколько лет сектор продолжит расти благодаря увеличению инвестиций в ирригацию и другие инфраструктурные проекты, а также благодаря прогнозируемым на 2023 год обильным осадкам. Согласно недавнему отчёту Статистического агентства Намибии, выручка от экспорта сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукции в третьем квартале 2022 года составила 3,7 миллиарда намибийских долларов.

В качестве успешных государственных предприятий¹² можно привести ТрансНамиб (железные дороги)¹³, Windhoeke Maschienenfabrik (транспорт для нужд обороны)¹⁴, NamPower (электроэнергетическая компания)¹⁵.

Регрессионный анализ, представленный в Национальном комплексном ресурсном плане на 2022 год, показывает, что исторически спрос на электроэнергию и ВВП были тесно связаны. Коэффициент, связанный с переменной ВВП, показывает, что при увеличении ВВП на 1 % спрос на электроэнергию увеличится на 1,06 %.

Эта взаимосвязь была использована для составления прогноза спроса на электроэнергию до 2040 года. Была сделана дополнительная поправка на влияние программы электрификации, которая, как ожидается, к 2030 году обеспечит дополнительно 418 ГВт·ч. На основе регрессионного анализа были добавлены ступенчатые нагрузки, чтобы учесть значительный рост спроса. Ожидается, что в среднем спрос на электроэнергию будет расти на 2,7 % в год, что немного выше ожидаемого среднегодового темпа роста ВВП (2,1 %).

Прогноз пикового спроса был разработан на основе прогноза энергопотребления и коэффициента нагрузки, полученного в результате прогноза спроса NamPower. Прогнозируется, что пиковый спрос увеличится с 710 МВт в 2020 году до 1243 МВт в 2040 году, что соответствует ежегодному росту на 2,8 %.

Таким образом, взаимосвязь развития экономики Намибии, роста ВВП, роста спроса на электричество и другие услуги и разработки государственных предприятий взаимобусловлены централизованным планированием с одной стороны и директивами уполномоченного министра в соглашениях с предприятиями с другой.

Однако представленный механизм не лишён недостатков. На наш взгляд, среди прочего, можно выделить следующие: отсутствие чётко закреплённой, в том числе, финансовой ответственности за невыполнение директив и показателей плана, несмотря на установленную соответствующим законом функцию проводить специальные расследования, а также отсутствие установленного механизма приведения в соответствие плана разработанного государственным предприятием и национального плана развития комиссии по планированию. Балансирование между частной и публичной экономикой обязывает также находить баланс между частными и публичными интересами.

Возвращаясь к предыдущему пункту, хотелось бы подчеркнуть, что отсутствие чётко сформулированных контроль-

но надзорных полномочий в законе, равно как и слишком широкое усмотрение порождают неэффективность управления государственными предприятиями. Данное утверждение также подтверждается отсутствием контрольно-надзорного подразделения в соответствующем департаменте министерства¹⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Bangladesh journal of public administration. – Volume IX. – Number I and Number 11, 2000.
2. Planning in Market Economy by mir obaidur Rahman.
3. Public enterprise by. Dr. Usman Bappi Gombe State University, Gombe State, Nigeria.
4. Шмелев И. В. Правовое регулирование государственного планирования развития Намибии // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 1.
5. Unlocking Namibia's economic growth and opportunities in 2023.
6. Posted by Guest Contributor / Feb 9, 2023 Namibia Economist.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economist.com/na/76922/columns/unlocking-namibias-economic-growth-and-opportunities-in-2023/>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfpe.gov.na/documents/76368/1328924/Classification+of+Public+Enterprises.pdf/33653e3e-8676-a420-ff2b-080a2459add1?t=1669274755541>.
9. Официальный сайт Министерства финансов и государственных предприятий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpe.gov.na/home>.

12 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfpe.gov.na/documents/76368/1328924/Classification+of+Public+Enterprises.pdf/33653e3e-8676-a420-ff2b-080a2459add1?t=1669274755541>.

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transnamib.com.na/about-us/>.

14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wmf.com.na/>.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nampower.com.na/>.

16 См. органограмму <https://mpe.gov.na/documents/105739/105829/organogram+%281%29.png/57577ebd-5b14-10dd-0728-6c348573fe5d?t=1589440327375>.

АРХИРЕЕВА Анастасия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

ДАХНО Елизавета Евгеньевна

студент 2-го курса, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ЗАКУПКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В рамках данной статьи будет проведен анализ существующих законодательных норм, регулирующих сферу муниципальных закупок. Это позволит выявить, насколько действующее законодательство соответствует современным требованиям и вызовам, стоящим перед муниципальными образованиями. Также будет рассмотрен вопрос о том, как изменения в законодательстве влияют на практику осуществления закупок и какие проблемы возникают в результате недостатков правового регулирования.

Ключевые слова: муниципальные закупки, муниципальный бюджет, процедура осуществления муниципальных закупок, муниципальный заказ, коррупционные риски, закупочные процессы

ARKHIREEVA Anastasiya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

DAKHNO Elizaveta Evgenjevna

student of the 2nd course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

MUNICIPAL PROCUREMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

This article will analyze the existing legislative norms governing the field of municipal procurement. This will help to identify how the current legislation meets modern requirements and challenges facing municipalities. The issue of how changes in legislation affect procurement practices and what problems arise as a result of regulatory deficiencies will also be considered.

Keywords: municipal procurement, municipal budget, municipal procurement procedure, municipal order, corruption risks, procurement processes.

Муниципальные закупки занимают важное место в системе местного самоуправления и в экономической жизни региона в целом. Актуальность этой темы обусловлена не только масштабами финансирования из местных бюджетов, но и необходимостью обеспечения прозрачности и эффективного расходования бюджетных средств. Аргументированной представляется точка зрения Архиреевой А. С. и Репях А. о местных бюджетах как об основе для обеспечения развития территорий и повышении уровня жизни населения [1]. На уровне муниципалитетов проводятся закупки, которые напрямую влияют на качество жизнедеятельности населения: от строительства и ремонта инфраструктуры до поставки товаров и услуг для образовательных и медицинских учреждений.

Сложность вопроса осуществления муниципальных закупок связана с множеством факторов, включая высокую степень бюрократизации процессов, необходимость соблюдения норм законодательства, а также адаптацию к постоянным изменениям в правилах и методах проведения тендеров. Эти обстоятельства могут значительным образом усложнять контрактные процедуры, что в свою очередь способно приводить к задержкам в реализации проектов и программ, а также к увеличению финансовых рисков.

Законодательство о муниципальных закупках представляет собой сложный механизм, регулирующий отношения между органами местного самоуправления и подрядчиками.

Основное внимание законодательных норм сосредоточено на вопросах обеспечения конкурентной среды, прозрачности и эффективного расходования бюджетных средств. В соответствии со ст. 15 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, каждое муниципальное образование имеет собствен-

ный бюджет, предназначенный для исполнения расходных обязательств муниципального образования [2]. В России функционирует множество федеральных законов, которые регулируют различные аспекты закупочной деятельности. Например, Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» устанавливает основы и процедуры для осуществления таких закупок [3].

Однако разработка и внедрение новых норм не всегда соответствуют реальным условиям и необходимым практическим подходам. Законодательные нормы также недостаточно тщательно учитывают современные подходы к управлению рисками в закупках. На практике часто не хватает четких критериев для оценки поставщиков, что создает возможность для коррупционных схем и манипуляций со стороны недобросовестных участников. Несмотря на то, что коррупция в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой значительную проблему, предпринимаемые меры по ее снижению все же имеют значение и могут способствовать улучшению ситуации. Полное искоренение коррупции является сложной задачей, но усилия по минимизации ее проявлений важны для повышения прозрачности и доверия к системе государственных закупок.

Коррупционные риски занимают важное место в системе муниципальных закупок, поскольку они могут значительно подрывать доверие общества к институтам власти и негативно сказываться на эффективности расходования бюджетных средств. На фоне усиливающейся вовлеченности государства в экономику через закупочную деятельность, проблема коррупции становится все более актуальной. Статистические данные указывают, что именно муниципаль-

ные закупки являются одной из наиболее уязвимых сфер для проявления коррупционных схем, что подтверждается множеством судебных разбирательств и уголовных дел. Рассмотрев и проанализировав финансовую политику регионов, Коровин Д. А., Гостева В. П. и Павлов Н. В. пришли к выводу о том, что финансовое состояние регионов страны является ключевым фактором экономической безопасности страны [4].

Одной из основных причин, способствующих развитию коррупции, является недостаточная открытость и непрозрачность процедур. Соответствующие механизмы злоупотреблений часто формируются из-за отсутствия четких требований и норм, а также из-за недостаточной квалификации участников процессов. Конфликты интересов, подавление информации и отсутствие строгого контроля над исполнением контрактов создают благоприятные условия для укрывания финансовых манипуляций и завышения цен на товары и услуги.

Необходимость повышения уровня информационной открытости муниципальных закупок в условиях отсутствия должного контроля тоже не вызывает сомнений.

Современные технологии могут сыграть положительную роль в решении данных проблем. Внедрение электронных систем управления закупками позволяет упростить как сам процесс проведения торгов, так и дальнейший контроль за поставками. Например, совершенствование функционирующего на сегодняшний день официального сайта единой информационной системы в сфере закупок в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (Официального сайта «ЕИС Закупки») могло бы заключаться в стандартизации и ведения единого учета данных о проводимых процедурах муниципальных закупок всех регионов Российской Федерации контрольно-надзорными органами. Данное решение позволило бы снизить фрагментацию размещенных на различных интернет-ресурсах сведений о проводимых торгах, подрячках и производителях в условиях возникновения наглядности анализируемых данных с учетом общих для всех регионов, а затем – муниципалитетов, критериев и условий.

Одной из важных проблем является недостаточная квалификация специалистов, занимающихся подготовкой и проведением торгов. Нередко недостаток знаний и навыков приводит к неправильной формулировке требований к товарам и услугам, что может ограничивать участие потенциальных поставщиков и снижать уровень конкуренции на торгах.

На сегодняшний день каждый орган местного самоуправления правомочен использовать собственные платформы для проведения муниципальных закупок, однако стандартизация с учетом отображенной специфики местной инфраструктуры и потребностей населения способна привлечь внимание муниципального заказчика на формирование качественных технических заданий, что позволило бы минимизировать риски заключения неэффективных контрактов (в том числе с исполнителями, не обладающими необходимыми ресурсами для выполнения муниципального заказа). Как справедливо утверждают Архиреева А. С. и Серопол Д. И. – «важнейшим этапом осуществления муниципальной закупки является определение поставщиков. Оно проводится конкурентным способом среди исполнителей или осуществлением закупки у единственного поставщика» [5]. На наш взгляд, обучению сотрудников муниципальных органов работе с электронными информационными системами должно уделяться больше внимания — это будет способствовать развитию электронных торгов, повышению их прозрачности, доступности и конкурентоспособности.

Тем не менее, не исключаются ситуации, когда закупки становятся объектом манипуляций, создающих тенденциозные условия для участников конкурсных процедур. Это может проявляться в виде чрезмерно узких технических заданий, ориентированных на конкретные товары и услуги,

произведенные определёнными компаниями. В результате, эффективное вовлечение малого и среднего бизнеса в процесс поставок оказывается затруднённым, что действует вразрез с утвержденными стратегиями по поддержке таких предпринимателей на уровне государства.

Законодательная основа должна обеспечить не только строгое соблюдение формальных процедур, но и активный контроль за качеством предлагаемой продукции и услуг, что в свою очередь окажет положительное влияние на итоговое качество закупаемых товаров и работ. Судебная практика свидетельствует также о недостаточной квалификации заказчиков как участников контрактных закупок - так, по результатам проведенной экспертизы заказчиком установлено, что технические характеристики поставленных медицинских изделий (авторефрактокератометры URK-700 с принадлежностями) «Юникос Ко., ЛТД», Республика Корея, год выпуска 2021) отличаются от технических характеристик, указанных в руководстве по эксплуатации, размещенном на официальном сайте Росздравнадзора. Посчитав, что поставщиком осуществлена поставка медицинских изделий, не прошедших государственную регистрацию, заказчиком принято решение об отказе в приемке результатов исполнения государственного контракта и впоследствии - решение об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта [6]. Решение заказчика оказалось оспоримым.

В системе муниципальных закупок развитие законодательства должно идти в ногу с вызовами и потребностями времени. Современные технологии, такие как электронные площадки для закупок, призваны существенно упростить процесс и сделать его более прозрачным. Указания по применению онлайн-инструментов, обязательные в условиях законодательства, не всегда внедряются на всех уровнях власти, что влияет на общий процесс эффективной закупки.

Подводя итоги, можно отметить, что законодательство в сфере муниципальных закупок необходимо пересмотреть с акцентом на повышение прозрачности, ответственности и эффективности процессов. Улучшение правовой базы, укрепление контроля над ее соблюдением и адаптация к новым условиям – это шаги, без которых невозможно обеспечить стабильное развитие системы муниципальных закупок и минимизировать риски, как экономические, так и правовые.

Сложности в области контроля за исполнением муниципальных контрактов часто порождают ситуации, когда исполнители начинают завышать цену на товары или услуги под предлогом изменения объемов или улучшения качества, хотя на самом деле они не выполняют взятые на себя обязательства. Возникающие на данном этапе проблемы, касающиеся как экономических, так и морально-этических аспектов, затрагивают не только бюджетные средства муниципалитета, но и потребителей, получающих некачественные услуги. Как справедливо отмечают Павлов Н. В. и Мироненко Н. Н., развитие муниципальной экономики, а также социально-экономическое благосостояние муниципального образования в целом зависит от корректного управления имуществом, принадлежащем органам местного самоуправления [7].

Взаимодействие между участниками закупочного процесса зачастую оказывается в зависимом положении от влияния лоббирующих факторов интересов каждой стороны, что в свою очередь влечет за собой заключение неформальных соглашений. Такие обоюдные договоренности также способны создавать коррупционные риски. **Во избежание использования лоббирования интересов сторон при осуществлении закупочных процедур видится необходимым внедрение конкретизирующих норм и правил, направленных на создание условий, обеспечивающих прозрачность всех этапов осуществления муниципальной заказа.**

На данный момент предпринимаются меры, направленные на минимизацию коррупционных рисков. Одним из таких способов является увеличение доли «открытых» закупок от общего числа посредством внедрения проведения обязательных торгов на электронном информационном поле. Несомненно, процесс реализации подобных инициатив приостанавливается пассивностью участников рынка в отношении перехода на электронные платформы – это может объясняться диспропорцией уровней цифровой грамотности различных слоев населения в лицах исполнителей или заказчиков.

По нашему мнению, обеспечение автоматизации закупочных процессов и доступности соответствующих данных осуществимо посредством внедрения новых информационных технологий, не исключая законодательные изменения. Формирование и интеграция электронного единого реестра всех муниципальных закупок будет способствовать повышению уровня доверия к местным органам власти со стороны граждан благодаря созданию и укреплению прозрачной среды осуществления закупочных процессов.

Бесспорно, муниципальные закупки призваны функционировать не только во благо муниципалитетов, но и в интересах общества в целом. Уровень социального обеспечения, содержания объектов инфраструктуры и оказание услуг, соответствующих стандартам качества – все это напрямую зависит от возможности минимизации коррупционных рисков. Как заключают Дашин А. В., Павлов Н. В. и Очаковский В. А. в своей работе, комфортная среда городских и сельских поселений формируется и обеспечивается различными видами государственного и муниципального контроля. Особенно высока роль муниципального контроля в сфере благоустройства [8]. Повышение качества жизни граждан, таким образом, моделирует положительный имидж органов местного самоуправления, что в случае значительного улучшения уровня общественного благополучия граждан одного муниципалитета составит пример другим муниципальным образованиям.

В настоящее время формирование межбюджетных отношений сосредоточено на укреплении финансовой базы муниципальных образований и внесении изменений в систему бюджетного устройства Российской Федерации. В своей работе Лейба И. П., Павлов Н. В. и Очаковский В. А. приходят к выводу о том, что эти изменения направлены на возможность осуществления самостоятельной бюджетной политики на местном уровне, что обеспечит доходную самостоятельность органов местного самоуправления и позволит населению получать необходимый объем общественных благ. В результате оптимальной организации порядка поступающих в бюджет доходов бюджетной системы и объема финансовых средств, совершенствуется уровень социального благополучия муниципалитетов [9].

Таким образом, комплексный подход в реализации задач по минимизации коррупционных рисков в системе муниципальных закупок, включающий меры по улучшению законодательства, повышение степени квалифицированности кадров, задействованных в осуществлении процедур муниципального заказа, а также продвижение способов взаимодействия между учреждениями, позволит создать «прозрачную» эффективно функционирующую систему деятельности муниципалитетов. Принимая во внимание анализ представления ученых в области государственного права и нормативно-правовых актов и соглашаясь с мнением Аванесова Г. Э. и Павлова Н. В., можно сделать следующий обобщенный вывод: для дальнейшего развития местного самоуправления в РФ необходимо обеспечить не только законодательное закрепление его статуса и полномочий, но и реальное укрепление финансовой и организационной базы муниципалитетов, а также повышение правовой и политической культуры граждан [10].

Успешное решение этих проблем не только повысит эффективность использования бюджетных средств, но и улучшит качество жизни граждан, что является конечной целью всех усилий, направленных на оптимизацию муниципальных закупок. Важно, чтобы органы власти, специалисты в области закупок и гражданское общество работали в тесном сотрудничестве, стремясь к созданию более эффективной и прозрачной системы, способной удовлетворить потребности общества и обеспечить устойчивое развитие муниципальных образований.

Пристатейный библиографический список

1. Архиреева А. С., Репях А. Бюджет муниципального образования: проблемы и пути увеличения его доходной части и предупреждение налоговых правонарушений // Эпомен. – 2021. – № 55. – С. 290-295.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/9c160b6289816821a2836c39ba92f3f4b06a2573/ (дата обращения: 13.01.2025).
3. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 49. – Ст. 6078.
4. Коровин Д. А., Гостева В. П., Павлов Н. В. Влияние эффективности финансовой политики региона на экономическую безопасность страны (на примере Краснодарского края) // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 56-5. – С. 63-66.
5. Архиреева А. С., Серопол Д. И. Процедура осуществления муниципального заказа // Эпомен. – 2020. – № 35. – С. 36-43.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 апреля 2024 г. № Ф08-1880/2024 по делу № А32-51262/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.krasnodar.ru/activity/kontrol-zakupok/obzory-administrativnoy-i-sudebnoy-praktiki-v-sfere-zakupok/344232>.
7. Мироненко Н. Н., Павлов Н. В. Особенности осуществления управления муниципальной собственностью // Эпомен. – 2022. – № 69. – С. 212-219.
8. Дашин А. В., Павлов Н. В., Очаковский В. А. Общетеоретические вопросы реформы местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. – 2024. – № 2 (54). – С. 126-134.
9. Лейба И. П., Павлов Н. В., Очаковский В. А. Бюджет муниципального образования как ключевой элемент экономических основ местного самоуправления (муниципально-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 7. – С. 94-97.
10. Аванесов Г. Э., Павлов Н. В. Местное самоуправление как элемент публичной власти в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 109-7. – С. 14-16.

ВЛАСОВА Елена Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Иркутск

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Современное правовое регулирование развития муниципальных образований в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему нормативных актов, направленных на обеспечение устойчивого и комплексного развития территорий. В данной статье рассмотрены ключевые аспекты правового регулирования, способствующие эффективному управлению муниципальными образованиями и повышению уровня качества жизни населения муниципального образования. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия муниципальных образований с государственными органами власти всех уровней.

Ключевые слова: муниципальное образование, население, законодательство, социальное благополучие, правовое регулирование, органы местного самоуправления.

VLASOVA Elena Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Administrative law and administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

IGNATJEVA Irina Valentinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty, East Siberian branch, Russian State University of Justice, Irkutsk

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF MUNICIPAL ENTITIES AS A FACTOR IN ENSURING A DECENT LIFE FOR THE POPULATION OF MUNICIPAL ENTITIES

Modern legal regulation of municipal development in the Russian Federation is a multi-level system of regulations aimed at ensuring sustainable and comprehensive development of territories. This article examines key aspects of legal regulation that contribute to the effective management of municipalities and improve the quality of life of the population of the municipality. Particular attention is paid to issues of interaction between municipalities and government bodies at all levels.

Keywords: municipality, population, legislation, social welfare, legal regulation, local governments.

Местное самоуправление как институт публичной власти, как форма народовластия, в соответствии с Конституцией Российской Федерации¹ и Федеральным законом от 6 сентября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131)² осуществляет свою деятельность посредством, созданных для этой цели органов местного самоуправления. А. Т. Карасев отмечает, что «в совокупности органы местного самоуправления образуют единую систему, управляемую субъектом управления – главой муниципального образования, а основой муниципального управления является взаимодействие органов местной власти, и прежде всего представительных и исполнительных органов» [3, с. 145].

Правовое регулирование развития муниципальных образований как фактор обеспечения достойной жизни населения муниципальных образований играет ключевую роль в формировании благоприятной социальной и экономической среды. Оно направлено на создание механизмов и ин-

струментов, которые позволят муниципальным образованиям эффективно управлять своими ресурсами, реализовывать стратегические планы и обеспечивать социальное благополучие жителей. С. П. Голованова отмечает, что «социально-экономическое развитие – это процесс, который необходимо прогнозировать, планировать, регулировать, контролировать, т. е. необходимо разрабатывать программу социально-экономического развития, обеспечивать и контролировать ее реализацию. Исходным условием для успешного решения этих задач является наличие соответствующей нормативно-правовой базы» [1, с. 26]. Исходя из этого основными задачами правового регулирования являются:

- законодательное обеспечение полномочий муниципальных органов. Муниципальные органы власти должны иметь четко определенные и юридически закрепленные полномочия для реализации своих функций. Это включает в себя полномочия по управлению местными финансами, землеустройству, коммунальным услугам, строительству и благоустройству территорий;

- принятие и реализация стратегических документов развития. Муниципалитеты обязаны разрабатывать и утверждать стратегии социально-экономического развития, генеральные планы градостроительства, программы устойчивого развития. Эти документы должны быть ориентированы на долгосрочные цели, соответствовать интересам местного населения и учитывать специфические особенности территории;

- обеспечение стабильного финансирования. Правовое регулирование должно предусматривать источники и меха-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/news/>.

2 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

низмы финансирования муниципальных нужд. Это может включать в себя налогообложение, межбюджетные трансферты, привлечение инвестиций, использование муниципальной собственности и публично-частное партнерство;

- установление стандартов и норм. Важным аспектом правового регулирования является установление стандартов и норм, касающихся качества предоставляемых услуг, безопасности инфраструктуры, охраны окружающей среды. Эти стандарты должны быть обязательными для соблюдения всеми субъектами, действующими на уровне муниципального образования;

- организация эффективного контроля и надзора. Эффективность правового регулирования напрямую зависит от наличия механизмов контроля и надзора за соблюдением законодательства. Важно, чтобы контрольные органы обладали достаточными полномочиями и ресурсами для регулярного мониторинга и оперативного реагирования на нарушения;

- гражданское участие и общественный контроль. Современная практика правового регулирования предполагает активное участие граждан в принятии решений, касающихся развития муниципальных образований. Это включает проведение общественных слушаний, формирование общественных советов, проведение местных референдумов.

Основу правового регулирования, как ранее отмечали, составляют Конституция Российской Федерации, ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и другие нормативные акты, регламентирующие организацию и функционирование органов местного самоуправления. Основопологающим принципом правового регулирования является уважение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение законности и правопорядка на территории муниципальных образований. Данные принципы находят свое отражение в гл. 8 Конституции РФ и ФЗ № 131.

Важным компонентом правового регулирования является также разработка и реализация местных нормативных актов, которые учитывают специфические особенности конкретных муниципальных образований. Эти акты включают в себя уставы муниципальных образований (далее – муниципальные уставы), регламенты, административные нормы и правила, разрабатываемые и утверждаемые органами местного самоуправления.

Муниципальные уставы, являясь основополагающим документом каждого муниципального образования, закрепляют ключевые положения его организации и функционирования. Они определяют компетенцию органов местного самоуправления, их структуру, порядок формирования и деятельности, а также регламентируют отношения с населением и взаимодействие с государственными органами. Такие уставы проходят обязательное согласование с федеральными и региональными нормативными актами, что обеспечивает их правомерность и соответствие общепринятым стандартам.

Вместе с тем, административные нормы и правила, будучи более детализированными документами, направлены на конкретизацию и реализацию положений муниципальных уставов. А. И. Любаева отмечает, что «они охватывают широкий спектр вопросов – от регулирования благоустройства и содержания общественных мест до обеспечения экологической безопасности и поддержки местных предпринимателей» [4, с. 43]. Учитывая разнообразие и уникальность потребностей различных муниципальных образований, такие правила часто формируются с учетом мнения населения, что способствует их более полному соответствию реальным условиям и ожиданиям.

Регламенты местных органов самоуправления определяют порядок принятия решений, проведения собраний и осуществления различных административных процедур. Они необходимы для обеспечения прозрачности и подотчетности в деятельности муниципальных властей, что особенно важно для поддержания доверия граждан и обеспечения эффективного выполнения возложенных на органы задач.

В современных реалиях значительное внимание должно уделяться вопросам социальной защиты и поддержке мало-

обеспеченных слоев населения. Государственные программы социальной помощи, доступное жилье, качественное медицинское обслуживание и образование – все это основные элементы правового регулирования, направленные на улучшение жизни граждан. Законодательство в этой сфере должно быть четким и конкретным, чтобы гарантировать надежную защиту прав и интересов каждого жителя. Так, Администрация Иркутска ежегодно за счет средств городского бюджета предоставляет соцподдержку более 60 тысячам человек. Основные формы социальной поддержки – это денежные пособия, льготы, субсидии при оплате некоторых услуг, помощь в натуральной форме (одежда, обувь, продукты питания, медикаменты и другое). В том числе социальную поддержку в Иркутске получают ветераны войны и труда, пенсионеры, инвалиды, семьи, имеющие детей, работники бюджетных организаций, студенты, одиноко проживающие граждане и семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. На социальное обеспечение из средств городского бюджета в 2024 году было выделено около 403 658,0 тыс. рублей, в 2025 году составит – 409 674,0 тыс. рублей, а в 2026 году объем финансирования должен составить 417 428,0 тыс. рублей³.

Особое место в правовом регулировании муниципального развития занимает экология. М. В. Яковлева считает, что «создание и внедрение нормативных актов, направленных на охрану окружающей среды, способствует не только улучшению качества жизни населения, но и сохранению природных богатств для будущих поколений» [6, с. 93]. Эффективные экологические программы и контроль за их исполнением должны стать приоритетом для муниципальных властей. Так, рамках реализации программы «Охрана окружающей среды» в 14 органах местного самоуправления Иркутской области (г. Усолье-Сибирское, Аларский, Эхирит-Булагатский муниципальные районы, муниципальное образование «Нукутский район», Марковское городское поселение, Михайловское муниципальное образование, Иваницкое, Парфеновское, Булайское, Зерновское, Зонское, Егоровское, Маниловское, Харисское сельские поселения) было ликвидировано 32 несанкционированные свалки⁴. Таким образом, муниципалитеты стараются решить данную проблему, но, несмотря на это, количество несанкционированных точек сброса мусора постоянно растет. Граждане сами создают себе угрозу для жизни. Решение данной проблемы отражается в следующем – встречи представителей муниципального образования с населением, разъяснительная работа в средствах массовой коммуникации (телевидение, газеты, радио) о вреде несанкционированных свалок, об их влиянии на здоровье населения и их поколения, а также организация муниципальными органами власти регулярных субботников для граждан.

Важно отметить, что экономическое развитие муниципальных образований также невозможно без грамотного правового регулирования. Привлечение инвестиций, создание рабочих мест, поддержка малого и среднего предпринимательства – все это составляет основу экономического благополучия. Например, в 2020 году Администрация города Иркутска разработала и утвердила муниципальную программу «Экономическое развитие» на 2020-2025 гг. Основная цель программы – создание благоприятного предпринимательского климата, обеспечивающего повышение инвестиционной привлекательности города Иркутска, развитие туризма, расширение потенциала межрегионального и международного сотрудничества⁵.

3 Постановление Администрации города Иркутска Иркутской области от 21.06.2024 № 031-06-413/24 «О внесении изменения в муниципальную программу «Социальная поддержка и охрана здоровья населения»» // Иркутск официальный. 2024. № 27.

4 Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Иркутской области // Официальный сайт Правительства Иркутской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://irkobl.ru/>.

5 Постановление Администрации города Иркутска Иркутской области от 22.01.2020 № 031-06-24/0 «Об утверждении муниципальной программы «Экономическое развитие»» // Иркутск официальный. 2020. № 4.

Кроме того, важным аспектом правового регулирования является обеспечение правопорядка и безопасности граждан. В. Б. Думбадзе отмечает, что «система местного самоуправления должна функционировать таким образом, чтобы жители муниципальных образований чувствовали себя защищенными и могли рассчитывать на оперативную помощь в случае необходимости» [2, с. 25]. Важно отметить, что обеспечение правопорядка и безопасности граждан зависит не только от работы правоохранительных органов, но и от правовой культуры и знаний населения. Поэтому в целях улучшения правовой культуры и знаний предлагаем ввести просветительскую работу в муниципальных средствах массовой информации (колонки в газетах, бегущая строка на телевидении, обращения по радио, посты в социальных сетях и др.). Уже сейчас в Иркутске жители могут читать актуальные новости о деятельности мэра, знакомиться с его позицией по важным для города темам, задавать вопросы и получать на них ответы на официальных страницах главы города Руслана Болотова в соцсетях.

Как отмечалось ранее, правовое регулирование направлено на формирование эффективной системы управления муниципальными ресурсами, включая земельные, финансовые, природные и трудовые ресурсы. О. Б. Мезенина считает: «Регламентация процедур землепользования и застройки территорий, меры по охране окружающей среды, а также механизмы финансирования муниципальных программ способствуют устойчивому развитию территорий и обеспечению благоприятных условий для жизни населения» [5, с. 18].

Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия муниципальных образований с государственными органами власти всех уровней. Взаимодействие носит как вертикальный, так и горизонтальный характер и способствует координации действий, согласованию интересов и решению общих задач по развитию регионов и муниципальных образований. В этом контексте ключевое значение приобретают механизмы сотрудничества, обеспечивающие эффективное распределение ресурсов, обмен информацией и лучшими практиками управления. Значительное внимание уделяется формированию устойчивых каналов коммуникации, способствующих повышению прозрачности и подотчетности органов власти. Регулярные встречи, совместные заседания и рабочие группы – все это элементы, формирующие основу для конструктивного диалога и взаимопонимания. Реализация комплексных программ и проектов, направленных на социально-экономическое развитие территорий, требует от участников взаимодействия высокого уровня профессионализма и готовности к компромиссам.

Одной из значимых задач является гармонизация нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность муниципальных образований и их взаимодействие с региональными и федеральными структурами. В. Н. Яцук считает, что «стандартизация процессов и процедур позволяет минимизировать риски и повысить эффективность принимаемых решений» [7, с. 133]. Важную роль играет также внедрение инновационных технологий, которые обеспечивают оперативное решение насущных вопросов и способствуют устойчивому развитию территорий.

Правовое регулирование также включает в себя и механизмы контроля и надзора за деятельностью органов местного самоуправления, обеспечение транспарентности и открытости их работы, что способствует повышению доверия со стороны населения и предотвращению коррупции. Важной составляющей правового регулирования является создание правовой базы, которая четко определяет обязанности и полномочия местных органов власти, а также процедуры, обеспечивающие их соблюдение. Эти меры включают регулярные аудиты, публичное обнародование финансовых отчетов и проведение общественных слушаний, что позволяет жителям быть информированными о действиях своих представителей. Следует также обратить внимание на необходимость проведения периодических тренингов и образовательных программ для сотрудников органов местного самоуправления и членов общественных советов, направленных на повышение их знаний в области права, этики и современных

управленческих практик. Такие меры способствуют повышению профессионализма и ответственности среди управленцев, что в свою очередь положительно влияет на общее доверие населения.

В дополнение к этому, правовое регулирование предусматривает внедрение информационных технологий (не только для взаимодействия муниципальных органов власти с региональными и федеральными структурами, но и для взаимодействия муниципалитетов с населением данного муниципального образования), таких как онлайн-платформы для подачи жалоб и предложений, решения проблемных вопросов, а также электронные системы голосования. Несомненно, подобные онлайн-платформы уже созданы, одной из таких платформ являются «Госуслуги». Благодаря ей жители могут обратиться в любое ведомство, не выходя из дома, но даже здесь возникает проблема, одной из которых является сложность в ее использовании для старшего поколения. Так, часть из них не умеют пользоваться тем же порталом «Госуслуги», а некоторые вообще не имеют устройств, через которые можно получить доступ к онлайн-платформе. Для решения данной проблемы предлагаем следующее: ввести в муниципалитетах постоянного оператора связи, который сможет решить вопросы и проблемы, возникающие у населения. Так, по единому номеру жители муниципального образования смогут получить те же услуги, что имеются на едином портале «Госуслуги»: запись на посещение любого ведомства, запись к врачу, заявки на получение различных документов и прочее. Эти инструменты увеличат доступность и удобство взаимодействия граждан с местными органами власти.

Таким образом, правовое регулирование развития муниципальных образований является комплексным и многоуровневым процессом, направленным на создание благоприятных условий для жизни граждан, устойчивого социально-экономического развития территорий и обеспечения законности и правопорядка. Эффективность этого регулирования зависит от взаимодействия различных уровней власти, вовлеченности гражданского общества и постоянного совершенствования нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Голованова С. П., Боровая Е. О. Нормативно-правовые основы комплексного социально-экономического развития муниципального образования // Политика, экономика и инновации. – 2019. – № 3. – С. 25-29.
2. Думбадзе В. Б. Устойчивое экономическое развитие муниципальных образований: некоторые проблемы правового регулирования // Современное право. – 2020. – № 8. – С. 23-28.
3. Карасев А. Т., Елькина А. В. Система местного самоуправления в РФ: понятие, структура // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 145-148.
4. Любаева А. И. Нормативно-правовое обеспечение местного самоуправления как инструмент социально-экономического развития муниципального образования // Северный регион: наука, образование, культура. – 2015. – № 1 (31). – С. 41-44.
5. Мезенина О. Б., Шаповалов Д. А. Развитие территорий муниципальных образований: цель, проблемы, предложения // Московский экономический журнал. – 2019. – № 3. – С. 17-25.
6. Яковлева М. В. Правовое регулирование социально-экономического развития муниципального образования // Правовые основы становления и укрепления российской государственности: сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 93-95.
7. Яцук В. Н. Нормативно-правовое регулирование комплексного социально-экономического развития муниципального образования // Молодой ученый. – 2023. – № 47 (494). – С. 132-135.

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Институт права, Самарский государственный экономический университет

УНТЕРОВ Владимир Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин, Юридический факультет, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы реформирования местных финансов. Периодически нормативно-правовая база местного самоуправления корректируется, в том числе в сфере финансов и бюджетного регулирования. Целью реформ и корректировок выступают повышение эффективности и качества управления финансовыми ресурсами на местном уровне, ориентированное на достижение конкретных, социально значимых измеримых результатов, в соответствии с приоритетами развития каждого муниципалитета. Для эффективной и продуктивной работы сектора администрирования муниципалитета необходим иной уровень управления бюджетными средствами. Это позволит повысить качество жизни граждан, привлекательность инвестиций региона и развитие социальной инфраструктуры в целом.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, налоги и сборы, правовой механизм, налогообложение, муниципальный бюджет, планирование, прогнозирование, эффективность.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

UNTEROV Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Faculty of Law, Samara Law Institute of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF THE FINANCIAL AND ECONOMIC BASIS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: ISSUES AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

The article discusses the current problems of local finance reform. The regulatory framework of local self-government is periodically adjusted, including in the field of finance and budget regulation. The purpose of the reforms and adjustments is to improve the efficiency and quality of financial resource management at the local level, focused on achieving specific, socially significant measurable results, in accordance with the development priorities of each municipality. For the effective and productive work of the municipal administration sector, a different level of budget management is needed. This will improve the quality of life of citizens, the attractiveness of investments in the region and the development of social infrastructure in general.

Keywords: local government, municipal formation, taxes and fees, legal mechanism, taxation, municipal budget, planning, forecasting, efficiency.

В современных условиях развития и функционирования бюджетной системы Российской Федерации одним из важнейших принципов является принцип эффективности использования бюджетных средств.

В процессе разработки системы оценки эффективности управления местными финансами возникают значительные трудности в правовом закреплении понятия «эффективность управления местными бюджетами». В настоящее время на практике для оценки эффективности управления местного бюджета используются различные показатели, отражающие отдельные аспекты управления доходами, расходы и источники дефицита финансирования городских бюджетов, бюджетов поселений, районов и т.д. Систему оценки эффективности управления бюджетами на местном уровне можно представить в виде следующих показателей:

- применяемая методология оценки (концепция, факторы, методы и принципы);
- структура оценки, включающая организационную схему оценки и ее обоснование;
- нормативно-правовое обеспечение;
- информационно-техническое обеспечение (технические стандарты, электронный документооборот) и др.

Поскольку основная цель органов местного самоуправления здесь заключается в достижении и нормативном закреплении определенных стандартов потребления пу-

бличных услуг на всей территории Российской Федерации, различные подходы к оценке эффективности управления местным бюджетом не позволяют дать четкие рекомендации по решению этой задачи, даже в рамках субъектов Российской Федерации. Следовательно, необходимо сформировать единую систему оценки эффективности управления местными финансами.

Правовая концепция системы бюджетного планирования оставалась актуальной в соответствии с Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов до 2024 года, которая ставила задачу обеспечения долгосрочного сбалансирования бюджета Российской Федерации [1]. В настоящее время в рамках цифровой трансформации финансовой системы разрабатывается Концепция повышения эффективности бюджетных расходов, которая определит векторы развития для сферы общественных финансов до 2030 года с использованием системы «Электронный бюджет».

Существует ряд проблем правового характера, которые представляют собой серьезное препятствие для улучшения обеспечения жизнедеятельности муниципалитетов. По мнению Трыкановой С. А. на федеральном уровне также выявлена проблема правового регулирования муниципальных бюджетов [2]. Сейчас по степени децентрализации бюджетных средств Российская Федерация ничуть не уступает большинству государств с федеративным устройством, но опять же

Зиньков Е. Н.

Унтеров В. А.

имеет место чрезвычайно высокий уровень централизации налоговых и бюджетных полномочий. Эти противоречия увеличивают свою актуальность наличием ряда глобальных экономических и правовых проблем:

- явное несоответствие бюджетных обеспечений регионов и муниципальных образований;
- неопределенность бюджетного правового статуса муниципальных образований [3].

Современные тенденции государственного финансового планирования и прогнозирования также отражают содержание подходов управления финансовыми средствами. Финансовое планирование – это процесс, закрепленный финансовыми нормами, целью которого является сохранение достигнутого равновесия бюджетов и достижение перспективного экономического роста.

Для осуществления финансового планирования, как особой сферы плановой деятельности, необходимо нормативное закрепление таких понятий как движение денежных средств, а также их последовательность относительно материальных вещественных элементов.

Прогнозирование здесь также является важнейшей частью экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Общая характеристика прогнозирования предполагает знание особенностей этого процесса. В результате финансового прогнозирования вырабатывается финансовый план – документ, формируемый на основе среднесрочного прогноза социально-экономического развития РФ и муниципальных образований. План бюджетирования должен содержать расчеты по мобилизации доходов, привлечению государственных или муниципальных заимствований, а также финансирование основных расходов бюджета [4].

В соответствии с этим, финансовое прогнозирование предшествует и является составной частью финансового плана на основе показателей финансовой отчетности. Прогнозирование и планирование здесь являются системами методических приемов, выполнение которых в определенной последовательности позволяет добиться эффективности принимаемых решений. В связи с реформой бюджетного процесса возникает необходимость укрепления финансовой самостоятельности местных бюджетных образований и соответственно на первый план выходят вопросы, связанные с необходимостью укрепления и увеличения доходной части муниципальных бюджетов. В этих целях организовываются и проводятся мероприятия, в том числе принимаются меры, направленные на повышение экономического и налогового потенциала. Его реализация на региональном и муниципальном уровнях будет способствовать увеличению доходной базы бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Стоит выделить ряд мер, которые являются наиболее эффективными:

- меры по повышению эффективности администрирования доходов региональных и местных бюджетов;
- меры по активизации работы по выявлению потенциальных доходных источников бюджетов;
- меры, которые способствуют развитию экономики муниципалитетов;
- меры, способствующие совершенствованию процедур межбюджетного регулирования на местном уровне [5].

Эффективность принимаемых мер должна основываться на системном и научно-обоснованном подходе к оценке эффективности. На региональном уровне необходимо активизировать деятельность муниципальных и региональных властей для развития субъекта Российской Федерации по следующим направлениям:

- активизация экономического роста и укрепление социальной стабильности;
- расширение налоговой базы (налоги на имущество, земельные налоги, транспортные налоги). Также надо увеличить количество поступлений неналоговых доходов;
- повышение поступлений по налогу на доход физического лица, налогу на прибыль организаций и акцизов;
- поддержка малого и среднего бизнеса;
- мониторинг налоговой дисциплины получателей средств по государственным (муниципальным) контрактам и др. [6]

Важным фактором, влияющим на ускоренный рост доходов региональных и местных бюджетов, является:

- расширение состава комиссий по снижению уровня неформальной занятости, мониторинг уровня зарплат и уровня занятости работников на предприятиях и в организациях;
- разработка дополнительных критериев мониторинга уровня зарплат и уровня занятости работников на предприятиях;

– дальнейшее повышение квалификации работников исполнительных органов власти региона, муниципальных образований в сфере администрирования доходов региональных и местных бюджетов;

– создание единого универсального онлайн-ресурса для обработки обращений населения, представителей бизнеса в органы исполнительной власти региона и муниципальных образований, а также к представителям Федеральной налоговой службы по вопросам уплаты налогов и сборов, совершенствование правового механизма администрирования налогов и сборов;

– деликтная превенция в сфере налогов и сборов, сокращение случаев преднамеренного банкротства юридических лиц [2].

Для увеличения налоговых поступлений представителям местных органов власти следует предпринять организационно-правовые меры по оптимизации налоговых ставок и льгот по местным налогам. Необходимо также непрерывно осуществлять фискальную деятельность по взиманию имущественных и земельных налогов, так как именно они составляют львиную долю доходов местных бюджетов [7]. Весьма перспективной, по нашему мнению, представляется эффективность пополняемости местного бюджета от введения с 01 января 2025 года в регионах туристического налога.

Таким образом, определенные направления мер по увеличению доходной базы местных бюджетов будут способствовать не только существенному обновлению, но и улучшению социально-экономической ситуации в муниципальном образовании, повышая его финансовую независимость и суверенитет.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019-2024 годах: распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2025)
2. Трыканова С. А. Сравнительный анализ опыта реформ местного самоуправления за рубежом в контексте эффективности использования в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 1. – С. 45-49.
3. Правдин Д. Г. Правовое регулирование взаимодействия представительного и исполнительно-распорядительного органов в муниципальном образовании в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 51-55.
4. Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, способствующие увеличению доходной базы бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований от 31 октября 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=124941-metodicheskie_rekomendatsii_organam_ispolniteln (дата обращения: 07.02.2025).
5. Чихладзе Л. Т., Ганина О. Ю. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти России: вопросы теории и истории // RUDN Journal of Law. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 750-767.
6. Бересневич В. В. Практика и современные направления развития организационной основы местного самоуправления. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 62-66.
7. Жидова Ю. В. Опыт становления местного самоуправления в Российской Федерации на примере муниципального образования «Пуровский район». – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 267-270.

БАГРЕЦОВ Дмитрий Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

МАТВЕЕВ Евгений Викторович

кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЙ БРЕНДИНГ: ПРАВОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА

Статья посвящена исследованию современных подходов к брендингу в контексте динамичного взаимодействия правовых норм и коммуникативных стратегий. В современном мире, где рынок перенасыщен и конкуренция достигает своего апогея, брендинг выступает не просто как маркетинговый инструмент, но как сущностное явление, определяющее взаимодействие между компанией и потребителем. Современный брендинг переосмысливает традиционные подходы и интегрирует в себя новые коммуникативные стратегии, превращаясь в мощный инструмент влияния и узнаваемости. Он охватывает широкий спектр аспектов, начиная от визуального восприятия и заканчивая эмоциональным взаимодействием, что делает его ключевым элементом стратегического развития любой компании.

Разработка эффективного брендинга требует глубокого понимания целевой аудитории и умения говорить на её языке, создавая сильные и запоминающиеся сообщения. В эпоху информационного перенасыщения важно выстроить такую коммуникативную стратегию, которая позволит бренду не просто выделиться, но и занять уникальное место в сознании потребителей. Целью работы является выявление ключевых точек соприкосновения между правовыми нормами, в части касающейся защиты интеллектуальной собственности, регулирования товарных знаков и рекламы с креативными методами построения модели современного брендинга, соответствующего уровню высоких мировых стандартов. В статье рассмотрены современные правовые подходы во взаимосвязи с судебной практикой высших судебных инстанций к сущности брендинга и его правовой защите, а также коммуникативные аспекты, позволяющие создавать глубокую эмоциональную связь с аудиторией и обеспечивать долгосрочное взаимодействие с ней. Результаты исследования показывают, что успешный современный брендинг требует совершенствования правового регулирования и синхронизации с этапами разработки коммуникационной стратегии.

Ключевые слова: бренд, брендинг, товарный знак, интеллектуальная собственность, Верховный суд РФ, судебная практика, маркетинг, коммуникация, коммуникационная стратегия.

BAGRETsov Dmitriy Nikolaevich

Ph.D. in Philological Sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

MATVEEV Evgeniy Viktorovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

MODERN BRENDING: LEGAL AND COMMUNICATION ASPECTS OF THE FENOMENON

The article is devoted to the study of modern approaches to branding in the context of the dynamic interaction of legal norms and communication strategies. In today's world, where the market is oversaturated and competition is reaching its peak, branding acts not just as a marketing tool, but as an essential phenomenon that determines the interaction between a company and a consumer. Modern branding rethinks traditional approaches and integrates new communication strategies, becoming a powerful tool for influence and recognition. It covers a wide range of aspects, ranging from visual perception to emotional interaction, which makes it a key element of any company's strategic development.

Developing effective branding requires a deep understanding of the target audience and the ability to speak their language, creating strong and memorable messages. In the era of information saturation, it is important to build a communication strategy that.

Keywords: brand, branding, trademark, intellectual property, Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, marketing, communication, communication strategy.

История и развитие современного брендинга.

История и развитие современного брендинга начинается в глубине веков, когда первобытный человек ставил отметки на своих инструментах, отличая их от подобных. С развитием торговли в Древнем мире возникла потребность в маркировке товаров, что стало зарождением брендинга в его

примитивной форме. Ремесленники и производители наносили на свою продукцию специфические знаки, символизирующие их происхождение.

Промышленная революция 18-го века подняла брендинг на совершенно новый уровень [2]. Товары начали производиться массово, и возникла острая необходимость в их

Багрецов Д. Н.

Матвеев Е. В.

отличии. Торговые марки и логотипы стали неотъемлемыми атрибутами товаров, а качество и репутация производителя стали заметным конкурентным преимуществом.

В 20-м веке развитие масс-медиа, включая радио, телевидение и позже интернет, расширило возможности для брендов быть услышанными и узнаваемыми. Реклама стала не только способом информирования о продукте, но и инструментом создания имиджа бренда, его восприятия и позиционирования. Брендинг превратился в мощный коммуникативный инструмент, способствующий созданию эмоциональной связи между брендом и потребителем [10].

Современный брендинг не ограничивается лишь созданием логотипа и слогана, он охватывает стратегическое планирование и разработку комплексной коммуникации. Он включает в себя аудит и анализ бренда, позиционирование, управление взаимодействиями с потребителями в социальных сетях, контент-маркетинг, CRM, упаковку, дизайн и множество других аспектов. Мир становится все более цифровым, что порождает новые вызовы и возможности для брендов, особенно в контексте глобализации и изменения потребительских предпочтений.

Развитие социальных сетей и цифровой экосистемы в целом придали брендингу новое измерение – интерактивность. Современные бренды стремятся к созданию сообществ вокруг себя, используя современные цифровые платформы, чтобы вести диалог с потребителями, получать обратную связь и адаптироваться к ее замечаниям. Это позволяет брендам не только укреплять свои позиции за счет лояльности и приверженности, но и оперативно реагировать на изменения в потребительских настроениях и трендах рынка.

Важной составляющей современного брендинга стала устойчивость и социальная ответственность. Потребители все чаще выбирают бренды, которые демонстрируют заботу о социальных проблемах, окружающей среде, поддерживают честность и прозрачность в своих действиях. Таким образом, эффективный брендинг теперь выходит за рамки простой коммерческой деятельности, превращаясь в инструмент формирования и изменения социального сознания.

Таким образом, брендинг продолжает эволюционировать, отражая изменения в обществе, технологиях и экономике. Он становится все более интегрированным и многогранным, требуя от брендов не только внимания к деталям, но и стратегического видения, гибкости и способности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. В эпоху информационного перегруза и высокой конкуренции качественный брендинг становится ключом к успеху, позволяющим выстроить долгосрочные и эмоционально насыщенные отношения с потребителями [11].

Правовое регулирование бренда. Понятие и сущность бренда.

Следует отметить, что в настоящее время в юридической и экономической литературе под понятием «бренд» принято понимать два аспекта. Во-первых, бренд отражается, как некий символ товара либо компании производителя, определившей его уникальное название. Во-вторых, это образ товара либо компании, имеющая целью закрепить в сознании потребителя его несомненное качество перед конкурирующими группами товаров, схожей функциональности, а также репутацию компании производителя.

Так, согласно приказа Минэкономразвития РФ от 29 сентября 2016 г. № 612 «Об утверждении Методических рекомендаций по оформлению многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием единого фирменного стиля «Мои документы» [6], под «брендом» понимается комплекс информации

об организации или услуге, в том числе: его наименование, термин, знак, символ, дизайн, набор ценностей и атрибутов, предназначенных для идентификации товаров или услуг. В этом же приказе Минэкономразвития РФ по «брендингом» понимается процесс управления созданным брендом, товарным знаком, позволяющем популяризировать, в том числе торговую марку.

Правовой основой составляющих структурных элементов данного понятия, несомненно, являются нормы ГК РФ.

Так, согласно ст. 1477, 1481 ГК РФ [5] товарный знак или обозначение, индивидуализирующее товар, подлежат правовой защите, и за ним признается исключительное право, которое удостоверяется свидетельством на товарный знак.

Государственная регистрация товарного знака осуществляется федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (Государственный реестр товарных знаков) в порядке, установленном ст. 1503, 1505 ГК РФ [5].

Как указано в ст. 1482 ГК РФ [5], в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации.

Право на коммерческое обозначение для использования и индивидуализации своих товаров определено ст. 1538 ГК РФ [5], которая закрепляет право юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, некоммерческих организаций, у которых имеется право на осуществление такой деятельности в соответствии с законом или учредительными документами, индивидуальных предпринимателей.

Отдельным правовым институтом в рамках ст. 152 ГК РФ [1] выделяется также защита чести, достоинства и деловой репутации, подлежащая защите от распространения сведений, не соответствующих действительности, порочащих сведений и деловой репутации.

Следует отметить, что бренд может быть использован правообладателем как объект сделки. В частности, в соответствии со ст. 1489, 1488 ГК РФ [5], передача права на использование зарегистрированного товарного знака (знака обслуживания) осуществляется на основании договора об отчуждении исключительного права на товарный знак или лицензионного договора. При этом, предусматривается заключение договора только в письменной форме, несоблюдение которой, влечёт недействительность договора.

Приобретает особую актуальность позиция высших судебных инстанций РФ и судебная практика по защите прав и законных интересов владельцев товарных знаков и фирменных наименований.

Так, в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15 апреля 2015 года по делу № СИП-265/2014 [7] суд сделал вывод об известности обозначения в качестве бренда, который совмещает в себе серию товарных знаков, фирменное наименование производителя и имя его основателя, имеющее преюдициарное значения для возникновения спора.

Вместе с тем, авторы отмечают, что понятие «бренд», достаточно более широкое, чем «товарный знак» либо «логотип».

Более того, судебная практика трактует понятие «бренд» как маркетинговый приём, чем определённое в ст. 1477 понятие «товарный знак».

В Постановлении Девятого арбитражного суда от 11 июня 2009 г. № 09АП-8678/2009-АК (оставленного без изменения Постановлением ФАС Московского округа от 18 августа 2009 г. № КА-А40/6947-09 по делу № 40-90240/09-4-424) [8] указано, что понятие «бренд» используется в маркетинге,

символическое воплощение комплекса информации, связанного с определённым продуктом или услугой. Данный термин включает в себя: название и иные визуальные элементы (шрифты, цветовые схемы и символы). Данное понятие используют при обозначении товара, пользующегося массовым спросом у потребителей, которые его выделяют его среди других товаров. Таким образом, судом сделан вывод о том, что понятие «бренда» и «товарный знак» не тождественны.

Учитывая изложенные правовые позиции, на взгляд авторов, необходимо совершенствовать правовое регулирование в сфере брендинга, закрепление его понятия в законодательстве РФ с учётом установления эффективной системы правовой защиты правообладателей.

Влияние цифровых технологий на коммуникативные стратегии брендинга.

В эпоху цифровизации коммуникативные стратегии брендинга претерпевают значительные изменения. Развитие информационных технологий предоставляет брендам новые возможности для взаимодействия с аудиторией, формирования восприятия и укрепления своих позиций на рынке. Цифровые технологии перевоплощают подходы к разработке коммуникаций, влияя на видение, создание и реализацию брендинговых стратегий.

Одним из ключевых аспектов становится использование данных для глубокого анализа потребностей и предпочтений целевой аудитории. Благодаря Big Data, компании способны с совершенно новой точностью изучать поведение и интересы потребителей, что позволяет формировать более персонализированные и эффективные коммуникационные сообщения. Такой подход не только увеличивает вовлечённость потребителей, но и способствует повышению лояльности к бренду.

Инфлюенсер маркетинг также является результатом развития цифровых технологий. Сотрудничество с влиятельными персонами в социальных сетях позволяет компаниям более эффективно достигать своей целевой аудитории, используя доверие, которым пользуются эти личности среди своих подписчиков. Это дает брендам возможность проводить более целенаправленные и доверительные коммуникации [10].

Роль социальных сетей в формировании брендовой идентичности.

В современном мире, где цифровая экосистема неустанно эволюционирует, социальные сети выступают не только в качестве платформ для общения, но и как важнейший инструмент в стратегии брендинга компаний. Речь идет далеко не только о создании привлекательной витрины или наборе рекламных сообщений. Роль социальных сетей в формировании брендовой идентичности проникает глубже, задевая такие многогранные аспекты как диалог между брендом и его аудиторией, создание и поддержание сообщества вокруг бренда, укрепление доверия и лояльности к бренду.

Один из ключевых моментов – это интерактивность социальных платформ. Позволяя пользователям вступать в открытый диалог с брендом, компании получают возможность не только расширять свою аудиторию, но и углублять отношения с существующими клиентами. Вовлечение в общение, ориентация на обратную связь, оперативное реагирование на запросы и комментарии – все это формирует образ бренда, как о «живом» существе, интересующейся мнениями и предпочтениями своих потребителей.

Социальные сети также выступают каналом для демонстрации ценностей и миссии бренда. Через тщательно отобранный контент, будь то образовательные статьи, вдохновляющие истории или кейсы использования продукта, бренды могут раскрывать свои основные принципы и стрем-

ления. Это не только способствует привлечению новой аудитории, но и укрепляет связь с уже существующими клиентами, которые разделяют эти же ценности.

Важную роль в формировании брендовой идентичности через соцсети играют инфлюенсеры. Сотрудничество с ними позволяет брендам внедряться в естественные социокультурные контексты своей целевой аудитории. Инфлюенсеры, как носители определенных социальных идентичностей, могут не только эффективно коммуницировать ключевые сообщения бренда, но и придавать ему глубину, делая его ближе и понятнее для потребителей.

Также не стоит недооценивать потенциал социальных сетей в кризисных ситуациях. Правильно организованный кризисный PR может не только минимизировать потенциальный ущерб для репутации бренда, но и, в некоторых случаях, укрепить доверие аудитории. Открытое признание ошибок, оперативное предоставление информации о мерах по улучшению ситуации – все это становится возможным благодаря прямому и быстрому каналу связи, которым являются социальные сети.

В конечном итоге, социальные сети дают брендам беспрецедентные возможности для формирования своей идентичности в диалоге с аудиторией. Они позволяют не только передавать нужные сообщения, но и слышать обратную связь, адаптироваться к изменениям потребительских интересов и быть ближе к своим клиентам. В эру, когда потребители стремятся к более глубоким и осмысленным взаимоотношениям с брендами, такая двусторонняя коммуникация становится ключевым аспектом успешного брендинга.

Особенности визуального и текстового контента в брендинге.

Визуальный и текстовый контент играют жизненно важную роль в современном брендинге, обеспечивая мощные средства коммуникации с аудиторией. Сильные бренды строят свои идентичности, используя комбинацию визуальных символов и текстового контента для создания уникального и запоминающегося образа, который способствует узнаваемости и преданности среди потребителей.

Визуальный контент обращается к эмоциональной стороне восприятия, создавая первое и наиболее мгновенное впечатление о бренде. Цвета, логотипы, типографика и фотографии – все эти элементы сообщают важные аспекты идентичности бренда, такие как отрасль, ценности и тон голоса. Применение единообразия в визуальном контенте способствует развитию тесных связей с аудиторией, тем самым улучшая узнаваемость бренда. Применение психологии цвета, например, может многозначительно повлиять на восприятие бренда и его привлекательность для конкретных сегментов рынка.

Текстовый контент, с другой стороны, служит для передачи глубинного сообщения бренда, его истории и значений. Язык, которым бренд подает информацию, его стиль и тональность могут значительно влиять на то, как аудитория воспринимает и взаимодействует с брендом. В текстовых материалах бренд может раскрыть свою уникальность, подчеркнуть индивидуальность и наладить эмоциональное общение с потребителем. Слоганы, контент на веб-сайтах, социальных медиа, рекламные и маркетинговые материалы представляют собой инструменты для рассказывания историй бренда, создания и поддержания его образа в глазах публики.

Сочетание визуального и текстового контента предлагает комплексный подход к брендингу, обеспечивая когерентность и последовательность во всех точках контакта с аудиторией. Этот интегрированный подход способствует созданию

более глубоких и значимых отношений между брендом и его потребителями, укрепляя доверие и лояльность.

Важно, чтобы бренды рассматривали визуальный и текстовый контент не как отдельные элементы, а как взаимодополняющие части единого целого. Тщательно продуманный и таргетированный контент может помочь брендам выделиться на фоне конкурентов, привлечь внимание целевой аудитории и эффективно взаимодействовать с ней на эмоциональном уровне. В современной динамичной среде понимание и правильное применение особенностей визуального и текстового контента в брендинге становятся ключом к построению успешного и узнаваемого бренда.

Экономика услуг, узнаваемость марки и лояльность потребителя - новые условия и координаты целеполагания.

В современном мире, где каждый день на рынке появляются новые бренды, и идет непрекращающаяся борьба за внимание потребителя, экономика услуг играет ключевую роль в формировании брендинговых стратегий. На передний план выходят не просто качественные товары или услуги, а эмоциональное восприятие марки и ее узнаваемость. Следовательно, узнаваемость марки и лояльность потребителя становятся основополагающими критериями в новых условиях и координатах целеполагания.

Одним из ключевых аспектов является то, что потребительская лояльность больше не основывается исключительно на удовлетворенности продуктом. В эпоху интернета и социальных сетей значение имеют коммуникации и взаимодействия, которые марка строит со своей аудиторией. Компании стремятся создать и поддерживать отношения с потребителями, превращая их из просто покупателей в настоящих фанатов бренда. Этот процесс невозможен без глубокого понимания ценностей, интересов и желаний целевой аудитории, а также без использования инновационных подходов в коммуникации и взаимодействии.

Целеполагание в современном брендинге требует интегрированного подхода. Необходимо сочетать классические методы продвижения с новейшими технологиями и каналами коммуникации. Особое внимание уделяется контенту, который должен быть не только информативным, но и вовлекающим, способным вызвать эмоциональный отклик. Бренды, которые умеют рассказывать истории, создавая вокруг своего продукта уникальную атмосферу, оказываются в выигрыше.

Важной составляющей стратегического планирования становится анализ и прогнозирование поведения потребителей, что требует применения big data и искусственного интеллекта. Они позволяют не только точнее целиться в потребительские предпочтения, но и адаптировать стратегию бренда под меняющуюся социально-экономическую среду. Это создает предпосылки для формирования глубокой и устойчивой лояльности, так как марка, демонстрирующая понимание и предвосхищение желаний потребителей, воспринимается как более близкая и надежная.

Новые условия и координаты целеполагания требуют от брендов гибкости и адаптивности. Речь идет не только о способности оперативно реагировать на вызовы времени, но и о готовности переосмыслить собственные стратегии брендинга. Успешный современный бренд — это тот, который не просто знает своего потребителя, но и способен ангажировать его, стать частью его повседневной жизни.

Таким образом, в условиях современной экономики услуг ключевыми факторами успеха становятся узнаваемость марки, глубокая лояльность потребителя и способность бренда адаптироваться к меняющимся условиям и потребностям аудитории. Преимущества получают те, кто строит свою стратегию на основе комплексного подхода к коммуни-

кациям, понимая и предвосхищая изменения в предпочтениях и ожиданиях потребителей [2].

Реклама и антиреклама.

В современном мире, где линии между физической и цифровой реальностью все более размыты, брендинг превращается в сложный коммуникативный процесс, опирающийся как на традиционные, так и на инновационные каналы коммуникации. Это касается и использования рекламы и антирекламы, которые выступают важнейшими инструментами в арсенале брендов для построения и поддержания их имиджа.

Реклама, будучи одним из главных механизмов продвижения, направлена на создание положительного образа продукта или услуги в сознании целевой аудитории. Это не только способ информирования потребителей, но и инструмент формирования эмоциональной привязанности к бренду. В эру цифровизации рекламные сообщения становятся всё более персонализированными и многочисленными, что позволяет брендам активно взаимодействовать с аудиторией, учитывая её предпочтения и поведенческие особенности.

Антиреклама, с другой стороны, может быть как непреднамеренным результатом негативных отзывов или скандалов, так и сознательно использованной тактикой. В последнем случае она часто направлена на критику конкурентов или на подрыв доверия к их продуктам. Однако в некоторых стратегиях брендинга антиреклама используется и в отношении себя: таким образом компании стремятся показать свою открытость, честность и готовность к изменениям. Это подразумевает умение бренда слышать своих потребителей и реагировать на их критику, что в итоге может укрепить лояльность и доверие к бренду [10].

Важно отметить, что социальные сети и другие цифровые платформы играют значительную роль в процессах рекламы и антирекламы. Они не просто расширяют аудиторию, до которой может дойти сообщение, но и усиливают эффект от взаимодействия с брендом за счет прямой связи с потребителем. В то же время, высокая скорость распространения информации в интернете может как помочь бренду быстро получить популярность, так и привести к мгновенному распространению негативной информации, что заставляет компании быть крайне аккуратными в своих коммуникациях.

Реклама и антиреклама, таким образом, являются двумя сторонами одной медали в стратегии брендинга. Они помогают формировать образ бренда в глазах потребителей, активизировать его восприятие и укреплять связь с аудиторией. В современных условиях, когда потребители ожидают от брендов не только качественной продукции, но и прозрачности, этичности и социальной ответственности, важно грамотно использовать все доступные инструменты коммуникации для создания долгосрочных и доверительных отношений.

Современный брендинг, находясь в эпицентре взаимодействия между компанией и ее аудиторией, выступает не просто как метод продвижения товаров или услуг, но и как мощный коммуникативный инструмент, формирующий восприятие и ценностную базу потребителей. Через эффективное использование коммуникативных стратегий, компании могут не только укреплять свою позицию на рынке, но и активно влиять на социальные тенденции. В этом контексте они оказываются не просто участниками рынка, но и формирователями общественного мнения [11].

Важно осознавать, что современный потребитель стремится к взаимодействию с брендами, которые разделяют его ценности и интересы. Поэтому важно не только декларировать социальную ответственность и устойчивость развития,

но и реально внедрять эти принципы в стратегию бренда. Это помогает формировать лояльную аудиторию и повышать доверие к бренду.

Рекомендации для компаний и маркетологов заключаются в следующем:

1. Адаптивность и гибкость. Рынок постоянно меняется, и брендам необходимо оставаться гибкими, чтобы адаптироваться к новым трендам и потребностям аудитории.

2. Построение диалога. Эффективный брендинг предполагает двустороннее общение с потребителями. Используйте социальные сети, форумы и другие платформы для обмена мнениями и расширения коммуникативного канала.

3. Уникальное предложение. Важно четко артикулировать, чем ваш бренд отличается от конкурентов. Уникальное торговое предложение (УТП) должно быть ясным и понятным для вашей целевой аудитории.

4. Ценностный маркетинг. Построение бренда вокруг общечеловеческих ценностей и этических стандартов становится ключевым фактором успеха в современном мире.

5. Вовлечение через контент. Создание качественного контента, который будет не только информировать, но и развлекать аудиторию, является важной частью стратегии взаимодействия.

6. Персонализация и индивидуализация. Учитывая предпочтения вашей аудитории и предлагая персонализированный подход, можно значительно улучшить взаимодействие и восприятие бренда.

В завершении следует отметить, современный брендинг требует глубокого понимания аудитории и рынка, а также умения адаптироваться к изменяющемуся миру. Используя данные рекомендации, бренды могут значительно улучшить свои коммуникативные стратегии, что в конечном итоге способствует построению более глубоких и продуктивных отношений с потребителями.

Пристатейный библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК РФ часть первая: текст с изменениями и дополнениям на 31.10.2024 года: [Принят Государственной думой 21 октября 1994 года: Одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года]. - Москва: Российская газета, 1994. № 238-239, 8.12.1994. - Текст: непосредственный.
2. Булдыгин С. С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 420. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-promyshlennoy-revolutsii-ot-poyavleniya-do-nashih-dney> (дата обращения: 14.02.2025).
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК РФ часть вторая: текст с изменениями и дополнениям на 13.12.2024 года: [Принят Государственной думой 22 декабря 1995 года]. - Москва: Российская газета, 1995. № 23, 6.02.1996. - Текст: непосредственный.
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК РФ часть третья: текст с изменениями и дополнениям на 31.10.2024 года: [Принят Государственной думой 1 ноября 2001 года: Одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года]. - Москва: Российская газета. № 233, 8.11.2001. - Текст: непосредственный.

5. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: ГК РФ часть четвертая: текст с изменениями и дополнениям на 22.07.2024 года: [Принят Государственной думой 24 ноября 2006 года: Одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года]. - Москва: Российская газета, 2006. № 289, 22.12.2006. - Текст: непосредственный.
6. Приказ Минэкономразвития России от 29.09.2016 г. № 612 «Об утверждении Методических рекомендаций по оформлению многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием единого фирменного стиля «Мои Документы». Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://economy.gov.ru/> (дата обращения: 05.02.2025). - Текст: электронный.
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.04.2015 г. № С01-159/2015 по делу № СИП-265/2014. Суд по интеллектуальным правам РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://predprin.psu.ru/citat/vg/2023-sip.pdf> (дата обращения: 05.02.2025). - Текст: электронный.
8. Постановление Девятого арбитражного суда от 11 июня 2009 г. № 09 АП-8678/2009-АК. Девятый арбитражный суд: официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fas.gov.ru/files/26193/1_Slavanka.pdf (дата обращения: 05.02.2025). - Текст: электронный.
9. Определение Верховного Суда РФ от 11.01.2023 г. № 308-ЭС22-27844 по делу № А53-38634/2021. Верховный суд РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://legicon.ru/wp-content/uploads/2023/12/A01-525.pdf> (дата обращения: 05.02.2025). - Текст: электронный.
10. Огилви о рекламе / [Пер. с англ. А. Гостева и Т. Новиковой]. - Москва: Изд-во Эксмо, 2003 (АООТ Твер. полигр. комб.). - 229 с.: ил., портр., цв. ил., портр.; 27 см.; ISBN 5-699-02340-2 (в пер.). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002356039> (дата обращения: 05.02.2025). - Текст: электронный.
11. Толстяков Р. Р., Нестеров Д. А. Брендниг как маркетинговый инструмент оценки и управления качеством. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт. - Москва, 2000. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 05.02.2025) - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 11 С. 94-98. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=xrnsun>. - Текст: электронный.

АБДУДЖАЛИЛОВ Абдулжабар

доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом частного права, Институт философии, политологии и права, Национальная Академия наук Таджикистана

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПРАВА В ИНТЕРНЕТЕ

Теоретические проблемы субъекта гражданского права, несмотря на достаточно полную изученность, в современной юриспруденции снова приобретают актуальность в связи с так называемой «цифровизацией» правовых отношений. Целью предлагаемого исследования являются проблемы регулирования отношений по цифровому взаимодействию субъектов в особой виртуальной среде интернета. Это связано с тем, что время и современный технологический прогресс, ядром которого является всемирная коммуникационная сеть интернет, вносят достаточно серьезные коррективы в общую концептуальную картину теории субъекта. Анализ развития сети интернет и созданного им виртуального пространства позволил получить некоторые первичные выводы о природе правового регулирования действий субъекта в подобных нестандартных пространствах, а также совершения в подобных пространствах юридически значимых действий и фигуры самого субъекта в этом пространстве.

Ключевые слова: интернет, виртуальное пространство, право, субъект, квазисубъект, цифровизация, доктрина.

ABDUJALILOV Abdujabar

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Department of Private Law, Institute of Philosophy, Political Science and Law, National Academy of Sciences of Tajikistan

THE PROBLEM OF THE LEGAL ENTITY ON THE INTERNET

The theoretical problems of the subject of civil law, despite being sufficiently fully studied, are becoming relevant again in modern jurisprudence in connection with the so-called “digitalization” of legal relations. The purpose of the proposed study is the problem of regulating relations on digital interaction of subjects in a special virtual environment of the Internet. This is due to the fact that time and modern technological progress, the core of which is the worldwide Internet communication network, make quite serious adjustments to the overall conceptual picture of the theory of the subject. An analysis of the development of the Internet and the virtual space created by it allowed us to obtain some primary conclusions about the nature of the legal regulation of the subject's actions in such non-standard spaces, as well as the commission of legally significant actions in such spaces and the figure of the subject himself in this space.

Keywords: internet, virtual space, law, subject, quasi-subject, digitalization, doctrine.

Абдулжабаров А.

По теоретическим проблемам субъекта гражданского права проведено достаточно много научных исследований. Как правило, в научных работах для примера таких исследований приводятся монографические работы С. Н. Братуся [4], И. П. Грешникова [8], С. И. Архипова [2] и др. В теории гражданского права считается, что проблема субъекта права достаточно полно изучена, и в настоящем исследовании нет необходимости глубокого и развернутого теоретического анализа состояния субъекта гражданского права. Целью исследования является проблемы регулирования отношений по цифровому взаимодействию субъектов в особой виртуальной среде интернета. Это связано с тем, что время и современный технологический прогресс, ядром которого является всемирная коммуникационная сеть интернет, вносят достаточно серьезные коррективы в общую концептуальную картину теории субъекта. Ранее мною указывалось, что «отдельные особенности института субъекта в интернете влекут невозможность применения в неизменном виде традиционных моделей осуществления и защиты гражданских прав субъекта, разработанных в гражданском законодательстве» [1, с. 132].

Начнем с общих нормативных составляющих проблемы субъекта в Гражданском кодексе Республики Таджикистан. Первая часть второй статьи Гражданского кодекса, озаглавленная «Отношения, регулируемые гражданским законодательством», устанавливает:

«1. Гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников».

В приведенной цитате в контексте настоящего исследования нас интересуют два концептуальных момента:

– равенство. Предполагается, что участники гражданских отношений равны между собой. Это – один из основных принципов гражданского права – равенство сторон.

– автономия воли. Волевой процесс присущ только физическому лицу. Волеизъявление субъекта играет в гражданских правоотношениях определяющую роль. И субъектами

правоотношений по Гражданскому кодексу являются физические и юридические лица. Несмотря на такую ясную и достаточно транспарентную нормативную основу субъекта гражданского права, нерешенные вопросы всё-таки существуют. Сегодня в науке гражданского права активно обсуждается правовое положение такого субъекта, как «корпорация». Это же положение можно проиллюстрировать и на примере правового положения других субъектов гражданских прав в Гражданском кодексе Республики Таджикистан. В кодексе, как было отмечено, детально и развернуто описано правовое положение двух субъектов права – физического и юридического лица. При этом, правовое положение такого экономического образования, как дехканское хозяйство как субъекта хозяйственной деятельности вовсе не определено. Такое положение проф. Рахимзода М. З. описывает как “повешенное”, поскольку понятия “хозяйствующий субъект” и “юридическое лицо” в настоящее время воспринимаются как синонимичные. М. З. Рахимзода считает, что “такое положение нельзя признать допустимым”, поскольку правовое положение дехканских хозяйств как субъектов гражданского права в кодексе отдельно и конкретно не определено. В разных правовых ситуациях дехканское хозяйство меняет свой правовой статус [10, с. 16].

Вывод из приведенных положений один: Гражданский кодекс, как и все другие нормативные акты, регулирует отношения между физическими и юридическими лицами с определенными погрешностями. Такой вывод вытекает из сущности нормативистской теории права, согласно которой все общественные отношения должны быть урегулированы (в той или иной мере) правовыми нормами. Эта специфика, состоящая в признании позитивного права и его закономерностей в качестве предмета юриспруденции ярко прослеживается применительно к гражданско-правовой доктрине. Однако в современных условиях, при которых цифровые технологии внедрены практически во все сферы жизнедеятельности человека, то есть общество практически полностью «цифровизировано», правовые конструкции, являющиеся фундаментом нормативистской теории, подвергаются доста-

точно серьезной трансформации. В современных условиях цифровой эпохи методология юридического позитивизма не всегда соответствует предметной составляющей цивилистической доктрины. С точки зрения юридического позитивизма, отыскание закономерностей развития имущественных отношений в условиях цифровизации является первостепенной задачей гражданско-правовой науки. С другой стороны, теоретическая концептуализация таких явлений и процессов в условиях отмечаемой неполноты гражданско-правового регулирования цифровых технологий не может быть сугубо позитивистской [9, с. 29]. Субъективный элемент принципа включается в позитивный аспект права, что является внутренним требованием правовой нормы и непосредственно связан с действиями субъекта, которые должны соответствовать следующим критериям: правдивость, уважение прав, верность обязательствам со стороны субъекта этих обязательств, в осознании последствий своих действий и соизмерении своих интересов с интересами другого лица, исключение причинения вреда третьим лицам. Данный элемент свидетельствует о наличии у субъекта «психологической» позиции, внутреннего понимания необходимости определённого поведения.

Нужно признать, что существующая классическая модель противопоставления субъекта и объекта правоотношений в известной степени устарела, и попытка её применения к объектам смарт-контракта наиболее ярко иллюстрирует её несостоятельность. В условиях финансовой системы XXI века используется совершенно иная методология построения правоотношений, основанная на использовании возможностей компьютерных технологий. Отчасти по этим причинам современные авторы расширили границы определения субъекта права. С. И. Архипов рассматривает субъект права в качестве лица (юридической внешности); правовой воли; совокупности правовых связей, правовых отношений; как правовое сознание; как правового деятеля; в качестве социально-правовой ценности; как правосубъектность [2].

Анализ развития сети интернет и созданного им виртуального пространства позволяет получить некоторые первичные выводы о природе правового регулирования действий субъекта в подобных нестандартных пространствах, а также совершения в подобных пространствах юридически значимых действий и фигуры самого субъекта в этом пространстве.

Помимо регулирования самой инфраструктуры посредством кода, программы, происходит регулирование поведения, деятельности интернет-пользователей в рамках глобального масштаба в соответствии с устоявшимися ценностями, идеями или этикой, закладываемой разработчиками, производителями и контролёрами программного и инфраструктурного обеспечения работы интернета. Кардинальная новизна виртуальной среды не предполагает отказа от регулирования правовыми нормами человеческих отношений в области интернета, что в виртуальной среде не исчезают понятия «обязательство», «сделка». Компьютерная программа написана человеком, а, значит, что право может и должно регулировать его поведение, однако оно должно это делать с учетом правовых особенностей виртуальной среды, в которых возникают регулируемые отношения [7, с. 23-30]. С другой стороны, компьютерная программа, или набор (комплекс) таких программ создают так называемый электронный субъект. Элементы (функции), которыми обладает электронный субъект (эти элементы входят в набор характеристик искусственного интеллекта) таковы:

- распознавание, т. е. определение, содержится ли в заданном элементе (электронной карте) определенная характеристика или данные субъекта;
- обнаружение, или проверка выполнения определенного условия. Например, соответствует ли введенный в банкомат запрос о выдаче определенной суммы денег тем данным о наличии цифровых активов, имеющихся во вставленной электронной карте;
- идентификация, т. е. отнесение распознанного объекта к определенному классу, например, принадлежность электронного носителя к конкретному банку;
- выполнение условий запроса – выдача требуемой суммы валюты и уменьшение суммы цифрового актива в электронной карте.

Указанные выше элементы электронного субъекта – это только вершина айсберга. Созданы целые информационные системы, программные сервисы, автоматизированные системы управления, цифровые платформы, роботизированные системы, обладающие элементами искусственного интеллек-

та [3]. Такие образования в области цифровых технологий привели к появлению в теории права понятия «квазисубъекта». Соответственно, возник вопрос о правосубъектности «квазисубъекта» [5, с. 8]. Все эти явления, требующие соответственного правового вмешательства, вначале должны быть теоретически проанализированы.

Если обобщить приведенные проблемы воедино, то можно утверждать: применительно к субъектам и объектам гражданского права цифровизация поставила один фундаментальный вопрос, который может быть разбит на отдельные подвопросы: есть ли необходимость расширения юридически установленного перечня субъектов/объектов или вновь возникающие цифровые отношения могут быть объяснены через классические конструкции [6, с. 29].

Решение вопроса о «субъектности» искусственного интеллекта видится через призму принципов гражданского права. Появление норм о правовом статусе нового субъекта права повлечет необходимость их толкования в совокупности с принципами. Возникает вопрос: сможет ли искусственный интеллект (робот, цифровая платформа) защитить свои интересы в суде?

На наш взгляд, цифровой субъект гражданского права – это понятие, отражающее не только электронную форму существования известных цивилистической доктрине субъектов (физических и юридических лиц), но и новые явления, опосредуемые цифровизацией гражданского оборота и фактически участвующие в нем, но при этом отдельно не закрепленные в перечне субъектов гражданских прав (например, роботы и роботизированные системы, обладающие элементами искусственного интеллекта). По этим основаниям, формулируя содержание понятия «цифровой субъект гражданского права» необходимо учитывать существенные признаки, свойственные как традиционным, так и новым субъектам гражданских прав, исходя из того, что последние в этом смысле должны соответствовать нормативным требованиям.

Таким образом, с точки зрения принципов гражданского права нет оснований для обособления отдельных субъектов правоотношений, возникших в результате цифровизации общества. Классическая схема субъектов гражданского права должна быть сохранена. С теоретических позиций допустимо говорить о «квазисубъекте» не как о самостоятельном субъекте права, а как об особом объекте гражданских прав, для которого разработан специальный правовой режим.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуджалилов А. Теоретические проблемы правового регулирования Интернета: гражданско-правовые аспекты. – Душанбе: «Эр-Граф», 2014. – 132 с.
2. Архипов С. И. Субъекты права: теоретическое исследование. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004.
3. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – М.: Проспект, 2023.
4. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950.
5. Василевская Л. Ю. и др. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов: монография. – Т. 3. – М.: Проспект, 2023. – С. 8.
6. Волос А. А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества. Монография. – М.: Проспект, 2024. – С. 29.
7. Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 23-30.
8. Грешников И. И. Субъекты гражданского права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
9. Пучков В. О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи. Методологические, теоретические и прикладные проблемы. Монография. – М.: Проспект, 2020. – С. 29.
10. Рахимзода М. З. Субъекты предпринимательской деятельности: теория и правовое регулирование (на тадж. яз.). Монография. – Душанбе, 2023. – С. 16.

БАКУНИН Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ КАК МЕРА РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена исследованию принципа добросовестности в осуществлении гражданских прав как важной меры ранней профилактики коррупционного поведения. В условиях современных реалий, когда коррупция становится одной из главных угроз для правопорядка и устойчивого развития общества, принцип добросовестности приобретает особую актуальность. В статье анализируются основные аспекты данного принципа, его влияние на формирование этических норм и стандартов поведения граждан, а также роль в правоприменительной практике. Рассматривается, как внедрение принципа добросовестности в юридические механизмы, которые могут способствовать снижению уровня коррупции, формируя у граждан ответственность и осознание последствий своих действий.

Ключевые слова: принцип добросовестности, коррупционное поведение, осуществление гражданских прав, профилактика.

BAKUNIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law disciplines sub-faculty, S. A. Yesenin Ryazan State University

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE EXERCISE OF CIVIL RIGHTS AS A MEASURE OF EARLY PREVENTION OF CORRUPT CRIMINAL BEHAVIOR

The article is devoted to the study of the principle of good faith in the exercise of civil rights as an important measure of early prevention of corrupt behavior. In the context of modern realities, when corruption is becoming one of the main threats to law and order and the sustainable development of society, the principle of good faith is becoming particularly relevant. The article analyzes the main aspects of this principle, its impact on the formation of ethical norms and standards of behavior of citizens, as well as its role in law enforcement practice. It is considered how the introduction of the principle of good faith in legal mechanisms can contribute to reducing corruption, forming citizens' responsibility and awareness of the consequences of their actions.

Keywords: the principle of good faith, corrupt behavior, exercise of civil rights, prevention.

Коррупция является одной из наиболее серьезных угроз для стабильности и устойчивого развития общества. Она подрывает основы правопорядка, способствует неравенству и снижает доверие граждан к институтам власти. В связи с этим, особое внимание уделяется профилактическим мерам, направленным на предотвращение коррупционного поведения. Одним из таких инструментов является принцип добросовестности, который, будучи ключевым элементом гражданского законодательства, способен влиять на поведение граждан и организаций.

Закрепление принципа добросовестности в ранг основных начал гражданско-правового регулирования следует отнести к числу наиболее значимых изменений, реализуемых Концепцией совершенствования гражданского законодательства [1, с. 6]. Нововведение коснулось не только первой статьи ГК РФ, но и ряда других статей. Воля законодателя (п. 3 ст. 1 ГК РФ) императивно устанавливает, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно как при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, так и при исполнении гражданских обязанностей. Это означает, что принцип добросовестности в осуществлении гражданских прав подразумевает обязательство сторон действовать честно, разумно и с уважением к правам других. Этот принцип закреплен в различных нормативных актах и является основой для формирования правовой культуры. Он охватывает как поведение физических, так и юридических лиц, требуя от них соблюдения не только закона, но и моральных норм. Стоит указать, что общая часть ГК РФ устанавливает немало нормативных предписаний, прямо или косвенно связанных с принципом добросовестности. Как справедливо отмечает Нам К.В. «основная правовая идея и одновременно правило, заложенное в данные нормы, сводятся к тому, что весь гражданско-правовой оборот должен соответствовать принципу добросовестности» [2, с. 256].

Основополагающие идеи и концепции о наличии рассматриваемого принципа были заложены еще в римском законодательстве. Должностные лица, наделенные судебной властью при разрешении споров должны были руковод-

ствоваться принципом «доброй совести». Принцип добросовестности был закреплен в статье 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и в статье 5 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 г. Основы гражданского законодательства 1991 г. Союза ССР и республик, а также первоначальная редакция части первой ГК РФ 1994 г. не содержали норму принципа о добросовестности поведения участников гражданского оборота, но отдельные нормы ГК РФ (ст. 6, ст. 10, ст. 53, ст. 157, ст. 220 и др.) содержали положения о необходимости добросовестной реализации субъективных прав и исполнения обязанностей. Из сказанного следует, что в действующем гражданском законодательстве закреплена норма о добросовестности как принципе правового регулирования (ст. 1 ГК РФ) и субъективная добросовестность, понимаемая в качестве специального предписания в отношении поведения субъекта, реализуемого в вещном, обязательственном, наследственном, интеллектуальном правоотношениях.

Однако, закрепив принцип добросовестности в качестве основного начала правового регулирования, законодатель не выразил своего отношения относительно его содержания. Проблема является сложной и неоднозначной, обусловлена тем, что по своей сути категория «добросовестность» должна включать в себя мировоззренческие взгляды общества, нравственного поведения участников гражданского оборота, каким образом субъект приобретает, осуществляет и защищает свои права, а также исполняет гражданско-правовые обязательства. По мнению В. В. Витрянского, «...ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры, понятия добросовестности, справедливости, разумности в принципе невозможно» [3, с. 132]. По мнению К. И. Скловского добрая совесть не может быть исчерпывающим образом определена даже доктринально, а тем более легально [4, с. 79]. В свое время И.Б. Новицкий, являясь приверженцем и отдающим предпочтение судебному толкованию принципа добросовестности, отмечал, что «Различие задач, которые стоят перед законодателем и перед судьей, различие функций, исполняемых тем и другим, делают вполне естественным, что в законе по этому

вопросу содержатся лишь некоторые общие, более или менее расплывчатые и неопределенные указания (удачные или нет – отдельный вопрос), а оценка конкретной обстановки всецело возлагается на судью. Умудренный опытом, чуткий к запросам жизни судья сумеет разобраться в индивидуальных обстоятельствах каждого случая, например, оценить разные побочные последствия, с которыми связана для должника сделка и которые, быть может, отягчают или, наоборот, облегчают его положение; учтет риск, с которым связывается сделка для верителя, примет во внимание социально-экономическое положение сторон и из совокупности всех этих данных составит более или менее ясную картину» [5, с. 124]. Василевская Л. Ю. предлагает критерии по которым возможно и должно отнести поведение к разряду добросовестного: учет законных интересов и разумных потребностей контрагента; отсутствие у партнеров осведомленности о предусмотренных законом или договором обстоятельствах, влекущих недействительность сделки или накладывающих ограничения на договорные отношения и осуществление субъективных гражданских прав, и исполнение обязанностей с соблюдением особых условий [6, с. 9].

На основании вышеизложенного под добросовестностью целесообразно понимать сложившуюся в обществе и признанную законом, судебной практикой систему взглядов о нравственности поведения участниками гражданского оборота в процессе приобретения, осуществления, защите прав и исполнении ими обязанностей. В соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ термин «добросовестность» может быть использован для установления возможности судебной защиты гражданских прав. Если субъективное право управомоченного лица реализовано с учетом принципа доброй совести его защита возможна. В случае злоупотребления правом суд отказывает в его защите полностью или в части, а также применяет иные меры гражданско-правового характера.

Коррупционное поведение является ярким антиподом добросовестной реализации субъективных прав, противоречит не только публичным, но и частным интересам, наносит как репутационный, так и экономический ущерб, нарушает нравственные принципы общества и правовые нормы государства. В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее ФЗ «О противодействии коррупции») под коррупцией понимается – «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица».

Массив нормативных правовых актов, направленных на раннюю профилактику коррупционного поведения представлен как уголовным, административным, финансовым, так и гражданским законодательством. Нормы гражданского права в значительной степени обеспечивают стабильность имущественных, личных неимущественных, корпоративных отношений. К сожалению, усиливающая коммерциализация гражданского оборота негативно оказывает влияние на выбор ценностных ориентаций поведения участников гражданского оборота. Как уже было отмечено, коррупционное поведение наиболее типичный отрицательный тому пример. В тех случаях, когда реализация субъективного права входит в противоречие с требованиями нормативных предписаний, речь может идти о наступлении не только охранительной, но и предупредительной функции гражданско-правовой ответственности.

Выше указывалось, что коррупционное поведение есть антипод добросовестной реализации субъективных прав и исполнения обязанностей можно говорить о злоупотреблении правом коррупционером. Верховный Суд РФ в своем Определении от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 следующим образом подошел к пониманию злоупотребления права по ст. 10 ГК РФ: «Назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту... юридически гарантированной возможности удовлетворять потребности, не нарушая при этом интересов других лиц, общества и государства. Если субъективное право осуществляется в противоречии с назначением, происходит конфликт между интересами общества и

конкретного лица. По смыслу ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом, т.е. осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность». Как следствие суд отказывает в его защите полностью или в части, а также применяет иные меры гражданско-правового характера. С учетом ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактика правонарушений предполагает совокупность мер, в том числе, правового характера, и оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Статья 15, закрепляющая виды профилактики правонарушений предусматривает повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

Значит, роль добросовестности в профилактике коррупции можно разделить на следующие функции. Во-первых, принцип добросовестности способствует формированию этических стандартов, которые могут служить основой для противодействия коррупционным практикам. Честное и прозрачное осуществление гражданских прав снижает возможности для недобросовестных действий. Во-вторых, внедрение принципа добросовестности побуждает граждан и организации осознавать последствия своих действий. Это включает в себя как правовые, так и социальные последствия, что в свою очередь формирует более ответственное поведение. В-третьих, судебные органы играют ключевую роль в реализации принципа добросовестности. Применение этого принципа в судебной практике позволяет не только защищать права добросовестных участников гражданского оборота, но и наказывать использующих свои права в корыстных целях [7].

Для эффективной профилактики коррупционного поведения необходимо интегрировать принцип добросовестности в образовательные программы, что позволит формировать у будущих граждан и профессионалов понимание важности этических норм и ответственности за свои действия. Образование должно включать не только правовые аспекты, но и моральные ценности, для создания основы формирования честного общества. Принцип добросовестности осуществления гражданских прав является мощным инструментом в борьбе с коррупцией. Его внедрение в правовую практику и образовательные программы способствует формированию этической культуры, повышает ответственность граждан и создает более прозрачную правовую среду. Предусмотренный гражданским законодательством принцип добросовестности реализации субъективных прав, их защита, исполнение обязанностей участниками гражданского оборота следует отнести к мере ранней профилактики коррупционного преступного поведения.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 11. – С. 6-99.
2. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: М-Логос, 2023. – 388 с.
3. Витрянский В. В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 7. – С. 128-134.
4. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 67-81.
5. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 99-134.
6. Василевская Л. Ю. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 192 с.
7. Ананьева Е. О. Применение принципа добросовестности в частном праве // Научное обозрение. Юридические науки. – 2024. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-legal.ru/article/view?id=1> (дата обращения: 29.01.2025).

БОСЫХ Андрей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический факультет, Кубанский государственный университет имени А. А. Хмырова, г. Краснодар

ИСАЧЕНКО Александр Игоревич

магистрант 3 года обучения, Юридический факультет, Кубанский государственный университет имени А. А. Хмырова, г. Краснодар

АФФИЛИРОВАННОСТЬ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: РАЗВИТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ

В статье анализируется практика применения института аффилированности по делам о несостоятельности. Аффилированность как на законодательном, так и на практическом уровне рассматривается как состояние связанности, влекущее при наличии факта недобросовестности неблагоприятные последствия в деле о банкротстве в рамках обособленных споров. Однако судебная практика в настоящее время отходит от жестких рамок регулирования аффилированности и постепенно развивает подход к смягчению правового статуса аффилированных лиц. С учетом проанализированной судебной арбитражной практики нами выявлены актуальные тенденции и основные векторы развития института аффилированности в правоотношениях несостоятельности.

Ключевые слова: аффилированность, аффилированные лица, банкротство, несостоятельность, субординация, судебная практика.

BOSYKH Andrey Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, Law Faculty, A. A. Khmyrov, Kuban State University, Krasnodar

ISACHENKO Alexander Igorevich

magister student of the 3rd years of study, Law Faculty, A. A. Khmyrov, Kuban State University, Krasnodar

AFFILIATION IN BANKRUPTCY CASES: DEVELOPMENT AND TRENDS IN JUDICIAL AND ARBITRATION PRACTICE

The article analyzes the practice of applying the institution of affiliation in insolvency cases. Affiliation, both at the legislative and practical level, is considered as a state of connection, which, if there is a fact of bad faith, entails adverse consequences in a bankruptcy case within separate disputes. However, judicial practice is currently moving away from the strict framework of regulating affiliation and is gradually developing an approach to softening the legal status of affiliated persons. Taking into account the analyzed judicial and arbitration practice, we have identified current trends and main vectors of development of the institution of affiliation in legal relations of insolvency.

Keywords: affiliation, affiliated persons, bankruptcy, insolvency, subordination, judicial practice.

Современный процесс экономического обмена, происходящий между участниками гражданского оборота, не свободен от участия в нем субъектов, обладающих определенными признаками юридической или экономической связанности или зависимости. Признаки экономической зависимости наблюдаются между так называемыми аффилированными лицами, чье участие в гражданском обороте в целом представляется достаточно стандартным явлением. Однако в ситуации банкротства отдельного субъекта гражданского оборота непременно происходит столкновение интересов его аффилированных и независимых кредиторов.

Заметим, что концепция аффилированности пока не получила должного развития как на теоретическом, так и на практическом уровне, однако, бесспорно, что без установления аффилированности не происходит ни одна процедура банкротства. Цели, которые преследовал законодатель, вводя понятие аффилированных лиц в законодательство о банкротстве, а также цели практического применения института аффилированности вполне ясны. Строго говоря, аффилированность как категория банкротного права пронизывает саму сущность и цели процедуры банкротства и направлена на достижение максимально справедливого распределения имущества неплатежеспособного субъекта экономической

деятельности между его кредиторами. Очевидно, что баланс интересов между аффилированными и независимыми кредиторами оказывается, как правило, нарушен, хотя бы по той причине, что аффилированные кредиторы прямо или непосредственно участвуют в доведении должника до банкротства.

Таким образом, основное назначение концепции аффилированности – установить баланс интересов аффилированных и независимых кредиторов, увеличить размер удовлетворения требований независимых кредиторов и защитить их от злоупотреблений со стороны лиц, контролирующих должника, лиц, стремящихся сохранить свое влияние на принимаемые должником действия [3, с. 302].

Сообразно этой цели законодатель определяет достаточно жесткий подход к правовому регулированию положения аффилированных лиц. Аффилированность как правовое состояние связанности определяет исход практически каждого обособленного спора, начиная от установления требований аффилированных кредиторов, заканчивая привлечением аффилированных к должнику лиц к субсидиарной ответственности по его обязательствам. В результате аффилированность выступает элементом ряда юридических составов и влечет правовые последствия в деле о банкротстве

применительно к утверждению кандидатуры арбитражно-управляющего и его отстранению, оспариванию сделок должника, субординации требований кредиторов и др.

Вместе с тем аффилированность, хотя и сопровождает практически каждый обособленный спор в деле о банкротстве, является состоянием сложно фиксируемым, как и сложным является применение этой концепции в каждом конкретном случае. Известные трудности возникают хотя бы по той причине, что до сих пор понятие аффилированности не имеет адекватного легального определения, не имеет четко установленных и универсальных признаков, критериев выявления.

Впервые понятие «аффилированность» было закреплено в Законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», где аффилированными лицами считались физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность¹. Впрочем, указанный выше нормативно-правовой акт ныне не утратил свою силу, и суды продолжают опираться на закрепленное в нем определение аффилированности.

В 2014 г. Гражданский кодекс РФ был дополнен ст. 53.2, посвященной понятию аффилированности. Однако законодатель вместо закрепления полноценной дефиниции сконструировал норму ст. 53.2 ГК РФ по типу бланкетной, обозначив лишь общее понимание аффилированности как наличия между лицами отношений связанности². Ныне этот термин употребляется в рамках антимонопольного, корпоративного, таможенного и налогового права, а также в рамках законодательства о несостоятельности.

В доктрине также предлагаются различные дефиниции понятия «аффилированность». Однако, абстрагируясь от научного дискурса, по нашему мнению, в правоотношениях несостоятельности аффилированность должна пониматься как наличие между двумя или более лицами отношений связанности, определяемой их подконтрольностью одному физическому или юридическому лицу (находящихся под общим контролем), действующему в отношении подконтрольных ему лиц в собственных интересах, противоречащим интересам независимых кредиторов в деле о банкротстве. Однако здесь нужно сделать важное уточнение.

В судебной практике по делам о банкротстве разработан подход к выделению двух видов аффилированности – юридической и фактической. Впервые этот подход был обозначен в определении Верховного Суда РФ от 15.06.2016 №308-ЭС16-1475, в котором помимо прочего разъяснено соотношение понятий аффилированного, заинтересованного и контролирующего лица³. По существу, разработанный Вер-

ховным Судом РФ подход базируется на критерии формализации корпоративных отношений. Юридическая аффилированность, как это предполагается, должна прямо отвечать признакам, установленным антимонопольным и корпоративным законодательством. В случае же, когда взаимосвязанность двух субъектов не подтверждается формально, но имеются определенные признаки «нетипичного поведения» двух независимых лиц, имеют в виду аффилированность фактическую.

Заметим, что в отсутствие четких границ правового регулирования аффилированности в правоотношениях несостоятельности, судебная практика изначально избрала довольно жесткий подход к аффилированным лицам, вплоть до отказа во включении требований аффилированных кредиторов в реестр. В частности, суды отказывали во включении в реестр требований, вытекающих из обеспечительных договоров (например, договора поручительства) должника и его аффилированных кредиторов, ссылаясь на отсутствие в них экономического смысла [7, с. 175]. Лишь позднее судебная практика стала принимать во внимание критерий общности экономических интересов, необходимый для оценки совершенных обеспечительных сделок. Как верно замечает А. Е. Егоров отказ во включении требований аффилированных кредиторов в реестр, даже при наличии факта злоупотребления, недопустим. Борьба со злоупотреблениями происходит в другой, более мягкой форме – посредством субординации требований [4, с. 27].

Жесткий подход проявился и в сфере доказательственной деятельности сторон, в том числе в переложении на аффилированных лиц бремени доказывания отсутствия их контроля в отношении должника и установлении пониженных стандартов доказывания самого факта аффилированности. Исходя из этих же целей, активное развитие получил институт субординации требований. Суды стали более детально оценивать наличие взаимосвязей между арбитражными управляющими, с одной стороны, и должником или кредиторами – с другой.

В частности, господствующим подходом в настоящее время стало установление «презумпции аффилированности», проявляющейся, например, в случае оспаривания сделок должника с аффилированными лицами, когда наличие злого умысла в её совершении предполагается, пока ответчиком не доказано иное. В целом подход правоприменителя усматривается в переносе рисков банкротства на контролирующих должника лиц. Заметим, что и в литературе аффилированность оценивается даже как правонарушение [6, с. 87].

Однако в последнее время Верховный Суд РФ стал акцентировать внимание на том, что отрицательные последствия (к примеру, понижение очередности) не могут наступить только при признании наличия аффилированности⁴. В обзоре о субординации Верховный Суд РФ также закрепил позицию о том, что очередность удовлетворения требования кредитора не может быть понижена лишь на том основании, что он относится к числу аффилированных с должником лиц, в том числе его контролирующих – для этого необходи-

1 О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22.03.1991 №948-1 (ред. от 26.07.2006) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

3 Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=464228>.

4 Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 по делу № А81-7027/2016 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=570761>.

мо установление факта компенсационного финансирования. Применительно к лицам, аффилированным к должнику «по горизонтали» устанавливаются более жесткие требования – для применения субординации необходимо доказать не только факт компенсационного финансирования, но и факт скоординированности действий аффилированных лиц и их общего контролирующего лица.

По результатам анализа судебно-арбитражной практики, мы пришли к выводу, что судебная практика в настоящее время отходит от жестких рамок регулирования аффилированности и постепенно развивает подход к смягчению правового статуса аффилированных лиц.

В одном из недавних судебных дел Верховный Суд РФ фактически пресек формирование презумпции о, безусловно, недобросовестном поведении аффилированных лиц в хозяйственной деятельности, предшествующей банкротству одной из сторон⁵. Исходя из этого, аффилированность также сама по себе не свидетельствует о мнимости сделок или недобросовестности её сторон⁶.

Активно развивающийся институт субординации требований также идет по пути «облегчения» для аффилированных лиц. Верховный Суд РФ при рассмотрении дел о банкротстве нередко встает на сторону аффилированных лиц. Так, в частности, Верховный Суд РФ подчеркнул, что законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым заинтересованность (аффилированность) лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр кредиторов⁷.

Анализируя сказанное, следует заметить, что судебная практика, конечно, не идет по пути уравнивания правового статуса аффилированных и независимых кредиторов. Речь идет о конкретизации признаков фактической аффилированности и уточнении рамок этой правовой категории, что необходимо в целях создания правовой определенности и ограничения судебной дискреции при применении последствий аффилированности, в том числе при привлечении аффилированных лиц к субсидиарной ответственности или субординации требований аффилированных кредиторов.

Применение этих последствий, являющихся достаточно серьезной мерой ответственности, должно быть взвешенным и оцениваться на основании конкретных критериев, которые бы не допускали необоснованного переложения рисков банкротства лишь на одном факте аффилированности. Тем не менее, права аффилированных кредиторов, как отмечается в литературе, должны быть ограничены, что предполагает развитие соответствующих институтов банкротства (например, ограничение их участия в процедуре утверждения управляющего или участия в общем собрании кредиторов) [5, с. 41]. Предлагается даже лишить права голоса аффилированных

лиц, требования которых не были субординированы в связи с отсутствием доказанных пороков в поведении [1, с. 17].

Однако, учитывая, что аффилированность слабо поддается правовой регламентации ввиду расплывчатости этого состояния, российский правопорядок избрал иную модель его регулирования. Отвергая в целом рассмотрение аффилированности как правонарушения, законодатель признает необходимость борьбы со злоупотреблениями, вытекающими из этого состояния, но поскольку борьба с ними малоэффективна нормативно-правовыми средствами, она осуществляется в процессуальной плоскости. В качестве оптимального средства процессуального воздействия судебной практикой избрано применение к ним различных стандартов доказывания и установление правил о переходе бремени доказывания.

Этот подход базируется на том, что деловые, гражданско-правовые и корпоративные отношения между аффилированными лицами не запрещены сами по себе, они влекут правовые последствия и признаются правопорядком. Аффилированные лица наделяются правом опровергать как наличие своей взаимосвязанности, так и вытекающей из неё недобросовестности, однако в одних случаях к ним предъявляются повышенные стандарты доказывания, а в других случаях – пониженные, в зависимости от практической области и конкретного обособленного спора:

При разрешении вопроса о включении в реестр требований кредиторов должника к аффилированным лицам должны предъявляться повышенные стандарты доказывания в целях предотвращения «попадания в реестр» недобросовестных кредиторов либо кредиторов с фиктивной задолженностью⁸.

При применении субординации требований у суда должны возникнуть «разумные сомнения» при анализе гражданско-правовой природы долга, его наличия и размера⁹. Следовательно, бремя доказывания реального существования долга и наличия при заключении сделки экономического смысла ложится на аффилированного кредитора.

При решении вопроса об отстранении арбитражного управляющего в связи с его аффилированностью по отношению к должнику или кредиторам достаточно «разумных сомнений» в его независимости¹⁰. В свою очередь, преодоление этих сомнений ложится на лицо, предъявившего кандидатуру управляющего.

Для установления статуса контролирующего должника лица в целях привлечения аффилированного лица к субсидиарной ответственности применяется повышенный стандарт доказывания, предполагающий установление не только факта связанности, но и факта осуществления влияния (контроля) на хозяйственную деятельность должника¹¹. Следова-

5 Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2023 № 308-ЭС19-12575 по делу № А32-33769/2016 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=748565>.

6 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2023 № 305-ЭС22-20515 по делу № А40-118601/2020 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=748083>.

7 Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС20-8593 по делу № А40-113580/2017 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=636759>.

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=540799>.

9 Там же.

10 Определение Верховного Суда РФ 28.08.2023 по делу № А56-108239/2019 (307-ЭС23-6153 (1, 4, 5)) // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/aad40809-361a-4db2-99e7-01f877010a40/35cd81f3-b0ce-4805-9ca1-9893d0353226/A56-108239-2019_20230828_Opreделение.pdf.

11 О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при

тельно, аффилированное лицо освобождается от обязанности опровергнуть свой статус контролирующего лица – эта обязанность перекладывается на утверждающего обратное.

При оспаривании сделок с аффилированными лицами применяется повышенный стандарт доказывания, предполагающий установление не только факта связанности, но и установление цели причинения вреда независимым кредиторам, преследуемой при заключении сделки¹². Доказывание этого факта ложится на лицо, оспаривающее сделку.

Исходя из рассмотренной практики, можно сказать, что в настоящее время господствует следующий подход: если в независимости лица существуют обоснованные сомнения, то он обязан раскрыть обстоятельства, их опровергающие, обосновать свое поведение в соответствии с условиями нормального гражданского оборота [2, с. 40]. К заявляемым аффилированными лицами доводам предъявляется повышенный стандарт доказывания в части установления обоснованности включения их требований в реестр. В отношении иных категорий обособленных споров бремя доказывания аффилированности и вытекающей из нее недобросовестности перекладывается на иных лиц, в том числе лиц, оспаривающих сделку аффилированного лица с должником и заявляющих о привлечении аффилированных лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, анализ судебно-арбитражной практики позволил выявить следующие актуальные тенденции и основные векторы развития института аффилированности в правоотношениях несостоятельности:

Судебная практика постепенно развивает подход к смягчению правового статуса аффилированных лиц, определяя, что аффилированность (как юридическая, так и фактическая) сама по себе не нарушает права независимых кредиторов. Аффилированность, таким образом, не является правонарушением, влекущим «кару» для лиц, так или иначе связанных с должником. Скорее в правоотношениях несостоятельности она представляет собой «провоцирующий» для суда фактор к более детальному исследованию фактических обстоятельств, в том числе к исследованию корпоративной структуры должника.

Ввиду отсутствия законодательно определенных мер воздействия на недобросовестных аффилированных кредиторов, судебной практикой в качестве оптимального средства процессуального воздействия избрано применение к ним различных стандартов доказывания и установление правил о переходе бремени доказывания. Обозначенная тенденция ознаменовала собой отход от попытки формально урегулировать состояние аффилированности с переносом этого вопроса в плоскость судебной дискреции.

Как следствие, с учетом широкой свободы судейского усмотрения в вопросах установления аффилированности, судебная практика стремится к конкретизации признаков фактической аффилированности и уточнению рамок этой правовой категории, что необходимо в целях создания правовой

определенности и ограничения судебной дискреции при применении последствий аффилированности, в том числе при привлечении аффилированных лиц к субсидиарной ответственности или субординации требований аффилированных кредиторов.

Пристатейный библиографический список

1. Воронов Ф. А. Аффилированность и её правовые последствия при несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. - М., 2024.
2. Воронов Ф. А. Аффилированность при несостоятельности (банкротстве): понятие, виды, практика применения и зарубежный опыт // Хозяйство и право. - 2023. - № 9.
3. Габов А. В. Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве) // Гражданское право социального государства: сб. науч. статей. - М., 2020.
4. Егоров А. В. Влияние аффилированности на банкротство // Цивилистика. - 2021. - № 2.
5. Зенин И. Д. Проблемы аффилированности арбитражного управляющего // Право и бизнес. - 2024. - № 1.
6. Тычинин С. В., Скопенко О. Р. Аффилированность юридических лиц: реальность и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2019. - № 3 (83).
7. Шиткина И. С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. - 2019. - № 6.

банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/.

12 Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2023 № 305-ЭС21-13317(2) по делу № А41-1026/2020 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=769691>.

ГРИБ Владимир Григорьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Заслуженный юрист РФ

КУДРА Александр Сергеевич

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

АВТОРСКОЕ ПРАВО И МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПОИСК ПРАВОМЕРНОГО ФОРМАТА ОБРАБОТКИ ОХРАНЯЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В статье исследуются основные правовые проблемы, возникающие при использовании произведений, охраняемых авторским правом, в процессе машинного обучения и TDM (text and data mining). Рассматриваются различные варианты урегулирования отношений между разработчиками систем искусственного интеллекта и правообладателями: от согласия авторов и введения специального свободного режима использования до механизма принудительной лицензии и коллективного управления правами. Делается вывод о необходимости комплексного и публично-правового подхода для сохранения баланса между инновационными интересами в сфере нейросетей и экономическими правами авторов.

Ключевые слова: машинное обучение, искусственный интеллект, text and data mining, свободное использование, интеллектуальная собственность.

GRIB Vladimir Grigorjevich

Ph.D. in Law, professor, professor, Moscow University of Finance and Industry «Synergy», Honored Lawyer of the Russian Federation

KUDRA Alexander Sergeevich

postgraduate student of State legal disciplines and digital law sub-faculty, Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

COPYRIGHT AND MACHINE LEARNING: SEARCH FOR A LAWFUL FORMAT OF PROCESSING PROTECTED WORKS

This article examines the principal legal issues arising from the use of copyright-protected works in the context of machine learning and TDM (text and data mining). It discusses various potential approaches to regulating the relationship between AI developers and rightsholders – from requiring authors' consent and establishing a special "free use" regime to implementing a compulsory license mechanism and collective rights management. The article concludes that a holistic and public-law-based approach is required to maintain a balance between innovation interests in the realm of neural networks and authors' economic rights.

Keywords: machine learning, artificial intelligence, text and data mining, free use, intellectual property.

По мере развития информационных технологий, все большее место в этой сфере уделяется системам искусственного интеллекта (далее ИИ). По статистике, рынок ИИ оценивается в 279 млрд. долларов, что на 80 млрд. больше, чем в 2023 году [14]. Такой стремительный подъем обусловлен расширением практических сценариев применения подобных систем: от создания текста и мультимедийного контента до автономного транспорта. Интерес к развитию этой отрасли исходит не только от бизнеса, но и со стороны государств, которые видят в ИИ инструмент для модернизации общественного управления и решения сложных социально-экономических задач.

В Российской Федерации, в соответствии с указом Президента, разработана национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, направленная на стимулирование технологического прогресса и повышение конкурентоспособности страны. Практические результаты подобной политики видны в Москве, где реализуется около 80 проектов, связанных с внедрением ИИ в сферах здравоохранения, образования, городского хозяйства, рекомендательных систем и других направлениях [13]. Подробный курс на развитие ИИ прослеживается и на международном уровне. В Великобритании подготовлена «белая книга» – технический документ в котором намечены основные принципы совершенствования правовых рамок для внедрения и использования технологии ИИ [3]. Европейский Союз также принимает нормативные акты, направленные на формирование надежной среды для развития ИИ, в частности, 1 августа 2024 года вступил в силу «закон об искусственном интеллекте» – «Artificial Intelligence Act», целью которого является установление четких правил безопасного, ответственного и этичного использования по-

добных систем [2]. Таким образом, формирование правовой инфраструктуры для ИИ стало глобальной тенденцией, нашедшей отражение в стратегиях и законодательных актах разных стран.

Подобный общемировой интерес к системам ИИ порождает множество вопросов в юридическом поле, особенно в контексте авторско-правовых отношений. При этом чаще вопросы касаются правового режима на результаты работ ИИ или его статуса как субъекта права. Однако, значительно меньше внимания уделяется правовой квалификации самого процесса машинного обучения, его правовым границам и условиям применения. Так, наиболее острым становится вопрос использования в качестве материала для обучения ИИ объектов, защищаемых авторским правом. К примеру, фотоагентство «Getty Images» подала иск на создателей ИИ «Stability AI», в котором указывается на использование ИИ изображений, защищаемых авторским правом, в качестве данных для обучения и генерации новых изображений на их основе с целью коммерческой выгоды [15]. Данный прецедент не является единственным. Так, группа авторов подала коллективный иск на компанию «Anthropic» за возможное неправомерное использование их книг и книг других авторов для обучения чат-бота на основе ИИ «Claude» [16]. По мнению истцов, их произведения были включены в наборы данных для обучения ИИ, что ставит под угрозу их возможные доходы и наносит ущерб их репутации. Похожий коллективный иск также подали представители Гильдии авторов США против разработчиков систем искусственного интеллекта «OpenAI» с указанием на вероятное использование их произведений для машинного обучения ИИ [17]. Подобная обеспокоенность и желание защитить свои права авторами

и правообладателями связана с отсутствием контроля за информацией, попадающей в набор данных для машинного обучения ИИ, а также в силу отсутствия прозрачности при обучении ИИ что делает процесс сравнимым с эффектом «черного ящика» [8], при котором нет должного понимания, каким образом обрабатывается информация при создании конечной системы ИИ.

Так, важно учитывать, что готовая к использованию система ИИ не формируется сразу после создания исходного программного кода, а требует предварительного этапа подготовки – машинного обучения. Термин «машинное обучение» не имеет единого общепринятого определения ни в юридической, ни в технической литературе, что обусловлено существованием множества способов обучения и высокой вариативностью алгоритмических подходов. Тем не менее, одна из интерпретаций термина зафиксирована в ГОСТ Р 59895-2021: «Процесс автоматического обучения и совершенствования поведения системы искусственного интеллекта на основе обработки массива обучающих данных без явного программирования» [5].

Массив обучающих данных, подразумевает под собой набора информации, на основе которой происходит обучение будущей системы ИИ. Нередко, для увеличения эффективности и скорости обучения применяют «большие данные». Подобные массивы отличаются большим объемом данных, их разнообразием, скоростью обновления и другими характеристиками с целью обеспечения их наиболее эффективного способа хранения, обработки и управления [6]. Данные, попадающие в массив, зависят от функциональности и направленности системы ИИ. При этом, появляется промежуточный этап, процесс «TDM» – «text and data mining» (с англ. извлечение и анализ данных) (далее TDM). В контексте машинного обучения с применением «больших данных» он представляет собой совокупность методов и технологий, позволяющих извлекать и проводить анализ информации из больших объемов неструктурированных, либо же слабо-структурированных данных с целью подготовки массива для дальнейшего обучения ИИ [7]. Данный процесс включает в себя этапы извлечения, копирования и анализа материалов, произведений, которые могут быть защищены авторским правом [12]. Учитывая факт копирования и хранения информации для ее дальнейшего анализа, можно классифицировать данный процесс как воспроизведение произведения.

В рамках европейского законодательства вопрос правового регулирования данного процесса рассматривается в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/790 «об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка» (далее Директива 2019/790). Статьей 3 Директивы 2019/790 предусмотрено обязательное требование для всех стран ЕС о свободном воспроизведении произведений в процессе TDM в научных, некоммерческих целях. Пользователь имеет законный доступ к соответствующим материалам. При этом положения статьи 7 Директивы 2019/790 прямо запрещают правообладателям ограничивать данное исключение посредством договорных условий, что призвано обеспечить полноценную реализацию научно-исследовательской деятельности без необходимости получать отдельное разрешение на копирование. Также, статья 4 Директивы 2019/790 предусматривает более широкий механизм, позволяющий осуществлять TDM не только в научном, но и в коммерческом контексте, опять же при условии наличия у пользователя законного доступа к охраняемым объектам. Однако данная норма предоставляет право правообладателю надлежащим образом сохранить за собой исключительные права и прямо запретить подобное использование своих произведений в процессе TDM. В случае, если правообладатель воспользуется подобным правом, статья 4 перестает действовать в отношении таких материалов, и пользователю необходимо получить лицензию либо иным образом согласовать использование с владельцем прав [7].

Нормами российского законодательства процесс TDM не регламентирован, поэтому каждое воспроизведение произведения должно соответствовать п. 1 ч. 2 ст. 1270 ГК РФ. Учитывая, что копирование часто является ключевым техно-

логическим этапом, а хранение копий данных происходит в течение определенного времени, достаточного для анализа и извлечения закономерностей, нельзя отнести данный процесс к «побочному», «случайному», «кратковременному» и «второстепенному» [1]. Таким образом, процесс TDM может считаться как нарушение авторских прав в случае нарушения п. 1 ч. 2. ст. 1270 ГК РФ.

В рамках процесса непосредственно машинного обучения на основе подготовленных данных также возникает ряд проблем. В ходе машинного обучения произведения обычно хранятся в памяти систем ИИ на долгосрочной основе, в отличие от TDM, где копирование произведений носит кратковременный характер, преимущественно для поиска и выявления паттернов и различных шаблонов. При этом, в самой директиве 2019/790 отсутствуют нормы, регулирующие конкретно процесс машинного обучения из-за чего их применение, не является возможным. Существующая доктрина «добросовестного использования» – «fair use», действующая в Соединенных Штатах Америки, выступает возможным механизмом для регулирования данного вопроса [4]. Согласно этой доктрине, допускается свободное использование защищаемых произведений без разрешения автора, при соблюдении определенных условий. В частности, чтобы признать использование добросовестным, суд оценивает цель и характер обращения к произведению, использовалось ли оно в рамках научной, образовательной деятельности, или для последующего коммерческого использования; природу самого произведения, являлось ли оно научным или художественным; объем и существенность заимствованного фрагмента, то есть использовалась ли его малая часть или произведение целиком; а также возможное влияние такого использования на рынок или стоимость оригинала, то есть может ли новое произведение впоследствии заменить собою оригинал снижая тем самым ценность оригинала или статус автора [4].

Возможность применения данной доктрины рассматривается в рамках дела *Andersen v. Stability AI Ltd* [18]. В январе 2023 года группа художников подала коллективный иск против компаний «Midjourney», «Runway», «Stability AI» и «DeviantArt» указывая на то, что система ИИ «Stable Diffusion» была обучена на основе их произведений. В апреле 2023 года компании обратились в федеральный суд Сан-Франциско с просьбой отклонить иск художников. По мнению ответчиков, использование произведений для машинного обучения подпадает под доктрину добросовестного использования. В настоящее время дело находится на стадии рассмотрения и итоговых выводов о законности применения доктрины пока не существует.

С похожим иском в суд обратилась фотоагентство «Getty Images». В рамках иска указывается, что создатели системы ИИ «Stable Diffusion» – «Stability AI» незаконно использовала путем копирования большое количество изображений, защищенных авторским правом для машинного обучения. В свою очередь представители компании ответчика обосновывают использование изображений доктриной добросовестного использования, указывая на существенное отличие от оригинала итоговых переработанных изображений [15].

Учитывая позицию создателей систем ИИ, они ссылаются на трансформативную природу итоговых произведений, что предполагает заимствование произведения с целью создания нового качества или какой-либо функции, не совпадающей с исходным оригиналом. Так, копирование и анализ произведений происходят не для перепродажи, публичного показа или извлечения дословных фрагментов, а для создания принципиально нового результата – обученной системы ИИ, которая в своей работе не хранит «прямых» копий исходных произведений, а «усваивает» их как математические закономерности. В этом и заключается главная трудность, так как процесс формирования результата искусственным интеллектом представляет собой «черный ящик» в силу отсутствия четкого понимания детали работы конкретно использованного алгоритма [8]. Помимо этого, трудность составляет проверка соблюдения всех условий добросовестного использования. К примеру, проверка влияния на рынок результатов подобного использования вызывает множество

вопросов. Скорость, с которой системы ИИ способны генерировать результаты, идентичные результатам человеческой деятельности, колоссальна. Подобное насыщение рынка может обесценивать результаты реальных авторов, так как конкурировать с подобным потоком создаваемых произведений если не невозможно, то весьма затруднительно.

Законодательство Российской Федерации не предусматривает концепции добросовестного использования. Тем не менее, существует близкий по своей мысли аналог – свободное использование произведения, закрепленный в статьях 1273-1280 ГК РФ. Основное отличие заключается в следующем: при свободном использовании разрешается абсолютно любое использование произведения, если оно является добросовестным и способствует прогрессу науки и полезных искусств; законодательством предусмотрен строгий перечень исключительных случаев использования произведения без разрешения автора и выплаты ему вознаграждения. Учитывая зачастую коммерческий подход при разработке систем ИИ, а также строгий перечень случаев использования защищаемых произведений, применение данных норм не предоставляет возможностей для создателей систем ИИ защищать свои интересы в случае судебного разбирательства.

Возможный вариант решения сложившейся проблемы предоставляет М. В. Тюнин. Во-первых, предполагается возможность закрепления обязательной процедуры получения согласия каждого автора на обработку его произведений системой искусственного интеллекта. Во-вторых, рассматривается введение специального правового режима, допускающего свободное использование объектов авторского права при машинном обучении в некоммерческих либо научно-исследовательских целях. Наконец, обсуждается механизм принудительной лицензии, при котором правообладателю выплачивалась бы соответствующая компенсация за использование его произведений [9].

На первый взгляд, каждое из этих трёх решений преследует цель упорядочить отношения между разработчиками систем ИИ и правообладателями, однако их реализуемость и эффективность существенно различаются.

Вариант с обязательным получением согласия потенциально обеспечивает максимальную защиту авторских интересов, поскольку каждый правообладатель сохраняет контроль над тем, где и как будут использоваться его произведения. Однако при объёмах данных, характерных для машинного обучения, подобный механизм может оказаться практически неосуществимым. Во многих случаях невозможно идентифицировать всех авторов либо установить юридический контакт с ними, а также получить согласие на разумных условиях. Более того, значительная часть произведений распространяется в сети интернет с неопределённым авторством или под анонимными публикациями, что лишь усложнит процесс. Очевидные плюсы такого решения заключаются в том, что оно сохраняет баланс в пользу авторов и исключает несанкционированное копирование. Минусы же представляют собой колоссальные трудозатраты, затягивание сроков обучения моделей и нарастание транзакционных расходов.

При этом вариант с введением специального правового режима, допускающего свободное использование, выглядит более достижимым. С одной стороны, подобное «исключение» в законе уцело бы общественный интерес в развитии технологий ИИ и позволило бы университетам, исследовательским центрам и небольшим компаниям проводить обучение моделей без полной бюрократизации процесса. С другой стороны, возникает проблема справедливости для правообладателей: их имущественные интересы, несомненно, ограничиваются, ведь они теряют возможность отслеживать, каким образом их работы повлияли на обучение и результаты систем ИИ. Таким образом и этот вариант имеет свою достоинства и недостатки. Под первым можно выделить упрощенный доступ к культурному и научному наследию для инноваций, а также ускорение научно-технического прогресса. Под вторым – риск того, что крупные коммерческие игроки смогут использовать произведения под видом «некоммерческих» целей или научных исследований, а авторы не смогут контролировать дальнейшее коммерческое применение ито-

говых моделей. Кроме того, остаётся вопрос компенсаций при выходе за научно-исследовательские рамки.

В свою очередь, механизм принудительной лицензии предполагает, что любая организация, желающая применять произведения в машинном обучении, по умолчанию получает право на их использование, но взамен обязуется выплатить вознаграждение, компенсацию, правообладателям. Относительная простота юридической конструкции определяет преимущество данного подхода: разработчикам ИИ не надо искать авторов, достаточно уплатить оговоренную сумму в фонд, или подобный механизм, а правообладатели получают финансовую компенсацию за «вынужденную» уступку своих прав. Недостатком подобной конструкции является сложность определения справедливого размера и механизма распределения такой компенсации, особенно если речь идет о сотнях тысяч произведений и множестве авторов, а также необходимости учреждения специального управомоченного органа или фонда для сбора и перераспределения средств.

Помимо этого, М. О. Кухно предполагает, что возможным вариантом решения является заключение договора с некоммерческими организациями, наделенными полномочиями оперативно управлять интеллектуальными правами большого числа авторов, к примеру, РАО или иностранным аналогом подобного общества [10]. Такое решение снимает необходимость индивидуально договариваться с каждым правообладателем: соответствующая организация от лица многих авторов заключает общее соглашение, предоставляя право на использование их произведений для нужд машинного обучения.

Несмотря на предложенный вариант, сложности состоят в том, что не все авторы могут вступать в подобные объединения, некоторые авторы могут придерживаться иной лицензионной политики, а также в том, что применение такого «обобщающего» соглашения в отношении произведений не охваченных подобной организацией, остается нерешенным.

Таким образом, если сопоставить все предложенные модели, становится ясно, что на практике каждая из них страдает своими недостатками. Получение согласия всех авторов – эффективная защита авторских прав, но чрезмерная бюрократизация; свободное использование, даже узко ограниченное научно-исследовательскими целями, умаляет имущественные интересы правообладателей и создает риск злоупотребления; принудительная лицензия вроде бы гарантирует баланс, но требует продуманной инфраструктуры для распределения вознаграждений; а заключение договоров с некоммерческими организациями действительно упрощает договорную процедуру, но не охватывает те произведения, чьи авторы не состоят в таких обществах.

Вместе с тем, Е. Н. Афанасьева и Д. Д. Фурман предлагают несколько иной подход, предполагающий расширение публично-правового регулирования, но с более детальной регламентацией «операторов», осуществляющих машинное обучение, а также с фиксацией конкретных категорий произведений, допускаемых к обработке [11]. С точки зрения данных авторов, целесообразно установить четкие параметры взаимодействия между оператором ИИС и правообладателями, включая обязательные уведомления о планируемых объемах и целях обработки, возможные форматы агрегированных данных и предельный срок хранения обучающих массивов. Особое внимание уделяется процедуре идентификации «чувствительных» произведений, например, редких и высокохудожественных работ, к которым должны применяться более жесткие правила согласования. Помимо этого, они настаивают на необходимости публичного механизма компенсации авторам, чьи объекты окажутся существенным элементом в обучении модели, что призвано создать сбалансированную модель совмещения интересов развития технологий и охраны имущественных прав [11].

Однако подобный вариант, как и все ранее рассмотренные, тоже не лишен противоречий. С одной стороны, он формально облегчает контроль за деятельностью оператора ВВС благодаря детализации обязательств, а также предоставляет авторам гарантированную форму уведомления и возможную компенсацию. С другой стороны, требование выделять

«чувствительные» произведения и отслеживать их использование в огромном потоке данных порождает дополнительную бюрократию и оставляет открытым вопрос об объемах выплат и порядке их распределения. Таким образом, идеи, предложенные Е. Н. Афанасьевой и Д. Д. Фурман, отражают стремление к комплексному решению на публично-правовом уровне, но при этом сохраняют всеобщее для таких инициатив затруднение, связанное с определением конкретных правовых механизмов реализации.

В целом, коллизия между необходимостью масштабной обработки произведений в рамках TDM и машинного обучения, с одной стороны, и сохранением авторских прав и экономических интересов правообладателей, с другой, демонстрирует, что существующие национальные и международные механизмы требуют существенной доработки. Применение традиционных гражданско-правовых инструментов, к примеру, индивидуальное согласие, договоры с каждым автором, разрозненные исключения для некоммерческих или научных целей, недостаточно эффективны в условиях «больших данных» и быстрого развития ИИ-технологий. В то же время свободные режимы использования без обеспечения адекватных компенсаций и гарантий авторами вполне могут привести к ущемлению их имущественных прав и недоверию к технологии в целом. Следовательно, оптимальное решение представляется комплексным и гибридным: сочетание публично-правового регулирования, включая закрепление статуса «оператора ИИС» и формирование прозрачных принципов хранения и обработки произведений, с коллективным управлением правами, а также с возможным введением более четких правовых норм, специально ориентированных на TDM и машинное обучение. Только при согласованном развитии этих направлений возможно обеспечить надежную защиту авторских интересов и одновременно не препятствовать инновациям в сфере искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/7d7b9c31284350c257ca3649122f627b/> (дата обращения: 11.12.2024).
2. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD)). European Parliament, 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.pdf.
3. A pro-innovation approach to AI regulation Presented to Parliament by the Secretary of State for Science, Innovation and Technology by Command of His Majesty March 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper#fn:70>.
4. United States Copyright Act 1976. Chapter 1. Section 107 [Закон об авторском праве США 1976. Глава 1. Раздел 107]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#107>.
5. ГОСТ Р 59895-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.11.2021 № 1617-ст) // СПС КонсультантПлюс.
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь.

- (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 13.07.2021 № 632-ст) // СПС КонсультантПлюс.
7. Directive (EU) 2019/790/EU of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single.
 8. Кузнецова А. В., Сенько О. В., Кузнецова Ю. О. Преодоление проблемы «черного ящика» при использовании методов машинного обучения в медицине // Врач и информационные технологии. – 2018. – № S1.
 9. Тюнин М. В. Свойство искусственного интеллекта вписываться в общую систему правового регулирования интеллектуальной собственности в ЕАЭС. – DOI 10.17323/tis.2021.13503. – EDN KIMIUB // Труды по интеллектуальной собственности. – 2021. – Т. 39, № 4. – С. 37-41.
 10. Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 3 (41). – С. 72-86. – DOI: 10.58741/23134852_2023_3_8.
 11. Афанасьева Е. Н., Фурман Д. Д. Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения // Baikal Research Journal. – 2023. – № 4.
 12. Christensen K. A European solution for Text and Data Mining in the development of creative Artificial Intelligence – With a specific focus on articles 3 and 4 of the Digital Single Market Directive. Stockholm IP Law Review. – 2021. – № 2. – С. 18-33.
 13. Спецпроект о технологиях искусственного интеллекта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ai.mos.ru/about/> (дата обращения: 16.11.2024).
 14. Global Artificial Intelligence Market Size & Outlook. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/artificial-intelligence-market-size/global> (дата обращения: 16.11.2024).
 15. Getty Images vs Stability AI. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gtlaw.com.au/insights/getty-images-vs-stability-ai> (дата обращения: 16.11.2024).
 16. Authors sue Anthropic for copyright infringement over AI training. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/aug/20/anthropic-ai-lawsuit-author>.
 17. Pulitzer-winning authors join OpenAI, Microsoft copyright lawsuit. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.reuters.com/legal/pulitzer-winning-authors-join-openai-microsoft-copyright-lawsuit-2023-12-20/?utm_source=se%D1%81uritylabru (дата обращения: 18.11.2024).
 18. Andersen v. Stability AI Ltd., 23-cv-00201-WH0 (N.D. Cal. Oct. 30, 2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/andersen-v-stability-ai-ltd> (дата обращения: 24.12.2024).

ЗДОРОВЦЕВА Анна Аркадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

КИРИКОВА Татьяна Романовна

студент, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье анализируется действующее жилищное и уголовно-исполнительное законодательство, регулирующие жилищные права и обязанности лица, находящегося в местах лишения свободы. Актуальность статьи определяется тем, что используемый законодателем, а в последствии и правоприменителем терминологический аппарат, не учитывает особенности каждой из отраслей, субъектами правоотношений которых являются лица, находящиеся в местах лишения свободы. В рамках проведенного анализа действующего законодательства и правоприменительной практики сформулированы конкретные предложения по внесению дополнений в действующие источники права. Исследованию подверглось содержание правового статуса осужденного в аспекте прав и обязанностей при проживании в жилом помещении, то есть жилищно-правовой статус осужденного. Не остались без внимания вопросы защиты права собственности и защиты иных ограниченных прав осужденного на жилые помещения на период их отсутствия и невозможности проживания в них. Представляется, что данный вопрос является еще открытым для дальнейшего обсуждения.

Ключевые слова: жилое помещение, осужденный, жилищно-правовой статус осужденного, помещение для проживания осужденных, режим проживания.

ZDOROVITSEVA Anna Arkadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

KIRIKOVA Tatyana Romanovna

student, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

HOUSING RIGHTS AND OBLIGATIONS OF A PERSON IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

The article analyzes the current housing and penal enforcement legislation regulating the housing rights and obligations of persons in places of deprivation of liberty. The relevance of the article is determined by the fact that the terminology used by the legislator, and subsequently by the law enforcement officer, does not take into account the specifics of each of the industries, the subjects of legal relations of which are persons in places of deprivation of liberty. As part of the analysis of current legislation and law enforcement practice, specific proposals have been formulated for making additions to existing sources of law. The content of the convicted person's legal status in terms of rights and obligations when living in a residential building, that is, the housing and legal status of the convicted person, has been studied. The issues of protecting property rights and protecting other limited rights of a convicted person to residential premises for the period of their absence and inability to live in them were not ignored. It seems that this issue is still open for further discussion.

Keywords: residential premises, convicted person, housing and legal status of convicted person, residential premises for convicted persons, mode of residence.

В аспекте заявленной темы вопросы прав и обязанностей осужденных, находящихся в местах лишения свободы, опосредуют необходимость её рассмотрения с двух сторон. С одной стороны, осужденные, находящиеся в местах лишения свободы (далее – осужденные), остаются участниками жилищных правоотношений, регулируемых жилищным законодательством Российской Федерации, но с рядом ограничений, обусловленных статусом участника. С другой стороны, осужденные, в силу действия примата естественного права, реализуют право на жилище, которое является частью структуры исправительного учреждения. Представляется, что эти два аспекта должны иметь самостоятельные подходы к регулированию, иметь, как следствие, адаптированную терминологию, что позволило бы не допускать возможной коллизии в правоприменении и не допускало бы неоднозначного толкования. Большинство научных публикаций посвящено именно цивилистическому аспекту жилищного статуса осужденного, в то время как работ по реализации жилищных прав при нахождении осужденного в исправительном учреждении недостаточно [5].

Следует отметить отставание развития нормативного регулирования правоотношений, возникающих в связи с установлением требований к помещениям и порядку проживания осужденных в местах лишения свободы, что также актуализирует появление новой работы в рамках заявленной темы, а также с учетом того, что Российская Федерация при-

Здоровцева А. А.

Кирикова Т. Р.

нимает значительные усилия во исполнение Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года.

Жилищно-правовой статус осужденного, как отмечалось, предопределяет необходимость его рассмотрения с позиции как жилищного законодательства, так и уголовно-исполнительного законодательства. Законодатель и в том и в другом случае использует один и тот же терминологический аппарат применительно к возникающим правоотношениям в сфере проживания осужденных, однако следует учитывать, что каждая из указанных отраслей законодательства имеет собственные цели и задачи.

В первом случае участником отношений является гражданин, статус которого не ограничен, поэтому права и обязанности граждан-участников жилищных правоотношений дифференцируются только в зависимости от вещно-правовых и договорно-обязательственных предпосылок. Регуляторами таких отношений являются Гражданский кодекс РФ и Жилищный кодекс РФ. Во втором случае жилищные права и обязанности осужденных гарантируются, но с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ (ч. 2 ст. 10 УИК РФ), ведь реализация жилищных прав и обязанностей осужденных имеет место и непосредственно в момент их нахождения в соответствующем уголовно-исполнительном учреждении. Разграничение правового регулирования подтверждается в правовых позициях судебных органов (Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 12.09.2023 по делу № 2а-978/2023). Вопрос о разграничении применения норм жилищного и уголовно-исполнительного законодательства стал предметом рассмотрения Конституционным Судом (Определение № 174-О от 11.05.2004). Есть еще и третий «смешанный» вариант, когда осужденные в соответствии с ч. 3 ст. 121 УИК РФ могут проживать в жилых помещениях, находящихся за пределами исправительного учреждения. В таком случае эти жилые помещения представляют собой объекты жилищных прав, входящие в жилищный фонд РФ, которые могут принадлежать осужденным или находится у них в пользовании. Право проживать в общежитии за пределами исправительного учреждения также может быть предоставлено осужденным, пользующимся правом передвижения без конвоя или сопровождения (ч. 4 ст. 96 УИК РФ). Правовая форма, реализующая в УИК РФ жилищные права осужденных, установлена в статье 99 УИК РФ и включает только нормы площади помещений, в которых осужденные проживают, которые входят в понятие «материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы». Однако непосредственно «материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы» определяется в Постановлении Правительства РФ от 11.04.2005 № 205 и включает только требования к питанию и хозяйственно-бытовому обеспечению.

Анализируя нормы, характеризующие жилищно-правовой статус осужденных, следует признать, что в уголовно-исполнительном законодательстве используется терминология, сформированная и употребляемая в Жилищном кодексе РФ, однако подразумевающая другое содержание и собственное юридическое наполнение. В первую очередь, законодатель использует термин «жилое помещение», что недопустимо без определения специфики этого понятия в целях Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Жилое помещение, расположенное в исправительном учреждении, имеет иные характеристики, иную типологию и режим (порядок) пользования. В этой связи предлагается заменить термин «жилое помещение» на «помещение для проживания лица, находя-

щегося в местах лишения свободы или лица, находящегося под стражей». Кроме того, законодатель в отношении осужденных использует, но не поясняет понятие «норма жилой площади», указывая в ч. 1 ст. 99 УИК РФ её размер для отдельных видов исправительных учреждений. Данная норма дифференцирована в зависимости от вида исправительного учреждения, половой принадлежности и возраста осужденного, причем более строгая норма приходится на мужчин. Жилищный кодекс РФ отсылает полномочия по установлению нормы жилого помещения к органам местного самоуправления (полномочия государственных органов субъектов). Таким образом, демонстрируются разные механизмы установления и размера рассмотренных норм. В отношении характеристики и норм предоставления помещений, предназначенных для проживания осужденных, следует придерживаться Минимальных стандартных Правил обращения с заключенными, которые используют термин «помещение».

Еще один термин, используемый законодателем и имеющий отношение к вопросу проживания осужденного – общежитие. В отличие от общежития, определяемого ЖК РФ (для проживания в период исполнения трудовой функции или учета), по смыслу уголовно-исполнительного законодательства общежитие предназначено для проживания осужденных. Представляется невозможным в такой ситуации использование в двух разных отраслях права единой терминологии.

Для преодоления коллизионного регулирования вопросов жилищных прав и обязанностей лиц, находящихся в местах лишения свободы, предлагается включить в Раздел 1 главы 1 Общей части УИК РФ статью 4.1 следующего содержания:

«Статья 4.1 Основные термины, используемые в настоящей кодексе

Для целей настоящего кодекса используются следующие основные понятия:

- 1) норма площади помещения для проживания лица, находящихся в местах лишения свободы и лиц, находящихся под стражей – минимальный размер площади помещения исходя из требований, предъявляемых к содержанию заключенных или лиц, находящихся под стражей,
- 2) помещение для проживания лиц, находящихся в местах лишения свободы и лиц, находящихся под стражей,
- 3) общежитие – вид помещения, предназначенного для проживания лиц, находящихся в местах лишения свободы, расположенное за пределами исправительного учреждения.»

Несомненно, данная статья может развиваться с позиции наполнения более развернутым понятийно-категориальным аппаратом, включая все термины, применяемые кодексом.

Обзор актуальных публикаций в аспекте темы, затрагивающей жилищные права и обязанности осужденных, преследует своей целью защитить или принять превентивные меры по охране по сути имущественных прав осужденных, включая право собственности и ограниченные вещные права, признаваемые таковыми Жилищным кодексом РФ. Большинство авторов именно исходя из этого концепта демонстрируют в работах необходимость совершенствования законодательства для защиты права собственности на жилые помещения осужденных и защиты прав и обязанностей осужденных, являясь нанимателями жилых помещений и, наконец, права и обязанности осужденных, являющихся членами семьи и бывшими членами семьи собственника и нанимателя [3], [4], [1].

Стоит отметить, что в этом направлении государство принимает достаточные усилия на разрешения существующих

ющих проблем, включая предложения по наделению ОВД функциями охраны жилых помещений [2]. Автор анализируемой статьи предлагает опечатывать помещения с полным запретом доступа к таким помещениям. Однако следует учитывать, что любое жилое помещение требует содержания с позиций сохранности общего имущества, находящего в этом помещении (например, капитальный ремонт, водообеспечение, теплообеспечение, проведение периодических осмотров и др.). Таким образом, нерешенным остается вопрос, кто будет реализовывать эти обязанности от имени собственника. В этой связи интересным представляется приведение в качестве сравнительного примера ситуации с жилыми помещениями, а также жилищными правами и обязанностями в отношении жилых помещений детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В соответствии с Методическими рекомендациями Минпросвещения (Письмо Минпросвещения России от 04.04.2023 № 07-1780 «О методических рекомендациях») при нахождении таких детей в государственных или муниципальных учреждениях до момента совершеннолетия их жилые помещения могут быть сданы в аренду с целью эффективного использования, то есть какого-либо «охранного статуса» жилые помещения не получают в отличие от жилых помещений осужденных граждан (как предлагал автор публикации).

Как отмечалось выше, жилищные права осужденных в действующих источниках права не установлены. Исключения составляют нормы площади помещений для проживания осужденных и их дифференциация в зависимости от личности осужденного, в том числе согласно ч. 6 ст. 99 УИК РФ, в которой законодатель использует такую оценочную категорию, как «улучшенные жилищно-бытовые условия». Право на улучшенные жилищно-бытовые условия в соответствии с положениями УИК РФ имеют осужденные беременные женщины, кормящие матери, несовершеннолетние осужденные, а также больные осужденные и осужденные - инвалиды 1 или 2 группы.

Понятие «улучшенные жилищно-бытовые условия» не находит своего определения ни в тексте кодекса, ни в подзаконных актах. Следует отметить, что данная ситуация негативно сказывается на судебной практике. Осужденные, чаще всего инвалиды или другие граждане отдельных категорий, обжалуют незаконные действия ИУ в аспекте нарушения их жилищно-бытовых условий проживания. Непосредственно руководящим началом в урегулировании состояния неоднозначности являются Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47, в котором правоприменителю вменяется обязанность разрешать возникающие споры с позиции соблюдения принципов законности, справедливости, равенства всех перед законом, гуманизма, защиты от дискриминации, личной безопасности, охраны здоровья граждан. Приведем примеры судебной практики: в деле № 2а-6327/2019 (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.07.2020 № 33а-8102/2020) истец (осужденный) обжаловал незаконность вселения в помещение, где он проживал другого осужденного, у которого была диагностирована открытая форма туберкулеза; в деле № 88а-21063/2023 от 22.11.2023 (Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88а-21063/2023 от 22.11.2023) инвалид заявлял о необходимости прекращения нарушения условий содержания в связи с содержанием его в условиях ШИЗО в ненадлежащих бытовых условиях; в деле № 33а-3225/2017 от 01.06.2017 (Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 01.06.2017 по делу № 33а-3225/2017) административный истец заявлял о незаконности нарушения норм площади проживания в лечебно-

профилактическом учреждении мест лишения свободы; в деле № 88а-15707/2023 от 28.08.2023 (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 88а-15707/2023 от 28.08.2023) заявитель обжалует условия проживания: недостаточность освещения, низкая температура, отсутствие горячего водоснабжения, отсутствие вентиляции, отсутствие приватности в туалетном помещении. Во всех случаях достаточно не просто определить источник права, которым должны руководствоваться соответствующие учреждения исполнения наказаний. В большинстве случаев приходится руководствоваться нормами, действующими в отношении любого жилого помещения, определяемого таким нормами Жилищного кодекса РФ. Например, к помещениям, в которых проживают осужденные применяются статьи 11 и ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ, в которых установлены требования, предъявляемые к жилым помещениям, расположенным в исправительных учреждениях (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2021 № 88а-16772/2021). Аналогично в отношении приспособления помещения, занимаемого инвалидом (находящимся в местах лишения свободы) следует применять Приказ Минтруда РФ от 26.06.2023 № 545н. Однако и в нём отсутствуют конкретные рекомендации, опосредованные состоянием здоровья инвалида. В схожей ситуации сложности правоприменения оказываются нормы Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3.

Еще одним оценочным понятием, применяемым судами, является «существенное отклонение от требований, которым должно отвечать помещение» для проживания осужденных и условия содержания осужденных (п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 47). Конечно, суд указывает на отдельные примеры отклонений, но не устанавливает степень существенности этих отклонений (переполненность помещений для проживания, но не указано на сколько, нарушение требований, предъявляемых к микроклимату, но не указано на предельные размеры таких нарушений и т.д.). При этом допускается нарушение (отклонение) от требований в целях компенсации других условий пребывания осужденного (сокращение места проживания в пользу увеличения площади помещений для отдыха и досуга). Представляется, что в такой ситуации допустимы судебные усмотрения, которые могут повлечь нарушение единообразия судебной практики, что характеризуется недостаточно положительно.

Необходимым условием реализации прав является наличие нормативных и институциональных гарантий. На наш взгляд представляется эффективным средством контроля за соблюдением жилищных прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, – общественный контроль, осуществляемый общественными наблюдательными комиссиями. В качестве одной из форм содействия осужденным является решение вопросов их жилищно-бытового устройства. На практике в защиту прав осужденных (в том числе реализации прав на жилище) обращаются также иные некоммерческие организации (Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга № 2а-6816/2018 от 28 октября 2018). Во всех случаях правозащитники руководствуются Федеральным законом от 10.06.2008 № 76-ФЗ.

Обязанности осужденного являются неотъемлемой частью его правового статуса. Обязанности по соблюдению жилищных прав представляют собой меру должного поведения осужденного по соблюдению требований, предъявляемых к его поведению в помещении, где он проживает и реализует жилищные права в исправительном учреждении.

В первую очередь, обязанности осужденного установлены ст. 11 УИК РФ, в соответствии с которой осужденные должны исполнять установленные законодательством РФ обязанности граждан РФ, принятые в обществе нравственные нормы поведения, требования санитарии и гигиены. Осужденные обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания.

Раздел II Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 включает ряд пунктов, закрепляющих такие обязанности: содержание в чистоте и опрятности жилые помещения, спальные места, заправлять постель по образцу, утверждаемому для всех подведомственных исправительного учреждения начальником территориального органа ФСИН России или лицом, его замещающим, следить за состоянием спальных мест, не шуметь в жилых помещениях, засорять санузлы, изменять источники и инженерные сети водо-, тепло-, газо- и электроснабжения, производить ремонт сантехники, осветительных и других приборов в помещении, где проживают осужденные. В указанном Приказе установлены особенности проживания осужденных в колониях-поселениях.

Основным способом обеспечения исполнения обязанностей является наличие установленной законом ответственности (ч. 6 ст. 11 УИК РФ). Остается необходимым решить вопрос о возможности применить те или иные наказания, предусмотренные подзаконными актами.

За нарушение дисциплины в качестве меры наказания может быть применена ответственность в виде запрета выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней.

В деле № 33а-2263/2023 от 13.09.2023 осужденный был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде водворения в ШИЗО за нарушение им распорядка дня, а именно за допущенный им шум в помещении для проживания лиц, находящихся в местах лишения свободы после команды «отбой». В деле № 2а-2495/2023 от 13.09.2023 (Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 13.09.2023 по делу № 33а-2263/2023) за нарушение правила соблюдения чистоты осужденный был привлечен в виде выговора.

При этом осужденным запрещено без разрешения администрации исправительного учреждения покидать помещения, нахождение которых регламентировано Распорядком дня осужденных к лишению свободы, выходить за пределы изолированных участков, камерных помещений, запираемых помещений и изолированных жилых помещений, запираемых в свободное от учебы или работы время.

Таким образом, как видится из содержания норм уголовно-исполнительного законодательства в сравнительно-правовом аспекте с жилищным, отсутствует единое понимание содержания и перечня «жилищных обязанностей лиц, находящихся в местах лишения свободы». Под ними понимаются в большем случае обязанности, которые можно разделить на две группы: обязанности, исходящие из сущности пользования помещениями, в которых содержатся (проживают) осужденные лица, а также обязанности, связанные с режимом проживания. В первую группу обязанностей, как представляется, должны входить такие должностные положения, как не разрушать помещение, не разрушать системы водо-, теплоснабжения, водоотведения. Во вторую группу входят обязанности соблюдать тишину, чистоту в помещении, вставать при входе администрации учреждения и т.д. Представляется, что ответственность в таком случае должна быть дифференцирована. Если за нарушения, связанные с

режимом проживания предусмотрены нормы дисциплинарной ответственности, то за разрушение помещения и систем его обеспечения должны быть санкции гражданско-правового характера, включая возмещение причиненного вреда.

Рассматривая жилищные права осужденных, следует определять их как с позиции субъективного подхода как правомочие по пользованию помещением, предназначенным для проживания осужденных. Жилищные права должны определяться специальными источниками (законами и подзаконными актами) в развитие положения ч. 1 ст. 40 Конституции РФ. Право на жилище осужденного, находящегося в местах лишения свободы, должно быть рассмотрено, как правомочие удовлетворять потребность осужденного проживать в помещении, которое отвечает основным требованиям жилища. В виду отсутствия межотраслевого определения жилища затрудняется и реализация положения основного закона РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Баннова Е. П. Проблемы реализации жилищных прав лиц, осужденных к лишению свободы // СТАРТ в НАУКЕ – 2022: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса: в 2 ч., Петрозаводск, 14 ноября 2022 года. Том Часть 1. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука (ИП Ивановская И. И.), 2022. – С. 199-207.
2. Борченко В. А. Особенности реализации жилищных прав лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 4 (26). – С. 23-27.
3. Коновальчук М. В. Осуществление осужденными жилищных прав // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 26 апреля 2019 года / Ответственные редакторы: Д. Т. Караманукян, Е. Н. Маланина, Е. Ф. Рашидов. – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2019. – С. 99-103.
4. Могушков И. М. Б. К вопросу о правовом регулировании жилищных прав лиц, осужденных к лишению свободы // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2019 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – С. 74-77.
5. Ращупкина Л. В. Правовое регулирование права на жилое помещение лиц, отбывающих наказание в учреждениях УИС // Государство, право и общество в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции, Владимир, 27 октября 2022 года / Редколлегия: В. Н. Бодяков (пред.) [и др.]. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 195-199.

ИОНЦЕВ Михаил Анатольевич

Руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке (на правах Управления) Юридического департамента Банка России, доцент кафедры правового сопровождения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ph.D., преподаватель-исследователь, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Банк России, Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА И ИНВЕСТИЦИИ

Статья предоставляет глубокий анализ текущего состояния регуляции цифровой валюты на международном и национальном уровнях. В условиях быстрого развития технологий и финансовых рынков цифровые валюты становятся все более актуальными как для расчетов, так и для инвестиционных стратегий. Автор рассматривает основные юридические категории, касающиеся цифровых валют, включая их классификацию, правовой статус и применение в различных юрисдикциях. Основная цель статьи — осветить вызовы и возможности, связанные с юридическим регулированием цифровых валют, тем самым содействуя формированию более безопасной и стабильной инвестиционной среды. В контексте растущей популярности и использования цифровых валют, понимание их правового статуса и регуляции становится критически важным как для пользователей, так и для организаций, желающих эти валюты использовать. Статья призвана осветить важные аспекты данного вопроса и предоставить рекомендации, которые помогут развить безопасную и эффективную практику применения криптовалют в различных сферах экономики.

Ключевые слова: цифровые валюты, распределённый реестр, денежная единица, средство платежа, инвестиции.

IONTSEV Mikhail Anatoljevich

Head of the Legal Support Center for Digitalization in the Financial Market (as an Office) of the Legal Department of the Bank of Russia, associate professor of Legal support of market economy sub-faculty, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ph.D., lecturer-researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bank of Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow

LEGAL ASPECTS OF USING DIGITAL CURRENCY AS A MEANS OF PAYMENT AND INVESTMENT

The article provides an in-depth analysis of the current state of digital currency regulation at the international and national levels. With the rapid development of technologies and financial markets, digital currencies are becoming more relevant for both settlements and investment strategies. The author considers the main legal categories relating to digital currencies, including their classification, legal status and application in various jurisdictions. The main purpose of the article is to highlight the challenges and opportunities associated with the legal regulation of digital currencies, thereby contributing to the formation of a safer and more stable investment environment. In the context of the growing popularity and use of digital currencies, understanding their legal status and regulation becomes critical for both users and organizations wishing to use these currencies. The article is designed to highlight important aspects of this issue and provide recommendations that will help develop a safe and effective practice of using cryptocurrencies in various areas of the economy.

Keywords: digital currencies, distributed register, currency, means of payment, investments.

Введение

В последние годы цифровые валюты стремительно вошли в повседневную жизнь, становясь неотъемлемой частью финансовых систем многих стран. Эти активы вызывают значительный интерес как со стороны простых пользователей, желающих использовать их для расчетов, так и со стороны инвесторов, ищущих новые возможности для капиталовложений. Быстрые изменения в технологиях, экономике и законодательстве создают как новые возможности, так и серьезные вызовы для регулирующих органов и участников рынка. На данный момент правовая природа цифровых валют остается неопределенной в различных юрисдикциях. В некоторых странах они полностью легализованы и интегрированы в финансовую систему, в то время как в других — подвергаются жестким ограничениям или даже запретам. Существующие правовые рамки часто не успевают за стремительно развивающейся технологией, что порождает неопределенность и риски для пользователей и инвесторов. Данная статья направлена на исследование юридических аспектов использования цифровых валют как в качестве средства платежа, так и в качестве инструмента для инвестиций. Анализ особенностей такого объекта гражданских прав, как цифровая валюта,

следует осуществлять исходя из обязательственных отношений, которые складываются в связи с ее использованием в качестве средства платежа или инвестиции.

1. О юридических аспектах денег.

По мнению автора, понятие денег и их формы не являются юридическими, так как право регулирует всегда какой-то отдельный аспект денег: например, средства платежа (расчетов), регулируя надлежащий порядок исполнения денежных обязательств, средства накопления, регулируя договорные отношения кредита и вклада, средства обмена — регулируя особенности оборот обменных единиц (например, электронных денег). Невозможно вообще дать последовательное правовое определение экономического термина денег [1]. Так, наличные деньги — это вещи, а безналичные — права требования. Однако, общее можно найти, когда рассматривается только отдельно взятый (один из вышеперечисленных) аспект денег. Например, при рассмотрении денег как средства платежа, действительно можно выделить общий институт расчетов, которые можно совершать как с использованием наличных, так и безналичных денег.

Теперь обратимся к понятию формы денег. Данное понятие в экономической теории впервые было предложено

меркантилистами, именно они ввели классификацию денег, указав, что только драгоценные металлы могут выполнять функции денег. В дальнейшем данная классификация была развита представителями марксистской политэкономической школы, одним из ключевых постулатов которой является поступательный (формационный) исторический принцип развития экономических явлений. Так, сначала стали выделять разные виды денег, а уже обобщая и классифицируя разные виды, в зависимости от причин их появления и свойств стали выделять формы денег¹. Таким образом, термины «форма» и «вид» можно отнести к специальным научным сугубо экономическим терминам, который преимущественно используется в историко-экономической и марксистской дискурсе.²

В частности, монетаризм действительно выделяет цифровые валюты как новую форму денег с точки зрения экономики, так как она качественно отличается как от наличных денег, так и безналичных [9]. От наличных денег она отличается тем, что не имеет материального носителя, а от безналичных – отсутствием посредника при осуществлении расчетов, так как расчёты с любым видом цифровой валют (даже, когда есть эмитент, взявший на себя обязательство поддерживать низкую волатильность) могут осуществляться непосредственно между сторонами денежного обязательства.

Автор статьи полагает, что цифровые валюты могут являться объектом гражданских прав, с помощью которого осуществляются расчеты. Принципиальными условиями для того, чтобы объект являлся подходящим для осуществления расчетов, является возможность признания за объектом гражданским правом платежного свойства денег [3], то есть являться выражением стоимости, быть делимым, универсальными и ликвидными.

Таким образом, можно сказать, что цифровые валюты в экономическом смысле являются третьей формой денег, а в юридическом являясь объектом гражданских прав, посредством которого можно осуществлять расчёты по платежам.

2. О денежной единице как мере измерения денежных обязательств и требований.

Одним из обязательных свойств цифровой валюты согласно части 3 статьи 1 Закона о ЦФА является то, что она не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей.

Выше в статье автор говорит о том, что на настоящий момент объектами гражданских прав, которые могут быть официальным средством платежа являются вещи (наличные деньги) и права требования (безналичные деньги, включая

цифровые рубли). При этом объем как количества вещей, так и объем как размер прав требований исчисляется во всех случаях в одной единице – рубле Российской Федерации.

С точки зрения публичного права денежная единица – это мера учета и измерения денежных обязательств, и запрет на создание денежных суррогатом в первую очередь связан с введением иных денежных единиц. Так, используя конкретную денежную единицу (меру измерения долга) государство предписывает всех лиц вести бухгалтерский, финансовый и налоговый учет только в тех единицах, которые разрешены государством. Например, в Сальвадоре цифровая валюта Bitcoin признана законным средством платежа, то есть таким средством платежа, в приеме которого кредитор не вправе отказать должнику, так как погашение долгов в Bitcoin признается надлежащим способом исполнения денежного обязательства. Однако объем (размер) денежных обязательств учитывается и определяется в долларах США, которые признаны в Сальвадоре денежной единицей. Аналогичная ситуация в Центральной Африканской Республике, где Bitcoin признан официальным средством платежа, а денежной единицей является только центральноафриканский франк.

Так, и в России согласно части 1 статьи 75 Конституции РФ денежной единицей является рубль. Данную конституционную норму развивает положение абзаца первого статьи 27 Закона о Банке России, которое указывает, что введение на территории Российской Федерации денежных единиц, отличных от рубля, и выпуск денежных суррогатов запрещаются.

При этом принципиально важно обратить внимание, во-первых, что данная статья относится только к наличному денежному обращению, но и в систематической связи со статьей 29 Закона о Банке России, в связи с чем суррогатами могут быть только такие денежные единицы, которые служат альтернативой наличным деньгам, то есть это такой объект гражданских прав, который всегда является вещью и выполняет одновременно все экономические функции денег: является средством платежа, средством обмена, средством сбережения, *мерой измерения долга* [2]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что денежная единица не является объектом гражданских прав, а лишь определяет их размер. Таким образом, суррогат – это альтернативная мера измерения долгов, запрет на установление которой и устанавливается федеральным законодательством России [6].

Если понимать термин суррогат необоснованно широко, то есть без учета его положения в системе норм Закона о Банке России, одновременно полагая, что денежные суррогаты являются объектами гражданского права, то любые средства платежа, особенно такие, как безналичные деньги и долговые ценные бумаги, например, векселя, тоже следует признать суррогатами, которые запрещено выпускать на территории России, что приведет банковской деятельности, которая осуществляет вторичную эмиссию только в безналичном виде.

Таким образом, следует рассматривать понятие денежной единицы – только как понятие сугубо публично-правового регулирования, связанного с исключительным правом публичного субъекта, являющегося частью его суверенитета, устанавливать меру измерения денежных долгов.

Так, например. На ряду с евро, который является официальной денежной единицей, в Европе существует более 100 специализированных региональных валют, которые выпускаются местными муниципалитетами или другими учреждениями и могут использоваться в качестве средства платежа только в определенном городе той или иной страны. Некоторые компании даже выплачивают в региональ-

1 Хотя и монетаристская и кейнсианская теории денег тоже восприняли это понятие, однако существенно пересмотрев его смысл, отказавшись от принципа историзма, который принципиально важен для марксистской теории.

2 Использование понятия форма денег в Докладе для общественных консультаций по цифровому рублю 2020 года и Концепции цифрового рубля. Несмотря на то, что Доклад и Концепция не носят научного характера, по тексту используются специальные научные термины без ссылок на научный подход, который лежал бы в их основе и упоминания исследователей и ученых, которые придерживаются конкретного словоупотребления терминов «вид» и «форма» денег. Вместе с тем следует отметить, что даже в рамках Доклада термины «вид денег» и «форма денег» используются некорректно и непоследовательно. При этом структурные единицы Доклада используют совершенно самостоятельные различные классификации форм денег, не связанные друг с другом. Таким образом, в Докладе без должного обоснования, непоследовательно и противоречиво используется специальный научный термин «форма денег», что не позволяет установить его смысл и содержание.

ной валюте часть зарплат своим работникам. Говоря шире, в более чем 35 странах мира существует свыше 4 тыс. частных валют, включая золотые и серебряные сертификаты, бартерные кредиты и т. д. Часто можно слышать аргумент о так называемой «фрагментации платёжной системы», однако ряд ведущих мировых экономик знает опыт создания частных средств платежа, которые увеличивали спрос на официальные средства платежа, ниже в статье приводится краткий обзор таких примеров.

Частные деньги были эмитированы городскими властями в ряде английских населенных пунктов. Так, свой фунт выпустили в 2007 г. в Тотнесе, в 2008 – в Льюисе, в 2009 – в Брикстоне и Страуде, в 2012 – в Бристоле. В каждом из этих случаев идея состояла в том, чтобы людям было легче тратить деньги в своем городе. Например, те, кто работает в Бристоле, могут по желанию получать часть зарплаты в бристольских фунтах³. В WIR-банк, работающий с 1934 г., является эмитентом независимой дополнительной валюты, которая используется в этой стране в ряде отраслей. Частная валюта, выпускаемая банком, называется WIR-франком. В сочетании со швейцарским франком она позволяет проводить бивалютные операции. Под залог активов банк выдает своим клиентам кредиты в электронных WIR-франках. При проведении двусторонней операции ее пользователи также могут использовать WIR-франки, что позволяет им восполнить дефицит официальной валюты. Цель WIR-банка, основанного во время Великой депрессии, как раз и заключалась в преодолении дефицита валюты, а также в защите от нестабильности международных финансовых рынков. При этом конвертация WIR-франка в швейцарский франк отсутствует. Необозидимо, отметить, что в Баварии, с 2003 г. выпускается локальная частная валюта – химгауэр. В Гонконге банкноты, эмитируемые банками, широко распространены, их можно снять в большинстве банкоматов.

3. *Об использовании цифровой валюты в качестве средства платежа.* Согласно абзацу первому статьи 309 ГК РФ обязательства считаются исполненными, только когда предоставление было осуществлено в надлежащем порядке, который устанавливается условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. Денежное обязательство – является отдельным видом обязательственных правоотношений, так и его надлежащее исполнение, исходя из системного толкования положений статьи 140 и 317 ГК РФ, называется отдельным термином платеж или средство платежа, следует отметить, что ГК РФ исполняет данные термины взаимозаменяемо.

При этом в соответствии с частью 2 статьи 140 ГК РФ платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями. Специальные особенности осуществления расчетов регулируются ГК РФ и Законом о НПС⁴.

Таким образом, не сложно сделать вывод о том, что способы расчетов – это виды надлежащего исполнения денежных обязательств, которые осуществляются либо путем совершения платежа денежного долга с использованием различных форм денег (наличных, безналичных, цифровых) [7].

Возможность использования цифровой валюты в качестве средства платежа предусматривалась Законопроектом о цифровых правах, в отношении чего негативно высказался Совет при Президенте РФ по совершенствованию и кодификации гражданского законодательства в своем Заключении⁵. В частности, экспертами было отмечено, что распорядительная сделка с цифровой валютой не является платежом, а представляет собой сделку по передаче иного имущества. К сожалению, аргументов вышеуказанной позиции в заключении приведено не было.

Перейдем теперь к рассмотрению важного юридического признака цифровой валюты, а именно способность данного объекта гражданских прав являться средством платежа. Согласно части 1 статьи 309 ГК РФ стороны вправе предусмотреть договором правила и порядок надлежащего исполнения обязательства, в том числе денежного. При этом, пункт 1 статьи 317 ГК РФ и часть 1 пункта 1 статьи 424 ГК РФ указывают, что денежное обязательство является платежом.

При этом существует несколько уровней признания средства платежа: в силу закона (официальный или публичный) и в силу обычаев делового оборота (договорный или частный).

Принципиальным отличием официальных средств платежа является то, что они обязательны к приему любыми кредиторами при исполнении платежей. Данная особенность в отечественном правовом порядке проявляется в том, что, если кредитор, с которым договорились осуществлять безналичные расчеты с использованием официального средства платежа отказывается принимать платеж или уклоняется от его получения (например, по причине отсутствия банковского счета в кредитной организации или счета цифрового рубля), то должник может на основании части 2 пункта 1 статьи 140 ГК РФ, которая предписывает обязательность к приему рублей на всей территории Российской Федерации, и части 1 статьи 327 ГК РФ внести причитающиеся с него деньги в депозит нотариуса.

Вместе с тем частные средства платежа – это объекты гражданских прав, предоставление которых согласно условиям договора, признаются способом исполнения платежа. Концепция частных средств платежа известна отечественному законодателю. Так, согласно проектируемому пункту 1 статьи 141.2 ГК РФ, которая была предусмотрена проектом федерального закона № 424632-7 (Законопроект о цифровых правах), говорится в определении цифровых денег, что они являются объектом гражданских прав, который используется пользователями децентрализованной информационной системы для исполнения платежей. При этом проектируемый пункт 2 статьи 141.2 Законопроекта о цифровых правах указывал непосредственно на то, что цифровые деньги не являются официальным средством платежа, то есть не обязательны к приему при осуществлении всех видов платежей, однако в случаях и на условиях, установленных законом, могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства. Частный характер средства платежа подчеркивается и в абзаце втором пояснительной записки к Законопроекту о цифровых правах.

Определение цифровой валюты, указанное в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, говорит о том, что цифровая валюта может быть принята в качестве средства платежа. При этом,

3 Morris S. Mayor to take salary in Bristol pounds // The Guardian. November 20, 2012. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/uk/2012/nov/20/mayor-salary-bristol-pounds>.

4 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

5 Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

автор отмечает, что определение не ограничивается порядком Российской Федерации. Несмотря на то, что цифровые валюты на сегодняшний день не могут быть приняты в качестве платежа на территории Российской Федерации, тем не менее, они могут быть использованы при исполнении платежей в иностранных правовых порядках. Таким образом, все известные на сегодняшний день цифровые валюты, которые широко распространены и обращаются в зарубежных правовых порядках, удовлетворяют свойству, указанному в определении цифровых валют.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации допускается использование цифровой валюты в качестве средства платежа за услуги лиц, связанных с осуществлением майнинга и предоставлением митинговой инфраструктуры (часть 5 статьи 14 Закона о ЦФА), а также в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам в рамках экспериментального правового режима по внедрению цифровых инноваций на финансовом рынке (часть 2 статьи 1.1 Закона о ЦФА).

4. Об использовании цифровой валюты в качестве инвестиции.

Формулировка нормы-определения цифровой валюты, указанной в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, указывает через использование союзов «и/или», что объект гражданских прав, которой используется в качестве третьей формы расчетов (то есть без посредника и посредством объекта, который не относится к вещам), должен быть либо средством платежа, либо инвестицией, либо одновременно и тем, и другим.

Нельзя не отметить и то, что в отечественном правовом порядке также содержится специальное регулирование инвестиций и инвестиционной деятельности. Так, согласно части 2 статьи 1 Закона об инвестиционной деятельности⁶ инвестиции - денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Таким образом, допустимо использование цифровой валюты в качестве иного имущества, которое «вкладывается» в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

По мнению автора, понятие инвестиция является очевидным сугубо экономическим термином, которому невозможно дать строго юридического определения [19], ведь именно экономическая теория разделяет все доходы домохозяйства на то, что потребляется и инвестируется [5]. Вместе с этим следует отметить, что законодательство, регулирующее гражданский оборот по общему правилу не учитывает мотивы использования имущества и заключения сделок. Таким образом, понятие инвестиции является совершенно не «юридизируемым».

С учетом изложенного, например, деньги во вкладе могут считаться инвестициями, ровно, как и купля станков, которые окупят себя и дадут прибыли только спустя определенное время [8].

Как уже говорилось выше в статье часть 3 статьи 1 Закона о ЦФА указывает на то, что цифровая валюта может ис-

пользоваться в качестве средства платежа и/или инвестиции. Вместе с этим часть 5 статьи 14 закона о ЦФА вводит запрет для резидентов Российской Федерации принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления, что эквивалентно средству платежа.

Однако запрета на использование цифровой валюты в качестве инвестиции отечественный правовой порядок не содержит. Таким образом, особую практическую значимость приобретает определение случаев, в которых сделки, предметом которых выступает цифровая валюта в качестве инвестиции.

Например, наличные и безналичные деньги невозможно отнести к товару, работам или услугам, таким образом, договор мены цифровой валюты на иные виды денег (наличных или безналичных) исключается из указанного запрета и понимается как «инвестиция» [4]. Так, судебная практика подтверждает данный вывод, указывая на то, что цифровая валюта может являться объектом распорядительной сделки, которая совершается в рамках договора доверительного управления, и относится судом к категории иного имущества⁸⁹.

Кроме того, запрет, описанный в части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, носит весьма ограниченный характер, под него, в частности, не попадают односторонние сделки. Таким образом, автор статьи предлагает отнести к использованию цифровой валюты в качестве инвестиции все те случаи, которые не попадают под указанный запрет.

5. Компаративный обзор запретов на использование цифровой валюты в качестве средства платежа и инвестиции.

Ниже автор предлагает рассмотреть различные подходы зарубежных юрисдикций в отношении возможности использования цифровой валюты в качестве средства платежа или инвестиции.

В Республике Сальвадор Цифровые валюты (а именно BTC) является официальным средством платежа, то есть таким, которое кредитор обязан принять в качестве средства платежа, если цифровые валюты предоставлены должником при погашении денежных обязательств [10].

В Республике Франция цифровые валюты могут использоваться в качестве средства платежа, если стороны договора предусмотрели возможность погашения денежных долгов посредством цифровых валют (статья L54-10-1 Финансово-денежного кодекса Французской Республики) [12].

Такой же режим цифровых валют существует в Федеративной Республике Германии [13], Государстве Япония, Республике Корея [14].

В Финляндской Республике сделки купли-продажи цифровых валют облагаются налогом на добавленную стоимость (далее - НДС)¹⁰, при этом национальное законодательство не содержит специальных положений, которые регулировали

8 Апелляционное определение Московского городского суда от 06.09.2023 по делу № 33-36612/2023 «Согласно пункту 2 статьи 1013 ГК РФ, деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Переданная в качестве объекта доверительного управления криптовалюта не может быть расценена судом применительно к статье 128 ГК РФ иначе как иное имущество.»

9 Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2022 по делу № 33-41465/2022 «Вместе с тем, согласно пункту 2 статьи 1013 ГК РФ, деньги не могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Переданная в качестве объекта доверительного управления криптовалюта не может быть расценена судом применительно к статье 128 ГК РФ иначе как иное имущество.»

10 Официальный сайт налогового органа Финляндской Республики (Virtuaalivaluuttojen tuloverotus). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vero.fi/syventavat-vero-ohjeet/ohje-hakusivu/48411/virtuaalivaluuttojen_tuloverotu/ (дата обращения: 23 октября 2024 года).

6 Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

7 Согласно абзацу второму части 1 статьи 2 Закона о защите капиталовложений инвестициями является имущество, имеющее денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

бы оборот цифровых валют и разрешали явное использование цифровых валют в качестве средства платежа.

В Королевстве Норвегия налогом на доходы физических и юридических лиц облагаются доходы, полученные от использования цифровых валют в инвестиционной деятельности, при этом сами сделки с цифровыми валютами не облагаются НДС¹¹. При этом определённый правовой режим цифровых валют как средства платежа также не определён.

В Республике Вьетнам запрещено использовать цифровые валюты в качестве средства платежа, при этом использовать цифровые валюты в качестве инвестиций разрешается. Запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа введен в рамках надзорной практики Государственным Банком Вьетнама [15]. Запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа, но не инвестиций, также установлен, например, в Королевстве Таиланд [11], Республике Индонезия [17].

Запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа, так и инвестиций, введен в Китайской Народной Республике [18] на уровне официальных разъяснений органов власти, регулирующий финансовый рынок.

В Египетской Республике Национальный Банк Египта также установил запрет на любые виды использования цифровых валют резидентами государства, квалифицировав такое использование в качестве нарушения национального законодательства о ценных бумагах и платежной системе [16].

Заключение

Цифровые валюты представляют собой не только инновационную технологию, но и значительное изменение в мире финансов, требующее внимательного анализа и адаптации со стороны регулирующих органов, участников финансового рынка и пользователей. Несмотря на неопределенность и разнообразие регуляторных подходов в различных странах, очевидно, что переход к цифровым формам денег происходит стремительно и неизбежно. Это создает как риски, так и возможности для всех участников финансовой экосистемы. Нельзя игнорировать потенциальные преимущества цифровых валют, такие как улучшение доступности финансовых услуг, снижение затрат на транзакции и повышение прозрачности. Однако параллельно с этим необходимо учитывать и вызовы, связанные с безопасностью, защитой прав потребителей и противодействием отмыванию денег. Успех интеграции цифровых валют в финансовую систему во многом зависит от способности регулирующих органов адаптироваться к новым условиям и разработать сбалансированные подходы, учитывающие как потенциал, так и риски новых форм денег.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. М., Скорятин Д. К. Криптовалютные отношения и развитие цифровых технологий оборота финансовых активов в России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. Ч. 2: XII Международная научно-практическая конференция «Регионы России: Стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных проектов и программ», конференция «Научно-технологическое развитие России: приоритеты,

проблемы, решения» // РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2021. Ч. 2. С. 161-167.

2. Голубев С. А. Точка перехода. Россия 1917-1923 годы (Исторические хроники). М.: РАЕН, 2007. С. 11.
3. Ефимова Л. Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 33-42.
4. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право / Науч. ред. В. М. Шумилов. М., 2002. С. 332-333.
5. Линдерт П. Х. Экономика мирохозяйственных связей / Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. О. В. Ивановой. М.: Прогресс, 1992. С. 473.
6. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. 352 с.
7. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право: учебник. М.: Изд. Проспект, 2020. С. 117.
8. Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика. М.: Бином, 1997. С. 783.
9. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43-78.
10. Alvarez F., Argente D., Van Patten D. Are cryptocurrencies currencies? Bitcoin as legal tender in El Salvador // Science. 2023. Т. 382, № 6677. С. 28-44.
11. Chaiwut W. The Growth of Cryptocurrency Investments under Thai Government through Legal Measures // International Investment Law Journal. 2023. Т. 3, № 2. С. 167-173.
12. Daniel J. M. Crypto-monnaies: leurs fonctions, leurs dangers // Ramses 2019. Institut français des relations internationales, 2018. С. 284-287.
13. Schopper A., Raschner P. Privat-und aufsichtsrechtliche Rahmenbedingungen für Krypto-Banking // BankArchiv. 2022. Т. 70, № 4. С. 262-277.
14. Dnipro O. et al. Legal status of cryptocurrency as electronic money // J. Legal Ethical & Regul. Issues. 2019. Т. 22. С. 1.
15. Dang T. T. Current situation of cryptocurrency in Vietnam // Asian Journal of Business Environment. 2019. Т. 9, № 4. С. 29-34.
16. Elkahwagy A. Criminal Law (Egypt) // Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law Online. 2022. Т. 21, № 1. С. 93-98.
17. Irma D. et al. The future of cryptocurrency legality in Indonesia // Journal of Economics and Business Letters. 2021. Т. 1, № 1. С. 20-23.
18. Riley J. et al. The current status of cryptocurrency regulation in China and its effect around the world // China and WTO Review. 2021. Т. 7, № 1. С. 135-152.
19. Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Новосибирск, 2010. С. 11, 24.

11 Официальный сайт правового регулирования Королевства Норвегия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regjeringen.no/no/dokumentarkiv/regjeringen-solberg/aktuelt-regjeringen-solberg/fin/nyheter/2017/bitcoin-er-unntatt-fra-merverdiavgift/id2538128/> (дата обращения: 23 октября 2024 года).

КОЖОКАРЬ Андрей Петрович

руководитель секретариата председателя Двенадцатого арбитражного апелляционного суда

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена анализу генезиса и эволюции правового контроля за действиями обществ с ограниченной ответственностью и его участников. В статье отмечается, что введение обязательного нотариального контроля в свое время вызвало неоднозначные оценки, поскольку представители и бизнеса, и юридического сообщества считали, что он будет увеличивать финансовую нагрузку на общества с ограниченной ответственностью. Однако, на сегодняшний день аргумент против нотариальной формы сделки, основывающийся на том, что нотариальное удостоверение требует денежных затрат и, следовательно, является дополнительной финансовой нагрузкой на бизнес, утратил свою актуальность. В статье рассмотрены основные этапы правовой регламентации нотариального контроля. Отмечается, что отсутствие нотариального контроля в корпоративных правоотношениях приводит к значительным имущественным потерям для их участников и национальной экономики в целом, а также к уязвимости интересов государства в этой сфере.

Ключевые слова: нотариальный контроль, общество с ограниченной ответственностью, правовое регулирование, участники общества, публично-правовой контроль.

KOZHOKAR Andrey Petrovich

Head of the Secretariat of the Chairman of the Twelfth Arbitration Court of Appeal

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF NOTARY CONTROL

The article is devoted to the analysis of the genesis and evolution of legal control over the actions of limited liability companies and its participants. The article notes that the introduction of mandatory notarial control caused mixed reviews at the time, as representatives of both the business and the legal community believed that it would increase the financial burden on limited liability companies. However, to date, the argument against the notarial form of the transaction, based on the fact that notarization requires money and, therefore, is an additional financial burden on the business, has lost its relevance. The article discusses the main stages of the legal regulation of notary control. It is noted that the lack of notarial control in corporate legal relations leads to significant property losses for their participants and the national economy as a whole, as well as to the vulnerability of state interests in this area.

Keywords: notary control, limited liability company, legal regulation, members of the company, public legal control.

Российская концепция нотариального контроля за деятельностью ООО берет свое начало с принятия Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 312), который закрепил обязательное нотариальное удостоверение отчуждательных сделок с долями в уставном капитале ООО (в том числе залога долей в уставном капитале ООО) [4]. Именно в соответствии с этим законом сделка, которая направлена на отчуждение доли, стала подлежать нотариальному удостоверению под риском недействительности. Нотариус проверяет правомочия продавца, с этой целью он не только удостоверяет его личность, но и выясняет вопросы принадлежности продаваемого имущества, устанавливая действительного владельца доли по выписке из ЕГРЮЛ и предоставляемым учредительным документам. Кроме того, именно нотариусом осуществляется анализ правомочности совершения самой сделки: условия договора проверяются на соответствие требованиям закона, а также устава общества. Он также проверяет соблюдение правил реализации преимущественного права на приобретение доли, а также наличие согласия супругов на продажу (приобретение) доли [8]. Кроме того, нотариус посредством контроля за деятельностью ООО выполняет функцию стабилизатора гражданских, в том числе корпоративных, отношений, ограничителя злоупотреблений со стороны их участников, а также гаранта соблюдения требований действующего законодательства и учредительных и иных корпоративных документов.

Важно заметить, что «вводимая формализация перехода права на долю или часть доли в уставном капитале общества

вызвана насущными потребностями стабилизации экономических отношений, но в последующем все-таки видится, что эти нормы подлежат перемещению в специальный закон, регулирующий порядок и процедуру проведения в целом нотариальных действий. Речь идет, прежде всего, о новом законе «О нотариате», который должен быть разработан и принят» [3]. Однако, пока новый закон «О нотариате» не принят. Те изменения, которые вносятся в корпоративное законодательство, касающиеся увеличения нотариального контроля в корпоративных отношениях, вносятся параллельно с изменениями в действующие Основы о нотариате.

Появление законотворческой идеи нотариального контроля в корпоративной среде обусловлено рядом обстоятельств, упоминавшихся в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»», а именно возможностью неограниченного выхода из ООО при отсутствии субсидиарной имущественной ответственности участников, отсутствием обязательного требования о проведении ежегодного аудита, распространенностью обществ с ограниченной ответственностью как наиболее «популярной» организационно-правовой формы юридических лиц, используемой для создания «фирм-однодневок» с целью уклонения от налогов. Сама возможность свободного выхода из общества с ограниченной ответственностью часто использовалась как способ уклонения от имущественных претензий за убытки, причиненные самому обществу и его кредиторам.

Закон № 312 был одним из законов, которые составляли так называемый антирейдерский пакет законов для обществ с ограниченной ответственностью. Частью антирейдерского пакета законов стал также федеральный закон от 19.07.2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 205). Этот закон дополнил ст. 21 действующей редакции Закона об ООО пунктом 6 следующего содержания: «подлинность подписи на заявлении участника общества или общества об отказе от использования преимущественного права покупки доли или части доли в уставном капитале общества должна быть засвидетельствована в нотариальном порядке». По мнению М. Ю. Тихомирова законодатель ввел данную меру для того, чтобы ограничить возможное внешнее воздействие на волеизъявление соответствующих физических и юридических лиц, которое часто имеет место при рейдерских захватах [10]. При этом не обошлось без доктринальной критики вновь введенного правила. Так, Л. А. Новоселова обоснованно обращала внимание на то, что «новые положения, как и ранее, не определяют, кому должна направляться информация участников о намерении осуществить преимущественное право и каким требованиям она должна соответствовать. Неясно, должно ли общество информировать участника, желающего продать долю третьему лицу, о поступивших к нему заявлениях других участников об отказе от ее приобретения» [7].

Кроме указанных изменений, Закон об ООО был также дополнен новой редакцией п. 11 ст. 21. При этом каждый абзац этого пункта последовательно усиливал значение нотариального контроля за деятельностью обществ с ограниченной ответственностью.

Абзацем первым п. 11 ст. 21 предусмотрено, что любая сделка, которая направлена на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, должна быть нотариально удостоверена. Из этого правила есть исключения, предусмотренные абз. 2 п. 11 ст. 21 Закона об ООО. При этом, федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ установленный перечень исключений, когда нотариальное удостоверение сделки уступки доли не требуется, дополняет новым правилом, что сделка по уступке доли не требует нотариального удостоверения при использовании преимущественного права покупки путем направления оферты о продаже доли или части доли и ее акцепта в соответствии с п.п. 5 - 7 ст. 21 Федерального закона № 14-ФЗ (как участником ООО, так и самим ООО). Что касается третьего абзаца п. 11 ст. 21, то он детализирует и конкретизирует статью 165 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает то, что, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае, сделка регистрируется в соответствии с решением суда. Абзацем 3 п. 11 ст. 21 Закона об ООО закрепляется, что если участник общества, заключивший договор, устанавливающий обязательство совершить при возникновении определенных обстоятельств или исполнении другой стороной встречного обязательства сделку, направленную на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, неправомерно уклоняется от нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, приобретатель доли или части доли, совершивший действия, направленные на исполнение указанного договора, вправе потребовать в судебном порядке передачи ему доли или части доли в уставном капитале общества. В этом случае решение арбитражного суда о передаче доли или части доли в уставном капитале общества является основанием для государственной регистрации вносимых в ЕГРЮЛ соответствующих изменений [6].

В правовой литературе сформулирована точка зрения о том, что «законодатель, пусть и несколько витиевато, обозна-

чил, что в процедуре отчуждения долей в ООО фигурируют как минимум две сделки – тот самый «договор, устанавливающий обязательство...» (обязательственная сделка) и «сделка, направленная на отчуждение доли (распорядительная сделка)» [1].

Изменения, внесенные Законом № 205, а именно то, что сделки по отчуждению доли в ООО нотариально удостоверяются, высоко оцениваются учеными-цивилями. Так, по мнению М. Н. Илюшиной, «это новое для корпоративных отношений решение вопроса о форме сделки, связанной с введением механизма, обеспечивающего стабильность экономических отношений. Как представляется, такая форма сделки позволяет использовать возможности нотариата как устоявшего и известного института, для упорядочивания корпоративных отношений, введение в оформление перехода долей необходимых элементов учета и, соответственно, создаст возможность контроля» [2].

Одновременно указанным Законом № 205 были внесены соответствующие дополнения в ч. 1 ст. 60 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Дальнейшим шагом в формировании нормативной основы нотариального контроля за деятельностью обществ с ограниченной ответственностью стало принятие Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений к главе 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 99). Этим законом в ГК РФ была введена ст. 67.1, в соответствии с которой принятие общим собранием участников общества решения и состав участников, присутствовавших при его принятии, подтверждаются в отношении общества с ограниченной ответственностью путем нотариального удостоверения, если иной способ (подписание протокола всеми участниками или частью участников; с использованием технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения; иным способом, не противоречащим закону) не предусмотрен уставом такого общества, принятым участниками общества единогласно.

В целом внесенные Законом № 99 изменения в корпоративное законодательство можно оценить, как направленные на повышение эффективности нотариального контроля и защиты прав и интересов участников ООО от подделки решений их общих собраний. Однако в результате принятия и вступления в юридическую силу рассматриваемых законодательных изменений обнаружились и новые правовые пробелы. В частности, нотариус не мог удостоверить решение, принятое в заочной форме, поскольку в этом случае он не мог удостовериться в дееспособности лиц и проверить их полномочия в момент принятия решения. При этом решение общего собрания ООО согласно Закону об ООО может быть принято без проведения собрания (совместного присутствия участников общества для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решения по вопросам, поставленным на голосование) путем проведения заочного голосования (опросным путем), которое может проводиться с помощью обмена документами посредством почты, телетайпа, телеграфа, телефона, а также электронной или иной связи, обеспечивающей аутентичность передаваемых и принимаемых сообщений и их документальное подтверждение². Стали считать, что имеется обходной путь для нотариального удо-

1 Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 12.05.2014. - № 19. - Ст. 2304.

2 П. 3 ст. 38 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. - 16.02.1998. - № 7. - Ст. 785.

створения решений общего собрания и состава участников, позволяющий избежать нотариального контроля и формирующий возможности для злоупотреблений.

Далее последовали еще поправки, направленные на усиление нотариального контроля за деятельностью общества с ограниченной ответственностью. Так, был принят Федеральный закон от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³ (далее – Закон № 67), которым было установлено, что факт принятия решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала и состав участников общества, присутствовавших при принятии решения, должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения. Здесь законодатель уже не оставил участникам диспозитивности в выборе способа подтверждения. Как справедливо отмечает В. А. Лаптев, «удостоверение решений общих собраний корпорации является важнейшей гарантией для членов корпорации как инвесторов фондов прямых инвестиций» [5]. Принятие указанной законодательской новеллы было обусловлено необходимостью предотвратить возможные нарушения, связанные с размыванием доли участников обществ с ограниченной ответственностью, предупреждения управленческих и материальных потерь в виде уменьшения влияния при принятии решений общим собранием или уменьшения доли прибыли и др.

При введении этой нормы в действие возникли вопросы относительно необходимости нотариального удостоверения решений единственного участника общества с ограниченной ответственностью. В связи с этим п. 3 ст. 17 Закона № 67 был дополнен нормой, вступившей в силу с 15.07.2016 г., в которой прямо указано, что решение единственного участника общества об увеличении уставного капитала подтверждается его подписью, подлинность которой должна быть засвидетельствована нотариусом⁴.

Помимо действий, направленных на обеспечение действительности сделки, нотариусу вменено в обязанность подать в срок, не позднее чем в течение трех дней со дня удостоверения сделки, в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в единый государственный реестр юридических лиц. Такое заявление подписывается нотариусом, удостоверившим сделку, и скрепляется печатью нотариуса. В связи с этим в действующие Основы законодательства о нотариате была введена статья 86.3, которая ввела в оборот новое нотариальное действие, пополнившее список нотариальных действий, обозначенных в ч. 1 ст. 35, пунктом 30 – представление документов на государственную регистрацию юридического лица и индивидуального предпринимателя.

В рамках этого, вновь установленного нотариального действия нотариус, во-первых, представляет в форме электронных документов заявление и иные необходимые документы в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, во-вторых, получает документы, выданные этим органом в форме электронных документов, и выдает их лицу, обратившемуся за совершением соответствующего нотариального действия, по его просьбе в форме электронных до-

кументов или в форме документов на бумажных носителях на основании удостоверения на равнозначности документов на бумажных носителях электронным документам.

На наш взгляд, новый корпус правовых норм о нотариальном контроле за деятельностью ООО, носит системный характер, поскольку соответствующие изменения были внесены и в Основы законодательства о нотариате, и в Закон об ООО, и в закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», и их реализация обеспечивает одновременно и частноправовой и публичный интерес. Очевидно, что установление и последовательное усиление нотариального контроля за деятельностью ООО обусловлено правовой политикой государства, направленной на противодействие недобросовестным участникам гражданского оборота, создаваемых и действующих в этой организационно-правовой форме. Невозможно не согласиться с мнением о том, что «эти изменения направлены на установление механизма обеспечения достоверности заявляемых сведений и обеспечения законности при приобретении, перераспределении и оформлении долей в ООО, осуществлении иных юридически значимых действий в рамках данной организационно-правовой формы образования юридического лица, а также совершенствования механизмов регистрации юридического лица, который минимизировал бы возможность внесения в Единый государственный реестр юридических лиц недостоверной информации или сведений о подставных лицах» [9].

Пристатейный библиографический список

1. Бродский А. А. Сделки с долями в ООО: цена распоряжения // Закон. - 2023. - № 2. - С. 145.
2. Илюшина М. Н. Теоретические и практические проблемы сделок, направленных на отчуждение долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью // Вестник Московского университета МВД России. - 2009. - № 6. - С. 125.
3. Илюшина М. Н. Сделки, направленные на отчуждение долей в уставном капитале ООО: новое в правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2009. - № 6. - С. 117.
4. Ладыгина В. П. Концепция нотариального контроля за деятельностью обществ с ограниченной ответственностью // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: материалы Международного круглого стола (Минск, 21 октября 2022 г.). - Мн.: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2022. - С. 194.
5. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. - М.: Проспект, 2020. - С. 247.
6. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. - М.: Статут, 2010. - С. 201.
7. Новоселова Л. А. Новые положения законодательства об ООО: причины изменений и последствия // Хозяйство и право. - 2009. - № 3. - С. 16.
8. Сальникова Л. Сделки по отчуждению долей в ООО: всегда ли необходимо нотариальное удостоверение // Финансовая газета. Региональный выпуск. - 2010. - № 25. - С. 3.
9. Соловьев И. Обеспечение достоверности сведений, поступающих в ЕГРЮЛ // Налоговый вестник. - 2015. - № 10. - С. 10.
10. Тихомиров М. Ю. Сделки и иные основания перехода долей в уставном капитале общества // Законодательство и экономика. - 2010. - № 7. - С. 36-59.

3 Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. - 30.03.2015. - № 13. - Ст. 1811.

4 Федеральный закон от 03.07.2016 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 04.07.2016. - № 27 (ч. II). - Ст. 4293.

МИГАЧЕВА Анна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ПАРАСКЕВОВА Светлана Андреевна

доктор юридических наук, профессор

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ТРЕБОВАНИЙ К КАЧЕСТВУ В ДОГОВОРЕ КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ, ВЫРАБОТАННЫЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКОЙ

В статье рассматриваются выработанные судебной практикой условия применения закрепленных в гражданском законодательстве последствий передачи по договору купли-продажи объектов недвижимости ненадлежащего качества. Автор констатирует, что особый социальный статус недвижимости в совокупности с установленным Гражданским кодексом РФ диспозитивно-императивным подходом к определению качества товаров, привели к формированию устоявшейся практики по спорам о ненадлежащем качестве недвижимости в договоре купли-продажи. Суды, рассматривая споры, решающее значение придают моменту возникновения недостатков, добросовестности и осмотрительности сторон договора, характеру недостатков.

Ключевые слова: договор, договор купли-продажи, недвижимое имущество, качество, явные недостатки, скрытые недостатки, существенные недостатки.

MIGACHEVA Anna Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

PARASKEVOVA Svetlana Andreevna

Ph.D. in Law, professor

CONDITIONS FOR THE APPLICATION OF THE CONSEQUENCES OF DEVIATION FROM QUALITY REQUIREMENTS IN THE CONTRACT OF SALE OF REAL ESTATE, DEVELOPED BY JUDICIAL PRACTICE

The article examines the conditions developed by judicial practice for the application of the consequences of the transfer of real estate of inadequate quality under a contract of sale stipulated in civil legislation. The author states that the special social status of real estate, combined with the dispositive-imperative approach to determining the quality of goods established by the Civil Code of the Russian Federation, has led to the formation of a well-established practice in disputes over the improper quality of real estate in the contract of sale. When considering disputes, courts attach crucial importance to the moment when deficiencies arise, the good faith and prudence of the parties to the contract, and the nature of the deficiencies.

Keywords: contract, purchase and sale agreement, real estate, quality, obvious flaws, hidden flaws, significant flaws.

Основным правовым средством, направленным на оформление товарооборота, является договор купли-продажи, значение которого велико как на внутригосударственных рынках, так и на международных. Универсальный характер и гибкость договора купли-продажи позволяет использовать его для удовлетворения потребностей широкого круга субъектов в разнообразных товарах. Гражданский кодекс РФ¹ (далее – ГК РФ) в числе основных положений о договоре купли-продажи закрепил общую обязанность продавца передать товар надлежащего качества. Данное требование распространяется на все категории товаров и с уточнениями действует в отношении всех разновидностей договоров купли-продажи. При этом нормы ГК РФ не содержат точных формулировок того, какое качество товара считается надлежащим, что обусловлено широтой предмета договора, а предлагают алгоритм определения соответствия товара требованиям к качеству.

Анализ норм ГК РФ позволяет заключить, что современное правовое регулирование требований к качеству товара в договоре купли-продажи демонстрирует новый подход, основанный на смещении императивных и диспозитивных начал, в сторону преобладания последних.

ГОСТ Р 51303-2013 «Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения»² определяет качество товара как совокупность потребительских свойств товара, соответствующих установленным требованиям, в том числе условиям договора купли-продажи или иным аналогичным. Низший предел качества устанавливается императивно. Этот вывод подтверждается п. 4 ст. 469 ГК РФ, в котором указано, что если законом или в установленном им порядке предусмотрены обязательные требования к качеству продаваемого товара, то продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязан передать покупателю товар, соответствующий этим требованиям. При этом обращает на себя внимание распространение отмеченного правила исключительно на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Пункт 4 ст. 469 ГК РФ, таким образом, не распространяется на сделки, заключаемые между физическими лицами; он также неприменим в ситуации, когда юридические лица и индивидуальные предприниматели вступают в договорные отношения не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Особым видом товара является недвижимое имущество.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² ГОСТ Р 51303-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 30.06.2023 № 469-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

Его специфические свойства послужили причиной выделения в части второй ГК РФ отдельного параграфа, посвященного купле-продаже недвижимости. ГК РФ не раскрывает критерии качества недвижимого имущества, однако, предусматривает последствия продажи недвижимости ненадлежащего качества.

При этом ст. 557 ГК РФ уточняет, что последствия, связанные с передачей недвижимости ненадлежащего качества, наступают только в случае передачи продавцом покупателю недвижимости, не соответствующей условиям договора о ее качестве. Подобная оговорка демонстрирует, что для недвижимости в силу уникальности свойств каждого конкретного объекта, первостепенным ориентиром в вопросе о качестве является договор, в котором общие стандарты качества объектов недвижимости, эталонные величины, установленные ГОСТом, могут быть скорректированы с учетом потребительского интереса покупателя.

Статья 557 ГК РФ при определении последствий продажи недвижимости ненадлежащего качества отсылает к общим, закрепленным в ст. 475 ГК РФ, за исключением положений о праве покупателя потребовать замены товара ненадлежащего качества на товар, соответствующий договору. Исключение продиктовано уникальностью объекта недвижимости и невозможностью восполнить ненадлежащее качество одного объекта недвижимости за счет другого. И все же говорить о том, что качество недвижимости определяется исключительно договором, будет неверным. При наличии спора для оценки качества недвижимого имущества следует руководствоваться Техническим регламентом о безопасности зданий и сооружений³.

Споры о применении последствий передачи товара ненадлежащего качества достаточно распространены в судебной практике. Анализ правоприменительных судебных актов позволил сделать некоторые выводы относительно условий, значимых для удовлетворения или отказа в удовлетворении требований, которые вправе заявить покупатель, в связи с наличием недостатков объекта недвижимости.

Во-первых, последствия, предусмотренные ст. 475 ГК РФ могут наступить только, если недостатки не были оговорены продавцом.

Во-вторых, при рассмотрении споров о качестве объекта недвижимости является значимым момент возникновения недостатков. Для удовлетворения требований важно доказать, что недостатки возникли еще до передачи вещи по договору купли-продажи. Для установления данного факта обычно назначается строительно-техническая экспертиза. Ярким примером является спор о расторжении договора купли-продажи, рассматриваемый Восьмым кассационным судом общей юрисдикции⁴.

Истцы настаивали на том, что недостатки недвижимости проявились уже после заключения договора. Это обстоятельство, как и факт существенного отклонения здания от требований Технического регламента о безопасности зданий и сооружений, был подтвержден двумя строительно-техническими экспертизами. Эксперты установили, что выявленные существенные недостатки спорного жилого дома возникли до передачи жилого дома истце, носят скрытый

характер, не могли быть обнаружены во время покупки дома, были известны покупателю, но не оговорены им при заключении договора купли-продажи. Данный спор, кроме всего прочего демонстрирует повышенную социальную значимость необходимости соблюдения условия о качестве недвижимости: жилой дом приобретался многодетной семьей, в которой имеются дети-инвалиды, в покупку было вложены средства материнского капитала.

Во-вторых, в ходе рассмотрения споров о качестве объекта недвижимости и применении последствий нарушения требований к качеству, суды исследуют поведение продавца и покупателя на предмет соответствия стандартам добросовестности. Поскольку качество объекта недвижимости должно быть определено в договоре, введение в заблуждение относительно состояния объекта недвижимости может рассматриваться как нарушение требований о согласовании условий о качестве товара. В приведенной выше практике Восьмого кассационного суда, например, в ходе рассмотрения спора был установлен факт искажения в представленной истцу документации даты ввода объекта в эксплуатацию (в выписке из ЕГРН год ввода в эксплуатацию указан 2006 г., в действительности год ввода в эксплуатацию 1960 г., о чем истцу стало известно лишь при проведении технического обследования).

Под злонамеренным поведением следует понимать не только сообщение недостоверных сведений, но и намеренное умолчание о фактах, имеющих значение для принятия решения о заключении договора купли-продажи недвижимости. При этом само по себе отсутствие возражений со стороны покупателя относительно качества в момент принятия объекта недвижимости не может являться основанием для отказа в применении последствий передаче некачественного объекта.

Верховный Суд РФ в Определении от 21.02.2022 № 304-ЭС21-29148 по делу № А75-1835/2021⁵ как раз обратил внимание на то обстоятельство, что принятие покупателем объекта без возражений не снимает с продавца обязанности действовать добросовестно и указать достоверные сведения о продаваемом имуществе, передать покупателю это имущество в качестве и с характеристиками, установленными документацией и согласованными сторонами контракта. Следовательно, последствия, указанные в ст. 475 ГК РФ, могут быть применимы к договору купли-продажи недвижимости и в случаях принятия объекта недвижимости с явными недостатками и в отсутствие возражений относительно качества, если будет установлено, что продавец намеренно крыл значимые для покупателя сведения о качестве объекта.

Судебная практика ориентирует на необходимость при разрешении споров, связанных с последствиями передачи некачественного объекта недвижимости, учитывать соблюдение принципа добросовестности не только продавцом, но и покупателем. Последние, зачастую, злоупотребляя своими правами, требуют расторжения договора купли-продажи недвижимости, ссылаясь на наличие существенных недостатков качества объекта, которые носят явный характер и могли быть обнаружены при визуальном осмотре. Так, Восьмой кассационный суд, рассматривая жалобу на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Хакасия по спору об уменьшении покупной цены жилого дома отметил, что стороны договора купли-продажи, подписывая договор, сделали отметку об

3 Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

4 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 № 88-742/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение от 21.02.2022 № 304-ЭС21-29148 по делу № А75-1835/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

осмотре дома и отсутствии претензий по качеству. Согласно заключению комплексной строительно-технической экспертизы, недостатки, описанные в заключении, являются явными. До заключения договора купли-продажи истец имела возможность осмотреть дом как самостоятельно, так и с привлечением специалистов; на момент подписания договора купли-продажи и передачи истцу недвижимого имущества покупатель указал, что осмотрел объект, и претензий к его качеству не имеет, цену стороны согласовали⁶.

Подписание акта приема-передачи недвижимости или включение подобной оговорки в договор, по сути, означает согласие на принятие товара с недостатками, следовательно – достижение соглашения о качестве товара. Таким образом, ссылки на недостатки недвижимости, которые могли быть обнаружены при визуальном осмотре, не должны приниматься во внимание при разрешении вопроса о применении последствий продажи недвижимости ненадлежащего качества.

Осмотр объекта недвижимости в совокупности с недоказанностью намеренного сокрытия недостатков продавцом служит основанием для отклонения требований, предусмотренных ст. 557 и 475 ГК РФ. В некоторых случаях суды приводят дополнительные аргументы, например доказанность факта снижения покупной цены ввиду недостатков, приобретение объекта недвижимости с самовольными перепланировками и пристройками⁷ т. д.

Судебные инстанции исходят из того, что действия покупателя при осмотре и приемки объекта недвижимости разумны и осмотрительны. В апелляционном определении Саратовского областного суда от 16.08.2022 г. № 33-5901/22 отмечено, что «покупатель при заключении сделки должен был действовать осмотрительно, разумно и объективно оценивать ситуацию, знакомиться со всеми документами, необходимыми для совершения сделки»⁸. В рассматриваемом споре истец обратился в суд с требованием о возмещении расходов по организации централизованной системы холодного водоснабжения. По его мнению, продавцом при заключении договора была сообщена недостоверная информация о наличии соответствующих коммуникаций. Однако областной суд указал в определении, что доказательств того, что договор купли-продажи недвижимого имущества был заключен в результате умышленного введения недобросовестной стороной другой стороны в заблуждение относительно обстоятельств, имеющих значение для заключения сделки, представлено не было. Более того, отсутствие системы холодного водоснабжения нельзя отнести к числу скрытых недостатков, так как осматривая и принимая недвижимое имущество от продавцов до заключения договора истец не мог не знать об отсутствии в доме центрального водоснабжения, поскольку данные обстоятельства при должной степени осмотрительности могли быть установлены с достаточной степенью очевидности, специальных познаний для этого не требовалось.

В-третьих, по-иному разрешаются споры, если недостаток относится к числу скрытых. Скрытые существенные дефекты – это несоответствие условиям договора, о которых продавец не сообщил в момент заключения договора, и кото-

рые покупатель не мог сам заметить в момент заключения договора. Скрытые недостатки могут быть выявлены исключительно при проведении специальных исследований объекта. Существенные недостатки объектов недвижимости, которые чаще всего встречаются в судебной практике, проистекают из нарушений требований, установленных Федеральным законом № 384-ФЗ от 30.12.2009 «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», Постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 г. № 47, СНиПами, СанПиНами, ГОСТами, а также договором. Подобные недостатки не могут быть обнаружены при визуальном осмотре, обнаруживаются в процессе эксплуатации недвижимости.

Таким образом, можно заключить, что последствия, предусмотренные ст. 475 ГК РФ, могут применяться к договору купли-продажи недвижимости при наличии следующих обстоятельств: недостаток должен существовать на момент передачи недвижимости покупателем продавцу; недостаток недвижимости не является явным; покупатель проявил должную осмотрительность при осмотре объекта недвижимости; недостаток был выявлен после передачи недвижимости покупателю; недостаток является явным, однако продавец ввел покупателя в заблуждение относительно качественных свойств объекта. Непосредственно последствия передачи недвижимости ненадлежащего качества зависят от того, носят ли недостатки существенный характер, либо являются соразмерно устранимыми.

6 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 88-1861/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.08.2023 № 88-21103/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8 Апелляционное определение Саратовского областного суда от 16.08.2022 № 33-5901/2022 по делу № 2-959/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

ПЕВЦОВА Ирина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Хабаровск

ПАРФЕНОВ Лев Алексеевич

студент, 4-го курса, Юридический факультет, Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Хабаровск

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

На основе ряда общенаучных методов с учетом меняющихся конкретно-исторических условий в статье рассматривается генезис становления технологии искусственного интеллекта. Отмечается вклад выдающихся зарубежных и российских ученых в развитие цифровой реальности. Сделан акцент на необходимость четкого правового регулирования использования искусственного интеллекта, поскольку на сегодняшний день в основном, разработаны только программные документы, не позволяющие учесть все угрозы его внедрения и обеспечить достаточную правовую защиту интересов государства и общества.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, интернет, правовое регулирование, цифровизация, алгоритмический язык

PEVTSOVA Irina Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty, Far Eastern branch, Russian State University of Justice, Khabarovsk

PARFENOV Lev Alexeevich

student of the 4th course, Institute of Law, Far Eastern branch, Russian State University of Justice, Khabarovsk

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CERTAIN ASPECTS OF LEGAL REGULATION

Based on a number of general scientific methods, taking into account changing specific historical conditions, the article examines the genesis of the development of artificial intelligence technology. The contribution of outstanding foreign and Russian scientists to the development of digital reality is noted. The emphasis is placed on the need for clear legal regulation of the use of artificial intelligence, since today, basically, only program documents have been developed that do not allow taking into account all the threats of its implementation and ensuring sufficient legal protection of the interests of the state and society.

Keywords: artificial intelligence technologies, Internet, legal regulation, digitalization, algorithmic language.

Певцова И. Е.

Парфенов Л. А.

За последние несколько лет искусственный интеллект не только завоевал популярность, но и стал помощником практически во всех сферах общественной деятельности. Развлечения, бизнес-процессы, работа, а самое главное учеба и научные исследования так или иначе используют ИИ в своей деятельности. Так было не всегда, роботизация данных процессов ворвалась в нашу жизнь и стала практически незаменимой относительно недавно.

Трудно сказать, с какого момента времени можно считать началом развития искусственного интеллекта. В большинстве исследований отмечается, что активная работа по созданию искусственного интеллекта была начата в 50-е годы прошлого века, а одним из основоположников искусственного интеллекта называют Н. Виннера, который в своей работе «Кибернетика или управление и связь в животном и машине» [1, с. 229], начал поиск общего алгоритма любых задач и сформулировал идею конструирования систем искусственного интеллекта. В 1950 г. А. Тьюринг впервые разработал тест, позволяющий отличить поведение искусственного интеллекта (как объекта) от поведения человека. Работа

Тьюринга «Вычислительные машины и разум» [2, с. 443-460], в которой и был опубликован указанный тест, получила большую популярность. В 1956 г. выступая на конференции в Дартмутском колледже информатик Д. Маккарти ввел в научный оборот новый термин – «искусственный интеллект». Вплоть до 70-х годов XX века, фактически каждый год был ознаменован той или иной новацией в области искусственного интеллекта. В 1958 году Д. Маккарти разрабатывает язык программирования LISP, который до сих пор остается одним из влиятельных языков в разработке искусственного интеллекта. В том же 1958 году Фрэнк Розенблатт разработал первую нейросеть, которая по сути, представляла собой алгоритм (однако популяризировал он ее как устройство, а не алгоритм) для выполнения двоичной классификации которую назвал Perceptron (Перцептрон, от латинского perceptio – восприятие). В основе перцептрона лежит математическая модель восприятия информации мозгом. В 1960 году Розенблатт представил первый нейрокомпьютер – «Марк-1», который был способен распознавать некоторые буквы английского алфавита. Особенностью созданной им нейросети,

являлось то, что она могла обучаться, то есть представляла собой настоящий искусственный интеллект.

Чуть позже, в 1960 ученые создают программу General Problem Solver (GPS) [3, с. 256-264] способную не только выполнять такие простые задачи как игра в шашки, но заниматься вычислением неопределенных интегралов.

В 1964 советский математик С. Ю. Маслов сформулировал идею метода автоматического поиска доказательства теорем в исчислении предикатов, предложенный метод строил логический вывод в противоположном направлении — не «снизу вверх», а «сверху вниз», т. е. от аксиом к целевой формуле. В связи с этим он и получил название «обратного». В качестве основного преимущества перед другими методами С. Ю. Маслов указал, что обратный метод существенно использует особенности доказываемой формулы для построения экономного вывода [4, с. 17-20]. Чуть позже, сотрудниками Ленинградского отделения Математического института имени В. А. Стеклова (ЛОМИ) была разработана первая компьютерная программа, доказывающая теоремы обратным методом Маслова. Программа была написана под вычислительную машину БЭСМ-6 и содержала более 10000 машинных команд. Практические возможности и потенциал метода С. Ю. Маслова до сих пор полностью не раскрыты.

В 1966 году советский кибернетик В. Ф. Турчин стал разработчиком алгоритмического метаязыка рекурсивных функций РЕФАЛ, который позволял переводить тексты, анализировать числовые последовательности и, по сути, стал функциональным языком программирования, который в обновленном виде (РЕФАЛ+) применяется до сих пор [5].

Следует заметить, что в России еще в 1948 году был получен первый патент на цифровую электронную вычислительную машину, в этом же году выходит в свет уже упомянутая работа Норберта Винера «Or Control and Communication in the Animal and the Machine» и кибернетику признают лженаукой, угрожающей пролетариату, однако работы по развитию электронных вычислительных машин не приостанавливаются благодаря группе советских ученых-энтузиастов. В 1953 году было запущено серийное производство первого поколения ЭВМ «Стрела» (на этих машинах в 1955 г. были произведены аэродинамические расчёты для первого советского пассажирского реактивного самолёта ТУ-104, сэкономя не несколько месяцев труда расчётчиков). В 1956 году выходит в печать монография А. И. Китова, выдающегося советского ученого, родоначальника российской

компьютерной науки «Электронные цифровые машины» [6], именно по этой книге учились многие будущие специалисты в области компьютерных технологий, некоторые разделы данной работы были переведены на английский язык, а в 1958 году монография А. И. Китова была издана в Китае [7].

Значительный вклад в науку внес Герберт Александер Саймон лауреат премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 1978 г., которую он получил за теорию ограниченной рациональности, именно эта теория повлияла на дальнейшее развитие области ИИ.

С уверенностью можно утверждать, что история искусственного интеллекта началась многообещающе. Появлялись новые языки программирования, также активно разрабатывались новые программы и алгоритмы. Однако к началу 1970-х годов стало ясно, что вычислительной мощности не хватает для дальнейшего прогресса в этой сфере, кроме того, значительно сократилось ее финансирование, что привело к стагнации для развития ИИ. Практически до конца 80-х го-

дов прошлого века в развитии ИИ не наблюдалось заметных сдвигов, однако постепенно ситуация начала кардинально меняться.

В 1969 г. был основан Интернет и, хотя сам термин вошел в обиход только в 1982 году, когда была описана концепция всемирной сети или связанных сетей, официальной датой его основания считают именно 1969 год. Идея получения доступа к различным информационным ресурсам благодаря «межсетевому протоколу» (Internet protocol) начала витать в научных кругах еще в 50-е годы XX века, когда стали появляться концепции вычислительных сетей, началась разработка компьютеров. В основе технологии интернета лежит ряд прогрессивных идей: математическая теория коммуникации пакетов Леонарда Клейнрока, концепция работы компьютерной сети Джозефа Ликлайдера, которая построена на способе передачи данных описанных у Клейнрока, разработка Винтоном Серфом и Робертом Каном набора стандартных протоколов, которые позволяли разнородной группе компьютеров общаться друг с другом через ARPANet», концепция Всемирной паутины (World Wide Web), которая была предложена в 1989 г. Тимом Бернерсом Ли и Робертом Кайо. Все эти люди и их прогрессивные научные идеи, фактически подготовили почву для технологической революции позволили внедрить интернет и сделать его доступным для всего человечества.

Вместе с развитием Интернета постепенно стал возрождаться интерес к усовершенствованию ИИ. Последующее развитие технологии ИИ стала возможной благодаря интернету.

Изначально, интернет был ориентирован, прежде всего, на общение (обмен информацией) и сотрудничество независимо от географического положения субъекта, а ИИ был задуман для быстрого анализа данных, принятия решений, автоматизации, прогнозирования результатов (в том числе поведения) и адаптации к изменяющимся условиям действительности.

Именно Интернет позволил генерировать и собирать огромные объёмы данных из различных источников, что в свою очередь ускорило исследования и разработки в области ИИ, позволив создавать более точные и сложные модели ИИ. Интернет как кладёзь информации служит инструментом для обучения ИИ, улучшения его алгоритмов. С сетями на базе ИИ увеличивается эффективность и скорость передачи данных.

Еще более стремительно ИИ начал развиваться уже в 2000-х годах, когда появились более мощный интернет, компьютеры и лучшие технологии для обработки огромного количества данных. Сейчас мы можем говорить о двух типах ИИ: 1) ограниченном или узком, слабом (Narrow AI), который ориентирован на выполнение узконаправленных задач и 2) общем, сильном (General AI), обладающим когнитивными способностями человека, способным найти верное решение в нестандартной ситуации без вмешательства человека.

Развитие ИИ – это не только инновации в различных сферах общественной жизни, но и разного рода угрозы, для предотвращения которых необходимо создавать действенный правовой механизм, позволяющий снизить риски использования ИИ. Сфера действия ИИ постоянно расширяется. Если в начале своего становления ИИ был ориентирован на сферу обороны, то мере своего развития он активно стал использоваться в государственном управлении, банковской сфере, энергетике, торговле, здравоохранении, сельском хозяйстве, правосудии, образовании и др. В настоящее время влияние ИИ на жизнь

людей и образ их жизни увеличивается, что в свою очередь меняет ценностные установки и становится очевидной необходимость тщательного контроля и регулирования ИИ.

С учетом вызовов современности государства совершенствуют свое национальное законодательство, пытаются просчитать риски и противостоять угрозам путем разработки межгосударственных правовых документов. Большинство стран уже приняло ряд важных программных документов, по развитию цифровизации и в том числе ИИ, начата корректировка текущего законодательства, обусловленная возникновением новых правоотношений в цифровой среде, и необходимостью защиты прав и законных интересов граждан.

В России за последние несколько лет приняты Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹, Государственная программа «Информационное общество»², Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года³, внесены изменения в отдельные федеральные законы, например, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» Внесение изменений в Гражданский кодекс РФ позволило легализовать цифровые права. Принят Федеральный закон от 24 апреля 2020 года №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»⁴, 21 мая 2021 года было издано Постановление Правительства РФ № 767/229, которым утверждены правила получения господдержки при реализации пилотных проектов по внедрению искусственного интеллекта в различных отраслях экономики⁵.

Вопросы, которые требуют законодательного регулирования – это, прежде всего ответственность за действия систем ИИ и причиненный ими вред и вопрос о том, кто и как будет нести ответственность за использование ИИ во вредоносных целях? На сегодняшний день ни в одном государстве не существует четкого правового регулирования, однозначно определяющего степень ответственности всех участников, задействованных в создании и использовании технологии ИИ. В научной литературе отмечается, что несмотря на широкое применение ИИ, «правовое регулирование на национальном и мировом уровне остается рудиментарным» [8, с. 255].

С одной стороны, для снижения рисков для общества связанных ИИ необходимо государственное регулирование и создание действенной нормативной-правовой базы, которая обеспечивала бы прозрачность деятельности ИИ, конфиденциальность персональных данных, приоритет общечеловеческих ценностей, а с другой – непродуманное и жесткое правовое регулирование может значительно замедлить развитие ИИ и как следствие, привести к отставанию в развитии передовых технологий. Безусловно, новые технологии должны приносить пользу государству и обществу, способствовать конкурентоспособности, защищать цифровой иммунитет государства. При внедрении ИИ, нужно помнить об его экстерриториальном действии и соответственно, выстраивая систему правового регулирования в цифровой среде необходимо опираться на этические принципы, не выводить на первый план экономические интересы. Актуальным остается вопрос о выработке общих, единообразных подходов к управлению ИИ и сферы его распространения, формированию единообразного понятийного аппарата и общих запретов. На сегодняшний день, в технологической гонке государств, прослеживается цель занять лидирующие позиции в области современных цифровых технологий, с тем, чтобы впоследствии устанавливать собственные правила игры исходя из собственных предпочтений и интересов. При этом важные вопросы общественной безопасности, защиты жизни и здоровья людей, противодействие терроризму отодвигаются на второй план.

Сфера применения ИИ должна находиться под пристальным вниманием законодателя и международных организаций. Искусственный интеллект создан человеком и должен контролироваться человеком, в том числе посредством выработки четких правил в отношении тех систем ИИ, которые способны оказывать негативное влияние на человека.

Пристатейный библиографический список

1. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. – Paris: Hermann & Cie; Cambridge (MA): MIT Press, 1948. – 229 p.
2. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. – 1950. – Vol. 59. – Pp. 433-460.
3. Newell A., Shaw J. C., Simon H. A. Report on a general problem-solving program // Proceedings of the International Conference on Information Processing. – USA, 1959. – Pp. 256-264.
4. Маслов, С. Ю. Обратный метод установления выводимости в классическом исчислении предикатов // ДАН СССР. – 1964. – Т. 159, № 1. – С. 17-20.
5. Турчин В. Ф. Алгоритмический язык рекурсивных функций (Рефал). – М.: Издательство ИПМ АН СССР, 1968.
6. Китов А. И. Электронные цифровые машины. – М.: Советское радио, 1956. – 358 с.
7. Китов А. И. Электронные цифровые машины (на китайском языке). – Пекин, 1958. – 261 с.
8. Энтины М. Л., Энтина Е. Г., Тнэлм Н. И. Гл. 3-1. Вызов фундаментальным ценностям человеческой цивилизации со стороны систем искусственного интеллекта // В поисках партнерских отношений – X: Россия и Европейский союз в 2020 – первой половине 2021 годов: Научная монография. – М.: Галактика, Издательский дом «Зебра Е», 2021. – С. 255.

1 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. №203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

2 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество: постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. №313 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2159.

3 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

4 Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

5 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на поддержку некоммерческой организацией Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий пилотных проектов апробации технологий искусственного интеллекта в приоритетных отраслях». Постановление Правительства РФ от 21 мая 2021 г. № 767. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/400797482/> (дата обращения: 17.01.2025).

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования лицензирования медицинской деятельности в сфере пластической хирургии. Проведен анализ лицензионных требований к соискателю для получения лицензии. Отмечено, что сотрудники Росздравнадзора могут проводить проверки соответствия деятельности клиники лицензионным требованиям. Сделан вывод, что в России нет единой системы лицензионных требований. Сделаны предложения нормативно закрепить по конкретным видам медицинской деятельности обязательные требования к соискателям лицензий, клиникам по каждому виду работ (услуг), образующих медицинскую деятельность, а также опубликовать официальные разъяснения Росздравнадзора относительно понятий и подходов к организации и осуществлению медицинскими клиниками внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности (далее - ВККБМД).

Ключевые слова: лицензия, лицензирование, клиника пластической хирургии, пластический хирург, требования, медицинская деятельность.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

THE LEGAL BASIS FOR LICENSING MEDICAL ACTIVITIES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

The article discusses the features of the legal regulation of licensing medical activities in the field of plastic surgery. The analysis of the licensing requirements for the applicant to obtain a license is carried out. It is noted that Roszdravnadzor employees can check the compliance of the clinic's activities with licensing requirements. It is concluded that there is no unified system of licensing requirements in Russia. Proposals have been made to normalize mandatory requirements for license applicants and clinics for each type of work (services) forming a medical activity for specific types of medical activities, as well as to publish official explanations from Roszdravnadzor regarding the concepts and approaches to the organization and implementation by medical clinics of the VKKBMD.

Keywords: license, licensing, medical clinic, requirements, medical activity.

Пластическая хирургия включает реконструктивную и эстетическую хирургию.

Реконструктивная хирургия проводится для лечения частей тела, которые были функционально и/или эстетически затронуты такими проблемами, как врожденные дефекты, травмы и проблемы физического развития.

Эстетическая хирургия направлена на создание или восстановление гармоничного внешнего вида человека. Эстетическая хирургия включает отопластику, липосакцию, подтяжку лица, уменьшение/увеличение груди и блефаропластику. Реалистичные цели операции должны быть согласованы со специалистом для достижения индивидуально оптимального результата. Только так можно обеспечить удовлетворенность пациента.

Важно отметить, что как косметические хирурги, так и реконструктивные хирурги стремятся улучшить внешний вид нежелательных характеристик нормальных структур организма.

Можно выделить четыре наиболее часто выполняемых процедур пластической хирургии:

1. Изменение формы носа (ринопластика) направлена на улучшение внешнего вида и пропорций носа путем изменения его формы, размера и/или симметрии.

2. Пластика век улучшает внешний вид, а иногда и функцию старения или провисания верхних и/или нижних век.

3. Подтяжка лица (ритидэктомия) проводится для омоложения лица и шеи путем минимизации и улучшения видимых признаков старения дряблой кожи, складок, избытка жира.

4. Липосакция используется для физического удаления лишнего жира из целевых областей тела.

Медицинская деятельность направлена на поддержание здоровья или излечение, в том числе предоставление медицинских услуг, т.е. услуг, которые необходимы для пациента, включая госпитализацию, лечение, процедуры, анализы, об-

следования или другие сопутствующие услуги для обследования или лечения.

Согласно п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», для организаций, осуществляющих медицинскую деятельность, обязательным является получение лицензии. Процесс лицензирования направлен на защиту населения от вреда, причиняемого некомпетентными медицинскими работниками.

Разрешительная деятельность органов публичной власти осуществляется в ходе практического воплощения лицензирования предпринимательской деятельности, в том числе и в сфере здравоохранения [5, с. 223].

Лицензирование можно определить как процесс авторизации или подтверждения подлинности права медицинской клиники заниматься медицинской практикой, его мониторинга (регулирования) и возобновления или продления срока действия¹. Посредством лицензирования государство гарантирует, что все специалисты медицинских клиник имеют соответствующее образование и подготовку, а также что они соблюдают принятые профессиональные стандарты при обслуживании своих пациентов.

Лицензирование выступает важным требованием к медицинской деятельности, а лицензионный контроль есть одно из направлений контроля экономической деятельности [1]. Данная процедура имеет ряд нюансов в требованиях, которые нужно в обязательном порядке учитывать при подаче документов. Наличие строгих требований способствует минимизации рисков выдачи разрешений клиникам, оказывающим некачественные медицинские услуги.

1 Eszter Kovacs. Licensing procedures and registration of medical doctors in the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4952532/> (дата обращения: 15.04.2024).

Вопросы вызывает отнесение косметологии непосредственно к медицинским услугам. Косметология формально направлена не на лечение (профилактику) заболеваний, а на коррекцию внешности человека, но включает медицинские манипуляции для достижения этой цели, а удовлетворение (либо неудовлетворение) пациентом своим внешним видом, безусловно, влияет и на его душевное здоровье. Кроме того, в Приказе Минздрава РФ от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» косметология указана как медицинская услуга.

Соответственно, для оказания косметических услуг также требуется лицензия.

Лицензия выдается Росздравнадзором (его территориальными органами), на неопределенный срок. Для ее получения медицинская клиника должна соответствовать обязательным требованиям, которые включают:

- наличие зданий (помещений), отвечающим санитарным требованиям, и необходимых медицинских изделий, оборудования;
- квалификацию работников клиники;
- размещение в единой информационной системе сведений о клинике.

Подробные описания нормативов зафиксированы Приказом Минздрава РФ от 31 мая 2018 № 298н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» и Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 24 декабря 2020 г. № 44 «Об утверждении санитарных правил СП 2.1.3678-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг».

В Постановлении Правительства РФ от 1 июня 2021 года № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», уточнены требования к соискателю на получение лицензии. Так, к ним относятся наличие зданий (помещений), находящихся в собственности (аренде) заявителя, отвечающих санитарным правилам, медицинских изделий, необходимых для выполнения пластических операций. От соискателя лицензии требуется оформить трудовые договоры с лицами, имеющими соответствующее образование, сертификат (аккредитацию) специалиста.

Лицензия для осуществления пластических операций должна дополнительно содержать такие виды деятельности, как клиническая лабораторная диагностика, рентгенология, трансфузиология, анестезиология и реаниматология.

Проверка документов осуществляется в срок до 15 рабочих дней, в течение которого уполномоченному органу необходимо принять решение о выдаче (невыдаче) лицензии. Положительным результатом процедуры лицензирования является получение лицензии, свидетельствующей, что клиника соответствует предъявляемым к ней требованиям и имеет возможность для ведения медицинской деятельности.

При осуществлении своей деятельности клиника должна удовлетворять указанным выше требованиям, а также: соблюдать порядки оказания медицинской помощи, требования к проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, пластические хирурги должны повышать квалификацию специалистов не реже 1 раза в 5 лет.

Для выполнения требований порядков оказания медицинской помощи пластические хирурги должны обладать обширными знаниями анатомии человека и использовать различные хирургические техники для достижения целей своих пациентов. Также пластическим хирургам надлежит использовать новейшие хирургические технологии и методы для обеспечения безопасных, эффективных и естественно выглядящих результатов.

Хирурги клиники должны соответствовать стандартам компетентности и обязаны проявлять осторожность при выполнении хирургической процедуры. Следовательно, хирург должен обладать необходимым уровнем квалификации и опыта для успешного проведения операции.

Сотрудники Росздравнадзора могут проводить проверки (выездные, документарные, наблюдение за соблюдением обязательных требований) соответствия деятельности клиники указанным лицензионным требованиям. К наиболее часто выявляемым ими нарушениям относятся: отсутствие (несоблюдение) ВККБМД, врачебной комиссии, непроведение регистрации медицинских изделий, отсутствие сертификатов специалистов.

Ввиду отсутствия в России единой системы лицензионных требований, следует нормативно закрепить обязательные требования к заявителям, клиникам по каждому виду деятельности, в том числе требования к зданиям, помещениям, медицинским изделиям.

В связи с отсутствием официальных разъяснений по организации и осуществлению ВККБМД, документация о ней, действующая в клинике, оценивается и толкуется должностным лицом Росздравнадзора субъективно, исходя из его опыта, квалификации и отношения к проверяемой организации, что не исключает возможные злоупотребления и коррупционное поведение.

В связи с этим, на взгляд автора, целесообразно разработать официальные разъяснения Росздравнадзора относительно понятий и подходов организации и осуществлению медицинскими клиниками ВККБМД.

Условием проведения ВККБМД выступает работа врачебной комиссии клиники. Это требование касается и практикующих врачей [8]. При этом практикующему врачу – пластическому хирургу организовать работу врачебной комиссии довольно проблематично. Для этого руководством клиники пластической хирургии в качестве членов врачебной комиссии привлекается медицинский персонал из числа работников клиники.

Автор считает, что при проведении проверок соблюдения лицензионных требований, следует установить взвешенный баланс между предусмотренными законом правами медицинских клиник и правом граждан на доступную и качественную медицинскую помощь.

Пристатейный библиографический список

1. Ершова И. В. Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности: правовые нормы, доктрина, судебная практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2015. - № 1. - С. 128-141.
2. Жукова Н. А., Воробьева В. И. Проблемы правового регулирования лицензирования медицинской деятельности // Научный альманах. - 2020. - № 1-2 (63).
3. Идрисов Х. В. Лицензирование в сфере предоставления медицинских услуг и осуществления фармацевтической деятельности в России: нормативное регулирование, правоприменение и юридическая ответственность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2021. - № 2 (139).
4. Мограбян А. С. Актуальные проблемы в сфере оказания косметологических услуг: частноправовой аспект // Lex Russica. - 2018. - № 10 (143).
5. Николаев Д. С. Актуальные вопросы правового регулирования лицензионных требований в сфере медицинской деятельности // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Т. 12, № 3А.
6. Расаева Х. А. Правовые аспекты лицензирования деятельности медицинских организаций // Вопросы современной юриспруденции. - 2013. - № 28.
7. Романовский Г. Б. Право на осуществление медицинской деятельности // Главный врач. - 2018. - № 11.
8. Старчиков М. Ю. Юридическая регламентация лицензирования медицинской деятельности: проблемные вопросы правоприменения и судебная практика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

АСТАХОВ Павел Олегович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СПОРОВ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРОЙ АКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СУДОВ АНГЛИИ

В статье рассматриваются новейшие подходы судебной практики Англии (отдельные решения судов 2023-2024 гг.) к вопросам регулирования цифровых споров, в частности проблемы рассмотрения таких споров в арбитраже в свете защиты прав потребителей, фидуциарные обязательства разработчиков криптовалюты по отношению к ее владельцам, степень правового контроля криптобиржи над размещенными на ней криптоактивами, правовая природа криптоактива, гражданско-правовые механизмы возмещения убытков в связи с утратой криптоактивов. Актуальность статьи обусловлена динамичным развитием рынка цифровых активов и необходимостью поиска правовых методов его регулирования, с учетом того, что в настоящее время английская юрисдикция является одной из наиболее прогрессивных в мире по данной проблематике.

Ключевые слова: цифровые споры, Апелляционный суд Англии и Уэльса, Высокий суд Англии и Уэльса, цифровой актив (криптоактив), биткоин, Tether (USDT), токен, криптобиржа, фидуциарные обязательства, (цифровой) кошелек, арбитраж, JAMS, права потребителей.

ASTAKHOV Pavel Olegovich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Астахов П. О.

PROBLEMS OF DIGITAL DISPUTE RESOLUTION AT THE EXAMPLE OF SOME RECENT CASE LAW OF COURTS OF ENGLAND

The article considers the latest approaches of the English courts (selected court decisions of 2023 and 2024) to the regulation of digital disputes, in particular, the problems of arbitration of such disputes in the light of consumer protection, fiduciary obligations of cryptocurrency developers in relation to its owners, the degree of legal control of a cryptocurrency exchange over the cryptoassets placed on it, the legal nature of a cryptoasset, civil law mechanisms of compensation for losses in connection with the loss of cryptoassets. The relevance of the article is due to the dynamic development of the digital asset market and the need to search for legal methods of its regulation, taking into account the fact that currently the English jurisdiction is one of the most progressive in the world on this issue.

Keywords: digital disputes, Court of Appeal (England and Wales), High Court (England and Wales), digital asset (cryptoasset), bitcoin, Tether (USDT), token, crypto exchange, fiduciary duties, (digital) wallet, arbitration, JAMS, consumer rights.

В последние годы правительство и юридическое сообщество Великобритании прилагают усилия для того, чтобы сделать свое государство одним из мировых центров цифровизации и, как следствие, разрешения цифровых споров.

В октябре 2018 г. Целевая группа по криптоактивам Великобритании [1], в которую входят Управление по финансовому регулированию и надзору (FCA), Казначейство и Банк Англии, опубликовала так называемый «финальный отчет», в котором были подробно описаны основные понятия и виды криптоактивов и технологии распределенного реестра, особенности их регулирования, их влияние на сферу финансовых услуг, некоторые риски и перспективы развития цифрового сектора экономики¹. В ноябре 2019 г. Целевая группа по юрисдикции Великобритании опубликовала «Юридическое заявление о криптоактивах и смарт-контрактах»², в котором были рассмотрены вопросы правового регулирования цифровой реальности, в частности такие аспекты как владение криптоактивами, их передача, обеспечительные сделки, бан-

кротство, смарт-контракты и др. В последующие годы были подготовлены еще ряд важных документов, прежде всего, со стороны Правовой комиссии Англии и Уэльса, в частности «Цифровые активы: консультационный обзор» от 22 июля 2022 г.³

В результате, 12 сентября 2024 г. был официально опубликован проект закона «О собственности (цифровые активы и проч.)»⁴, вступление, в силу которого ожидается в 2025 г. и который, является ключевым событием в законодательстве Англии о цифровых активах. Данный законопроект содержит правовые новеллы, связанные со сформировавшейся в последнее время судебной практикой цифровых споров.

Настоящая статья посвящена анализу решений английских судов в 2023-2024 гг., которые вносят существенный вклад в регулирование оборота цифровых активов и разрешение споров по поводу владения такими активами и их передачи. Однако следует оговориться, что выбор судебных дел для анализа в настоящей статье не носит исчерпывающий характер,

1 Целевая группа по криптоактивам: финальный отчет (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752070/cryptoassets_taskforce_final_report_final_web.pdf (дата обращения: 28.01.2025).

2 Юридическое заявление о криптоактивах и смарт-контрактах (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://technation.io/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_JO_Cryptocurrencies_Statement_FINAL_WEB_111119-1.pdf (дата обращения: 28.01.2025).

3 Цифровые активы: консультационный обзор (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/cloud-platform-e218f50a4812967ba1215eacede923f/uploads/sites/30/2022/07/Digital-Assets-Consultation-Paper-Law-Commission-1.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

4 Проект Закона Англии «О собственности (цифровые активы и проч.)» (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/property-digital-assets-etc-bill> (дата обращения: 28.01.2025).

а является попыткой ознакомить отечественного читателя только с частью из всего массива судебной практики.

Прежде всего, следует обратиться к разрешенному в начале 2023 г. Апелляционным судом Англии делу Tulip Trading Ltd v van der Laan⁵. Апелляционный суд Англии отменил решение нижестоящего суда, признав впервые в истории английской судебной практики, что разработчики сетей биткоинов могут нести фидуциарные обязанности перед владельцами биткоинов.

Компания Tulip Trading заявляла в суде, что доступ к ее биткоином стоимостью около 4 млрд. \$ был утрачен после взлома ее информационных систем, в ходе которого были удалены ключи, необходимые для контроля над биткоинами. Tulip Trading просила суд признать, что разработчики биткоина имеют в отношении Tulip Trading фидуциарные обязательства, в силу которых они обязаны восстановить контроль Tulip Trading над утраченными биткоинами, а также возместить убытки за нарушение фидуциарных обязательств⁶.

Поскольку ответчики-разработчики находились не в Великобритании, изначально было разрешено вручение иска за ее пределами. Однако суд первой инстанции пересмотрел разрешение на вручение иска иностранным ответчикам, установив, что Tulip Trading не представила свидетельств наличия у нее обоснованных требований к иностранным ответчикам, поэтому отменил разрешение.

Tulip Trading подала апелляционную жалобу. Разработчики просили оставить решение суда первой инстанции в силе, отрицая, что у них есть какие-либо фидуциарные обязательства перед владельцами биткоинов. Они утверждали, что требование Tulip Trading противоречит природе системы использования биткоинов, которая, по их словам, работает по децентрализованной модели без организации и с перемещением группой участников, которые могут вносить изменения в разработку системы. Разработчики также утверждали, что любое потенциальное решение в любом случае будет неэффективным, поскольку майнеры откажутся его выполнять, и это может привести к появлению новых дополнительных сетей, а не к решению проблемы, а также потенциально повредит репутации разработчиков⁷.

Рассматривая дело в апелляционном порядке, судья Бирсс указал, что основным признаком фидуциарного обязательства является возможность действовать в интересах другого лица определенным способом, а также наличие доверительных отношений⁸. Принимая во внимания факты дела, нельзя исключить, что разработчики имели фидуциарную роль по отношению к владельцам биткоинов. Контроль доступа к исходному коду, принятие решений от имени участников сети, включая владельцев биткоинов, предполагает способность принимать решения по своему усмотрению, что является признаком фидуциарных отношений⁹.

Апелляционный суд посчитал, что «можно представить, что соответствующие лица - когда они выступают в роли разработчиков - должны быть признаны обязанными по закону перед владельцами биткоинов не ставить под угрозу безопасность владельцев таким образом. Это будет обязанность, которая предполагает отказ от собственных интересов разработчика. Она вытекает из их роли разработчиков и показывает, что эта роль включает в себя действия от имени владельцев биткоинов для поддержания программного обеспечения биткоинов. Она также по своей природе сосредоточена на едином интересе, по крайней мере, в том смысле, что ставит интересы всех владельцев как класса выше собственных интересов разработчика. Это, я бы сказал, скорее фидуциарный долг»¹⁰.

Таким образом, апелляционная жалоба была удовлетворена. Дело должно быть рассмотрено в суде первой инстанции по существу.

В другом деле 2023 г. – Piroozzadeh v Persons Unknown¹¹ – Высокий суд Англии рассмотрел вопрос о возможности принятия срочной обеспечительной меры в виде «заморозки» определенного количества криптовалюты (а именно, 870,818 шт. криптовалюты «Tether», известной также как «USDT») на бирже в обеспечение иска о ее возврате как незаконно присвоенной.

В 2021 г. г-н Пируззаде, будучи введенным в заблуждение мошенниками, перевел им 870,818 шт. криптовалюты Tether (USDT) (стоимостью около 2 млн. канадских \$). Впоследствии он подал заявление в Высокий суд о принятии упомянутой обеспечительной меры в отношении ряда лиц, включая криптобиржу Binance. Изначально заявление было удовлетворено судом на временной основе, и было назначено слушание по вопросу о ее утверждении либо отмене.

Криптобиржа Binance доказывала в суде, что обеспечительный судебный запрет против нее должен быть снят на основании того, что она функционирует как банк: цифровые активы, размещенные на ней, не сегрегированы, и вкладчик имеет только договорные требования к бирже, но не какие-либо имущественные права на сами криптоактивы¹². Иными словами, по мнению Binance, Tether, как и другие криптоактивы, поступают в «горячий кошелек», где они смешиваются с другими активами и обращаются как часть всех активов Binance. Отделение криптовалюты, принадлежащего одному владельцу, от криптовалюты другого владельца невозможно.

В свою очередь, г-н Пируззаде заявлял довод о том, что биржа Binance, получив незаконно переведенную валюту на свой «горячий кошелек», должна рассматриваться в качестве «доверительного управляющего» (trustee) в его интересах¹³.

Заслушав позиции сторон, суд встал на сторону Binance и отменил обеспечительную меру. Высокий суд посчитал, что истец нарушил свою процессуальную обязанность по полному и честному раскрытию всей необходимой информации перед судом, в частности сведений о том, что активы, поступающие на биржу, перемешиваются и поэтому биржа может считаться добросовестным приобретателем¹⁴.

Следующее дело, которое необходимо рассмотреть, — это дело Payward Inc v Chechetkin¹⁵. По итогам его рассмотрения судья отказал в признании и принудительном исполнении арбитражного решения по сообщением публичного порядка. Данное решение было вынесено в пользу г-на Четкина, гражданина Великобритании, который понес значительные убытки (около 600 тыс. фунтов стерлингов), торгуя на криптовалютной платформе.

В 2020 году г-н Четкин приобрел активы на криптовалютной платформе, управляемой британской компанией Payward. Условия торговли на платформе предусматривали, что любые споры должны разрешаться посредством арбитража по правилам судебной службы арбитража и посредничества (JAMS) [5, p. 699], место арбитража – Сан-Франциско, Калифорния.

Payward инициировала арбитраж по правилам JAMS, который 18 октября 2022 г. принял декларативное решение о том, что Payward не обязана возмещать убытки г-ну Четкину, потому что он «участвовал в рискованной маржинальной торговле, принял на себя риск и вызвал потерю средств на своем счете»¹⁶.

Возражая против признания решения арбитража JAMS в Высоком Суде, г-н Четкин утверждал, что оно противоречит публичному порядку Великобритании, а именно Закону о финансовых услугах и рынках 2000 г. (FSMA), поскольку его договор с Payward нарушает запрет ст. 19 FSMA, является неисполнимым, и г-н Четкин имеет право на возврат финан-

5 Решение Апелляционного Суда Англии и Уэльса по делу Tulip Trading Ltd v van der Laan & Ors от 3 февраля 2023 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2023/83.html> (дата обращения: 28.01.2025).

6 Там же, пункты 1-2 решения Апелляционного суда.

7 Там же, пункт 33 решения Апелляционного суда.

8 Там же, пункт 70 решения Апелляционного суда.

9 Там же, пункт 74 решения Апелляционного суда.

10 Там же, пункт 76 решения Апелляционного суда.

11 Решение Высокого суда Англии и Уэльса (Канцлерское отделение) по делу Piroozzadeh v Persons Unknown Category A & Ors от 2 марта 2023 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://knyvet.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2023/1024.html> (дата обращения: 28.01.2025).

12 Там же, пункт 8 решения Высокого суда.

13 Там же, пункты 23-24 решения Высокого суда.

14 Там же, пункты 27-30 решения Высокого суда.

15 Решение Высокого Суда Англии и Уэльса (Канцлерское отделение) по делу Payward Inc & Ors v Chechetkin от 14 июля 2023 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2023/1780.html> (дата обращения: 28.01.2025).

16 Там же, пункт 62 решения Высокого суда.

совых средств как потребитель по Закону о правах потребителей 2015 г. (CRA).

Высокий суд согласился с доводами г-на Четкеткина. Суд посчитал, что ст. 62 Закона о правах потребителей, предусматривающая, что «несправедливое условие потребительского договора не является обязательным для потребителя», должна рассматриваться как «выражение публичного порядка Великобритании»¹⁷. Суд пришел к выводу, что признание решения арбитража в данном случае нарушит публичный порядок Великобритании, поскольку условие об арбитраже в Калифорнии, по мнению суда, является несправедливым: «Я не думаю, что такой разумный потребитель согласился бы на арбитраж в Калифорнии, по правилам JAMS и в соответствии с Федеральным законом об арбитраже [США]»¹⁸. Суд сослался на то, что условие об арбитраже в Калифорнии создало для г-на Четкеткина как потребителя ряд серьезных неудобств, включая географическую удаленность Калифорнии, необходимость нанимать иностранных (американских) юристов (что вызвало существенные расходы и «огромный стресс»), а также отсутствие опыта по английскому праву у американского арбитра¹⁹.

Кроме того, Высокий суд посчитал, что признание решения арбитража JAMS будет противоречить публичному порядку еще и потому, что делает невозможным рассмотрение поданного г-ном Четкеткиным в английский суд иска к Rayward о незаконности и неисполнимости договора по ст. 19 Закона о финансовых услугах и рынках, где у г-на Четкеткина есть обоснованное требование «как минимум prima facie»²⁰.

В рассмотренном выше деле суд сослался на решение Апелляционного суда по некоторой степени схожему делу *Soleymani v. Nifty Gateway LLC*, разрешенному в конце 2022 г.²¹ В том деле г-н Солеймани, истец, участвовал в аукционе по продаже токенов (NFT) на платформе ответчика. Истец отказался внести оплату, и ответчик обратился в арбитраж JAMS. Параллельно в английском суде истец требовал признать, что юрисдикционное соглашение о применимом праве Нью-Йорка и арбитражная оговорка JAMS не имеют юридической силы как нарушающие права потребителя, а также Закон об азартных играх 2005 г. Апелляционный суд посчитал себя не связанным арбитражной оговоркой и указал, что «необходимо провести полное судебное разбирательство по вопросу о том, является ли арбитражное соглашение недействительным (и т.д.) в свете требований истца по применимому праву и Закону об азартных играх»²².

Следующее дело Высокого суда Англии – *D'Aloia v Persons Unknown*²³ – является первым делом, в котором английский суд по итогам полного судебного разбирательства квалифицировал криптоактивы как имущество.

Истец, г-н Д'Алоя, утверждал, что в результате мошеннической схемы он утратил активы в виде криптовалюты Tether (USDT). Перед судьей стоял вопрос о том, имеет ли право г-н Д'Алоя вернуть объем утраченной криптовалюты из кошелька лица, в котором валюта Tether (USDT) оказалась размещенной после серии операций с ней (так называемый «кошелек номер 82е6» ответчика Bitcub Online Co Ltd).

Для этого судье необходимо было, во-первых, ответить на вопрос, является ли криптовалюта имуществом. Судья сослался на критерии имущества, описанные в деле *National and Provincial Bank v Ainsworth* [1965], согласно которому право, для того чтобы считаться имуществом, должно отвечать следующим требованиям: поддаваться определению, идентифицироваться третьими лицами, по своей природе иметь возможность быть принятым третьими лицами и обладать

некоторой степенью постоянства²⁴. Высокий суд пришел к выводу, что криптоактив Tether является имуществом²⁵.

Во-вторых, Высокий суд рассмотрел вопрос о том, возможна ли идентификация утраченного истцом имущества за счет имущества, поступившего в кошелек другого лица после серии операций с ним. Суд посчитал невозможным доказать, что в кошелек номер 82е6 поступили именно те активы, которые были утрачены г-ном Д'Алоей. Суд указал, что «г-н Д'Алоя не смог доказать на основе баланса вероятностей, что какие-либо из его USDT когда-либо поступали в кошелек 82е6. При таких обстоятельствах у г-на Д'Алоя нет прав требования к Bitcub, поскольку она ничего от него не получала. Она не держит средства в доверительном управлении; между Bitcub и г-ном Д'Алоя нет сделки с нормативным пороком, которую можно отменить»²⁶.

Еще одним интересным делом в правоприменительной практике является дело *Crypto Open Patent Alliance v Wright*²⁷, в решении по которому суд признал, что доктор Крейт Райт не является человеком, известным под псевдонимом создателя биткойна Сатоси Накамото.

Иск был подан компанией Crypto Open Patent Alliance (COPA) среди многочисленных претензий, выдвинутых доктором Райтом.

Установив, что доктор Райт не является Сатоси Накамото, суд постановил, что доктор Райт не был автором Белой книги биткойна в 2008 году и не разрабатывал ни систему биткойн, ни начальные версии программного обеспечения биткойна (то есть не писал исходный код, лежащий в основе криптовалюты)²⁸. Кроме того, судья обнаружил 47 случаев подлога в деле²⁹. Таким образом, доктор Райт не мог иметь прав на интеллектуальную собственность, на которую он претендовал.

В качестве вывода по итогам проведенного исследования данной темы и анализа английской судебной практики по делам о разрешении цифровых споров следует отметить, что данные решения судов будут иметь огромное значение не только для правоотношений по поводу криптоактивов в Англии, но также и для международного бизнеса, юридического сообщества и в качестве отправной точки для развития законодательства и правовой практики России [2, с. 60] и других стран.

Пристатейный библиографический список

17 Там же, пункты 114 и 117 решения Высокого суда.

18 Там же, пункты 138 решения Высокого суда.

19 Там же, пункты 143-145 решения Высокого суда.

20 Там же, пункты 153-155 решения Высокого суда.

21 Решение Апелляционного Суда Англии и Уэльса по делу *Soleymani v. Nifty Gateway LLC* [2023] 1 WLR 436 s от 6 октября 2022 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2022/1297.html> (дата обращения: 28.01.2025).

22 Там же, пункты 151-154 решения Апелляционного суда.

23 Решение Высокого Суда Англии и Уэльса (Канцлерское отделение) по делу *D'Aloia v Persons Unknown* [2024] EWHC 2342 (Ch) от 12 сентября 2024 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2024/2342.html> (дата обращения: 28.01.2025).

24 Там же, пункт 109 решения Высокого суда.

25 Там же, пункт 154 решения Высокого суда.

26 Там же, пункт 154 решения Высокого суда 382.

27 Решение Высокого суда Англии и Уэльса (Канцлерское отделение) по делу *Crypto Open Patent Alliance v Wright* [2024] EWHC 1198 (Ch) от 20 мая 2024 г. (на англ. языке). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2024/1198.html> (дата обращения: 28.01.2025).

28 Там же, пункт 7 решения Высокого Суда.

29 Там же, пункт 921 решения Высокого суда.

БАСКИН Даниил Юрьевич

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье представлена сравнительная характеристика объектов гражданских правоотношений разных стран (России, Японии, Германии и Франции) и расширенная классификация объектов гражданского права, которая заключается в их делении на отдельные группы по различным признакам. Кроме того, были рассмотрены самые обсуждаемые гражданские иски в мировой практике. В результате исследования законодательства ранее указанных стран были выяснены следующие черты: в Японии как особый объект гражданских правоотношений выделяется пищевая продукция; в Германии отдельная категория представлена расходными материалами; во Франции в разделе недвижимого имущества выделяются крупные объекты; в России же к недвижимому имуществу относятся условно движимые объекты, например, воздушные суда. Примечательно, что разделение объектов гражданского права на движимое и недвижимое имущества является наиболее универсальным в различных системах права и при этом достаточно неоднозначным по внутреннему содержанию. На примере трех кейсов из разных стран рассмотрена практика правового регулирования гражданских взаимоотношений. В ходе этих судебных разбирательств, независимо от того, были ли вынесены решения в пользу стороны истца или стороны ответчика, описаны те изменения, что были внесены в рабочий процесс.

Ключевые слова: гражданское право, объект права, классификация объектов гражданского права.

BASKIN Daniil Yurjevich

postgraduate student, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: THEORY AND PRACTICE OF LEGAL REGULATION

The article presents a comparative description of the objects of civil law relations in different countries (Russia, Japan, Germany and France) and an expanded classification of objects of civil law, which consists in their division into separate groups according to various criteria. In addition, the most discussed civil lawsuits in the world practice were considered. As a result of the study of the legislation of the previously mentioned countries, the following features were clarified: in Japan, food products are singled out as a special object of civil law relations; in Germany, a separate category is represented by consumables; in France, large objects are allocated in the immovable property section; in Russia, conditionally movable objects, such as aircraft, are classified as immovable property. It is noteworthy that the division of objects of civil law into movable and immovable property is the most universal in various legal systems and at the same time rather ambiguous in terms of internal content. Using the example of three cases from different countries, the practice of legal regulation of civil relations is considered. During these trials, regardless of whether decisions were made in favor of the plaintiff's side or the defendant's side, the changes that were made to the workflow are described.

Keywords: civil law, object of law, classification of objects of civil law.

Гражданское право, как термин, может относиться к двум разным понятиям. В первом случае оно представлено правовой системой, сформированной из определенных письменных правил и принципов, взятых из древнеримского права. В другом – представляет отрасль права, применение которой способствует решению споров между отдельными субъектами (частными лицами или организациями).

В общепринятой терминологии гражданское право представляет собой сформированную из правовых норм правовую систему, которая направлена на регулирование взаимодействий между физическими и юридическими лицами по вопросам, не носящим уголовный, военный и религиозный характер. На данный момент, является одной из самых распространенных из существующих правовых систем, которая насчитывает большое количество разнообразных вариаций, что обусловлено особенностями судостроительства различных стран [1].

Как и любая самостоятельная система, гражданское право имеет определенный перечень объектов, то есть список отдельных видов материальных и нематериальных благ (или ценностей), по поводу которых возникают гражданские правоотношения.

Согласно Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ), к ним относятся:

– вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права);

– результаты работ и оказание услуг;

– охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);

– нематериальные блага [2, с. 128].

Но, как было указано выше, судостроительство разных стран имеет свои особенности. Например, в Японии, согласно гражданскому кодексу, который действует с 1896 года, объекты гражданского права объединены в следующие группы:

– движимое и недвижимое имущество (недвижимые – земля и любые сооружения на ней; движимые – вещи, отличные от недвижимого имущества);

– основные вещи и принадлежности (в данном случае в кодексе даются указания по отнесению имущества именно к этой группе: «если владелец первой вещи присоединил к ней вторую вещь, принадлежащую ему, для обычного использования первой вещи, то вещь, которую владелец присоединяет, является принадлежностью». В случае отчуждения основной вещи, принадлежность отчуждается вместе с ней);

– натуральные фрукты и плодоовощная продукция (к данной группе относятся не только продукты, но и деньги (или другие вещи), полученные с их реализации);

– права собственности (на приобретенные или собственные вещи) [3, с. 85-89].

В Германии же, объектами гражданского права признаются, в большинстве случаев, только те материальные ценности, которые имеют вещественную форму. Исходя из гражданского кодекса, к ним относятся:

– животные (для данной группы предусмотрены отдельные законы);

– взаимозаменяемые вещи (движимые вещи, которые обозначаются количеством, мерой и весом);

– расходные материалы (данная группировка включает вещи, которые являются частью складского помещения (например, используются на предприятии) или их целевое использование заключается в их полном потреблении);

– составляющие (части) одной вещи (к данной группировке относятся вещи, которые не могут быть разделены без уничтожения или изменения основных характеристик);

– здания и земельные участки (а также имущество, которое прочно прикреплено к земле, является результатом использования земли (например, овощи и фрукты), семена и растения). Исключением являются вещи временного пребывания (например, продукция, выращенная не на собственном участке или вещи, которые находятся в здании только на определенный срок);

– права на земельные участки;

– аксессуары (в том случае, если не являются частью основной вещи и не входит в группу временного использования);

– коммерческий и сельскохозяйственный инвентарь (в случае, если предназначен для экономических целей – реализации, использования для производства продукции на продажу и т.д.). Данная группировка делится на две основные группы: инвентарь здания (мельницы, кузницы, оборудование и т.д.) и инвентарь фермы (скот и удобрения);

– продукция. Делится на три основные группы: продукция, полученная с другой вещи или материала (например, урожай); продукция, полученная с прав пользования и владения (доходы с использования вещи); доходы [4, с. 90-99].

Во Франции, все объекты гражданского права разделены исключительно на две основные группы: недвижимые объекты и движимые.

Согласно гражданскому кодексу, к недвижимому имуществу относятся: земельные участки и здания; ветряные и водяные мельницы; урожай (при условии, что он еще не собран, в ином случае – считается движимым); срубы древесины; животные и скот; трубы, используемые для водопровода; объекты и материалы, которые используются на фермах (ульи, семена, котлы, посуда, солома, удобрения, хозяйственная утварь).

В кодексе также содержатся особые требования к определению крупного недвижимого имущества. Например:

– здание является недвижимым, только в том случае, если стены запечатаны гипсом, известью или цементом и не могут быть отделены от него без разрушений и повреждений;

– окна и стекла – если пол, возле которого расположена стена, является паркетным и содержит деревянные панели (то же самое касается картин и других украшений);

– статуи – если находятся в специальной нише или ограждены стеклом.

К движимому относятся:

– облигации и акции, предметом которых являются подлежащие выплате суммы или активы и доли в компаниях (финансовых, промышленных, торговых). Стоит также отметить, что бессрочная или пожизненная рента, выплачиваемая государству, так же является движимым имуществом;

– лодки, паромы, корабли, мельницы на воде и прочий транспорт, и оборудование, функционирующие исключительно на водных ресурсах;

– материалы, полученные в ходе сноса здания, а также материалы, собранные для строительства нового здания (являются движимыми объектами до начала их использования и переработки);

– мебель, предназначенная для использования и украшения квартир и иных жилых помещений;

– доходы и денежные средства;

– иные ценные бумаги и права на пользование [5].

Таким образом, определение объектов гражданского права в разных странах имеет большое количество вариаций. Однако существует общая и довольно распространенная классификация, которая позволяет минимизировать данные несоответствия.

Так, объекты гражданских правоотношений могут быть разделены по принципу:

– оборачиваемости – оборачиваемыми объектами являются те, которые могут быть переданы от одного владельца к другому в порядке, установленном законодательно; ограниченными в обороте являются объекты, которые подвержены влиянию законно ограничивающих факторов (например, для осуществления передачи необходимо иметь специальное судебное разрешение).

Ограничения в обороте связаны, в первую очередь, с видом передаваемого и распространяемого имущества. Например, государственная и муниципальная собственность, архивные материалы, запрещенные тексты и мультимедийные материалы, химические вещества.

Для объектов в виде результатов интеллектуальной деятельности предусмотрены особые правила, которые зависят от их вида (например, товарные знаки или патенты).

– движимости – недвижимое имущество характеризуется отсутствием возможности его перемещения с одного места на другое без повреждения (например, земельные участки, здания и сооружения); движимое, наоборот, обладает такой способностью (автомобили и другие транспортные средства).

В судебной документации разных стран можно встретить свои особенности деления объектов по данному принципу, – например, самолеты, речные и морские суда, корабли и другой вид транспорта, несмотря на наличие преимущественно движимых характеристик, могут быть отнесены к недвижимости.

– делимости – неделимыми объектами являются те, которые нельзя разделить на части или доли без нарушения их функциональности и дальнейшей пригодности (например, недвижимое имущество); объекты, которые не соответствуют этому правилу являются делимыми.

Существует также исключительная категория, которая относится к неделимым объектам – единый комплекс недвижимости. Под ним подразумевается комплекс недвижимого имущества (зданий, сооружений, крупных элементов инфраструктуры), технологически объединенное и имеющее общее назначение, который имеет государственную регистрацию и документ, подтверждающий, что данный комплекс является единым комплексом недвижимости.

– соединения – вещи (объекты), которые соединены между собой и используются по общему назначению, являются сложными (например, комплект мебели гарнитура); простыми объектами являются вещи, не входящие в группу или объединение (отдельные элементы мебели);

– особенности – данная группировка заключается в уникальности характеристики объектов. Например, исключительно новая интеллектуальная собственность, по своим характеристикам отличная от существующих является уникальной, а уже выведенные и привычные для потребления вещи, которые имеют общие характеристики – обычной;

– использования – данный принцип делит объекты на потребляемые (например, в пищу или в производство) и непотребляемые (средства передвижения);

– предназначения – основные объекты (например, мобильное устройство) и вспомогательные объекты, предназначенные для обслуживания основного объекта (зарядное устройство и пр.);

– наличности – имущественные (имеющие вещественную форму) и неимущественные (не имеющие вещественной формы и представленные в цифровом формате) объекты;

– результирующего фактора – делит объекты на представленные в виде конечного продукта и объекты, представленные в виде результата выполненной услуги.

Кроме того, некоторые объекты гражданского права могут образовывать обособленные группы:

– вещи и аксессуары – принадлежности, то есть вещи, которые используются для обслуживания другого имущества, являющегося, по отношению к нему, основным;

– плоды и иная продукция, как результат владения другим объектом;

– животные [6], [7], [8].

Несмотря на довольно быстрое развитие гражданских правоотношений и всей структуры гражданского права в целом, в мировой практике существовало и появляется все большее количество обсуждаемых судебных разбирательств.

Например, иск против McDonald's в 1994 году. Этот случай произошел, когда 79-летняя Стелла Либек купила кофе в сети быстрого питания и случайно пролила его на себя. Как результат – Либек получила ожоги третьей степени с поражением глубоких тканей на ногах, которые потребовали несколько операций и пересадок кожи.

Либек подала в суд иск против McDonald's в надежде получить компенсацию в размере 20 000 \$ США на покрытие медицинских расходов, однако McDonald's отклонил это предложение. В ходе судебных разбирательств и проверок сети за период 1982-1992 гг., было установлено, что данный инцидент является не первым в истории – за все это время было подано более 700 исков об ожогах, полученных из-за кофе и других горячих напитков.

Адвокаты Либек решили использовать эту информацию, чтобы доказать, что организация знала о рисках, связанных с высокой температурой напитков, и попытались подать в суд за халатность. По итогам судебного заседания, Либек была назначена компенсационная выплата в размере 160 \$ США и 2,7 млн. \$ США штрафных санкций. Чуть позже штрафные санкции, которые применили к организации, были снижены до 480 000 \$ США после того, как стало известно, что температура кофе была указана неверно (в ходе подачи иска, Либек значительно преувеличила данные для получения большего размера выплат) [9].

Другим примером служит разбирательство 52-летней Макрид Паттерсон с крупной сетью розничных продаж Victoria's Secret.

В 2008 году в суд был подан иск о причинении вреда здоровью – одна из металлических застежек ремешка оторвалась от одежды и попала женщине в глаз, в результате чего была повреждена роговица.

Хотя операционного вмешательства не потребовалось, адвокат Макрид утверждал в суде, что травма повлияет на пострадавшую, на всю оставшуюся жизнь – была запрошена компенсация на медицинские расходы в размере 25 000 \$ США. Несмотря на то, что суд вынес приговор не в пользу Паттерсон (было доказано, что одежду носили и стирали несколько раз, из-за чего такая ситуация в теории могла произойти), сети розничной торговли стали тщательно контролировать все поставляемые на рынок товары.

В 2019 году одной из самых обсуждаемых компаний стала Takata, которая является крупным производителем и поставщиком комплектующих для автомобилей. Неисправ-

ность подушек безопасности, которая привела к гибели водителя BMW и двумя другим случаями травматизма, в конечном счете, привела к отзыву более 1,4 млн. автомобилей для ремонта и дополнительного обслуживания.

Общий штраф, уплаченный компанией пострадавшим, достиг более 1 млрд. \$ США, а поступающие сообщения о новых травматизмах привели компанию к банкротству [11].

Таким образом, гражданское право представляет собой обширную отрасль права, регулирующую взаимоотношения между физическими и юридическими лицами, способствует решению споров и конфликтов разного характера.

Несмотря на различные подходы к определению объекта гражданского права (того, из-за чего возникает спор) в разных странах, их можно разделить по принципам обрабатываемости, подвижности, делимости, соединения, особенности, использования, предназначения, наличности и результирующего фактора.

Мировые споры и разногласия, которые возникают на почве гражданских правоотношений, способствуют не только устранению самой проблемы в настоящем времени, но и их устранению в будущем – разные компании, принимая во внимание конфликты и иски против конкурентов, устраняют подобные ошибки в своей деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. What is Civil Law? Origin, historical development, and key features // Maroonpaper. [Electronic resource]. – Access mode: <https://maroonpaper.com/civil-law-origin-and-historical-development/>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вст. в силу от 31.10.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Civil Code (Part I, Part II and Part III) Act No. 89 of April 27, 1896. [Electronic resource]. – Access mode: <http://childlawinternational.org/wp-content/uploads/2020/08/Civil-Code-Part-I-II-III.pdf>.
4. German Civil Code (BGB) German law on 2 January 2002 (Last Updated on July 2, 2021). [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html.
5. French Civil Code version in force on 05 March 2025. [Electronic resource].
6. Classification of things in civil law: divisible and indivisible, immovable and movable things. Things as objects of civil rights // TostPost.com. [Electronic resource]. – Access mode: <https://tostpost.com/the-law/29392-classification-of-things-in-civil-law-divisible-and-indivisible-immova.html>.
7. Civil law lecture 7 objects of civil // Present5. [Electronic resource]. – Access mode: <https://present5.com/civil-law-lecture-7-objects-of-civil/>.
8. The designated objects of civil rights // TostPost.com. [Electronic resource]. – Access mode: <https://tostpost.com/education/30605-the-designated-objects-of-civil-rights.html>.
9. Civil Law // Legal Dictionary. [Electronic resource]. – Access mode: <https://legaldictionary.net/civil-law/>.
10. Of the world's most ridiculous lawsuits // Listverse. [Electronic resource]. – Access mode: <https://listverse.com/2017/11/25/10-of-the-worlds-most-ridiculous-lawsuits/>.
11. BMW driver death sees takata recall 1.4 million air bags // Bloomberg. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-04/deadly-air-bag-maker-takata-spurs-another-1-4-million-car-recall>.

ДИЛИНАЭР

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ ПО СМАРТ-КОНТРАКТАМ*

Данное исследование в статье посвящено изучению оптимального механизма разрешения споров, связанных со смарт-контрактами для урегулирования текущих споров. Рассмотрены несколько существующих способов разрешения споров, связанных со смарт-контрактами, которые значительно отличаются от тех, что ранее рассматривались судами и арбитражем. Такие характеристики, как децентрализация и анонимность, традиционные методы разрешения споров, такие как судебное разбирательство и арбитраж, уже не подходят для разрешения споров, связанных со смарт-контрактами. Разрешение споров по смарт-контрактам на цепи является наиболее подходящим для сохранения первоначальных характеристик смарт-контрактов, но при этом сохраняется возможность манипулирования ими. В статье авторами предложены новые идеи для разрешения споров по смарт-контрактам.

Ключевые слова: смарт-контракты, споры, блокчейн, арбитраж, ADR.

Дилинаэр

DILINAER

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

DISPUTE RESOLUTION OF SMART CONTRACTS**

This study focuses on the best smart contract dispute resolution mechanism for resolving current smart contract disputes. By studying several existing smart contract dispute resolution methods, this paper concludes that disputes arising from smart contracts are very different from those previously handled by courts and arbitration organizations. Due to features such as decentralization and anonymity, traditional dispute resolution methods such as litigation and arbitration are no longer suitable for resolving smart contract disputes. Dispute resolution for on-chain smart contracts seems to be more conducive to maintaining the original characteristics of smart contracts, but the possibility of manipulation still exists. Finally, the authors propose new ideas for resolving smart contract disputes.

Keywords: Smart Contracts, Disputes, Blockchain, Arbitration, ADR.

Введение

Многие сторонники смарт-контрактов утверждают, что ответ на все вопросы, связанные со смарт-контрактами, находится в коде, и что самоисполняющиеся смарт-контракты позволяют избежать всех споров. На самом деле это утверждение неправильно. Смарт-контракты действительно дают огромные преимущества «в плане снижения стоимости транзакций, автоматизации и повышения безопасности» [1, с. 70-79], но это не значит, что они не вызывают споров. Смарт-контракты заключаются с использованием кода и блокчейна, и очевидно, что язык кода не может быть полностью понят сторонами контракта, как естественный язык. Поэтому возникают ситуации, когда естественные права и интересы сторон смарт-контракта ущемляются под угрозой из-за ошибок в коде, заблуждений, «черных ящиков», «обман и мошенничество при заключении договора, при заключении ненадлежащего исполнения и других факторов» [2, с. 30]. К этому можно отнести отсутствие у одной из сторон дееспособности, признание исполнения смарт-контракта незаконным из-за изменений в национальной политике, законах или нормативных актах, споры о юрисдикции смарт-контрактов и т.д. По мере дальнейшего использования смарт-контрактов количество таких споров будет расти. Поэтому необходимо уделять этому вопросу большое внимание. Причина, по которой споры о смарт-контрактах продолжают упоминаться и обсуждаться учеными-юристами, заключается в том, что их особенности

подрывают рамки многих существующих законов и правил. Другими словами, смарт-контракты представляют собой вызов для всей области права, а также для управления киберпространством. Смарт-контракты не являются реальными контрактами между двумя сторонами — это программы, которые работают на блокчейне и выполняют согласованные действия между сторонами. Если речь идет о традиционном контракте, стороны могут избежать его в суде. Однако в эпоху смарт-контрактов все изменилось, и нет однозначного ответа на вопрос, можно ли разрешать споры через суд. Хотя разрешение споров по смарт-контрактам до сих пор не изучены. Однако в реальности уже существует несколько методов разрешения споров. Поэтому данное исследование посвящено обсуждению и оценке целесообразности применения этих методов разрешения споров в смарт-контрактах и выработке рекомендаций.

Разрешение споров вне цепи (off-chain)

Смарт-контракты сложно изменить или отменить из-за их дизайна «если... то». Для корректировки часто необходимы судебные средства. Хотя предусмотренная функция сброса кода позволяет частичное самовосстановление, она не заменяет судебную защиту. Некоторые страны регулируют смарт-контракты через существующее законодательство, например, в Китае, используются нормы гражданского права, законы о договорах, электронной коммерции и электронной подписи. Споры по «смарт-контрактам рассматриваются в судах или через процедуры альтернативного разрешения споров (ADR)» [3, с. 40]. Для разрешения споров стороны могут использовать различные судебные стратегии, включая споры о содержании, исполнении или нарушении договора.

* Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент Е. П. Русакова.

** Scientific supervisor – Ph.D. in Law, Associate Professor E. P. Ruskova.

Ключевым этапом является установление сторон, что может быть затруднено из-за анонимности. В качестве доказательств могут быть представлены смарт-коды, отчёты об исполнении и реквизиты транзакций. Судебное решение по гражданским спорам является «окончательным и подлежит исполнению» [4, с. 33-43]. Однако сложности со смарт-контрактами, такие как установление сторон и анализ технических данных, часто затрудняют правосудие.

Однако пример со смарт-контрактами, по-видимому, не отвечает этим основным требованиям. Такой способ не позволяет разрешить споры по смарт-контрактам, поскольку:

Во-первых, смарт-контракты сталкиваются с проблемой идентификации сторон. Одной из ключевых особенностей таких контрактов является возможность их заключения с сохранением анонимности, что затрудняет определение участников в случае судебного спора.

Во-вторых, отсутствует ясный правовой механизм для разрешения споров по смарт-контрактам. Судебным органам сложно установить юрисдикцию, применимое право, а транснациональный характер таких контрактов добавляет сложности в правоприменении.

В-третьих, технологическая сложность смарт-контрактов затрудняет работу судов. Судьи и юристы зачастую не обладают необходимыми знаниями в области блокчейна и программирования, что создаёт проблемы в анализе и предоставлении доказательств.

Существуют альтернативные способы разрешения споров по смарт-контрактам, такие как медиация и арбитраж. Основным методом является арбитраж, так как он признан наиболее эффективным для коммерческих споров. Этот «подход базируется на нормах Конвенции о признании» [5, с. 39] и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

«Разрешение споров по смарт-контрактам в арбитраже обеспечивает конфиденциальность между сторонами» [6, с. 70]. Арбитраж обеспечивает конфиденциальность сторон и позволяет выбрать арбитров с техническими знаниями, что способствует более обоснованным решениям. Процедура проходит в закрытом режиме, а детали спора не разглашаются без согласия сторон. Выбор места арбитража имеет ключевое значение, поскольку определяет применимое право и пределы вмешательства местных судов.

Для транснациональных смарт-контрактов арбитраж является оптимальным, но требует признания решений в разных странах. Однако остаются сложности, включая необходимость креативных решений для адаптации к особенностям смарт-контрактов. «Удовлетворяет ли арбитражная оговорка, заложенная в коде смарт-контракта, этому требованию? На данный момент этот вопрос остается без ответа» [7, с. 144-157].

Смарт-контракты значительно изменили правовую среду, что делает традиционные механизмы разрешения споров малоэффективными. Для них требуется новая, специализированная система, способная учитывать уникальные особенности смарт-контрактов.

Разрешение споров на цепи (on-chain)

Как упоминалось ранее, традиционные механизмы разрешения правовых споров не подходят для смарт-контрактов, что признаётся большинством экспертов в области права и технологий. Найти способ разрешения споров, который сохранял бы фундаментальные свойства смарт-контрактов, стало сложной задачей. Вдохновившись ODR, «некоторые технологи задумались о возможности создания децентрализованной арбитражной платформы на блокчейне» [8, с. 126-147]. Они рассмотрели «возможность передачи споров арбитрам, случайно выбранным на цепочке» [9, с. 103], что позволяет сохранить безотзывность и децентрализованный характер смарт-контрактов. Так появилась платформа

Blockchain Dispute Resolution (BDR). По мере развития технологии возникли децентрализованные платформы, такие как «Kleros» и «Aragon Court», создающие метод арбитража на цепи для глобальных споров по смарт-контрактам. В качестве примера рассмотрим Kleros.

Kleros «использует блокчейн и краудсорсинг для справедливого рассмотрения дел» [9, с. 278-281] и выступает в качестве децентрализованной третьей стороны, которая может принять правильное решение на основе набора правил. «На их сайте есть ссылка на заявку «присяжный заседатель» (например, на сайте <https://court.kleros.io/cases>)». Стороны переводят токены на соответствующий смарт-контракт, после чего случайным образом набираются заседатели со всего мира. Эти «заседатели» узнают о споре и тайно голосуют в пользу одной из сторон. «Заседатель получает вознаграждение только в том случае, если его голос совпадает с мнением большинства».

Этот подход имеет преимущества. Во-первых, это децентрализованная форма разрешения споров, которая устраняет участие центрального органа, например, судьи. Во-вторых, процесс устраняет правовую неопределённость и юрисдикционные проблемы, так как «процедура инициируется и автоматически выполняется сторонами смарт-контракта самостоятельно» [10, с. 56-60]. Как и смарт-контракт, процесс разрешения спора встроен в блокчейн. «Присяжные не могли общаться друг с другом, поэтому голосовать они могли только на основании того, что считали правильным результатом» [11, с. 278-281]. «Присяжные выбираются случайным образом и отделены друг от друга, что гарантирует правосудие» [12, с. 122-136].

Данный подход позволяет сторонам смарт-контракта избежать традиционных судебных разбирательств, сохраняя автономность и децентрализацию сделки.

Такой децентрализованный подход к разрешению споров может показаться идеальным для создания смарт-контрактов, но здесь есть свои риски и проблемы.

Во-первых, децентрализованные платформы разрешения споров имеют слабые требования к заседателям. Для участия достаточно отыграть токены, не требуются ни возрастные ограничения, ни знания о сути дела. Заседатели могут быть из разных стран с разными правовыми культурами, что снижает их способность принимать беспристрастные решения.

Во-вторых, система поощрения может стимулировать голосование в пользу большинства, а не на основе доказательств. Например, платформа Kleros вознаграждает тех, кто голосует в согласии с большинством, что может привести к формальным решениям, не основанным на реальном анализе дела.

В-третьих, технологии этих платформ уязвимы к манипуляциям. Например, один пользователь может создать несколько учетных записей для участия в голосовании и получения вознаграждений. Кроме того, неясно, существуют ли механизмы предотвращения ошибок и защиты от злоупотреблений.

Наконец, многие страны не признают подход децентрализованных платформ, поскольку анонимность участников противоречит правовым нормам. Это создаёт условия для манипуляций, поскольку участники могут использовать технологии в своих интересах.

Таким образом, хотя децентрализованные платформы представляют собой инновационный подход, их механизмы и результаты часто расходятся с задачей обеспечения правосудия. Рекомендация – это комбинация правового регулирования и саморегулирования.

По мере развития технологий и роста поддержки смарт-контрактов люди предпочитают возможность арбитража на цепи, который самостоятельно инициируется и самостоятельно исполняется сторонами для разрешения

споров. Суть этого желания заключается в том, что сторона хочет, чтобы регулирование смарт-контракта было полностью предоставлено ей самой. Технология смарт-контрактов может быть использована для заполнения пробелов в существующих законах, но смарт-контракты не могут полностью заменить закон. Являются ли смарт-контракты свободной или контролируемой областью, зависит от национальной политики. Чтобы смарт-контракт был полностью независим от правового регулирования, по крайней мере на данный момент, он должен удовлетворять следующим условиям:

Во-первых, смарт-контракты уже имеют новую и полную структуру управления, и эта структура управления может обеспечить более эффективную охрану.

Во-вторых, значительные законные права и интересы государства не подвергаются угрозе со стороны смарт-контрактов.

В-третьих, смарт-контракты подвергаются посягательствам, но традиционное право «не имеет возможности принять эффективные меры для предотвращения или смягчения угрозы» [13, с. 121-136]. Однако, по текущей оценке, ситуация по смарт-контрактам представляет не только угрозу законным интересам государства (например, общей применимости правового регулирования), но и не обеспечивают такого же уровня безопасности, как закон. (Безопасность, обеспечиваемая смарт-контрактами, ограничивается «безопасностью транзакций»).

В результате многие страны выбрали позицию «регулирования законом», а не «саморегулирования», и приложили значительные усилия, чтобы облегчить интеграцию систем разрешения споров на основе смарт-контрактов с традиционными правовыми нормами.

Такие страны, как Швейцария и Мальта, выступили с инициативами, общая идея которых заключается в том, чтобы сначала «законодательно признать юридически обязательный характер смарт-контрактов» [14, с. 32], а затем создать специализированный суд для разрешения споров, связанных со смарт-контрактами. Эти страны дают представление о том, как успешно внедрить смарт-контракты в национальные правовые системы и разработать эффективные механизмы разрешения споров.

Более реальным подходом в краткосрочной перспективе может стать создание частично автоматизированной системы, такой как «арбитр-человек на цепи», принимающий решение в соответствии с традиционными юридическими требованиями к арбитражному разбирательству, стороны больше не будут анонимными и т.д. Или стороны могут подписать гибридный смарт-контракт до создания смарт-контракта, то есть текстовый контракт равной юридической силы в дополнение к зашифрованной, закодированной версии смарт-контракта. Сочетание новых технологий с традиционным разрешением правовых споров - единственный способ сделать разрешение споров по смарт-контрактам более гибким, не разрушая фундаментальных характеристик смарт-контрактов.

Заключение

Высокоавтоматизированные (цифровые) смарт-контракты не устраняют споры. Напротив, по мере роста популярности смарт-контрактов количество споров по смарт-контрактам из-за непонимания, обмана или ошибок в коде будет расти.

Анонимные, самоисполняющиеся смарт-контракты создают трудности для судов при выполнении их функций. Например, суд не сможет определить стороны спора, установить юрисдикцию, принять соответствующие средства защиты и обеспечить исполнение решения. Что еще более важно, вмешательство суда полностью нарушает основную характеристику децентрализации смарт-контрактов.

Поэтому нам необходимо найти механизм решения, который гарантирует правосудие, а также гарантирует, что основные характеристики смарт-контрактов не будут уничтожены.

Платформы для разрешения споров на цепочке, такие как Kleros, кажутся хорошим вариантом, но этот подход все еще не защищен от риска манипулирования технологией и не имеет поддержки в реальном мире в виде четких правовых положений.

Выбор способа разрешения споров для смарт-контрактов не должен ограничиваться одной системой. Сочетание традиционных механизмов разрешения споров и механизмов разрешения споров в цепочке - более правильный и возможный подход.

Пристатейный библиографический список

1. Сун Юньтин, Шэнь Чао. Вмешательство закона: судебные средства защиты от споров по смарт-контрактам // Журнал Пекинского университета аэронавтики и астронавтики. - 2023. - № 36 (6). - С. 70-79.
2. Митрофанов Н. В. Преимущества и недостатки цифровизации гражданского, административного и арбитражного процесса // Актуальные проблемы государства и права. - 2022. - № 24.
3. Синицын С. А., Дьяконова М. О., Чурсина Т. И. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров // Цифровое право. - 2021. - Т. 2, № 4. - С. 40-50.
4. Ся Цинфэн Анализ правовой природы смарт-контрактов // Восточное право. - 2022. - № 6. - С. 33-43.
5. Rusakova E. P., Frolova E. E. Digital disputes in the new legal reality // Вестник РУДН. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-disputes-in-the-new-legal-reality> (дата обращения: 05.07.2024).
6. Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. - 2023. - № 3 (70)..
7. Камалян В. М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2020. - № 8 (72). - С. 144-157.
8. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2021. - № 3. - С. 126-147.
9. Schmitz, Amy and Colin Rule. «Online dispute resolution for smart contracts». J. Disp. Resol. (2019): 103.
10. Русакова Е. П. Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15, № 5. - С. 278-281.
11. Кузнецов М. О. Будущее смарт-контрактов в гражданском обороте. Тенденции и прогнозы // Студенческий вестник. - 2023. - № 19, 6 (258). - С. 56-60.
12. Чжан С. К., Тянь Й. Применение искусственного интеллекта в коммерческом арбитраже: ценность, дилемма // Журнал Шанхайского университета финансов и экономики. - 2024. - № 26 (2). - С. 122-134.
13. Карен Янг, Линь Шаовэй. Регулирование блокчейна: спор между «законом» и «саморегулированием» // Восточный юридический журнал. - 2019. - № 3. - С. 121-136.
14. De En Goh, G. R. Smart contract disputes and public policy in the ASEAN+ 6 region // Digital Law Journal. - 2022. - № 3 (4). - P. 32-70.

ЗАГНЕТИН Владимир Николаевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ВТОРИЧНЫХ (НЕОСНОВНЫХ) ПРОИЗВОДСТВ В ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

В статье проводится исследование нормативного закрепления трансграничного банкротства в целом и модифицированного универсализма в частности. Автор дает исторический экскурс, приводя известные нам примеры двусторонних соглашений, заключенных в Средневековье и Новое время. Приводится перечень заключенных международных договоров, заключенных в конце 19-начале 20 веков. Делая основной упор на принятый ЮНСИТРАП Типовой закон о трансграничной несостоятельности и Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС 2015/848 о процедурах банкротства, автор анализирует историю их принятия. Анализируются причины принятия Типового закона ЮНСИТРАП о трансграничной несостоятельности, а также то, какие этапы пришлось пройти данному акту. Анализируется Конвенция ЕС о процедурах несостоятельности от 1995 года как несостоявшийся предвестник Регламента Европейского Парламента и Совета ЕС 2015/848, так никогда и не вступивший в силу. Приводится краткий перечень различий между Типовым законом ЮНСИТРАП о трансграничной несостоятельности и Регламентом Европейского Парламента и Совета ЕС 2015/848.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, трансграничная несостоятельность, ЮНСИТРАП.

ZAGNETIN Vladimir Nikolaevich

postgraduate student, Saint Petersburg State University

GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF MAIN AND SECONDARY (NON-MAIN) PROCEEDINGS IN CROSS-BORDER INSOLVENCY

The article studies the normative fixation of cross-border bankruptcy in general and modified universalism in particular. The author gives a historical excursion, giving examples of bilateral agreements concluded in the Middle Ages and Modern times, which are known to us. A list of international treaties concluded in the late 19th and early 20th centuries is given. Focusing on the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency and the Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20.05.2015 on insolvency proceedings (recast), the author analyzes the history of their adoption. The reasons for the adoption of the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency are analyzed, as well as what stages this act had to pass through. The author analyzes the Convention on Insolvency Proceedings of 23.11.1995 as a failed precursor to Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20.05.2015, which never entered into force. A brief list of differences between the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency and Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20.05.2015 is summarized.

Keywords: cross-border bankruptcy, cross-border insolvency, UNCITRAL.

Несмотря на тот факт, что институт несостоятельности сопровождает человечество на протяжении последних 2.5 тысяч лет, трансграничное банкротство долгое время не находило широкого распространения и законодательного закрепления.

Первым известным нам источником закрепления правил о трансграничной несостоятельности являются Договор 1204 г. между итальянскими Вероной и Тренто, закрепляющий правила передачи имущества иностранного несостоятельного должника из одного договаривающегося государства в другое; и Договор 1306 г. между Вероной и Венецией, который предусматривал порядок выдачи самого несостоятельного должника [5, с. 7].

Также до нас дошли сведения о заключении гораздо более поздних соглашений 17 века: 1) Договор 1676 г. между Шотландией и Камп-Вером (Нидерланды), согласно которому в случае банкротства управляющие должны быть назна-

чены в каждом государстве, при этом администраторы будут совместно управлять активами должника; 2) Договор 1679 г. между Голландией и Утрехтом о возможности возбуждения дела о банкротстве в стране места domicilia должника [4, с. 733]; 3) Договоры 1825-1826 гг., заключенные между Швейцарскими кантонами и Вюртембергом, устанавливающие единое управление процедурой банкротства по месту жительства должника [6, с. 63]; 4) Договоры, заключенные между Германскими государствами после распада Священной Римской Империи Германской Нации и закрепляющие аналогичное правило единого управления процедурой банкротства по месту жительства должника: договоры между Баварией и Вюртембергом от 1808 г. и 1821 г., договор между Пруссией и Австрией от 1844 г., договор между Саксонией и Австрией от 1854 г. [6, с. 63-64].

Однако стоит признать, что данные акты Средневекового права и Нового времени носят скорее характер историче-

Загнетин В. Н.

ских артефактов, которые ценны сами по себе самим фактом своего существования, но на их основании невозможно говорить о ситуации правового регулирования института трансграничной несостоятельности в целом в то время.

По исторически меркам трансграничное банкротство начинает регулироваться на каком-либо приемлемом уровне с конца 19-начала 20 веков, и к началу 21 века список принятых (и, при необходимости, ратифицированных) нормативных актов, затрагивающих трансграничную несостоятельность, достаточно обширен:

1) Заключаются Договор по международному частному праву на Первом южноамериканском конгрессе в Монтевидео в 1889 г. (ратифицирован Аргентиной, Боливией, Парагваем, Перу, Уругваем, Колумбией), известный как Договор Монтевидео 1898 г.; Договор по вопросам международного коммерческого права, заключенный на Втором южноамериканском конгрессе в Монтевидео в 1940 г. (ратифицирован Аргентиной, Парагваем и Уругваем), известный как Договор Монтевидео 1940 г. [5, с. 38];

2) Принимается Конвенция по вопросам международного частного права 1928 г. в Гаване (Кодекс Бустаманте), в ст. 414 которой сказано: «Если неплатежеспособный должник, по делам которого назначен конкурс или объявлена несостоятельность (разорение), имеет только один гражданский или торговый domicilio, то может быть только одно охранительное производство по несостоятельности, или только одна приостановка платежей, или одно соглашение об отсрочке для всех его имуществ и его обязательств в договаривающихся государствах» [2, с. 314];

3) Принимается Скандинавская конвенция по вопросам банкротства 1933 г. в Копенгагене (с поправками от 1977 и 1982 г.);

4) Принятая Конвенции УНИДРУА 1988 г. «О международном финансовом лизинге» содержит нормы, регулирующие разрешение ситуации, когда стороны становятся банкротами, а именно пп. «а» и «б» п. 1 ст. 7 [2, с. 314];

5) Принят Унифицированный акт стран-участник Договора о создании ОХАДА по организации коллективных процедур ликвидации должников 1998 г. (обновлен в 2015 г.) [4, с. 735].

Однако в рамках данной работы наибольший интерес представляю два других акта, а именно Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС 2015/848 2015 г. о процедурах банкротства (далее – Регламент, Регламент ЕС) и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., принятый в Вене на 30-й сессии ЮНСИТРАЛ (далее – Типовой закон, закон ЮНСИТРАЛ), так как именно в них теория основного и вторичных производств нашла наиболее полное отражение.

Что касается Типового закона, можно выделить следующие причины и цели его принятия:

1) увеличение числа дел, связанных с трансграничной несостоятельностью¹;

2) низкий средний уровень национальных законодательств по вопросам урегулирования дел трансграничного характера²;

3) отсутствие предсказуемости в порядке урегулирования дел о трансграничной несостоятельности, что препятствует движению потоков капитала и оказывает сдерживающее воздействие на трансграничные инвестиции³;

4) учащение случаев мошенничества и сокрытия активов или их перевода в другие страны при банкротстве в связи с открытостью международной экономики⁴;

6) наличие в правовом порядке рабочего механизма решения проблем трансграничных банкротств может положительно сказаться на иностранных инвестициях и торговле в этом государстве⁵.

Работу над проектом Типового закона осуществляли Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) вместе с Международной ассоциацией ИНСОЛ⁶ и Комитетом J⁷.

Важно отметить, что в ходе работы указанные организации провели два международных colloquia с приглашением юристов-практиков в сфере несостоятельности, на которых были сформулированы ключевые положения о том, чтобы работа ЮНСИТРАЛ была сосредоточена на достижении ограниченной цели содействия сотрудничеству судебных органов, облегчения доступа иностранных управляющих в делах о несостоятельности к судам и признания иностранных производств по делам о несостоятельности⁸.

Что касается самой работы над текстом Типового закона, то она была поручена непосредственно Рабочей группе по законодательству о несостоятельности, которая посвятила четыре двухнедельные сессии этому проекту⁹.

Последующие дискуссии по поводу содержания законопроекта прошли в марте 1997 на ещё одном совещании юристов-практиков¹⁰, а также непосредственно на тридцатой сессии ЮНСИТРАЛ, проведенной в Вене 12–30 мая 1997 года¹¹, в ходе которой 30 мая 1997 года Типовой закон и был принят.

Вторым ключевым для нас актом является Регламент ЕС, принятый в 2015 году. Данный документ имеет достаточно богатую историю, уходящую в середину 90-х годов, когда Европейским Союзом в 1995 году была принята Конвенция о процедурах несостоятельности. Эта Конвенция не была направлена на приведение к единообразию национально-правовых норм, касающихся банкротств, и имела целью решение вопросов юрисдикции, применимого права и признания процедур по делам о несостоятельности в странах—членах ЕС [1, с. 56]. Однако, несмотря на ратификацию всеми госу-

3 Там же.

4 Там же.

5 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности с Руководством по принятию и толкованию. С. 24.

6 Международная ассоциация ИНСОЛ является всемирной федерацией национальных бухгалтеров и юристов, специализирующихся в области банкротства и реабилитационных процедур, и фактически это главное и ведущее объединение банкротящихся специалистов во всем мире.

7 Комитет J является частью Секции предпринимательского права Международной ассоциации юристов, и данный орган уже имел опыт в сфере разработки трансграничного законодательства, так как в 1995 году им был создан Конкордат о трансграничной несостоятельности.

8 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности с Руководством по принятию и толкованию. С. 26.

9 Там же.

10 Там же.

11 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности с Руководством по принятию и толкованию. С. 27.

1 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности с Руководством по принятию и толкованию. С. 23.

2 Там же.

дарствами-членами ЕС, кроме Великобритании, конвенция в силу так никогда и не вступила.

Тем не менее, в 1999 г. Европейский парламент принял Резолюцию по Конвенции 1995 года, в которой было рекомендовано внести предложение о принятии Директивы или Регламента, регулирующих процедуры несостоятельности, затрагивающие компании, ведущие свою деятельность в нескольких государствах-членах [3, с. 878].

Таким образом, именно на основании Конвенции 1995 года и был принят Регламент ЕС 2000 от года № 1346/2000, в котором почти полностью воспроизводился её первоначальный текст. В свою очередь, спустя десятилетие новая версия данного акта – Регламент ЕС от 2015 года заменил предшествующий Регламент ЕС от 2000 года. Согласно п. 6 преамбулы Регламента ЕС, указанный акт включает положения, регулирующие подсудность судебных разбирательств о банкротстве и требований, которые вытекают непосредственно из процедур банкротства, и находятся в прямой связи с указанными процедурами; положения, определяющие признание и исполнение судебных решений, вынесенных в соответствующих процедурах и право, применимое к процедурам банкротства; устанавливает правила координации в процедурах банкротства, связанных с одним должником или с несколькими членами единой группы компаний.

Также важно остановиться на вопросе соотношения Регламента ЕС и Типового закона, без уяснения которого краткий обзор данных актов будет очевидно неполным. Ключевым является то, что Регламент ЕС регулирует в рамках Европейского союза те случаи трансграничной несостоятельности, когда центр основных интересов должника находится в каком-либо государстве – члене Союза. Таким образом, Регламент ЕС не регулирует вопросы несостоятельности, выходящие за пределы какого-либо государства – члена Европейского союза и затрагивающие какое-либо государство, не являющееся членом этого Союза, в то время как Типовой закон наоборот, предлагает режим, имеющий большое практическое значение и затрагивающий множество случаев трансграничного сотрудничества, не охватываемых Правилами ЕС.

Исходя из вышесказанного можно резюмировать, что своё законодательное закрепление трансграничное банкротство начало находить ещё столетия назад, однако активная фаза трансграничного законоотворчества началась в 20 веке с принятием комплекса региональных актов. Что касается законодательного выражения конкретно теории основного и вторичных производств, то оно нашло место в ряде нормативных актов, среди которых ключевыми являются Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС 2015/848 от 2015 года о процедурах банкротства и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 1997 года. При этом необходимо уточнить, что «вспомогательное», «параллельное» и другие родственные разбирательства существовали все время, склеенные *ad hoc* в бессистемной книге прецедентов трансграничного банкротства, основанной на принципах вежливости, но концепция «вторичного производства» не получила распространения до тех пор, пока не были приняты два указанных выше документа [7, с. 580].

Пристатейный библиографический список

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. – М.: Издательство БЕК, 2001.
2. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / Отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. – М.: Проспект. 2016.
3. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для магистров / 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. 2013.
4. Мохова Е. В. Трансграничная несостоятельность (банкротство) // Несостоятельность (банкротство): учебный курс. Т. 2. / Под. ред. Карелиной С. А. – М.: Статут, 2019.
5. Собина Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. – М.: Статут, 2012.
6. Nadelmann K. H. Bankruptcy Treaties // University of Pennsylvania Law Review and American Law Register. – 1944. – № 93 (1).
7. Pottow J. A. E. A New Role for Secondary Proceedings in International Bankruptcies // University of Michigan Law School Scholarship Repository. – 2011. – № 3.

КУЗЬМИН Антон Власович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Кузьмин А. В.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СМАРТ-КОНТРАКТОВ

В статье рассматривается возможность квалификации технологии смарт-контракта в качестве обеспечительной сделки. Проведен анализ понятия способов обеспечения исполнения обязательств и свойственных им признаков через призму смарт-контракта. Автором статьи делается вывод, что посредством смарт-контракта могут быть выражены поименованные в законе способы обеспечения исполнения обязательств. Также установлено, что совершение умного контракта на базе технологии распределенного реестра (блокчейна) и автоматизированное исполнение его условий делает возможным отнесение смарт-контракта к непоименованным обеспечительным сделкам.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, обеспечительная сделка, автоматизированное исполнение.

KUZMIN Anton Vlasovich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE SECURITY NATURE OF SMART CONTRACTS

The article considers the possibility of qualifying smart contract technology as a security transaction. The analysis of the concept of methods for ensuring the fulfillment of obligations and their inherent characteristics is carried out through the prism of a smart contract. The author of the article concludes that the methods for ensuring the fulfillment of obligations named in the law can be expressed through a smart contract. It is also established that the execution of a smart contract based on distributed ledger technology (blockchain) and the automated execution of its terms makes it possible to classify a smart contract as an unnamed security transaction.

Keywords: smart contract, blockchain, security transaction, automated execution.

Развитие информационных технологий неизбежно оказывает влияние на общественные отношения, непосредственно связанные с их применением. Смарт-контракт выступает в качестве новой технологии, позволяющей оптимизировать отношения субъектов права, опосредующие заключение и исполнение различных видов сделок. Тем не менее, несмотря на активное использование смарт-контрактов в различных сферах права, в настоящее время все еще не сложилось надлежащего правового регулирования, позволяющего обеспечить достаточную степень защищенности лиц, которые вступают в правоотношения по поводу заключения и исполнения «умных контрактов».

В юридической доктрине сложилось множество подходов к определению правовой природы смарт-контрактов. Среди ученых наибольшую популярность обрели следующие концепции, определяющие смарт-контракт как:

1. договор;
2. способ исполнения обязательства;
3. способ обеспечения исполнения обязательства;
4. программный код или программу для ЭВМ;
5. особую форму договора.

Представляется, что смарт-контракт является технологией собирательной, которой присущи черты каждой из приведенных концепций. В связи с этим наиболее верным видится понимание смарт-контракта как сделки, существующей в форме программного кода в блокчейне, которая автоматизи-

рованно исполняет возникающие из нее обязательства при наступлении определенных структурой компьютерного кода условий. Предложенное определение позволяет рассматривать смарт-контракт в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, то есть обеспечительной сделки.

Некоторые сторонники «обеспечительного» подхода смарт-контракта отрицают его договорную и обязательственную природу, ссылаясь на то, что умный контракт, благодаря своей особой форме сделки, которая выражается в виде компьютерного кода, выполняет роль обеспечения обязательства [1, с. 18]. С указанной позицией сложно согласиться ввиду того, что сам по себе смарт-контракт может быть облачен в классическую договорную конструкцию, посредством которой, например, может быть выражен договор купли-продажи некоторого цифрового актива.

Иные научные деятели утверждают, что смарт-контракт следует относить к непоименованным в пункте 1 статьи 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) способам обеспечения исполнения обязательств [2, с. 110]. При этом, «новизна» обеспечения в случае со смарт-контрактом характеризуется тем, что его условия и исполнение нельзя изменить или отменить.

Такая непоколебимость смарт-контракта возможна во многом благодаря технологии распределенного реестра (блокчейна), где информация, в том числе условия умного контракта, хранится в распределенном виде на множестве

узлов (компьютеров) и не может быть изменена иначе, как посредством получения контроля над большинством таких узлов, что на практике едва ли возможно.

Тем не менее, прежде чем утверждать об обеспечительном характере смарт-контракта необходимо соотнести понятие способов обеспечения исполнения обязательств и свойственные им черты с рассматриваемой технологией.

В самом общем виде под способами обеспечения исполнения обязательств следует понимать определенные меры имущественного характера, которые стимулируют должника исполнить обязательство либо иным образом способные гарантировать защиту имущественных прав кредитора в случае дефолта должника [3, с. 40]. Иначе говоря, в каузе такой сделки должна быть отражена определенная обеспечительная цель, которая выражается во взаимосвязи между интересом кредитора, желающего получить определенные гарантии, и риском неисполнения должником обеспечиваемого обязательства.

Таким образом, допустимо сделать вывод о том, что для возможности квалификации смарт-контракта в качестве обеспечительной сделки необходимо, чтобы вследствие его совершения была достигнута обеспечительная цель: гарантия защиты кредитора от неисполнения должником принятых на себя обязательств. Однако подобная квалификация не представляется возможной без анализа признаков, которые свойственны способам обеспечения исполнения обязательства.

Можно выделить три основных признака, характерных для обеспечительных сделок:

1. стимулирующий;
2. защитный;
3. акцессорный характер.

Роль стимулирующего признака заключается в побуждении должника к исполнению основного (обеспечиваемого) обязательства под угрозой наступления неблагоприятных имущественных последствий. Рассматриваемый признак характерен, в частности, для неустойки, где должник в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должен выплатить определенную сумму, уплата которой не освобождает его от исполнения в натуре. В качестве альтернативного примера допустимо привести залог, где в качестве стимула для должника по исполнению обязательства выступает потенциальное обращение взыскания на заложенное имущество.

Защитный признак способов обеспечения выражается в непосредственной защите кредитора от возникновения финансовых потерь или иных негативных последствий, сопряженных с неисполнением должником принятых на себя обязательств. Для иллюстрации действия защитного признака вновь допустимо привести залог, где имущественные потери кредитора полностью или частично предотвращаются за счет возможности обращения взыскания на имущество должника.

Важно обратить внимание, что для квалификации сделки в качестве обеспечительной не является обязательным наличие одновременно обоих признаков – стимулирующего и защитного. Тем не менее, в доктрине высказывается и противоположное мнение, согласно которому способы обеспечения должны обладать совокупностью приведенных признаков [4, с. 100]. С указанным тезисом сложно согласиться.

Поручительство является поименованным в пункте 1 статьи 329 способом обеспечения. При этом, в случае с поручительством наблюдается отсутствие стимулирующей должника функции, поскольку негативные последствия при неисполнении им обязательства возникают для поручителя. Однако защитная функция поручительства проявляется в возможности кредитора получить удовлетворение своих требований за счет поручителя, тем самым обеспечивая защиту интересов кредитора. Таким образом, применительно к смарт-контракту наличие либо стимулирующей, либо защитной функции открывает возможность для его квалификации в качестве обеспечительной сделки.

Акцессорный характер обеспечительной сделки означает, что обязательство, вытекающее из нее, является дополнительным по отношению к основному обязательству. При этом, признак акцессорности предполагает, что недействительность основного (обеспечиваемого) обязательства влечет недействительность и дополнительного (обеспечивающего). Данная позиция прослеживается, в частности, в практике Высшего арбитражного суда, согласно которой акцессорное обязательство не может существовать отдельно от основного¹.

Тем не менее, не каждая обеспечительная сделка является акцессорной по своей природе. Например, обеспечительный платеж обладает признаком акцессорности, поскольку в случае признания недействительным договора, из которого возникло основное обязательство, сделка, связанная с перечислением обеспечительного платежа, также будет считаться недействительной и у кредитора возникнет обязанность по возврату перечисленной суммы. Напротив, независимая гарантия не обладает акцессорным характером в силу прямого указания нормы, предусмотренной ст. 370 ГК РФ.

Исходя из анализа положений законодательства и признаков, характерных для способов обеспечения исполнения обязательств, видится возможным сделать вывод, что для квалификации смарт-контракта в качестве обеспечительной сделки он должен обладать стимулирующим и (или) защитным признаками, а также иметь акцессорный характер. При этом наличие акцессорности не является обязательным.

Представляется важным обратить внимание, что в юридической доктрине высказывается мнение относительно невозможности признания смарт-контракта способом обеспечения исполнения обязательства, поскольку он не обладает акцессорным характером [5, с. 74]. Автор статьи не может согласиться с приведенной позицией ввиду следующего. Посредством смарт-контракта могут быть выражены способы обеспечения обязательств, которые поименованы в ГК РФ. Например, договору залога можно придать форму смарт-контракта, прописав все основные условия такой сделки в программном коде. При этом кредитору будет гарантирована защита его интересов, поскольку в случае неисполнения основного обязательства смарт-контрактом в автоматизированном порядке будет осуществлено обращение взыскания на заложенное имущество. В данном примере можно заметить, что такого рода обеспечительная сделка будет обладать сразу всеми признаками:

¹ Определение ВАС РФ от 19.04.2007 № 1255/07 по делу № А70-4156/26-2006 // СПС «КонсультантПлюс».

1. стимулирующим, поскольку побуждает должника исполнить основное обязательство под угрозой обращения взыскания на его имущество;

2. защитным, так как обеспечивает защиту интересов кредитора в случае дефолта должника;

3. акцессорностью, в связи с тем, что зависит от действительности основного обязательства.

Таким образом, смарт-контракт, содержащий условия способов обеспечения исполнения обязательств, поименованных в ГК РФ, может быть квалифицирован в качестве обеспечительной сделки.

Посредством смарт-контракта, например, может быть выражен договор залога цифровых активов. Условия и порядок обращения взыскания на заложенное имущество в данном случае будут устанавливаться в программном коде. При таких обстоятельствах обращение взыскания на цифровой актив будет совершаться автоматизированно при наступлении определенных смарт-контрактом условий. Взыскание цифрового актива в случае со смарт-контрактом будет происходить в момент, когда на стороне должника образуется просрочка. Это позволит сократить время издержки, связанные с обращением залогодержателем взыскания на имущество, которые возникли бы, если бы договор залога был заключен в форме классического договора.

Кроме того, неизменяемость условий смарт-контракта обеспечивала бы кредитора гарантией защиты его прав, поскольку предмет залога – цифровой актив, в виде записи хранится в блокчейне, что исключает возможность его утраты ввиду действий должника или третьих лиц.

Следует отметить, что залог цифровых криптоактивов без использования смарт-контракта сам по себе обладает высокой степенью риска. В случае, если договор залога такого актива заключен в традиционной письменной форме существует вероятность возникновения сложностей при принудительном обращении взыскания на предмет залога, поскольку это возможно только в случае, если должник сам предоставит ключ доступа к своему криптокошельку. Если должник откажется предоставлять доступ, суд и исполнительные органы не смогут в принудительном порядке обеспечить надлежащую защиту прав залогового кредитора. Эта проблема решается благодаря смарт-контракту, который автоматизированным образом совершает обращение взыскания цифрового актива и должник, являющийся стороной умного контракта, никак не может на это повлиять после заключения такой обеспечительной сделки.

Таким образом, на примере договора залога установлено, что технология смарт-контракт может содержать в себе условия способов обеспечения исполнения обязательств, поименованных в ГК РФ, что позволяет квалифицировать умный контракт как обеспечительную сделку.

Однако смарт-контракт обладает обеспечительным характером и в случае, если его условия прямо не направлены на обеспечение основного обязательства. В качестве примера разумно привести договор купли-продажи цифрового актива, заключенного в виде смарт-контракта, где надлежащее исполнение условий сделки сторонами обеспечивается благодаря автоматизированному исполнению в децентрализованном распределенном реестре (блокчейне), что делает такое исполнение независимым от оппортунистического поведения сторон. В данном случае смарт-контракт будет

выступать одновременно и основным обязательством, и сделкой обеспечительной, поскольку опосредует защиту интересов сторон и гарантирует надлежащее исполнение обязательства.

В приведенном примере мы имеем дело с совершенно новым, непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства.

Исходя из проведенного анализа возможно сделать вывод, что посредством смарт-контракта могут быть выражены поименованные в законе обеспечительные сделки. Кроме того, смарт-контракт может выступать и в качестве совершенно нового способа обеспечения исполнения обязательства, даже если предмет соответствующей сделки не направлен на обеспечение исполнения основного обязательства, что делает рассматриваемую технологию уникальной и допускает возможность квалификации смарт-контракта как обеспечительной сделки.

Пристатейный библиографический список

1. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. № 5. С. 17-20.
2. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108-118.
3. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2016. С. 40.
4. Латынцев А. В. Система способов обеспечения исполнения договорных обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 100.
5. Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. № 1. С. 66-82.

МАВЛЯНОВА Екатерина Нурьевна

аспирант, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕФТИ ТРУБОПРОВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается существующая на данный момент в Российской Федерации система правового регулирования в сфере нефтяной промышленности и транспортировки нефти. Отмеченная в статье важность рассматриваемой сферы деятельности определяет актуальность рассмотрения проблемных вопросов в данной сфере. Большое количество нормативных правовых актов на разных уровнях юридической власти требуют четкого понимания порядка их применения и взаимодействия между собой при выстраивании правовых отношений. Автором статьи приведен список основных нормативных правовых актов, выстраивающих систему права и правовых норм в сфере транспортировки нефти трубопроводом в Российской Федерации. Выведенные в результате анализа автора тезисы раскрывают не решенную юридическую проблематику, что является основанием для дальнейшего изучения данной темы. Автором статьи подчеркивается необходимость систематизации, оптимизации и доработки существующей нормативной правовой базы.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, нормативная правовая база, регуляторы права, правовые отношения, нефть, нефтепродукты, трубопроводный транспорт.

MAVLYANOVA Ekaterina Nurjeva

postgraduate student, Institute of Law, Russian University of Transport (MIIT)

ANALYSIS OF THE REGULATORY FRAMEWORK IN THE FIELD OF OIL TRANSPORTATION BY PIPELINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the current system of legal regulation in the Russian Federation in the field of the oil industry and oil transportation. The importance of the field of activity under consideration, noted in the article, determines the relevance of addressing problematic issues in this area. A large number of regulatory legal acts at different levels of legal authority require a clear understanding of how they are applied and how they interact with each other when building legal relations. The author of the article provides a list of the main regulatory legal acts that build a system of law and legal norms in the field of oil transportation by pipeline in the Russian Federation. The theses deduced as a result of the author's analysis reveal unresolved legal issues, which is the basis for further study of this topic. The author of the article emphasizes the need for systematization, optimization and refinement of the existing regulatory legal framework.

Keywords: regulatory legal acts, regulatory legal framework, legal regulators, legal relations, oil, petroleum products, pipeline transport.

Мавлянова Е. Н.

В наше время нефть является ключевым ресурсом энергетики и промышленности, без которого цивилизованный мир сейчас невозможно представить. Поскольку Российская Федерация является одной из лидирующих стран мира по добыче нефти, оборот данного ресурса глубоко интегрировался в деятельность государства и промышленного комплекса страны, что в свою очередь требует структурированной и всеобъемлющей нормативной правовой базы, регламентирующей правовые отношения в этой сфере.

Нефтяная промышленность имеет множество различных направлений, которые имеют свои особенности и нюансы при осуществлении характерной им деятельности, в том числе правового характера. Для четкого и полного уровня правового регулирования со стороны государства в той или иной деятельности необходимо иметь специализированные нормативные правовые акты, обеспечивающие качественную нормативную правовую базу для регулирования выстраиваемых в ходе такой деятельности правовых отношений. В соответствии с таким подходом следует уделить больше внимания правовому регулированию транспортировки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом в Российской Федерации.

Транспортировка нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом в Российской Федерации имеет ряд

нормативных правовых актов на разных уровнях власти, устанавливающих нормы права. Основными из них следует считать:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (утвержден Федеральным законом от 30.11.1994 года № 51-ФЗ).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (утвержден Федеральным законом от 31.07.1998 года № 146-ФЗ).
4. Земельный кодекс Российской Федерации (утвержден Федеральным законом от 25.10.2001 № 136-ФЗ).
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации (утвержден Федеральным законом от 29.12.2004 № 190-ФЗ).
6. Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях» (утвержден Федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (утвержден Федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ).
8. Федеральный закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах».
9. Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции».

10. Федеральный закон Российской Федерации от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях».

11. Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса».

12. Постановление Правительства РФ от 21.08.2000 № 613 «О неотложных мерах по предупреждению и ликвидации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов».

13. Приказ Минэнерго России от 19.06.2003 № 232 «Об утверждении Правил технической эксплуатации нефтебаз».

14. Приказ Ростехнадзора от 11.12.2020 № 521 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности для объектов сжиженного природного газа».

Помимо вышеуказанных существуют и иные международные договоры Российской Федерации, и подзаконные нормативные правовые акты.

В процессе транспортировки нефти посредством трубопроводного транспорта стороны-участники выстраивают взаимоотношения посредством договора на основании п. 2 ст. 548 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако на практике возникает вопрос о правильном выборе подвида указанного в Гражданском кодексе Российской Федерации договора энергоснабжения (ст. 539 – 547) – поставка или энергоснабжение. Такая неопределенность приводит к различию применяемых к ним правовых норм, а значит и правовому регулированию деятельности в целом. Возникает же такая проблема в связи с тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации не учитывает специфики деятельности транспортировки нефти и не способен однозначно определить порядок правового регулирования возникающих гражданско-правовых отношений.

Транспортировка нефти посредством трубопроводного транспорта в Российской Федерации имеет очевидную особенность: несмотря на значительное количество регуляторов права, среди них нет специального закона, учитывающего особенности деятельности конкретно в данной сфере и являющимся собирательным документом, устанавливающим порядок правового регулирования в такой большой промышленной сфере.

На основе изучения структуры и иерархии нормативных правовых актов, терминологии и рассмотрения предмета регулирования, по результатам анализа существующей нормативной правовой базы можно сказать следующее:

1. Большинство перечисленных актов посвящено отношениям, связанным с эксплуатацией магистральных нефтепроводов, используемых ОАО «АК «Транснефть». Можно сделать вывод, что правовые отношения в этой сфере основываются в основном на установленных Гражданским кодексом Российской Федерации нормах, не учитывающим специфику деятельности. В связи с этим конкретная форма регулирования избирается участниками отношений транспортировки нефти, и, как показывает практика, этот выбор далеко не всегда соответствует сути возникающих отношений. Более того, сложности правового регулирования в такой ситуации возникают и при определении иерархии применения актов, содержащих нормы гражданского права.

2. Большое количество нормативных правовых актов, которые регулярно дорабатываются и претерпевают изменения, могут привести к противоречиям между ними на разных уровнях власти, что требует дополнительного анализа и корректировки всей системы права в сфере деятельности.

3. Сложность и объем нормативной правовой базы по правовому урегулированию транспортировки нефти посредством трубопровода может затруднить понимание и применение законодательства, даже для специалистов. В связи с этим необходимо провести систематизацию и оптимизацию нормативных документов.

4. Отсутствует закон, который главным образом определяет организацию и правовые основы сторон-участниц транспортировки нефти посредством трубопроводов. Такой закон мог бы оптимизировать систему нормативных документов, учитывать специфику деятельности и определять порядок применения иных нормативных правовых актов.

Некоторые специалисты, такие как Ситников С. Л. и Корепанов К. В., поддерживают целесообразность принятия единого Федерального закона, посвященного магистральному трубопроводному транспорту, который определил бы основные понятия данной сферы, в том числе само определение магистрального трубопровода, основные принципы государственной политики в отношении магистрального трубопроводного транспорта, технические требования, тарифы и их регулирование и так далее. Отдельная глава данного Федерального закона должна быть посвящена транспортировке различного энерготоплива по магистральному трубопроводу, в том числе нефти. Этот Федеральный закон должен быть головным в системе правового регулирования транспортировки нефти по трубопроводу и призван решить ряд возникающих на текущий момент сложностей.

В конечном счете, можно сказать, что существующая нормативная правовая база обеспечивает правовое регулирование транспортировки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом, однако она не учитывает всех особенностей выстраиваемых правовых отношений, имеет ряд пробелов и сложностей. В виду этого она не является всеобъемлющей и способствует возникновению юридических коллизий на практике. В связи с этим необходимо провести дополнительное исследование, оптимизировать и уточнить нормативные правовые акты, устанавливающие нормы права в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Официальное издание. - М.: Юридическая литература, 2023.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
3. Гражданское право: учебник. Часть вторая // под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. - М.: Проспект, 2001.
4. Ситников С. Л. Гражданско-правовое регулирование транспортировки нефти посредством системы нефтепроводов. Актуальные проблемы соотношения вещно-правовых и обязательно-правовых отношений. - М., 2007.
5. Корепанов К. В. Правовое регулирование транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам. - М., 2016.

МУБИНОВ Денис Димович

аспирант, Юридический факультет, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА-СУПРУГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В данной статье анализируются правовые аспекты банкротства граждан, состоящих в зарегистрированном браке, а также влияние совместных обязательств супругов на процесс формирования и распределения конкурсной массы. Рассматриваются статистические данные, подтверждающие рост числа банкротств среди граждан в 2023–2024 годах, что обусловлено высокой закредитованностью населения и увеличением ключевой ставки. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, в том числе правовому регулированию общих обязательств супругов, порядку их удовлетворения и распределению имущества в процедуре банкротства. Исследуется существующий правовой дискурс относительно презумпции индивидуальности долгов, установленной судебными актами, в отличие от подходов, предполагающих общность имущественных обязательств супругов. Отдельное внимание уделяется проблеме распределения бремени доказывания принадлежности обязательств к общим долгам супругов, а также правовым механизмам защиты интересов второго супруга, не являющегося должником.

Ключевые слова: банкротство граждан, конкурсная масса, обязательства супругов, кредиторы, судебная практика, защита имущественных прав.

MUBINOV Denis Dimovich

postgraduate student, Faculty of Law, University of Management «TISBI», Kazan

PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE SPOUSE IN THE REALIZATION OF THE DEBTOR'S DAMAGE DURING THE PROCEDURES APPLIED IN THE BANKRUPTCY CASE

This article analyzes the legal aspects of bankruptcy of citizens who are in a registered marriage, as well as the impact of joint obligations of spouses on the process of formation and distribution of bankruptcy estate. Statistical data confirming the increase in the number of bankruptcies among citizens in 2023–2024 are being considered, which is due to the high level of creditworthiness of the population and an increase in the key interest rate. Special attention is paid to the analysis of judicial practice, including the legal regulation of the general obligations of spouses, the procedure for their satisfaction and the distribution of property in the bankruptcy procedure. The existing legal discourse on the presumption of the individuality of debts, established by judicial acts, in contrast to approaches involving the common property obligations of spouses, is investigated. Special attention is paid to the problem of distributing the burden of proving that obligations belong to the common debts of spouses, as well as legal mechanisms for protecting the interests of the second spouse, who is not a debtor.

Keywords: bankruptcy of citizens, bankruptcy estate, obligations of spouses, creditors, judicial practice, protection of property rights.

За 2023 и 2024 годы наблюдается тенденция к увеличению количества банкротств. Так, за 2023 год количество граждан, признанных судом банкротом, увеличилось на 28,8 % относительно 2022 года¹. В свою очередь, в 2024 году количество банкротств граждан увеличилось на 18,2 % уже относительно 2023 года. Среди этих банкротств все чаще встречаются банкротства лиц, правоотношения которых усложняются наличием у должника зарегистрированного брака. При этом, наличие у должника зарегистрированного брака формирует особенности реализации института банкротства, которые влияют на права и обязанности иных сторон процесса. Процедура несостоятельности (банкротства) – это сложный механизм достижения баланса разнонаправленных интересов участников, вовлеченных в данный процесс. В связи с этим, наличие особенностей общих обязательств супругов может повлиять и на объем удовлетворенных в пользу кредиторов требований.

Следует также отметить экономическую конъюнктуру российской современности, которая заключается в рекордной перекредитованности населения. Так, по данным Центрального Банка Российской Федерации (ЦБ РФ), число граждан, которые пользуются кредитными продуктами, достигло 50 млн. Это больше 40 % населения России в возрасте старше 16 лет². А с учетом статистики заключения и расторжения браков в России³, следует отметить большое количество расторжений и заключений браков среди лиц, которые являются наиболее активными получателями кредитных продуктов. Также 2024 год стал особым с точки

зрения беспрецедентного увеличения ключевой ставки, которая с 8,50 % (24 июля 2023 г.) увеличилась до 21 % (28 октября 2024 г.) и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению, что напрямую коррелирует с процентами на кредиты и их ставки. Подобная ситуация позволяет констатировать о создании условий для дальнейшего увеличения количества банкротств супругов, в связи с чем актуализируется вопрос об общих обязательствах супругов в делах о банкротстве.

Далее рассмотрим ряд актуальных проблем в сфере реализации имущества должника, находящегося в браке, при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве

Процедура предъявления требования кредитора детально регламентирована Законом о банкротстве и содержится пункт 4 статьи 213.24, статья 100 и статья 16 Закона о банкротстве⁴. Так, кредитор, желающий участвовать в распределении конкурсной массы за счёт имущества должника, должен быть включен в реестр требований кредиторов должника на основании вступившего в законную силу определения суда, устанавливающего состав и размер кредитора.

Пункт 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве установил общие правила, касающиеся общих обязательств, тем не менее, не раскрыв дальнейшую судьбу общих супружеских долгов в случае банкротства одного из супругов, в частности, не раскрыты следующие вопросы:

1. к компетенции какого суда относится установление характера обязательства, приобретенного в браке одним из супругов, признанного банкротом;
2. какой порядок установления характера обязательства и последствия;
3. что входит в предмет доказывания и как распределяется бремя доказывания;
4. в каком порядке погашаются требования кредитора, основанного на общем обязательстве;

1 Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/92363488-025e-4d4f-b79e-e0e922258d9b> (дата обращения: 01.10.2024).

2 Османова Д. А. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве).

Автореферат диссертации на соискание степени к.ю.н. – М., 2018. – С. 9.

3 Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=17161> (дата обращения: 30.11.2024).

4 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

5. способы защиты прав второго супруга (бывшего супруга), не признанного банкротом.

На сегодняшний день презумпция общности на долги супругов не распространяется, что в первую очередь направлено на защиту имущественных интересов супруга, не участвующего в обязательстве. Супруг-должник знает, на какие цели были расходованы денежные средства, полученные по обязательству, поэтому может представить доказательства направления, полученного на общие семейные нужды. Второй же супруг может и не знать вовсе о наличии обязательства. В таком случае, обязывать супруга, не участвующего в сделке, доказывать личных характер долга, несправедливо.

В контексте анализа актуальных вопросов по рассматриваемой нами проблематике, следует отметить наличие обширной судебной практики и догматики, относящейся к теме исследования. Обуславливается это тем, что несмотря на усложнение общественных отношений, данные институты являются базовыми и основными для семейных отношений. Кроме того, следует отметить некоторое изменение вектора догматики – если 15-20 лет назад исследователи отмечали рудиментарность и непроработанность отдельных аспектов в вопросах общих обязательств супругов, то в настоящий момент круг подобных его тем сильно сузился. Однако, как отмечается в настоящей статье, еще остались вопросы, которые предстоит нивелировать посредством дальнейшего совершенствования законодательства, что может быть возможным только при условии дальнейших исследований, посвященных вопросам общих обязательств супругов.

На сегодняшний момент в судебной практике устоялось единое мнение по распределению бремени доказывания общности обязательства. На основании практики Верховного суда РФ можно сделать, что обязательства супруга, возникшее в браке, является личным, пока им не доказаны обстоятельства в силу пункта 2 статьи 45 СК РФ. Таким образом, резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что судебной практикой выработана позиция о презумпции индивидуальных обязательств.

Далее более подробно рассмотрим проблему

Действующее законодательство больше соответствует прокредиторскому подходу, поскольку предпочитает продажу имущества целиком продаже доли в праве. Это, безусловно, имеет экономический смысл, ведь доля в праве – менее ликвидный товар, чем целый объект. «Законодатель, тем самым, преследует цель ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования», – отмечается в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Верховного суда № 306-ЭС19-22343 по делу № А65-40314/2018⁵.

Такой подход законодателя также критикуется, отмечается, что чрезмерно высокий стандарт защиты кредиторских прав, нарушает баланс между правами кредиторов, с одной стороны, и лиц, имеющих семейные правоотношения с должником – с другой. Включение всего общего имущества супругов в конкурсную массу фактически приводит к тому, что право собственности другого супруга, не являющегося должником, нарушается⁶.

Действующая судебная практика исходит из того, что положения нормы 255 ГК РФ о порядке обращения взыскания на долю в общем имуществе после признания гражданина-банкрота вообще не применяются. Из пункта 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020 следует, что судебный акт о признании должника банкротом санкционирует обращение взыскания на все его имущество, в том числе и на долю в праве общей собственности, и это не позволяет применить положения ст. 255 ГК РФ, касающиеся отношения, возникающих до получения этой санкции⁷.

Позиция верховного суда прослеживается и в дальнейших судебных актах, например, в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2023 № 13АП-1412/2023 по делу № А56-90959/2016⁸.

5 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Верховного суда № 306-ЭС19-22343 по делу № А65-40314/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.

6 Радионов Н. С. Порядок и проблемы расчета с кредитором по общему долгу супругов // Legal Bulletin. – 2023. – № 4. – С. 167-177.

7 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 3. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020). // Официальный сайт ВС РФ. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/34051/> (дата обращения: 12.11.2024).

8 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2023 № 13АП-1412/2023 по делу № А56-90959/2016 // Картотека арбитражных дел. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>.

Особенности наблюдаются и в распределении выручки от реализации общего имущества между кредиторами, в том числе, по общим обязательствам, и с супругом должника.

Согласно пункту 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве общий долг погашается за счёт общего имущества супругов, кредитор при этом получает преимущественное удовлетворение своего требования перед вторым супругом за счёт общего имущества, а супруг-сособственник получает причитающееся ему долю только после расчёта с кредитором.

На сегодняшний день устоявшейся позицией стала позиция Верховного суда, изложенной в пункт 6 Постановления Пленума № 48 от 25.12.2018 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». Согласно позиции Верховного суда, устанавливается следующий порядок погашения общего обязательства и выплаты супругу, не являющегося банкротом, его доли:

1) погашаются требования всех кредиторов, в том числе и по текущим обязательствам, из стоимости личного имущества и стоимости общего имущества супругов, приходящейся на долю должника,

2) затем денежные средства от реализации общего имущества, приходящие на долю супруга должника, в непогашенной части отправляются на погашение требования кредитора по общему обязательству,

3) денежные средства от реализации общего имущества, оставшиеся после расчёта с кредитором по общему обязательству, передаются супругу должника.

Таким образом не только законодатель, но и судебная практика сегодня отдаёт предпочтение защите прав кредиторов, определяя, что в первую очередь происходит расчёт с кредитором по общему долгу, и только потом, если денежные средства останутся, будет проведён расчёт с супругом должника.

Считаем, что после установлении требования кредитора как общего становится необходимым соблюдать права и защищать интересы супруга должника, возможно, ставя их в приоритет перед защитой прав кредиторов, ведь в процедуре банкротстве супруг должника не рассматривается в качестве профессионального участника гражданского оборота, и потому его права должны защищаться в первую очередь.

В рамках настоящей статьи выявлены ключевые проблемы действующего законодательства, связанные с отсутствием четкого порядка установления характера обязательств, приобретенных в браке, и механизмов защиты прав второго супруга, не признанного банкротом.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 3. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // Официальный сайт ВС РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/34051/> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Верховного суда № 306-ЭС19-22343 по делу № А65-40314/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2023 № 13АП-1412/2023 по делу № А56-90959/2016 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>
5. Османова Д. А. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). Автореферат диссертации на соискание степени к.ю.н. – М., 2018. – С. 9.
6. Радионов Н. С. Порядок и проблемы расчета с кредитором по общему долгу супругов // Legal Bulletin. – 2023. – № 4. – С. 167-177.
7. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/bdb9dfec-df64-4207-b713-4bd7133f172a> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=17161> (дата обращения: 30.11.2024).

НИКИЕНКО Константин Геннадьевич

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Московский гуманитарный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В данной статье рассмотрены основные проблемы правового регулирования в сфере миграции Российской Федерации. Выделены основные направления эволюции миграционной политики, проведен анализ новелл действующего законодательства и их влияние на характер проводимой миграционной политики, национальную безопасность Российской Федерации.

Выделены основные проблемы регулирования трудовой миграции. В качестве одной из существенных проблем правового регулирования миграционной политики в РФ выделена недостаточная эффективность действующей системы миграционного учета и рассмотрены пути решения данной проблемы. Дана оценка развитию действующего законодательства в сфере миграционной политики и сформулирован ряд предложений, направленных на дальнейшее его совершенствование.

Ключевые слова: миграция, мигрант, трудовая миграция, незаконная миграция, миграционная политика.

NIKIENKO Konstantin Gennadjevich

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty, Moscow University for the Humanities

CURRENT ISSUES OF IMPROVING THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MIGRATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the main problems of legal regulation in the migration policy of the Russian Federation. The factors influencing the persistence of illegal migration are highlighted. The concepts of "migrant" and "external labor migration" have been clarified. Based on the analysis of regulatory legal acts in the field of migration policy, it is concluded that there is no legislative consolidation of the term "illegal migration" and its author's interpretation is given. The main problems of regulating labor migration are highlighted. Insufficient effectiveness of interdepartmental cooperation is highlighted as one of the significant problems of legal regulation of migration policy in the Russian Federation. An assessment of the development of current legislation in the field of migration policy is given and a number of proposals aimed at its further improvement are formulated

Keywords: migration, migrant, labor migration, illegal migration, migration policy

Никиенко К. Г.

Российская миграционная политика на протяжении последних двух десятилетий прошла сложный путь и неоднократно меняла свое направление от сравнительно либеральной, ориентированной на представление о внешней трудовой миграции как наиболее эффективном решении проблемы нехватки трудовых ресурсов, до консервативно-рестрикционной. Начиная с 2020 года приоритетным становится подход оценки потребностей в трудовых мигрантах с точки зрения не только экономических интересов, но и национальной безопасности, что обусловило не только ужесточение миграционной политики, но и передача ключевых полномочий в сфере её планирования Совету безопасности РФ.

О недостаточной последовательности существующей миграционной политики свидетельствует тот факт, что на фоне обсуждения проблемы о необходимости ограничения возможности иностранных граждан занимать некоторые профессии, касающиеся обеспечения безопасности государства и отдельных граждан, в декабре 2022 года из ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1] были исключены положения относительно запрета иностранцам поступать на государственную и муниципальную службу. Соответственно в законодательство, регулирующее порядок муниципальной службы [2] были внесены изменения, позволяющие занимать муниципальные

должности представителям тех стран, с которыми у России заключены межгосударственные соглашения [3]. Учитывая, что с учетом того, что муниципальные служащие наделяются определенным объемом властных полномочий и призваны всемерно способствовать защите интересов муниципального образования и проживающих в нем граждан, возникает вопрос о том, насколько трудовой мигрант способен к осуществлению данной задачи.

Еще одна особенность миграционной политики, реализуемой в Российской Федерации, состоит в межотраслевом характере её правового регулирования.

Контроль за миграционными потоками, организация учета трудовых мигрантов в соответствии с действующим законодательством возложено на Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. Однако, на настоящий момент, возможности осуществлять действенный контроль за потоками трудовых мигрантов, у ГУВМ МВД нет, поскольку вопросы трудоустройства, выбор формы трудовой деятельности регулируются другими органами. Так, количество квот ежегодно утверждается Министерством труда и социальной защиты РФ о соответствии трудового мигранта критериям высококвалифицированного специалиста, въезд и пребывание которого в Российской Федерации определяется на основании специальной программы работодателя. Таким образом, количество и качество привлекаемых мигрантов определяет бизнес, как правило, крупный, руководствующийся преимущественно экономическими интересами, прежде всего, снижением расходов на оплату труда.

* Благодарность. Исследование выполнено при поддержке компаний Общество с Ограниченной Ответственностью «НикиенКо» и АНО Центр правовой и социальной поддержки граждан «НикиенКо».

ГУВМ МВД лишено эффективных, законодательно закреплённых, инструментов, которые позволяли контролировать соблюдение указанных условий и тем самым защищать как интересы трудовых мигрантов, так и государства при реализации программы привлечения высококвалифицированных специалистов.

Фактически единственным направлением, которым сегодня ограничено участие МВД РФ в осуществлении миграционной политики становится работа по предупреждению и пресечению нарушений административного и уголовного законодательства.

Таким образом, сложившееся положение свидетельствует об отсутствии межведомственного взаимодействия между органами МВД РФ и другими органами государственной власти в сфере планирования, реализации и контроля миграционной политики. Например, Министерство труда и социальной защиты, принимая решение о выделении квот на привлечение трудовых мигрантов, должно согласовывать свое решение не только с бизнес-структурами, но и с МВД РФ в части подтверждения локализации и трудоустройства приглашенных иностранных сотрудников. Можно согласиться с П.В. Лукояновым в том, что Управление трудовой миграции МВД РФ должно привлекаться не только к обсуждению количества выделяемых квот, но и к согласованию будущего региона проживания мигрантов, поскольку используемая в настоящее время форма учета по месту временной регистрации не дает возможности выявить какое количество мигрантов реально сконцентрировано в том или ином регионе или муниципальном образовании [4]. Распределение квот без учета мнения региональных структур МВД РФ как следствие, влечет за собой образование так называемых «анклавов», мест, где компактно проживают мигранты и их семьи, увеличивая социальную нагрузку и повышая риск криминогенных ситуаций.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о недостаточной плановости и последовательности миграционной политики Российской Федерации, что, в немалой степени, обусловлено пробелами в законодательстве, регулирующем отношения в сфере миграции. Так, к примеру, анализ нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере выявляет отсутствие легального определения целого ряда ключевых понятий, в том числе таких терминов как «миграция» и «мигрант». Несмотря на упоминание внешней трудовой миграции в целом ряде нормативных правовых актов различного уровня, в отечественном законодательстве по настоящее время отсутствует определение этого явления, как и понимания того, кто же может быть отнесен к категории мигрантов, что, в свою очередь, может отразиться на качестве правового регулирования. В целом ряде документов, направленных на регулирование миграционных процессов, предпринималась попытка дефинировать указанное понятие [4, 5, 6, 7]. На основе анализа содержащихся в данных документах формулировок, можно выделить такие ключевые признаки внешней трудовой миграции как приезд на территорию РФ из другого государства, трудоустройство как основная цель пребывания в России и его ограниченный по времени характер, а также сохранение постоянного проживания в стране-доноре.

Термин «мигрант» также не имеет однозначного понимания и, в зависимости от того в контексте какого нормативного правового акта он использован, к указанной категории могут быть отнесены субъекты с различным статусом. Благодаря Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [7] было конкретизировано значение понятий «трудовой мигрант» как субъектов, пересекающих Государственную границу России и оказывающихся на её территории с определенными намерениями, связанными с трудоустройством.

Пробелы также наблюдаются и в правовых основах, которые регулируют в первую очередь различные передвижения иностранных граждан, в том числе и трудовых мигрантов, в частности, анализ положений ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» выявляет отсутствие четкого определения момента, с которого иностранный гражданин считается пребывающим на территории нашей страны.

В целях улучшения правового регулирования миграционной политики и управления миграционными потоками можно выдвинуть ряд предложений:

1. Планирование миграционной политики должно осуществляться на основах партнерства и координации уполномоченных ведомств и бизнес-сообщества, в том числе государственных органов, правоохранительных структур, как федерального, так и регионального уровня, некоммерческих организаций.

2. С целью координации выработки и реализации миграционной политики, её важности, как для экономики России, так и национальной безопасности государства, представляется целесообразным создание специального Министерства по делам миграции.

На сегодняшний день, миграционное законодательство является одним из самых обширных, поскольку включает в себя множество законов различных уровней, а также постановления правительства и другие подзаконные правовые акты. Сложность миграционного законодательства, а также отсутствие четкого определения ряда основополагающих терминов обуславливает необходимость создания Кодекса, регулирующего миграционное законодательство. Кодекс в юридическом смысле – это систематизированный свод законов, относящихся к какой-либо области права. Что упростит изучение миграционной политики и её применение на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 09.11.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
2. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
3. Федеральный закон от 29.12.2022 № 602-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть I). ст. 49.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668 «О Федеральной миграционной программе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 18. Ст. 2065.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5406.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 10. Ст. 923.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 8 июня 2012 г. № Пр-1490 // СПС КонсультантПлюс.
8. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622// СПС Консультант Плюс.
9. Лукоянов П. В. Межведомственное взаимодействие министерства внутренних дел РФ с иными органами исполнительной власти при реализации миграционной политики // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Чебоксары, 12 декабря 2023 года. – Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. – С. 102-107.

РАЕНКО Елена Петровна

студент направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правосудие по гражданским, административным делам и экономическим спорам», Западно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Томск; консультант МУ «Управление имущества, градостроительства и земельных отношений города Горно-Алтайска»

СУЛТАНОВА Анна Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Западно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Томск

ФОРМЫ ВЛИЯНИЯ НА СДЕЛКУ ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ, И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЛЯ НИХ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

В условиях динамично развивающейся сферы экономики, с учетом роста на рынке количества сделок с недвижимостью, увеличением нормативно-правовой базы, большим количеством избыточных и непрозрачных административных процедур, связанных с принудительным исполнением судебных актов, происходит усложнение процесса рассмотрения дел из категории «признание сделки недействительной». Анализ правовой природы сделки и правовых последствий недействительности сделки показывает, появление третьих лиц, участвующих в преддоговорных процедурах, усложняет процесс разрешения споров в судебном порядке по вопросам, связанным с определением вовлеченных сторон и их правового статуса, что приводит к трудностям в определении правовых последствий для участников. Авторы рассматривают формы влияния третьих лиц и возможности определения связанных с этим правовых последствий.

Ключевые слова: сделка; последствия недействительности сделки; административные процедуры, преддоговорные процессы.

RAENKO Elena Petrovna

student, specializing in 40.04.01 Jurisprudence within the master's degree curriculum focused on «Justice in Civil, Administrative matters, and Economic Disputes», West Siberian branch, Russian State University of Justice, Tomsk, consultant for the Municipal Institution «Management of Property, Urban Planning, and Land Relations of Gorno-Altaysk»

SULTANOVA Anna Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil process sub-faculty, West Siberian branch, Russian State University of Justice, Tomsk

FORMS OF INFLUENCE ON THE TRANSACTION BY THIRD PARTIES, AND DETERMINING THE LEGAL CONSEQUENCES FOR THEM

In the context of a dynamically developing economy, taking into account the growth in the number of real estate transactions on the market, an increase in the regulatory framework, and a large number of excessive and opaque administrative procedures related to the enforcement of judicial acts, the process of considering cases from the category of "invalidation of transactions" is becoming more complicated. An analysis of the legal nature of the transaction and the legal consequences of the invalidity of the transaction shows that the appearance of third parties involved in pre-contractual procedures complicates the process of dispute resolution in court on issues related to the identification of the parties involved and their legal status, which leads to difficulties in determining the legal consequences for the participants. The author examines the forms of third-party influence and the possibilities of determining the legal consequences associated with it.

Keywords: transaction; consequences of the invalidity of the transaction; administrative procedures, pre-contractual processes.

Институт недействительности сделок имеет богатую историю и играет важную роль в правовой системе.

К актуальным работам в изучении понятия «сделка» и ее определение, относятся работы Лебедева, В. М. автор научной статьи «О понятии сделки в ГК РФ». Существенный вклад в развитие института внес Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев, считал: «сделка - это своеобразная форма волеизъявления сторон сделки по достижению ими заранее определенной цели. В этом смысле соотношение воли и волеизъявления составляет единый процесс, поскольку они следуют друг за другом. Этот процесс носит объективно-субъективный характер, поскольку на его содержании сказывается отпечаток личности стороны сделки. Действительно, сделка – это всегда волевой акт, действия людей» [1, с. 115-116].

Проблемы выбора способа защиты по темам «сделка», «договор», «недействительность сделки» находят свое отражение во многих исследовательских работах. Научные иссле-

дования выделяют основу в понятии «сделка» - ей является непосредственно добровольность сторон и их явная воля совершить сделку.

В ч. 1 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)¹ (далее – ГК РФ) указано, в случае если сделка совершена под влиянием насилия или угрозы, то она может быть признана недействительной в судебном порядке. Статьей 179 Уголовного кодекса Российской Федерации от (далее – УК РФ), фиксируется что сделка, совершенная по принуждению, относится к уголовно – наказуемому деянию.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. № 32, ст. 3301.

Раенко Е. П.

Султанова А. А.

Таким образом, законодательством презюмируется добровольность сторон в совершаемых сделках. Настоящее время диктует новые правила, так появились административные процедуры, закрепившие участие третьих лиц, т.е. лиц, которые по факту имеют статус «де-юре» в сделке, но имеют заинтересованность в исполнении чужого обязательства, вследствие этого к добровольности добавилась форма «обязанности», т.е. когда у одной из сторон возникает обязанность по совершению сделки. Обязанность может возникать на основании судебного акта. Судебная защита прав предусматривает, что сторона вправе обратиться в суд с иском о понуждении стороны к заключению в случае уклонения другой стороны от заключения договора. Обязанность также возникает в ходе исполнительного производства, когда имущество подвергается аресту, и последующей реализации с торгов с целью обеспечить исполнение обязательств, возникших на основании судебного акта. Как правило при возникновении «обязанности» у стороны, такая сторона фактически и непосредственно уже не принимает участие в заключении сделки, в силу различных норм, от лица такой стороны в оформлении документов и непосредственно в передаче имущества участвуют органы, на которых возлагается такая обязанность.

В результате уже невозможно утверждать, что сделка совершена и действительна только когда обе стороны имеют намерение ее заключить.

Формы влияния третьих лиц, заключены в административных процедурах, которые предусмотрены такими законами, как ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (с изм. 23.11.2024). В соответствии со статьей 66 указанного закона, судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в регистрирующий орган, за регистрацией права собственности должника. Ст. 89 указанного закона дает право реализовать арестованное имущество должника на торгах, при этом пункт 1 статьи 89 того же закона, делает отсылку на специализированную организацию, имеющую права в соответствии с законодательством осуществлять организацию торгов и заключать по результатам торгов договор, в том числе осуществлять передачу имущества. Статья 87 указанного закона, определяет службу судебных приставов как «Заказчика», и по акту приема-передачи передает имущество специализированной организации, и, следовательно, дальнейшие отношения между службой судебных приставов в статусе «Заказчика» и специализированной организацией в статусе «Исполнителя» регламентируются гражданским кодексом (ст. 447-449.1). Еще одним законом является ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ-44), формы влияния третьих лиц предусмотрены и иными нормативно-правовых актов.

В результате исполнения судебного акта путем применения принудительных мер и применения административных процедур «добровольность» и намерение заключить сделку присутствует только у одной стороны, т.е. у стороны, которая будет принимать участие на торгах с целью приобрести имущество, вторая сторона, будучи собственником имущества повлиять на результат не имеет возможности.

В настоящее время имущество, реализуемое с торгов, пользуется спросом, так как есть возможность приобрести по более низкой цене, к примеру недвижимость, в связи с этим зачастую возникает и оспаривание сделок. На стадии подачи иска возникают сложности в части выбора способа защиты, определения круга лиц, которые должны быть участниками процесса. Как правило, именно на суд в итоге возлагается обязанность в ходе рассмотрения дела ответить на все эти вопросы.

Анализ судебной практики показывает, что порой действия третьих лиц, совершаемые в рамках административных процедур, могут приводить фактически к абсурдным результатам. Так в 2014 году Арбитражным судом было рассмотрено дело А02-2499/2014² по иску предпринимателя, который приобрел с торгов недвижимое имущество, но по факту, специализированная организация, организовавшая торги, не смогла передать имущество предпринимателю, по причине

его отсутствия. Предприниматель обратился в суд за расторжением договора, в связи с неисполнением договора другой стороной, а именно специализированной организацией, несмотря на то, что имущество не принадлежало специализированной организации на праве собственности, стороной по сделке выступала указанная организация. При рассмотрении дела, суд опередил круг лиц, в качестве третьего лица не заявляющих самостоятельных требований привлечена служба судебных приставов, в ходе судебного процесса выяснилось, что недвижимое имущество должника не было зарегистрировано на праве собственности, тем не менее службой судебных приставов оно арестовано. Суд после исследования доказательств, пришел к выводу, что требования о расторжении договора либо признания его ничтожным удовлетворению не подлежат, так как фактически стороны не достигли соглашения по предмету договора, что является существенным условием любого соглашения (ст. 432 ГК РФ), и спорный договор был признан незаключенным.

После предприниматель обратился в суд с требованием о взыскании денежных средств, полученных стороной по договору, отказывая предпринимателю суд указал, что ни должник, ни судебный пристав-исполнитель в случае передачи арестованного имущества на реализацию уполномоченному органу, не являются стороной договора купли-продажи арестованного имущества, следовательно, к ним не могут быть применены последствия, предусмотренные статьей 167 ГК РФ, в случаях признания договора недействительной сделкой (пункт 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2005 № 101 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства») [2].

Следующим этапом для предпринимателя стала подача иска в суд к специализированной организации и службе судебных приставов, с требованиями вернуть денежные средства, полученные вне договорных отношений, первая инстанция требования частично удовлетворила, апелляционная инстанция судебный акт отменила, в части требований к специализированной организации отказала, по причине того, что денежные средства в полном объеме были перечислены службе судебных приставов. Кассационная инстанция с правовой позицией апелляционной инстанцией согласилась, денежные средства взысканы в полном объеме с службы судебных приставов.

Таким образом, денежные средства предпринимателя, перечисленные на счет специализированной организации, взысканы с службы судебных приставов в форме убытков, т.е. с государственного органа, допустившего нарушение в ходе исполнения административных процедур, хождение предпринимателя по судебным мукам длилось пять лет.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, первое, это недостаточность научных работ по выявлению форм влияния третьих лиц, и наступления правовых последствий для них; второе, это при выборе способа защиты не маловажная роль должна отводиться формам влияния третьих лиц, при осуществлении административных процедур в преддоговорных процессах; третье, рассмотрение дел из категории «признание сделки недействительной» с вовлеченными в преддоговорные процессы третьими лицами можно отнести к категории сложных дел, требующих более глубоких знаний в области права, в связи с этим тема должна быть отдельным предметом для научных исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Лебедев В. М. О понятии сделки в ГК РФ // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 115-116. – ED№ PBXLPJ.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства от 22.12.2005 № 101 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 4.
3. Решение Арбитражного суда Республики Алтай от 23 января 2015 года по делу А02-2499/2014// сайт арбитражного суда РА: [база данных]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A02-2499/2014> (дата обращения 01.01.2025).

2 Решение Арбитражного суда Республики Алтай от 23 января 2015 года по делу А02-2499/2014// сайт арбитражного суда РА: [база данных]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A02-2499/2014> (дата обращения: 01.01.2025).

СИЗОВ Григорий Григорьевич

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ ПРОБЕЛОВ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена исследованию правовых аспектов телемедицины в России, а также анализу существующих пробелов в законодательстве и перспектив их устранения. Рассмотрены ключевые проблемы, связанные с распределением ответственности, защитой персональных данных и лицензированием технологических платформ. Приведен сравнительный анализ российского и зарубежного опыта в области правового регулирования телемедицины. Автором предложены направления совершенствования нормативно-правовой базы для создания безопасной и эффективной системы оказания медицинских услуг с использованием современных технологий.

Ключевые слова: телемедицина, правовое регулирование, медицинские услуги, защита персональных данных, цифровизация здравоохранения, нормативная база, ответственность врача, стандарты телемедицины, Россия, международный опыт.

Сизов Г. Г.

SIZOV Grigoriy Grigorjevich

postgraduate student of State-legal disciplines and digital law sub-faculty, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

LEGAL ASPECTS OF TELEMEDICINE IN MODERN RUSSIA: ANALYSIS OF GAPS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article is devoted to the study of the legal aspects of telemedicine in Russia, as well as the analysis of existing gaps in legislation and prospects for their elimination. The key issues related to the distribution of responsibility, protection of personal data and licensing of technological platforms are considered. A comparative analysis of Russian and foreign experience in the field of legal regulation of telemedicine is provided. The author suggests areas for improving the regulatory framework to create a safe and effective system for the provision of medical services using modern technologies.

Keywords: telemedicine, legal regulation, medical services, personal data protection, digitalization of healthcare, regulatory framework, doctor's responsibility, telemedicine standards, Russia, international experience.

Телемедицина, как один из ключевых элементов цифровизации здравоохранения, становится все более востребованной в современной России. Развитие информационно-коммуникационных технологий открыло новые возможности для предоставления медицинских услуг на расстоянии, что особенно актуально в условиях пандемий, при труднодоступности медицинской инфраструктуры и необходимости оперативного взаимодействия между врачами и пациентами.

Однако вместе с этими достижениями возникают и новые вызовы, связанные с правовым регулированием телемедицинских услуг. Вопросы распределения ответственности, хранения и защиты персональных данных, а также стандартизации телемедицинских процессов требуют детального анализа и системного подхода. Несмотря на наличие базового законодательства, регулирующего данную сферу, нормативно-правовая база пока остается фрагментарной и нуждается в доработке.

Цель данной статьи — проанализировать существующие пробелы в законодательстве, регулирующем телемедицину в России, и предложить направления для его совершенствования. В рамках исследования будут рассмотрены ключевые нормативные акты, судебная практика, а также сравнительный анализ российского и зарубежного опыта.

Результаты данного анализа позволят выявить основные проблемы и перспективы развития правового регулирования телемедицины, что имеет важное значение для создания

эффективной и безопасной системы оказания медицинских услуг с применением современных технологий.

Телемедицина как часть цифровизации здравоохранения играет важную роль в современной России, открывая новые возможности для оказания медицинских услуг на расстоянии. Это особенно актуально в условиях удаленности некоторых регионов, где традиционный доступ к медицинской помощи затруднен. Тем не менее, развитие телемедицины сопровождается рядом правовых и организационных вызовов, требующих системного подхода.

С юридической точки зрения, телемедицина регулируется федеральным законодательством, в том числе Федеральным законом № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Закон закрепляет основные положения, касающиеся применения телемедицинских технологий, такие как порядок консультаций, передача медицинских данных и использование электронной документации [1, с. 165-170]. Однако на практике возникает множество проблем, связанных с недостаточной детализацией законодательных норм и их применением в реальных условиях. Например, вопрос о распределении ответственности между медицинским учреждением и врачом, оказывающим услуги удаленно, остается нерешенным, что приводит к юридической неопределенности в случае некачественного оказания помощи [6, с. 124-125].

Еще одной значимой проблемой является защита персональных данных пациентов, которая в контексте телеме-

дицины приобретает особую актуальность. Взаимодействие врача и пациента предполагает передачу большого объема конфиденциальной информации через цифровые каналы. Несмотря на существование законодательства о персональных данных, его положения недостаточно адаптированы для специфики телемедицины [2]. В частности, не разработаны единые стандарты безопасности при передаче данных, что повышает риск их утечки.

Кроме того, отсутствие унифицированных профессиональных стандартов для врачей, работающих в телемедицине, создает сложности в лицензировании и оценке качества оказанных услуг. Как отмечают исследователи, внедрение таких стандартов могло бы существенно повысить доверие к телемедицинским технологиям и обеспечить их безопасное использование [7, с. 22-23]. На данный момент обучение врачей и медицинского персонала работе с цифровыми инструментами остается фрагментарным, что создает дополнительные барьеры для интеграции телемедицины в повседневную практику здравоохранения [6, с. 128].

Телемедицина в России, несмотря на свою высокую актуальность, сталкивается с рядом правовых ограничений, которые тормозят ее развитие и внедрение в систему здравоохранения. Одной из ключевых проблем является отсутствие четкого нормативного закрепления юридического статуса телемедицинских консультаций и их правовых последствий. В частности, российское законодательство не дает ясных ответов на вопрос, приравнивается ли телемедицинская консультация к традиционному медицинскому осмотру и какие обязательства несет врач, оказывающий услуги удаленно [1, с. 165-166].

На практике это приводит к неопределенности в распределении ответственности между медицинским учреждением, врачом и технологической платформой, обеспечивающей взаимодействие. Например, если в ходе телемедицинской консультации была дана некорректная рекомендация, пациенту сложно определить, кто именно должен нести ответственность за ущерб, нанесенный его здоровью. Более того, судебная практика в этой области пока не сложилась, что усугубляет правовую неопределенность и создает препятствия для пациентов, желающих защитить свои права [6, с. 125-128].

Кроме того, значительные трудности возникают в области лицензирования и аккредитации телемедицинских услуг. В настоящий момент российское законодательство не содержит четких требований к технологическим платформам, используемым для телемедицины, что приводит к использованию программных продуктов с разным уровнем безопасности и функциональности. Это несоответствие создает риски для пациентов, так как надежность передачи данных и конфиденциальность их медицинской информации может оказаться под угрозой [2]. По мнению экспертов, внедрение обязательной сертификации для телемедицинских платформ и технологий, а также стандартизация их работы могли бы существенно повысить качество оказываемых услуг и уровень доверия к ним [7, с. 23-24].

Особое внимание следует уделить вопросу защиты персональных данных. В условиях цифровизации здравоохранения телемедицина требует передачи и обработки значительного объема чувствительной информации о пациентах. Несмотря на наличие в России Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», существующие нормы недостаточно адаптированы для специфики телемедицины. Например, не определены конкретные требования к шифро-

ванию данных, использованию облачных сервисов и порядку взаимодействия с иностранными платформами, что создает дополнительные риски утечек или неправомерного использования информации [2, с. 125-126].

Одним из значительных барьеров для развития телемедицины в России является нечеткость правовых механизмов, регулирующих оказание медицинской помощи с использованием современных технологий. Федеральный закон № 323-ФЗ определяет лишь общие принципы применения телемедицины, оставляя многие аспекты на усмотрение медицинских учреждений и технологических платформ. В результате отсутствия единых стандартов возникает правовая фрагментарность, которая тормозит внедрение телемедицинских технологий в здравоохранение. Например, не определены единые процедуры идентификации пациента и врача в цифровой среде, что может создавать риски мошенничества и ошибок в передаче информации [1, с. 166-167].

Кроме того, в России не предусмотрена четкая система регулирования ответственности участников телемедицинского процесса. Если в случае традиционного медицинского осмотра врач несет прямую ответственность за качество оказания помощи, то в телемедицине границы ответственности размыты. Это приводит к ситуациям, когда пациент не может получить компенсацию за причиненный ущерб, особенно если проблема связана с техническими сбоями или неправильной интерпретацией данных [6, с. 125]. Для решения этой проблемы требуется разработка детализированных нормативных актов, устанавливающих распределение ответственности между медицинскими учреждениями, врачами и провайдерами телемедицинских платформ.

Международный опыт показывает, что эффективное правовое регулирование телемедицины возможно только при условии взаимодействия с международными стандартами и использования лучших практик. Например, в странах Европейского Союза действуют строгие правила в рамках GDPR, которые защищают права пациентов и обеспечивают безопасное использование их данных. Также в США приняты четкие протоколы для медицинских консультаций в цифровой среде, включая обязательную сертификацию врачей и технологических платформ [3]. Россия могла бы адаптировать подобные практики, учитывая национальные особенности.

Несмотря на существующие проблемы, телемедицина в России обладает огромным потенциалом для развития, что требует реформирования законодательства и создания более благоприятной нормативной среды. Одним из ключевых направлений может стать разработка специализированных нормативных актов, регулирующих различные аспекты телемедицины. Например, необходимо четко определить правовой статус телемедицинских консультаций, включая их приравнивание к традиционным осмотрам, и установить процедуры их документирования [1, с. 170-172].

Важным элементом развития телемедицины является стандартизация технологических решений. На сегодняшний день в России отсутствуют единые требования к телемедицинским платформам, что создает риски для их использования. Введение обязательной сертификации таких платформ, включающей проверку на соответствие стандартам безопасности, позволит снизить вероятность технических сбоев и утечек данных [7, с. 23]. Также следует разработать рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в телемедицине, что может существенно повысить качество диагностики и лечения.

Еще одним важным аспектом является развитие образовательной инфраструктуры для подготовки специалистов в области телемедицины. Необходимо внедрить специальные курсы и программы обучения для врачей, позволяющие им освоить новые технологии и эффективно применять их в своей практике. Такой подход уже используется в ряде европейских стран, где врачи проходят обязательную сертификацию для работы в телемедицинской среде [3].

Перспектива развития телемедицины в России зависит от комплексного реформирования законодательства, включающего как разработку новых нормативных актов, так и адаптацию международных стандартов. Эти меры позволят не только устранить правовые пробелы, но и создать условия для более широкого внедрения телемедицинских технологий, обеспечивая их доступность, безопасность и качество.

Телемедицина является неотъемлемой частью цифровой трансформации здравоохранения, предоставляя возможности для повышения доступности и качества медицинской помощи, особенно в удаленных и труднодоступных регионах. Однако правовое регулирование этой сферы в современной России остается на стадии формирования, что создает многочисленные вызовы, как для медицинских учреждений, так и для пациентов.

Ключевые проблемы включают отсутствие четкого распределения ответственности между участниками телемедицинского процесса, недостаточную защиту персональных данных и фрагментарное регулирование технологических платформ. Эти пробелы в законодательстве создают правовую неопределенность, которая мешает полноценному развитию телемедицины и снижает уровень доверия к данной технологии.

Анализ международного опыта показывает, что успешное развитие телемедицины возможно при наличии комплексного подхода, включающего детализированные нормативные акты, стандарты безопасности данных и сертификацию специалистов. Внедрение подобных мер в российское законодательство способно не только устранить существующие пробелы, но и повысить эффективность оказания медицинской помощи, соответствующей мировым стандартам.

В перспективе развитие телемедицины в России требует комплексного реформирования нормативно-правовой базы, включая разработку специальных законов и подзаконных актов, внедрение стандартов качества услуг, а также развитие образовательных программ для подготовки врачей и других специалистов. Эти шаги позволят реализовать потенциал телемедицины, способствуя созданию доступной, безопасной и качественной системы здравоохранения, которая отвечает вызовам современного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. - 2018. - № 1. - С. 165-174. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1204651/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Елизарова Ю. Доктор онлайн: правовые аспекты телемедицины в России // ГАРАНТ.РУ. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1405237/> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Иванова А. Телемедицина: правовое регулирование // BRACE. 2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://brace-lf.com/informaciya/farmatsevticheskoe-i-meditinskoe-pravo/telemeditsina-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Назарова Н. А., Валуева Н. И. Проблематика правового регулирования телемедицины в контексте цифровизации здравоохранения в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2020. - Т. 11. - С. 544–561. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/7447> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Попова А. В. Телемедицина в России и за рубежом: к вопросу о правовом регулировании // Вестник МГПУ. - 2019. - № 1 (33). - С. 53-60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbulletin.mgpu.ru/2019/03/29/telemedicizina-v-rossii-i-za-rubezhom-k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii/> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Путило Н. В., Волкова Н.С. Телемедицина: потребности общества и возможности законодательства // Журнал российского права. - 2018. - № 6 (258). - С. 124-135. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1204590/> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Соколенко Н. Н., Багнюк Д. В. Профессиональные стандарты в здравоохранении: некоторые аспекты // Медицинское право. - 2017. - № 2 (72). - С. 22-26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.medpravo.ru/articles/standards-in-healthcare> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Шаблова Е. Г., Жевняк О. В., Ли Чан. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг (на примере РФ и КНР) // Вестник экономики, права и социологии. - 2018. - С. 123-130. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-okazaniya-meditinskih-uslug-na-primere-rf-i-knr> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Благодарева М. С., Григорьев И. В., Мартиросян С. В. Правовое регулирование оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий нормативными актами Российской Федерации // Медицинское право. - 2022. - № 2. - С. 45-52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medpravo.ru/articles/telemedicine-regulations> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Морозов С. П., Владзимирский А. В., Варюшин М. С., Аронов А. В. Распределение ответственности за некачественное оказание медицинской помощи при использовании телемедицинских технологий // Медицинское право. - 2018. - № 1. - С. 34-40. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medpravo.ru/articles/liability-in-telemedicine> (дата обращения: 20.01.2025).

ТАГАЕВ Андрей Александрович

аспирант кафедры публично правовых (государственно правовых) наук, Московский городской педагогический университет,

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ВОЗВРАТА ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

В статье раскрываются стадии реализации правоотношений в Российской Федерации между лицами, допустившими просрочку платежей, а также коллекторским агентствами, кредитными и микрофинансовыми организациями. В статье предложено усилить работу по повышению финансовой грамотности граждан, и усиление роли ответственности за превышение мер воздействия на должника со стороны коллекторских организаций.

Ключевые слова: коллектор, нарушение прав граждан, стадии развития, просрочка платежа.

TAGAEV Andrey Alexandrovich

postgraduate student of Public law sciences sub-faculty, Moscow City Pedagogical University

CITIZENS' RIGHTS PROTECTION IN OVERDUE DEBT REFUND

The article describes the stages of implementation of legal relations in the Russian Federation between natural persons, who have missed payment, and collection agencies, credit and microfinance organizations. The article proposes to improve financial literacy of citizens, to legislate employment of the debtor and to increase responsibility for putting excessive pressure on a debtor by collection organizations.

Keywords: collector, violation of citizens' rights, stages of development, arrearage.

Проблемы взыскания просроченной задолженности с граждан в пользу кредитных учреждений актуальна во всем мире, наша страна не является исключением. Рынок кредитования дает широкий спектр услуг. В силу ряда как объективных так зачастую и субъективных причин граждане допускают просрочку платежей. Это зачастую толкает кредитора на обращение за помощью в специализированные организации, занимающиеся взысканием просроченной задолженности, а именно к коллекторским организациям.

В нашу страну понятие «коллекторская деятельность» (collection activity, от английского глагола to collect – собирать) пришло из США. Можно смело утверждать, что институт коллекторов в России является позитивным, хотя однозначно он имеет отличительные национальные особенности, связанные со способами и механизмами взыскания задолженности и последующими механизмами, регулирующими и сдерживающими, направленными на соблюдение гарантированных Конституцией прав и свобод граждан нашей страны.

Коллекторское агентство – по своей сути это звено между кредитором и заемщиком, которое берет на себя «обязательство проводить работу по возврату долга за определенный процент» [1].

Происходящие в российской экономике современные перемены, так же активно развивающаяся кредитно-банковская система, закрепителю граждан, влияют на стабилизацию финансового положения физических лиц. Потребительские кредиты, выдаваемые банками, микрофинансовыми и кредитными организациями, не всегда и не всеми заемщиками выплачиваются в полном объеме и не всегда своевременно. Так, по данным Банка России, в 2023 г. задолженность граждан в пользу кредитных учреждений составила 3,2 трлн. рублей¹. На принудительном исполнении в 2023 году у судебных приставов находилось 24,6 млн. исполнительных производств, где должниками в пользу кредитных учреждений были граждане России. И с каждым годом наблюдается значительный рост производств указанной категории. Согласно данным Центробанка, если говорить о сумме, то подавляющее большинство приходится на ипотеку (80 %), а вот если говорить о количественном значении, то 90 % – это потребительские кредиты граждан. Невыполнение долговых обязательств физическими лицами в полном объеме толкает

кредитные организации и банковские учреждения продавать долги коллекторским агентствам, либо самостоятельно с учетом последних изменений в законодательстве заниматься взысканием просроченной задолженности.

Методы работы с должниками со стороны коллекторских организаций зачастую противоправны и нарушают гражданские права, гарантированные Конституцией Российской Федерации. Законодательно в нашей стране уже очень многое сделано. Так, например принятый в 2016 году Федеральный закон «О защите прав законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» и закон о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 № 230 (ред.10.07.2023)².

Указанные законодательные акты закрепили, что деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности в праве осуществлять только юридические лица, включенные в соответствующий государственный реестр, ведение которого на основании постановления Правительства Российской Федерации от 19.12.2016 № 1402 осуществляет Федеральная служба судебных приставов.

Ряд гарантий для защиты прав человека в нашей стране закрепили и в указанном законе так, например закон ограничивает:

– количество личных встреч, количество и время телефонных переговоров (время непосредственного взаимодействия и общения с лицом, допустившим просрочку платежа), учет телеграфных сообщений, текстовых и голосовых сообщений, контроль за почтовой отправкой по месту постоянного жительства граждан.

Законодательно закреплено право лица об отказе от исполнения имеющегося соглашения, уведомив об этом кредитора путём направления уведомления через нотариуса или путем направления заказного письма или вручение нарочно под роспись.

¹ Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам / Сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/table/?dt=20181201&tableid=4-5> (дата обращения: 27.11.2023).

² Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 № 230-ФЗ (ред. 10.07.2023) // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497.

Взаимодействие кредитора с третьими лицами (родственники, коллеги, члены семьи, соседи и т.д.) по вопросам имеющейся задолженности и способах погашения возможно только при письменном согласии должника. Со стороны третьего лица не выражено несогласие на осуществление с ним взаимодействия.

Статья 6 ФЗ № 230 исключает применение к лицу, допустившему просрочку платежа, ряда мер, ограничивающих его свободы:

- к должнику в форме воздействия не могут быть применены физическая сила, угрозы о возможности применения силы, либо угрозы убийства, а также причинение вреда здоровью;

- недопустимо уничтожение или повреждение имущества, либо угроза таких действий;

- запрещается оказание психологического давления на должника либо его близких лиц с использованием выражений, а также совершение иных действий, унижающих честь и достоинства человека;

- также недопустимы случаи введения должника или иных лиц в заблуждение относительно вопросов касающихся правовых последствий в отношении лиц, допустивших просрочку платежей.

Необходимо отметить, что при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности законодатель обязал юридических лиц, ведущие эту деятельность, вести аудиозапись всех проводимых встреч, телефонных переговоров с должниками или иными лицами, предупреждать гражданина должника и иных лиц о ведущейся записи в момент начала общения, а так же обеспечить запись всех голосовых, текстовых, видео и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, мессенджеров, а так же подвижной радиотелефонной связи.

Законодательство, регламентирующее указанную отрасль деятельности, наделило Федеральную службу судебных приставов надзорными и контрольными функциями за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности. В качестве рычагов воздействия нормы административного и уголовного законодательства предусматривают соответствующую ответственность в отношении лиц допустивших нарушение прав и свобод человека.

Обращая внимание на нормы Конституции РФ, важно подчеркнуть, что в большинстве случаев представители коллекторских агентств могут игнорировать нормы «№» Федерального закона. Нормы, изложенные в ст. 23 и 24 Конституции РФ (ред. 01.07.2020)³, определяют, что каждый гражданин «имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Важно подчеркнуть, что в современных условиях распространение любой информации о жизни частного лица о жизни без его согласия является нарушением законодательства. Анализ многочисленных фактов из судебной практики показывает, что нередко данная норма коллекторами не соблюдается [2]. Это один из примеров нарушения прав граждан.

Ответственность по ст. 14.57 КоАП РФ за нарушение указанных мер предусматривает административные штрафы на должностных лиц, а также непосредственно на юридическое лицо. Штрафы могут достигать до 2-х миллионов рублей в отношении юридического лица, а также по мимо штрафов, дисквалификация до одного года в отношении должностных лиц.

Действующая практика показывает востребованность такой меры воздействия на коллекторов. Приведу пример, в 2023 года в адрес ФССП России поступило и в последствии было рассмотрено 40506 обращений граждан на факты нарушения их прав со стороны организаций, занимающихся взысканием просроченной задолженности. В результате проведенных проверок были выявлены факты нарушений и составлено 7970 административных протоколов, предусмотренных ст. 14.57 КоАП РФ.

Однако противоправные действия со стороны коллекторов зачастую не ограничиваются действиями, подпадающими

ми под административную ответственность, но очень часто в них усматриваются действия, за которые предусмотрена и уголовная ответственность по ст. 111, 112, 115, 116, 119, 163 и 167 УК РФ. Превышение своих полномочий коллекторами при выполнении своих должностных обязанностей несет в себе общественную опасность. Возможно это и стало причиной внесения изменений в действующее законодательство. С 21 июля 2023 года уголовный кодекс пополнился ст. 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности с физических лиц».

В качестве лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по ст. 172.4 УК РФ:

- лица, выступающие от лица организации-кредитора или в ее интересах, например работники коллекторских или кредитных организаций;

- лица которым переданы права кредиторов согласно договорам уступки права требования, либо лица, которые действуют от имени или в интересах этих лиц (коллекторы, лица, купившие просроченную задолженность).

Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности с физических лиц предусмотрена, однако как показывает практика обвинительных приговоров, вступивших в силу по указанному составу нет. Возможно, это связано с тем, что согласно нормам УПК РФ, данная статья отнесена к категории дел подведомственных Министерству внутренних дел (полиции), тогда как контрольно-надзорные функции за указанными организациями является зонной ответственности Федеральной службы судебных приставов. По моему мнению, органы МВД могут не обладать полным объемом информации об организации, сроки с пересылкой материалов и иные процессуальные процедуры порой могут стать препятствием для своевременного и объективного принятия процессуального решения. Допускаю, что передача в подведомственность органов дознания ФССП состава данного преступления, предусмотренного УК РФ, может способствовать ее более эффективному применению на практике.

Однако ужесточение мер ответственности для организаций, занимающихся возвратом просроченной задолженности с физических лиц, это ведь только половина существующей проблемы. Как уже отмечено в начале статьи, идет высокий рост закредитованности граждан и зачастую, как показывает практика, причиной ситуаций, в которых оказываются граждане, является элементарная финансовая неграмотность. Не умение просчитать финансовые риски становится проблемой для самого человека. Одним из возможных предложений по решению этой проблемы, считаю возможным введение в школьную, профессиональную, вузовскую программу тем, уроков, курсов, затрагивающих проблемы и вопросы финансовой грамотности, умение рассчитывать все риски и личные возможности, дающие знания, что вам нужно сейчас, а что можно отложить и на потом. Уже в юном возрасте нужно растить поколение, способное правильно рассчитывать свои финансовые силы и возможности.

Изучение проблем и тенденций развития правоотношений между физическим лицом, допустившим просрочку платежа, и организациями, осуществляющими деятельность по возврату просроченной задолженности, занимает весьма важное место в публично правовых науках, а именно в части соблюдения основных прав, гарантированных человеку Конституцией страны. Развитие современного законодательства в области регулирования взыскания просроченной задолженности претерпела значительные изменения, в связи с ростом закредитованности общества и необходимостью контроля за законностью действий специализированных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Дугина О. М. Причины и условия, способствующие возникновению коллекторской деятельности в Российской Федерации: исторический аспект // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 105-108.
2. Теплицкий Д. В. Взаимодействие СРО НАПКА с органами государственной власти в процессе борьбы с деятельностью «серых» взыскателей // Академическая мысль. – 2018. – № 3. – С. 34-36.

3 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399

ТЯНЬ ЦЗЯЧИ

студент, Хэйхэский университет

ХЭ ЧЖЭНЬДУН

старший преподаватель, Хэйхэский университет

ЦЗЯН ДАНЬ

доцент, Хэйхэского университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ВУЗАХ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ*

В настоящей статье было изучено влияние формирования культуры верховенства права в вузах на развитие правовой грамотности студентов. Было аргументированно доказано, что формирование культуры верховенства права в колледжах и университетах может эффективно повысить осведомленность студентов колледжей о верховенстве права, а также их правовые знания. В то же время в статье выделены текущие проблемы формирования культуры правового государства в университетах, а именно: недостаточные образовательные ресурсы, разрыв между образованием в области верховенства права и предметной специализацией, единая форма обучения. Предложены меры по решению заявленных проблем: укрепление преподавательского состава, оптимизация учебной программы по обучению верховенству права, использование диверсифицированных образовательных форм. Благодаря диверсифицированным формам обучения можно лучше удовлетворить различные потребности и интересы студентов, повысить качество и эффективность образования в области верховенства права.

Ключевые слова: студенты, образование, обучение, правовая культура, верховенство права, образовательные ресурсы.

TIAN Jiachi

student, Heihe University

HE Zhendong

senior lecturer, Heihe University

JIANG Dan

associate professor, Heihe University

THE STUDY OF THE INFLUENCE OF THE FORMATION OF A CULTURE OF THE RULE OF LAW IN UNIVERSITIES ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL LITERACY OF STUDENTS

In this article, the influence of the formation of a culture of the rule of law in universities on the development of students' legal literacy has been studied. It has been argued that the formation of a culture of the rule of law in colleges and universities can effectively increase the awareness of college students about the rule of law, as well as their legal knowledge. At the same time, the article highlights the current problems of forming a culture of the rule of law in universities, namely: insufficient educational resources, the gap between education in the field of the rule of law and subject specialization, a single form of education. Measures to solve the stated problems are proposed: strengthening the teaching staff, optimizing the curriculum for teaching the rule of law, and using diversified educational forms. Diversified forms of education can better meet the different needs and interests of students, and improve the quality and effectiveness of rule of law education.

Keywords: students, education, training, legal culture, rule of law, educational resources.

Для китайского народа верховенство закона стало общим стремлением всего общества. Соответственно, университеты должны активно продвигать и укреплять культуру верховенства закона.

Рассмотрим влияние культуры верховенства права в вузах на развитие правовой грамотности студентов.

Важность формирования культуры верховенства права в вузах для развития правовой грамотности студентов отражается в нескольких аспектах: благодаря формированию культуры верховенства права в колледжах и университетах студенты могут соприкоснуться с концепцией верховенства права и знаниями о законе в повседневной учебе и жизни,

что позволит им постепенно сформировать правильное понимание верховенства права [1]. Это поможет студентам сформировать концепцию верховенства закона, сознательно соблюдать закон и укрепить веру в верховенство закона.

Формирование культуры верховенства права в университетах может дать студентам разносторонние правовые знания, помочь им понять национальные законы и правила, а также освоить практические правовые знания, повысив тем самым собственную правовую грамотность.

Формируя культуру верховенства закона школы могут направлять обучающихся на формирование правильного чувства социальной ответственности, побуждая их осознавать влияние собственного поведения на общество, воспитывать в обучающихся дух верховенства закона и социальной ответственности. Правовая грамотность – это неотъемлемая часть процесса роста и успеха студентов.

Формируя культуру правового государства, школы могут помочь обучающимся всесторонне развиваться во всех

* Данная работа публикуется в рамках совместного проекта Министерства образования, промышленности и университетов «Создание практической базы для гражданского воспитания студентов юридических специальностей в университетах в перспективе гражданского воспитания в контексте искусственного интеллекта нового поколения» 2024 г.

аспектах характера, интеллекта и вырастить строителей социализма и преемников, обладающих всесторонней нравственностью и интеллектом.

Воспитание студентов с высокой степенью правовой грамотности способствует гармоничному и стабильному развитию общества, прочесу утверждения правового государства в обществе и долгосрочной стабильности страны. Поэтому формирование культуры правового государства в университетах имеет важное практическое значение и далеко идущее историческое значение для воспитания правового государства среди студентов.

Вместе с тем, считаем целесообразным выделить текущие проблемы формирования культуры правового государства в университетах.

1. Недостаточные образовательные ресурсы.

В некоторых университетах не хватает преподавателей, обладающих профессиональными знаниями и опытом преподавания в области правового воспитания. В результате качество образования в области верховенства права не может быть эффективно обеспечено, а способность преподавателей передавать правовые знания, анализировать дела и воспитывать понимание верховенства права ограничена, что затрудняет удовлетворение потребностей студентов в обучении верховенству права. В некоторых университетах отсутствуют соответствующие учебные материалы и пособия по обучению верховенству права. Это затрудняет выбор преподавателями подходящих учебных материалов в процессе обучения, а также затрудняет самостоятельное обучение студентов и глубокое понимание ими законов. Обучение верховенству права должно сочетаться с практикой, чтобы развивать практические способности студентов. Однако в некоторых университетах отсутствуют практические площадки, сопровождающие обучение нормам права, такие как: макеты судов и базы юридической практики, что негативно сказывается на мотивации и участии студентов в юридической практике [4].

2. Разрыв между образованием в области верховенства права и предметной специализацией.

В некоторых университетах наблюдается разрыв между предметной специализацией и правовым образованием. Студентам не хватает глубокого понимания концепции верховенства права, правовых принципов и юридической этики при изучении профессиональных знаний. Содержание образования в области верховенства права должно быть приближено к практическим потребностям предметных специальностей и помогать студентам понимать и применять правовые знания. Однако в некоторых колледжах и университетах содержание образования в области верховенства права является слишком общим, его трудно интегрировать с предметными специальностями и не хватает практических рекомендаций. В большинстве случаев обучение верховенству права в колледжах и университетах ограничивается юридическими специальностями, а комплексное междисциплинарное обучение верховенству права отсутствует. Вместе с тем, образование в области верховенства права должно быть общей задачей для всех дисциплин, а междисциплинарное преподавание и исследования должны способствовать формированию культуры верховенства права. Отсутствие комплексного междисциплинарного образования в области верховенства права приводит к одностороннему пониманию правовых вопросов и не позволяет студентам в полной мере осознать взаимосвязь между правом и обществом [2].

3. Единая форма обучения.

В процессе формирования культуры правового государства в колледжах и университетах традиционное аудиторное обучение по-прежнему занимает доминирующее положение. Преподаватели читают лекции, студенты пассивно принимают традиционный режим обучения, что делает студентов лишеными активного участия и практических возможностей, не может реально воплотить концепцию

правового государства в практические действия [3]. Помимо традиционного аудиторного обучения, в процессе формирования культуры правового государства в колледжах и университетах не хватает разнообразных форм обучения. Например, не хватает практических методов обучения, таких как: анализ конкретных дел и проведение учебных судов, которые могут ввести студентов в реальную практику правового государства. При традиционном аудиторном обучении студенты часто являются пассивными получателями знаний и не имеют возможностей для взаимодействия и участия. Отсутствие интерактивных и партисипативных форм обучения приводит к тому, что студенты имеют ограниченное представление о концепции и практике верховенства права и не развивают свою способность активно участвовать в построении верховенства права в обществе.

На основании вышеизложенного, предложим меры по решению заявленных проблем.

1. Укрепление преподавательского состава.

В настоящее время важность укрепления преподавательского состава в деле формирования культуры верховенства права в университетах очевидна. Сильные и слабые стороны преподавательского состава напрямую влияют на качество образования и преподавания, а также на рост и успехи студентов, особенно в строительстве культуры верховенства права, преподавательский состав является решающим фактором. Для того, чтобы усилить работу преподавателей колледжей и университетов по формированию культуры правового государства, можно принять меры по следующим направлениям:

- организовать профессиональную подготовку, академические обмены и семинары, повысить теоретический уровень и практический потенциал преподавательского состава в области верховенства права.

Это включает в себя обновление и углубление юридических знаний, понимание и освоение концепции образования в области верховенства права, а также накопление и расширение практического опыта в области верховенства права. Целесообразным нам видится создание платформы для обмена опытом между преподавателями и поощрение их обучения друг у друга, обмен опытом и ресурсами. Для развития обменов и сотрудничества между преподавателями можно организовывать регулярные семинары, научные лекции и обсуждения конкретных случаев. Специалистов с большим практическим опытом в области верховенства права, судей и прокуроров рекомендуется привлекать в качестве преподавателей на полставки. Эти профессионалы с практическим опытом могут дать студентам более яркое и интуитивное образование и руководство по верховенству права. Это обеспечит преподавателям лучшее состояние и мотивацию в работе, чтобы они могли лучше выполнять миссию по формированию культуры верховенства права. Благодаря реализации вышеуказанных мер, мы сможем эффективно усилить работу преподавателей по формированию культуры правового государства в вузах, повысить профессиональный уровень и педагогические способности преподавателей, предоставить студентам более качественные образовательные услуги в области правового государства и внести позитивный вклад в воспитание строителей социализма и преемников, обладающих всесторонним нравственным, интеллектуальным, физическим, социальным и эстетическим развитием [5].

2. Оптимизация учебной программы по обучению верховенству права.

В настоящее время важность оптимизации учебной программы по обучению верховенству права для формирования культуры верховенства права в колледжах и университетах очевидна. Оптимизация учебной программы правового образования может лучше удовлетворить потребности студентов и повысить качество и эффективность правового

го образования. Ниже перечислены меры, которые можно предпринять:

- увеличить количество специализированных курсов, связанных с образованием в области верховенства права в учебной программе, охватывающей различные области, такие как право, политика, этика и гражданское образование. Благодаря диверсифицированным учебным программам студенты смогут получить полное представление о концепции и практике верховенства права и развить свое мышление и осведомленность о верховенстве права;

- внедрить тематические исследования и практические методы обучения в учебные курсы по верховенству права, что позволит студентам получить глубокое понимание реальной ситуации применения закона и практики верховенства права, например, путем анализа реальных дел и проведения учебных судов. Это улучшит практические навыки студентов и их способность решать проблемы. Образование в области верховенства права должно быть интегрировано с другими дисциплинами для создания междисциплинарной системы образования в области верховенства права. Например, содержание образования в области верховенства права внедряется в такие дисциплины, как экономика, социология и психология, чтобы развить у студентов всесторонние качества и навыки междисциплинарного мышления. Добавление практических аспектов в образовательные программы по верховенству права, таких как социальная практика и стажировка, позволяет студентам участвовать в практической деятельности по верховенству права [6].

Благодаря практическим занятиям студенты могут применять теоретические знания в реальных ситуациях и совершенствовать свои практические навыки и практические умения.

- для расширения поддержки образования в области верховенства права использовать современные технологические средства, такие как: образовательные онлайн-платформы и виртуальные лаборатории. Благодаря образовательной онлайн-платформе студенты могут заниматься самостоятельным обучением и интерактивными обзорами, расширяя каналы обучения и улучшая его результаты. Оптимизация учебной программы по обучению верховенству права позволяет усилить эффект и влияние формирования культуры верховенства права в колледжах и университетах. Студенты смогут получить более полное и глубокое образование в области верховенства права, повысить свою правовую грамотность и осведомленность о верховенстве права, а также создать прочную базу талантов для построения правового общества.

3. Использование диверсифицированных образовательных форм.

В настоящее время применение диверсифицированных образовательных форм в построении культуры правового государства в колледжах и университетах стало тенденцией. Диверсифицированные формы обучения позволяют удовлетворить различные потребности студентов и повысить качество и эффективность правового воспитания. Можно принять следующие меры:

- традиционное преподавание в аудитории как одно из основных форм обучения верховенству права. Объясняя принципы права и положения статута, студенты могут понять основные концепции и практику верховенства права;

- разбор конкретных ситуаций - широко используемый метод обучения, позволяющий студентам глубже понять применение закона и практику верховенства права путем анализа и изучения реальных дел;

- видеопреподавание - это новый метод обучения, благодаря созданию и трансляции видеоматериалов студенты могут получать больше информации визуально, и в то же время это может способствовать взаимодействию преподавателя и студента;

- инсценированный суд - это очень практичный метод обучения, позволяющий студентам играть в виртуальном зале суда, отрабатывать практические навыки работы и решения проблем;

- социальная практика - является очень важной формой обучения. Участвуя в социальной практике, студенты могут получить глубокое понимание практики правового государства и социальной реальности. В то же время они могут также реализовать свои практические навыки и всестороннее качество;

- онлайн-образование - это развивающаяся форма образования, предоставляющая образовательные ресурсы и услуги через онлайн-платформы, позволяющие студентам учиться без ограничений времени и пространства, что удобно и быстро;

- тематические лекции - это форма обучения по конкретным вопросам или темам, на которые приглашаются эксперты в области права, ученые и т.п. для выступлений и разъяснений, помогающих студентам глубже понять актуальные вопросы и горячие темы.

Таким образом, благодаря диверсифицированным формам обучения можно лучше удовлетворить различные потребности и интересы студентов, повысить качество и эффективность образования в области верховенства права. В то же время это может способствовать обмену и взаимодействию между преподавателями, обогатить средства и методы обучения, а также оказать более богатую и всестороннюю поддержку в формировании культуры правового государства в колледжах и университетах.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что изучив влияние формирования культуры верховенства права в университетах на развитие правовой грамотности студентов, определили, что формирование культуры верховенства права в колледжах и университетах может эффективно повысить осведомленность студентов колледжей о верховенстве права, а также уровень правовых знаний. В то же время мы также обнаружили, что существуют проблемы в формировании культуры верховенства права в университетах, поэтому необходимо принять эффективные меры для их решения.

Пристатейный библиографический список

1. Хуасонг Е. Сложные вопросы и пути формирования убежденности в верховенстве закона студентов университетов // Образовательный комментарий. - 2020. - № 7.
2. Ли Ли. Рассуждения о формировании в сознании студентов убежденности в верховенстве закона // Юридические чтения. - 2020. - № 6.
3. Лян Миньянь. Теория правового государства в Китае // Вестник Московского университета. - 2010. - № 4. - С. 61-69.
4. Пронина М. А. Правовая культура в Китае, России и Великобритании: понятие, содержание, взаимодействие // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2012. - № 1. - С. 1-4.
5. Пушкина Л. Г. Современные тенденции развития правовой культуры у студентов ВУЗа // Восточно-европейский научный журнал. - 2023. - № 3-1 (88). - С. 34-37.
6. Чжао Инхуэй. Рассуждения о формировании убеждений в правовом отношении среди студентов // Исследование в области образования. - 2015. - № 2.

ФИЛЯКОВ Руслан Алексеевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ

В статье рассматривается место превентивных мер защиты в системе гражданско-правовых способов защиты. Автор рассматривает подходы к осмыслению превентивных мер, содержащиеся в юридической доктрине. Исследователь демонстрирует отсутствие устоявшегося подхода к превентивным мерам защиты. В статье обосновывается невозможность отнесения превентивных мер защиты к мерам ответственности, а также доказывается особый автономный характер превентивных мер защиты. Автор предлагает рассматривать превентивные меры защиты с точки зрения классификации способов защиты на юрисдикционные и неюрисдикционные

Ключевые слова: обязательство, деликт, способ защиты, превентивные меры защиты, гражданское законодательство.

FILYAKOV Ruslan Alexeevich

postgraduate student of Civil law and process and private international law, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia Law Institute

THE IMPORTANCE OF PREVENTIVE PROTECTION MEASURES IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW METHODS OF PROTECTION

The article examines the place of preventive protection measures in the system of civil law methods of protection. The author examines the approaches to understanding preventive measures contained in the legal doctrine. The researcher demonstrates the lack of a well-established approach to preventive protection measures. The article substantiates the impossibility of attributing preventive protection measures to liability measures, and also proves the special autonomous nature of preventive protection measures. The author suggests considering preventive protection measures from the point of view of classifying protection methods into jurisdictional and non-jurisdictional

Ключевые слова: obligation, tort, method of protection, preventive measures of protection, civil legislation.

Перечень способов защиты гражданских прав закреплен в ст. 12 ГК РФ. Этот перечень открытый: в законе могут быть установлены иные способы защиты применительно к отдельным нарушенным субъективным гражданским правам.

Так, наиболее общая система способов защиты гражданских прав представлена их делением на меры ответственности и меры защиты. О. А. Красавчиков отмечал, все способы защиты применяются при нарушении права, однако некоторые из них используются при виновном правонарушении и направлены и на порицание (осуждение) виновного, другие же преследуют, прежде всего, цель восстановления нарушенного права, приведение участников правоотношения в первоначальное положение [1, с. 257-262]. В современных источниках прямо отмечается, что «меры гражданско-правовой ответственности реализуют компенсаторно-восстановительную функцию гражданского права», а «меры защиты гражданских прав (в узком смысле) реализуют помимо восстановительной функции превентивные и пресекающие функции» [12, с. 421]. Кроме того, гражданско-правовая ответственность всегда влечет для правонарушителя возложение дополнительных имущественных обязанностей, обременений или лишение субъективных прав, тогда как меры защиты «никаких юридически обязательных обременительных обязанностей у субъектов, к которым они применяются, не создает» [12, с. 421].

При таком подходе к мерам гражданско-правовой ответственности относятся возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, а к мерам защиты – признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушению; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки, признание недействительным решения собрания, признание недействительным акта государственного органа или органа местного

самоуправления, присуждение к исполнению обязанности в натуре [3, с. 102-105].

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский считают, что в основу классификации способов защиты гражданских прав следует «положить результат, на который рассчитано их применение» и с учетом этого их можно поделить на три группы способов защиты, применение которых позволяет: 1) подтвердить (удостоверить) защищаемое право либо прекратить (изменить) обязанность (признание права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; прекращение или изменение правоотношения); 2) предупредить или пресечь нарушение права (пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащита права; взыскание неустойки); 3) восстановить нарушенное право и (или) компенсировать потери, понесенные в связи с нарушением права (восстановление положения, существовавшего до нарушения права; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; возмещение убытков; компенсация морального вреда) [1, с. 783-784]. При таком подходе определить место превентивных способов защиты крайне сложно, поскольку, с одной стороны, они направлены на изменение и прекращение гражданско-правовых правоотношений, а с другой стороны, позволяют пресечь и предупредить нарушение права, т.е. одновременно относятся к двум классификационным группам.

Систематизация способов защиты гражданских прав предлагается и на основе форм защиты, обусловленных юрисдикционным или неюрисдикционным порядком (процессом, процедурой) защиты [6]. Традиционно считается, что юрисдикционная форма защиты предполагает обращение потерпевшего в компетентные органы (судебные или ад-

министративные) за защитой права. К примеру, признание сделки недействительной как способ защиты может быть реализован только в рамках юрисдикционной судебной защиты. Неюрисдикционная форма защиты охватывает меры оперативного характера (воздействия) и меры самозащиты. В доктрине сформулированы критерии разграничения указанных мер: «(1) характер действий управомоченного лица (при самозащите – как действия, так и бездействия; при мерах оперативного воздействия – только активные действия); (2) основание (повод) для защиты гражданских прав (при самозащите – наличие негативного воздействия на субъективное гражданское право; при мерах оперативного воздействия – как наличие негативного воздействия на субъективное гражданское право, так и отсутствие такового)» [11, с. 13]. Также важно добавить, что меры самозащиты направлены на защиту абсолютных имущественных прав или личных неимущественных прав, не связанных с имущественными правами и возникающими по поводу нематериальных благ (жизнь, здоровье, имя, личная неприкосновенность, свобода передвижения, изображение и др.), а меры оперативного воздействия защищают относительные имущественные права и являются односторонними сделками, т.к. направлены на изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (понятие сделки дано в ст. 153 ГК РФ).

В литературе указывается на то, что «меры оперативного воздействия призваны осуществлять пресекательные и превентивные функции. Применение их управомоченным субъектом устраняет возможность возникновения у него убытков в будущем» [12, с. 431]. К таким мерам относят меры оперативного воздействия, связанные с: 1) исполнением обязательств за счет должника (ст. 397 ГК РФ); 2) обеспечением встречного удовлетворения (приостановление встречного исполнения и удержание); 3) отказом от совершения определенных действий в интересах правонарушителя-контрагента (в частности, отказ от договора, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, отказ во встречном удовлетворении).

Д. Н. Кархалев среди способов защиты гражданских прав выделяет меры защиты, меры ответственности, оперативные меры и меры самозащиты. При этом он делит меры защиты на три группы: «1) восстановление положения, существовавшего до нарушения (в чистом виде) по передаче вещи (денег), выполнению работы, оказанию услуги, возникшей из правоотношения или в силу закона, для восстановления правового положения лица – присуждение к исполнению обязанности в натуре, виндикация, кондикция; реституция, опровержение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию лица и др.; 2) пресечение действий, нарушающих право (или создающих угрозу его нарушения), – негативный иск; запрещение выпуска в свет контрафактных произведений науки, литературы, искусства; запрещение деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем (ст. 1065 ГК), и др.; 3) признание права (или факта) – собственно признание права, признание оспоримой или ничтожной сделки недействительной, признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления» [8].

Д. Н. Кархалев выделил четыре группы способов защиты (мер принуждения), которые обуславливают существование четырех видов охранительных гражданских правоотношений: восстановительные (присуждение к исполнению обязанности в натуре) к исполнению обязанности в натуре (в т.ч. исполнение обязанности за счет должника), виндикация, негативный иск, реституция, кондикция, опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица, признание права); штрафные (взыскание неустойки и процентов, годовых по ст. 395 ГК РФ, отказ в защите права, возмещение деликтного вреда и убытков); оперативные (удержание, отказ от (исполнения) договора, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, приостановление встречного исполнения); пресекательные (меры самозащиты – «указанные фактические действия применяются управомоченным субъектом непосредственно в процессе создания угрозы или собственно нарушения права либо следуют сразу за ними (в процессе (или после) нападения с целью его пресечения и ликвидации последствий). За-

щита абсолютных прав при этом зачастую сопровождается причинением вреда правонарушителю или третьему лицу, в интересах которого действовал собственник») [8].

В одной из последних крупных работ, посвященных систематизации способов защиты гражданских прав, они разделены на четыре подсистемы способов: восстановительные (исключительно восстановительные (присуждение к исполнению обязанности в натуре, применение последствий недействительности сделки в виде возврата сторонами полученного по сделке в натуре) и частично восстановительные (признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, признание недействительным решения собрания); пресекательные (запрещение деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья; принудительное приостановление либо прекращение деятельности, причиняющей вред или создающей угрозу его причинения; прекращение или изменение правоотношения); компенсаторные (возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального вреда, возмещение номинальных убытков и заранее оцененных убытков); направленные на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон (признание права, признание сделки действительной, признание договора незаключенным или заключенным, признание договора расторгнутым, признание сделки несовершенной или совершенной) [11, с. 16-17].

Отсутствие единообразного методологического подхода к систематизации способов защиты гражданских прав препятствует и четкому определению места превентивных способов защиты в их системе. Кроме того, ни в одной авторской системе способов защиты не выделяется подгруппа превентивных мер защиты. К сожалению, пренебрежение этими способами защиты характерно для большинства правовых систем. Зарубежные исследователи обращают внимание на парадокс того, что в праве «профилактика менее очевидна и менее восхваляется, чем “лечение”» [15, р. 259].

Определение места превентивных способов защиты в системе гражданско-правовых способов защиты, распадающихся на «меры защиты – меры ответственности», значительно затруднено тем, что в цивилистической доктрине до сих пор не выработан общепризнанный подход к пониманию гражданско-правовой ответственности и ее мер. Базовое понимание гражданско-правовой ответственности, сформированное в советском гражданском праве, построено на том, что она влечет возложение на правонарушителя дополнительных гражданско-правовых обязанностей либо лишение субъективных гражданских прав. Так, ещё О. С. Иоффе писал, что «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [7, с. 97]. Аналогичное понятие видно у О. А. Красавчикова: «Сущность гражданско-правовой ответственности кратко может быть определена как установленная законом неотвратимая негативная реакция государства на гражданское правонарушение, выражающаяся в лишении определенных гражданских прав или возложении эквивалентных обязанностей имущественного характера» [9].

Эта научная позиция разделяется и современными учеными. Д. Н. Кархалев подразделяет меры гражданско-правовой ответственности на 2 группы: 1) эквивалентное лишение имущества - возмещение убытков, возмещение внедоговорного вреда, компенсация морального вреда, взыскание неустойки (штрафов и пени), взыскание процентов по ст. 395 ГК, потеря задатка и др.; 2) лишение субъективного права - лишение права на имущество (права наследования, права нанимателя пользоваться жилым помещением, лишение родительских прав), отказ в защите права, отказ в признании права на вещь [8].

При таком подходе, например, запрет или приостановление деятельности, создающей угрозу причинения вреда в будущем (ст. 1065 ГК РФ), может быть квалифицирован в качестве меры гражданско-правовой ответственности в форме лишения субъективного права на занятие определенной

деятельностью. Так, Е. В. Сенотрусова, обосновывая подход к рассматриваемому институту как к форме гражданско-правовой ответственности, считает, что в качестве отличительной черты гражданско-правовой ответственности можно указать ее правоограничительный характер, то есть отрицательный характер последствий в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых гражданско-правовых обязанностей на нарушителя: с одной стороны, лицо, действия которого создают угрозу причинения вреда, лишается субъективного права на осуществление конкретного вида предпринимательской деятельности или иного вида деятельности, с другой стороны, введение рассматриваемого запрета (или приостановления деятельности) влечет за собой негативные последствия (в том числе и имущественные) для лица, в отношении которого наложен запрет [3, с. 52-54]. Более того, в науке высказано мнение и о том, что оперативные меры являются мерами ответственности [2].

Однако имеется и иной подход к гражданско-правовой ответственности, согласно которому важнейшим квалифицирующим признаком гражданско-правовой ответственности является возложение на правонарушителя лишений имущественного характера [14, с. 106] с целью восстановления имущественного положения пострадавшего лица [5, с. 212], [4, с. 372], что не имеется при запрете или приостановлении опасной деятельности. Упоминается также, что запрещение или приостановление деятельности, которая создает опасность причинения вреда, не лишает лица субъективного права на осуществление конкретного вида экономической деятельности, поскольку под запрет попадает только деятельность, создающая угрозу причинения вреда, осуществляемая лицом в конкретном месте. Соответственно, такой, более узкий, подход к гражданско-правовой ответственности исключает отнесение запрета (приостановления) опасной деятельности к мерам гражданско-правовой ответственности.

На наш взгляд, превентивные меры защиты законного интереса не могут быть отнесены к числу мер ответственности, поскольку юридическая ответственность применяется только за правонарушение, за противоправное поведение, которого при угрозе нарушения субъективного права пока нет. При применении таких мер должна идти речь исключительно о балансе интересов владельца законного интереса и противоположного субъекта, который ведет себя в целом правопослушно, в рамках гарантируемой ему и конституционным и гражданским правом свободы его поведения, но создавая при этом угрозу нарушения права. Причем далеко не всегда такая угроза обусловлена намерением или небрежностью лица, зачастую она вызвана объективными обстоятельствами.

При определении места превентивных мер в системе способов защиты, обусловленных формами реализации защиты, следует отметить, что часть из них относится к юрисдикционным способам, которые могут быть реализованы только в судебном порядке (запрет деятельности, создающей опасность для жизни или здоровья; принудительное приостановление либо прекращение деятельности, причиняющей вред или создающей угрозу его причинения¹), другая часть – реализуется исключительно в неюрисдикционном порядке (приостановление встречных обязательств, отказ от договора, самозащита).

Некоторые из неюрисдикционных превентивных способов защиты относятся к числу юридических мер оперативно-го воздействия (приостановление встречных обязательств, отказ от договора), другие – к фактическим мерам самозащиты (крайняя необходимость).

В судебной форме реализуются такие превентивные меры защиты, как отмена сделки, расторжение договора и требование о запрете действия (деятельности). При этом пресечение действия, создающего угрозу нарушения права, осуществляется в неюрисдикционной форме. На наш взгляд,

в гражданском праве следует различать внесудебное пресечение действия, которое осуществляет сам потерпевший в качестве меры оперативного воздействия и «требование пресечь действия», которое потерпевший должен заявить в суд. Если потерпевший (кредитор) обращается в суд с требованием пресечь совершение должником какого-либо действия, то он фактически требует запретить должнику эти действия совершать. Эти понятия – пресечение и запрет (прекращение) действия, создающего угрозу нарушения права, должны различаться по критерию порядка их реализации (неюрисдикционный или юрисдикционный).

Пристатейный библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2001. - Кн. 1. - 848 с.
2. Бриних Е. В. Оперативные санкции – форма гражданско-правовой ответственности // Советское государство и право. - 1969. - № 6. - С. 65-70.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. - М.: Статут, 2018. - Т. 1. - 528 с.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав: монография. - М.: Статут, 2022. - 141 с.
5. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. - 2021. - № 4. - С. 212-241.
6. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть. - М.: Статут, 2014. - 268 с.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право. - М.: Юрид. лит., 1975. - 880 с.
8. Кархалев Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. - М.: Инфотропик Медиа, 2022. - 892 с.
9. Красавчиков О. А. Гражданско-правовая ответственность // Советское гражданское право: учебник: в 2 т. - Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. - М.: Высшая школа, 1985. - 544 с.
10. Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. - М.: Статут, 2005. - Т. 2. - С. 255-268.
11. Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - Ульяновск, 2022. - 38 с.
12. Ем В. С., Зенин И. А., Козлова Н. В. и др. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2015. - Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. - 958 с.
13. Сенотрусова Е. В. Запрет, приостановление и ограничение деятельности как меры гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. - Пермь, 2023. - 191 с.
14. Синайский В. И. Русское гражданское право. - М.: «Статут», 2002. - 636 с.
15. Rachel Armitage, Ken Pease Draining the Swamp while Fighting off the Alligators: Crime Prevention in an Epoch of Contraction // Policing: A Journal of Policy and Practice. - 2019. - Vol. 13. - Issue 3. - P. 259-262.

1 Аналогичный подход и в зарубежных правовых системах: Causation in Environmental Law. Lessons from Toxic Torts // HLR. - 2015. - Vol. 128. - Issue 8. - Pp. 2256-2277. Michigan v. EPA Comment on: 135 S. Ct. 2699 // HLR. - 2015. - Vol. 129. - Issue 1. - P. 311-320.

ЧЕРНОМОРДОВ Олег Максимович

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Актуальность статьи заключается в том, что в условиях модернизации экономики с учетом последствий пандемии и участия РФ в СВО особые экономические зоны могут стать подспорьем для развития экономики. Выявление содержания значения правового регулирования для особых экономических зон (далее – ОЭЗ) способно определить содержательность правового регулирования для эффективной деятельности в ОЭЗ. Суть исследования заключается в определении значимости правового регулирования ОЭЗ как ключевого инструмента для стимулирования развития частно-правовых отношений применительно к частным субъектам правоотношения. Цель – определение значения правового регулирования именно для частно-правовых субъектов. В рамках задач был проведен анализ норм права, доктрины. Гипотеза заключается в том, что значение правового регулирования особых экономических зон для частных субъектов отличается от значения, вкладываемого государством, как субъектом правоотношений. В статье были использованы сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза. В результате исследования автор приходит к выводу, что основное значение правового регулирования ОЭЗ заключается в закреплении правовых гарантий для частно-правовых субъектов, что отличается от значения, определенного для государства.

Ключевые слова: особые экономические зоны, правовое регулирование, государство, субъекты, частно-правовые отношения, право, аренда, преимущества, стимулирование, предпринимательство, резиденты, экономика, значение, нормы

CHERNOMORDOV Oleg Maximovich

postgraduate student, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

THE IMPORTANCE OF LEGAL REGULATION OF SPECIAL ECONOMIC ZONES FOR THE DEVELOPMENT OF PRIVATE LAW RELATIONS

The relevance of the article lies in the fact that in the conditions of modernization of the economy, taking into account the subsequent pandemic and the participation of the Russian Federation in the SVO, special economic zones can become a support for the development of the economy. Determining the content of legal regulation for special economic zones (hereinafter - SEZ) is able to determine the content of legal regulation for effective activity in the SEZ. The essence of the study is to determine the significance of the legal regulation of the SEZ as a key tool for stimulating the development of private legal relations as applied to private legal entities. The purpose is to determine the meaning of legal regulation specifically for private legal entities. As part of the task, an analysis of legal norms and doctrine was carried out. The hypothesis is that the importance of legal regulation of special economic zones for private subjects differs from the importance attached to the state as a subject of legal relations. This is the comparative legal method, the method of analysis and synthesis. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the main importance of the legal regulation of the SEZ is to establish legal guarantees for private legal subjects, which is different from the meaning determined for the state.

Keywords: special economic zones, legal regulation, state, entities, private law relations, law, lease, advantages, incentives, entrepreneurship, residents, economy, significance, norms.

Особые экономические зоны – это территории, в отношении которых установлено специальное правовое регулирование. Согласно установленным нормам, особые экономические зоны представляют собой определённую часть территории России, границы которой устанавливаются Правительством РФ. Этот статус позволяет применять на данной территории процедуру свободной торговли и устанавливает особый режим для ведения предпринимательской деятельности [1].

Особая экономическая зона – это территория, которая может быть выгодна как публичных субъектов права (государства), так и для частных субъектов права (граждан и организаций).

С учетом того, что особые экономические зоны создаются государством, логично предположить, что государство имеет прямую заинтересованность в их создании. Правовое регулирование особых экономических зон первично осуществляется для достижения целей и интересов государства.

Однако, особые экономические зоны не смогут существовать без участия в их гражданском обороте частных субъектов права. В связи с этим возникает вопрос об определении

значения правового регулирования особых экономических зон именно для частно-правовых отношений.

Значение в рамках частно-правовых отношений может определяться в регулировании экономической выгоды частных субъектов права в конкретных нормах права при осуществлении деятельности на территории особых экономических зон. Рассмотрим конкретные примеры.

Согласно Постановлению Правительства РФ о создании особой экономической территории г. Дубна устанавливаются критерии к максимальному размеру арендной платы на земельные участки, предоставляемые резидентам (п. 3) [2]. Аналогичные критерии устанавливаются иными актами Правительства РФ в отношении особых экономических зон.

Значение для частно-правовых отношений заключается в предоставлении экономической выгоды.

Также, согласно ст. 10 ФЗ № 116-ФЗ определяется порядок осуществления предпринимательской деятельности, что предоставляет выгодное экономическое положение на территории именно для резидентов зон.

Также законом определяется предмет соглашения об осуществлении деятельности и его ключевые условия. Все

это определяет заранее права и обязанности резидентов на территории особых экономических зон, а, значит, делает определенным, однозначным и гарантированным со стороны государства исполнение взятых на себя государством обязанностей.

Следовательно, в данном случае значение для частных правовых отношений заключается в предоставлении гарантий исполнения договора (соглашения).

Как справедливо отмечали Т. П. Данько и З. М. Окрут, необходимость в правовом регулировании свободных экономических зон обусловлена сближением иностранных субъектов друг с другом в рамках единого экономического пространства [3, с. 15-16]. Чем теснее взаимодействие, тем больше гарантий правового регулирования требуют участники правоотношений. Создание единого правового пространства для свободных экономических зон позволит создать единый взаимовыгодный экономический союз.

Позиция Т. П. Данько и З. М. Окрута о необходимости правового регулирования свободных экономических зон актуальна и сегодня. Сближение иностранных субъектов в рамках единого экономического пространства требует более четкого и эффективного правового регулирования, поскольку, чем активнее взаимодействие между участниками, тем больше гарантий и защиты им необходимо.

Создание единого правового пространства для особых экономических зон способствует формированию единого взаимовыгодного экономического союза, что обеспечивает стабильность и предсказуемость условий для ведения бизнеса, снижает риски для инвесторов и способствует привлечению дополнительных инвестиций. Единое правовое пространство позволяет устранить юридические барьеры и противоречия между различными странами, что способствует более тесному экономическому сотрудничеству и интеграции.

Правовое регулирование особых экономических зон включает в себя разработку и внедрение единых стандартов и норм, регулирующих деятельность участников экономических отношений. Это касается вопросов налогообложения, таможенного регулирования, защиты интеллектуальной собственности и других аспектов. Единое правовое пространство позволяет обеспечить равные условия для всех участников экономических отношений, независимо от их национальной принадлежности.

Создание единого правового пространства для особых экономических зон является важным шагом на пути к формированию единого взаимовыгодного экономического союза. Это способствует укреплению международных экономических связей, развитию международной торговли и инвестиций, а также повышению конкурентоспособности экономик стран-участниц.

Создание единого правового регулирования является очередным шагом на пути от свободных экономических зон к полному экономическому союзу [4].

Таможенный кодекс ЕАЭС [5] регулирует, помимо прочего, порядок функционирования свободных таможенных зон. При этом все правовое регулирование базируется на принципах, закрепленных в ч. 3 ст. 1 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Следовательно, можно установить, что правовое регулирование создается для обеспечения гарантий принципов правового регулирования конкретных правоотношений. Если говорить о принципах таможенного регулирования свободных таможенных зон, то они включают в себя:

1. Принцип четкости.
2. Принцип ясности.
3. Принцип последовательности.
4. Принцип гласности.
5. Принцип гармонизации норм международного права.
6. Принцип использования инновационных методов таможенного контроля.
7. Принцип использования цифровых технологий в максимально возможном количестве.

Обозначенные принципы имеют правовое значение для всех участников правоотношений при функционировании свободной таможенной зоны. Принципы правового регулирования обеспечивают гарантии участникам, а значит, дают уверенность в предоставлении преференций со стороны ЕАЭС.

Если обратиться к правовому регулированию особых экономических зон в России, то стоит исходить из ФЗ № 116-ФЗ. Нормативное значение регулирования особых экономических зон исходит из ст. 3 ФЗ № 116-ФЗ. Государство преследует цели развития конкретных отраслей экономики. Указанные в ст. 3 отрасли экономики можно определить как приоритетные на данном этапе развития. Данный вывод, в том числе подтверждается включением в цели создания особых экономических зон дополнительно сфер экономики: санаторно-курортная сфера, портовая сфера, сфера разработки технологий и коммерциализации их результатов. Данные отрасли экономики были добавлены в закон как приоритетные в 2011 году [6].

Само по себе содержание понятия «значение» предполагает определение смысла и важности исследуемых объектов.

Чтобы раскрыть тему данной статьи, нужно понять, почему законодателям важно регулировать особые экономические зоны, как в России, так и на международном уровне. Обратимся к мнениям ученых по этому вопросу.

Некоторые исследователи считают, что необходимость правового регулирования особых экономических зон связана с установлением конкретных льгот в зависимости от отрасли, на развитие которой направлена деятельность зоны. Эту точку зрения разделяет Т. Бойкова [7, с. 29-34].

Позиция Т. Бойковой о необходимости правового регулирования особой экономической зоны с целью установления льготного режима в зависимости от отрасли экономики на развитие которой направлена особая экономическая зона, имеет важное значение. Это обусловлено несколькими ключевыми аспектами.

Во-первых, каждая отрасль экономики имеет свои специфические особенности и потребности, которые требуют индивидуального подхода к регулированию. Например, для развития высокотехнологичных отраслей необходимы налоговые льготы и субсидии на исследования и разработки, тогда как для туристической отрасли важны упрощенные процедуры получения виз и разрешений на работу.

Во-вторых, установление конкретных льгот и преференций для определенных отраслей способствует привлечению инвестиций и развитию этих отраслей. Вывод особенно важен для тех секторов экономики, которые нуждаются в дополнительном стимулировании для своего роста и развития.

В-третьих, дифференцированный подход к правовому регулированию особой экономической зоны позволяет учитывать специфику каждой отрасли и создавать наиболее благоприятные условия для ее развития. Это способствует повышению эф-

фективности функционирования особой экономической зоны и достижению поставленных перед ними целей.

Таким образом, позиция Т. Бойковой подчеркивает важность учета специфики каждой отрасли при разработке правового регулирования особой экономической зоны. Это позволяет создать наиболее благоприятные условия для развития приоритетных отраслей экономики и привлечения инвестиций.

Р. З. Хасянов, например, указывает, что создание особых экономических зон направлено на создание возможности использования и внедрения специальных экспертных знаний [8, с. 12-16].

Можно частично согласиться с мнением Р. З. Хасянова о том, что в рамках функционирования особых экономических зон активно могут применяться специальные познания экспертов в каждой конкретной отрасли экономики. Использование специальных знаний позволяет в тестовом режиме испробовать предлагаемые методы развития экономики в рамках реализации малых бизнес-проектов, чтобы потом на их основе осуществить внедрение инновационных, специальных знаний в общую экономику страны.

А. Г. Семина в своей работе подчеркивает, что особые экономические зоны созданы для решения не только общенациональных проблем, но в большей степени проблем национального характера [9]. Е. В. Драгунов, М. В. Елесина, И. В. Рашкеева аналогично указывают, что создание особой экономической зоны имеет первоочередное значение в развитии потенциала конкретной территории [10].

Правовая доктрина исходит из значения правового регулирования в использовании частных инвестиций для развития экономики путем предоставления гарантий предоставления экономических льгот.

Можно отметить, что конкретное обозначение значения правового регулирования особых экономических зон для частных субъектов создает стимулирующие условия для их участия в развитии особых экономических зон. Субъекты частных отношений заранее оценивают все перспективы своего участия и могут рассчитывать на стабильность и единство правового регулирования, тогда как во взаимоотношениях вне особых экономических зон частно-правовые отношения подвержены большей диспозитивности, что создает повышенные экономические риски для субъектов правоотношений. При этом императивный характер правового регулирования обеспечивает требуемый баланс между интересами публичных субъектов и частных.

Для поддержания интереса частных субъектов к участию в развитии особых экономических зон следует расширять правовое регулирование обеспечения гарантий для резидентов, а также введения ответственности для публичных субъектов при нарушении прав и интересов частных лиц. В настоящий момент положения об ответственности регламентированы лишь в малой степени.

Таким образом, можно прийти к выводу, что значение особых экономических зон для частно-правовых отношений заключается в регламентировании условий и порядка гражданского оборота, а также норм о гражданско-правовой ответственности и гарантиях соблюдения прав и законных интересов частных субъектов правоотношений. При этом государство преследует иные цели. Значение правового регулирования для государства в части регламентации особых экономических зон проявляется в закреплении правового порядка, который будет обеспечивать развитие экономики и соблюдение прав и интересов, в том числе государства, в котором расположена особая экономическая зона.

Более конкретно можно установить, что нормами права регламентируются основные условия договорных отношений между субъектами частно-правовых отношений, а также гарантии соблюдения прав и обязанностей субъектов, что делает отношения более прочными, надежными и, главное, стабильными.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // РГ. – 2005. – № 162.
2. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 781 «О создании на территории г. Дубны (Московская область) особой экономической зоны технико-внедренческого типа» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 52 (3 ч.). – Ст. 5744.
3. Данько Т. П., Округт З. М. Свободные экономические зоны в мировом хозяйстве: учеб. пособие. – М., 1998. – С. 15-16.
4. Алиев А., Базедов Ю., Бардина М. П. и др. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография / Под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. – М.: Норма, 2013. – Кн. 1. – 656 с.
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы Гарант.
6. Федеральный закон от 30.11.2011 № 365-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ОЭЗ в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Бойкова Т. Как российский бизнес использует разные юрисдикции внутри страны для оптимизации налогообложения // Административное право. – 2021. – № 2. – С. 29-34.
8. Хасянов Р. З. Социально-политическое предназначение института передачи государственных полномочий организациям: привлечение экспертных знаний и повышение качества государственных услуг // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 12-16.
9. Семина А. Г. Перспективы развития особых экономических зон в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4-2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-osobyh-ekonomicheskikh-zon-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.02.2025).
10. Драгунов Е. В., Елесина М. В., Рашкеева И. В. Значение особых экономических зон в модернизации экономики России на примере титановой долины // Вестник ГУУ. – 2014. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-osobyh-ekonomicheskikh-zon-v-modernizatsii-ekonomiki-rossii-na-primere-titanovoy-doliny> (дата обращения: 09.02.2025).

ХУЗЗЯТОВ Артур Арсланович

магистр права (СПбГУ, University of Edinburgh), аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, директор Правового управления, ПАО «БАНК УРАЛСИБ»

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТЬИ 2.1.14 ПРИНЦИПОВ УНИДРУА О ДОГОВОРЕ С УМЫШЛЕННО ОТКРЫТЫМИ УСЛОВИЯМИ

В статье рассматривается история разработки и последующего изменения ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА о договоре с умышленно открытыми условиями. Выделено два ключевых этапа: первый состоялся еще до принятия первой редакции Принципов, когда разработчики полностью изменили идеологию нормы; второй произошел недавно, в 2016 году, когда в статью добавили новый способ определения открытых условий. Показано, как изучение эволюции ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА позволяет по-новому взглянуть на договоры с открытыми условиями, закрепленные в 2015 г. в ст. 429.1 ГК РФ.

Ключевые слова: договоры с умышленно открытыми условиями, договоры с открытыми условиями, рамочные договоры, статья 429.1 ГК РФ, незаключенность договора, одностороннее определение условий договора, Принципы УНИДРУА.

KHUZZYATOV Arthur Arslanovich

LLM (St.SU, University of Edinburgh), postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Director of the Legal Department, Public joint-stock company «BANK URALSIB»

EVOLUTION OF ARTICLE 2.1.14 OF THE UNIDROIT PRINCIPLES ON A CONTRACT WITH TERMS DELIBERATELY LEFT OPEN

The article deals with the history of development and subsequent amendment of Article 2.1.14 of the UNIDROIT Principles on a contract with terms deliberately left open. Two key stages are highlighted: the first one took place before the adoption of the first version of the Principles, when the developers completely changed the ideology of the provision; the second one occurred recently, in 2016, when a new way of defining open terms was added to the article. It is shown how the study of the evolution of Article 2.1.14 of the UNIDROIT Principles allows us to take a new look at contracts with open terms, enshrined in 2015 in Article 429.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: contract with terms deliberately left open, contracts with open terms, framework contracts, Article 429.1 of the Civil Code of the Russian Federation, contract conclusion, unilateral determination of contract terms, UNIDROIT Principles.

Введение

Ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА¹ о договоре с умышленно открытыми условиями (*contract with terms deliberately left open*) — одно из часто цитируемых в российской юридической литературе положений данной наднациональной унификации [1], [5], [6], [9]. Причина популярности состоит в том, что в 2015 г. в ст. 429.1 ГК РФ оказалась закреплена почти одноименная конструкция — договор с открытыми условиями. Эта созвучность терминов, а также общее признание законодателя в том, что в ходе реформы он опирался среди прочего на Принципы УНИДРУА², привели к тому, что ст. 2.1.14 данной унификации теперь активно востребуется для толкования ст. 429.1 ГК РФ [10], [11], [12]³.

Ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА при этом имеет сложную предысторию, без изучения которой обращение к договорам с умышленно открытыми условиями из данного свода может привести к некорректным сравнительно-правовым выводам относительно аналогичной конструкции в ст. 429.1 ГК РФ.

В этой истории было два ключевых этапа, которые мы рассмотрим в настоящей работе: первый произошел еще в период разработки первоначальной редакции Принципов, где положение о договорах с умышленно открытыми условиями успело полностью поменять свою идеологию (1977-1994 гг.); второй — при принятии последней редакции Принципов УНИДРУА (2016 г.), когда ст. 2.1.14 впервые с 1994 г.⁴ изменили, добавив в нее опцию одностороннего определения условий. Рассмотрим эти преобразования подробнее.

Изменение первое: от первоначального проекта к первой редакции (1977-1994 гг.)

Ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА время от времени используют, чтобы показать: договоры с открытыми условиями

1 Полное название — Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 (Unidroit Principles of International Commercial Contracts 2016) (далее — Принципы УНИДРУА, Принципы, PICC). Последняя редакция Принципов (2016 г.) с официальным комментарием размещена на официальном сайте организации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf> (дата обращения: 01.09.2024). Перевод на русский язык (вместе с официальным комментарием) см.: Комаров А. С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. Москва: Статут, 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; далее Принципы (2016 г.) приводятся по данному изданию.

2 См., напр.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 01.08.2024).

3 В настоящей статье мы не затрагиваем договоры с открытыми условиями, где восполнение отдано на откуп третьему лицу. Дело,

в частности, в том, что это типичное определимое условие, возможность включения которого в договор обычно не вызывает сомнений. Как отмечается в литературе, в отличие от соглашений, оставляющих открытое условие для будущих переговоров, большинство правовых систем признают допустимость оставления условия для его определения третьим лицом; см., напр.: Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) / Edited by Vogenauer S. 2nd edition. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2015. P. 333 (автор комментария — R. Anderson) (далее указание на автора комментария опускается). Более сложный вопрос — это когда «третьим лицом» назначена система искусственного интеллекта (ИИ).

4 Дата первой редакции Принципов.

признаются заключенными имущественными договорами⁵ в рамках Принципов УНИДРУА, а значит, то же актуально и для российского права [2, с. 232].

С одной стороны, действительно, уже в первой редакции Принципов в 1994 г. было провозглашено, что оставление условия договора открытым для переговоров не препятствует тому, чтобы контракт считался заключенным⁶.

С другой стороны, разработчики придерживались такой идеи не всегда. Так, в 1977 г. в первоначальном проекте статьи об открытых условиях указали правило, полностью противоположное указанному выше: «Договор, условие которого открыто сторонами для дальнейших переговоров, не имеет обязательной силы, если стороны не предусмотрели, каким образом условие должно быть определено в случае, если они не смогут достичь соглашения»⁷.

Вот как свой изначальный подход комментировали разработчики Принципов. Оферта, по их словам, должна не только выражать намерение оферента вступить в правовые отношения, но и быть определенной⁸. Другими словами, она должна быть такой, чтобы ее акцепт позволил состояться заключению договора⁹. Иногда стороны хотя и имеют намерение заключить договор, но оставляют какие-то условия для дальнейшего согласования¹⁰. В таком случае возникает вопрос о том, можно ли признавать такой договор существующим и принудительно исполнимым¹¹. Ответ, по тогдашнему утверждению авторов Принципов, должен быть таким же, какой содержится в американской, английской, немецкой и итальянской правовых системах, а также в некоторых иных правовых порядках [13]¹². Он сводится к тому, что речь идет о «соглашениях согласиться», не являющихся связывающими, если только стороны не включают в договор механизм на случай провала в переговорах¹³.

Таков был первоначальный подход, который, как замечали и сами разработчики¹⁴, и позднее — комментаторы получившийся в итоге статьи 2.1.14 Принципов УНИДРУА¹⁵, был ближе к тому, что принято (тогда и сейчас) большинством правовых порядков. Если описать причину этого консерватизма по отношению к договорам с открытыми условиями в привычных нам терминах, то она будет звучать так: в договорах с открытыми условиями не согласованы существен-

ные условия, а потому такие договоры должны признаваться незаключенными¹⁶. На это, комментируя возможность признания в национальных правовых системах договоров с открытыми условиями, справедливо указывал один из разработчиков Принципов М. J. Bonell. Он писал, что во многих юрисдикциях трудно найти общее (положительное) правило об открытых условиях, при этом в странах континентальной правовой семьи все обостряется из-за приверженности идее существенных условий (*essentialia negotii*) [15].

Конечно, в договорах не всегда идет речь именно об *essentialia negotii*, то есть об условиях, являющихся объективно существенными. Но, как верно выразились в одном из научных комментариев к ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА, открытые условия договора «...по определению являются существенными, независимо от их объективной значимости для сделки»¹⁷. Дело в том, что даже если открытое условие не названо существенным для всех договоров или конкретного типа сделки публичной властью (то есть не является объективно, универсально, существенным)¹⁸, оно в любом случае становится существенным уже в силу того факта, что стороны открыли его для дальнейших переговоров (то есть становится субъективно существенным)¹⁹. Если так, то в правовой системе, разделяющей изложенные положения, договор с открытыми условиями по общему правилу признаваться заключенным не может, причем независимо от характера пропущенного условия.

От изложенных предпосылок разработчики Принципов УНИДРУА, однако, как уже показывалось, постепенно отошли. «Выход из колеи» проходил с трудом: во-первых, на это понадобилось десять лет²⁰; во-вторых, сформулировать новое, совершенно противоположное предыдущему, правило получилось не с первого раза. С одной стороны, в проекте 1987 г. действительно предусмотрели положение, обратное предыдущему: «(2) Тот факт, что соглашение не достигнуто или не указан способ, которым, в случае недостижения такого соглашения, условие должно быть определено, ...сам по себе не препятствует возникновению договора»²¹. С другой — в норме почему-то оставили изначальное требование указания запятого механизма: «(1) Если стороны оставили какое-либо условие договора для согласования в ходе дальнейших переговоров..., они должны предусмотреть, каким образом такое условие должно стать определенным в случае, если они не достигнут соглашения...»²². К непротиворечивой формулировке рабочая

5 Несмотря на открытые условия (даже в случае их несогласования сторонами).

6 Намерение сторон быть связанными правовыми отношениями требуется, но, судя по перечню презумпций из официального комментария, чаще всего предполагается, см. официальный комментарий к ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА (п. 2). Кроме того, следует иметь в виду, что ст. 2.1.14 (1) содержит общую *favor contractus* презумпцию заключенности договора с открытыми условиями, см., напр.: Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) / S. Vogenauer, J. Kleinheisterkamp (eds.). Oxford; N.Y., 2009. P. 296 (автор комментария — J. Kleinheisterkamp) (далее указание на автора комментария опускается); Commentary on the UNIDROIT..., 2015. P. 341.

7 Draft Uniform Law on the Formation of Contracts in general revised by the Steering Committee on the Progressive Codification of International Trade Law and Explanatory Report (prepared by the Secretariat) (1977). P. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/1977/study50/s-50-11-e.pdf> (дата обращения: 17.02.2024). Здесь и далее перевод (если не указано иное) автора.

8 Ibid. P. 8.

9 Ibidem.

10 Ibidem.

11 (В русскоязычной терминологии — «заключенным».) Ibidem.

12 Ibid. P. 9. См., напр., для Англии — *May & Butcher v R* [1934] 2 KB 17, HL, для Германии — ст § 154 (1) ГГУ, для Франции — Cass com 24 March 1965, Bull civ III no 232, D 1965.474, см. подробнее: Commentary on the UNIDROIT ..., 2009. P. 294. См. то же: Commentary on the UNIDROIT ..., 2015. P. 333 с указанием на Шотландию как на исключение (Ibid. P. 333, fn. 264);

13 Ibidem.

14 Ibidem.

15 См., напр.: Commentary on the UNIDROIT ..., 2009. P. 294, fn. 383, 384.

16 Для российского права см., напр.: п. 1 ст. 432 ГК РФ.

17 Сноски в цитате опущены.

18 Как, например, цена в договоре купли-продажи недвижимости в российском праве (п. 1 ст. 555 ГК РФ).

19 См., напр., абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ в российском праве («Существенными являются ... также все те условия, относительно которых по заявлению [хотя бы — А. Х.] одной из сторон должно быть достигнуто соглашение»). Ср. со ст. 154 Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*): «(1) Пока стороны не пришли к соглашению по всем пунктам договора, по которым, согласно заявлению хотя бы одной стороны, требовалось достижение соглашения, договор в случае сомнений не считается заключенным. Соглашение по отдельным пунктам не является юридически обязывающим, даже если они были зафиксированы», см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0460 (дата обращения: 01.09.2024).

20 В рабочих документах 1977, 1979 и 1983 г.г. мы все еще видим старый подход, изменившийся лишь в 1987 г. Все рабочие документы см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/preparatory-work/> (дата обращения: 17.10.2024)

21 Unidroit 1987. Study L — Doc. 38. P. 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/1987/study50/s-50-38-e.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).

22 Ibid. P. 7-8. Впрочем, годом позже, разработав официальный комментарий к статье, разработчики указали там, что речь идет о рекомендации, причем соответствующее указание является одним из способов продемонстрировать намерение быть связанными правовыми отношениями, см.: Unidroit 1988. Study L Doc. 41. P. 36. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/1988/study50/s-50-41-e.pdf>

группа пришла только год спустя, в 1989 г., когда написала проект статьи, оказавшейся потом в итоговой редакции первых Принципов (1994 г.)²³:

«Договор с умышленно открытыми условиями

1. Если стороны намерены заключить договор, обстоятельство, что они умышленно оставили какое-то условие для согласования в ходе будущих переговоров [...], не является препятствием для возникновения договора.

2. Существование договора не затрагивается тем, что впоследствии: [...] стороны не достигли согласия по такому условию; [...] если только не имеется иного средства сделать это условие определенным, которое является разумным при данных обстоятельствах, принимая во внимание намерения сторон»²⁴.

Так или иначе, в комментарии к статье²⁵ авторы, ранее ссылавшиеся на международный опыт, теперь вынуждены были указать: «Данная статья не имеет прецедента ни в одном международном документе»²⁶. Далее, как бы оправдывая отход от изначальных позиций, они писали: «...последние тенденции, как представляется, в целом все более благоприятны для рассматриваемых видов соглашений при условии, что стороны действительно намеревались быть связанными ими»²⁷. В качестве иллюстрации тезиса разработчики Принципов приводили, в частности, ст. 1349 Гражданского кодекса Италии, §§ 2-305 и 2-309 UCC, ст. 26 книги V проекта Гражданского кодекса Квебека²⁸.

Этот оптимизм потом, впрочем, не разделили ни ученые-компаративисты²⁹, ни потенциальные реципиенты правила, а именно представители национальных правовых систем и разработчики унификаций частного права³⁰.

Что касается актов обобщения частного права, то показательно, что ни одна следующая за Принципами известная унификация частного права не восприняла правила, аналогичного ст. 2.1.14 Принципов. Нагляден пример Модельных правил европейского частного права (далее — DCFR), вышедших в 2009 г.: в них допускаются определение условия третьим лицом и даже одной из сторон, но не путем отсылки к

будущим переговорам (см.: ст. II-9:106 DCFR, II-9:105 и II-4:103³¹, соответственно).

Еще более показательное отношение представителей отдельных юрисдикций, о котором свидетельствует любопытный исторический факт. Так, в разное время переводы анализируемой статьи на немецкий, итальянский и испанский языки выходили с купюрами, фактически «откачивающими» ее к первоначальной редакции: из статьи всякий раз извлеклось указание о том, что договор с открытыми условиями будет считаться заключенным несмотря на несогласование открытого условия³².

Изложенное необходимо принимать во внимание при анализе вопроса о юридической силе договоров с открытыми в российском праве (ст. 429.1 ГК РФ), которое, на наш взгляд, тяготеет к правопорядкам, в которых такие договоры по общему правилу не будут считаться заключенными [14].

Изменение второе (2016 г.)

Второе изменение ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА произошло сравнительно недавно, в 2016 г. Тогда в статью добавилась важная опция — одностороннее определение условий.

В принципе, в самом указании на возможность определения условий договора одной из сторон нет ничего нового. Даже рассуждая о таком положении, как предмет договора³³, причем делая это по отношению не к современному, а к римскому праву, Ю. Барон писал: предмет можно оставить на усмотрение одной из сторон, лишь бы это усмотрение было поставлено в границы добросовестности [2].

Нечего говорить про остальные, менее существенные, условия и про современность: в большинстве известных национальных унификаций частного права, например, допускается одностороннее определение цены и подобных ей положений (например, в ст. II-9:105 DCFR и 6:105 Принципов европейского договорного права³⁴). Более того, косвенно, в отношении условия о цене, эта возможность всегда допускалась и в Принципах УНИДРУА.

Впрочем, несмотря на общепризнанность, опция одностороннего определения условий всегда вызывала опасения³⁵. Главной их причиной является возможность злоупотребления или бездействия управомоченной стороны.

Многие унификации частного права этот вопрос решают прямо — по крайней мере, в отношении злоупотребления стороны. Так, например, в ст. II-9:105 DCFR указывается: «Если цена или иное условие договора должны быть определены одной стороной и условие, определенное этой стороной, является чрезвычайно необоснованным, установленные цена или иное условие заменяются на разумное, несмотря на положения договора об обратном» [8]. Схожее правило находим и в ст. 6:105 PECL.

Этот вопрос для частного случая о цене решают и Принципы УНИДРУА. Так, уже в первой редакции Принципов (1994 г.) было указано: «(2) Если цена должна быть определена одной стороной и такое определение оказывается явно неразумным, то, несмотря на любое условие договора об обратном, цена должна быть заменена разумной ценой»³⁶ (ст. 5.7). В последней редакции (2016 г.) также добавилось правило на случай полного отказа стороны определить цену, которая в таком случае также заменяется на разумную (ст. 5.1.7 (3)).

www.unidroit.org/english/documents/1988/study50/s-50-41-e.pdf Р. 36 (дата обращения: 18.10.2024).

23 Проект актуален и поныне (с учетом дополнения, обсуждаемого в следующем блоке настоящей статьи).

24 Unidroit 1989. Study L — Doc. 40. Rev. 2. P. 6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/1988/study50/s-50-40rev-02-e.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

25 Причем еще к предыдущей, «противоречивой», редакции, упомянутой выше.

26 Unidroit 1988. Study L — Doc. 41. P. 38. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/1988/study50/s-50-41-e.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

27 Ibidem. (Ранее, повторим, авторы исходили из предпосылки о том, что даже намерение не преодолевает проблему неопределенности открытого условия.)

28 Ibidem.

29 См., напр.: Commentary on the UNIDROIT ..., 2009. P. 294; Commentary on the UNIDROIT ..., 2015. P. 333.

30 Конечно, авторы Принципов справедливо замечали, что намерение сторон вступить в правоотношения иногда способно «спасти» договор с открытыми условиями от упрека в незаключенности (хотя ранее, как указано выше, сами они утверждали обратное). Проблема, однако, в том, что, будучи радикальными сторонниками принципа *favor contractus*, авторы Принципов это намерение презюмируют, тогда как в национальных правовых системах для договоров, где открыты условия, предполагается будет скорее обратное; см., напр., в отношении немецкого права: Dannemann G., Schulze R. German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). München: C.H.Beck, 2020. P. 203 (автор комментария — Н. Wais). Иными словами, нет спора, что намерение способно сделать договор с открытыми условиями заключенным договором; вопрос лишь в том, может ли оно предполагаться в контракте, где не согласованы существенные условия, как это имеет место в договоре с открытыми условиями.

31 См. п. D официального комментария к ст. II-4:103: «Сторона может считать условие настолько существенным, что ее согласие вступить в договор будет зависеть от соглашения по этому пункту. Например, если стороны ведут переговоры о цене товаров, которые будут проданы, они показывают, что цена является решающим условием. Даже пункты, которые обычно не считаются существенными, могут быть признаны таковыми одной из сторон».

32 Commentary on the UNIDROIT ..., 2015. P. 332, fn. 256.

33 Пропуск которого ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА, видимо, не затрагивает.

34 Далее — PECL.

35 См., напр.: Commentary on the UNIDROIT ..., 2009. P. 238-239.

36 URL: <https://docs.cntd.ru/document/90178416> (дата обращения: 10.09.2024).

В ходе же последнего изменения ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА лишь указали на возможность одностороннего определения как таковую, а вопросы о злоупотреблении и уклонении от определения оставили открытыми, хотя в Принципах они решены прямо только для указанного выше условия о цене.

Неслучайно еще в ходе разработки последней редакции Принципов Р. Циммерман замечал, что «...на практике другие условия имеют такое же значение, как и цена, и поэтому ... [необходимо — А. Х.] расширить сферу применения статьи 5.1.7, чтобы она не касалась только определения цены»³⁷. Следуя рекомендации Р. Циммермана, предлагалось в ст. 5.1.7 указать, что она распространяется на цену «или любое другое условие»³⁸. Вместе с тем в Текст статьи это изменение не вошло.

Сегодня в рамках Принципов УНИДРУА вопрос следует решать, видимо, прибегая к расширительному толкованию ст. 5.1.7 (применению этой статьи по аналогии) или к общим принципам. *De lege ferenda* же в литературе справедливо предлагается прислушаться к предложению расширить сферу применения статьи ст. 5.1.7 [20].

Все изложенное в настоящем разделе также относится и к ст. 429.1 ГК РФ. Когда законодатель упоминает о возможности определения условия по заявке, он всего лишь констатирует, что такой способ определения допустим. Однако вопросы, касающиеся неразумного определения или уклонения титульной стороны от этого акта, в данной статье не рассматриваются. Интересно отметить, что, как и разработчики последней редакции Принципов УНИДРУА, российский законодатель в ходе реформы также намеревался прямо урегулировать этот вопрос, но соответствующее положение тоже было утрачено³⁹. Таким образом, ответ в рамках ГК РФ теперь также приходится искать, обращаясь к более общим или к аналогичным нормам⁴⁰.

Заключение

Как показано в настоящей статье, положение ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА, к которому принято обращаться для уяснения смысла договоров с открытыми условиями из ст. 429.1 ГК РФ, не столь однозначно, каким кажется на первый взгляд. Первое, что продемонстрировало обращение к истории, — это спорность главной идеи ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА, а именно презумпции заключенности договоров с открытыми условиями, которую первоначально не признавали даже сами разработчики. Второе, что показало обращение к эволюции ст. 2.1.14 Принципов, — это те трудности, с которыми связана регламентация определения условия одной из сторон. К ним относится прежде всего необходимость урегулирования вопросов, связанных с возможным злоупотреблением управомоченной стороны при определении условий.

Пристатейный библиографический список

1. Автонова, Е. Д., Астапенко, П. А., Бореишо, Д. В., До, М. Ю., Малышаков, А. А., Мырнин, В. А., Никулушкина, А. С., Папилин, И. И., Романова, О. И., Ходасевич, А. С. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении

37 UNIDROIT 2015 – Study L – Misc. 31 Rev. P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unidroit.org/english/documents/2015/study50/s-50-misc31rev-e.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

38 Ibidem.

39 Речь идет об отвергнутом предложении Группы МФЦ дополнить ГК РФ ст. 444.1 «Определение и изменение договорных условий в одностороннем порядке», см.: Поправки к опубликованному тексту законопроекта о внесении изменений в ГК РФ (по состоянию на 22.04.2011) // Группа по общим вопросам гражданского права. С. 78-81. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfc-moscow.com/assets/files/documents/gk_gp_220411.pdf (дата обращения: 17.03.2023).

40 Напр., к п. 4 ст. 450 ГК РФ.

- и толковании договора» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. – № 9. – С. 68-118. – № 10. – С. 137-191; – № 11. – С. 71-125.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. – Санкт-Петербург: Асланов, Юрид. центр Пресс, 2005. – 1100 с.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3 / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023. – 524 с.
4. Груздев, В. В. Рамочные договоры в гражданском праве // Право и экономика. – 2019. – № 11 (381). – С. 63-67.
5. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации. [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1425 с.
6. Коблов А. С. Рамочный договор и договор с открытыми условиями как комплексные договорные конструкции // Закон. – 2013. – № 1. – С. 133-140.
7. Комаров, А. С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. – Москва: Статут, 2020. – 770 с.
8. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Райников А. С. Рамочный договор: комментарий к комментарий // Вестник гражданского права. – 2019. – № 5. – С. 186-202.
10. Русакова Е. П., Хузяттов А. А. Искусственный интеллект как механизм исполнения открытых условий договора // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 179-184.
11. Русакова Е. П., Фролова Е. Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. – 2024. – № 1. – С. 179-187.
12. Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 57-83.
13. Хузяттов А. А. Договоры с открытыми условиями в Шотландии: сравнительно-правовой взгляд // Правоведение. – 2023. – Т. 67, No 2. – С. 174-202.
14. Хузяттов А. А. Рамочный договор (договор с открытыми условиями) // Петербургская цивилистика 2.1: Сб. работ выпускников кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета [Электронное издание] / Сост. и отв. ред. А. А. Павлов. – М., 2020. – С. 284-304.
15. Bonell M. J. An International Restatement of Contract Law: The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. Third edition. – Ardsley, N.Y.: Transnational Publishers, 2005.
16. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) / S. Vogenauer, J. Kleinheisterkamp (eds.). – Oxford; N.Y., 2009.
17. Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) / Ed. by S. Vogenauer. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015.
18. Dannemann, G., Schulze, R. German Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – München: C. H. Beck, 2020.
19. Gulati, R., et al. The Elgar Companion to UNIDROIT. Edited by Rishi Gulati et al., Edward Elgar Publishing, 2024.
20. Köhler B. Long-Term Contracts in the 2016 Unidroit Principles of International Commercial Contracts. In The Elgar Companion to UNIDROIT, 151-64. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2024. – P. 156.

ШАЙДУЛЛИН Римнур Марсович

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Университет управления «ТИСБИ»

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ САЙТА (СТРАНИЦ САЙТА) В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Настоящая статья ставит целью проанализировать правовые аспекты применения ИИ в контексте защиты авторских прав, раскрыть возможности и ограничения таких технологий, а также изучить их соответствие нормам законодательства Российской Федерации. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что традиционные методы обнаружения несанкционированного использования объектов интеллектуальной собственности, основанные на ручном мониторинге, демонстрируют свою неэффективность в условиях колоссальных объемов ежедневно публикуемого контента. В связи с этим, все большее внимание специалистов и исследователей привлекает потенциал интеллектуальных систем, в частности, технологий искусственного интеллекта (ИИ), для автоматизации процедур выявления и пресечения нарушений.

Ключевые слова: владельцы сайта, искусственный интеллект, авторское право, право интеллектуальной собственности, защита авторских прав.

SHAYDULLIN Rimnur Marsovich

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty, University of Management «TISBI»

Шайдуллин Р. М.

THE USE OF INTELLIGENT SYSTEMS TO IDENTIFY COPYRIGHT INFRINGEMENTS IN A DIGITAL ENVIRONMENT

This article aims to analyze the legal aspects of the use of AI in the context of copyright protection, to reveal the possibilities and limitations of such technologies, as well as to study their compliance with the norms of the legislation of the Russian Federation. The relevance of this study is determined by the fact that traditional methods of detecting unauthorized use of intellectual property objects based on manual monitoring demonstrate their inefficiency in conditions of huge volumes of daily published content. In this regard, the potential of intelligent systems, in particular, artificial intelligence (AI) technologies, for automating procedures for detecting and suppressing violations is attracting increasing attention from specialists and researchers.

Keywords: artificial intelligence, copyright, intellectual property law, copyright protection.

В условиях цифровой среды, где распространение контента происходит с высокой скоростью и в огромных масштабах, обеспечение своевременного выявления нарушений становится крайне сложной задачей. Как справедливо указывает Л. А. Новоселова, «старые принципы охраны интеллектуальной собственности, создававшиеся в совершенно другом технологическом контексте, в складывающихся условиях больше не работают, что требует определения новых концептуальных механизмов международного регулирования творческой деятельности в сети «Интернет» [3].

Внедрение интеллектуальных систем, базирующихся на машинном обучении и алгоритмах анализа больших данных, открывает возможности для автоматизации процессов поиска и идентификации контента, используемого с нарушением авторских прав. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), такие как нейронные сети и системы компьютерного зрения, способны анализировать текстовые, графические, звуковые и видеоматериалы, сопоставляя их с базами данных правообладателей. В Российской Федерации данные технологии получают все большее распространение. Так, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) использует автоматизированные системы мониторинга для выявления противоправного контента, включая случаи нарушения авторских прав. Помимо этого, российские видеохостинговые платформы, например, RuTube, интегрируют

собственные механизмы автоматической проверки загружаемых материалов на соответствие, требованиям авторского права, используя для этого алгоритмы искусственного интеллекта, позволяющие сравнивать контент с реестрами, находящимися в распоряжении правообладателей. Несмотря на очевидные преимущества, использование ИИ в данной сфере требует четкого нормативно-правового регулирования с целью предотвращения злоупотреблений и защиты прав пользователей. Е. А. Моргунова и Б. А. Шахназаров указывают следующее: «ограничения исключительных прав на объекты смежных прав устанавливаются в определенных особых случаях при условии, что такие ограничения не противостоят обычному использованию объектов смежных прав и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателя. Этот принцип закреплен и в отношении объектов авторского права, так как правовая охрана данных объектов связана с заботой о личности автора - творца или личности организатора создания результата интеллектуального труда» [1].

Применение ИИ в сфере охраны авторских прав порождает ряд важных юридических вопросов. Во-первых, необходимо учитывать положения ст. 1229 ГК РФ, закрепляющей исключительное право правообладателя на использование произведения. Использование ИИ для анализа контента может быть интерпретировано как использование произведения, что требует согласия правообладателя или наличия

законных оснований, таких как лицензия. В соответствии с обзором судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 года, использование произведения без разрешения владельца, включая размещение в цифровой сети, представляет собой нарушение, даже если оно было осуществлено посредством технических средств.

Во-вторых, необходимо принимать во внимание нормы, регулирующие защиту персональных данных. В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», обработка персональных данных должна производиться с согласия их субъекта. Применение ИИ для анализа пользовательского контента может затрагивать персональные данные, что предполагает необходимость соблюдения соответствующих правовых требований.

В-третьих, использование ИИ должно соответствовать принципам справедливости и соразмерности. Принцип добросовестности, закрепленный в ст. 10 ГК РФ, предполагает, что участники гражданских правоотношений должны действовать разумно и справедливо. Применение ИИ для автоматической блокировки контента без предварительной проверки его правомерности может привести к нарушению прав законопослушных пользователей. Необходимо также рассмотреть вопрос об ответственности за действия ИИ: кто должен нести ответственность за ошибки, допущенные ИИ – разработчик, пользователь или иные субъекты?

По мнению П. М. Морхата, «применение искусственного интеллекта в контексте защиты авторских прав требует разработки специализированных правовых механизмов, которые учитывали бы как интересы владельцев прав, так и права пользователей. В противном случае, существует риск формирования системы, способной злоупотреблять своими полномочиями, нарушая принципы справедливости и законности» [2].

И. С. Шиткина и Д. О. Бирюков подчеркивают, что «нормативное регулирование ИИ должно учитывать не только его технические возможности, но также этические аспекты, включая обеспечение прозрачности алгоритмов и механизмов ответственности за принимаемые решения». Это приобретает особое значение в сфере авторских прав, где ошибки ИИ могут повлечь за собой серьезные последствия для всех участников правоотношений [4], [5].

Одним из основных препятствий на пути широкого применения ИИ для выявления нарушений авторских прав является вероятность возникновения ошибок и ложных срабатываний, когда добросовестный контент ошибочно идентифицируется как нарушающий авторские права, что приводит к необоснованному блокированию материалов. Это несет в себе риски для свободы выражения мнений и доступа к информации, гарантированных ст. 29 Конституции РФ, а также может нанести репутационный ущерб создателям контента.

Н. И. Шумакова, Дж. Ллойд Джордан и Е. В. Титова обращают внимание на то, что «генеративный ИИ, создающий новый контент на основе существующих материалов, ставит перед системой права новые вопросы, касающиеся определения авторства и распределения ответственности за созданный контент». Это особенно актуально в сфере авторских прав, где ИИ может, как помочь, так и создать дополнительные сложности в процессе установления правообладателей, а также определения того, кому принадлежит право на созданный

ИИ контент, и кто несет ответственность за его неправомерное использование» [6].

Для повышения эффективности использования ИИ в контексте защиты авторских прав необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования. В частности, необходимо внесение изменений в законодательные акты, предусматривающие четкие правила использования ИИ, включая требования к точности и прозрачности алгоритмов. Кроме того, целесообразно создать механизмы обжалования решений, принимаемых на основе данных, полученных с помощью ИИ, с целью защиты прав пользователей. Также необходимо законодательно определить вопрос об ответственности за решения и действия ИИ, в особенности в контексте генеративного ИИ.

Помимо этого, необходимо активизировать международное сотрудничество в данной сфере. В условиях трансграничного характера сети интернет, эффективная защита авторских прав может быть обеспечена только путем гармонизации законодательства различных государств и формирования единых стандартов применения ИИ.

Таким образом, применение интеллектуальных систем на основе ИИ для выявления нарушений авторских прав представляет собой перспективное направление, обладающее значительным потенциалом в плане повышения эффективности защиты прав в условиях цифровой среды. Однако для реализации этого потенциала требуется: создание четких правовых норм, гарантирующих прозрачность и справедливость применения ИИ; разработка механизмов обжалования решений, вынесенных на основе работы ИИ; установление ответственности за действия ИИ, а также активизация международного сотрудничества для унификации законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. - М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. - С. 9.
2. Морхат П. М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: монография. - М.: Юнити-Дана, 2018. - С. 51.
3. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. - Т. 1. Общие положения: учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. - С. 364.
4. Шиткина И. С., Бирюков Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. - 2023. - № 11. - С. 5-14.
5. Шиткина И. С., Бирюков Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. - 2023. - № 12. - С. 5-15.
6. Шумакова Н. И., Ллойд Джордан Дж., Титова Е. В. На пути к правовому регулированию генеративного ИИ в творческой индустрии // Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - № 1 (4). - С. 880-908.

ЩАВЕЛЕВ Александр Викторович

аспирант, Факультет юриспруденции, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Щавелев А. В.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

В статье рассмотрены особенности и проблемы применения смарт-контрактов в Российской Федерации. Проанализировано текущее состояние законодательства Российской Федерации и дана его оценка. Цель исследования заключается в анализе законодательства Российской Федерации в части смарт-контрактов, определение проблем и предложений по их решению. Результат анализа представлен в виде качественного определения смарт-контрактов и их особенностей, выделенных преимуществ, а также проблемные аспекты смарт-контрактов. Проведенный анализ позволяет определить динамику развития законодательства в данной сфере и обозначить проблемные моменты.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, цифровые права, распределенный реестр, цифровизация, договор.

SHCHAVELEV Alexander Viktorovich

postgraduate student, Faculty of Law, Moscow University for industry and finance «Synergy»

FEATURES AND PROBLEMS OF USING SMART CONTRACTS

The article discusses the features and problems of using smart contracts in the Russian Federation. The current state of the legislation of the Russian Federation is analyzed and its assessment is given. The purpose of the study is to analyze the legislation of the Russian Federation regarding smart contracts, identify problems and suggestions for their solution. The result of the analysis is presented in the form of a qualitative definition of smart contracts and their features, highlighted advantages, as well as problematic aspects of smart contracts. The analysis makes it possible to determine the dynamics of the development of legislation in this area and identify problematic issues.

Keywords: smart contract, blockchain, digital rights, distributed registry, digitalization, contract.

В связи с цифровизацией появился новый вид договора под названием смарт-контракт. Такой договор написан на языке программирования и имеет специальный алгоритм действий. Все условия договора представляют собой программный код, в который заложен порядок действий (алгоритм действий). Договор автоматически выполняется согласно заложенному в нем алгоритму, который находится в блокчейне. Правила поведения и условия заложены в специальном протоколе, который выполняет все действия по получению информации или изменению данных. В таком протоколе существует ряд условий, которые содержат в себе конструкцию: если А, то Б. Например, если на расчетный счет получена определенная сумма, то осуществляется поставка товара в адрес определенного лица.

Все операции в специальном протоколе смарт-контракта (переход права) происходят каждую секунду и записываются в открытый блокчейн. Протокол смарт-контракта реализуется без каких-либо посредников, что значительно экономит денежные средства, а также, благодаря открытому блокчейну, создает сильную защиту и открытость действий.

Для такого договора сначала пишется программный код, а далее он заносится в блокчейн, где его исполнение является автоматическим и не зависит от какой-либо стороны договора. Это очень удобный вариант договоров, поскольку если выполняется условие, то, например, работа сдана, и оплата будет точно совершена. Однако необходимо повысить защищенность таких договоров от внедрения новых условий и изменения программного кода от третьих лиц. Все операции, проводимые с использованием смарт-контрактов, возможно отследить и невозможно отменить.

Следует сказать, что смарт-контракт не является особым видом договора. Ведь смарт-контракт может представлять собой договор поставки, подряда или так далее. В отличие от письменной формы, смарт-контракт имеет электронную форму, содержащую программный код [1].

В настоящее время смарт-контракты обладают некоторыми особенностями. Во-первых, невозможностью изменить условия. Это приводит к тому, что если в условиях договора есть ошибка, то договор будет считаться неисполнимым и будет создан новый договор. Ввиду этого возникает проблема, имеющая название «комплексный смарт-контракт». Следствием этого является слияние кода, его усложнение, перенос ошибок в код и дальнейшее нарастание программных сбоев. Во-вторых, невозможно работать с дополнительной информацией. Ведь в смарт-контракт заложена только та информация, которая была ранее загружена в блокчейн.

Смарт-контракты имеют несколько особых преимуществ, а именно: позволяют в значительной мере уменьшить затраты для создания и исполнения договора; исполнение договора происходит без привлечения третьих лиц (посредников); исполнение договора выполняется благодаря алгоритму, заложенному программным кодом без участия человека; договор, принятый к исполнению, является неизменяемым; блокчейн выступает в роли места хранения договора, благодаря чему сохраняется анонимность [2, с. 54].

При детальном рассмотрении указанных преимуществ следует перейти к проблемным аспектам смарт-контрактов [3].

1. Невозможно полностью исключить человеческий фактор при создании смарт-контракта и заложенного в нем

программного кода. Поэтому существует вероятность программной ошибки со стороны автора программного кода, заложенной им по невнимательности или в связи с корыстью. К тому же автору программного кода зачастую не хватает юридического образования и возникает вопрос об ответственности за недочеты при создании программного кода и перевода, юридических контракций и лексики в соответствующий код. Примером такой ошибки может служить техническая ошибка, случившаяся с фондом «The DAO».

2. Преимущество о невозможности изменить смарт-контракт в блок-чейне в свою очередь, может служить большой проблемой. С одной стороны, третьи лица не имеют возможности изменить договор, но и сами стороны договора лишены такой возможности, что делает такой договор неудобным по отношению к изменяющимся условиям. За время исполнения договора может быть заключено одно или несколько дополнительных соглашений, что является обычной ситуацией в деловом обороте. В будущем такая проблема может быть решена с помощью изменения прописанного алгоритма благодаря искусственному интеллекту.

3. Смарт-контракт не является самостоятельной формой договора, а является лишь процессом заключения договора. Суть в том, что в настоящее время смарт-контракт не является настолько распространенным и поэтому отсутствует полноценное правовое регулирование и закрепление в законодательстве Российской Федерации. Для безопасности контрагенты все равно заключают договоры в классических формах.

При использовании смарт-контракта «участники рынка существуют в новой парадигме, но государство не в состоянии ее принять и старается урегулировать ее традиционными (правовыми) средствами, что деструктивно влияет на правовую культуру в целом».

4. В виду наличия предыдущей проблемы, которая возникает ввиду отсталости права по сравнению с реальностью, существует проблема выполнения договора в блокчейне с использованием цифровых активов (криптовалюты). Это связано с тем, что в блокчейне главным активом является криптовалюта, которая выступает в роли средства для оплаты транзакции. В настоящее время оборот криптовалюты достаточно сильно сдерживается государством.

5. Следующей проблемой является дублированность смарт-контрактов. Суть заключается в следующем. Алгоритм, записанный с помощью программного кода, и блокчейн имеют возможность дублироваться и создать дублированный смарт-контракт на основе оригинала. Имеется возможность дополнить договор еще одной стороной без уведомления сторон основного договора.

6. Не разработаны механизмы судебной защиты смарт-контрактов и определения ответственности. Судебный процесс будет сильно усложнен тем, что судьи в настоящее время не смогут в правильной мере разобраться в программном коде, определить правильную ответственную сторону. Необходимо ли все время обращаться за помощью к специализированной организации? Механизм не отработан.

7. Технология открытого блокчейна не обладает возможностью для быстрой передачи информации, а также отсутствием возможности содержать в себе достаточно большие объемы информации.

Следует подвести итог, что в настоящее время смарт-контракты выглядят как нечто новое и непонятное, вызывают недоверие и имеют в себе несколько недочетов и нерешенных проблем, лишены полного и структурированного

нормативного регулирования. Смарт-контракты предназначены для безопасных операций, которые однозначно превосходят по многим пунктам остальные формы договоров, а также снижают ряд затрат, связанных с заключением договора.

В свою очередь смарт-контракт не является прорывом для юриспруденции и не приведет к отмене традиционных форм договора. Смарт-контракт является особой формой договора, включающего в себя специальные порядки и способы для заключения договора, исполнения и прекращения.

С помощью смарт-контракта невозможно заключать многосторонние договоры, содержащие сложные по конструкции условия, а также заключать дополнительные соглашения с целью изменить условия договора.

К сожалению, использование смарт-контракта не является повсеместным ввиду сложности делового оборота и меняющихся условий. Невозможно составить договор и учесть все изменения в реальности при использовании конструкции «если..., то..., иначе...». Однако со временем данные проблемы будут решены и смарт-контракты прочно закрепятся в гражданско-правовой системе. А также надеемся, что со временем будет активно пополняться судебная практика по применению смарт-контрактов [4, с. 111].

Такая форма договора пытается загнать реальную жизнь в рамки программного кода и алгоритмов, что сильно отличает ее от искусственного интеллекта, который стремится анализировать и изменять условия договора согласно реальности. Многие ученые отмечают, что смарт-контракты устаревшая технология, однако забывая о том, что искусственный интеллект еще не развит как технология и для этого нужны десятилетия.

Проанализировав все плюсы и минусы данной технологии, стоит отметить, что при использовании смарт-контрактов в приватном (закрытом) блокчейне в узких отраслях их удобство, надежность и эффективность не поддаются сомнению.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Фазлиева Л. К., Рахимов Э. Х. Смарт-контракт в гражданско-правовом обороте // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2021. - № 2 (92). - С. 52-57.
3. Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. - 2020. - № 47. - С. 66-82.
4. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica (Русский закон). - 2019. - № 7 (152). - С. 108-118.

ЛИЛУАШВИЛИ Мариам Григорьевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Лилуашвили М. Г.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РФ И США

Статья посвящена рассмотрению исторических аспектов становления института брачного договора в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Цель исследования заключается в определении становления и развития брачного договора в двух различных правовых системах, что поможет использовать зарубежный опыт для совершенствования института брачного договора в России. В работе уделено внимание предпосылкам формирования института брачного договора в России, его развитию на современном этапе. При анализе брачного договора в США проводится сравнение его с российским подходом в данной области.

В ходе исследования сделаны следующие выводы: 1) Предпосылки возникновения института брачного договора в России возникли достаточно давно, однако имеются отличительные особенности брачного договора на разных исторических этапах. 2) Действующее российское законодательство позволяет определить особенности содержания брачного договора, правового режима собственности при его заключении, условия действительности данного договора. 3) Рассмотрение ключевых вопросов брачного контракта, существующих в правовой системе США, показало их отличительные черты от российского подхода к правовому регулированию брачного договора. 4) Некоторые аспекты правового регулирования брачного договора в США могут быть использованы для совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: история, брачный договор, семейное право, Россия, США, имущество, супруги, права и обязанности.

LILUASHVILI Mariam Grigorjevna

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF THE MARRIAGE CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

The article is devoted to the consideration of historical aspects of the formation of the institution of the marriage contract in the Russian Federation and the United States of America. The purpose of the study is to determine the formation and development of a marriage contract in two different legal systems, which will help to use foreign experience to improve the institution of a marriage contract in Russia. The paper focuses on the prerequisites for the formation of the institution of the marriage contract in Russia, its development at the present stage. When analyzing a prenuptial agreement in the United States, it is compared with the Russian approach in this area. The following conclusions were made during the study: 1) The prerequisites for the emergence of the institution of the marriage contract in Russia arose quite a long time ago, however, there are distinctive features of the marriage contract at different historical stages. 2) The current Russian legislation makes it possible to determine the specifics of the content of the marriage contract, the legal regime of ownership at its conclusion, and the conditions of validity of this contract. 3) Consideration of the key issues of the prenuptial agreement existing in the US legal system has shown their distinctive features from the Russian approach to the legal regulation of the prenuptial agreement. 4) Some aspects of the legal regulation of the marriage contract in the United States can be used to improve Russian legislation.

Keywords: history, prenuptial agreement, family law, Russia, USA, property, spouses, rights and obligations.

Введение

Правовое регулирование отношений супругов касается в основном имущественных отношений, что вполне закономерно, поскольку имущественные отношения супругов достаточно часто влияют и на личные взаимоотношения членов семьи. Одним из таких инструментов стал брачный договор, который в России пока не получил широкого распространения на практике, но приобрел некую популярность в крупных городах нашей страны.

На современном этапе, когда многие браки распадаются и возникают проблемы, связанные с разделом имущества, брачный договор приобретает особую актуальность. Проблемным вопросом является то, что для семейного законодательства нашей страны, в отличие от зарубежных стран, брачный договор является относительно новым институтом, еще не прошедшим достаточной апробации на практике. В

связи с этим актуальным является рассмотрение исторических аспектов становления данного института в России и за рубежом, переосмысление правовых норм для разработки направлений его развития и совершенствования.

Предпосылки возникновения института брачного договора в России

Институт брачного договора прошел достаточно долгую историю развития. В России схожее понятие было уже XV в., носящее название гражданского обручения – обещания заключения брака.

Чаще всего заключение подобного договора осуществлялось родителями будущих жениха и невесты, которые могли быть малолетними. Важным качеством рассматриваемого договора являлось то, что в нем предусматривались обеспечительные меры в форме неустойки или задатка. Но

самым главным в договоре обручения следует признать содержание в нем условий касательно приданого, его размера, обеспечения, указание доли жениха в приданом [7].

Для приданных долей предусматривалась государственная регистрация, которая имела огромное значение, поскольку при неправильном оформлении приданого супруги супруг получал право пользования приданым только в тот период, когда жена была жива, а после ее кончины приданое переходило к ее родственникам.

В Московской Руси уделялось внимание урегулированию имущественных отношений лиц, вступающих в брак посредством применения различных договоров.

Можно указать следующие договорные конструкции: договор, который регламентировал особенности содержания приданного и распределения его при ситуации, когда один из супругов умер; договор об использовании материального взноса от жениха – эти средства назывались «столовые» деньги; договор перед заключением брака, в соответствии с которым определялся порядок наследования имущества одним из супругов [10, с. 192].

Изучив особенности формирования брачного договора данного периода, можно выделить несколько особенных черт этих общественных отношений: совокупность имущественных прав супругов находилась в тесной связи с их личными правами; важнейшим объектом, способствовавшим развитию правовых отношений супругов, совместно нажитое имущество, а не приданое невесты; права и обязанности, определяющие использование супружеского имущества, в основном применялись только при вступлении в брак или в случае его расторжении; важнейшими субъектами в системе правовых отношений выступали родственники супругов.

Структура и особенности использования приданного, как важнейшего института в системе семейно-брачных отношений во времена Российской империи несколько изменилось. В большинстве исторических памятников того периода времени под приданым подразумевалось имущество жены. Это закреплено в статьях 109–110 «Законов гражданских» «Свода законов Российской империи», принятых в XIX веке. В соответствии с указанными статьями приданое жены, которое было получено в момент нахождения в браке, будет являться собственностью, принадлежащей исключительно супруге.

Во времена нахождения у власти Петра I произошло отделение приданого невесты от того имущества, которое сегодня называют совместно нажитым. Соответственно, у супруги появилось право собственности на приданное имущество. Подобный подход позволил супруге по своему собственному усмотрению распоряжаться этим имуществом, полученным в качестве подарка [2]. Указанный механизм способствовал защите прав супруги от попыток неправомерных действий мужа при использовании данного имущества.

Семейное право в период царствования императриц Елизаветы и Екатерины II характеризуется тем, что в законодательстве произошло закрепление разъединения имущественных прав супругов. Однако это не явилось препятствием для заключения соглашений касательно распоряжения имуществом. Подобные соглашения обычно касались совместного распоряжения общим имуществом супругов либо распоряжения имуществом одним из них, когда происходила передача права собственности на личное имущество другому супругу.

При обращении к дореволюционным источникам гражданского и семейного права выясняется, что определения

термина «брачный договор» в них не имеется. Однако некоторые похожие по своему содержанию соглашения и договоры в дореволюционном праве все же присутствовали.

В период с 1797 года по 1917 год в царской семье любые вопросы, связанные с выплатой приданого, регламентировались с помощью законодательных актов. Например, во времена нахождения у власти Николая II для вступления в брак великой княжны Ольги Александровны производилось обсуждение разнообразных аспектов брачного договора. Для реализации этих мероприятий император в 1901 году формировал совет министров и приглашал лучших юристов со всей страны. Путем обсуждения вопросов была сформирована соответствующая позиция по поводу составления брачного контракта [2].

В целом, для дореволюционного исторического периода в России присущи тенденции развития брачно-семейных отношений, которые наблюдались в большинстве Европейских стран.

Советский период не внес в развитие брачного договора значимых изменений, поскольку на законодательном уровне произошло закрепление режима общей совместной собственности супругов на нажитое ими в период брака имущество.

До конца июля 1969 года общественные отношения, регулирующие имущественные связи между супругами до вступления в брак и после, практически не менялись. Изменения, связанные с развитием института брачного договора, имели место после принятия нового Кодекса о браке и семье РСФСР¹.

Статья 21 указанного кодекса регламентировала порядок раздела общей собственности. В соответствии с данной статьей при наличии любых обстоятельств доли супругов должны быть равными. Однако существовали исключения, по решению суда доли между супругами могли быть признаны неравными в тех случаях, когда один из супругов уклоняется от работ, полезных советскому обществу, а также производит чрезмерную растрату денежных средств, нанося ущерб собственной семье. Однако, в кодексе не указывались конкретные примеры того, как один из членов семьи мог производить чрезмерную растрату средств, нанося вред своей второй половине и детям.

Изредка, на практике встречались случаи заключения супругами договоров, которые удостоверялись нотариусами, и содержали положения о «правовом режиме имущества супругов» [10, с. 193].

Закрепление института брачного договора в российском законодательстве

После распада Советского Союза в 90-е годы произошли глобальные изменения в общественных, экономических и политических отношениях. Социальная жизнь общества резко изменилась в связи с трансформацией многочисленных процессов, происходящих в государстве. Все эти глобальные изменения стали причиной для того, чтобы преобразовать совокупность действующих нормативных правовых актов.

После того, как в ноябре 1994 года была принята первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее –

1 Кодекс о браке и семье РСФСР: утв. ВС РСФСР 30.07.1969 (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995) // СПС КонсультантПлюс.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

ГК РФ), ряд вопросов, связанных с заключением брачного договора, приобрели правовую основу в иной форме.

Большинство моментов, связанных с заключением, изменением и расторжением брачного договора, определялись именно в ГК РФ. В частности, эти вопросы определялись в статье 256 ГК РФ. Сопоставление этого кодекса с ранее действующими нормативными правовыми актами говорит о наличии диспозитивного содержания в новых нормах. Стороны теперь получили возможность самостоятельно и в свободной форме распоряжаться тем имуществом, которое им принадлежит на законных основаниях.

В 1995 году законодатель принял Семейный кодекс РФ³ (далее – СК РФ), который стал основой для дальнейшего развития гражданско-правовых и семейных отношений имущественного или неимущественного характера.

Можно дать характеристику некоторых положений законодательства, регулирующего брачный договор на современном этапе.

В соответствии с определением брачного договора, данным в ст. 40 СК РФ, его заключение возможно на любом этапе супружеских отношений. А целью его заключения является регулирование прав и обязанностей супругов касательно совместного имущества, причем это касается отношений, как в период брака, так и при его расторжении. В том случае, когда заключение брачного договора произошло до заключения брака, началом его действия является не момент его заключения, а дата, когда была проведена государственная регистрация брака. В России договор обязательно должен иметь письменную форму и при этом требуется его нотариальное удостоверение (ст. 41 СК РФ).

В ст. 42 СК РФ дается примерное содержание брачного договора. В брачном договоре имеются две группы условий.

Первая группа условий имеет отношение к определению режима собственности супругов. Применение брачного договора возможно ко всему общему имуществу супругов либо к его части, определенной в соглашении, где будет закреплён режим договорной общности. Когда в договоре указывается какое-то определенное имущество, то здесь может устанавливаться долевая собственность, когда определяются доли ее участников. Также супругам предоставлено право на установление режима раздельной собственности, при котором имущество распределяется в зависимости от того, кому из супругов оно принадлежит [9, с. 1116].

Вторая группа условий касается прав и обязанностей сторон, заключивших брачный договор. В данном документе стороны могут закрепить такое условие, как обязанность супругов предоставлять взаимное содержание. В брачном договоре может быть прописана обязанность одного из супругов материально поддерживать бывшего супруга в случае расторжения брака, причем размер подобной материальной поддержки также может быть указан в договоре. Подобное условие дает гарантии для менее обеспеченного в материальном плане супруга, поскольку при его нарушении взыскание денежных сумм можно будет осуществить, обратившись в судебные органы.

В брачном договоре возможно определение финансовых обязательств супругов по отношению к детям. Как известно, в случае развода размер алиментов на ребенка определяется

путем заключения соглашения об уплате алиментов либо в судебном порядке. Бракоразводный процесс в психологическом плане достаточно сложный период в жизни супругов, поэтому на данном этапе не всегда получается найти наилучший вариант решения проблемы материального содержания детей. Во избежание конфликтных ситуаций при расторжении брака целесообразно закрепить в брачном договоре размер выплат на детей, оставшихся с одним из родителей [8, с. 142].

Можно согласиться с теми авторами, согласно позиции которых супругам стоит включить в брачный договор условия о правовом регулировании имущества, которое было нажито в период брака. Это может касаться способов участия в общих семейных доходах супругов; порядка несения расходов и распределения имущества в случае расторжения брака [11, с. 223].

В России сформулировано правило о том, что условия договора не должны вступать в противоречие с основными началами семейного законодательства. Важным моментом является то, что заключение брачного договора и его исполнение не должно ущемлять права и интересы одного из супругов. В российском законодательстве применяется понятие крайне неблагоприятного положения, в котором супруг не должен оказаться в результате исполнения брачного договора (п. 3 ст. 42 СК РФ).

Положительно оценивая свободу брачного договора по поводу общего имущества, следует отметить, что данная свобода не должна быть безграничной. Поскольку рассматриваемый договор носит добровольный характер, то должны учитываться в равной степени имущественные интересы мужа и жены. В том случае, когда заключенный договор способствует появлению у одного из супругов особых преимуществ, то возможно поднятие вопроса о признании недействительности подобного договора.

При заключении брачного договора супругам важно просчитать все варианты развития событий, чтобы одна из сторон не оказалась в крайне неблагоприятном положении, иначе договор может быть признан недействительным (п. 2 ст. 44 СК РФ). На практике возникают проблемы применения положения о недействительности брачного договора в связи с указанным основанием, что связано с неясностью формулировки п. 2 ст. 44 СК РФ.

В связи с этим высказывается мнение о необходимости исключения п. 2 ст. 44 СК, поскольку имеет место избыточное правовое регулирование семейных отношений, в результате чего может возникнуть правовая неопределенность, когда будут разрешаться спорные ситуации [3, с. 78].

В данной ситуации возможно и иное решение – дать разъяснение определения крайне неблагоприятного положения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что позволит добиться единообразия судебной практики при применении п. 2 ст. 44 СК.

С осторожностью следует относиться к включению в договор условий о недопустимости аморального поведения одного из супругов, поскольку это может привести к злоупотреблению своими правами и манипуляциям одной из сторон в целях достижения развода и получения заинтересованной стороной всего имущества.

В целом, при заключении брачного договора значительно упрощается процедура судебных разбирательств, поскольку при бракоразводном процессе в решении споров между супругами суд будет опираться на положения данного договора.

3 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

На основании положений ст. ст. 43-44 СК в том случае, когда брачный договор изменяется или расторгается, а также когда он признается недействительным, то происходит применение гражданско-правовых норм – глава 29 Гражданского кодекса РФ, где раскрываются особенности изменения и расторжении договоров, § 2 главы 9 ГК о недействительности сделок.

При определенном сходстве брачного договора со сделками и договорами гражданско-правового характера он все же имеет свою специфику, поэтому гражданско-правовое регулирование может применяться к данному договору лишь частично.

Возникновение и развитие института брачного договора в США

Началом применения брачного договора в США принято считать тот момент, когда в 1848 году в одном из штатов Нью-Йорка был принят Акт об имуществе замужних женщин. В данном документе произошло закрепление правила о раздельности имущества супругов. Кроме того для женщин, состоящих в браке, предоставлялась возможность заключать договоры, которые касались собственности, завещания.

Как известно, законодательство США состоит из правовых актов отдельных штатов. Не стало исключением в данном вопросе и семейное право. В то же время для преодоления хаоса в правотворчестве была проведена разработка типового акта, носящего название Единого закона о добрых и супружеских соглашениях («УРАА»), который был принят в 27 штатах Америки. Данный документ направлен на очерчивание общих рамок регулирования брачного договора и включает общие вопросы в данной сфере.

В целом, законодательство США брачные договоры делит на два основных вида – добрые и послебрачные соглашения. Здесь можно видеть сходство с российским законодательством, позволяющим заключать брачный договор также до и после вступления в брак. Интересным является тот факт, что в отдельных штатах есть требование о том, что между подписанием соглашения и регистрацией брака должно пройти не менее суток [5, с. 316].

При относительной самостоятельности штатов в правовом регулировании брачного договора есть требования, которые распространяются на все штаты.

Так, в США, как и в России, договор обязательно должен иметь письменную форму. Однако, нотариального удостоверения, как принято в нашей стране, в США не требуется. В данном вопросе следует признать, что российское законодательство более строго относится к совершению подобного соглашения, что несомненно следует признать положительным решением отечественного законодательства. Видимо по этой причине в некоторых штатах предъявляются более строгие правила, как, например, участие при заключении договора свидетелей, принесение сторонами договора присяги и подтверждение свою подпись перед нотариусом.

Общим правилом в США является и то, что в договоре не могут содержаться условия, которые могут привести к нарушению публичного порядка или закона, налагающего уголовное наказание. В России также сформулировано схожее, но немного с иной формулировкой, правило о том, что условия договора не должны вступать в противоречие с основными началами семейного законодательства (ст. 42 СК РФ).

В США брачный договор должен соответствовать стандартам справедливости, т.е. не может быть несправедливым. В России также имеется схожее правило, где вместо неспра-

ведливости применяется понятие крайне неблагоприятного положения, в котором супруг оказывается в результате исполнения брачного договора [6, с. 40].

Следует отметить, что при кажущейся простоте заключения брачного договора в США в американском законодательстве содержатся и такие положения, которые значительно влияют на преодоление проблем при разводе супругов. На это направлено правило, в соответствии с которым сторонам предписывается до заключения брачного договора получить консультацию у независимого юриста. В случае пренебрежения таким условием законность брачного договора ставится под сомнение и при расторжении брака подобный договор в судебном порядке может признан незаконным.

Главное отличие брачного договора в США от его регулирования в нашей стране заключается в том, что в соответствии с американским законодательством в него возможно включение различных условий, относящихся к личным неимущественным отношениям. В России брачный договор касается только имущественных прав, при этом в п. 3 ст. 42 СК РФ содержится прямой запрет на включение в брачный договор положений о личных неимущественных отношениях между супругами.

Сходство российского и американского семейного права прослеживается в порядке изменения и расторжения брачного договора, поскольку здесь учитывается обоюдное согласие партнеров. Отличием является то, что в США для этого предусматривается судебный порядок, тогда как в нашей стране это не является обязательным.

Заслуживает внимания такая особенность брачного договора в США, как признание его недействительным в случае утаивания одним из супругов некоторой части имущества при заключении договора. Подобного правила российское законодательство не содержит, хотя следует признать, что его введение несомненно положительно повлияло бы на развитие института брачного договора в нашей стране.

Выводы

На основании проведенного анализа можно сделать несколько выводов:

1) Предпосылки становления института брачного договора можно видеть в Древней и Московской Руси. В целом, для имущественных правоотношений супругов на данном историческом этапе была характерна их тесная связь с личными правами и обязанностями. Договорные конструкции того времени по своему содержанию и сущности были похожи на современный брачный договор,

2) Последующие изменения в семейном дореволюционном праве привели к тому, что имущество супругов стало рассматриваться как раздельное. Затем, уже в советский период, наоборот было законодательно закреплена общая собственность супругов.

3) Современный период в развитии брачного договора связан с принятием таких основополагающих документов в данной сфере, как Гражданский и Семейный кодексы РФ. То, что в российском законодательстве произошло закрепление института брачного договора, следует признать важным шагом в регулировании брачных отношений в нашей стране.

Анализ развития института брачного договора в США показал, что особенностью его регулирования является отсутствие единообразия законодательства, которое может иметь отличия в отдельных штатах. В то же время при этом существуют общие правила, которых должны придерживаться в каждом штате Америки.

При сравнении правовых основ брачного договора в России и США можно отметить, что имеются некоторые схожие черты, которые касаются возможности заключения его до брака и уже после вступления в брак, формы договора, некоторых его условий.

При этом сравнение брачного договора в России и США показало и множество отличий, что вполне закономерно в силу исторического развития данного правового института в разных странах. В то же время опыт США может быть использован в нашей стране по некоторым вопросам.

Так, в российское законодательство можно включить правило о необходимости получения консультации независимого юриста перед заключением брачного договора. Данное нововведение позволит лицам, заключающим данный договор, избежать ошибок при формировании его условий.

Опыт правового регулирования брачного договора в США о возможности включения в договор условий неимущественного характера также может быть полезен, поскольку в России данный договор касается исключительно имущественных отношений. Подобный процесс, несомненно, будет сложным и потребует значительной проработки правовых норм с учетом материалов судебной практики.

Также положительным примером следует признать такую особенность брачного договора в США, как признание его недействительным в случае утаивания одним из супругов некоторой части имущества при заключении договора. Подобное нововведение в российское законодательство будет способствовать защите прав лиц, которые приняли решение о заключении брачного договора.

Заключение

Таким образом, значение брачного договора в России заключается в регулировании имущественных отношений супругов, что позволяет избежать множества спорных ситуаций при расторжении брака и разделе имущества.

Благодаря брачному договору у супругов имеется возможность закрепления различных режимов собственности, их комбинации в отношении всего имущества или отдельных его частей. В брачном договоре возможно указание на обязанности супругов по взаимному содержанию, определение финансовых обязательств супругов по отношению к детям, правовое регулирование имущества, нажитого в браке.

Положительно оценивая закрепление в российском законодательстве брачного договора, следует признать, что учет его исторического развития, зарубежного опыта следует признать необходимым для совершенствования указанного правового института.

Изучение основных этапов становления и дальнейшего развития института брачного договора в Российском государстве и зарубежных странах дает возможность сказать о важности рассмотрения этого вопроса.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева А. С. Брачный договор в США // Научный альманах. – 2024. – № 7-1 (117). – С. 96-98.
2. Бессмертная А. А. Исторический анализ становления и развития брачного договора в России // Бизнес и общество. – 2024. – № 3 (43). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business-society.ru/2024/3-43-2/101_bessmertnaja.pdf (дата обращения: 28.11.2024).
3. Бурков И. Д. Проблемы правоприменения положений о недействительности брачного договора // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 25. – С. 72-81.
4. Бучкина А. С. Правовая сущность брачного договора в Российской Федерации и США: сравнительный анализ // Пермский период. В 3 т. Т. 2: сборник материалов IX международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, Пермь, 16-20 мая 2022 г. – Пермь, 2022. – С. 174-176.
5. Еркалов Р. Ю. Правовое регулирование брачного договора в России и США (на примере штата Калифорния) // Наукосфера. – 2020. – № 11-2. – С. 316-320.
6. Задохина Н. С. Брачный договор в России и в зарубежных странах // Современные тенденции развития социально-гуманитарных наук. – Петрозаводск: Новая Наука, 2021. – С. 39-43.
7. Корниенко Е. В. Брачный договор в Российской Федерации: история возникновения // XII международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум – 2020», Москва, 01 декабря 2019 г. – 06 марта 2020 г.: электронный сборник. – М.: Российская академия наук, 2020.
8. Панюшкина Е. А., Лошкарев А. В. Брачный договор в России: путь к цивилизованному решению брачных вопросов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1-3 (52). – С. 141-143.
9. Пономарева И. М., Новоселова С. Р. Содержание брачного договора // Аллея науки. – 2023. – Т. 2, № 5 (80). – С. 1114-1118.
10. Тужилкина С. А. История становления института брачного договора в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2022. – № 45 (440). – С. 192-194.
11. Шумова К. А., Сидорова С. В. Брачный договор: основные аспекты, признание недействительным договора в суде // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6, № 8. – С. 222-225.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА КОДОВ СТАТИСТИКИ ПРИ РЕГИСТРАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В статье рассмотрена современная российская система классификации хозяйствующих субъектов, дана характеристика шести статистических кодов, присваиваемых Росстатом клиникам пластической хирургии. Клиникам важно верно заявлять свой основной код, поскольку благодаря ему осуществляется анализ различных видов экономической деятельности, ведется статистика о конкретном виде деятельности и отрасли в целом. Ряд общероссийских классификаторов активно используется в ходе проведения статистического анализа эффективности отраслей экономики, востребованности классификационных группировок. Раскрыты особенности выбора и присвоения кода ОКВЭД клиникам пластической хирургии.

Ключевые слова: коды статистики, код, клиника пластической хирургии, ОКВЭД, регистрация.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

LEGAL FEATURES OF THE CHOICE OF STATISTICAL CODES WHEN REGISTERING A MEDICAL ORGANIZATION TO CARRY OUT ACTIVITIES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

The article examines the modern Russian system of classification of economic entities, provides a description of six statistical codes assigned by Rosstat to plastic surgery clinics. It is important for clinics to correctly declare their main code, since it is used to analyze various types of economic activity, maintain statistics on a specific type of activity and the industry as a whole. A number of all-Russian classifiers are actively used in the course of statistical analysis of the efficiency of economic sectors, the demand for classification groupings. The features of choosing and assigning the OKVED code to plastic surgery clinics are disclosed.

Keywords: statistics codes, code, medical clinic, OKVED, registration.

Наличие точных сведений о структуре и качественных свойствах субъектов бизнеса непосредственно влияет на эффективность государственного управления отраслями экономики¹. В связи с этим в России действует Федеральная служба государственной статистики (Росстат).

В его функции входит классификация экономических субъектов, присвоение им специальных кодов деятельности, предоставляемых организациям для идентификации. Статистическая информация формируется Росстатом на основании первичных данных статистической отчетности, поступающих от субъектов бизнеса [6, с. 1121].

При подаче заявления о регистрации в налоговый орган клиника пластической хирургии выбирает и указывают в заявлении коды ОКВЭД, соответствующие виду деятельности, которую планирует вести. Остальные коды присваивают территориальные органы Росстата на основании сведений о госрегистрации, предоставляемых налоговой инспекцией.

Далее органом Росстата направляется уведомление с указанием сведений о кодах. Сведения о них также можно получить на сайте Росстата. Приказом Росстата от 29.03.2017 № 211 утверждено Положение, в соответствии с которым организации, в том числе медицинские, классифицируются по шести кодам.

Итак, коды статистики получают заинтересованные лица при их государственной регистрации и идентифицируют их в соответствии с классификаторами. Система классификации организаций в России дает возможность государству управлять экономикой и упрощает работу надзорных органов.

Медицинская деятельность направлена на поддержание здоровья или излечение, в том числе предоставление медицинских услуг, т.е. услуг, которые необходимы для пациента, включая госпитализацию, лечение, процедуры, анализы, обследования или другие сопутствующие услуги для обследования или лечения. Клиники пластической хирургии оказывают следующие услуги:

1. Консультирование клиента о содержании операции и ее возможных последствиях, а также осложнениях. Пластический хирург должен оценить состояние пациента и разработать план лечения.

2. Предварительное обследование пациента, включающее, например, взятие анализов, компьютерную томографию, проведение иных обследований.

3. Проведение определенной пластической операции: клиника выполняет различные хирургические процедуры, используя знания хирургов об анатомии, хирургических техниках и медицинское оборудование для безопасного и эффективного выполнения этих процедур.

4. Послеоперационный уход.

Деятельность в области здравоохранения также получила свое отражение в классификаторе ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2), содержащим коды по ОКВЭД. Данные коды обозначают интегрированную систему классификации видов экономической деятельности. Коды ОКВЭД обеспечивают основу для сбора и представления на основе экономической деятельности широкого спектра статистических данных в таких областях экономики, как производство, услуги, занятость и другие.

К задачам, решаемым с привлечением кодов ОКВЭД, относятся такие, как, например: регистрация, при которой необходимо указывать вид экономической деятельности, определение основного и дополнительных видов деятельности, разработка нормативной документации, касающейся госрегулирования экономической деятельности [3, с. 82-83].

¹ Зубова Н. В. Статистические коды, присваиваемые Федеральной службой государственной статистики хозяйствующим субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-kody-prisvaivayemye-federalnoy-služhboy-gosudarstvenno-statistiki-hozyaystvuyuschim-subektam-rossijskoy-federatsii?ysclid=lvjabksd-fv310301525> (дата обращения: 30.04.2024).

Классификация видов хозяйственной деятельности составлена таким образом, что субъекты могут быть классифицированы в соответствии с деятельностью, которую они осуществляют. Классы являются наиболее подробными категориями кода ОКВЭД. Классы очерчены в соответствии с тем, что в большинстве стран является обычной комбинацией видов деятельности, описываемых в статистических единицах и учитывается относительная важность видов деятельности, включенных в эти классы. Группы и подразделения, последовательно расширяющиеся уровни классификации, объединяют деятельность производственных единиц в соответствии с общим характером производимых и используемых товаров и услуг, схожестью ресурсов, процессов производства.

Коды ОКВЭД часто используются правительствами для классификации хозяйствующих субъектов по различным категориям в зависимости от того, чем они занимаются. Это облегчает правительствам сбор данных по различным секторам экономики, чтобы они могли видеть, насколько хорошо работает каждый сектор. Это также полезно при разработке стратегий экономического роста и управления.

Классификатор является основным инструментом для изучения экономических явлений, содействия международной сопоставимости данных, обеспечения руководящих принципов для разработки национальной классификации и содействия развитию надежной национальной статистической системы.

Клиника пластической хирургии при регистрации в налоговой инспекции указывает в заявлении основной вид деятельности и, как правило, дополнительные коды (если налогоплательщик не намерен ограничиться лишь основным видом деятельности). Для этой сферы в Общероссийском классификаторе имеется отдельный раздел Q.

Раздел Q справочника включает:

- медицинские услуги;
- обслуживание в больницах;
- медпомощь по месту проживания;
- охрану здоровья человека;
- соц.помощь без специалистов;
- консультации и лечение.

В разделе содержится три класса, в том числе 86 «Деятельность в области здравоохранения», а также подклассы. Клиники пластической хирургии при регистрации, как правило, указывают код 86.22 - специальная врачебная практика, код 86.10 используется как основной для больничных учреждений. Соответствующие виды деятельности следует предусмотреть и в уставе клиники пластической хирургии.

Для осуществления регистрации клиника должна указывать коды, состоящие минимум из 4-х цифр. Могут быть выбраны и дополнительные коды, количество которых не ограничено, но основным будет лишь один. При проведении пластических операций необходимо указывать код 86.22, включающий медицинские консультации и лечение в области общей и специальной медицины, предоставляемые врачами врачами-специалистами и хирургами. Данный код рекомендуется предусматривать при оказании услуг по проведению реконструктивных хирургических операций (лечение частей тела, которые были функционально и/или эстетически затронуты такими проблемами, как врожденные дефекты, травмы и проблемы физического развития).

При оказании косметологических услуг (проводимых в эстетических целях – для улучшения внешности людей, направленных на уменьшение, увеличение или коррекцию определенных частей тела или физических особенностей, такие как шрамы, морщины, жировые отложения) следует предусматривать код 86.22.1. Коды ОКВЭД отражаются в выписке из ЕГРЮЛ. При этом указание менее четырех знаков кода ОКВЭД либо некорректного кода в заявлении может быть основанием для отказа в регистрации.

Код означает вид экономической деятельности, а не вид товаров и услуг. Он означает единицу, которая систематизируется с другими единицами, образуя тем самым отрасли, характеризующие субъектов, осуществляющих одинаковые или схожие виды хозяйственной деятельности. Классификатор не предназначен для измерения данных о продуктах на каком-либо детальном уровне.

Клиникам важно верно заявлять свой основной код, поскольку благодаря ему осуществляется анализ различных видов экономической деятельности, ведется статистика о конкретном виде деятельности и отрасли в целом. Ряд общероссийских классификаторов активно используется в ходе проведения статистического анализа эффективности отраслей экономики, востребованности классификационных группировок, например, в составе валового внутреннего продукта (ВВП). Однако, как показывает практика, организации не во всех случаях ведут свою основную деятельность в соответствии с основным кодом ОКВЭД, который содержится в ЕГРЮЛ, что может исказить результаты проводимых исследований.

По мнению ФНС и судов, вне зависимости от регистрации кода ОКВЭД в ЕГРЮЛ вся деятельность является предпринимательской, если она ведется в соответствии с законом. Присвоение кодов ОКВЭД направлено на классификацию и обозначение видов экономической деятельности и сведений о них. Поэтому наличие у организации определенного кода ОКВЭД не лишает его права заниматься иной деятельностью (письмо ФНС РФ от 22.08.2019 № СА-17-2/229@)².

В то же время, за неправильное указание ОКВЭД медицинская клиника может быть привлечена к ответственности по ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Алехин Д. С. Что такое общероссийский классификатор видов экономической деятельности? // В сборнике: Качество продукции: контроль, управление, повышение, планирование. Сборник научных трудов 5-й Международной молодежной научно-практической конференции. 2018. С. 28-29.
2. Бурый А. С., Слепынцева Л. И. Актуализация общероссийских классификаторов: состояние и тенденции // Стандарты и качество. 2018. № 1. С. 16-21.
3. Бурый А. С., Слепынцева Л. И. Общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации в единой информационной среде // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2017. № 1 (35). С. 78-84.
4. Захаров Г. Н. Общероссийские классификаторы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 155-159.
5. Коровайцев А. А., Саков А. А., Слепынцева Л. И.: вчера, сегодня, завтра // Контроль качества продукции. 2014. № 3. С. 49-54.
6. Козырь Н. С., Коваленко В.С. Метрика отраслевой классификации в Российской Федерации и за рубежом // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 10 (469). С. 1120-1128.
7. Морозов О. В., Васильев М. А. Статистика отраслевого строения российской экономики и модель его оптимизации // Статистика и экономика. 2021. № 1. С. 176-190.

² Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № СА-17-2/229@ «О рассмотрении обращения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72540238/?ysclid=lvmc95grpw6244236797> (дата обращения: 30.04.2024).

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального права, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия

РАХМАТУЛЛИНА Рената Маратовна

студент, Факультет подготовки специалистов для судебной системы, Юридический факультет, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

В статье анализируется роль медиации в современной системе альтернативного разрешения споров, рассматривая её как эффективный инструмент урегулирования конфликтов вне судебного процесса. Проводится сравнительный анализ медиации с другими методами урегулирования конфликтов. В ней рассматриваются правовые основы медиации, особое внимание уделяется особенностям медиации и ее роли в достижении согласия между сторонами. Рассматриваются преимущества и недостатки различных методов альтернативного разрешения споров, их процессуальные особенности и эффективность в разнообразных видах споров. Внимание также уделяется факторам, влияющим на выбор конкретного метода.

Ключевые слова: медиация, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров, медиатор, переговоры, посредничество, судебное примирение.

VORONTSOVA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty, Kazan branch, Russian State University of Justice

RAKHMATULLINA Renata Maratovna

student, Faculty for Training Specialists for the Judiciary, Faculty of Law, Kazan branch, Russian State University of Justice

MEDIATION IN THE ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION SYSTEM

The article analyzes the role of mediation in the modern system of alternative dispute resolution, considering it as an effective conflict resolution tool outside the judicial process. A comparative analysis of mediation with other methods of conflict resolution is carried out. It examines the legal basis of mediation, paying special attention to the specifics of mediation and its role in reaching agreement between the parties. The advantages and disadvantages of various alternative dispute resolution methods, their procedural features and effectiveness in various types of disputes are considered. Attention is also paid to the factors influencing the choice of a particular method.

Keywords: Mediation, civil procedure, alternative dispute resolution, mediator, negotiations, mediation, judicial reconciliation.

Воронцова И. В.,

Рахматуллина Р. М.

1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее по тексту Закон № 193-ФЗ). Это означает, что государство предоставило еще один способ разрешения конфликтов мирным путем.

В России медиация приобретает всё большую актуальность как эффективный инструмент урегулирования правовых споров. Развитие института медиации, призванного защищать права и интересы граждан и организаций, требует совершенствования правового регулирования, особенно в части практической реализации медиативных процедур и обеспечения их соответствия нормам права. Особое внимание следует уделить применению медиации в разрешении гражданско-правовых конфликтов.

«Термин «медиация» происходит от латинского слова «mediare» - «посредничать». Медиация – это структурированный переговорный процесс, в рамках которого медиатором

и субъектами конфликта обсуждаются как фактические, так и правовые аспекты сложившейся конфликтной ситуации, а также с помощью коммуникативных техник предпринимается попытка идентификации реальных интересов конфликтующих сторон, в том числе личных, коммерческих, деловых, семейных, общественных, которые находятся в основе всего отношения и в основании конфликта» [1, с. 1612].

Процедура медиации предусматривает участие независимого посредника, являющегося третьей стороной, не заинтересованной в исходе спора. Его роль заключается в содействии переговорному процессу между сторонами с целью достижения компромиссного решения.

«Медиация – это особым образом организованные переговоры с участием нейтрального посредника (медиатора), который содействует сторонам в выработке взаимовыгодного решения. Такой подход является одним из наиболее эффективных способов восстановления нарушенных субъективных прав» [2, с. 258].

Однако необходимо отметить, что институт примирительных процедур существует довольно давно. Предлагаю рассмотреть различия между медиацией и другими способами мирного разрешения споров.

Методы примирения отличаются тем, что они не являются частью судебного процесса. Как правило, в них участвует посредник, содействующий достижению согласия или разрешению спорной ситуации. При этом

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019) // СЗ РФ. - 2010. - №31. - Ст. 4162. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каждая процедура имеет свои индивидуальные характеристики.

Законодательно, в статье 153.3 ГПК РФ, выделены четыре основных вида примирительных процедур: это переговоры, посредничество, медиация и судебное примирение.

1. Переговоры. Российское законодательство признает переговоры как отдельный метод урегулирования споров, однако не регламентирует детально их структуру и содержание. Статья 153.4 ГПК РФ предусматривает право сторон на разрешение спора посредством переговоров, направленных на достижение примирения. Условия проведения таких переговоров устанавливаются участниками самостоятельно.

Переговоры представляют собой гибкий механизм урегулирования конфликтов и формирования партнерств, основанный на принципе взаимного согласия сторон, которое оформляется в письменном виде. Они зачастую выступают в качестве первоначальной стадии разрешения споров и могут быть инициированы в любое время и в любом месте, устраивающем всех участников.

Если медиация предполагает структурированный процесс, то переговоры, напротив, характеризуются большей свободой и неформальностью. Участники переговоров сами контролируют сроки и порядок обсуждения, в отличие от медиации, где есть посредник и определенные правила.

В отличие от медиации, где присутствует посредник, в переговорах стороны спора или их представители самостоятельно взаимодействуют друг с другом, что и является их основным отличием.

Подобно медиации, переговоры могут быть остановлены в любой момент по обоюдному решению участников. Если в ходе переговоров компромисс не достигается, медиация может стать эффективным альтернативным способом разрешения конфликта. Медиатор, в свою очередь, способствует восстановлению диалога между сторонами и помогает им глубже разобраться в проблеме.

«Медиация, по сравнению с переговорами, — процесс, имеющий алгоритм, который медиатор должен соблюдать для того, чтобы упорядочить процесс поиска решений. Медиация более формализована, чем переговоры; формализация во многом связана с тем, что применение процедуры медиации осуществляется на основании соглашения сторон, и начинается со дня заключения сторонами данного соглашения. Кроме того, с принятием Закона № 197-ФЗ появилась возможность придания исполнительной силы медиативному соглашению. Таким образом, нотариальное удостоверение медиативного соглашения служит гарантией его исполнения, при этом нет необходимости дополнительно обращаться за исполнительным листом в суд» [3, с. 52].

2. Посредничество.

«По аналогии с переговорами, процедура посредничества как самостоятельная форма урегулирования конфликта не раскрыта в законодательстве. Термин «посредничество» в проекте Федерального закона № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» используется как родовое, а судебное примирение и медиация являются специальными по отношению к нему» [4, с. 143].

3. Судебное примирение представляет собой альтернативную процедуру урегулирования споров, предполагающую участие посредника в лице судебного примирителя, целью которого является достижение соглашения между сторонами конфликта. Правовые основы данного механизма закреплены в ГПК РФ и Регламентом проведения судебного примирения № 41 от 31.10.2019² (далее по тексту - Регламент).

Несмотря на кажущееся сходство, судебное примирение и медиация представляют собой принципиально разные процедуры.

Во-первых, медиационная процедура инициируется исключительно на основании добровольного согласия всех вовлеченных сторон. В то же время, для начала процедуры судебного примирения, помимо согласия сторон, требуется наличие судебного акта.

Судебное примирение может быть инициировано на любом этапе судебного разбирательства, включая стадию исполнения судебного акта. Инициатива может исходить как

от сторон, так и от суда, при наличии согласия всех участников.

Во-вторых, деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. При этом, в соответствии с действующим законодательством, в качестве посредника в рамках судебного примирения может выступать исключительно судья в отставке, включенный в реестр судебных примирителей, утвержденный Пленумом Верховного суда Российской Федерации.

В-третьих, работа медиатора и судебного представителя имеет принципиальные различия. Судебный примиритель обладает более активной ролью и широкими полномочиями при урегулировании спора. Суд разрешает ему знакомиться со всеми материалами дела (включая ходатайства, жалобы и судебные акты) и получать их копии. Также он вправе консультировать стороны, разъясняя им правовые нормы и порядок их применения. В отличие от судебного примирителя, роль медиатора ограничена налаживанием диалога между сторонами конфликта. Медиатору запрещено предоставлять юридические консультации или оценивать обстоятельства дела.

В-четвертых, медиация характеризуется свободой сторон в определении порядка ее проведения. Достиженные договоренности фиксируются в письменном соглашении. Такая договорная основа обеспечивает значительную гибкость процесса, позволяя участникам самостоятельно выбирать, где будет проходить процедура. В отличие от медиации, проведение судебного примирения жестко регламентировано законом и ограничено специально оборудованными помещениями в здании суда.

В-пятых, Закон № 193-ФЗ ограничивает срок медиации 180 днями. Продолжительность судебного примирения устанавливается судом в отдельном определении.

В-шестых, итогом успешной медиации является заключение сторонами медиативного соглашения. Результатом судебного примирения могут стать выводы, указанные в пункте 1 статьи 153.7 ГПК РФ, т.е. «результатами примирения лиц, участвующих в деле, могут быть, в частности: мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; частичный или полный отказ от иска; частичное или полное признание иска; полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления); признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения»³.

В-седьмых, в медиации стороны несут расходы на этот процесс и делают расходы поровну, включая гонорар медиатора (если иное не оговорено). Судебное же примирение для сторон бесплатно, а вознаграждение судебному примирителю оплачивается из государственного бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что предложенные процедуры примирения имеют свои особенности, но при этом дополняют друг друга и могут быть использованы последовательно: в случае неудачи переговоров стороны могут обратиться к медиации, а при отсутствии результата — перейти к судебному примирению. Ключевыми характеристиками этих процедур являются степень участия сторон, а также роль независимого посредника в достижении окончательного решения конфликта.

Пристатейный библиографический список

1. Волхова А. А. Понятие и виды медиации // Научный аспект. - 2023. - Т. 13, № 12. - С. 1612.
2. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: 12.00.15 - гражданский процесс; арбитражный процесс: диссертация на соискание кандидата юридических наук. - Уральская государственная юридическая академия. - Екатеринбург, 2010. - 258 с.
3. Некрасов С. Ю., Анишина Д. И. Отличие медиации от других видов примирительных процедур // Глагол правосудия. - 2020. - № 2 (24). - С. 50-53.
4. Кудрина А. А. Отличия медиации от других видов примирительных процедур // Молодой ученый. - 2022. - № 45 (440). - С. 143.

3 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. № 46. - Ст. 4532. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 1.

МОРОЗОВА София Юрьевна

аспирант сектора процессуального права, Институт государства и права Российской Академии наук

ПОЛНОМОЧИЯ И ОБЯЗАННОСТИ СУДА НА ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена исследованию полномочий и обязанностей суда на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса частных и публичных интересов, а также реформированием законодательства, включая внедрение цифровых технологий и расширение доказательственных возможностей суда. На основе анализа норм Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ, правоприменительной практики и научных трудов авторы предлагают классификацию полномочий суда, выделяя процессуально-документационные, организационно-подготовительные, доказательственные, обеспечительные и дискреционные аспекты. Особое внимание уделяется роли суда в разъяснении прав участникам процесса, организации доказывания, применении мер предварительной защиты и содействию примирению сторон. Исследование подтверждает, что качественная реализация подготовительных действий судом напрямую влияет на соблюдение принципов состязательности, своевременность рассмотрения дел и достижение целей административного правосудия.

Ключевые слова: административное судопроизводство, подготовка дела к судебному разбирательству, полномочия суда, обязанности суда, Кодекс административного судопроизводства РФ, доказательственные полномочия, обеспечительные меры, процессуальные сроки, цифровизация правосудия, примирительные процедуры.

MOROZOVA Sofiya Yurjevna

postgraduate student of the procedural law department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

POWERS AND RESPONSIBILITIES OF THE COURT AT THE STAGE OF PREPARING A CASE FOR JUDICIAL PROCEEDINGS IN ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

This article is dedicated to the examination of the powers and responsibilities of the court at the stage of preparing a case for judicial proceedings in administrative court proceedings. The relevance of the topic is determined by the need to ensure a balance between private and public interests, as well as the reform of legislation, including the introduction of digital technologies and the expansion of the court's evidentiary capabilities. Based on an analysis of the norms of the Administrative Procedure Code (APC) of the Russian Federation, law enforcement practices, and scholarly works, the authors propose a classification of the court's powers, highlighting procedural-documentary, organizational-preparatory, evidentiary, protective, and discretionary aspects. Special attention is given to the court's role in clarifying the rights of participants in the process, organizing the presentation of evidence, applying pre-emptive protection measures, and facilitating the reconciliation of the parties. The study confirms that the quality implementation of preparatory actions by the court directly affects the adherence to the principles of adversarial proceedings, the timeliness of case consideration, and the achievement of the goals of administrative justice.

Keywords: administrative court proceedings, case preparation for judicial review, court powers, court responsibilities, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, evidentiary powers, protective measures, procedural timelines, digitalization of justice, reconciliation procedures.

Эффективное осуществление административного судопроизводства во многом зависит от качества подготовки дела к судебному разбирательству. Данный этап имеет определяющее значение для последующего рассмотрения и разрешения административного дела по существу. В контексте эволюции институтов административного процесса исследовательский фокус на процессуальных компетенциях и функциональных обязанностях судебных органов в рамках подготовительной стадии административного судопроизводства представляется методологически значимым. Данная научная релевантность детерминирована имманентной зависимостью эффективности юрисдикционной деятельности от процессуальной корректности осуществления подготовительных действий, выступающих гарантом обеспечения конституционных прав субъектов в публично-правовой сфере. Как демонстрирует правоприменительная практика, качественная реализация судом организационно-процессуальных прерогатив на досудебной стадии прямо коррелирует с возможностью оперативной реализации механизмов право-

вой защиты, соответствующих критериям процессуальной экономии и баланса частных и публичных интересов в условиях асимметрии сторон административного спора.

Актуальность исследования обусловлена спецификой института подготовки административных дел к судебному разбирательству, связанной с особым характером публично-правовых споров, необходимостью баланса частных и публичных интересов, а также динамичным развитием законодательства, включая расширение полномочий суда по использованию доказательств из открытых источников и цифровых технологий.

Методологический базис исследования сформирован совокупностью универсальных научных подходов (диалектический и системно-структурный анализ) и специальных отраслевых методов правоведения (догматико-юридический, компаративистский, аналитико-синтетический), применение которых осуществлялось в системной взаимосвязи с доктринальными положениями административно-процессуальной науки и действующим законодательством, закре-

плённым в нормах Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)¹.

В рамках исследования предлагается классификация полномочий суда на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве, основанная на функциональном назначении и содержании процессуальных действий, закрепленных в КАС РФ.

1. Процессуально-документационные полномочия включают обязанности по направлению процессуальных документов (ст. 96), установлению процессуальных сроков (ст. 45), организации документооборота (ст. 93) и оформлению материалов дела (ст. 89 КАС РФ).

2. Организационно-подготовительные полномочия в соответствии со ст. 41, 43, 136, 138 КАС РФ охватывают действия по обеспечению явки участников процесса, разъяснению их правового статуса, формированию надлежащего состава лиц, участвующих в деле, и определению процессуального порядка рассмотрения требований.

3. Доказательственные полномочия, регламентированные ст. 63, 66, 77 КАС РФ, представляют собой комплекс мер по формированию доказательственной базы, включая истребование и исследование доказательств, привлечение специалистов и экспертов, а также получение необходимой информации из различных источников.

4. Обеспечительные и защитные полномочия, предусмотренные ст. 85, 88, 137, 142 КАС РФ, направлены на создание условий для эффективной защиты прав участников процесса путем применения предварительных мер защиты, организации дистанционного участия и содействия примирению сторон.

5. Дискреционные полномочия, закрепленные в ст. 16, 87, 138, 141 КАС РФ, предполагают реализацию судом своего усмотрения при определении процессуальных сроков, необходимости проведения предварительного заседания и принятии иных мер, способствующих подготовке дела.

Законодатель дифференцирует порядок направления документов в зависимости от наличия у административного ответчика публичных полномочий: при их отсутствии суд, удостоверившись в получении документов, устанавливает срок для представления возражений. Существенное значение имеет определение судом разумного срока для представления письменных возражений, а также регламентация их направления истцу и иным участникам, что формирует условия для всестороннего анализа позиций сторон и реализации принципов процессуальной эффективности.

Особого внимания в рамках подготовки административного дела к судебному разбирательству заслуживает цифровизация документооборота, предусматривающая размещение электронных материалов в специализированном разделе сети «Интернет» с ограниченным доступом, что оптимизирует взаимодействие участников процесса и соответствует современным тенденциям судопроизводства [6].

Эффективность административного судопроизводства напрямую зависит от реализации судом организационно-подготовительных полномочий, включая установление позиций сторон через вызов и опрос, что способствует концентрации доказательственного материала и выявлению возможностей досудебного урегулирования. Обязанность суда

по разъяснению процессуальных прав и последствий действий участникам, особенно не обладающим юридической компетенцией, обеспечивает осознанное формирование их правовой позиции и соблюдение принципов состязательности.

В соответствии с частью 1 статьи 43 КАС РФ суд наделен полномочиями по определению состава участников административного судопроизводства. Как отмечает А. А. Соловьев, данные полномочия носят дискреционный характер и направлены на обеспечение эффективности правосудия. Автор подчеркивает, что замена ненадлежащего административного ответчика, предусмотренная статьей 43 КАС РФ, является важнейшей гарантией правильного разрешения дела [8].

Положения статьи 136 КАС РФ, регламентирующие процедуру соединения и разъединения административных исковых требований, по мнению М. Б. Величко, создают правовую основу для процессуальной оптимизации [2]. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.09.2016 № 36 разъяснил критерии принятия таких решений, акцентируя внимание на необходимости учета взаимосвязи требований.

Нормативное закрепление активной процессуальной позиции суда в рамках доказывания, предусмотренное ст. 14 КАС РФ, выступает ключевой характеристикой административного судопроизводства. Указанный правовой подход получил подтверждение в правоприменительной практике Конституционного Суда РФ, который в Определении от 12.07.2006 № 182-О акцентировал необходимость обеспечения судебными органами процессуального паритета сторон посредством активного участия в установлении фактических обстоятельств дела².

Правомочие суда инициировать истребование доказательств как по ходатайству участников процесса, так и в порядке собственной дискреции, зафиксированное в ч. 1 ст. 63 КАС РФ, интерпретируется в доктрине в контексте реализации принципов состязательности и равноправия. Как обоснованно указывает Сиразитдинова Ю. Р., данная норма направлена на нивелирование асимметрии процессуальных возможностей сторон в публично-правовых спорах, что обусловлено спецификой административных дел, где одной из сторон выступает субъект властных полномочий [7].

П. А. Гук подчеркивает значимость положений статьи 77 КАС РФ, регламентирующих порядок назначения экспертизы и привлечения специалистов [4]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27.09.2016 № 36 дал подробные разъяснения относительно процедуры назначения экспертизы и оценки экспертных заключений.

Институт судебных поручений, закрепленный в статье 66 КАС РФ, по мнению А. Т. Боннера, является важным инструментом обеспечения полноты доказательственной базы. Автором также отмечается, что данный механизм особенно актуален в условиях территориальной удаленности источников доказательств [1].

1 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024). [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 03.02.2025).

2 Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 № 182-О «По жалобам гражданина Каплина Александра Евгеньевича, открытого акционерного общества «Кузбассэнерго», общества с ограниченной ответственностью «Деловой центр «Гагаринский» и закрытого акционерного общества «Инновационно-финансовый центр «Гагаринский» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 части 1 статьи 150, статьи 192 и части 5 статьи 195 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 03.02.2025).

Часть 2 статьи 63 КАС РФ, предусматривающая возможность получения доказательств из открытых источников отражает современные тенденции информатизации судопроизводства. Данное положение корреспондирует с нормами Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³.

Институт мер предварительной защиты, регламентированный главой 7 КАС РФ, представляет собой специфический механизм оперативного реагирования на возможные нарушения прав и законных интересов. Согласно позиции М. Ю. Старилова, особенность данного института заключается в возможности принятия обеспечительных мер как по заявлению административного истца, так и по инициативе суда (ч. 1 ст. 88 КАС РФ). В научной литературе подчеркивается, что такой подход законодателя обусловлен необходимостью компенсировать фактическое неравенство сторон в административном судопроизводстве [9].

Применение видеоконференц-связи регулируется статьей 142 КАС РФ и, как указывает К. И. Шафоростова, является важным элементом реализации права на доступ к правосудию [10]. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.09.2016 № 36 разъяснил порядок организации видеоконференц-связи и требования к обеспечению надлежащего качества связи.

Примирительные процедуры, предусмотренные главой 13 КАС РФ, по мнению Е. С. Ганичевой, приобретают особое значение в контексте развития альтернативных способов разрешения административных споров. В соответствии со ст. 137 КАС РФ суд обязан содействовать примирению сторон, что подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 24.02.2004 № 1-О [3].

Нормативно-императивное закрепление процессуальных обязанностей судебных органов в административном судопроизводстве выполняет функцию ключевой гарантии реализации прав участников процесса и соблюдения принципа законности при разрешении публично-правовых конфликтов. Содержательный анализ ст. 14 КАС РФ позволяет констатировать наличие законодательной обязанности суда по обеспечению триады основополагающих принципов правосудия – независимости, объективности и беспристрастности, что материализуется через создание процессуальных условий для комплексного и непредвзятого исследования доказательственного материала.

Ключевой императивной прерогативой судебных органов в административном судопроизводстве выступает обязанность по разъяснению процессуального статуса и корреспондирующих правомочий участникам процесса, нормативно закрепленная в ст. 14 КАС РФ. Особую актуальность данная функция приобретает в контексте асимметрии публично-правовых отношений, где одной из сторон конфликта выступает субъект, обладающий властной компетенцией, что требует от суда активных действий по гарантированию фактической реализации процессуальных гарантий для всех участников производства.

Существенную роль в обеспечении состязательного характера процесса играет нормативно установленная в ст. 63

КАС РФ обязанность суда по оказанию содействия в формировании доказательственной базы. При наличии объективных сложностей в представлении доказательств участниками процесса судебный орган, руководствуясь принципом процессуального равенства, инициирует механизм истребования необходимых материалов по ходатайству заинтересованной стороны с одновременным установлением временных рамок для их предоставления [5], что обеспечивает соблюдение баланса между активностью суда и самостоятельностью сторон в доказывании.

Важнейшим элементом процессуальных гарантий выступает регламентированная ст. 96 КАС РФ обязанность суда по обеспечению надлежащего извещения участников производства. Реализация данного предписания через своевременное направление судебных извещений формирует условия для эффективной процессуальной подготовки, гарантируя соблюдение права на заблаговременное ознакомление с позициями сторон и формирование линии защиты.

На подготовительной стадии административного судопроизводства судебный орган реализует императивную обязанность по осуществлению процессуальных действий, направленных на обеспечение законности и своевременности судебного разбирательства. Согласно ст. 135 КАС РФ, законодатель устанавливает исчерпывающий перечень обязательных подготовительных процедур, включающих:

1. Детализацию юридически значимых обстоятельств дела;
2. Формирование доказательственной базы, релевантной предмету спора;
3. Легитимацию процессуального статуса участников производства.

Институт предварительных обеспечительных мер (ст. 85 КАС РФ) возлагает на суд обязанность соблюдения принципа процессуальной пропорциональности, предполагающего:

- Соответствие принимаемых мер характеру и объему заявленных требований;
- Обоснованность их применения для предотвращения необратимого нарушения прав административного истца.

Реализация данной нормы требует от суда проведения многофакторного анализа фактических обстоятельств дела с последующей оценкой потенциальных правовых последствий применения обеспечительного механизма.

Проведенное исследование позволило сформулировать системный подход к пониманию полномочий и обязанностей суда на этапе подготовки административного дела к судебному разбирательству. На основе анализа норм КАС РФ, судебной практики и доктринальных позиций подтверждено, что эффективность административного судопроизводства напрямую зависит от полноты реализации судом процессуальных функций на подготовительной стадии.

Ключевые выводы исследования:

1. Классификация полномочий суда отражает их многоаспектный характер, охватывая процессуально-документационные, организационно-подготовительные, доказательственные, обеспечительно-защитные и дискреционные аспекты. Это обеспечивает баланс между активной ролью суда и принципом состязательности, особенно в условиях неравенства сторон в публично-правовых спорах.

2. Современные тенденции (цифровизация, использование открытых источников доказательств, видеоконференц-связь) усиливают доступность правосудия, но требуют от суда соблюдения строгих процессуальных гарантий при сохранении объективности.

3 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 03.02.2025).

3. Обязанность суда по разъяснению прав участникам процесса (ст. 14 КАС РФ) и содействию в собирании доказательств (ст. 63 КАС РФ) выступает ключевым механизмом преодоления дисбаланса между гражданами и публичными субъектами.

4. Меры предварительной защиты (гл. 7 КАС РФ) и примирительные процедуры (гл. 13 КАС РФ) требуют от суда взвешенной оценки обстоятельств, чтобы обеспечить соразмерность ограничений и достижение процессуальной экономии.

5. Экспертиза и судебные поручения (ст. 66, 77 КАС РФ) играют критическую роль в формировании доказательственной базы, особенно в условиях территориальной удаленности или сложности доказывания.

Исследование подтверждает, что надлежащая реализация судом подготовительных полномочий способствует соблюдению сроков рассмотрения дел, укреплению доверия к правосудию и достижению целей административной юстиции — защиты прав граждан в публично-правовой сфере. Однако динамичное развитие технологий и усложнение административных споров требуют дальнейшего совершенствования процессуальных механизмов, включая интеграцию цифровых инструментов при сохранении принципов справедливости и законности.

Результаты работы подчеркивают необходимость единообразного применения судами норм КАС РФ, опоры на разъяснения Верховного Суда РФ и учета доктринальных рекомендаций для обеспечения эффективности подготовки дел как фундамента качественного правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24-51.
2. Величко М. Б. Соединение исковых требований в административном судопроизводстве // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/soedinenie-iskovyh-trebovaniy-v-administrativnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Ганичева Е. С. Примирительные процедуры в административном судопроизводстве: новые возможности урегулирования споров на основе соглашения сторон // Образование и право. – 2020. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-administrativnom-sudoproizvodstve-novye-vozmozhnosti-uregulirovaniya-sporov-na-osnove-soglasheniya-storon> (дата обращения: 03.02.2025).
4. Гук, П. А. Экспертиза в административном судопроизводстве: понятие, виды, основания назначения / П. А. Гук // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-v-administrativnom-sudoproizvodstve-ponyatie-vidy-osnovaniya-naznacheniya> (дата обращения: 03.02.2025).
5. Павленко К. А. Собрание доказательств: от гражданской процессуальной формы к административному судопроизводству // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – № 1 (31). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-dokazatelstv-ot-grazhdanskoj-protsessualnoy-formy-k-administrativnomu-sudoproizvodstvu> (дата обращения: 03.02.2025).
6. Павлюк Ю. Б. Особенности развития цифровых технологий в российском судопроизводстве // Современное право. – 2020. – № 5. – С. 60-66. – DOI 10.25799/NI.2020.34.53.014.
7. Сиразитдинова Ю. Р. Необходимые (обязательные) доказательства в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 5. – С. 23-27. – DOI 10.18572/1812-383X-2023-5-23-27.
8. Соловьёв А. А. Общая характеристика правового положения сторон административного судопроизводства // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2018. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-pravovogo-polozeniya-storon-administrativnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 03.02.2025).
9. Стариков М. Ю. Эффективность института мер предварительной защиты в административном судопроизводстве: постановка проблемы, условия и критерии применения, судебная практика // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2 (33). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-instituta-mer-predvaritelnoy-zaschity-v-administrativnom-sudoproizvodstve-postanovka-problemy-usloviya-i-kriterii> (дата обращения: 03.02.2025).
10. Шафоростова К. И. Проблема закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях норм об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи // Концепт. – 2019. – № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zakrepleniya-v-kodekse-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-norm-ob-uchastii-v-sudebnom-zasedanii> (дата обращения: 03.02.2025).

СЕДЫХ Николай Петрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, действительный государственный советник РФ 3-го класса

ЧЕРКАС Дмитрий Сергеевич

студент 4-го курса очного отделения, Юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

БЫКОВ Данила Антонович

студент 4-го курса очного отделения, Юридический факультет, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В данной статье рассматривается территориальная организация местного самоуправления. В свою очередь стоит отметить, что само местное самоуправление является одним из значимых элементов для существования и развития демократического государства. Роль местного самоуправления заключается в обеспечении достойных и качественных условий для жизни, здоровья и деятельности каждого гражданина Российской Федерации и населения в целом. Таким образом, местное самоуправления призвано обеспечивать реализацию одного из основных прав человека и гражданина, закрепленного в статье 7 Конституции Российской Федерации – права на достойную жизнь человека.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальная организация, муниципальные образования, решение вопросов местного значения, эффективность.

SEDYKH Nikolay Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Full State Councilor of the Russian Federation, 3rd class

CHERKAS Dmitriy Sergeevich

student of the 4th course of the full-time, Faculty of Law, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg

BYKOV Danila Antonovich

student of the 4th course of the full-time, Faculty of Law, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg

TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

This article examines the territorial organization of local self-government. In turn, it is worth noting that local self-government itself is one of the significant elements for the existence and development of a democratic state. The role of local self-government is to ensure decent and high-quality conditions for the life, health and activities of every citizen of the Russian Federation and the general population. Thus, local self-government is called upon to ensure the realization of one of the fundamental human and civil rights enshrined in article 7 of the Constitution of the Russian Federation - the right to a decent human life.

Keywords: local government, territorial organization, municipalities, solving issues of local importance, efficiency.

Территориальная организация местного самоуправления в нашей стране имеет конституционную основу. Часть 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации [1] нам четко указывает на то, что базой для местного самоуправления являются городские и сельские поселения и другие территории. Конкретизируя данное положение, статья 10 Федерального Закона об общих принципах организации местного самоуправления [2] законодательно закрепляет в Российской Федерации двухуровневую систему местного самоуправления, и как следствие, все муниципальные образования делятся на два уровня.

Первый уровень содержит в себе следующие виды муниципальных образований: городские и сельские поселения, внутригородские районы, либо внутригородские территории городов федерального значения.

Второй уровень содержит в себе такие виды муниципальных образований, как: муниципальные районы, городские округа и городские округа с внутригородским делением.

Муниципально-территориальное устройство состоит из двух важных положений: все территории субъектов Российской Федерации делятся на соответствующие действующему законодательству муниципальные образования (статика), которые имеют между собой установленное соотношение, о чем будет сказано дальше. Также, муниципально-территориальное устройство имеет комплекс необходимых процедур, таких как: образование, упразднение и преобразование муниципальных образований, их регистрация, процесс установления и изменения их границ – правовая дефиниция, входящая в

определение муниципально-территориального процесса (динамика).

Целью муниципально-территориального деления является создание необходимых пространственных пределов для реализации местного самоуправления как уровня публичной власти, обладающего самостоятельностью.

Действующим в настоящее время Законом об общих принципах организации местного самоуправления [2] устанавливается принцип территориального верховенства. Данный принцип реализуется следующим образом:

Во-первых, территорией муниципального образования ограничивается верховенство решений, принятых путем прямого волеизъявления граждан муниципального образования, и решений органов местного самоуправления по вопросам местного значения;

Во-вторых, в границах муниципальных образований органы местного самоуправления осуществляют свои властные полномочия по самостоятельному управлению муниципальной собственностью, формированию, утверждению и исполнению местного бюджета, установлению местных налогов и сборов, осуществлению охраны общественного порядка, решению иных вопросов местного значения.

В свою очередь вхождение городских и сельских поселений в муниципальные районы исключает подчинения первых вторым. Все муниципальные образования обладают самостоятельностью, которая является признаком их компетенции.

Тем самым происходит наделение их разными задачами. Первые (городские, сельские поселения) направлены на решение вопросов поселенческого уровня, у них возникает возможность качественного сотрудничества и взаимодействия. Вторые (муниципальные районы), в свою очередь преимущественно решают вопросы межпоселенческого значения.

Однако, в настоящее время очень активно обсуждается вопрос эффективности двухуровневой системы местного самоуправления и переход на одноуровневую систему. Действительно, ныне существующее местное самоуправление демонстрирует нам свою низкую эффективность и слабую дееспособность ввиду масштабного недостатка ресурсов и, как следствие игнорирование института широкими слоями населения. Граждане теряют доверие к местным властям, что в свою очередь формирует у населения негативное восприятие института местного самоуправления. Таким образом, вся система российского местного самоуправления нуждается в серьезных изменениях.

14 марта 2020 года, после одобрения Федеральным Собранием Российской Федерации вступил в силу Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее по тексту – Закон о поправке) [3]. Плодотворная работа над этим законом позволила вывести в данном законе следующие основные положения в рамках поправок к Конституции Российской Федерации:

1. Отход от поселенческой модели муниципально-территориального устройства;

2. Поправки в статью 131 Конституции РФ [1] уточнили существующие формулировки, а также инициировали появление новых пунктов 1.1 (закрепил право органов государ-

ственной власти участвовать в избрании местного самоуправления) и 3 (у федерального законодателя появилось право установления особенностей осуществления на муниципальных территориях публичной власти).

3. Новые редакции статей 132 и 133 Конституции Российской Федерации [1] установили структуру компетенции местного самоуправления, в которой были выделены переданные государственные полномочия, публичные функции и вопросы местного значения. Таким образом, поправки в данные статьи расширили компетенцию органов местного самоуправления, а также закрепили концепцию единой системы публичной власти, куда теперь входят и органы государственной власти, и органы местного самоуправления.

Стоит отметить, что в настоящее время российское местное самоуправление именно как инструмент решения вопросов местного значения не работает. Возьмем для примера город Санкт-Петербург.

В этом городе ежегодно возникает существенная проблема, связанная с уборкой снега, что в конечном итоге создает определенные трудности для жизни местного населения. Закладывается определенное финансирование на покупку техники и сооружения, на содержание дворников и разрешение ряда определенных вопросов, касаемых данной проблемы, а конечного результата жители Санкт-Петербурга не видят и не получают. Снег так и остается лежать, ограничивая возможности для прохода населения и проезда городского автотранспорта.

Как показывает практика, меры по устранению снега, выраженные в посыпании последнего различными видами реагентов (химических, фрикционных, комбинированных), которые понижают точку плавления льда, либо же создают адгезию для лучшего сцепления с поверхностью, неэффективны, а лишь наносят вред человеческому организму (люди дышат тем, что испаряется и уходит в атмосферу).

Неэффективное решение данной проблемы связано с отсутствием отчетности муниципальных районов, органов исполнительной власти по данным работам, которые проводятся, а также низким контролем за исполнением поставленных задач.

Необходимо грамотное перераспределение и установление

приоритетных направлений деятельности муниципальных образований, а также усиление контроля за действиями органов исполнительной власти, муниципальных районов, и качественным исполнением поставленных задач для достижения в первую очередь социальных и экономических целей.

Как уже было сказано ранее, одним из основных нововведений выступает переход на одноуровневую систему местного самоуправления, взамен двухуровневой. Мы считаем, что такая система позволит добиться определенной стабильности, выраженной в устранении частого перераспределения полномочий между администрациями поселений, муниципальных районов и городских округов. повышении эффективности деятельности местных органов власти, а также в укреплении финансовой части осуществления их деятельности.

Законом о поправке выносятся положения об установлении только трех видов муниципальных образований (основное деление будет на городские округа и муниципальные округа). Это позволит повысить уровень взаимодействия и

сотрудничества муниципальных образований, усилить контроль за их деятельностью.

Не менее важным является вопрос финансового обеспечения, а также участия населения в его реализации. В рамках поправок доходной части было установлено так называемое «самообложение граждан». Сегодня данный фактор показывает высокую эффективность действия. При решении о проведении какого-либо мероприятия бюджет формируется по формуле 50/50. 50 % (процентов) выделяет местный бюджет для решения вопросов, остальную часть в размере 50 % собирает местное население. Таким образом, усиливается ответственность местных органов власти перед населением. Власть, на постоянной основе должна проводить отчетность (ежеквартально, либо каждые полгода) о проделанных мероприятиях с возможностью для каждого человека просмотра использованных и неиспользуемых бюджетных средств, которые были совместно собраны, особенно в части самообложения.

Одноуровневая система местного самоуправления позволяет:

- Упростить административные структуры: отсутствие многоуровневой системы управления сокращает количество бюрократических процедур и упрощает взаимодействие граждан с органами местного самоуправления. Это способствует оперативному решению вопросов и сокращает время ожидания.

- Повысить уровень ответственности: орган власти несёт полную ответственность за все аспекты управления в муниципальном образовании. Это стимулирует повышение эффективности работы и качества предоставляемых услуг.

- Централизовать ресурсы: сосредоточение ресурсов в одном органе позволяет более эффективно планировать бюджет и распределять средства на решение приоритетных задач.

- Повышение прозрачности: в теории, одноуровневая система может способствовать повышению прозрачности деятельности органов местного самоуправления, упрощая контроль за использованием бюджетных средств и принимаемыми решениями.

Таким образом, очевиден тот факт, что в настоящее время местное самоуправление демонстрирует свою низкую эффективность, проявляющуюся в существующих проблемах, которые на сегодняшний день не решены. Эти проблемы в первую очередь связаны с недостатком финансирования, из-за чего возникают трудности с осуществлением возложенных полномочий, падение уровня доверия и интереса со стороны населения к местному самоуправлению из-за постоянного невыполнения принятых на себя обязательств. Также проблемы связаны с отсутствием должного контроля за деятельностью органов местного самоуправления и отчетности последних.

Происходящие законодательные изменения происходят в пользу централизации управления и увеличению уровня контроля над местным самоуправлением, что в свою очередь вызывают острую необходимость.

Одними из возможных способов разрешения проблемы финансирования – это создание новых каналов для поступления денежных средств в местные бюджеты (самообложения населения) и усиление контроля и надзора

за деятельностью муниципальных образований и органов местного самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации с учетом новых субъектов РФ 2. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями на 2024 год. – Москва: Эксмо, 2024. – 160 с. – (Законы и кодексы).
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
3. Чаннов С. Е. Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 307 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16104-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/560166> (дата обращения: 10.01.2025).
4. Виленский А. В. Основы российского местного самоуправления: ближе к реалиям // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Том 12, № 2А. – С. 32-40. DOI: 10.34670/AR.2022.59.31.004 (дата обращения: 10.01.25).

СИГАЕВА Татьяна Адамовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белорусский государственный экономический университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена определению актов законодательства, являющихся источниками правового регулирования гражданского судопроизводства, с учетом произошедшей унификации цивилистического процессуального законодательства в Республике Беларусь. Рассматриваются подходы государств – участников Содружества Независимых Государств к установлению источников гражданского судопроизводства в цивилистических процессуальных кодексах, а также мнения ученых по данному вопросу. Посредством системно-структурного метода анализируется гражданское судопроизводство, аргументируется идея о том, что в состав источников правового регулирования гражданского судопроизводства помимо законодательных актов, международных договоров Республики Беларусь входят также акты подзаконного уровня. Вносятся предложения по развитию белорусского законодательства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, законодательство о гражданском судопроизводстве, источники правового регулирования, источники гражданского процессуального права, формы закрепления процессуальных норм.

SIGAEVA Tatyana Adamovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Belarusian State University of Economics

LEGISLATION AS A SOURCE OF LEGAL REGULATION OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the definition of legislative acts that are sources of legal regulation of civil proceedings, taking into account the unification of civil procedural legislation in the Republic of Belarus. The article considers the approaches of the member states of the Commonwealth of Independent States to the establishment of sources of civil proceedings in civil procedural codes, as well as the opinions of scientists on this issue. Using the system-structural method, civil proceedings are analyzed, the idea is argued that the sources of legal regulation of civil proceedings, in addition to legislative acts and international treaties of the Republic of Belarus, also include acts of the subordinate level. Proposals are being made for the development of Belarusian legislation.

Keywords: civil proceedings, civil procedure, legislation on civil proceedings, sources of legal regulation, sources of civil procedural law, forms of consolidation of procedural norms.

Проблема источников правового регулирования гражданского судопроизводства относится к одной из классических и ключевых в доктрине гражданского процессуального права. В белорусской науке интерес к ней проявлен такими учеными как В. С. Каменков, И. Н. Колядко, В. Г. Тихиня, Т. С. Таранова и некоторыми другими. Вместе с тем, комплексные фундаментальные научные исследования по ней в Беларуси не проводились. Обращение внимание к данной проблеме обусловлено на нынешнем этапе, произошедшем реформированием гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства, его унификацией и принятием единого Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС)¹, отсутствием единства научных взглядов о формах правового регулирования гражданского судопроизводства, их значимости для упорядочивания и развития общественных отношений в сфере гражданской процессуальной деятельности, взаимодействием норм гражданского процессуального и материального права, внешним выражением, которого являются акты законодательства.

Процессуальные нормы о судебной защите прав и законных интересов содержатся как в законах, так и подзаконных актах. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 2, ст.ст. 542-543) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 5) к законодательству о гражданском судопроизводстве относят законодательные

акты² и международные договоры Республики Беларусь. Пришедшая на смену в результате унификации норм данных статей ст. 3 КГС особых изменений не претерпела. Она относит к источникам правового регулирования гражданского судопроизводства Конституцию Республики Беларусь, КГС и иные законодательные акты, а также международные договоры Республики Беларусь. Согласно ее нормам, Президентом Республики Беларусь могут устанавливаться особенности правового регулирования гражданского судопроизводства.

Данная статья принята в развитие п. 2 ч. 1 ст. 97 Конституции Республики Беларусь, в силу которой рассмотрение проектов законов о судопроизводстве относится к компетенции Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Из данного положения, на наш взгляд, не следует запрет на нормирование судопроизводства иными государственными органами.

В целом, подход к регулированию цивилистического судопроизводства законами, а также международными договорами прослеживается в ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Туркменистана, ст.ст. 3-4 Арбитражного процессуального кодекса Туркменистана.

Значительное количество государств – участников СНГ расширительно подходят к регламентации источников

1 Согласно ст. 640 КГС, данный кодекс вступает в силу с 1 января 2026 года; в соответствии со ст. 637 КГС, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь признаются утратившими силу.

2 Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З, законодательные акты – Конституция Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь; акты законодательства – нормативные правовые акты, составляющие законодательство.

гражданского судопроизводства. Согласно ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, порядок судопроизводства по гражданским делам определяется законами. В то же время, составной частью гражданского процессуального права признаются международные договорные и иные обязательства Республики Казахстан, а также нормативные постановления Конституционного Суда и Верховного Суда Республики Казахстан.

В соответствии со ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, порядок судопроизводства определяется также законами и международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика. Вместе с тем, данная статья допускает содержание гражданских процессуальных норм в иных нормативных правовых актах и необходимость их соответствия Гражданскому процессуальному кодексу Кыргызской Республики.

Статья 2. Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова к законодательству о гражданском судопроизводстве помимо законов и международных договоров относит постановления и решения Европейского суда по правам человека и постановления Конституционного суда.

Статья 1. Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан, ст. 3 Экономического процессуального кодекса Республики Таджикистан к источникам цивилистического судебного процесса относят нормативные правовые акты в целом, а также международные правовые акты, признанные Таджикистаном. Аналогичный подход к регулированию судопроизводства предусмотрен ст. 1 Гражданского процессуального кодекса и ст. 1 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан.

Анализ указанных процессуальных кодексов свидетельствует о том, что в государствах – участниках СНГ при нормировании источников гражданского судопроизводства отсутствует единый подход. В одних государствах правовые формы предусматриваются для цивилистического судопроизводства (ст. 3 КГС, ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Туркменистана, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан, ст. 3 Экономического процессуального кодекса Республики Таджикистан), гражданского судебного процесса (ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Таджикистана). В других государствах – для порядка цивилистического судопроизводства (ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Азербайджанской Республики, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Туркменистана). Анализ некоторых статей процессуальных кодексов (к примеру, ст.ст. 1–2 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова, ст. 1 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан) свидетельствует о том, что законодатель не всегда придает отличное смысловое значение гражданскому судопроизводству и порядку гражданского судопроизводства.

В. М. Семенов, отмечая, что порядок судебного разбирательства гражданских дел определяется Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и Гражданскими процессуальными кодексами союзных республик, считал, что это не значит, что нормы гражданского процессуального права не могут быть закреплены в других законах и подзаконных актах [5, с. 8]. В белорусской доктрине, несмотря на предписания о регламентации гражданского судопроизводства законами и международными договорами, к источникам гражданского процессуального права относят и подзаконные акты: постановления Совета Министров Республики Беларусь, разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и др. [2, с. 21–22], [3, с. 13–14].

Е. В. Слепченко придерживается противоположного мнения, отмечая, что требование о законодательном уровне норм процессуальных отраслей права состоит в том, что таким уровнем должен быть непосредственно закон [6, с. 35]. По мнению Н. А. Чечиной, «Гражданские процессуальные акты, как правило, должны фиксироваться в форме законов и лишь в виде исключения – подзаконных актов» [8, с. 35].

Для решения вопроса о том, могут ли подзаконные акты являться источниками правового регулирования гражданского судопроизводства, существует ли разница между гражданским судопроизводством и порядком гражданского судопроизводства, представляется целесообразным определить само понятие гражданского судопроизводства.

По мнению И. Н. Колядко, гражданское судопроизводство и связанная с ним деятельность по защите права (гражданский процесс) представляет собой деятельность суда, должностных лиц суда, иных уполномоченных лиц, юридически заинтересованных в исходе дела лиц, других участников процесса по рассмотрению и разрешению гражданских дел, а также по принудительному исполнению судебных решений и иных юрисдикционных актов [2, с. 11–12]. Данная идея прослеживается в ст. 2 КГС, исходя из которой гражданское судопроизводство – это рассмотрение и разрешение гражданских дел.

С точки зрения В. М. Семенова, гражданский процесс или гражданское судопроизводство – идентичные понятия, составляющие деятельность и связанные с ней процессуальные правоотношения суда и других участников судебного дела, урегулированные нормами гражданского процессуального права и составляющие разбирательство и разрешение гражданского дела в целях защиты прав и интересов граждан, организаций и государства, предупреждения правонарушений и воспитания [5, с. 6–7].

Д. А. Фурсов рассматривает судопроизводство как форму правосудия. Процессуальная форма, по его мнению, включает в себя порядок совершения действий при рассмотрении судебного спора, правила, регламентирующие процессуальную деятельность [7, с. 116–117; с. 125].

Е. В. Слепченко полагает, что процессуальное производство можно охарактеризовать как судебную деятельность по отправлению правосудия, процесс по рассмотрению и разрешению гражданского дела [6, с. 20, 27]. Вместе с тем, в той же работе встречается и подход к формулированию процессуального производства как предусмотренного процессуальным законом порядка «рассмотрения юридического дела в суде, который обуславливается материально-правовой природой дела, осуществляется в форме соответствующих процессуальных правоотношений, характеризуется соответствующей системой установления и доказывания фактических обстоятельств рассматриваемого дела, а также фиксацией результатов рассмотрения дела в процессуальных документах» [6, с. 42–43].

Между гражданским процессуальным и хозяйственным процессуальным правом существуют генетические связи, в связи с чем актуальными представляются взгляды ученых относительно хозяйственного судопроизводства. По мнению В. С. Каменкова, им является «совокупность процессуальных действий по реализации процессуальных прав и обязанностей хозяйственного суда, лиц, участвующих в деле, и других участников процесса» [3, с. 8].

На проблему категориально-терминологического аппарата в данной области обратил внимание Б. С. Болохонов. На его взгляд, «...производство представляет собой любую закрепленную процессуальным законом совокупность ряда последовательных действий, выполнение которых способствует достижению целей правосудия...» и приводит мнение Н. А. Чечиной и Д. М. Чечота о том, что термин «производство» был употреблен законодателем для характеристики отдельных этапов движения гражданского дела через стадии [1, с. 49]. На стадийность как уникальный признак судопроизводства обращает внимание и Е. В. Слепченко [6, с. 20].

Представляется, что именно в понимании гражданского судопроизводства как алгоритма процессуальных действий надлежит рассматривать законодательные акты и международные договоры в качестве источников его правового регулирования (ст. 3 КГС). Основы процессуального регламента, последовательности процессуальных действий в силу значимости должны регулироваться на уровне закона.

Вместе с тем, большинство специальных процессуальных норм нормируют те или иные элементы гражданского судопроизводства фрагментарно и самостоятельно не определяют процессуальный алгоритм. Лишь в совокупности с нормами КГС они могут составить производство по рассмотрению определенных дел. Значительное количество специ-

альных процессуальных норм находится в подзаконных актах. В частности, п. 144 Устава железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 года № 1196 (в ред. 10.07.2015 г.), предусмотрены правила оценки судом доказательств в делах по спорам, возникающим вследствие необеспечения организацией железнодорожного транспорта сохранности перевозимого груза; п. 444 Правил перевозок грузов внутренним водным транспортом, утвержденных Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 26 января 2005 года № 3, установлен надлежащий субъектный состав и допустимые доказательства в делах, возникающих вследствие нарушения обязательств по перевозке груза внутренним водным транспортом; п. 83 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 года № 1450, устанавливается подведомственность дел об изменении или расторжении договоров строительного подряда и пр.

Полагаем, что гражданское судопроизводство хотя и предполагает в качестве сущностной характеристики последовательность совершения процессуальных действий, однако не сводится исключительно к ней. Как система оно представляет собой совокупность процессуальных действий, жестко взаимосвязанных, образующих его строение и развитие (структуру), а также процессуальных действий, между которыми существуют гибкие и вероятностные связи [4]. Последние зависимости проявляются в том, что совершение некоторых действий осуществляется по усмотрению суда, лиц, участвующих в деле, в пределах, установленных законом. Это относится к реализации прав сторон и иных лиц, участвующих в деле (ст. 57, 62 КГС), замены ненадлежащего ответчика (п. 1 ст. 64 КГС), вступления в дело третьих лиц, не заявляющих требований на предмет спора (ст. 68 КГС), объявления перерыва в судебном заседании (ст. 138 КГС), соединения и разъединения исковых требований (ст. 245), совершения действий судом на этапе подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 251 КГС), определению порядка исследования доказательств (ст. 275 КГС) и др. Представляется аналогичными особенности рассмотрения в судах дел, предусмотренные процессуальными нормами, в том числе в актах подзаконного уровня, не относить к гражданскому судопроизводству. И здесь возникает вопрос о целесообразности изменения законодательства: либо допустить регламентацию гражданского судопроизводства актами подзаконного уровня, либо исключить процессуальные нормы, принятые на уровне подзаконных актов, и систематизировать их на уровне законов.

На наш взгляд, состав источников гражданского судопроизводства предпочтительнее расширить за счет включения в него иных нормативных правовых актов. Во-первых, в актах подзаконного уровня находится значительное количество гражданских процессуальных, полиотраслевых³, а также смешанных⁴ норм, ввести которые на уровень закона представляется затруднительно, иногда – и нецелесообразно по причинам их численности, связанности с нормами материального права, направленности на удовлетворение требований нормотворческой техники (краткости, ясности, логики изложения нормативного правового акта и др.), большого объема нормотворческой работы, отраслевой и структурной гетерогенности предписаний. Во-вторых, предлагаемое решение отразит существующую действительность. Одновременно учтет и вспомогательные источники гражданского процессуального права – постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, которые, несмотря на дискуссионность правовой природы, согласно ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» (в ред. от 28.06.2024 г.) официально признаны нормативными правовыми актами и содержат гражданские процессуальные положения. В-третьих, устранит имплицитное противоречие между ст.ст. 2 и 4 КГС о том,

что гражданское судопроизводство регулируется законодательством, и ст. 3 КГС о том, что оно нормируется законодательными актами.

Расширение состава источников гражданского судопроизводства, на наш взгляд, не приведет к распылению гражданских процессуальных норм в системе законодательства в виду традиции кодификации отрасли гражданского процессуального права. Данная форма упорядочивания права в силу п. 2 ст. 14 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» обеспечивает наиболее полное урегулирование общественных отношений в сфере гражданского судопроизводства и включение основных, базовых гражданских процессуальных предписаний, к которым относятся установления о порядке рассмотрения и разрешения дел, в кодекс. Вместе с тем, данное предложение не должно вызвать разнобренности в судебной правоприменительной деятельности, т.к. согласно ст. 23 данного Закона Республики Беларусь, кодексы обладают, по общему правилу, большей юридической силой по отношению к иным актам законодательства. С формальной стороны, действующие в Республике Беларусь кодексы, за редким исключением, предусматривают нормирование соответствующей сферы общественных отношений не законодательными актами, а актами законодательства.

В связи с вышеизложенным, в п. 1 ст. 3 КГС слова «законодательными актами» представляется целесообразным изменить на «актами законодательства»; п. 2 – исключить.

Итак, установление источников правового регулирования гражданского судопроизводства затруднительно в виду отсутствия единого мнения в науке о понятии гражданского судопроизводства и правовой определенности в КГС. Формально-юридический, системно-структурный, компаративный, а также некоторые иные примененные методы исследования позволяют определить его как деятельность суда, лиц, участвующих в деле, иных участников процесса, по рассмотрению и разрешению гражданских дел. К источникам правового регулирования гражданского судопроизводства относятся как законодательные акты, так и подзаконные акты. Последовательность совершения действий по рассмотрению и разрешению гражданских дел образует структуру гражданского судопроизводства и в силу значимости должна устанавливаться актами уровня закона. Для преодоления правовой неопределенности, отражения объективной действительности и целесообразности предлагаем в ст. 3 КГС внести изменения о расширении состава источников правового регулирования гражданского судопроизводства посредством включения в него актов подзаконного уровня.

Пристатейный библиографический список

1. Болохонов Б. С. Унификация видов судопроизводства по гражданским и экономическим делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2024. – 182 с.
2. Белова Т. А., Верховодко И. И., Данилевич А. А. [и др.]. Гражданский процесс. Общая часть / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2020. – 379 с.
3. Каменков В. С. Хозяйственный процесс: учебное пособие. – Минск: Книжный Дом, 2005. – 320 с.
4. Папков Б. Теория систем и системный анализ для электроэнергетиков. Связи между элементами // Б. Папков, А. Куликов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/214694/tehnika/svyazi_elementami (дата обращения: 12.12.2024).
5. Семенов В. М. [и др.]. Гражданское судопроизводство: учебное пособие. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974. – 323 с.
6. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – 496 с.
7. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. – М.: Статут, 2009. – Т. 1: Теория и практика организации правосудия. – 522 с.
8. Чечина Н. А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1984. – № 2. – С. 27-35.

³ Полиотраслевая норма относится к нескольким отраслям права (гражданскому процессуальному и гражданскому праву и т.п.).

⁴ Соответствующие элементы структуры смешанных норм (гипотеза, диспозиция, санкция) исходят из материального и процессуального права.

СЫЧЕВА Дарья Алексеевна

магистрант, (судебная, исполнительная, нотариальная и адвокатская деятельность), Самарский государственный экономический университет, помощник судьи Шестого кассационного суда общей юрисдикции

КАЗАНКОВА Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье авторами проводится анализ понятия и правового регулирования упрощенного производства в гражданском процессе. Исследованы проблемы, с которыми сталкиваются суды общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного производства. Также авторами рассматриваются современное состояние и перспективы развития применения упрощенного производства в отечественном гражданском судопроизводстве. Предложены возможные пути применения и развития электронных методов коммуникации и искусственного интеллекта в рамках гражданского процесса, изменения, которые необходимо внести в российское гражданское процессуальное законодательство в части упрощенного производства. Предложенные авторами изменения являются актуальными и могут быть успешно применены судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного производства при условии их принятия на законодательном уровне.

Ключевые слова: гражданский процесс, судопроизводство, упрощенное производство, электронный документооборот, информационные технологии.

SYCHEVA Darya Alexeevna

magister student (judicial, executive, notary and law practice), Samara State University of Economics, assistant judge of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction

KAZANKOVA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty, Samara State University of Economics

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SIMPLIFIED PRODUCTION IN THE CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the author analyzes the concept and legal regulation of simplified proceedings in civil proceedings. The problems faced by courts of general jurisdiction when considering civil cases in a simplified manner are investigated. The author also examines the current state and prospects for the development of the use of simplified proceedings in domestic civil proceedings. Possible ways of applying and developing methods of electronic communication and artificial intelligence in the framework of civil proceedings are proposed, as well as changes that need to be made to Russian civil procedure legislation in terms of simplified proceedings. The changes proposed by the author are relevant and can be successfully applied by courts of general jurisdiction when considering civil cases in a simplified manner, provided they are adopted at the legislative level.

Keywords: civil procedure, legal proceedings, simplified production, electronic document management, information technology.

На протяжении всей истории существования правосудия в Российской Федерации всегда существовала острая проблема, связанная с перегруженностью судов общей юрисдикции, так как в порядке гражданского судопроизводства рассматривается наибольшее количество споров в различных сферах общественной жизни. В связи с этим, уменьшение такой нагрузки всегда было актуальным для законодателя, так как с меньшей нагрузкой суды общей юрисдикции могут более внимательно отнестись к рассмотрению каждого конкретного гражданского дела, и, соответственно, это приведет к повышению качества правосудия по гражданским делам.

С этой целью, законодатель использует различные способы, например с сентября 2024 года произошло существенное повышение размера государственной пошлины при подаче исковых заявлений и заявлений о выдаче судебного приказа в различные судебные инстанции, в том числе и суды общей юрисдикции. Данное изменение регламентировано Федеральным законом Российской Федерации от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [4].

Помимо этого, в гражданском судопроизводстве на протяжении достаточно долгого времени применяются и иные эффективные механизмы, способствующие оперативному рассмотрению гражданских споров, что также благоприятно сказывается на частичном снятии нагрузки с судов общей юрисдикции – приказное и упрощенное производство. Представляется, что цель повышения качества правосудия, благодаря уменьшению нагрузки на судей судов общей юрисдикции достижима только тогда, когда все способы и механизмы, существующие в гражданском процессуальном законодательстве нашей страны, будут действовать в комплексе.

Вопросы изучения современного состояния и перспектив развития упрощенного производства в гражданском судопроизводстве являются весьма актуальными в науке гражданского процесса и в практической деятельности судов общей юрисдикции, так как в отличие от иных порядков рассмотрения гражданских дел, упрощенное производство – это достаточно молодой институт, который получил законодательное закрепление в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации только в 2016 году [2].

Итак, упрощенное производство представляет это вид производства, применяемый в отечественном гражданском процессуальном праве, целью которого, как справедливо отмечает О. А. Бахарева является экономия времени и ресурсов, как суда, так и участников судопроизводства с неизменным уровнем качества правосудия, помимо этого она заключается в расширении типов моделей рассмотрения гражданских споров, для сближения гражданского и арбитражного судопроизводства и создания единого порядка рассмотрения гражданских и арбитражных споров [5, с. 22].

В настоящее время упрощенному производству посвящена глава 21.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ).

Согласно ст. 232. 2 ГПК РФ, судами общей юрисдикции в порядке упрощенного производства рассматриваются дела [1]:

- о погашении денежных обязательств, при условии, что цена иска по таким делам составляет не более 250 тыс. рублей;
- о признании права собственности по делам с аналогично предельной суммой иска;
- иных требованиях, соответствующих особым положениям ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ.

Важно отметить тот факт, что ранее предельным порогом суммы иска по делам, которые могли быть рассмотрены в порядке упрощенного производстве была сумма не более 100 тысяч рублей, но в июне 2024 года были приняты поправки в действующее гражданское процессуальное законодательство РФ, согласно которым законодатель увеличил данный порог до 250 тысяч рублей, что свидетельствует о том, что законодатель считает упрощенное производство весьма действенным институтом, способствующим повышению скорости и качества отправления правосудия по гражданским делам, и стремится к его дальнейшему распространению [3].

Если граждане, юридически лица, организации, должностные лица, направляют исковое заявление в суд, и дело будет рассмотрено в порядке упрощенного производства, учитывая специфические характеристики данного вида судопроизводства, от стороны требует направления всех необходимых документов в суд, для того, чтобы не возникало вопросов, и суд мог рассмотреть дело по существу. Это связано с тем, что, рассматривая дело в порядке упрощенного производства, судом не осуществляются такие процессуальные действия как вызов сторон, назначение предварительного заседания, протокол заседания не ведется, также суд не откладывает рассмотрение дела. В связи с этим, документальная подготовка стороны должна быть осуществлена максимально правильно и все доказательства должны быть переданы суду в полном объеме.

Помимо этого, важной особенностью можно считать и то, что, суд, рассматривая дело в порядке упрощенного производства не обязан составлять мотивировочную часть решения, что в свою очередь, может привести к нарушению права сторон судебного разбирательства на обжалование принятого судебного решения, и, как справедливо отмечают такие авторы Лощкарев А. В., Пешкова Д. А., Ржевская А. А., Садчикова А. А. может привести к возникновению сомнений в части законности и обоснованности принятого судом решения [6, с. 27].

Действительно, анализ ст. 232.4 ГПК РФ показал, что мотивированное решение суда изготавливается в течение десяти дней со дня поступления от лица, участвующего в деле, его представителя соответствующего заявления или со дня подачи апелляционной жалобы, то есть оно изготавливается только в случае подачи одной из сторон соответствующего заявления. При этом согласно ч. 5 указанной статьи, срок вступления решения в законную силу равен 15 дням с момента вынесения решения, таким образом, если сторона не сразу обратилась с заявлением о составлении мотивировочной ча-

сти решения, фактически, она может пропустить сроки для обжалования решения.

Представляется, что оптимизация судопроизводства, повышение его оперативности – важное достижение отечественного судопроизводства, но недопустимо для увеличения скорости рассмотрения дел увеличивать риски принятия необоснованных решений и умаления прав граждан в части обжалования решений судов, как важнейшего принципа состязательности сторон, реализуемого в гражданском процессе.

Все вышеизложенное свидетельствует о наличии проблем практической реализации упрощенного производства в отечественном гражданском судопроизводстве, но, как представляется, положительных сторон его применения намного больше. В связи с этим, важной тенденцией развития упрощенного производства в отечественном гражданском процессе должно стать решение существующих проблем, увеличение категорий дел, которые могут применяться в процессе рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, большее применение результатов цифровизации, информационных технологий при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного производства.

На каждом из направлений и мерах, которые необходимо применить для реализации, необходимо остановиться более подробно.

Представляется, что для повышения четкости законодательной регламентации порядка рассмотрения гражданских дел в порядке упрощенного производства, важно установление обязательства суда выносить решение, содержащее в себе не только резолютивную, но и мотивировочную часть, либо увеличение сроков для обжалования решения. Последнее не соответствует целям упрощенного производства, в связи с чем возникает необходимость конкретизировать, что суд обязан в течение трех дней с момента вынесения решения от стороны изготовить мотивировочную часть и направить ее сторонам судебного разбирательства, либо, с учетом того, что решение вступает в законную силу в течение пятнадцати дней с момента его принятия, при нежелании законодателя устранять необходимость изготовления мотивировочной части решения по заявлению стороны, сократить срок его изготовления с десяти до трех дней.

Представляется, что в таком случае, можно говорить о прозрачности решений судов общей юрисдикции и о большей степени гарантированности соблюдения принципа состязательности при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного судопроизводства.

Необходимо четко регламентировать порядок предоставления сторонами доказательств по делу и сроки их предоставления, так как в настоящее время, стороны не сумевшие в срок предоставить доказательства могут обжаловать решение суда, что приведет к еще большим временным затратам суда на рассмотрение одного гражданского дела и цель упрощенного производства не будет достигнута.

Помимо этого, необходимо увеличивать заинтересованность сторон судопроизводства к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства.

В этой связи целесообразно заимствование некоторых особенностей приказного производства, для которого характерно использование двух стимулирующих механизмов:

- снижение размера государственной пошлины до 50%, от размера государственной пошлины, уплачиваемой при рассмотрении дел в порядке искового производства, безусловно, в приказном производстве отсутствует судебное разбирательство, что упрощает работу суда, но и в упрощенном производстве имеются элементы, связанные с уменьшением нагрузки на судей, в связи с этим, целесообразным было бы уменьшение государственной пошлины до 70% от размера пошлины, уплачиваемого при рассмотрении дела в порядке искового производства. В свете повышения размера госу-

дарственной пошлины, произошедшего в сентябре 2024 года, для сторон спорного правоотношения это будет являться существенной финансовой поддержкой и мотивационным аспектом, для обращения в суд в порядке упрощенного производства;

– судебный приказ одновременно является исполнительным документом, соответственно, стороне не нужно обращаться в суд для получения исполнительного документа с целью его последующего предъявления для принудительного исполнения, аналогичные меры могут быть применены и к решениям, принимаемым в порядке упрощенного производства, когда вступившее в законную силу решение суда, принятое в порядке упрощенного производства может быть приравнено к самостоятельному исполнительному документу.

Последним направлением является более активное использование судами общей юрисдикции и участниками судебного разбирательства информационных технологий при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного судопроизводства. В эпоху цифровизации, которая, несомненно, затронула судебную деятельность - это очень актуально, при этом, важно отметить, что применение информационных технологий и возможностей электронного документооборота в арбитражном судопроизводстве происходит намного чаще и достаточно давно, что нельзя сказать о гражданском судопроизводстве.

В перспективах развития упрощенного производства в рамках гражданского процесса в настоящее время появилась возможность внедрения автоматизированной подготовки судебных решений с помощью технологий искусственного интеллекта.

В настоящее время активно обсуждается возможность создания интернет площадок, таких как «Правосудие онлайн», представляется, что необходимо на этой площадке допустить возможность создания пользователем личного кабинета, который объединен с личным кабинетом госуслуг, через который участник судопроизводства мог бы дистанционно принимать участие в процессе судебного разбирательства, направлять необходимые ходатайства, документы, пояснения, получать различные процессуальные документы от суда. Стоит отметить, что здание такой площадки также приведет к экономии как времени, так и материальных средств, так как ни стороны, ни суд не должны будут затрачивать средства на почтовые отправления и уведомления.

Согласно положениям ГПК РФ, судебное извещение в электронной форме уже принято законодателем и может быть использовано судами общей юрисдикции на практике. Согласно положениям ч. 7 ст. 113, ч. 2 ст. 214 и ст. 277 ГПК РФ, такое извещение может также направляться вместе с:

- копией судебного акта в электронном виде;
- прилагаемыми к судебному извещению документами.

В целях соблюдения указанных положений ГПК РФ в настоящее время разработана Государственная электронная почтовая система (далее по тексту - ГЭПС), которая может функционировать в рамках работы сайта (приложения) портала Госуслуг и ГАС «Правосудие». Благодаря данным изменениям судебные извещения могут направляться лицам, участвующим в рассмотрении гражданского дела с помощью портала Госуслуг. Так как указанные документы подписываются усиленной цифровой электронной подписью, и их юридическая сила приравнивается юридической силе документов, направляемых на бумажном носителе.

Пользователь дает согласие на получение таких документов в электронном виде. Если изначально согласие дано, что моментом получения извещения считается момент их направления судом, если нет – момент фактического ознакомления с судебным извещением и приложенными к нему документами. Но, к сожалению, несмотря на разработки и фактические возможности применения указанных инстру-

ментов цифровизации, на практике суды общей юрисдикции продолжают направлять извещения в бумажном формате с помощью услуг почты РФ. В связи с этим, возможности цифровизации судебного делопроизводства необходимо совершенствовать и внедрять в работу судов в ближайшее время.

Таким образом, дальнейшее развитие и совершенствование упрощенного производства в гражданском процессе требует изменения как в законодательном регулировании порядка применения упрощенного производства, так и в организации деятельности судов, внедрении искусственного интеллекта и развития электронного документооборота, что очень важно в эпоху цифровизации и может стать положительной тенденцией для ускорения процесса рассмотрения дел, обеспечения принципа состязательности гражданского судопроизводства, в том числе при его реализации в виде упрощенного производства повысить качество правосудия и привести к снижению формальностей, которые препятствуют полноценному, комфортному для суда и участников процесса рассмотрению гражданского дела.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 05.11.2024).
2. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2024).
3. Федеральный закон от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2024).
4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 05.11.2024).
5. Бахарева О. А. Введение упрощенного производства в гражданском судопроизводстве - оптимизация рассмотрения и разрешения гражданских дел // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 5 (56). – С. 22-27.
6. Лошкарёв А. В., Садчикова А. А., Пешкова Д. А., Ржевская А. А. Проблемы практического применения упрощенного производства в гражданском процессе // Вопросы экономики и права. – 2024. – № 5 (191). – С. 27-31.

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна

доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Казань

КОЛОБЫНИНА Екатерина Алексеевна

студент, Факультет по подготовке специалистов для судебной системы, Юридический факультет, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ

Настоящая статья посвящена исследованию положительных аспектов влияния цифровизации на принцип независимости судей. В ней анализируются возможности использования цифровых технологий для повышения объективности судебных решений, минимизации влияния человеческого фактора, снижения коррупционных рисков и обеспечения большей прозрачности судебной деятельности. Особое внимание уделяется потенциалу цифровых инструментов для защиты судей от внешнего давления и неправомерного вмешательства, обеспечения безопасности судебной информации и повышения эффективности правосудия. В статье авторами раскрывается позиция о том, что при правильном и ответственном подходе цифровизация может стать эффективным инструментом укрепления независимости судебной власти и повышения доверия к правосудию в цифровую эпоху.

Ключевые слова: открытость судопроизводства, независимость судей, коррупция, воздействие на судей, гражданский процесс, беспристрастность.

VORONTSOVA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty, Kazan branch, Russian State University of Justice

KOLOBYNINA Ekaterina Alexeevna

student, Faculty of Training Specialists for the Judicial System, Faculty of Law, Kazan branch, Russian State University of Justice.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE INDEPENDENCE OF JUDGES

This article is devoted to the study of the positive aspects of the impact of digitalization on the principle of judicial independence. It analyzes the possibilities of using digital technologies to increase the objectivity of judicial decisions, minimize the influence of the human factor, reduce corruption risks and ensure greater transparency of judicial activities. Special attention is paid to the potential of digital tools to protect judges from external pressure and unlawful interference, ensure the security of judicial information and improve the effectiveness of justice. In the article, the authors reveal the position that, with the right and responsible approach, digitalization can become an effective tool for strengthening the independence of the judiciary and increasing confidence in justice in the digital age.

Keywords: openness of judicial proceedings, independence of judges, corruption, influence on judges, civil procedure, impartiality.

В условиях стремительного развития информационных технологий и повсеместной цифровизации, затронувшей все сферы общественной жизни, судебная система также претерпевает значительные трансформации. Цифровизация гражданского процесса, внедряя новые инструменты и методы работы, открывает широкие перспективы для совершенствования правосудия, повышения его эффективности, доступности и прозрачности. Однако наряду с очевидными преимуществами, цифровизация порождает и определенные вызовы, требующие пристального внимания и глубокого осмысления. Одним из ключевых вопросов в этом контексте является влияние цифровых технологий на основополагающие принципы правосудия, и в частности, на принцип независимости судей. Традиционно рассматриваемый как краеугольный камень справедливого и беспристрастного суда, этот принцип в условиях цифровой трансформации приобретает новое значение и сталкивается с новыми возможностями для своего укрепления.

Принцип независимости судей является одним из самых важных принципов, обеспечивающих беспристрастность судей и справедливость правосудия. Об особой значимости рассматриваемого принципа говорит то, что он закреплен в Конституции РФ в ст. 120¹ и более подробно описан непосредственно в ГПК РФ в ст. 8. Смысл данного принципа за-

ключается в том, что любое влияние извне на судей при выполнении их должностных обязанностей исключено, а любая попытка такого влияния влечет за собой установленную законодательством РФ ответственность. Наиболее частым проявлением нарушения принципа независимости судей является коррупционная составляющая – дача взятки с целью оказания воздействия на судью для вынесения желаемого решения.

В качестве примера приведем нашедшее в 2023 году дело судьи Арбитражного суда Алтайского края Алексея Городова, который на протяжении семи лет (с 2010 по 2017 год) получал взятки за вынесение «нужного» решения по делу. Однако нарушения принципа независимости судей и ст. 290 Уголовного кодекса РФ² не сошло Городову с рук – в его отношении был вынесен обвинительный приговор и бывшего судью приговорили к 13 годам лишения свободы³ – такова оказалась цена за опорочивание высокого звания судьи и пренебрежение руководящими началами судопроизводства. Такое серьезное наказание показывает, насколько важен рас-

D%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF&sort=-1 (дата обращения: 29.12.2024).

2 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 14.01.2025).

3 Приговор № 1-6/2023 22RS0068-01-2021-004533-80 от 11 апреля 2023 года по делу № 1-6/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://centralny-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=303669464&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 11.01.2025).

1 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] / Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cdo0000&intelsearch=%EA%EE%E>

смаатриваемый принцип для нормального функционирования всей системы правосудия.

Характерной чертой в реализации принципа независимости судей в условиях цифровизации является открытость информации о судебной системе. Открытость в гражданском процессе как элемент принципа гласности представляет собой обеспечение доступа к информации о судебном разбирательстве для всех заинтересованных лиц, включая общественность, с соблюдением ограничений, установленных законом. Это означает, что информация о ходе процесса, судебных актах и решениях должна быть доступна, понятна и прозрачна. Интересна по этому поводу позиция А. А. Смолы, в соответствии с которой понятие открытость соотносится с гласностью как целое и ее часть, включая в себя понятие гласности, как принцип, определяющий открытость рассмотрения дела во всех судебных органах [5]. В современных реалиях вся информация о работе суда в целом и отдельных судей предоставляется в открытом доступе на официальном сайте каждого суда, также как и сведения о доходах и расходах судьи и членов его семьи, принадлежащем ему на праве собственности имуществе и т.д.⁴ Такие условия, обеспеченные государством, несомненно, препятствуют созданию «теневых схем», так как вся деятельность находится на виду не только у правоохранительных органов, но и общественности, что способствует снижению различного рода влияний на судей и тем самым обеспечивает их независимость.

Цифровизация безусловно способствует более качественной реализации принципа независимости судей и исключает коррупционные факторы, путем минимизации рисков оказания давления со стороны представителей государственной власти, общественных организаций, должностных лиц, участников дела, в частности, благодаря применению в судах автоматизированной системы распределения дел. Такая система является программным комплексом, предназначенным для автоматизации процесса распределения поступающих в суд дел между судьями и/или сотрудниками аппарата суда, обеспечивающий соблюдение принципов случайности, равномерной нагрузки и исключения влияния субъективных факторов на выбор судьи или ответственного лица. Цель внедрения автоматизированной системы распределения дел заключается в повышении эффективности работы суда, обеспечении объективности и прозрачности процесса распределения дел, снижении коррупционных рисков, а также повышение качества и скорости правосудия. Данная система впервые стала применяться в российских судах в 2019 году, когда перегрузка в работе судей по данным исследования, проведенного Высшей школой экономики составляла 62 %, в связи с чем, рассмотрение гражданских дел затягивалось до трех и более лет и любые механизмы, способствующие сокращению временных затрат в судопроизводстве были просто необходимы. Стоит отметить, что в настоящее время программа достаточно успешно выполняет поставленные при ее разработке цели. Нельзя не обратить внимание на то, что правоведы-теоретики и юристы-практики отмечают положительные изменения в работе судов. С внедрением автоматизированного распределения дел временные затраты с момента регистрации дела и до передачи его судье, который будет его рассматривать, значительно сократились, благодаря чему оперативность работы судов повышается [6].

Все же, при всех существующих положительных аспектах работы рассматриваемой системы, не стоит полагать, что отсутствуют проблемы в ее использовании. Например, Р. А. Ахмеров [1] и А. Н. Долженко [2] говорят о низкой эффективности системы и выделяют целый ряд ее недостатков, самым значимым из которых можно назвать отсутствие законодательной регламентации контроля за процессом распределения дел автоматизированной системой. Данную проблематику не раз поднимали в своих работах современные правоведы, например, А. А. Кузнецов и В. Д. Гриценко, отмечая законодательный пробел в этом вопросе [10].

На основе указанной позиции мы предлагаем дополнить ч. 3 ст. 14 ГПК РФ вторым пунктом, в котором будет обозначено, что «Вынесение судебного решения по делу составом суда, созданного без использования автоматизированной системы, влечет за собой его недействительность, исключая случаи, когда применение такой системы невозможно в силу объективных факторов и присущих ей характеристик».

Также необходимо отметить и то, что законодательно не урегулирован процесс формирования состава суда при перераспределении дел. Безусловно, общим правилом будет являться неизменность состава суда, однако каким образом формировать новый состав в случае перераспределения не указано. В ч. 5 ст. 14 ГПК РФ названы лишь случаи замены судьи, однако нам видится необходимым дополнить ст. 14 частью 5.1 с устраниением описанного пробела, где будет закреплено, что «Замена судьи или нескольких судей в процессе рассмотрения дела осуществляется путем использования автоматизированной информационной системы».

Внесение таких дополнений в действующее гражданское процессуальное законодательство, по нашему мнению, будет содействовать более эффективному применению принципа независимости судей и поможет в уменьшении любых способов воздействия на судей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация, несмотря на имеющиеся риски, обладает значительным позитивным потенциалом для укрепления принципа независимости судей. Внедрение цифровых технологий способствует минимизации человеческого фактора в судебных процессах, снижая коррупционные риски и повышая объективность и беспристрастность правосудия. Системы автоматизированного распределения дел и аналитические инструменты обработки судебной практики способствуют прозрачности и эффективности судебной деятельности, ограничивая возможности для неправомерного вмешательства. Цифровые платформы обеспечивают защиту судей от внешнего давления, гарантируя конфиденциальность коммуникаций и безопасность судебной информации. Кроме того, цифровизация способствует унификации судебной практики и равному доступу к правосудию, что также косвенно укрепляет независимость судей.

Однако реализация позитивного потенциала цифровизации требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование процессуального законодательства, разработку эффективных механизмов защиты информации, повышение цифровой грамотности судей и постоянный мониторинг влияния цифровых технологий на судебную систему. Только при соблюдении этих условий цифровизация станет надежным инструментом укрепления независимости судебной власти и гарантом справедливого и беспристрастного правосудия в современном информационном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмеров Р. А. О порядке распределения дел между судьями в судах общей юрисдикции // Перспективы развития гражданского процессуального права. Сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА. 2020. С. 48-51.
 2. Долженко А. Н. Электронный документооборот в судах и перспективы его совершенствования // Российское правосудие. 2020. № 1. С. 47-63.
 3. Исследование ВШЭ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/> (дата обращения: 11.01.2025).
 4. Кузнецов А. А., Гриценко В. Д. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Научосфера. 2022. № 4-1. С. 208-212.
 5. Смол А. А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5. С. 47-77.
 6. Чувахин П. И. Правовые вопросы функционирования системы электронного правосудия // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 2 (26). С. 90-95.
- 4 Закон РФ от 26.06.1992 №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (Дата обращения: 11.01.2025).
- 5 Исследование ВШЭ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/> (дата обращения: 11.01.2025).

НЕЯСОВА Валерия Александровна

соискатель кафедры гражданского процесса, преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата, Саратовская государственная юридическая академия

**СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНТЕРЕСА
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРИТЕРИЙ**

В статье рассматривается субъектный состав гражданских дел, возбужденных путем подачи и принятия искового заявления в защиту прав и законных интересов группы лиц, а также выделяются его особенности, связанные с количеством членов группы. Проведено разграничение между процессуальным соучастием и множественностью лиц на стороне истца при защите коллективного интереса в гражданском процессе. Автор обосновывается позиция, в соответствии с которой при определении минимального количества членов группы лиц, которые должны присоединиться к исковому заявлению, следует применять более гибкий подход.

Ключевые слова: групповой иск, коллективный интерес, субъект гражданского процессуального правоотношения, процессуальное соучастие, множественность лиц, группа лиц.

NEYASOVA Valeriya Alexandrovna

competitor of Civil process sub-faculty, lecturer of Arbitration process, advocacy and notariat sub-faculty, Saratov State Law Academy

SUBJECTIVE COMPOSITION OF CASES ON THE PROTECTION OF COLLECTIVE INTERESTS IN CIVIL PROCEEDINGS: A QUANTITATIVE CRITERION

The article examines the subject composition of civil cases initiated by filing and accepting a statement of claim in defense of the rights and legitimate interests of a group of persons, and highlights its features related to the number of group members. A distinction is made between procedural complicity and plurality of persons on the plaintiff's side when protecting a collective interest in civil proceedings. The author substantiates the position that a more flexible approach should be used when determining the minimum number of members of a group of persons who must join the statement of claim.

Keywords: class action, collective interest, subject of civil procedural legal relationship, procedural complicity, plurality of persons, group of persons.

Неясова В. А.

Институт групповых исков был введен в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в 2019 году, однако широкого распространения не получил. Такой вывод можно сделать на основе имеющихся статистических данных. Количество гражданских дел, которые рассматриваются с использованием данного института, нестабильно: в 2020 году с участием группы лиц по искам о защите прав и законных интересов группы лиц было рассмотрено 689 дел, в 2021 – 741, в 2022 – 770, в 2023 – 241¹. На наш взгляд, отсутствие стабильного применения правил группового производства в гражданском процессе свидетельствует о наличии проблем и пробелов в правовом регулировании [7].

Процесс введения института групповых исков в ГПК РФ был инициирован в 2017 году. Следует учитывать, что идеи формирования данного института в гражданском процессе выдвигались еще раньше - при разработке единого процессуального кодекса².

Целью введения института групповых исков в гражданском судопроизводстве согласно п. 16-5 Перечня поручений

Президента РФ В. В. Путина по итогам заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 18 апреля 2017 года, по вопросу развития национальной системы защиты прав потребителей³, является внедрение правовых механизмов защиты прав и законных интересов групп потребителей в судах (групповых исков).

В 2017 году Министерством юстиции Российской Федерации был разработан проект закона о внесении изменений в ГПК РФ, в соответствии с которым предлагалось добавить, в частности, статью 40.1 ГПК РФ⁴. Анализируя указанный законопроект⁵, и сравнивая его с нормами, регулирующими порядок рассмотрения дел о защите коллективного интереса, действующими в настоящий момент, можно сделать следующие выводы:

1 См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021, 2022, 2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 06.09.2024)

2 Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)) [Электронный ресурс].

3 См.: Перечень поручений по итогам заседания президиума Госсовета по вопросу развития национальной системы защиты прав потребителей // Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/54580> (дата обращения: 20.11.2024).

4 См.: Минюст опубликовал законопроект о групповых исках // Сетевое издание ПРАВО.RU. -- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/144895/> (дата обращения: 19.11.2024).

5 См.: Проект О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования порядка рассмотрения коллективных исков // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=73156> (дата обращения: 19.11.2024)

– изначально понимание различий между процессуальным соучастием (статья 40 ГПК РФ) и групповым производством было весьма размыто, поскольку не предлагалось выделять отдельный вид производства, а вносились изменения в части включения статьи 40.1, которая структурно входила бы в раздел, содержащий правила искового производства;

– иск, который подавался в интересах группы лиц, именовался коллективным иском, в то время как единого подхода к употреблению терминов «коллективный иск» и «групповой иск» не существовало на тот момент и не существует на сегодняшний день (В. В. Ярков [11], М. А. Алиэскеров [1], В. В. Долганichev [5, с. 5], А. Ю. Старицын [8]). Кроме того, в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указывалось, что термин «групповой иск» является более кратким и устоявшимся с точки зрения его характеристики в процессуальной доктрине⁶;

– количество членов группы лиц, которые присоединились к исковому заявлению, должно было составлять не менее 40. Данное нормативное положение было принято неоднозначно: оно подверглось критике со стороны юридического сообщества⁷, позиция которого сводилась к необходимости уменьшения количества присоединившихся к иску членов группы, однако представители Министерства юстиции Российской Федерации считали, что это приведет к смешению индивидуальных исков с наличием процессуального соучастия на стороне истца и групповых исков. Ю. А. Тимофеев указывал: «Представляется правильным установить минимальный состав группы в количестве не менее 40 лиц, присоединившихся к требованию, что будет соответствовать приведенному критерию и позволит четко разграничить процессуальное соучастие на стороне истца и коллективное обращение» [9, с. 93].

Как итог – законопроект не был рассмотрен и принят, и в течение года предложения внесению изменений в ГПК РФ, направленные на урегулирование процедуры рассмотрения дел о защите коллективного интереса, совершенствовались и дорабатывались.

В 2018 году Правительством Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования порядка рассмотрения требований о защите прав и законных интересов группы лиц», в тексте которого также указывалось на минимальное количество членов группы, которые должны присоединиться ко времени подачи искового заявления, и составляло – 5.

Однако в данной редакции законопроект также принят не был. В ходе рассмотрения законопроекта в первом чтении Крашенинников П. В., председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, отметил, что порог в 5 присоединившихся лиц является заниженным, его необходимо увеличить до 10 или 20 членов группы. Кроме того, Крашенинников П. В. обратил внимание на то, что в зарубежном законодательстве содержатся нормы о порядке защиты интересов группы лиц и количество членов такой группы составляет не менее 10: «...Мы боимся, что при минимальной численности группы может начаться такой юридический терроризм в этих отношениях...»⁸.

При рассмотрении законопроекта во втором чтении Крашенинников П. В. указал, что данный законопроект рассматривался на протяжении долгого времени, поскольку имели место дискуссии по определению количества членов группы лиц: «Договорились, что в Гражданском процессуальном кодексе и в Кодексе административного судопроизводства – это 20 человек, а в Арбитражном процессуальном кодексе – 5 человек, так как там, понятно, немножко другие составы, там экономические споры»⁹.

Вместе с тем, на наш взгляд, указание в процессуальном законе на конкретное минимальное количество членов группы лиц хотя и направлено на совершенствование правового регулирования судебного рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц¹⁰, но не отвечает цели введения института групповых исков. Статистические данные, свидетельствующие о минимальной правоприменительной практике защиты прав и законных интересов группы лиц, позволяют сделать вывод, что ее (защиты прав группы лиц) не происходит ввиду законодательно установленных ограничений, не учитывающих, как минимум, специфику субъектного состава группового производства.

Предлагаем остановиться на процессуальных особенностях, связанных с субъектным составом рассматриваемых и разрешаемых дел о защите коллективного интереса.

Как справедливо указывала М. С. Шакарян о необходимости изучения вопроса о субъектах гражданского процессуального права, которое имеет теоретические и практическое значение: «... поскольку в значительной мере гражданско-процессуальный метод регулирования общественных отношений характеризуется правовым положением субъектов, средствами воздействия на их поведение, их правами и обязанностями» [10, с. 24].

Следует также отметить, что М. С. Шакарян неоднократно акцентировала внимание на необходимости четкого разграничения понятия субъекта права и правоотношения, приводя доводы таких ученых, как Б. К. Бегичев, Ц. А. Ямпольская и др. [10, с. 28].

В. В. Ярков также разграничивал понятия субъекта гражданского процессуального права и субъекта гражданского процессуального правоотношения, отмечая, что первое является более широким понятием, поскольку «в него включаются все возможные участники по любому гражданскому или административному делу, отнесенному к компетенции судов» [3].

В данной статье будет рассмотрено понятие субъектов гражданских процессуальных правоотношений, а именно субъектов, которые принимают участие в процессе рассмотрения и разрешения дел о защите коллективного интереса.

Под субъектами гражданского процессуального правоотношения понимаются участники гражданского процесса, которые имеют определенные права и обязанности, закрепленные в нормах ГПК РФ.

При этом следует отметить, что процедуру рассмотрения гражданского дела, возбужденного путем подачи и принятия искового заявления в защиту прав и законных интересов группы лиц, желающих защитить свои однородные или

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/596417-7> (дата обращения: 19.11.2024).

9 См.: Фрагмент стенограммы заседания № 220 от 25.06.2019 // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://sozd.duma.gov.ru/bill/596417-7> (дата обращения: 19.11.2024).

10 См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования порядка рассмотрения требований о защите прав и законных интересов группы лиц» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/596417-7#bh_note (дата обращения: 20.11.2024).

6 Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 См.: Коллективные поиски справедливости // Сетевое издание «Коммерсантъ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3429293> (дата обращения: 19.11.2024).

8 См.: Фрагмент стенограммы заседания № 187 от 13.02.2019 // Система обеспечения законодательной деятельности.

общие права и законные интересы, и требования которых обращены к одному и тому же ответчику, регулирует глава 22.3 ГПК РФ¹¹. Но общие правила искового производства традиционно применяются при рассмотрении дел о защите коллективного интереса с учетом особенностей, отраженных в указанной главе процессуального кодекса.

В. В. Ярков по вопросу рассмотрения групповых исков отмечал: «Групповые иски рассматриваются по специальным правилам рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц, получивших в доктрине название группового производства» [11].

Ученые-процессуалисты выделяют две – первую и вторую – (М. С. Шакарян [10]) или три (М. А. Вукот [2, с. 182-183]) группы субъектов гражданских процессуальных правоотношений:

– первая группа – это судебные органы, которые в соответствии с ГПК РФ компетентны рассматривать гражданское дело;

– вторая группа – это лица, участвующие в деле (в соответствии со статьей 34 ГПК РФ к их числу относятся стороны, третьи лица, прокурор, лица, выступающие от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в том числе для дачи заключений по делу, а также заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства);

– третья группа – лица, содействующие в осуществлении правосудия (к таковым относятся, например, эксперт, консультант, свидетель и др. лица).

Оставим за собой право не согласиться с точкой зрения М. С. Шакарян, которая не выделяет лиц, содействующих осуществлению правосудия, в отдельную группу, так как без участия указанных лиц рассмотрение и разрешение отдельных категорий дел было бы затруднительным. В связи с этим, придерживаясь позиции М. А. Вукот, предлагаем рассмотреть субъектный состав гражданских дел о защите коллективного интереса с учетом их деления на 3 вышеуказанных группы.

Если буквально толковать отдельные положения статей главы 22.3 ГПК РФ, то можно прийти к следующему умозаключению: в целом субъектный состав данных дел, поскольку они рассматриваются по общим правилам искового производства, остается традиционным. Первая группа субъектов, в которую входит суд и является обязательным участником (или субъектом) гражданских процессуальных правоотношений, существует всегда. Это характерно для всего гражданского процесса, поскольку гражданское процессуальное правоотношение возникает только после подачи искового заявления и соответствующей реакции на него судьи в рамках процессуального закона – принятия искового заявления к производству суда. В. В. Ярков придерживается позиции, что «суд – обязательный участник этих правоотношений. Стороны, третьи лица, прокурор, государственные органы не состоят между собой в процессуальных отношениях. Эти отношения не могут возникать без участия суда» [4, с. 82]. Третья группа субъектов, которые содействуют в осуществлении правосудия, применительно к групповому производству также, на наш взгляд, не имеет существенных особенностей.

Специфику субъектного состава по делам о защите коллективного интереса составляют субъекты второй группы, в состав которой как отмечалось выше, входят стороны, а также могут входить третьи лица, прокурор, лица, выступающие от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в

защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

В делах о защите коллективного интереса главная особенность проявляется в том, что в судебный процесс вовлекается определенное законом количество граждан, выступающих на стороне истца. Однако данная множественность лиц на стороне истца, с точки зрения гражданского процессуального права, не может быть квалифицирована как классическое соучастие, поскольку, на наш взгляд, имеет иную правовую природу и функциональное назначение.

Так, коллективный иск, в отличие от традиционных моделей процессуального соучастия в гражданском судопроизводстве, предполагает, что участники процесса объединены не столько общностью материально-правовых требований, сколько совпадением их интересов в рамках производства по одному гражданскому делу о защите нарушенных прав или законных интересов группы лиц. В данном случае индивидуальные требования граждан сливаются в единое правовое поле, направленное на устранение массового нарушения прав.

В случае процессуального соучастия соистцы защищают общие или однородные права и обязанности или права и обязанности, которые имеют одно основание. В соответствии с ч. 2 статьи 40 ГПК РФ 2. Процессуальное соучастие допускается, если:

1) предметом спора являются общие права или обязанности нескольких истцов или ответчиков;

2) права и обязанности нескольких истцов или ответчиков имеют одно основание;

3) предметом спора являются однородные права и обязанности.

При этом в законе не указано, что все условия должны выполняться одновременно, вследствие чего можно сделать вывод: достаточно выполнения любого из представленных условий. Следует также отметить, что при процессуальном соучастии каждый истец является самостоятельным участником и обладает полным объемом процессуальных прав и обязанностей. Так, например, о такой самостоятельности свидетельствует тот факт, что каждый соистец должен соблюсти досудебный порядок урегулирования спора, если его требование может быть рассмотрено самостоятельно (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»¹²).

В случае рассмотрения спора по правилам главы 22.3 ГПК РФ все участники группового иска должны избрать одинаковый способ защиты своих прав и в основании их однородных или общих прав, т.е. в основании предмета спора, должны лежать одни и те же фактические обстоятельства. При этом ч. 1 статьи 244.20 содержит норму, в соответствии с которой гражданин или организация вправе обратиться в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц при наличии совокупности следующих условий:

1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;

2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;

3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;

4) использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав.

Следует учитывать, что, как отмечал В. В. Ярков, «... общность либо однородность предмета спора как критерий имеет юридическое содержание и отражает правовую харак-

11 См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002. - № 46. - Ст. 4532.; 2024. - № 33 (Часть I). - Ст. 4951.

12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. - № 144 от 02.07.2021 г.

теристику группового иска... Указанный критерий означает, что все члены группы имеют совпадающие по характеру требования, общий для всех объект правовой защиты» [11]

Отличительной особенностью является то, что применительно к главе, регулирующей порядок рассмотрения дел о защите коллективного интереса, законодатель не указывает на соистцов, вместо этого используя термин «члены группы лиц» и разграничивая даже в этом множественность лиц на стороне истца при процессуальном соучастии в соответствии со статьями 40 ГПК РФ и множественность истцов при рассмотрении и разрешении дел о защите коллективного интереса.

На наш взгляд, множественность лиц на стороне истца в делах о защите коллективного интереса, носит скорее характер процессуального объединения, основанного на тождественности предмета спора и юридической обоснованности требований, что исключает применение к ним традиционных правил о процессуальном соучастии.

Кроме того, множественность членов группы лиц в групповом производстве имеет свои границы: количество членов группы лиц, которые должны присоединиться к иску ко дню обращения в суд, не может составлять менее 20. Проводя параллель с процессуальным соучастием на стороне истца, а также учитывая тот факт, что закон не устанавливает минимальное или максимальное количество соистцов, снова приходим к выводу, что институт процессуального соучастия и множественность членов группы лиц не тождественны.

Однако 20 присоединившихся членов группы лиц суда для принятия искового заявления к своему производству будет недостаточно, поскольку законодатель наделяет «особым» статусом лицо, которое участвует от имени всех участников коллективного иска (данное лицо в обязательном порядке указывается в тексте искового заявления), возлагая при этом на него дополнительную обязанность информирования общественности через средства массовой информации о подаче коллективного иска и возможности присоединения к нему.

В связи с этим лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, с одной стороны, защищает свои права и законные интересы, будучи членом группы, с другой стороны – представляет интересы других членов группы. При этом он не является представителем в процессуальном смысле, его полномочия не оформляются доверенностью, информация о нем указывается в тексте искового заявления, а также он имеет не только процессуально-правовую, но и материально-правовую заинтересованность в рассмотрении и разрешении гражданского дела. Статус лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, закрепляется за ним и сохраняется на протяжении всего времени рассмотрения гражданского дела в суде, природа указанного статуса, как уже отмечалось, двояка, однако данный факт не учитывается, например, при наделении данного лица правом заключения мирового соглашения. Лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, является самостоятельным субъектом.

Таким образом, исходя из текстуального толкования положений процессуального закона, регулирующих групповое производство, можно сделать вывод – количество членов группы лиц должно составлять не менее 21: лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц и 20 присоединившихся членов этой группы.

При этом, остается не совсем понятным, почему законодатель определил именно такое количество членов группы лиц, поскольку принятые нормы вызывают ряд вопросов, связанных с соответствием принципам процессуальной экономии, доступности правосудия и эффективной защиты нарушенных прав. Так, указанный критерий неоднократно становился предметом обсуждения и споров. Например, согласно позиции В. А. Колотова, использование формального количественного критерия для квалификации иска в качестве группового является несостоятельным, так как не может быть лишено субъективизма [6].

Согласимся с указанной точкой зрения и отметим, что подобный подход, на наш взгляд, может создать (вероятно, уже создает) неоправданные барьеры для реализации права на судебную защиту, особенно в случаях, когда нарушение затрагивает интересы значительного числа лиц, но формально не достигает установленного количественного критерия.

Установление минимального порога численности группы лиц может быть, и обусловлено стремлением законодателя предотвратить злоупотребление процессуальными правами и избежать чрезмерной нагрузки на судебную систему, однако в условиях современных реалий, с учетом динамично развивающихся общественных отношений более подходящим видится применение более гибкого подхода к определению количества членов группы лиц. Данный подход заключается в наделении судей самостоятельности при решении вопроса о достаточности или недостаточности численности группы для возбуждения дела по правилам главы 22.3 ГПК РФ. Это, на наш взгляд, может способствовать более эффективной защите членов группы при защите коллективного интереса, реализации принципа процессуальной экономии, а также позволит рассматривать и разрешать дела по групповым искам не с учетом их формального отнесения (по количеству лиц) к данной категории, а с учетом сложившихся правоотношений и фактических обстоятельств дела.

Пристатейный библиографический список

1. Алиэскеров М. А. Групповой иск в состязательном гражданском процессе: процессуальные пределы и ограничения // Вестник гражданского процесса. - 2022. - № 6.
2. Афанасьев С. Ф., Вукот М. А. Гражданское процессуальное право России: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. С. Ф. Афанасьева. - М.: Юрайт, 2015.
3. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2022. - Т. 1. - 550 с.
4. Гражданский процесс: учебник / Отв. ред. В. В. Ярков. - 8-е изд., пераб. и доп. - М., 2012. - С. 82.
5. Долганичев В. В. Процессуальные особенности возбуждения и подготовки дел в групповом производстве: сравнительно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. - Екатеринбург, 2015.
6. Колотов В. А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводствах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. - М., 2021.
7. Неясова В. А. Сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования порядка защиты прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном процессах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2024. - № 6.
8. Старицын А. Ю. Коллективные иски в гражданском процессе // Российский судья. - 2024. - № 3.
9. Тимофеев Ю. А. Коллективные иски: перспективы развития // Электронное приложение к российскому юридическому журналу». - 2018. - № 2. - С. 88-99.
10. Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация // Lex Russica (Русский закон). - 2004. - Т. 63, № 1. - С. 19-116.
11. Ярков В. В. Групповые иски в гражданском процессе: вопросы правоприменения // Вестник гражданского процесса. - 2021. - № 5.

ПЕСТОВА Ксения Алексеевна

аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ

Одним из элементов цифровизации правосудия стала возможность участия в судебном заседании посредством системы веб-конференции. Рассматриваемый институт – первый шаг на пути к созданию цифровых судов в Российской Федерации. Однако первоначальные нововведения вызывают на практике ряд проблем, негативным образом влияющих на принцип открытости гражданского (арбитражного) процесса. Целью исследования является рассмотрение особенностей реализации принципа открытости гражданского (арбитражного) процесса в условиях развития системы веб-конференции. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что недостаточная проработка российского законодательства на начальном этапе внедрения системы цифровых судов негативным образом влияет на реализацию принципа открытости гражданского (арбитражного) процесса. Законодательство Российской Федерации и судебная практика не позволяет однозначным образом ответить на вопрос о возможности удаленного участия посредством веб-конференции в судебном заседании в качестве слушателя. Указанное приводит к невозможности учета удаленных слушателей в качестве дополнительной гарантии гласности судебного процесса. Кроме того, отсутствие разработанного механизма удаленного наблюдения ограничивает принцип открытости в периоды кризисов.

Проанализированный автором опыт Великобритании показывает, что внедрение механизма удаленного наблюдения возможно. Но необходимо учитывать, что удаленный доступ предоставляется исключительно по заявлениям с тщательной оценкой их судом по предложенным в законе критериям, а потоковая трансляция недопустима.

Ключевые слова: принцип открытости, информационные технологии, веб-конференция, слушатель.

PESTOVA Kseniya Alexeevna

postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF OPENNESS OF THE CIVIL PROCESS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE WEB CONFERENCE SYSTEM

One of the elements of the digitalization of justice has become the opportunity to participate in a court session through a web conference system. The institution is the first step towards the creation of digital courts in the Russian Federation. However, the initial innovations cause a number of problems in practice that negatively affect the principle of openness of the civil process. The purpose of the study is to consider the specifics of the implementation of the principle of openness of the civil (arbitration) process in the context of the development of a web conference system. As a result of the research, the author comes to the conclusion that insufficient elaboration of Russian legislation at the initial stage of the implementation of the digital courts system negatively affects the implementation of the principle of openness of the civil (arbitration) process. The legislation of the Russian Federation and judicial practice do not allow us to unambiguously answer the question of the possibility of remote participation in a court session as a listener via a web conference. This makes it impossible to account for remote listeners as an additional guarantee of the publicity of the trial. In addition, the lack of a developed remote monitoring mechanism limits the principle of openness in times of crisis. The British experience shows that the introduction of a remote monitoring mechanism is possible. However, it must be borne in mind that remote access is provided solely on applications with a thorough assessment by the court according to the criteria proposed in the law, and streaming is unacceptable.

Keywords: openness principle, information technology, web conference system, listener.

В эпоху повсеместной цифровизации общества происходит постепенное внедрение информационных технологий в гражданский процесс. Одним из элементов цифровизации правосудия стала возможность участия в судебном заседании посредством системы веб-конференции¹, которая зарекомендовала себя более эффективно, чем видеоконференцсвязь [1, с. 214].

Информационные технологии, безусловно, способствуют увеличению объема доступной информации о правосудии, тем самым расширяя понятие публичности процесса и

обеспечивая необходимые гарантии его реализации. Однако свободный доступ к данным не является абсолютным благом.

Помимо создания условий для появления «хищнической общественности» [6], занимающейся троллингом в интернете и совершающей агрессивные нападения на отдельных людей [5], а также предполагаемого будущего сокращения числа юристов, являющихся важным средством обеспечения открытого правосудия [7], вызывает опасения существующее в сфере системы веб-конференции регулирование, приводящее к необоснованным ограничениям принципа публичности гражданского процесса.

В исследовании рассмотрим влияние современного регулирования системы веб-конференции на принцип открытости гражданского процесса.

Доступ слушателей к онлайн-процессу в России. Несмотря на отсутствие онлайн-судов (цифровых судов) в

¹ С принятием Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» появились статьи 153.2 АПК РФ и 155.2 ГПК РФ, закрепляющие порядок участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции.

Российской Федерации в настоящий момент, система веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ и ст. 153.2 АПК РФ), на наш взгляд, может стать первым шагом на пути к их созданию.

Однако, как справедливо отметил Н. Вермейс, не следует внедрять и инвестировать средства в развитие системы онлайн-разрешения споров, предварительно не установив, какие информационные технологии совместимы с практикой, обычаями и принципами [8, с. 63].

В современном правовом регулировании спорным остается вопрос о допустимости предоставления доступа в зал судебного заседания лицу, не участвующему в деле, но желающему реализовать основополагающий принцип судопроизводства – гласность. Ст. 155.2 ГПК РФ и ст. 153.2 АПК РФ закрепляют такую возможность исключительно для участников процесса, механизм предоставления такого права иным субъектам не предусмотрен.

В свою очередь, внедрение механизма доступа лиц, не участвующих в деле, в качестве слушателей в судебные заседания, проводимые онлайн, станет дополнительной гарантией публичности правосудия в современных условиях или единственной возможностью реализации принципа гласности в периоды запрета доступа в залы судебных заседаний (например, в период пандемии COVID-19).

В судебной практике также отсутствует единство мнений относительно возможности обеспечения доступа слушателя в судебное заседание путем использования веб-конференции.

Не рассматривая дела, где суды отказывали гражданам в доступе к судебному процессу посредством веб-конференции в качестве слушателя по основанию отсутствия технической возможности или несвоевременности подачи ходатайства, решения судов по этому вопросу могут быть разделены на три категории: определения, в которых суды отказывали в участии в судебном процессе посредством веб-конференции в качестве слушателя по основанию отсутствия в законе такого механизма; определения, в которых суды удовлетворяли ходатайство об участии в процессе, и решения, в которых суды вынужденно предоставляли лицу возможность участия посредством веб-конференции в качестве слушателя в связи с возникшими техническими неполадками или подключением с чужой учетной записи стороны процесса.

Суды допускают граждан к участию в судебных заседаниях посредством веб-конференции в качестве слушателя в тех случаях, когда они подключаются с учетных записей лиц, чье ходатайство об участии было удовлетворено. Так, например, апелляционная коллегия отказала в допуске к участию в судебном заседании Скоробогатова И. В. в качестве представителя ЖСК «ТИРАСПОЛЬСКАЯ-1» ввиду невозможности идентификации его личности с учетом подключения с учетной записи председателя, ходатайство которого было удовлетворено. При этом суд допустил Скоробогатова И. В. к участию в онлайн-заседании в качестве слушателя².

Суды также допускают представителей сторон для участия в судебном процессе в качестве слушателя, когда выявляется техническая неисправность, не позволяющая принимать

полноценное участие в качестве представителя стороны. Так, при подключении представителя Департамента к судебному заседанию выявлена техническая неисправность его микрофона. Поскольку невозможность участия Департамента в деле и выражения своей позиции в судебном заседании обусловлена техническими причинами, находящимися в сфере его контроля, представитель допущен к судебному заседанию в качестве слушателя³.

Суды отказывают в удовлетворении ходатайств об участии в судебном заседании посредством веб-конференции в качестве слушателя в связи с тем, что гражданин не является лицом, участвующим в деле. Арбитражный суд Вологодской области в определении об отказе в удовлетворении ходатайства в участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции отметил, что Информационно-аналитическое издание «Российский репортер» не является лицом, участвующим в деле, и иным участником арбитражного процесса, который может участвовать в судебном заседании путем использования систем веб-конференции. В данном случае ходатайство не может быть удовлетворено судом⁴.

Таким образом, законодательство Российской Федерации не дает ответ на вопрос о возможности или невозможности участия в судебном заседании посредством веб-конференции в качестве слушателя. Прямой запрет на удовлетворение ходатайств о предоставлении доступа посредством веб-конференции лицам, не участвующим в деле, не закреплен, однако, и механизм предоставления такого доступа слушателям не предусмотрен.

Единства мнений нет и в судебной практике. Суды по своему усмотрению либо удовлетворяют ходатайства слушателей, либо отказывают в удовлетворении, ссылаясь на не относимость их к категории лиц, участвующих в деле, либо вынужденно допускают в процесс «беспомощных» или «неуполномоченных» представителей в качестве слушателей.

Удаленное наблюдение за открытыми судебными заседаниями в Великобритании

Интересным на этот счет является опыт Великобритании. Страны, являющейся родиной концепции открытого правосудия, выбравшей инновационный путь цифровизации, который может послужить образцом для других государств [4].

Удаленное наблюдение за открытыми судебными заседаниями в Великобритании было впервые разрешено временными положениями Закона о борьбе с коронавирусом 2020 года⁵. В настоящий момент временные положения отменены и заменены новым постоянным режимом, позволяющим осуществлять дистанционное наблюдение за судебными заседаниями.

2 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда № 15АП-1891/2024 от 01.03.2024, аналогичные решения: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-2443/2023 от 04.12.2023 г., Постановление Президиума по Интеллектуальным правам по делу № СИП-328/2023 от 20.11.2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-14539/2023-АК от 18.01.2024, аналогичные решения: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от № 18АП-10855/2023 от 14.09.2023, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-5403/2024 от 14.08.2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4 Определение Арбитражного суда Вологодской области от 03.08.2023 по делу № А13-8658/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Coronavirus Act 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/7>.

Основное нормативное регулирование удаленного наблюдения закреплено в ст. 85А Закона о судах 2003 г.⁶ и в Положении о дистанционном наблюдении и записи 2022 г.⁷ Указанные акты направлены исключительно на предоставление возможности лицам, не участвующим в деле (слушателям), следить за судебными процессами в режиме онлайн.

В актах предусмотрено два варианта осуществления трансляции. Первый заключается в осуществлении трансляции в помещении, назначенном в качестве места для прямой трансляции судебного заседания. Такой вариант может быть использован в тех случаях, когда дело вызывает большой общественный интерес, что не позволяет комфортное нахождение всех слушателей в месте непосредственного проведения судебного заседания. Выделение второго зала с одновременной прямой трансляцией судебного заседания позволит обеспечить наблюдение за ходом судебного заседания большому числу желающих.

Второй вариант предусматривает трансляцию, доступ к которой предоставляется отдельным лицам. Для этого необходимо подать заявление о дистанционном наблюдении в суд. Второй вариант можно использовать наряду с первым или в качестве самостоятельного.

Прежде чем вынести решение, суд должен убедиться, что, во-первых, это отвечает интересам правосудия, во-вторых, что имеется техническая оснащенность для обеспечения трансляции, а приведение в исполнение предписания не создаст необоснованного административного бремени.

Суд принимает решение, учитывая следующие аспекты:

- 1) необходимость обеспечения открытого правосудия настолько, насколько это возможно;
- 2) сроки подачи заявления о предоставлении удаленного доступа и его влияние на деятельность суда;
- 3) степень задействования технических, трудовых и иных ресурсов;
- 4) любые ограничения, налагаемые законодательным актом или в соответствии с ним на лиц, имеющих право присутствовать на судебном заседании;
- 5) любые проблемы, которые могут возникнуть в связи предоставлением разрешения лицу, находящемуся за пределами Великобритании;
- 6) влияние предоставления удаленного доступа на содержание и качество доказательств, которые должны быть представлены суду; на общественное понимание права и управления правосудия, на безопасность и неприкосновенность частной жизни участвующих в разбирательстве лиц и др.

Суд проводит многофакторную оценку и принимает решение об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявления.

Таким образом, несмотря на широкое понимание открытости правосудия в Великобритании, законодательство страны не допускает потоковую трансляцию судебных заседаний. Удаленный доступ предоставляется исключительно по заявлениям с тщательной оценкой их судом по предложенным в законе критериям.

Более того, удаленные слушатели должны быть предупреждены о запрете кино-, фото- и аудиозаписи судебного заседания, доступ к которому им предоставлен. Согласно ст. 85В Закона о судах 2003 г. если лицо, удаленно присутствующее на судебном разбирательстве, пытается осуществить несанкционированную запись или передачу изображения или звука, то такие действия квалифицируются как неуважение к суду, максимальное наказание за которое два года тюремного заключения.

Оценка открытой трансляции судебных заседаний в научном сообществе

В научных исследованиях высказывают различные мнения не только по поводу предоставления доступа слушателям, но и по вопросу допустимости открытой трансляции судебных заседаний с предоставлением возможности просмотра всем желающим.

Так, ряд ученых выступает за необходимость законодательного закрепления обязательной трансляции судебных заседаний, проводимых посредством веб-конференции, в качестве одной из составляющих принципа гласности [2, с. 156].

Другие же отмечают, что суд в таком случае может превратиться в «кино про суд»⁸. Как отмечает А. В. Потеева, «для неподготовленного зрителя неограниченная трансляция в сети «Интернет» сведет восприятие судебного процесса до уровня развлекательного телевизионного сериала»⁹.

Выводы

Проведенное в настоящей работе исследование позволяет прийти к следующим основным выводам.

1. Веб-конференция предоставляет дополнительные гарантии реализации принципа публичности гражданского процесса, в частности посредством нейтрализации географических ограничений.
2. Недостаточная проработка российского законодательства на начальном этапе внедрения системы цифровых судов негативным образом влияет на реализацию принципа открытости гражданского (арбитражного) процесса.

В частности, законодательство Российской Федерации не позволяет однозначным образом ответить на вопрос о возможности удаленного участия посредством веб-конференции в судебном заседании в качестве слушателя.

Судебная практика по вопросу допустимости удаленного участия в качестве слушателя также носит противоречивый характер. Суды либо удовлетворяют ходатайство об онлайн-участии, либо отказывают, либо допускают в процесс в качестве слушателей лишь «беспомощных» или «неуполномоченных» представителей сторон.

3. Законодательство Великобритании предусматривает возможность предоставления удаленного доступа слушателям, однако исключительно по заявлениям и с тщательной оценкой их судом по предложенным в законе критериям.

6 Courts Act 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/39>.

7 The Remote Observation and Recording (Courts and Tribunals) Regulations 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/705/made>.

8 Ахметшин Р., Шербинин А. Использование видеосвязи превращает суд в кино про суд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/19/834921-ispolzovanie-vid-eosvyazi?ysclid=m1qri0j8fx845945667> (дата обращения 01.10.2024 г.)

9 Потеева А. В. Онлайн-присутствие журналиста в судебном заседании: мифилиреальность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kirov.arbitr.ru/storage/site/kirov/materila_files/P4Nonj47Y6xv3zhMg8oNRbSvbeMvChIFI14zI3dQF.pdf?ysclid=m1qqcrlr749466032 (дата обращения: 01.10.2024).

4. Законодательство Великобритании не допускает потоковую трансляцию судебных заседаний, предусматривая ответственность за несанкционированную запись или передачу изображения или звука. В свою очередь, в научном сообществе высказывают опасения по поводу возможного превращения потоковых онлайн-заседаний в развлекательный сериал.

Заключение

В век информационных технологий суд больше не является физическим пространством, куда любой гражданин может прийти, чтобы посмотреть, как осуществляется правосудие, поскольку слушания проходят в виртуальной среде и на платформах, расположение которых не является публичным [3]. Несмотря на то, что указанное положение не в полной мере соответствует существующим в Российской Федерации реалиям, тенденции в указанном направлении прослеживаются.

Одной из функций открытого правосудия является обеспечение общественного контроля над судебным процессом. Законодательство Российской Федерации не позволяет однозначным образом ответить на вопрос о возможности удаленного участия в судебном заседании в качестве слушателя посредством веб-конференции, в свою очередь, судебная практика также носит противоречивый характер.

Однако проанализированный опыт Великобритании показывает, что разработка такого механизма возможна [9, с. 181]. Удаленные слушатели могут рассматриваться как дополнительная гарантия гласности судебного процесса либо как единственная гарантия открытого правосудия в периоды кризисов, закрывающих доступ в суд как физическое место осуществления правосудия.

Однако любой выбор в пользу распространения практики удаленных слушаний должен сопровождаться более детальным регулированием доступа общественности к виртуальным залам судебных заседаний, что и было сделано в Великобритании и может быть использовано при разработке нормативного регулирования в России.

Несмотря на всеобъемлющий характер принципа открытости гражданского (арбитражного) процесса, ограничения которого должны быть сведены к минимуму, мы, однако, не должны допускать, а тем более стремиться к его абсолютизации.

Таким образом, мы не говорим о потоковой передаче, но механизм с соблюдением определенных критериев дистанционного доступа слушателей может привести к улучшению понимания судебного процесса общественностью и укреплению доверия.

Пристатейный библиографический список

1. Rusakova E. P. Robotization of Civil Proceedings: Reality or Future // Smart Innovation, Systems and Technologies. - 2022. - Vol. 288. - P. 211-217. - DOI 10.1007/978-981-16-9808-8_23. – EDN SUEXWX.
2. Соловьёва Т. В. Гласность судебного разбирательства в условиях пандемии // Вестник СГЮА. - 2021. - № 6 (143). - С. 152-156. EDN: MJJIRW DOI: 10.24412/2227-7315-2021-6-152-156.

3. Gajda-Roszczyńska K. Impact of the COVID-19 Pandemic on Justice Systems: Reconstruction or Erosion of Justice Systems – Case Study and Suggested Solution. V&R unipress. 2023. - 458 p. DOI:10.14220/9783737015820
4. Jougleux P. Open Justice in the Digital Age: The Relationship Between Justice and Media in Europe Law, governance and technology series, Springer Nature. - 2024. - V. 66. - 167 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-61436-1>.
5. Resnik J. Constituting a Civil Legal System Called 'Just': Law, Money, Power, and Publicity // New Pathways to Civil Justice in Europe. Springer. - 2020. - Pp. 299-313. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3723892>.
6. Resnik J. The Functions of Publicity and of Privatization in Courts and their Replacements (from Jeremy Bentham to #MeToo and Google Spain) Open Justice: The Role of Courts in a Democratic Society // Yale Law School, Public Law Research Paper. - 2018. - No. 659. - 25 p. 10.5771/9783845297620-177.
7. Sorabji J. Justice Without Lawyers // New Pathways to Civil Justice in Europe. Springer. - 2021. - Pp. 221-242. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-66637-8>.
8. Vermeys N. The Computer As the Court: How Will Artificial Intelligence Affect Judicial Processes? // New Pathways to Civil Justice in Europe. Springer. - 2021. - Pp. 61-80. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66637-8_4
9. Русакова Е. П., Фролова Е. Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. - 2024. - № 1. - С. 179-187. - DOI 10.31857/S1026945224010172. – EDN JBCXKC.

СЕРГЕЕВ Роман Борисович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Статья посвящена анализу влияния цифровизации гражданского судопроизводства на его основные принципы. В ней рассмотрена практика применения цифровых технологий в зарубежных странах, таких как США, страны Западной Европы, Вьетнам и другие. Выявлено, какие последствия цифровые механизмы гражданского судопроизводства оказывают в каждой из рассмотренных стран на принципы осуществления гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское право, цифровизация, цифровые технологии, институты, трансформация.

SERGEEV Roman Borisovich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PRINCIPLES OF DIGITAL TECHNOLOGY APPLICATION AND BASIC PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE LAW

The article is devoted to the analysis of the impact of digitalization of civil proceedings on its basic principles. It examines the practice of using digital technologies in foreign countries such as the USA, Western European countries, Vietnam and other countries. It is revealed what effects digital mechanisms of civil proceedings have in each of the countries considered on the principles of civil proceedings.

Keywords: civil law, digitalization, digital technologies, institutions, transformation.

Реформа системы гражданского правосудия представляет собой непрерывный и повторяющийся процесс, направленный на совершенствование системы и обеспечение ее соответствия ожиданиям общества. В быстро меняющемся обществе, которое все больше зависит от цифровых технологий во всех сферах жизни, система правосудия часто отстает. Однако изменения в технологии и гражданском процессе могут сыграть важную роль в облегчении доступа к правосудию, повышении эффективности и результатов, а также в снижении затрат и задержек по всему спектру гражданских судебных процессов.

В рамках гражданского правосудия рассматриваются различные споры, большее количество из которых - с небольшой суммой иска, в которых вопросы ограничиваются конкретными фактами и юридическими вопросами, уникальными для сторон в споре. В зарубежных странах многие из этих споров в настоящее время не рассматриваются в рамках традиционной системы гражданского судопроизводства, поскольку транзакционные издержки на их разрешение непропорциональны сумме спора. С другой стороны, крупные и сложные судебные разбирательства, которые охватывают споры значительного числа лиц с основаниями для иска против одного или нескольких «обычных» ответчиков, и которые имеют общие проблемы, которые могут облегчить решение посредством групповых исков или массовых деликтов.

За рубежом применяется ряд разработок, в которых цифровые технологии используются для разрешения споров. Хотя эти инновации в области цифровых технологий различаются используемыми методологиями, у них есть общая цель — урегулирование крупных претензий при низких транзакционных издержках. В обоих случаях отправления правосудия по гражданским искам преследуется цель облегчения доступа к правосудию, который является прозрачным, процедурно-справедливым, экономичным и оперативным.

Однако существует противоречие между стремлением к индивидуальному правосудию и необходимостью содействовать эффективному и экономичному разрешению большого количества претензий. Это напряжение существует от возникновения дискретных индивидуальных претензий до

разрешения массовых судебных разбирательств. Способ разрешения этого противоречия имеет важные последствия для сторон в споре и отправления правосудия.

Внедрение цифровых технологий — неизбежная тенденция гражданского правосудия. Нельзя отрицать, что цифровые технологии принесли замечательные преимущества гражданскому правосудию, но они также создают множество проблем для гражданского процессуального права, требуя от нас переосмысления фундаментальных принципов гражданского процессуального права. Право в целом и гражданско-процессуальное право в частности в каждой стране охватывает общечеловеческие ценности и уникальные ценности каждой нации. Универсальные ценности становятся основополагающими принципами гражданского процессуального права и признаются в международных документах по правам человека, а также в Конституции и Гражданском процессуальном кодексе каждой страны.

В странах, активно применяющих цифровые технологии в гражданском процессе, существуют различные мнения и опасения, что использование цифровых технологий может подорвать фундаментальные принципы гражданского судопроизводства, такие как «надлежащая правовая процедура» (ключевой принцип, закрепленный в Конституции США), или принцип «права на справедливое судебное разбирательство», закрепленный в статье 6(1) Европейской конвенции о правах человека. Эти принципы оказывают сильное влияние на формирование и применение норм гражданского судопроизводства в США, Европе и других странах. Понятия «надлежащая правовая процедура» и «право на справедливое судебное разбирательство» имеют много общего, и оба они тесно связаны с понятием «верховенства закона».

Двумя основными элементами надлежащей правовой процедуры в гражданском процессе являются право на уведомление и право на слушание дела беспристрастным судом до того, как лицо будет лишено свободы или имущества. Право на уведомление означает, что стороны гражданского иска должны быть заблаговременно уведомлены об иске, чтобы они имели возможность участвовать в гражданском процессе, представлять доказательства и аргументы в свою

защиту. Уведомление должно содержать адекватную информацию и должно быть доставлено разумными средствами, чтобы гарантировать получение адресатом такого уведомления. Право на слушание (или право быть заслушанным) означает, что до того, как лицо будет лишено права собственности или свободы, такое лицо должно быть заслушано судом в той или иной форме слушания, т. е. иметь право тщательно представить все доказательства и аргументы в суде и оспаривать доказательства и аргументы противной стороны. «Слушание», безусловно, означает, что суд принимает решение не только на основании документов и записей, но и на основе непосредственного выслушивания каждой стороны. Судебная практика Верховного суда США расширила значение «надлежащая правовая процедура», включая право на очную ставку и перекрестный допрос, право на решение в протоколе и право на помощь адвоката¹. Очевидно, что права на надлежащую правовую процедуру в гражданском процессе США основаны на состязательной модели гражданского процесса, процесс.

В Европе термин «надлежащая правовая процедура» официально не встречается в европейских документах по правам человека и в гражданских процессуальных кодексах; вместо этого часто используется термин «право на справедливое судебное разбирательство», который считается ключевым элементом «верховенства закона». Согласно судебной практике Европейского суда по правам человека, право на справедливое судебное разбирательство включает в себя следующие права: право на доступ к суду, право на состязательный процесс, право на равенство сторон, право присутствовать в суде / право на устное слушание, право на защиту с помощью адвоката, право на эффективное обслуживание и т.д.² Содержание «права на справедливое судебное разбирательство» очень похоже на концепцию «надлежащей правовой процедуры» в США. потому что они оба отражают основные ценности гражданского правосудия в правовом государстве.

Во Вьетнаме, хотя ученые не приступали к изучению «надлежащей правовой процедуры» и «права на справедливое судебное разбирательство» до недавнего времени, фундаментальные принципы, признанные в Конституции и Гражданском процессуальном кодексе Вьетнама, в основном аналогичны вышеуказанным ценностям, таким как принцип, согласно которому судьи и народные заседатели выносят решения независимо и руководствуются только законом, принцип гласности, своевременности и справедливости судебного разбирательства, принцип обеспечения состязательности процесса, принцип обеспечения права на защиту сторон, принцип равенства перед судом законом и в суде и т.д.

В некоторых странах существуют опасения, что создание онлайн-судов и внедрение цифровых технологий подорвут вышеупомянутые принципы гражданского процессуального права. Опасения сосредоточены на следующих моментах:

Во-первых, стороны теряют возможность провести свой «день в суде» осмысленно, чтобы оценить легитимность системы гражданского судопроизводства и почувствовать, что правосудие вершится в торжественном контексте со всеми ритуалами в зале суда³.

Во-вторых, право быть услышанным будет подорвано, когда большинство процедур будет проходить на интернет-платформе посредством обмена информацией, доказатель-

ствами и документами; прямые устные слушания значительно ограничены. Даже когда суд проводит онлайн-слушания с помощью видеоконференцсвязи, этот тип слушания отличается от физического слушания, потому что на онлайн-слушаниях стороны, свидетели и адвокаты могут удобно сидеть дома или в знакомом им месте по сравнению с появлением в суде с гораздо большим объемом давления и торжественности. Интернет-соединение не всегда стабильное и прерывание может повлиять на качество передаваемого звука и изображения⁴.

В-третьих, принцип равенства сторон может быть не обеспечен при использовании онлайн-суда, если стороны не равны в отношении доступа к Интернету и технической грамотности⁵.

В-четвертых, принцип состязательности судебного разбирательства будет подорван, поскольку онлайн-суд, как правило, проводит меньше слушаний и проводит больше расследований, активно рассматривая информацию и доказательства, представленные сторонами онлайн⁶. Роль юристов также будет значительно снижена⁷.

В-пятых, принцип открытого судебного разбирательства (открытого правосудия) также может быть нарушен, когда все или большая часть судебных процессов проходит в Интернете, и общественность не может физически присутствовать на судебных заседаниях, чтобы наблюдать за деятельностью суда⁸.

В-шестых, вручение документов с помощью электронных средств, таких как электронный портал, электронная почта или социальные сети, как это разрешено некоторыми судами в США или Австралии, может подорвать право на уведомление. Однако вышеперечисленные опасения не имеют под собой серьезных оснований.

Во-первых, люди в наши дни стали гораздо практичнее, чем раньше; они хотят, чтобы их юридические проблемы были решены быстро и удовлетворительно, а не проводить «день в суде»⁹. Понятие «право быть услышанным» и «прямое судебное разбирательство» сегодня должно быть расширено, чтобы идти в ногу с современным обществом. В прошлом «день в суде» требовал, чтобы стороны физически предстали перед судьей и провели в суде не только день, но и много дней. В прежние времена стороны обычно оценивали справедливость механизма разрешения споров по процедурным факторам (процедурная справедливость), например, есть ли у них возможность выступить перед нейтральной и беспристрастной третьей стороной, которая готова слушать и относиться к ним одинаково и с уважением¹⁰. [8, p. 164]. В доинтернетовском обществе большинство споров возникало в физическом мире и могло решаться лицом к лицу. В настоящее время большая часть жизни человека проходит в цифровом мире, все больше споров возникает в Интернете; следовательно, «право быть услышанным» означает не просто «право быть услышанным напрямую», а должно пониматься как «право высказываться с помощью цифровых средств». Современный человек тратит значительно больше времени на общение с другими через социальные сети, чем

1 US Constitution Annotated, Amendment XVI, Section 1, Procedural Due Process: Civil. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/amendment-14/section-1/procedural-due-process-civil>.

2 European Court of Human Rights (2013), Guide to Article 6: The Right to a Fair Trial (Civil Limb). [Electronic resource]. – Access mode: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_ENG.pdf.

3 Lord Justice Briggs, Final Report. P. 52-53.

4 Dame Hazel Genn, Online Courts and the Future of Justice, Birkenhead Lecture 2017. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ucl.ac.uk/laws/sites/laws/files/birkenhead_lecture_2017_professor_dame_hazel_genn_final_version.pdf Lord Justice Briggs, Final Report. P. 38.

5 Lord Justice Briggs, Final Report. P. 38.

6 The online court in the U.K. is being developed based on an investigative model. See: Lord Justice Briggs, Final Report, p. 45.

7 Lord Justice Briggs, Final Report. P. 41.

8 Lord Justice Briggs, Final Report. P. 53.

9 UK Secretary of State for Justice, Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform. London, 3 December 2018.

10 Ethan Katsh & Orna Rabinovich-Einy, Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. Oxford: University Press, 2017. P. 164.

по телефону или в личных беседах. Следовательно, концепция «права быть услышанным» — ключевого элемента надлежащей правовой процедуры и процессуальной справедливости — также должна быть изменена.

Внедрение цифровых технологий и создание электронного суда во Вьетнаме, возможно, не столкнется с вышеуказанным концептуальным барьером, как в западных странах, потому что вьетнамцы испытывают сильное отвращение к судебным разбирательствам. В отличие от принятого в обычном праве понятия «день в суде», вьетнамцы от прошлого до настоящего времени всегда ценили мирное разрешение споров и всегда неохотно возбуждали гражданский иск в суде, потому что считали, что «в суд должны обращаться только неблагословенные люди». Поэтому, если существует механизм разрешения споров, который является быстрым, эффективным и менее затратным, чем обращение в суд, вполне вероятно, что вьетнамцы с большей легкостью примут такой механизм.

Во-вторых, мировой тенденцией гражданского процесса является сближение розыскной и состязательной моделей. Было показано, что в розыскной системе (inquisitorial system) гражданского правосудия, такой как Китай, принятие электронного суда или онлайн-суда происходит более гладко, чем в состязательных системах, потому что судья в розыскной системе играет активную роль, а письменным доказательствам обычно придается большее значение, чем устные показания, в то время как состязательная система высоко ценит автономию сторон, пассивную роль судьи и устные показания. Однако состязательная модель в настоящее время движется к более активной роли судьи, использованию большего количества письменных доказательств, значительному прекращению судебных процессов, росту медиации и досрочному разрешению дела без суда (например, вынесение суммарных решений в суде США). Таким образом, создание онлайн-судов, которые решают дела в основном на основе доказательств и документов, представленных сторонами онлайн, и проводят меньше слушаний, соответствует современной тенденции гражданского процесса. Цифровая эпоха формирует новую модель гражданского процесса, менее состязательную, более гибкую, более прозрачную и эффективную [8, p. 165].

В-третьих, системы гражданского судопроизводства во всем мире в настоящее время сталкиваются с проблемой увеличения числа сторон, представляющих интересы самих себя (или сторон, выступающих за себя/лично) в гражданских делах, даже в странах, известных своими хорошими юристами, таких как Великобритания или США. Поэтому создание онлайн-судов для рассмотрения простых мелких исков на основе интерактивных платформ, предоставляющих сторонам полезные рекомендации по самостоятельному прохождению гражданского процесса, является настоятельной необходимостью.

В-четвертых, проблема неравенства в доступе к технологиям может быть решена в ближайшем будущем, поскольку по статистике все больше и больше людей используют Интернет и смартфоны, а цифровые технологии становятся все более удобными для пользователей, особенно для молодежи как в городских, так и в сельских районах.

Наконец, «публичное судебное разбирательство» или «открытое правосудие» следует понимать в широком смысле, что не означает буквально, что общественность может лично присутствовать и наблюдать за судебными процессами, но должно означать, что любой может наблюдать за гражданским разбирательством в любое время и место с помощью цифровых средств. В этом смысле цифровые технологии не подрывают принцип публичного судебного разбирательства, а наоборот, помогают реализовать этот принцип более эффективно и осмысленно¹¹.

Таким образом, изменения, происходящие в цифровую эпоху, не могут не отразиться на сфере правосудия, включая появление и внедрение технологических решений, как замещающих, так и дополняющих, с разной степенью правового обеспечения и социальной продуманности.

Последствия таких изменений необходимо оценивать с точки зрения баланса угроз и возможностей, предлагаемых новыми технологиями.

Среди угроз и рисков следует обратить внимание на явные, такие как

- прямые нарушения безопасности,
- вторжение в конфиденциальность,
- структурное разрушение частной жизни.

При этом большой пласт угроз также скрыт, например, манипулятивное воздействие на судебную систему и конкретные процессы, незримый подрыв законности и прав человека, в том числе его авторитета и ценностей.

Вопрос о возможности алгоритмической справедливости, возникающий в связи с использованием искусственного интеллекта разной степени развития и независимости решений, приводит к потенциальным проблемам справедливости.

Широко заявленная беспристрастность и точность алгоритмов противоречат обнаруживаемой предвзятости, преднамеренной или непреднамеренной, которая может привести к системной дискриминации. В то же время алгоритмы содержат потенциал как для выявления таких проблем, так и для улучшения процедурной справедливости. Это могло бы стать предметом дальнейших исследований в области технологических решений для правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Artificial Intelligence and the Legal Profession / Kevin Hood, Executive Director Head of Legal Services, FINEX Global Willis Towers Watson, The Law Society, 2018.
2. Ermakova E. P., Frolova E. E. Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration: the experience of the USA and China. – Moscow: Yurlitinform, 2021.
3. Yastrebov O. A. Artificial intelligence in the legal space // RUDN law journal. 2018.
4. Steve Lohr. Artificial intelligence is Coming for Lawyers, Again // The New York Times, 2023.
5. Ermakova E. P., Frolova E. E. Dispute resolution and artificial intelligence: pros and cons // Collection of materials of the conference “Prospects and problems of development of arbitration proceedings in Russia”. Tver State University, 2020.
6. Ermakova E. P., Frolova E. E., Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration: experience of the USA and China, LLC Publishing House. M.: “Yurlitinform”, 2021. P. 224-224.
7. Ermakova E. P., Frolova E. E., Dispute resolution and artificial intelligence: pros and cons. Tver State University, 2020. P. 29-36.
8. Ethan Katsh and Orna Rabinovich-Einy. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes. Oxford University Press, 2017.
9. Poryvaeva O. V., Some aspects of the impact of digitalization on civil law // The Russian Juridical journal. – 2020. – № 3. – P. 60-62.

11 Lord Chief Justice of England And Wales, Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform, London, 3 December 2018, available at: [Electronic

resource]. – Access mode: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2018/12/speech-lcj-online-court.pdf>.

ЕГОРОВА Варвара Юрьевна

аспирант кафедры трудового права, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО УЧЕТУ И РАССМОТРЕНИЮ ПРИЧИН И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИКРОТРАВМ КАК СПОСОБ ПРЕВЕНЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА

Вслед за общемировыми трендами в сфере охраны и безопасности труда российское трудовое законодательство демонстрирует заметную тенденцию к изменениям, направленным на общую превенцию и профилактику производственного травматизма. Этим обусловлено и появление в Трудовом кодексе РФ обязанности работодателей по учету и рассмотрению причин и обстоятельств, приведших к возникновению микротравм работников и иных лиц, участвующих в производственной деятельности. Несмотря на относительную незначительность и несерьезность последствий каждой отдельно взятой микротравмы для пострадавшего, ее расследование и анализ являются чрезвычайно важным звеном в общей системе управления охраной труда для всей организации в целом. Именно компетентная работа по учету и выявлению недочетов в организации производства, приведших к возникновению микротравм, позволит работодателям не допустить не только повторных микротравм, но и несчастных случаев с уже более тяжкими последствиями. На это указывает не только международная и российская практика расследования несчастных случаев на производстве, но и теоретические исследования в области социолого-психологических аспектов безопасности труда.

Ключевые слова: микротравмы, микроповреждения, несчастные случаи на производстве, производственный травматизм, профилактика производственного травматизма, нулевой травматизм, охрана труда.

EGOROVA Varvara Yurjevna

postgraduate student, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

ORGANIZATION OF WORK ON RECORDING AND EXAMINING THE CAUSES AND CIRCUMSTANCES OF MICRO-INJURIES AS A WAY OF PREVENTING OCCUPATIONAL ACCIDENTS

Following global trends in the field of occupational health and safety, Russian labor legislation demonstrates a notable tendency towards changes aimed at general prevention of occupational injuries. This is also due to the emergence in the Labor Code of the Russian Federation of the obligation of employers to record and consider the causes and circumstances leading to microtraumas of employees and other persons involved in the operational activities. Despite the relative insignificance and non-seriousness of the consequences of each individual microtrauma for the injured person, its investigation and analysis is an extremely important element in the overall occupational health and safety management system for the entire organization. It is the competent work on recording and identifying deficiencies in the manufacturing process that led to the occurrence of microtrauma that will allow employers to prevent not only repeated microtraumas, but also industrial accidents with more serious consequences. This is shown not only by international and Russian practice of investigation of industrial accidents, but also by theoretical research in the field of sociological and psychological aspects of labor safety.

Keywords: microtraumas, micro-injuries, industrial accidents, occupational injuries, prevention of occupational injuries, zero vision, labor protection.

Впервые законодатель ввел понятие микротравмы и установил обязанность работодателей осуществлять учет и рассмотрение причин и обстоятельств, приведших к возникновению микротравм работников, в обновленном разделе X «Охрана труда» ТК РФ, редакция которого вступила в силу с 01 марта 2022 года. Вместе с тем, и до введения в действие указанных законодательных изменений микротравмы изучались и описывались в специализированной литературе по охране и безопасности труда, так что появление данного термина в ТК РФ для многих не стало чем-то радикально новым и неизвестным. Напротив, если ранее специалисты отмечали, что понятие микротравмы очень неопределенно [1, с. 145], то появление его легального определения внесло большую ясность в вопросы отнесения повреждений, полученных работниками и иными участниками производственной деятельности работодателя, к собственно микротравмам.

Статья 226 ТК РФ четко определяет микроповреждения (микротравмы) как «ссадины, кровоподтеки, ушибы мягких тканей, поверхностные раны и другие повреждения, полученные работниками и другими лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя, указанными

в части второй статьи 227 настоящего Кодекса, при исполнении ими трудовых обязанностей или выполнении какой-либо работы по поручению работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем либо совершаемых в его интересах, не повлекшие расстройства здоровья или наступление временной нетрудоспособности». Ключевым признаком приведенного определения, позволяющим квалифицировать повреждение здоровья пострадавшего в качестве именно микротравмы и отграничить его от несчастного случая на производстве, является отсутствие последствий для здоровья и сохранение трудоспособности в полном объеме. Иными словами, после получения микротравмы работник может без каких-либо ограничений продолжать исполнение трудовых обязанностей по своей прежней должности, ему не требуется перевод на другую работу или прохождение лечения в медицинской организации или на дому.

В этой связи возникает резонный вопрос: чем обусловлено повышенное внимание законодателя к микротравмам,

если в результате них работники не претерпевают существенных негативных последствий для своего здоровья?

Прежде всего, в самом ТК РФ отмечается, что учет и рассмотрение причин и обстоятельств, приведших к возникновению микротравм, необходимы в целях предупреждения производственного травматизма и профессиональных заболеваний (ст. 226 ТК РФ). Действительно, после присоединения Российской Федерации к разработанной Международной ассоциацией социального обеспечения (МАСО) Концепции «Vision Zero» (нулевой травматизм), российское законодательство по охране труда получило явно выраженную направленность на превенцию и профилактику производственного травматизма [5, с. 256]. Считается, что страны, присоединившиеся к концепции, должны уделять первостепенное значение не устранению негативных последствий уже произошедших травм или смертей на производстве, а прежде всего проводить работу, нацеленную на недопущение несчастных случаев и профессиональных заболеваний как таковых [6, р. 17-19].

В развитие данной идеи в российском законодательстве закреплён такой принцип обеспечения безопасности труда как предупреждение и профилактику опасностей (ст. 209.1 ТК РФ), а в качестве одного из основных направлений государственной политики в области охраны труда называется предупреждение производственного травматизма и профессиональных заболеваний (ст. 210 ТК РФ).

С учетом этого, справедливым видится суждение, что «возникновение микроповреждений (микротравм) у работников свидетельствует о наличии недостатков в организации системы управления охраной труда» [5, с. 256] и именно работа по учету и выявлению недочетов в организации производства, приведших к возникновению микротравм, позволит работодателю не допустить не только повторных микротравм, но и несчастных случаев с уже более тяжкими последствиями.

Данное мнение еще в 1930-х гг. высказывалось учеными, исследующими социолого-психологические аспекты безопасности труда. Так, советские психотехники подчеркивали важность изучения микротравм, отмечая, что именно они являются наиболее ценным индикатором склонности человека к несчастным случаям [4, с. 76]. Той же позиции придерживались и зарубежные исследователи, в том числе доктор психологических наук, профессор Тартуского университета М. А. Котик. В своем анализе ученый пришел к выводу, что тяжесть несчастных случаев не является определяющим критерием для оценки уровня защищенности работников от производственного травматизма. По его мнению, значащую информацию несут повторяющиеся травмы, в том числе микротравмы, зачастую являющиеся предвестниками травматизма с тяжелым исходом [1, с. 144].

Интересны статистические примеры, которыми авторы обосновывали свои суждения. Например, рассуждая об опыте одного машиностроительного завода в изучении причин трудового травматизма, В. И. Лихтенштейн, В. В. Конашков указали, что за 5-летний изучаемый период работники данного завода получили 3065 различных повреждений, главным образом микротравм, из которых только 190 являлись несчастными случаями на производстве и были зафиксированы актами по форме Н-1 [4, с. 76].

Другой пример, приводимый учеными: «столяр деревообделочного цеха, работая на механической пиле, вопреки инструкциям передвигал заготовки рукой, вместо того, чтобы пользоваться специальным толкателем. Из-за неудачного

движения он получил серьезную травму руки – отсечение пальца. Расследование показало, что пострадавший примерно 20 раз в день работал неправильно, т.е. без применения специального толкателя. На протяжении 3 месяцев он рисковал поранить руку примерно 1500 раз и 350 раз был «на волосок» от крутящегося круга пилы. Причем 40 раз он получал мелкие травмы, которые требовали оказания амбулаторной помощи. К моменту получения серьезной травмы соотношение опасного поведения, бестравматических несчастных случаев и тяжелых травм составило 1500 : 350 : 40 : 1» [4, с. 78].

Именно поэтому, в рамках общей парадигмы международного и отечественного законодательства по превенции производственного травматизма, нововведения ТК РФ стоит оценить исключительно позитивно. Разумно предположить, что возложенная на работодателей обязанность по учету и рассмотрению причин и обстоятельств, приведших к микротравмам работников, будет стимулировать ответственных за охрану труда лиц осуществлять работу по своевременному выявлению опасностей (профессиональных рисков), повлиявших на получение работниками незначительных повреждений, и принятию мер, направленных на их устранение.

Каким образом по смыслу законодательства должна быть построена такая работа? Поскольку изменения в ТК РФ вступили в силу около 3-х лет назад, многие работодатели уже успели выстроить и апробировать внутреннюю процедуру учета и рассмотрения причин и обстоятельств микротравм. На правительственном уровне были приняты Рекомендации по учету микроповреждений (микротравм) работников, утв. Приказом Минтруда России от 15.09.2021 г. № 632н (далее – Рекомендации). Однако, в отличие от собственно несчастных случаев на производстве, где важно строгое следование установленному порядку и использование строго утвержденных форм документов, прежде всего акта Н-1, здесь работодателям дается больше свободы: работодатели самостоятельно определяют порядок расследования и учета микротравм работников и иных участников своей производственной деятельности, «исходя из специфики своей деятельности, достижений современной науки и наилучших практик, принятых на себя обязательств» [2, с. 34].

Основанием для учета и рассмотрения обстоятельств и причин, приведших к возникновению у работника микротравмы, является обращение самого работника к своему непосредственному или вышестоящему руководителю, представителю работодателя (ч. 3 ст. 226 ТК РФ). Закон прямо не предусматривает, что обращение от работника должно поступить именно в форме письменного заявления. Рекомендации также советуют работодателям принимать от пострадавшего обращение, сделанное любым доступным способом, не настаивая сугубо на письменной форме. Однако на практике крайне желательно запрашивать у работника именно письменное заявление, чтобы четко зафиксировать как дату и время самой микротравмы, так и дату обращения пострадавшего к работодателю с просьбой провести расследование. В отсутствие письменного заявления, факт обращения работника лучше зафиксировать в переписке в корпоративных мессенджерах или по электронной почте.

По общему правилу, при рассмотрении обстоятельств и причин микротравмы с работника истребуются письменные объяснения, производится осмотр места происшествия, опрос очевидцев. Не лишним будет отметить, что в качестве одного из прав работника в области охраны труда ТК РФ гарантирует пострадавшему личное участие в рассмотрении

причин и обстоятельств событий, приведших к возникновению микроповреждений (микротравм) (ст. 216 ТК РФ).

По итогам проведенных мероприятий составляются справка или акт, в которых подробно излагаются обстоятельства получения пострадавшим повреждений, причины, приведшие к микротравме, и анализируются способы устранения данных причин в дальнейшем. Как упоминалось выше, работодатели вправе самостоятельно определять порядок расследования и учета микротравм в организации, поэтому форма документов о рассмотрении причин и обстоятельств микротравмы может быть любой. Лучше, если используемая в компании форма справки, акта или иного документа будет утверждена приказом (распоряжением) или в качестве приложения к локальному нормативному акту об учете и расследовании микротравм. Также, во избежание дополнительных вопросов со стороны Государственной инспекции труда (далее – ГИТ) и иных контрольно-надзорных органов работодателям следует включить в такую форму всю информацию, предлагаемую для отражения в справке о рассмотрении причин и обстоятельств, приведших к возникновению микротравмы в Рекомендациях. В частности, рекомендуемая форма сейчас содержит в себе следующие данные:

- Ф.И.О., год рождения, должность, структурное подразделение, стаж работы по специальности пострадавшего работника;
- место, дата и время получения работником микротравмы;
- действия по оказанию первой помощи;
- характер (описание) микротравмы и обстоятельства ее получения;
- причины, приведшие к микротравме;
- предложения по устранению указанных причин;
- Ф.И.О., должность и подпись уполномоченного лица по расследованию микротравмы, а также дата [3].

Если иное не установлено локальными нормативными актами работодателя, на фиксацию микротравмы работника у работодателя есть 3 календарных дня, при необходимости срок может быть продлен, но не более чем на 2 календарных дня [2, с. 35].

Таким образом, на наш взгляд, чтобы обеспечить учет и рассмотрение причин и обстоятельств микротравмы не только в полном соответствии с законодательством, но и наиболее эффективным образом, работодателям следует:

- 1) Принять локальный нормативный акт об учете и расследовании микротравм и ознакомить с ним всех работников, на которых распространяется его действие.
- 2) Утвердить формы справки или акта о рассмотрении причин и обстоятельств, приведших к возникновению микротравмы, и журнала регистрации или учета микротравм. За основу могут быть использованы формы документов, являющиеся приложениями к Рекомендациям.
- 3) Как уже было отмечено выше, в соответствии со ст. 226 ТК РФ основанием для учета микротравмы работника и рассмотрения обстоятельств и причин ее возникновения является обращение пострадавшего к своему руководителю или к иному представителю работодателя (специалисту по охране труда, медицинскому работнику). Вместе с тем, учитывая особую значимость учета микротравм для целей профилактики, рекомендуется проводить рассмотрение причин и обстоятельств микротравм по факту любого повреждения работника или иного участника производственной деятельности работодателя, о котором стало известно работодателю из любых источников (от службы охраны труда, меди-

цинской службы, других работников той же смены и т.д.). Материалы расследования в данном случае будут являться доказательством должного реагирования работодателя на происшествие и могут впоследствии быть представлены в ГИТ, Прокуратуру и иные контрольно-надзорные органы по их запросу. Как правило, такая необходимость возникает, когда ГИТ запрашивает информацию о потенциально сокрытом несчастном случае на производстве на основании информации, поступившей ей из медицинской организации (если по результатам микротравмы работник обращался к врачу, даже если больничный лист не был открыт), скорой медицинской помощи или заявления самого пострадавшего.

Пристатейный библиографический список

1. Елисеев С. А. Психология аксидентальных способностей в профессиональной деятельности: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.03. – Санкт-Петербург, 1998. – 259 с.
2. Елфимова Е. В., Миннегалиева Л. И. Микроповреждения (микротравмы) работников: причины и порядок проведения расследований // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2022. – № 5. – С. 33-37.
3. Куролес И. Расследование, оформление и учет микротравм работников // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2022. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delo-press.ru/journals/staff/pravovoe-obespechenie-deyatelnosti/61507-rassledovanie-oformlenie-i-uchet-mikrotravm-rabotnikov/> (дата обращения: 21.01.2025).
4. Лихтенштейн В. И., Конашков В. В. Психология безопасности труда: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению 280700 - Техносферная безопасность. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. – 134 с.
5. Серегина Л. В. Охрана труда в Российской Федерации: научно-практический комментарий к разделу X Трудового кодекса Российской Федерации (постатейный). – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2023. – 312 с.
6. Alli B. O. Fundamental principles of occupational health and safety / Benjamin O. Alli; International Labour Office. – Geneva: ILO, 2008. – 221 p.

ИВЛЕВА Юлия Ивановна

младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права, Российская академия наук

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассмотрена эволюция экологической доктрины как концептуальной основы правового регулирования экологических отношений с акцентом на роль конституционного регулирования в их формировании и развитии. Проведен анализ ключевых этапов становления и трансформации данного института, показано соответствующее влияние особенностей социально-экономического развития, изменений в национальном и международном правовом поле. По итогам проведенного исследования определены перспективные направления для дальнейших научных исследований в данной сфере, сделан вывод о трансформации отношения государства и общества к экологическим вопросам.

Ключевые слова: экологические правоотношения, правовая доктрина, конституционное регулирование, экологическая безопасность, глобализация, Конституция РФ.

IVLEVA Yuliya Ivanovna

junior researcher of the Sector of constitutional law and constitutional justice, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

EVOLUTION OF ENVIRONMENTAL DOCTRINE. THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF CONSTITUTIONAL REGULATION

The article describes the evolution of environmental doctrine as a conceptual basis for the legal regulation of environmental relations, with a focus on the role of constitutional regulation in their formation and development. The author analyses the key stages of formation and transformation of this institution, shows the corresponding influence of the peculiarities of socio-economic development, changes in the national and international legal field. Based on the results of the study, the author identifies promising directions for further scientific research in this area and concludes that the attitude of the state and society to environmental issues is transforming.

Keywords: environmental legal relations, legal doctrine, constitutional regulation, environmental safety, globalization, Constitution of the Russian Federation.

Ивлева Ю. И.

Рост экологических угроз, активно нарастающих в последние десятилетия, обуславливает необходимость создания эффективной правовой основы, способной должным образом регламентировать экологические правоотношения. Экологические правоотношения представляют собой общественные отношения в сфере охраны окружающей среды, урегулированные нормами права и направленные на достижение экологических интересов различных субъектов, таких как человек, общество, государство. Характер обозначенных правоотношений в различные периоды развития отечественного государства претерпевал существенные изменения, что связано с трансформацией отношения общества к экологии и экологическому праву как таковому.

Доктрина экологических правоотношений как специальное учение, совокупность постулатов, научных позиций, выступает определенным ответом на глобальные вызовы современности. Обозначенные теоретические основы прошли этапы концептуального становления, дальнейшей систематизации, а также адаптации к существующим правовым основам и правоприменительным практикам.

Для интерпретации характера современной динамики в доктрине экологического права необходимо понимать условия, при которых происходило становление и преобразование экологических отношений в целом. Традиционно развитие экологических правоотношений тесно связано с нарастанием производственных отношений, оказывающих влияние на качественную и количественную составляющую окружающей природной среды. Кроме того, достаточно продолжительный период времени взаимодействие приро-

ды и человека или общества рассматривалось в роли вспомогательного аспекта, необходимого для реализации различных имущественных прав, таких как право на землю, на природные ресурсы и т.д.

Устоявшимся научным мнением выступает то обстоятельство, что «по мере развития технического прогресса, сопровождающегося негативным глобальным воздействием человека на природу, увеличивается актуальность охраны и восстановления окружающей среды, причем не только для сохранения природы, но и для выживания самого человека» [3]. Проявление экологически неблагоприятных последствий, их негативное влияние на жизнь и здоровье человека, сокращение численности представителей животного и растительного мира предопределили возникновение новой функции государства – экологической. Именно наличие общественной потребности обусловило становление нового направления государственной деятельности, о чем пишем в своих трудах доктор юридических наук, профессор, а также заместитель министра земельных и имущественных отношений Республики Башкортостан Р. Х. Гизатуллин [1].

В начале 70-х годов XX века произошло коренное преобразование научной мысли, а затем и законодательства. Происходило активное формирование отраслевого кодифицированного законодательства, которое в последующем выступило основой для положений Конституции СССР 1977. Именно посредством обозначенного Основного закона государства было отражено изменение отношения к экологии, а также закреплено наличие у государства особой экологической функции. Статья 18 Конституции СССР 1977 г. гласит

следующее: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Постепенно нарастал интерес ученых к вопросам экологии, сформировалось понимание необходимости разработки экологических норм, в том числе превентивного характера. Повышенное внимание к вопросам экологии уделялось не только на национальном, но и на международном уровне, в частности, в Резолюции 42/186 Генеральной Ассамблеи ООН¹ указано, что «за прошедшее десятилетие возросло осознание важности экологических проблем. Это осознание возникало среди правительств по мере их обращения к решению экологических проблем самостоятельно, на двустороннем, региональном и глобальном уровнях».

Одним из ключевых моментов, оказавшим влияние на развитие современной доктрины выступило принятие Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Выдвинутые цели и задачи были призваны «стимулировать в ближайшие 15 лет деятельность в областях, имеющих огромное значение для человечества и планеты²». Отечественная и зарубежная правовая доктрина в большей или меньшей степени находит экологический компонент в каждой из заявленной цели.

Существенные изменения претерпел как подход к экологическим правоотношениям, так и к экологическому праву, которое в настоящий момент в отечественной доктрине представлено в качестве самостоятельной и приоритетной области, которая направлена на защиту природы, экологической обстановки как самостоятельного блага. Однако, оно по-прежнему продолжает оставаться «лишь отражением экономического, энергетического, общественного и экологического дискурса» [2]. Наличие надлежащей нормативно-правовой основы, упорядочивающей соответствующие общественные отношения – это крайне необходимое условие для достойной охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации и во всем мире. В связи с чем развитие, постоянное совершенствование доктрины экологических правоотношений, посредством которой происходит формирование различных концепций, принципов, механизмов и т.д., является необходимым условием для дальнейшего совершенствования законодательства.

Одним из самостоятельных вопросов, требующих особого внимания, является «обеспечение экологической безопасности». Данное направление получило новый вектор развития в связи с внесением поправок в Конституцию РФ в 2020 году. Конституционные нормы играют ключевую роль в обеспечении указанного направления безопасности, формировании экологической ответственности государства и граждан, а также интеграции экологических стандартов в экономическую и социальную политику. В современной доктрине, активно разрабатываемой выдающимися представителями научного мира, такими как Е. Н. Абанина, Д. С. Велиева, Е. В. Виноградова, А. К. Голиченков, Н. Г. Жаворонкова, О. И. Краснова, Е. А. Сухова, А. Г. Шмаль, Ю. Г. Шпаковский, особое внимание уделено именно данному направлению

государственной политики в сфере экологии. Согласно положению статьи 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность выступает в качестве состояния «защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий³». Научные дискуссии посвящены различным правовым конструкциям данного института, в частности понятию «экологическая безопасность», специальным принципам и необходимости их закрепления на уровне конституционного или отраслевого законодательства, механизмам и способам их реализации и иным.

Кроме того, научная доктрина активно складывается относительно таких аспектов экологических правоотношений как:

- проблема глобализации экологических правоотношений;
- специфика цифровизации экологических правоотношений;
- институт непреложности и самостоятельности экологических прав;
- совершенствование института ответственности за экологические правонарушения и преступления и иное.

Теоретико-правовой анализ доктрины экологических правоотношений позволяет сформировать мнение о наличии глубокой трансформации правовой парадигмы. Экологические правоотношения перестают быть второстепенными, их роль существенно возрастает, что безусловно оказывает влияние на развитие доктрины и системы законодательства. Научное обоснование моделей должного поведения способствует дальнейшему совершенствованию правовой базы, направленной на непосредственное обеспечение экологической безопасности, охрану окружающей среды. Кроме того, развитие правовой доктрины оказывает существенное влияние на участие граждан в мероприятиях, направленных на поддержание благоприятной экологической обстановки, на предотвращение негативных экологических последствий и т.д. Целесообразное и сонаправленное участие частных и публичных субъектов общественных отношений служит залогом достижения экологических задач.

Пристатейный библиографический список

1. Гиззатуллин Р. Х. Экологическая функция государства и обеспечение экологической безопасности // Труды ИГП РАН. Актуальные проблемы экологического права. – М.: Ин-т гос. и права РАН, 2010. – № 2. – С. 71.
2. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Доктрина экологического права: теоретико-методологические проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 5. – С. 28.
3. Экологическое право: учебник / Под ред. С. А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 16.

1 Резолюция 42/186 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1987 г. «Экологическая перспектива на период до 2000 года и далее». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/environmental_perspective_2000.shtml.

2 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 г. № 70/1. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/upload/archive/59cc2d203768087f4432b40010doacd1.pdf>.

3 Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г. № 2 ст. 133.

ПАПКОВ Сергей Сергеевич

старший специалист, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Все виды поверхностных водных объектов представлены на территории Арктической зоны Российской Федерации. Воды Арктики являются основой, определяющей состояние природы и климата. Биологические и минеральные ресурсы, логистическое преимущество, колоссальный запас пресных вод – это те факторы, которые обеспечивают повышенный интерес государства и бизнеса к пользованию арктическими водами. Водная среда Арктики особым образом уязвима перед антропогенным воздействием, последствия которого сложно устранить в силу климатических условий. Данное исследование посвящено выявлению проблем, связанных с правовым обеспечением устойчивого водопользования в российской Арктике.

Ключевые слова: Арктика, водное право, концепция устойчивого развития, устойчивое водопользование, экологическая безопасность.

Панков С. С.

PAPKOV Sergey Sergeevich

senior specialist, Institute of Legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

ENSURING SUSTAINABLE WATER USE IN THE RUSSIAN ARCTIC

All types of surface water bodies are represented on the territory of the Russian Arctic. Arctic waters are the basis determining the state of nature and climate. Biological and mineral resources, a logistical advantage, and a huge supply of fresh water are the factors that ensure the increased interest of the state and business in the use of Arctic waters. The Arctic water environment is particularly vulnerable to anthropogenic impact, the consequences of which are difficult to eliminate due to climatic conditions. This study is devoted to identifying problems related to the legal provision of sustainable water use in the Russian Arctic.

Keywords: Arctic, water law, the concept of sustainable development, sustainable water use, environmental safety.

Приближается тридцатилетие реализации Российской Федерацией основных принципов концепции устойчивого развития¹. Устойчивое водопользование является значимой составляющей поддержания экологической устойчивости в целом. Особую актуальность имеет обеспечение устойчивого водопользования в пределах природно-уязвимых территорий. С точки зрения территориального развития Арктика представляет собой обособленный объект государственного регулирования – отдельный макрорегион, выступающий в качестве приоритетной геостратегической территории, в рамках которой реализуются как территориальные, так и отраслевые схемы управления [8, с. 569].

Водопользование, в широком понимании, это использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей общества в обеспечении питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, сброса сточных вод, производства электрической энергии, функционирования водного и воздушного транспорта, а также иных нужд хозяйственной деятельности. В Модельном Водном Кодексе для государств-участников СНГ под устойчивым водопользованием понимается «планирование, принятие и выполнение государством и общественностью мер и мероприятий, направленных на охрану и улучшение качественного и количественного состояния вод и водных объектов, отвечающих по-

требностям настоящих и будущих поколений»². К основным показателям, свидетельствующим о достижении устойчивости водопользования, можно отнести: безопасность, технологичность, экологичность, возобновляемость, непрерывность, высокую долю оборотного использования вод, качественное соответствие вод нормативным требованиям.

Реализация федеральных проектов «Чистая вода», «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение уникальных водных объектов» в рамках Национального проекта «Экология» соотносится с целями устойчивого развития. Интересен тот факт, что в России с 2015 г. по 2018 г. на 73% увеличилась площадь особо охраняемых природных территорий федерального значения, приходящихся на морскую акваторию [3, с. 211]. С 2020 по 2024 года в России увеличилось число разрабатываемых показателей целей устойчивого развития с 79 до 123 соответственно. К примеру, если в 2020 году в разделе «чистая вода и санитария» разрабатывались 3 из 11 показателей, то в 2024 году уже 5 из 11 [3, с. 210]³. Однако, несмотря на значительный рост показателей в целом, в таких разделах, как «Ответственное потребление и производство» и

1 Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 года № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1548498/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

2 Модельный водный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (Принят в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 года Постановлением 27-10 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70691760/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

3 Росстат: «Статус разработки показателей ЦУР». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

«Сохранение морских экосистем» положительная динамика не наблюдается, поэтому вопрос о реализации показателей из этих разделов должен находиться в центре внимания при принятии документов государственного планирования.

Понятие и принципы устойчивого развития не находят должного отражения в федеральном законодательстве, вместе с тем, некоторые положения концепции устойчивого развития являются элементами арктических документов стратегического планирования [4, с. 90]. В документах стратегического планирования признается повышенная чувствительность арктической экологической системы к внешним воздействиям, а также важность минимизации сбросов загрязняющих веществ в водные объекты. Одновременно с этим в арктическом разделе Морской доктрины⁴ и в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации⁵ вопросам хозяйственного освоения региона отводятся непропорционально большие фрагменты текста, чем вопросам охраны природы, перечисляются конкретные проекты, связанные с ведением хозяйственной деятельности и напротив перечень природоохранных мероприятий выглядит достаточно абстрактным. На фоне планов и программ освоения ресурсов Арктической зоны Российской Федерации (Далее – АЗ РФ) вопросы экологии зачастую уходят на второй план, прослеживается парадигма «больше взять, чем дать». Контроль реализации положений документов стратегического планирования осуществляется недостаточным образом.

Согласимся с Н. Г. Жаворноковой и В. Б. Агафоновым в том, что «... с правовой точки зрения сохранение арктической природы требует фундаментального изменения стратегии и принципов управления природными ресурсами региона» [2, с. 121]. Губернатор Мурманской области А. В. Чибис 17 декабря 2024 года в рамках форума «Кристалл роста: к русскому экономическому чуду» предложил⁶ для достижения целей, которые поставил Президент (ускоренный экономический рост АЗ РФ и развитие Северного морского пути), начать реализацию национального проекта «Северный морской путь и Арктика»⁷. Предполагается, что в рамках нового национального проекта будут объединены управленческие и финансовые ресурсы, которые позволят осуществить мероприятия, направленные на опережающее развитие АЗ РФ и Северного морского пути. Отметим, что особый акцент в настоящем национальном проекте должен быть сделан на обновлении водного транспорта, что позволит сократить риски возникновения аварий в акватории Северного морского пути.

Вопрос обеспечения рационального водопользования в российской Арктике стал актуальным ещё до появления концепции устойчивого развития в 1992 г. Водная среда Арктики особенным образом уязвима перед антропогенным воздействием, последствия которого сложно устранимы в силу климатических условий. В трудах советских ученых [16] высказывались предложения к принятию дополнительных мер,

которые способствовали бы усилению охраны арктической природы в целом и арктических вод в частности. Однако такие проблемы, как сброс неочищенных сточных вод, устаревшие технологии водопользования, износ очистных сооружений и водопроводных систем остаются нерешенными.

В постановлении Совета Министров РСФСР от 20 марта 1981 года № 158 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов арктического бассейна от загрязнения» были озвучены, во многом, те проблемы, с которыми регионы, входящие в АЗ РФ, сталкиваются и сегодня: «...министерства и ведомства РСФСР не обеспечивают проведения во всех подведомственных им объединениях, на предприятиях и в организациях, расположенных в Арктическом бассейне, мероприятий по максимальному сокращению количества сбрасываемых неочищенных сточных вод и снижению их загрязненности, слабо внедряют прогрессивную технологию производства, предотвращающую загрязнение вод, медленно решают вопросы комплексной переработки сырья и утилизации отходов».

По данным Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации за 2022 год⁸ в бассейнах таких северных рек, как Северная Двина, Печора, Онега, Мезень, Кама расположено значительное число промышленных предприятий, выбросы сточных вод которых ухудшают состояние перечисленных рек. Воды многих водоемов оцениваются как загрязненные или грязные. На состояние арктических водных объектов значительное воздействие оказывают предприятия энергетической, нефтеперерабатывающей, угледобывающей, газодобывающей, лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности. В докладе отмечено, что к потенциальным источникам загрязнения водоемов и водотоков относятся полигоны твердых бытовых и промышленных отходов, животноводческие комплексы, площадки промышленных предприятий, территории населенных пунктов, недостаточная мощность очистных сооружений и их неэффективное использование.

Юридическая наука сегодня становится все более восприимчива к достижениям других отраслей научного знания, как естественного, так и гуманитарного [7, с. 37]. Исследование В. Ф. Фоминой [15] показывает: основной объем водопотребления в АЗ РФ обеспечивается производственными нуждами; речной сток характеризуется быстрой возобновляемостью, однако более 60% речного стока образуется в течение трех месяцев; доля водозабора во всех северных регионах не превышает 10 % от объема речного стока (самая высокая в Мурманской области (1,87 %)), что является показателем «низкого уровня водного стресса». Во всех регионах АЗ РФ происходит процесс снижения интенсивности забора воды. В исследовании также сделан вывод, что водопользование менее устойчиво в республиках Карелия и Коми (вследствие снижения экономических показателей), Ямало-Ненецком АО (из-за увеличения водозабора).

Д. В. Магрицкий также отмечает [6], что основными водопотребителями в регионах АЗ РФ являются промышленность, тепловая и атомная энергетика, сельское и коммунальное хозяйство. Самый высокий уровень потребления воды и отведения сточных вод в бассейнах арктических рек России фиксировался во второй половине 1970-х и в 1980-х годах. В

4 П. 50 Указа Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 года № 512 «Об утверждении морской доктрины Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/405077499/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

5 Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645 «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

6 Андрей Чибис предложил запустить нацпроект «Северный морской путь и Арктика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/6150814/> (дата обращения: 15.12.2024 г.).

7 С 1 октября 2018 года по 31 декабря 2024 года действовал федеральный проект «Развитие Северного морского пути».

8 Министерство природных ресурсов и экологии РФ: «Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации за 2022 год». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022_/ (дата обращения: 22.12.2024 г.).

настоящем имеющиеся объемы водопотребления сравнительно небольшие и они не влияют на уровень арктических рек и приток речных вод в моря российской Арктики. Однако учет забора и сброса речных, озерных и подземных вод ведется не точно и хаотично. Мониторинг изменений речного стока и других последствий человеческой деятельности, нарушающих природное состояние водных объектов, также ведется недостаточным образом.

Вопросы регулирования использования и охраны водных ресурсов должны решаться в контексте учета таких терминов, как «экологическая безопасность», «охрана окружающей среды», рациональное природопользование». Е. Н. Абанина и Е. А. Сухова определяют восемь внутренних угроз формирования экологической устойчивости [14, с. 161]. Обратим внимание на некоторые из них: неэффективность экологического надзора (контроля) и ослабление экологического законодательства, без соблюдения которого невозможно обеспечить благоприятных экологических условий. В настоящее время численность инспекторского состава региональных подразделений Федеральной службы по надзору в сфере природопользования крайне мала, отсутствуют данные, которые могли бы свидетельствовать о результативности работы региональных подразделений. Публикуется информация о количестве рассмотренных обращений, но нет фактических сведений о конечных результатах работы с обращениями. Периодичность проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий определяется категориями риска [10, с. 78].

В этой связи интересен опыт одного из ведущих мировых экспортеров углеводородного сырья – Королевства Норвегии (далее – Норвегия), где морская нефтедобыча осуществляется с конца 1960-ых годов в акваториях Северного и Норвежских морей. Правовой режим Норвегии по охране вод при морской добыче нефти основывается на эффективной государственной системе контроля (надзора). Контроль за соблюдением нефтедобывающими организациями, установленных норвежским законодательством норм, осуществляют как профильные государственные органы (Министерство окружающей среды; Министерство нефти и энергетики), так и значительный ряд иных государственных органов (Министерство труда и социальных дел, Министерство климата и окружающей среды, Министерство здравоохранения и социального обеспечения и др.). Государственная проверка может быть начата в любой момент. Государственный инспектор имеет доступ ко всем объектам лицензиата, а также может находиться на судах и объектах неограниченное количество времени. Государственный орган может приглашать к сотрудничеству частные юридические и физические лица для оказания помощи в надзоре за нефтяным бизнесом, а на лицензиата возложены обязанности по транспортировке представителей надзорного органа на объекты нефтедобычи и возмещения расходов, связанных с надзорной деятельностью [11, с. 97].

Состояние арктических вод имеет прямое влияние на климат планеты, поскольку значительный объем холодных вод и льда в Северном Ледовитом океане производит стабилизирующий эффект. Однако, он же (Северный Ледовитый океан) аккумулирует загрязнение Северного полушария, что приводит к истощению биологических ресурсов и снижению устойчивости арктической экосистемы. Помимо того, что природа Арктики уязвима перед антропогенным воздействием, она также очень чувствительна к изменениям климата. Потепление в Арктике происходит в 2-3 раза быстрее, в сравнении с мировыми показателями. Таяние вечной мерзлоты приводит к размыванию берегов и разрушению инфра-

структуры. Многие правовые положения о предупреждении изменений климата обладают «мягкой силой» и не всегда носят категорический характер, но в условиях выполнения задач по устойчивому экономическому развитию АЗ РФ не могут игнорироваться. В настоящий период адаптация законодательных мер к климатическим и иным экологическим вызовам в Арктике происходит медленно, лишь предполагая создание основы правового регулирования [13, с. 178-180]. Усиление правовой охраны вод арктического бассейна является существенным фактором в обеспечении правового регулирования предупреждения изменений климата.

Использование водных ресурсов является неотъемлемой частью пространственного развития и представляет процесс совершенствования системы водопользования в согласовании с деятельностью по территориальной организации экономики и расселения. Освоение водных объектов и их бассейнов – это создание условий для их дальнейшего эффективного использования. Согласно требованиям законодательства данное использование должно быть рациональным и неистощительным по своему характеру [12, с. 167]. Объекты водохозяйственной, транспортной, энергетической инфраструктуры должны иметь максимально выгодную локацию, а также способствовать процессам сохранения, восстановления и улучшения водного фонда. Поэтому размещение объектов разных отраслей экономики должно быть научно обосновано. Однако на практике, по ряду причин (недофинансирование, нехватка специалистов), не все водные объекты занесены в Государственный водный реестр, а обновление данных по уже находящимся на учете осуществляется несвоевременно. Также имеются сложности со своевременным принятием Схем комплексного использования и охраны водных объектов [12, с. 155-157].

Устойчивое водопользование в Арктике должно также обеспечиваться сохранением морских млекопитающих и среды их обитания. Морские воды Арктики являются ареалом обитания белухи, гренландского кита, белого медведя, кольчатой нерпы и других млекопитающих. Арктические млекопитающие обитают в пределах континентального шельфа, и, как правило, их лежбища находятся в 10–20 милях от береговой линии. Данная часть континентального шельфа представляет наибольший экономический интерес. Однако интенсивное судоходство, шум, исходящий от вертолетов и судов, разработка месторождений могут разрушить привычную среду обитания млекопитающих. Для решения данной проблемы, необходимо поддержать идеи М. В. Пономарева в части установления гибкого правового механизма, регулирующего создание и функционирование рыбохозяйственных заповедных зон, а также в части внесения изменений в законодательство, направленных на возврат упраздненных ранее в рамках «регуляторной гильотины» специальных зон охраны морских млекопитающих [11, с. 322].

Вопрос о необходимости установления специального правового режима природопользования, который позволит создать условия для обеспечения экологической безопасности в Арктике, ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ исследовали уже в 2010 году [5, С. 468]. Одним из первых данную проблему исследовал Д. О. Сиваков, предложивший, сообразно имеющимся вызовам, разработать и принять Федеральный закон «О деятельности Российской Федерации в Арктике». Согласно предложенному подходу включение в отраслевые законы специальных глав может привести к потере концептуального подхода законодателя к экологическим проблемам Арктики, а разработка технических регламентов, охватывающих

арктическую деятельность, представляет долговременный процесс. В законе, как отмечает Д. О. Сиваков, целесообразно предусмотреть более строгие экологические требования не только к недропользованию (в особенности к добыче углеводородов), но и к деятельности торгового и рыболовного флота [1, с. 57].

На основании вышеизложенного отметим следующее:

во-первых, устойчивое водопользование, прежде всего, должно быть обеспечено в пределах природно-уязвимых территорий, а именно в регионах входящих в АЗ РФ;

во-вторых, Российская Федерация постепенно увеличивает число разрабатываемых показателей целей устойчивого развития. При разработке арктических документов государственного планирования особое внимание необходимо уделить на разделы «Ответственное потребление и производство» и «Сохранение морских экосистем»;

в-третьих, в готовящемся национальном проекте «Северный морской путь и Арктика» необходимо предусмотреть меры обеспечения устойчивого водопользования, а именно в части поддержания безопасного судоходства в акватории Северного морского пути. Особый акцент должен быть сделан на обновлении водного транспорта, что позволит сократить риски возникновения аварий;

в-четвертых, устойчивое водопользование в АЗ РФ можно обеспечить, только при эффективном экологическом контроле (надзоре) за соблюдением экологического законодательства. Для этого, необходимо значительно увеличить численность инспекторского состава, а также расширить его полномочия;

в-пятых, необходимо организовать усиленный мониторинг и учет образующихся рек, ручьев, озер и болот, которые со временем будут вовлечены в хозяйственный оборот, обеспечить научно-обоснованное использование водных объектов в АЗ РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Купряшкин Ю. В., Сиваков Д. О. Арктика и право в вопросах и ответах: научно-практическое пособие. – М.: ДиЭмЭйДжи Принт, 2014. – 315 с.
2. Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования природопользования в Арктике // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 7 (140). – С. 114-124. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.140.7.114-124. – EDN XULFWP.
3. Ведышева Н. О., Мухлынина М. М. Правовое регулирование реализации отдельных целей устойчивого развития ООН в России как противодействие современным угрозам экологической безопасности и природопользования // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 10 (190). – С. 209-212. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_10_209.
4. Доронина А. К. Охрана окружающей среды Арктики в аспекте устойчивого развития региона // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_89. – EDN EFVFNK.
5. Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М., 2010. – 734 с.
6. Магрицкий Д. В. Водопотребление на водосборах арктических рек и в Арктической зоне Российской Федерации: параметры, структура, многолетняя динамика // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. – 2019. – № 3. – С. 20-37.

7. Мотова Е. А. Государственный интерес в аспекте современных международных отношений // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 35-44. – DOI 10.17816/RJLS112606. – EDN BKQNZ.
8. Авхадеев В. Р., Азарова Е. Г., Андриченко Л. В. и др. Научные концепции развития российского законодательства: монография / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2024. – 656 с. – DOI 10.12737/2127734.
9. Папков С. С. Правовая охрана вод при морской добыче нефти в полярных условиях (опыт Норвегии и России) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 90-102. – DOI 10.61205/S199132220028355-6. – EDN KWRZUT.
10. Папков С. С. Правовые аспекты охраны и использования вод Арктической зоны Российской Федерации // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7 (223). – С. 78-80. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_76. – EDN OENOMQ.
11. Пономарев М. В. Правовая охрана морской среды от загрязнения в местах обитания морских млекопитающих // Морские исследования и образование (MARESEDU-2021): Труды X Международной научно-практической конференции, Москва, 25-29 октября 2021 года. Том III. – Тверь: ООО «ПолиПРЕСС», 2021. – С. 318-323. – EDN AXNRAW.
12. Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств – участников СНГ: монография / Отв. ред. Е. А. Галиновская, М. В. Пономарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2022. – 456 с. – DOI 10.12737/1867001.
13. Боголюбов С. А., Никонов Р. В. Правовое регулирование предупреждения изменений климата в России и зарубежных странах: монография / Под общ. ред. проф. С. А. Боголюбова; предисл. Ю. А. Тихомиров; закл. Н. В. Кичигин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2025. – С. 178-180. – DOI 10.12737/2174410.
14. Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития: монография // – М.: Юстицинформ, 2022. – 222 с. – ISBN 978-5-7205-1811-0. – EDN NWACLR.
15. Фомина В. Ф. Оценка водопользования северных регионов России по критериям устойчивого развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – Т. 26, № 4(82). – С. 157-174. – DOI 10.37614/2220-802X.4.2023.82.011. – EDN CNLYIM.
16. Сыроечковский Е. Е. Современные проблемы охраны природы Крайнего Севера. – М.: О-во «Знание», 1984. – 54 с. @@ Тимофеев Л. А. Комплексное использование вод: Правовые вопросы / Под ред. В. Н. Демьяненко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1985 (1986). – 84 с. @@ Панкратов И. Ф., Емельянова В. Г. Новое в законодательстве об охране природы Крайнего Севера // Советская Юстиция. – 1985. – № 5. – С. 20-22.

КУТАТЕЛАДЗЕ Давид Давидович

ассистент, аспирант кафедры земельного и экологического права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РАМКАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются правовые аспекты применения экологических ограничений в земельных отношениях. Автор анализирует законодательство Российской Федерации, регулирующее мелиоративные работы, порядок эксплуатации мелиоративных систем, и вопросы разграничения административной и уголовной ответственности за экологические правонарушения. Выявлены основные проблемы правоприменения, такие как отсутствие четких сроков выполнения экологических требований и неопределенность в разграничении правонарушений. Предложены изменения в нормативную базу, включая конкретизацию обязанностей землевладельцев и арендаторов, введение минимального порога экологического ущерба и усиление мониторинга за соблюдением экологических норм.

Ключевые слова: экологические ограничения, земельные отношения, мелиоративные системы, правоприменение.

KUTATELADZE David Davidovich

assistant, postgraduate student of Land and environmental law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF ENVIRONMENTAL RESTRICTIONS IN THE FRAMEWORK OF LAND RELATIONS

The article examines the legal aspects of applying environmental restrictions in land relations. The author analyzes the legislation of the Russian Federation governing reclamation activities, the operation of reclamation systems, and the delineation of administrative and criminal liability for environmental offenses. Key issues in law enforcement are identified, such as the lack of clear deadlines for fulfilling environmental requirements and ambiguity in distinguishing offenses. Proposed amendments to the regulatory framework include the specification of landowners' and tenants' responsibilities, the introduction of a minimum threshold for environmental damage, and enhanced monitoring of compliance with environmental regulations.

Keywords: environmental restrictions, land relations, reclamation systems, law enforcement, administrative liability, criminal liability, environmental protection.

В соответствии с земельным законодательством установлено, что земля является основой жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Приоритет охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды является одним из базовых принципов земельного законодательства. Распоряжение земельными участками осуществляется свободно исключительно в тех случаях, если совершаемые действия не наносят ущерб окружающей среде.

Правами на земельные участки обладают физические и юридические лица, а также государство и муниципальные образования, которые могут свободно распоряжаться ими. Однако Российская Федерация вправе устанавливать ограничения для собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов, чтобы предотвратить нанесение ущерба окружающей среде. Это требование одинаково для всех, вне зависимости от того, кто является владельцем участка — публичное образование или частное лицо.

В научной литературе отмечается, что государство проявляет значительный интерес к ограничению имущественных прав собственников земли [2, с. 25]. Этот интерес включает экологические, экономические и социальные аспекты [3, с. 237]. Экологические ограничения для землевладельцев регулируются Федеральным законом № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹.

Например, при проведении мелиоративных работ, таких как гидротехнические, культуртехнические или противо-

эрозийные мероприятия, требуется принимать меры по предотвращению негативных экологических последствий. Кроме того, статья 29 Федерального закона «О мелиорации земель»² обязывает физических и юридических лиц, эксплуатирующих мелиоративные системы, поддерживать их в исправном состоянии и принимать меры по предотвращению их повреждения.

Законодатель четко разграничил обязанности по поддержанию мелиоративных систем в исправном состоянии и обязательства по принятию мер для предупреждения их повреждений. Нормативные акты прямо указывают виды таких систем и категории лиц, несущих ответственность за их содержание. Однако в то же время остается нерешенным вопрос о субъекте, обязанном принимать меры по предупреждению повреждений, если речь идет о мелиоративных системах общего пользования [1, с. 181].

Судебная практика показывает, что ответственность за нарушение порядка эксплуатации таких систем обычно возлагается на владельца или арендатора земельного участка, где они расположены. Например, если мелиоративная система находится на землях сельскохозяйственного назначения, принадлежащих физическому лицу, суды, как правило, считают, что именно собственник участка обязан обеспечивать её исправное функционирование. Это обязательство обосновывается нормами статей 12, 13, 42 Земельного кодекса РФ³, статьи 29 Федерального закона от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О

1 Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. — 2002. — 12 января. — № 7.

2 Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» // Российская газета. — 1996. — 17 января. — № 11.

3 Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета. — 2001. — 30 октября. — № 211.

мелиорации земель» и пунктом 2.2.4 Правил эксплуатации мелиоративных систем⁴, утвержденных Минсельхозпродом России 26 мая 1998 года. В частности, физические лица обязаны своевременно очищать каналы мелиоративных систем от сорной растительности и кустарников⁵.

Дополнительную сложность создает отсутствие четких сроков, в течение которых собственники земельных участков должны принимать меры по поддержанию исправности мелиоративных систем⁶. Нормативные акты не содержат конкретных указаний на этот счет. Однако судебная практика сформировала подход, согласно которому такие меры должны предприниматься безотлагательно, с учетом необходимости обеспечения постоянной и эффективной работы мелиоративной системы.

Для устранения правовых пробелов и повышения эффективности регулирования предлагается внести изменения в первый абзац статьи 29 Федерального закона от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель», которые должны закрепить как обязанность собственников и арендаторов земель не только поддерживать мелиоративные системы в исправном состоянии, но и незамедлительно принимать меры для предотвращения их повреждений. Введение таких мер упростит правоприменение, минимизирует экологические риски и обеспечит непрерывное функционирование мелиоративных систем, что особенно важно для сохранения сельскохозяйственных и природных ресурсов.

Ненадлежащее использование земель влечет за собой уголовную ответственность. Так, в статье 254 УК РФ⁷ предусмотрено наказание за порчу земли, вызванную нарушением правил обращения с удобрениями, ядохимикатами и другими опасными веществами, способными нанести вред здоровью людей и окружающей среде.

Помимо уголовного законодательства, ответственность за земельные правонарушения регламентируется и административными нормами. Например, статья 8.6 КоАП РФ⁸ устанавливает штрафы за действия, связанные с разрушением плодородного слоя почвы, в размере от 1 000 до 50 000 рублей, в зависимости от характера и субъекта нарушения. Учитывая значительное воздействие мелиоративных работ на окружающую среду, статья 10.9 КоАП РФ отдельно предусматривает санкции за их проведение с отклонением от утвержденных проектов [4, с. 31].

Вместе с тем остаются нерешенными противоречия между статьями 8.6 КоАП РФ и статьей 254 УК РФ, которые охватывают сходный состав правонарушений — порчу земли. Правоприменительная практика демонстрирует, что правоохранительные органы чаще выбирают административные меры, что связано с отсутствием четких критериев для определения границы между административной и уголовной ответственностью. Основной проблемой является отсутствие ясной системы соподчинения между нормами этих правовых сфер.

Для устранения подобных коллизий можно предложить следующие меры:

1. Введение в УК РФ минимального порога ущерба окружающей среде по экономическому составу, при превышении которого действия будут квалифицироваться как уголовное преступление.

2. Установление взаимосвязи между нормами КоАП РФ и УК РФ, при которой каждая статья главы 26 УК РФ будет соотнесена с определенным составом из главы 8 КоАП РФ. При этом в административных нормах следует прямо указывать, что они применяются лишь в случаях отсутствия оснований для уголовного преследования.

Реализация таких изменений позволит обеспечить более четкое разграничение сфер административной и уголовной ответственности и повысит эффективность защиты земельных ресурсов.

Итак, правовое регулирование экологических ограничений в земельных отношениях связано с интеграцией норм экологического и земельного права в единую систему для эффективного управления ресурсами. Проблема несоответствия законодательства современным реалиям приводит к правовым коллизиям, затрудняющим применение норм. Например, отсутствие четких сроков выполнения мер по содержанию мелиоративных систем или разграничения административной и уголовной ответственности за экологические правонарушения создает неопределенность для землевладельцев и арендаторов. Это нередко побуждает правоохранительные органы ограничиваться административными мерами, снижая защиту природных ресурсов.

Решение данных проблем требует обновления нормативной базы: конкретизация обязанностей и сроков выполнения экологических требований, введения механизма координации между административной и уголовной ответственностью. Закрепление в законодательстве понятия значительного ущерба окружающей среде поможет точнее разграничить правонарушения и преступления. Важно также усилить контроль за соблюдением ограничений через совершенствование мониторинга и введение экономических стимулов для соблюдающих нормы землевладельцев.

Пристатейный библиографический список

1. Бабина Ю. В., Кочуров Б. И. Проблемы защиты поверхностных водных объектов в контексте земельных отношений на юге России // Юг России: экология, развитие. – 2021. – № 3 (60). – С. 180-190.
2. Борисова А. С. Меры государственного регулирования отношений в сфере использования земель в градостроительстве // Актуальные исследования. – 2024. – № 5. – С. 22-37.
3. Иванова И. В. Особенности реализации права собственности на земельный участок с учетом экологических ограничений // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 4 (80). – С. 235-239.
4. Лесных С. И. Возможности реализации эколого-правового механизма охраны окружающей среды для регулирования хозяйственной деятельности на прибрежных территориях озера Байкал // Право и политика. – 2022. – № 12. – С. 29-40.

4. Правил эксплуатации мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, утвержденных Минсельхозпродом России от 26.05.1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 12.12.2024).

5. Постановление Верховного суда Республики Коми от 15.01.2018 № 4а-9/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 12.12.2024).

6. Решение Верховного суда Республики Коми от 18.10.2017 по делу № 21-904/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 12.12.2024).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня. – № 113.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 31 декабря. – № 256.

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

Летягина Е. А.

ЦИФРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В УПРАВЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

В исследовании рассматриваются вопросы, связанные с реализацией цифровых процессов в области управления земельными ресурсами. Обозначаются основные тенденции сегодняшнего дня, а также задачи по внедрению электронно-цифровых систем в сферу земельно-имущественных отношений для их оптимизации и модернизации в соответствии со стратегическими задачами, которые ставятся на государственном уровне и регламентируются со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, а также Концепцией пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года.

Цифровизация в сфере земельных ресурсов должна привести к максимально результативному использованию земли и ее недр, вовлечения в надлежащий оборот земельных участков, в том числе и сельскохозяйственного назначения, обеспечить защиту наиболее ценных территорий, что в конечном итоге должно способствовать устойчивому качественному развитию всех субъектов РФ и государства в целом.

По результатам анализа указывается, что для преодоления сложностей во внедрении цифровых форматов при управлении земельными ресурсами необходима универсализация терминологии, используемой в нормативных правовых актах всех уровней, исключая двойственность и неоднозначность их толкования; формирование единой актуальной универсальной базы с различными достоверными сведениями о разных земельных ресурсах в зависимости от категории земель и типа разрешенного использования; а также формирование единой государственной земельной политики и преодоление ее эклектичности и разрозненности.

Ключевые слова: земля, земельные ресурсы, земельный участок, цифровые процессы, государственное управление, муниципальное управление, государственная земельная политика, цифровая экономика.

LETYAGINA Ekaterina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Krasnoyarsk State Agrarian University

DIGITAL PROCESSES IN LAND MANAGEMENT

The study examines issues related to the implementation of digital processes in the field of land management. The main trends of today are outlined, as well as tasks for the introduction of electronic and digital systems in the field of land and property relations for their optimization and modernization in accordance with the strategic objectives set at the state level and regulated in the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025, as well as the Concept of Spatial Development of the Russian Federation until 2030 with forecast until 2036.

Digitalization in the field of land resources should lead to the most efficient use of land and its subsoil, involvement in the proper turnover of land, including agricultural land, to ensure the protection of the most valuable territories, which ultimately should ensure the sustainable qualitative development of all subjects of the Russian Federation and the state as a whole.

According to the results of the analysis, it is indicated that in order to overcome the difficulties in implementing digital formats in land management, it is necessary to universalize the terminology used in regulatory legal acts at all levels, eliminating ambiguity and ambiguity of their interpretation; the formation of a single relevant universal database with various reliable information about different land resources, depending on the category of land and the type of permitted use; and also, the formation of a unified state land policy and overcoming its eclecticism and fragmentation.

Keywords: land, land resources, land plot, digital processes, public administration, municipal administration, public land policy, digital economy.

Важным экономическим ресурсом в стратегическом плане для нашего государства выступает земля (земельные ресурсы). Несомненно, это национальное богатство, достояние и основа жизнедеятельности. От ее эффективного и результативного использования в современных условиях зависит качество жизни нашего народа и конечно будущих поколений. При этом правильное и качественно верное использование земельных ресурсов возможно только в случае цифровизации процессов управления, применения современных технологий и достижений в области электронно-цифрового пространства, что в целом обусловлено общей «цифровизацией» экономики нашего государства. С учетом

вышеизложенного представляется актуальным рассмотреть некоторые вопросы цифровых процессов в управлении земельными ресурсами. Более того, в анализе исследовании нуждаются проблемы, возникающие в связи с внедрением цифровых технологий в процесс управления земельными ресурсами нашей страны. Вопрос приобретает еще большую значимость и с учетом значительной территории Российской Федерации (далее - РФ), которая вместе с присоединенными новыми субъектами РФ составляет на сегодняшний день 17 125 191,00 кв. км. Следует отметить, что РФ представляет самую большую по своей единой совокупной площади страну.

На сегодняшний день различные исследователи занимаются разработкой данной тематики. Например, можно отметить работы Юриной Т. А. [1], Бугаевской В. В. [2], Королева С. Ю. [3], Розенберга И. Н. [4], Шаврова С. А. [5], Вараксина Г. С. [6], Григоряна С. А. [7], Кирилловой О. В. [8], Александровской Е. А. [9] и др.

При этом разработка и поиск оптимальных условий для внедрения цифровых технологий в управление земельными ресурсами продолжается, а имеющиеся работы не могут охватить весь спектр проблемных вопросов, возникающих на современном этапе цифровизации экономики и управления земельными ресурсами в частности.

Таким образом, считаем, что наше исследование органично дополнит объем работ, формирующих доктринальную базу, а также обозначит новые подходы для нормативного правового регулирования цифровых процессов в управлении земельными ресурсами (далее - ЗР).

Приступая к исследованию, обозначим, что нормативной правовой основой для внедрения выступает Стратегия пространственного развития Российской Федерации (далее - СПР РФ) на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022). Кроме того, уже в 2024 году Министерством экономического развития РФ разработано Концепцию СПР РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. на основе, которой в ближайшее время будет завершено формирование СПР РФ до 2030 г.

Кроме того, в рамках цифровой государственной политики реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление» [10], сущность которого предполагает такую организацию управленческой инфраструктуры, которая позволяла бы обеспечить надлежащее развитие экономики государства, и как следствие указанных процессов повысило бы качество и уровень жизни всех членов российского общества.

Поэтому важно понимать, что и цифровое управление ЗР выступает не как самоцель, а как основа формирования эффективного экономического пространства в рамках пользования земельными ресурсами, как в масштабах всей страны, так и в рамках отдельно взятых регионов и конкретных муниципальных образований.

Таким образом, цифровизация в сфере ЗР должна привести к максимально результативному использованию земли и ее недр, вовлечения в надлежащий оборот земельных участков, в том числе и сельскохозяйственного назначения, обеспечить защиту наиболее ценных территорий, что в конечном итоге должно обеспечить устойчивое качественное развитие всех субъектов РФ.

Однако указанные процессы связаны с рядом проблем, которые возникают при внедрении цифровых технологий в управление ЗР.

Одной из таких сложностей выступает несогласованная земельная политика, связанная с многочисленными реформами в области ЗР. Такие преобразования навсегда носили позитивный характер, в частности, негативно на развитии управления ЗР сказалось упразднение научных, изыскательских организаций, которые занимались обновлением данных о ЗР, выступающих основой управленческой земельной политики. В связи с этим отсутствие достоверной картографической основы препятствует мониторингу ЗР, затрудняет осуществление контрольно-надзорных мероприятий за использованием земель, в том числе и земель, имеющих стратегическое значение – это сельскохозяйственные территории.

Более того, отметим, что земельные ресурсы очень разнообразны и требуют осуществления упорядочения, в том числе и государственного кадастрового учета, точной оценке качества, площадных, адресных характеристик и многого другого.

Часто наблюдается отсутствие единого комплексного подхода к учетным данным по ЗР, а также разрозненное нормотворчество в различных направлениях и на разных государственных уровнях.

Полагаем возможным обозначить следующие противоречия:

- абстрактное, слишком обобщенное формирование стратегических целей и задач, а также предмета развития ЗР;
- разнообразие и расплывчатость понятийного аппарата, используемого в нормативных правовых документах, что приводит к разрозненной правоприменительной практике и неоднозначному их толкованию, а, следовательно, к росту региональной разобщенности. Так, например, в рамках судебного разбирательства часто используется проведение «землеустроительной экспертизы», которая в подавляющем большинстве случаев собственно землеустроительной не является, поскольку обозначает точные характеристики конкретного земельного участка, в том числе и характерные точки границ, т.е. осуществляются кадастровые, а не землеустроительные работы и проводятся они не в отношении объекта землеустройства. Такая подмена понятий не может быть признана адекватной и правильной.

Еще одной проблемой, которая препятствует максимально быстрому внедрению цифровых процессов выступает отсутствие единого ведомства, ответственного за общегосударственную земельную политику. Различные категории земель отнесены к различным министерствам и ведомствам, чьи компетенции нередко дублируются и единой координации в деятельности между ними не происходит.

И всё-таки, несмотря на указанные проблемы, следует отметить, что максимально эффективное и результативное управление ЗР возможно организовать только по месту непосредственного расположения земельных участков, а значит, огромное значение приобретает управление ЗР именно на уровне муниципалитетов. Таким образом, возрастает значение органов местного самоуправления, как владеющих наиболее актуальными сведениями о земле и ее ресурсах на местах.

При этом государство формируя, цифровую среду по управлению ЗР, старается обеспечить возможность всех государственных и муниципальных органов власти, а также иных заинтересованных лиц доступом к единой базе, содержащей информацию о потенциальном развитии территории, ее назначении, особенностях и ограничениях применения ЗР, именуемой Федеральная государственная информационная система территориального планирования (далее - ФГИС ТП). Посредством функционирования данной системы обеспечивается доступ к различной информации из разных источников, чем преодолевается разрозненность сведений о конкретной территории, и решается задача по преодолению проблем, описанных нами выше, связанных с отсутствием единой подведомственности ЗР и системы их управления. Кроме того, ФГИС ТП позволяет обеспечивать процессы территориального планирования и стратегического развития каждой конкретной территории, что, несомненно, оптимизирует управление ЗР. Плюсы данного цифрового продукта заключаются и в возможности доступа к различным проектам, документам этих проектов, материалам, электронно-

цифровым топографическим картам, к сведениям об особо охраняемых территориях и многом другом.

Обладая такими сведениями, уполномоченные государственные органы и органы местного самоуправления будут оперативно и правильно реализовывать земельную политику, а, следовательно, и верно управлять ЗР конкретной территории.

Важно понимать, что цифровизация процессов управления ЗР позволит с наибольшей точностью оценить качество, потенциал и возможное использование различных ЗР, в том числе и отдельно взятых земельных участков, что, в свою очередь, в разы увеличит их эффективность и результативность для экономики как конкретного региона, так государства в целом. При этом важно формировать информационные базы о ЗР не фрагментарно, а в едином ключе по единым унифицированным стандартам и правилам.

Также требуется продолжить поэтапно и последовательно реализовывать процесс государственного кадастрового учета земельных участков с целью точной фиксации их границ, а также регистрировать права на них для определения лиц, владеющих данными объектами недвижимого имущества. Кроме того, необходимо осуществить перевод все имеющихся сведений в цифровой формат.

Таким образом, с внедрением цифровых технологий в управление ЗР появилась возможность решения большого круга задач по эффективному, оптимальному управлению ЗР.

Кроме того, наличие полной достоверной электронно-цифровой информации об объектах позволяет проводить более глубокий анализ пространственных данных, создавать детальные трехмерные объекты, визуализировать детали и формировать проектные решения с максимально возможной точностью.

В качестве выводов обозначим, что для преодоления сложностей во внедрении цифровых форматов для управления ЗР необходимо:

- универсализация терминологии, используемой в нормативных правовых актах всех уровней, исключающая двойственность и неоднозначность их толкования;
- формирование единой актуальной универсальной базы с различными достоверными сведениями о разных ЗР в зависимости от категории земель и типа разрешенного использования;
- формирование единой государственной земельной политики и преодоление ее эклектичности и разрозненности.

Пристатейный библиографический список

1. Юрина Т. А. Использование цифровых технологий в системе управления земельными ресурсами // Интеграция науки и образования в аграрных вузах для обеспечения продовольственной безопасности России: сборник трудов национальной научно-практической конференции, 01–03 ноября 2022 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2022. – С. 114–119.
2. Бугаевская В. В. К вопросу об информационном обеспечении и взаимодействии в процессе цифровой трансформации землеустройства // Цифровизация землепользования и землеустройства: тенденции и перспективы: Материалы IV международной научно-практической конференции, 14 ноября 2024 года. – Москва: Государственный университет по землеустройству, 2024. – С. 40–49.
3. Королев С. Ю. Управление земельными ресурсами Российской Федерации в контексте современных вызовов: правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 2. – С. 49–58.
4. Розенберг И. Н., Дулин С. К. О формировании геопространственных знаний на основе преобразования геоописаний // Мир транспорта. – 2024. – Т. 22, № 2 (111). – С. 6–11.
5. Шавров С. А. Экосистема типовых Веб-платформ управления территориями и недвижимостью // Веб-программирование и интернет-технологии WebConf2021: материалы 5-й Международной научно-практической конференции, 18–21 мая 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – С. 203–206.
6. Вараксин Г. С. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в землеустройстве России // Сибирская деревня: 200 лет развития Омской области - от реформ М. М. Сперанского до агропромышленного центра Сибири: материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию Омской области, 21–23 сентября 2022 года. – Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2022. – С. 335–339.
7. Григорян С. А. Некоторые аспекты использования цифровых технологий в земельных правоотношениях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 11 (138). – С. 48–50.
8. Кирилова О. В. Информационные системы управления земельными ресурсами // Новый взгляд на развитие аграрной науки: сборник материалов Научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых, 16 апреля 2021 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2021. – С. 157–161.
9. Александровская Л. А. Описание объектов кадастрового учёта в трёхмерном пространстве с целью рационального использования территории // Экономика и управление: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 14–15 ноября 2023 года. – Новочеркасск: Донской государственный аграрный университет, 2023. – С. 175–179.
10. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/ (дата обращения 04.01.2025).

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, директор Института права БРИКС

ЗИМУЛЬКИН Максим Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

«ПРАВИЛА О ЗАПРЕТЕ ОБХОДА НАЛОГОВОГО ЗАКОНА И НАЛОГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ» (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ G. KOFLER, M. LANG, P. PISTONE, A. RUST, J. SCHUCH, K. SPIES, C. STARINGER, R. SZUDOCZKY «ANTI-ABUSE RULES AND TAX TREATIES») [1]

Монография «Anti-Abuse Rules and Tax Treaties» представляет собой объединенный труд ряда авторов по вопросам применения правил о запрете обхода налогового закона при реализации международных налоговых соглашений. Авторы описывают конкретные проблемы, с которыми сталкиваются налоговые органы различных государств при реализации налоговых соглашений, в том числе проблемы толкования положений соглашения и злоупотребления со стороны налогоплательщиков при получении налоговых льгот. Рецензируемая монография может быть полезна для научных сотрудников и практикующих юристов.

Ключевые слова: налог, налоговое право, налоговые процедуры, налоговые соглашения, правила о запрете обхода налогового закона, злоупотребления в налоговом праве, GAAR.

VINNITSKIY Danil Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Financial law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Director of the BRICS Institute of Law

ZIMULKIN Maxim Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Financial law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

«ANTI-ABUSE RULES AND TAX TREATIES» (REVIEW OF THE TEXTBOOK OF G. KOFLER, M. LANG, P. PISTONE, A. RUST, J. SCHUCH, K. SPIES, C. STARINGER, R. SZUDOCZKY «ANTI-ABUSE RULES AND TAX TREATIES»)

The monograph «Anti-Abuse Rules and Tax Treaties» is a combined work of a number of authors on the issues of application of the rules on prohibition of circumvention of tax law in the implementation of international tax agreements. The authors describe specific problems faced by tax authorities of various states in the implementation of tax agreements, including problems of interpretation of the provisions of the agreement and abuse by taxpayers in obtaining tax benefits. The monograph under review may be useful for researchers and practicing lawyers.

Key words: tax, tax law, tax procedures, anti-abuse rules, tax treaties, general anti-avoidance rules, GAAR.

Винницкий Д. В.

Зимулькин М. И.

В развитие обсуждения резолюции о налоговом сотрудничестве № A/C.2/77/L.11/Rev.1, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 16 ноября 2022 года (речь о которой пойдет ниже), 12 июня 2023 года в Венском университете экономики и бизнеса состоялся 30-й Венский симпозиум по международному налоговому праву. В симпозиуме приняли участие известные профессора зарубежных университетов, налоговые исследователи из университета и налоговые эксперты из разных стран. По результатам симпозиума был представлен единый труд по вопросам введения и применения правил обхода налогового закона.

В рассматриваемой работе опубликованы выводы, сформулированные по итогам анализа применения правил борьбы со злоупотреблениями в налоговом праве. Структура работы включает в себя разделы, посвященные понятийному аппарату, внутригосударственному правовому регулированию, позиции ОЭСР, разработкам юридической доктрины и т.д.

Представители Венского университета экономики и бизнеса опубликовали заметный и актуальный труд, посвященный правилам о запрете обхода налогового закона и налоговым соглашениям.

Научная школа Венского университета экономики и бизнеса всегда выделялась глубоким и всеобъемлющим подходом к исследованию проблем международного налогообложения и гармонизации налогового законодательства.

Исследуемый труд заметно выделяется глобальным характером исследования и сильным коллективом авторов,

включающим в себя наиболее известных ученых и практиков в области международного налогового права.

В качестве теоретической базы исследования выступают актуальные и заслуживающие доверия источники по проблемам применения международных налоговых соглашений, в том числе соглашений об избежании двойного налогообложения, и применения антиуклонительных положений налогового законодательства [2], [3], [4], [5].

Важно отметить особую значимость представленного исследования для юридического сообщества, так как рассматриваемые проблемы находятся в текущей повестке отечественной доктрины [6].

Кроме того, объявленные идеи имеют особое значение в целях реализации положений резолюции «Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в области налогообложения в ООН» (A/C.2/77/L.11/Rev.1), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 16 ноября 2022 года.

Особое внимание заслуживает дискуссия коллектива авторов о проблемах и слабых сторонах определения GAAR.

Указывая на сложности при определении содержания термина «GAAR», авторы справедливо отмечают, что единого определения того, что именно составляет уклонение от уплаты налогов, до сих пор не существует. Обозначенное определение часто используется как синоним понятия «налоговое злоупотребление», что в широком смысле предполагает описание поведения налогоплательщиков, при котором, несмотря на формальное соответствие действий букве закона, положения

закона реализуются с искажением изначального смысла. При этом каждое из предложенных на настоящий момент определений нельзя назвать исчерпывающим [1].

Авторы отмечают, что общие правила борьбы со злоупотреблениями — не единственный способ, с помощью которого налоговая система реагирует на незаконную налоговую оптимизацию. Многие правила международного налогового права направлены на то, чтобы сделать налоговые системы «защищенными от манипуляций» (например, правила тонкой капитализации и законодательство о контролируемых иностранных компаниях). В последние десятилетия в международном налоговом мире наблюдается резкое увеличение количества и вариаций правил по борьбе с уклонением от уплаты налогов. Обе модельные конвенции ввели некоторые из них, направленных на решение конкретных ситуаций. Эти правила сосуществуют с внутренними налоговыми системами, общими положениями о борьбе со злоупотреблениями и налоговыми соглашениями; взаимодействие между этими правилами создает конфликты и другие сложные правовые проблемы, которые являются сложными как с академической, так и с практической точки зрения. До сих пор мало исследований было сосредоточено на влиянии различных правил по борьбе со злоупотреблениями на применение налоговых соглашений [1].

Авторы монографии отмечают существующую дискуссию относительно того, могут ли налоговые органы предотвратить ненадлежащее использование налоговых соглашений с помощью внутренних правил обхода налогового закона [7].

Обсуждение фокусируется, с одной стороны, на том, что представляет собой злоупотребление, а с другой — на правилах, дающих налоговым органам право не предоставлять льготы по соглашениям. Проблема заключается в том, что если каждое государство будет толковать соглашение в соответствии со своим собственным внутренним правилом по борьбе со злоупотреблением, то следствием это приведет к разночтению положений соглашения и различиям в его применении. Каждое договаривающееся государство может воспользоваться более выгодным для него толкованием и тем самым избежать своих договорных обязательств.

Участники дискуссии предлагают несколько вариантов по исключению различных подходов при применении правил об обходе налогового закона.

Первая стратегия для стран — включить положения о борьбе со злоупотреблениями в свои налоговые договоры.

Рекомендация заключается в том, чтобы включить конкретное условие о том, что государства, вступающие в налоговое соглашение, намерены избежать создания возможностей для исключения или снижения налогообложения путем уклонения от уплаты налогов или избежания уплаты налогов.

Указанная поправка призвана гарантировать, что целью налоговых соглашений будет не просто устранение двойного налогообложения, но и обеспечение того, чтобы возможности для уклонения от уплаты налогов или избежания уплаты налогов не создавались.

В качестве второго варианта разрешения проблемы рекомендуется включить в договор конкретное правило против злоупотреблений, известное как положение об ограничении налоговых льгот при реализации налогового соглашения (LOB).

Также в монографии отмечается, что нормы международного права рассматривают доктрину противодействия злоупотреблениям как общий принцип права. Утверждалось, что аналогичный неотъемлемый принцип противодействия злоупотреблениям существует и для налоговых соглашений. Сторонники этой точки зрения утверждают, что такой общий принцип находит свою правовую основу в принципе добросовестности, закрепленном в статье 26 и/или статье 31(1) Венской конвенции о праве международных договоров. Руководящий принцип, включенный в Комментарий ОЭСР, подтверждает эту теорию. Некоторые авторы также утверждали, что неотъемлемое положение о противодействии злоупотреблениям в налоговых соглашениях может предполагаться только в той мере, в которой внутренние общие положения о противодействии злоупотреблениям обоих договаривающихся государств пересекаются и его содержание равно одному внутреннему положению с более низкими стандартами противодействия злоупотреблениям. Такое толкование становится применимым, когда договор не включает статью 29(9) МК ОЭСР, функция которой, согласно комментарию, заключается в подтверждении неотъемлемого принципа противодействия злоупотреблениям. Таким образом, если договаривающиеся государства согласились включить статью 29(9) МК ОЭСР в договор, она опре-

делит содержание неотъемлемого принципа противодействия злоупотреблениям и обеспечит целенаправленное толкование налогового договора [1], [8].

Авторы монографии дополнительно обращают внимание на то, что, несмотря на включение во внутреннее законодательство правил о запрете обхода налогового закона, возможности для злоупотреблений при реализации налоговых соглашений остаются.

Действительно, проблемы гармонизации антиуклонительных мер налогового законодательства различных государств являются неисчерпаемой темой для дискуссий [9], [10], [11].

Подводя итоги, авторы монографии подходят к решению проблемы глобально, указывая, что злоупотреблению положением международных налоговых соглашений следует противостоять не внутренними правилами, а только инструментами, доступными на уровне самого соглашения, будь то мера по борьбе с уклонением от уплаты налогов, неотъемлемый принцип борьбы со злоупотреблением или просто толкование договора. Более того, как отмечалось выше, в целом само понятие GAAR является крайне сложным для определения в национальном законодательстве.

Обозначенные выводы лишь дополнительно подтверждают актуальность представленного исследования и необходимость разработки и введения, новых правил, исключающих злоупотребления в трансграничных налоговых правоотношениях.

Принимая во внимание изложенное, следует признать рассматриваемую монографию необходимым и своевременным анализом наиболее часто встречающихся проблемных ситуаций, связанных с обходом налогового закона при реализации международных налоговых соглашений.

Пристатейный библиографический список

1. G. Kofler, M. Lang, P. Pistone, A. Rust, J. Schuch, K. Spies, C. Staringer, R. Szudoczky. *Anti-Abuse Rules and Tax Treaties*. Kluwer Law International. - 2024. - P. 293 (English).
2. Andres Baez Moreno, GAARs and Treaties: From the Guiding Principle to the Principal Purpose Test [Electronic resource]: What Have We Gained from BEPS Action 6?, 45 Intertax 440 (2017) DOI: 10.54648/taxi2017036.
3. Alexander Rust, Article 1: Persons Covered, in Klaus Vogel «on Double Taxation Conventions» [Electronic resource] (Ekkehart Reimer & Alexander Rust eds., Kluwer Law International 2015).
4. Michael Lang, Introduction to the Law of Double Taxation Conventions 97 [Electronic resource]. - 3d ed. - Linde, 2021.
5. Craig Elliffe, Thin Capitalisation Rules and Treaties: Does the Ratio in the New Zealand Thin Capitalisation Rules Contravene New Zealand's Tax Treaty Obligations? [Electronic resource]: 18 New Zealand Business Law Quarterly. - 2012. - № 4 (2). - DOI: 10.2139/ssrn.2120839.
6. Курочкин Д. А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС: сравнительно-правовое исследование / Под научной редакцией Д. В. Винницкого. - Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. - 290 с.
7. Раков И. А. Режим противодействия уклонению от налогообложения в России в конце XIX – начале XX веков // Налоги и налогообложение. - 2018. - № 11. - С. 34-39.
8. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. - М.: Статут, 2017. - 463 с.
9. Винницкий Д. В., Курочкин Д. А. Перспективы международной координации подходов государств БРИКС в сфере трансграничного налогообложения // Налоги и налогообложение. - 2018. - № 11. - С. 1-15.
10. Винницкий Д. В. Добросовестность, обоснованность выгоды, пределы осуществления прав, или как российское налоговое право оказалось на передовых рубежах борьбы со злом, гнездящимся в налогоплательщиках // Закон. - 2018. - № 11. - С. 44-57.
11. Пономарева К. А. Стратегии борьбы с уклонением от налогообложения в Европейском союзе. - М.: Инфотрип Медиа, 2018. - 148 с.

СТЕПАНИН Артур Левонович

аспирант 3-го курса кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Эволюция правового регулирования криптовалют в Российской Федерации продемонстрировала переход от полного их отрицания как денежного суррогата к признанию статуса цифровой валюты в рамках Федерального закона № 259-ФЗ. Однако система нормативного регулирования в этой сфере до сих пор остаётся недостаточно развитой и требует совершенствования.

В статье проведён анализ ключевых законодательных пробелов, включая отсутствие признания криптовалюты имуществом для целей уголовного законодательства. Особое внимание уделено практическим проблемам, связанным с использованием криптовалюты в преступной деятельности, в том числе в схемах легализации доходов, полученных преступным путём. Обоснована необходимость внесения изменений в ст. 128 Гражданского кодекса РФ с целью закрепления цифровой валюты в качестве объекта гражданских прав, что станет важным шагом для обеспечения правовой определённости и эффективного регулирования её оборота.

Предложенные меры направлены на устранение правовых пробелов, повышение прозрачности сделок с цифровыми активами и усиление механизмов борьбы с их противоправным использованием.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, правовой статус, законодательное регулирование, уголовное право, гражданский кодекс, легализация доходов, майнинг, финансовые операции, противодействие отмыванию денег.

STEPANYAN Artur Levonovich

postgraduate student of the 3rd course of Judicial power, civil society and law enforcement sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE LEGAL STATUS OF DIGITAL CURRENCY IN RUSSIA: PROBLEMS OF DEFINITION AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION

The evolution of the legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation has demonstrated the transition from their complete rejection as a monetary surrogate to the recognition of the status of digital currency within the framework of Federal Law No. 259. However, the regulatory system in this area is still underdeveloped and needs to be improved.

The article analyzes key legislative gaps, including the lack of recognition of cryptocurrencies as property for the purposes of criminal law. Special attention is paid to practical problems related to the use of cryptocurrencies in criminal activities, including in schemes for the legalization of criminally obtained income. The necessity to make changes to the article 128 of the Civil Code of the Russian Federation in order to consolidate digital currency as an object of civil rights, which will be an important step to ensure legal certainty and effective regulation of its turnover, is substantiated.

The proposed measures are aimed at eliminating legal gaps, increasing the transparency of transactions with digital assets and strengthening mechanisms to combat their illegal use.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, legal status, legislative regulation, criminal law, civil code, money laundering, mining, financial transactions, anti-money laundering.

Введение

Цифровая валюта представляет собой инновационный финансовый инструмент, активно применяемый в глобальной экономике с 2008 года. Однако её правовой статус остаётся предметом дискуссий, как на международном уровне, так и в Российской Федерации. Основная проблема заключается в том, что темпы развития технологий, обеспечивающих использование цифровой валюты, существенно опережают процессы формирования соответствующего правового регулирования.

В условиях стремительного распространения криптовалют законодательное закрепление их статуса становится одной из наиболее актуальных задач правовой системы Российской Федерации, поскольку, несмотря на более чем десятилетнюю историю существования криптовалют, их правовая природа остаётся недостаточно определённой.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили нормативные правовые акты в области регулирования цифровой валюты (криптовалюты) и уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием цифровой валюты (криптовалюты), а равно научные труды российских ученых в указанной области.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы материалы судебной практики.

В процессе разработки теоретических и научно-прикладных положений автор руководствовался такими общенаучными методами, как анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение.

Литературный обзор. С 2014 года Центральный банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) относился к криптовалюте исключительно как к денежному суррогату, использование которого на территории страны запрещено действующим законодательством. Кроме того, ЦБ РФ предупредил, что операции по обмену криптовалюты (виртуальной валюты) на любую фиатную валюту, а также на товары, работы или услуги (ТРУ) могут расцениваться как участие в сомнительных финансовых схемах, связанных с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и (или) финансированием терроризма.

При этом по состоянию на 2014 г., в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствовало какое-либо указание на правовой статус данного финансового инструмента, что, соответственно, делало невозможным привлечение лиц к какому-либо виду ответственности.

В 2017 году Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) скорректировал свою позицию: хотя он подтвердил заявление, сделанное в 2014 году, регулятор сообщил, что ведет мониторинг рынка криптовалют с целью разработки

подходов к их определению и регулированию в стране. Однако ЦБ РФ счел преждевременным внедрение криптовалют в организованные торги и расчетно-клиринговую систему.

В 2018 году был принят Федеральный закон № 259-ФЗ (далее – ФЗ № 259-ФЗ), который установил статус криптовалюты как «цифровой валюты». Согласно данному закону, цифровая валюта представляет собой набор электронных данных, находящихся в информационной системе, которые могут быть использованы в качестве средства платежа (не являющегося официальной валютой России) или как объект для инвестиций.

Изменения в законодательной сфере также произошли в связи с развитием российского законодательства, регулирующего процесс майнинга (ФЗ № 221-ФЗ), что привело к корректировке нескольких других федеральных законов, касающихся признания цифровой валюты имуществом. В результате было установлено, что цифровая валюта признается имуществом в контексте исполнительного производства, процедур несостоятельности (банкротства), а также в рамках борьбы с коррупцией и предотвращения отмывания доходов и финансирования терроризма (ПОД/ФТ).

Следующим шагом в развитии законодательства Российской Федерации в этой области стало принятие Федерального закона № 258-ФЗ (далее – ФЗ № 258-ФЗ), который ввел возможность создания на территории России так называемых экспериментальных правовых режимов (ЭПР). Согласно этому закону, были внесены изменения в несколько действующих нормативных актов, уточняющих, что цифровая валюта в рамках программы ЭПР может быть использована, во-первых, как средство платежа, в том числе для внешней торговли, и, во-вторых, как товар на организованных рынках.

С 2014 года в Российской Федерации произошли значительные изменения в отношении криптовалюты: от полного отказа признания её денежным суррогатом до признания возможности использования данного финансового инструмента для различных целей. Приняв эти нововведения, Россия также стремилась соответствовать международным стандартам в области ПОД/ФТ, в частности Рекомендациям ФАТФ, которые были дополнены требованием учитывать потенциальное использование новых и развивающихся технологий при разработке и внедрении политики противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Однако, несмотря на постепенное становление законодательного регулирования оборота криптовалюты на территории Российской Федерации, криптовалюта, тем не менее, до сих пор рассматривается, прежде всего, как финансовый инструмент, потенциально используемый для совершения преступных деяний, в первую очередь, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Как отмечает Васильева Я. Ю., «развитие цифровой валюты стало идеальной почвой» для такой деятельности [1].

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, всегда предполагает наличие преступного деяния (предиката), которое было совершено до, соответственно, в процессе которого у лица, которое впоследствии будет осуществлять действия, направленные на введение данных доходов условно в легальный экономический оборот, данные доходы появились. В частности, криптовалюта активно используется при сбыте наркотических средств и (или) психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ).

На данный момент процесс совершения таких преступлений в большинстве случаев носит схожий характер. Основной задачей для лица, занимающегося сбытом наркотиков и (или) психотропных веществ, является создание структуры для осуществления данной деятельности на онлайн-платформах в сети DarkNet – скрытой части интернета, доступной без необходимости в специализированных программных средствах или инструментах [2]. Сбыт происходит через размещение наркотических средств и (или) психотропных веществ в скрытых тайниках. Оплата за такие действия обычно поступает в криптовалюте, чаще всего в биткойнах.

Таким образом, криптовалюте можно охарактеризовать как отправную точку осуществления в дальнейшем легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. В связи с тем, что на сегодняшний день на территории

Российской Федерации, несмотря на наличие нормативных правовых актов, регламентирующих порядок оборота цифровой валюты, отсутствует возможность легально использовать цифровую валюту в качестве средства платежа за ТРУ, криптовалюту необходимо привести к виду фиатной валюты, одновременно придав правомерный вид владению, пользованию и распоряжению.

Соответственно, для этого используются такие инструменты, как, например, обменники криптовалюты на фиатную валюту. В данном случае можно рассмотреть несколько вариантов: во-первых, сервисы по обмену можно найти в открытом доступе. Так, например, online-ресурс «bestchange.ru» предоставляет возможность выбора типов валюты для обмена, курс обмена в различных обменниках, а также ссылки на соответствующие обменники.

В рамках данных обменников обычно действует система проверки (AML, а также, например, проверки документов, удостоверяющих личность, при встрече в офисе для выдачи наличных). При этом согласно действующему законодательству, обмен криптовалютой на территории Российской Федерации не регулируется.

С другой стороны, операции по обмену без соответствующих проверок доступны, например, в DarkNet. В частности, возможен обмен через тайники-закладки.

В качестве второго инструмента легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, можно назвать криптомиксеры – типы программного обеспечения, позволяющего смешивать входящие потоки криптовалюты, после чего выводить суммы на соответствующие криптокошельки случайными суммами в случайной последовательности.

Третьим инструментом могут являться online-кошельки (например, Qiwi), а также банковские счета и банковские карты, зарегистрированные, в частности, на других людей. После вывода фиатная валюта, при необходимости, может быть обналичена.

Так, например, в рамках рассматриваемой судебной практики, было рассмотрено дело о привлечении к ответственности ФИО-1 по ст. 228.1 УК РФ (предикат) и ст. 174.1 УК РФ. В рамках данного дела ФИО-1, стремясь получить незаконную финансовую прибыль, в указанный период вступил в створ с ФИО-2 с целью организации сбыта наркотических средств и (или) психотропных веществ на территории г. Ростова-на-Дону. Для реализации этого замысла они получали крупные партии наркотиков и (или) психотропных веществ, которые затем расфасовывали на более мелкие дозы и реализовывали через онлайн-магазин, зарегистрированный на имя ФИО-2, используя метод тайников-закладок.

Оплата за наркотические средства и (или) психотропные вещества поступала от потребителей в виде перевода биткойнов на криптовалютный кошелек ФИО-1. Затем ФИО-1 планировал обменивать полученную криптовалюту на криптобирже с целью ее продажи, конвертации в фиатные деньги, а также перевода полученных рублей на свои подконтрольные банковские счета.

Таким образом, ФИО-1 получал криптовалюту на подконтрольный ему криптокошелек, после чего выводил на криптобиржу, предлагая пользователям приобрести ее за рубли, которые поступали на указанную ФИО-1 банковскую карту «Тинькофф», привязанную к банковскому счету № «...». Впоследствии данные денежные средства были частично помещены на различные банковские счета (вклады) и банковские карты при использовании мобильного банка, частично обналичены.

За определенный период доход ФИО-1 от сбыта наркотических средств и (или) психотропных веществ составил 2,046 млн. рублей.

Избранный ФИО-1 способ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, посредством проведения последовательных финансовых и банковских операций был признан как свидетельствующий о наличии у ФИО-1 цели легализации (отмывания), соответственно, действия ФИО-1 были квалифицированы по ч. 2 ст. 174.1 УК РФ.

Таким образом, процесс предполагает переход полученных в результате преступного деяния денежных средств от формы криптовалюты (цифровой валюты – начальная точка) к фиатной валюте (например, рубль – конечная точка). В

результате, денежные средства посредством осуществления ряда финансовых операций введены в легальный экономический оборот.

Однако можно предположить, что конечной точкой легализации (отмывания) преступных доходов не всегда будет являться конвертация криптовалюты в фиатную валюту. Учитывая тот факт, что ряд ТРУ, несмотря на законодательный запрет принятия цифровой валюты в качестве платежного средства, возможно приобрести за криптовалюту, в частности, в рамках того же «серого» или «черного» рынков, криптовалюта может быть введена не в легальный экономический оборот, а оставаться в рамках «серого» или «черного» экономического оборота или же будучи конвертированной в фиатную валюту, после снова быть обмененной на цифровую.

В связи с этим, возникает вопрос, могут ли быть признаны легализацией (отмыванием), как процессом придания видимости законности доходам, полученным преступным путем, действия, подразумевающие осуществление финансовых сделок с криптовалютой – дробление, слияние и т.д., при учете, что данные денежные средства, в итоге, не будут введены в легальный экономический оборот. Ведь если активы остаются в теневом секторе, их «легальный» статус не достигается, а значит, действия с такими активами формально не соответствуют традиционному пониманию легализации.

Использование формулировки «легальный экономический оборот» достаточно важно в данном контексте, т.к. при рассмотрении оснований привлечения к уголовной ответственности по ст. 174 (174.1) УК РФ, в том числе, в апелляционной или кассационной инстанциях, суды достаточно часто ссылаются на тот факт, что для признания факта осуществления легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, недостаточным является наличие факта осуществления финансовых операций и (или) сделок с данными доходами.

Для квалификации по ст. 174 (174.1) УК РФ, у лица должна быть цель вовлечения доходов в легальный экономический оборот, которая выражается в осуществлении действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придания им видимости законности.

Однако следует отметить тот факт, что криптовалюта, как подвид цифровой валюты, до сих пор не имеет определенного статуса в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, что также способствует неоднозначному применению правовых положений.

Камышанова А. Е. рассматривает криптовалюту как один из наиболее спорных институтов в развитии цифровых прав, являющихся новым видом имущества в отечественном законодательстве [3]. Эту позицию подтверждает Шаймарданов Т. Р., отмечая, что, согласно прямому толкованию норм права, «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав и фактически находится вне правового поля Российской Федерации [4].

Ранее криптовалюта рассматривалась как «иное имущество», приравняемое к безналичным денежным средствам в соответствии со ст. 128 ГК РФ [5]. В 2019 году ст. 128 ГК РФ была дополнена нормой, согласно которой объектом гражданских прав может выступать цифровое право. С этого момента ряд экспертов стали воспринимать криптовалюту именно как цифровое право, учитывая ее тесную связь с «информационной системой» [6]. Однако такой подход подвергался критике за «неоправданное расширение специалистами» границ гражданского законодательства [7].

С другой стороны, Перов В. А. утверждает, что «криптовалюта» относится к категории цифровых валют, наряду с токенами, стейблкоинами и виртуальными игровыми деньгами [8]. Однако основное отличие криптовалюты заключается в том, что у неё отсутствует эмитент, который мог бы регулировать её выпуск. Это объясняется тем, что криптовалюта создается через процесс майнинга, а не регулируется централизованным органом денежно-кредитной политики.

С другой стороны, в соответствии с п. 6 и п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (далее – Постановление) для целей ст. 174 (174.1) УК РФ содержание понятия «финансовые операции» предполагает любые операции с денежными средствами, в том числе финансовые

операции с использованием электронных средств платежа. Несмотря на то, что криптовалюта не попадает под определение «электронных средств платежа», суд может занять противоположную позицию, согласно которой непосредственного введения данных денежных средств в легальный экономический оборот, не требуется.

Таким образом, вопрос о признании криптовалюты предметом преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, остается дискуссионным, хотя, как отмечается, «судебная практика уже идет по пути признания таких операций легализацией (отмыванием) денежных средств» [9].

Современная правоприменительная практика свидетельствует о том, что для признания действий в качестве легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, формального признака вовлечения указанных средств в легальный экономический оборот недостаточно. Согласно существующим разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, легализация трактуется через призму гражданско-правовых сделок, которые могут скрывать истинное происхождение денежных средств.

Таким образом, принятие рамочного закона с детализацией признаков криптовалюты позволит закрепить за ней статус объекта гражданских прав и решить большинство правовых коллизий [10].

Однако развитие современных технологий, включая распространение криптовалют и децентрализованных финансовых платформ, требует пересмотра данных подходов. В новых условиях маскировка незаконного происхождения активов может осуществляться без их формального вовлечения в экономический оборот.

Результаты. В связи с этим, предлагается уточнить, что для признания факта легализации преступных доходов достаточно совершения финансовых операций, создающих видимость их законности или затрудняющих установление их происхождения. Такие операции могут не затрагивать гражданско-правовые обязательства, но при этом быть направлены на усложнение прослеживания средств. В качестве примеров подобных действий выступают операции с криптовалютами, включая перевод средств на криптовалютные кошельки, что затрудняет идентификацию их владельцев и источников происхождения. Анонимный обмен криптовалютой на фиатные средства через онлайн-обменники и последующее зачисление на электронные кошельки или банковские счета создаёт дополнительные препятствия для раскрытия преступной схемы.

Для усиления борьбы с легализацией преступных доходов рекомендуется внести изменения в Постановление. Во-первых, следует зафиксировать, что включение средств в легальный экономический оборот не является обязательным для признания факта легализации. Достаточно наличия операций, затрудняющих идентификацию их преступного происхождения. Во-вторых, необходимо исключить из Постановления положения, позволяющие трактовать личное потребление преступных доходов как исключение из состава легализации. Современная практика показывает, что даже личное использование может являться частью схемы сокрытия источников средств, особенно при применении сложных транзакционных структур, связанных с цифровыми активами.

Также целесообразно дополнить Постановление критериями для оценки сомнительных финансовых операций с криптовалютами. Признаками таких операций могут являться:

- повторный обмен криптовалют на фиатные деньги через анонимные онлайн-обменники;
- дробление сумм для обхода пороговых значений контроля;
- переводы на электронные кошельки, зарегистрированные на подставных лиц;
- использование шифрования и сервисов смешивания транзакций (mixers) для сокрытия бенефициаров.

Одновременно необходимо указать на тот факт, что на сегодняшний день криптовалюта признается предметом преступления только в отношении легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (ст. 174 (174.1) УК РФ).

Однако, как можно предположить, данный финансовый инструмент может выступать предметом ряда иных преступ-

плений, в частности, обозначенных в гл. 21 УК РФ – это, например, кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), а также вымогательство (ст. 163 УК РФ).

В указанных статьях УК РФ упоминается «имущество», при этом в целях вымогательства к имуществу относятся такие вещи, как (наличные/безналичные денежные средства, документарные/бездокументарные ценные бумаги, имущественные права).

Как уже было отмечено ранее в рамках регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ криптовалюта на сегодняшний день включается в понятие «цифровой валюты». Соответственно, можно сделать вывод, что содержание категории «имущество», в частности, в рамках ст. 163 УК РФ на сегодняшний день не включает в себя цифровую валюту и, соответственно, криптовалюту.

Таким образом, законодательство Российской Федерации допускает возможность получения цифровой валюты в рамках осуществления майнинга, однако, в соответствии с уголовным законодательством не допускает возможности осуществления с криптовалютой таких действий, как кража, мошенничество, присвоение, растрата или вымогательство.

Возможное предположение о том, что в рамках уголовного законодательства таким же образом можно провести аналогию и признать цифровую валюту и, соответственно, криптовалюту имуществом, ссылаясь на Постановление, хотя бы в рамках названных составов, также недопустимо в соответствии со ст. 3 УК РФ, согласно которой применение уголовного закона по аналогии не допускается. Соответственно, признать цифровую валюту имуществом для целей трактования состава указанных преступлений по аналогии со ст. 174 (174.1) УК РФ недопустимо.

Таким образом, внесение изменений в уголовное законодательство, включающих признание цифровой валюты в качестве имущества, является необходимым для обеспечения эффективной правоприменительной практики. Это позволит установить уголовную ответственность за преступления, связанные с криптовалютой, и устранить существующие законодательные пробелы.

Наконец, в рамках признания криптовалюты имущественной проблемой выступает тот факт, что цифровая валюта в соответствии с гражданским законодательством (ст. 128 ГК РФ) также не может быть отнесена к какой-либо категории – вещам, иному имуществу или имущественным правам.

В данном случае, мнение судов опять же может не совпадать: как показывает практика, в ряде случаев суды ссылаются на ст. 6 ГК РФ, согласно которой допускается применение гражданского законодательства по аналогии, соответственно цифровая валюта признается «иным имуществом». Тем не менее, достаточно часто подобный подход оценивается как злоупотребление нормами гражданского права, а равно как неоправданное расширение границ гражданского законодательства.

Исходя из этого, также можно утверждать, что отсутствие закрепления статуса цифровой валюты и, соответственно, криптовалюты, в гражданском законодательстве напрямую влияет на становление системы уголовного регулирования данного вопроса.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что для обеспечения правовой определенности и формирования основы для правоприменительной практики, необходимо, во-первых, закрепление статуса цифровой валюты, включая криптовалюту, в гражданском законодательстве Российской Федерации, в частности, путем внесения изменений в ст. 128 ГК РФ. Отсутствие четкой законодательной регламентации препятствует эффективному гражданскому и уголовному регулированию отношений, связанных с использованием цифровой валюты, и создает неопределенность в судебной практике.

Предлагаемые изменения в ст. 128 ГК РФ могут включать в себя дополнение текста следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные

бумаги, цифровые финансовые активы и цифровую валюту, а также имущественные права и иные материальные и нематериальные блага».

Кроме того, имеет смысл уточнить правовую сущность цифровой валюты, классифицируя её как имущество, не обладающее физической формой, но способное выполнять функции средства платежа, обмена или накопления стоимости, за исключением случаев, прямо установленных законом.

Обсуждение. Настоящая статья, содержащая предложения по внесению изменений в законодательство Российской Федерации, рекомендуется к обсуждению, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Представленные в статье правовые инициативы направлены на устранение существующих пробелов и противоречий в регулировании цифровой валюты, что делает ее актуальной для рассмотрения специалистами в области права, законодателями и практикующими юристами.

Заключение. В условиях быстрого технологического прогресса и широкого распространения цифровой валюты вопрос её правового регулирования в России становится всё более значимым. Анализ текущего законодательства показывает, что, несмотря на предпринятые меры для определения статуса цифровой валюты, в частности, её признание в рамках Федерального закона № 259-ФЗ, остаются многочисленные неурегулированные вопросы, затрагивающие как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые аспекты.

Отсутствие чёткого закрепления цифровой валюты в качестве объекта гражданских прав препятствует её однозначной квалификации в рамках имущественных преступлений, а также создаёт пробелы в противодействии легализации доходов, полученных преступным путём. Таким образом, для повышения правовой определённости и эффективности правоприменительной практики необходимо дальнейшее совершенствование законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Я. Ю. Криптовалюта как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 2 – С. 118-121.
2. Александров А. Г., Сафронов А. А. Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 156-160.
3. Камышанова А. Е., Брилева А. Д. Правовое регулирование криптовалюты в России: проблемы и перспективы // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (208). – С. 121-123.
4. Шаймарданов Т. Р., Погодин А. В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Экономика и юриспруденция. – 2022. – № 12 (99). – С. 62-67.
5. Землюков С. В., Коренная А. А. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве // Известия АлтГУ. – 2018. – № 3 (101). – С. 47-52.
6. Лыков А. А. Хищение криптовалюты: проблемы уголовно-правовой квалификации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – № 1 (1). – С. 13-18.
7. Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 129-137.
8. Перов В. А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/kvalifikatsiya-prestuplenii-sovershaemykh-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty>.
9. Васильева Я. Ю., Чугун Д. А. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов // Искусство правоведения. – 2022. – № 1 (1). – С. 39-45.
10. Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 129-137.

ФАРТУНОВ Егор Александрович

аспирант кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается вопрос соотношения финансового мониторинга и финансового контроля. Автор рассматривает финансовый мониторинг, не только как деятельность в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, но и как вид финансового контроля, осуществляемый в целях противодействия противоправным действиям с использованием денежных средств в целом. В подтверждение своей точки зрения, автор рассматривает теорию и ссылается на нормы действующего законодательства.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, финансовый контроль, противодействие легализации (отмыванию) доходов, противодействие финансированию терроризма, ПОД/ФТ/ФРОМУ.

FARTUNOV Egor Alexandrovich

postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FINANCIAL MONITORING AS A TYPE OF FINANCIAL CONTROL: LEGAL ASPECTS

The article discusses the relationship between financial monitoring and financial control. The author considers financial monitoring not only as an activity in the field of anti-money laundering and financing of terrorism, but also as a type of financial control carried out in order to counter illegal actions involving the use of funds in general. In support of his point of view, the author examines the theory and refers to the norms of current legislation.

Keywords: financial monitoring, financial control, anti-money laundering, countering the financing of terrorism, AML/CFT/FRM.

Фартунов Е. А.

Финансовый мониторинг является сравнительно молодой отраслью российского законодательства, зародившейся, немногим более двадцати лет назад, вследствие чего активно ведутся дискуссии о месте финансового мониторинга в системе российского права. В том числе, одним из таких вопросов является соотношение финансового мониторинга и финансового контроля.

Прежде чем рассматривать соотношение данных понятий, следует рассмотреть их значения по отдельности.

При определении финансового мониторинга, научное сообщество ссылается на Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹. Такой подход предложен первым директором Федеральной службы по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) – В. А. Зубковым, по мнению которого: «В наименовании уполномоченного органа содержится определение предмета и сферы его деятельности – финансовый мониторинг, а раз орган осуществляет свою деятельность в соответствии с «антиотмывочным» законом, то финансовый мониторинг это комплекс мер, принимаемых субъектами финансового мониторинга и компетентными государственными органами в целях предупреждения, выявления и пресечения операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма» [1, с. 100-101] (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ).

При этом, анализируя данное понятие, можно прийти к выводу, что оно предполагает под финансовым мониторингом комплекс мер, осуществляемый с конкретной целью. То есть, в данном случае можно говорить о финансовом мони-

торинге в узком смысле. Вместе с тем, если рассматривать сущность финансового мониторинга, как самостоятельного объекта, в отрыве от целей его применения, то можно заметить, что финансовый мониторинг представляет процесс, не направленный на достижение конкретной цели. То есть, финансовый мониторинг следует рассматривать и в широком смысле.

В целях определения сущности финансового мониторинга необходимо установить, что означает сам термин «мониторинг». Данный термин имеет английское происхождение (англ. – monitoring) и переводится как «наблюдение» или «отслеживание». То есть, на данном этапе, финансовый мониторинг можно также назвать наблюдением за финансами или отслеживанием финансов. Согласно определению, представленному в толковом словаре под редакцией Л. П. Крысина, термин «мониторинг» означает: «Систематическое наблюдение за каким-нибудь процессом с целью фиксировать соответствие (или несоответствие) результатов этого процесса первоначальным предложениям» [4, с. 500].

Изложенное выше определение четко дает понять, что из себя представляет мониторинг – это систематическая деятельность целью, которой является выявление определенных свойств наблюдаемого процесса. Так, можно сказать, что финансовый мониторинг представляет собой систематическое наблюдение за совершаемыми в государстве финансовыми операциями и использованием денежных средств с целью фиксации соответствия (или несоответствия) результатов данных процессов положениям законодательства. Принимая во внимание предложенное определение, можно сформулировать основную цель финансового мониторинга в широком смысле как противодействие совершению противоправных действий с использованием денежных средств, что включает в себя как ПОД/ФТ/ФРОМУ, так и противодействие иным экономическим преступлениям.

Данное определение, по своей сути, достаточно близко к определению финансового контроля. Согласно определению, предложенному Г. С. Ручкиной, под финансовым

1 Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 года № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 ноября 2001 г. № 45. Ст. 4251.

контролем понимается: «Урегулированная нормами права деятельность уполномоченных органов, организаций (юридических лиц) и должностных лиц по установлению соответствия или несоответствия деятельности и операций подконтрольных субъектов и сопровождающих эту деятельность и операции обязательных к составлению первичных документов и форм отчетности требованиям регулирующих финансовых отношения законов и иных нормативных правовых актов» [6, с. 79].

Рассмотрению значения финансового мониторинга в широком смысле посвящён ряд научных работ. Так, Н. И. Химичева связывает принятие Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», с принятием мер по усилению государственного финансового контроля [8, с. 146-148].

М. М. Прошунин, говоря о финансовом мониторинге в широком смысле, определяет его как вид государственного и внутрихозяйственного финансового контроля, осуществляемого агентами и органами финансового мониторинга в целях недопущения преступных доходов в национальную экономику Российской Федерации и предотвращения использования субъектов финансового мониторинга для отмывания преступных доходов и финансирования терроризма, а также иных противоправных действий [5].

Исходя из представленных определений, можно выделить объекты финансового контроля и финансового мониторинга. Так, объектом финансового контроля является финансовая деятельность проверяемого лица, включающая в себя финансовые операции и соответствующую финансовую отчетность, в то время как в рамках финансового мониторинга анализируются только сведения о финансовых операциях. Таким образом, можно сделать вывод, что при финансовом мониторинге реализуется часть мер финансового контроля.

Кроме того, согласно М. М. Прошунину, финансовый мониторинг основывается на ряде принципов, присущих контрольной деятельности [5].

Под принципом понимается основополагающее положение, составляющее основу устройства какой-либо системы. Принципы финансового мониторинга представляют собой основополагающие правила и нормы, которые определяют порядок осуществления контроля за финансовыми операциями, в том числе в рамках исполнения государственных закупок, и позволяющие обеспечить прозрачность и законность финансовых потоков. Соблюдение этих принципов является необходимым условием для создания эффективной системы финансового мониторинга, способной противостоять угрозам финансовой безопасности.

Одним из основополагающих документов, содержащих принципы финансового контроля, является Лимская декларация руководящих принципов контроля 1977 года². На основе принципов, содержащихся в данной декларации, построены системы финансового контроля многих государств. Заложенные в декларации принципы нашли своё отражение в Федеральном стандарте внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля»³.

Проводя анализ принципов финансового контроля и правовых норм осуществления финансового мониторинга, на наш взгляд, можно сформулировать следующие принципы, присущие финансовому мониторингу:

Во-первых, принцип законности, который подразумевает проведение контрольных мероприятий в строгом соответ-

ствии с требованиями законодательства. Данный принцип является основополагающим. Соблюдение данного принципа гарантирует защиту прав и интересов, как контролируемых субъектов, так и самих контролирующих органов.

Во-вторых, принцип независимости, который означает, что уполномоченные лица, осуществляющие контрольные мероприятия, должны быть независимы от объектов государственного (муниципального) финансового контроля и связанных с ними физических лиц в административном, финансовом и функциональном отношении. Данный принцип полностью реализуется при осуществлении финансового мониторинга, так как должностные лица Росфинмониторинга, проводящие проверочные мероприятия находятся в полной независимости от проверяемых лиц.

В-третьих, принцип объективности, который подразумевает беспристрастность должностного лица при проведении проверочных мероприятий и одинаковое отношение ко всем объектам проверки. Данный принцип также полностью реализуется в рамках финансового мониторинга, так как проверка опирается на сведения о финансовых операциях, а не на статус проверяемых лиц.

В-четвёртых, принцип риск-ориентированности, который заключается в концентрации усилий при проведении проверки в отношении объектов контроля или направлений их деятельности, по которым наиболее вероятно наступление событий, способных причинить ущерб общественным интересам. В рамках финансового мониторинга данный принцип реализуется благодаря использованию широкого спектра ресурсов, позволяющих оценить характер деятельности проверяемых лиц и их контрагентов с целью выявления объектов, наиболее подверженных риску совершения противоправных финансовых операций.

В-пятых, принцип автоматизации, заключающийся в использовании информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих автоматизировать постоянные и однообразные процессы при проведении контрольных мероприятий. В рамках финансового мониторинга активно используются методы машинного обучения и искусственного интеллекта, позволяющие оптимизировать процессы, связанные с обработкой большого объема данных, что будет более подробно рассмотрено далее.

Также, в научной литературе также выделяются иные принципы финансового контроля. Так, одним из таких принципов является принцип превентивности, в соответствии с которым, контроль должен осуществляться не только после наступления неблагоприятных последствий и для своевременного выявления нарушений и их предотвращения [3]. В рамках финансового мониторинга данный принцип реализуется вследствие возможности проведения должностными лицами Росфинмониторинга инициативных проверок при выявлении в рамках макроанализа финансовых операций признаков совершения противоправных действий с денежными средствами, а не только на основании запросов их правоохранительных или контрольных органов, поступающим в рамках проведения проверок по уже выявленным фактам совершения преступлений и правонарушений [2, с. 80-84].

Кроме указанных принципов, характерных как финансовому контролю, так и финансовому мониторингу, также можно выделить принципы, характерные только финансовому мониторингу.

Так, на наш взгляд можно выделить принцип конфиденциальности. Данный принцип можно вывести из смысла ст. 4 Закона о ПОД/ФТ, в соответствии с которым установлен запрет на информирование клиентов агентов финансового мониторинга и иных лиц о принимаемых мерах, направленных на реализацию требований законодательства в сфере ПОД/ФТ⁴. Данный принцип позволяет проводить проверку в тайне от проверяемых лиц, что способствует обеспечению защищённости лиц, проводящих расследования и, как следствие, позволяет реализовывать беспристрастное отношение такого лица к проверяемым субъектам.

2 Лимская декларация руководящих принципов контроля Принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kirovsk.ru/files/docs/kso/lima_declaration_of_guidelines_control.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

3 Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2020 г. № 95 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 февраля 2020 г. № 6. Ст. 699.

4 Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 1 сентября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 33 (Часть I). Ст. 3418.

При этом, описанные ранее обстоятельства являются лишь теорией. Вместе с тем, в настоящее время доказательство рассматриваемому вопросу можно встретить в действующем законодательстве.

Подход к определению финансового мониторинга как вида финансового контроля находит своё подтверждение в действующей редакции ст. 8 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путём, или финансированию терроризма»⁵. Если изначально данная статья гласила о том, что Росфинмониторинг направляет в правоохранительные органы сведения о выявленных финансовых операциях, которые могут иметь отношение только к ОД/ФТ⁶, то с декабря 2021 г., после внесения изменений, данная статья предусматривает информирование правоохранительных органов, в том числе и о признаках иных выявленных уголовно наказуемых деяний⁷.

Ещё одно подтверждение данной точки зрения можно найти в Федеральном законе от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», который предусматривает осуществление финансового мониторинга государственных контрактов, заключенных в рамках государственного оборонного заказа. Данная функция возложена на Росфинмониторинг⁸, который анализирует информацию об операциях, полученную им на основании данного федерального закона и Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путём, или финансированию терроризма», и при наличии информации о рисках неисполнения государственного контракта сообщает об этом государственному заказчику⁹.

Ещё одним аспектом, подтверждающим расширение сферы финансового мониторинга, является возложение в 2023 году на Росфинмониторинг полномочий по осуществлению валютного мониторинга – контроля за продажей российскими экспортёрами иностранной валютной выручки на внутреннем валютном рынке¹⁰, что на наш взгляд, полностью выходит за сферу ПОД/ФТ/ПРОМУ.

То есть, в настоящее время, финансовый мониторинг уже определяется законодателем, не только как деятельность в сфере ПОД/ФТ/ПРОМУ, но и как деятельность в сфере противодействия иным преступлениям. Так, финансовый мониторинг позволяет осуществлять проверку хозяйственно-экономической деятельности проверяемых субъектов. Методы финансового мониторинга позволяют осуществлять контроль за использованием бюджетных денежных средств, соблюдением налогового, таможенного законодательства и т.д. Таким образом, финансовый мониторинг может осуществляться не только в сфере ПОД/ФТ/ПРОМУ, но и в налоговой, бюджетной, таможенной и иных сферах.

При этом, как и любая деятельность, финансовый мониторинг, как вид финансового контроля, имеет как преимущества, так и недостатки.

К преимуществам можно отнести, во-первых, своевременное выявление признаков нарушения законодательства; во-

вторых, возможность установления путей движения денежных средств и их конечных получателей; в-третьих, возможность сразу проанализировать хозяйственно-экономическую деятельность участников финансовых отношений, с целью определения уровня риска совершения противозаконных действий.

Вместе с тем, финансовый мониторинг имеет ряд недостатков. Во-первых, в рамках финансового мониторинга анализируются лишь финансовые операции, без обращения к правоустанавливающим документам и соответствующей финансовой отчетности, в связи с чем, выявленные операции, могут иметь признаки сомнительных, но в действительности, осуществляемая проверяемыми лицами деятельность может являться легальной. В связи с изложенным, имеем возможность говорить о соответствии финансового мониторинга такому принципу финансового контроля как достоверность. Во-вторых, заключения Росфинмониторинга носят «неофициальный» характер, так как в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» установлен запрет на информирование проверяемых лиц о принимаемых мерах ПОД/ФТ/ПРОМУ¹¹, в связи с чем, а также тем фактом, что Росфинмониторинг не является правоохранительным органом и провидит свои финансовые расследования не в порядке предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, результаты финансовых расследований не подлежат к приобщению к материалам официальных проверок [7], а значит, осуществление финансового мониторинга не отменяет обязанности проведения анализа финансовой отчетности проверяемых лиц. В то время, данный аспект на наш взгляд, компенсирует собой несоответствие финансового мониторинга принципу достоверности, так как его результаты фактически указывают только на возможный риск и не влекут за собой какие-либо строго определённых правовых последствий.

Таким образом, можно сказать, что финансовый мониторинг является видом финансового контроля, и может рассматриваться в узком смысле как деятельность в сфере ПОД/ФТ/ПРОМУ, и в широком смысле как деятельность в сфере противодействия незаконными посяательствам на денежные средства и совершения противоправных действий с использованием денежных средств. Говоря о финансовом мониторинге в широком смысле, можно сказать, что это вид финансового контроля, целью которого является постоянный анализ и контроль за финансовыми операциями проверяемых субъектов. Такой вид контроля позволяет обнаруживать возможные нарушения законодательства, в том числе, в бюджетной, налоговой, таможенной и иных сферах.

Пристатейный библиографический список

1. Зубков В. А., Осипов С. К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. - М.: Городец, 2006. - 751 с.
2. Бекетнова Ю. М. Типологический анализ в финансовом мониторинге: учебное пособие. - М.: Прометей, 2020. - 260 с.
3. Камиллов А. Ш. Понятие и принципы государственного финансового контроля // Образование. Наука. Научные кадры. - 2023. - № 4. - С. 136-138.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: Изд-во Эксмо, 2006. - 939 с.
5. Прошунин М. М. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 330. - С. 105-108.
6. Финансовое право: учебник для вузов / Г. Ф. Ручкина [и др.]; под редакцией Г. Ф. Ручкиной. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2025. - 348 с.
7. Тисен О. Н., Гриненко А. В. Использование результатов деятельности Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. - 2022. - № 4. - С. 492-504.
8. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Н. И. Химичева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2004. - 749 с.
9. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
5. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
6. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 19 ноября 2021 г.).
7. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Текст Федерального закона опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 21 декабря 2021 г. № 0001202112210028.
8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (ред. от 2 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I). Ст. 7600.
9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе».
10. Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (ред. от 13 ноября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 июня 2012 г. № 21. Ст. 3314.

ХРОМЧЕНКО Максим Денисович

аспирант кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

В представленной статье рассматривается проблематика финансово-правового регулирования электронных денежных средств в Российской Федерации. Проведенный анализ основан на концепции прямых и обратных связей, которые показывают необходимость дальнейшего совершенствования действующего законодательства. Приведены особенности электронных денежных средств. Раскрывается их денежная правовая природа. Отмечается, что осуществление операций с электронными денежными средствами возможно только с использованием электронных средств платежа.

Ключевые слова: электронные денежные средства, электронные средства платежа, национальная платежная система, Банк России, безналичное денежное обращение, деньги, цифровизация, прямые и обратные связи.

KHROMCHENKO Maxim Denisovich

postgraduate student of Financial law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ELECTRONIC MONEY AS AN OBJECT OF PUBLIC-LAW REGULATION

The presented article examines the problems of financial and legal regulation of electronic money in the Russian Federation. The analysis is based on the concept of direct and feedback, which show the need for further improvement of the current legislation. The author notes that electronic money can be fully attributed to money, since they are expressed in the national currency of Russia - the ruble. The characteristic features of electronic money that distinguish them from money stored in bank accounts of credit institutions are given. It is noted that transactions with electronic money are possible only with the use of electronic means of payment.

Keywords: electronic money, electronic means of payment, national payment system, Bank of Russia, non-cash money circulation, money, digitalization, direct and feedback.

Хромченко М. Д.

Деньги – уникальное изобретение человечества, которое до сих пор пользуется огромным доверием в общественных отношениях. Их форма трансформируется, они приобретают новые свойства, о которых ранее никто не подозревал. Вместе с тем, денежные средства выполняют важную функцию эквивалентного обмена. Не существует альтернативы деньгам как доходной части бюджетов бюджетной системы, равно как и нет альтернативы деньгам при реализации сделок в рамках гражданских правоотношений. Общественные отношения пронизаны денежными средствами, которые обеспечивают интересы публичного и частного характера.

Традиционно, экономическая наука определяла пять функций денег, которые отражают их потребность в обществе: мера стоимости, средство обращения, средство накопления, средство платежа, мировые деньги [7, с. 346]. Такие функции не могут быть реализованы в отсутствии доверия со стороны общества, ведь только степень фактической потребности в тех или иных символах (помимо государственного установления) может признать такие символы в качестве денег. Следовательно, деньги отражают так называемые прямые и обратные связи в финансовом праве [2, с. 130], при которых государство, путем реализации своих властных предписаний, устанавливает платежную силу определенной форме денежных средств (прямая связь), а общество принимает её или нет (обратная связь). В результате обратной связи государство понимает о степени востребованности в обществе введенной формы, что, в итоге, влияет на качественную нормативную разработку правил, регулирующих общественные отношения, связанные с обращением новой формы денежных средств. Обратная связь может быть получена пу-

тем фактической реализации функции денег в процессе их обращения. С ростом спроса возрастает потребность в надлежащем правовом регулировании общественных отношений. Так случилось с электронными денежными средствами.

В мировой практике электронные денежные средства (далее – ЭДС) получили всеобъемлющую востребованность. Обращаясь к аналитическому анализу Ютун Чжан «Влияния обращения электронных денег на центральные банки»¹ можно наблюдать рост востребованности ЭДС со стороны экономики. Так, в период с 2001 года по 2020 год общий суммарный рост платежей при использовании ЭДС в еврозоне повысился с 0,1 % до 2,6 % от общей массы платежей. Автор отмечает следующие причины востребованности подобной формы денег: снижение издержек при транзакциях; эффективное управление собственным капиталом; быстрота осуществления «микроплатежей». Общий объем транзакций с использованием ЭДС в Европейском союзе на конец 2023 года превысил отметку в 8,9 млн.², что говорит о высокой востребованности ЭДС.

Анализ зарубежного законодательства показывает различный подход к определению сущности ЭДС. В Англии правовое регулирование ЭДС установлено Статутом о «По-

1 Yutong Zhang. «Analysis on the Influence of Electronic Currency Circulation on Central Bank» // Advances in Economics, Business and Management Research, vol. 166. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/350463768> (дата обращения: 01.12.2024)

2 Number of e-money (electronic money) transactions in the European Union (EU-27) from 2000 to 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/443399/electronic-money-payment-in-european-union/> (дата обращения: 01.12.2024 г.).

* Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

ложении об электронных деньгах от 2011 года³, где в статье 2 электронные деньги признаются в качестве права требования денежной стоимости в электронном формате. Лицо, которое учитывает ЭДС, называется эмитентом электронных денег. В силу закона к эмитентам относятся лица, имеющие право распоряжаться, учитывать и хранить информацию об ЭДС⁴. К таким лицам законодатель относит: уполномоченные учреждения электронных денег; кредитные организации; почтовые отделения; Банк Англии; муниципальные банки; кредитные союзы и другие.

В Индии правовое регулирование порядка обращения ЭДС установлено в Законе о платежной и расчетной системе от 2007 года (The payment and settlement systems act)⁵. Закон позволяет банкам и финансовым организациям выпускать предоплаченные платежные инструменты в Индии после того, как регулирующий орган разрешит использовать такие инструменты. В то же время законодатель не раскрывает понятие «электронное денежное средство», однако в статье 2 главы 1 указывается, что электронный перевод денежных средств означает любой перевод денежных средств, инициированный лицом инструкцией, разрешения или приказа банку дебетовать или кредитовать счет, открытый в этом банке посредством электронных средств платежа и включает переводы в точках продаж, транзакции в банкоматах, прямые депозиты или снятие средств, переводы, инициированные по телефону через интернет. Орган, который осуществляет контроль за бесперебойностью осуществления переводов ЭДС, является Резервный банк, однако он не является эмитентом ЭДС с точки зрения действующего законодательства.

Анализ зарубежной практики позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, ЭДС являются правом требования, которые предъявляются к лицу, учитывающие такие деньги. Во-вторых, ЭДС является законным средством платежа, которое обеспечивается силой государства через уполномоченные органы. В-третьих, ЭДС перечисляется с использованием средств платежа, которые выпускаются финансовыми организациями или уполномоченные государственные учреждения. Отсюда, ЭДС с точки зрения лица, которое может их выпускать и учитывать, иностранный законодатель подразделяет на два вида:

- частные электронные денежные средства, выражающиеся в денежной стоимости на счетах эмитентов – финансовых организаций;
- публичные электронные денежные средства, эмитируемые для определенных публичных целей, контролируемые напрямую со стороны государства.

В российской правовой системе определение сущности ЭДС возможно подразделить на два этапа: осмысление правовой сути ЭДС без законодательного урегулирования правоотношений по обращению ЭДС; законодательное осмысление сущности и правовой природы ЭДС.

Изначально дискуссия сводилась к определению ЭДС в системе объектов гражданских прав. Высказывалась точка зрения, согласно которой ЭДС следовало определять как последовательность цифр/юридически значимых информационно-цифровых импульсов, символизирующих (замещающих) банкноты и монеты [10, с. 136–137]. Очевидно, что поскольку ЭДС обращается в информационной системе, помимо всего прочего, это технология, которая выражается внутренней стороной механизма учета ЭДС. Однако автор оставил за рамками дискуссии денежный характер ЭДС, поскольку, на тот момент, ЭДС не признавался в качестве денежных средств на законодательном уровне.

Согласно точки зрения А. Я. Курбатова, ЭДС следует рассматривать в качестве долевого документа, при передаче которого возникает предпосылка осуществления расчета [3, с. 68–84]. По мнению В. О. Калятиной ЭДС представляет собой способ исполнения денежного обязательства [4, с. 38], при этом автор исключал денежную природу ЭДС.

Интересной в этой связи представляется позиция М. В. Шевчука, который указывает, что «электронные деньги как законное средство платежа можно расценивать в качестве такого только в рамках определенной платежной системы между участниками, которые в таком виртуальном пространстве выступают добровольно на договорной основе» [11, с. 37–38].

Как можно увидеть из представленных мнений, ЭДС рассматривались с позиции гражданско-правового характера в качестве способа обеспечения исполнения основного обязательства, исключая при этом денежную природу. В то же время существовали позиции, согласно которым ЭДС рассматривался в качестве продукта платежной системы [1, с. 18], [8, с. 90], а сами ЭДС являются денежным суррогатом [6, с. 9]. Введение нового закона качественно изменило ситуацию.

Легальное определение ЭДС содержится в статье 3⁶ Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 года № 161-ФЗ⁷ (далее – Закон о НПС). Выделим существенные признаки ЭДС.

Во-первых, законодательством ЭДС относятся к разновидности денежных средств. Такие деньги всецело выполнят функцию обмена за предоставляемые товары, услуги, определяют меру стоимости эквивалентно предоставляемым благам. Активно обсуждается вопрос использования электронных денежных средств в трансграничных расчетах [5, с. 60–66]. В то же время следует констатировать, что в настоящий момент в российской правовой действительности ЭДС не используются в качестве средства трансграничного расчета. Более того федеральный законодатель прямо ограничивает использование ЭДС российскими экспортерами в сфере услуг⁸. Также установлен запрет начисления процентов на остаток ЭДС, что прямо указано в ч. 6 ст. 7 Закона о НПС.

Резюмируя изложенное, ЭДС выполняют не весь перечень функций денег, что делает их схожими с денежными суррогатами, поскольку выполняют только часть функции денег. Однако мы придерживаемся той точки зрения, что ЭДС являются денежными средствами в полном смысле этого слова, поскольку признаются государством в качестве таковых. Более того, ЭДС активно используются за встречное предоставление товаров, услуг на всей территории России, что нельзя сказать про денежный суррогат. Еще одним аргументом в пользу денежной природы ЭДС является тот факт, что они отражаются в форме национальной денежной единицы Российской Федерации – рубля. Следовательно, ЭДС возможно представить в качестве формы внешнего выражения национальной валюты России.

Во-вторых, ЭДС имеют предоплаченный характер. Они учитываются оператором ЭДС для целей исполнения обязательств перед третьими лицами. Предпосылкой существования ЭДС является распоряжение плательщика на осуществление перевода денежных средств со своего расчетного счета в банке или же представления наличных денежных средств в адрес лица, учитывающего ЭДС. Российским законодательством не предполагается эмиссии ЭДС операторами. Основ-

3 The Electronic Money Regulations 2011 (Statutory instruments). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2011/99/contents> (дата обращения: 02.12.2024).

4 Согласно ст. 5 Статута о «Положении об электронных деньгах к таким лицам относят: уполномоченные учреждения электронных денег; кредитные организации; почтовые отделения; Банк Англии; муниципальные банки; кредитные союзы и другие.

5 The payment and settlement system act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2082/4/a2007-51.pdf> (дата обращения: 02.12.2024).

6 Под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, предварительно предоставленные одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами, распоряжения которыми осуществляется с использованием электронных средств платежа.

7 СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

8 Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года») // СЗ РФ. – № 33. – Ст. 4850.

ное функциональное назначение оператора ЭДС выражается в учете остатка ЭДС, осуществление операций с ЭДС на основании распоряжения владельца. Первопричиной существования ЭДС является предоплата наличных или безналичных денежных средств оператору, который учитывает ЭДС. В этом ключе ЭДС преобразуются в результате конвертации наличных или безналичных денежных средств. Указанное приводит к выводу о том, что ЭДС не является самостоятельной формой национальной валюты, а является частным примером безналичных денежных средств.

В-третьих, ЭДС в силу ч. 4 ст. 7 Закона о НПС учитываются без открытия банковского счета. Из сказанного следует, что ЭДС имеет обязательственно – правовую природу и относятся к имущественным правам требования, наравне с безналичными денежными средствами, что сближает их с последними [9, с. 676]. Однако, положения Гражданского кодекса РФ в части обслуживания банковских счетов клиентов не может применяться к ЭДС, поскольку не совершается юридический факт открытия счета. В соответствии с Положением Банка России от 24.11.2022 года № 809-П⁹ ЭДС учитываются на специальном счете № 40903 «Средства для расчетов чеками и осуществления переводов (возврата остатков) электронных денежных средств», однако речь не идет о банковском счете, который открывается клиенту на основе договора. Результат учета ЭДС законодатель предлагает называть остатком ЭДС или учет для целей перевода ЭДС.

В-четвертых, распоряжение остатками ЭДС возможно только с использованием электронного средства платежа (далее – ЭСП)¹⁰.

С позиции действующего законодательства ЭСП является средством или способом передачи распоряжений клиента оператору по переводу денежных средств осуществить перевод денежных средств. Посредством использования ЭСП пользователь ЭДС реализует свою волю на осуществление операций с ЭДС. Такая воля может, выражается в применении технических средств по инициированию платежа, например, прикладывание карты к терминалу-считывателю, направление платежного требования через онлайн программы, которые показывают учет денежных средств, ввод пароля в графе при переводе ЭДС.

Ярким примером ЭСП является карта «Тройка» ГУП Московского метрополитена. Правила пользования картой «Тройка» установлены публичной офертой¹¹, где указывается, что эмитентом карты «Тройка» является ГУП «Московский метрополитен», он же является собственником данной карты. Под транспортной картой «Тройка» понимается электронное средство платежа, предназначенное, в том числе пополнения и списания остатков ЭДС с целью получения физическим лицом услуг проезда на видах транспорта и маршрутах. Оператором, учитывающим ЭДС, является небанковская кредитная организация «МОБИ. Деньги».

Таким образом, пассажир Московского метрополитена, используя карту «Тройка», предварительно предоставляет

свои денежные средства в форме наличных или безналичных денежных средств через кассу или автоматом метрополитена для целей пользования услугами общественного транспорта г. Москвы. Прикладывая карту «Тройка» к турникету, остаток ЭДС уменьшается на сумму поездки. Использование карты тройки в качестве ЭСП вне рамок услуг общественного транспорта ограничено, то есть такие денежные средства имеют строго целевой характер.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что теория прямых и обратных связей показала востребованность в качественном подходе к правовому регулированию обращения ЭДС, поскольку имеется востребованность со стороны общества. В этой связи следует констатировать, что ЭДС являются денежными средствами в полном смысле этого слова, поскольку они выражены в национальной валюте России – рубль. Распоряжение такими денежными средствами имеет целевой характер, который ограничен рамками исполнения обязательства перед третьим лицом, что отличает ЭДС от денежных средств, учитываемых на банковских счетах. Отсюда делаем вывод, что ЭДС представляет собой частный пример безналичных денежных средств, имеющих ограничения в обращении.

Пристатейный библиографический список

1. Внуков Н. А. Порядок проведения расчетов по потребителю-предпринимательским договорам // Безопасность бизнеса. - 2011. - № 3.
2. Горбунова О. Н. Проблема закона о финансах в условиях финансового кризиса // Известия Байкальского государственного университета. - 2010. - № 5.
3. Курбатов А. Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству РФ // Хозяйство и право. - 2007. - № 9.
4. Калятин В. О. Право в сфере Интернета. - М.: Норма. - 2004.
5. Казаченок О. П. Расчеты с использованием электронных денежных средств в странах БРИКС // Банковское право. - 2019. - № 4.
6. Лаврушин О. И. Деньги, кредит, банки: учебник. - 15-е изд., стереотип. - М.: КНОРУС. - 2019.
7. Маркс К. Капитал [Т. 1-3] // К. Маркс, Ф. Энгельс: собрание сочинений. - 2-е изд. - М., 1978.
8. Никитин В. В. Электронные денежные средства организации и индивидуального предпринимателя // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. - 2021. - № 21.
9. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут. - 2020.
10. Тедеев А. А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность): правовое регулирование. - М.: Приор-издат, 2002.
11. Шевчук М. Д. Правовая природа электронных денежных средств // Юрист. - 2022. - № 12.

9 Положение Банка России от 24.11.2022 года № 809-П «О плане счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения» // Вестник Банка России. - 30.01.2023. - № 4-5.

10 В силу ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 года № 161-ФЗ под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

11 Публичная оферта использования транспортной карты «Тройка» и карт, содержащих транспортное приложение, владельцем которого является ГУП «Московский метрополитен», для оплаты пассажирами проезда на транспорте общего пользования, а также получения услуг городских сервисов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://transport.mos.ru/common/upload/docs/oferta.pdf> (дата обращения: 10.12.2024).

УНТЕРОВ Владимир Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

СМИРНОВА Татьяна Сергеевна

преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ

В статье фокусируется внимание на анализе важных аспектов налогообложения в сфере цифровых платформ и электронной коммерции, а также освещение опыта мировой и российской практики в данной области. Автор отмечает, что отсутствие четко установленных правил и норм для отслеживания доходов от онлайн-продаж открывает просторы для уклонения от налогов, что негативно сказывается на финансовом благополучии государства. Кроме того, цифровая экономика порождает новые виды экономической активности, включая предоставление цифровых услуг, аренду цифровых активов и применение криптовалют. Эти явления требуют пересмотра существующих налоговых категорий и введения новых норм, учитывающих особенности данных видов деятельности. В результате анализа выделяются основные сложности и предлагаются рекомендации по улучшению законодательного поля для гарантирования эффективности и справедливости в данной сфере налогообложения, в частности введение глобального цифрового налога, который будет взиматься с доходов, полученных через цифровые платформы и интернет-торговлю.

Ключевые слова: цифровые платформы, интернет-торговля, налогообложение, цифровой налог, администрирование налогов, доход, криптовалюта.

UNTEROV Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

SMIRNOVA Tatyana Sergeevna

lecturer of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

LEGAL ASPECTS OF DIGITAL PLATFORMS TAXATION AND ONLINE COMMERCE

The article focuses on the analysis of important aspects of taxation in the field of digital platforms and e-commerce, as well as highlighting the experience of world and Russian practice in this field. The author notes that the lack of clearly established rules and regulations for tracking income from online sales opens up opportunities for tax evasion, which negatively affects the financial well-being of the state. In addition, the digital economy generates new types of economic activity, including the provision of digital services, the rental of digital assets and the use of cryptocurrencies. These phenomena require a revision of existing tax categories and the introduction of new rules that take into account the specifics of these types of activities. As a result of the analysis, the main difficulties are highlighted and recommendations are proposed to improve the legislative framework to ensure efficiency and fairness in this area of taxation, in particular, the introduction of a global digital tax that will be levied.

Keywords: digital platforms, online commerce, taxation, digital tax, tax administration, income, cryptocurrency.

Исследование налоговых аспектов деятельности цифровых платформ и интернет-магазинов приобретает ключевое значение в свете бурного развития цифровой сферы. С помощью цифровых инноваций бизнес-процессы преобразуются, открывая новые пути взаимодействия между покупателями и продавцами товаров и услуг. Это создает множество сложных правовых и экономических задач, требующих тщательного анализа и корректировки существующих налоговых систем.

Необходимо осознавать, что цифровая экономика отличается глобализированным характером, что ставит перед национальными налоговыми системами серьезные задачи. Традиционные методы налогообложения, основанные на территориальной принадлежности, теряют свою актуальность в условиях, когда доходы формируются за пределами страны. Выход на мировой уровень таких международных цифровых гигантов, как Amazon, Alibaba и Google, подталкивает к созданию инновационных методов для честного распределения налоговых нагрузок [1].

Расширение деятельности цифровых платформ привело к увеличению объемов интернет-торговли, которая часто оказывается вне досягаемости традиционных налоговых механизмов. Отсутствие четко установленных правил и норм для отслеживания доходов от онлайн-продаж открывает просторы для уклонения от налогов, что негативно сказывается на финансовом благополучии государства.

Более того, цифровая экономика порождает новые виды экономической активности, включая предоставление цифро-

вых услуг, аренду цифровых активов и применение криптовалют. Эти явления требуют пересмотра существующих налоговых категорий и введения новых норм, учитывающих особенности данных видов деятельности [2].

Налогообложение доходов, возникающих в результате деятельности на цифровых платформах, имеет свои особенности, обусловленные специфическим функционированием и взаимодействием различных участников рынка. Доходы, получаемые через такие платформы, могут иметь разнообразную природу. К ним относятся, в частности, доход от продажи товаров и услуг, комиссионные сборы за посреднические услуги, рекламные доходы, доходы от лицензирования программного обеспечения и других цифровых продуктов.

Определение места возникновения дохода играет ключевую роль в налогообложении. Если компания зарегистрирована в одной стране, а ее клиенты находятся в другой, возникает необходимость определения юрисдикции, в которой будет взиматься налог.

Международная практика показывает, что налогообложение цифровых платформ и интернет-торговли сталкивается с множеством сложностей, связанных с определением юрисдикции, источником дохода и местом оказания услуг. Так, например, рассматривая специальные налоги на цифровые услуги хочется отметить, что в некоторых странах ЕС введены специальные налоги на цифровые услуги, которые применяются к крупным международным компаниям. Ставки варьируются от 2 % до 7 % от выручки. Некоторые страны ввели специальный налог на цифровые услуги (Digital Services

Тах, DST), который применяется к крупным международным компаниям, таким как Google, Facebook и Amazon [3].

В Китае специального налога на цифровые услуги нет, но существуют строгие правила для иностранных компаний, занимающихся электронной торговлей. Компании обязаны зарегистрироваться в местных налоговых органах и уплачивать корпоративный налог, а также НДС.

Разбирая же данное явление в пределах России хочется отметить, что специальные налоговые режимы (СНР) являются одним из ключевых инструментов поддержки субъектов малого бизнеса. Особенно актуально это для компаний, работающих в сфере электронной торговли, где налоговая нагрузка может оказывать значительное влияние на ведение бизнеса. В России иностранные компании, оказывающие электронные услуги российским пользователям, обязаны регистрироваться в налоговых органах и уплачивать НДС. Также действуют специальные налоговые режимы для индивидуальных предпринимателей, работающих через цифровые платформы [4].

Доход полученный через цифровые платформы реализуется благодаря налогу на добавленную стоимость (НДС), корпоративному, подоходному налогу и специальному налогу на цифровые услуги, вводимому некоторыми странами для налогообложения крупных международных компаний, оказывающих цифровые услуги (например, Google, Facebook).

Важно учитывать правовые аспекты налогообложения доходов, полученных через цифровые платформы. К ним относится: двойное налогообложение, трансфертное ценообразование, автоматический обмен информацией.

Применение налогового законодательства к цифровым платформам и интернет-торговле сопровождается рядом серьезных проблем, которые усложняют эффективное функционирование налоговой системы и создают риски для государственного бюджета.

Одной из главных трудностей является отсутствие четко-го и унифицированного понятийного аппарата, связанного с цифровыми платформами и интернет-торговлей. Терминология, используемая в законодательстве, часто оказывается недостаточно конкретной, что приводит к неоднозначным трактовкам и юридическим спорам. Например, понятие «электронная услуга» может включать широкий спектр различных видов деятельности, начиная от предоставления программного обеспечения и заканчивая консультационными услугами. Такая неопределенность затрудняет применение налоговых норм и увеличивает вероятность ошибок при расчете и уплате налогов.

Современные информационные технологии развиваются очень быстро, и налоговые органы часто оказываются не готовы к новым вызовам. Например, появление блокчейна и криптовалют требует разработки новых методов контроля и учета операций, проводимых через эти технологии. Отсутствие соответствующих технических решений может привести к тому, что значительная часть доходов останется незамеченной и налогооблаемой налогом [5].

Многие цифровые платформы работают на основе закрытых алгоритмов и автоматизированных процессов, что делает их деятельность непрозрачной для внешних наблюдателей. Это затрудняет оценку реальной стоимости услуг и доходов, получаемых через такие платформы. В результате налоговые органы сталкиваются с проблемами при определении налоговых баз и проверке правильности расчетов.

Вышеописанные проблемы свидетельствуют о необходимости серьезного реформирования налогового законодательства и улучшения механизма администрирования налогов в секторе цифровых платформ и интернет-торговли. Важнейшими направлениями работы должны стать уточнение терминологии, внедрение современных информационных систем, усиление международного сотрудничества и повышение прозрачности деятельности цифровых компаний. Только комплексный подход позволит создать эффективную и справедливую систему налогообложения в условиях цифровой экономики.

Будущее налогообложения цифровых платформ и интернет-торговли будет формироваться под влиянием ряда факторов, среди которых важнейшую роль играют технологические инновации и изменения в глобальной экономической среде.

Одним из ключевых прогнозируемых изменений станет дальнейшее сближение и гармонизация налогового законодательства на международном уровне. Это обусловлено необходимостью устранения пробелов и противоречий, воз-

никающих при налогообложении транснациональных цифровых компаний. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) уже ведется работа над проектом BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), направленным на борьбу с агрессивной налоговой оптимизацией и уклонением от уплаты налогов. В будущем можно ожидать дальнейшего развития этого проекта и принятия новых соглашений, направленных на создание единых стандартов налогообложения цифровых услуг.

Еще одним возможным изменением может стать введение глобального цифрового налога, который будет взиматься с доходов, полученных через цифровые платформы и интернет-торговлю. Такой налог мог бы заменить существующие национальные налоги на цифровые услуги и обеспечить более равномерное распределение налоговых поступлений между странами. Это позволило бы снизить риск «налоговых войн» и повысить эффективность сбора налогов.

Блокчейн-технологии могут существенно изменить процессы администрирования налогов. Благодаря своей децентрализованной природе и высоким уровням безопасности, блокчейн может использоваться для автоматического учета и проверки транзакций, происходящих через цифровые платформы. Это позволит сократить количество ошибок и злоупотреблений, а также ускорить процесс расчета и уплаты налогов.

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение могут сыграть важную роль в улучшении налогового аудита и мониторинга. Алгоритмы ИИ способны анализировать большие объемы данных, выявлять аномалии и подозрительную активность, а также помогать в принятии решений по вопросам налогообложения. Это поможет налоговым органам быстрее реагировать на изменения в поведении налогоплательщиков и эффективнее бороться с уклонением от уплаты налогов.

Взаимосвязанные с блокчейн-технологиями смарт-контракты могут значительно упростить процесс заключения сделок и выполнения обязательств между сторонами. В будущем возможно внедрение смарт-контрактов в налоговые процедуры, что позволит автоматически рассчитывать и удерживать налоги при совершении транзакций. Это сократит административные издержки и повысит точность налогообложения.

Таким образом, будущее налогообложения цифровых платформ и интернет-торговли будет определяться комплексом факторов, включая технологические инновации и глобальные экономические изменения. Введение глобального цифрового налога может стать следующим значительным шагом, способствующим более справедливому распределению налоговых поступлений. Технологии, такие как блокчейн, искусственный интеллект, смарт-контракты и иные, обещают революционизировать процесс администрирования налогов, повысить его эффективность, а также уменьшить ошибки и злоупотребления. Разработка четких правил для налогообложения криптовалют и токенов станет важным аспектом для поддержки стабильности и прозрачности рынка цифровых активов.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланбекова А. З., Мустаеф Р. Э. Актуальные проблемы налогового администрирования // Юридический вестник ДГУ. 2020. № 4. С. 69-73.
2. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. С. 12-17.
3. Зиньков Е. Н. О иерархии нормативных правовых актов в сфере регулирования режима налогообложения нерезидентов в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 222-223.
4. Зиньков Е. Н. Налог на профессиональный доход: вопросы теории и практики // Наука XXI века: актуальные направления развития: сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции, 22 сентября 2023 года / редколлегия: Е. А. Кандрашина, В. А. Пискунов (ответственные редакторы) [и др.]; Самарский государственный экономический университет. Самара: Изд-во СГЭУ, 2023. Вып. 2, ч. 2. С. 388-393.
5. Кирова Е. А., Морозова Н. Г., Безверхий А. С. Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики // Вестник ГУУ. 2019. № 7. С. 118-124.

КАЧНОВ Максим Эдуардович

арбитражный управляющий, частнопрактикующий юрист, аспирант, Российский государственный университет правосудия

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРЕДИТОРОВ И АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ЗА НЕЭФФЕКТИВНУЮ СТРАТЕГИЮ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию ответственности кредиторов и арбитражного управляющего за неэффективные решения в рамках конкурсного производства. Анализируются правовые основания для продолжения хозяйственной деятельности должника и их влияние на конкурсную массу. Особое внимание уделено судебной практике, включая позиции Верховного Суда РФ, раскрывающие возможность взыскания убытков с кредиторов и управляющего. Рассматриваются соотношение субсидиарной и деликтной ответственности в процедурах банкротства.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, кредиторы, деликт, убытки.

KACHNOV Maksim Eduardovich

insolvency practitioner, private practice lawyer, postgraduate student, Russian State University of Justice

Качнов М. Э.

LIABILITY OF CREDITORS AND INSOLVENCY PRACTITIONER FOR INEFFECTIVE BANKRUPTCY STRATEGY

The article focuses on the examination of the liability of creditors and the insolvency practitioner for ineffective decisions in the framework of bankruptcy proceedings. The legal grounds for continuing the debtor's business activities and their impact on the bankruptcy estate are analyzed. Special attention is given to case law, including positions of the Supreme Court of the Russian Federation, which reveal the possibility of recovering damages from creditors and the insolvency practitioner. The relationship between subsidiary and tort liability in bankruptcy proceedings is also explored.

Keywords: bankruptcy, insolvency practitioner, creditors, tort, damages.

Процедура банкротства в российском праве призвана обеспечить баланс интересов должника и кредиторов, с одной стороны, и оптимизировать процесс удовлетворения требований кредиторов, с другой. В условиях конкурсного производства перед арбитражным управляющим и кредиторами может встать вопрос о целесообразности продолжения хозяйственной деятельности должника, что порождает дополнительные правовые и экономические риски. Это решение, как правило, предполагает необходимость нахождения оптимального подхода к сохранению активов и предотвращению убытков, которые с недавнего времени могут затронуть всех лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Несмотря на то, что задачами арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства являются последовательные мероприятия по формированию конкурсной массы путем выявления и реализации имущества (активов) должника для расчетов с кредиторами, запрета на осуществление должником-банкротом хозяйственной деятельности Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹ не содержит.

В соответствии с пунктом 6 статьи 129 Закона о банкротстве² собрание кредиторов вправе принять решение о прекращении хозяйственной деятельности должника при условии, что такое прекращение не повлечет за собой техногенные и (или) экологические катастрофы, прекращение эксплуатации объектов, используемых для обеспечения со-

циально значимых объектов, необходимых для жизнеобеспечения граждан.

При этом, как указано в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2016 г. по делу № 307-ЭС14-8417, А21-2012/2008³, положения указанной нормы не могут быть истолкованы таким образом, что продолжение деятельности юридического лица – должника в период конкурсного производства оправдано до тех пор, пока иное не установлено собранием кредиторов.

В указанном же определении⁴ Верховный Суд отмечает, что, действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию конкурсного производства в отношении должника, в том числе целесообразность дальнейшего функционирования хозяйствующего субъекта, учитывая, в частности, исключение возможности необоснованного простоя имущества, которое может приносить доход в период осуществления мероприятий по его оценке, подготовке к реализации, наличие объективных предпосылок к продаже предприятия как единого имущественного комплекса либо осуществления процедуры замещения активов и т.п.

Таким образом, действующее законодательство наделяет прерогативой принятия решений о продолжении хозяйственной деятельности должника в стадии ликвидационной процедуры конкурсного управляющего. Кредиторов законо-

1 Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

2 Там же.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2016 г. по делу № 307-ЭС14-8417, А21-2012/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Там же.

датель наделяет инструментом противодействия решению конкурсного управляющего о продолжении хозяйственной деятельности должника в случае, если такое решение нецелесообразно и не соответствует целям и задачам конкурсного производства, а не возлагает обязанность принимать стратегические решения по вопросам управления бизнес-процессами должника.

Более того, в судебной практике⁵ наблюдалась правовая позиция, согласно которой принятие кредиторами решения о продолжении хозяйственной деятельности должника не входит в перечень вопросов, относящихся к исключительной компетенции собрания кредиторов, установленной пунктом 2 статьи 12 Закона о банкротстве⁶, и потому признается судом недействительным.

Нам затруднительно согласиться с указанной аргументацией судов ввиду следующего.

Действительно, исключительная компетенция собрания кредиторов определена в пункте 2 статьи 12 Закона о банкротстве⁷. Вместе с тем содержащийся в данном пункте перечень вопросов, по которым принимаются решения собранием кредиторов, не является исчерпывающим. Иные вопросы, входящие в компетенцию собрания кредиторов, определены в Законе о банкротстве применительно к отдельным процедурам банкротства. Схожей аргументации придерживается более актуальная судебная практика⁸.

Таким образом, действующее законодательство о банкротстве подходит диспозитивно к регулированию порядка принятия решений кредиторов о продолжении хозяйственной деятельности должника, оставляя данный вопрос по большей степени в плоскости исполнения фидуциарных обязанностей со стороны конкурсного управляющего.

Вопросы ответственности кредиторов за решения, принятые ими на собрании кредиторов, законодательство о банкротстве прямо также не регулирует. Закон о банкротстве предлагает заинтересованным лицам по сути единственный способ защиты права – обращение с заявлением об оспаривании решения собрания кредиторов, реализация которого приведет к неэффективной стратегии конкурсного производства⁹.

Изменением подхода к вопросу ответственности кредиторов в рамках дела о банкротстве послужило рассмотрение Верховным Судом Российской Федерации обособленного спора в рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Выборгская лесопромышленная корпорация»¹⁰.

В данном споре было рассмотрено заявление о взыскании убытков с лиц, ответственных за принятие и реализацию решения о продолжении должником хозяйственной деятельности после введения процедуры конкурсного производства, в том числе кредиторов и конкурсного управляющего должника.

Основанием для обращения с заявлением о взыскании убытков послужили следующие события.

Собранием кредиторов в ходе конкурсного производства принято решение о продолжении хозяйственной деятельности ООО «ВЛПК (должник)». Указанным решением одобрены сделки, сопровождающие продолжение хозяйственной деятельности, в том числе договор, в соответствии с которым должник обязался оказать заказчику (кредитору в деле о банкротстве) комплексную услугу по переработке давальческого сырья заказчика (процессингу). ФНС России, полагая, что конкурсный управляющий и часть кредиторов должника использовали схему процессинга в ущерб конкурсной массе, обратилась с заявлением о взыскании убытков с указанных лиц. Доводы заявителя сводятся к убыточности схемы для должника, в связи с наличием посредника, покупающего сырье и затем продающего готовую продукцию, без привлечения которого рентабельность сделки могла бы позволить должнику погасить требования по текущим и реестровым обязательствам.

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹¹, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд¹² и Арбитражный суд Северо-Западного округа¹³ отказали в удовлетворении заявленных требований ФНС. Суды указали, что процессинговая схема была вынужденной мерой для продолжения деятельности предприятия, так как его остановка повлекла бы значительные затраты и социальные последствия. Также было отмечено, что лица, указанные ФНС, не могли быть признаны контролирующими должника до его банкротства и их действия не подпадали под ответственность по правилам главы III.2 Закона о банкротстве¹⁴.

Верховный Суд Российской Федерации отменил акты судов нижестоящих инстанций, направил дело на новое рассмотрение, высказав ряд практикообразующих положений. После направления Верховным Судом обособленного спора на новое рассмотрение заявление о взыскании убытков по состоянию на сентябрь 2024 г. еще рассматривается Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹⁵:

В рамках конкурсного производства вред должнику могут причинить не только контролирующие лица, но и иные лица (конкурсный управляющий, кредиторы) действующие как самостоятельно, так и совместно.

5 Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2018 г. № 07АП-595/2015(4), 07АП-595/2015(5) по делу № А03-18387/2014 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Определением Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2019 г. № 304-ЭС19-2229 отказано в передаче дела № А03-18387/2014 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

6 Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

7 Там же.

8 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 июня 2022 г. № Ф04-6136/2018 по делу № А27-13169/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

9 Пункт 4 статьи 15 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

10 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 307-ЭС17-10793(26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

11 Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 июля 2021 г. по делу № А56-45590/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.09.2024 г.).

12 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2021 г. по делу № А56-45590/2015 // «СПС «КонсультантПлюс».

13 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 марта 2022 г. по делу № А56-45590/2015 // «СПС «КонсультантПлюс».

14 Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

15 Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15 июля 2024 г. по делу № А56-45590/2015/уб3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.02.2024 г.).

До вынесения указанного определения правоприменитель не допускал возможность взыскания убытков с кредиторов в рамках дела о банкротстве. Верховный Суд компенсировал этот пробел путем ссылки на общие положения гражданского законодательства. Так в соответствии со статей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере¹⁶.

Более того, отсутствие у ответчиков статуса контролирующих должника лиц в предбанкротный период не свидетельствует о невозможности взыскания с них убытков в конкурсную массу должника за период, когда должник находился в конкурсном производстве и осуществлял производственную деятельность.

Возможность взыскания убытков с лиц вне зависимости от наличия статуса контролирующих уже получила свое развитие в актуальной судебной практике¹⁷.

Также Верховный Суд фактически развивает ранее сформированную позицию¹⁸ о необходимости добросовестного определения конкурсным управляющим стратегии конкурсного производства, высказывая следующее положение.

В случае принятия собранием кредиторов решения о продолжении хозяйственной деятельности добросовестный конкурсный управляющий должен предпринять меры для максимального извлечения прибыли в целях пополнения конкурсной массы должника-банкрота. Безразличное отношение конкурсного управляющего к вопросу о рентабельности производственной деятельности не соответствует задачам конкурсного производства.

Указанная правовая позиция также получила достаточно широкое распространение в судебной практике.

К примеру, в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 14 февраля 2023 г. № Ф06-26481/2017 по делу № А06-1229/2016 суд, взыскивая с арбитражного управляющего убытки, указал следующее¹⁹:

«Действительно, конкурсная процедура, являясь по своей сути ликвидационной и направленной на погашение требований кредиторов за счет продажи имущества должника-банкрота, по общему правилу не предполагает продолжение должником производственной деятельности и, как след-

ствие, не обязывает конкурсного управляющего заботиться о ее показателях.

Вместе с тем, если принято решение о продолжении производственной деятельности должника-банкрота, то разумный и добросовестный конкурсный управляющий должен предпринять меры для получения максимальной прибыли для пополнения конкурсной массы должника-банкрота (по крайней мере такой прибыли, которая покрывала бы затраты должника на себестоимость выпускаемой продукции и не позволяла бы ему продолжать наращивать долги). Безразличное и тем более расточительное отношение конкурсного управляющего к вопросу о рентабельности производственной деятельности не соответствует задачам конкурсного производства».

При этом суды отмечают, что наличие решений собрания кредиторов о продолжении хозяйственной деятельности не освобождает арбитражного управляющего от ответственности²⁰.

Важным аспектом, который заслуживает отдельного внимания, является стандарт доказывания в делах о взыскании убытков с кредиторов и арбитражного управляющего. В рамках дела о банкротстве ООО «ВЛПК» Верховный Суд отмечает, учитывая тот факт, что намерение причинить вред, как правило, не афишируется, требование от потерпевшего представления им прямых доказательств согласованной воли сопричинителей о совместном причинении вреда чрезмерно и неоправданно.

Такая позиция нашла отражение в актуальных судебных решениях не только при рассмотрении споров о взыскании убытков в рамках дела о банкротстве²¹ но и при и оспаривании сделок по общегражданским основаниям²².

Анализируемое определение Верховного Суда также поднимает вопросы правовой природы ответственности кредиторов должника за причинение вреда.

Данный вид ответственности конкурсных кредиторов за вред, причиненный в процедурах банкротства, строится по модели генерального деликта, в соответствии с которым вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации²³). Ответственность за причиненный вред может наступить при доказанности вины, противоправности действий и наличия причинно-следственной связи между действиями лиц и убытками должника.

Российскому праву свойственна смешанная модель деликтной ответственности, предполагающая наличие одновременно общего принципа генерального деликта и ряда специальных деликтов²⁴.

Смешанный характер модели возмещения вреда в России подчеркивается также тем, что обычно среди условий

16 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

17 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 июня 2024 г. № Ф04-5182/2017 по делу № А27-8569/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

18 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2020 г. № 308-ЭС16-10285(4,5,6) по делу № А63-13115/2014 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-8062(2) по делу № А40-13337/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

19 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 февраля 2023 г. № Ф06-26481/2017 по делу № А06-1229/2016 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Также об этом: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 мая 2024 г. № Ф04-4545/2018 по делу № А27-7656/2016 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 декабря 2023 г. № Ф04-1752/2021 по делу № А45-10429/2019 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 июля 2023 г. № Ф07-7230/2023 по делу № А66-4904/2013 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2023 г. № Ф04-1990/2014 по делу № А27-6066/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

20 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 июня 2024 г. по делу № А27-8569/2016 СПС «КонсультантПлюс».

21 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 февраля 2024 г. № Ф06-11503/2009 по делу № А12-8206/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

22 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 апреля 2023 г. № Ф04-1128/2023 по делу № А03-8603/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

23 Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. – № 5. – Ст. 410.

24 Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. – С. 1080. – 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

возмещения вреда выделяется противоправность как самостоятельный элемент [2]. То есть имеется в виду, что не любой вред признается противоправным сам по себе, однако становится таковым в связи с нарушением какой-либо предусмотренной законом обязанности.

Применение Верховным Судом норм статей статей 10, 15, 393, 1064 и 1080 ГК РФ, обоснование факта причинения вреда конкурсной массе через определение недополученной должником прибыли иллюстрирует деликтную правовую природу ответственности кредиторов в рассматриваемом случае.

В качестве альтернативной модели привлечения конкурсных кредиторов к ответственности может рассматриваться субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц.

Согласно статье 61.10 Закона о банкротстве²⁵ под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Интересным представляется соотношение содержания корпоративного контроля и такого явления, как конкурсный контроль, т.е. совокупности прав и фактических возможностей конкурсного кредитора определять действия должника²⁶.

Представляется, что корпоративный и конкурсный контроль имеют различия в своей природе, но схожи в функциональной направленности.

Возможность применения модели субсидиарной ответственности к контролирующим должника кредиторами проистекает также из такого основания привлечения субсидиарной ответственности как существенное ухудшение финансового положения должника после возникновения признаков банкротства²⁷.

Анализируя соотношение и выбор наиболее оптимальной модели привлечения ответственности кредиторов за вред, причиненный в рамках дела о банкротстве, необходимо исходить из следующего:

В соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об

ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Соответственно, институты деликтной ответственности и субсидиарной ответственности при банкротстве соотносятся как общее и специальное.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что условия наступления субсидиарной ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве и деликтной ответственности являются аналогичными (наличие вреда, вина, факт противоправного поведения, причинно-следственная связь между фактом противоправного поведения и вредом). Указанная позиция разделяется научным сообществом [1].

Вместе с тем отличительной особенностью субсидиарной ответственности является наличие опровержимых презумпций, служащих для облегчения доказывания обстоятельств причинно-следственной связи между действием, наступившим вредом, а также размер сумм подлежащих взысканию с ответчиков (при субсидиарной ответственности размер убытков равен размеру реестра требований кредиторов²⁸, при деликтной ответственности размер ответственности равен всей сумме причиненных должнику убытков).

Нам представляется обоснованной позиция о том, что надлежащей моделью привлечения конкурсных кредиторов к гражданско-правовой ответственности является модель генерального деликта, закрепленная в статье 1064 ГК РФ. Полагаем, что предлагаемая модель отвечает запросам миноритарных кредиторов в случае невозможности их влияния на принятие решений о стратегии конкурсного производства, не требует доказывания наличия конкурсного или корпоративного контроля, злоупотребления своими полномочиями, наиболее сбалансировано подходит к распределению бремени доказывания (не накладывает на ответчиков презумпции, в тоже время не требует повышенного стандарта доказывания от заявителей) и в целом наиболее полно отвечает главной задаче конкурсного производства – соразмерному удовлетворению требований кредиторов.

Пристатейный библиографический список

1. Алекперов Д. С. оглы. Соотношение правил о субсидиарной ответственности при банкротстве и генеральном деликте // Арбитражные споры. – 2023. – № 4. – С. 150-168.
2. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть вторая) // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 5. – С. 73.
3. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... к. ю. н. – Москва, 2016.
4. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. С. 1080 2014 // «СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

²⁶ Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... к. ю. н. – Москва, 2016. – С. 14.

²⁷ Подпункт 2 пункт 12 статьи 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190 @@ пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Пункт 11 статьи 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ». – 28 октября 2002 г. – № 43. – Ст. 4190.

МУЧИНСКИЙ Данила Олегович
юрисконсульт ООО «ДМ»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАРШЕРИНГА: ПОНЯТИЕ, СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

В статье приводится анализ понятия «каршеринг». Автор доказывает многоаспектность данного понятия. В частности, каршеринг рассматривается как информационная система, база данных и программа для ЭВМ. Автор рассматривает, в какие общественные отношения вступает оператор каршеринга, какие нормативно-правовые акты регулируют указанную деятельность. Рассмотрены виды отношений, в которых участвует оператор каршеринга. Высказаны предложения о дальнейшем способе регулирования деятельности оператора каршеринга с учетом анализа правового регулирования услуг, сходных с каршерингом, путем установления обязательных требований.

Ключевые слова: каршеринг, оператор каршеринга, лицензирование деятельности оператора каршеринга.

MUCHINSKIY Danila Olegovich
legal adviser of DM LLC

Мучинский Д. О.

LEGAL REGULATION OF CAR SHARING: DEFINITION, THE SUBJECT OF A LEGAL RELATIONSHIP, OBLIGATORY REQUIREMENTS

The author analyzes the concept of car sharing in the article. The multifaceted nature of the above term's definition is argued herein. For instance, car sharing is considered as an information system, database, and computer program. The author examines, what social relations does a car sharing operator enter into and what legal acts regulate the specified activities. Relationship types involving the car sharing operator are under view herein. The suggestions about the further car sharing operator means of activity settlement are made in the light of services similar to car sharing legal regulation analysis via establishing the mandatory requirements.

Keywords: car sharing, operator of car sharing, licensing of car sharing operator activities.

Понятие каршеринга.

Филипов С. А. и Переярина П. О. рассматривают каршеринг «как услугу, представляющую собой кратковременную аренду автомобиля, оплачиваемую поминутно» [3, с. 138].

Действительно, под каршерингом понимается сервис краткосрочной аренды транспортных средств (далее - ТС). При этом для целей правового регулирования стоит отметить, что каршеринг можно понимать по-разному (в зависимости от целей регулирования отношений).

Законодательство не дает единого определения понятия «каршеринг», обратившись к актам субъектов России можно выявить лиц, имеющих право на материальную поддержку. В соответствии с п. 1.4.2 постановления Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» к оператору каршеринга относят лиц, зарегистрированных в установленном законом порядке в качестве юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих круглосуточную поддержку потребителей через контактный центр и предоставляющих легковые автомобили в краткосрочную аренду (до 24 часов)¹. Стоит обратить внимание, что критерии введены для определения круга лиц, имеющих право на компенсацию расходов (например, компенсация лизинговых платежей), в связи с чем рассматривать данное понятие как легальное понятие каршеринга не представляется возможным.

Если переводить буквально слово «каршеринг», оно означает краткосрочную передачу автомобиля. Проблематика заключается в сложности определения срока, т.к. краткосрочная аренда не всегда может длиться до 24 часов. Напри-

мер, в соответствии с п. 2 ст. 683 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) краткосрочным наймом считается найм до года². В соответствии с п. 1 ст. 627 ГК РФ движимые вещи, используемые для потребительских целей, передаются на срок до года³. В связи с отсутствием легального понятия, выявим характерные черты.

Во-первых, данный сервис можно понимать как информационную систему, поскольку она представляет собой перечень сведений (о потребителях, о расположении автомобилей, их характеристиках, местах окончания аренды, условия договора), содержащихся в базе данных хозяйствующего субъекта, что по формальному признаку соответствует понятию, закрепленному в п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее - закон об информации)⁴. Оператор каршеринга в качестве субъекта информационных отношений осуществляет обработку информации в соответствии с политикой конфиденциальности, которая разрабатывается оператором каршеринга, при наличии согласия потребителя на обработку персональных данных.

Во-вторых, каршеринг можно понимать, как базу данных. С одной стороны, к такому выводу можно прийти, исходя из буквального понимания информационной системы, т.к. в ней содержится указание на то, что информация хранится в базе данных. С другой стороны, в соответствии с абз.

1 Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. - 2011. - № 50.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - №5. - Ст. 410.

3 Там же.

4 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // РГ. - 29.07.2006. - № 165.

2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ⁵, базой данных можно назвать совокупность материалов, систематизацию которых осуществляет программа для ЭВМ. В связи с тем, что информация хранится в базе данных и обрабатывается в специальной программе для ЭВМ, можно прийти к выводу о том, что сервис действительно можно рассматривать как базу данных.

В-третьих, каршеринг можно понимать в узком смысле. В соответствии со ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата⁶. В связи с тем, что все взаимодействие оператора каршеринга с потребителем осуществляется с использованием программы для смартфона или сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», то каршеринг можно рассматривать как программу для ЭВМ. При этом указанное не будет в полной мере характеризовать сервис, поскольку программа для ЭВМ – это лишь способ реализации бизнес-модели оператора каршеринга, ее создание не является самоцелью лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность в сфере предоставления краткосрочной аренды ТС.

В связи с тем, что каршеринг является сервисом (информационной системой, базой данных), в правовом поле необходимо ввести понятие субъекта, ответственного за его работу – оператор каршеринга, для чего предложим следующие характерные черты оператора каршеринга:

1. Организация, зарегистрированная в установленном законом порядке.

2. Организация разработала самостоятельно или использует созданную для нее программу ЭВМ, в которой осуществляется заключение договора с потребителем, отслеживается исполнение договора и прекращается договор по определенной поездке.

3. Организация имеет на вещном или ином законном праве программно-аппаратные мощности для обеспечения работоспособности программы для ЭВМ.

4. Организация предоставляет автомобили потребителям во владение и пользование на срок до одного года.

Субъектный состав отношений

В рассматриваемой деятельности можно выделить три основных субъекта: оператор каршеринга, орган государственной власти, потребитель.

Как правило, оператору каршеринга принадлежит программно-аппаратный комплекс, необходимый для функционирования сервиса. При этом дискуссионным является вопрос о том, кто является оператором информационной системы в том случае, если указанные технические средства находятся в собственности у одного лица (например, аккредитованной IT-организации), а сервера используются лицом, предоставляющим ТС в аренду. Думается, что формальный подход в данной ситуации необходимо признать ошибочным. Это связано с тем, что федеральный законодатель, формулируя общее правило, придерживается формального подхода лишь по одной причине – простоты юридической техники. В случае, описанном выше, аккредитованная IT-организация оказывает услуги лицу, который предоставляет ТС в аренду, по модели SaaS⁷. Для признания лица оператором каршеринга, думается, важно не то, какие способы оформления вещей использует лицо, а то, кто и для каких целей использует указанные вещи. В связи с этим можно сделать вывод о том, что оператором каршеринга можно назвать лицо, которое осуществляет предоставление ТС в аренду как основной вид предпринимательской деятельности с использованием аппаратно-программного комплекса (приложения для смартфона, сайта в сети «Интернет»).

С учетом того, что оператор каршеринга несет высокие в стоимостном выражении капитальные расходы, направленные на поддержание работы сервиса, обслуживание ТС, для оптимизации рисков несения ответственности, оператором является юридическое лицо. К нему на данный момент не предъявляются дополнительные требования о персональном составе органов управления, о финансовой стабильности юридического лица, поскольку данная сфера деятельности не является стратегической. В общем и целом, можно согласиться с мнением законодателя об отсутствии необходимости в установлении дополнительных барьеров. Данная деятельность является предпринимательской (ст. 2 ГК РФ⁸), поскольку содержит все ее признаки, и, как отмечено выше, бизнес-модель арендодателя заключена в передачи ТС во временное владение.

Другим субъектом отношений является потребитель – лицо, которое использует сервис для личных нужд. При этом возникает вопрос о том, с какого возраста лицо вправе заключить договор с оператором каршеринга. С формальной точки зрения, лица в возрасте старше шести лет вправе самостоятельно заключать мелкие бытовые сделки (ч. 2 ст. 28 ГК РФ⁹), однако законодатель не дает дефиниции указанного понятия, оставляя на судейское усмотрение вопрос о наличии или отсутствии мелкого бытового характера в конкретной сделке. В правоприменительной практике сложился единый подход о том, что дорогостоящая (по усмотрению суда) покупка не является мелкой бытовой сделкой (например, покупка автомобиля)¹⁰. Оплата услуг ЖКХ, хотя и не является дорогостоящей, также не может быть возложена на несовершеннолетнего¹¹. Помимо этого, суд обращает внимание на категорию субъекта: является ли сделка обычной для лица в возрасте шести лет¹². Едва ли можно ответить на данный вопрос удовлетворительно. Можно ли лицу заключить договор после достижения совершеннолетия – вопрос также неоднозначный, поскольку для реализации прав и обязанностей по договору аренды ТС необходимо иметь право на управление соответствующим видом ТС. Однако, как следует из буквального толкования ч. 3 ст. 55, п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, только федеральный закон может ограничивать лиц в осуществлении ими своих прав (в том числе право заключать договор), в связи с чем необходимо установить соответствующий запрет на законодательном уровне.

Третий субъект – государственный орган. Контроль за соблюдением действующего законодательства оператором каршеринга осуществляет федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор)¹³ и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор)¹⁴. К компетенции первого относится осуществление контроля за соблюдением законодательства, регулирующие информационные отношения; к компетенции второго относится осуществление кон-

8 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

9 Там же.

10 Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.09.2015 № 33-14520/2015 по делу №2-274/2015 // СПС «Консультант Плюс».

11 Апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2016 по делу № 33-11377/2016 // СПС «Консультант Плюс».

12 Апелляционное определение Московского городского суда от 04.08.2015 по делу № 33-22359/2015 // СПС «Консультант Плюс».

13 Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (далее – положение о РКН) // СЗ РФ. - 2009. - №12. - Ст. 1431.

14 Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» (далее – положение о РПН) // РГ. - 2004. - № 144.

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // РГ. - 22.12.2006. - № 289.

6 Там же.

7 В соответствии с моделью SaaS исполнитель услуги разрабатывает программное обеспечение, устанавливает его на свои вычислительные мощности, обслуживает и предоставляет заказчику доступ к программе для ЭВМ как к готовому интернет-сервису.

троля за соблюдением законодательства в области защиты прав потребителей.

Рынок предоставления транспортных средств в аренду имеет существенные экономические барьеры из-за высоких капитальных затрат. Контроль за сохранением конкуренции и соблюдению законодательства о рекламе осуществляет ФАС. Например, в 2018 году ФАС выявила нарушения ООО «Карфор» п.1 ч.3. и ч.6 ст.5 закона «О рекламе»¹⁵.

Обязательные требования к деятельности.

Обязательные требования устанавливаются государственными органами путем лицензий и разрешений или саморегулируемыми организациями через разработку собственных стандартов. Дискуссионным является вопрос о способе регулирования предпринимательской деятельности оператора каршеринга. С одной стороны, законодатель может предусмотреть обязательное членство в саморегулируемой организации (далее - СРО) для данного вида предпринимателей. С другой стороны, возможен лицензионный способ.

Развитие СРО в России описывает А. Ф. Алгазина, которая, помимо прочего, указывает на тенденцию перехода от государственного контроля к саморегулированию [1, с. 99]. На сегодняшний день государство делегировало контрольные функции СРО следующим видам деятельности:

- субъектам градостроительной деятельности (ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 48, ч. 3.9 ст. 49, ч. 2 ст. 52, п. 2 ч. 2 ст. 55.29, ч. 4 ст. 55.31 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹⁶);

- лицам, осуществляющим деятельность по проведению энергетического обследования (ч. 4 ст. 15 Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁷);

- оценщикам (ст. 15 «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»¹⁸);

- арбитражным управляющим (ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве»¹⁹);

- аудиторам (ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»²⁰);

- кадастровым инженерам (ч. 1 ст. 29 Федерального закона «О кадастровой деятельности»²¹).

За исключением организаций финансового рынка все лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность и обязанные состоять в СРО, подвергались лицензионному контролю со стороны государства; только после обобщения и систематизации всех необходимых требований для соответствующего вида деятельности, а также единообразия в правоприменении государство делегировало полномочия СРО. Думается, что в случае с регулированием деятельности оператора каршеринга необходимо поступить аналогично.

Рассматривая вопрос о необходимости введения лицензирования рассматриваемой деятельности важно учитывать, что административный барьер необходимо вводить исключительно в отношении особо опасной деятельности. Суслова М. В. считает, что лицензирование применяется для минимизации причинения вреда от предпринимательской деятельности [2, с. 112]. Транспортные средства являются

источником повышенной опасности. В связи с тем, что данные средства, используют несколько разных людей в день, техническое состояние автомобилей быстро ухудшается, что создает риски аварий. Обратим внимание, что перевозка пассажиров автобусами²², железнодорожным транспортом²³ подлежит лицензированию в соответствии с постановлением Правительства РФ от 07.10.2020 № 1616 «О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами» и постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2417 «О лицензировании отдельных видов деятельности на железнодорожном транспорте». Для осуществления таксомоторной деятельности также необходимо специальное разрешение в соответствии с Законом Московской области от 06.07.2023 № 125/2023-ОЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Московской области и о внесении изменений в Закон Московской области «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области»²⁴. Безусловно, существенным отличием приведенных примеров и предоставлением ТС в аренду является квалификация водителя. В части специальных требований к водителям на уровне лицензионных требований устанавливать бессмысленно. В то же время в связи с увеличением частоты использования арендованных ТС необходимо установить требования в области технической безопасности автомобилей. Проблема распространения персональных данных пользователей также является актуальной, для ее решения следует ввести требования информационной безопасности. Третья проблема – использование каршеринга лицами, которые лишены прав. Требования, касающиеся обмена информацией между операторами каршеринга и ГИБДД, минимизируют данный риск. Следовательно, деятельность оператора каршеринга должна осуществляться в разрешительном порядке, установив следующие требования:

- установить ежедневный контроль технического состояния транспортных средств;
- передавать сведения о водителе в ГИБДД;
- установить обязательные требования к информационной безопасности для предотвращения убытков персональных данных пользователей.

Таким образом, в статье рассмотрено понятие «каршеринга», выявлены характерные черты лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность по предоставлению ТС в аренду, предложено ввести лицензирование в их отношении.

Пристатейный библиографический список

1. Алгазина А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России. [Электронный ресурс] // Правоприменение. - 2017. - № 3. - С. 90-99.
2. Суслова М. В. Назначение института лицензирования предпринимательской деятельности. [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2013. - Т. 3, № 3. - С. 112-113.
3. Филипов С. А., Переярина П. О. Каршеринг как новое явление в гражданском праве Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2019. - № 3. - С. 138-144.

22 Постановление Правительства РФ от 07.10.2020 № 1616 «О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами» // СЗ РФ. - 2020. - № 42 (ч. 2). - Ст. 6582.

23 Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2417 «О лицензировании отдельных видов деятельности на железнодорожном транспорте» // СЗ РФ. - 2021. - № 2 (ч. 2). - Ст. 457.

24 Закон Московской области от 06.07.2023 № 125/2023-ОЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Московской области и о внесении изменений в Закон Московской области «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Московской области» // Официальный Интернет-портал Правительства Московской области. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mosreg.ru> 07.07.2023.

15 Официальный сайт ФАС России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moscow.fas.gov.ru/publications/16422> (дата обращения: 28.11.2024).

16 Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ // СЗ РФ. - 2005. - №1 (часть 1). - Ст. 16.

17 Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2009. - № 48. - Ст. 5711.

18 Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3813.

19 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

20 Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. - 2009. - № 1. - Ст. 15.

21 Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // СЗ РФ. - 2007. - № 31. - Ст. 4017.

АБДУЛГАПУРОВА Сайгибат Гамзатовна

магистрант 2-го курса, Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОММЕРЧЕСКОМУ ПОДКУПУ

Статья посвящена вопросам совершенствования законодательства об ответственности за коммерческий подкуп. Проблематика данной статьи обладает актуальностью, теоретической и практической значимостью. В статье дается анализ уголовно-правовой ответственности за совершение коммерческого подкупа, выделяются недостатки данной нормы, проанализированы научные труды. В статье подчеркивается, что в уголовном законодательстве отсутствует официальное определение понятия «интересы службы», в уголовно-правовой науке тоже нет единого подхода к его трактовке, также отмечается, что коммерческий подкуп не только нарушает принципы честной конкуренции, но и подрывает доверие к рыночным институтам, создавая предпосылки для коррупции и недобросовестного поведения. Это в свою очередь негативно влияет на экономическое развитие страны. Уголовно-правовой анализ коммерческого подкупа, данный в статье, может представлять интерес для научных работников, преподавателей и студентов юридических учебных заведений, сотрудников правоприменительных органов.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, состав преступления, предмет, формальный состав, субъективные признаки.

ABDULGAPUROVA Saygibat Gamzatovna

magister student of the 2nd course, North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor, North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

CRIMINAL LAW MEANS OF COUNTERING COMMERCIAL BRIBERY

The article is devoted to the issues of improving the legislation on liability of commercial bribery. The problems of this article have relevance, theoretical and practical significance. The article analyzes criminal liability for commercial bribery, highlights the shortcomings of this norm, and analyzes scientific works. The article emphasizes that there is no official definition of the concept of "interests of the service" in criminal law, there is also no unified approach to its interpretation in criminal law, and it is also noted that commercial bribery not only violates the principles of fair competition, but also undermines confidence in market institutions, creating prerequisites for corruption and unfair behavior. This, in turn, has a negative impact on the country's economic development. The criminal law analysis of commercial bribery given in the article may be of interest to researchers, teachers and students of law schools, law enforcement officers.

Keywords: commercial bribery, corpus delicti, subject, formal corpus delicti, subjective features.

Состав преступления, регулирующий уголовную ответственность за коммерческий подкуп, введен в Уголовный кодекс Российской Федерации в 1996 году и закреплен в главе 23 статье 204 и выступает разновидностью коррупционного проявления и находится в плоскости экономических общественных отношений.

Коммерческий подкуп затрагивает общественные отношения, складывающиеся в области предпринимательской деятельности. Виновное лицо, совершая коммерческий подкуп, извлекает выгоду для себя или третьих лиц, передавая денежные средства или материальные ценности лицу, наделенному полномочиями для совершения действий или бездействия в интересах виновного [3, с. 647].

В научной и учебной литературе под объектом коммерческого подкупа понимаются интересы службы в коммерческой или иной организации, осуществляемой в соответствии с уставными задачами и целями деятельности, функционирования коммерческих или иных организаций, которая зависит от добросовестной деятельности всех служащих конкретной организации [8, с. 40].

В уголовном законодательстве отсутствует официальное определение понятия «интересы службы». В уголовно-пра-

вовой науке тоже нет единого подхода к его трактовке. Тем не менее, большинство экспертов соглашаются, что данное понятие включает в себя совокупность правовых, экономических и организационных факторов, обеспечивающих стабильное функционирование организации и достижение ее уставных целей.

Необходимо подчеркнуть, что коммерческий подкуп не только нарушает принципы честной конкуренции, но и подрывает доверие к рыночным институтам, создавая предпосылки для коррупции и недобросовестного поведения. Это, в свою очередь, негативно влияет на экономическое развитие страны, снижает ее инвестиционную привлекательность и препятствует формированию здоровой деловой среды.

Анализируя подходы различных авторов к пониманию объекта коммерческого подкупа, можно констатировать, что объектом преступления, предусмотренного ст. 204 Уголовного кодекса РФ, являются имущественные отношения, формирующиеся в сфере предпринимательской деятельности.

В диспозиции статьи 204 УК особое внимание уделяется предмету коммерческого подкупа. Помимо денежных средств к нему относятся ценные бумаги, находящиеся в обо-

роте на момент совершения преступления. Также предметом подкупа может являться любое имущество.

При этом важно подчеркнуть, что предмет коммерческого подкупа не сводится исключительно к материальным благам. В некоторых случаях в качестве предмета могут выступать услуги имущественного характера, предоставление льгот или иных преимуществ, которые могут быть выражены в денежном эквиваленте. Это расширяет понимание предмета преступления, делая его более универсальным и применимым к различным ситуациям в бизнесе.

Кроме того, необходимо учитывать, что коммерческий подкуп не только нарушает принципы честной конкуренции, но и подрывает доверие к рыночным институтам, создавая почву для коррупционных схем. Это, в свою очередь, негативно влияет на экономическую стабильность и инвестиционную привлекательность страны.

Понятие имущества в данном случае должно «соотноситься с предметом преступления». Как подчеркивает Л. П. Тумаркина, «имуществом считаются объекты материального мира, обладающие физическими характеристиками: объемом, весом, массой». Выгоды имущественного характера также часто рассматриваются как предмет коррупции, однако из-за неопределенности в классификации тех или иных услуг как «имущественных выгод» у правоприменителей возникают сложности при квалификации преступления по данному признаку [9, с. 45].

Волженкин В. отмечал, что предоставление автомобиля во временное пользование по доверенности тоже является признаком коммерческого подкупа [2, с. 18].

В уголовно-правовой науке все чаще исследователи предлагают расширить понятие коммерческого подкупа, включив в него услуги, не имеющие материальной формы. Спектр таких услуг весьма широк: это может быть предоставление интимных услуг, создание научных или литературных текстов, содействие в устройстве родственников в престижные учебные заведения или на высокооплачиваемые позиции, а также ускоренное получение жилья по договору социального найма и другие подобные действия.

При этом важно понимать, что такие действия, даже если они не предполагают прямого денежного вознаграждения, способны серьезно влиять на общественные отношения, подрывая принципы справедливости и равенства перед законом.

При этом важно учитывать, что нематериальные услуги, несмотря на отсутствие физической формы, могут обладать значительной ценностью и оказывать существенное влияние на принятие решений в корыстных целях. Это создает дополнительные сложности для правоприменителей, поскольку требует тщательного анализа не только факта предоставления таких услуг, но и их реальной стоимости, а также мотивов сторон, участвующих в сделке.

К коммерческому подкупу следует относить и различные пиаркомпании, и так называемую «торговлю влиянием», целью которой является получение преимуществ для себя или третьих лиц. Также важно учитывать иные формы нематериального подкупа, такие как предоставление неформальных привилегий, использование служебного положения в личных целях или создание условий, при которых определенные лица получают несправедливые преимущества при определенных конкуренциях.

Необходимо более четкое законодательное регулирование, особенно в части разграничения полномочий должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции

в экономической сфере. Это поможет избежать проблем в толковании норм и обеспечит единообразие в правоприменительной практике.

Объективная сторона статьи 204 УК РФ фактически включает два самостоятельных состава преступления: незаконная передача коммерческого подкупа и его незаконное получение. Части 1–4 статьи предусматривают ответственность за передачу подкупа, а части 5–8 – за его получение.

Коммерческий подкуп может быть как прямым, так и косвенным. В последнем случае передача вознаграждения осуществляется через посредников или с использованием сложных схем, что затрудняет выявление и доказательство факта преступления. Это подчеркивает необходимость разработки эффективных механизмов противодействия коррупции, включая усиление контроля за финансовыми операциями и повышение прозрачности управленческих процессов.

На практике возникает вопрос: если лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, получило вознаграждение за уже выполненные действия, которое не было заранее оговорено, можно ли считать такой факт коммерческим подкупом?

Подобные действия будут квалифицированы как подкуп только в том случае, если они носят незаконный характер, то есть если вознаграждение было получено от лица, в чью пользу были совершены действия, и при этом было очевидно, что получатель рассчитывал на будущую выгоду.

В уголовно-правовой науке особое внимание уделяется разработке принципов логического построения статей Особенной части Уголовного кодекса. Одним из ключевых правил является необходимость соответствия квалифицированных составов преступлений, закрепленных в различных частях статей УК РФ, последовательной классификации деяний по уровню их общественной опасности.

Одним из авторов логикоматематических подходов моделирования структуры уголовного закона является В. А. Никонов. Он указывал на то, что в коммерческом подкупе отсутствует промежуточная категория преступления, между небольшой тяжестью и тяжким, где получение коммерческого подкупа в значительном размере относится к категории небольшой тяжести, а тоже деяние в крупном размере относится к тяжким преступлениям, минуя среднюю тяжесть [6, с. 5].

Данная проблема требует тщательного анализа и системного подхода к ее решению. Во-первых, классификация преступлений по степени общественной опасности должна быть последовательной и логически обоснованной. Исключение промежуточных категорий, таких как преступления средней тяжести, нарушает принцип пропорциональности наказания и создает дисбаланс в уголовно-правовой системе.

Во-вторых, необходимо уделить внимание санкциям, предусмотренным за квалифицированные составы преступлений. Если наказания за деяния разной тяжести не соответствуют их реальной опасности, это может привести к несправедливому применению уголовного закона.

Кроме того, важно учитывать, что судебная практика часто пытается исправить подобные недостатки законодательства. Однако это не должно становиться нормой, поскольку суды, по сути, берут на себя функции законодателя, что может привести к нарушению принципа разделения властей.

Таким образом, для устранения указанных проблем необходимо внести изменения в структуру статей Особенной части УК РФ, обеспечив последовательность классификации преступлений и соответствие санкций степени их обществен-

ной опасности. Это позволит укрепить принципы справедливости и законности в уголовном праве, а также повысить эффективность правоприменительной практики.

Данное положение относится к формальным составам. При этом не имеет значения, получило ли лицо, занимающее руководящую должность в коммерческой или иной структуре, реальную возможность использовать или распоряжаться переданными ему материальными ценностями по своему усмотрению [5, с. 343].

Некоторые исследователи относят данное деяние к материальным составам, объясняя это тем, что признаком коммерческого подкупа является причинение ущерба правам и интересам граждан, организаций или интересам государства [11, с. 49], [10, с. 29]. Другие ученые, например, П. С. Яни, А. Эксанова, придерживаясь позиции Пленума ВС РФ, относят коммерческий подкуп к материальным составам преступлений [7, с. 173].

Субъектом (исполнителем) деяния, предусмотренного частями 1-4 статьи 204 Уголовного кодекса РФ, может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста на момент передачи предмета подкупа, а точнее, на момент его поступления в распоряжение получателя.

Субъектом получения коммерческого подкупа, то есть преступления, описанного в частях 5-8 статьи 204 УК РФ, может быть исключительно лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

С субъективной стороны коммерческий подкуп характеризуется умышленной формой вины, а именно прямым умыслом [1, с. 47].

При этом важно учитывать, что умысел получателя подкупа может быть как прямым, так и косвенным. В первом случае лицо активно стремится получить незаконное вознаграждение, осознавая противоправность своих действий. Во втором случае получатель допускает возможность получения подкупа, не проявляя активного желания, но и не препятствуя этому. Однако в обоих случаях умысел остается обязательным элементом субъективной стороны преступления.

Кроме того, следует отметить, что коммерческий подкуп может быть совершен как в форме активных действий (например, передача денежных средств, ценных бумаг, имущества), так и в форме бездействия (например, умышленное неисполнение обязанностей в обмен на незаконное вознаграждение). В обоих случаях ключевым признаком является наличие умысла на совершение противоправных действий в интересах дающего подкуп.

Таким образом, коммерческий подкуп является сложным и многогранным явлением. Установление момента окончания преступления, определение круга субъектов и формы вины являются важными этапами квалификации данного деяния и имеют существенное значение для правильного применения норм уголовного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Агильдин В. В. Характеристика состава коммерческого подкупа // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 47.
2. Волженкин Б. В. О преступлениях против интересов службы по проекту Особенной части Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации): Сб. науч. ст. и тез. – Ярославль, 2004. – С. 18.

3. Зварыгин В. Е. Уголовно-правовые проблемы привлечения к ответственности за преступления коррупционной направленности на примере коммерческого подкупа / В. Е. Зварыгин, А. С. Кондаков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 4. – С. 647-653.
4. Иванов Н. К дискуссии о разъяснениях Пленума Верховного Суда о квалификации взяточничества // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 71-73.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 371 с.
6. Никонов В. А. Логическое моделирование статьи Особенной части УК РФ // Научные исследования высшей школы: материалы итоговой науч.-практ. конф. – Тюмень: Тюмен. высш. шк. МВД РФ, 1995. – С. 3-9.
7. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Есаков Г. А. – М.: Издательство Проспект, 2021. – С. 173.
8. Скрыбин Э. Н. Коммерческий подкуп // Законность. – 2000. – № 9. – С. 40.
9. Тумаркина Л. П. Коммерческий подкуп: монография. – М., 2005. – С. 45.
10. Эксанова А. А. Подкуп как криминогенное преступление (понятие, виды, юридический анализ, квалификация): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 29.
11. Яни П. С. Причинение вреда деянием // Рос. юстиция. – 1997. – № 1. – С. 49.

АГАБАЛАЕВ Мухамед Имамединович

доктор юридических наук, кафедра гуманитарных дисциплин, ректор, Социально-педагогического институт

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена анализу состояния и тенденций преступности среди несовершеннолетних, а также выявлению причин, способствующих их противоправному поведению. Основными факторами преступности названы неблагоприятные семейные условия, недостатки в воспитании, негативное влияние окружения и информационной среды. Автор подчеркивает проблемы профилактики, связанные с недостаточной координацией между государственными органами, образовательными учреждениями и социальными службами. Предложены меры по совершенствованию профилактической работы, включая усиление воспитательной роли семьи, развитие правового образования и создание условий для социальной адаптации подростков.

Ключевые слова: состояние, динамика, профилактика, причины преступности, несовершеннолетние.

AGABALAEV Mukhamed Imamedinovich

Ph.D. in Law, Humanities sub-faculty, Rector, Socio-Pedagogical Institute

PROBLEMS OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION

The article is devoted to the analysis of the state and trends of juvenile delinquency, as well as the identification of the causes contributing to their illegal behavior. The main factors of crime are unfavorable family conditions, deficiencies in upbringing, the negative impact of the environment and the information environment. The author highlights the problems of prevention related to insufficient coordination between government agencies, educational institutions and social services. Measures are proposed to improve preventive work, including strengthening the educational role of the family, developing legal education and creating conditions for the social adaptation of adolescents.

Keywords: condition, dynamics, prevention, causes of crime, minors.

Актуальность статьи, посвящённой проблемам профилактики правонарушений несовершеннолетних, обусловлена значимостью обеспечения безопасности общества и формирования здорового социального климата. Правонарушения среди несовершеннолетних остаются одной из острых социальных проблем, так как они не только нарушают общественный порядок, но и негативно влияют на будущее самих подростков, их социализацию и дальнейшую жизнь. В условиях современных вызовов, таких как рост влияния интернета, социальных сетей, семейных проблем и снижение уровня воспитательной работы, профилактика правонарушений становится приоритетной задачей для государства, образовательных учреждений и общества в целом.

Анализ представленной диаграммы 1, содержащей данные о количестве несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в период с 2010 по 2022 годы, позволяет выявить ряд значимых тенденций и динамических изменений в области подростковой преступности.

С самого начала наблюдаемого периода в 2010 году количество выявленных несовершеннолетних преступников составляло 72,692 человек. В течение последующих лет наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению этого показателя, с временными колебаниями. В частности, с 2010 по 2014 годы фиксируется значительное сокращение числа преступников на 25,323 человек, что выражается в снижении на 34,8 %. В 2015 и 2016 годах наблюдается увеличение данного показателя, отражающее определённое колебание в общем тренде снижения подростковой преступности. Наибольший рост отмечается в 2016 году (увеличение на 3,0 % в сравнении с предыдущим годом). Однако, уже начиная с 2017 года, возобновляется снижение, что отражается в значительном уменьшении числа преступников в последующие годы. Так, к 2022 году количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, составляет 29,605 человек, что соответствует снижению на 9,7 % по сравнению с предыдущим годом.

Важно также отметить, что общая тенденция к уменьшению числа преступников среди несовершеннолетних за рассматриваемый период свидетельствует об эффективности применяемых мер профилактики и воздействия на молодежь. Уменьшение числа правонарушений может указывать на улучшение социально-экономической ситуации, усиление профилактической работы и повышение уровня правовой осведомленности среди молодежи.

Таким образом, анализ данных указывает на выраженную тенденцию к снижению уровня преступности среди несовершеннолетних, что, несомненно, является положительным явлением, требующим систематической поддержки и развития существующих превентивных мер.

Причины преступности несовершеннолетних являются одной из наиболее актуальных тем для изучения в современной

криминологии, социологии и педагогике. Анализируя мнения авторов, представленных в статьях А. И. Полуничева, А. А. Родионовой и В. Ю. Воробьева, можно выделить несколько ключевых факторов, способствующих возникновению противоправного поведения среди молодежи. Рассмотрим их детально.

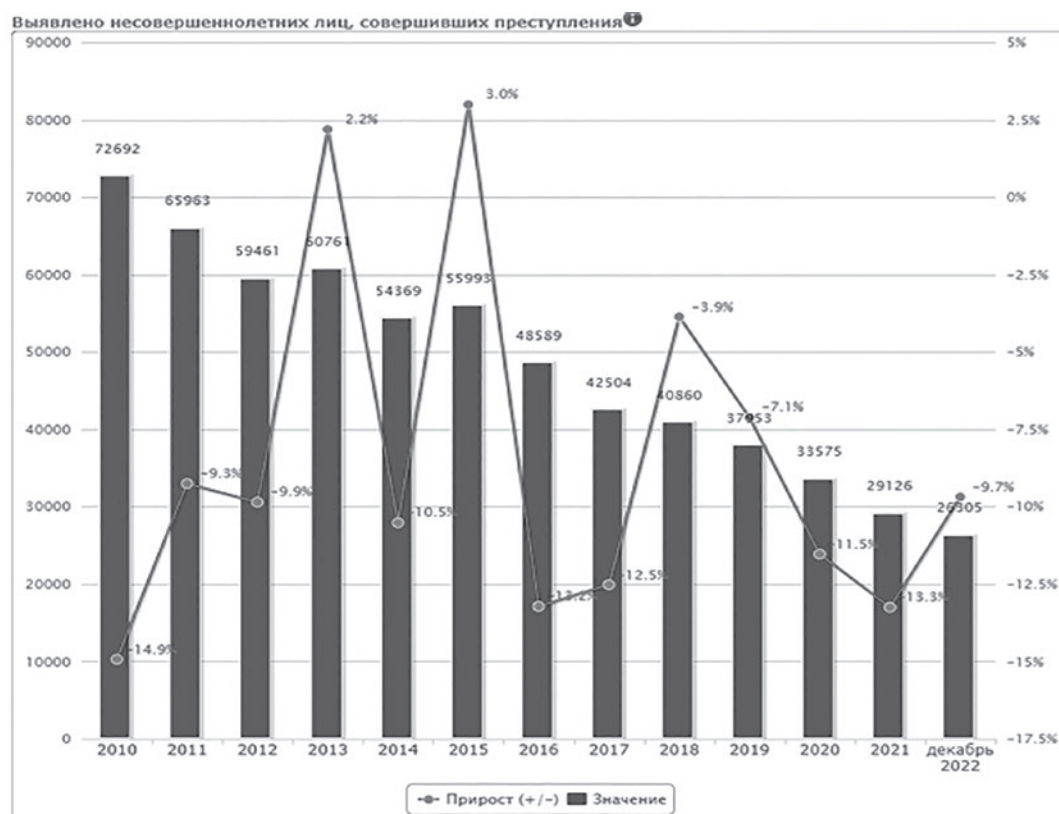
Во-первых, существенное влияние на формирование преступного поведения несовершеннолетних оказывает неблагоприятная семейная среда. Как подчеркивают исследователи, отсутствие должного внимания со стороны родителей, жестокое обращение, семейные конфликты, алкоголизм или наркомания в семье создают условия для социальной дезадаптации подростка. В таких условиях ребенок не получает необходимых моральных ориентиров и поддержки, что способствует формированию девиантных моделей поведения. Во-вторых, значимым фактором является низкий уровень образовательной и воспитательной работы. Родионова отмечает, что недостаточное внимание со стороны образовательных учреждений к индивидуальным особенностям подростков, отсутствие эффективной системы профилактики девиантного поведения и недостаточная квалификация педагогов могут приводить к тому, что подростки не осознают последствий своих действий и не имеют четкого представления о нормах морали и права [2].

В-третьих, нельзя игнорировать влияние социально-экономических факторов. Полуничев акцентирует внимание на том, что бедность, безработица родителей, отсутствие доступа к качественному образованию и досугу создают предпосылки для роста преступности среди подростков [1]. В условиях экономической нестабильности многие несовершеннолетние оказываются вовлеченными в противоправную деятельность как способ удовлетворения базовых потребностей или стремления к социальному признанию. Кроме того, Воробьев выделяет влияние неблагоприятной социальной среды, включая криминогенные группы сверстников, которые оказывают давление на подростков и способствуют формированию у них антисоциальных установок [3]. Подростки, стремясь к признанию в группе, могут совершать правонарушения под влиянием сверстников или старших товарищей.

Необходимо также учитывать психологические особенности возраста. Подростковый период характеризуется эмоциональной нестабильностью, повышенной внушаемостью и стремлением к самоутверждению. В сочетании с отсутствием устойчивых моральных ориентиров это может приводить к необдуманным поступкам и противоправным действиям.

Важным аспектом является и влияние цифровой среды. Современные технологии и интернет могут как способствовать развитию личности подростка, так и становиться источником негативного воздействия. Родионова отмечает, что доступность

Диаграмма 1. Количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в период с 2010 по 2022 годы

агрессивного контента, пропаганда насилия и асоциального поведения в интернете способствуют формированию девиантных установок у молодежи.

Таким образом, причины преступности несовершеннолетних носят комплексный характер и обусловлены взаимодействием социально-экономических, семейных, образовательных и психологических факторов. Для эффективной профилактики подростковой преступности необходимо разработать системный подход, включающий поддержку семей, повышение качества образования, развитие программ досуга для молодежи и активное взаимодействие между государственными структурами и обществом.

Профилактика преступности несовершеннолетних представляет собой многоуровневую систему мер, направленных на предупреждение противоправного поведения молодежи. Можно выделить комплексные подходы к решению данной проблемы, которые включают в себя следующие направления:

1. Совершенствование семейного воспитания. Особое внимание должно уделяться работе с неблагополучными семьями, где имеются риски формирования девиантного поведения у подростков. Необходима организация консультационных центров для родителей, направленных на повышение их педагогической компетентности, а также внедрение программ социальной поддержки семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

2. Развитие системы образовательной профилактики. Важным элементом является усиление воспитательной функции образовательных учреждений. Это включает внедрение программ по формированию правовой культуры, нравственного воспитания и развития эмоционального интеллекта у подростков. Также следует проводить регулярные профилактические беседы с учащимися, направленные на разъяснение последствий противоправного поведения.

3. Организация досуга и вовлечение подростков в социально значимую деятельность. Для предотвращения асоциального поведения необходимо развивать инфраструктуру для организации досуга молодежи: спортивные секции, кружки по интересам, волонтерские проекты. Вовлечение подростков в такие мероприятия способствует формированию у них позитивных моделей поведения и снижению риска попадания под негативное влияние.

4. Психолого-педагогическая поддержка несовершеннолетних. Необходимо усилить работу школьных психологов и социальных педагогов с целью раннего выявления подростков, находящихся в группе риска. Индивидуальная работа с такими детьми и их семьями позволит своевременно корректировать девиантное поведение и предотвращать его развитие.

5. Укрепление взаимодействия между государственными органами и обществом. Эффективная профилактика требует координации усилий правоохранительных органов, образовательных учреждений, социальных служб и общественных организаций. Создание межведомственных комиссий и проведение совместных мероприятий позволит реализовать комплексный подход к предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

6. Повышение правовой грамотности. Введение специальных образовательных модулей и тренингов по основам права и ответственности за правонарушения поможет формировать у подростков осознание последствий противоправных действий и уважение к закону.

7. Использование современных технологий в профилактике. С учетом цифровизации общества важно активно использовать интернет-ресурсы для распространения информации о правовых нормах, а также для создания платформ, где подростки смогут получать онлайн-консультации психологов и юристов. Таким образом, меры профилактики преступности несовершеннолетних должны носить комплексный характер и учитывать как индивидуальные особенности подростков, так и социальные условия их жизни. Эффективная реализация данных мер требует активного взаимодействия всех субъектов профилактической деятельности, включая семью, образовательные учреждения, государственные органы и общественные организации.

Пристатейный библиографический список

1. Подуничев А. И. Причины преступности несовершеннолетних // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih> (дата обращения: 11.02.2025).
2. Родионова А. А. Причины преступности несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5-4 (92). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 11.02.2025).
3. Воробьев В. Ю. Причины преступности несовершеннолетних // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2023. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih-2> (дата обращения: 11.02.2025).

АЛИСУЛТАНОВА Сабият Алисултановна

магистрант 3-го курса, специальность 40.04.01 «Юриспруденция», Северо-Кавказский институт, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

АДИЛОВ Заур Адилевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Северо-Кавказский институт, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье предложен анализ восстановления социальной справедливости, как цели уголовного наказания. Предлагается рассматривать данную цель в качестве приоритетной, объединяющей иные цели наказания, закрепленные в УК РФ. Данную цель предлагается рассматривать в качестве направленности наказания не только к возмездию, но и восстановлению, а также к ресоциализации оступившегося. Общие начала назначения наказания, закрепленные в ст. 60 УК РФ, рекомендуется рассматривать в качестве правового инструмента, формирующего основу для создания юридического механизма реализации восстановительных процедур, который реализуется в иных нормах главы 10 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный кодекс Российской Федерации, преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, восстановление социальной справедливости, восстановительное правосудие, уголовно-правовое воздействие, потерпевший.

ALISULTANOVA Sabiyat Alisultanova

magister student of the 3rd course, specialty 40.04.01. "Jurisprudence", North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

ADILOV Zaur Adilovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty, North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS A PRIORITY GOAL OF CRIMINAL PUNISHMENT

The article offers an analysis of the restoration of social justice as a goal of criminal punishment. It is proposed to consider this goal as a priority, combining other goals of punishment set out in the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to consider this goal as the direction of punishment not only towards retribution, but also towards recovery, as well as towards the re-socialization of the stumbled. The general principles of sentencing, as set out in art. 60 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is recommended to consider it as a legal instrument forming the basis for the creation of a legal mechanism for the implementation of restorative procedures, which is implemented in other provisions of Chapter 10 of the Criminal Code.

Keywords: criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, crime, criminal liability, criminal punishment, restoration of social justice, restorative justice, criminal legal impact, victim.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ законодатель выделил три цели наказания: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»¹.

Исходя из логического и грамматического анализа содержания данной нормы можно убедиться, что законодатель указал цель восстановления социальной справедливости на первом месте в системе иных целей. Кроме того, посредством использования разделительного союза «а», он выделил эту цель среди остальных (так как между целями исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений использован соединительный союз «и»). Таким образом, можно сделать вывод, что данной цели отводится особое значение.

Вопрос о приоритете социальной справедливости как главной цели уголовного наказания остается предметом ак-

тивных дискуссий в научных кругах и среди практиков [1, с. 20]. Некоторые исследователи считают, что излишнее акцентирование на восстановлении социальной справедливости может затмить другие важные аспекты системы наказания, такие как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Тем не менее, нельзя отрицать, что восстановление социальной справедливости играет ключевую роль в обеспечении доверия общества к системе правосудия.

Более того, отдельными авторами утверждается, что восстановление социальной справедливости не ограничивается только наказанием. Важным его элементом является также реабилитация преступников [2, с. 104]. Восстановление социальной справедливости также требует равноправного отношения всех перед законом. Законы должны действовать равномерно для всех граждан, независимо от их социального статуса, положения или материального состояния.

Наказание, безусловно, служит для защиты общества от криминальных действий. Тем не менее, его социальная функция не может быть сводима лишь к одной цели; оно охватывает все цели наказания и конкретизируется через их совокупное исполнение. Восстановление же социальной

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.09.2024). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»: (дата обращения 28.11.2024 г.).

справедливости является одним из ключевых ожиданий законодателя и общества от применения наказания.

В связи с этим отметим, что, опираясь на содержание принципа справедливости определенном в ст. 6 УК РФ, рассматриваемая цель содержит в себе два аспекта и направления к действию. С одной стороны, гарантирует справедливое и соразмерное наказание преступника. Справедливость в оценке преступления не должна сводиться лишь к механическому применению строгих мер наказания. Наказание должно способствовать не только возмездию, но и восстановлению, служа одновременно предупреждением для общества и шансом для реабилитации оступившегося.

Наказание необходимо назначать с учётом гуманистических ценностей современного общества, отражённых в уголовном законодательстве, принимая во внимание законные интересы как виновного, так и пострадавших. Учет мнения последних и предоставление им возможности восстановления прав через репарацию или посредничество, позволяет усилить доверие к правосудию и ощущение справедливости.

При этом следует учитывать, что восстановительное воздействие должно быть адресовано не только потерпевшему лицу, чьи права и интересы были нарушены преступлением, но и обществу, для которого преступное поведение представляет опасность, и государству, установленный порядок в котором нарушается таким поведением.

В стремлении восстановить социальную справедливость, важно учитывать, что это сложный социальный процесс, ограничение которого рамками обеспечения ресурсами исключительно наказания, представляется не всегда постижимым. В этом контексте рассмотрение данной цели, исключительно ориентированной на карательные меры может оказаться не только неэффективным, но даже вредным. При этом в действующем УК РФ данная цель не упоминается в контексте применения иных уголовно правовых институтов, что нам представляется серьёзным упущением.

Так в рамках, набирающих популярность в отечественной уголовно-правовой доктрине концепций восстановительного правосудия, отдельные его инструменты реализованы в институте назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, в иных мерах уголовно-правового характера [3, с. 573]. Такие инструменты позволяют жертвам, преступникам и общественным представителям взаимодействовать для обсуждения последствий преступления и поиска путей исправления причиненного вреда.

В рамках предложенного подхода закрепление отраслевого принципа социальной справедливости, ориентирующего все уголовное законодательство в этом направлении, будет соответствовать закреплению в качестве одной из целей наказания ее восстановление. Этот подход будет способствовать созданию в рамках уголовно-правового регулирования создания механизмов вовлечения всех заинтересованных сторон - жертвы, преступника, государства и общества - в процесс поиска справедливого решения и возможных шагов к возмещению ущерба и восстановления мира.

Подтверждая вышеизложенные положения, отметим, что не всякий вред, причиненный преступлением, является восполняемым (например, в случае убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, влекущего нарушение целостности организма человека и т.п.). Поэтому говорить о полном восстановлении причиненного преступлением вреда, не всегда представляется достижимым. Этот аспект является одним из ключевых при обсуждении возможностей восстановления справедливости

Если материальный ущерб в большей степени поддается расчету и компенсации, так как связан с конкретными затратами или потерями, например, медицинских расходов, утраченного заработка или стоимости поврежденного имущества. Нематериальный же ущерб носит более субъективный характер и включает в себя эмоциональные страдания, снижение качества жизни и прочие факторы, которые трудно оценить в денежном выражении. Исходя из этого, восстановление нематериального вреда часто вызывает больше сложностей и требует поиска баланса между справедливостью и возможностями правовой системы к сглаживанию конфликта и достижению консенсуса между сторонами такого преступного конфликта.

При всем этом в потенциал уголовного наказания в том виде, в котором оно представлено в действующем УК РФ, не заложены механизмы такого восстановления. В существующих уголовно-правовых реалиях можно говорить лишь об определённой моральной удовлетворенности потерпевшего от факта справедливого наказания преступника, и создании условий к последующему восстановлению его социально значимых интересов, пораженных преступным поведением.

Тем не менее, уголовное наказание остается ключевым инструментом правового регулирования, призванным обеспечить справедливость и возмездие за совершенные преступления. Жестокость или мягкость наказания не всегда коррелирует с возможностью вернуть пострадавшего в исходное состояние до преступления - как в физическом, так и в моральном аспекте.

Приведем слова М. С. Строговича, который отмечал, что «наказание есть наказание, – за тяжкие, особо опасные преступления и наказания должны быть тяжелые, но наказание всегда должно быть разумным, разумным, справедливым, соразмерным с виной преступника» [4, с. 10].

Наказание не должно становиться средством мести или слепого возмездия, а должно выполнять свою основную социальную цель – восстановить справедливое состояние в обществе, в том числе посредством исправления преступника и предупреждение новых преступлений. Важно, чтобы наказание, не смотря на его карательную сущность, оставалось гуманным и оправданным с точки зрения общества. Оно должно быть соразмерным и объективным, исключая необоснованную жестокость или неоправданную мягкость.

Современная пенитенциарная система должна направлять усилия не только на изоляцию опасных преступников, но и на их исправление и последующую социализацию. Каждое наказание, независимо от его строгости, должно содержать элемент справедливого воздаяния, осознаваемого самим осужденным, способствующего его перевоспитанию и возврату в общество. Лишь тогда наказание будет действительно разумным и полезным, как для самого преступника, так и для общества в целом.

В этом контексте основные принципы назначения наказания, указанные в ст. 60 УК РФ, выступают не только как отдельный механизм для достижения целей наказания (включая восстановление социальной справедливости), но и как средство, помогающее правоприменителям в определении меры и размера наказания для каждого обвиняемого. Отметим также, что они служат инструментом для превращения общих формулировок УК в конкретные меры наказания.

Важно подчеркнуть, что применение ключевых принципов назначения наказания способствует индивидуализации подхода к каждому случаю осуждения в соответствии с целью восстановления справедливости. Они выполняют функ-

цию своеобразного мостика между теоретическими положениями уголовного закона и практическим их применением в жизни, помогают преодолеть разрыв между абстрактностью законодательных норм и конкретными жизненными ситуациями, в которых оказывается обвиняемый. Благодаря этому правоприменение становится более гибким и адаптированным к реалиям.

Это означает, что именно в положениях статьи 60 и иных нормах главы 10 УК РФ, предусмотрены инструменты и методы обеспечения достижения восстановления социальной справедливости, равно как и иных целей наказания. Рассматривая содержание ст. 60 УК РФ в аспекте достижения рассматриваемой цели можно выделить следующие положения

Во-первых, наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьёй Особенной части УК РФ. Законодатель обращает внимание, что индивидуализация наказания допустима лишь в пределах нормативно установленных рамок санкций соответствующей статьи УК РФ. В указанных пределах следует осуществлять учет всех обстоятельств, влияющих на тяжесть преступления, и степень общественной опасности личности виновного.

Во-вторых, применяемая судом мера назначается с учётом положений Общей части УК РФ. Такое положение является важным элементом в достижении социальной справедливости, которое невозможно без тщательного анализа мотивов и обстоятельств совершенного деяния, а также оценки возможностей исправления осужденного. Законодатель в ст. 60 подчеркивает важность не только наказания, но и потенциала последующего исправления, адаптации правонарушителя к социальным нормам и общественным требованиям.

В-третьих, более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершённое преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей (в том числе и справедливости). Иными словами, принцип соразмерности наказания и пропорциональности, заложенные в УК РФ, должны действовать в условиях экономии мер уголовно-правовой репрессии, что соответствует принципу гуманизма, закреплённого в ст. 7 УК РФ.

Нельзя забывать и о том, что назначение наказания идет вразрез с необходимостью соблюдения прав человека [5, с. 45]. Статья 60 УК РФ позволяет находить баланс между общественными интересами и индивидуальными правами личности, ведь каждое решение должно соответствовать принципам гуманности и пропорциональности. Это особенно важно в условиях современного общества, где защита прав личности приобретает всё большее значение, а суды должны действовать в рамках правового государства и основывать свои решения на справедливости и законности, что требует всестороннего учета всех обстоятельств дела.

В этом смысле ст. 60 УК РФ формирует основу для создания юридического механизма реализации восстановительных процедур, который реализуется в иных нормах главы 10 УК РФ. Принципы, описанные в ст. 60 УК РФ, служат не только как самостоятельные инструменты в механизме достижения целей наказания, но и являются средством, которое помогает судебным органам преобразовать общие положения уголовного закона в конкретные меры при определении вида и размера наказания каждому отдельному человеку.

В частности, в ст. 64 УК РФ предусмотрены исключительные обстоятельства, при наличии которых, суд может отступить от общих начал назначения наказания и назначить бо-

лее мягкое наказание, чем предусмотрено в соответствующей санкции. Инструментальное значение данных обстоятельств заключается в том, что они позволяют суду более гибко подходить к назначению наказания, учитывая конкретные факторы, повлиявшие на поведение обвиняемого, его морально-этические качества. Это особенно актуально в случаях, когда жесткое применение закона может привести к чрезмерно суровым последствиям для лица, чья вина в совершении преступления не столь значительна в сравнении с соучастниками или, когда сами обстоятельства преступления не столь значительны.

Учет таких факторов, как активное содействие расследованию, также стимулирует участников преступления к сотрудничеству с правоохранительными органами. Это, в конечном итоге, способствует более эффективному раскрытию преступлений и установлению справедливости в отношении всех лиц, им причастных. Таким образом, механизм рассмотрения исключительных обстоятельств позволяет обеспечить более справедливую оценку действий каждого участника преступного события.

Одной из новелл в действующем УК РФ является ст. 72.1 УК РФ, в соответствии с которой «При назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию»².

Нормативно закрепляя данное положение, законодатель, исходит из цели восстановления социальной справедливости, принципа гуманизма и стремления к исправлению осужденного, понимая, что наказание должно не только воздать за совершенное преступление, но и способствовать возвращению лица к нормальной жизни в обществе. Назначение лечения и реабилитации включает в себя как медицинские, так и социальные аспекты, что в полной мере соответствует достижению рассматриваемой нами цели.

Пристатейный библиографический список

1. Исмаилова К. А. Восстановление социальной справедливости, как цель уголовного наказания // The Scientific Heritage. – 2021. – № 81. – С. 20-22.
2. Козинцев С. А., Холодная М. Я. Восстановление социальной справедливости, как приоритетная цель уголовного права // Наукосфера. – 2023. – № 7-1. – С. 104-108.
3. Пешков М. А. Восстановительное правосудие // Наукосфера. – 2022. – № 12-1. – С. 571-577.
4. Строгович М. С. Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. – 1965. – № 12. – С. 10-16.
5. Урцмиханов З. С. Цели и проблемы уголовного наказания // На пути к гражданскому обществу. – 2022. – № 1 (45). – С. 43-50.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.09.2024). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»: (дата обращения 28.11.2024 г.).

БОЧАРОВ Виталий Михайлович

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции, Российский университет кооперации

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России

БУРАЕВА Людмила Александровна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского направления, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ИДЕЙ НЕОНАЦИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье авторами проведено исследование таких опасных явлений, как распространение идеологии экстремизма, неонацистских взглядов, русофобии, которые способствуют эскалации современных форм расизма, ксенофобии и других деструктивных движений. Анализируются данные правовой статистики, негативные тенденции растущей нетерпимости в современном обществе, сопровождающейся распространением неонацистских идеологий и героизации нацизма в ряде государств. Авторами отмечены меры, предпринимаемые государственными органами в целях противодействия современным угрозам национальной безопасности Российской Федерации, обеспечения конституционного порядка и безопасности граждан России.

Ключевые слова: экстремизм, неонацизм, русофобия, экстремистские организации, терроризм, нацизм, террористическая деятельность, угрозы национальной безопасности, сеть интернет, социальные сети.

BOCHAROV Vitaliy Mikhaylovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Law sub-faculty, Russian University of Cooperation

SHOGENOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia

BURAEVA Lyudmila Alexandrovna

Ph.D. in physical-mathematical sciences, senior researcher of the scientific research areas, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE CURRENT PROBLEMS OF COUNTERING THE SPREAD OF THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND IDEAS OF NEO-NAZISM IN MODERN CONDITIONS

In the article, the authors conducted a study of such dangerous phenomena as the spread of extremist ideology, neo-Nazi views, and Russophobia, which contribute to the escalation of modern forms of racism, xenophobia, and other destructive movements. The article analyzes the data of legal statistics, the negative trends of growing intolerance in modern society, accompanied by the spread of neo-Nazi ideologies and the glorification of Nazism in a number of states. The authors note the measures taken by government agencies to counter modern threats to the national security of the Russian Federation, to ensure constitutional order and the safety of Russian citizens.

Keywords: extremism, neo-Nazism, Russophobia, extremist organizations, terrorism, Nazism, terrorist activities, threats to national security, the Internet, social networks.

Бочаров В. М.

Шогенов Т. М.

Бураева Л. А.

На современном этапе распространение идей неонацизма, идеологии экстремизма и деструктивных движений относится к одной из серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Об этом свидетельствуют данные правовой статистики: по заявлению главы Следственного комитета Александра Бастрыкина число дел об экстремизме в

России за 2024 год выросло на 43 %, количество обвиняемых по указанным делам также выросло более, чем на 50 % [14].

Свыше 140 эпизодов по преступлениям экстремистской направленности было установлено следственными органами России в 2024 году в Северо-Кавказском федеральном округе (на 30 % больше, чем в 2023 г.), данные были озвучены на

оперативном совещании, которое прошло под руководством главы ведомства в Ставропольском крае [15].

Возрастающая опасность распространения экстремистских идей, в том числе с использованием сети интернет [16], неоднократно отмечалась Президентом России Владимиром Путиным, в связи с чем, в декабре 2024г. был подписан указ об утверждении новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [8]. В Стратегии отмечено, что серьезнейшие угрозы экстремистского характера исходят от широкого распространения идей неонацизма, усиления радикальных националистических вооруженных формирований (в том числе на Украине), поддерживаемых внешними силами, которые поощряют совершение на территории России преступных действий. Одной из ключевых задач, отмеченных в Стратегии, является ликвидация источников угроз экстремистского характера, исходящих с территории Украины, предотвращение проникновения на территорию Российской Федерации представителей иностранных и международных экстремистских и неонацистских сообществ.

Последние годы отмечается негативная тенденция растущей нетерпимости в современном обществе, сопровождающейся распространением неонацистской идеологии и героизации нацизма. Так, директор департамента многостороннего сотрудничества по правам человека МИД России Григорий Лукьянцев отметил, что заявления делегаций западных стран в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи ООН не соответствуют их действиям по защите прав человека и борьбе с расизмом. Лукьянцев объяснил, что несоответствия вызваны ростом ксенофобии на Западе и «расцветом» разных форм расизма. В частности, дипломат выступил с критикой позиций Германии, Японии и Италии, которые поддержали поправки, смягчающие осуждение нацизма [1]. Посол России во Франции Алексей Мешков подчеркнул необходимость активизации усилий по противодействию опасным тенденциям современности, таким как рост неонацистских настроений, в том числе недопустимость попыток искажения исторических событий и замалчивания роли России в победе над фашизмом во Второй мировой войне. Посол упомянул о возрождении идей неонацизма в ряде стран, включая Украину и подчеркнул, что забвение уроков прошлого может привести к новым трагедиям [9]. Показательным фактом искажения исторической правды является и отсутствие России на 80-й годовщине освобождения Красной Армией нацистского концлагеря Освенцим-Биркенау (Аушвиц) в Польше, в стране, которая сочла возможным не пригласить страну, чей народ освободил узников концлагеря на памятные мероприятия, однако руководство Украины, которое возвело Бандеру, виновного в Холокосте и уничтожении сотен тысяч евреев, русских и поляков, приглашение получило. Данное решение европейских властей Президент России Владимир Путиным назвал позорным. Президент почтил память жертв Холокоста и напомнил о ключевой роли Красной Армии в освобождении Освенцима в 1945 году, а также призвал бороться с попытками переписать исторический приговор нацистским палачам [10]. Вице-премьер Сербии Александр Вулин выразил мнение, что отсутствие российских представителей на годовщине освобождения концлагеря является оскорблением памяти жертв нацизма [2].

В целях дестабилизации общественно-политической ситуации и провоцирования беспорядков зарубежными спецслужбами ведется активная работа по стимулированию сепаратистских настроений, в том числе с использованием

интернет-ресурсов. Подобных примеров за последние годы достаточно много.

В январе 2025 года сотрудниками федеральной службы безопасности задержана жительница Мариуполя за публичные призывы к терроризму и экстремизму в социальных сетях [13], против которой возбуждено уголовное дело по двум статьям: о публичных призывах к террористической деятельности, оправдании терроризма и публичных призывах к экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 205.2 и ч. 2 ст. 280 УК РФ) [4], [5]. По данным следствия, женщина неоднократно публиковала в своих социальных сетях «призывы к насилию и террористической деятельности в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности».

В феврале 2025 года жителя Алтайского края приговорили к 5 годам колонии за неоднократные призывы к экстремизму, сообщили в управлении ФСБ по региону, он неоднократно оправдывал практику и идеологию террористической деятельности, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети интернет, давал положительную оценку разрушительным и насильственным действиям против граждан РФ, а также осуществлял публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности [3].

Особого внимания требует вопрос миграционной политики Российской Федерации. Об этом заявил Президент России Владимир Путин в ходе пресс-конференции по итогам 2024 года, предложив ужесточать требования к тем, кто уже находится на нашей территории, чтобы ситуация с миграцией была комфортной для жителей страны, мигранты должны уважать культуру и традиции России, соблюдать законодательство РФ [11].

По заявлению заместителя председателя Совбеза Дмитрия Медведева на совещании по вопросам совершенствования миграционного законодательства «В России формируются этнические анклавизмы из членов семей мигрантов, а при их неуважении к законодательству страны в этой среде может возникать экстремистская идеология, что создаёт очень серьёзную нагрузку на социальную сферу нашей страны, а в ряде случаев становится причиной напряжённости в межнациональных отношениях» [6].

В России нередки случаи, когда трудовых мигрантов из стран СНГ правоохранители задерживают за совершение преступлений экстремистского характера. В июле 2023 года уголовное дело о создании экстремистской организации возбудили против 70 мигрантов, уроженцев Средней Азии, которые проживали в г. Москва. По данным следствия, с сентября 2020 года группа лиц организовала в г. Москва работу запрещенной на территории РФ международной религиозной экстремистской организации, собрания которой проходили в квартирах, расположенных в различных районах столицы. На них участники организации изучали экстремистскую литературу. Следственный Комитет РФ возбудил уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 282.2 УК РФ «Организация и участие в деятельности экстремистской организации» [12].

Наблюдающийся рост преступлений экстремистского характера, распространение идей неонацизма, идеологии экстремизма и деструктивных движений детерминирует необходимость выработки соотносимых с современными угрозами мер обеспечения национальной безопасности.

Новая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, в которой обозначены основные источники современных угроз экстремизма и задачи по их ликвидации [8], а также внесение изменений в КоАП РФ [7],

которые наделяет полицию полномочиями депортации и выдворения иностранных граждан, позволят обеспечить конституционный порядок и безопасность граждан Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. В МИД обвинили западные страны в лицемерии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/11/12/v-mid-obvinili-zapadnye-strany-v-litsemerii-i-roste-ksenofobii/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. В Сербии назвали оскорблением годовщину освобождения Аушвица без России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2024/6713cba79a7947eed90afddf> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Жителя Алтая осудили за призывы к экстремизму – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250204/ekstremizm-1997228332.html> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Колиев В. В., Шахкелдов Ф. Г. Особенности выявления и раскрытия преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 131-135.
5. Колиев В. В. Тактика и методика расследования преступлений, совершаемых с помощью сети «Интернет» // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 4 (196). – С. 280-282.
6. Медведев: анклавы игнорирующих закон мигрантов могут быть источником экстремизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/1414880-etonoanklavy-iz-semei-migrantov> (дата обращения: 20.01.2025).
7. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).
8. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 декаб. 2024 г. № 1124 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).
9. Посол Мешков призвал удвоить усилия по противодействию подъему неонацизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aif.ru/politics/posol-meshkov-prizval-udvoit-usiliya-po-protivodeystviyu-podemu-neonacizma> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Путин назвал позорным отказ пригласить РФ на годовщину освобождения Освенцима, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1832375/2025-02-02/putin-nazval-pozornym-otkaz-priglasit-rf-na-godovshchinu-osvobozhdeniia-osventcima> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Путин: необходимо ужесточать требования к проживающим в стране мигрантам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/1411613-putin-migranty-uzhestochenie> (дата обращения: 20.01.2025).
12. Уголовное дело о создании экстремистской организации возбудили против мигрантов в Москве – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m24.ru/news/proisshestviya/28072023/602684> (дата обращения: 20.01.2025).
13. ФСБ задержала женщину в ДНР за призывы к терроризму. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6785d0639a79477fd74b1973> (дата обращения: 20.01.2025).
14. Число дел об экстремизме в России за 2024 год выросло на 43 % – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250115/chislo-1993749833.html> (дата обращения: 20.01.2025).
15. Число экстремистских преступлений в СКФО в 2024 году выросло на треть – Бастрыкин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/chislo-ekstremistskih-prestupleniy-v-skfo-v-2024-godu-vyroslo-na-tret-bastrykin> (дата обращения: 20.01.2025).
16. Шогенов Т. М., Федоренко С. П., Бураева Л. А. Актуальные вопросы противодействия деятельности экстремистских организаций в сети интернет в условиях внешнеполитической нестабильности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 441-442.

БАЛИЕВ Бадави Русланович

магистрант 2-го курса, Северо-Кавказский филиал, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ГЕНОЦИД КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Данная статья посвящена геноциду, как международному наиболее тяжкому преступлению и уголовной ответственности за нее. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, является одним из основополагающих документов, под влиянием которой геноцид был криминализован в уголовном законодательстве большинства развитых стран, включая Россию. В статье отмечается, что соответствии с этой Конвенцией, споры по вопросам геноцида передавались на рассмотрение в Международный суд ООН. В статье автор отмечает, что в 1998 году в Риме представители 120 стран подписали Римский Статут, который стал основой для создания Международного уголовного суда (МУС). В данной статье рассмотрены виды преступлений, которые предусмотрены в законодательстве некоторых стран за совершение геноцида, а также дается анализ опыта Международного уголовного трибунала по Руанде, Международного трибунала по Бывшей Югославии.

Ключевые слова: геноцид, Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него, Римский статут.

VALIEV Badawi Ruslanovich

magister student of the 2nd course, North Caucasus branch, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor, North Caucasus branch, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

GENOCIDE AS AN INTERNATIONAL CRIME

This article is devoted to genocide as the most serious international crime and criminal responsibility for it. The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide is one of the fundamental documents under the influence of which genocide was criminalized in the criminal legislation of most developed countries, including Russia. The article notes that in accordance with this Convention, disputes on genocide were referred to the International Court of Justice. In the article, the author notes that in 1998 in Rome, representatives of 120 countries signed the Rome Statute, which became the basis for the creation of the International Criminal Court (ICC). This article examines the types of crimes that are provided for in the legislation of some countries for committing genocide, and also analyzes the experience of the International Criminal Tribunal for Rwanda, the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia.

Keywords: genocide, Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, Rome Statute.

Международные преступления, в том числе и геноцид, вызывают особую озабоченность всех государств, так как в современное время является широко распространенным явлением. Если раньше для борьбы с геноцидом каждая страна ограничивалась национальными общеуголовными методами, то в нынешнее время, требуются совместные усилия всех государств.

Для эффективной борьбы с геноцидом необходимо укреплять международное сотрудничество, наладить обмен информацией, разработать общие стратегии и механизмы ее осуществления. Только общими усилиями и координацией действий можно обеспечить «мирное сосуществование государств».

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него была принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. Она признала геноцид одним из самых тяжких преступлений против человечества и обязала государства предотвращать и наказывать его совершение.

В соответствии с этой Конвенцией, споры по вопросам геноцида передаются на рассмотрение в Международный суд ООН. Это позволяет международному сообществу более эффективно бороться с геноцидом и наказывать лиц, совершивших его.

В 2004 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан учредил должность специального советника по предупреждению геноцида. Эта должность была создана для того, чтобы укрепить международные усилия по предотвращению геноцида и других форм массовых нарушений прав человека. Специальный советник по предупреждению геноцида работает в тесном сотрудничестве с государствами, международными организациями и гражданским обществом, чтобы выявлять и предотвращать потенциальные случаи геноцида и реагировать на уже существующие ситуации.

Уголовная ответственность за геноцид установлена в национальном законодательстве большинства государств [4]. Большинство стран в качестве санкции за геноцид предусматривают лишение свободы на определенный срок (например, Испания, Азербайджан), пожизненное лишение свободы (например, Франция, Австрия, Австралия). В некоторых странах в качестве альтернативы предусмотрена и смертная казнь (например, Китай, Япония, некоторые штаты США). Из постсоветских государств сейчас только в Беларуси применяется смертная казнь. Из-за отсутствия моратория на смертную казнь Белоруссия не входит в Совет Европы. Президент Белоруссии открыто поддерживает смертную казнь за особо тяжкие преступления, в том числе и геноцид, считая его «сдерживающим фактором».

Не редко на практике действия признаются геноцидом одной страной, а другая страна это отрицает. Это затрудняет урегулирование конфликтов. Подобное произошло в ходе Турецко-Армянского конфликта в 1915–1923 годах [5]. Турция свои действия геноцидом не признала. Хотя и является наследником Османской империи, но была создана Турция в 1923 году, когда конфликтные вопросы с Арменией уже были закрыты. Также Турция отрицает факт геноцида, при этом признает факт гибели некоторых армян в ходе депортаций, которые были необходимы в то время для защиты государственных интересов. Зарубежным странам, которые признают эти действия геноцидом, Турция грозит торговыми и дипломатическими санкциями.

Следует отметить, что ряд стран, таких как Россия и Франция, официально признали данные события актом геноцида. В частности, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации единогласно утвердила заявление «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915–1922 годах» [3, с. 103], в котором подчеркивалось, что унич-

тожение армянского населения Турцией преследовало цель ослабления позиций России¹.

В некоторых странах сексуальное насилие тоже признается геноцидом, если оно совершено при определенных обстоятельствах.

Примером такого подхода может служить решение Судебной палаты Международного уголовного трибунала по Руанде в 1998 году по делу Акаеши. В приговоре указывалось, что изнасилование, если оно используется как метод уничтожения группы путем причинения серьезного физического или психологического ущерба, также может быть признано актом геноцида.

Подобные расширительные подходы в национальных законодательствах демонстрируют стремление государств адаптировать международные нормы к современным условиям и учитывать новые формы насилия, направленного на уничтожение групп людей. Однако такие изменения вызывают споры среди юристов и правозащитников, поскольку они могут привести к размыванию четких границ понятия геноцида и усложнению его применения на практике.

В частности, включение в определение геноцида таких категорий, как «социальная группа» или «группа людей с общими убеждениями», требует тщательного анализа и доказательства намерения уничтожить именно эту группу как таковую. Это особенно важно в контексте международного права, где геноцид рассматривается как одно из самых тяжких преступлений, влекущее не только юридическую, но и моральную ответственность.

Таким образом, расширительное толкование геноцида в национальных законодательствах, с одной стороны, способствует более полной защите прав человека и предотвращению массовых преступлений, а с другой – ставит перед правоприменителями сложные задачи, связанные с установлением точных критериев и доказательств, необходимых для квалификации таких деяний [1, с. 140].

В УК ФРГ закреплена норма о геноциде (§220a). Если сопоставить положения §220a УК ФРГ и ст. 357 УК РФ (геноцид), то они по сути идентичны, за исключением того, что в ч. (2) §220a УК ФРГ предусмотрена ответственность за менее тяжкие случаи геноцида. Можно предположить, что речь идет о случаях, когда преступные действия не ведут к смерти пострадавших. Геноцид представляет собой одно из наиболее тяжких преступлений против человечества, осуществляемое в массовом порядке. В связи с этим необходимо выделить это преступление в отдельную категорию деяний против жизни. Как германское, так и российское уголовное законодательство в аспекте защиты жизни основывается на международных обязательствах, касающихся охраны прав человека на жизнь.

Важный шаг в борьбе за справедливость и привлечение к ответственности за военные преступления был сделан Федеральным судом Германии 30 ноября 2022 года. Он подтвердил обвинительный приговор члену ИГИЛ за геноцид, преступления против человечности и военные преступления, совершенные против езидов в Фаллудже, Ирак. Этот человек был обвинен в ужасных преступлениях, включая порабощение и насилие над женщиной-езидкой и ее пятилетней дочерью, в результате которого девочка погибла. Суд приговорил обвиняемого к пожизненному лишению свободы, что является заслуженным наказанием за его ужасные деяния [2, с. 15].

В 1998 году в Риме представители 120 стран подписали Римский Статут, который стал основой для создания Международного уголовного суда (МУС). Этот документ вступил в силу с 1 июля 2002 года. Согласно его положениям, МУС имеет право рассматривать только те преступления, которые были совершены после этой даты².

Однако до появления МУС для расследования таких преступлений, как геноцид, военные преступления и преступления против человечности, создавались специальные международные трибуналы. Например, в 1993 году был образован Международный трибунал по Бывшей Югославии. Этот орган сыграл ключевую роль в развитии международного права, проведя допросы 4650 свидетелей и рассмотрев

дела 161 обвиняемого, из которых 90 были осуждены на тюремное заключение. Работа таких трибуналов стала важной предпосылкой для формирования МУС, подчеркнув важность международного сотрудничества в борьбе с тяжкими преступлениями, которые угрожают всему человечеству³.

Международный трибунал по Руанде был создан в ноябре 1994 года, в исполнение резолюции Совета Безопасности ООН № 955, с целью расследования и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении геноцида народности тутси, где по разным оценкам было уничтожено около 1 миллиона человек. Первый судебный процесс был 9 января 1997 года. Международный трибунал по Руанде признал виновным 61 человек, из них приговорил к пожизненному заключению Акэзу, Камбанде, а Багосору приговорил к 35 годам лишения свободы. Особо хочется вспомнить слова Председательствующий судья Наванетхем Пиллэй, которая сказала в заявлении после вынесения приговора: «С незапамятных времен изнасилование рассматривалось как военная добыча. Теперь это будет считаться военным преступлением. Мы хотим дать понять, что изнасилование больше не является военным трофеем»⁴.

Геноцид является одним из самых ужасных преступлений, способным проявляться в различных формах и представляющим огромную опасность для общества. Борьба с ним требует совместных усилий всего мирового сообщества, так как его цель заключается в уничтожении безопасности национальных, этнических, расовых и религиозных групп, а также в создании угрозы для всего человечества. История не раз показывала, что игнорирование или недооценка угрозы геноцида неизбежно ведет к катастрофическим последствиям, разрушая основы цивилизации и подрывая доверие между народами.

Современные принципы международного права, включая Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, призваны стать действенным инструментом в противостоянии этому злу. Однако одних лишь правовых мер недостаточно – необходимо развивать глобальную культуру памяти, ответственности и взаимопомощи. Только объединив усилия на всех уровнях – от государственного до индивидуального – человечество сможет противостоять этой угрозе, обеспечивая мир и достоинство для будущих поколений.

Пристатейный библиографический список

1. Арустамян Р. В. Геноцид тяжчайшее преступление против человечества // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 140.
2. Ласария А. О. Понятие «геноцид» по международному и российскому законодательству // Вестник военного права. – 2024. – № 2. – С. 14-23.
3. Арутюнян М. А. Понятие преступления геноцида: историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 103.
4. Аванесян В. В. Геноцид: криминологическое исследование. – М., 2012. – С. 65.
5. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян-преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armenianhouse.org/barsegov/genocide-ru/crime.html>.

1 Тексты заявлений Государственной Думы РФ об осуждении геноцида армян. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nashasreda.ru>.

2 Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 25.11.2024).

3 Международный трибунал для бывшей Югославии. Решение судебной камеры по делу Семанза от 15 мая 2003 г., § 320-322 // Вестник Международного Уголовного Правосудия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.murinfo.com/mur/book/definitionof-crimes>. (дата обращения: 26.11.2024).

4 Насилие в отношении женщин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.996d.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, полковник полиции

ШУБИН Сергей Павлович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ

В статье проводится развернутый анализ актуальных проблем, возникающих в процессе применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренным ст. 75 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, в частности возмещению ущерба, причиненного преступлением и иным способам содействия в их расследовании, вызывающим трудности в правоприменении и анализу различных научных позиций по данным проблемам.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, явка с повинной, содействие раскрытию преступления, возмещение ущерба, заглаживание вреда.

GAUZHAIEVA Viktoriya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Special and technical training sub-faculty, North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

SHUBIN Sergey Pavlovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF THE INSTITUTION OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH ACTIVE REPENTANCE

The article provides a detailed analysis of current problems arising in the process of applying the institution of release from criminal liability in connection with active repentance, provided for in Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Particular attention is paid to controversial issues, in particular compensation for damage caused by a crime and other methods of assistance in their investigation, causing difficulties in law enforcement and analysis of various scientific positions on these issues.

Keywords: active repentance, exemption from criminal liability, voluntary surrender, assistance in solving a crime, compensation for damage, making amends for harm.

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием занимает особое положение в общей системе оснований освобождения от уголовной ответственности. Правильность и обоснованность его применения способствуют, наряду с другими факторами, восстановлению социальной справедливости и минимизации вероятности рецидивных преступлений, является катализатором для решения на основании принципа гуманизма.

Основу исследования составляют актуальные проблемы применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, рассмотренные через призму доктрины уголовного права, действующего законодательства и обширной правоприменительной практики, представленной постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, обзорами судебной практики, а также опубликованными и неопубликованными судебными решениями, доступ к которым обеспечен посредством справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вопросов, вызывающих затруднения в правоприменительной практике применительно к рассматриваемому объекту исследования достаточно много. Мы сосредоточили свое внимание на тех, которые сопряжены с уяснением смыслового содержания понятия «способствование раскрытию и расследованию преступления». В доктрине уголовного права [1, с. 501-515], а также в судебной практике данное понятие получило достаточно широкую интерпретацию. Она включает в себя не только сообщение сведений о совершенном преступлении и его участниках, но и активное участие в проведении следственных действий. Эти действия могут быть направле-

ны, в частности, на обнаружение и изъятие орудий преступления, предметов, добытых преступным путем, а также на оказание содействия в установлении местонахождения соучастников преступного деяния и иные подобные действия (см., например: Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 июля 2022 года по делу № 10-14726/2022 [2]). Тем не менее, в настоящее время остается открытым вопрос о том, является ли достаточным лишь признание лицом своей вины и дача подробных показаний об обстоятельствах содеянного для констатации факта способствования раскрытию и расследованию преступления.

Правоприменительная практика по данному вопросу демонстрирует отсутствие единообразия. В ряде случаев судебные органы признают признание вины и дачу подробных показаний в качестве достаточных оснований для вывода о наличии факта способствования раскрытию и расследованию преступления (см., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2022 года № 49-УД22-35-К6 [3]). Однако, существует и противоположная позиция, согласно которой одних лишь признательных показаний недостаточно для констатации способствования раскрытию и расследованию (см., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 марта 2023 года № 77-1303/2023 [4]).

Представляется, что, хотя признание вины и дача подробных изобличающих показаний, безусловно, свидетельствуют о деятельном раскаянии лица, они не всегда являются достаточным основанием для вывода о том, что лицо пере-

стало быть общественно опасным. В этой связи, по нашему мнению, требуется взвешенный подход, предполагающий оценку всей совокупности обстоятельств дела, включая посткриминальное поведение лица, его отношение к содеянному, наличие или отсутствие у него умысла на продолжение преступной деятельности, а также реальный вклад в раскрытие и расследование преступления. Например, если лицо не только признало свою вину, но и сообщило о неизвестных ранее соучастниках преступления, указало местонахождение похищенного имущества или орудий преступления, то такие действия, безусловно, следует расценивать как способствование раскрытию и расследованию преступления.

Данный подход находит свое отражение и в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [5], где указывается на необходимость установления судами не только факта признания лицом своей вины, но и выполнения им действий, направленных на раскрытие и расследование преступления.

Анализ условия о возмещении ущерба и заглаживании вреда выявляет трудности в определении размера подлежащего возмещению ущерба, особенно когда речь идет о неимущественном вреде [6, с. 120-123]. В частности, не выработано единообразных подходов к оценке морального вреда, причиненного преступлением, однако, отмечается, что определение его размера должно осуществляться судебным органом с учетом комплекса факторов. Во внимание принимается характер страданий физического и нравственного порядка, причиненных потерпевшему, степень вины того, кто этот вред нанес. Выносимое судебное решение должно быть разумным и справедливым, что подчеркивает оценочный характер данного института [7, с. 452-460]. Однако на практике суды зачастую испытывают затруднения при определении размера компенсации морального вреда, что приводит к вынесению решений, не в полной мере учитывающих интересы потерпевшего. Также мы сталкиваемся с коллизией при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности лица, объективно не имеющего реальной возможности возместить причиненный ущерб в полном объеме в силу своего имущественного положения.

Судебная практика по данному вопросу также неоднозначна. В одних случаях суды исходят из того, что возмещение ущерба должно быть полным и безусловным, в других же – учитывают имущественное положение виновного и возможность возмещения им ущерба в рассрочку или в ином размере [8, с. 171-191]. Представляется, что в таких случаях судам надлежит исходить из принципа справедливости, учитывая все обстоятельства дела, в том числе причины, обусловившие невозможность полного возмещения ущерба, и принимая во внимание иные формы заглаживания вреда, предусмотренные законом, такие как принесение извинений потерпевшему, оказание ему помощи в восстановлении нарушенных прав и т.п. Важно, чтобы действия виновного свидетельствовали о его искреннем стремлении загладить причиненный вред в максимально возможном объеме.

В Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) [9], утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019, также указывается на необходимость учета имущественного положения лица при определении размера возмещения ущерба.

Мы считаем, что необходимо инициировать принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, содержащего разъяснения по вопросам определения размера ущерба, подлежащего возмещению при применении ст. 75 УК РФ, в том числе в случаях причинения морального вреда. В данном постановлении следует закрепить четкие критерии определения размера компенсации морального вреда, а также указать на необходимость учета имущественного положения виновного при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности.

Также представляется целесообразным закрепить в законе (например, в примечании к ст. 75 УК РФ) возможность освобождения от уголовной ответственности лица, которое не имеет реальной возможности возместить причиненный

ущерб в полном объеме, при условии совершения им иных действий, направленных на максимальное заглаживание вреда, причиненного преступлением, с учетом его имущественного положения. Например, установить обязанность суда принимать во внимание рассрочку платежей, предложенную лицом, совершившим преступление.

Такой подход представляется более гуманным и соответствующим целям уголовного закона, поскольку он предоставляет лицу, совершившему длящееся преступление, возможность деятельно раскаяться и после фактического окончания преступления, но до момента, когда о преступлении стало известно правоохранительным органам.

Дальнейшее доктринальное исследование данного института, несомненно, будет способствовать его развитию и совершенствованию, а, следовательно, и укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации.

Проведенное исследование позволяет заключить, что институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, несмотря на свою значимость и гуманистическую направленность, порождает ряд сложных вопросов теоретического и практического характера. Выявленные в настоящей статье проблемы, связанные с толкованием условий данного института, а также применением ст. 75 УК РФ к отдельным видам преступлений, требуют своего разрешения как на законодательном уровне, так и в рамках правоприменительной деятельности. Неоднозначность в понимании отдельных аспектов деятельного раскаяния приводит к ошибкам в квалификации деяний и нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Реализация предложенных мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики будет способствовать повышению эффективности института деятельного раскаяния, обеспечению единообразия судебной практики, защите прав и законных интересов граждан, а также достижению целей уголовного наказания превентивными средствами.

Пристатейный библиографический список

1. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2021. – 624 с.
2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.07.2022 по делу № 10-14726/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.09.2022 № 49-УД22-35-К6 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 № 77-1303/2023 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.
6. Кузнецов А. А. Актуальные проблемы возмещения морального вреда // Закон и право. – 2023. – № 4. – С. 120-123.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, 2022. – 1056 с.
8. Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В. Уголовно-правовой механизм возмещения вреда, причиненного преступлением: законодательная регламентация и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 171-191.
9. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

КЕРИМОВА Милана Магомедсадиговна

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЖЕНЩИНА КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Преступность является общественно опасным явлением и негативно сказывается на всех сферах жизнедеятельности человека. В настоящее время особое внимание уделяется изучению женской преступности, поскольку тенденции ее роста вызывают обеспокоенность общества. Это связано с тем, что женщины оказывают существенное влияние на социальный институт семьи и воспитания детей. В данной статье рассматривается женский пол как один из особых субъектов преступлений в уголовном праве. Рассматриваются мотивы совершения преступлений и факторы, которые воздействуют на уровень преступности среди женского пола.

Ключевые слова: женщина; уголовное правосудие; обстоятельства, смягчающие наказание; статистика женской преступности.

KERIMOVA Milana Magomedsadikovna

senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

A WOMAN AS A SUBJECT OF CRIME IN MODERN CRIMINAL LAW

Crime is a socially dangerous phenomenon and negatively affects all spheres of human activity. Currently, special attention is being paid to the study of female crime, as its growth trends are of concern to society. This is due to the fact that women have a significant impact on the social institution of the family and the upbringing of children. This article considers the female sex as one of the special subjects of crimes in criminal law. The article considers the motives for committing crimes and the factors that affect the crime rate among women.

Keywords: woman; criminal justice; circumstances mitigating punishment; female crime statistics.

Преступность представляет собой исторически изменчивое и неизбежное общественно опасное, социально-правовое явление, которое порождено условиями общежития, представляющее собой совокупность всех преступлений, совершенных в данном государстве за определенный период времени. Преступность также подразумевает под собой негативную, социальную деятельность общества, которая быстро реагирует на изменения, происходящие, в повседневной жизни человека и тем самым преобразуется. Важным аспектом является женская преступная деятельность, которая занимает особую роль во всей структуре.

Такое явление разрушает нравственные и моральные устои, которые складывались веками, приводит к деградации института брака и семьи. Согласно статистике о преступлениях, совершаемых женщинами, ситуация имеет негативный характер. С каждым годом можно заметить прирост преступлений, которые совершаются женским полом.

Для современного мира свойственна важная характеристика – скорость протекающих событий и явлений, а также их трансформация. Это относится и к преступности. Актуальность темы вызвана тем, что женщина традиционно вызывает ассоциации с материнством, педагогикой, воспитанием, то есть важными положительными явлениями. Принято считать, что мужчины совершают самые жестокие, коварные и тяжкие преступления. Однако сегодня, в условиях происходящих перемен в обществе, женщины нередко совершают не менее страшные преступления.

Анализируя данное явление, стоит обратиться к статистике. В настоящее время женская преступность снижается, однако сохраняет устойчивый удельный вес в общей структуре преступности. В современное время на долю женщин приходится в среднем 16,1 % от общего количества преступ-

плений. Указанный показатель свидетельствует о том, что женская преступность сегодня остается актуальной проблемой. Это можно объяснить тем, что в нашей стране сегодня складывается гендерный дисбаланс. По данным Росстата на 1 января 2024 года в России проживало 67,7 миллионов мужчин и 77,9 миллионов женщин (последних практически на 10 миллионов больше). В среднем по стране на тысячу мужчин приходилось 1151 женщин [8].

Это объяснялось ведомством высоким уровнем преждевременной смертности лиц мужского пола. Представляется, что в настоящее время данное соотношение усугубилось, поскольку значительное число лиц мужского пола было призвано для участия в специальной военной операции в 2022, 2023 и 2024 годах [7].

Кроме того, происходит увеличение числа совершенных преступлений по разным категориям преступлений. Например, в 2023-м году был зафиксирован рост более чем на 6,6 % числа совершенных особо тяжких преступлений лицами женского пола, а в 2024 г. – на 9 %. Данная динамика касается и тяжких преступлений – к примеру, в текущем году их количество превысило показатель за аналогичный период прошлого года на 0,2 % [8]. Между тем, число женщин, обвиняемых в убийстве (ст. 105-107 УК РФ), в России снизилось почти на 7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2024 году убийства совершили 475 женщин, в 2023 г. – 940, в 2022 г. – 925. При этом отмечается высокий показатель преступлений среди женщин по статье об организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) – около 30 % привлеченных к ответственности по этому составу оказались именно женщинами. Высока доля женщин и среди лиц, совершивших преступления коррупционной направленности.

Также увеличивается число совершенных женщинами преступлений в сфере экономической деятельности. Это можно объяснить тем, что женщины достаточно часто осуществляют трудовую деятельность в сфере экономической деятельности, например, занимают должности бухгалтеров в фирмах или организациях.

Кичигина О. Ю. в своей работе указывает, что причиной женской преступности является давление на женскую психику со стороны общества, т.е. несмотря на процесс установления равноправия полов, женщины прикладывают большей усилий для личностного роста в профессиональной деятельности и общественного признания. Стоит также учитывать тот факт, что в силу исторически складывающихся обычаев, на женщину возлагаются все обязательства по дому, в том числе и воспитание детей [2].

Данного мнения придерживается и Алексеева Е. А., которая утверждает, что именно кризис в семье и трудовая дискриминация является криминогенным фактором женской преступности [1]. Основными факторами являются также политические, экономические и социальные явления, поскольку именно их негативные проявления являются причиной для роста социальной напряженности и социальных конфликтов [9].

При этом, уровень преступлений, совершенных женщинами, постоянен, и, как правило, в 5-7 раз ниже уровня мужской преступности, несмотря на то, что женщин на территории Российской Федерации больше, чем мужчин [4].

Преступное поведение женщин влияет на характеристики современной российской преступности, подрывает традиционные социальные устои, взгляды и моральные нормы. Разрушается семья, негативно сказывается на воспитании детей, наносится вред моральному состоянию общества.

При рассмотрении женщины, как субъекта преступления необходимо производить не только оценку общих факторов, таких как вменяемость, вина и уровень доказанности преступлений, но и влияние социальных факторов. Так же нужно изучать личность и личностные качества преступницы, анализировать рецидив преступлений и влияние нравственных качеств на деликт. Уровень образованности и воспитания играет большую роль в изучении личности преступницы, так согласно статистике женщины, не имеющие профессионального образования более подвержены вовлечению в преступную деятельность.

Воспитание, фактор, влияющий на склонность к совершению преступных деликтов, но отнюдь не определяющий, как и образованность. Так мошенничества и присвоение преступления, которые совершают достаточно образованные женщины, имеющие высокий уровень воспитанности. В данной ситуации необходимо обращать внимание на мотив, отличающийся корыстью и потребительским отношением, а также желанием к лучшей жизни любыми путями. Достаточно часто можно наблюдать, как женщина совершает преступление со скрытым мотивом, а именно ради семьи и детей. С одной стороны, в таком случае женщина показывает свое биологическое - природное предназначение, но с другой стороны стоит отметить, что очень часто женщина берет на себя мужские обязанности именно в неполных семьях, где она единственный добытчик ресурсов. Необходимо учитывать социальную составляющую женщины, совершающей преступление, а именно обращать внимание на уровень дохода, влияние социума, ситуацию в семье и на работе.

Если говорить о качествах характера преступницы, то можно выделить такие черты, как замкнутость, страх, ми-

зантропия, такие женщины в основном жертвы домашнего насилия, которые гнев используют, как защитную реакцию.

Женщины, совершающие преступления корыстного характера обладают такими качествами, как алчность, эгоистичность [2, с. 110]. При этом в большинстве случаев женщина действует преступным путем для извлечения выгоды в пользу своих родных – это отражение её природного инстинкта. Рецидив женской преступности имеет место быть из-за сложной ресоциализации личности после отбывания наказания в местах лишения свободы, а также сложностях, связанных с изменением социальной ситуации в стране. Но не стоит забывать о том, что преступление совершается не только в силу негативных факторов, оказывающих влияние на женщину, но и по низменным мотивам в отсутствии правосознания и нравственного воспитания. Конечно, каждое преступное посягательство, совершаемое женщинами необходимо более детально рассматривать, так как существуют сложные ситуации. Тем не менее, женщина, которая решила совершить преступление, в любом случае несет ответственность, как субъект уголовно-правового посягательства.

Получение психологической травмы напрямую связано с взрослой жизнью. Следовательно, даже если человек и вырос своим внутренним богатым миром, о котором писалось выше, этого не всегда достаточно, так как внутри откладывается история прошлого, которое оставляет неизгладимый отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Согласно психологическому словарю, психологическая травма или психическая травма – это вред, нанесенный психическому здоровью человека в результате интенсивного воздействия неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику.

Как отмечает Е. А. Петрова, эти два понятия не дифференцированы [6]. То есть можно предположить, что травма как-никак, но выстреливает уже достаточно в зрелом возрасте, что зачастую становится совершением преступления.

Самым ярким примером в истории России можно рассмотреть историю Инессы Тарвердиевой, известной также как «банда амазонок». Как пишет Джулия Гинзбург в своей газете: «История этой женщины и её семьи поражает и пугает, раскрывая мрачные глубины человеческой натуры». Инесса Тервердиева родилась в 1970 году, в детстве она всегда находилась в центре внимания, активно участвовала в общественной жизни общества, однако плохо училась. Сверстницы ей завидовали. Но, несмотря на это, она стала жестокой преступницей, на счету которой больше 30 жертв.

Что же стало причиной? Как пишут в редакции «Sodalook» у Инессы Тарвердиевой появился личный мотив и ненависть к сотрудникам правоохранительных органов после того, как незадолго до свадьбы с инспектором ГИБДД, последний ее бросил и ушел к другой [8]. Инесса Тарвердиева не смогла это принять, на нее это сильно повлияло, и серьезно потрясла данная ситуация. После этого случая, не справившись с травмой, нанесенной по ее эмоциональному состоянию, она стала убивать и мстить практически всем сотрудникам правоохранительных органов. Значит, все-таки очень важно учитывать тот момент, когда человек, будь то лицо мужского пола, в нашем случае лицо женского пола, испытывает глубокий стресс, который приводит к тому, что человек, не зная, как с этим справиться, находит только выход в том, чтобы идти и причинять боль другим.

Одним из самых распространенных видов преступлений, совершаемых женщинами, является убийство матерью новорожденного ребенка, предусмотренное ст. 106 УК РФ.

При этом в юридической литературе неоднократно отмечался факт высокой латентности детоубийств, определяемый как соотношение 1:10, тем не менее, ежегодно регистрируется около 200 таких преступлений [5]. Большая часть женщин, решившихся на данное преступление, действуют предумышленно и готовятся к убийству новорожденного заранее, скрывая свою беременность. Кроме того, даже при спонтанном детоубийстве возможность сокрытия следов преступления и труп достаточно высока.

Исходя из статистических данных, отражающих демографические признаки осужденных по всем составам преступлений, в структуру «типично женских» преступлений входят оставление в опасности, предусмотренное ст. 125 УК РФ, заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ) несовершеннолетних детей и престарелых родственников, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и др.

Организацию или содержание притонов для занятия проституцией также традиционно включают в сферу женской преступности. Такие виды преступлений, как оскорбление, клевета, ложный донос носят преимущественно женский характер.

Среди всех категорий совершаемых женщинами преступлений наиболее распространенной является кража. Основное объяснение мотива совершения кражи состоит в том, что многие девушки стремятся быть материально обеспеченными. В значительной степени это выражено у матерей-одиночек и у тех женщин, которые находятся в трудных жизненных ситуациях. У них, как правило, отсутствует высшее образование. Стоит также отметить, что желание иметь определённый социальный статус, в том числе определенный уровень материальной обеспеченности, а также возможности обучения детей в престижных учебных заведениях является одним из мотивов совершения данной категории преступлений.

Подводя итоги по вышесказанному, стоит подчеркнуть, что проблемы изучения личности женщин, совершающих преступления, в настоящее время является острым вопросом, значимость которого с каждым днем все увеличивается, в основе преступной мотивации женщин лежит социальная обусловленность, а также отличительные черты женской психики. Безусловно, это также связано и с противоречиями общественного развития, нравственными ценностями общества, а также с некоторыми неблагоприятными условиями для жизни.

Однако, не смотря на незначительное снижение уровня женской преступности за последние 5 лет, количество совершаемых преступлений против собственности, а также насильственных преступлений остаётся практически неизменным. Именно поэтому необходимо уделять внимание профилактической работе с женщинами, проявляя гуманность, милосердие и понимание причин и мотивов, послуживших причиной безнравственного или уголовно-наказуемого поступка.

В первую очередь необходимо проводить профилактику предупреждений преступлений, а во-вторых, разрабатывать программы, направленные на социальную и материальную, психологическую помощь женщинам. В данной работе должны принимать участие правоохранительные органы, психологи, социологи, а также иные государственные органы. Также после разработки мер, сдерживающих преступность среди женщин, должен проводиться анализ программ, который отражается на статистических данных о преступно-

сти. Важно, чтобы этот механизм действительно работал на практике и нашёл применение в жизни.

Таким образом, в статье было рассмотрено место женщины, как особого субъекта уголовного права. И все это дает основание сделать вывод, что предупреждение женской преступности позволит укрепить законность и правопорядок в нашем государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Е. А. Криминологическая характеристика женщин, совершающих преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2019. - Т. 24, № 4 (79). - С. 469.
2. Кичигина О. Ю. Криминологические особенности женской преступности // Теория и практика социогуманитарных наук. - 2021. - № 3 (15). - С. 87.
3. Маска миловидности: история Инессы Тарвердиевой и банды амазонок. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://telegra.ph/Maska-milovidnosti-istoriya-InessyTarverdievoj-i-bandy-amazonok-06-30> (дата обращения: 06.12.2024)
4. Молев Г. И. Анисимова М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. - 2020. - Т. 8, № 4 (32). - С. 101.
5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 08.05.2018 № 75 «О внесении изменений в приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65, Табель и формы статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей и судимости, утвержденные этим приказом». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300579/.
6. Петрова Е. А. Феномен психотравмы: теоретический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. - 2017. - № 74, Т. 2. - С. 89-91.
7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-http://crimestat.ru/genprokuraturazafiksirovala-rost-prestupnosti-sredizhenschin> (Дата обращения: 09.03.2025).
8. Росстат посчитал количество мужчин и женщин в России. Результат неоднозначен // Маяк. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://mayak.sbor.ru/news/society/rosstat_poschital_kolichestvo_muzhch (Дата обращения: 09.02.2025).
9. Селихова О. Г. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминологический журнал. - 2020. - № 4. - С. 76.

ОЛИФИРЕНКО Екатерина Павловна

кандидат политических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье рассматриваются особенности деятельности, задачи и функции органов прокуратуры в сфере противодействия преступности несовершеннолетних лиц, а также факторы, оказывающие непосредственное влияние на уровень преступности в подростковой среде. Автором уделено внимание раскрытию вопросов правового регулирования данного направления прокурорского надзора, проведен анализ статистических данных о состоянии преступности среди несовершеннолетних. Специфика заявленной проблемы автором раскрывается на примере конкретного субъекта Российской Федерации, Карачаево-Черкесской республики. В содержании статьи также обозначен ряд направлений для дальнейшего развития и совершенствования прокурорского надзора в сфере противодействия и борьбы с преступностью несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокурорский надзор, уголовный закон, несовершеннолетние, преступная деятельность, вовлечение, профилактика, противодействие.

OLIFIRENKO Ekaterina Pavlovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, North Caucasus State Academy, Cherkessk

THE SPECIFICS OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FIELD OF COUNTERING AND COMBATING JUVENILE DELINQUENCY (ON THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)

The article examines the specifics of the activities of the prosecutor's office in the field of combating juvenile delinquency, the tasks and functions of the prosecutor's office in this area, as well as factors that have a direct impact on the crime rate among adolescents. The author pays attention to the disclosure of issues of legal regulation of this area of prosecutorial supervision, analyzes statistical data on the state of juvenile delinquency. The specifics of the stated problem are revealed by the author using the example of a specific subject of the Russian Federation, the Karachay-Cherkess Republic. The content of the article also outlines a number of areas for further development and improvement of prosecutorial supervision in the field of countering and combating juvenile delinquency.

Keywords: prosecutor's office, prosecutorial supervision, criminal law, minors, criminal activity, involvement, prevention, counteraction.

Разработка и реализация комплекса мер по эффективному противодействию в сфере вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность представляет в настоящее время одно из ключевых направлений органов прокуратуры, которому отдается приоритет во внутренней политике любого государства, находясь под особым контролем. Это нашло отражение и в содержании основного закона нашего государства, которое «создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей и обеспечивает приоритет семейного воспитания...». Несмотря на то, что надзор за исполнением законов о несовершеннолетних не выделен в качестве самостоятельной отрасли, тем не менее, он выступает одной из важнейших составных частей прокурорского надзора [6, с. 23].

Осознаваемая мировым сообществом и признаваемая национальным законодателем, деятельность в данном направлении обусловила принятие и реализацию комплекса документов федерального уровня, ставящих своей целью защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, наряду с такими базовыми федеральными законами как: № 2202-1 от 17.01.1992 (в ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» № 120 от 24.06.1999 (в ред. от 21.11.2022) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», также можно обозначить Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, где в подпункте 9 пункта 47 «задача профилактики преступлений среди несовершеннолетних»¹ определена в качестве отдельной со-

ставляющей обеспечения государственной и общественной безопасности.

Задачи, поставленные перед прокурорами в данной сфере, нашли также отражение и в ряде ведомственных нормативно-правовых актов Генеральной прокуратуры России, таких как приказы: от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры работы по правовому просвещению и правовому информированию».

Рассмотрение и разрешение уголовных дел, возбуждаемых в отношении несовершеннолетних лиц, требует не только от следственных и судебных инстанций внимательного отношения к существу самого дела, но также и от органов прокуратуры проверки неукоснительного соблюдения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства [3, с. 156]. Так, базовой составляющей уголовно-правовых норм, регламентирующей соблюдение основных гарантий семьи и несовершеннолетних, а также закрепляющей положения привлечения к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в осуществление преступной деятельности выступает Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации.

Исследование статистических данных, представленных на сайте Генеральной прокуратуры РФ, о количестве совершенных несовершеннолетними или с их участием преступных деяний за период с 2017 по 2022 год по различным

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 04.01.2025).

Таблица 1. Количество предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии с 2017 по 2022 годы

Год	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие	Всего
22017	10 781	24 484	8 375	1 863	45 503
22018	10 353	23 484	7 748	1 968	43 553
22019	9 918	21 517	8 010	2 103	41 548
22020	9 114	18 860	7 728	2 069	37 771
22021	7 897	14 913	7 214	1 841	31 865
22022	7 452	13 722	7 841	2 256	31 271

категориям преступлений (таблица 1)² показывает, что в настоящее время наблюдается определенное снижение подростковой преступности.

По мнению экспертов, существенное влияние на вовлечение несовершеннолетнего контингента в совершение тяжких и особо тяжких преступлений оказывает увеличение числа криминальных проявлений, сопряженное с использованием коммуникативно - информационных потоков [4, с. 41]. В условиях их повсеместного распространения и агрессивно-подавляющего воздействия на личность, несовершеннолетние представляются нам наиболее восприимчивой возрастной категорией населения, не имеющий полноценной возможности защититься от преступного воздействия со стороны взрослых [7, с. 136]. Несмотря на активно проводимую правоохранительными органами работу в данном направлении, статистические данные свидетельствуют о том что, не удается добиться значимого сокращения количества совершаемых с участием несовершеннолетних лиц преступлений данных категорий.

Считаем уместным акцентировать внимание на том факте, что почти треть несовершеннолетних, нарушивших уголовный закон, воспитывались в благополучных семьях и никогда не состояли на профилактическом учете. Основная причина детской преступности, по мнению главы Следственного комитета, в первую очередь, кроется в отсутствии контроля со стороны родителей³. Подобное отношения со стороны законных представителей способствует развитию дестабилизационных процессов в обществе, нарушая гармоничное развитие подрастающего поколения и способствуя увеличению преступности так и целом, как в среде несовершеннолетних.

К ключевым факторам, оказывающим влияние на изменение уровня преступности в среде несовершеннолетних, следует отметить:

- осуществления взаимодействия между участниками таких незаконных преступных действий (оборот наркотических средств и психотропных веществ) преимущественно в виртуальном пространстве;
- ненадлежащая организация досуговой и трудовой занятости подростков;
- отсутствие полноценных возможностей в получении бесплатного дополнительного образования и активной социальной адаптации [1, с. 235];
- сокращение объемов индивидуальной профилактической работы с подростками, проводимой представителями образовательных учреждений и правоохранительных органов [2, с. 97];
- использование родителями противоправных способов получения дохода и негласное одобрение аморального и противоправного поведения подростков;

2 Данные о количестве совершенных несовершеннолетними или с их участием преступных деяний за период с 2017 по 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 05.01.2025).

3 Интервью Председателя Следственного комитета // Российская газета от 01.06.2023. Следственный комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1797141> (дата обращения: 06.01.2025).

– чрезмерно завышенные материальные потребности самих несовершеннолетних лиц.

Для их реализации задач прокурорского надзора требуется не только постоянное взаимодействие всех подразделений прокуратуры, но и соответствующий уровень профессиональной подготовки работающих с несовершеннолетними лицами сотрудников, надлежащая организация данного направления деятельности как в районных прокуратурах, так в прокуратурах субъектов Российской Федерации, осмысленное и продуманное планирование, информационно-аналитическое сопровождение надзорной деятельности, четкое распределение обязанностей за ответственными сотрудниками [5, с. 210].

Анализируя правоприменительную сферу деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия преступности в среде несовершеннолетних лиц на примере отдельного региона, можно отметить что, за отчетный период 2024 года в данном направлении прокуратурой Карачаево-Черкесской республики были реализованы следующие мероприятия⁴:

09.01.2025 года - прокуратура Малокарачаевского района провела проверку соблюдения законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В ходе проверки установлено, что учащийся МБОУ «СОШ № 1 им. А. М. Ижаева с. Учкеек» при наличии оснований необоснованно не был поставлен на внутришкольный учет. Необходимая профилактическая работа с ним не проводилась, следствием чего явилось совершение несовершеннолетним тяжкого преступления против собственности. В целях устранения выявленных нарушений закона в адрес директора образовательного учреждения внесено представление, которое в настоящее время находится на рассмотрении.

16.12.2024 года - в Урупском районе состоялось заседание КДН с участием работника надзорного ведомства. Помощник прокурора принял участие в расширенном заседании комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации Урупского муниципального района. В ходе мероприятия рассмотрены дела, связанные с ненадлежащим исполнением законными представителями несовершеннолетних родительских обязанностей, нарушениями в сфере безопасности дорожного движения.

Решением комиссии один несовершеннолетний направлен в республиканский социально-реабилитационный центр «Надежда». Двое несовершеннолетних и одна семья поставлены на учет. Также проведены профилактические беседы с несовершеннолетними и их законными представителями, разъяснены нормы административной и уголовной ответственности за совершение отдельных правонарушений и преступлений.

29.07.2024 года - прокуратура города Черкесска контролирует ход процессуальной проверки по факту гибели подростка на воде. В ходе надзорного мероприятия будет проверено исполнение законодательства, регламентирующего безопасное пребывание граждан на данном водном объекте. Также будет дана оценка надлежащему состоянию водоема, действиям соответствующих должностных лиц и служб. По

4 Прокуратура Карачаево-Черкесской республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09 (дата обращения: 07.01.2025).

итогах проверки при наличии оснований будут приняты меры прокурорского реагирования.

15.05.2024 года - прокуратура города Карачаевска поставила на контроль ход и результаты процессуальной проверки по факту дорожно-транспортного происшествия с участием несовершеннолетнего водителя. По предварительным данным, 13 мая 2024 года на 112-м километре ФАД «Черкесск-Домбай» 15-летний подросток не справился с управлением микроавтобусом «Фольксваген Крафтертди», допустил съезд с дороги с последующим опрокидыванием транспортного средства. В результате дорожно-транспортного происшествия несовершеннолетний пассажир погиб на месте. По ее результатам при наличии оснований будут приняты меры прокурорского реагирования.

09.04.2024 года - прокуратура Малокарачаевского района внесла представление о принятии мер к активизации профилактической работы с несовершеннолетними по факту проверки исполнения требований федерального законодательства при организации работы комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Малокарачаевского района. Так, в ходе проверки установлено, что предоставленные законом полномочия с достаточной полнотой и эффективностью Комиссией не реализуются. Только с начала текущего года на территории Малокарачаевского района совершено 2 дорожно-транспортных происшествия, в которых пострадали несовершеннолетние. Прокурорская проверка показала, что Комиссией не предусматривались плановые мероприятия по профилактике правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, вопросы указанного характера на заседаниях Комиссии не обсуждались. В связи, с чем прокуратура внесла представление главе администрации Малокарачаевского района.

20.02.2024 года - Хабезская межрайонная прокуратура утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 17-летнего местного жителя, который обвиняется по п. «в» ч. 4 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека) и направила в суд уголовное дело о дорожно-транспортном происшествии, в котором погиб несовершеннолетний ребенок. По версии следствия, 6 декабря 2023 года в дневное время на автодороге в ауле Псыж Абазинского района обвиняемый, управляя автомобилем марки «ВАЗ 2107», превысил установленную скорость движения и при совершении обгона автомобиля допустил наезд на идущих по краю проезжей части дороги пешеходов в возрасте 11 и 13 лет. В результате дорожно-транспортного происшествия 11-летний ребенок скончался на месте, здоровью второго пострадавшего причинен тяжкий вред. Уголовное дело направлено в Хабезский районный суд Карачаево-Черкесской Республики для рассмотрения по существу.

Анализ недостатков, выявленных прокурорами в ходе осуществления надзорной деятельности за исследуемый период, позволил определить меры по совершенствованию форм и методов работы, проводимой с несовершеннолетним контингентом, находящихся в социально опасном положении в связи с совершением ими преступлений и правонарушений. Так, в частности надзорным ведомством региона намечены следующие виды и направления деятельности:

- организуются проверки соблюдения требований законодательства о профилактике и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних и в сфере безопасности дорожного движения;
- намечен ряд мероприятий по организации работы по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи и недопущению распространения негативной идеологии в молодежной среде;
- осуществляется популяризация волонтерского движения как инструмента первичной профилактики правонарушений несовершеннолетних;
- в соответствии с заключением представителя прокуратуры комиссией разрешены вопросы, касающиеся допуска к трудовой деятельности в сфере работы с несовершеннолетними лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности.

Вместе с тем, необходимо отметить, что остается ряд нерешенных задач, требующий серьезной и детальной проработки, так в частности:

- вызывает обеспокоенность распространение деструктивных движений в молодежной среде, пропагандирующих отрицательное отношение к закону;
- особого внимания требуют проблема защищенности образовательных организаций;
- нуждается в активизации работа по предупреждению преступных деяний в отношении несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети «Интернет»;
- продолжает оставаться значительным количество преступных посягательств в отношении детей;
- требует совершенствования деятельность органов предварительного расследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, организация прокурорского надзора в рассматриваемом направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Аносов А. А. Соучастие несовершеннолетних преступлений: особенности уголовной ответственности и предупреждения: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. - М., 2016. - 243 с.
2. Воеводина Т. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних: [монография]; МЦНП «Новая наука». - Петрозаводск, 2019. - 101 с.
3. Коршунова О. Н., Никитин В. Л., Луньков Д. А., Серова Е. Б., Дытченко Г. В. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: учебное пособие для обучающихся по программам специалитета, магистратуры и дополнительного профессионального образования / Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. - 176 с.
4. Морозова О. В. Деятельность органов прокуратуры по противодействию совершению несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений // Современная наука. - 2023. - № 2. - С. 40-44.
5. Васильева Т. А., Воеводина Т. Г., Качанова О. Б., Ковалева М. Г., Николаева Т. Г., Рохлин В. И., Севастьянник И. К. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / Под общ. ред. В. И. Рохлина. - 2-е изд., испр. - СПб., 2005. - 220 с.
6. Дудин Н. П., Васильева Т. А., Качанова О. Б., Ларина Н. Я., Пристанская О. В., Сальникова О. В., Серова Е. Б., Скачкова А. Е., Шаврова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / Рук. авт. кол. Н. П. Дудин. - СПб.: Санкт-петербургский юридический институт (филиал) академии генеральной прокуратуры российской федерации, 2009. - 636 с.
7. Хоменко С. М. Сущность, цели и задачи прокурорского надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2020. - № 3. - С.135-143.

ПЕРЕЖОГИНА Галина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

ТАСБАЕВА Айнур Нурлановна

магистрант, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

В статье проанализированы особенности регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства в уголовном законодательстве России и Казахстана. В 2024 году уголовно-правовая норма, содержащаяся в уголовном законодательстве Республики Казахстан, была изменена, что обусловило актуальность проведенного исследования. С помощью компаративистского подхода рассматриваются особенности технико-юридических конструкций норм, последствием которых выступает самоубийство. Авторами проанализированы основные признаки составов преступления, на основе сравнительного анализа делаются выводы, необходимые для точной квалификации деяния и отграничения от иных смежных составов преступлений.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, криминальный суицид, уголовное законодательство России, Республика Казахстан.

PEREZHOGINA Galina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University

TASBAEVA Ainur Nurlanovna

magister student, Institute of State and Law, Tyumen State University

CRIMINAL LIABILITY FOR DRIVING TO SUICIDE IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

The article analyzes the features of the regulation of criminal liability for driving to suicide in the criminal legislation of Russia and Kazakhstan. In 2024, the criminal law norm contained in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan was amended, which determined the relevance of the study. Using a comparative approach, the features of technical and legal constructions of norms are considered, the consequence of which is suicide. The authors analyzed the main features of the crime, based on the comparative analysis, conclusions are made necessary for the accurate qualification of the act and distinction from other related crimes.

Keywords: driving to suicide, incitement to suicide, criminal suicide, criminal legislation of Russia, Republic of Kazakhstan.

Жизнь человека является абсолютной социальной ценностью высшего приоритета, которая должна гарантироваться и охраняться государством посредством различных правовых средств. Вопросы рассмотрения объективных и субъективных признаков составов доведения до самоубийства остаются актуальными в виду сложившейся социальной ситуации. По данным последних исследований, опубликованных Всемирной организацией здравоохранения в 2021 году, Россия и Казахстан входят в первые двадцать стран по числу совершаемых самоубийств¹.

Общее количество суицидов в Казахстане за январь–октябрь 2023 года увеличилось на 3,4%. При этом количество самоубийств среди подростков выросло на 30%.² Полагаем, что в виду данного обстоятельства законодатель принял решение о внесении изменений в ст. 105 УК РК. Примерно аналогичная ситуация наблюдается и в Российской Федерации³.

В силу особенностей применения сравнительно-правового метода, соотношению и сравнению могут подлежать положения, описывающие сродные общественные отношения. В связи с чем предлагается проанализировать объективные и субъективные признаки таких составов преступления, как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 105 УК РК).

Обратим внимание на одну особенность: в уголовном законе России составы преступления о доведении и склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства образуют самостоятельные деяния, представленные статьями 110 и 110.1 УК РФ соответственно. Уголовный закон Республики Казахстан содержит указанные деяния в одной статье (ст. 105 УК РК), не дифференцируя уголовную ответственность.

Неконкретность формулировки закона до сих пор вызывает доктринальные споры и разночтения в правоприменительной практике относительно квалифицирующих признаков и их толкования. В отличие от российской правоприменительной практики, в Республике Казахстан имеется Нормативное постановление Верховного суда, необходимое для обеспечения единства толкования законодательных положений и единообразия правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу⁴.

Объект уголовно-правовой охраны исследуемых деяний полностью совпадает и характеризуется общественными отношениями, охраняющими жизнь человека. Конструктивные и квалифицирующие признаки потерпевшего практически идентичны друг другу, однако российский законодатель отдельно указывает такую категорию лиц, как женщины, заведомо для виновного находящиеся в состоянии беременности, при этом аналогичный признак в УК РК отсутствует. Однако казахстанский законодатель выводит в особо квалифицированный состав такую категорию потерпевших как несовершеннолетние (ч.3 ст. 105 УК РК).

Существует немалое количество юридических исследований, в которых авторы предлагают определение понятия

1 Рейтинг стран мира по уровню самоубийств — сравнительный анализ статистических данных о числе самоубийств на душу населения в странах мира, который выпускает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/global-suicide-ranking> (дата обращения: 12.01.2025).

2 За последний год количество самоубийств среди подростков в Казахстане выросло почти на треть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/news/newsid_313464 (дата обращения: 12.01.2025).

3 Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Д 31 Росстат. - М., 2023. - С. 149.

4 О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». (дата обращения: 20.01.2025).

«доведение до самоубийства», однако большинство из предлагаемых дефиниций по разного рода причинам подвергаются критике [5], [6].

Диспозиции как российского, так и казахстанского уголовного закона в части доведения лица до самоубийства или до покушения на самоубийство полностью совпадают. Деяния могут быть совершены путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Для квалификации деяния по данным составам достаточно хотя бы одного из указанных способов. В декабре 2024 года ВС РК отразил подробное описание способов доведения до самоубийства. Таким образом, угрозы могут быть различными, например: лишить жизнь или причинить вред здоровью; разгласить сведения о частной жизни потерпевшего; незаконно отобрать ребенка и (или) уволить с работы; лишить средств к существованию.

Представляется, что для квалификации деяний при реализации описываемого способа достаточно наличие хотя бы одной угрозы несмотря на то, что сам по себе способ обозначен во множественном числе. Полагаем, что подобным образом вопрос должен решаться и при квалификации деяния в российской практике, на что неоднократно обращали внимание в иных исследованиях, однако в российской практике существуют разногласия относительно данного вопроса [4].

Жестокое обращение может заключаться в лишении пищи; изоляции от внешнего мира путем лишения свободы или ограничения контактов с детьми и иными близкими для потерпевшего лицами; сексуальном насилии; понуждении к выполнению тяжелой физической работы; лишении медицинской помощи; незаконном помещении в психиатрическую больницу и т.п. Исходя из смысла статьи 110 УК РФ, можно определить жестокое обращение как единичное или множественное противоправное деяние, состоящее в причинении физических и нравственных истязаний и мучений потерпевшему, сформировавших у него решимость в реализации акта самоубийства. Указанные в разъяснении способы жестокого обращения, как нам представляется, актуальны и для российской практики.

Наибольший интерес представляют разъяснения, касающиеся последнего способа доведения до самоубийства. ВС РК указывает, что под систематическим унижением человеческого достоинства следует признавать повторяемые акты оскорбления потерпевшего, выражение в его адрес циничных высказываний, издевок, клеветы и т. п. Действия признаются систематическими, если они совершены три и более раз.

В научных кругах вопросы вызывает формулировка «систематическое». Некоторые авторы считают, что данные действия должны иметь многократный характер, другие утверждают, что систематичность предполагает несколько актов преступного поведения – не менее двух или трех раз⁵. На наш взгляд, данный способ должен носить скорее не количественный, а качественный характер⁶.

Составы, закрепленные в статьях 110 УК РФ и 105 УК РК, являются материальными, то есть, доведение до самоубийства считается оконченным с момента наступления общественно-опасных последствий: совершения потерпевшим самоубийства либо осуществления деяния им покушения на самоубийство. Обращаем внимание, что обязательным признаком рассматриваемых составов является наличие причинной связи между совершенным самоубийством или покушением на него и противоправными действиями виновного: если потерпевший покончил жизнь самоубийством или покушался на него по иным причинам, уголовная ответственность должна быть исключена.

Анализ имеющихся в научной литературе позиций по данной теме демонстрирует наличие различных подходов и обоснований к определению субъективных признаков [1].

Ключевым моментом, на наш взгляд, в определении состава преступления является точное установление признаков субъективной стороны доведения до самоубийства. Именно субъективная сторона является «движущей силой» для последующей реализации действий потерпевшего по самоубийству или покушению на него. Целенаправленные действия лица обуславливают решимость потерпевшего реализовать описанные в составе преступления последствия.

Разъяснения, данные Нормативным постановлением Верховного суда Республики Казахстан, гласят: субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется умыслом при совершении вышеуказанных действий и выражается в форме неосторожности к преступному результату. Когда вышеуказанные действия совершаются виновным с умыслом на причинение смерти потерпевшему путем доведения его до самоубийства и он желает наступления такого результата, содеянное следует квалифицировать как умышленное убийство. На наш взгляд, это одно из важнейших решений, необходимых для точной квалификации деяния.

Исходя из системного толкования норм российского уголовного закона, следует обозначить некоторые моменты. Самоубийство должно являться актом добровольного решения потерпевшего, «подкрепленного» доведением указанными в законе способами. Часть 2 ст. 110 УК РФ свидетельствует о том, что такое деяние должно быть совершено умышленно, о чем свидетельствуют содержащиеся в норме признаки (заведомость, группа лиц и т.д.). Кроме того, об умышленном характере деяния свидетельствует судебная практика⁷. По нашему мнению, совершение преступления при прямом умысле должно квалифицироваться как убийство. В связи с изложенным, полагаем, что деяние может быть совершено с косвенным умыслом по отношению к деянию и характеризоваться неосторожной формой вины по отношению к последствиям (самоубийство и покушение на самоубийство).

В целях единообразия правоприменительной практики предлагается отразить позиции относительно толкования объективных и субъективных признаков состава доведения до самоубийства в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Пристатейный библиографический список

1. Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. - Право. - 2012. - № 2. - С. 12-16.
2. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. - М., 2023. - 256 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) (отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Малиновский; науч. ред. проф. А. И. Чучаев). - М.: «КОНТРАКТ», 2011.
4. Рыжов Э. В. Проблемы определения способа совершения преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2017. - № 3. - С. 82-85.
5. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - С. 114.
6. Цыркалюк А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. - Тамбов, 2011. - С. 31-32.

5 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) (отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Малиновский; науч. ред. проф. А. И. Чучаев). - М.: «КОНТРАКТ», 2011. (дата обращения: 12.01.2025).

6 В Чувашии молодой парень предстанет перед судом по обвинению в доведении до самоубийства и незаконном распространении сведений о частной жизни. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети «Интернет». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/602983> (дата обращения: 21.01.2025).

7 Постановление президиума Московского городского суда от 4 апреля 2002 г. по делу Кузина // БВС РФ. - 2003. - № 4. - С. 17-18.

РАДЧЕНКО Марина Эдуардовна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Псковский филиал, Университет ФСИН России

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматривается такой вид наказания, как принудительные работы. А также входят в рассмотрение и учреждения, где осуждённый отбывает указанный вид наказания. Описано современное состояние и количество исправительных учреждений, исполняющих принудительные работы. Описан лимит наполняемости указанных учреждений. Приведены статистические данные. Раскрывается проблематика реализации этого вида наказания на практике. Автор рассматривает как положительные стороны применения этого вида наказания, так и отрицательные. В статье будут раскрыты все преимущества исполнения принудительных работ. Кроме положительных сторон, будут указаны все нюансы, с которыми сталкиваются органы государственной власти при реализации наказания на практике. Будут рассмотрены права лиц, осуждённых к отбыванию указанного вида наказания.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительный центр, уголовно-исполнительная система, подучетные лица, правопослушное поведение.

RADCHENKO Marina Eduardovna

senior lecturer of Criminal law disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of a convicted person from society sub-faculty, Pskov branch, University of the FPS of Russia

FORCED LABOR IN THE CONTEXT OF THE REALIZATION OF CONVICTS' RIGHTS

The article discusses such a type of punishment as forced labor. And the institutions where the convicted person is serving the specified type of punishment are also included in the consideration. The current state and number of correctional institutions performing forced labor are described. The occupancy limit of these institutions is described. Statistical data is provided. The article reveals the problems of implementing this type of punishment in practice. The author considers both the positive aspects of the use of this type of punishment and the negative ones. The article will reveal all the advantages of performing forced labor. In addition to the positive aspects, all the nuances that public authorities face when implementing punishment in practice will be indicated. The rights of persons sentenced to serve this type of punishment will be considered.

Keywords: forced labor, correctional center, penal enforcement system, registered persons, law-abiding behavior.

Как в России, так и за рубежом исторически сложилось, что альтернативные наказания в большей степени способствуют снижению уровня рецидивной преступности, нежели наказание, связанное с изоляцией преступника от общества. Сегодня все больше говорим о принудительных работах, использование которых было отложено, а нормы, разрешающие их применение, вступили в силу лишь 1 января 2017 года [1, с. 49].

В настоящее время в России касаясь развития уголовно-исполнительной системы (УИС) одним из приоритетных направлений выделяют мероприятия по расширению сети исправительных центров (ИЦ) и изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ). Так, на территории Российской Федерации функционируют более 45 ИЦ и 350 УФИЦ, с возможностью разместить более сорока девяти тысяч человек.

Наказание в виде принудительных работ обладает некоторой популярностью у правоприменителей: аналитические данные указывают на то, что ежегодно оно назначается всё большему количеству правонарушителей. Стоит отметить и статистические данные, где динамика назначения данного наказания постоянно подвержена росту: если в «стартовом» 2017 г. к принудительным работам было осуждено 587 человек, то по состоянию на 1 июля 2022 года исследуемый вид наказания уже отбывали 11 668 осужденных, а на период 2023 года данный вид на-

казания был приведён в исполнение в отношении 17 333 тысяч человек¹.

Указанные выше статистические данные говорят о смещении вектора судебных органов, который теперь придерживается направления на сокращение количества приговоров с реальным отбыванием наказания, в местах заключения, что сказывается и на современной политике государства, ориентированной на гуманизацию УИС. Стоит упомянуть, что актуальность реализации принудительных работ на практике выражается в активном создании специализированных мест, предназначенных для их отбывания на территории ИЦ (УФИЦ). На сегодняшний день в Российской Федерации «Продолжается работа по расширению сети ИЦ для отбывания наказания осужденных на принудительные работы. На 1 января текущего года число созданных исправительных центров достигло 367, с возможностью размещения в них более 40 тысяч осужденных», – рассказал Аркадий Гостев².

Полагаем, что применение данного наказания способствует социальной адаптации осужденных, получения ими

1 Центр по защите прав граждан и бизнеса в сфере цифровых технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/03/13/v-rossii-sozdano-367-ispravitelnyh-centrov-na-40-tysiach-osuzhdennyh-na-prinuditelnye-raboty.html>.

2 ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://versia.ru/fsin-rossii>.

трудовых навыков и возможности трудоустройства, в результате решает задачу снижения рецидива преступлений.

В соответствии с Уголовным кодексом РФ принудительные работы являются альтернативой лишению свободы, назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет и заключаются в привлечении осужденного к труду в местах и на работах, определяемых органами УИС с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и специальности.

Этот вид уголовного наказания значительно способствует социализации осужденных. Им дается возможность вернуться к нормальной жизни раньше срока, возобновить связи с семьей. Осужденные могут работать на коммерческих или муниципальных предприятиях, они не отрываются от общества, получают зарплату, выполняют свои обязательства, которые вытекают из решения судов. После отбытия наказания эти лица могут остаться работать на тех же предприятиях уже как обычные работники.

Не имеющим взысканий осужденным, администрацией учреждения по их заявлению может быть разрешен выезд за пределы ИЦ на период отпуска. Подучетным, не допускающим нарушений и отбывшим не менее одной трети срока, может быть разрешено проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади.

Полагаем, что это может быть хорошей мотивацией на пути к правопослушному поведению, так как для большинства людей важно быть рядом со своей семьей и детьми. Кроме того, восстановление именно социально-полезных связей способствует исправлению и предотвращению новых преступлений, а это приоритетные и важнейшие задачи УИС.

Хочется отметить, что осужденным разрешается обучение по заочной форме в ВУЗах, находящихся в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр. Это поможет повысить профессиональный уровень данной категории лиц, в том числе и для дальнейшей жизни. Ведь зачастую люди, состоящие на учете в УИС, не имеют даже полного среднего образования, что не дает им найти достойно оплачиваемую работу, что впоследствии влечет за собой совершение преступлений.

Помимо всего этого, осужденные в свободное от работы время могут самостоятельно распоряжаться своим свободным временем, безусловно, не нарушая внутреннего распорядка.

Могут пользоваться средствами связи и коммуникации, ноутбуками и т.д. Что говорит о том, что спецконтингент может посвящать время своему личному развитию, имеют право заниматься творчеством.

Стоит так же отметить, что есть и преимущества для работодателей, которые предоставляют работу спецконтингенту.

Так, остановимся на некоторых из них: принудительные работы представляют под собой обязательный труд подучетных лиц, то есть они не могут не согласится выполнять предложенную работу, кроме того одним из условий досрочного снятия судимости является правопослушное поведение; нет необходимости заключать договор с конкретным лицом, которому предложена работа достаточно его заключить с ИЦ (УФИЦ); и вдобавок ко всему на региональном уровне могут быть предусмотрены различные привилегии для лиц, которые предоставляют работу осужденным.

Полагаем, что важным фактором, влияющим на исправление осужденного, является сохранение социально-полезных связей. То есть, находясь, каждый день с «обычными»

людьми у спецконтингента не формируются искаженные понятия нормальной жизни. Так как, находясь в изоляции человек, адаптируется под сложившуюся обстановку с определенной иерархией и другими «преступными атрибутами». Более слабые по своему характеру, либо по физическому состоянию люди поддаются влиянию, более сильных, закоренелых преступников. Ввиду этого альтернативные наказания позволяют человеку самостоятельно определять свой круг общения, у одиноких людей появляется шанс построить отношения, обзавестись семьей и детьми, что поможет адаптироваться и восстановиться в социуме. И это все, безусловно, помогает человеку, особенно впервые совершившему преступление, осознать свою вину в полной мере и встать на путь исправления.

Подведя итог можно сказать, что уголовное наказание в виде принудительных работ, базирующееся на сочетании трудовой обязанности, финансовых удержаний и ограничения личной свободы с учетом имеющихся положительных и отрицательных свойств и характеристик, в целом занимает заслуженное место в системе российских уголовных наказаний. Вместе с тем в целях устранения имеющихся недостатков его применения целесообразно расширить взаимодействие между представителями общественности и субъектами исполнения принудительных работ, которое должно строиться на максимальном учете прав и интересов осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. Зубова А. О., Симагин А. О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1 (37). – С. 45-52.
2. Радченко М. Э. Об отличительных особенностях правового статуса осужденных к принудительным работам // Уголовно-исполнительная система: история и современность: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции, 31 июля 2023 года. – Псков: Псковский филиал Университета ФСИН России, 2023. – С. 166-168.
3. Радченко М. Э. Правовое положение осужденных к принудительным работам // Уголовно-исполнительная система: история и современность: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, 18–19 апреля 2024 года. – Псков: Университет ФСИН России, 2024. – С. 249-251.
4. Ковалев О. Г. Правовой механизм реализации права на труд осужденных к принудительным работам // Образование и право. – 2024. – № 8. – С. 359-364.
5. Щербакова Д. С. К вопросу о правоограничениях осужденных к принудительным работам // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – № 3 (13). – С. 108-114.
6. ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://versia.ru/fsin-rossii>.

СЕЙФЕТДИНОВА Екатерина Ирековна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин, Московский гуманитарный университет

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни, в том числе и в правоохранительную деятельность, нуждается в правовом регулировании, в том числе и с применением норм уголовного законодательства. Интернет и социальные сети используются человеком для личных и общественных нужд, соответственно, уголовное законодательство необходимо привести в соответствие с перманентной цифровизацией жизни общества и государства. Информационная безопасность государства и общества обеспечивается и силой уголовного закона. Преступления, совершаемые с использованием компьютерных программ, могут совершаться на территории нескольких государств, где деяние совершается на территории одной страны (например, действия мошенников), а последствия наступают в другой стране, требуют переосмысления действия уголовного закона в пространстве. Актуальными остаются вопросы уголовно-правового регулирования криптовалюты, несанкционированного доступа на сайты государственных органов власти и управления в Российской Федерации, использование социальных сетей для управления деятельностью террористов. Уголовно-правовое противодействие цифровой преступности необходимо для обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: уголовный закон, киберпреступления, правоохранительная деятельность, информационная безопасность государства и общества, криптовалюта.

SEYFETDINOVA Ekaterina Irekova

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and special disciplines sub-faculty, Moscow University for the Humanities

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO DIGITAL CRIME IN ORDER TO ENSURE THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The introduction of digital technologies into various spheres of public life, including law enforcement, requires legal regulation, including the application of criminal law. The Internet and social networks are used by people for personal and public needs, respectively, criminal legislation must be brought into line with the permanent digitalization of the life of society and the state. Information security of the state and society is also ensured by the force of criminal law. Crimes committed using computer programs can be committed on the territory of several states, where the act is committed on the territory of one country (for example, the actions of fraudsters), and the consequences occur in another country, require a rethinking of the effect of the criminal law in space. The issues of criminal law regulation of cryptocurrency, unauthorized access to the websites of state authorities and administration in the Russian Federation, the use of social networks to manage the activities of terrorists remain relevant. Criminal law counteraction to digital crime is necessary to ensure the national security of Russia.

Keywords: criminal law, cybercrime, law enforcement, information security of the state and society, cryptocurrency.

Назначение уголовного закона в сфере компьютерной информации и цифровых технологий состоит в регулировании общественных отношений между пользователями, в охране их прав и интересов от преступных посягательств. Пользователи информационно-телекоммуникационных технологий могут быть зарегистрированы на территории одной страны, а противоправную деятельность осуществлять на территории другой страны, как известно, интернет не знает государственных границ. Попытка регулировать подобные деяния силой национального уголовного закона неэффективны, ввиду территориального признака действия уголовного закона, возможность применения экстерриториальных уголовно-правовых норм носит пока дискуссионный характер [1, с. 48]. Правовыми усилиями одного государства невозможно обеспечить безопасность пользователей информационно-телекоммуникационных сетей на ее собственной территории, куда распространяется уголовная юрисдикция данного государства. Для формирования единой судебно-следственной практики по данной категории дел Пленум Верховного суда РФ принял постановление «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» [2]. Согласно п. 17 указанного Постановления ПВС РФ, понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются. При этом следует иметь в виду, что сеть «Интернет» является одним из их видов.

Иностранный гражданин, находясь на территории государства, гражданином которого он является, или в третьей стране, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей способен причинить вред интересам Российской Федерации и ее гражданам. Информационно-телекоммуникационные сети как помогают в раскрытии преступлений, так и

генерируют совершение экстерриториальных преступлений, так как появляются новые способы совершения преступлений. Потерпевшими от такого вида преступлений становятся физические и юридические лица, органы управления государства. В действующем УК РФ все преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта и информационных технологий, охватываются общим понятием «компьютерные преступления», но это понятие является узким по объему, не отражает все способы совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Исследователи в области цифровых преступлений выделяют ряд специфических признаков, присущих преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [3, с. 9]:

- экстерриториальность – означает, что совершение цифровых преступлений не ограничивается территорией одного государства. Данное свойство затрудняет юрисдикционные возможности отдельного государства по противодействию цифровой преступности;

- цифровые преступления носят виртуальный характер, то есть совершаются не в действительности, а в определенной, искусственной среде. У преступника имеется возможность совершения преступления удаленно и анонимно, что порождает чувство безопасности и бесследности совершения преступления;

- гипертаргетированность – означает, что цифровые преступления могут носить многоуровневый характер общественно-опасных последствий, причинять вред неопределенному количеству пользователей, причинять вред различного вида. Один преступник может причинить вред тысячам потерпевшим в различных государствах;

- мультипликативность цифровых преступлений означает, что данные преступления способны самостоятельно самовоспроизводиться, генерироваться без участия человека,

подобно цепной реакции. Каждый новый способ совершения цифрового преступления представляет опасность для информационного пространства;

– способность к видоизменениям означает, что появление новых технологий, компьютерных программ способствует созданию новых видов преступлений, на смену известным способам совершения цифровых преступлений приходят новые способы, варианты совершения преступлений;

– гиперлатентность цифровых преступлений означает, что она не поддается статистическому измерению. Такому положению вещей есть несколько объяснений: несовершенство правоприменительной практики, низкая раскрываемость, несообщение потерпевшими о совершенном в отношении них преступлении. Эксперты в области цифровых преступлений полагают, что 86-97 % компьютерных преступлений не раскрываются [4, с. 34].

Перечисленные признаки цифровых преступлений необходимо учесть при создании уголовно-правового механизма охраны общественных отношений в сфере информационно-телекоммуникационной практики, низкая раскрываемость, несообщение потерпевшими о совершенном в отношении них преступлении. Эксперты в области цифровых преступлений полагают, что 86-97 % компьютерных преступлений не раскрываются [4, с. 34].

Перечисленные признаки цифровых преступлений необходимо учесть при создании уголовно-правового механизма охраны общественных отношений в сфере информационно-телекоммуникационной практики, низкая раскрываемость, несообщение потерпевшими о совершенном в отношении них преступлении. Эксперты в области цифровых преступлений полагают, что 86-97 % компьютерных преступлений не раскрываются [4, с. 34].

Перечисленные признаки цифровых преступлений необходимо учесть при создании уголовно-правового механизма охраны общественных отношений в сфере информационно-телекоммуникационной практики, низкая раскрываемость, несообщение потерпевшими о совершенном в отношении них преступлении. Эксперты в области цифровых преступлений полагают, что 86-97 % компьютерных преступлений не раскрываются [4, с. 34].

Ученые-криминалисты совместно с законодателем должны предпринять попытку разграничить реальные и виртуальные преступления, создать терминологию цифровых преступлений. По нашему мнению, в самом общем виде цифровые преступления — это деяния, направленные для получения, обработки, передачи и хранения компьютерной информации с целью причинения вреда правоохраняемым интересам. Уголовное законодательство зарубежных стран также предусматривает ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, но учитывая экстерриториальный характер данных деяний, настоятельно требуется перейти к согласованию основных составов преступлений в сфере цифровых технологий. Положительным видится заключение международных уголовно-правовых соглашений по противодействию цифровой преступности. В этом случае становится возможным привлечение виновного лица к ответственности за совершение компьютерных преступлений, совершенных за пределами конкретного государства [5, с. 14].

Особенная часть УК РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за общественно-опасные деяния, совершаемые в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, отсутствует в УК РФ и понятие «компьютерных преступлений». Новизна вопроса состоит в том, что объекту преступления вред причиняется в цифровом формате, а объективная сторона преступления совершается в виртуальной сфере с использованием компьютерных технологий. Объектом преступления выступают охраняемые законом права и интересы собственников компьютерной информации в сфере безопасного хранения, обработки, накопления, распространения, защиты компьютерной информации, а также безопасного функционирования компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и иных

средств создания, использования, распространения компьютерной информации [6, с. 52]. Предметом преступления выступает охраняемая законом компьютерная информация. Примером сказанного может служить состав преступления, предусматривающий ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Можно сделать вывод, что преступления, которые ранее совершались в реальной действительности, в настоящее время могут совершаться с использованием компьютерной информации. Например, получение взятки, где предметом взятки выступает биткоин (своеобразная денежная единица в виртуальной сфере). В ряде случаев совершение преступления с использованием информационных технологий выступает в качестве квалифицирующего признака. Например, нарушение неприкосновенности частной жизни, связанное с распространением информации в информационно-телекоммуникационных сетях. Местом совершения данной группы преступлений признается территория, где виновный совершил деяния, образующую объективную сторону преступления.

В завершении отметим, что выработка уголовно-правовых запретов для охраны общественных отношений от противоправных деяний в сфере компьютерной информации позволит защитить личность, общество и государство от противоправных деяний, будет способствовать минимизации причиняемого вреда. Цифровые преступления обладают определенными качественными и количественными признаками, совершаются в определенный отрезок времени в виртуальной среде без привязки к территориальным и юрисдикционным правилам. Потенциал уголовного законодательства на противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных сетей пока остается не эффективным. Проблема пенализации цифровых преступлений также нуждается в развитии и изменении с учетом новых реалий жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцев О. А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. - М., 2019. - С. 48.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/own/31913/?ysclid=m87k06b5cr201883101>.
3. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. - С. 9.
4. Агапов П. В., Борисов С. В., Вагурин Д. В., Кореньков А. Л., Меркурьев В. В., Побегайло А. Э., Халиуллин А. И. Противодействие киберпреступности в аспекте обеспечения национальной безопасности: монография. - М., 2014. - С. 34.
5. Воронин Ю. А., Кухтина Т. В. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления в информационно-цифровой среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2022. - № 22 (1). - С. 14.
6. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д.ю.н.: 12.00.08. - М., 2022. - С. 52.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

КВАЛИФИКАЦИЯ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПО МОТИВАМ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В ОТНОШЕНИИ КАКОЙ-ЛИБО СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

На основе анализа судебной практики автором рассмотрены вопросы квалификации хулиганства, совершенного по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Исследованы признаки, которые использует правоприменитель для определения такой группы. Представленный в статье анализ некоторых аспектов квалификации хулиганства, как преступления экстремистской направленности, позволил сформулировать отдельные критерии отграничения его от иных преступлений экстремистской направленности, а также определить ряд признаков, которые, по мнению автора, обоснованно учитываются при установлении рассматриваемого вида уголовно-наказуемого хулиганства.

Ключевые слова: преступление, хулиганство, экстремистская направленность, социальная группа, мотив ненависти или вражды.

Ступина С. А.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, docent, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

QUALIFICATION OF HOOLIGANISM MOTIVATED BY HATRED OR ENMITY AGAINST ANY SOCIAL GROUP

Based on the analysis of judicial practice, the author considers the issues of qualification of hooliganism committed on the grounds of hatred or enmity against any social group. The signs that a law enforcement officer uses to identify such a group are investigated. The analysis of some aspects of the qualification of hooliganism as an extremist crime presented in the article made it possible to formulate separate criteria for distinguishing it from other extremist crimes, as well as to identify a number of signs that, in the author's opinion, it is reasonable to take into account when establishing the type of criminally punishable hooliganism in question.

Keywords: crime, hooliganism, extremist orientation, social group, motive of hatred or enmity.

Одним из уголовно-наказуемых вариантов хулиганства выступает такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

Для квалификации этого вида хулиганства с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» необходимо в рамках признаков субъективной стороны установить: осознание общественной опасности совершаемого грубого нарушения общественного порядка, осознание виновным, что он своими действиями выражает явное неуважение к общепризнанным принципам и правилам поведения в обществе, а также осознание, что совершает хулиганские действия в связи с имеющимся у него побуждением к противопоставлению себя не просто обществу, а в связи с имеющейся у него мотивацией, основанной на ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы. Кроме этого, к субъективным признакам в рамках волевой составляющей следует относить желание виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним именно в связи с экстремистской мотивацией.

Как отмечается специалистами для разграничения хулиганства, от иных преступлений экстремистской направленности следует установить доминирующий мотив [1, с. 119].

«Одновременно приведем справедливое утверждение о том, что хулиганский мотив сам по себе достаточно сложен и формируется, как и другие мотивы, на основе интересов и потребностей, социальных условий жизни человека, от психических особенностей личности и его поведения в обществе» [2, с. 192].

Рассмотрим некоторые вопросы квалификации хулиганства по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Прежде всего, остановимся на вопросе квалификации содеянного в ситуации, когда, например, происходит распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п. о том, что следует объединиться, собраться с целью последующего совершения хулиганства по указанным мотивам.

Полагаем, что с учетом положений ст. 280 УК РФ распространение сообщений, призывающих к совершению экстремистского хулиганства, подлежит самостоятельной квалификации. Последующее совершение действий во исполнение таких сообщений, при условии наличия всех признаков преступления, с учетом конкретных обстоятельств содеянного может быть квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии (абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»). При этом в настоящее время для привлечения к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ установлена административная преюдиция.

Если в отношении совершения действий по мотивам по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды существуют некоторые унифицированные критерии, то при установлении мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы нет таковых, что осложняет правоприменительную практику.

Рассмотрим несколько примеров.

Так, в г. Волгограде из числа футбольных фанатов клубов была создана организованная группа, существовавшая более 17 лет, с ноября 2000 по июль 2018 года, вовлечение в которую осуществлялось ее лидером посредством использования социальных сетей и личных встреч во время футбольных матчей. Привлекались лица с физической подготовкой и навыками единоборств. За период с начала 2011 года было вовлечено не менее 15 новых участников

Как было установлено в ходе следствия, целями и мотивами преступной деятельности указанной группы выступали такие, как: демонстрация пренебрежения к общественным нормам, запугивание болельщиков других футбольных клубов, самоутверждение через проявление вражды к другим фанатским группировкам и организация массовых потасовок в общественных местах.

За период своего существования группа организовывала агрессивные столкновения с членами других фанатских объединений, а также причиняла телесные повреждения участникам противоборствующих группировок.

Деятельность группы была пресечена правоохранительными органами 26 июля 2018 года во время попытки организации массовой потасовки на стадионе «Нефтяник» [3].

Участники такой группы были осуждены за групповое хулиганство, совершенное по мотивам ненависти или вражды к социальной группе, т.е. к группе лиц из других незарегистрированных молодежных объединений.

Из доступных источников нет сведений о том, что в совершенных действиях имеются признаки иных составов преступлений экстремистской направленности.

Вместе с тем, полагаем, что, исходя из изложенных обстоятельств этого дела, имеются признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, а также признаки организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ).

В другом деле, действия виновных были квалифицированы по ч.2 ст. 213 УК РФ как хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам ненависти и

вражды в отношении какой-либо социальной группы, группой лиц по предварительному сговору, при следующих обстоятельствах [4].

В 2016 г. на территории г. Воронежа двое, являясь лидерами социальной группы болельщиков футбольной команды «Факел-Воронеж», вступили между собой в предварительный преступный сговор, направленный на совершение 15.10.2016г. - в день проведения в г. Воронеже футбольного матча чемпионата России между футбольными командами «Факел-Воронеж» и «Динамо-Москва» хулиганства по мотивам ненависти и вражды в отношении социальной группы болельщиков футбольной команды «Динамо-Москва». Для реализации задуманного эти лица привлекли посредством сообщений других лиц в количестве не менее 100 человек, также относящихся к социальной группе болельщиков футбольной команды «Факел-Воронеж», объединенных чувством крайней неприязни и отвращения к социальной группе болельщиков футбольной команды «Динамо-Москва».

В 15:30 на пересечении улиц Комиссаржевской и Никитинской около 100 болельщиков «Факела» устроили массовую драку с фанатами «Динамо». Во время конфликта были произведены выстрелы из неустановленного оружия.

Далее, беспорядки продолжились во время самого матча. На 58-й минуте при счете 1:1 игра была остановлена из-за массовых беспорядков на трибунах. Виновные были осуждены по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Как видно из приведенных дел при практически похожей квалификации ситуации по факту, на наш взгляд, имеют различную юридическую оценку, поскольку в первом из приведенных случаев, действия организатора группы болельщиков изначально носили, прежде всего, экстремистскую мотивацию, реализация которой осуществлялась посредством хулиганских действий.

Во втором случае, мотивационная сфера виновных направлена, прежде всего, на грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, на почве ненависти к определенной социальной группе.

Обоснованно привести и следующий пример. Уроженец г. Омска, был осужден по п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ за то, что, находясь у здания УФСБ России по Омской области, действуя по мотивам ненависти в отношении социальной группы – сотрудников УФСБ России по Омской области, возникшей в связи с отказом ему в поступлении в институт пограничных войск ФСБ России, сначала умышленно снял с себя штаны и нижнее белье и продемонстрировал окружающим свои половые органы, а потом плюнул на информационную табличку УФСБ России по Омской области, расположенную на стене при входе в данное здание [5].

В приведенном примере усмотрение в действиях ненависти к социальной группе, как признаку уголовно-наказуемого хулиганства, выступило существенным для квалификации.

В этом случае можно говорить о том, что хулиганские действия были обусловлены также действиями виновного, направленными на возбуждение социальной розни, что является в соответствии с положениями ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельностью.

Отметим, что в правоприменительной деятельности понятие социальная группа трактуется весьма широко, что позволяет привлекать к уголовной ответственности за хулиганство по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ фактически и без всестороннего установления со стороны виновных, грубо нарушающих общественный порядок, стремления на разжигание социальной розни.

Так, например, за хулиганство, как преступление экстремистской направленности, был осужден Смолин вследствие того, что, увидев ранее незнакомых ему лиц, проезжавших на автомобиле ВАЗ-21103, предположил вместе со своим знакомым, что проезжающие являются лицами, употребляющими и распространяющими наркотические средства. В связи с этим, по мнению следствия, Смолин и его знакомый вступили между собой в предварительный преступный сговор на хулиганства, которое и совершили [6].

Исходя из обоснования квалификации содеянного, изложенного в приговоре суда по данному делу, следует, что групповое хулиганство было совершено по мотивам ненависти в отношении социальной группы, т.е. субъективная оценка виновными потерпевших, как лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков, что выступило надуманным поводом к совершению хулиганства, является экстремистским мотивом.

Соответственно, при широком толковании понятия социальная группа, к последней можно отнести любое объединение людей, имеющих общие цели сосуществования, основанное как на социально одобряемых взаимоотношениях, так и отрицательно воспринимаемых обществом. В свете последнего, полагаем, что такой подход может негативно сказаться на правоприменительной практике, позволяя учитывать высказанную виновным характеристику потерпевших. Как имеющую отношение к признаку их принадлежности к социальной группе.

Таким образом, полагаем, что при квалификации хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, следует учитывать направленность умысла виновного, его психическое отношение к нарушаемым общественным отношениям, а также побудительные мотивы такой преступной деятельности. Совокупный анализ и всестороннее установление этих признаков позволит разграничить экстремистское хулиганство от иных преступлений экстремистской направленности.

Кроме этого, с учетом формирующейся правоприменительной практики назрела необходимость выработки критериев социальной группы. В рамках, которых предлагаем, учитывать цели и интересы участников таких групп, их социальные связи и взаимоотношения, отношение общества к таким связям, ценностные ориентиры. В целом, поскольку социальные группы играют важную роль в обществе, обеспечивая социализацию, поддержку и формирование идентичности, то, полагаем, уголовно-правовой запрет установлен, прежде всего, с целью охраны общечеловеческих ценностей, что позволяет нам утверждать об ошибочности вменения ненависти к социальной группе, как экстремистскому мотиву в случае, если такая группа асоциальна по сути или даже осуществляет противоправную деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Кияткина И. А. Разграничение мотива религиозной ненависти или вражды и мотива национальной ненависти или вражды // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 118-119.
2. Павлов В. Г. О факультативных признаках субъективной стороны хулиганства // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3 (45). – С. 191-201.
3. Приговор Дубовского районного суда по дулу № 1-71/2019 от 06.08.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-34RS0014-1-71-2019-2019-07-01-2-0/>. (дата обращения: 12.02.2025).
4. Приговор Центрального районного суда г. Воронежа по дулу №1-161/2017 от 05.06.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-36RS0006-1-161-2017-2017-06-13-2-0/>. (дата обращения: 12.02.2025).
5. Приговор Центрального районного суда г. Омска по делу № 1-128/2024 1-508/2023 от 29.01.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/WqDC5XW8MoUY/>. (дата обращения: 12.02.2025).
6. Приговор ленинского районного суда г. Челябинска по делу № 1-490/2017 от 03.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-74RS0004-1-490-2017-2017-07-03-2-0/>. (дата обращения: 12.02.2025).

АГАБАЛАЕВ Мухамед Имамединович

доктор юридических наук, кафедра гуманитарных дисциплин, ректор, Социально-педагогического институт

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются проблемы разграничения хулиганства в уголовном и административном праве, акцентируя внимание на терминологии, используемой для описания этого правонарушения. Анализируется характеристика конструкции состава хулиганства в административно-правовых и уголовно-правовых отношениях, выявляются ключевые различия между мелким и грубым хулиганством. Обсуждаются существующие недостатки в законодательстве, включая неопределенность понятий и отсутствие четких критериев для квалификации действий как административных или уголовных.

Ключевые слова: хулиганство, конструкция состава, шума, ругань и брань.

AGABALAEV Mukhamed Imamedinovich

Ph.D. in Law, Humanities sub-faculty, Rector, Socio-Pedagogical Institute

PROBLEMS OF DISTINGUISHING HOOLIGANISM IN CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LAW

The article examines the problems of distinguishing hooliganism in criminal and administrative law, focusing on the terminology used to describe this offense. The article analyzes the characteristics of the structure of hooliganism in administrative-legal and criminal-legal relations, identifies the key differences between petty and gross hooliganism. The existing shortcomings in the legislation are discussed, including the ambiguity of concepts and the lack of clear criteria for classifying actions as administrative or criminal.

Keywords: Hooliganism, structure of the composition, noise, swearing and swearing.

Хулиганство представляет собой одно из наиболее распространенных преступлений против общественного порядка, что делает его актуальной темой для исследования в области уголовного права и социологии.

Данное явление затрагивает интересы общества в целом, нарушая спокойствие, правила общежития и нормальную деятельность различных учреждений и организаций.

Хулиганские действия часто сопровождаются причинением вреда здоровью граждан и ущерба собственности, что может приводить к совершению более тяжких преступлений. Таким образом, понимание природы хулиганства и его мотивов является важным для разработки эффективных мер по профилактике и борьбе с этим видом правонарушений.

«Происхождение слова «хулиганство» связано с терминами «хула» и «хулить», что подразумевает под собой поднятие шума, ругань и брань. Это значение подчеркивает суть хулиганских действий как явного нарушения общественного порядка и нравственности» [5].

В этом контексте, В. М. Лебедев определяет грубое нарушение общественного порядка как действия, причиняющие существенный ущерб личным или общественным интересам и выражающиеся в злом нарушении общественной нравственности.

Он акцентирует внимание на том, что такие действия могут не входить в составы преступлений, предусмотренные УК РФ, но все же наносят вред обществу. А. В. Рагулин, в свою очередь, рассматривает грубое нарушение общественного порядка как существенное негативное отклонение от общепринятых правил и норм, установленных законодательством, обычаями и традициями. Он подчеркивает, что такие действия препятствуют нормальному функционированию общественных отношений, что, в свою очередь, должно обеспечивать спокойствие и нормальную работу граждан, предприятий и организаций.

Однако, как отмечает автор, упоминание о традициях и обычаях может быть избыточным, учитывая многонациональный характер России, где у каждой национальности свои уникальные обычаи. Важным аспектом, который требует внимания, является конструкция термина «явное неуважение к обществу». Этот термин вызывает определенные слож-

ности в правоприменительной практике, так как возникает вопрос о том, где и когда было совершено преступление.

Публичность деяния, как правило, рассматривается в качестве обязательного признака, однако, на практике хулиганство может быть совершено как в людных местах, так и в безлюдных, что расширяет рамки его определения.

Большинство юристов обращают внимание на такие свойства хулиганских побуждений, как озорство и грубое озорство. Однако это лишь частично отражает суть хулиганства, которое, по своей природе, является открытым вызовом обществу и окружающим. Поведение хулигана часто обусловлено желанием противопоставить себя людям, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним и проявить грубую силу, иногда под воздействием алкоголя. Преступления, совершаемые из хулиганских побуждений, зачастую происходят без видимого повода или на фоне незначительного инцидента, что приводит к безмотивному причинению вреда здоровью или даже смерти.

В соответствии с первой редакцией статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) 1996 года, хулиганство определялось как «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Это определение содержало в себе ряд обязательных признаков, без которых действия не могли квалифицироваться как уголовно наказуемое хулиганство. Таким образом, определенные действия, совершенные из хулиганских побуждений и представляющие собой грубое нарушение общественного порядка, не подлежали уголовной ответственности.

«Однако, Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ в УК РФ были внесены существенные изменения, касающиеся статьи 213. В новой редакции хулиганством признается только то действие, которое «грубо нарушает общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [2].

Таким образом, обязательным признаком объективной стороны данного преступления стало применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Этот признак позволяет четко отличать уголовно наказуемое хулиганство от административно наказуемого мелкого хулиганства, которое, согласно части 1 статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), определяется как нарушение общественного порядка, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а также уничтожением или повреждением чужого имущества.

Следует отметить, что под понятием «оружие» в данном контексте подразумевается, как огнестрельное, так и холодное оружие, включая метательное, как заводского, так и кустарного производства. Кроме того, предметами, используемыми в качестве оружия, могут быть признаны любые объекты, которые были предварительно подготовлены или приспособлены для совершения хулиганства, либо подобраны на месте его совершения (например, топоры, металлические прутья, камни, бутылки и т. д.). Применение оружия подразумевает использование его для фактического причинения вреда здоровью людей или создания реальной угрозы такого вреда.

Хулиганство считается оконченным преступлением с момента фактического применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Кроме того, законодатель увеличил количество составов преступлений, в которых хулиганские побуждения выступают в качестве конститутивно- или квалифицирующего признака.

Так, помимо убийства (пункт «и» части 2 статьи 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (пункт «д» части 2 статьи 111 УК РФ), данный признак был введен в пункт «д» части 2 статьи 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и статью 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными».

Позже в УК РФ была добавлена статья 215.2, касающаяся ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, совершенное из корыстных или хулиганских побуждений.

Сравнивая уголовное и административное хулиганство, можно выделить как сходства, так и отличия. Оба вида хулиганства подразумевают грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу. Однако основное отличие заключается в наличии или отсутствии применения оружия. Уголовное хулиганство требует наличия признака применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в то время как административное хулиганство может иметь место без этого признака и охватывает менее тяжкие нарушения, такие как нецензурная брань или оскорбительное приставание.

Таким образом, изменения, внесенные в статью 213 УК РФ, значительно уточнили и конкретизировали состав хулиганства, а также расширили его применение в контексте уголовной ответственности, что, в свою очередь, позволяет более эффективно бороться с этим видом преступлений.

«На основе анализа статей, представленных авторами Агаджаняном М. А. [1], Побединным С. В. [4] и Куричковым Д. О., [3] можно выделить несколько ключевых аспектов, касающихся квалификации хулиганства, которые подчеркивают его сложность и многообразие в правоприменительной практике. Авторы подчеркивают, что хулиганство может быть классифицировано по различным признакам»:

- по месту совершения: хулиганство может происходить как в общественных местах, так и на транспорте, что требует особого подхода к квалификации;

- по мотивам: действия могут быть вызваны как хулиганскими побуждениями, так и другими факторами, такими как алкогольное опьянение или эмоциональные всплески;

- по степени общественной опасности: хулиганство может варьироваться от менее опасных действий (например, мелкие нарушения) до более тяжких, которые могут привести к серьезным последствиям, включая причинение вреда здоровью.

Квалификация хулиганства сталкивается с рядом проблем, о которых упоминают авторы:

- неоднозначность терминов: такие термины, как «явное неуважение к обществу», могут вызывать трудности в интерпретации и применении на практике;

- отсутствие четких критериев: в законодательстве не всегда четко определены границы хулиганства, что приводит к различиям в правоприменении;

- проблемы с доказательствами: необходимо учитывать контекст и обстоятельства совершения деяния, что может быть сложно в условиях ограниченной информации.

Авторы предлагают ряд рекомендаций для улучшения квалификации хулиганства. Разработка четких критериев для определения хулиганских действий поможет унифицировать подходы к квалификации.

- Учет контекста: необходимо более внимательно относиться к обстоятельствам, при которых совершается хулиганство, включая социальные и культурные факторы.

Разграничение хулиганства в административном и уголовном праве – важная задача, которая требует четкости в определениях и соответствующих санкциях. Внести изменения в действующие статьи, чтобы четко разграничить административное и уголовное хулиганство. Например, ввести понятие «мелкое хулиганство» для административной ответственности и «грубое хулиганство» для уголовной.

- Критерии оценки: установить четкие критерии, по которым действия могут квалифицироваться как административные или уголовные.

- Разработать отдельные статьи для различных видов хулиганства в административном и уголовном кодексах. Это позволит более точно регулировать разные виды правонарушений и преступлений.

- Ввести разные санкции для мелкого хулиганства (например, штрафы или предупреждения) и для более серьезных случаев (например, лишение свободы).

- Ввести упрощенные процедуры для рассмотрения дел о мелких хулиганствах, чтобы снизить нагрузку на судебную систему и ускорить процесс.

Пристатейный библиографический список

1. Агаджанян М. А., Манна А. А. К. Проблемы квалификации хулиганства // Современная наука. – 2014. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-huliganstva> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Кемова Н. Н. Развитие уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за хулиганство: от квалифицированного состава к родовому понятию // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2 (93). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-predusmatrivayushchego-otvetstvennost-zahuliganstvo-ot-kvalifitsirovannogo-sostava-k> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Куричков Д. О. Хулиганство: некоторые проблемы квалификации // Научный компонент. – 2022. – № 2 (14). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/huliganstvo-nekotorye-problemy-kvalifikatsii> (дата обращения: 10.02.2025).
4. Победин С. В. Актуальные проблемы квалификации хулиганства на транспорте // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kvalifikatsii-huliganstva-na-transporte> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Савин А. А., Цветкова Е. В. О хулиганстве в российском законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-huliganstve-v-rossijskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 10.02.2025).

АЛИСУЛТАНОВА Сабият Алисултановна

магистрант 3-го курса по специальности 40.04.01 «Юриспруденция», Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

АДИЛОВ Заур Адилевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ, КАК ОТРАСЛЕВОГО ПРИНЦИПА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В статье предложен анализ сложившихся в уголовно-правовой науке представлений о понятии, содержании и направлениях реализации принципа справедливости в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) уголовного закона, где данный принцип нормативно закреплён в трёх основных направлениях. Данный принцип рассмотрен в качестве фундаментальной идеи, составляющей основу российского уголовного законодательства. В статье предлагаются некоторые авторские суждения и рекомендации, направленные на оптимизацию понимания и нормативного закрепления принципа справедливости с учетом его социального содержания.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный кодекс Российской Федерации, преступление, принцип справедливости, уголовное наказание, восстановление социальной справедливости, уголовная ответственность, уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовые отношения.

ALISULTANOVA Sabiyat Alisultanovna

magister student of the 3rd course in the specialty 40.04.01. "Jurisprudence", North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala

ADILOV Zaur Adilovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty, North Caucasus Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE AS A BRANCH PRINCIPLE OF CRIMINAL LAW

The article offers an analysis of the ideas that have developed in criminal law science about the concept, content and directions of the implementation of the principle of justice in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation). In the criminal law, this principle is normatively fixed in three main directions. This principle is considered as a fundamental idea that forms the basis of Russian criminal legislation. The article offers some author's judgments and recommendations aimed at optimizing the understanding and normative consolidation of the principle of justice, taking into account its social content.

Keywords: criminal law, the Criminal Code of the Russian Federation, crime, the principle of justice, criminal punishment, restoration of social justice, criminal responsibility, criminal legal impact, criminal legal relations.

Принцип справедливости в российском уголовном праве играет ключевую роль, предоставляя основу для формирования правоприменительной практики и судебных решений. Несмотря на его многолетнюю историю в отечественном законодательстве, трактовка и реализация этого принципа остаются предметом активных научных дискуссий. Основной причиной подобной неопределенности является сложность самой категории справедливости, которая имеет множество интерпретаций в зависимости от культурного, социального и исторического контекста.

В действующем уголовном законодательстве принцип справедливости закреплён в ст. 6 УК РФ, содержание которого определяется двумя нормативными формулировками. Согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности

преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»¹.

В ч. 2 ст. 6 УК РФ указано: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Авторами не случайно выделены содержание данного принципа в относительно обособленные формулировки, которые, казалось бы, дополняют друг друга, но все же являются узкими по своему содержанию и не отражают распространение данного принципа на весь массив уголовно-правовых отношений.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.09.2024) // Справочная правовая система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 28.11.2024).

При исследовании буквального содержания ч. 1 ст. 6 УК РФ, можно убедиться, что законодатель ориентирует данный принцип на применение наказания и иных мер уголовно-правового характера, то есть в определённой мере связывает с целями последних. При этом следует отметить, что среди прочих мер уголовно-правового характера, только в отношении наказания законодатель закрепил цель восстановления социальной справедливости, не указав при этом содержания данной цели и критериев ее достижения. Это послужило причиной дискуссии в научных кругах и среди практиков.

Понятие восстановления социальной справедливости, особенно в уголовном праве, носит не только юридический, но и этический характер, о чем нами говорилось ранее [1, с. 8]. Это усложняет его применение в судебной практике, поскольку требует оценки не только формальных правовых норм, но и морализаторских категорий. Поскольку законодатель не предоставил четкого определения этого понятия, это оставляет широкое поле для интерпретаций в понимании этой цели (равно как и принципа справедливости) в контексте правоприменения.

Так, по мнению В. А. Маслова, нынешняя формулировка принципа справедливости неадекватна, поскольку, если привязывать её, следуя логике законодателя, к социальной справедливости, то, возникает вопрос, «почему ключевая (постольку, поскольку она первая) цель наказания – восстановление социальной справедливости – изначально сформулирована настолько абстрактно, что не способна быть ориентиром в процессе правоприменения (не обладает регулятивным свойством и, как следствие, не способна оказать воздействие на общественные отношения)?» [4, с. 55].

С другой стороны, отраслевой принцип, каковым является принцип справедливости, является основополагающим, образующим ядро уголовного законодательства, а, соответственно он должен пронизывать все уголовно-правовые отношения, а не ограничиваться лишь отдельными сферами системы уголовного законодательства, выступает гораздо более емким понятием.

Обращаясь к ст. 332 УПК в которой содержится текст присяги присяжного заседателя: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку», он указывает, что вряд ли в данном контексте законодатель, говоря о «справедливом человеке», подразумевал лишь человека, который правильно определит наказание виновному (ведь по закону присяжные не участвуют в назначении наказания)» [2, с. 39].

Иными словами, отраслевой принцип справедливости является центральным элементом уголовного закона, а его исключительное (приоритетное) значение перед иными уголовно-правовыми нормами требует точного определения его содержания в нормативных установках.

Как верно заметили Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов: «В уголовном праве, где справедливость выступает как всеобъемлющий принцип, связывающий остальные фундаментальные положения, требуется также соблюдение справедливости при криминализации поступков, установлении наказаний за преступления, привлечении лиц к уголовной ответственности, а также при назначении и исполнении на-

казаний и других мер уголовно-правового характера» [5, с. 45]. То есть, как нам представляется, содержание принципа справедливости не должно ограничиваться сферой применения уголовно-правовых мер за совершенное преступление, оно должно пронизывать и сферу оснований криминализации деяний, оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и т.д.

Криминализация, будучи важным инструментом государственной политики, не должна осуществляться произвольно. Здесь существенную роль играет тщательная оценка общественной опасности деяния и возможного ущерба, который может быть причинен обществу. Лишь в тех случаях, когда деяние действительно представляет значительную угрозу общественным интересам, его следует криминализировать. Таким образом, принцип справедливости способствует выработке разумных и пропорциональных мер правового воздействия на правонарушителей.

Особый акцент необходимо делать на условиях и предпосылках, при которых индивид может быть освобожден от ответственности. Введение этих элементов в практику правоприменения позволит сделать систему более гибкой и чувствительной к изменяющимся условиям и индивидуальным характеристикам лиц, попавших в сферу уголовно-правового воздействия.

Характеризуя содержание уголовно-правового принципа справедливости отметим, что в нормах уголовного закона данный принцип нормативно закреплён в трех основных направлениях:

- в контексте принципа справедливости, являющегося фундаментальной идеей, составляющей основу российского уголовного законодательства;
- при закреплении одной из целей наказания;
- при определении свойства назначаемого судом наказания или иных уголовно-правовых мер.

Поясняя каждое из выделенных нами направлений отметим, что, представляя собой основу, на которой выстраивается вся уголовно-правовая система, принцип справедливости является одним из основных ориентиров всего механизма уголовно-правового воздействия. Его значение состоит в обеспечении баланса между правами и обязанностями всех участников уголовных правоотношений. Он диктует необходимость адекватного и пропорционального подхода, как к определению меры наказания, так и к защите прав обвиняемого и потерпевшего. Такая модель правового регулирования позволяет избежать чрезмерной суровости или, напротив, чрезмерной мягкости в правоприменительной практике.

Важной составляющей принципа справедливости является его роль в предотвращении криминогенных факторов, так как справедливая уголовно-правовая политика способна обеспечивать профилактическую функцию в обществе.

В качестве цели наказания элемент справедливости, характеризует такие свойства наказания, которые проявляются не только в адекватной оценке характера и степени общественной опасности совершенного преступления, но и в восстановительном воздействии того общественного мира, который был нарушен таким преступлением [6, с. 124]. То есть важной составляющей наказания является его восстановительный потенциал, направленный на примирение и интеграцию. Восстановление общественного мира может реализовываться через компенсационные меры, которые способствуют исцелению ущерба, нанесенного жертвам преступления. Это подразумевает активное участие преступника в

устранении последствий его поступка, что может положительно влиять на его сознание и способствовать социализации. Реализуемое таким образом наказание имеет двойную цель: с одной стороны, выполнить функцию возмездия за содеянное зло, а с другой — поспособствовать восстановлению гармонии в обществе.

Справедливость назначаемого наказания предполагает его определенность и прозрачность самой процедуры избрания надлежащей меры в каждом конкретном случае, которые обеспечивают понимание осужденным и обществом, как самой сути деяния, так и адекватности назначенного за него наказания. В этом аспекте элемент справедливости способствует также исправительному воздействию, повышая вероятность успешной реабилитации осужденного и снижения риска рецидива.

Обобщая вышеизложенные аспекты, приходим к выводу, что принцип справедливости в уголовном праве заложен на двух уровнях: на уровне всего уголовного законодательства и как его часть — на уровне реализации положений об уголовном наказании и других мер, связанных с уголовно-правовым воздействием.

Характеризуя первый из указанных уровней, отметим, что российская правовая система должна выстраиваться таким образом, чтобы каждое судебное решение не только было обосновано достижением данного принципа, но и соответствовало бы высоким морально-правовым стандартам, заложенным в положениях Конституции Российской Федерации.

Следует отметить, что принцип справедливости не получил прямого нормативного закрепления в тексте Конституции РФ, однако Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) неоднократно отмечал, что справедливость является основополагающей идеей всего российского законодательства².

Из приведенных выше решений высшей конституционной судебной инстанции данный принцип является обязательным, отражающим основную идею и дух отечественного законодательства. Однако считаем, что сам термин «справедливость» является чрезмерно широким и выходящим за рамки правового понимания его содержания.

Применительно к уголовному законодательству, считаем уместным закрепить в ст. 6 УК РФ «Принцип социальной справедливости», так как сфера уголовно-правовых отношений — это, прежде всего, сфера социальных отношений, а, следовательно, нормативное закрепление принципов этой отрасли должно соответствовать содержанию регулируемых ею отношений. Говоря о справедливости в уголовном праве, законодатель не обращает внимание на нравственно этические свойства самой этой категории, он нацелен на достижение более гармоничного соотношения между уголовно-правовой нормой и общественными ожиданиями.

В то же время, определяя содержание данного принципа в тексте ст. 6 УК РФ законодатель проявил непоследовательность и как отмечалось нами ранее необоснованно сузил значение данного принципа, ограничившись его привязкой к справедливости назначаемых лицу наказания или иных

мер уголовно-правового характера. В таком понимании общетраслевого принципа стираются его границы с частным уровнем реализации справедливости в уголовном законе.

Не случайно в уголовно-правовой науке при разъяснении содержания общетраслевого принципа справедливости, многие авторы ограничиваются связыванием его с соразмерностью и обоснованностью наказания [3, с. 112].

Резюмируя вышеизложенное, еще раз выделим основные наши суждения.

Отраслевой принцип справедливости является центральным элементом уголовного закона, а его исключительное (приоритетное) значение перед иными уголовно-правовыми нормами требует точного определения его содержания в нормативных установках.

Исходя из этого, приходим к выводу, что принцип справедливости в уголовном праве заложен на двух уровнях: на уровне всего уголовного законодательства и как его часть — на уровне реализации положений об уголовном наказании и других мер, связанных с уголовно-правовым воздействием.

Таким образом, считаем уместным закрепить в ст. 6 УК РФ «Принцип социальной справедливости», так как сфера уголовно-правовых отношений — это, прежде всего, сфера социальных отношений, а, следовательно, нормативное закрепление принципов этой отрасли должно соответствовать содержанию регулируемых ею отношений. Говоря о справедливости в уголовном праве, законодатель не обращает внимание на нравственно этические свойства самой этой категории, он нацелен на достижение более гармоничного соотношения между уголовно-правовой нормой и общественными ожиданиями.

Считаем необходимым заменить название ст. 6 УК РФ на «Принцип социальной справедливости», а в содержание ч. 1 ст. 6 УК РФ включить формулировку: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает принцип социальной справедливости. Наказание и иные меры...».

Пристатейный библиографический список

1. Антонов А. Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве // Уголовная юстиция. — 2020. — № 15. — С. 8-10.
2. Васильев О. Л. Уголовно-процессуальная категория «справедливость» в правовых позициях Конституционного суда РФ // Вестник Московского университета. — 2016. — № 3. — С. 38-46.
3. Колосовский О. В. Принцип справедливости, как объединяющее начало поощрения в уголовном праве // Вестник Российского нового университета. — 2024. — № 4. — С. 111-121.
4. Маслов В. А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания // Lex Russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75, № 12 (193). — С. 55-59.
5. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 297 с.
6. Рашидов Ш. Т. Проблемы реализации принципа справедливости в статьях особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Молодой ученый. — 2020. — № 7 (297). — С. 124-126.

² По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 2-О // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141552/ (дата обращения 21.11.2024).

АНДРЕЕВ Александр Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ПРИЗНАКАМ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 332 УК РФ («НЕИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА»)

В статье отмечена важность скрупулезного анализа признаков объективной стороны для обоснованной и правильной квалификации содеянного. Объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 332 УК РФ, рассматривается через призму новейших разъяснений Верховного суда РФ. Обнаружена проблема чрезмерного оперирования законодателем конструкциями, имеющими оценочный характер, что не способствует унификации правоприменения. Предпринята попытка раскрыть сущность категории «приказа» как одной из ключевых категорий в рассматриваемом вопросе. Отмечено, что данное понятие не синонимично «распоряжению». Проведена грань между «существенным вредом интересам службы» применительно к главе 33 УК РФ и «тяжкими последствиями», указанными в ч. 2 ст. 332 УК РФ.

Ключевые слова: неисполнение приказа, военнослужащий, начальник, интересы воинской службы, существенный вред, тяжкие последствия.

ANDREEV Alexander Sergeevich

postgraduate student of Criminal law and process sub-faculty, Ural Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation Russia, Yekaterinburg

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION BASED ON THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 332 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION («FAILURE TO COMPLY WITH AN ORDER»)

The article notes the importance of a thorough analysis of the signs of the objective side for a reasonable and correct qualification of the deed. The objective side of the act provided for in Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered through the prism of the latest clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. The problem of excessive use by the legislator of constructions having a purely evaluative character has been discovered, which does not contribute to the unification of law enforcement. An attempt is made to reveal the essence of the category of «order» as one of the key categories in the issue under consideration. It is noted that this concept is not synonymous with «order». Similarly, a line has been drawn between «significant harm to the interests of the service» in relation to Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation and «grave consequences» specified in Part 2 of Article 332 of the Criminal Code.

Keywords: non-fulfillment of orders, serviceman, superior, interests of military service, significant harm, grave consequences.

Объективная сторона любого преступления представляет собой его внешнюю объективацию в форме того или иного поведения в конкретной обстановке, определенном месте, времени и т.д. Во многих составах свойством императивности обладает лишь такой признак объективной стороны как само общественно опасное деяние [7, с. 219]. В то же время, есть составы, конструкция которых предполагает установление наступивших общественно-опасных последствий и их связь с предшествующим этому поведением лица. К данной категории примыкает интересующий нас состав, предусмотренный ст. 332 УК РФ.

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 332 УК РФ, характеризуется:

- неисполнением подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке,
- причинением существенного вреда интересам военной службы,
- наличием причинно-следственной связи между совершением деяния и наступившими общественно опасными последствиями в виде причинения существенного вреда интересам военной службы.

Первым понятием, требующим своего разъяснения в данном отношении, является категория «приказа». Дело в том, что анализ УК РФ позволяет заметить, что законодатель оперирует несогласованными между собой терминами, не разъясняя их сущностное и содержательное соотношение друг с другом. Это, в частности, такие понятия как «незаконный приказ», «приказ, отданный в установленном порядке» и др. что не способствует единообразной судебной практике по данной категории дел.

При этом альтернативно приказу УК РФ использует термин «распоряжение», правовая сущность которого до сих пор неясна. Законодатель не привел легальную дефиницию «приказа», что заставляет обратиться к иным источникам. Так, словарь С. И. Ожегова предлагает понимать приказ как «...обязательное для исполнения официальное распоряжение начальника, того, кто облечен властью» [6, с. 123]. Такое понимание, будучи в целом верным, вместе с тем, излишне абстрактно в плоскости правоприменения.

В. Я. Григенча, приказ является требованием, базирующимся на законодательных предписаниях, исходящим от органа (либо лица), наделенного властными полномочиями.

ми, в соответствии с которым необходимо совершить те или иные действия или воздержаться от них [1, с. 59]. Согласно трактовке, представленной И. Г. Соломоненко, приказ представляет собой «данное компетентным органом либо лицом, наделенным соответствующими полномочиями, распоряжение другому лицу о совершении какого-либо действия (бездействия)».

Как можно отметить из приведенной выше дефиниции, автор считает равнозначными категории «приказ» и «распоряжение». В то же время, Е. И. Грузинская уточняет, что объем понятия «приказ» меньше, поскольку он является одним из видовых проявлений распорядительных актов от субъектов управления, адресованного иным лицам, попадающих под сферу действия соответствующих управленческих отношений (другими словами, он является разновидностью распоряжения) [2, с. 190].

Обобщенный анализ авторских позиций позволяет представить следующее определение приказа: «Правоприменительный акт управления, императивный для исполнения, отданный в установленной форме в определенной обстановке компетентным лицом в рамках служебных полномочий и иерархии, адресованный конкретному лицу (определенной группе лиц), предписывающий совершение определенного деяния (в активной или пассивной форме)». Указанная дефиниция могла бы найти свое отражение в тексте Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в статусе бланкетной для УК РФ нормы.

Неисполнение приказа, как ключевая составляющая объективной стороны рассматриваемого преступления, содержательно плюралистично и может быть объективировано в:

- прямом неповиновении или ином целенаправленном неисполнении приказа;
- совершении действий, идущих вразрез с содержанием поступившего приказа;
- ненадлежащем исполнении приказа (игнорирование некоторых предписаний касаясь сути совершаемых действий, а также времени, места и обстоятельств их совершения).

Хотелось бы отметить, что именно отчетливо выраженный отказ от исполнения приказа со стороны подчиненного военнослужащего преимущественно формирует объективную сторону данного преступления, когда он в категорической форме заявляет прямо или же иным подобным образом дает понять, что не намерен выполнять соответствующий приказ. Верховный суд РФ в Постановлении Пленума № 11 от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» отметил, что такой отказ должен быть заявлен в присутствии личного состава, наедине с начальником или через лицо, которое информировало лицо об адресованном ему приказе.

Ст. 332 УК РФ также будет применима к лицу в случае принятия им приказа начальника, но при его последующем сознательном отклонении от его исполнения. Время формирования у лица подобного умысла не влияет на квалификацию его поведения.

При этом недопустимо отождествлять ситуации неповиновения и пререкания, поскольку во втором случае под-

чиненный, хоть и возражает относительно адресованного ему приказа, демонстрируя свое недовольство, однако в последующем исполняет его. В таком случае можно вести речь лишь о дисциплинарном проступке, не переходящем в плоскость уголовно-правового регулирования [4, с. 93].

Хотелось бы дополнительно пояснить, что ранее в судебной практике возникали сложности в квалификации деяния, когда изначально оно было объективировано в форме неисполнения приказа, однако в последующем приобрело вид более тяжкого посягательства на порядок воинской подчиненности (к примеру, переросло в совершение насильственных действий в отношении начальника). Высшая судебная инстанция поставила точку в этом вопросе, указав на необходимость обособленной квалификации по соответствующим статьям без совокупности преступлений.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, является материальным - ответственность наступает в случае причинения существенного вреда интересам службы либо при наступлении тяжких последствий. Таким образом, о наличии оконченного преступления можно вести речь с момента наступления таких последствий, однако законодатель не уточнил, как их понимать. Конкретные проявления причиненного вреда обусловлены обстоятельствами конкретного дела и совокупностью аккумулированных доказательств.

Вообще же, признак наличия существенного вреда обоснованно признан одним из наиболее проблематичных в своем содержательном уяснении, и судебные инстанции трактуют его по-разному:

- снижение уровня воинской дисциплины и подрыв авторитета начальника,
- назначение вместо отказавшегося заступать в наряд другого военнослужащего,
- увеличение нагрузки на других военнослужащих,
- непроведение запланированных мероприятий по обслуживанию техники,
- снижение авторитета командования и нарушения принципа единоначалия,
- причинение материального ущерба и др.

В отношении признака причинения «тяжких последствий» укажем, что, как показывает анализ судебной практики, таковыми являются серьезный срыв мероприятий по обеспечению боевой готовности подразделения, части, катастрофы и аварии, гибель или повреждение боевой техники, наиболее опасные формы причинения вреда личности военнослужащих или граждан [3, с. 18]. Таким образом, понятия «тяжких последствий» и «существенного вреда» законодатель дифференцирует сообразно уровню общественной опасности таких последствий.

Безусловно, в каждом из приведенных выше подходов имеется рациональное начало. В то же время, изобилие оценочных категорий в принципе является тенденцией, которая деструктивна для уголовного закона и судебной практики, поскольку на первый план выходит субъективизм и личное усмотрение конкретного правоприменителя.

Проиллюстрируем это примером из судебной практики.

Так, в 2020 г. заместителем командира полковником М. был отдан приказ подчиненному относительно приведения в надлежащий вид помещения столовой, который был им отвергнут, а впоследствии выполнен другим рядовым этой части. Небезынтересно, что гарнизонный военный суд не нашел веских причин для инкриминирования Т. состава преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, указав в приговоре на то, что хотя его поведение нельзя считать примером надлежащей воинской дисциплины, вместе с тем, вести речь о столь существенном подрыве принципа единоначалия, который можно трактовать как существенный вред служебным интересам, вряд ли возможно¹.

В то же время, аналогичное поведение другого военнослужащего в рамках иного судебного процесса было квалифицировано именно как действие, причинившее существенный вред, внешне объективированный в «снижении уровня воинской дисциплины и подрыве авторитета начальника...»².

Как видится, для унификации судебной практики и минимизации разночтений настоятельно проявляет себя потребность в уточнении такой категории, как существенный вред интересам службы, имеющей сугубо оценочный характер.

Под «существенным вредом интересам службы» применительно к главе 33 УК РФ следует понимать:

- серьезное нарушение распорядка дня в подразделении (части);
- затруднение выполнения конкретных учебных и боевых задач;
- оставление личного состава подразделения (части) без обязательного обеспечения или довольствия;
- создание негативной морально-психологической обстановки, препятствующей надлежащему выполнению поставленных задач;
- подрыв или снижение авторитета командования;
- снижение уровня воинской дисциплины».

Тяжкие же последствия, указанные в ч. 2 ст. 332 УК РФ, должны предполагать:

- срыв выполнения боевой операции,
- причинение крупного материального ущерба,
- уничтожение или вывод из строя боевой техники,
- создание опасности для жизни личного состава подразделения,
- причинение физического вреда военнослужащим и иным гражданам или их гибель.

По существу, «тяжкими» могут быть признаны реальные уголовно-наказуемые последствия, которые возникли для дополнительного (сопутствующего) объекта уголовно-правовой охраны при воздействии на основной объект преступления.

Ввиду изложенного, целесообразно внести в гл. 33 УК РФ дополнение, разъяснив, что «Тяжкие последствия в преступлениях против порядка несения военной службы - уголовно-наказуемые общественно опасные последствия, наступившие в результате преступного посягательства на объекты уголовно правовой охраны, не предусмотренные

в диспозиции статьи настоящего Кодекса, инкриминируемой виновному».

Данное дополнение, как видится, позволит внести недостающую конкретику в правовую конструкцию анализируемого состава, упростить квалификацию содеянного и оптимизировать практику правоприменения.

Пристатейный библиографический список

1. Бочарова М. А. Преступления против военной службы: спорные вопросы и их решения // E-Scio. - 2020. - № 12. - С. 58-66.
2. Грузинская Е. И., Должиков Р. С. Критический анализ объективных признаков преступлений против военной службы (глава 33 УК РФ) // Вопросы российского и международного права. - 2020. - Том 10, № 1А. - С. 189-201.
3. Девятко А. Ю. Некоторые вопросы уголовной ответственности военнослужащих за неисполнение приказа командира и начальника // Российский судья. - 2004. - № 18. - С. 18-21.
4. Исраилов И. И. Отдельные трудности квалификации преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений // Право в Вооруженных Силах. - 2018. - № 8. - С. 92-98.
5. Макаров Д. Б. Уголовно-правовая характеристика неисполнения приказа военнослужащим // Военное право. - 2018. - № 6. - С. 245-249.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - 1023 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под. ред. А. И. Рарога. - М.: Инфра-М, 2021. - 876 с.

1 Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2020 год. М., 2020. С. 10.

2 Там же. С. 11.

МАМЕДОВ Тамиз Салех оглы

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Соблюдение прав на безопасные условия труда является неотъемлемой частью обеспечения безопасности жизни и здоровья людей и представляет собой важное направление политики государства. Нарушение требований охраны труда может иметь серьезные последствия, поэтому законодательство предусматривает различные виды ответственности за такие действия. В связи с этим остро встают вопросы, которые связаны с совершенствованием уголовно-правовой нормы, направленные на охрану труда. Основной целью данного исследования является всестороннее изучение и понимание уголовно-правовых проблем нарушения правил охраны труда в Азербайджане и Турции. Исследование направлено на изучение правовых последствий нарушений правил охраны труда, а также эффективности существующих правовых норм и способов реализации карательных мер.

Ключевые слова: право, охрана труда, уголовное законодательство, безопасность, Республика Азербайджан, Турецкая Республика.

MAMEDOV Tamiz Saleh oglu

postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

WAYS TO IMPROVE CRIMINAL LAW MEASURES FOR VIOLATION OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND THE REPUBLIC OF TURKEY

Compliance with the rights to safe working conditions is an integral part of ensuring the safety of life and health of people and is an important area of state policy. Violation of labor protection requirements can have serious consequences, so the legislation provides for various types of liability for such actions. In this regard, issues related to the improvement of criminal law aimed at labor protection arise. The main objective of this study is a comprehensive study and understanding of criminal law problems of violation of labor protection rules in Azerbaijan and Turkey. The study is aimed at studying the legal consequences of violations of labor protection rules, as well as the effectiveness of existing legal norms and methods of implementing punitive measures.

Keywords: law, labor safety, criminal law, security, Republic of Azerbaijan, Republic of Turkey.

Мамедов Т. С.

По мере развития трудовой деятельности людей возникает необходимость создания безопасных и здоровых условий труда. Любой ущерб жизни и здоровью работников может проявиться в отклонениях от нормальной работы предприятия. В случаях нарушений охраны труда должны применяться соответствующие карательные меры и применяться должны в соответствии с законами Уголовного кодекса Республики Азербайджан и в соответствии с законами Уголовного кодекса Турецкой республики.

Статья 162 Уголовного кодекса Республики Азербайджан определяет уголовную ответственность за нарушения трудового законодательства в сфере охраны труда. Это касается лиц, на которых возложены обязанности по соблюдению правил техники безопасности или иных норм трудового законодательства. Для применения данной статьи, лицо, ответственное за соблюдение правил техники безопасности или иных норм охраны труда, может проявить халатность, которая приведет к причинению тяжкого или легкого вреда здоровью человека.

К ответственности за преступление в сфере охраны труда может быть привлечено любое лицо, ответственное за соблюдение правил технической безопасности или иных законов о труде. Указанные лица несут ответственность за свои действия, если они не принимают необходимых мер по предотвращению заведомо известных им нарушений правил охраны труда или дают указания, нарушающие правила охраны труда, и это приводит к последствиям, предусмотренным статьей 162 УК Республики Азербайджан.

Согласно статье 162 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики:

– 162.1. Если лицо, на которое возложена обязанность соблюдать правила техники безопасности или иные правила охраны труда, в результате нарушения этих правил по неосторожности причинило тяжкий вред здоровью человека, то оно наказывается штрафом в размере от двух тысяч до трех тысяч манатов или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до одного года, или лишением свободы на срок до шести месяцев;

– 162.2. Если те же действия повлекли по неосторожности смерть человека, то оно наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

В соответствии с пунктом 215.3.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Азербайджан, проведение предварительного расследования по правонарушениям, связанным с нарушением правил охраны труда, возлагается на органы прокуратуры.

Объектом преступления, предусмотренного статьей 162 Уголовного кодекса Республики Азербайджан, является право на безопасные и здоровые условия труда, закрепленное в части 6 статьи 35 Конституции Республики Азербайджан, а также нормы охраны труда, включая правила техники безопасности.

Для того чтобы прецедент считался преступлением в соответствии со статьей 162.1 Уголовного кодекса Республи-

ки Азербайджан, должны произойти следующие действия: а) должны быть нарушены правила техники безопасности и другие нормы охраны труда; б) нарушение правил техники безопасности и охраны труда должно происходить по неосторожности и привести к причинению серьезного или легкого вреда здоровью человека; в) должна быть установлена причинно-следственная связь между нарушением правил техники безопасности и причинением тяжкого или легкого вреда здоровью. В случае наступления хотя бы одного из указанных условий может быть применена уголовная ответственность.

Между нарушением правил охраны труда и наступившими последствиями должна быть установлена причинно-следственная связь. Если такая связь отсутствует, уголовное правонарушение не может быть признано. Также необходимо выяснить, насколько пострадавший выполнял свои обязанности по охране труда (определенные в статье 216 Трудового кодекса Республики Азербайджан и других нормативных документах) и какова была его роль в возникновении инцидента при установлении причинно-следственной связи в уголовном деле.

В данном случае, если халатность пострадавшего привела к последствиям, предусмотренным статьей 162 УК РА, уголовная ответственность по этой статье не наступает. Например, на строительном объекте работник получил инструктаж по технике безопасности и был проинформирован о необходимости использовать защитную каску и другие средства индивидуальной защиты. Однако он, игнорируя эти правила, продолжает работать без каски. В результате этого, на него падает строительный материал, причинив серьезный вред здоровью. В этой ситуации, если действия пострадавшего стали причиной нарушения правил охраны труда и привели к нежелательным последствиям, уголовная ответственность по статье 162 УК РА не может быть применена.

Обязанности работников в области охраны труда определены в статье 216 Трудового кодекса Республики Азербайджан и включают следующие положения:

1. Работники обязаны изучить, усвоить и соблюдать требования по безопасности, гигиене и противопожарной защите труда, установленные соответствующими нормативными актами в области охраны труда.

2. Работник должен выполнять свои трудовые функции только в том случае, если это не создает опасности для него самого и других работников. Он не имеет права работать на установках, машинах, взрывоопасных и других потенциально опасных для жизни источниках без соответствующего разрешения.

3. Работник обязан использовать специальную одежду и обувь, а также средства индивидуальной и коллективной защиты, предусмотренные технологическими процессами, нормами, правилами и инструкциями по охране труда.

4. Работник должен незамедлительно сообщать представителям работодателя обо всех нарушениях правил охраны труда, а также о произошедших несчастных случаях и инцидентах.

5. Работник обязан регулярно повышать свои знания о нормах и правилах охраны труда.

6. Работник должен выполнять указания, советы и рекомендации работодателя, руководителя рабочего места и специалистов по охране труда.

Несмотря на наличие указанных обязанностей, если работник не соблюдает правила охраны труда, это может привести к причинению вреда здоровью других лиц или даже к их смерти. В настоящее время такие деяния могут быть квалифицированы как преступления, совершенные по неосторожности, в соответствии с положениями Особенной части Уголовного кодекса Республики Азербайджан.

В целях повышения ответственности работников за соблюдение правил охраны труда целесообразно дополнить

статью 162 Уголовного кодекса Республики Азербайджан новой нормой, предусматривающей возможность привлечения к уголовной ответственности проинструктированных работников. Это позволит повысить уровень ответственности работников в данной сфере, а не ограничиваться лишь ответственностью должностных лиц, осуществляющих надзор за соблюдением правил охраны труда.

Если должностное лицо исполняет свои обязанности, а работник игнорирует установленные правила, и это приводит к тяжким последствиям, то работник также должен нести ответственность. Общественная опасность таких деяний заключается в том, что они ставят под угрозу жизнь и здоровье не только других работников, но и посторонних лиц. Поэтому включение соответствующей нормы в Уголовный кодекс Республики Азербайджан является целесообразным.

В Турецкой Республике меры охраны труда и безопасности определяются Законом об охране труда и безопасности на рабочем месте № 6331.

Цель Закона о здоровье и безопасности на рабочем месте № 6331 заключается в обеспечении здоровья и безопасности работников, а также в улучшении существующих условий труда путем регулирования обязанностей, прав, полномочий и ответственности как работодателей, так и работников.

Закон № 6331 Закон состоит из 39 статей и делится на пять разделов:

1. Первый раздел (ст. 1–3) охватывает цели, сферу применения, исключения и определения ключевых понятий.

2. Второй раздел (ст. 4–20) содержит общие права и обязанности работодателей и работников в области охраны труда.

3. Третий раздел (ст. 21–23) касается создания и функционирования Совета по охране труда, Комитета и вопросов координации.

4. Четвертый раздел (ст. 24–27) посвящен вопросам инспекции и административных санкций за нарушения законодательства в области охраны труда.

5. Пятый раздел (ст. 28–39) включает различные и временные положения, касающиеся применения закона.

Согласно Закону о здоровье и безопасности на работе (№ 6331) в Турецкой Республике, предусмотрены различные меры ответственности за нарушения правил охраны труда. Наказания могут различаться в зависимости от роли лица (работодатель, работник или ответственный за охрану труда) и характера нарушения. Применяются административные штрафы, дисциплинарные меры и уголовная ответственность. Важно отметить, что конкретные размеры штрафов и меры ответственности зависят от обстоятельств каждого случая.

Прежде всего, в области охраны труда и безопасности ключевыми участниками являются работодатели и работники, а также профессионалы, такие как специалисты по охране труда и врачи-эксперты. Эти работники играют важную роль в создании здоровой и безопасной рабочей среды, включая всех, кто вовлечен в этот процесс.

Работодатели несут ответственность за регулярное проведение проверок безопасности. Кроме того, работодатели обязаны проводить оценки рисков на рабочем месте и, исходя из ее результатов, за принятие необходимых защитных мер и использование средств индивидуальной защиты, а также за соблюдение решений, принятых Комитетом по охране труда и безопасности в соответствии с законодательством.

Специалист по охране труда управляет процессами проверки безопасности и оценки рисков на рабочих местах, помогая работодателю выполнять его обязательства в этой области. Такой комплексный подход в значительной степени способствует созданию безопасной и здоровой рабочей среды.

Известно, что большинство несчастных случаев, происходящих на производстве, вызваны небрежностью и халат-

ностью. Согласно принципу персональной ответственности, действующему в Уголовном кодексе, Турецкой Республики при анализе несчастных случаев на производстве, приведших к смерти или травме, рассматриваются доли вины конкретных лиц, которые могут быть признаны ответственными. К таким лицам относятся работодатель, его представители, члены правления, специалисты по охране труда и врачи на предприятии. В уголовных делах о несчастных случаях на производстве, если у работодателя есть вина, умысел и халатность, применяются различные наказания, от приостановки функционирования предприятия до тюремного заключения. Поэтому в уголовном деле, возбужденном в связи с несчастным случаем на производстве, наказание работодателя или других соответствующих лиц зависит от наличия халатных действий в виде непринятия мер по охране труда на соответствующем рабочем месте. В таких случаях возможно применение статей 85 и 89 Уголовного кодекса Турецкой Республики.

В статье 85 УК Турецкой Республики рассматриваются наказания за преступление по неосторожности: причинение смерти другому лицу в результате неосторожного поведения одного человека, убийство по неосторожности в результате производственной травмы. Согласно ст. 85 УК, лицо, причинившее смерть другому человеку по неосторожности, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Если деяние приводит к смерти нескольких лиц или к смерти одного или нескольких лиц в сочетании с причинением телесных повреждений одному или нескольким лицам, то такое лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от двух до пятнадцати лет.

В этом контексте составляющие элементы преступления убийство по неосторожности, можно обозначить следующим образом: а) нарушение обязанности проявлять внимательность и осторожность; б) смерть наступает в результате поведения, противоречащего обязанности проявлять внимательность и осторожность; в) лицо не могло предвидеть, что его действия приведут к смерти.

Оценка соответствия поведения данной обязанности осуществляется на основе объективных критериев, основанных на общем жизненном опыте и специфических правилах, применимых к данной области.

В статье 89 УК Турецкой Республики рассматриваются наказания за причинение телесных повреждений по неосторожности. Преступление причинение вреда по неосторожности возникает в результате действий, нарушающих обязанность проявлять внимание и осторожность, что приводит к причинению боли другому человеку или ухудшению его здоровья или способности восприятия. В этом контексте элементы, приводящие к преступлению причинение вреда по неосторожности, включают: а) совершение действия, нарушающего обязанность проявлять внимание и осторожность; б) в результате данного действия причинение боли другому человеку или ухудшение его здоровья или способности восприятия; в) непреднамеренное причинение этого результата, при котором лицо не могло предвидеть последствия своих действий.

Во втором и третьем абзацах статьи 89 УК ТР квалифицированные случаи причинения вреда по неосторожности регулируются в случаях, когда акт причинения вреда по неосторожности приводит к серьезным последствиям, таким как ослабление или прекращение функционирования одного из органов, переломы костей, и в этих случаях предусматривается, что наказание будет увеличено.

Основанием для расследования и судебного преследования относительно причинения по неосторожности вреда здоровью в результате несчастного случая на производстве является обращение с жалобой. Если жалоба не подана в течение шести месяцев, расследование и судебное преследование этого преступления не представляется возможным, и,

следовательно, работодатель не может быть наказан. Однако, если имеются квалифицированные случаи преступления в виде причинения вреда здоровью по неосторожности, регулируемого статьей 89/2-3 УК Турецкой Республики, и преступление совершено с сознательной небрежностью, жалоба не рассматривается.

В Уголовном кодексе Турецкой Республики нет отдельной статьи, которая бы непосредственно и подробно описывала нарушения правил безопасности труда, аналогичной статье 162 УК Азербайджана, существуют другие статьи, которые могут быть использованы для привлечения к ответственности за нарушения охраны труда, особенно если они приводят к негативным последствиям для здоровья и жизни работников.

Внесение изменений в уголовное законодательство, включая создание отдельных статей, касающихся нарушений правил охраны труда и безопасности, может быть уместным и логичным шагом для Турецкой Республики. Можно указать несколько аргументов в пользу такой инициативы, например как создание отдельной статьи позволит более четко определить ответственность за нарушения правил охраны труда и безопасности, что может улучшить правоприменение и понимание закона как для работников, так и для работодателей. Наличие отдельной статьи, посвященной нарушениям охраны труда, может повысить осведомленность о важности соблюдения норм безопасности и ответственности. Выделение специализированных норм может упростить процесс привлечения к ответственности за нарушения, поскольку будет легче установить конкретные правила и последствия. Более строгие и четкие нормы могут способствовать улучшению условий труда и снижению числа несчастных случаев на рабочих местах.

Пристатейный библиографический список

1. Azərbaycan Respublikasının Əmək Məcəlləsi. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eqanun.az/framework/46943>.
2. Azərbaycan Respublikasının Cinayət Məcəlləsi. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eqanun.az/framework/46947>.
3. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eqanun.az/framework/897>.
4. Bünyətov Yunis Heydər oğlu (2003) Əməyin mühafizəsi (məlumat kitabçası). Bakı, — Adiloğlu II -127 səh.
5. Əhmədov Y., Rəhimov T. (2011) İşçilərin sağlamlığı və əməyin təhlükəsizliyi. (Soraq kitabı, II cild) Bakı -453 səh.
6. Касумов А.М. Трудовое право. - Баку: Адилоглы, 2007. - С. 262.
7. ALPAGUT, Gülsevil: 6331 Sayılı İş Sağlığı ve Güvenliği Kanununun Genel Esasları. İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. 2014.
8. AKI, Erol: 6331 Sayılı İş Sağlığı ve Güvenliği Kanunu ve Çalışma Yaşamına Etkileri. Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2013.
9. İNCİROĞLU, Lütfi: İş Sağlığı ve Güvenliğinde İşçi ve İşverenin Hukuki ve Cezai Sorumlulukları. Legal Yayıncılık, İstanbul, 2008.
10. TÜRK CEZA KANUNU1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.5237.pdf>.
11. 6331 İş Sağlığı ve Güvenliği Kanunu. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/is-sagligi-ve-guvenligi-kanunu-6331>.

СТАРОСЕЛЕЦ Ольга Сергеевна

аспирант 3-го курса кафедры уголовного права и процесса, Петрозаводский государственный университет

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КРУПНОГО УЩЕРБА В ПРЕДНАМЕРЕННОМ БАНКРОТСТВЕ

Признавая актуальность проблематики соотношения законодательной регламентации и экономических реалий, особенно проявляющуюся в настоящее время, данная научная статья отражает анализ уголовно-правового механизма, регламентирующего порядок привлечения к уголовной ответственности за совершение преднамеренного банкротства. Одной из таких проблем в означенном составе преступления, которой посвящена данная статья, является вопрос формирования крупного ущерба. При рассмотрении дискуссионного поля при исследовании вопроса пределов крупного ущерба в преднамеренном банкротстве, в настоящей статье выдвигаются основные идеи, способные к порождению единства во взглядах и правоприменительной практике.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, преднамеренное банкротство, должник, умысел, крупный ущерб, момент окончания преступления.

STAROSELETS Olga Sergeevna

postgraduate student of the 3rd course of Criminal law and process sub-faculty, Petrozavodsk State University

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF MAJOR DAMAGE IN DELIBERATE BANKRUPTCY

Recognizing the relevance of the relationship between legislative regulation and economic realities, especially those that are currently emerging, this scientific article reflects an analysis of the criminal law mechanism governing the procedure for bringing to criminal responsibility for intentional bankruptcy. One of these problems in the aforementioned composition of the crime, which is the subject of this article, is the issue of the formation of large-scale damage. When considering the discussion field in the study of the issue of the limits of major damage in intentional bankruptcy, this article puts forward the main ideas capable of generating unity in views and law enforcement practice.

Keywords: criminal law, crime, intentional bankruptcy, debtor, intent, major damage, the moment of the end of the crime.

Значительная роль здоровых экономических отношений в жизни общества и государства обуславливает важность гармонизации законодательной регламентации, регулирующей хозяйственную деятельность субъектов экономических правоотношений, а равно и устанавливающей меры воздействия при нарушении существующего порядка. В целях поддержки экономических субъектов, попавших в тяжелое финансовое положение, и недопущения увязывания в долговой яме перед кредиторами, законодателем был возрожден институт несостоятельности (банкротства). Однако, как оказалось, экономические преобразования в гражданском правовом поле породили и негативную перспективу злоупотребления порядком предоставления помощи должнику. Таким негативным фактором в институте несостоятельности (банкротства) стало преднамеренное банкротство должника, как способ завладеть имуществом кредиторов с последующим уходом от ответственности путем использования предоставленных на законодательном уровне определенных преференций.

Изучением криминологической детерминацией в совокупности с уголовно-правовой проблематикой привлечения к ответственности за преднамеренное банкротство в разное время занимались такие ученые, как Б. В. Волженкин, С. В. Дерягина, Б. И. Колб, В. Н. Кудрявцев, Н. А. Лопашенко, А. Н. Ляскало, П. С. Яни и многие другие. Несмотря на постоянное изучение института преднамеренного банкротства, с течением времени и изменениями, как экономических условий, так и законодательной регламентации, актуальность исследования порядка привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротства не теряет своей актуальности по сей день.

Поскольку уголовно-правовая конструкция ст. 196 УК РФ содержит целую плеяду актуальных проблем, требующих разрешения, в данной статье предлагается осветить лишь вопрос формирования крупного ущерба, как аспекта, влияющего на момент окончания преступления.

Итак, традиционно под преднамеренным банкротством понимается посягательство на чистоту арбитражного судопроизводства по признанию должника несостоятельным (банкротом), например, С. В. Дерягина пишет об извлечении материальной выгоды путем обращения к процедуре, пред-

усмотренной Федеральным Законом от 26 октября 2002 г. 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ввиду реализации ряда гражданско-правовых сделок, направленных на отчуждение имущества [1].

Несмотря на то, что пределы размеров ущерба, предусмотренного ст. 196 УК РФ, как известно, располагаются в Примечании к ст. 170² УК РФ и не требуют детального обозрения в рамках настоящей статьи, невозможно обойти стороной Федеральный закон от 06 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым были увеличены пороги значительного, крупного и особо крупного ущерба в преступлениях в сфере экономической деятельности.¹ Как следует из Пояснительной записки к вышеуказанному законопроекту, несмотря на рост инфляции за последние годы, индексация суммы ущерба, в том числе по ст. 196 УК РФ, проводилась в 2016 году. Данный факт, безусловно, повлек за собой снижение степени общественной опасности преступления, и как следствие, произошло излишнее ужесточение мер уголовно-правового характера относительно пределов криминализации совершаемого деяния. Иными словами, в дисбалансе, порожденном между экономическими реалиями общественной жизнью и уголовно-правовым механизмом привлечения к ответственности за преступления в сфере экономики, произошло де-факто втягивание субъектов, соответствующих пределам административной ответственности в зону уголовного права.

Как следует из конституционных основ, размер наказания за совершенное преступное деяние должен соответствовать размеру причиненного вреда тем или иным отношениям. Только таким образом законодатель сможет обеспечить соразмерность наказания и соблюсти принцип справедливости при его назначении, который в свою очередь зиждется на

1 Федеральный закон от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202404060014?index=12> (дата обращения: 26.11.2024).

совокупности характера, степени общественной опасности, обстоятельств совершенного преступления, а также личности виновного. В итоге кропотливой работы законодателя над вышеозначенной проблемой, размер, в том числе, крупного ущерба был увеличен до 3 500 000 рублей.

Вместе с тем, проблематика применения пределов крупного ущерба в банкротных преступлениях на этом не иссякла и продолжает порождать вопросы правильного исчисления и момента окончания преступления, иными словами, момента достижения суммы, определенной уголовным законодательством.

Одной из основных проблем, связанных с идентификацией преступных действий лиц при реализации ими умысла на преднамеренное банкротство является сложность конструкции диспозиции ст. 196 УК РФ, а равно неоднозначность признаков, изложенных в уголовно-правовой норме, регламентирующей порядок привлечения к ответственности. Не единожды в литературе встречается именно противоречие в понимании и идентификации признака ущерба, образующего уголовную ответственность. Так, например, А. Н. Ляскало выделяет противоречия в литературе относительно момента формирования ущерба и самого его содержания, предлагая рассматривать в качестве потерпевшей стороны исключительно кредиторов, обобщая совокупность долговых обязательств перед ними. [2, с. 29]. Того же мнения выступали в свое время Н. М. Говорков и Е. В. Терехов, описывая дискуссионность в определении рамок по наполнению ущерба, и обращали внимание именно на суммирование денежных обязательств перед кредиторами, как на единственно верный способ определения размера криминообразующего признака [3, с. 45].

Если рассматривать противоположную позицию об образовании крупного ущерба путем рассмотрения каждого кредитора в отдельности, представляется, что в виду увеличения размера крупного ущерба, такое толкование нормы способно породить новый способ ухода от ответственности путем дробления общего причиненного ущерба кредиторам на составные части, тем более, по нашему мнению, необходимо иметь в виду, что задолженность накапливается в рамках единого умысла обанкротить предприятие-должника. Следовательно, речь может идти исключительно о причинении крупного ущерба в целом всем кредиторам, чьи средствами виновный желает завладеть путем приведения организации к несостоятельности.

Еще одним спорным вопросом является формирование ущерба исходя из реально наступивших последствий. С одной стороны, под ущербом в преднамеренном банкротстве подразумевается причиненный реальный ущерб, а равно фактическая утрата имущества. [4, с. 43-44] С другой стороны, такой ущерб рассматривается в качестве упущенной выгоды [5, с. 28], поскольку предполагается, что в рамках арбитражного процесса по признанию должника несостоятельным (банкротом), обязательно удовлетворение требований кредиторов, а также существует возможность признания сделки недействительной с применением условия о реституции. С третьей стороны рассматривается совокупность реально причиненного ущерба с упущенной выгодой [6, с. 96-97]. Судебная же практика из перечисленных вариантов придерживается позиции, при которой под ущербом понимается реальный имущественный ущерб с редкими исключениями в виде признания упущенной выгоды в рамках причиненного ущерба кредиторам.

Исходя из момента формирования крупного ущерба в преднамеренном банкротстве, закономерно возникает вопрос о моменте окончания преступления, и в этом вопросе также нет единого мнения, как в теории, так и в судебной практике.

Так, касаясь противоречий в научной литературе, можно выделить две основные трактовки окончания преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Первая точка зрения основывается на необходимости получения результатов проведенного конкурсного производства в рамках арбитражного процесса по признанию должника несостоятельным (банкротом) [7, с. 10]. В этой связи хотелось бы отметить мнение О. В. Гутникова, который пишет о понимании вреда, причиненного кредиторам, как обесценивания обязательственного права, невозможного к исполнению вследствие преступных действий виновного [8, с. 28-29]. Того же мнения придерживаются А. А. Шматенко [9, с. 27-31] и Г. В. Цепов [9, с. 98-102], определяя механизм расчета причиненного ущерба в рамках преднамеренного банкротства путем оценки имущества, выбывшего из конкурсной массы в совокупности с местом каждого кредито-

ра в очередности удовлетворения требований, исходя из чего ущерб в банкротных преступлениях должен формироваться теми требованиями кредиторов, которые были обесценены и не удовлетворены по завершению процедуры банкротства.

Противоположная точка зрения привлекает подавляющее большинство сторонников и подразумевает под моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ момент юридического уменьшения активов, иными словами, речь идет о моменте распоряжения имуществом должника, в ущерб имеющимся обязательствам [10, с. 386]. Исходя из данной точки зрения момент окончания преступления необходимо непосредственно связывать с достижением цели, сформированной преступным умыслом, о чем и говорится в большинстве Комментариев к Уголовному кодексу РФ, о чем пишется в приговорах, о чем ведется речь в научной среде. Привлечение к уголовной ответственности не может ставиться в зависимость от арбитражного процесса по признанию должника несостоятельным (банкротом), а равно от результатов конкурсного производства. Так, с весьма любопытной стороны подходит к определению момента окончания преступления М. Г. Жилкин, который указывая на момент выбытия имущества из активов должника, продолжает мысль о причинении вреда в момент утраты самой возможности исполнения обязательств перед кредиторами [11, с. 58-59].

Обобщая изложенные противоречия в вопросе ущерба при преднамеренном банкротстве, хотелось бы отметить, что, несмотря на наличие определенных императивов, расположенных в законе «О несостоятельности (банкротстве)» и бланкетности самого состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, его объективная сторона должна рассматриваться исключительно исходя из основ уголовного права, в этом и кроется сложность механизма привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство.

На наш взгляд ответ на данный вопрос кроется, прежде всего, в необходимости издания Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое бы расставило акценты как в вопросе вреда, причиняемого в результате преднамеренного банкротства, так и во многих других аспектах ввиду сложности уголовно-правового механизма, регламентирующего порядок привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Дерягина С. В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – Екатеринбург, 2022. – 202 с.
2. Ляскало А. Н. Ущерб в банкротных преступлениях // Уголовное право. – 2023. – № 9. – С. 27-40.
3. Говорков Н. М., Терехов Е. В. Крупный ущерб при криминальном банкротстве // Законность. – 2013. – № 11. – С. 44-47.
4. Ермолович Я. Н. Упущенная выгода как общественно опасное последствие совершения преступления // Российский следователь. – 2019. – № 3. – С. 42-45.
5. Яценко Б. В., Жилкин М. Г. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления. Сборник научных статей. – 2001. – № 5. – С. 21-32.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 96-97.
7. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – С. 10.
8. Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. – 2017. – № 1. – С. 22-37.
9. Шматенко А. А. Ущерб как элемент объективной стороны криминальных банкротств // Российский следователь. – 2014. – № 8. – С. 27-32.
10. Цепов Г. В. Ущерб как элемент объективной стороны криминальных банкротств // Закон. – 2016. – № 8. – С. 98-102.
11. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – М.: Изд-во Р. Арсаланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 386.
12. Жилкин М. Г. Правовая оценка ущерба при криминальных злоупотреблениях в сфере банкротства // Имущественные отношения в РФ. – 2020. – № 6. – С. 56-64.

УДИНЦЕВ Глеб Владимирович

аспирант, Институт международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

ПОРЯДОК КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В настоящей статье рассматривается вопрос целесообразности использования уголовно-правовых методов для защиты порядка корпоративного управления. Автор анализирует существующие механизмы корпоративного управления с точки зрения их эффективности для обеспечения ответственности руководителей перед акционерами, а также для поддержания баланса интересов между различными группами участников корпорации. Особое внимание уделяется проблемам агентских издержек и злоупотреблений со стороны руководства, которые могут нанести ущерб миноритарным акционерам и компании в целом. Также рассматриваются способы незаконного обогащения за счет нарушений порядка корпоративного управления, такие как чрезмерные выплаты руководству и заключение контрактов с аффилированными компаниями. Приводятся примеры из российской и зарубежной судебной практики, демонстрирующие масштаб возможных злоупотреблений и их последствия для акционеров и общества в целом. Проводится анализ существующих лагун российского законодательства, а также указывается на недостатки юридической техники при конструировании уголовно-правовых норм, направленных на защиту порядка корпоративного управления. Делается вывод о том, что потребность в уголовно-правовой защите корпоративного управления вполне реальна.

Ключевые слова: порядок корпоративного управления, менеджеры, акционеры, баланс интересов, агентские издержки, экономические преступления, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, использование служебного положения.

UDINTSEV Gleb Vladimirovich

postgraduate student, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

THE NEED FOR CRIMINAL LAW PROTECTION OF CORPORATE GOVERNANCE

This article discusses the need of using criminal law methods to protect corporate governance. The author analyzes the existing corporate governance structure designed to ensure the responsibility of managers to shareholders and maintain a balance of interests between different groups of corporate participants. Special attention is paid to the problems of agency costs and abuse by management, which can harm minority shareholders and the company as a whole. Methods of illegal enrichment through violations of corporate governance, such as excessive payments to management and the conclusion of contracts with affiliated companies, are also being considered. Examples from Russian and foreign judicial practice are given, demonstrating the scale of possible abuses and their consequences for shareholders and the society as a whole. The analysis of the existing gaps, inaccuracies and shortcomings of the legal technique of the norms aimed at protecting corporate governance in the Russian Criminal Code is carried out. The author concludes that the need for criminal protection of corporate governance is quite real.

Keywords: corporate governance, management, shareholders, balance of interests, agency costs, economic crimes, crimes against the interests of service in commercial and other organizations, use of official position.

Механизмы корпоративного управления призваны обеспечить ответственность генерального директора перед советом директоров; совета директоров – перед акционерами; собственников крупных пакетов акций – перед миноритариями [1]. Корпоративное управление сосредоточено на том, чтобы все эти группы выполняли свои функции наилучшим образом при сохранении баланса интересов между ними [14].

Однако даже такая система не может полностью исключить агентских издержек, выражающихся в действиях менеджмента, направленных на извлечение собственной выгоды в ущерб интересам акционеров [19]. Вдобавок, несмотря на то, что по закону объем прав всех акционеров предполагается как равный, на практике акционеры, обладающие пакетами акций разного размера, не равны, потому что их права напрямую зависят от размера этих пакетов [3]. Это делает возможным ущемление прав миноритарных акционеров менеджерами компании или основным акционером.

С 1930-х годов юристы, а затем и ученые-финансисты заговорили о том, что контроль над компанией имеет цену. Получив контрольный пакет акций, один или несколько акционеров, вступивших в стовор, получают возможность назначить в органы управления корпорации самих себя или своих людей, что обеспечивает практически безграничные возможности для вывода активов компании и недивидендного присвоения прибыли [2]. Например, путем назначения чрезмерно щедрого вознаграждения генеральному дирек-

тору и членам совета директоров, посты которых занимают сами мажоритарные акционеры. Другой способ – указание «карманным» менеджерам выбирать в качестве подрядчиков «карманных» подрядчиков, т.е. таких, которые принадлежат родственникам мажоритарных акционеров и организованы специально для вывода активов из корпорации. «Карманные» менеджеры не должны обращать внимание на то, что цены таких исполнителей резко завышены по отношению к рынку [17].

Одним из классических примеров, продемонстрировавших возможности по обогащению за счет иных лиц путем нарушения правил корпоративного управления, стал судебный процесс по делу корпорации Mannesmann – одной из крупнейших и старейших промышленных компаний Германии. Она специализировалась на производстве труб, сталелитейной продукции и на других инженерных решениях. Британская компания Vodafone предложила выкупить Mannesmann за рекордную сумму около € 190 млрд. Сделка стала крупнейшей корпоративной покупкой в истории Европы, однако из-за крайне невыгодной конвертации акций при слиянии в итоге привела к серьезным убыткам для акционеров Mannesmann.

На фоне убытков известие о выплатах бонусов на общую сумму около € 57 млн. бывшим менеджерам Mannesmann за проведение этой сделки вызвало возмущение среди акционеров. Против бывших руководителей Mannesmann было

возбуждено уголовное дело по обвинению в злоупотреблении служебным положением ради получения незаконных выплат. Среди обвиняемых оказались бывший генеральный директор Йозеф Акерманн, бывший председатель совета директоров Клаус Эссер и другие члены правления Mannesmann [18].

Современным примером преступлений против порядка корпоративного управления является судебный процесс по делу FTX. FTX была одной из крупнейших бирж по торговле криптовалютой в мире. Со дня регистрации в 2019 году корпорацией руководил ее основатель и мажоритарный акционер Сэм Бэнкман-Фрид, считавшийся одним из самых влиятельных людей в индустрии криптовалют. Однако в конце 2022 года Сэм Бэнкман-Фрид был арестован. По инициативе Комиссии по ценным бумагам и биржам США ему были предъявлены многочисленные обвинения, включая использование средств клиентов и инвесторов биржи для финансирования других его проектов, а также предоставление инвесторам заведомо ложной информации о финансовом состоянии компании.

Это известие спровоцировало резкое падение стоимости криптовалюты и массовый вывод средств клиентами, что привело к банкротству FTX и потере ее инвесторами значительных денежных средств. По оценкам различных источников, около 1 миллиона человек пострадали после банкротства компании. Это число включает как индивидуальных инвесторов – обычных людей, желающих сохранить и приумножить на бирже свои сбережения, так и крупных институциональных игроков.

В марте 2024 года судья федерального суда США Льюис Каплан приговорил Бэнкмана-Фрида к 25 годам тюремного заключения и многомиллионным штрафам, которые пошли на компенсацию пострадавшим [15].

К сожалению, в отечественной практике случаи нарушения закона, связанные с подрывом порядка корпоративного управления, вне зависимости от числа потерпевших и их потерь, почти никогда не становятся предметом уголовных дел. В лучшем случае пострадавшим от них гражданам удастся отчасти восстановить справедливость в рамках административного или гражданского судопроизводства [5].

Так, решением Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-29800/2022 от 15 апреля 2022, оставленным без изменения тремя судебными инстанциями, в том числе постановлением Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2022 г. было установлено, что 7 сентября 2021 г. на внеочередном общем собрании участников ООО «РСФ «Медстройсервис»» (далее – «Общество») С., являвшаяся генеральным директором и мажоритарным участником Общества (59,785 %), единолично приняла решение о проведении ревизии в Обществе, утверждении ревизора и всех остальных связанных с этой ревизией вопросов. 27 сентября 2021 г. основываясь на личных пояснениях С., ревизор Общества составил отчет, согласно которому доля миноритарного акционера – К. с 2002 года была не оплачена. Ссылаясь на отчет ревизора, С. подписала приказ, которым внесла в ЕГРЮЛ изменения, согласно которым доля К. в размере 24,14 % уставного капитала перешла к Обществу. Однако К. обратился в суд, ссылаясь на то, что спорная доля была им оплачена.

Судом было установлено, что доля К. была полностью оплачена. Кроме того, было учтено, что с 10 января 2002 г. К. участвовал в управлении делами Общества, регулярно принимал участие в общих собраниях, извещался Обществом о проведении таких собраний, голосовал по вопросам повестки дня, в том числе, об утверждении учредительных документов, продлении полномочий генерального директора, утверждении бухгалтерских балансов Общества, при этом отмечено, что вопрос оплаты истцом доли с 2002 года не ставился под сомнение.

Оценив действия С., арбитражные суды трех инстанций пришли к выводу, что имеются признаки злоупотребления полномочиями участником и руководителем корпорации, выразившиеся в самовольном незаконном лишении миноритарного участника права собственности на долю 24,14 %

уставного капитала с целью решения семейного корпоративного конфликта в свою пользу.

Вышеперечисленные примеры наглядно показывают, что преступления против порядка корпоративного управления в конечном итоге отличаются от банальных хищений лишь специфичностью способа. Данные деяния нарушают права и законные интересы, как отдельных граждан, так и всего общества в целом. В обосновании такой позиции можно привести следующие доводы [7].

Во-первых, подавляющее число миноритарных акционеров составляют не профессиональные крупные игроки рынка, а обычные люди, которые в надежде сохранить от инфляции свои сбережения, обращаются к финансовым инструментам фондового рынка [16]. Именно эта группа, в конечном счете, является самой уязвимой для данного типа преступлений.

Во-вторых, именно корпорации являются крупнейшими налогоплательщиками, а также создают рабочие места для граждан государств, в которых корпорации дислоцируются [11]. Однако корпорации продолжают свою работу лишь до тех пор, пока остаются выгодными и безопасными инвестициями для своих акционеров. Если последние чувствуют, что конкретное государство не в состоянии обеспечить безопасность их вложений, в том числе от злоупотреблений со стороны менеджера, то инвестиции из такого государства немедленно будут перенаправлены в другое место. Это означает ликвидацию или резкое уменьшение масштабов корпораций, а вместе с этим, снижение налоговых поступлений в бюджет и массовое сокращение работников [10].

Все это свидетельствует, что преступления против порядка корпоративного управления ничуть не менее общественно опасны, чем обыденные посяательства на собственность. Они являются равной по значимости, а иногда и более серьезной угрозой имущественным правам пострадавшего, по сравнению с преступлениями против вещей во всей красе. В сущности, отстранение акционера от управления корпорацией с последующим выводом из нее активов отличается от кражи лишь тем, что хищение – это деяние, которое было криминализировано несколько тысячелетий назад и потому широко известно. В случае же преступлений против корпоративного управления речь идет об относительно новом явлении, где для привлечения виновного к ответственности и возмещения ущерба потерпевшему требуется наличие специальных знаний [20]. Из-за недостаточной проработки соответствующих норм и невнимания правоприменительной практики к подобным деяниям акционеру часто остается лишь наблюдать, как его сбережения становятся источником необоснованного обогащения другого лица. Вопреки этому обеспечение комплексной уголовно-правовой защиты от подобных преступлений способно в определенной степени повысить уровень правопорядка, т.к. уже сейчас уголовное право в силу субсидиарного характера дополнительно обеспечивает соблюдение прав участников корпоративных отношений [9].

На наш взгляд, нормы, которые по своей сути направлены на защиту порядка корпоративного управления, содержатся в ст. 1854, 1855, 195, 196, 197 и 201 УК РФ. Данная группа статей была выделена нами на основании следующих критериев:

Несмотря на расположение вышеприведенных статей в разных главах и даже в разных разделах УК РФ, запрещенные ими деяния, посягают, в том числе на корпоративные отношения. Совершение этих преступлений подразумевает нарушение интересов участников и органов управления конкретной корпорации [6].

Данные преступления могут быть совершены исключительно при условии существования корпорации, которая была создана и функционировала в соответствии с установленным законом порядком.

Субъектами перечисленных преступных деяний выступают участники корпорации, члены ее органов управления или иные субъекты корпоративных правоотношений [12].

Можно утверждать, что, несмотря на большое число норм, направленных на защиту корпоративных отношений,

фактически они не достигают этой цели вследствие недостатков юридической техники [4].

Так, статья 201 УК РФ предусматривает возможность наказания руководителей корпорации за деяния, совершенные вопреки интересам самой корпорации. Однако данная норма, по сути, не защищает отдельных акционеров, т.к. интересы корпорации не равны интересам лиц, ее составляющих. Также содержание этой статьи не соответствует всей сложности и многогранности корпоративной системы управления, где не только руководители, но и, например, мажоритарные акционеры (участники) обладают возможностью существенно влиять на принятие управленческих решений. Как следствие, не все лица, имеющие фактическую возможность определять действия корпорации, могут быть привлечены к ответственности по данной статье.

Нормы, предусмотренные статьями 195–197 УК РФ направлены на защиту акционеров от злоупотреблений, приводящих к банкротству корпорации, т.е. полной и безвозвратной потере вообще всего вложенного в нее имущества. Однако терминологические неточности в формулировках диспозиций данных статей затрудняют их использование для вышеуказанной цели на практике. К примеру, введение в составы данных статей субъекта «контролирующее должника лицо» исключает возможность привлечения физического лица, виновного в их совершении, по частям 11, 22, 33 ст. 195, п. а ч. 1 ст. 196 УК РФ за использование своего служебного положения, так как все лица, занимающие определенное служебное положение, приравниваются к контролирующим должника лицам [8].

Статьи 1854 и 1855, призванные защитить право акционеров на управление корпорацией, также не отличаются совершенством юридической техники. Так, объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 1854 УК РФ, сконструирована как формально-материальная. В каждом конкретном случае требуется доказывать, что совершение деяния либо повлекло наступление общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, либо связано с извлечением дохода в крупном размере [13]. При этом совершение деяний, предусмотренных диспозицией данной статьи, само по себе не может ни повлечь наступления вышеуказанных последствий, ни послужить источником извлечения дохода в крупном размере. Оно может выступать лишь необходимым условием для совершения иных преступлений, влекущих наступление общественно опасных последствий в виде крупного ущерба и позволяющих извлечь доход в крупном размере.

Положения статьи 1855 страдают избыточной казуистичностью и некорректностью терминологии, что усложняет усвоение её общего смысла вследствие невозможности однозначного толкования целого ряда законодательных конструкций, таких как «внесение», «захват управления», «реорганизация».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что потребность в надлежащей уголовно-правовой защите порядка корпоративного управления вполне реальна. Это подтверждается, высокой степенью общественной опасности данных преступлений, а также недостаточностью эффективным механизмом реализации действующих норм, направленных на защиту от них. Для удовлетворения этой потребности положения вышеуказанных статей нуждаются в серьезной переработке с целью обеспечения комплексной уголовно-правовой защиты имущественных прав и интересов физических лиц, инвестирующих или иным образом участвующих в деятельности корпораций.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы и задачи корпоративного права: монография / Под редакцией доктора юридических наук В. В. Романовой. - Москва: Издательская группа «Юрист», 2020. - 240 с.
2. Бережной А. Ю., Марченко Т. В. Особенности понятий: крупный акционер, крупный пакет акций, миноритарный акционер, корпоративный контроль //

- Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. - М., 2017. - С. 54-55.
3. Бычков А. О миноритарном акционере замолвите слово // ЭЖ-Юрист. - 2014. - № 27. - С. 12.
 4. Гриднев Е. В. Правовая характеристика защиты корпоративных прав. Образование и право. - 2023. - № 3. - С. 70-74.
 5. Голованова Н. А. Корпоративная ответственность: трансформация уголовно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - № 2. - С. 82-96.
 6. Гутников О. В. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал высшей школы экономики. - 2019. - № 1. - С. 45-70.
 7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики (авторский комментарий к уголовному закону: раздел VIII УК РФ). - М.: Волтерс Клавер, 2006. - С. 530-566.
 8. Медведев С. С., Терлыч И. А. Некоторые проблемы применения статьи 201 УК РФ // Science Time. - 2016. - № 2 (26). - С. 402-404.
 9. Семенов Т. В. Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: социальная обусловленность и законодательное конструирование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Науч. рук. В. Ф. Цепенев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М., 2016.
 10. Симченко Н. А., Волошин А. И., Срибный В. И. Корпоративная социальная ответственность / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. - Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. - 230 с.
 11. Смирнова Е. Е. Актуальные вопросы налогового администрирования отдельных категорий налогоплательщиков // Проблемы экономики и юридической практики. - 2023. - Т. 19, № 1. - С. 288-292.
 12. Ступина С. А., Шерстяных А. С. Члены органов управления хозяйственных обществ как субъекты уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности за преступления коррупционной направленности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2019. - № 3 (36). - С. 144-145.
 13. Тухашвили О. В. Особенности применения ст. 195-197 УК РФ для реализации уголовной ответственности в сфере банкротства // Вестник магистратуры. - 2022. - № 4-4 (127). - С. 108-111.
 14. Azwali S. Corporate Management and its Principles // Financial International Journal of Scientific and Research Publications. - 2022. - № 12. - P. 103-105.
 15. Conlon T., Corbet S. The collapse of the FTX exchange: The end of cryptocurrency's age of innocence // The British Accounting Review. - 2023. - 348 p.
 16. Guillen M. F., Capron L. State Capacity, Minority Shareholder Protections, and Stock Market Development // Administrative Science Quarterly. - 2015. - P. 1-36.
 17. Harding Ch., Edwards J. Cartel criminality: the mythology and pathology of business collusion. - London: Burlington, VT: Ashgate, 2015. - 280 p.
 18. Jeong D. H., Weidhaas M. Executive Compensation: Mannesmann v. Disney - A Case Study // Comparative Corporate Governance and Financial Regulation. - 2016. - P. 36.
 19. Jensen M. C. A Theory of the Firm: Governance, Residual Claims and Organizational Forms // Harvard University Press. - 2023. - 323 p.
 20. John C. Coffee Jr. Crime and the Corporation: Making the Punishment Fit the Corporation, J. CORP. - 2022. - № 47 L. - P. 963.

АБДУЛЛОЗОДА Парвиз Саъдулло

доктор юридических наук, доцент кафедры правосудия и прокурорского надзора, Юридический факультет, Таджикский национальный университет

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются актуальные правовые вопросы, связанные с понятием правовой природы и видов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса в постсоветских странах. Анализируются признаки подотрасли международного сотрудничества в сфере уголовного процесса с учетом современных тенденций развития данной подотрасли уголовного процесса и современных угроз мирового масштаба. Рассматривается соотношение международного сотрудничества уголовного процесса и международно-правовой помощи по уголовным делам, а также международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Дается критическая оценка предложений и выводов, которые относят международное сотрудничество в сфере уголовного процесса в той или иной форме к деятельности по борьбе с преступностью. Определяется место международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, которое имеет межотраслевой характер в национальной правовой системе как подотрасль уголовного процесса, а в системе международного права – как подотрасль международного уголовного процесса. Доказывается, что огромный темп развития международного сотрудничества в сфере уголовного процесса способствовал появлению новых институтов данного сотрудничества, таких как международно-правовая помощь по уголовным делам, выдача лиц, передача лиц, и формирование института передачи уголовного процесса. С учетом темпа развития международного сотрудничества в сфере уголовного процесса автором предлагаются возможности появления новых подинститутов в рамках международного сотрудничества, которые требуют правовых регламентаций новых подинститутов в рамках традиционных институтов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса.

Ключевые слова: международная правовая помощь, передача уголовного судопроизводства, выдача лиц, передача лиц, международное сотрудничество, постсоветские страны, уголовное процессуальное законодательство.

ABDULLOZODA Parviz Sadullo

Ph.D. in Law, associate professor of Justice and prosecutor`s supervision sub-faculty, Faculty of Law, Tajik National University

THE NOTION, LEGAL NATURE AND TYPES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDING

The article deals with current legal issues related to the concept of legal nature and types of international cooperation in the field of criminal procedure in post-Soviet countries. It analyses the characteristics of a sub-branch of international cooperation in criminal proceedings considering the current tendencies of development of this sub-branch of criminal proceedings and modern threats of the global scale. The author considers the correlation of international cooperation in criminal proceedings and international legal assistance in criminal matters as well as international cooperation in combating crime. It gives a critical assessment of the proposals and conclusions which relate international cooperation in the field of criminal procedure in one form or another to the activities of the fight against crime. The place of international cooperation in the field of criminal procedure, which has inter-branch character in the national legal system as a sub-branch of criminal procedure and in the system of international law as a sub-branch of international criminal procedure, is determined. It is proved that the enormous pace of development of international cooperation in criminal proceedings has contributed to the emergence of new institutions of this cooperation, such as international legal assistance in criminal matters, extradition of persons, transfer of persons, and the formation of the institution of transfer of criminal proceedings. Given the pace of development of international cooperation in criminal proceedings, the author proposes the possibility of the emergence of new sub-institutions within the framework of international cooperation, which require legal regulation of new sub-institutions within the traditional institutions of international cooperation in criminal proceedings.

Keywords: international legal assistance, transfer of criminal proceedings, extradition, transfer of persons, international cooperation, post-Soviet countries, and criminal procedural legislation.

В настоящий период международное сотрудничество в сфере уголовного процесса успешно развивается. Это, прежде всего, обусловлено современными тенденциями, одной из которых является защита прав человека не только на национальном, но и на международном уровне, а другой – нынешние угрозы в связи с ростом преступности в мировом масштабе. Для эффективности решения данных задач необходимо сотрудничество государств в сфере уголовного процесса, которое, с одной стороны, расширяется, а с другой – растут проблемы в данной сфере.

После распада СССР все государства, входившие в его состав, были признаны со стороны мирового сообщества в качестве равноправных субъектов международных отношений.

Провозглашение независимости этих государств происходило одновременно с формированием новых глобальных вызовов, таких как борьба с преступностью на международном уровне и требования к защите прав человека и гражданина. На эти вызовы невозможно ответить без сотрудничества с другими государствами. Одним из эффективных механизмов решения указанных проблем является международное сотрудничество в сфере уголовного процесса.

В то же время постсоветские государства являются своеобразной целевой площадкой для изучения широкого круга направлений международного сотрудничества и тенденций его развития. Подходы постсоветских стран к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса не являются

единообразными, что обусловлено не только внутренними, но и внешними факторами, в частности, векторами интеграционного развития. Изучение уголовного процесса постсоветских государств дает возможность определить содержание международного сотрудничества между постсоветскими государствами, а также между постсоветскими государствами и другими странами, международными организациями. Латвия, Литва и Эстония являются членами ЕС, где действуют соглашения ЕС о шенгенской зоне, специфические правовые институты ЕС; 11 государств являются членами СНГ, из которых восемь (например, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан) ратифицировали Кишиневскую конвенцию, а другие государства (например, Молдавия) не ратифицировали ее. Кроме РФ, Белоруссии и стран Центральной Азии, все постсоветские страны являются членами Совета Европы. Грузия не является членом ЕС, не является участницей СНГ, но входит в состав Совета Европы. Некоторые страны также являются государствами-участниками МУС, хотя большинство постсоветских государств не являются его участниками. Все постсоветские государства являются членами Интерпола. При этом каждое из них обладает своими особенностями правовой регламентации международного сотрудничества по уголовным делам, которая к тому же в целом имеет общие исторические корни.

В качестве общей черты можно отметить, что международное сотрудничество в сфере уголовного процесса в постсоветских странах является составной частью уголовно-процессуального права. Постсоветские страны активно присоединяются к уже действующим международным договорам по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного процесса или заключают новые. В постсоветских странах также наблюдается расширение международного сотрудничества в части направления и исполнения запросов по отдельным видам международного сотрудничества. Таким образом, можно заключить, что международное сотрудничество в сфере уголовного процесса развивается.

Еще в дореволюционный период Ф. Ф. Мартенс писал: «Ни одно современное государство не в состоянии собственными силами охранять уважение к праву и порядку внутри страны; это – задача международного общения» [21, с. 182-188]. Как видно из данного высказывания Ф. Ф. Мартенса, вопрос о необходимости взаимной помощи государств в сфере уголовного суда возник не сегодня. Однако общий процесс глобализации, который произошел в XXI веке, поднял данную проблему на новый уровень. Другими словами, процессы глобализации наблюдаются практически во всех областях правовой жизни общества, проявляют они себя и в сфере уголовного процесса, который исключением не является.

Такие суждения о важности взаимной помощи государств в сфере уголовного суда Ф. Ф. Мартенс отмечал в то время, когда не существовало еще проблем глобализации. В процессе глобализации международно-правовая помощь по уголовным делам становится ещё более важной в современном мире.

По этому поводу верным является утверждение В. В. Милинчук о том, что присущая концу XX в. «глобализация жизни общества характеризуется как положительными, так и негативными последствиями ... обратной стороной ... стал рост международной преступности, приспособившей преимущественно высоких технологий для своих целей» [25, с. 7].

В этой связи проблемы международного сотрудничества по уголовным делам в XXI в. приобретают не только новое звучание в рамках международных отношений, складывающихся между государствами, но и влияют на содержание уголовно-процессуальных отношений в отдельных странах.

Как показывает сложившаяся за последние годы практика, сотрудничество в данном направлении имеет тенденцию неуклонного роста, и поэтому возникает потребность в четком определении рамок его правового регулирования.

В юридической литературе подчеркивается, что «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства охватывает широкий круг разноплановых отношений, возникающих между государствами (курсив мой. – П. А.) и их органами, участвующими в производстве по уголовным делам, ...» [15, с. 664-678]. К этому следует добавить, что сотрудничество в данной сфере включает не только взаимоотношения государств, но и взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания государств с международными организациями.

Необходимо подчеркнуть, что в науке уголовного процесса существуют различные подходы, к определению понятия международного сотрудничества. В частности, М. П. Глумин отмечает, что «международное сотрудничество по уголовно-процессуальным вопросам – это взаимообусловленная деятельность компетентных органов и должностных лиц исполнительной и судебной власти взаимодействующих государств, равно как и международных организаций, осуществляемая в соответствии с международными и национальными правовыми нормами, регулирующими уголовное судопроизводство» [14, с. 16]. Далее он отмечает, что «субъектами, участвующими в данном процессе, могут быть только органы и лица исполнительной и судебной властей» [14, с. 16]. На наш взгляд, представленная позиция является весьма спорной. Получается, что указанный автор в число органов, которые занимаются международным сотрудничеством по уголовным делам, не включает органы прокуратуры (так как данный орган не входит в систему органов исполнительной и судебной властей), которые играют важную роль в данном процессе.

На наш взгляд, более верным является определение понятия международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которое дано Е. Е. Феоктистовой и А. Г. Волеводзом, хотя и в их определениях есть дискуссионные моменты. Е. Е. Феоктистова определяет понятие «международное сотрудничество по уголовным делам» как «осуществляемую на основе действующих норм международного и внутригосударственного законодательства или в соответствии с принципом взаимности согласованную деятельность двух или более государств в лице своих компетентных органов и должностных лиц, а также международных организаций, реализуемую путем получения и оказания правовой помощи, осуществления уголовного преследования, выдачи (экстрадиции) лиц в целях раскрытия и расследования преступлений и достижения назначения уголовного судопроизводства» [32, с. 9]. А. Г. Волеводз утверждает, что «международное сотрудничество в сфере уголовного процесса (уголовного судопроизводства) – это осуществляемая органами дознания, следователем, прокурором и судом в соответствии с требованиями законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, согласованная с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, а также международными организациями деятельность по получению и оказанию помощи в досудебном производстве и судебном разбирательстве, а также в принятии других мер, необходимых для правильного разрешения уголовных дел» [10, с. 56].

Так, Е. Е. Феоктистова не включает в понятие «международное сотрудничество по уголовным делам» такой важный элемент, как передачу осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государство, гражданином которого

он является. Схожая позиция ранее была высказана и А. Г. Волеводзом, который предлагает другое решение - «принятие других мер, необходимых для правильного разрешения уголовных дел».

В связи с этим возникает вопрос: является ли передача осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются, мерой, необходимой для правильного разрешения уголовных дел? По этому поводу имеются иные точки зрения, смысл которых заключается в том, что передача лиц для отбывания наказания не является мерой, необходимой для правильного разрешения уголовного дела. Как правильно отмечает К. Ф. Гуценко, передача лиц для отбывания наказания - это предоставление возможности отбывать «у себя дома» наказание, назначенное приговором «чужого» суда [15, с. 677].

В последнее время А. Г. Волеводз уточнил понятие международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. В частности, он отмечает: «*Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства* представляется возможным обозначить ... для правильного разрешения уголовных дел и надлежащего исполнения приговора» [7, с. 99-117]. Прогрессом в развитии данного понятия служит указание на «надлежащее исполнение приговора» [9, с. 356].

В научной литературе имеются и другие варианты понятия международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. По мнению В. А. Михайлова, «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства - это основанная на уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, международных договорах и актах международного права единовременная (разовая) или достаточно продолжительная по времени совместная согласованная уголовно-процессуальная деятельность органов дознания, следователей, прокуроров, судов общей юрисдикции и соответствующего иностранного государства во имя достижения их общих целей и задач по борьбе с национальными, транснациональными и международными преступлениями» [26, с. 33]. Данная позиция, является весьма спорной. Анализ его содержания позволяет сделать вывод, что автор в данном определении даёт понятие международного сотрудничества в борьбе с преступностью, а не международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Эти два понятия хоть и взаимосвязаны, но имеют самостоятельное юридическое содержание. На наш взгляд, в определении В. А. Михайлова не учтены два существенных обстоятельства. Во-первых, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства не может основываться на уголовном законодательстве (оно базируется на уголовно-процессуальном законодательстве). Во-вторых, он делает акцент на борьбе с преступностью, не упоминая при этом другие цели и задачи, которые существуют в уголовном процессе, в частности, защиту прав и свобод человека.

Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса является подотраслью уголовного процесса, и это обусловлено тем, что оно состоит из совокупности однородных институтов с высокой степенью интеграции. Такие признаки подотрасли права были предложены ещё советскими исследователями. Так, по мнению С. С. Алексеева: «Подотрасль - это такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей» [3, с. 155]. В. С. Нерсисянц отмечает, что: «Подотрасль права - это крупная составная часть отрасли права, объединяющая группу однородных правовых институтов» [27, с. 432].

Как видно из указанных понятий, подотрасль формируется при появлении совокупности институтов, которые

имеют однородный характер. Это классические требования к подотрасли права. Дальнейшее развитие отраслевой науки развило эти требования, добавив к ним требование к предмету и методу регулирования, которые в основном свойственны отрасли права. Предмет подотрасли международного сотрудничества в сфере уголовного процесса представляет собой совокупность обособленных общественных отношений, складывающихся между компетентными органами и должностными лицами государства и соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организации в сфере уголовно-процессуальной деятельности по предварительному расследованию, судебному производству, исполнению приговора и иных итоговых судебных решений. Эта подотрасль также характеризуется существованием «международного элемента». В качестве метода регулирования выступают такие принципы, как равноправие компетентных органов и компетентных лиц одного государства с аналогичными органами и лицами другого государства в ходе сотрудничества, решение вопросов на основе уважения, взаимности, доброй воли и т.п.

На основании всего изложенного, мы можем дать следующее определение понятия *международного сотрудничества в сфере уголовного процесса* - это подотрасль уголовно-процессуального права, включающая нормы национального законодательства и международного права, регулирующие порядок взаимодействия уполномоченных органов (судов, прокуроров, следователей и органов дознания) с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями по вопросам, связанным с осуществлением предварительного расследования и судебного производства, привлечением к уголовной ответственности и наказанием лиц, а также исполнением приговора и иных судебных итоговых решений.

В юридической литературе не всегда встречается понятие институтов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса - эти институты иногда определяются как формы [18, с. 1254-1255] или виды [7, с. 102-103] международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, что также верно и не противоречит их сущности. На наш взгляд, признание международного сотрудничества в сфере уголовного процесса как подотрасли и разделение его на институты зависит от структуры права и имеет в большей мере теоретический аспект, тогда как использование понятия вида (формы) международного сотрудничества в большей степени имеет прикладной, т. е. практический, характер.

Как нами было отмечено выше, следует различать *международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью* [33, с. 446] и *международное сотрудничество в сфере уголовного процесса* и их соотношение. Так, *международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью* - это односторонняя или взаимная помощь в разработке мер по предупреждению преступности, непроцессуальному обмену информацией, оказанию материально-технической, в том числе финансовой, помощи, помощи в подготовке кадров и других надлежащих способов по созданию и развитию механизмов и инфраструктуры в борьбе с преступностью, в том числе технической поддержке в борьбе с преступностью, разработке нормативно-правовых актов по борьбе с отдельными видами преступлений и т.п. В свою очередь *международное сотрудничество в сфере уголовного процесса* - это сотрудничество судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и

международными организациями для достижения цели и решения задач уголовно-процессуального производства¹.

На основе анализа юридической природы международно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения, можно выделить три типа их соотношения:

1. Невозможность их разделения в рамках более широкого понятия: сотрудничества государств в сфере уголовной юстиции. Это связано с тем, что ряд международных договоров по борьбе с отдельными преступлениями международного характера регулируют отношения и уголовно-правового, и уголовно-процессуального характера [16, с. 28] (например, ст. 16 – выдача; ст. 17 – передача осужденных лиц (возможно только при заключении международных договоров о передаче лиц); ст. 18 – взаимная правовая помощь, ст. 21 – передача уголовного судопроизводства и ст. ст. 19, 27 – другие виды сотрудничества) Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и гл. IV (ст. 43 – международное сотрудничество; ст. 44 – выдача; ст. 45 – передача осужденных лиц (возможно только при заключении международных договоров о передаче лиц); ст. 46 – взаимная правовая помощь, ст. 47 – передача уголовного судопроизводства и ст. 48-49 – другие виды сотрудничества) Конвенции ООН против коррупции².

Роль международного сотрудничества в борьбе с преступностью в целом и в сфере уголовного судопроизводства, прежде всего, предопределяется негативной динамикой, сложностью и распространенностью феномена транснациональной преступности [14, с. 17].

По мнению украинского исследователя И. В. Лешукова, «несмотря на разнообразие терминологического определения указанного вида сотрудничества, его сущность едина – это совместная деятельность: различных государств в сфере правовой регламентации соответствующих аспектов борьбы с преступностью; международных судебных и полицейских органов; специализированных органов различных государств по *предоставлению профессионально-технической помощи в борьбе с преступностью* (курсив мой. – П. А.), розыске и задержании лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении преступлений, их выдачи и др.; международных негосударственных организаций» [20, с. 19]. На наш взгляд, сложно полностью согласиться с данным утверждением, поскольку «предоставление профессионально-технической по-

мощи в борьбе с преступностью» не входит в рамки международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, а представляет собой лишь вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью.

2. Указанные выше категории имеют различия. Не все действия, совершаемые в рамках международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью³, являются процессуальными действиями⁴. В ходе такого сотрудничества особое место занимают организационные действия, к примеру, по оказанию технической помощи. В то же время у международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, помимо борьбы с преступностью, имеются и другие задачи, например, защита прав человека.

3. Большинство международно-правовых актов не определяют правовую помощь по уголовным делам как вид борьбы с преступностью⁵.

Следует указать, что **вопрос о соотношении понятия международного сотрудничества в сфере уголовного процесса и международно-правовой помощи по уголовным делам** занимает одно из центральных мест в ряду проблем правовой регламентации сотрудничества государств в целом и их компетентных органов в сфере уголовного про-

1 Например, в тексте УПК РТ не говорится о борьбе с преступностью, хотя предусмотрены *элементы* борьбы с преступностью, например, предупреждение преступлений, раскрытие преступлений; привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление (ст. 2 УПК РТ, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (в ред. Закона РТ от 03.01.2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан (АМО РТ). – 2009. – № 12. – Ст. 815, 816); Кроме того, у уголовного судопроизводства есть и другие задачи: укрепление законности и правопорядка, уважение закона, прав и свобод человека и гражданина, осуществление судебной справедливости; обеспечение защиты от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае обвинения или осуждения невинового – незамедлительной его реабилитации.

2 Надо отметить, что кроме правовой помощи по уголовным делам данные конвенции предусматривают нормы о других институтах международного сотрудничества по уголовным делам, например, о выдаче лиц (Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Дата депонирования, ратификации (присоединения) для Республики Таджикистан – 29.05.2002 // АМО РТ. – 2002. – № 1. – Ст. 21 @@ Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // АМО РТ. – 2007. – № 10. – Ст. 832.

3 Например, в рамках следующих международно-правовых договоров: Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами (Нью-Йорк, 2 декабря 1949 г.) (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – № 1. – Ст. 6) @@ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 16 декабря 1997 г.) (ЦБПИ РТ «Адлия». Версия 7.0. По состоянию на 1 сентября 2024 г.) @@ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) (АМО РТ. – 2004. – № 2. – Ст. 107) @@ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.) (АМО РТ. – 1995. – № 22. – Ст. 325) @@ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.) (АМО РТ. – 2004. – № 6. – Ст. 39) @@ Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.) (АМО РТ. – 2007. – № 22. – Ст. 324).

4 Часть 3 ст. 1 Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в борьбе против терроризма, организованной преступности и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, и других преступлений непосредственно «...не затрагивает вопросов выдачи и правовой помощи по уголовным делам». (Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в борьбе против терроризма, организованной преступности и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, и других преступлений от 10 июня 2014 г. // ЦБПИ РТ «Адлия». Версия 7.0. По состоянию на 11 января 2024 г.

5 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также Соглашение между Правительством РТ и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью от 27 мая 2003 г., Соглашение между Правительством РТ и Правительством Арабской Республики Египет о взаимодействии в сфере борьбы с преступностью от 5 февраля 2007 г. не предусматривают международного сотрудничества по уголовным делам. Данные международно-правовые акты только регулируют международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. (Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // АМО РТ. – 2001. – № 11. – Ст. 689 @@ Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью от 27 мая 2003 г. // ЦБПИ РТ «Адлия». Версия 7.0. По состоянию на 20 мая 2024 г. @@ Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Арабской Республики Египет о взаимодействии в сфере борьбы с преступностью от 5 февраля 2007 г. // АМО РТ. – 2008. – № 2. – Ст. 135.

цесса в частности. Это связано с тем, что в науке уголовного права и процесса до сих пор не сформировано единого подхода к разделению данных понятий. Многие причину такой ситуации видят в том, что она досталась в наследство от советского уголовного процесса.

В советском уголовном процессе международное сотрудничество по уголовным делам имело следующие особенности: во-первых, осуществление регламентации международного сотрудничества по уголовным делам наряду с другими видами международного сотрудничества, например, по гражданским и семейным делам; во-вторых, отсутствие в рамках национального советского процессуального законодательства всесторонней регламентации международного сотрудничества по уголовным делам; в-третьих, понимание как равнозначных понятий «международная правовая помощь» и «международное сотрудничество» по уголовным делам в международных договорах и советской науке.

Например, В. П. Шупилов определял правовую помощь по уголовным делам «как осуществление компетентными органами одной из договаривающихся стран действий, выполнение которых необходимо для расследования, рассмотрения в суде уголовного дела или для исполнения назначенного по делу наказания в другой договаривающейся стране» [36, с. 86]. Он рассматривал вопросы о выдаче лиц в рамках международной правовой помощи по уголовным делам.

Есть авторы, которые пытаются полностью отделить друг от друга международное сотрудничество государств и международную правовую помощь, рассматривая их как полностью автономные явления. Ясно, что сегодня подобная точка зрения устарела. Л. М. Гардоцкий полагает, «что сотрудничество означает выполнение определенных действий как форму участия в совместной деятельности, а оказание же правовой помощи - только то, что делается в случаях, когда речь идет о деле, затрагивающем исключительно интересы государства, которое обращается за помощью» [12, с. 61]. Международная правовая помощь, как мы увидим далее, входит в международное сотрудничество, т.е. является не отдельным от него явлением, а одним из институтов сотрудничества.

В настоящее время некоторые ученые определяют понятие международно-правовой помощи по уголовным делам как схожее с понятием международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. По мнению М. В. Давыдовой, ряд авторов, определяя понятие взаимной правовой помощи по уголовным делам, рассматривают правовую помощь только в «широком» смысле [16, с. 35-36]. Среди приверженцев данной позиции следует указать В. М. Волженкину [11, с. 34], В. И. Самарину [29, с. 211] и др. Указанные авторы, в частности, включают в понятие международно-правовой помощи по уголовным делам выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора и передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. На наш взгляд, эти действия по своей юридической природе отличаются от международно-правовой помощи по уголовным делам. Международно-правовая помощь по уголовным делам не охватывает институты выдачи лица и передачи лица.

Рассматривая определение правовой помощи в системе международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам, М. П. Глумин отмечает, что «её следует рассматривать с точки зрения ограничительного толкования, т.е. как вид международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, ибо понятия «международное сотрудничество» и «международно-правовая помощь» по уголовным

делам не равны по объему и содержанию правоприменительных действий, а соотносятся как целое и часть» [14, с. 96].

В современной научной литературе и в действующем законодательстве постсоветских государств используются такие понятия, как *правовая помощь по уголовным делам*,⁶ *взаимная правовая помощь по уголовным делам* [25, с. 25], *оказание правовой помощи по уголовным делам*,⁷ *международно-правовая помощь по уголовным делам*.⁸

Можно дискутировать по поводу определения каждого из этих понятий. *Правовая помощь оказывается в рамках системы правоохранительных органов одного государства*. Например, информационно-правовая помощь между органами прокуратуры и органами следствия в рамках одного государства. Но в юридической литературе эти понятия используются как синонимы. В любом случае не надо забывать, что у *международно-правовой помощи по уголовным делам* есть международный элемент – это *правовая помощь по уголовным делам, осуществляемая с иностранными государствами (экстерриториальная юрисдикция) и международными организациями (универсальная юрисдикция)*.

Принцип экстерриториальной юрисдикции действует в то время, когда правовая помощь оказывается вне пределов границ независимых государств. *Принцип универсальной юрисдикции* не зависит от границ, правовая помощь может оказываться даже на территории одного государства. Как известно, международные организации находятся на территории того или иного государства. Например, Международный уголовный суд (далее – МУС) – на территории Нидерландов, Интерпол и Европейский суд по правам человека – на территории Франции. Нидерланды и Франция независимо от того, что эти международные организации находятся на их территории, обращаются за правовой помощью по уголовным делам к этим международным организациям на основе *принципа компетентности*. У МУС есть широкие полномочия: он может проводить свои судебные заседания на территории любого государства-участника.

В научной литературе предлагаются различные понятия международной правовой помощи по уголовным делам. По мнению В. В. Милинчук, «правовая помощь по уголовным делам может быть определена как основанная на внутреннем законодательстве деятельность компетентных органов запрашиваемого государства по исполнению в соответствии с условиями международного договора ходатайств компетентных органов запрашивающего государства о производстве на территории запрашиваемого государства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательств по расследуемому в запрашивающем государстве уголовному делу» [25, с. 25].

Д. В. Шинкевич пишет: «Правовая помощь по уголовным делам - это взаимное содействие государственных органов и должностных лиц РФ и компетентных органов и должностных лиц иностранных государств, осуществляемое в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ, международными договорами РФ либо на основе

6 См.: Закон Азербайджанской Республики «О правовой помощи по уголовным делам» от 29 июня 2001 г. № 163-ІІQ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2609 (дата обращения: 20.08.2024).

7 См.: Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню. – 1996. – № 10).

8 См.: Закон Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» от 18 мая 2004 года № 284-З. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=6484 (дата обращения: 20.01.2020).

принципа взаимности, посредством направления или исполнения международного запроса о производстве процессуальных действий в целях принятия законного решения по расследуемому уголовному делу» [36, с. 52].

Во всех указанных определениях правовой помощи не сказано о взаимодействии с международными организациями. В настоящее время роль международных организаций в оказании международно-правовой помощи по уголовным делам значительна. Раздел 18 УПК РФ определяет порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями.

По нашему мнению, *международно-правовая помощь по уголовным делам* – это осуществляемое в установленном уголовно-процессуальным законодательством государств и международно-правовыми актами взаимодействие государственных органов и должностных лиц с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями, процессуальные действия в целях собирания и проверки доказательств и иное процессуальное содействие для правильного разрешения уголовного дела.

Под иным содействием для правильного разрешения уголовного дела понимается правовая помощь в организации совместных следственных и следственно-оперативных групп, получения ориентирующей информации [31, с. 111-129] и т.п.

Для правильного определения понятий «международное сотрудничество» и «международная правовая помощь» по уголовным делам необходимо исходить из их внутренней структуры, которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений.

По мнению В. В. Милинчук, «осуществление уголовного преследования, выполнение процессуальных действий, розыск и экстрадиция преступников, передача осужденных для отбывания наказания – это самостоятельные правовые институты» [25, с. 19]. По нашему мнению, не всё из перечисленного можно считать правовым институтом. Например, осуществление уголовного преследования, выполнение процессуальных действий не являются правовыми институтами. Институт права – это совокупность однородных правовых норм, регулирующих конкретную сферу общественных отношений.

Можно в теоретическом аспекте поспорить о юридической природе каждого института, который отмечает В. В. Милинчук. Для признания института права необходима совокупность однородных правовых норм, которые предусмотрены в международных договорах или уголовно-процессуальном законодательстве. В настоящее время есть отдельные нормы об осуществлении уголовного преследования, но нет совокупности однородных правовых норм.

Мы не исключаем возможности введения в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса института «осуществления уголовного преследования»⁹. В

рамках национального уголовно-процессуального законодательства, регулирующего международное сотрудничество в сфере уголовного процесса, введение этого института не представляет сложности. Но вряд ли государство будет заключать отдельный договор только по вопросу осуществления уголовного преследования. Другая теоретическая возможность: допустим, признать в качестве самостоятельных «институтов» оказание правовой помощи при производстве процессуальных действий и осуществлении уголовного преследования и в рамках «гиперинститута» – международно-правовой помощи – регламентировать вопросы названных институтов.

В последнее время, в теории уголовного процесса разными авторами предлагается внедрение института осуществления уголовного преследования в уголовный процесс (в плане международного сотрудничества). Например, Д. В. Шинкевич полагает, что «введение этого нового института в российский уголовный процесс должно способствовать выработке конкретных предложений по совершенствованию правовых основ осуществления уголовного преследования и рекомендаций по их реализации» [35, с. 12]. На наш взгляд, новый институт, который находится в стадии формирования в большинстве постсоветских стран, должен называться «передача уголовного процесса», а не «передача материалов дела (уголовного дела) для продолжения уголовного преследования» или «осуществление уголовного преследования», поскольку при направлении материалов дела продолжаются не только уголовное преследование, но и защита и разрешение дела [2, с. 76-88].

Несомненно, выдача лиц (экстрадиция) является самостоятельным правовым институтом. Данной позиции, в частности, придерживается и А. Г. Волеводз, который отмечает следующее: «Первым известным правовым институтом в сфере международного сотрудничества, который впоследствии стал непосредственно связан с уголовным процессом, является институт экстрадиции (выдача лиц, совершивших преступление)» [10, с. 67].

Оформление международного института взаимной правовой помощи по уголовным делам выразилось в создании комплекса специальных договорных норм, зафиксированных в отдельных договорах либо отдельных разделах договоров, регулирующих межгосударственные отношения в процессе взаимной правовой помощи по уголовным делам [25, с. 19].

Международно-правовая помощь по уголовному делу – самостоятельный институт. Он не может охватывать и регулировать правовые нормы других институтов, например, выдачу и передачу лиц. Выдача и передача лиц в рамках международного сотрудничества по уголовным делам имеют общие черты, например, передачу от одного суверенного государства в другое, но имеют также существенные различия по целям, задачам и субъектам сотрудничества. Особенности их различия нами будет рассмотрены далее в нашем исследовании. Существует более широкая структура в рамках отрасли права, которая охватывает правовые нормы всех

в порядке принятия» (Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=7;-144 (дата обращения: 06.08.2024) @ Раздел 15 УПК Латвии говорит о «Принятии уголовного процесса» (гл. 67-68). (Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 11 мая 2005 г. [Criminal Procedure Law of the Republic of Latvia]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/107820-criminal-procedure-law> (дата обращения: 08.08.2024). Но в большинстве постсоветских стран этот институт ещё находится в процессе формирования.

9 Необходимо признать, что в ряде постсоветских государств передача уголовного судопроизводства уже сформировалась как институт. Например, УПК Эстонии в рамках отдельного раздела предусматривает вопросы «Передачи и принятия уголовного производства» (Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-protsessualnyu-kodeks> (дата обращения: 14.08.2024). Глава 45 УПК Украины, называемая «Уголовное производство

названных институтов, - это *международное сотрудничество в сфере уголовного процесса*.

Необходимо отметить, что при выдаче и передаче лиц в национальном законодательстве применяются нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Но международно-правовая помощь по уголовным делам – это институт, который в национальном законодательстве имеет исключительно процессуальный характер. И это в любом случае предопределяет самостоятельность международного сотрудничества в сфере уголовного процесса независимо от прочих видов сотрудничества. Через парадигму международно-правовой помощи можно определить правовую природу международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. **По вопросу о статусе международно-правовой помощи по уголовным делам** и ее месте в системе международного права до настоящего времени в научных кругах нет единого мнения. Еще дореволюционный ученый Ф. Ф. Мартенс отмечал: «Международное уголовное право включает в себе совокупность юридических норм, определяющих условия *международной судебной помощи* (курсив мой. – П. А.) государств друг другу при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения» [22, с. 243-244].

По мнению Ф. Ф. Мартенса, правовая помощь по уголовным делам - это часть международного уголовного права. Как справедливо пишет В. В. Миличук, «данное определение наглядно показывает взаимосвязь и взаимозависимость норм международного и уголовно-процессуального права в контексте того, что Ф. Ф. Мартенс именует «международным уголовным правом», а в современном понимании - международное сотрудничество в сфере осуществления уголовного судопроизводства» [25, с. 18].

В. В. Табалдиева указывает, что «международная правовая помощь по уголовным делам, будучи формой сотрудничества государств в борьбе с преступностью, сформировалась в качестве самостоятельного межотраслевого института, получившего достаточно широкую правовую регламентацию на международном и национальном уровнях» [30, с. 3].

Нельзя согласиться с позицией М. В. Давыдовой о том, что нормы о взаимной правовой помощи по уголовным делам входят в *международное уголовное право* (!) как самостоятельный правовой институт и закрепляются в многосторонних международных договорах общего и регионального характера, а также в двусторонних международных договорах [16, с. 34], т.е. по её мнению международно-правовая помощь по уголовным делам - это институт *международного уголовного права*. Однако для правильного ответа на этот вопрос сначала надо определить, что такое *международное уголовное право*.

Как отмечает Н. Ф. Кузнецова, «международное уголовное право представляет собой, во-первых, подсистему общего международного права, охватывающую антикриминальное законодательство, и, во-вторых, подсистему системы внутреннего уголовного права об ответственности физических и юридических лиц за международные преступления» [6, с. 8].

Как нормы международно-правовых актов могут иметь антикриминальное значение, а уголовный кодекс – регулировать отношения в сфере международно-правовой помощи по уголовным делам? Это невозможно.

В. Г. Киселев критикует позицию сторонников правовой отрасли международного уголовного права (М. Кальво, Донеде де Вабр, Ф. Маркуш, Барт де Шуттер) за то, что они объединяют нормы, посвященные правовому сотрудничеству государств в расследовании и судебном рассмотрении

уголовных дел, с нормами, касающимися борьбы с международными преступлениями [17, с. 9].

Но В. Г. Киселев не указывает, какое место международно-правовая помощь по уголовным делам занимает в системе международного права. Международно-правовая помощь по уголовным делам является межотраслевым институтом и базируется на нормах международного и уголовно-процессуального права. Международное право - это система права, а международно-правовая помощь по уголовным делам входит в отрасль *международного уголовного процесса*.

П. Н. Бирюков считает, что *международное уголовно-процессуальное право* - это подотрасль международного сотрудничества в борьбе с преступностью [4, с. 16]. Он не считает, что международное сотрудничество в борьбе с преступностью является подсистемой международного права. По нашему мнению, международное сотрудничество в борьбе с преступностью - это не отрасль и не подсистема международного права. Вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью решаются в рамках международного *уголовного права*.

«Международное уголовно-процессуальное право, находящееся в стадии становления ... Они представляют собой самостоятельный международно-правовой институт в общей системе норм, кодифицирующей международное уголовно-процессуальное право», - пишет Л. В. Лазутин [19, с. 17-18]. Кроме того, в современной литературе пишут о «зарождении международного уголовного процесса» [13, с. 100], «достижениях в сфере уголовно-процессуального права», об «отражении современных подходов в области международного уголовного процесса» [1, с. 26-28] и др. [24, с. 408].

Под международным процессуальным правом И. М. Махнборода понимает «самостоятельную отрасль международного права, состоящую из принципов и норм, комплексно регулирующих международные отношения, складывающиеся в процессе организации и проведения международного судопроизводства, а также обеспечения его эффективности» [23, с. 10].

По нашему мнению, международное уголовно-процессуальное право как самостоятельная область международного права сформировалось в XXI в. В основе новой отрасли международного права находятся:

1. Массовое заключение договоров в сфере уголовно-процессуальных отношений.
2. Рекомендательные акты ООН, например, пересмотренный типовой договор ООН о взаимной правовой помощи в уголовных делах и др.¹⁰
3. Действия международных организаций – Международного уголовного суда (МУС), Европейского суда по правам человека, Интерпола и др. В научной литературе, в аппарате международного права имеются понятия «международный орган», «международная организация» и «орган международной организации». О. И. Рабцевич полагает, что международный орган уголовной юстиции – это любая организационная структура, функционирующая на постоянной или временной основе, действующая на основании международного права и в соответствии с ним, созданная государствами или международной организацией в целях осуществления уголовного преследования и правосудия по уголовным делам [28, с. 7, 15].

10 См. подробнее: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк: ООН, 2016. – С. 403-462.

Таким образом, можно утверждать, что международное уголовно-процессуальное право - это новая отрасль международного права.

Международный уголовный процесс – это признанный как международным сообществом, так и на государственном уровне способ защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, а также взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций на основе международно-правовых актов.

Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса состоит из следующих институтов:

- 1) международно-правовая помощь по уголовному делу;
- 2) передача уголовного процесса;
- 3) выдача лиц (выдача лица для разрешения дела или исполнения приговора);
- 4) передача лиц (передача осуждённого лица для отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является, передача лица в МУС и др.);
- 5) передача имущества.

Существует ошибочное мнение, что международное сотрудничество является межотраслевым институтом [5, с. 5]. Подотрасль международного сотрудничества по уголовным делам входит в международный уголовный процесс и уголовный процесс. В некоторых научных трудах это подотрасль именуется как «право международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства» [8, с. 378]. Этот подход является удачным для постсоветских стран, поскольку из 15 стран 14 стран регламентируют данный вопрос в УПК, а одно государство – посредством принятия отдельного закона о международном сотрудничестве в сфере уголовного права (Грузия). Если имеется отдельный закон о международном сотрудничестве по уголовным делам или закон о международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса, то всё равно «международное сотрудничество в сфере уголовного процесса» ни в коем случае не является «автономной» отраслью права.

Назначение международного сотрудничества по уголовным делам в настоящее время - это решение задач для достижения целей уголовно-процессуальной деятельности. Это дает возможность для формирования новых институтов и субинститутов международного сотрудничества, сотрудничества государств с международными организациями по уголовным делам, по передаче уголовного судопроизводства, международного сотрудничества по защите участников уголовного судопроизводства и др.

Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса – это подотрасль уголовно-процессуального права, включающая нормы национального законодательства и международного права, регулирующие порядок взаимодействия уполномоченных органов (судов, прокуроров, следователей и органов дознания) с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями по вопросам, связанным с осуществлением предварительного расследования и судебного производства, привлечением к уголовной ответственности и наказанием лиц, а также исполнением приговора и иных судебных итоговых решений. Оно состоит из следующих институтов: 1) международно-правовой помощи по уголовным делам; 2) передачи уголовного процесса; 3) выдачи лиц (выдачи лица для разрешения дела или исполнения приговора); 4) передачи лиц (передачи осуждённых

лиц для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются, передачи лиц в МУС и др.); 5) передачи имущества.

Постсоветские государства постепенно имплементируют данные положения формирующихся институтов. В настоящее время сотрудничество государств с международными организациями по уголовным делам имеет ряд проблем и сложностей, но мы уверены, что в будущем эти проблемы будут устранены, и такое сотрудничество принесет свои плоды в деле борьбы с преступностью и защиты прав человека. Субинституты международного сотрудничества развиваются быстрыми темпами, большинство этих субинститутов входят в институт международно-правовой помощи по уголовным делам. Дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере уголовного процесса требует систематизации традиционных действующих институтов развития и регламентации новых субинститутов.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время процедуры, требования, действия и др. в сфере международного сотрудничества часто меняются. С появлением новых вызовов, угроз и новых ценностей необходимо постоянно совершенствовать нормы международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. Если механизмы международного сотрудничества по уголовным делам будут работать неэффективно, то взамен этих правовых механизмов будут использоваться другие механизмы, которые не являются правовыми или действуют в обход существующих механизмов международного сотрудничества. Например, взамен выдачи лиц будут использоваться похищение, выдворение, депортация, «упрощенная выдача» – без запроса и без оформления процессуальных документов, без процессуальных гарантий и т.п. Нельзя нарушать права человека в процессе международного сотрудничества по уголовным делам или применения отдельных институтов международного сотрудничества, поскольку одной из фундаментальных задач международного сотрудничества в сфере уголовного процесса является защита прав человека, которая должна решаться одновременно с задачей борьбы с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллоев П. С. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах. – М., 2021. – 464 с.
2. Абдуллоев П. С. Формирование института передачи уголовного судопроизводства в рамках международного сотрудничества на постсоветском пространстве// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2015. – № 12. – С. 76-88.
3. Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975. – 264 с.
4. Бирюков П. Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. дис ... докт. юрид. наук. – Казань, 2001. – 42 с.
5. Быкова Е. В., Выскуб В. С., Хайруллина Г. А. Развитие института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в рамках СНГ. – М., 2012. – 296 с.
6. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учеб. пособие / Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова; отв. ред. В. С. Комиссаров. – М., 2009. – 288 с.
7. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки,

- источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117.
8. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: от тенденций развития к самостоятельной теории // Актуальные проблемы сравнительного и международного уголовного права: сборник научных трудов: к 15-летию кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. – М., 2016. – С. 239-273.
9. Волеводз А. Г. Об одном процессуально-криминалистическом аспекте международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Грищенко. – М., 2016. – С. 355-362.
10. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2002. – 462 с.
11. Волженкина В. М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества. – СПб., 2000. – 112 с.
12. Гардоцкий Л. М. Международное сотрудничество по уголовным делам // Соц. законность. – 1979. – № 6. – С. 61.
13. Глотова С. В. Особенности международного уголовного судопроизводства (на примере Международного уголовного суда) // Российский юридический журнал. – 2011. – № 3. – С. 99-110.
14. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – 274 с.
15. Гуценко К. Ф. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К. Ф. Гуценко. – М., 2005. – С. 664-678.
16. Давыдова М. В. Основания и порядок осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 232 с.
17. Киселев В. Г. Правовая помощь по уголовным делам в договорах СССР с другими социалистическими государствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1978. – 23 с.
18. Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. – М., 2016. – 1278 с.
19. Лазутин Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2009. – 434 с.
20. Лешукова И. В. Некоторые аспекты международного сотрудничества по новому УПК Украины // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 1. – С. 18-20.
21. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Томсинова. – М., 2008. – 368 с.
22. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2 / Под ред. В. А. Томсинова. – М., 2008. – 432 с.
23. Махниборода И. М. Международное процессуальное право и международное судопроизводство: особенности взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 239 с.
24. Мезяев А. Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – 408 с.
25. Милинчук В. В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: общие условия оказания и формы (действующая практика и перспективы развития): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 330 с.
26. Михайлов В. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. – М., 2011. – 160 с.
27. Нерсесян В. С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. – М., 1999. – 552 с.
28. Рабцевич О. И. Органы международной уголовной юстиции. – М., 2008. – 594 с.
29. Самарин В. И. Международная правовая помощь // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – Минск, 2009. – С. 211.
30. Табадиева В. Ш. Уголовно-процессуальный статус субъектов международной правовой помощи по уголовным делам: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – 49 с.
31. Устинов А. В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу: монография / Под науч. ред. А. Г. Волеводза. – М., 2014. – 200 с.
32. Феоктистова Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 27 с.
33. Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – М., 2009. – С. 446-458.
34. Шинкевич Д. В. Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранными государствами: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 257 с.
35. Шинкевич Д. В. Осуществление уголовного преследования в рамках международного сотрудничества: учеб. пособие. – Красноярск, 2009. – 68 с.
36. Шупилов В. П. Международная правовая помощь по уголовным делам // Сов. гос. право. – 1974. – № 3. – С. 85-91.

ВАТУТИНА Оксана Юрьевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, адвокат ННО «АК «АЛИБИ»

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ДОКАЗЫВАНИИ, КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ОСОБОЙ МОДЕЛИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящей статье исследуется модель судебной экспертизы, реализуемая в уголовно-процессуальном праве России через призму построения идеальной или теоретической модели судебной экспертизы. Идеальная модель судебной экспертизы определяется автором на основе исследования и сравнительного анализа континентальной и англо-американской моделей судебных экспертиз, а также модели судебной экспертизы, реализуемой в современном российском уголовном процессе. В статье выявляется неоднозначность позиции об отнесении англо-американской модели судебной экспертизы к состязательной модели и её фактическое несоответствие критериям состязательности. Определяются особенности континентальной модели судебной экспертизы. Выявляется специфика модели судебной экспертизы, реализуемой в современном уголовном процессе России. Автор формулирует существенные элементы идеальной модели судебной экспертизы и приводит анализ существующих моделей судебной экспертизы с опорой на наличие или отсутствие её существенных элементов.

Ключевые слова: модель судебной экспертизы, специальные знания, научные доказательства, специалист, доказывание.

VATUTINA Oksana Yurjevna

senior lecturer of Criminal process and criminology sub-faculty, St. Petersburg State University, lawyer of the NGO «AK «ALIBI»

THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN PROVING, AS A FORM OF IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS OF A SPECIAL MODEL OF FORENSIC EXAMINATION

This article examines the model of forensic examination implemented in the criminal procedure law of Russia through the prism of building an ideal or theoretical model of forensic examination. The ideal model of forensic examination is determined by the author on the basis of research and comparative analysis of the continental and Anglo-American models of forensic examinations, as well as the model of forensic examination implemented in modern Russian criminal proceedings. The article reveals the ambiguity of the position on the attribution of the Anglo-American model of forensic examination to the adversarial model and its actual inconsistency with the criteria of competitiveness. The features of the continental model of forensic examination are determined. The specifics of the forensic examination model implemented in the modern criminal process of Russia are revealed. The author formulates the essential elements of the ideal model of forensic examination and provides an analysis of existing models of forensic examination based on the presence or absence of its essential elements.

Keywords: forensic examination model, special knowledge, scientific evidence, specialist, proof.

Специальные знания в уголовном судопроизводстве используются в рамках определенной модели судебной экспертизы в тех видах и формах, которые обеспечивают решение задач уголовного правосудия. Классическим является деление моделей судебной экспертизы на континентальную и англо-американскую, которое осуществляется в зависимости от субъекта назначения экспертизы. При этом, в континентальной модели в качестве такого субъекта выступает уполномоченный представитель государства, то есть лицо, осуществляющее производство по уголовному делу и устанавливающего все его обстоятельства. В англо-американской модели судебной экспертизы предполагается равное участие как уполномоченного представителя государства со стороны обвинения, так и представителя стороны защиты, каждый из которых, участвуя в доказывании с использованием специальных знаний (научных доказательств), будучи субъектом доказывания, обладает возможностью самостоятельно инициировать производство экспертизы по уголовному делу.

Соответственно, англо-американская модель экспертизы обладает свойствами англо-американского типа уголовного процесса, основанного на принципах состязательности и в упрощенном виде сводится к спору двух процессуально равных сторон перед лицом беспристрастного суда. При этом, такой спор сторон может состоять как в споре экспертов, так и в споре представленных ими научных мнений, вы-

ражающемся в противопоставлении и сопоставлении представленных «противоборствующими» сторонами экспертов и их заключений, результатов допросов экспертов. Именно поэтому, в отношении англо-американской модели судебной экспертизы, зачастую, наравне с понятием «англо-американская экспертиза» употребляется формулировка «состязательная экспертиза» [7, с. 55].

Впрочем, англо-американская состязательность зачастую, в юридической науке подвергается критике, поскольку, на практике, теоретически независимый и объективный эксперт, обязанный оказывать помощь суду и присяжным, в действительности, имеет целью поддержать позицию той стороны, по инициативе которой, он вовлечен в процесс. Отдельные авторитетные ученые, такие, например, как М. Дамаска, ссылаются на «плохую адаптацию» англо-американского подхода к использованию специальных знаний в уголовном процессе, в принципе [8], поскольку, даже в состязательном процессе, стороны de facto находятся в неравном положении при назначении и проведении экспертизы. В качестве элементов неравенства М. Дамаска отмечает следующие: получение стороной защиты объектов для исследования в измененном виде (после стороны обвинения); отсутствие гарантированной финансовой помощи государства для стороны защиты; ограничение стороны защиты для поиска (привлечения) своего эксперта во времени [7, с. 57]. Неравен-

ство зависит от финансовой возможности привлекающей эксперта стороны и культивирует позицию о том, что более «эффективный» эксперт является более дорогостоящим. Как следствие, деятельность сторон по доказыванию имеет противоположный вектор направленности по отношению друг к другу и работает исключительно на отстаивание представленной позиции, а состязательность судебной экспертизы (расхождение между свидетельствами экспертов) формируется не в связи со сложностью и спорностью вопроса, а в связи с активностью (порой недобросовестностью) экспертов, отстаивающих позицию интересующую, представляемую ими сторону, ввиду особого к ней [стороне] расположения [10]¹. Таким образом, англо-американская состязательность, возведенная в статус эталона, в действительности не отвечает этому высокому стандарту.

Более того, состязательная экспертиза, это не определение для конкретной модели судебной экспертизы, а скорее общетеоретическое понятие, не имеющее в науке уголовного процесса легального определения. К вопросам состязательности экспертизы юридическая наука обращалась неоднократно. Состязательность экспертизы понималась по-разному, была предметом оживленных научных дискуссий, получила определенную поддержку в русской дореволюционной юридической литературе и отрицательно оценивалась отдельными советскими процессуалистами [2]. Однако, вопрос о «состязательной» модели судебной экспертизы в качестве универсальной теоретической модели не нашел своего отражения на доктринальном уровне, несмотря на то, что теоретическая модель современной судебной экспертизы, по своему правовому и содержательному статусу отлична от других экспертиз [6], предполагает большую гибкость, способную отвечать широкому кругу интересов и потребностей законодателя и правоприменителей.

Универсальная теоретическая модель - это идеализированная, абстрактная структура базового теоретического знания по исследуемому вопросу, состоящая из объектов, находящихся в строго определенных связях и отношениях друг с другом; это результат моделирования, отражающий содержание идеи, направленной на формирование теоретического знания. Построение и исследование моделей, то есть моделирование, облегчает процесс изучения имеющихся в реальной системе свойств и закономерностей. Анализ теоретической модели направлен на выявление особенностей, сходств и различий, моделей, существующих в реальности, на формирование соответствующих системных решений в целях развития или модернизации существующих моделей, определения тенденции развития реальных моделей судебной экспертизы конкретного типа.

Таким образом, более верным является использование формулировки «состязательная экспертиза» не для обозначения модели экспертизы конкретного типа, а для обозначения некой универсальной (идеальной) модели судебной экспертизы, в наибольшей степени отвечающей принципу процессуального равенства сторон, при её назначении, проведении и оценке. Именно, возможность каждой из сторон реально конкурировать при предоставлении и исследовании доказательств, полученных с использованием специальных

знаний, осуществлять проверку научной обоснованности и верифицируемости полученных, на основе научного знания, выводов, позволяет говорить об идеальности (стремлении к идеальности) модели судебной экспертизы, в которой такая форма реализуется.

Реальная конкуренция специальных знаний, имеет ключевое значение в первую очередь потому, что «судья, как и другие участники процесса, ... не всегда способны критически воспринимать экспертные данные и устоять перед магией доказательной науки. Во избежание этого, судья [и законодатель] должен, лишь создавать равные условия для состязательного обсуждения экспертного мнения в процессе, допуская альтернативные подходы и возможность опровержения любого, даже научного инструмента познания, а не разрешать научные споры» [1], поскольку, только опора на такой же уровень научного обоснования, путем обращения к иному эксперту или специалисту позволит надлежащим образом оценить мнение эксперта, уже имеющееся в материалах дела.

Таким образом, концепция идеальной «состязательной» модели судебной экспертизы, может быть рассмотрена, как единство трех составляющих: процессуальное равенство сторон в доказывании; равное право каждой из сторон самостоятельного вовлечения специальных знаний (научных доказательств) в уголовный процесс (конкурирующих научно-обоснованных мнений по исследуемому вопросу); обязательность перекрестного допроса лиц, обладающих специальными знаниями и сформировавших представленные заключения, с целью уяснения обоснованности, достоверности представленных заключений и устранения, возникших между ними противоречий.

Состязательность же применительно к модели судебной экспертизы, подразумевает конкуренцию между процессуально равными сторонами в возможности получения и представления доказательств, полученных с использованием специальных знаний (научных доказательств), направленную на получение объективного знания, а не как тип уголовного процесса, в котором она реализуется. Состязательность в данном случае выступает в качестве определяющего элемента степени идеальности модели судебной экспертизы, несмотря на то, что эффективность реальных моделей судебных экспертиз иностранных юрисдикций в конкретных заданных условиях не оспаривается, в независимости от их существенных различий и даже противоположностей [1].

Исходя из классического доктринального подхода, модель судебной экспертизы, реализуемая в российском уголовном процессе, относится к континентальной, с учетом субъекта её назначения. Однако, наличие сегодня в российском уголовном процессе фигуры специалиста, не позволяет данный подход признать однозначным. Введение заключения и показаний специалиста в уголовное судопроизводство в качестве доказательств, по мнению Л. В. Головкин явилось «попыткой имплементации в российский уголовный процесс экспертизы англо-американского типа» [4]² и реализацией тенденции моделей уголовного судопроизводства (и, соответственно, экспертизы) к конвергенции (от лат. *convergo* – сближаю) на уровне уголовно-процессуальной идеологии.

1 Так, например, классики англо-американского уголовного процесса Альберт Осборн и Генри Уигмор под «особым расположением» эксперта подразумевали выплату (или обещание выплаты) вознаграждения и предварительную консультацию со стороной (адвокатом стороны).

2 Ученые процессуалисты на протяжении длительного времени отмечали, что мнение единственного эксперта (заключение комиссии экспертов), положенное в основу приговора суда, предоставляет, эксперту (комиссии экспертов) фактически статус «научного судьи».

Отстаивая необходимость альтернативного научного мнения в уголовном деле в вопросах, связанных со специальными знаниями, «горячий поклонник экспертизы на суде, профессор Л. Е. Владимиров» [3] полагал возможной не умышленную деформацию единственного экспертного мнения, которое формируется на основе интерпретации воспринимаемых явлений самим лицом, проводящим исследование под воздействием естественных процессов. В связи с чем, научным сообществом, ощущающим несовершенство реализуемых моделей судебной экспертизы, предлагались различные идеи их реорганизации (совершенствования), демонстрируя стремление как научного сообщества, так и практиков к идеальности модели судебной экспертизы в уголовном процессе.

В итоге, «потребность» конкуренции специальных знаний в российском уголовном процессе была реализована посредством появления нового участника уголовного процесса – специалиста, который стал началом модернизации модели судебной экспертизы российского уголовного процесса, и по мнению, многих ученых-процессуалистов, реализацией принципа состязательности. А, поскольку, «эталон» состязательности, как уже было отмечено ранее, воспринимается англо-американская модель судебной экспертизы, российским уголовным процессом была реализована модель судебной экспертизы, близкая экспертизе англо-американского типа.

Так, в странах общего права эксперт, в независимости от того, какой из сторон он «принадлежит», свое заключение основывает на различных источниках, к которым относятся личные знания, факты, которые подтверждаются материалами уголовного дела, информация, полученная экспертом в ходе уголовного судопроизводства, то есть, действует фактически в той же форме, что и специалист в российском уголовном процессе, который может ограничиться дачей своего суждения по поставленным перед ними вопросам, и без проведения исследования.

Прямая аналогия между экспертом со стороны защиты в англо-американской модели судебной экспертизы и специалистом в российской, позволяет говорить о «конвергентной эволюции» института судебной экспертизы в российском уголовном процессе. Равноправие между сторонами при использовании специальных знаний в англо-американском процессе, реализуется путем получения и предоставления экспертизы стороной защиты. Применительно к российскому уголовному процессу, заключение специалиста, представленное стороной защиты определяют в качестве «альтернативной экспертизы».

Таким образом, в результате конвергенции происходит соединение декларируемой конкуренции специальных знаний англо-американского процесса, сводящейся на практике к конкуренции авторитетов экспертов, их представляющих с преимуществом и достоинством континентальной модели экспертизы, позволяющей преодолеть проблемы спора сторон с неравными возможностями [9] и минимизировать конфронтацию за счет возможности получения альтернативных специальных знаний на досудебной стадии, «снижающих вероятность возникновения «борьбы экспертов» в рамках судебного разбирательства [11].

Итак, классические модели уголовного процесса в сфере использования специальных знаний, идут по пути модернизации: в континентальном уголовном процессе отмечается расширение прав стороны защиты, усиливаются элементы состязательности; в государствах с англо-американским ти-

пом процесса, отмечаются заимствования из континентального процесса (подхода) в целях преодоления несовершенств состязательной экспертизы [5]³, которая выражается в сложности оценки противоречивых заключений экспертов сторон и потенциальной вероятности их недостоверности.

Соответственно, ключевые недостатки классических моделей судебной экспертизы, среди которых, для англо-американской, признаваемая заинтересованность экспертов и неразрешимая коллизия научных мнений, для континентальной, отсутствие в деле альтернативного мнения лица, обладающего специальными знаниями и «подчиненность» результатов экспертизы лицам, осуществляющим производство по делу, минимизируется в современной российской модели судебной экспертизы (которую, в связи с этим можно выделить в качестве самостоятельной модели судебной экспертизы). Модель судебной экспертизы, реализуемой сегодня в российском уголовном процессе является симбиозом двух моделей – англо-американской и континентальной, направленной на минимизацию их недостатков.

Таким образом, особая форма использования специальных (научных) знаний, в российском уголовном процессе, несмотря на его принадлежность к континентальной правовой семье, формирует самостоятельную российскую модель судебной экспертизы, отличную от иных моделей, реализуемых в других правовых порядках.

Пристатейный библиографический список

1. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Решетникова И. В. Можно ли доверять эксперту или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. - 2019. - № 10. - С. 43-54.
2. Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. - М., 1949. - С. 71.
3. Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. - М.: Книга по Требованию, 2016. - С. 36.
4. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017. - С. 506.
5. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. - М., 1946. - С. 124.
6. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма Инфра-М, 2013. - С. 21, 22.
7. Самутичева Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. - С. 55, 57.
8. Damaska M.R. Evidence law adrift. - New Haven & London. 1997. - P. 147.
9. Meintjes-van der Walt L. Expert evidence in the criminal justice process: a comparative perspective. - Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2001. - P. 137.
10. Osborn A. The problem of proof. - 1922. - P. 329.
11. Redmayne M. Expert evidence and criminal justice. - Oxford: Oxford University Press, 2001. - P. 210.

3 В попытке устранить формализацию состязательности, высказывалась идея о введении в уголовный процесс отдельных штатов процедуры назначения эксперта судом, однако, впоследствии, этот закон был признан неконституционным, как наделяющий эксперта судебной властью.

ДЕМИЧЕВА Татьяна Сергеевна

преподаватель-методист, Центр командно-штабных учений, Академия управления МВД России

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА

В статье рассматриваются тенденции совершенствования уголовно-процессуальной формы в контексте развития и использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности. Анализируются подходы к понятию уголовно-процессуальной формы, а также к понятию информационных технологий в уголовном процессе и их взаимосвязи. Автор обращает внимание на важность ряда особенностей и условий использования информационных технологий на некоторых стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, информационные технологии, участники уголовного процесса, рассмотрение сообщения о преступлении, условия использования, цифровизация, обеспечение прав участников уголовного процесса.

DEMICHEVA Tatyana Sergeevna

lecturer-methodologist, Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the MIA of Russia

Демичева Т. С.

CRIMINAL PROCEDURE FORM OF INFORMATION TECHNOLOGY USE: CONCEPT AND PROPERTIES

The article considers the tendencies of improving the criminal procedure form in the context of the development and use of information technology in criminal procedure. The approaches to the concept of criminal procedure form, as well as to the concept of information technology in criminal procedure and their interrelation are analyzed. The author draws attention to the importance of a number of features and conditions of the use of information technology at various stages of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, information technology, participants in criminal proceedings, consideration of a crime report, conditions of use, digitalization, ensuring the rights of participants in criminal proceedings.

Уголовно-процессуальная форма является одним из ключевых понятий в уголовном процессе, поскольку в ней находит свое воплощение уголовное судопроизводство. Среди ученых нет единого мнения относительно сущности и содержания уголовно-процессуальной формы. Одни исследователи считают, что это порядок осуществления следственных, судебных действий, а также уголовного судопроизводства в целом [2, с. 71], другие отмечают, что уголовно-процессуальная форма представляет собой систему условий и требований, предъявляемых к уголовно-процессуальному закону, способствующих достижению задач уголовного судопроизводства [1, с. 18]. Мы согласны с позицией ученых, считающих, что уголовно-процессуальная форма – это, в первую очередь, способ организации элементов уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 11], поскольку уголовный процесс представляет собой сложную систему, имеющую устойчивую структуру взаимосвязанных между собой элементов.

Уголовно-процессуальная форма на протяжении длительного времени подвергалась различным изменениям. Не является исключением и современный период развития уголовно-процессуального законодательства в направлении цифровизации, который характеризуется активным использованием информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности. Как справедливо отмечают О. В. Химичева и П. О. Панфилов, в данном процессе необходимо учитывать не только техническую, но и процессуальную составляющую, которая требует своевременного изменения процессуальной формы с целью повышения как познавательных возможностей субъектов расследования, так и защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [7, с. 159].

Информационные технологии в уголовном процессе представляют собой совокупность программных продуктов и технических средств, с присущими им процессами и методами работы с информацией в процессе осуществления процессуальной деятельности. В практической деятельно-

сти используются различные виды информационных технологий: видео-конференц-связь, беспилотные летательные аппараты, технические комплексы, различные базы данных, системы осуществления взаимодействия участников уголовного процесса и др. Однако не все они оказывают влияние на уголовно-процессуальную форму и требуют закрепления в нормах уголовно-процессуального закона. Например, использование системы электронного межведомственного взаимодействия для направления запроса с целью получения информации по уголовному делу не требует изменения процессуальной формы, в то же время, использование электронной системы для направления ходатайства или жалобы требует наличия закреплённых в законе условий и порядка осуществления данных процессуальных действий. Поэтому законодателем был внесен ряд дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Например, дополнение закона статьёй 474.2, регламентирующей порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства. Данная норма не единственная в УПК РФ, с каждым годом все больше вносятся изменений, касающихся использования информационных технологий, регламентирующих как общие условия их использования (например, ст. 241.1 УПК РФ), так и порядок использования при производстве следственных действий (ст. 189.1 УПК РФ).

Как было отмечено ранее, уголовно-процессуальная форма – это система взаимосвязанных элементов, определенная структура. Таким образом, можно утверждать, что уголовно-процессуальная форма использования информационных технологий может быть представлена в широком смысле как совокупность условий и упорядоченная последовательность производства по уголовному делу в целом или на конкретном этапе с использованием информационных технологий, так и в узком смысле – как совокупность требований, предъявляемых к порядку их использования при производстве следственных и процессуальных действий.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальная форма использования информационных технологий имеет двойственную природу – техническую и правовую составляющие. Это обуславливает необходимость предъявления определенных требований не только к порядку использования технологий в уголовно-процессуальной деятельности, но и к самим техническим средствам, которые должны отвечать требованиям безопасности, научной обоснованности и др.

В уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран СНГ определены критерии допустимости использования технических средств в уголовном процессе. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан в части 3 статьи 126 «Научно-технические средства в процессе доказывания» указаны следующие критерии: использование научно-технических средств должно быть предусмотрено законом или не противоречить его нормам и принципам; такие средства должны обладать научной обоснованностью; безопасностью, а также обеспечивать эффективность расследования уголовного дела.

Анализируя указанную норму, следует подчеркнуть, что использование опыта зарубежных государств с целью совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, внедрение новых стандартов может привести к повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности. С другой стороны, закрепление каких-либо критериев может наполнить уголовно-процессуальный закон избыточными техническими предписаниями и усложнить порядок использования информационных технологий, что, в свою очередь, может усложнить процесс расследования, а также стать препятствием для обеспечения гражданам права на доступ к правосудию. Подобные изменения могут превратить «высокую» сферу уголовно-процессуального регулирования, в пошаговую инструкцию» [6, с. 367].

Поскольку одной из ключевых задач уголовно-процессуального закона является обеспечение прав участников уголовного процесса, при использовании информационных технологий важно учитывать, что они могут как облегчить доступ к правосудию, так и создать определенные риски. Например, в случае недостаточной защиты данных и неправомерного доступа к информации, права участников процесса могут быть серьезно нарушены. По нашему мнению, возможно использование зарубежного опыта с целью совершенствования отечественной уголовно-процессуальной формы с учетом существующей правоприменительной практики, однако требуется создание надежных механизмов, обеспечивающих защиту прав участвующих в уголовном процессе лиц.

Важно отметить, что свойства (особенности) уголовно-процессуальной формы использования информационных технологий могут отличаться в зависимости от задач, реализуемых на стадии или отдельном этапе уголовного процесса. Например, основная задача этапа рассмотрения сообщения о преступлении – незамедлительное реагирование на сообщение о преступлении; осуществление процессуальных и следственных действий по закреплению следов преступления; установление наличия или отсутствия в деянии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В соответствие с этим, уголовно-процессуальная форма использования информационных технологий на данном этапе должна обладать таким свойством как оперативность, что выражается в сокращении временных затрат на осуществление процессуальных действий. Кроме того, важным свойством на данном этапе является обеспечение доступности информации о процессуальной деятельности и принятых решениях по результатам проверки сообщения о преступлении, в том числе, в электронном виде.

В настоящее время законодатель подходит к вопросу использования информационных технологий «точечно», поэтапно дополняя УПК РФ нормами, регламентирующими использование информационных технологий при производстве некоторых процессуальных и следственных действий. Однако многие ученые-процессуалисты неоднократно высказывались о том, что процессы цифровизации «только

набирают обороты» [3, с. 26], и в скором времени вполне возможно формирование нового уголовного процесса, создание электронного уголовного дела. Безусловно, интеграция современных технологий в уголовный процесс представляет собой не только вызов, но и уникальную возможность для его трансформации в соответствии с потребностями правоприменительной практики. Однако, важно учитывать, что цифровизация – это не цель уголовного процесса, а лишь инструмент, основная функция которого заключается в оптимизации уголовного судопроизводства.

Различные нововведения, особенно в сфере информационных технологий, должны помогать оптимизировать существующий процессуальный порядок в соответствии с назначением уголовного судопроизводства, но ни в коем случае не вносить доктринальные изменения в сам уголовный процесс, и, как верно отметил Л. В. Головкин, «не создавать новый уголовный процесс» [4, с. 17]. В то же время с учетом значения и ценности процессуальной формы необходима разработка путей ее дальнейшего совершенствования, адаптации существующих технологий и разработки положений о внедрении новых.

Пристатейный библиографический список

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. С. 51; Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. Москва, 1981.
2. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва: Госюриздат, 1951. С. 33; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. Москва: Госюриздат, 1961.
3. Бессонов А. А. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 03 ноября 2023 года. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С.
4. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
5. Победин А. В, Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. Москва: Юрлитинформ. 2024.
6. Россинский С. Б. О «технических» проблемах законодательской политики в сфере уголовного судопроизводства // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законодательская политика и правоприменение в современной России», Саратов, 09 июня 2023 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023.
7. Химичева О. В., Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1.

ЗАГОРСКИЙ Геннадий Ильич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РФ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В статье проводится классификация формальных оснований по тяжести преступления, его категории и субъекту, в результате чего выделяются общие и специальные основания для условно-досрочного освобождения осужденного от наказания. Доказывается, что они оказывают влияние и на материальные основания для рассмотрения данного вопроса. На этой основе конкретизируются индивидуальные обстоятельства, подлежащие доказыванию при вынесении постановления об условно-досрочном освобождении от наказания в зависимости от субъекта. Предложено деление материальных оснований на общие и специальные. Уточняется содержание требований законности, обоснованности и мотивированности, предъявляемых к такому постановлению. На этой основе делается вывод о разделении постановления об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания на виды в зависимости от применяемых формальных и материальных оснований.

Ключевые слова: постановление, основания, формальные, тяжесть преступления, категория преступления, субъект, материальные, особенности, виды.

ZAGORSKIY Gennadiy Iljich

Ph.D. in Law, professor, professor of N. V. Radutnaya Criminal process law sub-faculty, Russian State University of Justice, honored lawyer of the RSFSR, honored scientist of the RF

COURT RULING ON CONDITIONAL PAROLE OF THE CONVICTED PERSON FROM SERVING THE SENTENCE

The article classifies formal grounds on the gravity of the crime, its category and subject, as a result of which the general and special grounds for conditional release of a convicted person from punishment are distinguished. It is argued that they also influence the substantive grounds for considering the issue. On this basis, individual circumstances are specified that must be proven when making a decision on parole, depending on the subject. It is proposed to divide material grounds into general and special. The content of the requirements of legality, reasonableness and motivation imposed on such a ruling is clarified. On this basis, a conclusion is made about dividing the ruling on the conditional early release of a convicted person from serving a sentence into types depending on the formal and material grounds applied.

Keywords: ruling, grounds, formal, severity of crime, category of crime, the subject, material, peculiarities, types.

В последние годы мы можем наблюдать в теории, а также в законодательстве и судебной практике повышенный интерес к средствам стимулирования правопослушного поведения осужденных. И одним из таких стимулов, выступающих в качестве поощрительного средства, которое побуждает осужденного к исправлению и ресоциализации, является институт условно-досрочного освобождения [1, с. 8, 13-14]. В связи с этим немало внимания уделяется вопросам его применения. Несмотря на это, мы можем утверждать, что в уголовно-процессуальной науке остаются неисследованными другие аспекты, связанные с постановлением суда о применении данного института. В частности, отсутствует понимание содержания этого постановления, особенностей предмета доказывания при его вынесении в зависимости от категории лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении этого института, а также не адаптированы требования, предъявляемые к нему.

Мы полагаем, что отсутствие знаний по этим вопросам оказывает влияние и на судебную практику, так как в настоящее время сохраняется немало число вынесенных постановлений об отказе в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного, признанных

судом апелляционной инстанции незаконными и необоснованными [2, с. 135-141]. Такая практика подрывает доверие осужденного к судебной власти и в конечном итоге вызывает сомнения в поддержке государством, что, в свою очередь, может оказывать обратное воздействие на дальнейшее поведение осужденного. Это позволяет утверждать, что устранение недостатка знаний по указанным вопросам имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Прежде всего, следует сказать, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является комплексным [3, с. 8]. Это обуславливает специфику не только данного института, но и содержания постановления о его применении. Оно содержит в себе несколько оснований, которые как определено в доктрине уголовного права делятся на формальные и материальные [4, с. 64-67], [5, с. 133].

К формальным основаниям относится факт отбытия осужденным определенного времени от назначенного приговором срока наказания. Надо отметить, что в теории уголовного процесса не уделялось достаточно внимания классификации срока, который необходимо отбыть для заявления ходатайства об условно-досрочном освобождении. Этот срок не является одинаковым для всех осужденных и зависит не

только от тяжести совершенного преступления. На наш взгляд, формальное основание следует делить на виды по категориям преступлений и субъектам. За некоторые категории преступлений установлены более длительные сроки отбывания наказания от назначенного приговором в качестве обязательного формального основания для условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания. Это обусловлено тяжестью таких преступлений и значимостью охраняемых свобод и интересов личности, общества и государства. К ним относятся преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и преступления, связанные с совершением террористического акта и с организацией и участием в террористической деятельности. Специальный срок предусмотрен и для осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Обратим внимание на то, что принцип гуманности нашёл своё воплощение и в формальных основаниях по отношению к конкретным субъектам. Это касается осужденных беременных женщин и женщин, имеющих ребёнка в возрасте до трёх лет, находящегося в доме ребёнка исправительного учреждения. Для них определяются сокращенный срок отбывания наказания от назначенного приговором. Данное правило направлено, в первую очередь, на соблюдение интересов ребёнка. Кроме того, в классификации по субъекту следует выделить военнослужащих, которым военным судом назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части [6, с. 311]. Отдельно надо выделить лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, для которых признаются особые формальные основания для условно-досрочного освобождения [7, с. 133-134]. Полный перечень таких оснований закреплён в положении ст. 79 УК РФ¹.

Рассмотрение формальных оснований по видам в зависимости от тяжести преступления, его категории и субъекту позволяет выделить среди них общие и специальные. На наш взгляд, это деление оказывает влияние и на материальные основания для условно-досрочного освобождения осужденного от наказания, что, безусловно, должно находить своё отражение в соответствующем постановлении. Общеизвестно, что к этим основаниям относится положительное поведение осужденного в период отбывания наказания [8, с. 327]. При этом его поведение регламентировано непосредственно нормами УИК РФ, в которых установлены порядок и режим отбывания наказания, основания наложения взыскания и его снятия, меры поощрения и другие вопросы. Такой комплексный межотраслевой правовой характер оказывает влияние на содержание требования законности рассматриваемого постановления. Оно должно быть основано на требованиях процессуального закона, регламентирующих порядок судебного разбирательства и содержать в себе указание на соблюдение формальных оснований, а именно отбытие определенного срока от назначенного приговором суда наказания в зависимости от тяжести преступления, его категории и субъекта. С учетом этого рассматриваемое постановление должно содержать ссылки на нормы УИК РФ, предусматривающие конкретные нарушения порядка отбывания наказания, вид

наложенного взыскания и меры поощрения, применяемые к осужденному. При этом должны учитываться и нормы других отраслей законодательства, которые могут быть применены при рассмотрении данного вопроса. В свою очередь, обоснованность рассматриваемого постановления связана, в том числе с предметом доказывания, который в зависимости от формальных оснований имеет свои особенности.

Надо отметить, что и Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении указывал на индивидуальный подход к каждому осужденному². Этот подход подразумевает исследование обстоятельств каждого осужденного с учетом его личности и категории преступления. И здесь можно говорить о том, что длительные сроки отбывания наказания как обязательное формальное основание обуславливают другой объем обстоятельств, подлежащих доказыванию. В первую очередь, это касается осужденных к пожизненному лишению свободы. Как отмечается в проведенных исследованиях, этот вид наказания влечёт для осужденных социальные и психологические трудности, включая отрыв от общества и постепенную потерю социальных связей, которые отмирают уже через 10 лет, в то время как такой осужденный должен отбыть не менее 25 лет [7, с. 134]. Из этого следует, что суду надлежит рассмотреть вопрос о психологическом состоянии такого осужденного, круг его общения в период отбывания наказания, отношение к воровским традициям [5, с. 135]. Специфика мест отбывания наказания таких лиц характеризуется не только наиболее строгим режимом, но и недостатком в профессиональной занятости.

И суду надлежит дать оценку поведению осужденного в этой ситуации, его готовности освоить новую профессию, его стремлению к возмещению причиненного преступлением вреда. Для этого необходимо изучить не только характеристику администрации учреждения, исполняющего наказание, но и исследовать личное дело осужденного. Следует сказать, что необходимость исследования этих обстоятельств не указана в законе, однако они выработаны в теории и судебной практике [7, с. 134].

На наш взгляд, особо следует выделить и отдельные обстоятельства, подлежащие доказыванию при вынесении постановления в отношении осужденного, которому было отменено условно-досрочное освобождение. В этом случае суду необходимо исследовать обстоятельства, характеризующие осужденного не только за период, предшествующий заявлению ходатайства, но и до ранее отмененного условно-досрочного освобождения, основания его отмены и обстоятельства, послужившие для этого.

По субъекту отдельно выделяется предмет доказывания при вынесении постановления об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания в дисциплинарной воинской части. Важно сказать, что в этом случае осужденный сохраняет правовой статус военнослужащего, что обуславливает отдельные правила отбывания наказания³.

2 См.: п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Российская газета. - 2009. - № 75.

3 См.: Постановление Правительства РФ от 04.06.1997 № 669 (ред. от 16.05.2024) «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части» // Собрание законодательства. 1997. № 23. Ст. 2697; Приказ Министра обороны РФ от 20.10.2016 № 680 (ред.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

И здесь суду следует учитывать обстоятельства, связанные с исполнением военнослужащим своих служебных обязанностей.

Рассмотренные положения позволяют классифицировать материальные основания, выделив общие и специальные, что, в свою очередь, оказывает влияние и на содержание требования обоснованности постановления об условно-досрочном освобождении. Обоснованность этого решения обеспечивается тем, что выводы суда базируются на исследованных в судебном разбирательстве доказательствах, соответствующих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, позволивших сделать вывод о том, что у осужденного сформировалось правопослушное поведение, и он не нуждается в отбывании полного срока наказания, определенного в приговоре. Для рассматриваемого постановления важным элементом обоснованности является сопоставление одного доказательства с другим, их оценка в комплексе и определение на этой основе доказательственного значения для вынесения рассматриваемого постановления. Мотивированность рассматриваемого решения состоит в приведении конкретных доводов, послуживших основанием для вывода суда.

Решение суда должно соответствовать требованиям закона, предъявляемым к его содержанию и форме и состоять из трёх взаимосвязанных частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной. При этом важным указанием в резолютивной части рассматриваемого постановления является разъяснение осужденному положения ч. 7 ст. 79 УК РФ, предусматривающего возможность отмены этого решения при определенных в законе случаях.

Также в постановлении суда должны быть указаны сроки и порядок его обжалования в апелляционном порядке.

Деление формальных и материальных оснований на общие и специальные по тяжести преступления, его категории и субъекту обуславливают различное содержание постановления об условно-досрочном освобождении осужденного от наказания, соответствующий этим основаниям предмет доказывания и адаптированные под эти особенности требования законности, обоснованности и мотивированности этого решения. Это дает основания делить рассматриваемое постановление на виды в зависимости от тяжести преступления, его категории и субъекта, подлежащего условно-досрочному освобождению.

Пристатейный библиографический список

1. Щерба Д. А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Владивосток, 2007. – 22 с.
2. Кулешова Н. Н., Пантюхина, И. В. Позиция судов по условно-досрочному освобождению от отбывания наказания: актуальный взгляд // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конферен-

ции. Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года / Сост. А. Б. Судницын, М. А. Макаренко, Н. В. Лантух, Е. В. Брянская, О. И. Доровских, О. А. Чабукиани. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 135-141.

3. Степанов В. В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (на примере Тамбовской области): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 29 с.
4. Радченко О. В. Некоторые аспекты применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российская юстиция. – 2015. – № 2. – С. 64-67.
5. Червоткин А. С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишения свободы // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 131-138.
6. Военно-уголовное право Российской Федерации. Общая и особенная части: учебник / Под редакцией О. К. Зателепина, С. Н. Шарапова. – М.: Граница, 2024. – 682 с.
7. Громов В. Г. Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы // Современное право. – 2024. – № 3. – С. 133-136.
8. Благов Е. В. Освобождение от наказания (традиции, реалии, перспективы): монография. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 400 с.

от 05.06.2020) «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2025)

КУЛЕВ Александр Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ С ИТоговым актом предварительного расследования, КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируется институт решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования (гл. 31, ст. 226 и 226⁸ УПК РФ). Автор приходит к выводу, что указанные положения уголовно-процессуального закона представляют собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства. В пользу данного тезиса свидетельствуют: 1) наличие собственных задач; 2) самостоятельный круг субъектов; 3) своеобразная процессуальная форма (процедура); 4) особые итоговые процессуальные решения. В силу единой процессуальной природы отмеченные нормы подлежат объединению в одну главу Кодекса.

Ключевые слова: действия прокурора, итоговый акт, надзорная функция, направление дела, обвинительный акт, обвинительное заключение, обвинительное постановление, решения прокурора, стадия уголовного процесса.

KULEV Alexander Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty, P. G. Demidov Yaroslavl State University

DECISIONS OF THE PROSECUTOR IN A CRIMINAL CASE RECEIVED WITH THE FINAL ACT OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION, AS AN INDEPENDENT STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the institution of the prosecutor's decision in a criminal case that was received with the final act of the preliminary investigation (Chapters 31, Articles 226 and 226⁸ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The author comes to the conclusion that these provisions of the Criminal procedure Law represent an independent stage of criminal proceedings. Evidence in favor of this thesis is: 1) the presence of their own tasks; 2) an independent circle of subjects; 3) a peculiar procedural form (procedure); 4) special final procedural decisions. Due to the uniform procedural nature, the mentioned norms are subject to consolidation into one chapter of the Code.

Keywords: prosecutor's actions, final act, supervisory function, direction of the case, indictment, indictment, indictment, prosecutor's decisions, stage of the criminal process.

Кулев А. Г.

Стадии уголовного судопроизводства определяются как взаимосвязанные, но относительно самостоятельные части процесса, отделенные друг от друга итоговым процессуальным решением и характеризующиеся непосредственными задачами, органами и лицами, участвующими в производстве по делу, порядком (формой) процессуальной деятельности (процессуальной процедурой) и характером уголовно-процессуальных отношений [16, с. 31]. Именно стадии уголовного процесса служат генерирующим началом, влияющим на архитектуру Особенной части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ).

Подавляющее большинство правовых норм Особенной части УПК РФ распределено композиционно по разделам, которые объединены в соответствующие стадии (например, раздел VII «Возбуждение уголовного дела», раздел VIII «Предварительное расследование»). Некоторые разделы закона сегментированы на главы, каждая из которых отражает самостоятельную стадию процесса.

Какова же правовая природа норм, зафиксированных в гл. 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу,

поступившему с обвинительным заключением», а также в ст. 226 и 226⁸ УПК РФ, которые регулируют аналогичные действия и решения прокурора по отношению к уголовному делу, поступившему с итоговым актом дознания (обвинительным актом, обвинительным постановлением)?

В преддверии ответа на поставленный вопрос позволим себе присоединиться к мнению специалистов, полагающих, что предписания гл. 31 УПК РФ фактически оказались вне внимания современной доктрины уголовно-процессуального права, не говоря уже об отдельных положениях, относящихся к решению прокурора по уголовному делу с итоговым актом дознания [6, с. 123].

С позиции русского языка «решение» понимается в нескольких смыслах: 1) решение – это постановление, приговор; 2) заключение, вывод из чего-нибудь [14, с. 547]. Во втором значении решение связано внутренним выводом, убежденностью прокурора о том, что обвинительное заключение составлено следователем надлежащим образом, подводит итог произведенного расследования, не противоречит материалам представленного уголовного дела, а само уголовное дело имеет «судебную перспективу». На основе подоб-

ного вывода прокурор осуществляет действие по передаче данного дела в суд. Однако, полагаем, что в УПК РФ термин «решение» использован сутобо в первом значении. В уголовном судопроизводстве решение понимается как правовой акт, выраженный в установленной законом процессуальной форме, в котором государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы [9, с. 26]. Следовательно, в уголовно-процессуальной науке правоприменительные решения отождествляются с актами компетентных юрисдикционных органов [12, с. 47].

Данные размышления приводят нас к выводу о необходимости именовать гл. 31 УПК РФ «Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», исключив тем самым указание на действия прокурора. Более того перспективным видится и другое, более радикальное, но, по нашему мнению, необходимое преобразование действующей редакции УПК РФ. А именно: положения гл. 31 следует объединить с положениями ст. 226 и 226⁸ УПК РФ, закрепив их в отдельно созданной главе Кодекса. Подобная сентенция вызвана несколькими причинами.

Во-первых, данные нормы обладают единой правовой природой, регламентируют решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования (предварительного следствия, дознания в обычной и сокращенной форме), поэтому составляют единый, самостоятельный, относительно автономный институт уголовно-процессуального права. О существовании самостоятельного правового института, закрепленного в гл. 31 УПК РФ, высказывались некоторые практические специалисты [5]. Единая правовая природа норм института отрасли права определена генетической предрасположенностью данных норм к регулированию сходных, типичных для института общественных отношений. И в целом, как отмечается учеными, порядок направления в суд уголовных дел с итоговым актом предварительного расследования является единым [4, с. 54-55]. Но данное единство вовсе не исключает дифференцированного подхода к регулированию тех или иных аспектов правоприменительной деятельности в рамках одного правового института. Например, п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ в качестве одного из возможных решений прокурора называет направление дела для производства предварительного следствия, п. 3 ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ определяет таковым направление уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Очевидно, что данные акты прокурорского реагирования обусловлены спецификой упрощенных видов судопроизводства, имеющих отношение к дознанию. В остальном же решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования должны обладать единством.

Во-вторых, правовые предписания, закрепленные в указанных главах Кодекса, нуждаются в более детальной унификации.

Одни специалисты утверждают, что изучение прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением), и последующее направление дела в суд – самостоятельный этап окончания предварительного расследования, заключительный этап

осуществления прокурором надзорных функций в досудебном производстве [3], [10]. Некоторые ученые используют термин «промежуточное производство», поскольку стадия предварительного расследования уже завершена, а стадия подготовки к судебному разбирательству еще не началась [17, с. 49].

Прокурор является основным участником данной стадии уголовного судопроизводства, но далеко не единственным. Кроме него субъектами соответствующих правоотношений являются: следователь, руководитель следственного органа (п. 2 ч. 1, ч. 4 ст. 221 УПК РФ), дознаватель, начальник органа дознания (п. 2 ч. 1, ч. 4 ст. 226, п. 2 ч. 1, ч. 4 ст. 226⁸ УПК РФ), вышестоящий прокурор, Генеральный прокурор РФ, Председатель Следственного комитета РФ, руководитель следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (ч. 4 ст. 221, ч. 4 ст. 226, ч. 4 ст. 226⁸ УПК РФ), суд (ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ), обвиняемый (его защитник, законный представитель, потерпевший (его представитель) в случае заявления ими ходатайств о вручении копии итоговых актов предварительного расследования (ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226⁸ УПК РФ).

Малоубедительным представляется утверждение о том, что решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования, носят организационно-административный характер. Во-первых, все соответствующие решения прокурора основаны на нормах уголовно-процессуального закона. Во-вторых, решения прокурора влекут соответствующие правовые последствия в виде возникновения правоотношений, в которых прокурор взаимодействует в рамках данной стадии уголовного судопроизводства с другими указанными выше участниками.

Итак, выше было указано, что положения гл. 31, ст. 226 и 226⁸ УПК РФ представляют собой институт уголовно-процессуального права и стадию уголовного судопроизводства. Однако позиция о том, что данные нормы образуют стадию уголовного процесса, имеет среди ученых и практиков небольшое число сторонников. Впервые вопрос о самостоятельности стадии, на которой прокурор принимает комплекс решений, связанных с проверкой поступившего к нему дела и утверждением обвинительного заключения, был поставлен еще в советское время Г. М. Миньковским [13, с. 39].

Осторожный намек на то, что положения гл. 31 УПК РФ образуют собой стадию уголовного судопроизводства высказывают авторы одного из современных учебных пособий по уголовному процессу: «Действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, составляют заключительный этап досудебного производства, на котором утверждается окончательное обвинение. Этот этап обладает определенной самостоятельностью, так как для него установлены свои задачи, срок и итоговые решения (ст. 221-222)» [15, с. 236].

Какие же причины побудили нас признать решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования, самостоятельной стадией уголовного судопроизводства? Первая причина носит формальный характер. Глава 31 расположена в части второй УПК РФ «Досудебное производство». Согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство – это уголовное

судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. С точки зрения законодательной техники данная дефиниция не лишена одного существенного недостатка. Используемый предлог «до» употребляется в значении «перед». То есть буквальное толкование определения позволяет утверждать, что направление прокурором дела в суд не входит в досудебное производство, что не соответствует Особенной части УПК РФ, поскольку его гл. 30 помещена в раздел «Досудебное производство».

Исходя из традиционного подхода, досудебное производство состоит из двух стадий: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование [8, с. 22]. Основной формой предварительного расследования является предварительное следствие. Сроки предварительного следствия установлены в ч. 2 ст. 162 УПК РФ, согласно которой в указанный срок включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопросов о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу. Из вышесказанного следует, что гл. 31 УПК РФ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением» с одной стороны является составным элементом досудебного производства, но ни в одну из двух стадий этого производства не входит. Таким образом, положения гл. 31 УПК РФ получают выхолащенные из структуры досудебного производства. Более того, между данным производством и судебным производством образуется разрыв, поскольку, согласно закону, предварительное следствие заканчивается направлением дела прокурору (гл. 30 УПК РФ, которая по действующему законодательству входит в структуру предварительного следствия). В этой связи следует указать на неудачное наименование упомянутой главы. Направлению уголовного дела прокурору в действительности посвящены не все нормы данной главы, а лишь ч. 6 ст. 220 УПК РФ.

Именно с ее реализацией законодатель связывает окончание предварительного следствия, когда уголовное дело, выражаясь языком цивилистов, фактически выбыло из владения следователя для направления прокурору. Остальные же положения гл. 30 УПК РФ: ознакомление участников с материалами уголовного дела, составление соответствующих протоколов, разрешение ходатайств, составление обвинительного заключения, его подписание следователем, получение согласия от руководителя следственного органа (ст. 215-220 УПК РФ) включены законом в срок предварительного следствия. Аналогичная ситуация складывается в сфере обычного и сокращенного дознания. Правда, гл. 32 и 32¹ УПК РФ не регламентируют процедуру ознакомления участников процесса с материалами дела, вынуждая правоприменительные органы применять аналогию закона.

Вторая причина имеет сущностный характер. Несмотря на то, что решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования, не выделяется в качестве самостоятельного

периода (стадии) ни по формальному (ч. 2 ст. 162 УПК РФ), ни по содержательному признаку, он не может считаться составной частью предварительного расследования [7, с. 541-542]. Полагаем, что положения гл. 31 УПК РФ в совокупности со ст. 226 и 226⁸ являются не только институтом уголовно-процессуального права как совокупностью норм, регулирующих однородную группу отношений, но и самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, поскольку указанному институту присущи все признаки последней: 1) собственные задачи; 2) круг субъектов; 3) процессуальная форма (процедура); 4) итоговое процессуальное решение (акт, документ), которым дело «переводится» в следующую стадию.

Стоит отметить, что, определяя комплекс решений прокурора по поступившему уголовному делу с итоговым актом предварительного расследования как самостоятельную стадию уголовного процесса, некоторые ученые предлагали и предлагают именовать ее «стадией возбуждения (формирования) государственного обвинения» [11, с. 10].

Задачами предлагаемой стадии являются: проверка законности произведенного предварительного расследования, отраженного в материалах уголовного дела, в том числе обвинительном заключении (акте, постановлении) и определение их «судебной перспективы».

Следующим неотъемлемым атрибутом стадии уголовного судопроизводства является круг участников. Выше уже подробно говорилось о том, что помимо основного участника – прокурора на этой стадии действует достаточно широкий круг субъектов.

Процессуальная форма (процедура) также является здесь довольно специфичной. Она включает в себя рассмотрение прокурором уголовного дела с итоговым актом предварительного расследования в установленные законом сроки (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ).

Процессуальная форма включает в себя процедуру обжалования дознавателем решения прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного дознания, а также процедуру рассмотрения данной жалобы вышестоящим прокурором.

И, наконец, процессуальная форма предусматривает направление прокурором уголовного дела с итоговым актом предварительного расследования.

Развивая мысли о процессуальной форме предлагаемой *de lege ferenda* стадии уголовного судопроизводства, считаем необходимым солидаризироваться с позицией А. Р. Белкина о том, что гл. 31 УПК РФ начинается со ст. 221, излагающей основные возможные решения прокурора по уголовному делу. Однако вопрос о том, каким образом прокурор приходит к выводу о принятии того или иного решения, в законе не урегулирован. Следовательно, ученый предлагает дополнить гл. 31 УПК РФ новой вводной статьей, указывающей на вопросы, подлежащие рассмотрению прокурором по поступившему к нему с обвинительным заключением уголовному делу [2, с. 378]. Стоит отметить, что аналогичная норма содержалась ранее в ст. 213 УПК РСФСР 1960 г. В действующем УПК РФ аналог подобных положений содержится в ст. 228, регламентирующей вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу на стадии подготовки к судебному заседанию.

Кроме того, в литературе высказана идея о целесообразности дополнения УПК РФ еще одной статьей – «Основания возвращения прокурором уголовного дела для производства дополнительного дознания» с закреплением в законе соответствующих оснований [1, с. 225]. Думается, что предложенные авторами нововведения заслуживают поддержки и будут способствовать становлению и укреплению изучаемого института уголовно-процессуального права в качестве самостоятельной стадии российского уголовного судопроизводства.

Еще одним компонентом стадии уголовного процесса выступает итоговое решение (акт, документ). На данной стадии им является утвержденный итоговый акт предварительного расследования и сопроводительное письмо, которым уголовное дело направляется в суд.

В итоге мы пришли к следующим выводам:

1) решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования (обвинительным заключением, актом, постановлением), представляют собой самостоятельный уголовно-процессуальный институт, нормы которого регулируют родственные по своей правовой природе общественные отношения;

2) в связи с указанным действующие положения гл. 31, а также ст. 226 и 226⁸ УПК РФ следует объединить в самостоятельную главу Кодекса;

3) наименование предлагаемой *de lege ferenda* главы должно выглядеть как «Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с итоговым актом предварительного расследования»;

4) нормы предлагаемой главы УПК РФ образуют самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, выступая логической правовой связью между досудебным и судебным производством уголовно-процессуальной деятельности, обладая собственными задачами, кругом участников, процессуальной формой и итоговым решением;

5) решения прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением, актом или постановлением в целом должны обладать единством, позволяющим ему в рамках надзорной деятельности корректировать итоговые акты предварительного расследования.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права / Под ред. О. В. Химичева, О. В. Мичурина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 303 с.
2. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 3 т. Т. II. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 448 с.
3. Буров Ю. В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 27 с.
4. Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд // Законность. – 2017. – № 8. – С. 53-56.
5. Зименков А. А. Возвращение прокурором уголовного дела следователю: старый институт с новыми проблемами // СПС «Консультант Плюс».
6. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123-137.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. О. С. Капинус. – М.: Проспект, 2020. – 1136 с.
8. Курс уголовного процесса / Под. ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1280 с.
9. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – 3-е изд. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.
10. Малов А. А. Практические рекомендации по изучению прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением) // СПС «Консультант Плюс».
11. Маслова Д. А. Возбуждение и поддержка государственного обвинения в российском уголовном процессе: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Воронеж, 2008. – 22 с.
12. Миликова А. В., Россинский С. Б. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 160 с.
13. Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. – М.: Госюриздат, 1957. – 211 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцовой. 27-е изд., испр. – М.: Издательство АСТ: Мир и образование, 2017. – 736 с.
15. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: авторский курс. – М.: Эксмо, 2022. – 368 с.
16. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – 3-е изд. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.
17. Юркевич Н. А. Промежуточное производство в системе уголовного процесса России. История, теория и практика, перспективы развития. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. – 372 с.

ЛИФАНОВА Лилия Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ЛЮБОЖЕНКО Игорь Анатольевич

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики, Донецкий филиал, Волгоградская академия МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Возбуждение уголовного дела и факт привлечения к уголовной ответственности конкретного лица не во всех случаях заканчивается вынесением обвинительного приговора. В процессе расследования могут быть установлены ситуации необоснованного вовлечения гражданина в круг уголовно-процессуальных отношений в качестве подозреваемого или обвиняемого, установлен факт нецелесообразности передачи уголовного дела в суд для его разрешения по существу, или обнаружены императивные требования закона о необходимости прекращения дальнейшего досудебного производства. В статье авторами обосновывается позиция, согласно которой прекращение уголовного преследования не во всех случаях означает разрешение уголовно-правового конфликта, а принятие такого решения может существенным образом ограничивать права и законные интересы иных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: гуманизация уголовной политики, уголовное преследование, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

LIFANOVA Liliya Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminology sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

LYUBOZHENKO Igor Anatoljevich

associate professor of Criminal law disciplines and criminalistics sub-faculty, Donetsk branch, Volgograd Academy of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF THE TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION

The initiation of a criminal case and the fact of bringing a particular person to criminal responsibility does not always end with a conviction. In the course of the investigation, situations of unjustified involvement of a citizen in the circle of criminal procedural relations as a suspect or accused may be established, the fact of the inexpediency of transferring a criminal case to a court for its substantive resolution may be established, or imperative requirements of the law on the need to terminate further pre-trial proceedings may be found. In the article, the authors substantiate the position that the termination of criminal prosecution does not always mean the resolution of a criminal conflict, and making such a decision may significantly restrict the rights and legitimate interests of other participants in criminal proceedings.

Keywords: humanization of criminal policy, criminal prosecution, termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, grounds for termination of a criminal case (criminal prosecution).

Гуманизация уголовно-правовой политики в настоящее время признается основной тенденцией развития законодательства. Подтверждением этому является снижение количества осужденных лиц и увеличение числа уголовных дел, производство по которым прекращается [1]. В последние годы процент прекращенных судами уголовных дел приближается к 20 %. Дополняет данную статистику отказ от уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Сказанное свидетельствует об изменении позиции правоприменителя относительно института прекращения уголовного дела (уголовного преследования). До недавнего времени в научной среде и среди практиков была широко распространена точка зрения, согласно которой прекращение уголовного дела и уголовного преследования трактовалось как следствие неэффективного расследования. В результате такого подхода данный акт воспринимался как нежелательный, а иногда даже расценивался как «брак» в ра-

боте. Не случайно в статистическом анализе эффективности деятельности следователей и дознавателей одним из ключевых индикаторов выступало число прекращенных уголовных дел. Высокий процент таких дел по сравнению со средними показателями расценивался как негативная характеристика. Соответственно, предписывалось принимать меры для выявления причин и устранения этих «отрицательных тенденций» [2, с. 55].

Институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования с момента его создания претерпел значительные изменения и преобразования, вызванные различными задачами, стоящими перед законодательством соответствующего периода. Система оснований прекращения уголовного дела, а также условия их применения модифицировались под влиянием как субъективных, так и объективных факторов; при этом вводились новые основания, тогда как те, что перестали соответствовать целям действующего законодательства, исключались. К числу новых оснований прекра-

щения уголовного дела (уголовного преследования) следует отнести ст. 25.1 УПК РФ (Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа), ст. 28.1 УПК РФ (Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба), ст. 28.2 УПК РФ (Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время). Перестали существовать такие основания отказа от уголовного преследования, как изменение обстановки (ст. 6 УПК РСФСР 1960 г., ст. 26 УПК РФ), недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч.1 ст. 208 УПК РСФСР 1960 г.), обнаружение виновного (ч.1 ст. 202 УПК РСФСР 1923 г.).

В рамках научного дискурса институту прекращения производства в уголовном процессе традиционно уделяется особое внимание, обусловленное его многогранной природой. Различные исследователи в разное время предлагали различные правовые интерпретации понятия «прекращение уголовного дела» в зависимости от методологического подхода. Так, Ф. Н. Фаткуллин и Н. В. Жогин трактовали данное явление как процессуальный акт, посредством которого должностное лицо принимает решение о прекращении дальнейшего расследования либо констатирует отсутствие необходимых условий для продолжения производства [3, с. 304]. П. Я. Мирский и П. М. Давыдов определяли прекращение уголовного дела как предусмотренное законодательством уголовно-процессуальное действие, которое может быть совершено дознавателем, следователем, прокурором или судом и завершает процесс установления фактов и сбора доказательств [4, с. 5].

С. А. Шейфер определял прекращение уголовного дела как форму завершения уголовного расследования либо судебного разбирательства, которая представляет собой решение уполномоченного должностного лица о невозможности продолжения производства по делу полностью или частично вследствие выявления обстоятельств, исключающих возможность вынесения приговора и назначения наказания [5, с. 7]. По мнению Ш. Д. Азимзоды прекращение уголовного преследования представляет собой заключительный этап процесса подозрения или обвинения и означает завершение действий органов предварительного следствия, направленных на установление вины конкретного подозреваемого (обвиняемого) либо лица, предположительно связанного с преступным деянием, однако еще не приобретшего соответствующий правовой статус, в рамках расследуемого уголовного дела [6, с. 12].

Таким образом, наиболее распространенными подходами к уяснению сущности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) являются следующие: это – а) процессуальный акт; б) уголовно-процессуальное действие; в) форма завершения уголовного расследования либо судебного разбирательства; г) заключительный этап процесса расследования.

Обращает на себя внимание позиция М. А. Лавнова, определяющего правовую и социальную сущность прекращения уголовного дела как средство разрешения уголовно-правового конфликта без приговора суда [7, с. 38]. Полагаем,

не во всех ситуациях отказа от уголовного преследования происходит урегулирование правового спора.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13.06.2023 № 220-ФЗ содержание статьи 27 УПК РФ дополнено частью 2.2, которая в императивной форме обязывает правоприменителя прекращать уголовное преследование по реабилитирующему основанию – за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления – в случае возражения данного лица на прекращение в отношении него производства за истечением срока давности. Законодателем определены различные сроки в зависимости от тяжести преступления, в течение которых должностное лицо обязано либо собрать изобличающие доказательства и передать уголовное дело в суд, либо признать невозможность установления причастности лица к инкриминируемому деянию и прекратить производство с правом лица на реабилитацию.

Правовой причиной появления данной нормы явилось Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2022 № 33-П, в котором ч. 2 ст. 27 УПК РФ признана не соответствующей Конституции РФ [8]. Логика высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации понятна: если орган предварительного расследования при использовании всех предоставленных ему возможностей УПК РФ не смог установить виновность конкретного лица в совершении преступления, значит, он должен сознаться в своем «бессилии», основанном на действительной непричастности лица, и, тем самым признав акт привлечения его к ответственности необоснованным, либо признать свою несостоятельность в организации процесса доказывания.

Рассматривая норма, вполне соотносится с нормативным определением непричастности – это неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления (п. 20 ст. 5 УПК РФ).

Но получает ли разрешение правовой конфликт? Терминологически «конфликт» – это «столкновение противоположных взглядов, стремлений, сил в природе и обществе» [9, с. 353].

Для лица, которое находилось определенное время в статусе подозреваемого или обвиняемого, прекращение уголовного преследования по реабилитирующему основанию, следствием которого является аннулирование всех неблагоприятных последствий факта привлечения к ответственности, – да, безусловно. Оно получает право на восстановление всего комплекса прав, которые в той или иной степени претерпели вред в результате привлечения его к ответственности. Для другой стороны конфликта, а это деятельность государственных органов по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, разрешение спора не происходит. Законодатель не просто принуждает правоприменителя отказаться от правовых и процессуальных претензий, но и признать свою работу безосновательной.

Не разрешается правовой конфликт и в ситуациях прекращения уголовного дела (уголовного преследования), когда при этом не учитывается мнение потерпевшего. Согласно ст. 22 УПК РФ потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого. Позиция перечисленных участников

не берется в расчет при применении ст. 25.1 УПК РФ (Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, ст. 28 УПК РФ (Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием), ст. 28.2 УПК РФ (Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время). Но если в первых двух случаях неопременным условием прекращения уголовного преследования является возмещение причиненного преступлением ущерба, то при применении ст. 28.2 УПК РФ интересы потерпевшего, в противоречие ст. 2 Конституции РФ, фактически не учитываются.

Не вступая в полемику относительно общественно-политических причин появления нового основания прекращения уголовного преследования (по нашему мнению, его введение в текст УПК РФ обосновано), заметим, что юридически происходит нарушение равенства прав участников уголовно-процессуальных отношений. Лицо, которое пострадало от противоправных действий, по сути, лишается возможности реализации своего права на доступ к правосудию, участие в уголовном преследовании и, зачастую, на возмещение причиненного ущерба. В такой ситуации согласиться с тем, что уголовно-правовой конфликт получает свое разрешение при полном обеспечении прав противоборствующих сторон, нельзя.

Возвращаясь к вопросу о сущности института отказа от уголовного преследования, следует признать, что под ним следует понимать прекращение уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов по изобличению подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления при наличии предусмотренных законом оснований и соблюдении уголовно-процессуальных условий, выраженное в юридическом акте. При этом в одних случаях такой отказ является следствием факта необоснованного привлечения к уголовной ответственности, в других – следует из императивных предписаний закона, когда общественная значимость такого решения превалирует над правами и законными интересами других участников уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Председателя Верховного Суда РФ И. Л. Подносковой на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 декабря 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://www.vsrf.ru/press_center/news/34065/.
2. Лифанова Л. Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005.
3. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. - М.: Юрид, 1965.
4. Давыдов П. М., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел в советском процессе. - М.: Госюриздат, 1965.
5. Шейфер С. А. Прекращение дела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1963.
6. Азимзода Ш. Д. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2023.
7. Лавнов М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2015.
8. Постановление Конституционного суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. - М.: «Мартин», 2004.

МАКАРОВ Александр Петрович

старший преподаватель кафедры правоведения, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, прокурор отдела по надзору за соблюдением прав предпринимателей управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры г. Севастополя

Макаров А. П.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

В статье рассмотрены теоретические и правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам коррупционной направленности, в том числе по уголовным делам о взяточничестве. Проведен правовой анализ допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств по уголовному делу.

По результатам исследования выявлены региональные особенности толкования судами использования оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам коррупционной направленности и определения допустимости их использования.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, алгоритм допустимости доказательств, взяточничество, результаты оперативно-розыскной деятельности, региональные особенности борьбы с коррупцией, противодействие коррупции.

MAKAROV Alexander Petrovich

senior lecturer of Law studies sub-faculty, Sevastopol Institute of Economics and Humanities (branch), V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosecutor of the department for supervision of observance of the rights of entrepreneurs of the office for supervision of observance of federal legislation of the prosecutor's office of Sevastopol

USE OF THE RESULTS OF OPERATIVE SEARCH ACTIVITIES IN THE TRIAL IN CRIMINAL CASES OF CORRUPTION (BASED ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE CITY OF SEVASTOPOL)

The article examines the theoretical and legal foundations for using the results of operational-search activities in the process of proving in criminal cases of a corruption nature, including criminal cases of bribery. A legal analysis of the admissibility of using the results of operational-search activities in criminal proceedings as evidence in a criminal case is carried out.

Based on the results of the study, regional features of the courts' interpretation of the use of operational investigative measures in criminal cases of corruption and determining the admissibility of their use were identified.

Keywords: evidence, admissibility of evidence, algorithm of admissibility of evidence, bribery, results of operational-search activities, regional features of the fight against corruption, counteraction to corruption.

Изучение материалов уголовных дел, расследуемых следственными органами Республики Крым и г. Севастополя, а также анализ сложившейся судебной практики в Российской Федерации свидетельствует о ключевой роли оперативных подразделений при выявлении, документировании и раскрытии преступлений о взяточничестве.

Специфика собирания и оценки доказательственной базы по делам указанной категории показывает, что в основе доказывания по делам о взяточничестве зачастую лежат сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

В ходе проведения анкетирования 187 оперативных сотрудников МВД России по Республике Крым и г. Севастополю установлено, что наиболее часто проводимыми оперативно-розыскными мероприятиями по делам рассматриваемой категории являются: оперативный эксперимент (96 %), прослушивание телефонных переговоров (69 %), снятие информации с технических каналов связи (67 %), наблюдение (67 %).

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, предоставленные в суд субъектами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) результаты ОРД должны отвечать требованиями ст. ст. 74, 89 УПК РФ. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденная совместным приказом федеральных органов № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 от 27.09.2013 (далее – Ин-

струкция), определяют порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности и составляют основу оперативно-розыскного законодательства, регламентируют перечень, основания и условия проведения ОРМ, процедуру предварительного расследования, затем для суда и сторон судебного разбирательства. Субъекты доказывания и суд черпают их из перечисленных в законе источников доказательств» [1, с. 9].

По мнению А. Р. Белкина «...судебное доказательство никогда не существует само для себя и само по себе. Всякое доказательство фигурирует для кого-то: сначала для участников предварительного расследования, затем для суда и сторон судебного разбирательства. Субъекты доказывания и суд черпают их из перечисленных в законе источников доказательств» [1, с. 9].

Результаты ОРД, полученные в строгом соответствии с оперативно-розыскным законодательством, в случае закрепления их на основе соответствующих норм УПК РФ в качестве доказательств, в установленном законом порядке, могут быть отнесены к категории п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а именно к «иным документам».

Частью 1 статьи 88 УПК РФ регламентированы предъявляемые к доказательствам требования. К таковым относятся: относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Таким образом, при оценке судом возможности использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве, к ним предъявляются требования, аналогичные требованиям, предусмотренным ч. 1 ст. 88 УПК РФ.

При этом лишь одно из указанных требований, а именно допустимость, регламентировано УПК РФ (ст. 75 УПК РФ).

Из этого следует, что действующий УПК России не раскрывает предъявляемые к доказательствам требования в части относимости, достоверности и достаточности, соответствие которым является оценочной категорией и остается на усмотрение суда.

Ю. Ю. Воробьева высказывает мнение, что специфика оценки результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в применении к ним двух требований, предусмотренных ст. 88 УПК РФ – критериев допустимости и достоверности. Полученные и переданные результаты оперативно-розыскной деятельности органу предварительного расследования в порядке, установленном Законом об ОРД и иными ведомственными нормативными актами субъектов расследования, по усмотрению следственного органа, могут быть положены в основе доказательственной базы [2].

Таким образом, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 88 УПК РФ и ст. 235 УПК РФ доказательства виновности лица, совершившего коррупционные преступления, основанные на сведениях, полученных по результатам проведения ОРМ могут быть исключены, в связи с их несоответствием требованиям достаточности и относимости.

Вместе с тем как показывает судебная практика по делам о взяточничестве, судами довольно часто рассматриваются ходатайства об исключении из доказательственной базы результатов ОРД в связи с их несоответствием критериям достоверности и допустимости. Основаниями для исключения доказательств, полученных по результатам проведения ОРМ, по мнению автора, преимущественно являются: отсутствие оснований для проведения ОРМ в отношении конкретного лица; отсутствие соответствующих постановлений о проведении ОРМ и итоговых документов об их проведении; несоответствие сведений о лицах, участвующих в ОРМ, и датах составления документов и др.

В соответствии со ст. 236 УПК РФ суд вправе принять решение об исключении доказательств и соответствующих материалов уголовного дела, в том числе полученных по результатам проведения ОРМ. При принятии подобного решения суду подлежит исследовать материалы, предоставленные органом – субъектом ОРД органу дознания, следователю и введенные в установленном порядке в уголовный процесс.

В зависимости от занимаемой позиции учеными относительно указанной проблемы (использования результатов ОРД в судебном процессе) их можно разделить условно на три группы:

- к первой группе относятся сторонники отрицания возможности придания результатам ОРД статуса доказательств в смысле ст. 74 УПК;

- ко второй группе относятся ученые, которые считают, что результаты ОРД не могут напрямую использоваться в качестве доказательств по уголовному делу в судебном процессе;

- к третьей группе можно отнести ученых, которые полагают, что в борьбе со взяточничеством целесообразно расширить перечень источников доказательств, включив в ч. 2 ст. 74 УПК РФ «результаты ОРД».

По нашему мнению, результаты оперативно-розыскной деятельности хотя и не имеют формального статуса доказательств, но имеют фактическое и прямое доказательственное значение в рамках уголовного судопроизводства.

Несмотря на отрицание, отдельными учеными-процессуалистами возможности использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств по уголовному делу реалити современной следственной и судебной практики свидетельствуют о практике использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу.

В соответствии со ст. 235 УПК РФ суд разрешает ходатайства сторон об исключении доказательств, в том числе полученных по результатам проведения ОРМ. При этом обязанность по опровержению доводов стороны защиты об исключении доказательств согласно ч. 4 ст. 235 УПК РФ возложена на прокурора.

Роль адвоката в оценке результатов ОРД заключается в поиске и выявлении нарушений законодательства и ошибок, допущенных при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении подсудимого и иных лиц по конкретному уголовному делу.

В ходе изучения судебной практики по делам о взяточничестве и иным коррупционным преступлениям, сложившейся в г. Севастополе выявлены факты признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами.

Так, органом – субъектом ОРД, в отношении гр-ки С. проведены ОРМ (оперативный эксперимент), с целью фиксации фактов получения предмета взятки в крупном размере для последующей передачи должностным лицам уполномоченного органа по регистрации прав на недвижимое имущество г. Севастополя. С учетом сложившихся обстоятельств по уголовному делу следователем в ходе расследования преступных действия гр-ки С. перекалифицированы на ч. 2 ст. 159, ч. 3 ст. 30 - ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Основанием для вынесения Нахимовским районным судом г. Севастополя оправдательного приговора (дело № 22-755/19) в отношении гражданки С. явилось отсутствие в материалах уголовного дела актов передачи аудио-видео аппаратуры органам следствия, используемых в ходе проведения оперативными работниками оперативного эксперимента, отраженных в акте о проведении соответствующего ОРМ¹.

На основе анализа судебной практики Судебной коллегии по уголовным делам Республики Крым и г. Севастополь проанализировано вынесение приговоров судами указанного субъекта РФ в части проверки законности представления результатов оперативно-розыскной деятельности органами – субъектами ОРД органам расследования, а также использования их в судебном доказывании и указании на них при вынесении приговоров. Судебная коллегия отмечает, что приговоры судов зачастую не содержат указание на законность соблюдения порядка представления результатов ОРД, а также ссылок на положения Инструкции. По мнению упомянутого судебного органа, при анализе законности результатов ОРД по уголовным делам о совершении фактов взяточничества и иных коррупционных преступлений, суды в приговорах ограничиваются лишь анализом законности оснований для проведения ОРМ и порядка их санкционирования, не приводя при этом анализ законности представления результатов ОРД органам следствия и дознания. Кроме того, все результаты ОРД приобщаются в виде представленных материалов – письменных документов к уголовному делу либо в качестве вещественных доказательств в порядке ст. 81 УПК РФ либо в качестве иных документов в порядке ст. 84 УПК РФ с обязательным вынесением следователем постановления о признании их вещественными доказательствами и приобщении таковых в качестве доказательств к материалам уголовного дела².

Результаты ОРД в виде письменных материалов проведенного и оформленного ОРМ могут приобрести статус доказательств в уголовном деле лишь при соблюдении указанных требований закона. Без соблюдения данных требований закона об осмотре материалов ОРМ и приобщении их к уголовному делу в качестве доказательств в судебном процессе невозможно произвести проверку и оценку таких материалов на предмет их допустимости, с подтверждением обстоятельств, означающих, что доказательство получено из надлежащего источника, правомочным лицом, законным способом и облечено в надлежащую форму.

В ходе проведенного исследования по результатам изучения судебной практики нами выявлена подобная тенденция и при вынесении судами Республики Крым приговоров по уголовным делам о взяточничестве, когда приговоры не содержат ссылку на Инструкцию, а также анализ законности представления органам следствия результатов ОРД.

Так, Ялтинским городским судом Республики Крым рассмотрено уголовное дело № 1-17/2016 по обвинению гр-на Ф. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Приговором Ялтинского городского суда Республики Крым гр-н Ф. признан виновным в совершении инкриминируемого деяния. В судебном процессе стороной защиты заявлено ходатайство о признании оперативных документов, составленных по результатам проведения «оперативного эксперимента» и «наблюдения» недопустимыми доказательствами, поскольку в отношении полученных результатов ОРД, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела не произведено ни одно следственное или

1 Уголовное дело № 22-755/19 // Архив Нахимовского районного суда города Севастополя.

2 Решения судов, основанные на применении нормы статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. (Республика Крым и гор. Севастополь). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/practice/dokazatelstva/> (дата обращения: 06.01.2025).

процессуальное действие с целью придания им доказательственного значения.

Судом отклонено ходатайство стороны защиты. Аргументируя данную позицию суд указал, что составленные при документировании преступных действий гр-на Ф. оперативные служебные документы являются иными документами, допускаемыми в качестве доказательств в соответствии с требованиями ст. ст. 73, 84 УПК РФ и не требуют в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, проведения дополнительных действий для закрепления их в качестве доказательств³.

Таким образом, в судебной практике находит отражение идея использования результатов ОРД как самостоятельных доказательств по уголовному делу.

Судакским городским судом Республики Крым в 2017 году рассмотрено уголовное дело в отношении гр-на Ф. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ, а именно даче взятки в размере 305 тыс. руб. следователю, с целью изменения меры пресечения и прекращения уголовного преследования в отношении родственника гражданина Ф.

В отношении обвиняемого Ф. проведен оперативный эксперимент, в ходе которого составлялись акты вручения и изъятия специальных технических средств, зафиксирован факт передачи сотруднику следствия предмета взятки за выполнение им обозначенных действий.

В ходе судебного разбирательства сторона защиты утверждала о наличии факта подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов, учитывая психоэмоциональное состояние обвиняемого и его нахождение на учете у психиатра. Сторона защиты указывала, что денежные средства передавались обвиняемым следователю с целью возмещения причиненного ущерба потерпевшему либо в виде залога за освобождение родственника из следственного изолятора. Доводы стороны защиты опровергнуты выводами проведенной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, согласно которой у обвиняемого отсутствовали психические заболевания и временные психические расстройства в период совершения инкриминируемого ему деяния, что позволяло ему осознавать характер своих действий и руководить ими.

Стороной защиты также выдвигались доводы о техническом вмешательстве в аудиозаписи, произведенные в ходе оперативного эксперимента в части отсутствия в аудиозаписях высказанных следователем фраз, свидетельствующих о его активной подстрекательской позиции. Суд не согласился с доводами стороны защиты и признал, что содержание речей на фонограммах соответствует показаниям подсудимого, свидетелей и подтверждает факт дачи взятки сотруднику следственного подразделения. Указанные выводы суда положены в основу обвинительного приговора. Вместе с тем, в ходе судебного разбирательства судом не была назначена и не проведена судебная экспертиза аудиозаписи на предмет наличия монтажа или фальсификации⁴. По мнению автора, изложенное свидетельствует о том, что судом не дана надлежащая оценка предоставленных суду результатов ОРД, проигнорированы доводы защиты о недопустимости их использования в уголовном судопроизводстве. По мнению автора, существует законодательно неразрешенная проблема: каким образом должно осуществляться оперативно-розыскное обеспечение уголовного процесса и взаимодействие с государственным обвинителем и судом при рассмотрении уголовного дела, если орган, осуществляющий ОРД, не являясь стороной обвинения, не вправе непосредственно участвовать в судебном разбирательстве.

В соответствии с ч. 5 ст. 246 УПК РФ на стороне государственного обвинения в ходе судебного рассмотрения уголовного дела лежит обязанность представить суду доказательства, полученные в ходе досудебного производства. Именно государственный обвинитель определяет стратегию и тактику участия в судебном разбирательстве и действуя в соответствии с ними представляет доказательства. Однако уголовно-процессуальный закон не наделяет прокурора правом самостоятельного проведения каких-либо действий, связанных с доказыванием, за пределами зала судебного заседания

и в нем нет упоминания о возможности для государственного обвинителя давать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, какие-либо поручения, указания и т.п. А. И. Александров считает, что, хотя прокурор в досудебных стадиях и является руководителем уголовного преследования, прокуратура не вправе обеспечивать оперативное сопровождение расследования и координировать осуществление оперативно-розыскных мероприятий на стадии судебного разбирательства [3, с. 61-70]. Этому мнению придерживается ряд других ученых процессуалистов.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает для государственного обвинителя единственную возможность взаимодействия с субъектами, осуществляющими ОРД, путем предварительного обращения прокурора к составу суда, для государственной защиты участников судебного процесса. Только у суда, из всех участников уголовного судопроизводства, есть такое полномочие.

Автор разделяет позицию Ю. П. Гармаева о необходимости использования следователями и прокурорами алгоритма проверки результатов оперативно-розыскной деятельности при изучении материалов уголовного дела и представленных в установленном порядке материалов оперативно-розыскной деятельности [4, с. 23]. Использование данного алгоритма позволит избежать признания доказательств, полученных на основе результатов ОРД недопустимыми и препятствовать формированию неправомерной доказательственной базы по уголовному делу. Именно ориентирование прокуроров и следователей на оценку результатов ОРД с помощью данного алгоритма позволит минимизировать нарушения оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства до стадии направления уголовного дела в суд.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы о том, что существующие пробелы в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве использования результатов ОРД и отдельные противоречия следственно-судебной практики, с учетом особенностей предоставления, проверки и оценки судом доказательств, полученных на основе ОРМ по делам о взяточничестве, могут привести не только к возвращению уголовного дела прокурору для передачи его по подследственной и производственной дознания в общем порядке, прекращению уголовного дела в суде, но и дают возможность ухода преступников-коррупционеров от уголовного преследования. В свою очередь, предоставленные субъектами оперативно-розыскной деятельности в суд результаты ОРД должны отвечать требованиями ст. ст. 74, 89 УПК РФ.

С целью недопущения использования в уголовном судопроизводстве недопустимых доказательств следователю и прокурору следует выработать или использовать на практике существующие алгоритмы оценки результатов ОРД.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин А. Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – 429 с.
2. Воробьева Ю. Ю. Современные проблемы доказывания в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2017. – 187 с.
3. Александров А. С., Кухта А. А., Абдуллаев Я. Д. Оперативное сопровождение поддержания государственного обвинения в суде // Практическое законоискусство. – 2007. – № 1.
4. Гармаев Ю. П. Алгоритм проверки результатов оперативно-розыскной деятельности следователем, прокурором (взгляд криминалиста) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 23-32.

3 Уголовное дело № 1-17/2016 // Архив Ялтинского городского суда Республики.

4 Уголовное дело № 1-72/2016 // Архив Судакского городского суда Республики Крым.

НЕКРАСОВ Александр Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЯМ СОТРУДНИКОВ УИС В КРИМИНАЛИЗАЦИИ, В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

К пыткам и издевательствам над людьми в обществе всегда проявлялся общественный резонанс и возмущение, с целью предотвращения подобных фактов, особенно если подобные деяния совершаются правоприменителями в системе правоохранительных органов. В изложенном материале имеется историческая информация как 19 века, так и прошлого столетия об издевательствах и пытках заключенных в тюремной системе как дореволюционного, так и послереволюционного периода развития исправительных учреждений. Повышенный интерес к данной теме вызван общественностью, как в постсоветский период времени, так и в современный. С целью предотвращения подобных преступных действий и профилактических мероприятий законодателем были разработаны поправки и внесены в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: пытки, издевательства, поправки в уголовный закон, наказания, правозащитники, исправительные учреждения, история законодательства, карательная политика.

NEKRASOV Alexander Petrovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Professional disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

A LEGAL ASSESSMENT OF THE ACTIONS OF PRISON OFFICERS IN CRIMINALIZING CONVICTS SERVING SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY AND COUNTERACTION MEASURES

There has always been public outcry and outrage towards torture and bullying in society in order to prevent such facts, especially if such actions occur by law enforcement officers in the law enforcement system. In order to stop such criminal acts and preventive measures, the legislator has developed amendments and introduced them into the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: torture, bullying, amendments to the criminal law, punishments, human rights defenders, correctional institutions, history of legislation, punitive policy.

8 июля 2022 г. Советом Федерации внесены поправки в действующее уголовное законодательство о повышенных мерах уголовной ответственности за пытки должностными лицами в правоохранительной системе. Поправки внесены в статью 286 в ч. 4 УК РФ и теперь под пытками следует понимать «любые действия или бездействия, умышленно причиняющие сильную боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания в чем-то» [1]. В основу этой интерпретации лежат умышленные действия или бездействия должностного лица, причиняющий сильную боль или физические или нравственные страдания. Как видим, данная норма права, в настоящее время будет являться регулятором общественных отношений между субъектами права и ограничит преступные намерения и деяния некоторых должностных лиц, служащих в системе правоохранительных органов. Наряду с внесенными поправками в данную статью законодатель определил и санкцию за преступный акт, теперь ч. 4 этой нормы предусматривает лишение свободы от восьми до двенадцати лет лишения свободы [2], что является достаточно суровой карой. Принятые Советом Федерации такие новеллы теперь будут являться предупредительной мерой, направленной для предотвращения совершения преступлений со стороны должностных лиц, служащих в этой сфере. Обратил внимание законодатель и на ст. 302 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность «За принуждение к даче показаний» [3]. По своей правовой природе, совершенные преступления, предусмотренные ст. 286 УК РФ и вышеупомянутая статья несколько схожие, поэтому законодатель не оставил и ее без внимания и также внес в нее такие же поправки в виде уголовной ответственности за пытки. Так, например, согласно ч.3 ст. 302

УК РФ за принуждение подозреваемого, обвиняемого или осужденного, а также потерпевшего, или свидетеля к даче показаний путем угроз, шантажа или иных противоправных действий следователем, или лицом производящим дознание или иным сотрудником правоохранительного органа посредством пыток наказывается лишением свободы до десяти лет лишения свободы. Как видим в ст. 302 УК РФ внесены также изменения в сторону ужесточения преступных деяний со стороны лиц, производящих предварительное следствие или дознание. Что же послужило основанием внесения поправок в Уголовный закон?

В 2011 г. правозащитником В. Осечкиным был создан общественный проект - «Gulagu.Net», в защиту прав заключенных. Имея при себе компрометирующий материал уголовно-исполнительной системы осенью 2021 г. он, разместил на сайте видео кадры, полученные из туберкулезной больницы ФСИН № 1 в Саратове, на которых были запечатлены пытки и изнасилования осужденных в тюремной больнице. Видеоролики преступного поведения сотрудников УИС распространились среди общественности и дошли до правозащитников, что являлось уже поводом и сигналом для принятия мер.

В процессе проведенной служебной проверки преступные факты нашли свое документальное подтверждение на вопиющие публикации с видеозаписями. На основании этого, было возбуждено 12 уголовных дел по насильственным действиям сотрудниками УИС. Безусловно, видеоматериалы стали достоянием гласности отдельных должностных лиц из нашей правоохранительной системы, а также депутатов Государственной Думы и уполномоченного по правам человека Т. Н. Москальковой. На основе видео подтверждений и изученных достоверных фактов законодателем были раз-

работанные и принятые Федеральные законы, изменившие юридическую конструкцию ст. 286 ч. 4 и ст. 302 ч.3 УК РФ [3].

Таким образом, принятые поправки в Федеральный закон стали ответным ходом на скандал с публикациями видеозаписей с трансляцией пыток осужденных. Надо отметить, что сигналы пыток и издевательств ранее поступали как от самих осужденных, так и представителями общественности, однако карательная система ограничивалась исключительно действующими нормами права Уголовного закона, ссылаясь на ст. 117 УК РФ и ст. 285 или ст. 286 ч.3 УК РФ. И вот час икс наступил, Председатель Совета Федерации В. И Матвиенко, и Уполномоченный по правам человека в России Т. Н. Москалькова незамедлительно с реагировали на преступные действия отдельных должностных лиц из числа сотрудников пенитенциарной системы, где по их поручению депутаты Государственной Думы разработали проект норм права, которые в последствии были приняты как поправки к соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ, а именно, ч. 4 ст. 286 УК РФ видоизменилась, как и ч. 3 ст. 302 УК РФ. Вот так бывший осужденный повлиял на законотворчество в России, с целью искоренить физические пытки и издевательства в исправительных учреждениях.

Возникает вполне справедливый вопрос: неужели нельзя было ранее с реагировать на столь вопиющие факты, о которых знала и общественность, и отдельные должностные лица, или как принято в России говорить, «пока гром не грянет мужик не перекрестится». Безусловно, этим фактам предшествуют исторические события пыток, которые существовали на протяжении всего периода тюремных заведений в России и носили системный характер. Так, например, существовала советская система пыток, а современная российская пенитенциарная машина издевательств стала лишь правопреемницей того периода времени. В царской России пытки были закреплены на законодательном уровне, надзиратели физически издевались над арестантами с целью выбить из них нужные и признательные показания, например, заключенным или задержанным могли вырвать язык или зубы, сломать ребра, посадить на кол, избить кнутом. Такие физические меры пыток и издевательств применялись до 19 века и лишь при царе-батюшке Александре -1, на основе его гуманного указа пытки и издевательства над арестантами были запрещены. Советская власть, установленная в 1917 году к арестантам пытки и издевательства также запрещала, но вот в 1936 году, с приходом такого руководителя НКВД как Николай Ежов в истории России начались жуткие репрессии. Допросы в ночное время, избивание стариков и женщин, а порою и несовершеннолетних подвергали пыткам с целью выбить с них ложные показания о несуществующих преступлениях, после чего, отправляли их в машину правосудия, через которую прошли миллионы людей. Миллионы ни в чем не повинных людей стали жертвами пыток и издевательств.

Накануне войны, пытки и издевательства в совершении государственных преступлений были разрешены самим Сталиным, от органов правосудия с подсудимых требовалось исключительно только одно, доказать измену Родине.

После смерти Сталина одним из первых нововведений ставшего министром внутренних дел Лаврентия Берии был приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия» [4].

Следует отметить, что Указ Л. Берия впоследствии подержал и одобрил Н. Хрущёв и его окружение.

На сегодняшний день насильственные преступления в местах лишения свободы сотрудниками пенитенциарных служб носит глубоко латентный характер и контролирующим и надзирающим органам достаточно трудно выявить факты правонарушений, совершенные сотрудниками УИС.

Как же бороться и противодействовать этому социальному злу, исходящему от представителей правоохранитель-

ных органов? Нами предлагаются предложения следующего характера:

1. Разработать методические рекомендации в виде брошюр по предотвращению физического насилия в уголовно-исполнительной системе и раздать каждому осужденному.

2. Всем без исключения осужденным, обеспечить прямую линию в виде жалоб и заявлений с работниками прокуратуры, а также с представителями следственных комитетов в субъектах РФ.

3. Администрации исправительных учреждений более действенно реагировать на заявления и жалобы осужденных и отправлять их по вышестоящим инстанциям с целью принятия решений.

4. Усилить ведомственный контроль за деятельностью учреждений, исполняющих наказаний, сотрудникам вышестоящего ведомства и более действенно реагировать на жалобы осужденных со всеми вытекающими последствиями.

5. Работникам прокуратуры осуществлять чаще выезды в ИУ (не менее двух раз в месяц) и организовывать индивидуальные и коллективные беседы с осужденными на предмет выявление психических угроз или пыток.

6. Представителям общественных объединений и организаций, согласно утвержденного графика с администрацией ИУ, также аналогично не менее двух раз в месяц посещать их, для профилактических индивидуальных и коллективных бесед с осужденными по предотвращению насилия.

7. Аналогично организовать телефоны доверия внутри исправительного учреждения в определенные часы и дни, для ведения телефонных переговоров с уполномоченными по правам человека в субъектах РФ.

8. Организовать телефоны доверия с адвокатскими общественными организациями по жалобам и заявлениям осужденных.

На взгляд правоприменителей эти меры будут достаточно эффективными и действенными, а результаты будут, по нашему мнению, исключительно только положительными.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 14.07.2022 № 307-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 1 октября 2024 г.ст. 286 УК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 14.07.2022 № 307-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 октября 2024 г. ст. 302 УК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 14.07.2022 № 307-ФЗ (с изменениями и дополнениями ст. 286 ч. 4 и ст. 302 ч. 3 УК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД СССР № 0068 от 4 апреля 1953 г. «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=6994>.

ПОПОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

АБДРАХМАНОВА Алсу Рамазановна

старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

БУРКОВА Марина Алексеевна

начальник кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются вопросы сотрудничества правоохранительных органов с институтами гражданского общества в Российской Федерации. Акцентируется внимание на важности конструктивного сотрудничества между ними.

В статье уделяется внимание мониторингу мнения о работе правоохранительных органов, необходимому не только для объективности деятельности полиции, но и для стимулирования активной гражданской позиции, а также для плодотворного сотрудничества между населением и органами внутренних дел Российской Федерации.

Отмечается, что институты гражданского общества приоритетный ресурс, с помощью которого обеспечивается последовательное противодействие преступности и другим противоправным действиям.

Ключевые слова: сотрудничество, правоохранительные органы, институты гражданского общества, общественное мнение.

POPOVA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Human resources and personnel management in law enforcement agencies sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

ABDRAKHMANOVA Alsu Ramazanovna

senior researcher at the Scientific Research Department, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

BURKOVA Marina Alexeevna

Head of Human resources and personnel management in law enforcement agencies sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

PUBLIC OPINION AS AN INDICATOR OF THE INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

The issues of cooperation between law enforcement agencies and civil society institutions in the Russian Federation are considered. Attention is focused on the importance of constructive cooperation between them. The article focuses on monitoring opinions about the work of law enforcement agencies, which is necessary not only for the objectivity of police activities, but also to stimulate an active civic position, as well as for fruitful cooperation between the population and law enforcement agencies of the Russian Federation. It is noted that civil society institutions are a priority resource through which consistent counteraction to crime and other illegal actions is ensured.

Keywords: cooperation, law enforcement agencies, civil society institutions, public opinion.

Государства с очевидностью сильно различаются между собой, но более всего различий существует по поводу участия населения в управлении делами общества и государства. Представителю западной правовой культуры ясно, что гражданам должны принимать активное участие в общественной жизни. Но это совершенно не очевидно для представителей других правовых культур. Так, если на Западе местное самоуправление и общественные организации оцениваются как проявление политической активности и инструмент отстаивания обществом своих прав и свобод, то на Востоке подобного рода структуры — это, напротив, лишь один из инструментов государственного фиска и государственного контроля над обществом и личностью [1].

Как, справедливо отметил, К. Е. Сигалов, вероятно, именно в западноевропейском Средневековье возникают альтернативные формы выражения властных интенций. Сырые средневековые государства не имели ни регулярных армий, ни полиции. Полиция как атрибут гражданского общества возникла из необходимости защищаться горожанам от посягательств на их собственность и жизнь, ибо проблема уго-

ловных преступлений долгое время вообще не интересовала государственную власть [2].

К сказанному следует добавить, что необходимость создания собственно полицейских структур как вооруженных формирований, охраняющих свободных граждан и свободных крестьян, защищающих их интересы, в России возникла достаточно поздно. Собственно, таких граждан и тем более свободных крестьян практически не было. Полиция возникла не как самостоятельный орган защиты населения, подчиненный праву и управляемый обществом, а как часть государственно-репрессивного аппарата, защищавшего в первую очередь властные элиты. Из городских профессиональных корпораций генетически ведут свое происхождение и профессиональные союзы. Городская жизнь, участие в общественных делах, осознание значимости борьбы за собственные права делает из любого человека гражданина и вовлекает его в гражданское общество [1].

Каждый гражданин Российской Федерации независимо от национальности, половой принадлежности, веры, политических взглядов имеет право на защиту достоинства [3].

На сегодняшний день эффективно бороться с преступностью, невозможно без конструктивного взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с институтами гражданского общества.

Отличительной чертой настоящего времени, можно считать модернизацию правоохранительных органов и создание качественной целенаправленной организации взаимодействия с общественными объединениями, конфессиональными объединениями, общественными организациями, деятельность которых в первую очередь ориентирована на поддержание законности и правопорядка.

Между сотрудниками правоохранительных органов и институтами гражданского общества выстраивается партнерская конструктивная работа.

Анализируя вопрос о степени сотрудничества между ними, отметим следующие мероприятия: проводится совершенствование комплекса организационных мер для повышения уровня доверия граждан к деятельности правоохранительных органов, обеспечивается на системной основе согласование целенаправленных действий сотрудников правоохранительных органов с общественностью и различными ее формированиями.

Совершенно очевидно, что институты гражданского общества приоритетный ресурс, с помощью которого обеспечивается последовательное противодействие преступности и другим противоправным действиям. Другими словами, потребность в институте гражданского общества, на который опирается власть и благодаря которому реализуется принцип демократии не вызывает сомнения.

Сказанное позволяет сделать вывод, что необходимо не останавливать выстраивание плодотворных взаимоотношений в рамках работы общественных советов при МВД России и его территориальных органах, встреч руководителей и сотрудников органов внутренних дел с представителями общественности и различными ее формированиями, проведение тематических «круглых столов», семинаров, конференций, совещаний и других мероприятий, проведение информационно-пропагандистских акций, взаимодействие со средствами массовой информации, встречами с обучающимися в образовательных организациях.

Не смотря на положительную динамику, есть ряд трудностей в области взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с представителями общественности и различными ее формированиями, из-за идеологии общественного сознания, обусловленной социальным неравенством.

Преодоление этой ситуации возможно путем совместной деятельности, так при обращении с гражданами сотрудникам правоохранительных органов, необходимо проводить разъяснительную работу, направленную на повышение их правосознания.

В связи с этим обратим внимание на Аналитический обзор подготовленный Федеральным государственным казенным учреждением «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» «Оценка деятельности органов внутренних дел социологическими службами», который стал результатом опроса граждан о деятельности органов внутренних дел, проведенных Федеральной службой охраны России в субъектах Российской Федерации в 2019 - 2023 гг., результатом исследований российских социологических организаций о деятельности правоохранительных органов и экспертных оценок.

С начала специальной военной операции развитие российской государственности осуществляется в условиях беспрецедентного санкционного давления западных стран и попыток тотальной изоляции России.

Ответом на враждебные действия стала ускоренная адаптация российской экономики и финансовой сферы к новым экономическим реалиям, масштабированный переза-

пуск военно-промышленного комплекса, интенсификация научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ в интересах военно-промышленного комплекса и импортозамещения, оптимизация логистики торговых отношений с дружественными странами, таких как Китай, Индия, страны юго-восточной, центральной Азии и Африки.

Выше названные условия позволили в самые кратчайшие сроки сформировать новую макроэкономическую и социальную стабильность в стране, консолидировать гражданское общество вокруг интегрирующих ценностей суверенитета, патриотизма, доверия и солидарности, нацеленности на преодоление стоящих перед нашим обществом проблем обеспечения безопасности, уверенности в завтрашнем дне.

В сложившихся обстоятельствах новой реальности важным критерием сплоченности и консолидации российского общества являются индикаторы общественного мнения по вопросам доверия государственным и общественным институтам, в том числе, органам внутренних дел по вопросам качества обеспечения общественной безопасности, социальной стабильности, контроля над криминальной ситуацией.

По данным исследования проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее – «ВЦИОМ»), в наибольшей степени в 2023 г. доверяет полиции, как и в прошлом году, молодежь в возрасте 18-24 лет – в 2023 г. данный показатель достиг 85 %, что в 1,3 раза превышает средние значения по выборке в целом (66 % среди всех опрошенных). Недоверие полиции высказала только четверть участников опроса.

Наряду с молодежью чаще других доверяют полиции граждане с высоким уровнем доходов 75 %, с более скромным достатком – 48 %, а также работающие в бюджетных организациях – 78 % против 65 % среди работников коммерческих организаций. По мнению экспертов Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень доверия полиции, по-прежнему, обусловлен возрастными особенностями (социальный оптимизм), материальным положением (независимость, успешность) и местом работы (госструктуры и область социального обслуживания) [4].

Подводя итог вышеизложенному, отметим престиж службы в органах внутренних дел во многом зависит от того, кто состоит на службе [5].

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское общество / учебник. Москва: Издательская группа «Юрист», 2016. С. 397.
2. Сигалов К. Е. Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 15-18.
3. Некоторые вопросы привлечения за оскорбление к административной ответственности // Вестник ВИПК МВД России. 2021. № 4 (60). С. 30-35.
4. Аналитический обзор ФГКУ «ВНИИ МВД России» «Оценка деятельности органов внутренних дел социологическими службами». 2023 год.
5. К вопросу квалификационных требований, предъявляемых к кандидатам на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2021. № 8. С. 165-167.

ХАНОВ Талгат Ахматзиевич

доктор юридических наук, профессор, директор научно-исследовательского института экономических и правовых исследований, Карагандинский университет Казпотребсоюза

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена анализу особенностей досудебного расследования уголовных дел в протокольной форме в Казахстане. В статье обращается внимание на то, что многие уголовно-процессуальные нормы не соответствуют современным реалиям, что делает их реформирование актуальным. Автор анализирует действующие нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок рассмотрения уголовных дел в протокольной форме и их влияние на процесс расследования. Указываются проблемы, возникающие из-за неопределенности границ между различными формами расследования и недостаточной эффективности самой протокольной формы, часто приводящей к нарушениям норм и процессуальным затруднениям. Статья включает анализ статистических данных, демонстрирующих увеличение числа дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям, что автором интерпретируется как показатель неэффективности протокольной формы расследования. Обсуждаются вопросы, связанные с соблюдением сроков расследования и процессуальной логикой. Проведенное исследование поднимает вопрос целесообразности сохранения протокольной формы в уголовном процессе и предлагает пересмотреть подходы к уголовно-процессуальной практике с целью улучшения качества и повышения эффективности досудебного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, формы расследования, дознание, следствие, протокольная форма, сроки расследования, подследственность, прокурор, нарушение законодательства, правовая статистика.

KHANOV Talgat Akhmatzievich

Ph.D. in Law, professor, Director of the Research Institute of Economic and Legal Research, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz

INVESTIGATION OF CRIMINAL OFFENSES IN PROTOCOL FORM: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article is devoted to the analysis of the features of pre-trial investigation of criminal cases in the protocol form in Kazakhstan. The work draws attention to the fact that many criminal procedural rules do not correspond to modern realities, which makes their reform relevant. The author analyzes the current norms of criminal procedural legislation regulating the procedure for considering criminal cases in the protocol form and their impact on the investigation process. The problems arising from the uncertainty of the boundaries between different forms of investigation and the insufficient effectiveness of the protocol form itself, which often leads to violations of the rules and procedural difficulties, are pointed out. The article includes an analysis of statistical data demonstrating an increase in the number of cases terminated on rehabilitating grounds, which the author interprets as an indicator of the ineffectiveness of the protocol form of investigation. Issues related to compliance with the investigation deadlines and procedural logic are also discussed. The conducted study raises the question of the advisability of maintaining the protocol form in criminal proceedings and proposes to revise approaches to criminal procedural practice in order to improve the quality and increase the effectiveness of pre-trial investigation.

Keywords: criminal proceedings, forms of investigation, inquiry, investigation, protocol form, investigation periods, jurisdiction, prosecutor, violation of legislation, legal statistics.

Введение

В одном из своих посланий народу Казахстана, Президент Республики Казахстан поручил совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство и «избавиться от всего того, что не работает и препятствует расследованию»¹. Учитывая тематику данной научной статьи, следует обратить внимание на то, что некоторые нормы права имеют свойство вымирания и когда меняется вокруг действительность, некоторые нормы могут быть бесполезны и даже оказывать негативное влияние своим существованием на организацию деятельности расследования и в этом случае, возникает не-

обходимость в изменении положений национального законодательства.

Проблематика расследования уголовных дел в протокольной форме как одной из разновидностей упрощенной формы досудебного расследования была актуальна в науке уголовно-процессуального права советского периода [6, 10], в том числе и на монографическом уровне [17]. Поскольку впервые была введена как средство борьбы с хулиганством².

В первом Уголовно-процессуальном кодексе независимого Казахстана³ образца 1997 года, отсутствовал инсти-

1 Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 28.01.2025).

2 Об усилении ответственности за хулиганство: Указ Президиума Верховного Совета СССР № 5362-6 от 26 июля 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 28.01.2025).

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-І. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>.

тут протокольной формы. Однако в декабре 2009 года УПК РК был дополнен главой 23-1 «Упрощенное досудебное производство»⁴, который содержал определенные элементы данной формы.

Новая редакция Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, принятого в 2014 году, уже содержала главу 55 «Особенности производства по делам об уголовных проступках», предусматривающую порядок расследования уголовных дел в протокольной форме. Данная форма досудебного расследования предусмотрена только в отношении лиц, совершивших уголовный проступок, деяние, признаваемое одним из видов уголовных правонарушений (ст. 10 УК РК)⁵.

С момента вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса редакции 2014 года, и в ходе осуществления производства по расследованию дел в протокольной форме, у органов уголовного преследования возникали сложности, которые сказываются на эффективности их деятельности. Несмотря на то, что многие процессуалисты ратуют за внедрение казахстанского опыта по упрощению досудебного производства [6; 3, с. 246; 15, с. 50; 7, с. 88], а также введение института уголовных проступков [12, с. 51; 19, с. 113], однако анализ судебно-следственной практики показывает несостоятельность таких предложений.

На сегодняшний день можно смело констатировать, что практически размыты границы, обозначенные между существующими в Казахстане формами расследования: между формой следствия, дознания и рассматриваемой протокольной формой. Это связано с тем, что на протяжении всего времени действия положений УПК РК в редакции 2014 года, в главу 55, предусматривающую порядок расследования в протокольной форме⁶, неоднократно вносились изменения, в целях её совершенствования. Между тем, большинство авторов в своих научных публикациях указывают, что протокольная форма себя не оправдала [14, с. 55; 16, с. 140]. К тому же многие ученые обращают внимание на недостатки протокольной формы досудебного производства [13, с. 47; 18, с. 128].

Кроме того, как показывает анализ правоприменительной практики, существуют грубые нарушения норм УПК РК при расследовании уголовных дел в протокольной форме. Также, уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие сроки расследования уголовных дел протокольной формы, на наш взгляд являются противоречивыми, запутанны-

ми и не отвечающими требованиям правоприменительной практики для достижения целей уголовного процесса.

В обоснование высказанных умозаключений проанализируем данные правовой статистики за последние четыре года, приведем конкретные примеры из правоприменительной практики Республики Казахстан и подробно исследуем положения уголовно-процессуального законодательства о сроках расследования, с целью доказать, что на сегодняшний день протокольная форма расследования является неэффективной.

Результаты. Как установлено в УПК РК, протокольная форма расследования осуществляется по уголовным проступкам, т.е. правонарушениям с наименьшей общественной опасностью.

Основными причинами, по которым уголовные проступки могут расследоваться в иных формах (в форме следствия или дознания), являются следующие:

- уголовное правонарушение совершено несовершеннолетним;
- не удалось в указанный УПК РК срок осуществить сбор материалов по уголовному проступку для направления его в суд;
- при расследовании выявлены грубые нарушения норм уголовно-процессуального законодательства.

Относительно первой причины, вопросов не возникает, что нельзя сказать о проблеме сроков расследования.

В ч. 1 ст. 526 УПК РК установлено, что уголовное правонарушение, расследуемое в протокольной форме, должно быть окончено не позднее 10 суток с момента допроса подозреваемого лица. В свою очередь, эта же статья устанавливает, что если в течение срока давности лицо не было допрошено, то уголовное дело по совершенному проступку подлежит прекращению за отсутствием состава уголовного правонарушения. В соответствии со ст. 71 УК РК, срок давности по уголовному проступку составляет 1 год.

Получается, что если уголовное дело расследуется в протокольной форме, лицо известно, но по каким-то причинам не допрошено в течение года, то оно не будет подлежать уголовной ответственности.

Таких примеров в правоприменительной практике более чем достаточно. Проведенный в рамках исследования опрос действующих сотрудников дознания указывает, что порядка 50 % уголовных дел, расследуемых в протокольной форме, прекращаются за истечением срока давности.

Статистика указывает следующее:

– в 2021 году из 29025 уголовных проступков находящихся в производстве, было прекращено по реабилитирующим основаниям 12021, что составляет 41 %. По 39 фактам уголовное дело было прервано в связи с неустановлением лица, совершившего уголовное правонарушение. По 37 фактам сроки расследования прерваны в виду того, что подозреваемый скрылся от органов уголовного преследования либо место его пребывания не было установлено;

– в 2022 году из 28624 уголовных проступков находящихся в производстве, было прекращено по реабилитирующим основаниям 12273, что составляет 43 %. По 40 фактам уголовное дело было прервано в связи с неустановлением лица, совершившего уголовное правонарушение. По 23 фактам сроки расследования прерваны в виду того, что подозреваемый скрылся от органов уголовного преследования либо место его пребывания не было установлено;

– в 2023 году из 26449 проступков находящихся в производстве, было прекращено по реабилитирующим основани-

[kz/document/?doc_id=1008442](https://adilet.zan.kz/rus/document/?doc_id=1008442). (дата обращения: 28.01.2025).

- 4 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам упрощенного досудебного производства Закон Республики Казахстан от 3 декабря 2009 года № 213-IV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000213_#30 (дата обращения: 28.01.2025).
- 5 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 28.01.2025).
- 6 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 28.01.2025).

ям 11340, что составляет 43 %. По 83 фактам уголовное дело было прервано в связи с неустановлением лица, совершившего уголовное правонарушение. По 72 фактам сроки расследования прерваны в виду того, что подозреваемый скрылся от органов уголовного преследования либо место его пребывания не было установлено;

– в 2024 году из 30354 дел находящихся в производстве, было прекращено по реабилитирующим основаниям 17255, что составляет 57 %. По 64 фактам уголовное дело было прервано в связи с неустановлением лица, совершившего уголовное правонарушение. По 67 фактам сроки расследования прерваны в виду того, что подозреваемый скрылся от органов уголовного преследования либо место его пребывания не было установлено.

Анализ представленной статистики указывает на увеличение числа уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям, с 41 % в 2021 году до 57 % в 2024 году. При этом, несмотря на незначительное колебание данного показателя в период с 2021 по 2023 годы, последний год демонстрирует значительный скачок, что является подтверждением неэффективности протокольной формы расследования, поскольку увеличение числа прекращений дел может свидетельствовать о недостаточной квалификации следственных органов или о недостатках в собирании и анализе доказательственной базы.

Кроме того, устойчиво высокий процент дел, прекращенных из-за невозможности установить лицо, совершившее преступление, или из-за того, что подозреваемый уклоняется от следствия, подчеркивает слабости в работе правоохранительных органов. В 2024 году этот показатель также возрос, что может свидетельствовать о серьезных системных проблемах в следственной практике.

В рамках проводимого анализа практики досудебного расследования в протокольной форме возникает противоречивая ситуация, заслуживающая осмысления с точки зрения процессуальной логики и эффективности. Принципиальным вопросом является целесообразность инициации досудебного расследования в протокольной форме в ситуациях, когда личность предполагаемого правонарушителя не установлена. Существенное затруднение вызывает понимание того, что в большинстве случаев такие дела в последующем либо переходят в форму дознания, либо передаются в расследование органам следствия.

При этом отметим, что на постоянной основе уголовные дела, расследуемые в протокольной форме по различным нарушениям норм уголовно-процессуального законодательства, либо возвращаются судом для дальнейшего расследования в форме дознания или следствия, а также происходит большое количество отказов прокурором в утверждении рассматриваемой формы расследования. В обосновании высказанной позиции вновь обратимся к данным правовой статистики:

– в 2021 году по 867 делам отказано прокурором в утверждении протокольной формы, 35 дел возвращены судом для производства следствия или дознания;

– в 2022 году по 1150 делам отказано прокурором в утверждении протокольной формы, 25 дел возвращены судом для производства следствия или дознания;

– в 2023 году по 853 делам отказано прокурором в утверждении протокольной формы, 28 дел возвращены судом для производства следствия или дознания;

– в 2024 году по 1466 делам отказано прокурором в утверждении протокольной формы, 57 дел возвращены судом для производства следствия или дознания.

Анализ вышеуказанных статистических данных за период с 2021 по 2024 годы свидетельствует о значительном росте числа уголовных дел, возвращенных судом для дальнейшего производства в форме следствия или дознания, а также увеличении случаев отказа прокурором в утверждении протокольной формы расследования. Выявленная тенденция справедливо может быть интерпретирована как показатель неэффективности протокольной формы в рамках текущей уголовно-процессуальной практики Республики Казахстан.

Специфика данных показывает устойчивый рост количества отказов от утверждения протокольной формы расследования со стороны прокуроров: с 867 случаев в 2021 году до 1466 случаев в 2024 году. Следует отметить, что количество дел, возвращенных судом для дальнейшего производства, также показывает резкое увеличение в 2024 году, достигая 57 случаев по сравнению с 25 и 28 в предыдущие годы.

Обсуждение. Проведенный анализ, несомненно, свидетельствует о нарастающих сложностях в применении протокольной формы, что, вероятно, связано с системными недостатками в подготовке и реализации уголовно-процессуальных действий. В контексте оценки эффективности протокольной формы, растущее число отказов и возвратов указывает на критическую необходимость пересмотра данного подхода с целью повышения качества и обоснованности следственных действий, укрепления законности и справедливости уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, в качестве примера нарушений уголовно-процессуального законодательства, по причине которого происходит отказ прокуроров в назначении протокольной формы расследования, укажем на то, что, несмотря на законодательно установленные формы расследования, в 2022 году расследовалось уголовное правонарушение, предусмотренное статьей 346 УК РК в протокольной форме, вопреки тому, что согласно статьям 187 и 191 УПК РК, данные уголовные правонарушения должны расследоваться либо в форме дознания, либо в форме следствия [9, с. 119].

Принимая во внимание, что аналогичные проблемы сохраняются в течение четырехлетнего периода, что подтверждается материалами правовой статистики, становится очевидным, что академическое сообщество Казахстана и местное научное сообщество игнорируют указанные нарушения законодательства. В результате, не происходит адекватного реагирования к структурированию деятельности следственных органов в части определения формы уголовного процесса. Таким образом, либо проблема не признаётся значимой, либо не оказывает весомого влияния на результативность расследований и соблюдение правопорядка, что представляется значительным просчётом законодателя.

Данная точка зрения находит подтверждение в анализе научных трудов казахстанских процессуалистов, где отсутствует подробное обсуждение причин, повлекших проблемы в правоприменительной практике, связанные с несоблюдением норм, урегулированных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан, относительно форм расследования.

Одними авторами лишь в обобщенном виде рассматриваются существующие формы расследования и их недостатки [7, с. 80; 5, с. 180], в других лишь обращается внимание о необходимости реформирования уголовно-процессуального

законодательства без описания конкретных причин возникших проблемных ситуаций [1, с. 17; 11, с. 260].

Возникавшая негативная ситуация, на наш взгляд, связана с тем, что на сегодняшний день теория уголовного процесса весьма далека от ее практики. Между ними нет необходимой согласованности, а если проводятся совместные семинары или круглые столы, то, как правило, на них не обсуждаются насущные проблемы практики и в них не участвуют «рядовые» следователи и дознаватели.

Заключение. Подводя итоги справедливо отметить, что существующие на сегодняшний день обстоятельства указывают на потенциальную неэффективность первоначального выбора протокольной формы расследования на этапе регистрации в Едином реестре досудебных расследований. Кроме того, первоначальный выбор протокольной формы расследования не только задерживает процесс установления обстоятельств совершенного уголовно-наказуемого деяния, но и тратит ресурсы органов дознания, которые могли бы быть использованы более целенаправленно при наличии конкретизированных данных о лице, совершившем правонарушение.

Таким образом, изложенное свидетельствует о том, что протокольная форма расследования не только не способствует повышению эффективности уголовного процесса, но и может привести увеличению числа ошибочно прекращенных уголовных дел, что негативно сказывается на правопорядке и доверии к правоохранительной системе Республики Казахстан. Принимая во внимание, что существующие противоречия между формами досудебного расследования не обеспечивают соблюдение законности, возникает вопрос о целесообразности сохранения такого разнообразия.

Пристатейный библиографический список

1. Абдульдинов Р. О. Актуальные аспекты и проблемные вопросы протокольной формы досудебного расследования уголовных проступков нового уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2021. - № 11-5 (79). - С. 14-17.
2. Абдульдинов Р. О., Ханов Т. А. Генезис протокольной формы досудебного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан // Российско-азиатский правовой журнал. - 2021. - № 2. - С. 32-37.
3. Алексеева В. В. Протокольная форма досудебного расследования уголовных дел Республики Казахстан и перспективы ее применения в Российской Федерации // Актуальные проблемы и перспективы развития правовой системы Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения министра внутренних дел Казахской ССР, государственного и общественного деятеля, генерал-лейтенанта внутренней службы Ш. К. Кабылбаева и 20-летию столицы Республики Казахстан - города Астана. - 2018. - С. 246-248.
4. Гаврилов Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Baikal Research Journal. - 2014. - № 6. - С. 21-28.
5. Зайцев А. А. Свежий взгляд на приказное производство и производство по делам об уголовных проступках в Республике Казахстан // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2021. - № 2 (18). - С. 180-188.
6. Карнеева Л., Якубович Н., Михайлова Т. О протокольной форме досудебной подготовки материалов // Социалистическая законность. - 1985. - № 5.
7. Кененбаев Е. А. Формы досудебного производства в уголовном процессе России и Казахстана // Российское правосудие. - 2018. - № 2 (142). - С. 80-89.
8. Кененбаев Е. А. Протокольная форма в досудебном уголовном судопроизводстве: перспективы применения в России // Уголовный процесс. - 2018. - № 1 (157). - С. 88-92.
9. Койшубаева А. К., Ханов Т. А. Взаимосвязь законности и нравственности в условиях реформирования уголовно-процессуальных форм расследования в Республике Казахстан // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. - 2023. - № 4 (30). - С. 117-129.
10. Мартынич Е. Г., Милушев Д. В. Предварительное производство в социалистическом уголовном процессе / Под ред. Ю. Н. Тодыки. - Кишинев, 1986. - 128 с.
11. Можаяева И. П., Шульгин Е. П. Соотношение уголовно-процессуальной формы и электронного досудебного производства (по материалам Республики Казахстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2021. - № 2 (44). - С. 255-260.
12. Мурузиди А. В. Протокольная форма дознания как возможная процессуальная форма производства при рассмотрении дел, подпадающих под категорию уголовных проступков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. - 2019. - № 4 (39). - С. 51-56.
13. Насонова И. А., Зотова М. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. - 2017. - № 2. - С. 47-53.
14. Прокопова А. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как возможная модель ускоренного производства (с учетом опыта Республики Казахстан) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2019. - № 2 (84). - С. 55-63.
15. Солодовник В. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как основная перспектива упрощения производства по уголовным делам // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. - 2022. - № 4. - С. 50-56.
16. Сулеймен Д. Д., Авенев Т. К. Формы досудебного расследования в Республике Казахстан: пути и перспективы совершенствования // Тенденции развития науки и образования. - 2021. - № 78-3. - С. 140-145.
17. Чуркин А. В. Проблемы совершенствования досудебной подготовки материалов в протокольной форме: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - М., 1993.
18. Шайдуллина Э. Д. Дознание в сокращенной форме и протокольная форма досудебной подготовки материалов уголовного дела: сравнительно-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. - 2017. - № 4 (20). - С. 128-130.
19. Цыреторов А. И. Перспективы закрепления института уголовного проступка в отечественном законодательстве: уголовно-процессуальный аспект // Lex Russica / Русский закон. - 2022. - Т. 75, № 10 (191). - С. 113-122.

АЛЬ ХАЗРАДЖИ Хасанин Фархи Аб

аспирант кафедры уголовного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РОССИИ И ИРАКЕ: ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые в России и Ираке, а также обеспечение прав человека при применении к ним мер процессуального принуждения.

Статья включает сравнительный анализ двух правовых систем с акцентом на процессуальные механизмы, обеспечивающие законность и обоснованность применения мер принуждения, таких как задержание, арест, обыск и привлечение к ответственности. Исследуются права подозреваемых и обвиняемых на разных этапах уголовного процесса, а также роль судебных инстанций в защите этих прав.

Особое внимание уделяется международным стандартам прав человека, влияющим на национальное законодательство и практику применения мер процессуального принуждения. Рассматриваются проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы и судебная система в обеих странах, включая случаи нарушения прав человека и возможные злоупотребления.

Ключевые слова: меры принуждения, меры пресечения, уголовный процесс, гарантии прав личности.

AL KHAZRAJI Hasanin Fakhri Ab

postgraduate student of Criminal law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION IN RUSSIA AND IRAQ: GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS

The article examines the measures of criminal procedural coercion used in Russia and Iraq, as well as ensuring human rights when applying procedural coercion measures to them. The article includes a comparative analysis of two legal systems with an emphasis on procedural mechanisms that ensure the legality and validity of the use of coercive measures, such as detention, arrest, search and prosecution. The rights of suspects and accused at different stages of the criminal process are investigated, as well as the role of judicial authorities in protecting these rights. Special attention is paid to international human rights standards that affect national legislation and the practice of applying procedural coercion measures. It examines the problems and challenges faced by law enforcement agencies and the judicial system in both countries, including cases of human rights violations and possible abuses.

Keywords: coercive measures, preventive measures, criminal proceedings, guarantees of personal rights.

Меры уголовно-процессуального принуждения — это действия, применяемые к субъектам уголовного процесса с целью обеспечения его хода, защиты прав участников и законных интересов общества и государства. Они направлены на предотвращение уклонения от уголовного преследования и способствование установлению истины [2].

Меры пресечения, предусмотренные главой 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлены на обеспечение выполнения обязанностей участников процесса, а также на предотвращение возможности уклонения от правосудия.

Основные виды мер уголовно-процессуального принуждения:

1. Задержание подозреваемого:

Задержание может осуществляться в том случае, если есть основания полагать, что гражданин совершил преступление. Согласно ст. 91 УПК РФ, задержание не может превышать 48 часов без согласия суда на его продление.

2. Арест.

Устанавливается либо в качестве меры пресечения, либо по решению суда. Арест может быть избран, если есть основания полагать, что подозреваемый может скрыться от следствия или суда, или продолжить преступную деятельность (ст. 97 УПК РФ). Срок ареста является временным и подлежит регулярному пересмотру (обычно на каждый срок до 3 месяцев), но максимальный срок не должен превышать двух лет.

3. Домашний арест.

Это мера, применяемая только в случаях, предусмотренных законом, и представляет собой ограничение свободы лица с пребыванием под контролем (ст. 99 УПК РФ). Она может использоваться, как альтернатива аресту, и направлена на минимизацию вмешательства в личную жизнь обвиняемого.

4. Залог.

В качестве меры пресечения может быть установлен денежный залог, который выплачивается на случай, если лицо не выполнит назначенные судом обязательства (ст. 101 УПК РФ).

5. Запрет на определенные действия.

Суд может наложить запрет на выполнение определенных действий или выход за пределы определенной территории (например, выезд за границу) ст. 106 УПК РФ.

6. Контроль за поведением.

В некоторых случаях суд может установить надзор или контроль за поведением подозреваемого или обвиняемого. Это может включать обременительные условия, такие как регулярная явка в правоохранительные органы.

7. Привлечение в качестве свидетеля и обеспечение явки.

В случаях, когда свидетели уклоняются от явки или дают ложные показания, могут применяться меры принуждения, такие как штрафы [3].

Международные гарантии прав личности в контексте мер уголовно-процессуального принуждения основаны на общепризнанных принципах прав человека и международных правовых нормах. Эти гарантии направлены на защиту прав и свобод граждан, соблюдение которых является обязательным для всех государств, подписавших международные договоры. Основными документами, которые содержат эти гарантии, являются:

1. Всеобщая декларация прав человека (1948 г.).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.).

3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения (1984 г.).

4. Конвенция о правах ребенка (1989 г.).

5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.).

Международные гарантии прав личности в мерах уголовно-процессуального принуждения играют важную роль в формировании правовых систем государств и служат основой для защиты прав личности и обеспечения справедливости. Они обязывают государства обеспечивать соблюдение вышеупомянутых прав и свобод, создавая механизмы их защиты и реализации в уголовном процессе. Нарушение этих гарантий может привести к международной ответственности и негативным последствиям для государств на глобальной арене.

Гарантия прав личности при применении мер принуждения в уголовном праве России.

В Российской Федерации законодательные гарантии защиты прав личности в контексте мер уголовно-процессуального принуждения закреплены в различных нормативных актах, включая Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс (УК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) и другие законодательные акты. Эти гарантии направлены на защиту прав подозреваемых и обвиняемых, а также на обеспечение справедливости в уголовном процессе.

Рассмотрим основные законодательные гарантии:

1. Конституция Российской Федерации.

Статья 20. Каждый имеет право на личную неприкосновенность. Никто не может быть произвольно задержан или арестован.

Статья 21. Каждый имеет право на свободу, а также на защиту своего достоинства и чести. Применение пыток и жестоких, унижающих методов обращения запрещено.

Статья 49. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его вина не будет доказана в судебном порядке.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ).

Статья 8. Принципы уголовного судопроизводства, включая законность, справедливость и уважение прав личности.

Статья 10. Запрет на применение пыток и жестокого обращения, а также на незаконное вмешательство в личную жизнь.

Статья 13. Каждый подозреваемый, обвиняемый или подсудимый имеет право на защиту, включая право на помощь адвоката.

Статья 90. Установление мер пресечения, в том числе ареста, с указанием обоснований и необходимости применения таких мер только в строгом соответствии с законом.

Статья 101. Разрешение суда на арест и другие меры принуждения должно быть обоснованным и учитывать права человека.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ).

Уголовный кодекс содержит нормы, касающиеся уголовной ответственности и мер, которые не могут превышать пределы необходимых ограничений прав подсудимых.

4. Федеральные законы и другие нормативные акты:

– Федеральный закон «О адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: гарантирует право на юридическую помощь и защиту интересов лица, подвергшегося уголовному преследованию.

– Федеральный закон «О полиции»: устанавливает порядок задержания и обязанности полиции по уважению прав граждан.

Законодательство содержит предписания о необходимости регулярного пересмотра применения мер пресечения, таких как арест, чтобы избежать неоправданного ограничения свободы личности [5].

Законодательные гарантии защиты прав личности в России в контексте мер уголовно-процессуального принуждения направлены на создание правовой среды, которая обеспечивает соблюдение прав граждан и защищает их от произвола со стороны государства. Важнейшими аспектами этих гарантий являются принципы законности, справедливости и уважения человеческого достоинства. Однако на практике также существует необходимость в дальнейшей защите прав личности и реформах для улучшения правоприменительной практики и обеспечения доступа к правосудию.

Гарантия прав личности при применении мер принуждения в уголовном праве Республики Ирак.

В Ираке, как и в других странах, существуют законодательные гарантии защиты прав личности в контексте уголовного процесса и применения мер уголовно-процессуального принуждения. Рассмотрим ключевые аспекты законодательства Ирака:

1. Конституция Ирака, принятая в 2005 году, содержит ряд статей, касающихся защиты прав человека и основных свобод:

– статья 15. Гарантирует право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Запрещается произвольное задержание и арест;

– статья 19. Каждый имеет право на защиту в суде, а также на справедливое судебное разбирательство и защиту своих прав, в том числе право на помощь адвоката;

– статья 37. Запрещает пытки и любое бесчеловечное или унижающее обращение.

2. Уголовный кодекс Ирака устанавливает нормы, касающиеся уголовной ответственности и применение различных мер принуждения. Он также подразумевает:

– защиту прав заключенных;

– применение мер пресечения только в строго определенных законом пределах.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Ирака регулирует процессуальные аспекты уголовного производства, включая:

– право на защиту: обвиняемые вправе иметь адвоката, который будет представлять их интересы на всех стадиях процесса.

– судебные гарантии: обязательные сроки для ареста и задержания, а также необходимость получения разрешения суда на применение некоторых мер.

4. Права арестованных и заключенных.

Законодательство Ирака предусматривает:

– законодательные нормы об условиях содержания под стражей, включая запрет на пытки и несанкционированные физические воздействия;

– право на медицинскую помощь и контакт с семьями;

5. Правозащитные организации.

Иракские правозащитные организации и международные гуманитарные организации играют важную роль в мониторинге соблюдения прав человека. Они обращают внимание на применение мер принуждения и случаи нарушения прав личности, что способствует формированию общественного контроля [6].

Законодательные гарантии защиты прав личности в Ираке направлены на обеспечение справедливости в уголовном процессе и предотвращение нарушения прав человека. Несмотря на наличие формальных гарантий в законодательстве, существуют серьезные проблемы с несоблюдением этих прав и норм.

Несоблюдение гарантий прав человека в контексте мер уголовно-процессуального принуждения в Ираке является серьезной проблемой, которая затрагивает множество аспектов и вызывает озабоченность как внутри страны, так и за её пределами. Есть многочисленные свидетельства того, что задержанные и арестованные подвергаются пыткам, жестокому обращению и унижительному обращению, что является грубым нарушением, как внутреннего законодательства, так и международных норм. Часто случаи жестокого обращения остаются безнаказанными, и сотрудники правоохранительных органов не несут ответственности за свои действия. Более того, многие задержания происходят без достаточных оснований или без соблюдения необходимых процессуальных норм, что приводит к произвольному ограничению свободы.

Несоблюдение гарантий прав человека в Ираке в отношении мер уголовно-процессуального принуждения подчеркивает необходимость реформирования правоохранительных органов, укрепления системы правосудия и создания институциональных механизмов для защиты прав граждан. Международные организации и правозащитные группы продолжают бдительно следить за ситуацией, призывая к ответственности и изменению подходов к соблюдению прав человека в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Вятчина М. П. Актуальные проблемы судебной защиты при применении мер пресечения в виде залога и домашнего ареста» // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. - 2016. - № 2. - С. 16-17.
2. Грабьев В. А. Некоторые проблемные вопросы при избрании мер пресечения // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. - 2016. - № 5. - С. 49-53.
3. Уголовное право России. Общая и особенная части: Учебник / Грачева Ю. В., Чучаев А. И. - Москва: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. - 384 с.
4. Уголовное право России: особенная часть [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011.
5. Химичева О. В., Бондаренко И. П. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при их применении // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/raznoobrazie-mer-protsessualnogo-prinuzhdeniya-i-haraktera-garantiy-prav-svobod-i-zakonnyh-interesov-obvinyaemogo-pri-ih-primenenii> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Sarhang H. Barzinji. Human Rights Situation in Iraq and Kurdistan Region: Constitutional and Political Prospects / Democracy and Diversity in Education Conference, March 12th & 13th, 2013, Drammen, Norway. March 2013.

ОЛИНОВИЧ Роман Алексеевич

следователь следственной части по расследованию организованной преступной деятельности следственного отдела Восточно-Сибирского ЛУ МВД России на транспорте

ГРОЗИН Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В данной статье рассмотрены ключевые вопросы участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Обосновывается наличие практических проблем, связанных с участием переводчика в уголовном деле. Авторами отмечается отсутствие единого подхода по вопросу предоставления и отказа в предоставлении переводчика среди правоприминителей. Поставлена проблема определения квалификации, необходимой для осуществления перевода в рамках уголовного судопроизводства. Отдельно вскрыта проблема, связанная с оплатой услуг переводчика. Предложены некоторые векторы решения имеющихся практических проблем.

Ключевые слова: переводчик, уголовный процесс, перевод по уголовному делу, переводчик в уголовном судопроизводстве.

OLINOVICH Roman Alexeevich

investigator of the investigative unit for the investigation of organized criminal activities of the investigative department of the East Siberian Department of the MIA of Russia on transport

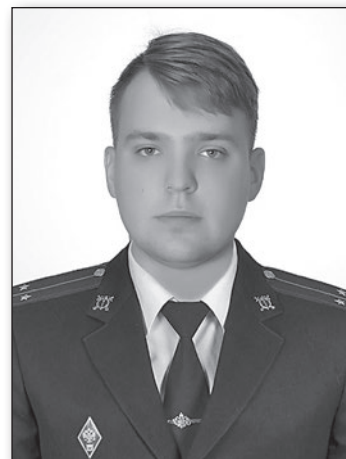
GROZIN Sergey Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of State and legal disciplines sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

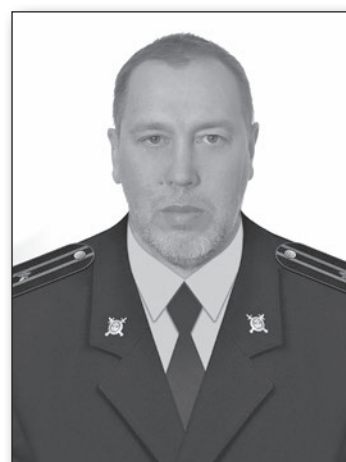
INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

This article discusses the key issues of the translator's participation in criminal proceedings. The existence of practical problems related to the participation of the translator in the criminal case is justified. The authors note the lack of a unified approach to the issue of providing and refusing to provide an interpreter among law enforcement officers. Determination of the qualifications required for translation in criminal proceedings. Separately, the problem related to the payment of translator services was revealed. Some vectors for solving existing practical problems have been proposed.

Keywords: translator, criminal process, translation in a criminal case, translator in criminal proceedings.

Олинович Р. А.

Грозин С. Ю.

Защита прав и свобод человека, обеспечение законности в рамках уголовного судопроизводства имеет явное практическое значение и в ряде случаев зависит от доступности (понятности) информации для всех участников процесса. По смыслу ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) уголовное судопроизводство в Российской Федерации ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в Российскую Федерацию республик. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Данный принцип является основным принципом уголовного судопроизводства, и призван обеспечить полную и всестороннюю защиту прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Однако, на практике не редки случаи злоупотребления участниками уголовного судопроизводства данным правом. Так, в деятельности следственной части по расследованию организованной преступной деятельности следственного отдела Восточно-Сибирского ЛУ МВД России на транспорте был случай, когда, лицо, привлекаемое в качестве обвиняемого по уголовному делу, являлось гражданином Российской Федерации на момент привлечения к уголовной ответственности уже 12 лет, проживало на территории России более 15 лет, родилось в национальной республике, входящей в состав СССР, где государственным языком был русский язык, однако, изъявило желание высказываться по уголовному делу на своем национальном языке. Приведенный пример иллюстрирует злоупотребление стороной защиты правом на участие переводчика, которое осложнило органами предварительного следствия деятельность по данному уголовному делу, поскольку явной необходимости участия переводчика не было, но органам предварительного следствия и в дальнейшем суду приходилось обеспечивать участие переводчика во всех действиях с данным гражданином, кроме того,

услуги переводчика оплачиваются из средств Федерального бюджета, что оказывает нагрузку на налогоплательщиков. Но в то же время, в соответствии с действующими нормами, нельзя лишить лицо права, предоставленного ему УПК РФ.

С другой стороны, основания предоставления/не предоставления участникам уголовного судопроизводства переводчика на практике также разнятся. При рассмотрении уголовного дела в Пий-Хемского районном суде Республики Тыва гражданину ФИО1, переводчик предоставлялся, а когда Ленинским районным судом решался вопрос о замене наказания в виде ограничения свободы на более строгий вид наказания в отношении этого же лица и лицо было взято под стражу переводчик ему не предоставлялся. Одним из аргументов, приведенных стороной защиты при обжаловании решения суда являлось то, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу осужденному ФИО 1 не был предоставлен переводчик, несмотря на то, что при рассмотрении уголовного дела по существу ФИО1 был предоставлен переводчик.

Апелляционный суд, отмечая, что право давать пояснения на родном языке не является абсолютным и безусловным, и для лиц, свободно владеющих русским языком право использования в ходе судопроизводства родного языка, носителем которого он является не предусмотрено. То, что ФИО1 уверенно владеет русским языком подтверждается аудиозаписью судебного заседания, кроме того, он является гражданином России, имеет среднее образование, полученное в России и пр. В итоге апелляционным постановлением Иркутского областного суда № 22-4774/2023 была дана следующая правовая оценка действиям суда первой инстанции:

«Таким образом, суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что у суда первой инстанции при рассмотрении вопроса о замене наказания более строгим видом наказания отсутствовали основания для допуска в судебное заседание переводчика. Допуск переводчика к рассмотрению уголовного дела в отношении осужденного в 2021 году не был обусловлен объективной необходимостью, был связан исключительно с национальностью осужденного и не основывался на незнании или недостаточном владении им русским языком. В связи с чем, отсутствие переводчика в суде первой инстанции при рассмотрении вопроса о заключении под стражу осужденного, не влечет отмену обжалуемого постановления. Основания для допуска переводчика в судебное заседание суда апелляционной инстанции, отсутствуют».

Таким образом практика участия в уголовном судопроизводстве переводчика сильно разнится. Даже по отношению к одному и тому же лицу правоприменители пришли к разному выводу. Первый судья, посчитал, необходимым участие переводчика при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Судья решавший вопрос о избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и судья Апелляционной инстанции посчитали, что для участия в судебных заседаниях переводчик не нужен, мотивировав свое решение. Данный факт дает нам возможность сделать вывод о том, что участие в уголовном судопроизводстве переводчика – это субъективное решение каждого конкретного правоприменителя, которое он принимает на основании принципа свободы оценки доказательств, руководствуясь законом и совестью.

Согласно ч. 1 ст. 59 УПК РФ переводчик – это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в

случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Исходя из данного определения при назначении переводчика правоприменитель (следователь, дознаватель или судья) должен быть уверен в том, что назначаемое им лицо в достаточной мере владеет необходимым языком для участия в уголовном судопроизводстве, однако, критерии оценивания остаются не ясными. С одной стороны, можно ориентироваться исключительно на наличие специального образования у лица и документов, подтверждающих его квалификацию. Но нельзя не отметить тот факт, что переводчик участвующий в уголовном судопроизводстве, переводит не столько бытовые термины, но и редко употребляемые в повседневной речи понятия, используемые в юриспруденции, аналогов которым в иностранных языках может не быть. Кроме того, по делам экономической направленности помимо терминов, применимых в юриспруденции могут использоваться слова и словосочетания из других областей (налоговых, коммерческих и пр.). Базовое образование переводчика не предусматривает изучение таких особенностей языка. А значит правоприменителю необходимо искать лицо, владеющее в полной мере не только знанием иностранного языка, но и способного переводить узконаправленную терминологию. К сожалению, таких специалистов в нашей стране нет в достаточном количестве, даже если в крупных городах можно найти, то что делать правоприменителям которые находятся в отдаленных и малонаселенных местностях, ведь на всей территории России участникам уголовного судопроизводства должны в полной мере обеспечиваться их права.

Еще одним из ключевых вопросов участия переводчика в уголовном судопроизводстве является оплата его услуг. Оплата услуг переводчика, участвующего в уголовном судопроизводстве осуществляется за счет Федерального бюджета, на основании положений Постановления Правительства Российской Федерации № 1240 от 01.12.2012 (ред. от 14.09.2024). Согласно ст. 20 указанного Постановления установлен следующий размер вознаграждения, выплачиваемого переводчику за исполнение им своих обязанностей: не более 700 рублей в час за устный, синхронный и последовательный перевод с учетом фактических затрат времени; не более 1 500 рублей в час за устный, синхронный и последовательный перевод редких западноевропейских и восточных языков и других языков стран Азии, а также Африки – с учетом фактических затрат времени; не более 200 рублей за один лист письменного перевода текста; не более 400 рублей за один лист письменного перевода, изложенного на редких западноевропейских и восточных языках и других стран Азии, а также Африки. Данные размеры вознаграждения не менялись уже 12 лет, а за 10 лет инфляция в Российской Федерации составила почти 10 % по данным Центробанка РФ.

Кроме того, в ряде регионов спрос на услуги профессиональных переводчиков возрастает в определенные периоды (курортные сезоны, проведение крупномасштабных международных мероприятий и пр.). К примеру, в Иркутской области профессия переводчика с китайского языка является очень востребованной, особенно в туристический сезон (конец весны – начало осени), что осложняет поиск квалифицированного специалиста в этот период. Кроме того, работа на туристические фирмы (в сезон), а также на частные компании, занимающиеся торговлей с китайскими компаниями, является более прибыльной для пере-

водчиков. Стоит обратить внимание, что для работы на туристические фирмы переводчику не требуется иметь необходимые знания для перевода терминов, используемых в юриспруденции и иных терминов узкой направленности, достаточны базовые знания языка, а оплата при этом значительно выше. Данные факты свидетельствуют, о неконкурентоспособности государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство при привлечении переводчика к переводу, необходимому для всестороннего и справедливого принятия решения по уголовному делу.

Кроме обозначенного отметим, что, исходя из смысла данного Постановления оплата переводчику его услуг, в случае устного перевода, должна производиться именно за фактический устный перевод. Но многие следственные действия требуют длительного времени подготовки, в которой также может быть необходимо участие переводчика, но при этом длится малое количество времени. Например, следователю необходимо провести осмотр места в отдаленной местности с участием подозреваемого (обвиняемого) не владеющего языком уголовного судопроизводства. Дорога к этому месту занимает 5-6 часов, а сам осмотр 1 час, получается, что переводчик затратит около 11 часов своего личного времени, а оплату получит лишь за один час работы. Кто согласится работать в таких условиях? Конечно, можно сказать, что в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не в праве уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или суда, но ведь никто и не запретит переводчику взять самоотвод в связи с тем, что он некомпетентен в переводе. А данный факт уже будет тяжело оспорим. Вот и получается, что следователю остается надеется только, на порядочность переводчика и его альтруизм, что мало вероятно. Особенно в том случае, когда это время он может потратить на выполнение более оплачиваемой работы. Кроме того, из вышеуказанных сумм переводчики оплачивают налоги в соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации (от 6 до 15 % в зависимости от того, кем является переводчик (физическое лицо, самозанятый, индивидуальный предприниматель)). Данные факты приводят нас к мысли о том, что назрела необходимость пересмотра действующих размеров оплаты участия переводчика в уголовном судопроизводстве.

Говоря о том, что переводчик не в праве уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или суда, стоит обратить внимание, что при невыполнении требования о явке, переводчик может быть привлечен к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Однако, за ту же неявку по вызовам правоприменителя, в Республике Беларусь переводчик уже будет нести уголовную ответственность по ст. 402 УК РБ [5]. Это показывает, недостаточную обеспеченность отечественного законодательства.

В заключении хотелось бы, обратить внимание на возможность применения в уголовном судопроизводстве различных технических средств и искусственного интеллекта для осуществления перевода. Однако, возникает вопрос: «Можно ли доверять такому переводу? И кто будет нести ответственность за неправильный перевод?». Ведь по смыслу ч. 5 ст. 59 УПК РФ за заведомо неправильный перевод переводчик несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ, о чем разъясняется переводчику при его назначении в уголовное дело. Кроме того, нет гарантии в том, что не будет утечки данных имеющих интерес для органов предварительного следствия. Возможно госу-

дарству стоит задуматься о создании специальной платформы для правоохранительных органов, целью которой будет являться перевод юридических документов для правоприменителей нашего государства, которая в тоже время будет обладать необходимой степенью защиты от постороннего вмешательства. Думается, что данная мера исключит со стороны защиты возможность злоупотреблением права на переводчика, поскольку не будет человека (переводчика) на которого можно будет воздействовать какими-либо методами, органам предварительного следствия не потребуется прилагать лишних усилий для поиска специалиста с необходимой квалификацией и обеспечения его участия в следственных действиях. Однако, создание такого технического обеспечения потребует привлечения значительного количества ресурсов, и нет гарантии, что получится создать действительно действенную платформу.

Загорьян С. Г. и Мисник И. В. полагают решить проблему поиска переводчиков для участия в уголовном судопроизводстве следующим образом: «– внести изменения в уголовно-процессуальный закон, изменив статус «переводчик» на статус «следственный переводчик»; – создать государственное бюро следственных переводчиков; – сформировать единый государственный банк следственных переводчиков» [3]. Подобная точка зрения уже озвучивалась исследователями и имеет место в рамках теоретического рассмотрения вопроса об участии переводчика [4]. С позиции суровой действительности применения уголовно-процессуального закона возникают вполне конкретные вопросы.

Во-первых, непонятно изменения статуса «переводчика» на следственного переводчика? Данное изменение не принесет практической пользы правоприменителю, ведь сущностная деятельность переводчика от замены названия не изменится. Данное предложение повлечет лишь затраты государства на изменение буквы закона. Кроме того, формулировка «следственный переводчик» на наш взгляд не совсем точна, о чем авторы статьи также упоминают, поскольку переводчик участвует в уголовном судопроизводстве не только на стадии предварительного следствия, но также и когда предварительное следствие проводится в виде дознания, и участвует в судебных заседаниях.

Во-вторых, создание государственного бюро следственных переводчиков, в данный момент переводчики для участия в уголовном судопроизводстве привлекаются «со стороны», то есть являются абсолютно независимыми, создание государственного бюро может повлечь, зависимость переводчиков от органов предварительного следствия, которые кстати говоря являются стороной обвинения. Кроме того, данная мера повлечет за собой дополнительные расходы на содержание данного бюро, поскольку для полноценного функционирования туда придется набрать большое количество различных переводчиков, чтобы обеспечить переводчиком любого человека. Так же, стоит учесть, что переводчик участвует не во всех уголовных делах, расследуемых на территории России, а лишь там, где он действительно необходим. Вот и возникает вопрос «для чего создавать, а затем и содержать за государственный счет целое бюро специалистов?».

В-третьих, формирование единого государственного банка судебных переводчиков имеет практический смысл, но если авторы предлагают создать бюро следственных переводчиков, то для какой цели нужен этот банк стано-

вится не понятно. Действительно, создание такого банка данных переводчиков упростит поиск необходимого специалиста правоприменителям, и может повлиять на упрощение деятельности органов предварительного следствия и суда. Однако, в купе с другими мерами приведенными авторами оно становится бесполезным. Поскольку, получается, что придется держать огромный штат бюро и если в данном бюро не окажется нужного специалиста, то привлекать внешнего?

Особняком стоит вопрос определения компетентности переводчика в уголовном судопроизводстве. Определенные аспекты данной проблемы раскрыты в работе Н. Ю. Волосовой и Е. С. Шмелевой, которые отмечают, что «Законодатель слишком абстрактно подошел к определению квалификационных требований к переводчику, что вызывает определенные трудности в процессе производства по уголовному делу» [2]. А, в виду того, что в ряде случаев от качества перевода зависит исход всего уголовного дела, данный вопрос имеет явное практическое значение.

В соответствии с ч. 2 ст. 169 УПК РФ именно на следователе лежит ответственность в оценке компетенции переводчика. На практике критерием выбора переводчика преимущественно является наличие диплома об образовании. И данный факт следователь (как правило сам не владеющий языком, на который осуществляется перевод) может установить объективно и самостоятельно. Однако наличие диплома не всегда соответствует высокой компетентности переводчика, хотя бы в виду наличия различных языковых диалектов и пр. Поэтому думается было бы не плохо, ввести на законодательном уровне критерии оценки грамотности переводчиков. Так, критерием выбора переводчика мог бы быть не только диплом об образовании, а еще и какие-то иные факторы, например, лицо, участвующее в качестве переводчика, не имеет диплома об образовании переводчика, но является гражданином Российской Федерации и при этом несколько лет работает в соответствующей стране, в какой-либо компании и поэтому в совершенстве владеет языком, с которого/на который нужен перевод, либо училось в образовательной организации в данной стране и поэтому владеет языком. Исследователи предлагают даже ввести «обязательное лицензирование деятельности переводчика с ежегодной переаттестацией и подтверждением квалификации в специализированных переводческих центрах» [6]. Однако с точки зрения правоприменителя данный параметр может усложнить ещё сильнее поиск переводчика (для следователей, дознавателей и судей).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что участие в уголовном судопроизводстве переводчика – необходимый механизм для реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, который не утратил своей актуальности несмотря на внедрение в повседневную жизнь благ технического прогресса. В то же время, необходимо увеличить размер оплаты труда переводчика в соответствии с рыночными ценами на услуги переводчика, для привлечения в уголовное судопроизводство действительно квалифицированных специалистов – переводчиков.

Пристатейный библиографический список

1. Безрученков М. В. Переводчик как участник уголовного процесса в Российской Федерации // Политика, государство и право. 2014. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://politika.snauka.ru/2014/09/1895> (дата обращения: 10.09.2024).
2. Волосова Н. Ю., Шмелева Е. С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-opredeleniya-kompetentsii-perevodchika-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 22.12.2024).
3. Загорьян С. Г., Мисник И. В. Переводчик и его роль в современном российском уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodchik-i-ego-rol-v-sovremennom-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 22.12.2024).
4. Зеленский В. Д., Швеиц С. В. Некоторые вопросы судебного перевода // Общество и право. 2014. № 2 (48). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sudebnogo-perevoda> (дата обращения: 22.12.2024).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/app/document/?doc_id=30414958&sub_id=600000&pos=1064%3B-79%23pos%3D1064%3B-79 (дата обращения: 22.12.2024).
6. Шагбанова Х. С. Место и роль переводчика в уголовном процессе // Образование и право. 2021. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-perevodchika-v-ugolovnom-protssesse> (дата обращения: 20.12.2024).

РУДЕНКО Дарья Алексеевна

аспирант, Юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; адвокат коллегии адвокатов г. Санкт-Петербурга «Ленрезерв»

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕФОРМАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье автор проводит комплексное исследование направлений деформализации уголовного судопроизводства через призму тенденций развития цифровых технологий. В рамках модели деформализации уголовного судопроизводства предложено деление ее концептуальных элементов на четыре функциональные группы. Автор на основе эмпирической базы предлагает систематизацию, включающую в себя: элементы коммуникационного характера, элементы, служащие целям обеспечения гарантий правового статуса участников уголовного судопроизводства, элементы хранения и представления собранных сведений доказательственного характера, «вспомогательные» элементы, направленные на сокращение рутинных процессов. Автором предложено избрать путь цифровизации уголовного судопроизводства за счет создания модели экосистемы государственных информационных и автоматизированных систем в сфере уголовного судопроизводства с ядром в виде электронного уголовного дела с делением на модули.

Ключевые слова: деформализация, уголовное судопроизводство, цифровые технологии, реформа, электронное уголовное дело, экосистема.

RUDENKO Darya Alexeevna

postgraduate student, Law Faculty, St. Petersburg State University; lawyer of the St. Petersburg Bar Association «Lenrezerv»,

ON THE ISSUE OF THE DIRECTIONS OF THE DEFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

In the article, the author conducts a comprehensive study of the directions of the deformation of criminal proceedings through the prism of trends in the development of digital technologies. Within the framework of the model of deformatization of criminal proceedings, the division of its conceptual elements into four functional groups is proposed. Based on an empirical base, the author suggests a systematization that includes: elements of a communication nature, elements that serve the purpose of ensuring the legal status of participants in criminal proceedings, elements of storing and presenting the collected evidentiary information, «auxiliary» elements aimed at reducing routine processes. The author suggests choosing the path of digitalization of criminal proceedings by creating a model of an ecosystem of state information and automated systems in the field of criminal proceedings with a core in the form of an electronic criminal case divided into modules.

Keywords: deformatization, criminal justice, digital technologies, reform, electronic criminal case, ecosystem.

Руденко Д. А.

Перед участниками уголовного процесса системно возникают сложности в воплощении поставленных на государственном уровне задач, проистекающие из сверхускоренного темпа роста объемов хранимой и передаваемой информации, необходимости адаптации современных технологий к сформировавшейся базе уголовного судопроизводства, скорости появления технических средств и разработок, образования новых объектов, таких как, например, цифровые следы. В попытке оперативно разрешить соответствующие проблемы, ответственные субъекты склонны порождать все больше не согласованных между собой институтов, инструментов и механизмов, которые не только не способны устранить неблагоприятные аспекты, но и усугубляют уголовно-процессуальный и методологический вакуум элементов, существующих в отдельности друг от друга. Подобные недоработки наличествуют по причине фрагментарности, поскольку при внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство отсутствует целостная и системная программа, охватывающая все стадии и деятельность всех субъектов уголовно-процессуальной сферы.

Для преодоления указанной бессистемности требуется комплексный и концептуальный подход к внедрению современных технологий, оптимизации, цифровизации и объективизации проведения субъектами, ведущими уголовный

процесс, следственных и иных процессуальных действий, позволяющий оперативно и качественно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также, в конечном итоге, получать доказательственные продукты, отвечающие свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности в уголовном судопроизводстве.

В связи с неизбежной тенденцией цифровизации всех этапов работы с уголовными делами и потребности в достижении максимальной эффективности уголовного судопроизводства, видится необходимым рассмотрение данного вопроса в контексте объективной возможности упрощения и обеспечения «удобства» всех текущих следственных, судебных и иных процессов в рамках единой концепции. В частности, актуальным является применение к данному процессу такого термина, как «деформализация уголовного судопроизводства». Под деформализацией уголовного судопроизводства предлагается понимать процесс и результат оптимизации уголовного судопроизводства посредством его цифровизации для целей обеспечения доступности и оперативности, и наиболее объективированного, продуктивного, интенсивного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, с соблюдением требований относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. При указанном подходе

смысловое наполнение термина будет отвечать целям, диктуемым на государственном уровне.

В контексте сущности деформализации, следует акцентировать внимание на отсутствии цели тотальной оцифровки в свете современных веяний. Применение цифровых технологий, безусловно, требует соблюдения баланса, поскольку является не самоцелью, а средством достижения цели. Следует соблюсти чувство меры, чтобы в погоне за новомодной «цифровизацией» не растерять такие уголовно-процессуальные ценности, как личное убеждение, справедливость, чувство долга, нравственность. Кроме того, необходимо здраво оценивать потенциальную возможность адаптации современного инструментария к каждому конкретному институту, этапу или механизму.

Например, респонденты (действующие следователи и адвокаты) в ходе анкетирования в большинстве указали на невозможность полного переноса назначения и производства судебной экспертизы в электронную плоскость, что вполне объяснимо в силу специфики экспертной деятельности¹. Так, поскольку в экспертное учреждение зачастую передаются не только документы, но и объекты материальной действительности, существующие в натуре, тотальный перенос данной сферы в область «цифры» объективно нереализуем, несмотря на то, что некоторые ученые полагают возможным переход на «беспредметный цифровой уголовный процесс»².

Таким образом, представляется, что модель деформализации уголовного судопроизводства должна быть направлена на одновременное объединение уже существующих и новых научных разработок в сфере цифровизации и модернизации, оптимизации и автоматизации, информатизации и интенсификации существующих средств и методов применения современных технологий при сохранении фундамента уголовного судопроизводства.

Содержание любой проводимой реформы неразрывно связано с предшествующим ей определением направлений разработки нововведений. На сегодняшний день, следует констатировать многообразие существующих мнений о том, какие элементы должны быть охвачены в ходе внедрения современных технологий в уголовное судопроизводство.

Анализируя подходы ученых к тому, в каких направлениях может осуществляться наполнение уголовного судопроизводства плодами современности, обратимся к позиции ученых С. В. Зуева и Е. В. Никитина, которые предлагают три основных направления реализации идеи электронного сопровождения уголовного судопроизводства. К таковым исследователям отнесены: утверждение приоритетности электронной информационно-сигнальной модели уголовно-процессуального доказывания, разработка законодательных правил по работе с электронным уголовным делом, внедрение в судебную практику программного обеспечения вынесения приговора с использованием математического моделирования и алгоритмизации принятия решений в виде «электронного помощника» [2].

Несмотря на действительную возможность выделения соответствующих векторов, представляется, что возможности деформализации намного более широки. Более того, действия, направленные на создание единой платформы и программы, на которую будет «наслаиваться» и иной инструментарий, должны, в первую очередь, быть ориентированы на объединение уже существующей практики

применения современных средств в уголовном судопроизводстве. Здесь следует согласиться с мнением профессора В. А. Семенцова о том, что предлагаемые С. В. Зуевым и Е. В. Никитиной направления не исчерпывают всего возможного потенциала. В продолжение указанного тезиса автор пишет, что в современном уголовном судопроизводстве реализуются не только идеи электронной формы уголовных дел и электронного документооборота, а также видео-конференц-связи, но и использования иных цифровых технологий и технических средств. В частности, обеспечивающих контроль за подозреваемым или обвиняемым при исполнении мер пресечения, видеонаблюдения, технологий биллинга и установления номера SIM-карты абонента, времени и продолжительности вызова, номера базовой станции и ее сектора, вызова для участия в следственных действиях и судебном разбирательстве посредством интернет-коммуникаций [5, с. 101].

Так или иначе, вопрос о том, какие инструменты, отдельные функции и возможности следует положить в основу концепции деформализации уголовного судопроизводства в Российской Федерации тесно связан с пониманием того, какие аспекты следственной, судебной, прокурорской, адвокатской и экспертной работы сами по себе являются неэффективными и нерациональными с точки зрения времени, ресурсов и логистики.

Опрос действующих сотрудников органов следствия и адвокатов показал, что в качестве наименее эффективных аспектов работы ими названы межведомственное взаимодействие и документооборот. Кроме того, многими из опрошенных указывается на неэффективность отдельных рутинных аспектов, которые требуют не применения знаний и квалификации, а исключительно затрат временного ресурса. К таким неэффективным аспектам работы, например, следует относить формирование следователями томов уголовного дела (в том числе, их шивание и нумерацию), а адвокатами - дальнейшее фотографирование материалов дела в ходе ознакомления. Специалистами также отмечается неэффективность многих иных аспектов деятельности, таких, как например, учет и оплата расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия [4, с. 790].

В рамках предлагаемой модели, за счет осмысления которой можно выявить основные направления проведения соответствующих реформ, предлагается выделить следующих элементов:

Во-первых, основным звеном системы должен служить институт электронного уголовного дела, обладающий межведомственным характером и охватывающий все стадии уголовного судопроизводства и всех его участников. Практика построения модели электронного уголовного дела существует или зарождается во многих правовых системах, что позволяет российским разработчикам взять уже реализованный зарубежный опыт или разработки за основу с целью адаптации к нуждам национального процесса. В частности, релевантным является опыт ФРГ, где предусмотрено «электронное досье» и использование документов в электронной, а не в бумажной форме в качестве общего правила [1, с. 77]. Также, рационален анализ практики внедрения концепции электронного уголовного дела в Республике Казахстан, Сингапуре, Армении, Эстонии, Великобритании, Грузии.

В то же время, позитивной чертой является то, что перечень примеров для заимствования опыта непрерывно пополняется. Аналогичные разработки уже начали внедряться в практику Молдовы, где в ближайшее время система «Уголовное преследование: Е-дело» будет интегрироваться с модулями информационных систем МВД, Национального центра по борьбе с коррупцией, Таможенной службы, Министерства юстиции, Министерства информационных технологий

1 Анкетирование 168 действующих специалистов в области уголовного судопроизводства было проведено автором в 2023-2024 годах в рамках профессиональной деятельности в качестве адвоката-защитника на территории г. Санкт-Петербург и Ленинградской области.

2 См., например: Зуев С. В. От электронной информации до цифровизации в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/c/2056342561/35/2359> (дата обращения: 07.01.2025).

и связи и других государственных структур³, в практику Узбекистана, где в соответствии с Указом Президента от 30 ноября 2017 г. № УП15268 «О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности» предполагается разработка и внесение предложений по оптимизации и упрощению делопроизводства по уголовным делам, в том числе путем внедрения системы «Электронное уголовное дело»⁴ и в практику иных государств постсоветского пространства.

На начальных этапах перехода от бумажной формы к электронной актуальна не только имплементация иностранного опыта, но и использование существующих российских институтов в иных отраслях. Например, поскольку сфера арбитражного судопроизводства с пилотным проектом «Электронное дело», в рамках которого электронные дела формируются за счет входного сканирования всех документов, поступающих в суды, продемонстрировала свою жизнеспособность в части внедрения цифровых технологий, заимствование опыта будет иметь положительный эффект.

В целом, в рамках института электронного уголовного дела путем формирования отдельных, но связанных между собой модулей, должны найти свое отражение все этапы производства по делу, а также многие практически важные вопросы. К таковым следует отнести, например, статус электронных (виртуальных) следов, особенности реализации институтов защиты (например, электронные ордера), применение дистанционных форм проведения процессуальных и следственных действий, электронные средства фиксации и удостоверения протокола, обеспечение соблюдения ограничений в рамках избранных мер пресечения путем современных средств.

Основные составляющие электронного уголовного дела не требуют пересмотра уже существующей системы работы с уголовными делами и пути движения от одного этапа к другому. В частности, при реализации концепции необходима адаптация привычных для участников уголовного судопроизводства стадий и институтов, таких как, проверка сообщения о преступлении, санкционирование следственных действий, рассмотрение ходатайств об избрании мер пресечения, ознакомление с материалами уголовного дела, действия, связанные с вручением обвинительного заключения, назначение и вызовы в судебное заседание, подача ходатайств и жалоб.

Во-вторых, в неразрывной взаимосвязи с вышеуказанным институтом электронного уголовного дела должен найти отражение такой феномен, как электронный документооборот. Необходимость его законодательного оформления обусловлена, как фактическим его существованием в текущем взаимодействии между участниками уголовного судопроизводства, так и необходимостью обеспечения расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в разумные сроки. Назревшая необходимость появления транспарентности в виде электронного обмена процессуальными документами базируется на недопустимости судебной и следственной волокиты, с которой зачастую сталкиваются практикующие специалисты. Например, особенно «болезненно» такая волокита сказывается на лицах, содержащихся под стражей, которые вынуждены ожидать отложенных судебных заседаний месяцами исключительно по причине необходимости направления местами содержания расписок арестантов на материальных носителях.

В то же время, доказательства фактического существования феномена электронного документооборота можно обнаружить на практике в различных вариациях. В судебных актах указывается на то, что «постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выслано заявителю по электронной почте» [5, с. 76], а также на то, что «суд при рассмотрении жалобы заявителя, не усомнился в подлинности ходатайства о рассмотрении жалобы в его отсутствие, поступившего посредством электронной почты»⁵. Запросы медицинских сведений осуществляются сотрудниками следственных органов посредством мессенджеров⁶, вызов защитника для участия в следственных действиях нередко происходит при помощи «WhatsApp»⁷. Существование таких примеров обусловлено тем, что сотрудники большинства ведомств понимают, что действия, подобные тем, что приведены ранее на примере расписок, лишены здравого смысла. Вместе с тем, до момента закрепления легальной допустимости конкретной формы электронного документооборота, лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, рискуют нарушить законодательные положения и допустить существенные процессуальные нарушения, прибегнув к использованию нелегализованной формы взаимодействия друг с другом.

Предпосылкой разработки основ электронного документооборота в РФ является то, что на заседании Совета судей РФ в июле 2020 года председатель Совета судей РФ В. В. Момотов анонсировал разработку сервиса «Правосудие онлайн», который позволит внедрить автоматизированное составление проектов документов, перейти на электронный документооборот, распространить дистанционный формат подачи и получения судебных документов, а также дистанционное участие в судебном процессе. Председатель ВС РФ также пообещал в ближайшем будущем законодательно урегулировать применение современных технологий в судопроизводстве, в то время как у зарубежных коллег это ближайшее будущее уже давно наступило и их опыт может быть взят за основу⁸. Отметим, что на российском рынке уже имеются потенциальные прототипы - сертифицированные ФСТЭК России и ФСБ России «Дело», «Тезис», «Логика ЕСМ», включенные в реестр российского программного обеспечения.

К вопросам, которые должны получить разрешение в процессе совершенствования текущей системы документооборота следует отнести аспект процедуры и сроков передачи уголовного дела от одного органа другому. В частности, следует отметить справедливое замечание авторов В. В. Кониной, А. В. Кудрявцевой и А. В. Петрова о том, что надо определиться с тем, необходимы ли теперь сопроводительные письма, как будет фиксироваться дата и время передачи уголовного дела или материала посредством электронного документооборота для предотвращения возможных споров

5 Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ / Федеральная палата адвокатов РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-materialov-v-por/> (дата обращения: 27.12.2024).

6 101 сотрудника МВД наказали за запросы документов через мессенджеры // Право.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/243118/> (дата обращения: 27.12.2024).

7 Адвокат должен дать согласие на уведомление о следственных действиях через мессенджер // Адвокатская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dolzhen-dat-soglasie-na-uvedomlenie-o-sledstvennykh-deystviyakh-cherez-messendzher/> (дата обращения: 27.12.2024).

8 Успехи новых судов и осторожность в соцсетях: что обсудили на Совете судей // Сайт Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29094/ (дата обращения: 24.12.2024).

3 Молдавская прокуратура начала вести уголовные дела в электронном виде. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.digital.report>. (дата обращения: 11.12.2024).

4 Тухташева У. А. Модернизация уголовного судопроизводства и усиление гарантий прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.napostu.uz/xabarlar/370>. (дата обращения: 10.12.2024).

о соблюдении сроков, установленных уголовно-процессуальным законом [3, с. 96].

Во всяком случае, необходимой составляющей электронного документооборота является сфера подачи ходатайств, поскольку именно она способна нивелировать риски злоупотреблений со стороны сотрудников следственных органов. Нередки ситуации, когда сторона защиты фактически оказывается стесненной в своем праве на подачу ходатайств в силу расположения органа предварительного расследования в здании с пропускным режимом доступа. При подобной дислокации следователь или дознаватель оказывается «защищен» барьером в виде пропускного пункта, что позволяет ему намеренно не выходить на контрольно-пропускной пункт для получения ходатайств стороны защиты, которая впоследствии вынуждена направлять их по почте, что в некоторых случаях может быть критичным с точки зрения сроков⁹.

Аналогичные предпосылки являются почвой для злоупотреблений в части недопуска «неудобного» защитника по соглашению, чей ордер на тот момент еще не содержится в материалах дела, к фактически задержанному лицу. В этой связи, электронный документооборот должен охватывать и сферу оформления полномочий защитника, путем закрепления возможности направления ордера в электронном виде для цели блокирования проведения следственных действий с подзащитным без своего участия¹⁰.

В-третьих, необходимым составляющим элементом, который не может быть оставлен без внимания с точки зрения нормативно-правовой регламентации, является аспект применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В ходе разработки направлений деформализации через призму применения технологий искусственного интеллекта следует акцентировать внимание на возможностях его внедрения, как минимум, в следующие сферы: подтверждение юридических значимых фактов, расшифровка аудио-протоколов, автоматизация извещений, анализ судебной и следственной практики, формирование шаблонов и унифицированных форм процессуальных и судебных документов, подготовка проектов судебных актов, ведение статистического учета.

В-четвертых, существующие сегодня тенденции деформализации уголовного судопроизводства связаны с развитием такого понятия, как «цифровой след». Появление в качестве объектов в уголовном судопроизводстве цифровых следов оказывает существенное влияние на уголовно-процессуальную деятельность, а также на пределы ее деформализации. Проблемой для участников уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий выступает необходимость правильной интерпретации понимания технической стороны создания, хранения и передачи, а, следовательно, наличие сходной технологии изъятия, фиксации и обращения такого рода доказательств. Следовательно, возникает и необходимость разработки отдельных инструментов и механизмов работы с соответствующими следами, а также их «встраивание» в общую систему уголовного судопроизводства.

Приведенные элементы не являются исчерпывающими, поскольку в силу непрерывного развития новых технологий, перед разработчиками реформ будет возникать потребность закрепления новых, ранее не сформированных институтов.

В то же время, обоснованным будет деление всех возможных концептуальных элементов деформализации на четыре функциональные группы. В первую группу следует относить элементы коммуникационного характера, направленные на оптимизацию взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Ко второй группе следует относить элементы, служащие целям обеспечения гарантий правового статуса участников уголовного судопроизводства. Третья группа элементов деформализации включает в себя информационные технологии хранения и представления собранных сведений доказательственного характера. Что касается четвертой группы, то она условно может именоваться «вспомогательной», поскольку направлена на сокращение рутинных процессов для человека при помощи машины.

В этой связи, на этапе разработки общей для внедрения всех элементов концепции, необходимо установить единые правила, которые будут применимы, как в отношении уже предложенных и фрагментарно существующих механизмов, так и в отношении концептуально новых явлений, которые могут появиться в будущем.

Представляется, что в силу необходимости обеспечения системности при реализации реформ, связанных с деформализацией уголовного судопроизводства, наиболее целесообразным будет разработка модели электронного уголовного дела с делением на модули, предполагающая рассмотрение ее в качестве ядра экосистемы интегрируемых между собой платформенных решений в виде государственных информационных и автоматизированных систем в уголовном судопроизводстве. Такая система во избежание фрагментарности должна предусматривать поэтапное «движение» материалов от одного органа к другому. Учитывая наличие уже успешно реализованных инициатив в рамках государственной автоматизированной системы «Правосудие», целесообразным видится платформенное решение, базирующееся на данном инструментарии.

Пристатейный библиографический список

1. Зазулин А. И. Функции цифровой информации и технологий в уголовном процессе // Сибирское юридическое обозрение. - 2020. - № 1. - С. 75-82.
2. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. - 2017. - № 11 (3). - С. 587-595.
3. Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2022. - № 45. - С. 81-99.
4. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. - 2021. - № 6. - С. 786-796.
5. Семенцов В. А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. - 2022. - № 14 (4). - С. 97-105.
6. Халиуллина Л. Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. - 2016. - № 4 (11). - С. 75-79.

9 В указанной части первыми шагами на пути к реализации деформализации в сфере подачи ходатайств являются положения законопроекта № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

10 Следует позитивно оценивать имеющиеся точечные вкрапления указанной практики применения электронных ордеров КИС АР по делам об оказании юридической помощи по назначению суда, органов следствия и дознания.

СИВОРАКША Валерия Валентиновна

адъюнкт, Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПРОДЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье рассматриваются общие правила продления уголовно-процессуальных сроков в досудебных стадиях как совокупность процессуальных гарантий обеспечения прав участников уголовного процесса и процессуальных требований, предъявляемых законом к порядку продления, объединенных общим смыслом и присущими им сходными признаками. Автором выработан перечень общих правил, соблюдение которых необходимо в каждом случае продления процессуальных сроков в досудебном производстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, процессуальный срок, продление процессуального срока, процессуальные требования, процессуальные гарантии.

SIVORAKSHA Valeriya Valentinovna

adjunct, Faculty for the Preparation of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

GENERAL RULES FOR EXTENDING THE PROCEDURAL TERMS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article examines the general rules for extending criminal procedural deadlines in pre-trial stages as a set of procedural guarantees for ensuring the rights of participants in criminal proceedings and procedural requirements imposed by law on the procedure for extending, united by a common meaning and their inherent similar features. The author has developed a list of general rules, compliance with which is necessary in each case of extending procedural deadlines in pre-trial proceedings.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, procedural term, extension of the procedural term, procedural requirements, procedural guarantees.

Как и любая процессуальная деятельность, продление срока в досудебном уголовном производстве включает в себя ряд определенных законом требований, предъявляемых к порядку ее осуществления, в том числе, к основаниям, субъектам, последовательности и содержанию процессуальных решений.

В науке уголовного процесса под требованиями понимаются такие условия¹, при соблюдении которых какое-либо процессуальное действие или принятие решения в целом возможно, а также признается законным [1, с. 71]. Вместе с тем иногда аналогичное значение применимо и в отношении процессуальных гарантий, «обеспечивающих возможность производства процессуальных мероприятий и принятия процессуальных решений» [2, с. 30-31].

Некоторые авторы в своих исследованиях употребляют указанные понятия как синонимы, разделяя их только лишь стилистически, не акцентируя внимание на анализе их сущностного значения.

Так, В. В. Урбан рассматривает принцип разумного срока уголовного судопроизводства как требование, обращенное к законодателю и правоприменителю, и, вместе с тем, это же требование определяет как гарантию процессуальной экономии. Далее автор рассматривает данный принцип в качестве права заинтересованного лица на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок, а совокупность предусмотренных законом средств правовой защиты (наличие определенных прав) – в качестве гарантий [3, с. 15-16]. Иногда авторы употребляют слово «требование» в качестве дополнительного синонима к слову «статья» или «норма».

П. А. Лупинская определяла процессуально-правовые гарантии как «содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности

и использовать предоставленные права» [4, с. 62]. Анализом процессуальных гарантий занимался также Л. В. Сатдинов, который при обобщении позиций других авторов пришел к выводу, что большинство ученых разделяет мнение о том, что гарантии в уголовном процессе выступают средством обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [5, с. 102].

Исследуемые нами категории объединяют некоторые присущие им общие признаки. Так, требования и процессуальные гарантии могут быть выражены только в законе. Иные правовые акты, регулирующие порядок продления срока в отдельных ведомствах или субъектах Российской Федерации, также содержат некоторые положения, обязательные для исполнения соответствующими должностными лицами, однако их нарушение не влечет за собой признание незаконным самого решения о продлении, а в некоторых случаях может повлечь только привлечение к дисциплинарной ответственности. Содержащиеся в таких актах предписания, являющиеся по своей сути регулирующими процедуру продления, не могут в полной мере обеспечить реализацию прав и интересов участников уголовного судопроизводства и принципа законности. При этом норма является лишь внешним выражением требований и гарантий, и сама по себе ничего не обеспечивает, и при этом наличие в законе тех или иных прав и предписаний не означает, что они будут должным образом реализованы.

Единственным основанием для дифференциации этих категорий является их направленность (или смысл). Требования, как правовое средство, выражает некие положения, без которых продление в целом не может реализоваться либо признаваться законным в случае их нарушения, а гарантии являются отдельным обеспечительным процессуальным инструментом, «укрепляющим» права участников уголовного судопроизводства и саму законность. Но вместе с тем, их сущность едина – «в создании благоприятных условий для оптимальной реализации целей юридической деятельности» [6, с. 7]. Их соотношение, возможно, определить так: каждое процессуальное требование является одновременно и процессуальной гарантией, но не каждая процессуальная гарантия является требованием. Например, предусмотренные законом возможность и порядок обжалования решения руководителя следственного органа о продлении срока предварительного следствия являются процессуальной гарантией, но не выступают в качестве требования к процедуре продления.

Завершая теоретический анализ данных двух категорий, обозначим общие присущие им признаки:

* Научный руководитель - Ендольцева Алла Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

** Scientific adviser - Endoltseva Alla Vasiljevna, Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal process sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

1 В. М. Полухин в своем исследовании употреблял термин «требования-условия».

– требования и процессуальные гарантии являются правовыми средствами, посредством которых реализуется цель, заложенная законодателем в то или иное предписание;

– требования и процессуальные гарантии содержатся в норме (статье), которая является формой их внешнего выражения, однако сама по себе ни тем, ни другим не является;

– закон является единственным источником требований и гарантий, поскольку только он предусматривает определенные обязательства и последствия, обеспечивающие их исполнение и соблюдение;

– и требования, и процессуальные гарантии в широком понимании направлены на обеспечение законности в уголовном процессе.

Говоря о смысле исследуемых понятий, как о дифференцирующем их признаке, возможно, сделать следующий вывод, что требование – это предписание, выражающее должное поведение, условия и порядок, без соблюдения которых те или иные процессуальные действия и решения не могут быть признаны законными. А гарантией в уголовном процессе выступает средство обеспечения законности и защиты прав и интересов участников судопроизводства, то есть то, что делает возможной их реализацию должным образом.

Очевидно, что термин «правила» применительно к уголовному процессу является близким по значению с процессуальными требованиями и гарантиями, однако при этом объединяет в себе и их смысловую направленность. Аналогично этому некоторые ученые определяют значение общих условий, как совокупности наиболее существенных требований, предъявляемых к порядку процессуальной деятельности и принятию процессуальных решений, обеспечивающих единство уголовно-процессуальной процедуры и направленных на реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [7, с. 3; с. 4-5; с. 8; с. 9-11; с. 15-18; с. 74; с. 210-214].

В ч. 2 ст. 6.1 и ч. 2 ст. 129 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) сказано, что продление сроков допустимо в случаях и порядке, которые предусмотрены Кодексом. Буквальное толкование смысла указанных выше норм приводит к противоречивым выводам: с одной стороны, что конкретный вид процессуального срока предусматривает отдельный порядок его продления, с другой, – что случаи различны, а порядок, указанный в статье в единственном числе, один. В действительности же каждый вид продлеваемого процессуального срока подразумевает под собой определенный набор требований, предусмотренных в отдельной норме. Какого-либо единого порядка на этот счет законом не предусмотрено, что и стало предметом настоящего исследования.

Анализируя положения УПК РФ, регламентирующих отдельные случаи продления сроков в досудебном производстве, мы пришли к выводу о том, что порядок продления, возможно, рассмотреть как совокупность общих и специальных правил. При этом общие правила «выводятся» как относящиеся к процедуре продления каждого вида срока, а специальные правила являются необходимыми требованиями при продлении конкретных сроков, предусмотренных отдельными нормами закона.

Таковыми общими правилами являются:

1. Обязательное сочетание недостаточности установленного срока с необходимостью совершения процессуальных действий.

Продление срока всегда требует обязательного сочетания необходимости продолжения процессуальной деятельности с нехваткой «имеющегося» срока, без которого не может быть обеспечена законность при принятии решения о продлении.

2. Продление срока возможно в строго ограниченных пределах.

Процессуальный срок всегда ограничен временными рамками, которые устанавливаются законом, а его продление также возможно лишь в конкретных пределах. Продлить срок до бесконечности невозможно, иначе в самом его установлении и процедуре продления отсутствовал бы смысл.

3. Продление срока возможно только уполномоченным законом должностным лицом или органом.

Законом строго регламентировано, каким субъектом принимается решение о продлении конкретного срока. Нарушение данного требования может повлечь за собой признание доказательств, полученных в период «продленного срока», недопустимыми.

4. Решение о продлении процессуального срока должно быть мотивированным и обоснованным.

Продление процессуального срока не может происходить произвольно и обуславливаться одним лишь желанием должностного лица или органа. Выход за установленные законом временные рамки процессуальной деятельности в обязательном порядке должен обуславливаться вполне конкретными причинами и иметь под собой соответствующие основания.

5. Вынесение соответствующего решения о продлении выражается в процессуальном документе.

6. Продление срока возможно только при условии непрерывности срока.

Данное правило выделено В. Ю. Стельмахом и означает, что продление должно осуществиться до окончания срока, после которого принятие такого решения «задним числом» будет недопустимым².

Таким образом, несмотря на то, что в законе отсутствует отдельный перечень правил, применяемых при процедуре продления всех видов процессуальных сроков в досудебном производстве, их все же возможно обнаружить и обобщить, что на наш взгляд, является весьма значимым для науки уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Полухин В. М. Процессуальные средства обеспечения судом разумного срока уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2022. - 225 с.
2. Уголовный процесс: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». - М.: Эксмо, 2009. - 735 с.
3. Урбан В. В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2013. - 24 с.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. - 1072 с.
5. Сатдинов Л. В. Уголовно-процессуальные гарантии объективности предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - М., 2021. - 34 с.
6. Рубченко С. О. Процессуально-правовой режим юридической деятельности: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. - Казань, 2012. - 22 с.
7. Алонцева Е. Ю. К вопросу о системе следственных действий по УПК Российской Федерации и УПК Азербайджанской Республики (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2015. - № 4. - С. 15-18.
8. Горленко С. В. Общие условия предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - 237 с.
9. Никандров В. И. Общие условия предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1973. - 20 с.
10. Павлов Н. Е. Общие условия предварительного расследования: учебное пособие. - М.: Академия МВД СССР, 1982. - 64 с.
11. Сумин А. А. Проблемы обеспечения конституционных прав граждан в условиях дифференциации предварительного расследования // 20-летие Конституции Российской Федерации. Становление, проблемы и тенденции развития: сборник статей. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. - С. 210-214.
12. Стельмах В. Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. - М.: Юрайт, 2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://studme.org/395656/pravo/obschee_ponyatie_prodleniya_vosstanovleniya_ustanovleniya_protseessualnyh_srokov_presekatelnye_sroki_probl.

2 Стельмах В. Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. - М.: Юрайт, 2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://studme.org/395656/pravo/obschee_ponyatie_prodleniya_vosstanovleniya_ustanovleniya_protseessualnyh_srokov_presekatelnye_sroki_probl (дата обращения: 21.02.2025).

ШМАТОВА Екатерина Васильевна

адъюнкт, Факультет подготовки научно-педагогических кадров, Академия ФСИН России

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Судебные решения выступают в роли регулятора уголовно - исполнительных правоотношений, они фиксируют баланс между правами и обязанностями осужденных, характеризуют конкретные общественные интересы. В данной статье раскрывается специфика судебных решений в рамках уголовно - исполнительной системы, а также их опосредованное влияние на осужденного. Акцент делается на анализе значения судебных решений и их роли в уголовно-исполнительных правоотношениях. Также характеризуется некоторое значение судебных решений в формировании правоприменительной практики.

Ключевые слова: решения суда, судебный акт, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительные правоотношения, судебный контроль.

SHMATOVA Ekaterina Vasiljevna

adjunct, Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training, Academy of the FPS of Russia

THE IMPORTANCE OF COURT DECISIONS IN THE REGULATION OF CRIMINAL ENFORCEMENT RELATIONS

Court decisions act as a regulator of penal enforcement relations, they fix the balance between the rights and duties of convicts, characterize specific public interests. This article reveals the specifics of judicial decisions within the penal system, as well as their indirect social impact on the convict. The emphasis is on analyzing the essence of judicial acts, as well as specifying their functions aimed at ensuring legality and fairness. Thus, the role of judicial decisions in the formation of relevant law enforcement practice is also characterized.

Keywords: court decisions, criminal case, criminal proceedings, criminal executive legal relations, judicial control.

Принятие судебного решения и вынесение судебного акта – сложный процесс, в ходе которого осуществляется разнородное взаимодействие субъектов уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений. В таком взаимодействии важную роль занимает значение судебных решений и их роль в регулировании возникающих уголовно-исполнительных правоотношений. Судебное решение выступает регулятором, направляющим поведение участников правоотношений в рамках нормативно-правовых норм. Также оно имеет значение и для судей, поскольку способствует формированию единых подходов к разрешению споров.

Юридическое значение судебных решений в уголовно исполнительных правоотношениях многоаспектно. Так, безусловно, не по общему правилу, но судебные решения могут выступать в роли источников уголовно-исполнительного права. Речь идет о постановлениях высших судебных инстанций. Так, судебные решения могут выступать источниками права относительно урегулирования уголовно-исполнительных правоотношений. Таким образом, формируется прецедентная практика на базе Конституционного суда Российской Федерации и Верховного суда РФ. Данная практика имеет обязательное значение для судов. Например, Конституционный суд Российской Федерации вынес Постановление от 22.05.2023 № 25-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Пискарева», которое фиксирует порядок содержания осужденных. Так, сам факт перевода осужденного к лишению свободы в следственный изолятор не означает ухудшение условий его содержания. В этом ключе не могут быть нарушены нормы санитарной площади. Потому как, в соответствии с частью 5 статьи 23 и статьи 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», обозначенные субъекты должны содержаться в помещении размером не менее 4 квадратных метра на 1 человека. Соответственно, порядок содержания осужденных в СИЗО не в полной мере законодательно не урегулирован.

На практике в исправительных колониях предусмотрено только 2 квадратных метра на человека — это вдвое меньше нормы, зафиксированной в законодательстве. Поэтому заключенные, под стражу подозреваемые и обвиняемые зачастую содержатся в довольно тесных помещениях. Соответственно, при нарушении условий содержания в СИЗО осужденным к лишению свободы необходимо руководствоваться нормами санитарный площади, зафиксированной соответствующим Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-

ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений».

При этом нельзя забывать про судебный контроль в рамках исполнения наказаний. Судебный контроль выступает в роли механизма, гарантирующего законность в уголовно - исполнительной сфере.

Так, судебный контроль включает в себя анализ жалоб осужденных на неправомерные решения администрации исправительных учреждений. В свою очередь, суды занимаются разрешением вопросов, обусловленных изменением порядка отбывания наказания. Ярким примером является перевод из одного исправительного учреждения в другое. Так, по письменному заявлению осужденного к лишению свободы либо с его согласия по письменному заявлению одного из его близких родственников по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы при наличии возможности размещения осужденного он может быть направлен в исправительное учреждение, расположенное на территории субъекта Российской Федерации, в котором проживает один из его близких родственников, либо при невозможности размещения осужденного в исправительном учреждении, расположенном на территории указанного субъекта Российской Федерации, в исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации, наиболее близко расположенного к месту жительства данного близкого родственника, в котором имеются условия для размещения осужденного. При этом на практике данная норма применяется довольно редко в силу того, что в российской практике осужденные отбывают весь срок наказания исключительно в одном исправительном учреждении, в котором они должны были отбывать наказание первоначально.

На практике осужденный может быть переведен в другую колонию, только в исключительных обстоятельствах, к которым относятся болезни, возможность нарушения личной безопасности, ликвидация исправительного учреждения. Такие обстоятельства должны препятствовать самому факту нахождения такого субъекта в исправительном учреждении. Следует отметить, перечень обстоятельств в этом ключе обоснован необходимостью смены места отбывания наказания заключенным. Так, необходимо особый акцент делать на поддержании возможности осужденным контактировать с внешним миром. В том числе со своими родными, поэтому представляется логичным конкретизировать перечень соответствующих обстоятельств, которые характеризуют возможность перевода осужденного в другое учреждение уголовно-исполнительной системы для отбывания наказания. Так, суд при принятии соответствующего решения о переводе осужденного в другое учреждение должен руко-

водствоваться интересами соответствующего субъекта, а не обстоятельствами, которые обуславливают необходимость перевода лица, отбывающего наказание в другое учреждение УИС для последующего содержания. В этом и состоит правовое значение судебного решения в урегулировании уголовно-исполнительных правоотношений.

Помимо того, что судебное решение связано с судебным контролем за исполнением наказания, оно гарантирует соблюдение прав осужденных. Речь идет о восстановлении нарушенных правомочий. Ярким примером является нарушение прав на медицинскую помощь. Например, при рассмотрении дела по иску А к ГУФСИН России по Свердловской области в рамках компенсации морального вреда, суд пришел к выводу об обоснованности требований истца. Истец (осужденный), переболевший туберкулезом, содержался в помещении, где все стены были в плесени. В камере фактически отсутствовал свежий воздух. Вентиляция не работала. Также камеры были переполнены, в них отсутствовало нормальное освещение [4, с. 1]. Истец не получил предметы индивидуальной гигиены. Помимо этого, с ним в одной камере содержались лица, которые были больны туберкулезом, что нарушает норму пункта 2, части 2 статьи 33 Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Такие лица обоснованно должны содержаться отдельно от других субъектов, отбывающих наказание в силу того, что им необходим индивидуальный медицинский уход. В данном случае принято решение об удовлетворении требования истца в рамках компенсации морального вреда. В силу того, что осужденный действительно претерпел определенные физические и нравственные страдания, с исправительного учреждения была взыскана компенсация морального вреда в размере 12000 рублей [4, с. 1]. Соответственно, решение суда является гарантией устранения исправительным учреждением определенных нарушений, которые были допущены в процессе содержания соответствующего субъекта в исправительном учреждении.

Нельзя также не выделить социальное значение судебных решений, которые выступают в роли гаранта обеспечения социальной справедливости применительно не только к осужденным, но и ко всему обществу. Фактически они позволяют снизить социальную напряженность. Таким образом, формируется стойкое доверие к судебной системе, что напрямую вытекает из степени обоснованности рассмотрения жалоб, ходатайств, которые направляют осужденные [5, с. 188].

В настоящее время значимую роль в социальном направлении занимает Федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», благодаря которому создается огромная система социальной помощи. Видится важным отметить, что ранее основу нормативного регулирования в повторной социальной адаптации составлял единственный закон, который предусматривал помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания: это гл. 22 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, которая содержит всего 4 статьи, 3 из которых посвящены вопросам оказания помощи. Стоит отметить, что эти статьи носят бланкетный характер. Например, ст. 181 УИК РФ «Оказание помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания» отсылает нас к постановлению Правительства РФ «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания» [2]. Исходя из этого, можно отметить, что УИК РФ практически не закрепляет и не относит к предмету уголовно-исполнительного законодательства отношения в сфере социальной помощи осужденным, освобождающимся из мест лишения свободы [7, с. 114]. Между тем такая помощь необходима, в частности, несовершеннолетним осужденным, освобожденным из воспитательных колоний. Эта важность, прежде всего, обусловлена тем, что у подростков-осужденных низкий уровень профессиональной и жизненной подготовки в силу молодого возраста, они трудно адаптируются к новым социально-экономическим условиям. Воспитанники колоний на момент освобождения из учреждения не готовы достойно конкурировать на рынке труда, а также не в полной мере могут отстаивать свои основные права и свободы. Поэтому в социальном направлении ФЗ «О пробации» занимает ведущую позицию в настоящее время, охватывая не только несовершеннолетние лица, преступившие закон. Так, данный Федеральный закон призван корректировать социальное поведение, помогать лицам,

совершившим преступления, не представляющие высокой общественной опасности, доказать желание и способность к законопослушной жизни. Данный институт помогает в восстановлении социально полезных связей, в социально-бытовом и трудовом обустройстве, оказывает психологическую поддержку [7, с. 112]. Кроме того, социальная значимость института пробации определяется также его возможностями в развитии у осужденных навыков социально приемлемого и ответственного поведения.

Таким образом, лица, отбывающие наказание, имеют возможность в полной мере пройти процесс социальной реабилитации. Но поскольку данный институт начинает свое официальное действие с 1 января 2025 года, как будет развиваться судебная практика в этом направлении покажет время.

Так же следует отметить, что судебные решения имеют особое финансово - экономическое значение для государства. В первую очередь грамотные судебные решения способствуют оптимизации текущих расходов относительно сферы исполнения наказаний, позволяя пресечь определенные нарушения, например, нерациональность распределении бюджетных средств на содержание осужденных, избежать переполненности исправительных учреждений. (Например, благодаря переводу осужденных на исправительные работы).

Нельзя забывать также, про реабилитацию осужденных. На практике она возможна только при условии, если суд своим решением предоставит осужденным возможность осуществлять трудовую деятельность и получать дополнительное образование. В перспективе это позволит избежать безработицы, когда осужденный будет освобожден [6, с. 132].

Итак, можно прийти к выводу, что судебные решения выступают в роли механизма урегулирования уголовных правоотношений. Они имеют ключевое значение в рамках защиты прав осужденных, а также влияют на формирование объективной правоприменительной практики. В процессе совершенствования процедуры принятия решения судом укрепляется доверие к судебным механизмам, что положительно отражается на реабилитации осужденных. Соответственно, судебные акты помогают выстроить эффективную и открытую уголовно-исполнительную систему.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2023 № 25-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Пискарева». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447763/?ysclid=m890yg0dxq510498084.
3. Постановление Правительства РФ от 24.10.1997 № 1358 «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания». - Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 44. - Ст. 5074.
4. Решение № 2-3919/2021 2-3919/2021~М-3315/2021 М-3315/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 2-3919/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/GAv0YgzNitV5/?ysclid=m8910p xihk366797834>.
5. Джамаева А. М. Понятие, свойства и виды судебного приговора в уголовном процессе России // Закон и право. - 2023. - № 12. - С. 187-190.
6. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика [Электронный ресурс]: монография. - 3-е изд., стер. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. - 240 с. (дата обращения: 10.03.2024).
7. Нестеров А. Ю. Социальная значимость института пробации в России: отечественный и зарубежный опыт // Власть. - 2017. - Т. 25, № 11. - С. 111-115.

МИХЕЕВА Светлана Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры режима, охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе, Самарский юридический институт ФСИН России

БАБОВА Виктория Олеговна

курсант Самарский юридический институт ФСИН России

ПОБЕРЕЖНАЯ Полина Витальевна

курсант, Самарский юридический институт ФСИН России

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНВОИРУЕМЫХ ЛИЦ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ИХ ПО ПЛАНОВЫМ МАРШРУТАМ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО КОНВОИРОВАНИЮ

Данная тема является актуальной ввиду необходимости обеспечения баланса между безопасностью общества и защитой прав человека. Конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу, представляет собой сложный процесс, который требует четкой правовой регламентации для обеспечения соблюдения как прав конвоируемых лиц, так и безопасности сотрудников правоохранительных органов. В работе рассматриваются вопросы, связанные с правовым статусом конвоируемых лиц, с учетом особенностей конвоирования по плановым маршрутам, что позволяет внести новый вклад в изучение данного вопроса. В данном исследовании авторы провели анализ существующего законодательства, регламентирующего правовой статус конвоируемых лиц при перемещении их по плановым маршрутам специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию, выявили проблемы и сформулировали предложения по его совершенствованию. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства, регламентирующего процесс конвоирования.

Ключевые слова: правовой статус, конвоирование, права, обязанности, сотрудники уголовно-исполнительной системы, плановые маршруты, подразделения по конвоированию.

MIKHEEVA Svetlana Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Regime, security and escort in the penal system sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

BOBROVA Viktoriya Olegovna

cadet, Samara Law Institute of the FPS of Russia

BEREGNAYA Polina Vitaljevna

cadet, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ESTABLISHMENT OF THE LEGAL STATUS OF ESCORTED PERSONS WHEN MOVING THEM ALONG PLANNED ROUTES BY SPECIAL UNITS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM FOR ESCORTING

This topic is relevant due to the need to ensure a balance between the security of society and the protection of human rights. Escorting convicts and persons in custody is a complex process that requires clear legal regulation to ensure respect for both the rights of escorted persons and the safety of law enforcement officers. The paper considers issues related to the legal status of escorted persons, taking into account the specifics of escorting along planned routes, which makes it possible to make a new contribution to the study of this issue. In this study, the authors analyzed the existing legislation regulating the legal status of escorted persons along planned routes by special units of the penal enforcement system for escorting, identified problems and formulated proposals for its improvement. The results of the study can be used to improve legislation regulating the process of escorting.

Keywords: legal status, escorting, rights, duties, employees of the penal enforcement system, planned routes, escort units.

В системе исполнения наказаний Российской Федерации конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, играет ключевую роль. Согласно Положению о ФСИН России, утвержденному Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», эта функция является одной из основных задач ФСИН России. Для ее выполнения созданы специальные подразделения УИС по конвоированию, функционирующие с января 1999 года. За 25 лет функционирования системы конвоирования удалось оптимизировать перемещение спецконтингента по различным видам транспорта, включая железные и автомобильные дороги, воздушные и водные пути.

Плановые маршруты устанавливаются с целью минимизации количества рейсов, максимальной загрузки специальных транспортных средств и выбора кратчайших маршрутов с минимальным количеством пересадок. Для оптимизации перевозок осужденных и лиц, содержащихся под стражей, плановые маршруты ежегодно уточняются, при необходимости вносятся изменения.

У каждого субъекта процесса конвоирования есть свой определенный правовой статус.

Правовой статус – это совокупность прав, обязанностей, свобод и ограничений, которые устанавливаются законом для определенных субъектов (физических и юридических лиц) [1, с. 7]. Он определяет положение субъекта в правовой системе и его взаимодействие с другими субъектами права.

Правовой статус конвоируемых лиц – это сложная и неоднозначная тема, которая требует учета ряда противоречивых моментов. С одной стороны, они являются гражданами РФ с определенными правами и обязанностями, с другой – они имеют специальный статус и наделены определенными правами и обязанностями.

В современных НПА права конвоируемых лиц четко не определены. Однако определены требования и запреты, которые караул по конвоированию доводит до осужденных и лиц, содержащихся под стражей, при их перемещении. Данные нормы прописаны в ведомственном НПА, который имеет статус ограниченного пользования, и не все лица, заин-

тересованные в соблюдении законности при конвоировании имеют возможность ознакомиться с ними.

Однако с 01.01.2025 года вступает в силу приказ Министерства юстиции РФ № 277 «Об утверждении Порядка конвоирования по плановым маршрутам содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденных и лиц, заключенных под стражу, специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию»: в котором четко определены права конвоируемых лиц.

Основные права конвоируемых лиц: право на жизнь и личную неприкосновенность; защита от пыток и бесчеловечного обращения; право на медицинскую помощь; право на уважение человеческого достоинства; право на информацию о своих правах. Конвоируемые лица должны быть информированы о своих правах и обязанностях, а также о процедурах обжалования нарушений; право на общение с адвокатом.

Также специальный статус конвоируемых лиц основывается на ограничении их прав, которые выражены в следующем:

- ограничение свободы передвижения (находятся под постоянным контролем и лишены возможности свободно перемещаться);

- ограничение общения (им запрещается переписываться, переговариваться и перестукиваться с лицами, содержащимися в других камерах, делать надписи на стенах, полках и потолке камеры);

- ограничение доступа к имуществу (они лишены возможности владеть и распоряжаться имуществом, за исключением некоторых личных вещей);

- ограничение на участие в общественной жизни (они ограничены в праве участвовать в политической деятельности);

Особенности правового статуса конвоируемых лиц:

- повышенная опасность, к конвоируемым применяются повышенные меры охраны;

- необходимость строгого контроля;

- специфические условия содержания.

Правовой статус конвоируемых лиц по плановым маршрутам определяется комплексом законодательных актов и правовых норм, включая:

- уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ). Глава 2 УИК РФ определяет правовой статус осужденных, в том числе при конвоировании;

- закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ» устанавливает правовые рамки и действия сотрудников УИС по обеспечению конвоирования;

- федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Ст. 6 и глава 2 данного закона раскрывает правовой статус подозреваемых и обвиняемых.

Стоит отметить, что 17 сентября 2024 года приказом Министерства юстиции РФ № 277 был утвержден Порядок конвоирования по плановым маршрутам содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденных и лиц, заключенных под стражу, специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию, который дает следующее определение: конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу, осуществляется специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию по плановым маршрутам по железным дорогам РФ, по автомобильным дорогам РФ, маршрутам воздушных перевозок РФ, по морским и внутренним водным путям РФ в специальных вагонах, специальных автомобилях, на воздушных и водных судах.

Также приказ регламентирует следующие определенные изменения:

- определение полномочий сотрудников караула;

- регламентация порядка подготовки к конвоированию: установлены требования к проверке транспортных средств, а также к организации питания;

- определение правового статуса конвоируемых лиц.

Выделим несколько важных аспектов относительно правового статуса конвоируемых лиц по плановым маршрутам, основываясь на положениях приказа:

1. Ограничения прав, обусловленные безопасностью.

- Ограничение свободы передвижения: осужденные лишены возможности свободно передвигаться, они находятся под строгим контролем сотрудников по конвоированию.

- Ограничение общения: в приказе № 277 прямо указано, что конвоируемым лицам запрещается общаться с лицами, содержащимися в других камерах.

- Ограничение доступа к вещам и информации: осужденные лишены возможности иметь при себе личные вещи, запрещенные при конвоировании, а также получать информацию от сторонних лиц.

2. Обязанности осужденных:

- исполнять законные требования сотрудников караулов по конвоированию.

- не совершать действий, которые могут угрожать безопасности.

Стоит отметить, что согласно Федеральному закону № 15 «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» от 23 февраля 2013 г., курение в пути следования во время конвоирования запрещено. Это нарушение влечет за собой административную ответственность. Осужденным перед началом конвоирования разъясняется этот запрет, и они расписываются в том, что ознакомлены с ним. Подпись осужденного приклеивается на конверт с его личным делом.

При несоблюдении требований и запретов, составляется протокол о нарушении в двух экземплярах. Протокол заполняется начальником караула сразу после обнаружения нарушения. Нарушителю предлагается дать письменное объяснение, которое прикрепляется к протоколу. Если он отказывается, составляется акт об отказе. В протоколе указываются детали нарушения. Один экземпляр протокола передается вместе с личным делом нарушителя принимающему конвоируемое лицо, а второй – начальнику подразделения по конвоированию. Нарушение также фиксируется на видеорегиистратор. Полученные материалы передаются учреждению-получателю.

При перемещении конвоируемых лиц, они могут подать жалобу о угрозе безопасности. Начальник караула должен рассмотреть жалобу, включить видеорегиистратор и принять меры: перевести в другую камеру, если есть место, или усилить охрану. Жалоба должна быть приобщена к личному делу. Стоит отметить, что отсутствие единого порядка действий может привести к негативным последствиям. Для повышения эффективности рекомендуется делать отметку о необходимости безопасного места на справке-ориентировке.

- Право на получение медицинской помощи: В случае необходимости осужденным должна быть оказана необходимая медицинская помощь.

- Право на информацию: Осужденные должны быть проинформированы о правилах поведения во время конвоирования, а также о своих правах и обязанностях.

Стоит отметить, что приказ содержит ряд общих формулировок, которые могут быть неоднозначно трактованы сотрудниками УИС.

Несмотря на то, что Приказ № 277 устанавливает определенные правила конвоирования, правовой статус осужденных в данном документе описан недостаточно детально. Необходимо уточнить положения о гарантиях прав осужденных, о возможности обжалования действий сотрудников конвоя, а также о регламентации условий содержания осужденных во время конвоирования.

Предлагаем создать рекомендации по совершенствованию правового статуса конвоируемых лиц. Разработать более подробные нормативные акты: регламентировать все аспекты конвоирования, включая условия содержания, порядок оказания медицинской помощи, а также методы контроля.

Обеспечить широкую доступность информации: сделать информацию о правах конвоируемых лиц более доступной и понятной. Усилить контроль за соблюдением прав: создать эффективные механизмы контроля за соблюдением прав конвоируемых лиц со стороны сотрудников УИС. Учреждение-отправитель за сутки обязано ознакомить конвоируемых лиц с их правами и обязанностями и запретами, а также с процедурами обжалования нарушений. Каждый конвоируемый должен расписаться в получении информации о своих правах. На документе должна быть указана дата разъяснения прав.

Пристатейный библиографический список

1. Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 2. – С. 6-17.

НЕКРАСОВ Александр Петрович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБО-ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВИДЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ, МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, КОНСТАТАЦИЯ ФАКТОВ

В настоящей статье раскрываются подлинные причины совершения особо-опасных пенитенциарных преступлений в виде захвата заложников и совершения террористического акта, а также зарождение ячеек в виде джамаата в местах лишения свободы как община по изучению радикального ислама и подготовки сообщников к более дерзким и опасным преступлениям в обществе. В статье показана сущность коррупционных отношений в СИЗО и исправительных учреждений, а также связь осужденных с представителями «ИГИЛ». Материал изложен на основе документальных фактов и носит достоверный характер. Названы причины по борьбе с этим социальным злом и меры противодействия, направленные на предотвращение подобных опасных преступлений в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: терроризм, джамааты, пенитенциарные преступления, меры противодействия, коррупция, безнаказанность, места лишения свободы, захват заложников, радикализм.

NEKRASOV Alexander Petrovich

Ph.D. in Law, professor of Professional disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE MANIFESTATION OF PARTICULARLY DANGEROUS CRIMES IN THE FORM OF A TERRORIST ACT AND HOSTAGE-TAKING IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CAUSES, COUNTERACTION MEASURES, STATEMENT OF FACTS

This article reveals the true reasons for the commission of particularly dangerous penitentiary crimes in the form of hostage-taking and terrorist acts, as well as the emergence of cells in the form of a jamaat in places of detention as a community for the study of radical Islam and the preparation of accomplices for more daring and dangerous crimes in society. The reasons for combating this social evil and counteraction measures are mentioned.

Keywords: terrorism, jamaats, penitentiary crimes, counteraction measures, corruption, impunity, places of imprisonment, hostage-taking.

В нынешних современных условиях достаточно много идет полемики о причинах совершения преступлений в местах лишения свободы. Этот вопрос на сегодняшний день достаточно острый и злободневный в современном обществе, особенно если пенитенциарные преступления совершают иностранные граждане из ближнего зарубежья. Находясь в местах лишения свободы, мигранты создают группы по принципу землячества, так как большинство из них теряют родственные и социальные связи со своей Родиной, в результате чего в землячестве устанавливаются личностные взаимоотношения в соответствии с мотивами, целями, религией и культурой. Далеко не редкость так называемые пенитенциарные джамааты, существующие во многих исправительных учреждениях, основанные на вере ислама и его толкования. Таким образом, религиозным группам из стран Азии на этой основе, легче адаптироваться в кругу своих земляков, это помогает им получить некую защиту и поддержку от агрессии и насилия со стороны других заключенных. Есть и такие, кто на этой основе объединяются в преступные группировки и всяческим образом пытаются уклониться от режима наказания, тем самым подчеркивают свое поведение крайней отрицательностью и не желают вставать на путь исправления. Безусловно, места лишения свободы играют огромную роль в формировании поведения осужденных, в том числе и меняют психическое состояние ее отдельных индивидуумов в перманентной ее части, в совершении тяжких и особо-тяжких преступлений, в том числе и внутри на территории ко-

лоний. Вот на основе джамаата чрезвычайное происшествие произошло в 12ч.30 минут, 23 августа 2024 года в исправительной колонии № 19 в городе Суровикино Волгоградской области, где четверо представителей радикально-настроенных лиц азиатского мира, приговоренные к длительным срокам заключения, сгруппировались по мотивам, целям и убеждениям, обзавелись остро-режущими предметами и напали на сотрудников исправительного учреждения в тот момент, когда проводилось дисциплинарное совещание. В итоге четыре заложника ими было убито из числа сотрудников УИС, а начальник колонии был тяжело ранен, остальных заложников из числа осужденных продолжали удерживать. Мотивом лишения жизни сотрудников колонии, являлся факт мести всей системе Российского правосудия, за якобы задержанных земляков по делу в «Крокус Сити Холле», которые в настоящее время содержатся в СИЗО и подвергаются, как они полагают систематическим унижением и пыткам. Во время штурма спецназа по освобождению других заложников из числа осужденных преступники были уничтожены. Органами правопорядка тут же были возбуждены уголовные дела по ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», по ст. 206 УК РФ «Захват заложников» и по ст. 222 УК РФ «За незаконный оборот оружия» [1]. Совершенно справедливо органами правопорядка были поставлены следующие вопросы: как появились в руках злодеев ножи, кто передал им детали для изготовления самодельной бомбы, как появились в местах за-

ключения запрещенные предметы, в том числе и сим-карты и телефоны? Координировались ли их действия извне покажет следствие, но судя по замыслу террористов, скорее всего да, чем нет. У работников правоохранительных органов возникли справедливые и вполне логичные вопросы: кто мог им передать запрещенные предметы, да еще в виде деталей для сборки оружия. Кто мог их пронести через систему контрольного пропуска? Неужели была некая криминальная связь между заключенными и сотрудниками пенитенциарной системы? Как оказались в специальном режимном учреждении «вооруженные до зубов» заключенные, которые посеяли смерть ни в чем не повинных граждан, да еще кого, сотрудников уголовно-исполнительной системы, кто мог им передать, заточенные ножи, и приспособления? Если это был переброс через забор исправительного учреждения, то система видеонаблюдения показала бы этих лиц. На этот вопрос пока ответа нет, надеемся исключительно только на органы предварительного следствия. Значит, существует другая версия, пронести через систему КПП запрещенные в обороте предметы и детали могли только исключительно сотрудники этого учреждения за корыстные побуждения. Изверги, совершили в разный период времени тяжкие и особо-тяжкие преступления на территории России, были осуждены на длительные сроки заключения. Надеемся, что предварительное следствие ответит на все эти злобные вопросы и доведет их до общественности. Динамика пенитенциарных преступлений имеет свою тенденциозность, особенно в кругу земляков по общим взглядам, стремлениям, обычаям, национальностям, культуре, традициям, по религиозным убеждениям. Осужденные-азиаты разговаривают на своем родном языке, который невозможно понять другим присутствующим, а отсюда возникают проблемы у сотрудников пенитенциарной сферы в виде их взглядов, намерений, преступных планов в совершении пенитенциарных преступлений. Удивительно, но факт, все террористы подвергались администрации исправительного учреждения к дисциплинарным мерам наказания, однако, факт репрессивных мер не оказал на них должного воздействия.

Еще одно драматическое событие произошло спустя чуть больше в СИЗО г. Ростов -на Дону, где, захват заложников был тщательно спланирован арестантами. Так 16 июня 2024 г., в около 9 ч. шестеро арестантов СИЗО в г. сумели выбраться из камеры и взять в заложники двоих сотрудников изолятора. Среди особо-опасных преступников были террористы из запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Как показали первые предварительные данные следствия, захватчики к этому преступлению готовились долго и планомерно и имели мобильную связь со своими сообщниками извне.

Как уже показало следствие, шестеро заключенных сломали оконную решетку в камере и проникли в дежурную часть, где захватили двух заложников. Перманентные переговоры со злоумышленниками не дали никаких результатов, спецподразделениями начался штурм СИЗО, операция продлилась всего несколько минут в ходе, которой, все шестеро злодеев были ликвидированы, заложники не пострадали. Возникает масса вопросов к руководству СИЗО г. Ростова, а также ФСИН Ростовской области, какова причина, что среди арестантов не проводилась оперативная работа, почему трое из преступников, осужденные за совершение террористического акта содержались в СИЗО, тем более оперативный состав и руководство ИУ заведомо знали, что они поддерживают связь с запрещенной в России такой организацией как «ИГИЛ», как террористы, по-

сле вынесенного приговора судом могли содержаться в СИЗО, когда их место в ИУ, как к заключенным в СИЗО попали мобильные телефоны с камерами, а также другие запрещенные предметы (у всех шестерых были телефоны). Как публикует РИА Новости, СИЗО г. Ростова было рассчитано для арестантов на 500 с небольшим человек, а по факту там содержалось арестованных почти в два раза больше, при этом нехватка сотрудников в учреждении составляло около 30 % [2]. Количество лишних заключенных равнялось свыше 300 человек, а это большой сверхлимит, такое недопустимо в СИЗО, так как нарушаются не только санитарные нормы, предусматривающие нормативы содержания заключенных, но и, безусловно, затрудняется процессуальный контроль сотрудниками изолятора за заключенными.

Депутат Госдумы Виталий Милонов сделал свои субъективные выводы и констатирует, что захват заложников в СИЗО стал вполне возможен из-за коррупционной деятельности сотрудников УИС, благодаря которой к террористам не применялись жесткие меры содержания в СИЗО. Далее он размышляет над тем, что коррумпированные нечистоплотные сотрудники дискредитируют систему исполнения наказаний и позволяют злоумышленникам чувствовать себя спокойно [3]. Считаем необходимым отметить тот факт, что доля правды в словах депутата имеется.

У правоприменителей и ученых-юристов возникает масса вопросов и один из главных, как такой вопиющий факт мог произойти внутри общества и почему такие особо-опасные преступления совершаются в тех местах, где они в принципе не должны иметь место и быть, поскольку там работают профессионалы и специально обученные люди из числа сотрудников, имеющих определенные навыки; почему до сих пор существуют коррупционные преступления в местах лишения свободы и как их купировать; почему существует хроническая нехватка кадров в системе ФСИН России, особенно в СИЗО и ИУ; почему в режимных объектах создаются религиозные группы и объединения по изучению ислама, и почему ослаб надзор и контроль за их деятельностью; непонятно почему на должном уровне не срабатывает оперативный аппарат в структурных подразделениях. Есть еще масса вопросов с обстоятельствами совершения преступлений на объектах режимного пользования. Безусловно, все вышеперечисленные причины и названные проблемы необходимо решать обществу сообща, вместе с ГУФСИН России системно и комплексно, особенно по предотвращению коррупционной деятельности в пенитенциарной системе, именно здесь видится залог успехов и противодействия всех служб в столь сложном едином пенитенциарном механизме.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». - Ст.ст. 321, 205, 206, 222.
2. РИА Новости от 17.06. 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240617/?ysclid=m8g6ztppka612832866>.
3. Инфо24 от 17.06. 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/community/52938601-milonov-raskryl-glavnuyu-prichinu-zahvata-zalozhnikov-v-rostovskom-sizo/?ysclid=m8g73shvvg297032894>.

СЕЧКОВА Любовь Михайловна

адъюнкт, Факультет научно-педагогических кадров, Академия ФСИН России

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РОСТ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМИ УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ

В статье анализируется современное состояние уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Рассматривается нормативно-правовое регулирование вопроса, связанного с ненадлежащими условиями содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Проводится анализ факторов, влияющих на рост административных дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания.

Ключевые слова: ненадлежащие условия содержания, уголовно-исполнительная система, подозреваемые, обвиняемые и осужденные.

SECHKOVA Lyubov Mikhaylovna

adjunct, Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of the FPS of Russia

ANALYSIS OF THE FACTORS INFLUENCING THE GROWTH OF ADMINISTRATIVE CASES RELATED TO INADEQUATE CONDITIONS OF DETENTION

The article analyzes the current state of the penal system of the Russian Federation. The regulatory and legal regulation of the issue related to the inadequate conditions of detention of suspects, accused and convicted persons is being considered. The analysis of the factors influencing the growth of administrative cases related to inadequate conditions of detention is carried out.

Keywords: inadequate conditions of detention, penal enforcement system, suspects, accused and convicted.

Российская Федерация является правовым государством, в котором права человека признаны высшей ценностью. Ограничивая или лишая человека свободы, государство возлагает на себя обязанности по созданию надлежащих условий содержания, соблюдению требований законности, охране его жизни и здоровья [1, с. 22].

Успешное функционирование правового и социального государства в существенной степени зависит от регулирования процессов создания и применения правовых институтов, которые призваны в полной мере реализовать основные доктринальные понятия, закрепленные в Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституции РФ), и других нормативных документах.

Так, согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в которой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как писал Л. С. Явич, «всякое применение права есть применение равного мерила к субъектам общественных отношений» [2, с. 156]. Равенство всех граждан перед законом, признание за каждым человеком равных возможностей в юридическом аспекте реализуются прежде всего через принцип справедливости, который заключается в восстановлении нарушенных прав посредством компенсации за причиненный ущерб.

Изменения, наблюдаемые в настоящее время в политической, экономической и духовной жизни общества отражаются, в том числе, на процессе построения системы законодательства в целом и на отдельных его отраслях. Одной из основных тенденций в данном процессе является увеличение числа компенсационных норм и как следствие развитие ин-

ститутов компенсации в различных отраслях права: конституционном, уголовном, гражданском, уголовно-исполнительном, международном и других.

Рассматриваемые изменения в пенитенциарной системе, безусловно, указывают на процесс гуманизации условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также на повышение уровня гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с российским и международным законодательством. Однако целый ряд проблем, связанных с надлежащими условиями содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, по-прежнему остается нерешенным, что, несомненно, свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса.

Так, в Российской Федерации в 2019 году возник институт компенсации за ненадлежащие условия содержания, который позволил подозреваемым, обвиняемым и осужденным воспользоваться своим законным правом в рамках национального законодательства на обращение в суд в случае нарушения надлежащих условий содержания. Данный институт права был создан главным образом во исполнение рекомендаций Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), сформулированных в постановлении по делу «Ананьев и другие против России» от 10 января 2012 г., жалоб № 42525/07 и № 60800/08, которые предполагали принятие комплекса мер для устранения различных причин, приводящих к структурной проблеме – ненадлежащим условиям содержания. Для реализации данного комплекса мер был принят Федеральный закон от 27.12.2019 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о компенсации). Еще одним значимым фактором внедрения российского механизма возмещения за ненадлежащие условия содержания стало стремление уменьшить суммы выплат по подобным делам, что позволило снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет. В этой связи согласимся с мнением Ю. А. Головастовой о том, что «это нововведение следует рассматривать с точки зрения повышения престижа и авторитета России на международной арене, а также минимизации размера компенсационных

1 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru. № 0001202210060013. (дата обращения: 06.10.2022).

Таблица 1. Анализ сумм компенсаций, назначенных ЕСПЧ и «национальными судами»

Дело	Сумма компенсации
ЕСПЧ	
«Побков и Рассолов против Российской Федерации» (Жалобы № №43215/10 и 56270/10)	Побкову – 6 250 евро Рассолову – 1 245 евро
«Музыченко и другие против Российской Федерации» (Жалобы № № 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15)	Музыченко – 5 000 евро Улжатаеву – 20 800 евро Бусову – 5 000 евро Медведеву – 5 000 евро Лаврентьеву – 16 600 евро Сорокину – 5 300 евро Сафонову – 5 000 евро Шаталову – 5 000 евро
«Национальные» суды	
Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Карелия от 29 января 2021 г. по делу № 33а-101/202	Чепайкину – 250 000 рублей
Апелляционное определение СК по административным делам Новгородского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу № 33а-539/2021	Федоринчику – 120 000 рублей
Апелляционное определение СК по административным делам Архангельского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу № 33а-2983/2021	Куклину – 8 000 рублей

Таблица 2. Судебная практика по вопросам компенсации за ненадлежащие условия содержания (2019-2024 гг.)

Отчетный период, год	Общее количество судебных решений	Удовлетворено полностью (частично)	Доля удовлетворённых дел, %
2020	1235	157	13
2021	4726	871	18
2022	15915	3490	22
2023	23197	3723	16
2024*	21515	3514	16

* Данные представлены по состоянию на 01.12.2024 год с использованием системы «Гарант».

выплат осужденным-заявителям, выплаченных, как правило, за счет средств налогоплательщиков» [3, с. 53].

Исходя из данных, представленных в таблице, мы видим, что суммы компенсаций, назначенных ЕСПЧ, значительно выше, тех, что присуждают российскими судами. Данная тенденция сложилась на основе того, что ЕСПЧ при вынесении решений о компенсации руководствуется международными стандартами, установленными в отношении защиты прав человека. Кроме того, институт компенсации за ненадлежащие условия содержания обвиняемых, подозреваемых и осужденных начал функционировать в Российской Федерации сравнительно недавно, соответственно, в нашей стране не сложилась еще столь обширная судебная практика, которая необходима для формирования механизмов расчета сумм компенсаций.

В соответствии с Законом о компенсации изменения были внесены в следующие нормативно-правовые акты:

1) в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации² (далее – КАС РФ), внесена ст. 227.1, в которой закреплено право подозреваемых, обвиняемых и осужденных на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей и условий содержания в исправительных учреждениях. Рассмотрены процессуальные гарантии ее получения, выраженные в возможности заявить требование о присуждении компенсации за нарушение установленных законодательством РФ и международными договорами РФ условий содержания под стражей или содержания в исправительном учреждении, а также рассмотрен порядок подачи и рассмотрения такого административного искового заявления;

2) в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации³ (далее – УИК РФ) внесена ст. 12.1, устанавливающая право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении;

3) в Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ «О содержании») в ст. 17 добавлено положение о том, что подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей, имеют право на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания. Положение о закреплении права указанной группе лиц в случае нарушения условий содержания под стражей в порядке, установленном КАС РФ, обратиться в суд с административным иском отражено в ст. 17.1 ФЗ «О содержании».

Условия рассмотрения дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания, конкретизированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания».

Нормативно установленная совокупность прав в сочетании с закрепленным в законе механизмом их реализации образует основу правового института компенсации за ненадлежащие условия содержания. В целом, нормативное правовое закрепление компенсации свидетельствует о стремлении государства к самостоятельному разрешению проблемных ситуаций, возникающих при содержании подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Данный институт права действует на территории нашей страны более 4 лет, за это время было вынесено около 60 000

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70885220/> (дата обращения: 05.01.2025).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 05.01.2025).

Таблица 3. Анализ средних сумм компенсаций за ненадлежащие условия содержания, назначенные российскими судами

Год	Сумма компенсации	
	Выплаченная, руб.	Доля от заявленной суммы компенсации, %
2021	27 000	12
2022	36 690	16
2023*	24 300	11

* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1Xqswwiq9bh5mHJxpLKF5YdBLIVF3amWg/view> (дата обращения: 28.12.2024).

судебных решений, из них лишь около 9 000 удовлетворены полностью или частично.

В финансово-экономическом обосновании к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования компенсаторного судебного средства правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях» сумма компенсации была заложена в размере 3 000 евро на человека (231 000 рублей по курсу, указанному в материалах законопроекта)⁴.

Данные таблицы позволяют нам сделать вывод о том, что средние суммы компенсаций, выплаченные истцам по делам о ненадлежащих условиях содержания, значительно ниже сумм, заложенных в финансово-экономическом обосновании к проекту федерального закона «О компенсации», что подтверждает тенденцию к минимизации размера компенсационных выплат, назначаемых российскими судами.

Анализ судебной практики показывает, что значительный рост числа административных дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания, который начался в 2022 году и продолжается в настоящее время, обусловлен комплексом факторов.

Во-первых, существенное влияние на формирование данной тенденции оказало прекращение членства Российской Федерации в ЕСПЧ. Это решение было принято в связи с выходом России из Совета Европы. В соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, перестали подлежать исполнению на территории Российской Федерации. В результате все жалобы на ненадлежащие условия содержания в настоящий момент рассматриваются исключительно в рамках российской судебной системы. Данная ситуация носит двойственный характер. С одной стороны, нельзя отрицать тот факт, что за 24-летний период участия Российской Федерации в ЕСПЧ ряд вынесенных решений оказал значительное влияние на всю правовую систему страны. Среди наиболее значимых можно выделить:

– Постановление ЕСПЧ от 26 января 2006 года «Михеев против РФ» (жалоба № 77617/01). Данное дело легло в основу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре». На основе этого дела Верховный Суд РФ выработал презумпцию доводов заявителя о незаконных методах следствия, пока тот находится под контролем правоохранителей, и возложил на них обязанность опровергать эти доводы;

– Постановление ЕСПЧ от 27 марта 2008 года «Шукаров против Российской Федерации» (жалоба № 44009/05). Так, после вынесенного решения ЕСПЧ были приняты поправки в Гражданский кодекс РФ, которые обеспечили наиболее полную защиту прав и интересов граждан, страдающих психическими расстройствами;

– Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 года «Бурдов против России» (жалоба № 33509/04). Результатом стал Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», который стал внутригосударственным способом правовой защиты в случае чрезмерной длительности судопроизводства и исполнения судебных решений и многие другие.

С другой стороны, выход Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ открыл возможности для формирования нового международного судебного органа, деятельность которого могла бы способствовать укреплению защиты прав и свобод человека. Между тем, ряд экспертов высказывают предположение о том, что функции ЕСПЧ могут быть переданы Конституционному суду Российской Федерации⁵. Однако, позволим не согласиться с данной точкой зрения, поскольку ЕСПЧ являлся наднациональным органом, к которому заявители обращались после исчерпания всех возможностей правовой защиты на национальном уровне, поэтому для эффективного функционирования системы защиты прав человека необходимо создать новый международный судебный орган, способный осуществлять аналогичные функции. Такой судебный орган потенциально может возникнуть в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ) либо иной международной организации. В этой связи интерес вызывает мнение Ф. В. Грушина, Л. В. Павловой, что «в сложившейся ситуации...необходимо рассмотреть возможность создания новой объективной национально-ориентированной международной правозащитной организации, с полномочиями, схожими с Европейским судом по правам человека» [4, с. 23].

Во-вторых, полагаем, что подобный скачок в сторону увеличения количества дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания, может быть связан с распространением информации среди лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, о возможности подачи жалобы и, при удовлетворении требований истца, дальнейшей выплаты денежной компенсации. Для сравнения масштаба динамики повышения исковой активности осужденных рассмотрим данные в региональном разрезе в 2020-2023 гг.

Несмотря на значительный рост исковой активности лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует отметить, что не существует единой нормативно закрепленной методики определения размеров компенсации. Так, согласно решениям Сыктывкарского городского суда Республики Коми № 2а-4697/2023, № 2а-2068/2023, № 2а-4979/2023, № 2а-4106/2023, № 2а-4697/2023, № 2а-4824/2023, № 2а-4517/2023, № 2а-2355/2023 присуждена компенсация за нарушение условий содержания, в частности, отсутствие горячего водоснабжения. При этом суммы компенсации варьировались от 8 000 рублей (дело № 2а-4106/2023) до 54 000 рублей (дело № 2а-4697/2023). Согласно решениям Дзержинского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области № 2а-345/2022, № 2а-978/2022, № 2а-3189/2021, № 2а-1012/2021 при-

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/711788-7>. (дата обращения: 01.12.2024).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advstreet.ru/columns/kto-mozhet-importozamestit-espch/> (дата обращения: 25.12.2024).

Таблица 4. Динамика повышения исковой активности лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2020 – 2023 гг.

Регион \ Год	2020	2021	в % к АППГ*	2022	в % к АППГ	2023	в % к АППГ
Алтайский край	88	120	36	203	69	260	28
г. Санкт-Петербург	164	184	12	203	10	985	385
Мурманская область**	68	126	85	624	395	1452	133

* аналогичный период прошлого года

** Данные представлены по состоянию на 01.12.2024 год с использованием системы «Гарант».

суждена компенсация за ненадлежащие условия содержания, выразившиеся в части: отсутствия ночного освещения; отсутствия горячего водоснабжения; отсутствия предметов первой необходимости и личной гигиены; ограниченном количестве спальных мест; отсутствии системы пожаротушения и др. При этом суммы компенсации составили от 1 500 рублей (дело № 2а-3189/2021) до 60 000 рублей (дело № 2-1084/2022). При этом суд, при определении той или иной суммы компенсации, чаще всего ссылается на «характер, продолжительность, последствия и ущерб», нанесенные истцу.

Таким образом, приведённый анализ судебных актов демонстрирует, что, несмотря на снижение размеров компенсаций за нарушения условий содержания, число жалоб продолжает увеличиваться. Это свидетельствует о том, что количество жалоб не находится в прямой зависимости от размеров компенсаций. Обвиняемые, подозреваемые и осуждённые обращаются за защитой своих прав независимо от ожидаемой финансовой выгоды, что подчеркивает важность соблюдения правовых норм и обеспечения достойных условий содержания.

В-третьих, значительный рост числа административных дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания, может быть связан с особенностью производства по данной категории дел. Так, административное исковое заявление о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении может быть подано в суд в течение трех месяцев со дня нарушения (для тех нарушений, которые уже завершились, например, человек освобожден из мест лишения свободы или предварительного заключения или переведен в другое помещение/учреждение). Однако эти нарушения, как правило, носят длящийся характер, следовательно, административное исковое заявление о признании незаконным бездействия органа или учреждения, должностного лица, связанного с нарушением условий содержания лишенных свободы лиц, может быть подано в течение всего срока, в рамках которого у органа или учреждения, должностного лица сохраняется обязанность совершить определенное действие, а также в течение трех месяцев после прекращения такой обязанности [5, с. 161].

Так, согласно Решению Онежского городского суда Архангельской области от 14.06.2022 по делу № 2а-279/2022, взыскана компенсация в размере 16 000 рублей за ненадлежащие условия содержания гражданина А. При этом, суд указал на тот факт, что «довод представителей административных ответчиков о пропуске административными истцами срока, установленного частью 1 статьи 219 КАС РФ, является ошибочным». Конечно, есть и прямо противоположные решения суда, например, в Апелляционном определении СК по административным делам Свердловского областного суда от 29 ноября 2022 г. по делу № 33а-17587/2022 суд указал на то, что «длительное необращение Л. в суд свидетельствует о незначительности его переживаний», а также «осознание административным истцом факта нарушения его прав и законных интересов не может ставиться в зависимость от сообщения ему об этом другими осужденными». Тем самым суд исключил злоупотребления со стороны административного истца.

Еще одной особенностью дел, связанных с оспариванием условий содержания, является то, что бремя доказывания возлагается на административного ответчика, что создает дополнительные гарантии защиты прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В заключении можно сделать вывод о том, что компенсация за нарушение условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является эффективным средством правовой защиты при нарушении прав подозреваемых, обвиняемых и осуждённых. При этом значительный рост количества жалоб на ненадлежащие условия содержания связан со многими факторами, главными из которых, по нашему мнению, являются выход Российской Федерации из Совета Европы, и как следствие выход нашей страны из-под юрисдикции ЕСПЧ, распространение информации среди лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и особенностью производства по данной категории дел. Это далеко не полный перечень факторов, обуславливающих увеличение роста числа административных дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания. Необходимо проводить дальнейший анализ рассматриваемых факторов с учетом сложившейся судебной практики, а также практической деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Запивалов Д. А. К вопросу о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по защите прав и свобод осуждённых к лишению свободы // Ведомости УИС. – 2019. – № 6 (205). – С. 22-27.
2. Явич Л. С. Общая теория права. – Ленинград, ЛГУ им. А. А. Жданова, 1976. – С. 156.
3. Головастова Ю. А. Право осуждённых на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания в исправительном учреждении: новелла уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 03-04 июня 2021 года / Самарский юридический институт ФСИН России. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 53-55.
4. Грушин Ф. В., Павлова Л. В. Уголовно-исполнительная система: современное состояние и возможные направления развития // Ведомости УИС. – 2023. – № 4. – С. 18-24.
5. Белик В. Н., Искра М. А. К вопросу реализации права на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и условий содержания осуждённых в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – № 2. – С. 160-165.

СИМКИН Егор Александрович

преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИН России

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОСУЖДЁННЫХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового статуса осуждённых в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируются ключевые элементы правового статуса, включая права, законные интересы и юридические ограничения, а также механизмы их реализации в исправительных учреждениях. Автор выделяет основные проблемы обеспечения прав осуждённых, среди которых недостаточное материально-бытовое обеспечение, пробелы в законодательстве. Особое внимание уделяется необходимости гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области прав человека. Автором предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, развитию правоприменительных механизмов и внедрению современных технологий для повышения эффективности защиты прав осуждённых.

Ключевые слова: правовой статус осуждённых, уголовно-исполнительное право, права человека, исправительные учреждения, режим содержания, правоприменительная практика, гарантии прав, пенитенциарная система.

SIMKIN Egor Alexandrovich

lecturer of Regime organization, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE LEGAL STATUS OF CONVICTS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF THE PENAL SYSTEM

The article examines the theoretical and practical aspects of the legal status of convicted persons in the context of the reform of the penitentiary system in the Russian Federation. It analyzes the key elements of this legal status, including constitutional rights, legitimate interests, and legal restrictions, as well as the mechanisms for implementing them in correctional facilities. The author highlights the main challenges in ensuring the rights of convicts, such as insufficient material and housing provision, gaps in legislation, and limited access to medical and legal assistance. They emphasize the need to align Russian legislation with international human rights standards, particularly the Nelson Mandela Rules, to ensure the full protection of the rights of all people. In conclusion, the article makes recommendations for improving the regulatory framework, strengthening law enforcement mechanisms, and implementing modern technologies to enhance the protection of prisoners' rights.

Keywords: legal status of convicts, penal enforcement law, human rights, correctional institutions, detention regime, law enforcement practice, guarantees of rights, penitentiary system.

Обеспечение прав и законных интересов осуждённых является важным элементом гуманизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Правовой статус осуждённых, как комплексная правовая категория, отражает специфику их положения в обществе с учётом ограничений, связанных с наказанием. Вопросы реализации правового статуса осуждённых приобретают особую актуальность в условиях реформирования пенитенциарной системы, направленного на приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами. Однако практика показывает, что формально закреплённые права осуждённых нередко сталкиваются с барьерами в реализации, что требует комплексного подхода к анализу существующих проблем и разработке механизмов их устранения.

Необходимо отметить, что правовой статус личности представляет собой одну из ключевых категорий теории права, определяющую юридически закреплённое положение человека в обществе [1, с. 90]. В отношении осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы, правовой статус приобретает специфический характер, обусловленный ограничениями, связанными с наказанием [2, с. 144]. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, реформирование уголовно-исполнительной системы требует адаптации её нормативно-правовой базы к новым условиям. Во-вторых, возрастают требования к обеспечению баланса между соблюдением прав осуждённых и необходимостью поддержания порядка и безопасности в местах лишения свободы. В-третьих, необходима гармонизация российского законодательства с международными стандартами в области защиты прав человека.

Осуждённые, будучи субъектами уголовно-исполнительного права, обладают специфическим правовым статусом, который отличается от правового положения иных категорий граждан.

Специфика правового статуса осуждённых обусловлена необходимостью сочетания принципов соблюдения прав и свобод человека с задачами уголовного наказания, направленного на исправление правонарушителей. В теоретико-правовом контексте можно выделить ряд проблем, связанных с нормативной неопределённостью отдельных аспектов статуса осуждённых, недостаточной системностью подходов к их правовому регулированию и сложностями правоприменительной практики.

Наиболее остро эти проблемы проявляются в условиях институциональных ограничений, характерных для исправительных учреждений. Здесь правовой статус осуждённых подвергается значительным ограничениям, что неизбежно приводит к конфликту между формальным закреплением прав и их фактической реализацией.

Анализ законодательства и научной литературы показывает, что действующая нормативная база не всегда обеспечивает необходимый баланс между реализацией задач наказания и соблюдением прав человека. В частности, наблюдаются сложности в обеспечении равенства прав осуждённых в зависимости от режима содержания, что порождает дискуссии о необходимости унификации правового регулирования.

В теории уголовно-исполнительного права правовой статус осуждённых рассматривается как комплексная правовая категория, включающая несколько ключевых элементов. К ним относятся:

1. Конституционные права и свободы, которые сохраняются за осуждёнными с учётом ограничений, обусловленных характером наказания.

2. Специальные права и обязанности, возникающие в результате лишения свободы и нахождения в условиях исправительного учреждения.

3. Законные интересы осуждённых, направленные на обеспечение их базовых потребностей и достойных условий содержания.

4. Правовые ограничения, устанавливаемые в связи с исполнением наказания.

5. Гарантии реализации прав и законных интересов, которые включают механизмы защиты от возможных нарушений [3, с. 58].

Согласно В. И. Селиверстову, структура правового статуса осуждённых должна обеспечивать баланс между правами осуждённых и режимными требованиями исправительных учреждений [4, с. 145]. Такая структура, с одной стороны, создаёт условия для исправления осуждённых, а с другой — гарантирует соблюдение порядка и безопасности. Это особенно важно в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, когда происходят изменения в законодательстве, управленческих процессах и подходах к выполнению наказаний.

Реализация прав осуждённых в условиях исправительных учреждений имеет ряд особенностей, связанных с изоляцией от общества, режимными требованиями, а также социальными факторами. Одним из ключевых аспектов является обеспечение материально-бытовых условий, соответствующих требованиям законодательства. Такие требования как предоставление жилой площади по установленным нормативам, создание санитарно-гигиенических условий, обеспечение питанием, одеждой и предметами первой необходимости, выходят на периферию при реализации их правового статуса.

Несмотря на существующие нормативно-правовые гарантии, осуждённые сталкиваются с рядом проблем в процессе реализации своих прав. Одна из наиболее острых проблем — недостаточное материально-бытовое обеспечение. Многие исправительные учреждения не могут обеспечить осуждённых необходимыми условиями из-за нехватки финансирования, а также устаревшей инфраструктуры. Это касается как жилой площади, так и качества питания, одежды и предметов личной гигиены.

Недостаточное материально-бытовое обеспечение осуждённых имеет множество негативных последствий [5, с. 87]. Прежде всего, это влияет на их физическое здоровье: плохие жилищные условия и некачественное питание способствуют распространению инфекционных и хронических заболеваний. Психологический дискомфорт, вызванный нехваткой базовых благ, увеличивает уровень конфликтности среди осуждённых и затрудняет их ресоциализацию. Кроме того, указанные проблемы способствуют формированию негативного отношения осуждённых к администрации учреждений и государству в целом, что может осложнять процесс их исправления и возвращения в общество.

Для решения указанных проблем необходимо принять комплексные меры, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы, организационных механизмов и материально-технического обеспечения исправительных учреждений. Одним из ключевых направлений является гармонизация российского законодательства с международными стандартами, включая минимальные правила ООН в отношении обращения с заключёнными («Правила Нельсона Манделы»). Это требует внедрения принципов гуманного обращения и уважения достоинства осуждённых, что должно найти отражение в обновлённой редакции Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В частности, целесообразно пересмотреть существующие ограничения прав осуждённых, с учётом рекомендаций международных организаций.

Развитие системы общественного контроля за соблюдением прав осуждённых представляется ещё одним перспективным направлением. Общественные наблюдательные комиссии (ОНК) должны быть обеспечены расширенными полномочиями и доступом к информации

о деятельности исправительных учреждений. Усиление взаимодействия между ОНК, администрацией исправительных учреждений и органами прокуратуры может способствовать оперативному выявлению и устранению нарушений.

Внедрение современных информационных технологий может значительно улучшить реализацию прав осуждённых. Электронные системы подачи жалоб, создание платформ для дистанционного обучения, а также развитие телемедицины способны не только расширить доступ осуждённых к образовательным и медицинским услугам, но и повысить прозрачность работы исправительных учреждений. Например, электронные журналы для подачи жалоб и предложений позволят минимизировать случаи их утери или некорректного рассмотрения.

Социальная адаптация осуждённых к жизни после освобождения остаётся значительным вызовом. Разработка и реализация комплексных программ подготовки к освобождению, включающих психологическую поддержку, обучение навыкам общения и поиска работы, имеют ключевое значение. Важно создавать условия для восстановления социальных связей, что может быть достигнуто через программы поощрения взаимодействия с семьёй и внешними организациями.

Развитие производственной деятельности в исправительных учреждениях является ещё одним перспективным направлением. Государственно-частное партнёрство может способствовать созданию новых рабочих мест и модернизации существующих производственных мощностей. Это, в свою очередь, обеспечит осуждённых востребованными навыками и увеличит их шансы на трудоустройство после освобождения.

В заключение можно отметить, что обеспечение прав и законных интересов осуждённых является ключевым направлением гуманизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Правовой статус осуждённых, как комплексная правовая категория, должен отражать баланс между соблюдением их прав и выполнением задач наказания. Анализ проблем нормативного регулирования и правоприменительной практики показывает, что формально закреплённые права осуждённых не всегда находят реальное воплощение, что требует системного подхода к их реализации.

Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства с учётом международных стандартов, развитие механизмов общественного контроля и внедрение современных технологий способны повысить эффективность защиты прав осуждённых. Немаловажным остаётся обеспечение достойных условий содержания, качественного образования и профессиональной подготовки, что способствует успешной ресоциализации и снижению уровня рецидивов.

Комплексное решение обозначенных проблем требует объединения усилий государства, научного сообщества, общественных организаций и международных экспертов. Только такой подход позволит построить уголовно-исполнительную систему, сохраняя свою исправительную функцию, будет основываться на принципах уважения человеческого достоинства и обеспечения прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. — М.: Юрист, 2004. — 234 с.
2. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. — 144 с.
3. Минаков Г. Л. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказания: Учебное пособие. — М.: Академия МВД РФ, 1993.
4. Уголовно-исполнительное право России: учебник / Под ред. В. И. Селиверстова. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023.
5. Минаков Г. Л. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказания: Учебное пособие. — М.: Академия МВД РФ, 1993.

ВОРОЖЦОВ Александр Михайлович

кандидат социологических наук, доцент, врио начальника кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

МУЗАФИН Руслан Раянович

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России
ВЫШТИКАЛЮК Владимир Федорович
доцент кафедры огневой подготовки, Омская академия МВД России

ГОРА Евгений Викторович

преподаватель кафедры оперативно-розыскной работы в органах внутренних дел, Краснодарский университет МВД России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Информационные технологии в деятельности подразделений оперативно-розыскной деятельности – это ресурсы и способы получения, обработки, анализа, а также передачи и хранения информации с применением передовых технологий. В работе представлены некоторые виды информационных технологий, используемых в оперативно-розыскной деятельности, такие как автоматизированные информационные системы и базы данных; автоматизированные системы и рабочие места (АРМ); цифровые и иные высокотехнологичные компьютерные технологии; программное обеспечение для сбора информации и образцов, сравнения доказательств, собранных при различных следственных действиях; сбор и анализ биометрических данных. При внедрении информационных технологий особенно актуальными становятся вопросы безопасности данных, которые используются и обнаруживаются посредством информационных технологий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, информационные системы, информационные технологии, автоматизированное рабочее место, рекомендуемые системы, интернет, цифровые технологии.

VOROZHTSOV Alexander Mikhaylovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Acting Head of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk
MUZAFIN Ruslan Rayanovich
Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

VYSHTIKALYUK Vladimir Fedorovich

associate professor of Fire training sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

GORA Evgeny Viktorovich

lecturer of Operational investigative work in the internal affairs bodies sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE UNITS

Information technologies in the activities of operational investigative units are resources and methods for obtaining, processing, analyzing, as well as transmitting and storing information using advanced technologies. The paper presents some types of information technologies used in operational investigative activities, such as automated information systems and databases; automated systems and workstations; digital and other high-tech computer technologies; software for collecting information and samples, comparing evidence collected during various investigative actions; collecting and analyzing biometric data. With the introduction of information technology, issues of data security that are used and discovered through information technology become particularly relevant.

Keywords: operational investigative activities, information systems, information technologies, automated workplace, referral systems, Internet, digital technologies.

Правовая основа цифровизации ОВД закреплена в статье 11 Федерального закона от 07.02.2001 № 3 «О полиции», в которой определяется применение в своей деятельности сотрудниками полиции достижений науки и технологий.

Порядок и план цифровизации ОВД указывается в ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы в приложении к Распоряжению МВД России от 11.01.2022 г. № 1/37. Также в ней закреплено положение, определяющее необходимость в оптимизации применения технологии искусственного интеллекта.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) – используемые информационные технологии для решения поставленных задач по нескольким направлениям.

В качестве первого направления использования информационных технологий в ОРД выступает применение автоматизированных баз данных и информационных систем.

Информационные системы в ОРД возникают с использованием информационных технологий, т.е. создаются си-

стемы баз данных и обеспечивается обработка содержащейся информации.

Главной причиной использования автоматизированных информационных систем становится необходимость в повышении организационных возможностей подразделений полиции, также из-за повышения количества объектов оперативно-розыскной деятельности и информационного потока.

Использование автоматизированных информационных систем оптимизирует работу сотрудников ОРД, освобождая от многих трудовых обязанностей по обработке информационных потоков, в силу чего освободившиеся время и силы можно использовать для разрешения иных задач ОРД.

Таким образом, применение автоматизированных информационных систем позволило оптимизировать работу с поступающей информацией, подходить к ней более выборочно, также повысилось качество передачи информации между подразделениями правоохранительных органов Российской Федерации.

Вторым направлением использования информационных технологий выступает применение в ОРД автоматизированного рабочего места.

Автоматизированное рабочее место (далее – АРМ) является компьютерной системой, применяемой для автоматизации профессиональной деятельности конкретного специалиста.

АРМ дает возможность сотруднику экономить время для поиска и обработки информации, исключить возможные ошибки, также способствует беспрепятственному доступу к центральному банку данных, оптимизирует качество работы сотрудника, в ходе чего необходимые решения принимаются своевременно, и являются наиболее рациональными.

Третье направление использования информационных технологий представляет применение рекомендующих систем. Данные системы особенно полезны в деятельности молодых сотрудников, которые в силу недостаточности профессионального опыта затрудняются принимать важные решения в ходе расследования сложных, многоэпизодных преступлений. Рекомендующие системы на основе накопленного опыта способны рождать новые знания, тем самым создавать рекомендации по формированию оперативно-тактических решений. Данная система имеет высокую актуальность в профессиональной деятельности любого сотрудника, не только обладающего малым объемом опыта, т.к. с ее помощью исключаются упущения, которые мог допустить человек. Конечно же, нельзя в полной мере полагаться лишь на представленные системой результаты, однако пренебрегать ими тоже не стоит.

В качестве четвертого направления можно выделить применение в ОРД компьютерных технологий. Чаще всего они используются при проведении оперативно розыскных мероприятий, таких как: прослушивание телефонных переговоров, наблюдение. В настоящее время специальные средства, применяемые в указанных выше оперативно-розыскных мероприятиях (далее-ОРМ), стали более эффективными, т.к. они позволяют вести непрерывную запись, отсеивать необходимую информацию по идентификаторам, также срабатывают на идентификационных фразах. Функционируют они по разным аппаратно-программным комплексам, один из которых находится у оператора, а другой в отдаленном пульте управления [1].

Пятым направлением применения в ОРД информационных технологий выступает проведение ОРМ в сети интернет. Глобальный формат и наличие огромного количества информации делает интернет наиболее удобным при проведении ОРМ. Сеть интернет является наиболее оперативным способом поиска и передачи необходимой информации. Наиболее часто с помощью сети интернет проводится поиск путей сбыта незаконно приобретенных вещей, также выявляются и раскрываются хищения, незаконный оборот запрещенных в гражданском обороте предметов и вещей [2].

Согласно статье 278.1 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации в настоящее время допустимо проводить допросы с применением системы видео-конференц-связи и доступом в сеть интернет. Также с использованием интернет-ресурсов проводится ОРМ – наведение справок в рамках поиска информации о личности, либо в поисках реализуемых похищенных предметов [3].

Интернет-ресурс в настоящее время особенно широко используется сотрудниками ОРД при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также при разрешении иных профессиональных задач.

Еще одним достаточно эффективным методом использования информационных технологий в ОРД можно считать применение электронно-вычислительной техники. Особую актуальность данная методика приобрела в последние годы, так как тенденция совершения экономических преступлений неумолимо растет. Особенностью современных экономических преступлений становится применение при их совершении информационных технологий в силу большого объема информации, а также в силу того, что объектом посяательства чаще всего становятся электронные денежные средства, также ценные бумаги, кроме того имущественные права граждан.

Ручная обработка всей поступающей информации при расследовании экономических преступлений весьма затруднительна и трудоемка, в силу чего электронно-вычислительные технологии приобрели особую значимость в профессиональной деятельности оперативных служб. Данные технологии не только способны перерабатывать большой объем информации при расследовании уже выявленных преступлений, но и оказывают помощь при их выявлении. Применение вычислительных технологий значительно расширило возможности полиции в рамках исследования сложных социальных явлений, а также производственных процессов.

К отдельному направлению применения информационных технологий можно отнести использование магнитных носителей информации, приобщаемых к делам оперативного учета. Приобщение подобных носителей возможно лишь в том случае, если они служили орудием совершения преступления, либо являлись предметом преступного посяательства. Также к делам оперативного учета могут приобщаться носители информации об участниках совершенного преступления, либо хранящие иные доказательства, кроме того хранящие данные об обстоятельствах приготовления к совершению преступления, либо его сокрытии.

В качестве последнего из направлений использования информационных технологий можно отметить применение цифровых методов фиксации оперативно значимой информации. К данным технологиям относятся аудио- и видеозаписывающие устройства. Применяются они для непосредственной записи информации, однако также они могут использоваться для записи информации, передаваемой через все имеющиеся средства связи. Принцип работы таких устройств максимально прост. Он заключается в приеме, фиксации изображений, либо аудиоинформации, далее сохранении ее на материальном носителе. Простота использования указанных технологий подвергает сомнению их надежность, т.к. слишком просто можно фальсифицировать полученную с их помощью информацию. Для исключения подобного существует несколько эффективных методов. Одним из методов исключения фальсификации записанной информации является применение при записи носителя информации, не позволяющего перезаписывать и видеоизменять хранящуюся информацию. Носители информации должны быть индивидуальными и пронумерованными. Также оптимально применение индивидуальных технических средств защиты информации для каждого носителя. Третьим методом исключения фальсификации полученной информации может служить электронная подпись, предполагающая шифрование информации с помощью кодового слова, либо специального ключа. При этом работа с данными оперативными работниками происходит с копией информации.

Исходя из проведенного анализа выбранной темы можно сделать вывод о том, что использование цифровых технологий весьма актуализировано в оперативно-розыскной деятельности. Положительными чертами применения цифровых технологий в ОРД можно отметить сокращение времени и трудоемкости в обработке информации, упрощение рабочего процесса, повышение ее эффективности

Пристатейный библиографический список

1. Муртазин А. И., Зайцев А. Г., Хорольский В. В. Искусственный интеллект: современное состояние // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 357-358. – EDN DLPBLO.
2. Муртазин А. И., Давлетов В. И. Интернет-пространство как среда для распространения идей экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. – С. 250-256. – EDN DMNIUT.
3. Русских О. Е., Ахияров Р. А. Вопросы правового регулирования терроризма в сети «Интернет» // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 73-76. – EDN RTLGGZ.

ГАРБУЗ Григорий Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, судья Кежемского районного суда Красноярского края в отставке

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ФОТОГРАММЕТРИИ
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
СФЕРЕ**

Статья посвящена проблемам внедрения метода фотограмметрии в процесс расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере. Автором актуализируется необходимость использования достижений высокотехнологичного метода фотограмметрии в расследовании экологических преступлений с учетом потребностей органов, осуществляющих предварительное следствие, и судов общей юрисдикции, анализируется положительное влияние названного прикладного метода на эффективное достижение целей расследования, подчеркивается важность применения фотограмметрии на современном этапе развития науки, а также делается вывод о необходимости использования этой области знания при расследовании дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, с учетом применения передовых научно-технических разработок.

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования преступлений, экологические преступления, трехмерная фиксация, метод фотограмметрии.

GARBOUZ Grigory Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk, retired judge of the Kuznetsky Federal Court of Krasnoyarsk Region

Гарбуз Г. С.

**CURRENT PROBLEMS IN THE APPLICATION OF THE PHOTOGRAMMETRY METHOD IN INVESTIGATION OF
CRIMES, THAT ARE BEING COMMITTED IN ECOLOGICAL SPHERE**

The article contains the description of several items of the use of photogrammetry method in investigation of ecological crimes. The author identifies some aspects of the necessity of use of photogrammetry in investigating crimes of the above-mentioned category, that can be rather valuable both for investigators and for judges of Federal Courts of Russian Federation. Also the positive influence of this high-tech applied method on the effective investigative goal achievement is analyzed. The author emphasizes the use of photogrammetry method in forensic science in its current stage of development as one of having vital importance. A conclusion about necessity of use of this advanced field of knowledge in forensic science and while investigating environmental crimes in particular is made.

Keywords: forensic science, methods of crime investigation, ecological crimes, 3D fixation, forensic photogrammetry method.

Богатый на научные мероприятия 2025 год поместил на верхние строки своего списка знаковых научных событий 270-летний юбилей Московского университета (ныне – МГУ), чьи ученые на протяжении не одной сотни лет достойно вносят вклад в развитие российской науки, включая науку криминалистику.

Изначально зарождавшаяся как прикладная наука – криминалистика в наши дни активно вбирает в себя передовые научные и технологические разработки, тем самым совершенствуется сама и предоставляет колоссальные возможности для совершенствования своим реципиентам: как учёным, так и практическим работникам.

Актуальность проводимого нами исследования обусловлена размещенными Судебным департаментом при Верховном Суде РФ сведениями о количестве уголовных дел об экологических преступлениях, положениями Обзора практики применения судами положений главы 26 УК РФ об экологических преступлениях, в котором упоминается о важности мер уголовно-правовой защиты права каждого на благоприятную окружающую среду [1], которое, как известно, закреплено в статье 42 Конституции Российской Федерации.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 году уголовных дел об экологических преступлениях поступило в суды общей юрисдикции в количестве 10435, завершено производством – 9774 [2]. В сравнении с 2023 годом эти же показатели составили: 9113 по поступившим делам, и 8679 дел было рассмотрено судами [3].

Содержащаяся на сайтах Кассационных судов общей юрисдикции (2-го, 3-го, 8-го и 9-го) информация также свидетельствует о том, что поступающие в суды дела об экологи-

ческих преступлениях имеют определенный удельный вес, а следователи сталкиваются с процессуальными проблемами при их расследовании, организационными сложностями при проведении отдельных следственных действий, которые из раза в раз требуется преодолевать. Недоработки следственных органов в последующем вызывают затруднения при рассмотрении уголовных дел судами общей юрисдикции. Все это, по нашему мнению, указывает на имеющиеся потребности в совершенствовании криминалистического обеспечения расследования экологических преступлений.

Современные тенденции развития криминалистической науки связаны с использованием новых технологий выявления и фиксации следов преступлений, с внедрением прогрессивных и полезных возможностей цифровых технологий, позволяющих повысить эффективность тактики производства отдельных следственных действий, криминалистических методик расследования преступлений, а также криминалистического обеспечения судебного разбирательства.

В своем диссертационном исследовании М. А. Васильева всесторонне осветила ряд вопросов, касающихся форм использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений, указала на важность использования заимствованных и адаптируемых для решения отдельных задач расследования преступлений этой группы новых методов, основанных на достижениях современных технических наук [5]. Среди таких научных методов учёные выделяют методы 2-D и 3-D моделирования, которые на основе имеющейся исходной информации позволяют с точностью воссоздать картину происшествия, проследить в динамике механизм со-

вершения того или иного преступления, воспринять криминалистически значимую информацию в наглядно-образной форме, что имеет особое значение с учётом ретроспективно-го характера расследования преступлений.

Полагаем, что на протяжении всего периода существования криминалистики происходило планомерное совершенствование методов фиксации следов преступной деятельности, направленное на увеличение, улучшение их полноты и точности. Полнота фиксации объектов криминалистического исследования важна как для наглядности их восприятия в прилагаемых к протоколам следственных действий фототаблицах, так и для их последующего опосредованного изучения судом. Развитие информационных технологий позволило перейти на новый уровень записи, обработки и хранения материалов, полученных в результате следственных действий. В наши дни вслед за цифровой фотосъемкой в следственную практику постепенно входят методы трехмерной фиксации, которые позволяют осуществлять более быстрый и полный сбор данных. «Трехмерные изображения – 3D-модели, – пишет А. М. Берлянт, – это графические модели, создающие зрительный эффект объемности, глубины пространства» [4, с. 76].

Трехмерная фиксация криминалистически значимых объектов имеет преимущества перед традиционными методами фиксации, ввиду того, что позволяет создавать модели, которые полностью сохраняют пространственные характеристики исследуемых предметов. В дальнейшем трехмерная модель позволяет следователю и суду детально изучить тот или иной объект со всех углов и ракурсов, а программное обеспечение дает возможности проводить различного рода анализы, включая измерение расстояния.

Современной науке известен такой бесконтактный метод получения информации об отдаленных объектах, как дистанционное зондирование; он основан на генерировании волн электромагнитного спектра. Отметим, что названный метод в силу ряда причин крайне затруднителен для использования следственными органами. Изученные нами уголовные дела и проведенный анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что дистанционное зондирование земли проводится крайне редко и лишь по делам о незаконной рубке, которые составляют большинство направленных в суды дел об экологических преступлениях. В указанной связи полагаем целесообразным осветить в настоящей статье известные науке методы трехмерной фиксации.

В настоящее время применяются две различные технологии трехмерной фиксации – лазерное сканирование и фотограмметрия. Первая способна обеспечить большую точность, в то же время требует применения дорогостоящего оборудования, одновременно с этим применение лазерных сканеров при производстве осмотра места происшествия может оказаться затруднительным без специальных навыков и познаний. Геометрическая и метрическая точность технологии лазерного сканирования зависит от класса точности и параметров используемого оборудования для съемки. Фотограмметрия, напротив, позволяет получить трехмерные изображения исследуемых объектов без специального оборудования и навыков, поскольку для использования данного метода нужны только цифровая камера среднего уровня и ноутбук либо iPad с программным обеспечением, таким образом, метод фотограмметрии является более доступным, менее финансово затратным. Более того, технология трехмерного моделирования посредством фотограмметрии не уступает лазерному сканированию по точности передачи формы и размеров объекта съемки, одновременно с этим превосходит по передаче текстур и их детализации, при определенных заданных настройках позволяет осуществлять фиксацию нестатичных объектов.

«Фотограмметрия» как термин возникла от таких греческих слов, как: *photos* – свет, *gramma* – запись и *metreo* – измерение.

«Сама по себе фотограмметрия, – по мнению И. И. Галайды, – представляет собой научно-техническую дисциплину, занимающуюся определением формы, размеров, положения и иных характеристик объектов по их фотографиям» [6]. Мы полагаем, что фотограмметрию можно определить как науку, которая изучает способы определения формы, размеров, географического положения различных объектов по данным, полученным в ходе измерения их фотоизображений. Характеристики исследуемого объекта могут изучаться

по его изображению на одиночном снимке или по нескольким перекрывающимся снимкам, полученным из различных точек пространства.

Среди достоинств фотограмметрии, имеющих важное значение для криминалистики, отметим такие, как: высокая точность результатов исследования и высокая производительность, объективность и достоверность информации, возможность получения информации о состоянии всего объекта и отдельных его частей, безопасность осуществления исследования, а также возможность изучения движущихся объектов и быстро происходящих процессов.

При изучении нами уголовных дел было установлено, что использование беспилотных летательных аппаратов имеет место только при осмотре места происшествия, а метод фотограмметрии не используется вообще, несмотря на то, что он имеет огромное прикладное значение для расследования и дальнейшего рассмотрения в суде уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере. В связи с изложенным видится необходимым внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которые будут закреплять процессуальные аспекты доказательственного значения полученных с использованием метода фотограмметрии результатов следственных действий. Выдвигаемая научная гипотеза требует более детальной проработки и планируется к освещению в других научных работах.

В заключение отметим, что оптимизация процесса фиксации следов и последующей обработки полученных данных служит важным критерием всестороннего познания следовой картины, а фотограмметрия как высокотехнологичный, не требующий значительных финансовых и временных затрат метод, представляется весьма перспективным для развития криминалистического моделирования при расследовании преступлений, совершаемых в экологической сфере. Учитывая, что процесс расследования обладает ретроспективным характером и требует от следователя профессионального подхода при воссоздании картины криминального деяния, полагаем, что высокотехнологичный метод фотограмметрии способен помочь лицу, осуществляющему поисково-познавательную деятельность, в расследовании экологических преступлений. В дальнейших исследованиях мы планируем более убедительно и конструктивно доказать возрастающую роль этого метода в расследовании преступлений вышеуказанной категории.

Пристатейный библиографический список

1. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 июня 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/all/31278/> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Берлянт А. М. Теория геоизображений. – М.: ГЕОС, 2006. – 262 с.
5. Васильева М. А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Москва: 2021. – 54 с.
6. Галайда И. И. Фотограмметрия как эффективный метод фотофиксации больших объектов под водой в сложных условиях // Вопросы подводной археологии. – 2019. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fotogrammetriya-kak-effektivnyy-metod-fotofiksatsii-bolshih-obektov-pod-vodoy-v-slozhnyh-usloviyah> (дата обращения: 08.01.2025).

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ПРАСОЛОВА Елизавета Николаевна

магистрант, Факультет заочного и дистанционного обучения, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 3D-СКАНИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И ЭКСПЕРТИЗЕ ПОЖАРОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом возможностей использования трехмерного моделирования в расследовании и экспертизе пожаров. Данный метод позволяет с высокой точностью зафиксировать состояние объекта после пожара, что дает возможность провести детальный анализ причин возгорания и распространения огня. Потенциал использования 3D-сканирования открывает новые горизонты в понимании динамики пожаров, позволяя экспертам воссоздать события с максимальной точностью. Применение 3D-сканирования в расследовании пожаров не только может обеспечить более точное определение источника возгорания, но и способствовать разработке эффективных методов предотвращения новых происшествий. В статье уделено внимание использованию в современных условиях при осмотре места пожара наземного лазерного сканирования. Авторами выделены условия эффективного применения 3D-технологий.

Ключевые слова: 3D-сканирование, моделирование, пожар, расследование пожара, обнаружение следов, место происшествия, пожарно-техническая экспертиза.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, docent, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

PRASOLOVA Elizaveta Nikolaevna

magister student, Faculty of Correspondence and Distance Learning, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

THE POSSIBILITIES OF USING 3D SCANNING IN THE INVESTIGATION AND EXAMINATION OF FIRES

The article discusses issues related to the analysis of the possibilities of using three-dimensional modeling in the investigation and examination of fires. This method allows you to accurately record the condition of an object after a fire, which makes it possible to conduct a detailed analysis of the causes of ignition and the spread of fire. The potential of using 3D scanning opens up new horizons in understanding the dynamics of fires, allowing experts to recreate events with maximum accuracy. The use of 3D scanning in fire investigation can not only provide a more accurate identification of the source of ignition, but also contribute to the development of effective methods to prevent new incidents. The article focuses on the use of ground-based laser scanning in modern conditions when examining a fire site. The authors have highlighted the conditions for the effective use of 3D technologies.

Keywords: 3D scanning, simulation, fire, fire investigation, trace detection, accident site, fire technical expertise.

Долгушина Л. В.

Ступина С. А.

Прасолова Е. Н.

Осмотр места происшествия – оперативно-следственное мероприятие, которое направлено на выяснение, фиксацию и дальнейшее исследование обстановки места происшествия, следов преступления и других фактических данных, которые позволяют сделать соответствующие выводы о механизме происшествия и обстоятельствах рассматриваемого дела [1].

В настоящее время при расследовании пожаров всё большее значение приобретает информация, полученная в результате проведения судебных экспертиз. Это особенно важно для уголовных дел, связанных с пожарами, поскольку такие происшествия обычно происходят в условиях, когда обстоятельства не очевидны.

Прежде всего, важными признаками для фиксации места пожара являются те признаки, которые непосредственно могут указывать на расположение очага пожара и причину его возникновения, а также о механизме его распространения и о характере причиненного ущерба.

Установление истинного очага пожара невозможно без дифференциации очага пожара и очага горения [2].

В настоящее время данное следственное действие является одним из сложнейших, поскольку, во-первых, огонь меняет картину места происшествия, уничтожая полностью всю обстановку, которая там была до пожара, а, во-вторых, осмотр проводится уже после того, как пожарный расчёт потушил огонь. Вместе же с огнём исчезают следы и предметы, которые могли бы помочь правильно квалифицировать деяние и установить виновных лиц. Кроме того, на месте пожара остаются огнетушащие вещества, которые могут содержать различные химические компоненты, что также негативно сказывается на следовой картине. Между тем, как отмечают практические работники, по данной категории дел недостатки, допущенные при осмотре места происшествия, практически невозможно устранить в ходе дальнейшего расследования [3].

Данные обстоятельства объективно обуславливают разработку специального тактико-криминалистического обеспечения осмотра места пожара в целях результативности его проведения с использованием инновационных достижений науки и техники.

Представляется эффективным и целесообразным в современных условиях при осмотре места пожара использовать наземное лазерное сканирование.

Освоение 3D-сканирования в расследованиях пожаров открывает новые возможности в точности и обширности сбора доказательств. Эта технология использует лазерные сканеры для создания подробных трехмерных моделей мест происшествий, позволяя экспертам виртуально изучать и анализировать объект после тушения пожара. 3D-сканирование значительно уточняет понимание причин пожара, пути распространения огня и поведения материалов под воздействием высоких температур. В отличие от традиционных методов, где анализ зависит от фотографий и ручных замеров, 3D-сканирование обеспечивает полную геометрическую копию места происшествия, включая точное расположение объектов и их размеры. Такая модель является неопенимым ресурсом для детального рассмотрения малозаметных следов, которые могут быть упущены во время первичного осмотра. Кроме того, 3D-модели облегчают обмен информацией между всеми участниками расследования, предоставляя наглядное представление о ситуации на месте пожара. Благодаря возможностям этой технологии, специалисты получают комплексное представление о происшествии, что увеличивает эффективность идентификации причин возгорания и разработки мер по предотвращению подобных случаев в будущем.

Лазерное трёхмерное сканирование предоставляет следователю возможность гибко варьировать расстояние до объекта исследования, будь то непосредственная близость к очагу возгорания или более удалённая, но безопасная позиция. Современные лазерные 3D-сканеры позволяют осуществлять управление на дистанции до 60 метров с точностью до миллиметра.

Наземный лазерный сканер - система, измеряющая с высокой скоростью (от нескольких тысяч до миллиона точек в секунду) расстояния от сканера до точек объекта и реги-

стрирующая соответствующие направления (вертикальные и горизонтальные углы) с последующим формированием трехмерного изображения в виде облака точек [4].

При ограничении мобильности оборудования для наземного лазерного сканирования обоснованно использование портативных и ручных сканеров, а также интеграция с дронами и роботами со встроенными сканерами для исследования недоступных зон.

Эффективным применение 3D-технологий считается тогда, когда они применяются на стадии воссоздания графической модели состояния среды. Такое сканирование является технологией, которая помогает с высокой долей вероятности и скорости определить параметры объекта сканирования, также отображение и документирование мелких объектов, деталей, которые были упущены при визуальном осмотре. Все это позволяет значительно сократить время осмотра места происшествия и получить исчерпывающую информацию по любому предмету, вне зависимости от того, было ли оно в поле видимости дознавателя или нет [5], [6], [7].

Использование технологии 3D-сканирования в расследованиях пожаров открывает ряд значительных преимуществ. Одной из ключевых особенностей является способность достоверно фиксировать место происшествия в трехмерном формате. Это позволяет экспертам подробно изучать сценарии распространения огня, точки его возникновения и пути эвакуации, не оставляя местоположение объекта. Доступ к детализированным данным облегчает анализ причин пожара, ведь специалисты могут многократно пересматривать 3D-модели, выявляя детали, которые могли быть пропущены при физическом осмотре. Также, двухмерные фотографии или видео зачастую не передают объёмность повреждений, в то время как трехмерное сканирование обеспечивает полное погружение в условия происшествия. Как метод фиксации обстановки места происшествия, лазерное трёхмерное сканирование запечатлеет все детали события, учитывая изменения, внесённые в обстановку места происшествия в процессе работы спасательных служб.

Особенно актуально применение лазерного сканирования при осмотре обширных территорий и зданий, значительно пострадавших в результате пожара, а также лесных пожаров. Эффективность расследования повышается за счет возможности дистанционного изучения места пожара, что особенно важно при работе с объектами, которые склонны к разрушению, а также с выбросами вредных веществ или радиации. Кроме того, фиксация состояния объекта в 3D-формате важна для судебного разбирательства, так как предоставляет неопровержимые доказательства состояния объекта сразу после происшествия. Создание трехмерных моделей ускоряет процесс расследования, сокращает время на документирование и повышает его точность.

Технология 3D-сканирования представляет собой инструмент, позволяющий следователям и дознавателям с высокой точностью фиксировать состояние объектов и зданий после пожара. Она обеспечивает создание трехмерных моделей мест происшествий, что является ключевым для детального анализа причин возгорания и распространения огня. Технические аспекты 3D-сканирования включают использование лазерных сканеров, способных собирать миллионы точек с высокой точностью за короткое время. Эти данные после обработки образуют полноценную трехмерную модель, которую можно масштабировать, поворачивать и изучать с любого ракурса.

Для пожарно-технических экспертов важно не только получить точную информацию о всех зафиксированных следах повреждений, но и получить доступ к данным для анализа. Благодаря 3D-сканированию, сокращается время, необходимое для обследования места происшествия, а риск пропуска критически важных деталей минимизируется. Кроме того, технология позволяет проводить виртуальные осмотры для организации исследований с участием экспертов различных профилей, что ускоряет процесс принятия решений по результатам расследований.

В настоящее время существует множество различных приборов, осуществляющих лазерное трёхмерное сканирование. Функции и возможности их разнообразны, ценовой диапазон различен. Сканеры разных производителей имеют разную детализацию. Ручные сканеры обычно имеют меньшую детализацию по сравнению со стационарными.

Также необходимо отметить, что применение 3D-технологий находит свое отражение и в других областях, например в криминалистике.

Еще один значимый технический аспект — возможность интеграции данных 3D-сканирования с другими информационными системами и технологиями, включая моделирование распространения огня и анализ последствий пожаров. Это позволяет получать более полное понимание динамики пожара, что в свою очередь способствует повышению эффективности мер по предотвращению пожаров.

Использование 3D-сканирования в области расследования и предотвращения пожаров открывает новые возможности для служб безопасности, а также для организации и проведения спасательных операций. С каждым годом технологии становятся всё более доступными и точными, что позволяет с высокой детализацией визуализировать места происшествий. Главное направление развития — создание полных цифровых двойников зданий для использования в тренировочных целях и планировании безопасных путей эвакуации. Кроме того, это даст возможность автоматически анализировать полученные данные, выявляя потенциальные очаги возгорания до их возникновения, что кардинально изменит подход к предотвращению пожаров.

Анализируя 3D-модели мест происшествий, специалисты смогут точнее определять причины возгорания, оптимизируя процесс выявления и устранения потенциальных угроз в будущем. Важным аспектом станет развитие портативных 3D-сканеров, которые позволят оперативно собирать данные на местах происшествий, значительно сокращая время на проведение расследований.

Применение 3D-технологий при осмотре мест происшествий (включая пожары) и в процессе расследования чрезвычайных ситуаций позволяет повысить точность реконструкции событий, улучшить фиксацию обстановки и исходных данных, а также создать полную цифровую модель места происшествия. Однако, для эффективного использования этих технологий, необходимо соблюдать ряд условий, среди которых, как нам видится, важное значение помимо тех, которые неотъемлемо связаны с наличием специального оборудования, программного обеспечения, специалистов и т.п., приобретают следующие: своевременное обеспечение доступа к месту пожара до изменений или разрушений, которые могут исказить результаты (например, до разборки завалов или уборки обгоревших конструкций); устранение факторов, которые могут мешать сканированию (например, сильное задымление, нестабильные конструкции).

Резюмируя, следует подчеркнуть, что внедрение 3D-технологий в работу дознавателей (наземное лазерное сканирование, воздушное лазерное сканирование, фотограмметрия) способствует повышению точности и оперативности анализа данных, что, в свою очередь, минимизирует риск ошибок при расследовании преступлений.

Применение 3D-технологий является насущной необходимостью, продиктованной современными реалиями и строгими требованиями к формированию доказательной базы в процессе расследования пожаров.

Пристатейный библиографический список

1. Мельник А. А., Ворошилов Р. Ф., Калюжина Ж. С. Справочник дознавателя ФПС МЧС России. 2-е изд., перераб. и доп. Справочник / ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2019. - 162 с.
2. Флегонтов Д. В., Акулова М. В., Потемкина О. В. Перспективные методы обнаружения повреждений конструкций от скрытых очагов пожара // Наукоедение. - Т. 9, № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnyemetody-obnaruzheniya-povrezhdeniy-konstruktsiy-ot-skrtyh-ochagov-pozhara/view> (дата обращения: 04.11.2024).
3. Данильян С. А. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы расследования пожаров: учеб. пособие / Под ред. Г. М. Меретукова и А. И. Натуры. - Краснодар, 1998. - С. 6.
4. ГОСТ Р 8.794 2012. Государственная система обеспечения единства измерений. - Сканеры лазерные наземные. - Москва, 2014. - 15 с.
5. Дышкова А. Т. Использование 3D-технологий при раскрытии преступлений: нововведение в области криминалистики. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 48 (443). - С. 250-252. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/443/97154/> (дата обращения: 31.12.2024).
6. Галушкин В. И. Использование реконструкции в форме компьютерного 3D-моделирования в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2023. - № 5 (154). - С. 227-234.
7. Трямкин Д. В. Применение 3-D технологий в криминалистике: проблемы и перспективы // Via scientiarum-Дорога знаний. - 2016. - № 3. - С. 168-173.

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ШЕЛЮГОВА Александра Александровна

слушатель, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В данной статье дается разъяснение, что следует понимать под мошенничеством в сфере кредитования в соответствии со статьей 159.1 УК РФ. Дана криминалистическая характеристика данного вида преступления. Рассмотрены способы совершения преступления, изучена обстановка и следовая картина события. Обращено внимание на дискуссионный вопрос по определению места совершения преступления. Приведены данные судебной статистики по статье 159.1, а также результаты социологического исследования.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, криминалистическая характеристика, субъект преступления, следовая картина, способ совершения преступления.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

SHELYUGOVA Alexandra Alexandrovna

student, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

This article explains what is meant by fraud in the field of lending in accordance with Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criminalistic characteristics of this type of crime are given. The methods of committing a crime are considered, the situation and the trace picture of the event are studied. Attention is drawn to the controversial issue of determining the crime scene. The data of judicial statistics on article 159.1, as well as the results of a sociological study, are presented.

Keywords: fraud in the field of lending, criminalistic characteristics, the subject of the crime, the trace pattern, the method of committing the crime.

Позий В. С.

Шелюгова А. А.

Мошенничеством является хищение чужого имущества, либо приобретение права на такое имущество посредством обмана или злоупотребления доверием. Это положение закреплено в статье 159 УК РФ [1]. Особенность данного вида хищения заключается в том, что при мошенничестве, в отличие от кражи, грабежа, вымогательства, потерпевшее лицо самостоятельно и добровольно передает то или иное имущество злоумышленнику. В последние годы появились и получили массовое распространение дополнительные, специальные по отношению к традиционному, виды мошенничества, например, мошенничество в информационно-компьютерной сфере, в страховой сфере, в сфере социальных выплат, мошенничество с использованием электронных платежных средств. В связи с этим Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] глава 21 УК РФ, включающая в себя преступления против собственности, была дополнена пятью новыми составами преступления, конкретизирующими уже привычное нам мошенничество. К числу таких специальных составов преступлений относится и мошенничество в сфере кредитования, предусмотренное статьей 159.1 УК РФ. Судебная статистика отражает динамику совершения этих

преступлений. Так, по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ в 2019 году было осуждено 1 956 человек, в 2020 году – 1715, в 2021 году – 1205, в 2022 году – 1019, в 2023 году – 1107 человек, при этом за пять лет было вынесено всего два оправдательных приговора. Что касается совершения мошенничества в сфере кредитования при отягчающих обстоятельствах, то за 2019 год совершено 222 преступления с квалифицированным и особо квалифицированным составом, за 2020 год – 151 преступление, за 2021 год – 109, за 2022 год – 129, за 2023 год – 173 преступления. За этот период оправдано два человека [3].

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере кредитования – это совокупность наиболее значимых признаков, а также система сведений о преступлениях данного вида, о тех или иных событиях, фактах, обстоятельствах, связанных с мошенничеством в сфере кредитования, которые имеют первостепенное значение для планирования расследования данного преступления, а также для установления и изобличения виновного лица.

В процессе расследования различных видов преступлений большое внимание уделяется изучению предмета преступного посягательства. Предмет преступления – это вещи и иные предметы окружающего мира, на которые лицо совершает покушение либо непосредственно воздействует для

причинения вреда объекту посягательства. Рассматривая конкретно мошенничество в сфере кредитования, следует отметить, что субъект преступления может воздействовать на различные предметы. К ним можно отнести, например, справки, выписки, различные подложные документы, которые лицо использует для завладения денежными средствами, принадлежащими кредитору. Однако независимо от того, на какие окружающие предметы воздействует преступник для осуществления своей цели, предметом в рассматриваемом составе преступления может быть лишь имущество, которым лицо незаконно завладело, то есть деньги. При этом закон не ограничивает кредитора в способах, с помощью которых может осуществляться выдача кредита. В частности, к способам предоставления кредита относится разовое зачисление денежных средств на банковскую карту (расчетный счет) заемщика, выдача денежных средств наличными, а также другие способы, не противоречащие действующему законодательству [4].

Мошенничество в целом предполагает такие способы хищения как обман и злоупотребление доверием. Однако преступление, предусмотренное статьей 159.1 УК РФ, является специальным составом по отношению к обычному мошенничеству и реализуется именно в сфере кредитования. Диспозиция статьи прямо предусматривает, что данный вид мошенничества совершается с помощью предоставления кредитной организации либо ложных, либо недостоверных сведений: о месте работы, доходах, финансовом состоянии, наличии кредиторской задолженности, предмете залога и так далее.

Способы мошенничества в сфере кредитования в силу своей специфики имеют ряд особенностей:

- совершение действий, направленных на хищение денежных средств заемщика, требует обязательного проведения подготовительных мероприятий: подготовка перечня подложных и других документов, содержащих намеренно искаженную информацию о фактах, на основании которых сотрудник банка или иной кредитной организации будет делать вывод о возможности предоставления денежных средств тому или иному лицу;

- своевременное обнаружение противоправных действий усложняет тот факт, что мошенничество в сфере кредитования маскируется под законное кредитование, в связи с чем кредитору становится известно о совершении в отношении него преступления чаще всего лишь после того, как истекает срок погашения кредита, а лицо, выступающее в качестве заемщика, так и не возвращает предоставленные ему деньги.

Мошенничество в сфере кредитования может осуществляться различными способами, например, путем изготовления и использования подложных документов, таких как паспорт либо документы о хозяйственном и финансовом состоянии, и их последующего предоставления в кредитное учреждение. Еще одним способом осуществления мошенничества в сфере кредитования является предоставление кредитору документов, подтверждающих наличие того или иного имущества, которое может выступать в качестве залога, при этом фактически собственником данного имущества, не являясь либо намеренно скрывая информацию о недоброкачественности такого имущества, утрате им своей ценности. Например, лицо может предоставить неактуальную, устаревшую информацию о том, что у него в собственности находится автомобиль, подтвердить это соответствующими документами, при этом транспортное средство на момент

оформления кредита будет уже продано или переоформлено на третье лицо. Также с целью хищения денежных средств, принадлежащих кредитору, субъект преступления может подготовить и предоставить финансово-экономические документы, содержащие в себе информацию о планируемом доходе в результате осуществления той или иной деятельности, при этом фактически осуществлять такую деятельность не намереваясь.

В настоящее время в силу активного развития информационно-телекоммуникационных сетей, активной информатизации всех процессов все более популярным становится такой способ кредитования как выдача займов с помощью сети интернет, чем активно пользуются злоумышленники. Популярность использования среди преступников именно данного вида кредитования обуславливается тем, что при дистанционном кредитовании отсутствует необходимость в предоставлении оригинала паспорта и других документов, а это, в свою очередь, значительно упрощает задачу лицам, преследующим цель незаконно обогатиться.

Среди прочих не менее важным элементом криминалистической характеристики является обстановка совершения преступления. В целом обстановка преступления – это совокупность условий, объективно существующих обстоятельств, при которых совершается преступное посягательство, объекты, процессы, явления, факторы, которые имели место как на момент преступления, так и до его совершения, предшествовали и сопутствовали преступлению, влияли на формирование механизма преступления и его отображение в виде следов.

Следует сказать, что обстановка, сложившаяся на момент совершения данного преступления, может сформироваться как самостоятельно, независимо от воли субъекта преступления, так и при помощи усилий такого лица. Например, преступник совершал хищение денежных средств в кредитной организации, где низкий уровень нормативно-регулирующего и регламентации действий сотрудников по выдаче кредита, не предусмотрена либо предусмотрена слишком простая процедура проверки информации о заемщике, проверки на подлинность документов, им предоставляемых.

Место совершения мошенничества в сфере кредитования напрямую зависит от способа совершения преступления. Так, если лицо получает денежные средства наличными, то местом совершения преступления считается помещение банковского учреждения, иной кредитной организации, осуществляющей выдачу кредита, либо место расположения банкомата, с которого преступник снимал денежные средства. В случае же, когда лицо совершает мошенничество в сфере кредитования в безналичной форме, вопрос определения места совершения преступления является спорным. Так, согласно пункту пятому постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» местом совершения мошенничества, которое заключается в хищении безналичных денежных средств, учитывая то, что предмет по данному виду преступления, а также способ его совершения отличается своей спецификой, является, как правило, место, в котором злоумышленник непосредственно предпринимал действия, направленные на обман или злоупотребление доверием с целью противоправного завладения чужими денежными средствами [5]. Однако определение места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств все же остается дискуссионным. С одной стороны, вышеука-

занное положение ППВС можно трактовать так, что место совершения мошенничества определяется в зависимости от места доведения обмана до потерпевшего. В таком случае адрес местонахождения банка, сотрудники которого вводились в заблуждение, и будет местом совершения преступления. С другой стороны, местом совершения преступления необходимо считать место, где лицо находилось в момент совершения действий, направленных на обман, то есть тот адрес, по которому он находился в то время, когда непосредственно вводил в заблуждение кредитора путем предоставления ложных или недостоверных сведений о себе.

В рассматриваемом составе временем совершения преступления будут являться дата и время в пределах часов работы кредитной организации, осуществляющей соответствующие услуги в сфере кредитования. При осуществлении расследования данную информацию, как правило, легче всего установить посредством изучения различной учетной банковской документации и договора на оформление кредита. При этом временной промежуток в таких документах обычно указывается с точностью до минут, поэтому при установлении и доказывании времени совершения преступления по делам о мошенничестве в сфере кредитования, затруднений, как правило, не возникает. Однако совершение преступником подготовительных действий может осуществляться в любое время суток (преимущественно днем).

Следующим элементом криминалистической характеристики рассматриваемого преступления является личность лица, совершающего противоправное деяние. Чаще всего личность преступника характеризуется следующими тремя социально-демографическими признаками: полом, возрастом и уровнем образования. Изучив статистические данные относительно мошенничества в сфере кредитования, можно сделать вывод, что большинство преступлений данной категории совершают мужчины – в 80 % случаев. Что касается возраста лиц, преследующих цель незаконного обогащения путем совершения данного вида мошенничества, то это большей частью лица до 40 лет (что составляет 75 % случаев) [6]. При этом необходимо обратить внимание на то, что по данной категории преступлений чаще всего мошенниками становятся лица, имеющее только среднее образование (в 60 % случаев), реже – лица, имеющие среднее профессиональное образование (в 26 % случаев), и совсем редко – лица с высшим образованием (в 14 % случаев) [6].

Еще одним важным элементом криминалистической характеристики является механизм следообразования. Правильно определенный перечень типичных следов для конкретного вида преступления, своевременное их обнаружение и изъятие имеет важное значение в формировании доказательственной базы.

После совершения мошенничества в сфере кредитования остаются как материальные, так и идеальные следы. Помимо следов присутствия лица на месте совершения преступления, к материальным относят следы, свидетельствующие о фальсификации документов. Данные следы устанавливаются посредством производства различного вида экспертиз, таких как почерковедческая, технико-криминалистическая экспертиза документов, финансово-аналитическая, финансово-кредитная, компьютерная, бухгалтерская и другие.

В ходе совершения любого преступления образуются и идеальные следы. К идеальным следам относят различные сведения о событии преступления, о лицах, его совершивших, и другую криминалистически значимую информацию, которая была воспринята и сохранена человеком в виде мыс-

ленных образов. Так, например, это могут быть показания свидетелей и очевидцев преступления о признаках внешности преступника, времени совершения преступления и т. д., а также показания самого подозреваемого, обвиняемого. В качестве свидетелей по уголовному делу о мошенничестве в сфере кредитования в первую очередь подлежат допросу сотрудники банка или иной кредитной организации, которые, добросовестно заблуждаясь, предоставляли кредит злоумышленнику и непосредственно взаимодействовали с ним.

Таким образом, все элементы криминалистической характеристики преступления, предусмотренного статьей 159.1 УК РФ, обладают рядом особенностей, которые необходимо учитывать при планировании и осуществлении расследования.

Субъект преступления самостоятельно выбирает время, место и способ совершения преступления, однако при этом его деятельность зависит от складывающейся обстановки совершения преступления, которая может быть как благоприятной для преступника, так и фактически вынуждать его действовать единственно возможным образом.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 16.01.2025).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: от 29.11.2012 № 207-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.01.2025).
3. Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 16.01.2025).
4. Положение ЦБ РФ от 31 августа 1998 г. № 54-П «О порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.01.2025).
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.04.2024).
6. Харалампиди Х. К. Личность преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования: криминалистическая характеристика // Вопросы студенческой науки. - 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-sovershayuschego-moshennichestvo-v-sfere-kreditovaniya-kriminologicheskaya-harakteristika/viewer> (дата обращения: 16.01.2025).

СЕРЕБРЯНИКОВ Станислав Вадимович

преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, Ростовский юридический институт МВД России

ШИХИЕВ Зияд Фуадович

слушатель 5-го курса, Ростовский юридический институт МВД России

ВЫЯВЛЕНИЕ НЕЗАКОННЫХ ПРИЗЫВОВ ЧЕРЕЗ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ

Статья посвящена анализу понятия «Призыв» и лингвистической стороне текстов, которые имеют характер незаконных призывов. Актуальность изученной темы состоит в том, что благодаря несанкционированным призывам граждан все это может привести в заблуждение, что в свою очередь повышает криминогенную обстановку и тем самым усложняет внутреннюю политику нашего государства.

Методы: В процессе исследования применялись методы системного анализа, а также системно-структурный, формально-логический и описательно-аналитический методы.

Результаты. В качестве выводов авторами формулируются предложение одного из возможных вариантов искусственного интеллекта (ИИ) для пресечения несанкционированных призывов в средствах массовой информации (СМИ) и информационно-телекоммуникационные сети (ИТС) на стадии подготовки.

Ключевые слова: незаконные призывы, криминалистика, преступления, языковые игры, лингвистическая переменная, средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети.

SEREBRYANNIKOV Stanislav Vadimovich

lecturer of Criminalistics and operational investigative activities sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

SHIKHIEV Ziyad Fuadovich

student of the course, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

IDENTIFICATION OF ILLEGAL APPEALS THROUGH MASS MEDIA AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

The article is devoted to the analysis of the concept of «call» and the linguistic side of texts that have the nature of illegal calls. The relevance of the topic studied is that thanks to unauthorized calls, citizens can be misled, which in turn increases the crime situation and complicates the internal politics of our state.

Methods: During the research, methods of system analysis, system-structural, formal-logical and descriptive-analytical methods were used.

Results. As conclusions, the authors formulate a proposal for one of the possible AI options for suppressing unauthorized calls in the media and information and telecommunication networks (ITS) at the preparation stage.

Keywords: illegal calls, criminology, crimes, language games, linguistic variable, media, information and telecommunication networks.

В настоящее время средства массовой информации (СМИ) и информационно-телекоммуникационные сети (ИТС) имеют большое значение в распространении призывов к совершению противоправных действий. Информация стала инструментом, с помощью которого возможно эффективно изменять поведение, как отдельного человека, так и группу лиц. «Цветные революции», главным критерием которой является, умело использованная информация, оказывающая воздействие на социальные процессы [1].

Под публичными призывами понимается выражение в любой форме обращение к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. Под формами понимаются обращения: устные, письменные и с использованием технических средств.

В Российской Федерации установлена уголовная ответственность за призывы [2]: к совершению самоубийства; к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, которая в свою очередь делится: на рациональную и иррациональную [3]; массовым беспорядкам; к насилию над гражданами; к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации [4]; к развязыванию агрессивной войны; публичное демонстрация запрещенной символики и атрибутики [5]. Крайние проявления недовольных выражаются в неформальных движениях, экстремистских выступлениях и террористических актах [6]. Через СМИ и ИТС может передаваться запрещенная информация или призывы к действиям, носящим противозаконный характер, которые транслируются большому числу граждан, создавая у них противоправные взгляды на мир, на что они отвечают незаконными действиями. Преступления, совершаемые с использованием ИТС, следует понимать, как деяния, посягающие на общественные отношения в сфере охраны правомерного пользования сетями

телекоммуникации; оно совершается посредством технологических систем, предназначенных для хранения и передачи по линиям связи информации [7].

Проблема уголовно-правового критерия противоправных призывов прослеживается в различных составах преступления. Статистические показатели не отображают всю гамму преступлений, совершенных с использованием ИТС [8].

Не малое значение имеет и поиск лиц, совершивших данные преступления. Оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление лиц, призывающих к незаконным действиям, средств и способов, благодаря которым данные призывы поступают в массы, схемы, используемые преступником для агитации большого количества людей, являются ключевыми в раскрытии преступления «по горячим следам» [9].

Основной целью данной статьи является разработка одной из возможных моделей искусственного интеллекта (ИИ) для выявления незаконных призывов совершаемые через СМИ и ИТС. Ниже представлена теоретическая часть данной модели, а именно использование в создании ИИ терминов как: языковая игра, лингвистическая переменная и нечеткие множества.

Понятие «Языковой игры» впервые было представлено Людвигом Винтгештеймом в «Философских исследованиях» [10]. Данное понятие использовалось для описания языка, как системы определенных правил для коммуникации. В первоисточниках языковую игру описывают, как простейшую игру, свойственную даже трехгодовалому ребенку. Но данное понятие имеет значение, как в создании нейронных сетей, так и кибернетики в целом. Языковая игра задается: лексикой, морфологией и синтаксисом. В зависимости от смысла, вложенного в данный ряд слов, мы понимаем, что именно хочет от нас человек и какой посыл в его словах. В качестве примера

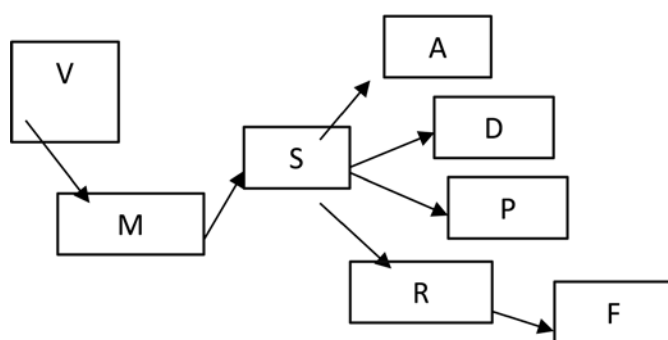

Рисунок 1. Модель в виде корневого дерева.

приведем игру между отцом «Отец» и ребенком «Ребенок». «Отец» говорит принести ту или иную игрушку: плюшевого медведя, машинку, игрушечного солдатика. В свою очередь «Ребенок» последовательно должен принести предметы, названные «Отцом». Для этих целей они используют язык, состоящий всего из нескольких слов «принеси», «беги», «мне», «один», «плюшевая игрушка», «машинка», «игрушечный солдатик». «Отец» произносит слово, а «Ребенок» в свою очередь приносит предмет, соответствующий этому слову.

Будем считать это полноценным примитивным языком. Позже могут быть добавлены слова, определяющие определенное действие «кидай» и т.д. В этом примере расписана модель языковой игры, из которой следует, что лица ведущие определенный диалог или совершающие определенные действия под командованием другого лица должны понимать значения слов, о которых они говорят.

Допустим понятие «Митинг» имеет несколько категорий: санкционированный и несанкционированный. Лингвистическую переменную можно представить таким образом: одно понятие Y входит в другое понятие X ($X \supset Y$) тогда кодировка понятия Y отличается от кодировки понятия X добавлением одной цифры.

В качестве примера использования языковой игры и лингвистической переменной при создании ИИ рассмотрим предложения, связанные с организацией незаконных митингов, а именно:

Завтра идем на незаконный митинг (1)

Идя на несанкционированный митинг, сегодня не забудь взять плакаты (2)

Вечером собираемся на площади с плакатами (3)

В понедельник с плакатами встречаемся у здания правительства (4)

Взяв плакаты идем на митинг (5)

Мы идем на митинг завтра (6)

Сегодня на митинге держим плакаты (7)

Словарь включает в себя слова из предложений (1)-(7):

Глаголы V: идти, собираться, встречаться;

Глаголы R: взять, держать;

Имена существительные F: плакат;

Имена существительные S: на митинг;

Имена существительные P: вечером, в понедельник;

Имена прилагательные A: незаконный, несанкционированный;

Наречия D: завтра, сегодня;

Местоимения M: мы.

Модель ИИ с использованием языковой игры и лингвистической переменной для выявления незаконных призывов можно представить в виде корневого дерева [11] (Рис. 1).

На вершинах дерева можно менять слова, таким образом, чтобы семантические связи между понятиями сохранились, а синтаксические отношения удовлетворяли грамматике русского языка. Односторонний обход корневого дерева (Рис. 1) порождает текст призыва к незаконным действиям. Любой односторонний обход корневого дерева (Рис. 1) порождает текст призыва к незаконным действиям.

Вот такими изощренными методами можно сегодня воспользоваться в ИИ. В сфере охраны правомерного пользования сетями телекоммуникации соответствующие структуры должны владеть нюансами хранения и передачи по линиям связи информации.

Исходя из вышеописанного можно заключить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации имеются ряд статей касаемые призывов и ответственность за них. От-

дельно изучена лингвистическая основа текста, имеющая характер незаконных призывов. Для пресечения на стадии подготовки незаконных призывов в данной статье предлагается один из возможных способов создания ИИ с использованием языковой игры и лингвистической переменной, которые выявляют незаконные призывы в СМИ и ИТС.

Пристатейный библиографический список

1. Антипов А. И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: специальность 51.40.00: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – 2022. – 248 с. – EDN RINWAA.
2. Антипов А. И. Призывы и склонение как признаки преступлений, совершаемых с помощью средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 91-98. – DOI 10.35750/2071-8284-2020-1-91-98. – EDN MQVWAP.
3. Варданян А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 31-35. – EDN VGHWT.
4. Хлебущкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 2801 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 25-29. – EDN SGZFEEV.
5. Хлебущкин А. Г. Публичное демонстрирование запрещенной символики и атрибутики: вопросы юридической ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина: в 2-х частях, Санкт-Петербург, 15 марта 2013 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – С. 140-144. – EDN UJAXXT.
6. Геляхова Л. А. Современные аспекты экстремизма // Молодой учёный: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 декабря 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. – С. 228-230. – EDN MMMMOE.
7. Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-392-31451-5. – EDN GKLTRW.
8. Варданян А. В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 2 (32). – С. 44-51. – EDN RHKNWB.
9. Щербаченко, А. К. Алгоритмы оперативно-разыскного обеспечения раскрытия дистанционных возможностей, совершенных группой лиц // Философия права. – 2022. – № 1 (100). – С. 144-150. – EDN YUNYJE.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985.
11. Харари Ф. Теория графов. – М., пер. с англ. и пре-висл. В. П. Козырева / Под ред. Г. П. Гаврилова. Изд. 2-е. – М.: Едитория УРСС, 2003. – 296 с. ISBN 5-354-00301-6.

СЫРОМЛЯ Лариса Борисовна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Дальневосточный юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассматривается криминалистическая профилактика кибермошенничества как комплекс мероприятий, направленных на предотвращение таких преступлений и являющихся неотъемлемым элементом профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, в том числе и исправительных учреждений. Автором раскрыт феномен криминальной субкультуры, ее влияние на совершение кибермошенничества из мест лишения свободы, а также проблемы и методы противодействия. Сформулированы рекомендации, направленные на повышение эффективности предупреждения «телефонных» мошенничеств, совершаемых осужденными в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, кибермошенничество, криминальная субкультура, пенитенциарные учреждения.

SYROMLY Larisa Borisovna

Ph.D. in Law, Head of Prosecutorial supervision of law enforcement in operational investigative activities and prosecutor's participation in criminal proceedings sub-faculty, Far Eastern Law Institute (branch), University of prosecutor's office of the Russian Federation

CRIMINALISTIC PREVENTION OF CYBERBULLYING IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

The article considers the criminalistic prevention of cyberbullying as a set of measures aimed at preventing such crimes and being an integral element of the professional activities of law enforcement officers, including correctional institutions. The author reveals the phenomenon of the criminal subculture, its influence on the commission of cyberbullying from places of detention, as well as problems and methods of counteraction. The recommendations aimed at increasing the effectiveness of the prevention of "telephone" fraud committed by convicts in penitentiary institutions are formulated.

Keywords: criminalistic prevention, cyberbullying, criminal subculture, penitentiary institutions.

В настоящее время большой процент преступлений, связанных с кибермошенничеством, осуществляется осужденными в пенитенциарных учреждениях.

Так, А. И. Бастрыкин в одном из интервью отметил, что «огромное количество мошеннических звонков зачастую совершается из следственных изоляторов, мест лишения свободы...» [3]. Самое большое количество преступлений «дистанционного мошенничества» совершено в исправительных колониях строгого режима – 73,3 %, втрое меньше в исправительных колониях общего режима – 25,6 % и всего лишь сотая часть – 1,1 % в исправительных колониях особого режима [1, с. 59].

Проанализировав данные ведомственной статистики, можно заметить, что ежегодно в учреждениях уголовно-исполнительной системы изымаются десятки тысяч мобильных средств связи. В 2024 году федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН) было изъято более 17 800 средств мобильной связи в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [2].

Эффективность криминалистической профилактики кибермошенничества в пенитенциарных учреждениях обусловлена комплексным взаимодействием сотрудников исправительных учреждений (оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, управления режима и надзора и других), субъектов, уполномоченных осуществлять предварительное расследование пенитенциарных преступлений (органы дознания, дознаватели, следователи ОВД; следователи СК РФ; следователи ФСБ России) и судебных экспертов (специалистов).

Следует отметить, что органы предварительного расследования, которые уголовно-процессуальным законодательством наделены полномочиями по расследованию пенитенциарных преступлений, должны проявлять инициативность в вопросе повышения качества криминалистической профилактики подобных преступлений. Так, следователь, дознаватель для установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, разработки мер по их устранению могут использовать помощь лиц, обладающих специальными знаниями и привлекать их к совместной работе. В свою очередь, информация, полученная экспертом (специалистом) на основе проведенного исследования или обобщения экспертной практики позволяет выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступления. Эксперт (специалист) должен разрабатывать рекомендации, которые направляются следователю (дознавателю), должностным лицам, для принятия мер по их устранению. К сожалению, как показывает практика, не всегда такие предложения подготавливаются и еще реже реализуются, что не способствует побуждению эксперта к ведению данной профилактической деятельности.

Кроме того, рекомендации по предотвращению кибермошенничества должны формироваться сотрудниками оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, а также инспекторами управления режима и надзора ФСИН и реализовываться в процессе расследования преступлений органами предварительного расследования с использованием методов следственной профилактики.

Субъекты, уполномоченные осуществлять предварительное расследование пенитенциарных преступлений, могут допускать ошибки, препятствующие оперативному раскрытию и расследованию кибермошенничества. Так, А. С. Ямашкин к таким ошибкам в деятельности органов предварительного расследования относит: «...на самых начальных этапах расследования отсутствуют представления о подлежащих фиксации следах преступления, целесообразном порядке действий и, как результат, создаются предпосылки к утрате доказательственной информации, затягиваются сроки предварительного расследования; происходит перераспределение организующей функции расследования от следователя (дознателя) оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы» [7, с. 221-222].

Исходя из доктрины криминалистической методики расследования преступлений, одним из важнейших ее элементов является криминалистическая характеристика, которая основывается на общетеоретических подходах ее формирования в целом. Криминалистическая характеристика включает сведения о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида и представляет собой комплекс уголовно-релевантной информации, который должен составлять фундамент не только для процессуальной, но и для непроцессуальной криминалистической профилактической деятельности следователя.

Анализируя элементы криминалистической характеристики кибермошенничества, совершаемого в пенитенциарных учреждениях, ввиду ограниченности объема статьи, остановимся на личности кибермошенника и способах совершения преступления.

Подчеркнем, что в тех исправительных колониях, где является осужденный, специализирующийся на мобильном мошенничестве, появляются его последователи, которые, фактически пройдя «курс повышения преступной квалификации», через непродолжительное время совершают мошеннические действия подобным же образом [1, с. 61]. Поэтому за такими лицами в уголовно-исправительных учреждениях должен быть установлен повышенный контроль и они должны ставиться на профилактический учет. В соответствии с п. 8 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2013 № 72, основанием для осуществления профилактического учета осужденного является наличие достоверных и проверенных сведений о его намерениях совершить правонарушение¹. В п. 24 указанной выше Инструкции содержится исчерпывающий перечень лиц, которых надлежит ставить на профилактический учет. В 2018 г. он был дополнен новой категорией – «лица, склонные к совершению преступлений с использованием технических средств связи».

Подготовка к совершению кибермошенничества заключается в поиске орудий преступления, предметов, вещей и документов (мобильных и зарядных устройств, SIM-карт, и т.д.), способствующих совершению мошеннических дей-

ствий, соучастников. Проиллюстрируем это примером, в ночь на 23 апреля 2024 года сотрудники нижегородской ИК-6 строгого режима в одном из баллонов для пропана, который привезли в учреждение после плановой дозаправки, обнаружили и изъяли спрятанные ухищренным способом 130 мобильных телефонов, 115 sim-карт, 4,5 литра спиртосодержащей жидкости, газовые зажигалки, дрожжи, флеш-карты, адаптеры, 10 гарнитур для мобильных телефонов, зарядные устройства, комплектующие к мобильным телефонам и многое другое [4].

Активное содействие в поиске мобильных устройств оказывают кинологи, которые участвуют в оперативно-розыскных и режимно-профилактических мероприятиях, а также при патрулировании, карауле, розыске, досмотре. Кроме этого, кинологи результативно участвуют и в совместных оперативно-розыскных мероприятиях с УМВД России. Так, очередной «схрон» для дальнейшего переброса осужденным был обнаружен кинологом на территории ИК-20 в Приморском крае. Полиэтиленовый сверток, в котором находились 7 сотовых телефонов, был спрятан в траве [5].

Проблема установления личности, совершающей данные звонки, неразрывно связано с криминальной субкультурой. Искоренение и полная ликвидация феномена криминальной субкультуры в местах лишения свободы является одной из первостепенных задач государственных органов, поскольку именно криминальная субкультура подпитывает и способствует росту преступлений с использованием мобильных средств связи. Это обуславливается тем, что приверженцы «воровского мира» искусно доставляют на территорию мест лишения свободы средства связи и умело их маскируют.

Проводя интервьюирование сотрудников ГУ ФСИН России по Приморскому краю было установлено, что для передачи мобильных средств связи может использоваться «конь»-веревка и «кишка»-простыня. Так, из окна камеры выбрасывается «конь» – создается канал связи. Таких каналов связи в исправительном учреждении может быть огромное количество, после чего осужденными составляется соответствующая карта – «глобус» с обозначением точки отправителя и точки получателя, благодаря которой можно оперативно доставить вещи «запрещенные предметы» или информацию. Она рисуется на бумаге или простыне. С целью передачи информации или предметов осужденными используется комплексная система связи, состоящая из «кишки» и «коня». Более того, заключенные изготавливают соответствующие тайники, маскируя их под предметы быта, в которых можно утаить от сотрудников данного учреждения мобильное устройство. Они крепятся к столам, шкафам, обнаружить их крайне сложно, так как они кажутся единым целым с предметом интерьера.

Однако, даже при выявлении факта нахождения средства связи на территории исправительного учреждения, осужденные находят все новые и новые ухищрения, для их камуфлирования. Кроме того, большую сложность вызывает процесс определения владельца средства связи, с которого был совершен мошеннический звонок. Проблемой является то, что в случае невыявления телефона, путем его обнаружения непосредственно у подозреваемого лица или в его личных вещах, установить владельца мобильного устройства становится практически невозможным. Например, частым мотивом безмолвия выступает преданность осужденных в

1 Приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 № 28535) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.02.2025).

своим поведением нормам тюремной субкультуры, согласно которым содействие правоохранительным органам осуждается. Не всегда удается установить владельца средства связи, даже если лицо признает себя собственником телефона. Прежде всего это обусловлено нормами идеологии «АУЕ», поскольку при выявлении такого устройства, «смотрящий камеры» должен взять вину на себя, помимо этого в местах лишения свободы существуют специальные «подставные лица».

Криминальная субкультура в местах лишения свободы постепенно угасает, но на данный момент ее не удалось искоренить полностью, поэтому сотрудникам ФСИН необходимо изучать составляющие элементы криминальной субкультуры: (криминальный жаргон, криминальные татуировки, жесты и т.д.), с целью профилактики кибермошенничества, чтобы понимать где запрятано мобильное устройство, какую мошенническую схему хотят осуществить лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, кто является организатором и т.д.

Наличие мобильных телефонов в преступных группах позволяет преступникам координировать свои криминальные действия, создавать новые схемы и способы кибермошенничества, расширять границы преступной деятельности. Анализ материалов уголовных дел позволяет выделить наиболее распространенные схемы «телефонного мошенничества»: мошенничество под видом помощи пострадавшему родственнику; мошенничество с использованием ложных предложений о бесплатных подарках или выигрышах; мошенничество под видом технической поддержки банков, «Госуслуг» и многие другие.

Таким образом, эффективность криминалистической профилактики кибермошенничества в пенитенциарных учреждениях должна быть обусловлена комплексным взаимодействием сотрудников исправительных учреждений, субъектов, уполномоченных осуществлять предварительное расследование пенитенциарных преступлений и судебных экспертов (специалистов).

Для выявления мобильных устройств сотрудникам исправительных учреждений необходимо не только в совершенстве владеть технико-криминалистическими средствами поиска, но и обладать знаниями о криминальной субкультуре, изучать поведенческие аспекты осужденных, применяющих различные уловки, для сокрытия телефонов и сопутствующей аппаратуры, своевременно их распознавать.

Криминалистическая профилактика должна быть направлена как на устранение криминальных наклонностей личности осужденного, которые привели его к совершению преступления, и, соответственно, назначению уголовного наказания, так и на предупреждение причин и условий, которые могут детерминировать новые проявления его общественно опасного поведения в период содержания в местах лишения свободы [6, с. 384].

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин А. В., Шаутаева Г. Х. О некоторых обстоятельствах совершения мошенничества осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 58-63.
2. Ведомости. Количество изъятых ФСИН мобильных продолжает снижаться. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/05/1090225-kolichestvo-izyatih-fsin-mobilnikov-prodolzhaet-snizhatsya> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Глава СК Бастрыкин рассказал, откуда чаще всего звонят телефонные мошенники. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/158367-glava-sk-bastrykin-rasskazal-otkuda-cashhe-vsego-rossiyanam-zvonyat> (дата обращения: 18.02.2025).
4. Глава ФСИН решил поощрить сотрудников, изъывших крупнейшую партию телефонов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/20629583> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Служебный пес нашел в кустах возле ИК-20 подозрительный сверток. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vladnews.ru/2024-07-17/239024/sluzhebnyy_nashel?ysclid=m8lu0ntzky506821679 (дата обращения: 16.02.2025).
6. Тепляшин П. В. Профилактика пенитенциарной преступности: обусловливающие факторы, принципы, источники и их классификация // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 4 (64). – С. 382-389.
7. Ямашкин А. С. К вопросу о современных проблемах расследования преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы и путях их преодоления (на примере расследования побегов из мест лишения свободы) // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: материалы форума (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 221-224.

ГАДЖИЕВА Айша Ансаровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт управления, экономики, политики и социологии, Дагестанский государственный университет народного хозяйства

МАЛИКОВ Али Тулпарович

аспирант уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В предлагаемой читателям научной работе рассматриваются проблемы криминализации за преступные деяния, совершаемые посредством использования цифровых технологий. В ней дается характеристика научного и понятийного аппарата цифровых преступлений, проводится их разграничение от смежных понятий (компьютерные, информационные преступления). С учетом имеющихся взглядов на проблематику цифровых преступлений авторы констатируют, что цифровые преступления – родовое понятие для всех остальных преступлений, предметом или способом которого является информация, в том числе, компьютерная. Соответственно, обосновывается предложение систематизировать преступления, совершаемые посредством использования цифровых технологий, и разместить их в одной главе уголовного закона. Авторы считают, что с точки зрения законодательной техники изложения норм и их систематизации, основным в содержании этих преступлений является способ, то есть использование информационно-коммуникативных технологий, искусственного интеллекта и сети Интернет. Неотъемлемым элементом данного способа является завладение личным кабинетом пользователя, что и нуждается в первую очередь в криминализации. Предлагаемая авторами нормотворческая техника и логика систематизации цифровых преступлений создает возможность для объединения всех цифровых преступлений в одну главу.

Ключевые слова: цифровые преступления, компьютерные преступления, цифровая безопасность, незаконное завладение личностью, использование ИКТ, искусственного интеллекта и сети Интернет.

GADZHIEVA Aysha Ansarovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Dagestan State University, senior researcher, Research Institute of Economics and Law Enforcement, Dagestan State University of National Economy

MALIKOV Ali Tulparovich

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University

PROBLEMS OF CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS COMMITTED USING DIGITAL TECHNOLOGIES AT THE PRESENT STAGE: CRITICAL ANALYSIS

The scientific work offered to readers addresses the problems of criminalization for criminal acts committed through the use of digital technologies. It describes the scientific and conceptual apparatus of digital crimes, distinguishes them from related concepts (computer, information crimes). Taking into account the existing views on the problems of digital crimes, the authors state that digital crimes are a generic concept for all other crimes, the subject or method of which is information, including computer information. Accordingly, the proposal to systematize crimes committed through the use of digital technologies and place them in one chapter of the criminal law is justified. The authors believe that from the point of view of the legislative technique of presenting norms and their systematization, the main thing in the content of these crimes is the method, that is, the use of information and communication technologies, artificial intelligence and the Internet. An integral element of this method is the seizure of the user's personal account, which is primarily in need of criminalization. The technique and logic of systematization of digital crimes proposed by the authors creates an opportunity to combine all digital crimes into one chapter.

Keywords: digital crimes, computer crimes, digital security, identity theft, use of ICT, artificial intelligence and the Internet.

Технологические цифровые инновации и их стремительное развитие создают множество рисков, среди которых наиболее опасными являются уголовно-наказуемые общественно-опасные деяния, спектр которых систематически пополняется новыми формами, так как последним имманентно-присуща способность мимикрировать, видоизменяться, пополняться новыми разновидностями коррелятивно развитию и состоянию цифровых технологий и цифровых средств.

Проблемность криминализации новых форм киберпреступлений связана со сложностями в определении их признаков, а также в разграничении их от административно-наказуемых правонарушений. Преодоление сложностей в конструировании новых уголовно-наказуемых видов киберпреступлений весьма затруднительно в связи с тем, что в науках криминального цикла проблематика кибернетизации преступлений и способов их совершения слабо изучена, до

настоящего времени в уголовно-правовых и криминологических исследованиях отсутствуют комплексные и глубокие разработки, посвященные данной тематике.

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий (далее ИКТ), искусственного интеллекта, нейросетей, иных технологий, а также широкое распространение интернет-продуктов создают новые вызовы для правоприменения в современном диджитализированном обществе. В условиях глобальной цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества возрастает не только количество киберпреступлений, но и их структура и характер. Криминальные деяния в киберпространстве, в том числе хакерские атаки, хищение личных данных (персональных данных, кража личности), распространение вредоносного программного обеспечения и др., влекут ближайшие и отдаленные материальные и нематериальные последствия, и представ-

ляют серьезную угрозу для нормального функционирования общества, государства, причиняют вред физическим и юридическим лицам.

В последнее 10-летие в уголовный закон были внесены ряд изменений, направленных на совершенствование мер уголовно-правового противодействия киберпреступности. Так, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) включены новые составы компьютерных преступлений (ст. 274.1 УК РФ) и (ст. 274.2 УК РФ), во многие составы преступлений, расположенных в разных главах (см. Главы 18, 20, 24-26, 28, 29, 32 и 34) введен квалифицирующий признак, который предусматривает повышенную ответственность за избранный способ совершения преступления и излагается вариативно с учетом характера и типа основного состава преступного деяния:

- с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»);
- с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Между тем выборочная криминализация способа преступления не решает всех проблем, связанных с уголовной ответственностью за преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий. В информационно-коммуникативной среде остается еще достаточное множество общественно-опасных деяний, которые близки к криминальным, что вызывает потребность в их криминализации и является предметом научных обсуждений, к примеру, отдельные ученые предлагают криминализировать «кражу личности» [1, с. 20].

Вопросы криминализации общественно-опасных деяний затрагивают множество проблем, связанных с законодательной техникой формулирования новых составов преступлений, определением их места в системе норм уголовного кодекса, с учетом их тяжести и характера совершаемого деяния, его внутренними связями со сходными с ним преступлениями и др.

Особенно острые дискуссии в криминалистической науке развернулись вокруг проблемы относительно обособленной систематизации норм, устанавливающих ответственность за цифровые преступления. Очевидно, нельзя ставить знак равенства между «цифровыми преступлениями технологии» и «информационными», «компьютерными» преступлениями, также преступлениями с использованием «телекоммуникационных технологий». Отмечая дихотомию цифрового обновления уголовно-правовой сферы, Е. А. Рускевич выделяет два относительно-самостоятельных феномена: «компьютерной преступности» и «компьютеризированной преступности», под последними он понимает традиционные преступные деяния, которые опосредованы информационно-коммуникационной инфраструктурой (к примеру, ч. 3 ст. 141, п. «г» ч. 3 ст. 158, ст.ст. 1593, 1596, 187 УК РФ) [8, с. 30].

Термин «цифровые преступления» в самом широком понимании включает в себя любые посягательства, совершаемые в сети Интернет с использованием соответствующих компьютерных технологий, и в настоящее время не требует корректировки границ такого преступного поведения, поскольку невозможно предусмотреть и ограничить что-либо находящееся в процессе активного развития.

Проблемы интегрирования и систематизации преступлений, совершаемых в виртуальной среде, являются предметом активных обсуждений в научной среде. В частности, авторами одной из монографий предлагается обозначить название Главы 28 «Преступления в сфере обращения цифровой информации», и включить в данную главу все общественно опасные деяния, которые направлены на нарушение конфиденциальности, целостности, достоверности и доступности охраняемой законом цифровой информации

[2, с. 49]. Отдельные ученые-процессуалисты предлагают решить проблемы криминализации цифровых преступлений посредством пересмотра понятия предмета посягательства, названного в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, и считает, что данный термин подлежит замене более общим по содержанию понятием «цифровой информации» [5, с. 74].

Исследователи, оппонирующие предлагаемым изменениям, считают нецелесообразным выделять цифровые преступления в отдельную главу и аргументируют это следующими доводами. По их мнению, отдельные цифровые преступления мало чем отличаются от традиционных преступлений, и не посягают на самостоятельный реальный объект. Поэтому разумнее располагать составы цифровых преступлений по существующим главам Уголовного кодекса РФ с учетом реального традиционного объекта, на который они посягают [7, с. 50]. Критикуют объединение анализируемых норм о киберпреступлениях в одну главу с названием «Преступления в информационной сфере», «Информационные преступления» или «Преступления против информационной безопасности» и практикующие юристы. Так, адвокат Д. А. Калмыков считает это «совершенно ненужным, ибо слишком глобальными были бы соответствующие изменения в УК РФ, поскольку перегруппировка свыше 70 норм в пределах Особенной части Кодекса представляет немалую трудность» [5]. Однако, в целях обеспечения информационной безопасности Д. А. Калмыков обосновывает предложение включить в состав Особенной части УК общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за преступление против информационной безопасности личности и расположить ее в главе 19 – ст. 136.1 «Нарушение информационной безопасности личности»: «Противоправные сбор, хранение, использование или распространение информации, затрагивающей конституционные права и свободы лица, совершенные без его согласия, а равно необеспечение возможности ознакомления лица с такой информацией, собранной в установленном законом порядке, наказываются ...» [5].

Безусловно, невозможно отрицать сложность систематизации в рамках УК РФ киберпреступлений в одной главе, поскольку трудно определить их системные общие признаки, не в полной мере сложилась и их классификация по степени общественной опасности, не выработаны также критерии, по которым она определяется. Вместе с тем, признавая, что категория цифровые преступления вполне устоявшееся понятие, которое по праву считается родовым по отношению к другим смежным с ним терминам: «информационные», «компьютерные» преступления, также преступлениям с использованием «телекоммуникационных технологий», считаем, что сегодня действительно существует реальная потребность выделить разновидности этих преступлений в одной главе. В поддержку данной позиции можно привести ряд аргументов. Во-первых, термин «цифровые преступления» однозначно является наиболее емким по своему содержанию, данная категория – общее родовое понятие, которым охватываются в том числе компьютерные и информационные преступления, а также иные преступные деяния, совершаемые с использованием цифровых средств. Как известно, общность преступных деяний определяется родовой (видовой) однородностью отношений, на которые оно посягает. В этой части правомерным представляется вопрос о наличии самостоятельного родового объекта преступления, на которые посягают цифровые преступные деяния. В науке криминологии вопрос об объекте цифровых преступлений уже затрагивался отдельными исследователями. Попытку определить объект цифровых преступлений предприняла М. А. Ефремова [цит. по: 3, с. 254]. Ученая выделила информационную безопасность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны с оговоркой, что данное предложение может быть успешно реализовано лишь в слу-

чае принятия новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). С позиций Р. Г. Дремлюги таковым объектом следует признать цифровую экономику и информационное общество [4, с. 82]. Исследуя ответственность за преступления с цифровыми финансовыми ресурсами, М. М. Долгиева считает, что концепция цифрового объекта преступления состоит в большей степени из признаков социального блага и интересов. Социальные интересы государства и личности, блага и ценности являются переменными составляющими любой эпохи [3, с. 254]. Безусловно, нельзя отрицать, что в условиях становления современной цифровой общественно-экономической формации нарождаются новые, ранее неизвестные человечеству цифровые ценности, и это обстоятельство должно восприниматься как существующая реальная данность человеческого бытия. В таком случае очевидно необходимо определить, что представляют собой цифровые ценности, и какое место они занимают в структуре ценностей, охраняемых уголовным законом? Цифровая эволюция правоотношений требует и эффективного своевременного правового регулирования именно в контексте ожидаемого ответа на возникающие вопросы.

Анализ имеющихся в литературе исследований показывает, что большинство криминалистов рассматривают под цифровыми ценностями: цифровые финансовые активы, виртуальную валюту и криптовалюту [3, с. 255]; электронные документы и издания, аудио-, видео-, мультимедийные продукты, программные средства, сайты, базы данных [2, с. 27]. В данном значении цифровые ценности характеризуют предмет посягательства как один из признаков объекта преступления. Объектом же цифровых преступлений являются цифровые отношения либо правовые цифровые блага. К примеру, в качестве цифрового блага можно рассматривать «цифровую личность», право на шифрование, право на конфиденциальность в цифровой среде и др.

Несомненно, цифровые ценности и цифровое блага имеют приоритетную значимость, их реализация порождает относительно-самостоятельные общественные отношения, которые полностью или частично расположены в виртуальной среде (digital-отношения). Повышенная уголовно-правовая охрана digital-отношений стала настоятельной потребностью современной эпохи. Существующие сегодня правовые инструменты, том числе это касается и уголовного законодательства, должны быть адаптированы таким образом, чтобы они могли отвечать двойным вызовам глобализации и оцифровки, поэтому правоприменение должно стать более гибким, последовательным и эффективным, а для этого большое значение имеет приведение данных норм в определенную систему.

Думается, что в основе построения системы данных преступлений могут быть положены признаки, которые связаны с особенностями цифровых технологий, которые были или могут быть использованы для совершения преступлений, и характер совершаемых действий с учетом соответствующей общественной опасности. Так, например, хищения, совершаемые с помощью цифровых ресурсов, не сводятся сегодня только к краже с банковских счетов, в связи с виртуализацией отношений между государством и населением уже есть отдельные факты удаленного похищения недвижимости. Поэтому возникает вопрос, насколько корректно объединить в одной статье кражу, совершенную с использованием традиционного тайного способа и кражу, совершенную путем использования цифровых технологий? Полагаем, что для цифровых преступлений характерна большая степень опасности, и главным её определяющим признаком является неправомерный доступ к личным кабинетам пользователей государственных и иных услуг. В связи с этим можно предложить сконструировать нормы о киберхищениях в следующей редакции: «Неправомерный доступ к личному кабинету пользователя государственных или иных услуг с

использованием информационного коммуникативных технологий, искусственного интеллекта, и сети Интернет, если это деяние повлекло за собой утрату имущества или права на имущество, а равно причинило существенный вред правам и законным интересам граждан, либо охраняемым законом общества или государства». По такому же типу можно сконструировать другие нормы, расположенные в других главах УК РФ, а также решить вопрос о криминализации новых киберпреступлений, к примеру: неправомерное завладение личностью (кража личности), персональными данными, использование чужих мессенджеров, социальных сетей, фото и видео из корыстных или иных низменных побуждений и др. Предлагаемый подход значительно облегчит систематизацию киберпреступлений и позволит выделить их в отдельный раздел X-1 «Преступления против информационной и цифровой безопасности», состоящую, предположительно, из двух глав: «Преступления в сфере компьютерной информации», и «Преступления против цифровой безопасности».

В завершении своего исследования отметим, что авторский подход и предлагаемые ими новеллы уголовного законодательства создают условия для приведения в стройную систему существующих на современном этапе цифровых (компьютерных, информационных преступлений), а также позволяют разрешить проблемы криминализации многих новых общественно-опасных деяний, которые совершаются в цифровой среде.

Пристатейный библиографический список

1. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. «Кража личности» как самостоятельное преступление или разновидность мошенничества // Правовая информатика. – 2017. – № 3. – С. 14-22.
2. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с.
3. Долгиева М. М. Цифровой объект преступления // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 253-260.
4. Дремлюга Р. И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 328 с.
5. Калмыков Д. А. К вопросу о совершенствовании законодательной техники уголовно-правовой защиты информационной безопасности РФ. сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://defence-line.ru/useful-info/k-voprosu-o-sovershenstvovanii> (дата обращения: 25.01.2025).
6. Карташов И. И., Лесников О. А. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8, № 4 (32). – С. 73-82.
7. Мосечкин И. Н. Понятие преступлений против безопасности цифровой информации // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 5 (198). – С. 49-59.
8. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. – 2-е издание. – Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2022. – 351 с.

ИВАНОВА Екатерина Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осуждённого от общества, Псковский филиал, Университет ФСИН России

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Терроризм является преступлением, направленным против общественного порядка и безопасности, порождающим в последнем дисбаланс и волнения в социуме, влекущий за собой разрушения и человеческие жертвы. Данный акт совершается в целях влияния на какие-либо решения органов государственной власти, в том числе на международном уровне. В связи с этим возникает угроза не только для общества и государства, но и для всего мира. Данные действия вызывают у людей страх за себя и своих близких, но в то же время подрывают у них веру в защиту их интересов государством. Причинами совершения преступлений могут служить наркомания, миграция населения, материальная выгода, месть, приверженность какой-либо идеологии. В качестве наиболее известных организаций, деятельность которых запрещена на территории нашего государства выступают «Аль-Каида», «Талибан», ваххабизм, Исламское государство, «Исламский джихад». Атрибутами для них служит исламский флаг с соответствующей надписью, ножи, оружие, публичная демонстрация своего противоправного поведения. Ранее в 1999 г. системно происходили акты терроризма в Москве, рядом с жилыми домами, организованные уроженцами Чечни, Грузии, Ингушетии, Дагестана и арабских стран. Взрывы раздавались во время празднования Дня Победы в Дагестане и в Чечне. Организовывались теракты в концертных залах (Норд-Ост), а также в самолетах и метрополитенах посредством оставления бесхозных вещей в местах массового скопления людей и использования специализированных поясов террористками-смертницами для достижения цели.

Ключевые слова: терроризм, государственная безопасность, мировая безопасность.

IVANOVA Ekaterina Vladimirovna

senior lecturer of Criminal law disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of a convicted person from society, Pskov Branch, University of the FPS of Russia

TERRORISM AS A THREAT TO STATE AND WORLD SECURITY

Terrorism is a crime against public order and security, causing imbalance and unrest in society, resulting in destruction and casualties. This act is committed in order to influence any decisions of government bodies, including at the international level. In this regard, there is a threat not only to society and the state, but also to the whole world. These actions cause people to fear for themselves and their loved ones, but at the same time undermine their faith in the protection of their interests by the state. The reasons for committing crimes can be drug addiction, population migration, material gain, revenge, commitment to any ideology. The most well-known organizations whose activities are prohibited on the territory of our state are al-Qaeda, the Taliban, Wahhabism, the Islamic state, Islamic jihad. Their attributes are the Islamic flag with the corresponding inscription, knives, weapons, public demonstration of their unlawful behavior. Earlier in 1999, terrorist attacks systematically occurred in Moscow, near residential buildings, organized by natives of Chechnya, Georgia, Ingushetia, Dagestan and Arab countries. Explosions were heard during the celebration of Victory Day in Dagestan and Chechnya. Terrorist attacks were organized in concert halls (Nord-Ost), as well as in airplanes and subways by leaving unattended things in crowded places and using specialized belts by female suicide bombers to achieve their goals.

Keywords: terrorism, state security, world security.

11 сентября 2001 г. все мировое сообщество стало свидетелем трагических событий, которые произошли в г. Нью-Йорке, а именно захвата четырех пассажирских самолетов, два из которых достигли необходимой точки назначения – два небоскребов, третий был захвачен пассажирами, и разбился, погибло около 3000 человек.

01 сентября 2004 г. запомнилось нам всем ужасным терактом в здании школы г. Беслан, где погибло более 300, а пострадало более 700 человек. В связи с жестокостью действий террористов, направленных, в особенности, против детей и женщин, адвокаты отказывались от их защиты по моральным соображениям даже под угрозой увольнения. После данного теракта до следующего прошло 6 лет. [1, с. 119]

Свеж в памяти и террористический акт в метро г. Санкт-Петербурга 03.09.2017 г., где пострадало более 100 человек. В связи с этим никогда не поздно, а напротив - необходимо в рамках пробуждения общественного сознания говорить о причинах, которые могли способствовать беспрепятственному прохождению террориста в метро. В данном случае у металлодетекторов был отключен звук, а полицейский на месте отсутствовал, так как был вызван на другой пост.

24 марта 2024 г. в вечернее время посредством массовой стрельбы, взрывов, поджогов, массовых расстрелов мирных граждан произошел теракт в концертном зале «Крокус сити холл», где погибло около 145 человек и более 500 получили ранения без захвата заложников и выдвижения требований. Вообще странно, что при проведении данного мероприятия не были задействованы сотрудники патрульно-постовой службы, как это организовано в менее крупных городах и районах.

Охрана несла службу без оружия, не заблокировала двери, и явно не обладала знаниями алгоритма действий в указанной ситуации. Время обуславливает обстоятельства,

при которых работодателям следует более тщательно подходить к профессиональному отбору охраны на местах. Набирать охрану следует из числа пенсионеров вооруженных сил и других ведомств, обладающих специальными навыками в крупных торговых центрах и государственных учреждениях, в особенности, детских.

Следует отметить, что в данных ситуациях, общество все же в силах дать террористам отпор. К примеру, в «Крокус сити холл» мужчины обезвредили боевика, в то время, как он перезаряжал оружие, что позволило людям покинуть здание.

В связи с частыми атаками террористов, государству и обществу следует уделить должное внимание данной проблеме. В данной связи необходимо разработать алгоритм действий в указанной ситуации для готовности мирных граждан к отражению атаки террористов. Проведение занятий и проверке объектов на соблюдение требований следует поручить МЧС и соответствующим подразделениям на местах.

Большое количество людей погибает из-за продолжительной или неправильной эвакуации. В данном случае в связи с отравлением продуктами горения. В связи с вышеуказанным в местах массового скопления людей должны находиться сотрудники, которые могут быстро эвакуировать граждан, хорошо знают здание и его особенности. Дети должны со школьных уроков знать и уметь действовать в данных ситуациях, уметь оказывать помощь и ориентироваться на месте.

Преступления возможно распознать на стадии подготовки и пресечь, в том числе с использованием городских систем видеонаблюдения. В данной связи следует отметить, что в менее крупных городах работает система видеонаблюдения «Безопасный город», которая помогает бороться с административными правонарушениями и уголовными преступле-

ниями, и сотрудники служб и органов ей успешно пользуются в своей деятельности.

Следует отметить, что террористы были задержаны в Брянской области, что находится за 300 км от места преступления, а не перехвачены в близлежащем районе. Однако, вопрос не только к службам, но и к бдительности наших граждан, которые не сообщают в органы полиции о преступлениях. В реалиях современности слабо развит институт гражданской ответственности, люди попросту не обращают или не хотят обращать внимание на происходящее вокруг, что выливается в такие трагические последствия.

После данного преступления летом 2024 г. происходят 2 захвата заложников с дезорганизацией деятельности учреждений на территории учреждения. Первый из них – в следственном изоляторе г. Ростов-на-Дону. О факте совершенного преступления стало известно после опубликования сообщений о случившемся в телеграмм канале.

Второй – в исправительной колонии г. Суровикино во время заседания дисциплинарной комиссии, в состав которой входит начальник учреждения, а также другие руководители подразделений, отделов и служб. Данный теракт террористы позиционируют, как месть за задержанных преступников, совершивших преступление в «Крокус сити холле»

Вышеуказанные события создают большой резонанс и дестабилизацию в обществе, и, как правило, остаются в общественном сознании на протяжении многих лет. Безусловно, это касается всех и каждого. Не только мирных граждан, но и сотрудников, которые чтят память тех, кто погиб, защищая мирных граждан.

На данную ситуацию можно повлиять, если воспитывать принципиальное, реализованное, единое общество в духе традиций и стремлений к миру. Однако, в современном мире, мы видим много несправедливости и жестокости в сети, с экранов телевизоров, в обстановке, которая нас окружает. Люди не следуют соглашениям, не держат слово, расправляются над мирными гражданами, преследуют экономические интересы, не считаясь с нормами морали.

В то время, как одни, ранее оступившиеся люди, в условиях войны воспитывают в себе лучшие качества, другая часть общества растлевает себя, в некоторых случаях допускает надругательство над вероисповеданием, причем, как в своей вере, так и к святыням других конфессий. Возможно, следует обеспокоиться с данным вопросом. Приобщить общество не только к культуре и спорту, но и к вероисповеданию, научить его правильному пониманию и уважению к вере, традициям народов, объединять людей в сознании важности и необходимости толерантного отношения в многонациональной стране.

Почему мы зачастую вводим мероприятия после того, когда что-то случилось. Общество, в особенности дети, зачастую ложно сообщают об угрозе терроризма в детских садах или школах. Что побуждает людей не профилактировать терроризм, а настолько безответственно и несерьезно относиться к преступлению, которое уносит такое количество жизней. По какой причине в людях становится меньше моральной ответственности за происходящее.

Терроризм зачастую сопряжен с бандитизмом, незаконным хранением оружия или захватом заложников, и, как правило, совершается группой лиц по предварительномуговору, так или иначе подразумевая собой международный характер.

При совершении данного преступления происходит попытка оказать влияние на государство, а не на общество. Но в условиях, когда требования к государству не выдвинуты, то что это, новый состав преступления или провокация против мигрантов.

Следует иметь ввиду и также поддавать анализу терроризм, выраженный в контроле над средствами массовой информации, воздействующий на психологию граждан, например путем «вброса» так называемых «фейков», в том числе, когда другие страны берут на себя или напротив перекладывают ответственность за произошедшее путем использования насилия, подкупа, гипноза, создании иллюзий и ввода информации в подсознание. Данная форма в определенных обстоятельствах может спровоцировать общество на серьезные действия. Именно поэтому, мы можем видеть, что власти дают своевременные и подробные комментарии всему происходящему, и это в эпоху информации является для общества сдерживающим фактором.

Информационный терроризм развит в социальных сетях и мессенджерах, особенно таких как «Telegram» и «Вконтакте», где происходит поиск и вербовка исполнителей путем увеличения внешнего охвата. Интересен тот факт, что владелец данных платформ Павел Дуров задержан по обвинению в преступлениях, которые реализуются посредством использования данных площадок. Его позиция состоит в свободе слова, не подконтрольной государству. Но, если задуматься, ведь можно определить грань, где кончается свобода слова и начинается преступление. В целом, средства массовой информации во всех их проявлениях покинуло понятие «цензура», что также влияет на общество, государство и мир, в целом.

Зачастую граждане или служащие оставляют отметки о местонахождении, фотографии, делают «репосты» информации в сети, что может также способствовать совершению преступления.

Сама по себе ущербность не страшна, так как преодолевается через разные механизмы, в частности через механизм компенсации, при которой дефицит устраняется с использованием средств из той же самой сферы, в которой возник. Внутренняя невозможность и даже неспособность преодолеть эту ущербность намного страшнее.

Из автобиографий и других описаний известно, что у многих террористов в детстве были убиты родители, родственники. С одной стороны, вследствие этого возникало стремление к мести, с другой – имела место атмосфера эмоционального дефицита, в которой рос будущий террорист.

Наша современность – Курск, Брянск, Крым, Белгород. Без объявления войны отряды вооруженных сил Украины наносят удары по мирным гражданам и объектам гражданской инфраструктуры с привлечением специальной техники: квадрокоптеров, беспилотников, некоторых видов артиллерийской военной техники, более того, запрещенными снарядами и составами. Требования ранее заключенных соглашений игнорируются. Все это посредством телевидения и интернета оправдывается перед мировым сообществом и считается нормой, что недопустимо.

Кроме всего прочего может использоваться тактика привлечения несовершеннолетних в целях получения информации, к примеру, для фотофиксации и направления материалов объектов за материальное вознаграждение.

Недавно в средствах массовой информации было освещено событие, содержащее сведения об изъятии шпионского оборудования в столице, среди которого находились камеры, замаскированные под ручки, часы, игрушки, адаптеры, датчики пожарной сигнализации, пауэрбанки привезенные лицом для продажи из зарубежных стран. То есть отражающие содействие наших граждан иностранным государствам, которые их спонсируют, для получения доступа к частной жизни сотрудников, коммерческим тайнам предприятия.

Известно, что вести переговоры можно только с тем, кто понимает тот язык, на котором вы с ним договариваетесь. Это высказывание о многом говорит нам в рамках профилактики данных преступлений. Возможно, в зависимости от того, как мы будем препятствовать данной деятельности и зависит, получит ли она развитие в нашем государстве и в современном мире.

Пристатейный библиографический список

1. Адаров Г., Муслимова М. Ш. Пепел Беслана стучит в мое сердце. – Текст: электронный // Модернизация образования. – 2019 – С. 118-123.
2. Безносков Д. С., Почебут Л. Г. Правовое сознание и психология терроризма: учебник для направлений бакалавриата «Психология» и «Правоохранительная деятельность». – 2-е изд., переработанное и дополненное. – Москва: КНОРУС, 2023. – 225 с.
3. Меркурьев В. В., Соколов Д. А., Васнецова А. С. [и др.]. Личность участника террористической / Под общей редакцией В. В. Меркурьева; Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2024. – 366 с.
4. Питулько К. В., Коряковцев В. В. Квалификация преступлений экстремистской и террористической направленности: учебное пособие для направления подготовки бакалавриата «Юриспруденция». – Москва: КноРус, 2024. – 145 с.

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Санкт-Петербург

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируются количественные показатели преступности несовершеннолетних на федеральном и региональном уровне, обозначаются основные тенденции преступности данного вида. Автор обосновывает увеличение ее латентности, вызванное среди прочих факторов влиянием цифровизации, отражающейся на состоянии криминологической безопасности. Делается вывод о том, что выявленная тенденция по снижению уровня исследуемого вида преступности происходит при сохранении его социально-экономической базы. Автор анализирует региональные отличия в преступности несовершеннолетних, вносит предложения по улучшению аналитической работы органов внутренних дел.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, несовершеннолетние преступники, преступление, тенденции, регион.

Писаревская Е. А.

PISAREVSKAYA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty, North-West branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg

JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CRIMINOLOGICAL SECURITY

The article analyzes the quantitative indicators of juvenile delinquency at the federal and regional levels, identifies the main trends in this type of crime. The author justifies the increase in its latency caused, among other factors, by the influence of digitalization, which affects the state of criminological security. It is concluded that the revealed trend towards a decrease in the level of the type of crime under study occurs while maintaining its socio-economic base. The author analyzes regional differences in juvenile delinquency and makes suggestions for improving the analytical work of law enforcement agencies.

Keywords: criminological safety, juvenile delinquents, crime, trends, region.

Не секрет, что текущее столетие характеризуется, на первый взгляд, такими позитивными явлениями, как стремительный научно-технический прогресс, цифровизация и виртуализация всех сторон жизни общества. Однако, с другой стороны, такой процесс имеет множество негативных аспектов, поскольку несет многочисленные угрозы для общества и государства, которые ранее не существовали, но появились в текущий момент. При этом защита прав детей является одной из актуальных проблем, которая стоит не только на национальном, но и на международном уровнях. В настоящее время наша страна фактически отказалась от идеи создания системы ювенальной юстиции, пойдя по собственному пути профилактики преступности несовершеннолетних. Действующая система функционирует начиная с конца предыдущего столетия на основе Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, этот нормативный правовой акт доказал свою эффективность и работоспособность, следствием которой является фиксируемое статистикой неуклонное снижение преступности несовершеннолетних, хотя к однозначности данной тенденции имеются определенные вопросы, которые мы осветим в

дальнейшем. О работоспособности закона, на наш взгляд, говорит также то, что на протяжении более чем двадцати лет в него вносились многочисленные изменения, последние были внесены 29 мая 2024 года. Это свидетельствует о своевременном учете законодателем общественных реалий, в контексте противодействия появляющимся угрозам криминологической безопасности несовершеннолетних. Действующий основной нормативный правовой акт в сфере профилактики правонарушающего поведения подрастающего поколения среди основных задач и принципов деятельности всей системы его называет обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних, коррелируя, таким образом, и с системой ювенальной юстиции, которая в качестве приоритета ставит именно эту задачу, вне зависимости от того, с кем она имеет дело, с несовершеннолетним, преступившим закон, или с несовершеннолетним - жертвой преступного посягательства. Согласимся с тем, что помимо совершенствования имеющегося уголовного и профилактического законодательства, пропаганды здорового образа жизни, профилактики девиантного поведения самих несовершеннолетних, недопущения преступного и иного асоциального поведения в отношении детей и подростков к основной тенденции государственной политики стран СНГ относится предупреждение преступности среди несовершеннолетних и защита прав детей и подростков, находящихся в заключение, и др. [5, с. 89-90]. Соответственно, можно утверждать, что проблема криминологической безопасности несовершеннолетних (как жертв, так и преступников), защита права как несовершеннолетних, преступивших закон, так и жертв преступлений, являются

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 29.05.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=477481&cacheid=2CB11C04133E6178B56C139D1A40730F&modes=splus&rnd=PdJFmQ#xNxmvZUYrDUmKkwu1> (дата обращения: 15.01.2025).

одними из важнейших задач для нашего государства, требующих постоянного мониторинга и отслеживания возникающих негативных тенденций.

Статистическое исследование преступности несовершеннолетних показывает, что ими с каждым годом в нашем государстве совершается все меньше и меньше преступных деяний, элементарная экстраполяция подводит нас к мысли о том, что эти деяния в ближайшем будущем должны вообще исчезнуть. Но возможно ли такое предположение в принципе? Ведь фактически общепризнанным постулатом в отечественной криминологии является то, что преступность это социально обусловленное явление. Искоренены ли в настоящее время социальные детерминанты? И повторимся, возможно, ли вообще себе такое представить? Статистика свидетельствует о том, что в 2019 году в нашей стране была зарегистрирована 41 548 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2023 году был зарегистрирован минимальный показатель – 27 325². А темп снижения в 2023 году по отношению к 2000 году, в котором было зарегистрировано 195 426 преступлений данной категории [4, с. 33], составил – 86,1 %. Удельный вес рассматриваемой категории преступлений, от общего числа расследованных также значительно сократился, значительно отклонившись от «стабильных» 5-7%. Так, если в 2019 году он составил 3,9 %, то в 2023 году – 2,7 %³. Если же рассчитать их удельный вес от всех зарегистрированных преступлений, то показатель будет абсолютно незначительным. Так, если в 2000 году их удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений составлял 6,6 % [4, с. 35], то в 2023 году – всего 1,4 %⁴.

Отметим, что тенденция к снижению преступности и другого отклоняющегося поведения несовершеннолетних и молодежи наблюдается сейчас практически во всех странах нашей планеты [8], [9]. Зарубежные ученые считают, что основная причина – это влияние цифровой революции, когда указанные субъекты все больше времени проводят в сети, используя цифровые устройства, существенно сокращая общение в реальном мире. Наше государство и отечественные подростки не составляют исключения. Отечественные криминологи также признают огромное влияние интернета на сознание подростков, в том числе исследуя негативные аспекты подобного влияния [3, с. 240], [6, с. 137], [2, с. 118], [1, с. 6]. На сегодняшний момент в нашей стране интернетом ежедневно пользуются почти 100 миллионов человек, это в сто раз больше, чем в 1998 г.⁵, и не все из этих пользователей преследуют цели, одобряемые законом. Можно с уверенностью констатировать, что преступления в интернете совершаются как самими несовершеннолетними, так и против них. Преступности несовершеннолетних всегда была свойственна латентность, обусловленная как их возрастными

особенностями, так и отношениям со стороны взрослых лиц. Однако виртуализация преступности эту латентность только усилила. Следовательно, можно выдвинуть предположение о том, что анализируемый вид преступности в настоящее время никуда не исчез и исчезать не собирается, он просто частично сменил «местонахождение», перебравшись в виртуальное пространство. Что, в свою очередь, актуализирует вопросы криминологической безопасности рассматриваемой категории лиц в виртуальном мире. При этом не отрицаем наличие объективных причин, повлиявших на ее снижение, таких, как законодательная регламентация системы профилактики, эффективная работа некоторых субъектов профилактики, улучшение уровня жизни населения в целом в сравнении с социально-экономическим положением народа в 90-ые годы прошлого столетия и целый ряд других.

При анализе рассматриваемого вида преступности нельзя обойти стороной его региональные особенности. Несомненно, что в этом случае статистическая картина может существенно отличаться. Зарегистрированная и латентная преступность несут на себе «отпечаток» региона. Как обоснованно указывает А. В. Чернов, «системный анализ преступности в пределах территории конкретного региона предполагает изучение не только ее состояния и динамики, но и взаимосвязи с другими явлениями и процессами» [7, с. 38], по его мнению, наиболее соответствует истине понимание криминологической обстановки как «ограниченного во времени и пространстве сложного социального явления, заключающего в себе количественно-качественную характеристику преступности, совокупности преступников, причин и условий преступности, деятельности по ее предупреждению» [7, с. 39]. К сожалению, проведенный нами анализ отчетов о проделанной органами внутренних дел работе по профилактике преступности несовершеннолетних свидетельствует об отсутствии комплексного представления о криминологической обстановке в регионах.

Если средний показатель удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии в нашем государстве, составлял 3,9 % в 2019 году, данный показатель в регионах «антилидерах» в 2019 году варьировался от 8,3 % в Республике Карелия до 5,8 %, в Амурской области. В 2023 году средний показатель по России составил 2,7 %, при этом лидирующие позиции среди регионов заняла Новгородская область с показателем 6,4 %, а замыкала список Ивановская область с показателем 4,1 %. Наибольшей криминогенностью в течение 2019-2023 г.г. характеризовались следующие регионы нашего государства: Новгородская область с показателем в рамках периода 7,2–5,5 %, Республика Тыва с показателем 8,1–4,7 %, а также Республика Карелия с показателем 8,3–5,0 %⁶. Понимая условность такой криминогенности без расчета коэффициента, полагаем возможным обратить на это внимание, учитывая тот факт, что удельный вес зарегистрированных в этих регионах преступлений значительно превышает среднероссийский показатель.

Интересна связь выявленных региональных тенденций преступности несовершеннолетних, причин и условий данного вида преступности и профилактической деятельности. Обусловлено ли уменьшение регистрируемой преступности анализируемого вида реальным улучшением социально-экономического благополучия несовершеннолетних и их

2 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года, за январь–декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2025).

3 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года, за январь–декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2025).

4 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года, за январь–декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2025).

5 Ежедневная интернет-аудитория в России выросла почти до 100 млн. человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/09/30/998068-ezhednevnyaya-internet-auditoriya-rossii-virosla> (дата обращения: 15.01.2025).

6 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года, за январь–декабрь 2020 года, за январь–декабрь 2021 года, за январь–декабрь 2022 года, за январь–декабрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2025).

семей, фактическим устранением нравственно-культурных детерминант данного вида преступности? Чем вызвано выявленное отклонение от среднероссийского показателя? С чем связаны региональные отличия?

Нами был проведен сравнительный анализ состояния, тенденций анализируемого вида преступности, проводимых профилактических мероприятий в ряде проблемных регионов нашего государства. В качестве примера приведем здесь информацию о двух субъектах РФ, которые так или иначе на протяжении рассмотренного периода входили в приведенные выше антирейтинги. Это информация по таким субъектам Российской Федерации, как Республика Карелия, Кемеровская область – Кузбасс.

Согласно информации органов внутренних дел Республики Карелия в 2023 году в этом субъекте была отмечена положительная тенденция снижения криминальной активности анализируемой категории лиц, несмотря на отклонение удельного веса от среднероссийского показателя. Факт возможного «ухода» несовершеннолетних в интернет, увеличения уровня латентности преступности несовершеннолетними органами внутренних дел в представленном документе не рассматривается и не анализируется.

В вышеуказанном отчете были отмечены такие негативные факторы, влияющие на анализируемый вид преступности, как:

- 1) отсутствие досуговой занятости детей в неурочное время;
- 2) отсутствие функционирующих стационарных лагерей;
- 3) низкая заинтересованность работодателей в несовершеннолетних работников⁷.

Таким образом, были отмечены отдельные детерминанты преступности несовершеннолетних, действующие на социально-психологическом уровне. Общесоциальный, региональный и индивидуальный уровни причинности в отчете не раскрываются и для анализа взяты не были.

Каким же образом удалось достичь такого результата в 2023 году?

В информационно-аналитической записке речь идет, прежде всего, об организационно-профилактических мероприятиях, при этом никак не анализируется социально-экономическая база преступности несовершеннолетних в Республике Карелия, а также не затрагивается вопрос о том, уменьшилась ли она в регионе. Если исходить из того, что преступность несовершеннолетних социально обусловлена, то без устранения первопричин преступности, ее уровень вскоре вернется на прежнее место, так как одними организационно-профилактическими мероприятиями проблему не решить. Данные меры могут вызвать лишь кратковременный эффект. Так, выборочное обращение к статистической информации показывает, что среднедушевые денежные доходы населения Республики Карелия в 2023 году составляли всего 44 522,2 руб., а среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций составляла 56 458 рублей⁸, что вряд ли можно признать достаточным для безбедного

существования среднестатистической семьи в современных условиях. Кроме того, не лишним будет вспомнить о том, что именно несовершеннолетними, чьи личности находятся в стадии становления, наличие необоснованного социального расслоения общества воспринимается наиболее болезненно. Кроме того, анализ информационно-аналитической записки показывает, что правоприменителями вообще не учитывается влияние цифрового мира на анализируемый вид преступности и сохраняется взгляд на преступность несовершеннолетних как исключительно уличную, дворовую.

Довольно развернутая информация о преступности в целом содержится в аналогичной информационно-аналитической записке по Кемеровской области – Кузбассу за 2023 г. В ней, в частности, указано, что на оперативную обстановку в данном субъекте оказывает непрерывное воздействие ряд криминогенных факторов:

1. Кемеровская область – Кузбасс занимает четвертое место среди субъектов РФ по криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления. Более 80 % освобождающихся из мест лишения свободы не покидают пределы данного субъекта Российской Федерации.

2. Высокая плотность постоянно проживающего криминально активного населения в Кемеровской области – Кузбассе приводит к увеличению числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых на ее территории, что соответствует тринадцатому месту в нашем государстве.

3. В результате потребления наркотиков в 2023 году в данном субъекте погибло 285 человек⁹, что, на наш взгляд, свидетельствует о высоком уровне наркотизации населения.

В отчете отмечено, что сохраняет актуальность вопрос профилактики преступности несовершеннолетних. Несмотря на существенное снижение количества таких преступлений в 2023 г. (-21,5 % к 2022 году), уровень криминальной активности несовершеннолетних почти в два раза превышает среднероссийский показатель. Вместе с тем, в рамках объявленного в Кузбассе «Года детей» ГУ МВД России по Кемеровской области – Кузбассу совместно с субъектами системы профилактики в 2023 году были осуществлены меры, направленные на совершенствование работы по предупреждению подростковой преступности и безопасности жизни подростков. Исполнены мероприятия комплексной программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2021-2023 гг.». Реализован комплексный план по устранению причин и условий, способствующих антиобщественным действиям несовершеннолетних и противоправным деяниям в отношении них, на 2021-2023 годы, утвержденный Губернатором Кузбасса, прокуратурой Кемеровской области – Кузбасса¹⁰. В чем конкретно это заключалось и почему уровень криминальной активности несовершеннолетних по-прежнему превышает общероссийский, несмотря на все реализованные планы, в информационно-аналитической записке применительно к преступности несовершеннолетних не раскрывается. Отметим, что в данном регионе средняя номинальная начисленная заработная плата несколько выше, чем в предыдущих рассмотренных регионах, в третьем квартале 2023 года она составляла 62 939

7 Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел Республики Карелия за 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://10.mvd.rf/activity/direction/mvd> (дата обращения: 15.01.2025).

8 Республика Карелия в цифрах 2023: краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат). - Петрозаводск, 2023. - 121 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://10.rosstat.gov.ru/folder/43510> (дата обращения: 15.01.2025).

9 Информационно-аналитическая записка к отчету начальника ГУ МВД России по Кемеровской области – Кузбассу о деятельности полиции в 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://42.mvd.rf/folder/47070897> (дата обращения: 15.01.2025).

10 Информационно-аналитическая записка к отчету начальника ГУ МВД России по Кемеровской области – Кузбассу о деятельности полиции в 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://42.mvd.rf/folder/47070897> (дата обращения: 15.01.2025).

рублей¹¹, однако данный показатель также нельзя признать значительным. Кроме того, согласимся с указанными в отчете факторами, которые всегда влияли на высокую криминогенность региона.

Таким образом, представленная в отчете информация также касается в основном проведенных профилактических мероприятий и носит во многом формальный характер. Полагаем, что эффективность профилактической работы сложно оценить по количеству прочитанных лекций и крайне неправильным является считать их количество и темп прироста по ним. Более того, лекция является зачастую довольно скучным мероприятием для несовершеннолетних, не имеющих должного профилактического эффекта.

Подводя итог сказанному, отметим следующее:

1. Зарегистрированная преступность несовершеннолетних в нашем государстве на протяжении целого ряда лет демонстрирует неуклонную тенденцию к снижению, однако достоверность отмеченной тенденции может быть поставлена под сомнение, учитывая ее очевидную виртуализацию.

2. Рассматриваемый вид преступности никуда не исчез, он частично «перебрался» в виртуальный мир, с одновременным увеличением априори свойственной ему латентности, обусловленной возрастными особенностями несовершеннолетних преступников и потерпевших, жалостью со стороны взрослых.

3. Показатели отдельных регионов Российской Федерации по анализируемому виду преступности существенно отличаются от общероссийских, превышая их в разы по показателям удельного веса совершенных несовершеннолетними преступлений и выявленных несовершеннолетних, совершивших эти деяния.

4. Выборочный анализ информационно-аналитических записок ОВД в ряде субъектов нашего государства показал отсутствие системности в анализе состояния преступности несовершеннолетних, ее детерминант и основных направлений профилактики данного вида преступности. Разрозненность имеющейся информации не позволяет в полной мере составить исчерпывающее представление о региональных отличиях данного вида преступности, детерминантах, его обуславливающих на региональном, местном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях, а также проводимых в регионах профилактических мероприятиях.

5. Обращение к статистическим данным, раскрывающим социально-экономическое положение проблемных регионов, показывает, что социально-экономическая база преступности несовершеннолетних в них полностью не устранена и оснований для кардинального снижения анализируемого вида преступности не имеется.

6. Представляется, что указанные информационно-аналитические записки должны соответствовать своему названию, содержать аналитику, касающуюся не только количественных и качественных показателей рассматриваемого вида преступности, но и:

1) основных характеристик личности несовершеннолетних, совершивших преступления, по основным значимым социально-демографическим, нравственно-психологическим и уголовно-правовым показателям;

2) его детерминант, включая, в частности, сведения об уровне безработицы в регионе, размере средней заработной

платы, количестве бедных людей, соотношении между самыми богатыми и бедными; преобладании городского или сельского населения, плотности населения; количестве разводов, неполных семей; наличии на территории субъекта исправительных, воспитательных колоний и других учреждений УИС; оценку ситуации с употреблением наркотиков, алкоголя; оценку вовлеченности несовершеннолетних в учебу и трудовую занятость, сведения о занятости несовершеннолетних во внеучебное время);

3) проведение профилактических мероприятий на региональном, социальном-психологическом и индивидуальных уровнях.

Полагаем, что это позволит сформировать целостное представление о наличии или отсутствии реальных причин, детерминирующих столь резкое снижение преступности несовершеннолетних в целом, а также разобраться в том, чем обусловлены значительные региональные разнонаправленные тенденции данного вида преступности в целях обеспечения криминологической безопасности, как указанной категории лиц, так и всех лиц, проживающих в нашем государстве в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Гилинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. - 2016. - № 1 (18). - С. 3-8.
2. Окутина Н. Н. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2023. - № 1 (99). - С. 114-121.
3. Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А. Преступления против семьи и несовершеннолетних в России: состояние и основные тенденции // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - № 489. - С. 235-245.
4. Прокументов Л. М., Ольховик Н. В. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. - 154 с.
5. Савельев А. И. Обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних на международном уровне // Сибирское юридическое обозрение. - 2024. - № 1. - С. 75-92.
6. Савчик К. В. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2023. - № 4. - С. 133-140.
7. Чернов А. В. Криминогенная обстановка в Сибирском федеральном округе: опыт комплексной научной оценки / Под ред. С. Ф. Милукова. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. - 398с.
8. Fernández-Molina E., Bartolomé Gutiérrez R. Juvenile crime drops: What is happening with youth in Spain and why? // European Journal of Criminology. - 2020. - № 17 (3). - P. 306-331.
9. Svensson R., Oberwittler D. Changing routine activities and the decline of youth crime: A repeated cross-sectional analysis of self-reported delinquency in Sweden, 1999-2017. // Criminology: An Interdisciplinary Journal. - 2021. - № 59 (2). - P. 351-386.

¹¹ Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/DOCL1132/issWWW.exe/Stg/d2312/vi%20уровень%20жизни%20населения.htm> (дата обращения: 15.01.2025).

АМИРХАНЫЯ Ваге Гагикович

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

АЛЕКСЕЕВ Артем Михайлович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ТЕЗИКОВ Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: АНАЛИЗ РИСКОВ И СТРАТЕГИИ МВД

Статья освещает стратегию Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД) по реагированию на непредвиденные вызовы, связанные с особенностями специфических вооруженных конфликтов. Здесь предпринимается детальное рассмотрение адаптации системы правоохранительных мер к нестандартным угрозам, превышающим рамки классической деятельности. В фокусе статьи – меры по обеспечению безопасности и правовой стабильности в образовательной среде МВД России. Особое внимание уделяется модернизации учебных программ для слушателей с целью подготовки к новым вызовам, включая методы противодействия современным угрозам. Анализируются изощренные тактики и технологии украинских спецслужб, направленные на дестабилизацию внутренней обстановки в России и причинение вреда мирному населению. Рассматриваются инновационные подходы МВД по подготовке кадров к экстремальным ситуациям: от методов психологического анализа (профайлинга) до разработанных алгоритмов действий, направленных на выявление и нейтрализацию потенциально опасных элементов. Проблематика оперативности и решительности в действиях сотрудников МВД подчеркивается как ключевой фактор обеспечения общественной безопасности. Статья предлагает комплексные рекомендации по оптимизации взаимодействия с населением, акцентируя внимание на индивидуальной защите граждан при повышенных угрозах. В целом, данное исследование выступает значимым вкладом в изучение и оценку опыта МВД России в области обеспечения безопасности и правопорядка во время особых военных ситуаций.

Ключевые слова: национальная безопасность, МВД, военные операции, диверсии, теракты, профайлинг, безопасность, подготовка сотрудников ОВД, оперативность, моделирование ситуаций.

AMIRKHANYAN Vahe Gagikovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

ALEXEEV Artem Mikhaylovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TEZIKOV Dmitry Alexandrovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

MODERN THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY: RISK ANALYSIS AND STRATEGY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

The article highlights the strategy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (MIA) in responding to unforeseen challenges related to the specifics of specific armed conflicts. Here, a detailed consideration is being undertaken to adapt the system of law enforcement measures to non-standard threats that exceed the scope of classical activities. The article focuses on measures to ensure security and legal stability in the educational environment of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Special attention is paid to the modernization of educational programs for students in order to prepare for new challenges, including methods of countering modern threats. The article analyzes the sophisticated tactics and technologies of the Ukrainian special services aimed at destabilizing the internal situation in Russia and harming the civilian population. The innovative approaches of the Ministry of Internal Affairs in training personnel for extreme situations are considered: from methods of psychological analysis (profiling) to developed algorithms of actions aimed at identifying and neutralizing potentially dangerous elements. The issue of efficiency and decisiveness in the actions of the Interior Ministry staff is emphasized as a key factor in ensuring public safety. The article offers comprehensive recommendations for optimizing interaction with the public, focusing on the individual protection of citizens in case of increased threats. In general, this study makes a significant contribution to the study and assessment of the experience of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of security and law enforcement during special military situations.

Keywords: national security, Ministry of Internal Affairs, military operations, sabotage, terrorist attacks, profiling, security, training of police officers, efficiency, situation modeling.

На основе анализа реальной ситуации в ходе особых военных операций на украинском направлении выявлено значительное расширение рисков для национальной безопасности России за пределами непосредственной зоны боевых действий. В ответ МВД страны активизировало комплекс мер, направленных на укрепление внутренней безопасности и соблюдение правопорядка. Систематическая переподготовка сотрудников в учебных центрах МВД включает не только изучение новых вызовов угрозам национальной безопасно-

сти, но и глубокое погружение в теоретические основы противодействия этим рискам, а также развитие практических навыков специализированной работы. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению этих профессиональных компетенций.

В рамках целенаправленной стратегии по дестабилизации внутренней обстановки в России украинские спецслужбы активно внедряют изощренные приемы воздействия: вербовка граждан РФ с последующим заданием на проведение

диверсий и терактов, включая преднамеренные поджоги военных комиссариатов.

В настоящее время обеспечение безопасности военных комиссариатов осуществляется сотрудниками ОВД, которые оснащены личным оружием и круглосуточно несут бдительность над этими стратегическими точками. В ряде мест предусмотрены организационные схемы патрулирования в непосредственной близости от объектов на прилегающих территориях.

В рамках образовательного курса МВД проводится интенсивная имитация реальных сценариев с типичными угрозами для военных комиссариатов: слушатели вовлекаются в моделируемые обстановки, аналогичные текущим вызовам безопасности. Это включает комплексную подготовку к возможному диверсионно-террористическим актам и подробное разъяснение алгоритмов действий персонала ОВД с учётом специфических условий каждой конкретной угрожающей ситуации.

В первую очередь, акцент делается на личной дисциплине служащих ОВД: высокий уровень бдительности и внимательности является ключевым фактором для своевременного обнаружения подозреваемых субъектов. Обучение включает:

Применение методик профайлинга для выявления потенциальных преступников среди толпы.

Тщательный анализ внешнего вида: осмотр одежды, обращение внимание на соответствие погодным условиям (несоответствующий размер либо ношение теплой куртки в несезон) как возможный признак скрытого носительства взрывчатки или иных опасных предметов.

Изучение поведенческих аномалий: излишняя нервозность, многочисленные оглядывания по сторонам, другие проявления неуверенности могут служить явными сигналами подозрительного поведения.

Таким образом, слушатели обучаются тонкостям наблюдения и анализа как внешних атрибутов одежды потенциальных злоумышленников, так и их психологических реакций.

Приоритет – обезопасить территорию и сократить возможный вред. Следует немедленно предпринять меры для исключения угрозы: если злоумышленник окажется вблизи сотрудника полиции, он способен вызвать взрывное устройство или нанести дополнительные травмы окружающим. В такой критической ситуации необходимо демонстрировать оперативность, решительность и смелость – промедление может привести к катастрофическим последствиям. При выявлении подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов следует незамедлительно выполнять следующие действия: вежливо проводить проверку документов у гражданина, поддерживая спокойный и профессиональный диалог без проявления недовольства или явного подозрения; по возможности переместиться в менее людные места для минимизации риска; при отказе подозреваемого выполнять законные требования – действовать с максимальной осторожностью, предотвращая попытки активации взрывных устройств, их извлечения или инициирования пожара.

После установления факта правонарушений или небросовых намерений сотрудники полиции обязаны приоритизировать свою безопасность, что включает:

1. Благоразумное определение уровня общественной угрозы.

2. Подготовка к возможному использованию служебного оружия в зависимости от степени риска:

– При высокой опасности – немедленная готовность к применению табельного вооружения с учетом требований инструкций и законодательства. Эти меры необходимы для обеспечения не только личной защиты, но и предотвращения дополнительных угроз общественной безопасности.

Каждый описанный этап отражает комплексную профессиональную компетентность работников правоохранительных органов. Безусловно, каждая конкретная ситуация

остается непредсказуемой по своей природе, и идеальное предварительное приспособление к определенным угрозам невозможно. Однако ключевая цель подготовки как раз заключается в способности полицейского оперативно реагировать на любые неожиданные обстоятельства. В рамках служебной деятельности сотрудник обязан быть готовым своевременно нейтрализовать угрозы, способные привести к значительному ущербу для страны и её граждан. Особое внимание заслуживает актуальность профессиональной подготовки в свете динамичного прогресса технологий: развитие науки и техники порождает новые виды опасностей. Современное оружие и технологии, способные существенно дестабилизировать общественное спокойствие внутри государства, требуют от полицейских непрерывного повышения квалификации. Таким образом, актуальность становится неотъемлемым аспектом профессиональной подготовки в сфере правоохранительной деятельности.

Исходя из изложенного выше, можно сформировать обобщающий вывод: высокий уровень профессиональной подготовки полицейских становится фундаментом эффективной борьбы с криминалитетом любого рода и масштаба, особенно при наличии угрозы общественной безопасности, жизни сотрудников правоохранительных органов и обычных граждан. Профессиональная компетентность служит не просто инструментом, а жизненно важным звеном в обеспечении порядка: от неё напрямую зависят судьбы людей и стабильность общества. Особое значение профессиональной подготовки сотрудников полиции проявляется при расследовании тяжких преступлений с общественными последствиями. Она становится ключевым фактором, определяющим успешное противодействие правонарушениям, способным нанести значительный ущерб как отдельным гражданам и их семьям, так и целостности государства в целом. В контексте решения проблемных ситуаций при раскрытии преступлений или предотвращении масштабного кризиса акцент на качественную подготовку кадров приобретает первоочередное значение – ведь от этого зависит сохранение жизни и благополучия граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Профессиональная подготовка полицейских: учебник в 4 ч. / Под общей редакцией В. Л. Кубышко. – Москва: ДГСК МВД России, 2020. Профессиональный цикл. Ч. 1. – 536 с.
2. Профессионально-прикладная физическая подготовка: учебное пособие для вузов / С. М. Воронин [и др.]; под редакцией Н. А. Воронова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 140 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/518668>.
3. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Пожимальин [и др.]; ответственный редактор В. Н. Пожимальин. – 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 276 с. – (Профессиональное образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/518180>.
4. Физическая подготовка как основная составляющая физической культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие для вузов / Р. В. Пузыревский [и др.]; под редакцией Р. В. Пузыревского. – 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 276 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/495681>.

АХТАМЬЯНОВ Руслан Ренатович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

МИЛЮТИН Роман Викторович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Воронежский институт МВД России

ПАВЕЛКО Павел Андреевич

преподаватель кафедры огневой подготовки, Воронежский институт МВД России

ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В данной статье авторами было рассмотрено понятие «огневой подготовки», которой занимаются сотрудники органов внутренних дел. В статье исследуются различные проблемы, связанные с огневой подготовкой сотрудников, а также причины, по которым описанные проблемы могли возникнуть. Помимо этого, авторами предлагаются перспективные пути развития огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел, позволяющие повысить эффективность исполнения их служебных задач.

Ключевые слова: огневая подготовка, органы внутренних дел, проблемы, пути совершенствования, огнестрельное оружие.

AKHTAMYANOV Ruslan Renartovich

senior lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MILYUTIN Roman Viktorovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

PAVELKO Pavel Andreevich

lecturer of Fire training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

FIRE TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

In this article, the author considered the concept of fire training, which is carried out by law enforcement officers. The article explores various problems related to the fire training of employees, as well as the reasons why the described problems could arise. In addition, the author suggests promising ways to develop fire training for law enforcement officers, allowing them to improve the efficiency of their official tasks.

Keywords: fire training, law enforcement agencies, problems, ways of improvement, firearms.

Сотрудники органов внутренних дел с каждым днем в своей профессиональной деятельности сталкиваются с многочисленными задачами, которые требуют особого внимания, специальных умений, практических навыков. При этом подобные навыки и умения приобретаются в ходе практических занятий, постоянных тренировок и специальной подготовки, что способно обеспечить их профессионализм и эффективность в процессе службы [1].

Огневая и физическая подготовка – неотъемлемые дисциплины, которые важны для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, поскольку именно умения применять физическую силу, правильно владеть огнестрельным оружием и знать нормативно-правовую основу позволят служить и исполнять поставленные задачи. Так, актуальность темы исследования обуславливается тем, что огневая подготовка играет первостепенную роль при подготовке кадров в органы внутренних дел, а также для повышения качества применения оружия действующих сотрудников.

Однако, на сегодняшний день существуют некоторые проблемы, связанные с огневой подготовкой сотрудников органов внутренних дел, которые хотелось бы рассмотреть более подробно [3].

Во-первых, сотрудники органов внутренних дел территориальных подразделений имеют большую загруженность повседневными задачами, в первую очередь, такими как: обеспечение защиты законных интересов граждан, охрана общественного порядка, патрулирование, расследование преступлений и многими другими. В связи со сложившейся ситуацией, связанной с серьезной нагрузкой сотрудников, не позволяет им полноценно посещать тренировочные стрельбы, однако, помимо этого, зачастую для практических сотрудников составляется график стрельб, но фактически занятия не проводятся, фиктивно существуя документально. Подобная проблема значительно оказывает влияние на профессионализм владения оружием, а также на качество его применения.

Во-вторых, законодательная регламентация применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия на современном этапе развития государства наиболее обширнее, чем была ранее. Например, рассмотрим некоторые юридические акты: Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 года № 3-ФЗ, который содержит исчерпывающий перечень условий, предусматривающих возможность сотрудников полиции применить огнестрельное оружие. Однако, такая проблема, как незащищенность сотрудников

в вопросе законности применения оружия имеет свою актуальность и сегодня.

Так, сотрудники органов внутренних дел в своей практической деятельности, стараются даже при наличии необходимых условий для применения огнестрельного оружия – не применять его. Такое положение в правоохранительных органах в России обуславливается множеством факторов, среди которых:

- применение огнестрельного оружия (даже его извлечение их кобуры) в ходе несения службы сотрудником полиции сопровождается большим объемом отчетной документации (рапорт, отчет применения и другие), что вызывает нежелание сотрудником эти заниматься, поскольку и там большой объем работы необходимо проделывать в ходе исполнения служебных задач;

- в случаях использования огнестрельного оружия правоохранительными органами практически всегда проводится служебная проверка, которая направлена на выявление законности, обоснованности, уместности, своевременности применения оружия, далее за которой следуют возможные отрицательные последствия, что также создает у действующих сотрудников страх за свою дальнейшую службу в органах внутренних дел и карьеру полицейского [2];

- в судебной практике довольно много прецедентов, в которых сотрудники органов внутренних дел были серьезно привлечены к ответственности и (или) вовсе уволены из органов внутренних дел за применения огнестрельного оружия в ходе несения службы. Однако, примеров, в которых сотрудник остался без избрания к нему ограничительных или карательных мер единицы, что свидетельствует о неблагоприятной статистике применения сотрудниками полиции оружия[4].

Решением данной проблемы могут быть следующие пути:

- более детальное изучение случаев применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия;

- внесение изменений в законодательные акты, закрепляющие примерный перечень обстоятельств, в период нахождения которых, сотрудник имеет полное право применить оружие, при этом каких-либо негативных последствий (наказания, увольнения, лишение премии и так далее) не последовало бы.

Таким образом, в заключение данного исследования хотелось бы отметить, что выявленные проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел, наглядно демонстрируют пробелы, как на законодательном уровне, так и на практическом уровне, которые следует своевременно устранять и совершенствовать нормативно-правовую базу в случае использования оружия при исполнении служебных задач. В статье были предложены возможные пути для решения описанных выше проблем при использовании огнестрельного оружия сотрудником полиции.

Пристатейный библиографический список

1. Калинин А. С. Огневая подготовка сотрудников ОВД: научно-практическое пособие. – Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2019. – 258 с.
2. Горецкий И. И., Тюрин О. А. Проблемы огневой подготовки сотрудников ОВД // Научно-практический электронный журнал. Аллея Науки. – 2018. – № 4 (20). – С. 20-22.
3. Маюров Н. П., Бантюков И. Б., Трабо В. Н. Огневая подготовка в органах внутренних дел: проблемы и перспективы развития // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ognevaya-podgotovka-v-organah-vnutrennih-del-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Шарапов А. Ю., Благодатин А. Б., Самаркин В. А. Проблемы огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел, а также пути совершенствования их навыков. – 2017. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ognevaya-podgotovka-v-organah-vnutrennih-del-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 11.01.2024).

БАБИН Александр Владимирович

заместитель начальника кафедры физической подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ФИЛИМОНОВ Родион Николаевич

начальник кафедры физической подготовки и спорта, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ЕГОШИН Дмитрий Иванович

доцент кафедры физической подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНЫЕ ВИДЫ СПОРТА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье представлен комплексный анализ значения и роли развития служебно-прикладных видов спорта в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции. Объяснены причины возникновения и пути становления служебно-прикладных видов спорта в России. Кроме того, авторами непосредственно предприняты попытки детерминации важности существования Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо». Сделаны выводы о необходимости совершенствования физических и психических качеств сотрудников правоохранительных органов, их профессионализма и квалифицированности, позволяющие успешно преодолевать трудности при прохождении служебной деятельности, а также о необходимости развития нравственно-моральных качеств человека, которые детерминируют уровень воспитания сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: спорт, физическая подготовка, служебно-прикладные виды спорта, физическое развитие, профессионализм, сотрудники полиции, курсанты, слушатели.

BABIN Alexander Vladimirovich

Deputy Head of Physical training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FILIMONOV Rodion Nikolaevich

Head of Physical training and sports sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

EGOSHIN Dmitriy Ivanovich

associate professor of Physical training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

SERVICE-APPLIED SPORTS THAT CONTRIBUTE TO THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article presents a comprehensive analysis of the importance and role of the development of service-applied sports in the process of professional training of police officers. The reasons for the emergence and ways of formation of service-applied sports in Russia are explained. In addition, the authors directly attempted to determine the importance of the existence of the All-Russian Physical Culture and Sports Society Dynamo. Conclusions are drawn about the need to improve the physical and mental qualities of law enforcement officers, their professionalism and qualifications, which allow them to successfully overcome difficulties in their professional activities, as well as the need to develop moral and moral qualities of a person, which determine the level of education of law enforcement officers.

Keywords: sports, physical training, service and applied sports, physical development, professionalism, police officers, cadets, trainees.

Процесс глобализация общественных отношений, результатом которого стал стремительный рост преступности в социуме, указывает на необходимость совершенствования спортивной подготовки в профессиональной деятельности человека. Так как в настоящее время служебно-прикладные виды спорта в служебной деятельности сотрудников полиции влияют на скоростно-силовую подготовленность и физические качества.

Физическое воспитание, как и физическое обучение (развитие) прямо пропорционально двигательной активности человека, поэтому в физическом воспитании, как и в развитии, выделяют четыре компонента физических качеств влияющие на общую физическую подготовленность полиции: быстрота, ловкость, сила, выносливость. В служебно-прикладных видах спорта воспитываются все необходимые физические качества, поэтому служебно-прикладные виды спорта являются неотъемлемой частью профессионально-служебной деятельности [1].

Спорт, как краеугольный элемент физической культуры, призван обеспечить нормальное физическое, психическое и нравственное воспитание личности, развить ее физические и волевые качества, профессиональные умения

и навыки. Спорт, как определяющая модель профессионализма сотрудника, ориентирован на рационализацию общей подготовленности личности, способствующей законному, своевременному и эффективному выполнению оперативно-служебных задач, а также выработки таких качеств, которые позволят сохранять высокий уровень работоспособности при смене условий и обстоятельств служебной деятельности.

Физическое развитие сотрудников органов внутренних дел обуславливается специфическими особенностями, ввиду сложности и своеобразности возложенных на них профессиональных обязанностей. На сегодняшний день особой актуальностью в системе профессиональной физической подготовки сотрудников правоохранительных органов служебно-прикладные и военно-прикладные дисциплины: единоборства, легкая атлетика, лыжный спорт и др.

Развитие физических навыков, формирующихся в ходе занятий представленными видами спорта, преследует цель не спортивного совершенствования, а выработку таких навыков, которыми в процессе служебной деятельности сотрудники полиции могут пользоваться для оперативного и законного преодоления задач [2].

Военно-прикладные виды спорта обуславливаются следующими разновидностями: кросс с ориентированием на местности, лыжные гонки со стрельбой, военно-спортивные многоборья и т.д. Характерной особенностью данных видов является то, что проведение соревновательных состязаний непосредственно проводится на специализированных оборудованных местах или же специально подобранных (к примеру, кросс по пересеченной местности в горах/лесах), кроме этого, используются снаряды, оружие, а также участники соревнований проходят испытания в военном обмундировании. Иными словами, такого типа состязания преследуют цель воссоздания реальной обстановки, позволяющей участникам оперативно, быстро и умело ориентироваться в ней.

Весьма актуализированным стал вопрос применения военно-прикладного совершенствования в процессе обеспечения подготовки сотрудников правоохранительных органов после Великой Отечественной войны. Такая необходимость породила включение представленных видов спорта в спартакиады Вооруженный Сил СССР. Сегодня военно-прикладные виды спорта также развиваются, в особенности, в рамках образовательного процесса в силовых ведомственных образовательных учреждениях.

Общий порядок, перечень военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 года № 695 «Об утверждении перечня военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и Федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство развитием этих видов спорта».

Поднимая вопрос о целях, преследующих в процессе развития спортивного совершенствования, важно отметить, что служебно-прикладные виды спорта ориентированы на повышение уровня тренированности, устойчивости организма к решению задач, стоящих на этапе спортивного развития, и преодолению непосредственно сотрудниками полиции возникших чрезвычайных ситуаций во время служебной деятельности [3].

Особый вклад в развитие служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России внесло Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо», образовавшееся 18 апреля 1923 года. Тогда общество ставило перед собой цель создания условий спортивного развития и совершенствования умений и навыков сотрудников органов безопасности и правопорядка.

Сегодня деятельность общества «Динамо» весьма переключилась, теперь она направлена на улучшение спортивных показателей, результатом которых является получение высших наград. Пристальное внимание на данном этапе уделяется подготовки сотрудников правоохранительных органов для участия в спортивных состязаниях в перспективе на федеральном и международном уровне.

К тому же, эффективная работа «Динамо» ориентирована на культивирование служебно-прикладных видов спорта, то есть непосредственно на улучшении подготовленности сотрудников различных ведомственных систем. Ежегодно проводятся Спартакиады МВД России по служебно-прикладным видам спорта, в общий перечень которых включаются следующие разновидности: плавание, лыжные гонки, бокс, рукопашный бой, стрельба из боевого ручного стрелкового оружия, служебно-прикладной спорт (полоса препятствия со стрельбой), служебно-прикладной спорт (троеборье), служебный биатлон, самозащита без оружия и многое другое.

Разумеется, для достижения высоких результатов по представленным видам спорта крайне важно создавать оптимальные условия тренировочного процесса: оборудование мест проведения тренировок, закупка спортивного инвентаря, спортивной экипировки, финансирование спортивных сборов, рационализация образовательного процесса с распределением времени непосредственно для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России [4].

Активное участие сотрудников системы МВД России в Спартакиадах и иных соревнованиях, проходящих между ведомственными структурами, способствует не только физическому, психическому развитию, но и позволяет сформировать у обучающегося определенные морально-нравственные

установки, принципы, качества [5]. Хотелось бы также отметить, что наряду с подготовкой сотрудников правоохранительных структур деятельность «Динамо» ориентирована на развитие детско-юношеского спорта, развитие спортивных достижений у подрастающего поколения, воспитания у них чувство долга, духа патриотизма, а также допризывной подготовки и т.д.

К тому же, курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России ежедневно приходится сталкиваться с трудностями по службе, что, разумеется, требует стойкости, выносливости, работоспособности, что способствует выработки также таких качеств, как дисциплинированность, ответственность.

Результаты проведения соревнований по служебно-прикладным видам спорта указывают на тенденцию роста спортивной конкуренции. Объясняется это тем, что чаще в ряды курсантов и слушателей вступают квалифицированные спортсмены, способные не только успешно осваивают образовательный процесс, но и совмещать его с совершенствованием своих физических качеств, служебно-прикладных умений и навыков.

Грамотно организованный тренировочный процесс, обусловленный плановностью и систематизацией, способствует активному, а главное успешному участию в различных состязаниях по служебно-прикладным видам спорта.

Значимость такой подготовки обуславливается совершенствованием физических и психических качеств сотрудников правоохранительных органов, их профессионализмом и квалифицированностью, позволяющих успешно преодолевать трудности при осуществлении служебной деятельности. Помимо профессионального спортивного становления сотрудника органов внутренних дел служебно-прикладные виды спорта способствуют развитию нравственно-моральных качеств человека, которые детерминируют уровень его воспитания.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что в целом в системе физической подготовки не только в образовательных организациях МВД России, но и в территориальных подразделениях важно обеспечивать возможность спортивного совершенствования служебно-прикладных видов спорта, и применять элементы служебно-прикладных видов спорта в оперативно-служебной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., Мингулов И. Р., Зиннатов Р. Р., Кубеев А. Ж. Методико-практические основы физического обучения и воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России: учебное пособие. - Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 72 с.
2. Алдошин А. В., Баркалов С. Н., Герасимов И. В. Специальная физическая подготовка сотрудников ОВД к выполнению служебно-боевых задач в условиях локальных конфликтов [Электронный ресурс]: монография / Под общ. ред. А. В. Алдошина. - Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2013. - 141 с. (дата обращения: 07.02.2023).
3. Кулиничев А. Н., Клименко Б. А., Воротник А. Н., Лопатин И. И. Служебно-прикладные виды спорта как основа профессионального становления сотрудника ОВД // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. - 2016. - № 1 (27). - С. 71-73.
4. Бабин А. В., Ячменев С. П., Лукьянов А. Б. [и др.]. Актуальные проблемы физического воспитания и спорта в России // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVII Международной научно-практической конференции, 25–26 мая 2023 года. - Уфа, 2023. - С. 66-70.
5. Лукьянов Б. Г. Ориентации населения на здоровый образ жизни: социально-философский анализ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2024. - № 3 (19). - С. 117-124.

БУБНОВА Юлия Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин, Юридический факультет, Владимирский юридический институт ФСИН России, полковник внутренней службы

КАЛЯШИН Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Владимирский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Авторами статьи исследуется исторически сложившаяся общественно-политическая активность женщин, находящихся на государственной службе, а именно в государственных органах на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации, муниципальных должностях и должностях муниципальной службы, а также в правоохранительных структурах различных ведомств. Рассмотрена численность работников, замещавших государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, проведен количественный анализ присутствия женщин во власти. В работе охарактеризованы отдельные причины такого количества женщин, находящихся на государственной службе, выявлены проблемы, с учетом специфики прохождения службы женским персоналом, сформулирован ряд предложений по совершенствованию правового регулирования гендерного равенства государственной службы.

Ключевые слова: равноправие, государственная служба, руководящие должности, женщины-сотрудники, правоохранительные органы, подготовка кадров.

BUBNOVA Yuliya Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, colonel of internal service

KALYASHIN Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty, Vladimir branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF GENDER EQUALITY IN THE CIVIL SERVICE

The authors of the article investigate the historically formed socio-political activity of women in public service, namely in government agencies at the federal level, at the level of subjects of the Russian Federation, municipal positions and positions of municipal service, as well as in law enforcement agencies of various departments. The number of employees who filled state (municipal) positions and positions of the state civil (municipal) service is considered, a quantitative analysis of the presence of women in power is given. The paper describes the individual reasons for such a large number of women in the civil service, identifies problems, taking into account the specifics of service by female personnel, and formulates a number of proposals to improve the legal regulation of gender equality in the civil service.

Keywords: equality, civil service, leadership positions, female employees, law enforcement agencies, personnel training.

Основной принцип гендерного равенства с юридической точки зрения должен заключаться в предоставлении равных прав, обязанностей и возможностей для активного участия в личной жизни, жизни общества и государства, а также закрепление на законодательном уровне запрета дискриминации по половому признаку. Особое внимание всегда уделялось вопросам равного доступа к участию в государственном управлении, в его административно-политической, экономической, социальной сферах. Анализ исторически сложившегося механизма гендерного участия в общественно-политической жизни страны подтверждает, что женщинам всегда отводилась особая роль в этом вопросе и его изучение способствует поиску решения проблем совершенствования государственной политики в отношении участия женщин в общественной деятельности. Возможность вовлечения женщин в общественно-политическую деятельность, укрепления и развития демократического процесса характеризуют способность общества к развитию и преобразованию.

Институт активизации женского участия общественно-политической жизни имеет богатую историю. Вот лишь один интересный пример из истории партийной работы Владимирской губернии 1926 г. «...Активность женщин была разная. Там, где мужчины в большинстве на отхожих промыслах, женщины были более активны, там же где крестьянство в большинстве занято своим хозяйством, женщины менее активны. Наблюдались отдельные случаи враждебного отношения со стороны

мужчин к ответственной работе женщин. Участие женщин по губернии в среднем выразилось в 31,5 %, что на 2,3 % ниже, чем в предыдущем году. Большой процент участия женщин падает на Ковровский уезд (44,5 %). Характерный случай был во Второвской волости, ладимирского уезда, в одном из селений, где активность женщин вылилась в ненормальные формы – в сельсовет не было избрано ни одного мужчины». Из материалов партийной переписи Владимирской губернской партийной организации в 1927 году, численный состав женщин-коммунисток всего составляло 2101 человек, при этом более половины из них, а именно 1321 чел. (62,9 %) были членами Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП (б)), остальные 37,1 % являлись кандидатами. Общее же количество женщин в составе коммунистической партии составляло 16,15 %. По своему социальному составу практически больше половины 1101 человек – это были работницы, что составило 89,8 % из числа рабочих фабрик, заводов и транспорта. Из числа служащих было лишь 181 человек или 46,4 % которые принадлежали к учрежденческому. Наименьшее количество, женщин, имевших принадлежность к партии были женщины из числа крестьян, всего 39 человек. Таким образом, исторический опыт доказывает, что женщины различных слоев населения никогда не оставались в стороне, всегда проявляли интерес и активное участие в общественно-политической жизни страны.

Необходимо отметить, что и на современном этапе развития нашего общества, количество женщин, находящихся

на государственной службе превышает количество мужчин независимо от занимаемых должностей. Так, например, согласно данным Росстата необходимо отметить, что общее количество женщин, находящихся на государственных должностях и должностях гражданской службы составляет 73 % от общего количества служащих, а это значит почти в 2,5 раза больше, чем мужчин. Причем данные показатели соответствуют государственным органам на федеральном уровне (74 %), уровне субъектов Российской Федерации (72 %), а также муниципальным должностям и должностям муниципальной службы (77 %). Что касается федеральных государственных органов и государственных органов субъектов Российской Федерации, то основное количество должностей относится к органам исполнительной власти, а на муниципальном уровне – это, как правило, исполнительно-распорядительные органы, администрации муниципальных образований. При этом, необходимо отметить, что при назначении на руководящие должности гражданской службы приоритет отдается в пользу мужчин. Так, например, анализируя показатели распределения женщин и мужчин по государственным должностям и должностям гражданской службы за 2019 год можно отметить, что количество женщин, занимающих руководящие должности составлял 14,7 %, что на 7,7 % меньше чем мужчин. Данные проблемы были подробно проанализированы Коростылевой Н. Н. [1], Хилобок Ю. В. [6], Швеца Л. Г., Шепелевой Ю. Л. [7] и др., что позволяют предположить о наличии латентной формы женской дискриминации в отношении формирования служебной карьеры. Следствием такого ограничения является отсутствие возможности участия в принятии общественно-политических управленческих решений.

Особое внимание всегда привлекали женщины в погонах. В ходе одного из проводимых совещаний, Министр обороны страны отметил, что общее число женщин, составляет более 40 тысяч человек, а это практически 4 % от общего числа военнослужащих России. Ежегодно растет и процент женщин - сотрудников МВД. По данным представителя прессы МВД в 2023 году этот показатель составил более 30 %. Согласно ранее проведенным исследованиям Поливаевой Н. П. и Филипповой Д. Г. по статистике, за 2002 - 2012 гг. количество женщин в уголовно-исполнительной системе составляло от 52,43 % до 58,7 % [3, с. 28].

Причины такого количества женщин, проходящих службу в правоохранительных структурах различны. С одной стороны, это обусловлено демографической ситуацией и проблемами комплектования кадрами из числа сотрудников мужского пола. Однако, с другой стороны – это можно объяснить спецификой выполняемых функций, так, например, в деятельности органов внутренних дел подразделения следствия и дознания, структурные подразделения по работе с несовершеннолетними, невозможно представить без женщин-сотрудниц. Также необходимо отметить, что такие службы как - медицинские, кадровые, отделы делопроизводства, информационно-аналитического обеспечения, отделы по работе со средствами массовой информации, отделы воспитательной и социальной работы с личным составом, иными словами, структурные подразделения, выполняющие ряд обеспечивающих функций, без которых невозможно себе представить работу учреждения в целом.

Особое внимание необходимо уделять образовательным организациям, которые занимаются подготовкой кадров для дальнейшего прохождения службы в правоохранительных органах. На сегодняшний день, учитывая такие специализации, которые в дальнейшем будут связаны с воспитательной работой с осужденными или работой в уголовно-исполнительных инспекциях, возрастает количество обучающихся курсантов девушек. Среди сотрудников профессорско-преподавательского состава, которые занимаются и подготовкой будущих специалистов и осуществляют работу среди имеющихся сотрудников, в процессе дополнительного профессионального обучения, повышения квалификации и переподготовки кадров также большое количество составляют лица женского пола.

Таким образом, организация профессиональной подготовки и переподготовки кадров правоохранительных ор-

ганов, а именно обучение женщин-сотрудников, должно быть нацелено на реализацию применения специальным программам, с учетом выполнения ими профессиональных функций.

Возможность женщинам находиться на службе в различных правоохранительных структурах требует особого подхода к вопросам правового регулирования порядка прохождения службы, правил ношения форменного обмундирования, внешнего вида, правового статуса сотрудниц, предоставления им социальных льгот и государственных гарантий. Отдельные вопросы уже рассматривались ранее различными авторами, так, например, А. Г. Упоров с соавторами охарактеризовали стереотипы нахождения женщин на службе федеральной службы исполнения наказаний и сформулировали рекомендации по оптимизации в рамках закона деятельность женщин-сотрудников в данной системе [5, с. 189]. В диссертационном исследовании на тему «Служба женщин в органах внутренних дел (правовые и организационные аспекты)» автором было предложено предусматривать при заключении служебного контракта его отдельный вид, руководствуясь гендерным признаком, так называемый контракт для женщин-сотрудников министерства внутренних дел, однако данный проект вызвал оживленную научную дискуссию, в результате высказаны предложения по закреплению некоторых особенностей, которые могут быть внесены в существующий контракт, такие как предоставление такому сотруднику основного, либо дополнительного отпуска в летнее время или в период школьных каникул [2, с. 304].

Таким образом, исторически сложившийся показатель преобладания женщин на всех уровнях управления доказывает тот факт, что объективные, формальные причины дискриминации женских прав в политической и управленческой сферах отсутствуют, что современные мужчины и женщины свободно конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений [4, с. 7]. Однако ряд вопросов, связанных с порядком прохождения лицами женского пола государственной гражданской, военной и службы иных видов требуют дополнительного изучения и детального совершенствования.

Необходимо пересмотреть нормативную правовую базу, регламентирующую порядок прохождения государственной службы с учетом специфики ее прохождения женским персоналом, разработать и внедрить правовые нормы и нормативные правовые акты, которые позволят создать условия для эффективной и скоординированной работы органов государственного управления, в целях повышения качества оказываемых государственных услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Коростылева Н. Н. Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. - 2015. - № 5 (97).
2. Петранцов А. С. Прохождение службы в органах внутренних дел и принцип гендерного равенства // Вестник Воронежского института МВД России. - 2020. - № 1. - С. 304-310.
3. Поливаева Н. П. Филиппова Д. Г. Гендерный фактор в деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы, статистика, динамика // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2015. - № 7. - С. 28-31.
4. Романова В. В. Служба женщин в органах внутренних дел (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2007. - 24 с.
5. Упоров А. Г. Женщины на службе в уголовно-исполнительной системе // "CHRONOS": мультидисциплинарные науки. - 2022. - Т. 6, № 11 (73). - С. 189-193.
6. Хилобок Ю. В. Политические аспекты гендерной статистики государственной службы [Текст] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2017. - № 2. - С. 251-256.
7. Швеца Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития / Монография. - М.: КРЕДО, 2015. - 148 с.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ЛЕВЧЕНКО Александр Александрович

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

ЛЮКОВЕЦ Владимир Петрович

преподаватель цикла кинологии, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЫБОРУ ВЫГОДНОГО МАРШРУТА ДВИЖЕНИЯ ПО МЕСТНОСТИ

Обучение ориентированию на местности играет важную роль в подготовке сотрудников правоохранительных органов. Оно развивает не только навыки быстрой и точной ориентации на местности, но и тактическое мышление, улучшает физическую подготовку, повышает психологическую устойчивость, улучшает командную работу и коммуникацию между сотрудниками, что в дальнейшем способствует эффективному проведению операций, следственных действий или поисковых мероприятий. В данной статье авторы приводят методический материал, направленный на формирование у обучающихся образовательных организаций МВД России навыков определения и выбора выгодного маршрута движения.

Ключевые слова: ориентирование, маршрут движения, сотрудник правоохранительных органов.

HUSEYNOV Amirjan Akhmedovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LEVCHENKO Alexander Alexandrovich

Deputy Head of Tactical and special training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

LYUKOVETS Vladimir Petrovich

lecturer of the cynology cycle, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN CHOOSING AN ADVANTAGEOUS ROUTE THROUGH THE AREA

Orientation training plays an important role in the training of law enforcement officers. It develops not only the skills of fast and accurate orientation on the ground, but also tactical thinking, improves physical fitness, increases psychological stability, improves teamwork and communication between employees, which further contributes to the effective conduct of operations, investigative actions or search activities. In this article, the authors provide methodological material aimed at developing the skills of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in determining and choosing a profitable route.

Keywords: orientation, driving route, law enforcement officer.

Выбор выгодного маршрута движения (исходя из условий местности и степени своей физической и специальной подготовки) является одним из важнейших условий в решении служебных задач. Выбор оптимального маршрута требует в определенной степени творческого подхода. В одном случае целесообразнее пробежать лишних 200–300 м, используя выгодные условия местности, чем пробираться сквозь густые заросли посадок леса и кустарника или преодолевать естественные препятствия, находящиеся на кратчайшем пути. В другом случае приходится отдать предпочтение такому участку маршрута, который неудобен с точки зрения скорости движения, но зато позволяет надежно и точно ориентироваться.

Для обоснованного выбора маршрута на карте необходимо изучить и оценить условия ориентирования и степень влияния местности на скорость передвижения. Изучение условий ориентирования включает определение начертания дорог, просек, линий электропередач, осушительных канав и других линейных ориентиров, идущих в направлении контрольного пункта [1]. Следует также выявлять объекты местности, которые могут быть использованы в качестве ориентиров в местах поворотов и для контроля правильности своего движения. Особенно пристального изучения требует район контрольного пункта.

Погрешность выхода в намеченную точку ориентировщика, не имеющего достаточных навыков в движении по азимуту в лесу, составляет в среднем 5–8 % от длины пути, а в ряде случаев (в спелом лесу с густым подлеском, сплошном кустарнике, при наличии большого количества оврагов, мочажин и других препятствий) может достигать 10–12 %. Сотрудник-ориентировщик должен вначале выйти на привязку, то есть на надежный ориентир, находящийся вблизи контрольного пункта, а уже затем двигаться от него к контрольному пункту.

При выборе привязки нужно руководствоваться следующим. Привязка должна быть легко опознаваемым на местности ориентиром, позволяющим определить точку стояния к контрольному пункту. Желательно, чтобы маршрут, проходящий через привязку, не был намного длиннее кратчайшего пути к контрольному пункту. При прочих равных условиях выгоднее та привязка, которая ближе к контрольному пункту. В отдельных случаях она может быть выбрана и сзади контрольного пункта.

Уверенно выйти на ориентир даже при условии недостаточно точного выдерживания направления легче в том случае, если им является линейный или площадной объект, который пересекает маршрут и имеет характер начертания или детали, позволяющие опознать их на карте.

Подобные ориентиры особенно выгодно использовать в качестве привязки. На пути к такой привязке сотрудник-ориентировщик может значительно реже, чем в других условиях, обращаться к карте и компасу и, следовательно, сэкономить время. Метод страховки используется во всех случаях, когда в качестве ориентира выбирают точку, лежащую на границе относительно небольшого площадного или линейного ориентира и имеется опасность при отклонении от действительного азимута направления движения пройти мимо этого объекта.

Точечные ориентиры в качестве привязки выбирают главным образом в тех случаях, когда они расположены в непосредственной близости от площадного или линейного ориентира (которые помогают быстро отыскивать этот точечный ориентир) или находятся на полянах, вырубках и на других открытых участках местности, когда их можно увидеть за несколько десятков метров до подхода к ним.

В то же время точечные ориентиры играют большую роль для уверенного движения по маршруту, корректирования направления и пройденного расстояния. Так, например, сотрудник, преодолев густой лес и выйдя на поляну, не всегда может с достаточной точностью определить, в каком месте поляны он находится. Но стоит ему встретить курган, яму, скопление камней или другой какой-либо точечный ориентир, который показан на карте, как он быстро и точно определит свое местонахождение. Однако точечные ориентиры менее других надежны в отношении их сохранности. Так, например, на месте отдельного дома, показанного на карте, сохраниться лишь фундамент, заросший бурьяном и кустарником.

На выбор маршрута движения, обеспечивающего уверенную ориентировку, значительное влияние оказывает рельеф местности. Для того чтобы использовать характерные формы рельефа и их детали, иногда приходится выбирать маршрут, идущий по пересеченной местности, несмотря на то, что бежать по ней труднее, чем по равнине [2].

Изучив условия ориентирования и наметив привязку, сотрудник-ориентировщик оценивает степень проходимости местности и ее влияние на скорость движения. В первую очередь при этом должен быть решен вопрос, в какой мере можно воспользоваться имеющимися дорогами и просеками. Основным и наиболее сложным вопросом является определение проходимости леса вне дорог [3]. Это зависит от многих факторов: густоты леса, породы деревьев, наличия подлеска, бурелома, а также характера почвы, произрастающей в лесу травянистой растительности, наличия различных естественных препятствий.

Сотрудник-ориентировщик должен стремиться к тому, чтобы маршрут к контрольному пункту состоял из отдельных коротких отрезков, ограниченных надежными ориентирами. Эти отрезки могут быть более длинными при движении по дорогам, просекам и в непосредственной близости от других линейных объектов, а также при наличии ориентиров, пересекающих маршрут. Всесторонне изучив и выбрав наиболее выгодный в тактическом отношении маршрут для движения, сотрудник начинает осуществлять выход на привязку в целях поиска контрольного пункта.

Таким образом, выбор правильного маршрута движения при выполнении оперативно-служебных задач имеет важное значение, так как позволяет заблаговременно спланировать наиболее безопасные и удобные в тактическом плане маршруты к месту проведения операций, следственных действий или поисковых мероприятий, определить основные

и промежуточные ориентиры, рассчитать протяженность и продолжительность маршрута и спланировать исходные, уравнильные, встречные рубежи, полосы поиска, места высадки и сбора личного состава. Также знание основ топографии помогает сотрудникам заблаговременно определить проблемные участки маршрута и района поиска, например, наличие переправ или бродов на реках, что может потребовать дополнительных временных и материальных затрат на обход препятствия.

Пристатейный библиографический список

1. Вострокнутов А. Л., Супрун В. Н., Шевченко Г. В. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях. Основы топографии: учебник для вузов / Под общей редакцией А. Л. Вострокнутова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 410 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/535937> (дата обращения: 05.01.2025).
2. Семглазов А. Г., Сабанов А. Ю. Спортивное ориентирование в системе специальной подготовки сотрудников полиции // Специальная подготовка сотрудников силовых ведомств в контексте новых угроз безопасности: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 21 марта 2024 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 107-110. – EDN ARZQSU.
3. Фатхиев Д. М. Роль топографической подготовки в МВД России // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 февраля 2023 года / Редколлегия: А. С. Дудко, А. А. Фролов, Д. А. Воронов [и др.]. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. – С. 424-426. – EDN ROQYWM.

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

НАБИЕВ Валерий Валерьевич

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России

ПЛЕШИВЦЕВ Алексей Юрьевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СЛУЖАЩИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КЛЮЧ К ЭФФЕКТИВНОМУ ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ И ПОВЫШЕНИЮ БОЕГОТОВНОСТИ

Статья посвящена значению физической подготовки сотрудников органов внутренних дел как основного аспекта, влияющего на эффективность выполнения служебных обязанностей и повышение боевой готовности. В условиях динамично меняющейся оперативной обстановки, где служебная активность требует быстроты реакции и высокого уровня физической выносливости, поддержание отличной физической формы становится не просто желательным, а жизненно необходимым. В работе анализируются результаты периодических проверок физической подготовки сотрудников, выявляющие тревожные тенденции деградации уровня физической готовности среди личного состава, что оказывает негативное влияние на оперативные задачи, включая преследование правонарушителей и проведение спецопераций. Авторы подчеркивают важность индивидуализированного подхода к тренировкам, учитывающего возрастные и профессиональные особенности служащих.

Ключевые слова: физическая подготовка, сотрудники органов внутренних дел, профессионально-прикладная физическая подготовка, дифференцированный подход.

DAVLETOV Vadim Ildarovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NABIEV Valeriy Valerjevich

senior lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

PLESHIVTSEV Aleksey Yurjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

PHYSICAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: THE KEY TO EFFECTIVE TASK PERFORMANCE AND INCREASED COMBAT READINESS

The article is devoted to the importance of physical training of law enforcement officers as the main aspect influencing the effectiveness of performance of official duties and increasing combat readiness. In a dynamically changing operational environment, where service activity requires quick reactions and a high level of physical endurance, maintaining excellent physical fitness becomes not just desirable, but vital. The paper analyzes the results of periodic physical fitness checks of employees, revealing alarming trends in the degradation of the level of physical fitness among personnel, which has a negative impact on operational tasks, including the prosecution of offenders and the conduct of special operations. The authors emphasize the importance of an individualized approach to training, taking into account the age and professional characteristics of employees.

Keywords: physical training, employees of internal affairs bodies, professionally applied physical training, differentiated approach.

Поддержание на должном уровне физического состояния служащих в органах внутренней безопасности страны играет ключевую роль для осуществления профессиональных обязанностей, включающих преследование нарушителей закона, оперативно-тактическое задержание преступников, спасательные операции и другие экстренные действия. В контексте динамично изменяющейся оперативной среды, где служебная активность возрастает как в интенсивности, так и в сложности принимаемых решений, обеспечение высокой физической формы сотрудников становится не просто желательным атрибутом – это критически важный фактор успеха. В таких условиях поддержание отличной физической подготовки переходит из категории рекомендаций в статус первостепенной необходимости и стратегического приоритета для эффективного функционирования правоохранительной системы.

Примечательно, что анализ текущей ситуации в органах внутренней безопасности выявляет тревожную тенденцию – деградация уровня физического состояния персонала не со-

ответствует современным стандартам и квалификационным нормам для правоохранителей [1]. Многие представители полиции демонстрируют недостаточную адаптацию к требованиям, предъявляемым их профессиональной деятельностью, что напрямую отражается на снижении надежности личного состава в критических ситуациях и ухудшении оперативной работы. В связи с этим назревает острая необходимость глубокого анализа существующих проблем физической подготовки сотрудников ОВД и разработки системных мер по восстановлению, модернизации и оптимизации подготовительных программ, направленных на повышение их боевой готовности и профессиональной компетенции.

Исследование результатов периодических проверок на предмет физической подготовки в структурах внутренней безопасности выявило серьезный дисбаланс: треть сотрудников (30 %) не достигают установленных норм и стандартов, что особенно критично проявляется в сферах скоростно-силовых и силовых дисциплин. Такие пробелы существенно затрудняют выполнение многих оперативных задач – от преследования

правонарушителей до проведения спецопераций, подчеркивая несоответствие текущего уровня физической подготовленности реальным требованиям профессии и снижение боеготовности личного состава органов внутренних дел.

Важно подчеркнуть разнообразие физических возможностей служащих органов внутренних дел, определяемое возрастом персонала, продолжительностью стажа работы и спецификой профессиональной деятельности. Молодые сотрудники обычно демонстрируют лучшие результаты в скорости и координации движений, тогда как ветераны старше 40 лет отличаются более высокой силой и общей физической выносливостью. Для оптимального подхода к физподготовке необходимо учитывать эти различия [2].

Исследование системы физической подготовки в структурах внутренних дел выявило её формализм, где содержание и организация противоречат специфике работ полицейских. Система страдает от недостаточной глубины и несбалансированности методов тренировок; отсутствует персонализация подходов к каждому сотруднику [1]. Кроме того, низкий уровень материально-технического обеспечения негативно сказывается на эффективности подготовки, что не позволяет достичь надлежащей физической боеготовности для выполнения служебных обязанностей в полной мере.

Проводимый анализ ситуации выявляет ключевые аспекты, препятствующие повышению физической готовности сотрудников органов внутренних дел:

1. Расхождение текущей системы тренировок с современными требованиями к профессиональной деятельности полицейских требует радикального пересмотра учебных планов: необходимо сосредоточиться на упражнениях, развивающих качества, напрямую влияющие на служебные задачи.

2. Отсутствие индивидуализации физической подготовки по возрасту, должности и личным особенностям сотрудников требует внедрения персонализированного подхода к планированию занятий с учетом специфических профессиональных обязанностей каждого сотрудника.

3. Сниженная мотивация полицейских в вопросах физической подготовки обусловлена необходимостью разработки и применения системных стимулов, включая разнообразные формы организации тренировочного процесса для повышения вовлеченности личного состава.

4. Недостаточное материально-техническое обеспечение: требуется модернизация инфраструктуры и оснащения специальными спортивными сооружениями и оборудованием, соответствующим специфике служебной деятельности сотрудников. Устранение этих проблем позволит существенно повысить физическую готовность персонала органов внутренней безопасности.

Для оптимизации существующих проблем и увеличения производительности в сфере физической подготовки кадров правоохранительных структур необходимо:

1. Создать и внедрить научную модель оценки уровня физического состояния персонала, включающую специфику служебных обязанностей, возрастные аспекты и индивидуальные особенности каждого сотрудника. Это позволит точно определять текущий статус физической подготовленности и оперативно адаптировать учебный процесс.

2. Реформировать структуру и содержание физических занятий на основе комплексного анализа профессиональной деятельности сотрудников, с акцентом на развитии функциональных качеств, напрямую связанных с выполнением служебных задач для повышения результативности работы.

3. Применить инновационные методы и подходы в организации физической подготовки: внедрение индивидуализированного подхода через разработку персонализированных тренировочных программ, учитывающих уникальные особенности каждого сотрудника.

4. Усилить мотивацию сотрудников к регулярным занятиям физподготовкой посредством модернизации системы поощрений, включения спортивного состязательного элемента и проведения массовых мероприятий с участием личного состава.

5. Обновить материально-техническую базу для физической подготовки в органах внутренних дел: оснащение современными специализированными тренажерами и оборудованием, соответствующим специфике служебной деятельности сотрудников.

Реорганизация системы физического воспитания персонала внутренних дел не только усиливает его функциональную подготовку, но и обеспечивает высокую профпригодность для оперативных миссий [2].

В контексте современного правоохранительного пространства качественная физическая подготовка сотрудников ОВД выступает залогом их профессиональной компетентности. Условия нынешней практики диктуют повышенные требования к уровню физической формы, что подчеркивает необходимость модернизации существующих программ.

Изучение текущей степени физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел выявило ряд критических аспектов: устаревшие методики и программы не соответствуют актуальным стандартам; отсутствует индивидуальный подход к тренировкам, что снижает мотивированность личного состава; недостаточное оснащение материально-техническими ресурсами.

В целях преодоления этих вызовов предложена комплексная стратегия: внедрение системы объективной оценки физической подготовленности, пересмотр и адаптация программ под современные стандарты, интеграция инновационных методов тренировок, а также модернизация материально-технического обеспечения. Реализуя данную стратегию, удастся существенно повысить физическую готовность полицейских и тем самым улучшить общую эффективность их служебной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Барченков В. И., Волков А. В. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел в современных условиях: проблемы и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 124-129.
2. Грачев А. С., Михайлов Д. В. Организация физической подготовки сотрудников полиции с учетом специфики их служебной деятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 2 (192). – С. 66-70.
3. Давыдов О. Б., Плотников А. А. Современные тенденции в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 5 (226). – С. 37-41.
4. Ерёмин А. Ю., Шиянов Н. В. Пути повышения мотивации сотрудников органов внутренних дел к занятиям физической подготовкой // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 154-159.

ЕРЕМЯН Артюш Арменович

аспирант 3-го года обучения, Факультет «Высшая школа государственного аудита», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы изменения сути и специфики осуществления правоохранительной деятельности в современном мире с учетом развития технологий и их внедрения в данную область. Проведен анализ актуальных тенденций развития цифровизации правоохранительной деятельности, в частности, посредством применения технологий искусственного интеллекта и системы больших данных. Особое внимание в статье уделяется проблемам обеспечения безопасности и эффективности правоохранительной деятельности в условиях повсеместного совершения киберпреступлений, а также актуальным мерам противодействия киберпреступности. Исследуются перспективные сферы и направления совершенствования нормативного правового регулирования цифровизации правоохранительной деятельности. Также в статье присутствуют практикоориентированные рекомендации по совершенствованию механизма применения информационных технологий в процессе осуществления правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая среда.

EREMYAN Artyush Armenovich

postgraduate student of the 3rd year of study, Faculty «Higher School of Public Audit», M. V. Lomonosov Moscow State University

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES

The article considers current issues of transformation of law enforcement activities in the context of active development and implementation of information technologies in the Russian Federation. Modern trends of digitalization of the law enforcement system are analyzed, including the use of artificial intelligence, big data and cloud technologies in the activities of law enforcement agencies. Particular attention is paid to the problems of ensuring cybersecurity and combating cybercrime, as well as improving the regulatory framework in the field of application of digital technologies in law enforcement. The prospects for the development of electronic document management, automated information systems and digital platforms for interaction between law enforcement agencies are studied. The article contains practical recommendations for improving the efficiency of law enforcement activities using modern information technologies and may be of interest to specialists in the field of law, information technology and public administration.

Keywords: law enforcement, law enforcement agencies, digitalization, digital transformation, digital environment.

Введение

В современном мире достижения науки и техники, а также различные средства и механизмы технологического развития являются неотъемлемой частью жизни человека и общества в целом. Российская Федерация представляет собой одну из стран, которые активно внедряют современные технологии во все сферы жизни, тем самым оказывая значительное воздействие на развитие и трансформацию всех сфер жизни и отраслей хозяйствования.

Одной из отраслей, которые также оказались затронуты тенденциями цифровизации, является сфера обеспечения правопорядка и охраны безопасности.

Для правоохранительной деятельности процесс цифровизации в целом, и различные информационные технологии в частности, создают новые условия для ее реализации, которые характеризуются специфическими особенностями. Так, с одной стороны, современные технологии позволяют более оперативно и зачастую эффективно реагировать на сообщения о совершении преступлений, на их расследование, на профилактику.

Однако в то же время существует и негативный эффект, который проявляется, в первую очередь, в том, что возникают и развиваются новые виды преступлений, которые характеризуются большей сложностью и изобретательностью, в частности, речь идет о киберпреступлениях,

о нарушениях конфиденциальности персональных данных и т.д. [3].

В связи с этим, необходимо провести комплексный анализ воздействия информационных технологий на правоохранительную деятельность, изучить способы и методы применения тех или иных достижений цифровизации, выделить актуальные проблемы в данной сфере и предложить пути их решения.

Понятие и роль цифровизации

В первую очередь, важно отметить, что цифровизация представляет собой важный и значимый процесс в современном мире, который открывает новые перспективы и направления развития для всех сфер жизни общества в условиях глобализации и стремительного экономического развития.

В ст. 23 Конституции Российской Федерации установлена гарантия охраны и защиты неприкосновенности частной жизни человека, что, несомненно, распространяется также и на цифровое пространство, в котором реализуется значительная часть коммуникации и взаимодействия.

Необходимо отметить, что цифровые технологии зачастую посягают на данное право человека за счет того, что они допускают утечку информации, нарушение тайны переписки, предоставление доступа к личной и семейной тайне третьим лицам без согласия самого лица [1].

При этом, статьей 55 Конституции РФ предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека в том случае, если это необходимо для защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, для обеспечения безопасности государства и в ряде иных случаев, которые прямо предусмотрены действующим законодательством.

Ключевой особенностью подобных ограничений является необходимость защиты не только частных интересов каждого конкретного лица, но и охрана публичных интересов населения в целом. В связи с этим возникает вопрос законности, обоснованности, а также формы ограничения прав человека на сохранность частной жизни от ее раскрытия правоохранительными органами [2].

На практике не редки случаи, когда во имя обеспечения безопасности государства сотрудники правоохранительных органов нарушали право человека на неприкосновенность частной жизни, к примеру, для поиска пропавших лиц, для идентификации нарушителей правопорядка и в других схожих случаях.

Современные технологии позволяют практически непрерывно осуществлять надзор и контроль за деятельностью населения, за происходящими событиями за счет повсеместной фото – и видеотрассировки. Как следствие, для того, чтобы предотвратить применения подобных технологий с корыстными целями или в целом во вред законности и правопорядку, необходимо грамотное, своевременное и четкое закрепление в нормативных – правовых актах гарантий населения при использовании правоохранительными органами средств цифровизации.

Только в таком случае государство сможет обеспечить баланс частных и публичных интересов с учетом применения новейших технологий и в целях защиты прав как отдельно взятого индивида, так и всего населения в целом [7].

Правовое регулирование цифровизации правоохранительной деятельности

В Российской Федерации принята Стратегия - 2017, направленная на повышение эффективности осуществления государственного управления. Одним из направлений такого совершенствования является развитие информационно - коммуникационной инфраструктуры РФ, в частности, посредством улучшения взаимодействия органов безопасности государства.

Для того, чтобы реализация указанной стратегии происходила в соответствии с требованиями действующего законодательства, Президентом РФ был принят Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. в котором было установлено, что повышение эффективности осуществления государственного управления напрямую зависит от внедрения и рационального применения цифровых технологий в экономику и социальную сферу государства.

Указанная стратегия получила значительное развитие в дальнейшем. Так, уже в 2019 года со стороны Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден паспорт национального проекта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Данный головной проект состоял из 6 программ федерального уровня, одной из которых стала программа под названием «Цифровое государственное управление». Указанный федеральный проект подразумевает под собой как

реализацию целей, предусмотренных Указом Президента, так и в качестве основной цели предполагает осуществление перехода на электронное взаимодействие между населением и государством во всех сферах и по всем возникающим вопросам. При этом важно отметить, что подобные современные информационно - коммуникационные технологий представляют собой фактически автоматизацию всех процессов, происходящих в сфере государственного управления, с помощью компьютерных технологий.

Однако автоматизация имеет и свои негативные стороны, которые необходимо заранее предусмотреть, чтобы избежать наступления неблагоприятных последствий. Так, в частности, важно установить объекты контроля со стороны государства в процессе взаимодействия населения и государственных органов. К примеру, требуется определить, насколько четко лицо осознает то, что оно теперь вовлечено в в цифровое пространство, что оно становится частью цифровой коммуникации и что по отношению к нему с настоящего момента могут в той или иной форме применяться различные меры воздействия [4].

Если обратиться к практике Конституционного суда РФ, то ярко прослеживается тенденция, когда более половины всех жалоб, которые поступают от граждан, связаны с тем, что правоохранительные органы проводят оперативно - розыскные мероприятия с применением разнообразных технических средств. У населения в таких случаях возникают сомнения в законности их использования и вопросы относительно их действительной фактической необходимости.

В соответствии с требованиями действующего законодательства РФ, такие конституционные права граждан как тайна переписки и телефонных переговоров, неприкосновенность жилища, тайна почтовых и телеграфных сообщений, могут быть ограничены уполномоченными органами при проведении оперативно - розыскных мероприятий только при наличии судебного решения, позволяющего допускать те или иные ограничения прав и свобод [2].

Как следствие указанной нормы, применять результаты таких оперативно - розыскных мероприятий и использовать полученную по итогам их проведения информацию в качестве доказательств можно только в том случае, когда она получена после вынесения судебного акта, разрешающего подобные влияния и воздействия. Помимо этого, только уполномоченные на проведение таких мероприятий следственные органы, в соответствии с уголовно - процессуальным законодательством, имеют установленное право на получение информации и ее применение в рамках осуществления своих обязанностей.

Вместе с тем, те средства и методы, которые применяют правоохранительные органы при осуществлении оперативно - розыскных мероприятий, должны в полной мере соответствовать требованиям действующего законодательства как относительно их специфики как таковой, так и в вопросах порядка их осуществления, применяемых материалов, используемых техник и т.п. В связи с этим, особое значение приобретает требование прозрачности законодательного регулирования применения информационных технологий в процессе осуществления правоохранительной деятельности, а также реализации механизма судебного контроля, который обеспечивает правомерность вмешательства в частную жизнь граждан [5].

Отдельной сферой применения современных технологий в деятельности прокуратуры выступает обеспечение функционирования баз данных, в которых содержатся све-

дения о человеке. В таких системах, которые ведутся и дополняются с помощью цифровых технологий, находится значительный объем информации о гражданине, ввиду чего закономерно возникает вопрос о законности ведения такого реестра, а также о правомерности ограничений частной жизни лица за счет осуществления некоего надзора над ним.

В практике правоохранительных органов отсутствует единое мнение и какой-либо единообразный подход относительно сбора данных о населении, об обработке информации, позволяющей производить идентификацию личности человека. В некоторых случаях подобные процессы происходят автоматически, в связи с чем фактического нарушения прав и свобод человека не происходит. Так, к примеру, определенная информация о человеке можно получить за счет анализа его повседневных действий, таких как маршрут перемещений, поисковые запросы, история покупок в магазинах. Такая информация, по большей части, имеет либо временную, либо геолокационную привязку, так как напрямую зависит от места и времени осуществления человеком определенных действий [6]. При этом, необходимо четко понимать, что такая информация ограничена и не позволит сформировать общую картину, которая позволит предотвратить все угрозы.

Заключение

Итак, проведя исследование цифровизации правоохранительной деятельности, а также механизмов нормативного правового регулирования данной тенденции, можно сделать следующие выводы.

Актуальная структура законодательства Российской Федерации свидетельствует о том, что в стране активно применяются передовые решения и изобретения, которые распространены в зарубежных государствах, которые известны высоким уровнем развития информационных технологий.

Если же говорить о тех специфических особенностях и ключевых направлениях правового регулирования цифровизации правоохранительной деятельности, то необходимо отметить, что основными тенденциями является сохранение и защита конституционных принципов неприкосновенности частной жизни человека и соблюдения иных конституционных прав и свобод, обеспечивающих защиту человека от незаконных и необоснованных посягательств со стороны третьих лиц.

Однако при этом важно отметить, что законодательное регулирование не всегда в должной мере отражается на уровне исполнения нормативных правовых требований. Так, в частности, зачастую бывают случаи, когда в целях обеспечения и защиты публичных интересов, в частности, для реализации эффективной борьбы с преступностью и предотвращения преступлений, происходит нарушение интересов частных лиц.

Помимо этого, среди ограничений и барьеров, которые возникают на практике, можно отметить необходимость сочетания реализации требований законодательства, в частности, соблюдения государственной и иной охраняемой законом тайны, и практическую защиту прав человека и гражданина.

В таких случаях лицам не остается ничего иного, кроме как обращаться за защитой в уполномоченные органы, которые, при этом, порой не погружаются детально во всех аспекты возникающих ситуаций, в результате чего проблемы остаются нерешенными.

В целях решения существующих проблем правоохранительным органам может оказать значительное содействие цифровизация, как повсеместный процесс, связанный с внедрением в деятельность тех или иных органов информационных технологий. К примеру, применяются технологии искусственного интеллекта, которые позволяют распознавать наличие признаков совершенных преступлений, а также которые активно применяются в рамках осуществления оперативно – розыскных мероприятий.

В связи с этим, необходимо грамотное нормативное правовое регулирование данной сферы, которое позволит предотвратить нарушения и злоупотребления, а также своевременно и эффективно расследовать уже совершенные противоправные деяния.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/
3. Горошко И. В. Цифровизация - современный тренд развития правоохранительных органов // Обозреватель-Observer. 2022. № 2.
4. Кравцов О. И., Белова О. В. Правовая культура: проблемы и аспекты формирования у сотрудников ОВД // Актуальные вопросы современной науки образования: сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 238-241.
5. Мамай Е. А. Цифровые технологии в правоохранительной деятельности: критерии правомерного сочетания публичных и частных интересов // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Т. 10, № 11. С. 87-104.
6. Нягашкина Г. И. Применение цифровых технологий в правоохранительной деятельности // Лучший исследовательский проект 2022: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2022. С. 215-220.
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С.5-17.

КУЗЬМИЧЕВ Юрий Владимирович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ТЕМНЫШОВ Андрей Александрович

кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения, Московский областной филиал, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

КАРПУШКИН Владимир Владимирович

кандидат юридических наук, профессор кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье находит отражение особое значение беспилотных летательных аппаратов в различных сферах деятельности, также затрагиваются вопросы, освещающие положения стратегии дальнейшего развития беспилотной авиации в нашей стране. Обозначаются и основные препятствия для развития отрасли беспилотных воздушных судов, а также роль государства в регулировании определенных процессов, начиная от нормативно-правового регулирования и заканчивая финансированием данной отрасли, а также контролем за реализацией поставленных целей.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, беспилотное воздушное судно, стратегия, инспекция, воздушная съемка, оператор.

KUZMICHEV Yuriy Vladimirovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TEMNYSHOV Andrey Alexandrovich

Ph.D. in technical sciences, Deputy Head of Organization of activities of road safety units sub-faculty, Moscow regional branch, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

KARPUSHKIN Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Fire and tactical special training sub-faculty, Bryansk branch, V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the MIA of Russia

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF UNMANNED AIRCRAFT IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article reflects the special importance of unmanned aerial vehicles in various fields of activity, and also addresses issues that highlight the provisions of the strategy for the further development of unmanned aviation in our country. The main obstacles to the development of the unmanned aircraft industry are also outlined, as well as the role of the state in regulating certain processes, ranging from regulatory regulation to financing of this industry, as well as monitoring the implementation of set goals.

Keywords: unmanned aerial vehicle, unmanned aircraft, strategy, inspection, aerial photography, operator.

В течение шести с половиной лет в России должна появиться новая отрасль экономики, связанная с созданием и использованием гражданских беспилотных летательных аппаратов. Стратегию развития беспилотной авиации до 2030-2035 гг. утвердило 21 июня 2023 года Правительство Российской Федерации [1]. Соответствующее распоряжение подписано премьер-министром Российской Федерации Мишустин и размещено на сайте кабмина.

По словам министра обороны Российской Федерации Андрея Белоусова, параллельно с разработкой стратегии правительство завершает создание нацпроекта по развитию беспилотных авиационных систем. Он станет основным управленческим механизмом реализации принятой стратегии, говорится в сообщении правительства.

В стратегии определены пять ключевых направлений. А именно, это разработка и серийное производство отечественных беспилотных авиационных систем (БАС)¹, включающее создание крупных производственных центров, развитие инфраструктуры (в том числе аэродромов, вертодромов, дронопортов), стимулирование спроса на беспилотные воздушные суда (БВС)² и подготовку кадров для беспилотной авиации.

Согласно приводимым оценкам, объем рынка беспилотников в РФ к 2035 г. может составить более 1 млн БВС.

Наибольший потенциал для их применения – в отраслях сельского хозяйства, в строительном надзоре, создании и обновлении геопространственных баз данных и логистике (доставка грузов в труднодоступные районы).

Стоит отметить, что БВС уже применяются для инспекции состояния энергосетей, а также при экологическом контроле и в картографии, отмечается в сообщении Правительства. Использование БВС позволило сократить сроки проверок сетей в пять раз. А в картографии и кадастре уменьшило стоимость комплексных работ на 20 %.

Дополнительным стимулом для отрасли БАС может стать и развитие цифровых платформ, обеспечивающих интеграцию беспилотников в единое воздушное пространство с пилотируемыми воздушными судами. Такие платформы будут координировать работу заказчиков и исполнителей работ, выполняемых при помощи дронов.

Основными препятствиями для развития отрасли БАС в России могут стать отсутствие проработанной нормативно-правовой базы и избыточные регуляторные запреты, вводимые для обеспечения безопасности.

Помимо указанных областей применения БВС, стоит упомянуть следующие:

– Повышение качества дорожно-транспортных условий благодаря регулярному осмотру дорог.

БВС могут оптимизировать дорожную ситуацию путем регулярных обзоров перекрестков и транспортных узлов для сбора точных данных о плотности движения транспорта

1 Беспилотная авиационная система.

2 Беспилотные воздушные суда.

(информация о среднем темпе передвижения, пропускной способности на определенных участках шоссе, транспортной нагрузке в зависимости от времени дня и так далее).

– Отслеживание пассажирского потока и анализа пешеходных движений:

Периодическое отслеживание движения людей, как пешеходов, так и в транспорте, обеспечивает раннее выявление нестандартных ситуаций. Это включает оперативное реагирование на экстренные случаи – например, внезапную потерю сознания гражданина на улице, что может являться ключевым фактором в спасении жизни.

– При интеграции с современными системами распознавания лиц, БВС становятся незаменимым инструментом для поиска пропавших и разыскиваемых лиц. Их внедрение служит дополнительным барьером против правонарушений: снижая вероятность преступлений за счет усиленного контроля.

– Технические характеристики дронов позволяют осуществлять не только скрытое, но и детальное обследование инфраструктуры без привлечения значительных ресурсов. Это обеспечивает своевременную диагностику повреждений значимых объектов, способствуя их надлежащему обслуживанию.

– БВС идеально подходят для секретной разведки и скрытого наблюдения за объектами с целью обнаружения преступников благодаря своей малозаметности в работе. Минимальные требования к ресурсам запуска и низкий уровень шума делают БВС незаменимым средством для органов внутренних дел при выявлении правонарушений, обеспечивая высокую степень конфиденциальности операций [2].

– Оператор может осуществлять дистанционное управление БВС с использованием специального пульта и программного обеспечения, задавать полетные задания без непосредственного вмешательства человека (автоматически) [3]. На интерактивном экране этого устройства отображается изображение из тепловизионной камеры, позволяющей выявлять цели в условиях плохой видимости: людей, автомобили, а также другие объекты ночью и на больших расстояниях. Автоматизированный режим БВС обеспечивает взлет, полет по заданному маршруту и приземление. Основная роль оператора сводится к точной ориентации камеры для наблюдения за интересующими объектами в реальном времени. При обнаружении целевых объектов (преступников или правонарушителей) БВС способен самостоятельно осуществлять непрерывное слежение, передавая видеоданные и геолокацию до момента прибытия правоохранительных органов. Функция «слежения за целью» в руках полиции становится ключевым инструментом для оперативного реагирования на преступления. БВС обеспечивает сбор детальной информации: от местоположения нарушителя, наличия оружия и даже до присутствия гражданских лиц поблизости, что критически важно при планировании безопасного задержания. Применение таких технологий существенно снижает риски для населения и сотрудников правоохранительных органов в процессе преследования, обеспечивая более эффективное реагирование на инциденты. Аэрофотосъемка с использованием БВС становится неотъемлемой частью стратегии поддержания общественной безопасности в городских условиях.

– Современное состояние здравоохранения характеризуется колоссальным воздействием на предупреждение болезней, увеличение продолжительности и улучшение качества жизни населения. Тем не менее, в отдаленных сельскохозяйственных районах наблюдаются значительные проблемы с обеспечением доступа к качественной медицинской помощи. Так, появляется возможность внедрения дронов для перевозки скорой фармацевтической помощи между клиническими учреждениями.

– Прогноз погоды.

Научные работники используют специализированные формы аппаратного и программного обеспечения, способствующие сбору сведений для изучения климата и более эффективного и достоверного прогнозирования изменения погодных условий. На сегодняшний день наибольшая часть таких сведений аккумулируется с помощью стационарных устройств. Однако дроны дают возможность физически отслеживать изменения погодных условий в режиме реального времени и с большей точностью.

– Эксплуатация горнопромышленного сектора.

В сфере добычи полезных ископаемых актуальность приобретает тщательная и непрерывная инвентаризация залежей руд, пород или минералов. Определение их объемов сопряжено со значительными трудностями из-за сложности геологических условий в карьерах и насыпных объектах. Однако внедрение дронов радикально меняет подход: с воздуха осуществляется детальное сканирование больших территорий, что позволяет проводить точную идентификацию полезных ископаемых. Этот метод не только повышает точность получаемых данных, но и снижает зависимость от традиционной присутственной работы геодезистов.

– Планирование строительных проектов.

Сфера беспилотных технологий активно интегрируется в коммерческое строительство, став ключевым инструментом для планирования и контроля процесса застройки. Современное программное обеспечение позволяет проводить комплексную аналитику этапов строительства на основе систематически собираемых данных с использованием дронов. Хотя наземные методы съемки остаются неотъемлемой частью, роль аэроснимков в строительстве становится всё более значимой от начальной стадии проектирования до финального контроля качества на всех этапах строительства.

– Поиск потерпевших в ЧС, поиск пропавших людей.

Поиск потерпевших в ЧС и пропавших людей – и использование технологии БВС в данном случае является эффективным решением. За короткий промежуток времени БВС, применяя видео и тепловизионный мониторинг, способно осмотреть большую площадь в любое время суток и в случае необходимости максимально приблизиться к нужному объекту. Для поиска потерпевших в природных условиях или условиях, возникших при ЧС, технология БВС считается наиболее перспективной. За счет применения технологии БВС спасательные службы смогут быстрее разыскивать пропавших людей, в том числе в труднодоступных местах.

Исходя из изложенного, очевидно: дроны выступают как надежное средство для выполнения огромного множества всевозможных задач, разнообразных по своей сложности и целям. Важно, что при этом они, помимо прочего, гарантируют безопасность при выполнении специфических задач. При этом необходимо неукоснительно следовать правовым нормам, исключая нарушение личных пространств граждан и норм по защите персональных данных.

В заключение хотелось бы сделать вывод о том, что актуальность использования беспилотных воздушных судов, как в гражданской сфере, так и при выполнении специальных задач, бесспорна. Данные технологии активно внедряются в различные сферы деятельности, однако остается ряд проблемных направлений, по которым еще предстоит большая работа. И как раз-таки, стратегия беспилотной авиации направлена на ее дальнейшее развитие и решение сопутствующих проблемных вопросов. В ней отражены пять основных направлений. А именно, разработка и серийное производство российских беспилотных летательных аппаратов, дальнейшее развитие инфраструктуры, эффективное стимулирование спроса на БАС и подготовку квалифицированных кадров для беспилотной авиации. Правительство РФ же, в свою очередь, должно регулировать эти процессы, начиная от нормативно-правового регулирования и заканчивая финансированием данной отрасли, а также контролем за реализацией поставленных целей.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 года № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации».
2. Ковалев Д. В., Кузьмичев Ю. В. Вопросы применения полицией беспилотных летательных аппаратов // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 73-77. – DOI 10.56539/20733313_2023_6_73. – EDN FWDRNB.
3. Фетисов В. Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние: Справочник. – М.: Фотон, 2014.

МАИСЕЕВ Кирилл Степанович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ЛОБАНОВА Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры физической культуры и спортивно-оздоровительных технологий, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

ОВЕЧКИН Денис Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

ОПТИМИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МВД РФ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В данной статье подробно рассматривается роль физического развития курсантов и слушателей учебных учреждений МВД Российской Федерации в их профессиональной подготовке и успешном выполнении служебных обязанностей. Автор акцентирует внимание на том, что достижения высоких стандартов физической готовности являются неотъемлемой частью эффективного выполнения задач, связанных с пресечением правонарушений, обеспечением общественного порядка и защитой граждан. В ходе анализа действующей системы физической подготовки выявляются ключевые проблемы: устаревшие методы, недостаточная адаптация программ к специфике оперативно-служебной деятельности, а также низкий уровень мотивации обучающихся к систематическим занятиям. Указываются и проблемы, связанные с нехваткой современного оборудования и инфраструктуры, что дополнительно ограничивает возможности для качественного обучения. Статья акцентирует необходимость внедрения системного подхода к модернизации физического воспитания в образовательных учреждениях МВД. Один из ключевых аспектов – адаптация содержания и структуры учебных программ к требованиям, предъявляемым к сотрудникам полиции в условиях современной действительности. Рассматриваются предложения по внедрению дифференцированного подхода, учитывающего индивидуальные особенности курсантов, их психологические и физиологические характеристики, а также специфические требования предстоящей службы. Также подчеркивается важность использования современных технологий и методов обучения, что может повысить уровень вовлеченности курсантов и слушателей в процесс физической подготовки.

Ключевые слова: физическая подготовка, сотрудники полиции, образовательные организации МВД России, формы и методы, совершенствование, профессиональная подготовка.

MAISEEV Kirill Stepanovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LOBANOVA Elena Nikolaevna

senior lecturer of Physical Culture and sports and wellness technologies sub-faculty, Don State Technical University, Rostov-on-Don

OVECHKIN Denis Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

OPTIMIZATION OF PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN CHALLENGES AND SOLUTIONS

This article examines in detail the role of the physical development of cadets and trainees of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in their professional training and successful performance of official duties. The author emphasizes that achieving high standards of physical fitness is an integral part of effective fulfillment of tasks related to the suppression of offenses, ensuring public order and protecting citizens. During the analysis of the current system of physical training, key problems are identified: outdated methods, insufficient adaptation of programs to the specifics of operational and service activities, as well as a low level of motivation for students to engage in systematic activities. The problems associated with the lack of modern equipment and infrastructure are also pointed out, which further limits the opportunities for high-quality education. The article emphasizes the need to introduce a systematic approach to the modernization of physical education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. One of the key aspects is the adaptation of the content and structure of training programs to the requirements imposed on police officers in modern reality. Proposals are being considered to introduce a differentiated approach that takes into account the individual characteristics of cadets, their psychological and physiological characteristics, as well as the specific requirements of the upcoming service. The importance of using modern technologies and teaching methods is also emphasized, which can increase the level of involvement of cadets and trainees in the physical training process.

Keywords: physical training, police officers, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, forms and methods, improvement, professional training.

Физическое развитие курсантов и слушателей учебных учреждений МВД РФ играет ключевую роль в их профессиональном становлении и существенно сказывается на качестве выполняемых сотрудниками внутренних дел операций по пресечению правонарушений, нейтрализации преступности, поддержанию общественной стабильности и защите

граждан. Достижение выдающегося физического состояния является залогом успешного выполнения оперативных задач, требующих высокой динамики и выносливости в процессе поимки правонарушителей, силовых действий против преступников, охраны общественного порядка и обеспечения безопасности населения.

В условиях современности возросшие стандарты физической готовности для сотрудников полиции напрямую связаны с усложняющимися требованиями их профессионального служения. Однако, глубокое изучение и анализ существующей системы подготовки в образовательных структурах МВД России указывает на ряд критических проблем: 1) устаревшие методы и содержание физической подготовки не соответствуют актуальным условиям службы; 2) отсутствие персонализированного подхода, учитывающего индивидуальные особенности курсантов и специфику их будущих должностных обязанностей; 3) низкий уровень мотивации к систематической занятии физической подготовкой среди обучающихся; 4) недостаточное оснащение материалами и оборудованием для эффективного проведения тренировочных процессов.

Важнейшей целью для системы профессиональной подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации является преодоление существующих трудностей, что непосредственно возлагает на неё необходимость системного подхода к модернизации и разработке оптимальных способов физической закалки курсантов и слушателей учебных учреждений. В этом контексте актуальной научно-прикладной задачей выступает совершенствование методик и форм подготовки в данной области, направленное на обеспечение эффективности образовательного процесса.

Изучение опыта организации физического воспитания в образовательных учреждениях МВД РФ выявляет строгое соответствие нормативным стандартам подготовки кадров. В структурированных учебных программах и планах по физподготовке заложены разнообразные виды занятий – теоретические, практические тренировки и контрольные мероприятия, где активно применяются различные методы преподавания: от словесных объяснений до наглядного обучения с использованием практических упражнений.

Однако данная область испытывает ряд значительных препятствий в достижении оптимальной эффективности: существующие программы физического воспитания не всегда адекватно учитывают специфику оперативно-служебной деятельности сотрудников внутренних дел, что приводит к снижению практической направленности подготовки. В частности, занижает качество процессов недостаточное использование дифференцированных и индивидуальных подходов при планировании физической нагрузки – учитываемых особенностей каждого курсанта или слушателя (включая психологические и физиологические характеристики), а также предстоящих функциональных обязанностей.

Помимо этого, низкая мотивация курсантов и слушателей к систематическому участию в занятиях по физподготовке проистекает из устаревших подходов к её организации: преобладания классических форм и методов работы без должного внедрения современных технологий, включая цифровые средства. Недостаточная оснащённость спортивными сооружениями, оборудованием и инфраструктуры учебных заведений дополнительно сдерживает возможности для повышения качества физической подготовки студентов, что негативно сказывается на их вовлечённости в процесс обучения.

Для решения выявленных проблем в системе физподготовки курсантов МВД РФ необходимо реализовать системный подход через:

1. Модернизацию содержания и структуры физических занятий: ключевая задача – адаптация программы к специфике оперативно-служебной деятельности, акцент на прикладные виды (безопасность в условиях экстремальных ситуаций, рукопашный бой, преодоление препятствий). Применение дифференцированного подхода с учетом индивидуальных особенностей и уровня подготовки курсантов.

2. Инновационные методы и технологии: внедрение современной техники (тренажеры, программное обеспечение)

и нетрадиционных методик (интервальные тренировки, игровые формы), что повысит интерес к занятиям и их эффективность.

3. Развитие системы оценки физической подготовленности: создание комплексной системы контроля, включающей не только выполнение нормативов, но анализ техники упражнений и владения профессионально-прикладными навыками для объективной оценки уровня готовности курсантов.

4. Повышение мотивации обучающихся:

– Усиление воспитательной работы с целью формирования осознанного отношения к физической подготовке как ключевого фактора успешности.

– Разнообразие стимулирующих мер (моральных и материальных) для отличившихся курсантов.

5. Улучшение материальной базы: обеспечение образовательных учреждений современным, безопасным и функциональным спортивным оборудованием, инвентарем и тренажерами для реализации обновленных подходов к физической подготовке.

Эти меры направлены на создание условий для повышения качества физподготовки курсантов МВД РФ, их мотивации и профессиональной готовности.

Внедрение предложенных мер по совершенствованию процессов физической подготовки студентов и курсантов в образовательных учреждениях МВД России приведет к существенному улучшению результативности этого направления служебного обучения, что напрямую повлияет на значительно повышение уровня их физической выносливости и готовности для выполнения оперативно-служебных заданий. Решив системные проблемы в области подготовки, удастся заложить прочные основы профессиональных качеств – физических способностей и умений, которые станут фундаментом успешной служебной карьеры выпускников.

Пристатейный библиографический список

1. Белов С. Е., Макаров А. В. Проблемы физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в условиях современного общества // Научный вестник Кубанского государственного аграрного университета. – 2021. – № 2. – С. 45-49.
2. Иванов И. И., Смирнова М. А. Организация физической подготовки служащих полиции в условиях реалий городской среды // Вестник Казанского университета. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 215-220.
3. Кузнецов В. Г., Романов А. П. Перспективы методического обеспечения физической подготовки сотрудников правоохранительных органов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6 (196). – С. 34-38.
4. Жукова Л. П., Тихомиров К. Д. Современные методы физической подготовки в системе МВД России: от теории к практике // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 8. – С. 92-95.
5. Сидоров А. В., Карпов Е. Ю. Модернизация физической подготовки в образовательных учреждениях МВД России: вызовы и решения // Вестник Академии МВД России. – 2021. – № 4. – С. 123-127.

МУЗАФИН Руслан Раянович

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ВЫШТИКАЛЮК Владимир Федорович

доцент кафедры огневой подготовки, Омская академия МВД России

НИКИФОРОВ Павел Васильевич

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

В статье раскрываются методы оптимизации выполнения должностных обязанностей в особых условиях, которые требуют умения мобилизовать свои ресурсы, принимать быстрые и взвешенные решения и демонстрировать высокую степень физической и психоэмоциональной выносливости участковых уполномоченных полиции и сотрудников полиции в целом. Формирование навыков уверенного применения физической силы, специальных средств и табельного оружия, особенности тактической подготовки, а также улучшение уровня общефизической, профессиональной подготовки сотрудников, выполняющих служебные задачи в особых условиях не достаточны без психологической устойчивости человека. Психологическая подготовка является одним из ключевых аспектов подготовки сотрудников к действиям в условиях террористической угрозы в современных реалиях жизни. Решение данных вопросов позволит сотрудникам правоохранительных органов уверенно выполнять поставленные задачи на высоком профессиональном уровне.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, психологическая устойчивость, личностные качества, правоохранительная деятельность, сотрудник полиции, закон, огнестрельное оружие, огневая подготовка, квалифицированный инструктор.

MUZAFIN Ruslan Rayanovich

Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

VYSHTIKALYUK Vladimir Fedorovich

associate professor of Fire training sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

NIKIFOROV Pavel Vasiljevich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty, Barnaul law Institute of the MIA of Russia

PROFESSIONAL TRAINING OF DISTRICT POLICE OFFICERS TO ACT IN SPECIAL CONDITIONS

The article reveals methods for optimizing the performance of official duties in special conditions that require the ability to mobilize their resources, make quick and informed decisions, and demonstrate a high degree of physical and psycho-emotional endurance of district police officers and police officers in general. The formation of skills for the confident use of physical force, special equipment and service weapons, the specifics of tactical training, as well as improving the level of general physical and professional training of employees performing official tasks in special conditions are not sufficient without the psychological stability of a person. Psychological training is one of the key aspects of preparing employees to deal with the terrorist threat in the modern realities of life. Solving these issues will allow law enforcement officers to confidently perform their tasks at a high professional level.

Keywords: law enforcement officer, psychological stability, personal qualities, law enforcement, police officer, law, firearms, fire training, qualified instructor.

Системная подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях террористической угрозы закреплена в нормативных актах Российской Федерации, включая Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции» и приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». В этих документах акцентируется в том числе и необходимость развития у полицейских компетенций для предотвращения, пресечения и ликвидации угроз, связанных с террористической деятельностью [3]. Нормативно-правовая база направлена на создание условий для быстрого реагирования на угрозы, которые могут возникнуть в любой момент, что требует от сотрудников полиции высокой степени профессионализма и готовности к действиям в особых условиях.

Организационные аспекты подготовки сотрудников включают специализированные тренировки, нацеленные на формирование умений ориентироваться в сложных и быстро меняющихся обстоятельствах. Согласно исследованию В. В. Кожанова, профессиональная подготовка сотрудников полиции должна включать тренировки, моделирующие реальную обстановку и позволяющие отрабатывать действия в условиях, приближенных к боевым. Это включает тренировочные упражнения с использованием учебного оружия, а также разбор конкретных сценариев террористических угроз. По мнению исследователей, такая подготовка позволяет развивать уверенность сотрудников в собственных силах и снижать уровень тревожности при выполнении служебных задач в условиях высокого риска.

Одним из ключевых аспектов подготовки сотрудников к действиям в условиях террористической угрозы является психологическая устойчивость.

Задачи психологической подготовки в этом направлении:

1. формирование зрелой, адекватной мотивации оперативно-служебной деятельности, психологической информированности и системы отношения личности к различным аспектам терроризма;
2. повышение уровня профессионально-психологических знаний, умений, навыков;
3. повышение психологической устойчивости к экстремальным стрессовым воздействиям, укрепление уверенности в себе, самообладания, мужества, стойкости, смелости, разумной осмотрительности;
4. формирование навыков психической саморегуляции, снятия эмоционального напряжения, оказания психологической само- и взаимопомощи;
5. актуализация психологической готовности к несению службы в условиях угрозы совершения и реально совершённых террористических актов.

Как отмечает Ю. И. Волков, высокий уровень психологической устойчивости позволяет полицейским сохранять контроль над своими действиями и принимать обоснованные решения даже в ситуациях, сопряжённых с угрозой для жизни. Важно отметить, что для выработки таких качеств необходимо не только систематическое обучение, но и регулярные тренировки, направленные на развитие устойчивости к стрессу и повышенную внимательность [4].

Психологическая подготовка включает такие методы, как ситуационные тренировки, ролевые игры и моделирование ситуаций высокой сложности. Исследование Е. В. Мироновой показывает, что использование симуляций, в ходе которых полицейские сталкиваются с условной террористической угрозой, позволяет вырабатывать у них необходимую стрессоустойчивость и способность к быстрому анализу ситуации. Миронова также подчёркивает, что эффективность данных методов возрастает при их регулярном проведении и сочетании с огневой и тактической подготовкой.

Огневая подготовка сотрудников полиции в условиях возможной террористической угрозы направлена на развитие навыков точной стрельбы, быстрого реагирования и тактического маневрирования.

1. На первом в соответствии с наставлениями формируются базовые навыки владения боевыми приёмами борьбы и табельным огнестрельным оружием.

2. На втором проводятся дополнительные занятия, которые готовят сотрудников к действиям (в том числе с оружием) в ситуациях обездвиживания угрозы напавшими, захватившими объект в населённом пункте при проведении террористического акта.

Некоторые задачи огневой подготовки на втором этапе:

- закрепление и совершенствование навыков применения боевых приёмов борьбы и стрельбы из табельного оружия в условиях воздействия различных сбивающих факторов;

- формирование навыков обеспечения личной безопасности и тактики индивидуальных и групповых действий при обездвиживании преступников, находящихся в здании.

Некоторые упражнения для развития профессионально значимых навыков:

- выполнение боевых приёмов борьбы и упражнений в стрельбе после физических упражнений различной интенсивности;

- отработка действий по применению физической силы и огнестрельного оружия в средствах индивидуальной защиты;

- выбор и принятие положений для проведения силового приёма или для стрельбы, соответствующих обстановке;

- выполнение передвижений различными способами с преследованием и задержанием ассистента боевыми приёмами борьбы, с последующими упражнениями скоростной стрельбы на коротких расстояниях с использованием различных укрытий;

- выполнение технических действий с оружием при передвижениях, снижающих вероятность поражения огнём (например, бег по зигзагообразной траектории с переходами в укрытие) [5].

Также для подготовки рекомендуется использовать специальные полигоны с различным рельефом местности и оборудованные отдельными фрагментами различных объектов, строений. Для формирования умений и навыков можно применять современные технические средства обучения, компьютерные стрелковые тир, мультимедийное сопровождение, учебное, боевое или специальное маркерное оружие.

В исследовании В. А. Климова и его коллег подчёркивается, что регулярные тренировки по огневой подготовке позволяют полицейским не только отрабатывать навыки меткой стрельбы, но и развивать физические и психологические качества, необходимые для быстрого реагирования в случае угрозы [6]. Особое внимание уделяется тренировкам в закрытых пространствах, поскольку действия в условиях городской среды часто сопряжены с ограничениями в движении и необходимостью защиты гражданских лиц [7].

Особенности тактической подготовки сотрудников также включают обучение элементам взаимодействия с коллегами и координации действий в команде. Как отмечает А. С. Лебедев, одной из важных составляющих является проведение совместных тренировок с участием других подразделений, таких как ОМОН или Росгвардия, что позволяет выработать слаженность действий и понимание ответственности каждого члена команды. Такая межведомственная подготовка способствует не только повышению эффективности в боевых условиях, но и созданию психологической устойчивости, поскольку сотрудники чувствуют поддержку коллег.

Несмотря на значительные успехи в сфере подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях, исследователи указывают на несколько ключевых проблем, которые ограничивают эффективность текущей подготовки. Так, Н. П. Зубарев подчёркивает, что основными препятствиями остаются

недостаточное финансирование и устаревшая инфраструктура. Ограниченное количество современных тренажёрных комплексов, соответствующих международным стандартам, приводит к тому, что полицейские зачастую не имеют возможности отрабатывать действия в условиях, максимально приближенных к реальным сценариям террористических угроз и чрезвычайных ситуаций. В таких условиях формируется отрыв между теоретической подготовкой и практическими навыками, которые должны быть отработаны на регулярной основе.

Также значительной проблемой является нехватка кадровых ресурсов и квалифицированных инструкторов, способных обеспечить высокое качество обучения. Многие опытные специалисты покидают службу, что ведёт к дефициту квалифицированного персонала, готового обучать новым методам работы в условиях угрозы террористических актов. Это особенно сказывается на подготовке участковых уполномоченных полиции, которые в первую очередь контактируют с населением и должны уметь распознавать признаки возможных террористических угроз. В текущей системе их подготовка часто ограничивается базовыми тренингами, которые охватывают только фундаментальные навыки, не затрагивая специфические компетенции, необходимые для действий в условиях угрозы.

Кроме того, на уровне межведомственного взаимодействия также имеются трудности. В условиях, когда координация между подразделениями и службами МВД должна быть на высоком уровне, отсутствие должного обмена опытом и тренировки взаимодействия между подразделениями снижают общую эффективность действий полиции. Участковые полицейские, как правило, имеют ограниченный опыт в реагировании на угрозы, требующие быстрой и слаженной работы с другими структурами, такими как подразделения по борьбе с терроризмом и службы экстренного реагирования.

Существуют и организационные барьеры: нормативные документы и учебные программы часто обновляются с запозданием, что не позволяет адекватно отражать современные угрозы и тактику их нейтрализации. В результате учебные программы становятся недостаточно актуальными, что сказывается на профессиональной готовности сотрудников полиции. Согласно исследованиям, низкая частота обновления программ подготовки приводит к тому, что сотрудники нередко не знают о новейших методах профилактики и устранения угроз, что потенциально увеличивает риск неэффективного реагирования на кризисные ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции» // СПС КонсультантПлюс.
2. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Музафин, Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Никифоров П. В. Профессиональные качества сотрудника полиции МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 415-417. – EDN WCZYQQ.
4. Музафин Р. Р., Выштикалюк П. В., Шипов О. В. Управление стрессом при обучении стрельбе // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164). – С. 463-464. – EDN LPLUJC.
5. Муртазин А. И. Вопросы практической подготовки применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 февраля 2024 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2024. – С. 124-127. – EDN BNQGLA.
6. Пестерев Н. Н., Пушкарев М. Е., Музафин Р. Р. Проблема адаптации курсантов и слушателей, обучающихся по профилю участкового уполномоченного полиции, к практическим стрельбам и способы ее решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 412-413. – EDN CLJVC.
7. Выштикалюк В. Ф., Музафин Р. Р., Копылов И. А. Пути совершенствования стрелковой подготовки сотрудников МВД // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4 (191). – С. 416-417. – EDN PCWREE.

НЕЛЮБИН Роман Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

ПОЗДНЯКОВ Иван Васильевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

КОПЫЛОВ Иван Алексеевич

преподаватель кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

ЧАЙЧЕНКО Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Волгоградская академия МВД России

АДАПТАЦИЯ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Статья затрагивает процесс адаптации сотрудника ОВД при реализации профессиональной деятельности в экстремальных условиях. Это явление выступает обязательным процессом в жизни каждого сотрудника, не пройти его невозможно. Наличие экстремальных условий оказывает значительное влияние на сам процесс адаптации, из-за чего обыденный подход уже не имеет эффективности и возникают трудности, в связи с чем изучаемая тема научной статьи считается актуальной и практически значимой. Разрешение имеющихся трудностей позволит повысить результативность деятельности, сохранение жизни и здоровья сотрудников при несении службы в экстремальных условиях.

Ключевые слова: адаптация, сотрудник ОВД, экстремальные условия, морально-психологическая поддержка, барьер, особые условия, наставник, трудовой коллектив, информирование.

NELYUBIN Roman Vladimirovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

POZDNYAKOV Ivan Vasiljevich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

KOPYLOV Ivan Alexeevich

lecturer of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

CHAYCHENKO Dmitriy Vladimirovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

ADAPTATION OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES TO PROFESSIONAL ACTIVITY IN EXTREME CONDITIONS

The article deals with the process of adaptation of an interior Ministry employee in the implementation of professional activities in extreme conditions. This phenomenon is an obligatory process in the life of every employee, it is impossible not to go through it. The presence of extreme conditions has a significant impact on the adaptation process itself, which is why the usual approach is no longer effective and difficulties arise, and therefore the topic of the scientific article is considered relevant and practically significant. The resolution of existing difficulties will improve the effectiveness of activities, saving the lives and health of employees while serving in extreme conditions.

Keywords: adaptation, police officer, extreme conditions, moral and psychological support, barrier, special conditions, mentor, labor collective, informing.

Адаптация представляет собой сложный процесс приспособления организма в условиях внешней среды, а также влияние на неё, чтобы среда приспособилась к организму.

Профессиональная адаптация сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) представляет собой процесс привыкания сотрудника к условиям, режиму, характеру труда в системе ОВД.

Существуют различные виды профессиональной адаптации, из них в основном выделяются следующие:

- психофизиологическая адаптация – представляет собой привыкание сотрудника к условиям и режиму труда;
- социально-психологическая – определяется способностью вливания сотрудника к трудовому коллективу;

– профессиональная адаптация – подразумевает под собой усвоение сотрудником сущности своей деятельности.

Психофизиологическую адаптацию можно рассмотреть на примере с которыми сталкиваются обучающийся и преподаватель в адаптационный период проведения практических занятий по огневой подготовке, следует отметить, что на правильное выполнение стрелковых упражнений влияет не только безупречное знание теоретического материала, но и психологическое состояние стрелка. Во время проведения стрельб курсанты и слушатели должны научиться абстрагироваться от внешних стрессовых факторов, сфокусироваться на выполнении задачи, не отвлекаясь на мысли, способствующие возникновению отвлекающих нервных импульсов.

Необходимо, чтобы преподаватель обладал профессиональными навыками и находил индивидуальный подход к каждому стрелку. Чем выше квалификационный и эмпатический уровни преподавателя, тем быстрее он выявит особенности каждого обучающегося, что приведет к эффективному проведению занятий [1].

Социально-психологическая адаптация сотрудников полиции – это процесс активного приспособления к социальной среде посредством усвоения норм и традиций коллектива, целей и ценностей группы, вхождения в ролевую структуру коллектива. Процесс адаптации к условиям службы в органах внутренних дел подразумевает:

1. Приспособление психологических качеств к постоянно изменяющимся условиям и требованиям окружающей социальной и служебной деятельности сотрудника.

2. Приспособление к требованиям и психофизиологическим возможностям человека.

Профессиональная адаптация сотрудника ОВД проходит поэтапно. В качестве первостепенного этапа необходимо проведение подготовки, т.е. сформировать полноценное представление о выбранной профессии. Второй этап предполагает непосредственную профессиональную адаптацию сотрудника ОВД, а именно: формирование необходимых профессиональных качеств личности, закрепление в трудовом коллективе. Третий этап адаптации сотрудника ОВД предполагает профессиональной саморазвитие, оно происходит в течение пяти лет [2].

Процесс адаптации проходит каждый сотрудник в своей профессиональной деятельности. Это явление выступает обязательным процессом в жизни каждого, не пройти его невозможно, кроме того все к нему готовы и особо серьезных затруднений в процессе адаптации в данном случае не возникает.

И так, определяющей отличительной чертой изучаемого процесса адаптации сотрудников ОВД от обыденного, выступает наличие особых условий.

Под экстремальными условиями принято понимать те условия, которые в значительной степени отличаются от стандартных условий жизни человека и общества, представляющий угрозу жизни, здоровью, развитию и благополучию. К таковым условиям могут относиться: катастрофы природного и техногенного характера, войны, эпидемии. Которые вызывают физические, психологические и социальные напряжения для человека и в обществе [3].

Повышение профессионализма сотрудника ОВД происходит в рамках его адаптации. Социально-психологическая адаптация сотрудника ОВД представляет собой многогранную проблему, приобретающую в настоящее время особую важность в рамках осуществления профессиональных обязанностей сотрудниками ОВД в экстремальных условиях.

Разрешение имеющихся трудностей позволит повысить результативность деятельности, сохранение жизни и здоровья сотрудников.

Деятельность сотрудников ОВД в экстремальных условиях сопровождается наличием стресса, переживаний, угрозы жизни и здоровью, необходимости быстрого принятия решений, усиленная ответственность за жизни коллег и населения.

Особенностью адаптации в экстремальных условиях заключается в наличии перемен в образе жизни (питании, отдыха и сна), повышении физической и эмоциональной нагрузки. В таком случае меняется обмен веществ, поведения, энергетических процессов. Часть сотрудников могут справиться с наступившими переменами, иные не в силах этого сделать.

Для обеспечения успешной адаптации сотрудника в экстремальных условиях особое значение имеет рациональная организация деятельности по поддержанию морально-психологического состояния сотрудников, оптимизации мотивационной составляющей личного состава, реализации личностных качеств.

Сотруднику, приступившему к служебной деятельности, необходимо определить особенности служебного коллектива, включиться в цикл отношений внутри него, проявить свои лучшие личностные качества.

Также важной составляющей успешной адаптации сотрудника в особых условиях выступает объективная оценка результатов его деятельности, т.к. положительная оценка приводит к повышению уверенности в своих силах, также к усилению чувства ответственности.

Использование ряда концепций, именуемых адаптационным менеджментом, в процессе повышении эффективности адаптации сотрудника весьма полезно.

Основными инструментами использования подобных концепций служат:

- наставничество;
- психологическая поддержка;
- информирование об особенностях служебной деятельности полностью.

Наставничество выступает наиболее эффективным инструментом среди прочих. Наставничество подразумевает закрепление за вновь прибывшим сотрудником опытного сотрудника из числа личного состава подразделения. Наставник при необходимости поддерживает сотрудника, оказывает консультацию, способствует личностному и профессиональному росту, посвящает его во все необходимые вопросы.

Наставник закрепляется за сотрудником для наиболее быстрого и эффективного прохождения процесса адаптации. Для успеха в данной деятельности подбираются наиболее подготовленные сотрудники из числа личного состава, обладающие основами психологических знаний, знаниями нормативно-правовой базы и достаточным опытом работы в экстремальных условиях.

Морально-психологическая поддержка, обеспечиваемая руководителями, коллегами, а также специальными подразделениями, остро необходима некоторым сотрудникам, т.к. не все справляются с новыми трудными условиями труда. Из-за возникающих трудностей не все сотрудники способны в достаточной степени контролировать свои эмоции и действия. В особых условиях сотрудник испытывает усиленный стресс из-за сниженной самооценки. Кроме того отрицательно могут влиять также и строгие замечания коллег и руководства.

Обеспечение полноценной информацией об особенностях служебной деятельности в экстремальных условиях выступает необходимой мерой в рамках адаптации сотрудника, т.к. ему необходимо провести объективную

оценку своих возможностей при осуществлении профессиональной деятельности с учетом опыта, знаний и морально-психологической подготовленности. Также сотруднику необходимо иметь представление о критериях оценивания результатов его деятельности, подготовиться к предполагаемым трудностям, целям и задачам. Достаточность информации о профессиональной деятельности способствует организации успешного планирования.

В процессе адаптации сотрудника полиции независимо от должности, звания и подразделения возникают могут встречаться несколько основных барьеров:

1. На первом этапе процесса адаптации возникают дидактический барьер. Данный барьер схож с психологическим. Чаще встречается у вновь поступивших на службу сотрудников, выпускников ведомственных образовательных организаций. Для преодоления дидактическому барьера необходимо уделить особое внимание психологическим консультациям с целью определения адаптационного потенциала сотрудника, выражающийся уровнем мотивации, волевыми показателями.

2. Вторым по распространенности является психологический барьер, который в большей степени связан с трудностями в коммуникации сотрудника. Игнорировать подобные проблемы ни в коем случае нельзя, т.к. способности к общению выступают необходимым инструментом в профессиональной деятельности сотрудника полиции, ведь требуется непосредственный контакт с гражданами.

3. Недостаточный уровень развития психофизиологического здоровья определяется физиологическим барьером. Основным и самым важным методом нейтрализации указанного барьера является укрепление иммунной системы, соблюдение правильного режима питания, занятия спортом, своевременное лечение заболеваний.

4. Смена привычной обстановки, режима и окружения приводят к возникновению социально-психологического барьера. К числу факторов формирования данного барьера можно отнести следующие:

- изменение состава трудового коллектива, руководства, ставших привычными по итогу прохождения многих лет;

- изменение уровня материально-технического обеспечения, планомерно переходящего к изменению условий работы;

- изменение требований к работе.

Успешное разрешение указанных барьеров возможно при планомерном широком анализе личностей сотрудников полиции с целью выявления личного потенциала к адаптации каждого. Далее на основе полученных данных можно выстраивать эффективный процесс адаптации.

В качестве итога по проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что адаптационный процесс вновь прибывшего сотрудника для реализации профессиональной деятельности в экстремальных условиях имеет ключевое значение для достижения целей и задач данной деятельности. Большинство сотрудников испытывают трудности в процессе включения в коллектив и правильной организации своей работы. Для разрешения имеющихся трудностей наиболее эффективной мерой по оптимизации адаптации сотрудника выступает совмещение

существующих инструментов, таких как: наставничество, психологическая поддержка и полноценное информирование.

Пристатейный библиографический список

1. Пестерев Н. Н., Пушкарев М. Е., Музафин Р. Р. Проблема адаптации курсантов и слушателей, обучающихся по профилю участкового уполномоченного полиции, к практическим стрельбам и способы ее решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 412-413. – EDN CLJVBC.
2. Музафин Р. Р., Выштикалюк В. Ф., Никифоров П. В. Профессиональные качества сотрудника полиции МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 415-417. – EDN WCZYQQ.
3. Романов А. А. О некоторых особенностях подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям (выполнению оперативно-служебных задач) в особых условиях // Педагогический диалог: Альманах. Материалы Всероссийского Научно-методического семинара, Москва, 14 февраля 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 130-136. – EDN GIUPOF.

НОВОХАТСКИЙ Богдан Николаевич

преподаватель кафедры специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

МАМАЕВА Анастасия Александровна

инспектор отделения планирования и контроля качества учебного процесса и практики учебного отдела, Воронежский институт МВД России

ШИЛИХИН Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматривается оптимизация оценки функциональной готовности кадров в органах внутренних дел и пути повышения её эффективности. Основным направлением статьи является акцентирование на необходимости создания индивидуальных стандартов физического развития для сотрудников полиции, учитывающих такие критерии как возрастной фактор, стаж работы в органах внутренних дел, особенности выполняемых служебных задач и другие аспекты. Особое внимание уделяется важности адаптации нормативов под специфические требования служебной деятельности. Основные выводы статьи заключаются в необходимости применения системного подхода к оценке развитию и поддержанию высокого уровня функциональной готовности сотрудников органов внутренних дел с учетом их профессиональных особенностей и современных тенденций развития физической культуры. Исследование предлагается использовать для совершенствования нормативной базы по требованиям к физическому состоянию полицейских, а также при создании целевых программ специализированного физического воспитания для служащих правоохранительных органов.

Ключевые слова: органы внутренних дел, физическая подготовка, нормативы, тестирование, совершенствование системы оценки.

NOVOKHATSKY Bogdan Nikolaevich

lecturer of Special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MAMAEVA Anastasiya Alexandrovna

Inspector of the Department of Planning and Quality Control of the Educational Process and Practice, Voronezh Institute of the MIA of Russia

SHILIKHIN Alexander Sergeevich

senior Lecturer of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

PHYSICAL TRAINING AS A BASIS FOR THE EFFECTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article discusses the optimization of the assessment of the functional readiness of personnel in the internal affairs bodies and ways to improve its effectiveness. The main focus of the article is to focus on the need to create individual standards of physical development for police officers, taking into account criteria such as age, work experience in law enforcement agencies, the specifics of their official tasks, and other aspects. Special attention is paid to the importance of adapting standards to the specific requirements of professional activity. The main conclusions of the article are the need to apply a systematic approach to assessing the development and maintenance of a high level of functional readiness of law enforcement officers, taking into account their professional characteristics and current trends in the development of physical culture. The study is proposed to be used to improve the regulatory framework for the requirements for the physical condition of police officers, as well as to create targeted special education programs.

Keywords: internal affairs bodies, physical training, standards, testing, improvement of the assessment system.

Физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов играет ключевую роль в оптимизации качества работы и достижении высокой результативности. В условиях глобализованного мира, где преобладает сидячий образ жизни во многих профессиональных сферах, поддержание отличной физической кондиции становится неотъемлемой составляющей успеха. Систематические занятия спортом не только укрепляют здоровье сотрудников, но и повышают их трудоспособность, уменьшают уровень усталости и способствуют развитию стрессоустойчивости – качеств, критически важных для эффективного выполнения служебных обязанностей.

В силу значимости для профессиональной деятельности силовые компоненты, контроль и усовершенствование уровня физической готовности кадров полиции становятся приоритетными задачами в сегодняшних структурных под-

разделениях. В рамках данного исследования детально изучим современные подходы к оценке физического состояния сотрудников, а также предложим пути для его оптимизации и повышения.

Для комплексной оценки физического состояния сотрудников полиции применяются несколько ключевых подходов:

1. Прямое тестирование: включает выполнение нормативных упражнений, направленных на количественно-качественную оценку силовых характеристик (сила мышц), выносливости, гибкости и координационных способностей с последующим сравнением данных с профессиональными стандартами.

2. Анкетирование: использование специализированных опросников для получения объективной информации о состоянии здоровья сотрудников (включая хронические

заболевания, уровень физической активности и наличие негативных привычек), что позволяет выявлять группы риска и разрабатывать индивидуальные программы коррекции.

3. Медицинское обследование: регулярное глубокое медицинское обследование включает измерение антропометрических показателей (вес, рост), анализ работы сердца и сосудов, дыхательной системы – для всесторонней оценки физического здоровья персонала.

4. Наблюдение на рабочих местах: постоянный мониторинг поведения сотрудников в служебной деятельности позволяет оценивать их динамическую выносливость, координацию движений и общую работоспособность, что критически важно для профессии.

Такие подходы обеспечивают многоуровневую оценку физической подготовленности полицейских, позволяя своевременно идентифицировать проблемы и разрабатывать целевые программы по их устранению.

Совокупное применение данных техник обеспечивает всестороннее изучение степени фитнес-способностей личного состава органов внутренних дел, что дает исчерпывающий обзор их функциональному состоянию.

Основные векторы развития повышения уровня физического состояния сотрудников включают:

1. Внедрение на рабочих местах оздоровительных инициатив: от организаций производственной гимнастики до проведения спортивных турниров, походов и активного отдыха.

2. Развитие корпоративной, спортивно-физкультурной инфраструктуры путем создания спортзалов, бассейнов и тренажеров непосредственно на территории организации для удобства занятий в свободное время.

3. Активная просветительская деятельность: проведение семинаров, лекций, обучающих курсов по здоровому образу жизни, диетическому питанию и профилактике профессиональных заболеваний с целью повышения мотивации к спорту среди персонала.

4. Система стимулирования через материальные (денежное вознаграждение) и нематериальные поощрения (оплата клубных абонементов, предоставление дополнительного отпуска за спортивные достижения), что способствует устойчивому интересу к поддержанию высокого уровня физической формы.

5. Регулярная оценка и мониторинг состояния физического здоровья сотрудников: комплексное тестирование, опросы и медицинские осмотры для объективной оценки результатов внедренных мероприятий с последующим корректированием стратегий развития.

Поддержание отличной физической формы напрямую сказывается на ключевых аспектах профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел:

1) повышение продуктивности труда: систематическое выполнение физических упражнений укрепляет сердечно-сосудистую и дыхательную системы, развивает общую выносливость. Это обеспечивает более качественное выполнение как физической, так и когнитивной работы на протяжении всего рабочего времени;

2) улучшение стрессоустойчивости: занятия спортом способствуют снижению усталости и повышению психологического комфорта сотрудников. В частности, для представителей силовых структур – это критически важно из-за характерного высокого уровня ответственности и эмоционального напряжения;

3) увеличение безопасности труда: физическая готовность становится залогом оперативной реакции на непредвиденные ситуации, требующие мгновенной силы и ловкости. Особенно актуально для профессий с высоким уровнем риска;

4) профилактика хронических заболеваний: систематическая физическая активность снижает вероятность развития долгосрочных недугов, что ведет к уменьшению числа больничных и повышает присутствие сотрудников на рабочих местах;

5) экономические преимущества для организации: вложения в поддержание высокого уровня физической подготовки персонала приносят значительные дивиденды как работникам, так и компании в целом.

Для улучшения текущей ситуации необходимо разработать всестороннюю методику анализа физической формы сотрудников полиции. Инициировать разнообразную спортивную активность, включая корпоративные фитнес-занятия и командные мероприятия. Провести масштабный образовательный проект о значимости здорового образа жизни для сотрудников. Реализовать комплекс мотивационных программ с использованием как материальных стимулов, так и психологических поощрений.

Таким образом, целенаправленная работа в этих направлениях не только повысит физическую подготовку сотрудников полиции, но и существенно улучшит общую эффективность их профессиональной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Антипова Е. В., Кокорин А. В. Особенности физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в современных условиях // Теория и практика физической культуры. - 2021. - № 2. - С. 85-87.
2. Баранов В. В., Романов А. А. Профессионально-прикладная физическая подготовка сотрудников полиции: состояние и перспективы совершенствования // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. - 2021. - № 4 (194). - С. 27-32.
3. Волченков Г. В., Голубев С. А. Оценка физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел и ее влияние на эффективность служебной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - № 1. - С. 120-124.
4. Григорьев О. А., Михайлов А. В. Современные подходы к организации физической подготовки в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2021. - № 3 (91). - С. 179-184.

СОБОЛЕВ Андрей Георгиевич

начальник кафедры огневой подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

ТОРГЕРСЕН Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

АФАНАСКИН Павел Владимирович

преподаватель кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

БУДНИК Никита Станиславович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ К ПРИМЕНЕНИЮ ТАБЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается сотрудник во время выполнения служебных задач. Деятельность сотрудников зачастую обуславливается очень сложными, напряжёнными, чрезвычайными условиями, которые в свою очередь, требуют мгновенного принятия решений. Постоянные служебные задачи, чрезмерные физические и психологические нагрузки. Характерные особенности поведения в различных родах ситуаций, психологическое поведение, совладание с собой и всё это с соблюдением законности, при этом применение огнестрельного табельного оружия влечёт за собой очень серьёзную ответственность. В связи с этим необходимо развитие психологической подготовленности сотрудников, которая будет являться необходимостью для обеспечения эффективности и благополучия в рабочей среде. Она поможет развивать такие качества, как эмоциональная стабильность, коммуникативные навыки и этические принципы, что в последующем положительно скажется на профессиональной деятельности.

Ключевые слова: сотрудники, подготовка, психология, поведение, экстремальные ситуации, эмоциональная нагрузка, трудности, совершенствование, готовность применения оружия.

SOBOLEV Andrey Georgievich

Head of Fire training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

TORGERSEN Alexander Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

AFANASKIN Pavel Vladimirovich

lecturer of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

BUDNIK Nikita Stanislavovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF EMPLOYEES FOR THE USE OF SERVICE WEAPONS

This article discusses the problems an employee faces while performing official tasks. Employees' activities are often conditioned by very complex, stressful, and extraordinary conditions, which, in turn, require instant decision-making. Constant official tasks, excessive physical and psychological stress. The characteristic features of behavior in various situations, psychological behavior, self-control, and all this in compliance with the rule of law, while the use of firearms entails a very serious responsibility. In this regard, it is necessary to develop the psychological preparedness of employees, which will be necessary to ensure efficiency and well-being in the work environment. It will help to develop qualities such as emotional stability, communication skills and ethical principles, which will have a positive impact on professional activity in the future.

Keywords: employees, training, psychology, behavior, extreme situations, emotional stress, difficulties, improvement, readiness to use weapons.

Актуальность данной научной работы выражена именно в том, что деятельность сотрудников зачастую обуславливается очень сложными, напряжёнными, чрезвычайными условиями, которые в свою очередь, требуют мгновенного принятия решений, а также умения в кратчайшие сроки дать оценку ситуации и правомерности использования оружия и специальных средств, именно в такие моменты своя жизнь и жизнь своих товарищей зависит лишь от собственного профессионализма и мастерства [1].

Выполняя служебные задачи, они преодолевают чрезмерные физические и психологические нагрузки, что как раз таки и может охарактеризовать их деятельность, связанную с экстремальными условиями.

Преодоление страха является тем самым навыком, который может быть наработан только в рамках постоянной практической подготовки, включающей в себя физическую, психологическую и иные виды тренировок. Но также стоит

учитывать и эмоциональную подготовку, психологическое состояние сотрудника полиции, которые имеют немаловажное значение.

Экстремальная ситуация сама по себе является неким раздражителем, способным помешать сотруднику действовать собранно и вывести его из благоприятного эмоционально-психологического состояния.

Можно выделить некоторые факторы, способные помешать сотруднику на психологическом уровне, выполнять свои должностные обязанности:

1. Физиологический фактор. Характеризуется тем, что ввиду того, что на службу в правоохранительные органы поступают уже сформированные личности, у которых на физиологическом уровне может быть не заложена функция организма должным образом реагировать на экстремальные ситуации.

2. Психический фактор. Заключается в том, что, к сожалению, у лица, поступающего на службу в органы внутренних

дел ввиду каких-либо детских травм, либо иных случившихся с ним трудных жизненных обстоятельств могут выработаться психические нарушения, которые в обычной, повседневной жизни могут не проявляться, в отличие от возникшей экстремальной ситуации.

3. Психологический фактор. Таковой фактор формируется непосредственно на основе личной работы с сотрудником. Готовность или неготовность сотрудника к трудной, экстремальной ситуации определяется тем, в каком объеме была проведена или не проведена с ним работа.

Использование огнестрельного оружия влечёт за собой огромное количество последствий, в том числе выраженных в тяжёлых нагрузках на эмоциональное состояние сотрудника, которые могут перерасти в депрессивное состояние. Исходя из этого, можно выделить следующие аспекты негативного влияния на состояние сотрудника:

1. Стрессовые ситуации, оставляющие след на психическом здоровье сотрудника, как следствие – травматический опыт.

2. Использование огнестрельного оружия часто становится причиной депрессий и иных психологических заболеваний.

3. Постоянное нахождение в стрессовой ситуации может повлиять на продуктивность действий сотрудника с использованием огнестрельного оружия.

4. В процессе своей деятельности сотрудники ОВД могут столкнуться с чувством вины за свои действия, выполняемые при исполнении своих должностных обязанностей.

Всё это огромное количество факторов влияет на эмоциональное состояние сотрудника. Для преодоления негативного воздействия был разработан ряд приёмов и методик:

1. Проведение регулярных бесед сотрудников с лицами, оказывающими психологическую помощь, с целью разгрузки своего эмоционального состояния.

2. Применение сотрудниками средств саморегуляции, например, таких как дыхательная гимнастика, занятие спортом, медитация.

3. Организация труда в благоприятной обстановке. Этичное взаимоотношение с коллегами, поддержка и взаимовыручка внутри коллектива.

4. Командная работа и сплочённость коллектива также оказывает большое влияние на эмоциональное состояние сотрудника.

5. Также можно отметить такой способ, как организацию внутри подразделений психологических отделений в виде кабинетов психологической помощи и разгрузки, созданных с целью предотвращения и предупреждения стресса у сотрудников, попавших в тяжёлую жизненную ситуацию, и его негативных последствий.

Лица, которые в результате своей служебной деятельности применили служебное оружие, испытывают особое эмоциональное состояние, которое можно назвать сверхстресс. Последствиями данного состояния являются: угнетение, тревожность, чувство вины, собственное отвержение и т.д. Такое состояние может привести сотрудника к эмоциональным срывам, ухудшению взаимоотношений в семье и рабочем коллективе, увольнению, в тяжёлых случаях возможен даже суицид [2].

Повышение эмоциональной устойчивости сотрудника ОВД требует определённого подхода, который должен включать в себя определённую психологическую поддержку, методики по саморегуляции эмоционального состояния, развитие коммуникативных навыков и организацию сплочённого коллектива.

Отдельным методом восстановления благоприятного психологического состояния сотрудника после применения табельного оружия на поражение является психологический дебрифинг. Данный метод помогает снизить уровень полученного стресса после применения огнестрельного оружия, уменьшить эмоциональную напряжённость, как у конкретного сотрудника, так и у группы лиц. Данный метод заключается в коллективном обсуждении ситуации применения оружия. Проводится дебри-

финг строго психологом правоохранительного органа. Целесообразно проводить такое обсуждение по истечении двух суток с момента происшествия. Дебрифинг может быть проведен не единожды, в целях прослеживания процесса восстановления лиц после применения огнестрельного оружия на поражение.

Ещё одним немаловажным методом является отработка своих профессиональных умений и навыков использования огнестрельного оружия в различных условиях: как на улице, так и в помещении, в спокойной обстановке и эмоционально напряжённой.

Большое значение имеет коллектив, который окружает сотрудника в процессе осуществления им своей профессиональной деятельности. Коллективный дух, сплочённость, помощь в трудных жизненных ситуациях, взаимовыручка и поддержка помогают сотруднику работать на благо закона и правопорядка, доблестно осуществлять свою деятельность на достижение общих целей и задач.

В психологии уже к концу XX века сформировалось в целом единое представление о том, что представляют собой экстремальные условия и какова их роль в психической регуляции деятельности. Например, существует следующее мнение: экстремальными ситуациями называются ситуации, которые ставят перед человеком большие объективные и психологические трудности, обязывают его к полному напряжению сил и наилучшему использованию личных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности. А также, например, экстремальная ситуация представляет собой систему внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность и переживаемых им как сложных, трудных, связанных с большим риском.

Оказавшись в экстремальной ситуации, сотрудник полиции должен соблюдать определённые принципы, такие, например, как, сохранение хладнокровия и эмоциональной устойчивости, оценивать ситуацию с профессиональной точки зрения, то есть быстро и точно оценить обстановку, учитывая собственные способности, и самое главное, законность, потому что применение оружия, это очень ответственный момент, в котором малейшая ошибка способна стать роковой.

Поэтому быть сотрудником и служить на благо страны это очень тяжёлый труд, с которым сотрудник встречается буквально каждый раз, когда осуществляет свою деятельность по защите, охране, соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

Итак, мы можем точно определить, что применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел имеет значительные психологические последствия, как для самих сотрудников, так и для окружающих. Необходимо учитывать психологические аспекты применения огнестрельного оружия при разработке тренинговых программ и профилактики психологических расстройств у сотрудников, а также обеспечить им доступ к психологической поддержке и консультированию после инцидентов, связанных с применением огнестрельного оружия.

Таким образом, можно отметить, что развитие психологической подготовленности сотрудников является необходимой для обеспечения эффективности и благополучия в рабочей среде. Она помогает развивать такие качества, как эмоциональная стабильность, коммуникативные навыки и этические принципы, что положительно сказывается на успехе организации.

Пристатейный библиографический список

1. Балабанов В. Ю., Павленко С. В. Общевоинская подготовка. Огневая подготовка из стрелкового оружия: учебное пособие. - Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2022. - 102 с.
2. Рыжов А. В., Коняев В. М., Пожидаев С. В., Горденко Д. В. Основы огневой подготовки: учебное пособие. - 2-е изд. - Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. - 110 с.

ХАКИМОВ Назим Назипович

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

БУРЛИН Сергей Владимирович

преподаватель цикла кинологии, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

КОВГАН Екатерина Юрьевна

преподаватель кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России, капитан полиции

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь, капитан полиции

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ

В данной научной статье исследуется роль коммуникативных навыков сотрудников патрульно-постовой службы в обеспечении общественной безопасности и правопорядка. Авторы отмечают, что сотрудники патрульно-постовой службы постоянно взаимодействуют с людьми из разных слоев общества, включая законопослушных граждан, потенциальных правонарушителей и жертв преступлений. Эффективное общение является решающим фактором для предотвращения конфликтов, получения и обмена информацией, установления доверия и сотрудничества с населением, а также оказания помощи и поддержки гражданам в кризисных ситуациях.

Авторы рассматривают причины возникновения конфликтов при взаимодействии сотрудников патрульно-постовой службы с гражданами и выделяют три блока коммуникативных задач, решаемых в процессе профессионального взаимодействия: задачи по составлению профиля личности собеседника, интерактивные задачи, перцептивные задачи.

В статье подчеркивается важность развития коммуникативных навыков для сотрудников ППС и предлагаются рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба, профессиональное обучение, коммуникативные навыки, эффективное общение, коммуникативная компетентность.

KHAKIMOV Nazim Nazipovich

senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

BURLIN Sergey Vladimirovich

lecturer of the cynology cycle, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia, major of police

KOVGAN Ekaterina Yurjevna

lecturer of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

KLIMOVSKIY Anton Sergeevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, captain of police

THE PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SKILLS AMONG PATROL OFFICERS

This scientific article examines the role of the communication skills of patrol and patrol service personnel in ensuring public safety and law enforcement. The authors note that patrol officers constantly interact with people from different walks of life, including law-abiding citizens, potential offenders, and victims of crime. Effective communication is a crucial factor for conflict prevention, obtaining and exchanging information, establishing trust and cooperation with the public, as well as providing assistance and support to citizens in crisis situations.

The authors consider the causes of conflicts in the interaction of patrol officers with citizens and identify three blocks of communicative tasks that are solved in the process of professional interaction: tasks for profiling the interlocutor's personality, interactive tasks, and perceptual tasks.

The article highlights the importance of developing communication skills for teaching staff and offers recommendations for their improvement.

Keywords: patrol and post service, professional training, communication skills, effective communication, communicative competence.

Сотрудники патрульно-постовой службы играют ключевую роль в обеспечении общественной безопасности и правопорядка. Они находятся на передовой взаимодействия с населением, выполняя широкий спектр задач, от патрулирования улиц до реагирования на вызовы и оказания помощи гражданам. Эффективное исполнение этих обязанностей во многом зависит от коммуникативных навыков сотрудников.

Как справедливо отмечает Е. В. Чернышева, особенность деятельности сотрудников патрульно-постовой службы вы-

ражается в том, что нередко сотрудникам приходится сталкиваться «с ситуациями оскорблений, агрессивного и вызывающего поведения со стороны граждан. В ответ на такое поведение у сотрудников патрульно-постовой службы возникают эмоционально напряженные реакции, которые проявляются в ответной агрессии» [5].

К причинам возникновения конфликтов А. С. Сергиенко относит: «повышенное эмоциональное напряжение со стороны гражданина из-за внимания к нему сотрудника полиции; грубое, пренебрежительное, оскорбительное отношение к сотруд-

никам полиции со стороны граждан; оказание неповиновения сотрудникам полиции, невыполнение их законных требований; эмоциональное включение в ситуацию служебной деятельности посторонних лиц – случайных прохожих, свидетелей и др.» [4].

В повседневной работе сотрудники ППС постоянно взаимодействуют с людьми из разных слоев общества, включая законопослушных граждан, потенциальных правонарушителей и жертв преступлений. Вот почему способность эффективно общаться имеет решающее значение для:

- Предотвращения конфликтов и эскалации ситуаций: эффективное общение позволяет сотрудникам патрульно-постовой службы устранять напряженные ситуации, устанавливать взаимопонимание и находить мирные решения в ситуациях конфликтного взаимодействия.

- Получения и обмена информацией: ясное и эффективное общение необходимо для сбора информации от свидетелей, потерпевших и подозреваемых, а также для передачи этой информации другим сотрудникам и подразделениям.

- Установления доверия и сотрудничества с населением: положительное взаимодействие с населением укрепляет доверие и создает атмосферу сотрудничества, что облегчает профилактику преступности и поддержание общественного порядка.

- Оказания помощи и поддержки гражданам в кризисных ситуациях: сотрудники патрульно-постовой службы довольно часто оказываются первыми на месте происшествия и им необходимо уметь общаться с жертвами преступлений, свидетелями и другими людьми, находящимися в состоянии стресса. Эффективное общение помогает успокоить людей, оказать им необходимую поддержку.

В научной литературе выделяют три блока коммуникативных задач, решаемых в процессе профессионального взаимодействия сотрудника патрульно-постовой службы с гражданами:

1. Задачи, направленные на составление профиля личности собеседника. В процессе реализации данной задачи сотруднику необходимо определить, что за человек перед ним, как он относится к теме предстоящего разговора, к личности собеседника, каково его настроение, что он чувствует, оценить его эмоциональное состояние.

2. Интерактивные задачи, т.е. те, что связаны с особенностями взаимодействия между собеседниками, передачей и получением информации, которые решаются в ходе общения с гражданами в различных ситуациях.

3. Перцептивные задачи, связанные с оказанием психологического воздействия на собеседника [2].

Развитие коммуникативных навыков – это важный аспект личностного и профессионального роста. Умение грамотно и эффективно взаимодействовать с окружающими открывает множество дверей, позволяя наладить доверительные отношения, вести успешные переговоры и разрешать конфликты. Важно, что коммуникация включает не только словесное выражение мыслей, но и невербальные аспекты: жесты, мимику, интонацию.

Эффективное общение требует практики и самоанализа. Осознание собственных эмоций и чувств партнера по общению способствует более глубокому пониманию ситуации. Развитие активного слушания, умение задавать уточняющие вопросы и выражать эмпатию – ключевые навыки, которые помогают строить крепкие отношения.

Существует множество методов и техник, способствующих развитию этих навыков: ролевые игры, тренинги, изучение литературы посвященной психологии общения. Рассмотрим некоторые особенности развития коммуникативных навыков у сотрудников патрульно-постовой службы. Развитие рассматриваемой группы навыков включает в себя формирование следующих умений и качеств:

1. Грамотное построение речевых высказываний. Необходимо доносить мысль до слушателя доступным языком.

2. Умение выстраивать диалог с использованием вербальных и невербальных техник.

3. Навыки профайлинга и предугадывания реакции собеседника на то или иное высказывание.

4. Способность активного слушания и эмоционального отклика на информацию, которую сообщает собеседник.

5. Навыки быстрого реагирования на критическую ситуацию.

Также важно развивать умение вступать в контакт с различными категориями граждан, учитывая при этом особенности собеседника, поддерживать контакт, проявлять уважительное и безэмоциональное отношение к собеседнику.

Следует так же отметить, что, исходя из анализа исследований, посвященных проблемам взаимодействия сотруд-

ников полиции с обществом, развитие коммуникативных навыков целесообразно осуществлять преимущественно у лиц, имеющих стаж службы в органах внутренних дел от трех до семи лет, так как именно в указанной категории чаще всего выявляются признаки нарушения адаптации, раздражительность и склонность к риску [3].

Таким образом, можно сформулировать рекомендации, направленные на развитие коммуникативных навыков сотрудников патрульно-постовой службы. При разработке учебных программ необходимо увеличение часов морально-психологической подготовки, в рамках которых обучающиеся будут получать знания, направленные на развитие навыков коммуникации. В частности, сотрудники патрульно-постовой службы должны обучаться применению методов актуализации у граждан позитивных установок к сотрудничеству, оказанию корректирующего воздействия на поведение граждан, установлению психологического контакта и доверительных взаимоотношений с гражданами, диагностировать неискренность гражданина, предвидеть его агрессивные намерения, исходя из вербальных и невербальных проявлений и др. [1]. Вместе с тем, в процессе освоения учебных программ рекомендуется использовать активные методы обучения, в рамках которых проигрываются и анализируются рабочие ситуации.

Развитие коммуникативных навыков является важнейшим аспектом профессионального совершенствования сотрудников патрульно-постовой службы. Эффективное общение позволяет им более успешно выполнять свои обязанности, обеспечивать безопасность общества и завоевывать доверие населения. Реализуя перечисленные выше стратегии, полицейские службы могут повысить коммуникативную компетентность своих сотрудников и тем самым повысить эффективность правоохранительной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Гайнулина А. В. Проблемы развития коммуникативной компетентности сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentnosti-sotrudnikov-ovd> (дата обращения: 27.01.2025).
2. Полякова Н. А. Адаптационный и коммуникативный потенциал сотрудников патрульно-постовой службы полиции на различных этапах профессиональной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsionnyy-i-kommunikativnyy-potentsial-sotrudnikov-patrolno-postovoy-služby-politsii-na-razlichnyh-etapah-professionalnoy> (дата обращения: 27.01.2025).
3. Полякова Н. А. Структура личностных, адаптационных и коммуникативных особенностей сотрудников патрульно-постовой службы полиции на различных этапах профессиональной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lichnostnyh-adaptatsionnyh-i-kommunikativnyh-osobennostey-sotrudnikov-patrolno-postovoy-služby-politsii-na-razlichnyh-etapah-professionalnoy> (дата обращения: 27.01.2025).
4. Сергиенко А. С. О формировании коммуникативной компетентности в ситуациях общения сотрудников органов внутренних дел с гражданами // E-Scio. – 2020. – № 11 (50). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-situatsiyah-obscheniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-s-grazhdanami> (дата обращения: 27.01.2025).
5. Чернышева Е. В. Стрессоустойчивость сотрудников патрульно-постовой службы полиции в условиях профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – № 2 (93). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-sotrudnikov-patrolno-postovoy-služby-politsii-v-usloviyah-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 27.01.2025).

АМИРХАНИЯ Ваге Гагикович

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

АЛЕКСЕЕВ Артем Михайлович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

АНТОНЕНКО Александр Александрович

старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки, Ростовский юридический институт МВД России

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматривается роль физической подготовки сотрудников полиции в обеспечении их безопасности и эффективности выполнения служебных функций. Основное внимание уделяется различным аспектам физической подготовки, включая силу, выносливость, гибкость и скорость, а также их влияние на психологическую уверенность и устойчивость к стрессу. Автор анализирует взаимосвязь физической подготовки и предотвращения травматизма, а также эффективного использования специальных средств. Статья также описывает важность внедрения специализированных программ физической подготовки, охватывающих общее физическое развитие, тактические тренировки и психологическую подготовку. Рассматриваются подходы к внедрению программы физической подготовки, включая регулярные оценки, поддержку со стороны руководства и обмен опытом между различными правозащитными органами. В заключение подчеркивается необходимость инвестирования ресурсов в физическую подготовку как элемент стратегии повышения безопасности и эффективности работы полиции в условиях современного общества. Статья будет полезна для практикующих сотрудников правоохранительных органов, руководителей и исследователей в области безопасности и физической подготовки.

Ключевые слова: физическая подготовка, сотрудники полиции, безопасность, устойчивость к стрессу, тренировочные программы, психологическая подготовка, безопасность общества.

AMIRKHANYAN Vahe Gagikovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

ALEXEEV Artem Mikhaylovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ANTONENKO Alexander Alexandrovich

senior lecturer of Fire and physical training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

THE ROLE OF PHYSICAL TRAINING IN ENSURING THE SAFETY OF POLICE OFFICERS

The article examines the role of physical training of police officers in ensuring their safety and efficiency in performing official functions. The focus is on various aspects of physical fitness, including strength, endurance, flexibility and speed, as well as their impact on psychological confidence and stress tolerance. The author analyzes the relationship between physical fitness and injury prevention, as well as the effective use of special tools. The article also describes the importance of implementing specialized physical training programs covering general physical development, tactical training and psychological training. Approaches to the implementation of a physical training program are being considered, including regular evaluations, support from management and exchange of experience between various human rights bodies. In conclusion, the need to invest resources in physical training as an element of a strategy to improve the safety and effectiveness of police work in modern society is emphasized. The article will be useful for practicing law enforcement officers, managers and researchers in the field of safety and physical training.

Keywords: physical training, police officers, safety, stress resistance, training programs, psychological training, public safety.

Подготовка в области физического развития является краеугольным камнем в работе полицейских, определяющим как сохранение личной неприкосновенности, так и повышение профессиональной результативности. Деятельность служащих правоохранительных структур характеризуется непрерывными стрессовыми факторами, неожиданными обстоятельствами и непосредственной угрозой жизни каждого сотрудника. В такой напряженной среде физическая подготовка выступает залогом как поддержания здоровья на должном уровне, так и развития специфических компетенций для оперативного преодоления опасных ситуаций. В рамках данного анализа будут освещены центральные моменты физической подготовки полицейских и её неоспоримая роль в обеспечении их личной безопасности.

Физическая подготовка полицейских охватывает комплекс упражнений для формирования ключевых физических аспектов: силового потенциала, выносливости организма, гибкости тела и координации движений. Для данной специфики профессии:

1. Силовая подготовка:
 - формирование мышечной силы становится залогом успешного физического воздействия в критических ситуациях (например, при аресте правонарушителей) и способствует увеличению общего уровня выносливости.
2. Высокая выносливость:
 - необходимость для длительного патрулирования и участия в сложных инцидентах; устойчивость к стрессовым нагрузкам снижает вероятность профессиональных заболеваний, усталости и травматизма.
3. Гибкость и координационные способности:
 - развитие этих качеств минимизирует риск получения повреждений при быстрых манёврах в экстренных обстоятельствах; повышает контроль над телом, что критично для эффективного выполнения служебных обязанностей.
4. Скорость и реакция:
 - быстрота реагирования на угрозы и способность оперативно принимать решения играют решающую роль в экс-

тремальных ситуациях, где каждая доля секунды может быть определяющей для исхода операции.

Для гарантии безопасности полицейских необходима разработка комплексных специализированных программ физической подготовки:

1. Основы общего физического развития:

– стартовая фаза включает занятия по всесторонней гимнастике, систематическую силовую работу (силовые тренировки) и аэробные нагрузки с целью кардио-подготовки.

– эти мероприятия закладывают фундамент для последующей специализации.

2. Тактические упражнения:

– программа включает реалистичные симуляции рабочих ситуаций:

а) Групповую работу, где особое внимание уделяется взаимодействию в командах.

б) Применение специальных техник рукопашного боя и задержания.

– тренировки адаптированы под конкретные сценарии правоохранительной деятельности.

3. Психологическая подготовка:

важной составляющей является психологическое укрепление:

а) Развитие эмоционального интеллекта для адекватной оценки и управления собственными реакциями.

б) Тренировки по стрессоустойчивости, включая методы преодоления страха в экстремальных ситуациях.

– формирование уверенности через осознание собственных возможностей и ресурсов.

Эти компоненты создают сбалансированный подход к физической подготовке полицейских, учитывая специфику их работы. Программы направлены на развитие не только физических качеств, но и психологической устойчивости, что критически важно для выполнения служебных обязанностей в условиях высокого риска.

Физическое совершенствование среди работников правоохранительных органов аналогично тому, как это необходимо военным и спортсменам – в этих сферах ключевыми являются отточенная координация движений, сплочённость коллектива (командный дух) и превосходное физическое состояние сотрудников.

Важно подчеркнуть: в полиции, как и в армии или спорте высшего уровня, наряду с выдающимися физическими данными крайне важны обостренное чувство ответственности, умение оперативно принимать стратегически верные решения и мастерское владение искусством взаимодействия с населением. Таким образом, подход к физической подготовке должен включать в себя не только упражнения на силу и выносливость, но и всестороннее развитие интеллектуальных компетенций.

Физическая подготовка напрямую связана с безопасностью сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей. Давайте рассмотрим несколько аспектов этой связи.

1. Психологическая стабильность: высокий уровень физического развития способствует развитию внутренней уверенности у сотрудников, что крайне важно при выполнении операций под давлением. Офицеры с хорошей группой мышц и держащие в форме тело реже испытывают страх или панику перед опасностью; их спокойствие обеспечивает более обдуманное принятие решений.

2. Стрессоустойчивость: регулярные физические нагрузки служат естественным антидепрессантом и стресс-блокиратором для полицейских, способствуя выработке эндорфинов – «гормонов счастья». Это помогает справляться со специфическим профессиональным давлением, поддерживая психическое здоровье.

3. Протекция от травматизма: систематическая физическая подготовка, включающая работу на гибкость и силу, существенно снижает риск получения травм в служебное время – будь то при непосредственных столкновениях или во время патрулирования. Подготовленный сотрудник обладает большей устойчивостью к неожиданным физическим испытаниям и способен оперативнее реагировать на

возникающие угрозы, минимизируя вероятность повреждений.

Систематическая проверка уровня физического развития для работников правоохранительных органов должна стать неотъемлемой частью их деятельности. Эти процедуры должны охватывать анализ выносливости, силовых показателей и других значимых аспектов физподготовки. Регулярные тесты позволят идентифицировать зоны слабостей в физической подготовке персонала с последующим оптимизацией образовательных программ под индивидуальные запросы каждого сотрудника.

Для руководства правоохранительных структур критически важно активно внедрять и поддерживать программы по укреплению физического состояния, а также пропагандировать здоровый образ жизни. Это предполагает разработку разнообразных спортивных акций, модернизацию инфраструктуры для занятий физкультурой, включая доступ к тренажерным залам и стадионам, а также стимулирование участия в состязаниях через признание достижений и поощрения.

Внедрение физической подготовки как неотъемлемой составляющей ежедневной жизни полицейских приобретает особую значимость. Для ее обеспечения необходимо внедрить систематическую практику проведения тренировочных занятий на всех должностных уровнях, а также разработать и строго придерживаться единой программы физической подготовки. Формирование спортивных объединений внутри ведомства и организация соревнований между подразделениями станут действенным мотиватором для сотрудников к постоянному поддержанию высокой физической формы.

Физическая компетентность занимает центральное место в профессиональной деятельности полицейских, определяя их готовность выполнять служебные задачи на высочайшем уровне. Развитие физических качеств не только укрепляет телохранителей, но и формирует психологическую устойчивость к стрессовым ситуациям, обеспечивая уверенность в собственных силах. Это комплексный подход улучшает общую готовность сотрудников справляться с вызовами профессии, повышая их способности защищать общество эффективно и безопасно.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов А. П. Роль физической подготовки в профессиональной деятельности сотрудников полиции // Журнал права и безопасности. – 2021. – № 18 (2). – С. 45-54.
2. Петров С. В. Физическая подготовка как фактор повышения эффективной работы правоохранительных органов // Российский юридический журнал. – 2021. – № 23 (3). – С. 112-119.
3. Кузнецова Е. А. Влияние физической активности на стрессоустойчивость полицейских // Научный вестник МВД России. – 2022. – № 9 (1). – С. 88-96.
4. Сидоров И. А. Физическая готовность как основа профессиональной подготовки полицейского // Всеобщее правосудие. – 2022. – № 15 (4). – С. 78-85.
5. Смирнова Н. М. Интеграция физической подготовки в программы обучения сотрудников правоохранительных органов // Журнал права и правопорядка. – 2023. – № 14 (1). – С. 39-47.
6. Зайцев Д. Н. Проблемы и решения физической подготовки сотрудников полиции в современных условиях // Правоохранительные исследования. – 2021. – № 10 (6). – С. 134-141.
7. Федоров А. И. Устойчивость к стрессу у сотрудников полиции и её связь с физической подготовкой // Психология и право. – 2023. – № 29 (2). – С. 159-167.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

УЛЬРИХ Сергей Александрович

кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

ЧЕРНЕЙКИН Павел Петрович

преподаватель цикла кинологии, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНЖЕНЕРНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Инженерное обеспечение организуется с целью создания необходимых условий для подразделений правоохранительных органов, позволяющих им своевременно и скрытно передвигаться, разворачиваться и маневрировать для успешного выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях, а также для повышения защиты личного состава и техники от современных средств поражения. В данной статье рассматривается важность учета топографических аспектов при инженерной подготовке сотрудников органов внутренних дел как одной из неотъемлемых составляющих профессиональной подготовки личного состава полиции.

Ключевые слова: инженерная подготовка, топографическая подготовка, сотрудники органов внутренних дел, местность, опорный пункт.

HUSEYNOV Amirjan Akhmedovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ULRICH Sergey Alexandrovich

Ph.D. in technical sciences, Deputy Head of Fire and technical training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

CHERNEYKIN Pavel Petrovich

lecturer of the cynology cycle, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

TOPOGRAPHIC ASPECTS OF ENGINEERING TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Engineering support is organized in order to create the necessary conditions for law enforcement units, allowing them to move, deploy and maneuver in a timely and covert manner to successfully complete operational and service tasks in special conditions, as well as to increase the protection of personnel and equipment from modern weapons. This article examines the importance of taking into account topographic aspects in the engineering training of law enforcement officers as one of the integral components of the professional training of police personnel.

Keywords: engineering training, topographic training, law enforcement officers, locality, stronghold.

Готовность сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях [1] определяется и их способностью инженерного оборудования опорного пункта, который может служить базой для действий подразделения в определенной зоне, обеспечивая как оперативную, так и логистическую поддержку. Так, к примеру, опорный пункт позволяет патрулировать на определенной территории и обеспечивать порядок во время массовых мероприятий, проводить специальные операции по задержанию преступников или ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, в целом оперативно реагировать на конфликты, различные нарушения правопорядка и обеспечивать безопасность как сотрудников, так и граждан.

Эффективность инженерного оборудования зависит от многих факторов, влияющих на результативность выполнения задач. К таковым следует отнести выбор стратегически удобного места, что определяется близостью к местам патрулирования, возможностью наблюдения (например, с помощью видеокамер, дронов) за окружающей территорией, за объектами инфраструктуры (школами, стадионами, транспортными узлами), требующими особого контроля, а также доступностью удобных подъездов и транспортных маршрутов для быстрого прибытия к месту происшествия или эвакуации, возможностью использования различных видов

транспорта. Выбор места зависит и от наличия естественных укрытий или защитных сооружений для повышения безопасности личного состава, от близости к источникам снабжения (продовольствие, медикаменты, топливо), от доступности коммуникаций (водоснабжение, электричество, связь). Иной раз приходится использовать генераторы или другие источники энергии для обеспечения работы оборудования. Следует учитывать и погодные условия (к примеру, продумать систему обогрева для комфортных условий работы в холодное время года), рассчитать защиту от природных угроз. Кроме того, необходимо обратить внимание на социально-культурные особенности местного населения, возможность взаимодействия с другими службами.

В связи с вышесказанным нельзя недооценивать роль изучения топографии сотрудниками полиции [2], [3], что обуславливает возможность ориентироваться на незнакомой местности в любых условиях, учитывать тактические особенности местности, способствующие выполнению поставленных задач или затрудняющие его, правильно оценивать характер и маскирующие свойства местности с точки зрения наиболее вероятных мест укрытия преступников, а также возможных направлений их действий, заблаговременно спланировать маршруты движения к месту проведения специальной операции на транспорте или в пешем поряд-

ке, определить основные и промежуточные ориентиры, рассчитать протяженность и продолжительность маршрута. Знание основ топографии позволяет сотрудникам грамотно составлять основные графические документы. Например, схему места происшествия, план дислокации, план организации постовой и патрульной службы и другие. И, таким образом, топографическая подготовка развивает способности инженерного оборудования.

Знание местности, умение «считывать» ее по картам и схемам имеют большое значение для обеспечения функциональности, безопасности и тактической эффективности опорного пункта. Так, к ключевым топографическим элементам, которые следует учитывать при его организации, относятся: рельеф (горы, холмы, равнины), от которого зависит видимость, укрытие и защита от угрозоносителя; узкие проходы, леса, водоемы, влияющие на выбор оптимального места для расположения; пути подъезда к пункту (дороги, тропы) для обеспечения логистики и возможного быстрого реагирования; альтернативные маршруты для эвакуации в случае необходимости. Для планирования операций и оценки местности используются актуальные карты, с учетом топографических особенностей района анализируются потенциальные угрозы и разрабатываются планы действий в различных ситуациях, включая экстренные случаи.

Инженерное оборудование предполагает грамотное зонирование территории – оптимальное разделение территории на функциональные зоны: командный пункт, склад, медицинский пункт, зона отдыха, укрытия и оборонительные сооружения – с учетом расстояний между ними для минимизации времени перемещения. К тому же предполагается построение блиндажей, окопов с учетом направления возможной угрозы, создание баррикад и других защитных сооружений для защиты от огневого воздействия.

Особенности местности влияют на расположение пунктов наблюдения, а именно на установку наблюдательных постов на высших точках местности для расширения зоны видимости, оперативного контроля за окружающей территорией, а также размещение камер в стратегически важных местах для мониторинга и фиксации обстановки.

С учетом рельефа местности и наличия препятствий организуется проводная и беспроводная связь, обеспечиваются источники энергии с учетом удаленности от основных электросетей, разрабатывается система резервного питания в случае отключения основной сети.

В зависимости от доступности и защищенности и относительно основных маршрутов передвижения формируются различные складские помещения, резервуары для хранения воды.

Обратим внимание на строительство укрытий (блиндажей, окопов) на местности с учетом направления возможной угрозы, что представляет собой важный аспект организации личной безопасности сотрудников. Приведем основные рекомендации по сооружению укрытий в зависимости от местных условий. Вначале по данным разведки следует изучить возможные направления атаки противника, такие как его укрытия, открытые пространства, дороги. Затем необходимо выбрать места на возвышенностях или в низинах, чтобы минимизировать видимость и уязвимость, при этом желательно воспользоваться существующими природными элементами (деревьями, валунами) для дополнительной защиты.

Блиндажи следует строить под углом к вероятному направлению огня, чтобы уменьшить площадь, подверженную обстрелу. Его стены рекомендуется возводить с использо-

ванием земли, песка и других материалов для повышения прочности и защиты. Необходимо создавать вентиляционные отверстия, но размещать их так, чтобы они не были видны из-за укрытий.

Окопы должны иметь изогнутую форму, чтобы минимизировать возможность попадания осколков и пуль. Глубина окопа должна быть достаточной, чтобы обеспечить укрытие, но не слишком глубокой, чтобы не создавать проблем с доступом и эвакуацией. Переднюю стенку окопа обычно применяют для установки защитных экранов (например, мешков с песком). Укрытия следует замаскировать под природные элементы местности, используя растительность или искусственные материалы. С целью подготовки к эвакуации в случае нападения нужно создать несколько выходов из укрытия и разработать маршруты отхода, которые ведут в безопасные зоны.

Выделенные топографические аспекты играют важную роль в эффективной работе опорных пунктов, обеспечивая их готовность к выполнению поставленных задач и организации безопасности личного состава.

Пристатейный библиографический список

1. Романов А. А., Пэстру Е. И. О некоторых проблемах организации и проведения занятий по выработке навыков решения оперативно-служебных задач в особых условиях и пути их решения // Современные подходы к подготовке кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка: вопросы модернизации и совершенствования: Сборник материалов учебно-методического сбора, Уфа, 21-22 февраля 2024 года. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 177-185. – EDN IOSKID.
2. Вострокнутов А. Л., Супрун В. Н., Шевченко Г. В. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях. Основы топографии: учебник для вузов / Под общей редакцией А. Л. Вострокнутова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 410 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13151-2 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/535937> (дата обращения: 05.01.2025).
3. Музафин Р. Р. Военная топография как основа боевой подготовки сотрудника органов внутренних дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – № 2. – С. 573-576. – EDN ZIRAKY.

ЕВЛОЕВ Тамерлан Якубович

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В статье рассматривается текущее состояние внедренных информационно-технологических систем в рамках цифровизации органов прокуратуры. Основной целью исследования является анализ эффективности действующих систем, а также оценка влияния отдельных аспектов на деятельность прокуроров в цифровом пространстве. В статье предлагается интеграция отдельных цифровых платформ для упрощенного документооборота как граждан, так и профильных ведомств в рамках взаимодействия. Отмечается необходимость дальнейшего развития не только цифровых систем органов прокуратуры, но нормативного регулирования цифрового развития органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, цифровизация, Концепция, безопасность, цифровые системы, взаимодействие.

Евлоев Т. Я.

EVLOEV Tamerlan Yakubovich

postgraduate student of Organization of judicial and prosecutorial and investigative activities sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University(MSAL)

CURRENT ISSUES OF DIGITALIZATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

The article examines the current state of the implemented information technology systems within the framework of digitalization of the prosecutor's office. The main objective of the study is to analyze the effectiveness of existing systems, as well as to assess the impact of individual aspects on the activities of prosecutors in the digital space. The article proposes the integration of individual digital platforms for simplified document flow for both citizens and specialized agencies within the framework of interaction. The need for further development of not only digital systems of the prosecutor's office, but also regulatory regulation of the digital development of the prosecutor's office is noted.

Keywords: prosecutor's office, digitalization, Concept, security, digital systems, interaction.

Цифровизация органов прокуратуры является важным шагом на пути к модернизации правоохранительной системы и повышению ее эффективности. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации, прокуратура сталкивается с новыми вызовами и возможностями, которые требуют адаптации и внедрения современных цифровых решений. В данной статье рассмотрим актуальные вопросы, связанные с цифровизацией органов прокуратуры, а также ее влияние на правоприменение и взаимодействие с гражданами и другими ведомствами.

Одним из ключевых аспектов цифровизации является внедрение электронных систем документооборота. Это позволяет значительно сократить время на обработку документов, повысить их доступность и снизить вероятность ошибок. Электронные базы данных, содержащие информацию о делах, могут быть использованы для быстрого поиска и анализа данных, что способствует более эффективному принятию решений. В настоящее время органы прокуратуры Российской Федерации пользуются различными системами документооборота, наиболее перспективной представляется Единая система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), представляющая собой федеральную информационную систему, включающие в себя информационные базы данных различных органов и организаций и доступ к которым обеспечен в асинхронном режиме. То есть, если одному ведомству необходима информация о статистике или другой информации то ведомство может обратиться к этой системе и получить сведения ее интересующиеб минуя при этом ряд бюрократических проволочек в рамках взаи-

модействия между ведомствами. Использование и внедрение этой системы в органы прокуратуры осуществляется на базе приказа Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. когда была утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (далее-Концепция)¹, в рамках этой концепции очень емко описана роль СМЭВ и ее предназначение. Представляется правильным сделать акцент на более углубленное использование данной системы в рамках взаимодействия, а значит кардинально расширить перечень сведений выводимых в СМЭВ. При этом отмечается нестабильность работы системы у некоторых сотрудников и ограниченность сведения.

Цифровизация органов прокуратуры также открывает новые возможности для взаимодействия с гражданами. Создание онлайн-платформ для подачи жалоб и обращений, а также возможность отслеживания статуса дел в режиме реального времени, повышает прозрачность работы прокуратуры и доверие граждан к правоохранительным органам. Однако важно обеспечить защиту данных и предотвратить возможные злоупотребления. На необходимость обеспечения реализации гражданами конституционного права на обращения, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и специального программного обеспечения, обращено внимание и в указании Генерального прокурора Российской Федерации

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651 (дата обращения: 28.01.2025).

от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации». В указании также говорится о необходимости поддерживать на портале ССТУ.РФ в актуальном состоянии информацию о результатах рассмотрения обращений граждан и организаций, а также о принятых мерах.

Нельзя не отметить, что субъектам предпринимательства дана возможность обращения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с использованием интернет-портала «Бизнес-навигатор МСП» и Цифровой платформы для работы с обращениями предпринимателей с жалобами на давление со стороны органов государственного контроля и надзора, правоохранительных органов². Более того, указанные услуги адаптированы для использования и в мобильных устройствах, через портал Госуслуги.

Сейчас также свое развитие цифровые технологии получают и в уголовно-правовой среде. На сегодняшний день ряд информационных систем и сервисов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, других государственных органов, системы информационного обмена правоохранительных органов, информационно-аналитические системы Верховного Суда Российской Федерации служат предпосылкой для создания электронного уголовного дела [2]. Это позволит взаимодействовать в рамках единой среды не только должностным лицам, чья деятельность связана с осуществлением уголовного судопроизводства, но и гражданам и юридическим лицам в соответствии с их процессуальным статусом, и выведет взаимодействие между участниками уголовного судопроизводства на качественно новый уровень.

Если проанализировать работу органов прокуратуры по рассмотрению обращений участников уголовного судопроизводства, то можно смело сделать вывод о том, что большинство жалоб граждан касается вопросов деятельности следственных органов и дознания по рассмотрению сообщений о преступлениях.

Необходимо отметить, что львиная часть жалоб касается вопросов неуведомления или несвоевременного уведомления сотрудниками правоохранительных органов заявителей о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях. Также частой является ситуация, когда в прокуратуру поступает жалоба на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное должностным лицом органа предварительного расследования, которое ранее уже отменено прокурором в ходе осуществления надзора за законностью принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом зачастую граждане, обращающиеся с подобной жалобой и вовсе не уведомлены о процессуальных решениях по его обращению. Складывается такая ситуация, что заявитель иногда не может получить достоверную информацию о ходе рассмотрения его заявления или сообщения по разным причинам, иногда по объективным, таким как отсутствие ответственного лица на рабочем месте по причине большой нагрузки или проверки другого сообщения, все эти факты снижают престиж органов следствия в глазах простых граждан и оценка правоохранительной деятельности разительно снижается. В этой связи представляется правильным обеспечить интеграция отдельных информационных сервисов с целью предоставления гражданину возможности получить

информацию по его сообщению. Так правильным было бы интегрировать ГАС РС (государственная автоматизированная система правовой статистики) в сервис Госуслуги, так как ГАС РС содержит сведения по сообщениям о преступлениях, поступивших во все правоохранительные органы и в них рассмотренные, что позволит гражданину получить интересующую его информацию даже в случае направления сообщения о преступлении по территориальности или подведомственности. Интеграция сервисов ГАС РС в портал Госуслуг может значительно упростить процедуру уведомления гражданина о деятельности органов предварительного расследования по рассмотрению его сообщения о преступлении.

Наиболее перспективным направлением цифровизации деятельности органов прокуратуры, по нашему мнению, выступает разработка и внедрение программ на базе искусственного интеллекта, которые на основе выявленных, в том числе программными способами, нарушений процессуальных сроков по уголовным делам и материалам проверок, а также сверок различных баз данных будут выдавать готовые проекты актов прокурорского реагирования.

Цифровизация органов прокуратуры — это не просто тренд, а необходимость, продиктованная временем. Она открывает новые горизонты для повышения эффективности работы правоохранительных органов, улучшения взаимодействия с гражданами и обеспечения правопорядка. Однако для успешной реализации цифровых инициатив необходимо учитывать как технические, так и этические аспекты, а также активно работать над подготовкой кадров и обеспечением безопасности данных. В конечном итоге, успешная цифровизация прокуратуры может стать важным шагом к созданию более справедливой и эффективной правовой системы. При этом следует учитывать особенности уже имеющихся в распоряжении прокуратуры программных продуктов и цифровых технологий. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия прокуратуры с гражданами при помощи цифровых технологий. Гражданам и юридическим лицам предоставлены широкие возможности по использованию цифровых технологий при взаимодействии с органами прокуратуры. Этот процесс приносит позитивные результаты в сфере обеспечения прав граждан. Конечно, остается еще немало проблем, в том числе во взаимосвязях с поднадзорными правоохранительными органами. Нельзя не упомянуть, что Концепция трансформации органов прокуратуры предусмотрена до 2025 года, а значит на данный момент это в определенной степени рубежный год, поэтому особенно интересным представляется будущее нормативное регулирование и внедрение цифровых продуктов в деятельность органов прокуратуры.

Пристатейный библиографический список

1. Барчуков В. К. Информационное обеспечение, искусственный интеллект, правоохранительная деятельность / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. С. В. Расторопова. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. — 272 с.
2. Капинус О. С. Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2018. — № (66).
3. Степанова М. В. Роль больших данных в прокурорском надзоре // Журнал цифровой юстиции. — 2023. — № 5. — С. 40-55.

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.09.2019 № 665 «Об утверждении Регламента рассмотрения обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов, поступающих посредством цифровой платформы для приема таких обращений».

ЖУКОВ Азамат Заурбекович

кандидат технических наук

БИТОВ Алим Асланович

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Внедрение цифрового рубля в Российской Федерации имеет особую актуальность, так как цифровизация экономики требует использования новой формы денежных средств и в других странах создаются цифровые национальные валюты. Внедрение цифровой валюты – это фактор, который способен обеспечить конкурентоспособность экономики России, так как снизятся транзакционные издержки. Цифровой рубль в сравнении с традиционными наличными и безналичными денежными средствами обладает рядом дополнительных преимуществ, которые в значительной степени повышают его привлекательность как средства платежа. Со стороны граждан и коммерческих структур растет потребность в повышении скорости, безопасности и удобства осуществления операций с денежными средствами. Банк России реализует проекты, которые способствуют развитию цифровой экономики, в числе которых и внедрение цифрового рубля. Внедрение новой формы денег является процессом сложным и многоэтапным. Этот процесс требует разработки нормативно-правовой и технической основ выпуска, обращения цифрового рубля. Необходимо внесение определенных изменений в действующие нормативно-правовые акты и разработка новых положений, которые регламентируют именно обращение цифрового рубля. Одним из наиболее актуальных вопросов обращения цифрового рубля является обеспечение информационной безопасности цифрового рубля, что повысит уровень доверия к новой форме денежных средств.

Ключевые слова: цифровой рубль, информационная безопасность, платформа, кредитные организации, криптография, электронные кошельки, регулирование, цифровой код, программный модуль, приложение.

ZHUKOV Azamat Zaurbekovich

Ph.D. in technical sciences

BITOV Alim Aslanovich

lecturer of Activities of the internal affairs directorate in special conditions sub-faculty, North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia

Жуков А. З.

Битов А. А.

REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE DIGITAL RUBLE

The introduction of the digital ruble in the Russian Federation is of particular relevance, since the digitalization of the economy requires the use of a new form of money and digital national currencies are being created in other countries. The introduction of digital currency is a factor that can ensure the competitiveness of the Russian economy, as transaction costs will decrease. The digital ruble, in comparison with traditional cash and non-cash money, has a number of additional advantages that significantly increase its attractiveness as a means of payment. There is a growing need on the part of citizens and commercial structures to increase the speed, security and convenience of transactions with funds. The Bank of Russia is implementing projects that contribute to the development of the digital economy, including the introduction of the digital ruble. The introduction of a new form of money is a complex and multi-stage process. This process requires the development of a regulatory and technical basis for the issue and circulation of the digital ruble. It is necessary to make certain changes to the current regulatory legal acts and develop new provisions that regulate the circulation of the digital ruble. One of the most pressing issues of the circulation of the digital ruble is ensuring the information security of the digital ruble, which will increase the level of trust in the new form of money.

Keywords: digital ruble, information security, platform, credit institutions, cryptography, electronic wallets, regulation, digital code, software module, application.

В 2020 году Банк России опубликовал доклад «Цифровой рубль – для общественных обсуждений» и разработал Концепцию «О цифровом рубле». В докладе и концепции впервые было обозначено намерение о создании в Российской Федерации (РФ) цифровой валюты. Базовые положения о введении, обращении новой формы рубля

на территории РФ представлены в Докладе. После обсуждений в 2021 году концепции были внесены соответствующие изменения и поправки, которые в дальнейшем явились основой нового закона, а именно 24.07.2023 г. был подписан закон о цифровом рубле. Данный закон является правовой основой выпуска и обращения цифрового

рубля. Понятие цифрового рубля в законе не представлено, в концепции цифровой рубль представлен как третья форма денег [3].

Цифровой рубль необходимо рассматривать с технической позиции, так, наряду с наличными и безналичными формами денег цифровой рубль представляет собой уникальный цифровой код, он находится на специализированном электронном кошельке на платформе Банка России. С позиции пользователя цифровой рубль – это электронный аналог безналичных денежных средств.

Рассмотрим цифровой рубль с правовой точки зрения, цифровой рубль – это национальная валюта. Согласно Конституции РФ «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным Банком Российской Федерации, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются» [1].

Положениям Конституции новая форма рубля соответствует. Выпуск цифрового рубля не требует внесения изменений и дополнений в основной закон государства. Эмитентом цифровой валюты является государство, т.е. цифровой рубль является одной из валют центральных банков.

Внедрение и обращение цифрового рубля невозможно без внесения определенных изменений, дополнений в действующие нормативно-правовые акты в области эмиссии, обращения денежных средств и их использования субъектами денежных отношений. Следующие нормативно-правовые акты требуют внесения изменений и дополнений: Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), Федеральный закон «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон «О персональных данных». Федеральный закон «Об электронной подписи» и др. Изменения следует также внести в Федеральный закон «О несостоятельности», в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и в Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Изменения постепенно будут вноситься и в другие нормативно-правовые акты [7, с. 160].

Одним из актуальных является вопрос обеспечения информационной безопасности цифрового рубля. В условиях цифровизации вопросы формирования эффективной системы информационной безопасности цифрового рубля имеют важное значение, так как это определяет уровень доверия общества к новой форме денег [5, с. 102].

Для платформы цифрового рубля разработана архитектура безопасности, которая представлена в «Концепции цифрового рубля», разработанной Банком России в 2021 году.

Представленная в концепции архитектура информационной безопасности цифрового рубля состоит из следующих структурных компонентов:

- удостоверяющие центры, которые должны функционировать на различных уровнях, главенствующая роль принадлежит удостоверяющему центру Банка России, который будет выполнять функции по эмиссии цифровых рублей;

- API-интерфейс платформы цифрового рубля, который представляет сервис, через который кредитные организации осуществляют подключение к платформе цифрового рубля;

- приложения для мобильных телефонов, которые кредитные организации разрабатывают и предоставляют своим клиентам. Основой мобильных приложений является специализированный программный модуль Банка России и система защиты хранилища важнейшей информации, которая хранится на используемом устройстве [4, с. 7].

Архитектура информационной безопасности платформы цифрового рубля представляет собой схему, которая демонстрирует порядок, правила взаимодействия участников обращения цифрового рубля. Участником системы обращения нового вида денежных средств является Банк России, который в своей структуре выделяет удостоверяющий центр, основной функцией которого является эмиссия цифрового рубля.

Участниками, которые находятся в подчинении Банка России и обладают правами осуществления операций с цифровыми рублями, являются банки. Банки в таком же порядке получают лицензию Банка России для осуществления деятельности, кроме того они проводят сертификацию всех участников платформы цифрового рубля.

И третьими участниками являются клиенты банка, которые проходят идентификацию через удостоверяющий центр. Защита информации и операций с цифровым рублем осуществляется на всех этапах операций с цифровыми рублями. Архитектура информационной безопасности платформы цифрового рубля разработана с учетом особенностей функционирования банковской системы и развития информационных технологий.

Важно отметить, что архитектура информационной безопасности выстроена на основе микросервисной архитектуры исключительно на отечественных компонентах. Абсолютно все решения платформы цифрового рубля выстроены на технологиях российского производства, что является важным в части обеспечения безопасности новой национальной валюты и выполнения программы по импортозамещению. Банки являются объектами критической инфраструктуры, что и определяет необходимость использования исключительно технологий отечественного производства.

Обеспечение информационной безопасности цифрового рубля невозможно без эффективной системы нормативно-правового регулирования и совершенствования информационно-технической базы. Следует комплексно применять меры, которые обеспечат функционирование эффективной системы информационной безопасности цифрового рубля:

1. Обеспечение доступности к платформе цифрового рубля. Пользователь устанавливает приложение, разработанное банком на мобильном устройстве. Каналы взаимодействия с платформой должны быть защищены. Цифровые рубли хранятся на специальном кошельке. Доступ к кошельку, на котором хранятся цифровые рубли, а также все операции с ним осуществляются с использованием специализированного программного модуля Банка России. Программный модуль в обязательном по-

рядке должен быть интегрирован с мобильными приложениями банка. Каналы взаимодействия пользователей с инфраструктурой кредитной организации подлежат криптографической защите. Шифрование осуществляется с использованием средств криптографической защиты информации (СКЗИ), которые в обязательном порядке должны пройти сертификацию Федеральной службы безопасности России.

2. Кредитная организация должна иметь доступ к платформе цифрового рубля. Доступ к платформе осуществляется посредством двухсторонней аутентификации прямых участников с применением ключей, которые сертифицированы Управляющим центром Банка России. Каналы взаимодействия также защищены.

3. Формирование системы защиты данных на платформе цифрового рубля. Целостность и достоверность информации, размещаемой и передаваемой на платформе Банка России, обеспечивается с помощью СКЗИ, прошедших сертификацию ФСБ России. Транзакции с цифровым рублем подписываются также с использованием СКЗИ. Защита информации на платформе Банка России осуществляется посредством комплекса технологических инструментов: логический контроль, структурный контроль, контроль дублирования, контроль авторства и т.д. Существуют участки, где сертифицированные СКЗИ невозможно применить, в таких случаях предусмотрено применение специальные технологических мер защиты информации, которые обеспечивают целостность информации, связанной с обращением цифрового рубля.

4. Процедура идентификация устройства и пользователя. Устройство, которое используется клиентом банка для совершения операций с цифровым рублем, в обязательном порядке проходит идентификацию. Из параметров используемого устройства формируется цифровой отпечаток, который передается оператору в целях подтверждения клиенту устройства. Процедуру идентификации обязан пройти и пользователь [6, с. 27].

Важнейшим этапом перед полным внедрением цифрового рубля является тестирование этапов создания цифрового рубля. К тестированию платформы цифрового рубля привлечены крупные российские коммерческие банки. В проекте цифрового рубля активно принимают участие IT компании, разработчики программных решений для банков, конфиденциальной остается информация о том какие именно компании принимают участие в данном процессе.

Разработанная архитектура информационной безопасности цифрового рубля эффективно будет функционировать только при наличии актуальной системы нормативно-правового регулирования. Одним из фундаментальных документов является Положение № 833-П «О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля», которое вступила в силу с 1 января 2024 года [2].

Несмотря на разработку нормативно-правовой и технической основ информационной безопасности цифрового рубля, риски нарушения безопасности обращения цифрового рубля сохраняются, что требует проведения дополнительных исследований и разработки, совершенствования механизмом информационной безопасности.

Массовое использование цифрового рубля в Российской Федерации, по мнению ЦБ РФ, начнется 1 июля 2025 года. Крупные банки России должны пройти процесс адаптации своих систем к работе с цифровым рублем. Так как банки должны обеспечить своим клиентам возможность открытия электронных кошельков и совершения операций с использованием нового вида денег. На данном этапе проводится тестирование банковских систем.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Положение Банка России от 7 декабря 2023 г. № 833-П «О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля».
3. Концепция цифрового рубля, разработанная Банком России. – М., 2021.
4. Дьяконов Р. В. Перспективы введения цифровой валюты центрального банка в мире и в России / Р. В. Дьяконов // Вопросы управления. – 2023. – № 1 (80). – С. 7.
5. Пусурманов Г. В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 100-106.
6. Фиापшев А.Б. Функционал цифровых валют как внешнее проявление их сути и фактор развития // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 1 (58). – С. 25-31.
7. Шумилова В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156-162.

МУРТАЗИН Артур Ильгамович

заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ЗАЙЦЕВ Андрей Геннадьевич

преподаватель кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

КОВАЛЁВ Тимур Витальевич

преподаватель кафедры огневой подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

БОРЬБА С БЕСПИЛОТНЫМИ ЛЕТАТЕЛЬНЫМИ АППАРАТАМИ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Одним из направлений национальной безопасности и обеспечения геополитической обстановки является развитие средств борьбы с беспилотными летательными аппаратами, что требует постоянного развития и совершенствования технических средств. Поэтому для борьбы с дронами требуется целостный подход и постоянные технические обновления с целью обеспечения надежной защиты от наступательной угрозы, что в последующем позволит добиться технологических достижений и решить проблемы, требующие постоянных исследований и разработки.

Ключевые слова: дроны, беспилотные летательные аппараты, военный конфликт, борьба.

MURTAZIN Artur Ilgamovich

Deputy Head of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZAITSEV Andrey Gennadjevich

lecturer of Fire and technical training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

KOVALEV Timur Vitaljevich

lecturer of Fire training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

FIGHT AGAINST UNMANNED AERIAL VEHICLES IN MILITARY CONFLICTS

One of the directions of national security and ensuring the geopolitical situation is the development of means of combating unmanned aerial vehicles, which requires constant development and improvement of technical means. Therefore, the fight against drones requires a holistic approach and constant technical updates in order to ensure reliable protection against the offensive threat, which in the future will allow us to achieve technological advances and solve problems that require constant research and development.

Keywords: drones, unmanned aerial vehicles, military conflict, struggle.

На сегодняшний день в терактах, диверсиях, военных конфликтах одни из новейших средств нападения используют беспилотные летательные аппараты, которые способствуют нанесению эффективного удара противнику.

Использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в военных конфликтах становится все более распространенным из-за их преимуществ, таких как точность ударов, возможность длительного наблюдения и снижение риска для жизни собственных войск. Ниже представлены основные способы использования дронов в военных целях:

1. Разведка и наблюдение (дроны могут использоваться для проведения разведки на территории противника, обеспечивая информацию о его позициях, движении войск и стратегических объектах).
2. Атаки и удары (беспилотные летательные аппараты используются для нанесения точных ударов по вражеским целям, включая боевую технику, базы, командные пункты и т.д.).
3. Защита территории (дроны могут быть задействованы для обнаружения и перехвата угроз на своей территории, а также для обеспечения безопасности границ).
4. Контроль коммуникаций (использование дронов для перехвата и блокировки коммуникаций противника, включая радио и сотовую связь).
5. Психологическое давление (применение дронов для создания психологического давления на противника, демонстрации силы и контроля над воздушным пространством).

Проведение спасательных операций (дроны могут быть использованы для поиска и спасения пилотов или раненых солдат, а также для доставки медицинской помощи).

Важно отметить, что использование дронов в военных конфликтах вызывает определенные этические и правовые вопросы, включая защиту невоенных лиц, соблюдение международного гуманитарного права и принципов пропорциональности при нанесении ударов. Поэтому важно тщательно регулировать и контролировать применение дронов в военных операциях.

Борьба с беспилотными летательными аппаратами становится все более актуальной из-за их распространения и потенциального использования для незаконных целей. Ниже приведены методы и технологии, которые могут быть применены для борьбы с нежелательными дронами:

1. Использование технических средств (системы обнаружения, например, радары, радиосканеры, и другие технологии позволяют выявлять наличие дронов защищаемой зоне. Также системы противодействия, то есть импульсные устройства, мешающие системам управления дронов, блокировка GPS-сигнала).
2. Юридические меры, предполагающие (установление правовых ограничений на использование дронов в конкретных зонах или для определенных целей, штрафы за незаконное использование. Например, за нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность по ст. 271.1 УК РФ).

[1], также имеет место и административная ответственность – ст. 11.4 и ст. 11.5 КоАП РФ [2]):

3. Физические методы (использование специализированных сетей, а также «ловушек» для отлова дронов во время полета).

4. Обучение персонала (подготовка сотрудников служб безопасности к определению и нейтрализации дронов, включая обучение по обработке данных от детекторов и систем управления).

5. Сотрудничество с производителями (активное взаимодействие с производителями, чтобы интегрировать системы защиты напрямую в дроны и предотвратить нежелательное использование).

6. Контроль и регулирование (мониторинг и ликвидация угрозы: регулярный мониторинг пространства на предмет наличия недобросовестных дронов и своевременное принятие мер для прекращения угрозы) [3, С. 81].

Кроме того, на практике при противодействии с дронами часто используют следующие виды оружия: лазерное, микроволновое, акустическое, радиоэлектронное [4].

Лазерный способ является эффективным технологией, так как основан на применении твердотельного лазера, способный производить лазерный луч, который направлен на БПЛА. Лазеры работают при следующих режимах:

– низкоэнергетический режим направлен на сенсоры цели БПЛА, например, камеры или радары, для того чтобы вывести их из строя, что приводит к неадекватности для навигации и выполнения миссии;

– высокоэнергетический режим лазера создает высокоэнергетический лазерный луч, который полностью разрушает БПЛА, тем самым вызывает его уничтожение [5].

Кроме того, лазеры уменьшают свою эффективность в случае дождя, снега, тумана или града. Из-за этого лазерный луч становится более слабым у дрона. Некоторые производители дронов наносят специальные покрытия, которые защищают их от лазеров.

Микроволновые системы, генерирующие направленные радиоволны с заданной плотностью потока энергии, могут оказывать деструктивное воздействие на электронную начинку БПЛА, приводя к их выходу из строя. Такая система работает в следующих режимах:

– ближней дальности установки обладают радиусом действия, не превышающим 300 метров, и характеризуются высокой мобильностью. Их возможно размещение на компактных транспортных платформах с последующей оперативной установки на заданной позиции;

– удаленный установки характеризуются значительным радиусом действия, достигающим нескольких километров. Как правило, они обладают большими габаритами и оснащены высокомоощными радиоантеннами и генераторами.

Отметим, что система радиоэлектронной борьбы широко используется для противодействия БПЛА. Они обеспечивают прерывание связи между БПЛА, его наземной станцией и оператором. В арсенале системы радиоэлектронной борьбы имеются разнообразные методы, включая автоматизированные системы обнаружения БПЛА, системы захвата контроля над аппаратом, системы подавления систем управления, а также системы глушения геолокационных устройств, работающих в диапазоне частот GPS.

Одним из способов противодействия БПЛА являются акустические системы, основанные на дестабилизации гироскопов дрона посредством направленного звукового воздействия. В результате такого воздействия аппарат теряет равно-

весие и способность к стабильному полету, что приводит к потере управления и в последующем к крушению. Данный метод сопряжен с определенными рисками, так как траектория падения БПЛА после дестабилизации может быть непредсказуемой.

В качестве акустической системы используют отечественный комплекс «Серп-ВС5», который направлен на нарушение работы бортового приёмника сигналов глобальных навигационных спутниковых систем.

Эффективная борьба с беспилотными летательными аппаратами требует комбинации различных методов и технологий, а также постоянного совершенствования подходов в соответствии с развитием технологий дронов и их возможностей.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Семенец В. О. Способы противодействия беспилотным летательным аппаратам // Научные исследования в космических исследованиях Земли, 2018. – 8 с.
4. Лопин И. Н. Развитие средств борьбы с беспилотными летательными аппаратами // Военная мысль, 2023. – 47 с.
5. Агиевич Д. И. Тенденции развития средств борьбы с беспилотными летательными аппаратами России и за рубежом по итогам 2023 года. – Текст: электронный [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

ВАЛИАХМЕТОВ Руслан Расулевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

МАЛОФЕЙ Александр Олегович

кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной подготовки, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

КОЖИН Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

КОЛБЫШЕВ Павел Романович

преподаватель кафедры огневой подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЫШЕЧНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ОСВОЕНИИ ТЕХНИКИ МЕТКОГО ВЫСТРЕЛА ИЗ ПИСТОЛЕТА

В данной статье рассмотрены проблемы производства успешного выстрела из огнестрельного оружия, факторы, влияющие на успешную стрельбу, необходимость мышечного контроля для освоения техники меткого выстрела из огнестрельного оружия. В статье также рассмотрены самые распространённые ошибки, с которыми встречается стрелок в процессе выполнения упражнений, связанных с ведением огня. Стоит отметить, что для усвоения техники мышечного контроля для производства точного выстрела необходимо правильное выполнение упражнения, постановка ног, формирования правильного хвата, изучение техники дыхания при выстреле, плавной обработки спускового крючка и многих других факторов. Авторами описана необходимость постоянных тренировок, как на занятиях, так и отдельно. Также уделено внимание способам и механизмам, которые смогут помочь начинающему и опытному стрелку с максимальной эффективностью развить свои стрелковые навыки.

Ключевые слова: стрельба, изготовка, хват, дыхание, распределение усилия, ожидание выстрела, техника, контроль.

VALIAKHMETOV Ruslan Rasulevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MALOFEY Alexander Olegovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, Head of Tactical and special training sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

KOZHIN Dmitriy Alexandrovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

KOLBYSHEV Pavel Romanovich

lecturer of Fire training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

FEATURES OF THE FORMATION OF MUSCLE CONTROL WHEN MASTERING THE TECHNIQUE OF A WELL-AIMED PISTOL SHOT

This article examines the problems of producing a successful firearm shot, the factors influencing successful shooting, the need for muscle control to master the technique of accurate firearm shooting, and also examines the most common mistakes that a shooter encounters while performing firing exercises. It is worth noting that in order to master the technique of muscle control to produce an accurate shot, it is necessary to perform the exercise correctly, position the legs, form the correct grip, study the technique of breathing when shooting, smooth handling of the trigger and many other factors. The authors describe the need for constant training both in the classroom and separately. Attention is also paid to the ways and mechanisms that can help beginners and experienced shooters develop their shooting skills with maximum efficiency.

Keywords: shooting, preparation, grip, breathing, distribution of effort, waiting for a shot, technique, control.

Необходимо сказать, что усвоение техники мышечного контроля для производства точного выстрела начинается с правильного выполнения упражнения, постановки ног, формирования правильного хвата, изучение техники дыхания при выстреле, плавной обработки спускового крючка и многих других факторов. Всё перечисленное должно соблюдаться стрелком с самых первых занятий по огневой подготовке, так как именно на первых занятиях осуществляется постановка техники выполнения упражнений, а уже после у стрелка начинает вырабатываться мышечная память, которую, к сожалению, если она изначально будет сформирована неправильно, в дальнейшем будет трудно изменить [1].

Существует множество хватов и изготовок к стрельбе, которые каждый стрелок определяет для себя в индивидуальном порядке. Однако, исследуя опыт отечественных и зарубежных школ, можно сказать, что существует наиболее эффективная стойка стрелка, обеспечивающая ему

максимально высокие результаты при производстве выстрела. При правильном выполнении указанной стойки оружие после выстрела возвращается в исходное положение прицеливания практически одновременно с окончанием цикла перезаряжания, что обеспечивается мышечной памятью стрелка. Таким образом, готовность к производству следующего выстрела наступает намного быстрее, чем происходит восстановление вестибулярного аппарата человека после выстрела и проявления чёткого изображения мушки и целика.

Если рассматривать с физиологической точки зрения, то можно сказать, что наиболее комфортным на стрелка является хват оружия на прямых вытянутых руках, именно тогда, когда суставы и мышцы стрелка находятся в удобном для него положении. При полусогнутом положении руки в локтевом суставе необходима более сосредоточенная работа мышц, к тому же, так как кисть находится под определенным

углом по отношению к предплечью, усложняется момент прицеливания.

Стрелку, отработавшему изготовку к стрельбе двойным хватом, необходимо в дальнейшем производить периодически тренировки на закрепление отработанного навыка, используя при этом оружие без патронов.

Также, еще одним важным показателем хорошей и точной стрельбы является правильное удержание оружие в руках, то есть его хват. Он влияет, как и на успешный результат выстрела, так и на стабильность стрельбы в целом, так как однообразное удержание оружия в совокупности с однообразным прицеливанием ведет к хорошей кучности при поражении мишеней.

Необходимо сказать о правильном дыхании при стрельбе, особенно, при большой серии выстрелов. Если обратить внимание на стреляющего, то можно заметить, что с каждым вдохом и выдохом, оружие, находящееся в руках стрелка, начинает набирать всё большую амплитуду. То есть, чем глубже вдох, тем сильнее происходит отклонение, поэтому, опытные стрелки советуют производить выстрел на задержке дыхания при выдохе [2].

В рамках настоящей статьи считаем необходимым рассмотреть самые распространенные ошибки, с которыми встречается стрелок в процессе выполнения упражнений, связанных ведением огня.

Одной из самых распространенных ошибок является неправильная обработка спускового крючка. Многие стрелки обрабатывают спусковой крючок медленно, думая, что таким образом они повысят точность стрельбы, однако, это ошибочно. Также многие путают плавную обработку спускового крючка и медленную. Отличие заключается в том, что при плавной обработке спускового крючка оружие не меняет своего прицельного положения, в отличие от медленного.

Период минимальной амплитуды наиболее благоприятной для меткого выстрела длится с 5 до 20 секунд. Именно в этот период должен происходить «смелый» нажим на спусковой крючок с контролем постоянного движения указательного пальца при зафиксированном положении мышц кисти, без обращения внимания на положение оружия на мишени.

В момент ожидания отдачи и громкого выстрела стреляющий может испытывать определённый страх, из-за которого его мышцы сокращаются и приводят пистолет к значительным отклонениям еще до момента выстрела.

Время от срыва курка до вылета пули очень мало и составляет, например, для пистолета ПМ, всего 0,0046 с, поэтому малоопытному стрелку сложно увидеть свои ошибки. Хотя это возможно, если сосредоточить внимание на вершине мушки и проследить ее «кивок» перед возникновением отдачи.

Наблюдая со стороны, можно увидеть, как у не поражающих цель стрелков оружие совершает значительные кивки вниз. Если после выстрела оружие не возвращается в обратное положение и не происходит совмещения мушки с целиком, то это говорит о том, что произошло изменение мышечных усилий удержания оружия. Те стрелки, у которых мишень поражена ниже ее центра, явно допускают отклонение ствола оружия вниз.

Ещё одной из распространенных проблем, которая является причиной некачественной стрельбы - это так называемое «подавливание десятки». Стрелок, который хочет совершить самый точный, чёткий и успешный выстрел пренебрегает правилами ведения успешного огня и допускает ряд ошибок. Причиной этому является заблуждение стреляющего и его непреодолимое желание попасть ровно в середину мишени, или иную заданную цель. Стрелок, как только видит после совмещения мушки и целика десятку, моментально производит выстрел, забывая при этом про правильную обработку спускового крючка, дыхание, хват и т. д.

Для стабильных результатов стрельбы, выстрел должен выполняться смело, уверенно, без поспешности, небольшая боязнь непопадания в цель, вызывает, как следствие у неопытного стрелка дёрганье спуска и вот тогда промах будет неизбежен.

Для получения успешного результата на огневом рубеже необходимо понимать, что развитие мышечного контроля и координации при ведении стрельбы из огнестрельного

оружия зависит от ряда физиологических механизмов. В указанный ряд входят: мышечная и нервная системы. Также необходимо сказать о постоянных тренировочных процессах, направленных на развитие и укрепление данных систем.

Развитие мышечной системы в первую очередь сказывается на таком моменте, как прицеливание. Мышцы предплечья, локтя, плеча и запястья напрямую задействованы в механическом управлении прицелом. Если уделить малое внимание тренировочным процессам указанных групп мышц, то, в конце концов, стрелок начнет уставать даже от того, что удерживает пистолет в определенном положении непродолжительное количество времени.

Тренировки должны укреплять грудь, руки, плечи. Стрелку необходимо сосредоточиться на упражнениях, которые направлены на оказание нагрузки на плечевой сустав, например, вращения, махи гантели в сторону, жим гантели или штанги, сидя или стоя и т.д.

Для оказания тренировочной нагрузки на грудь будут эффективны такие упражнения как: жим штанги лёжа, отжимания на брусьях или обычные отжимания в домашних условиях.

Если говорить о развитии кистевых суставов, то можно сказать, что все вышеперечисленные упражнения оказывают ту или иную нагрузку на запястья, что, в свою очередь, оказывает на них тренировочный эффект комплексно с другими группами мышц.

Также немаловажно сказать об общих тренировках на тело человека. Например, одним из самых хороших примеров является тренировка по боксу. Это вид спорта включает в себя, как и силовую тренировку, так и тренировки на реакцию и выносливость.

При работе с грушей оказывается большая нагрузка на руки, верхний корпус тела и нижние части тела, при этом такая работа требует большого зрительного внимания и концентрации. Подвесные группы хорошо тренируют реакцию человека, что способствует быстрому реагированию на сложившуюся ситуацию, тем самым помогая постоянно держать в тонусе нервную систему, рефлекс.

Также немаловажным фактором является отдых и общее восстановление после нагрузок. Восстановление также можно разделить на: активное и пассивное.

Пассивное восстановление заключается в снятии мышечного напряжения путем принятия контрастных ванн, массажа и просто сна. Таким образом, эффективно происходит восстановление и отдых центральной нервной системы, что также немаловажно.

При активном восстановлении стрелки зачастую используют такие способы, как регулярные растяжки мышц, которые помогают снять напряжение с ранее задействованных мышц.

Для того, чтобы улучшить свои стрелковые навыки, необходимо использовать в своих тренировках преимущественно такие способы восстановления, которые будут оказывать положительный эффект на мышцы, используемые при работе с оружием. Нужно выбрать активные и пассивные способы разгрузки, связанные с руками, плечами, запястьями и предплечьями.

Таким образом, рассмотрев основные ошибки, с которыми встречается начинающий стрелок в процессе изучения такого вида деятельности как огневая подготовка, обозначили важность освоения мышечного контроля для обеспечения успешного результата на огневом рубеже. Также определили способы и механизмы, которые смогут помочь начинающему и опытному стрелку с максимальной эффективностью развить свои стрелковые навыки.

Пристатейный библиографический список

1. Хуснетдинов Г. Р., Карпов Е. Н. Огневая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России: учебно-практическое пособие. - Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2020. - 164 с.
2. Дробышев В. И., Сметанников А. П. Основы организации огневой подготовки: учебно-методическое пособие. - Москва, Вологда: Инфра-Инженерия, 2023. - 220 с.

ДАМИНОВ Айнур Айдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ШОХИН Владимир Евгеньевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта, Краснодарский университет МВД России

ПОДКОВКА Светлана Валерьевна

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ (ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В данной статье авторами были рассмотрено понятие огневой подготовки, которой занимаются сотрудники органов внутренних дел. В статье исследуются различные проблемы, связанные с огневой подготовкой сотрудников, а также причины, по которым описанные проблемы могли возникнуть. Помимо этого, авторами предлагаются перспективные пути развития огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел, позволяющие повысить эффективность исполнения их служебных задач.

Ключевые слова: огневая подготовка, органы внутренних дел, программа обучения, пути совершенствования, огнестрельное оружие.

DAMINOV Ainur Aidarovich

senior lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHOKHIN Vladimir Evgenjevich

senior lecturer of Physical training and sports sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

PODKOVKA Svetlana Valerjevna

lecturer of the cycle of professional service and physical training, Ufa School for Training Dog Handlers of the MIA of Russia

IMPROVING FIRE TRAINING OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA (PEDAGOGICAL ASPECT)

In this article, the authors examined the concept of fire training, which is carried out by employees of internal affairs agencies. The article examines various problems associated with fire training of employees, as well as the reasons why the described problems could arise. In addition, the authors propose promising ways to develop fire training for employees of internal affairs agencies, allowing to increase the efficiency of their official tasks.

Keywords: firearms training, internal affairs agencies, training program, ways of improvement, firearms.

Сотрудники органов внутренних дел с каждым днем в своей профессиональной деятельности сталкиваются с многочисленными задачами, которые требуют особого внимания, специальных умений, практических навыков и не только. При этом подобные навыки и умения приобретаются в ходе практических занятий, постоянных тренировок и специальной подготовки, что способно обеспечить их профессионализм и эффективность в процессе службы.

Современные условия несения службы сотрудниками органов внутренних дел довольно опасные, в связи с проведением специальной военной операции, а также с нестабильной обстановкой в стране. Сотрудникам полиции сегодня необходимо обладать многими качествами характера и умениями, позволяющими реализовывать профессиональный потенциал и выполнять служебные задачи.

Огневая подготовка является неотъемлемой дисциплиной для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, поскольку именно умения применять и правильно владеть огнестрельным оружием, знать нормативно-правовую основу, регламентирующую право применять оружие, позволяют сотрудникам полиции нести службу достойно и безопасно.

Так, актуальность темы исследования обуславливается тем, что огневая подготовка играет первостепенную роль при подготовке кадров в органы внутренних дел, а также для

повышения качества применения оружия действующих сотрудников.

Однако, основной вклад в формировании специальных навыков и умений вносит учебная и подготовительная часть жизни сотрудника, иными словами, его обучение в учебном учреждении МВД России. Так, актуальность темы исследования обуславливается тем, что огневая подготовка играет первостепенную роль при подготовке кадров в органы внутренних дел, в связи с чем, хотелось бы более подробно рассмотреть педагогический аспект, а именно вопрос совершенствования огневой подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Огневая подготовка, как учебная дисциплина представляет собой один из разделов боевой подготовки, который направлен на формирование навыков владения огнестрельным оружием сотрудников органов внутренних дел. Рассмотрим основные задачи огневой подготовки, которые являются основными элементами для организации занятий:

1. Ознакомление обучающихся с видами огнестрельного оружия.

2. Обучение личного состава правильному применению штатного оружия, методов максимальной эффективности использования боевых возможностей для поражения противника с наименьшим расходом времени и боеприпасов.

3. Развитие уверенности в процессе применения боевого оружия.

4. Воспитание необходимых качеств у обучающихся: умение принимать своевременное и самостоятельное решение в ходе выполнения огневых задач.

5. Формирование необходимых морально-психологических качеств и личной ответственности за выполнение служебного долга [2].

Занятия по огневой подготовке организуются в различных форматах: практическое занятие, факультативное занятие, консультация, самостоятельная работа. Рассмотрим основные аспекты проведения огневой подготовки, которые возможно усовершенствовать, увеличивая качество приобретаемых практических навыков владения огнестрельным оружием у курсантов и слушателей.

Во-первых, чаще всего, практические занятия проводятся в спокойной обстановке для курсантов и слушателей, в которой отсутствуют какие-либо переживания, связанные со стрессом и напряжением. В практической деятельности у сотрудников полиции условия, в которых они используют огнестрельное оружие, значительно отличаются от учебных условий: повышается опасность и реальная угроза его жизни и здоровья. В данном случае, в качестве совершенствования образовательной методики следовало бы создать более реалистичные условия на практических занятиях, например, обозначать в начале занятия фабулу конкретных обстоятельств, в которых имеется преступник и условия, при которых он совершает преступные действия.

Во-вторых, в особых условиях сотрудники полиции используют специальные средства защиты, например, индивидуальные бронежилеты. Сотрудник, находясь в специальной экипировке, выполняет привычные действия по извлечению орудия из кобуры и по его применению иначе – его действия усложняются. В ходе проведения учебных занятий необходимо уделять больше внимания специальным средствам защиты будущего сотрудника. Использование дополнительных технических средств, защитного обмундирования при проведении учебных стрельб, позволило бы выработать обучающимся алгоритм тактических действий при стрельбе. Курсанты и слушатели, которые находятся в бронежилетах, касках не всегда знают, каким именно образом нужно действовать при извлечении оружия из кобуры и его применении.

В-третьих, в большей степени при организации практических занятий по огневой подготовке создаются благоприятные условия: освещение, защита слуха (использование специальных наушников), отсутствие отвлекающих и раздражающих факторов, четкая видимость мишени и определена дистанция к ней. Для наиболее эффективной реализации методов совершенствования практических занятий по огневой подготовки, предлагаем создавать более реалистичные условия для стрельбы: выключать основное освещение, устанавливать мишени на разных дистанциях от стреляющего [4].

В-четвертых, современные информационные технологии в нашей жизни применяются с каждым днем в более широких масштабах. В процессе организации занятий по огневой подготовке применение современных технологий позволит добавить реалистичности, при этом модернизировать привычные методы подготовки.

В образовательном процессе возможно применять современные тренажеры, которые информационно-технически оснащены дополнительными функциями. При огневой подготовки было бы эффективно использовать разнообразные технические устройства, которые относятся к электронным типам технологий.

Для технического обеспечения учебных занятий по огневой подготовке возможно использования на занятиях интерактивный лазерный тир, который подразумевает наличие экрана, видеопроектора и специального программного

обеспечение. Преимущество таких технологий заключается в том, что курсант или слушатель может отрабатывать навыки стрельбы, используя большое количество попыток, поскольку патроны не заканчиваются, и программа постоянно обновляет лазерные пули. Использование современных технологий в процессе изучения и использования огнестрельного оружия может также повысить интерес обучающегося к оружию, боевым действиям с его использованием.

Помимо этого, данный тренажер позволит изучить команды, которые курсант или слушатель обязательно должен выполнить перед тем как производить выстрел из настоящего боевого оружия. Изучая и постоянно повторяя порядок действий, направленных на подготовку к стрельбе, приведение оружия к боевой готовности обучающийся наилучшим образом запомнит порядок действий и сможет потренировать их.

Важно отметить, что в процесс совершенствования огневой подготовки обучающихся также включается и психическая подготовленность курсантов, которая состоит из таких процессов, как: мышечная и двигательная память, внимание, сила воли, собранность, моральная стойкость. Курсант и слушатель, который занимается огневой подготовкой должен дополнительно заниматься своим психологическим состоянием: тренировать сдержанность, сосредоточенность и активную реакцию на появление новых предметов в своем поле зрения.

Таким образом, в заключении данного исследования, хотелось бы особенно отметить, что рассмотренные методы совершенствования огневой подготовки будущих сотрудников полиции – курсантов и слушателей, позволили бы повысить эффективность владения огнестрельным оружием и качество его использования. При дальнейшей практической деятельности у обучающихся не будет возникать трудностей, связанных с отсутствием умений и навыков точной стрельбы в условиях реальной угрозы. На занятиях по огневой подготовке следует внедрять как можно больше современных технологий, которые позволят оптимизировать процесс подготовки и увеличить продуктивность занятия.

Пристатейный библиографический список

1. Колесников А. С. Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 15 (253). – С. 266-270. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/253/57954/> (дата обращения: 10.01.2024).
2. Домрачёва Е. Ю., Богатырь Д. К. Методика огневой подготовки курсантов (слушателей) учебных заведений МВД России // Эпоха науки. – 2016. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ognevoy-podgotovki-kursantov-slushateley-uchebnyh-zavedeniy-mvd-rossii> (дата обращения: 25.01.2024).
3. Калининков А. С. Огневая подготовка сотрудников ОВД: научно-практическое пособие. – Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2019. – 258 с.

ЗАБОЛОТНЫХ Александр Александрович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

ИМАНГАЖИНОВ Досболат Токтубаевич

преподаватель цикла кинологии, Уфимская школа по подготовке специалистов – кинологов МВД России

ЖИЛИН Роман Андреевич

кандидат технических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Воронежский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ БЕСПЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Современные условия несения службы сотрудников органов внутренних дел подразумевают глубокое погружение в освоение передовых технологий. В данной статье приведены практические примеры практического применения в учебном процессе беспилотных авиационных систем. Необходимость внедрения в учебный процесс, а также в служебную деятельность беспилотных авиационных систем. Разбираются примеры их применения, а также рассматривается рациональный подход к обучению. Авторы статьи справедливо отмечают, что основным методом внедрения в служебную деятельность беспилотных летательных аппаратов является создание на базе образовательных организаций учебных мест.

Ключевые слова: Инновационный подход, бесплотные летательные аппараты, квадрокоптеры, беспилотные летательные системы.

ZABOLOTNYKH Alexander Alexandrovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMANGAZHINOV Dosbolat Toktubaevich

lecturer of the cynology cycle, Ufa SCHOOL for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

ZHILIN Roman Andreevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Tactical and Special Training, Voronezh Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CURRENT ISSUES OF THE INTRODUCTION OF UNMANNED AIRCRAFT SYSTEMS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Modern conditions of service for law enforcement officers imply a deep immersion in the development of advanced technologies. This article provides practical examples of the practical application of unmanned aircraft systems in the educational process. The need to introduce unmanned aircraft systems into the educational process, as well as into professional activities. Examples of their application are analyzed, as well as a rational approach is considered to learn. The authors of the article rightly point out that the main method of introducing unmanned aerial vehicles into the professional activity is to create educational places on the basis of educational organizations.

Keywords: Innovative approach, unmanned aerial vehicles, quadcopters, unmanned aerial system.

Развитие техники и технический прогресс, а также совершенствование систем спутниковой связи, средств видеонаблюдения, позволило человечеству произвести на свет такое техническое явление, как беспилотные авиационные системы¹. На сегодняшний день области применения применения БАС не имеют ограничений, в частности их активно применяют в сельском хозяйстве, при проведении экспедиций, при различного рода мониторингах, при проведении поисковых операциях, а также последние годы активно используются в зонах проведения боевых действий в различных качествах [1].

В системе МВД России созданы подразделения, работающие непосредственно с БАС, в штате которых состоят сотрудники прошедшие соответствующее обучение, а на балансе вышеуказанных подразделений стоит различного рода техника, от небольших квадрокоптеров, до внушительных размеров летательных аппаратов самолетного типа, которые оборудованы оптическими приборами, помогающими при проведении разведки местности, либо во время поисковых операций. Но так как численность данных подразделений незначительная на сегодняшний день, а привлекаются они в большей степени для проведения масштабных операций,

имеет смысл задуматься о внедрении в образовательный процесс, а в последующем в служебную деятельность обучения рядовых сотрудников и обучающихся образовательных организаций МВД России пилотированию БАС. Для сотрудников, проходящих службу в подразделениях ОВД, также для обучающихся в образовательных организациях МВД России, необходимо проводить обучение в виде основных и дополнительных профессиональных образовательных программ соответственно, в которые будет входить следующие элементы обучения: изучение законодательства в области БАС, изучение технической части, обучение управлению БАС на симуляторах, а также непосредственно лётные тренировки с выполнением различных упражнений [2].

Для того, чтобы разобраться в необходимости применения БАС в служебной деятельности, нужно в первую очередь понимать, что профилактика совершения преступлений в обычной жизни зачастую проводится простыми, но эффективными методами, которые позволяют сотрудникам полиции предотвратить совершение преступлений. Один из таких видов профилактики является патрулирование в вероятных местах скопления лиц, ведущих маргинальный образ жизни, что делает невозможность пребывания в данных местах свободной, так как это влечет административную ответственность, а, следовательно, концентрация данных лиц

1 Далее – «БАС».

на улицах снижается. Другим видом профилактики является передвижение сотрудников полиции в темное время суток с включенными проблесковыми маячками, что также благоприятно воздействует на намерения совершить правонарушение и преступление.

В данной статье будет рассмотрены примеры работы с БАС как в профилактических целях, так и в целях раскрытия преступлений [3].

Первым примером стоит рассмотреть использование БАС при проведении такого мероприятия как патрулирование отдельных участков местности, а именно в отдаленных районах с труднопроходимой инфраструктурой дорожного покрытия, которое не позволяет свободное перемещение сотрудников на патрульном автомобиле, чем часто пользуются лица, совершающие в этих местах деяния с целью незаконного обогащения чужим имуществом. В случае, если наряд сотрудников полиции в целях проверки данных территорий запустит БАС, осуществит мониторинг всех мест на наличие подозрительных предметов и граждан, это поможет эффективнее и быстрее охватывать большие территории, без ущерба для личного состава и служебной техники, а в случае обнаружения правонарушителей имеется возможность осуществления их эффективного преследования и задержания, путем наблюдения через камеру БАС. В первом примере приведено самое распространенное и повседневное мероприятие в деятельности полиции, но с внедрением БАС, данное мероприятие будет иметь наибольшую эффективность и безопасность для сотрудников полиции.

Вторым примером следует предположить такое действие, как осмотр различных объектов, квартир или помещений, где есть основание полагать, что находится лицо совершающее, либо совершившее преступление. Например, при осмотре квартиры или объекта на низком этаже, либо в здании, в котором имеется несколько выходов, сотрудники при прибытии не имеют полной возможности контроля, что позволяет преступникам без особых усилий скрыться. Данного рода преступления происходят с и по сей день, поэтому предлагается в данных случаях также использовать БАС. Прибыв на место, сотрудники запускают БАС в воздух и передают управление оператору (специальный сотрудник, который будет иметь доступ ко всем БАС на обслуживаемой территории), который дистанционно преступает к осмотру близлежащей местности, а также подозрительных транспортных средств и граждан, что позволит осуществлять координацию действий сотрудников на месте. В таком случае применение БАС позволит осуществить поимку преступников на месте совершения преступления в случае попытки побега. Второй пример, в котором применение БАС позитивно сказывается на работе сотрудников полиции.

Третьим примером применения БАС является осуществление осмотра территорий на предмет распространения наркотических веществ. Зачастую в адрес полиции поступают обращения от граждан, что на их придомовой территории, либо в гаражных кооперативах имеют место случаи оставления так называемых «закладок» курьерами. Профилактической мерой будет являться то, что распространитель, услышав звук работы электродвигателя в воздухе, задумается о возможных последствиях и с большой долей вероятности оставит затею продолжать распространение, а также увеличится эффективность по раскрытию таких преступлений. БАС даст возможность увидеть, где были расположены наркотические вещества, что при задержании будет являться дополнительным доказательством лица к совершению преступления. В третьем примере также приведен пример того, что эффективность применения БАС в деятельности сотрудников полиции оправдана в полной мере.

В четвертом примере взаимодействия технических устройств и сотрудников полиции допускается применение БАС в области безопасности дорожного движения. Данные

меры уже применяются больше чем в 17 регионах нашей страны, в основном на загородных участках дорог. Мультироторный беспилотник (имеющий несколько двигателей) имеет такие свойства, как зависать в воздухе в одном месте и благодаря взаимодействию со спутниковыми системами оставаться в одном положении, на одной высоте и осуществлять передачу видеосигнала на пульт. Таким образом, сотрудники обеспечивающие безопасность дорожного движения могут на опасных участках дороги, либо на перекрестках, на которых водители пренебрегают правилами дорожного движения размещать БАС для профилактических целей, а также с целью составления административного материала на лиц, совершивших правонарушение. Видео-материал, записанный на камеру БАС будет являться доказательством совершения правонарушения в суде.

Выше приведены четыре очевидных примера использования БАС в деятельности сотрудников МВД России, туда же можно отнести такие разновидности работы, как поиск пропавших людей по горячим следам, осмотр труднодоступных участков местности, таких как крыши домов на предмет совершения правонарушения, возможность распыления раздражающих аэрозольных жидкостей в местах массовых нарушений общественного порядка и д.р.

Для внедрения БАС в работу сотрудников необходимо провести ряд мероприятий, позволяющих обеспечить образовательные организации специалистами по работе с БАС, а также всем необходимым оборудованием для обучения, внести соответствующие изменения в законодательные акты, позволяющие использование БАС в деятельности полиции, а также обосновать необходимость их применения. Развитие прогресса должно отражаться на служебной деятельности полиции положительным образом и такие технические устройства как БАС могут приносить пользу, наравне с радиостанциями и планшетами.

Пристатейный библиографический список

1. Воздушный кодекс Российской Федерации: (собр. законодательства Рос. Федерации, 1997, № 12, ст. 1383): в ред. Федер. закона РФ от 8 июля 1999 г. № 150-ФЗ (СЗ РФ, 1999, № 28, ст. 3483). – 2-е изд., доп. – Москва: Ось-89, 2004. – 62 с. – ISBN 5-86894-143-8. – EDN QWCDBF. Медведев И. М. Организация профессионально-прикладной физической подготовки в образовательных организациях МВД России: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1999. 165 с.
2. Иванова П. Н. Воздушный кодекс Российской Федерации в системе правового регулирования обеспечения безопасности полетов // Ученые записки Тамбовского отделения РГСУ. – 2024. – № 33. – С. 37-42. – EDN SEANHM. Организация профессиональной служебной и физической подготовки в органах внутренних дел: учебное пособие / [А. Р. Косиковский и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2020. 124 с.
3. Ульянов Д. В., Егоров А. А., Васильев Д. С. Использование симулятора полета БПЛА в качестве тренажера оператора БПЛА // 19-я Международная конференция «Авиация и космонавтика»: Тезисы 19-ой Международной конференции, Москва, 23-27 ноября 2020 года. – Москва: Издательство «Перо», 2020. – С. 109. – EDN YJYROR.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЗНАЧИМОСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Статья рассматривает значимость патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях. Описаны психологические и социальные аспекты, которые помогают формировать правильные ценности и мотивацию у молодежи, находящейся в условиях лишения свободы. Акцент сделан на методы и формы внедрения патриотического воспитания, включая образовательные программы, творческие занятия и участие в патриотических мероприятиях. Статья подчеркивает важность патриотизма для преодоления асоциальных тенденций и социальной адаптации осужденных после освобождения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, патриотическое воспитание, ФСИН России, несовершеннолетние, осужденные, воспитательная колония, психологические аспекты, социальная адаптация, методы воспитания, реабилитация.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Employment Problems of Convicts and Economic Problems of the Functioning of the Penal Correction System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

THE IMPORTANCE OF PATRIOTIC EDUCATION FOR JUVENILE OFFENDERS IN CORRECTIONAL COLONIES

The article examines the importance of patriotic education for juvenile offenders in correctional colonies. It describes the psychological and social aspects that help form proper values and motivation in youth deprived of liberty. The focus is on methods and forms of implementing patriotic education, including educational programs, creative activities, and participation in patriotic events. The article emphasizes the importance of patriotism in overcoming antisocial tendencies and in the social adaptation of offenders after their release.

Keywords: penal enforcement system, patriotic education, Federal Penitentiary Service of Russia, minors, convicts, educational colony, psychological aspects, social adaptation, methods of education, rehabilitation.

Патриотическое воспитание играет важнейшую роль в развитии молодых людей, особенно тех, кто оказался в сложной обстановке исправительных колоний. Несовершеннолетние правонарушители, которые часто подвергаются негативному влиянию и не имеют положительных примеров для подражания, нуждаются в структурированном руководстве для изменения своих ценностей и взглядов. Патриотическое воспитание, направленное на формирование национальной гордости, уважения к культурному наследию и чувства ответственности перед обществом, может стать основой для личностного роста и реинтеграции в общество.

Значение патриотического воспитания в исправительных колониях заключается в его способности положительно влиять на эмоциональное и социальное развитие несовершеннолетних правонарушителей. Эти люди часто сталкиваются со значительными психологическими проблемами, такими как низкая самооценка, отчужденность и чувство безысходности в отношении своего будущего. Внедряя такие ценности, как патриотизм, система образования в этих учреждениях стремится привить чувство сопричастности и целеустремленности, помогая несовершеннолетним осознать важность их роли в обществе.

В исправительном учреждении, где основной целью является реабилитация, воспитание чувства национальной гордости и долга может послужить мощным стимулом для

изменения поведения. Это дает несовершеннолетним возможность восстановить связь с общественными нормами и ценностями, обеспечивая альтернативу зачастую разрушительному влиянию тюремной среды. Через призму патриотизма молодые правонарушители могут узнать о своих обязанностях перед своей страной, своими семьями и самими собой, что дает им возможность разорвать порочный круг преступности и реабилитироваться.

Этот подход подчеркивает необходимость сосредоточиться на позитивных мероприятиях и инициативах по формированию идентичности, делая патриотическое воспитание не просто теоретической концепцией, а реальным инструментом для воспитания уважения, дисциплины и социальной реинтеграции.

Патриотическое воспитание является не только идеологическим инструментом, но и играет важную роль в психологическом и социальном развитии несовершеннолетних правонарушителей. Подростки в исправительных колониях часто сталкиваются с целым рядом эмоциональных и поведенческих проблем. Эти проблемы, как правило, уходят корнями в неблагоприятное прошлое, в том числе в пережитое пренебрежение, жестокое обращение или неприятие обществом, что может привести к чувству низкой самооценки, гневу и отчуждению от общества. В таких условиях содействие позитивному психологическому развитию имеет решающее

значение для их реабилитации. Патриотическое воспитание, в котором особое внимание уделяется национальной гордости, уважению к культурному наследию и социальной ответственности, может служить мощным психологическим инструментом, поддерживающим этот процесс [1, с. 180].

Одним из основных психологических преимуществ патриотического воспитания для несовершеннолетних правонарушителей является его способность устранять чувство отчужденности. Многие молодые люди, отбывающие наказание в исправительных колониях, происходят из маргинализированных или бедных семей и часто чувствуют себя оторванными от общества. Это чувство отчужденности может усугублять их преступное поведение и способствовать их нежеланию исправляться. Прививая чувство гордости за свою страну и наследие, патриотическое воспитание даёт им ощущение причастности. Оно побуждает их воспринимать себя как неотъемлемую часть более крупного и значимого сообщества, что может помочь противостоять негативным влияниям, которые сформировали их поведение в прошлом.

Патриотическое воспитание также играет важную роль в укреплении эмоционального развития несовершеннолетних правонарушителей. Многие из этих молодых людей пережили травму, которая может привести к эмоциональному оцепенению или трудностям в построении здоровых отношений. Национальные символы, исторические личности и коллективные культурные нарративы, используемые в патриотическом воспитании, могут вызывать сильные эмоции, которые способствуют установлению связей и самовыражению. Эти эмоциональные связи могут служить мостом для формирования более позитивного образа себя и развития эмоционального интеллекта. Например, рассказы о национальных героях и их борьбе за справедливость и свободу могут вдохновить несовершеннолетних правонарушителей усвоить такие ценности, как упорство, стойкость и надежда [2].

В социальном контексте патриотическое воспитание может помочь несовершеннолетним правонарушителям реинтегрироваться в общество после освобождения. Оно служит противовесом изоляции и сегрегации, с которыми многие из них сталкиваются в исправительной колонии. Узнавая о социальном взаимодействии, национальном единстве и важности вклада в общее благо, они могут лучше понять, как их действия вписываются в более широкую социальную структуру. Ценности, связанные с патриотизмом, такие как уважение к власти, соблюдение общественных норм и приверженность справедливости, помогают преодолеть разрыв между исправительным учреждением и внешним миром. Это даёт правонарушителям представление о том, как они могут реинтегрироваться в общество и внести в него значимый вклад.

Патриотическое воспитание несовершеннолетних правонарушителей приносит огромную психологическую и социальную пользу. Оно помогает бороться с чувством отчужденности, развивает чувство ответственности, способствует эмоциональному развитию и готовит этих людей к реинтеграции в общество. По сути, патриотическое воспитание — это способ изменить образ мыслей молодых правонарушителей, предоставив им инструменты, необходимые для построения лучшего будущего для себя и содействия благополучию своих сообществ.

Внедрение патриотического воспитания в исправительных колониях для несовершеннолетних правонарушителей требует применения целого ряда методов и форм, адаптированных к конкретным потребностям молодых людей, находящихся в таких условиях. Эти методы должны быть направлены на эмоциональное, интеллектуальное и социальное вовлечение правонарушителей, формирование у них чувства национальной гордости, ответственности и социальной интеграции [3].

Одним из ключевых методов являются структурированные образовательные программы, в рамках которых несовершеннолетние осужденные знакомятся с историей, культурой и ценностями своей страны. В этих программах часто рассказывается о национальных героях, исторических событиях и принципах, сформировавших идентичность страны. Понимая, как люди боролись за свободу, справедливость и национальное единство, правонарушители могут развить в себе чувство гордости и более глубокую связь со своим обще-

ством. Эти уроки закладывают основу для системы ценностей, основанной на уважении к власти, закону и обществу.

Ещё одним важным аспектом является использование творческих и внеклассных занятий, таких как искусство, музыка и театр, чтобы правонарушители могли выразить свой патриотизм. Эти мероприятия могут включать в себя создание национальных символов, участие в культурных мероприятиях или постановку пьес, основанных на национальной истории. Такой опыт помогает подросткам усваивать ценности патриотизма в нетрадиционной, увлекательной форме.

Кроме того, проекты общественных работ и волонтерская работа предлагают практическое применение патриотических ценностей. Эти проекты могут включать в себя очистку окружающей среды, оказание помощи уязвимым группам населения или работу в сотрудничестве с местными организациями. Благодаря этим мероприятиям правонарушители развивают в себе чувство ответственности и на собственном опыте видят, какой вклад они вносят в развитие общества, укрепляя идеалы патриотизма и гражданского долга [4].

Патриотическое воспитание в исправительных колониях играет важную роль в реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, предоставляя им инструменты для изменения своих ценностей и поведения. Хотя результаты таких программ могут быть заметны не сразу, они вносят значительный вклад в долгосрочное личностное развитие и социальную реинтеграцию. Одним из основных результатов патриотического воспитания является улучшение самоидентификации и самооценки несовершеннолетних правонарушителей. Многие из этих подростков испытывали недостаток положительного подкрепления и боролись с чувством отчужденности. Благодаря более глубокой связи с национальной гордостью и наследием они могут развить более позитивное представление о себе, что важно для преодоления негативного поведения в прошлом [5].

Кроме того, патриотическое воспитание способствует развитию чувства ответственности, помогая молодым правонарушителям осознать свой долг перед обществом и свою роль в нём [6]. Такой сдвиг в мировоззрении может снизить уровень антисоциального поведения и повысить вероятность реинтеграции в общество после освобождения. Перспективы патриотического воспитания в исправительных колониях выглядят многообещающе. Однако необходимы дополнительные инвестиции для улучшения подготовки преподавателей и адаптации программ для более эффективного удовлетворения уникальных потребностей несовершеннолетних правонарушителей. Продолжая совершенствовать эти методы обучения, можно повысить эффективность патриотического воспитания, что приведёт к более успешным результатам реабилитации.

Пристатейный библиографический список

1. Кравченко Н. М. Психология девиантного поведения: учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Изд-во МГУ, 2019. - 320 с.
2. Михайлова И. В. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы и пути решения. - Санкт-Петербург: РГПУ, 2020. - 256 с.
3. Иванов А. А. Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных: учебник для вузов. - 3-е изд. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. - 180 с.
4. Савельев В. П. Роль патриотизма в воспитании детей и подростков. - Москва: Изд-во НПО «Радуга», 2020. - 198 с.
5. Федоров А. Ф. Образование как средство исправления осужденных в воспитательных колониях // V Международные педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: сборник материалов, 02-04 октября 2019 года / Составитель Н. А. Санников. - Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. - С. 247-251.
6. Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Образование как средство социальной адаптации несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 9 (196). - С. 509-510.

КИМ Вадим Олегович

начальник кафедры физической подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

БОНДАРЬ Альберт Янович

доцент кафедры физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

БОРИСОВА Наталья Ивановна

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел РФ, Омская академия МВД России

ПРИВАЛОВ Валерий Валерьевич

преподаватель кафедры физической подготовки и спорта, Краснодарский университет МВД России

УПРАЖНЕНИЯ С ГИРЯМИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ СИЛОВОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

В настоящее время физическая культура, как и спорт связаны со многими сферами жизнедеятельности сотрудников полиции. Системы развития, образования, воспитания, обучения в силовой физической подготовке направлены на работу с отягощениями и с собственным весом. Особенностью проведения самостоятельных занятий по физической подготовке является систематичность и периодизация выполнения силовых физических упражнений, направленных на развитие всех физических качеств. Одним из видов спортивной деятельности, который направлен на развитие силовой выносливости и способствует формированию силовых качеств, является выполнение комплекса физических упражнений с гирями в рамках самостоятельной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: силовая подготовка, силовая выносливость, физические качества, мышечная сила, гиревой спорт, тренировочная нагрузка, тренировочный объем, тренировочная интенсивность.

KIM Vadim Olegovich

Head of Physical training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BONDAR Albert Yanovich

Associate Professor of Physical training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

BORISOVA Natalya Ivanovna

senior lecturer of Operational investigative activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation, Omsk Academy of the MIA of Russia

PRIVALOV Valeriy Valerjevich

lecturer of Physical training and sports sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

KETTLEBELL EXERCISES AS A MEANS OF IMPROVING THE STRENGTH TRAINING OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Currently, physical education, like sports, is associated with many areas of life of police officers. The systems of development, education, upbringing, and training in physical strength training are aimed at working with weights and with one's own weight. A special feature of conducting independent physical training classes is the systematic and periodization of performing strength exercises aimed at developing all physical qualities. One of the types of sports activities that is aimed at developing strength endurance and contributes to the formation of strength qualities is the performance of a set of physical exercises with kettlebells as part of the independent physical training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: strength training, strength endurance, physical qualities, muscle strength, kettlebell lifting, training load, training volume, training intensity.

Силовая подготовка- это тренировочный процесс, который направлен на формирование физических силовых двигательных навыков и развитие физических качеств для совершенствования силовой деятельности в каком-либо силовом спорте где подразумевается работа с отягощениями, или для совершенствования силовых упражнений при сдаче контрольных нормативов в образовательных организациях МВД России [1].

Влияние физических упражнений зависит от объема и продолжительности применения тренировочной нагрузки, а также от состояния организма сотрудников полиции и способности выдерживать определенную нагрузку на различные группы мышц. Правильная реакция организма на тренировочную нагрузку выражается в совершенствовании двигательных навыков и физических качеств. Современная

методика развития силовой подготовки включает в себя поднятие отягощений, с помощью которых развивается физическая сила (мышечная сила). Упражнение с гирями подразумевают работу с отягощениями, которые заключается в неоднократном поднятии определённого веса в толчке и рывке упражнений.

Известно, что для максимального результата в силовом совершенствовании и развитии, необходимо чередовать минимальный и максимальный вес, с правильным соотношением количества объема и интенсивности. Однако, если мы рассматриваем упражнения с гирями для улучшения силовых качеств человека, то физические результаты можно улучшить используя только малые либо средние веса. Малый вес в гиревом спорте считается до 70 % от максимально поднятого отягощения, средний вес – до 80 %.

Данные веса следует чередовать рассчитывая равномерно нагрузку и высчитывая вес от возможного максимального поднятия в толчке или в рывке. При построении тренировочного плана, следует помнить, что необходимо высчитывать проценты от такого веса гири, который человек может поднять на 5-6 раз, так как это является необходимым количеством раз при развитии силы на основную группу мышц. В каждом упражнении (толчке, либо рывке) нужно сделать по три-четыре подхода. В течение месяца необходимо заниматься с одним и тем же процентным весовым отягощением, после чего можно перейти на вес больше, в зависимости от максимальных возможных поднятых весов в каждом упражнении. Между подходами рекомендуется отдых 3-4 минуты. Связующим элементом в анатомическом построении тела при развитии силовой работы с гирями являются руки - так как они образуют фундамент «ремешка», связывают спортсмена с предметом отягощения, что заставляет предмет двигаться и ускоряться по определённой траектории с помощью мышц ног и тела.

Комплекс из упражнений, который направлен на силовую выносливость должен длиться не более двух часов. Упражнения с гирями развивают не только силовую выносливость, но и также благоприятно воздействуют на развитие скоростно-силовых качеств, так как при выполнении рывка гири, толчка двух гирь и толчка двух гирь по длинному циклу, важна не только максимально приложенная сила к предмету, но и скорость опускания и поднятия весового отягощения. При развитии физической силовой выносливости, человек развивает и увеличивает общую выносливость. Гиревой спорт представляет собой такой вид спорта, суть которого заключается в выполнении толчка гири, вес которого равен 32 либо 24 кг. Рывок и толчок гири воспроизводится как левой, так и правой рукой. Также при выполнении упражнений спортивными гирями, важно отметить развитие мускульной силы (в некоторых источниках указывается мышечная сила).

Так как в первую очередь гиревой спорт является средством укрепления суставов и связок, развития мышц рук плечевого корпуса тела и туловища, в этом виде спорта правильное выполнение движений сопровождается и правильным выполнением техники вдохов и выдохов в определённый момент, и является одним из самых важных условий для выполнения правильного и результативного движения. Эти два элемента связаны друг с другом, так как неправильное дыхание, а именно выполнение вдоха и выдоха при упражнении сбивает ритм при поднятии гири, также и неправильная техника выполнения амплитудного движения может сбивать дыхание, что в целом выражается на результате спортивного движения [2].

Таким образом для того чтобы упражнение с гирями были направлены для развития и совершенствования физических качеств курсантов в силовой подготовке, необходимо правильно чередовать нагрузку поднятия отягощения. Так как в гиревом спорте величина отягощения подразделяется на малый, средние, большие веса, необходимо распределять нагрузку в зависимости от направленности – развивающие, скоростные двигательные, координационные; процессов энергообеспечения - анаэробные и аэробные нагрузки. Важно учитывать координационные способности индивидуально каждого выполняющего и смотреть на правильность технику движений при высокой координационной сложности, а также на психическую напряженность в зависимости от физических возможностей и способностей человека.

При самостоятельной физической подготовке используя упражнения с таким отягощением как гири, выделяется также нагрузка по структуре образованию тренировочного процесса. Необходимо распределять нагрузку как отдельных тренировочных упражнений, соревновательных упражнений, так и специально - подготовительных упражнений распределяя тренировочные занятия с правильным подсчётом суммарной нагрузки микро- и мезоциклов, определяя этапы подготовки, периоды тренировочного года. При составлении нагрузки курсанту необходимо понимать, что тренировочная нагрузка характеризуется как с внешней, так и с внутренней стороны. Каждый метод тренировки может отражать как внешние проявления интенсивности выполнения упражнений, так и интенсивность продолжительности упражнений, количество повторений либо серий и их длительность, интервалы между подходами и интервалы между количеством серий.

Также можно выделить внутреннюю сторону тренировочного процесса, которая описывает физиологические процессы, то есть внутренние изменения при воздействии силовой нагрузки на организм человека. Для того, чтобы оценить внешнюю сторону тренировочного процесса используют показатели объёма и интенсивности с которыми выполняются упражнения с гирями. Интенсивность гиревых упражнений характеризуют мускульную силу (мышечную), то есть определяется величина силы, которую организм способен преодолеть в максимальной значительной степени. При изменении интенсивности нагрузки можно понимать в какой физической подготовке, а именно с какой силой мышечных сокращений человек способен поднимать вес на определённой стадии этапа подготовки.

Прилагаемые усилия, которые связаны с силой и напряжённостью организма на момент воздействия отягощения прямо пропорциональны объёму тренировочной работы во время всей самостоятельной подготовки курсанта [3]. Таким образом, интенсивность, как и объём необходимо грамотно распределять в тех тренировочных процессах, где включены упражнения как с собственным весом, так и с наименьшим. К положительным результатам занятий с гирями относят следующие показатели: скорость и мощность выполнения упражнений, темп движения, координация во время выполнения упражнений, плотность выполнения поднятия отягощения на определённую единицу времени.

Главным показателем правильной интенсивности нагрузки является способность организма поднять планируемый вес в толчке либо рывке упражнения с гирями. При распределении объёма выполняемой работы с гирями можно рассматривать либо подводящие (специально-подготовительные упражнения), либо соревновательные упражнения, которые измеряются количеством повторений подъёма снаряда из суммы понятых весов в серии занятий.

К показателям объёма работы относят: объём в нескольких сериях упражнений, объём тренировочного занятия, общий выполненный объём работы за определённый промежуток времени. Упражнения с гирями в повседневной практике оцениваются путём величины внутренней нагрузки, что характеризуют показатели физической усталости, а также определяется характер восстановления организма после выполнения серий упражнений. Курсантам и слушателям, которые для развития силовой выносливости применяют упражнения с гиревым отягощением, необходимо уделять внимание качеству выполнения движений, показателям частоты сердечных сокращений во время упражнения и про-

порционально распределять интенсивность и объём выполняемой работы в мезо- либо макроцикле [4].

При составлении тренировочного плана необходимо включать упражнения которые будут подразделяться на соревновательные и специально-подготовительные. В специально-подготовительных упражнениях можно задействовать другие отягощения, такие как гантели, штанга - так как данные упражнения больше направлены на правильное формирование техники выполнения толчка двух гирь, рывка гири и толчка двух гирь по длинному циклу. Ниже приведены примеры упражнений для развития силовой выносливости с гирями.

Упражнение № 1.

Прижать обеими руками гирю на уровне груди:

Исходное положение - ноги на ширине плеч, туловище наклонено вперед, руки на ручке гири. Далее поднять гирю в равное положение по уровню груди, максимально приблизить ее к телу, затем вернуться в исходное положение. Повторить упражнение 12-14 раз.

Упражнение № 2.

Поднятие гири вверх двумя руками.

Исходное положение - поднять гирю вверх на прямые руки (поднимать по вертикали). Далее — вернуться в исходное положение. Повторить упражнение 12—15 раз.

Упражнение № 3.

Поднять гирю двумя руками к плечевому корпусу.

Исходное положение — поставить впереди себя гирю и взяться руками за ручку — правой рукой снизу, левой сверху (при подъеме к правому плечу).

Далее махом поднять гирю к правому плечу и вернуться в исходное положение. Повторить упражнение по 6-8 раз к правому и левому плечу поочередно.

Упражнение № 4.

Толчок гири двумя руками вверх.

Исходное положение — поднять гирю к плечу, как в упражнении № 3.

Поднять гирю к плечу, далее толкнуть гирю двумя руками вверх и отвести руку в сторону, опустить гирю к плечу. Повторить упражнение 8-12 раз правой и левой рукой поочередно.

Упражнение № 5.

Толчок гири одной рукой.

Исходное положение — поставить гирю впереди, ноги на ширине плеч, согнуть в коленях. Взять рукой гирю хватом сверху.

Махом поднять гирю к плечу, далее толкнуть вверх и опустить гирю к плечу, одновременно слегка сгибая ноги. Опустить гирю на пол (в исходное положение). Повторить упражнение 8-10 раз правой и левой рукой поочередно.

Круговые движения гирей двумя руками вправо и влево. Повторить упражнение 8—12 раз в каждую сторону. Те же движения, но с гирями весом 16—24 кг (для удлинения рычага гирю можно прочно привязать к полотенцу и проделать то же упражнение).

Таким образом, при достаточном объеме поднятия гири и равномерной интенсивности развивается сила ног, мышц спины, появляется силовая выносливость. Развитие мускульной силы и силовой выносливости прямо пропорционально развитию мышечной силы, так как при формировании абсолютной и относительной силы в гиревом спорте развивается скоростно-силовая выносливость движений при условии неоднократного повторения поднятия гири. Упражнения с гирями являются наиболее эффективными, так как

задействуются наиболее важные мышцы во время силовой деятельности, такие как: мышцы сгибатели бедра, ноги, спины, руки. Об этом свидетельствуют результаты физических и анатомических измерений спортсменов, которые систематически и непрерывно совершают упражнения на вышеуказанные группы мышц.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., Мингулов И. Р. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД РФ в процессе их физической подготовки // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник научных статей, Орёл, 23 июня 2022 года. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2022. – С. 30-33.
2. Бабин А. В., Ячменев С. П., Лукьянов А. Б. [и др.]. Актуальные проблемы физического воспитания и спорта в России // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Уфа, 25-26 мая 2023 года. – Уфа: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 66-70.
3. Габдрашитова К. И., Якушев Э. В., Ивашенко Н. Ю. Основы физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 446-448.
4. Лукьянов А. Б., Бабин А. В. Исследование специальной тренированности пауэрлифтеров массовых разрядов в упражнении жим лежа // Теоретические и методологические аспекты подготовки специалистов для сферы физической культуры, спорта и туризма: сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, Волгоград, 20-21 октября 2021 года. Том 1. – Волгоград: Волгоградская, 2021. – С. 167-171.

НИКИТИН Александр Игоревич

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

АРХИПОВ Евгений Владимирович

старший преподаватель, Барнаульский юридический институт МВД России

ПЕСТЕРЕВ Николай Николаевич

старший преподаватель, Барнаульский юридический институт МВД России

СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНЫЕ ВИДЫ СПОРТА КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СОТРУДНИКА ОВД

В статье подчеркивается значимость служебно-прикладных спортивных дисциплин в профессиональном развитии сотрудников органов внутренних дел. Анализируется система профессиональной подготовки правоохранительных кадров, включая исторический генезис боевого самбо как основы формирования методики боевых приемов борьбы. Особое внимание уделяется специфике применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел в контексте интеграции различных специально-прикладных техник и спортивных единоборств. Боевое самбо представляет собой оптимальный инструментальный силовой воздействия в системе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: боевое самбо, сотрудник, применение физической силы, профессиональная подготовка.

NIKITIN Alexander Igorevich

associate professor of Fire and tactical-special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ARKHIPOV Evgeniy Vladimirovich

senior lecturer, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PESTEREV Nikolay Nikolaevich

senior lecturer, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SERVICE-APPLIED SPORTS AS THE BASIS FOR THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF AN EMPLOYEE OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS

The article highlights the importance of applied sports disciplines in the professional development of law enforcement officers. The article analyzes the system of professional training of law enforcement personnel, including the historical genesis of combat sambo as the basis for the formation of methods of combat techniques of wrestling. Special attention is paid to the specifics of the use of physical force by law enforcement officers in the context of the integration of various specially applied techniques and martial arts. Combat sambo is an optimal tool for using force in the system of professional training of law enforcement officers.

Keywords: combat sambo, employee, use of physical force, professional training.

Спортивная деятельность играет фундаментальную роль в профессиональном развитии личности. Физическая культура, неотъемлемой частью которой является спорт, формирует целеустремленность, способствует достижению высоких показателей и активизирует физический, психологический и моральный потенциал индивида. Этимологически термин «Sport», происходящий от английского языка, обозначает регламентированную игровую активность и подготовительный процесс к ней. Данная деятельность предоставляет широкие возможности для физического совершенствования, развития волевых качеств и укрепления здоровья многочисленных групп населения.

В контексте профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел спорт выступает инструментом непрерывного повышения квалификации, обеспечивая необходимый уровень подготовленности к выполнению служебно-оперативных задач и поддержанию высокой работоспособности.

Военно-прикладной спорт включает комплекс дисциплин: многоборье, преодоление препятствий, ориентирова-

ние на местности, лыжные патрульные гонки со стрельбой, плавание в обмундировании с оружием и автомобильное маневрирование. Соревновательные мероприятия проводятся в условиях, максимально приближенных к реальным: на специально оборудованных полигонах, с использованием военной экипировки, как в индивидуальном порядке, так и в составе подразделений.

Существенное развитие данные спортивные дисциплины получили в послевоенный период, став неотъемлемой частью спартакиад Вооруженных Сил и ДОСААФ СССР. В современной России основным центром развития военно-прикладных видов спорта является ЦСКА, основанный в 1923 году. Клуб способствовал становлению различных спортивных направлений, имеющих военно-прикладное значение, и в настоящее время объединяет спортсменов из 126 российских городов.

Современное развитие военно-прикладных видов спорта регламентируется правительственным постановлением № 695 от 20.08.2009, определяющим перечень дисциплин и уполномоченные федеральные органы [1]. Исследователи

отмечают значимость служебно-прикладных видов спорта в формировании профессиональной работоспособности сотрудников правоохранительных органов, подчеркивая их роль в повышении эффективности оперативно-служебной деятельности.

Совершенствование физической подготовки личного состава МВД России представляет собой актуальное направление современных научных изысканий, поскольку результативное выполнение служебных задач сотрудниками правоохранительных органов требует профессионального владения боевыми приемами и высокого уровня тактико-специальной и огневой подготовки. Следовательно, формирование боевых компетенций в системе правоохранительных органов должно фокусироваться на развитии профессионально-прикладных навыков.

Интеграция соревновательного элемента в сочетании с методологией целевого комплексного воздействия и систематизированного тренировочного процесса демонстрирует высокую эффективность не только в формировании практических умений, но и в развитии морально-волевых характеристик личности, включая храбрость, решимость, целенаправленность, проявление инициативы и креативного мышления. Именно самбо, помогает сотруднику полиции, развивать данные качества.

Самбо, уникальное боевое искусство советского происхождения, представляет собой комплексную систему самозащиты без оружия, которая получила свое развитие еще в период существования СССР. В настоящее время данная дисциплина признана официальным видом спорта и относится к категории служебно-прикладных единоборств.

Формирование самбо началось в 1920-х годах под эгидой НКВД и Красной Армии с целью совершенствования навыков рукопашного боя военнослужащих. Значительный вклад в развитие этого боевого искусства внес В. С. Ощепков, который, пройдя обучение в Японии под руководством основателя дзюдо Кано Дзигоро, преподавал в Центральном доме Красной армии [2, с. 141].

Параллельно развивались два направления самбо: система В. А. Спиридонова, характеризующаяся более мягким подходом, и «свободная борьба» В. С. Ощепкова.

Дальнейшее развитие фундаментальных принципов самбо осуществлялось под руководством А. А. Харлампиева и И. В. Васильева, совершивших многочисленные экспедиции для исследования национальных боевых традиций различных народов. В научных кругах А. А. Харлампиев признается основоположником самбо.

Становление самбо как массового военно-прикладного вида спорта первоначально происходило на базе ЦСКА, функционировавшего в структуре Красной армии, а впоследствии в рамках спортивного общества «Динамо», являвшегося подразделением НКВД в системе государственной безопасности СССР.

В правоохранительной практике сотрудники полиции регулярно сталкиваются с необходимостью применения мер принуждения к правонарушителям, обладающим навыками рукопашного боя и склонным к проявлению физического насилия различной степени жестокости.

Исследование нормативно-правовой базы, регулирующей физическую подготовку в органах внутренних дел (1996-2020 гг.), выявило тенденцию к постепенному исключению из

ведомственных документов элементов боевого самбо, включая прикладные техники ударов головой, борьбы в партере и удушающих приемов [3, с. 111].

В современных условиях функционирования органов внутренних дел боевое самбо сохраняет свою первостепенную значимость как прикладной вид единоборств, необходимый каждому сотруднику правоохранительных структур. Данная система позволяет достигать максимальной результативности силового воздействия при оптимальных энергозатратах сотрудника в рамках служебных полномочий. Физическое принуждение в правоохранительной деятельности представляет собой регулярную практику, зачастую являясь единственным способом обеспечения безопасности.

Согласно приказу МВД России №44 от 2 февраля 2024 года «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», физическая подготовка структурирована по трем основным разделам:

1. Общая физическая подготовка, охватывающая комплексные упражнения гимнастического характера, атлетическую подготовку, легкоатлетические дисциплины, навыки быстрого передвижения, преодоление препятственных элементов, лыжную подготовку, плавательные дисциплины и командные спортивные игры.

2. Служебно-прикладная физическая подготовка, направленная на освоение специализированных физических упражнений, включая боевые приемы борьбы.

3. Тактическая подготовка в области применения боевых приемов борьбы, предусматривающая решение тактических задач и выполнение практических заданий по использованию приемов единоборств [4].

Программа подготовки включает освоение боевых стоек, ударной техники и защитных действий, болевых и бросковых приемов, удушающих техник, способов освобождения от захватов, методов противодействия вооруженному противнику, а также навыков оказания помощи. Все элементы отрабатываются согласно установленному регламенту и последовательности.

Согласно п. 15, статьи 12 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», сотрудники обязаны соответствовать квалификационным требованиям к занимаемой должности в органах внутренних дел по уровню физической подготовки [5].

В настоящее время популярность самбо существенно снизилась по сравнению с советским периодом. Снижение интереса к единоборствам обусловлено преимущественно экспансией цифровых технологий в молодежной среде и негативным наследием 1990-х годов. Подобная тенденция привела к утрате классических методик обучения, что отрицательно сказывается на формировании физических навыков у будущих правоохранителей.

Министерство внутренних дел Российской Федерации интегрировало элементы боевого самбо в универсальный комплекс боевых приемов борьбы (БПБ).

В контексте профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов самбо представляет комплексную спортивную дисциплину, включающую специализированные техники противодействия противнику. Основополагающей задачей является обеспечение личной безопасности и защиты граждан в конфликтных ситуации-

ях. Исторический анализ нормативной документации по физической подготовке периода 1970-1980-х годов свидетельствует о значительном объеме часов, отводимых на освоение самбо сотрудниками органов внутренних дел - приблизительно 40 часов ежемесячно, при параллельном выполнении иных служебных обязанностей. Современные ведомственные директивы демонстрируют тенденцию к сокращению временных ресурсов, выделяемых на физическую подготовку. Тем не менее, совершенствование навыков самбо и освоение боевых приемов борьбы сохраняют первостепенное значение в структуре профессионального обучения правоохранительных кадров. При этом наблюдается существенный дисбаланс: если образовательные учреждения МВД России располагают достаточным временным ресурсом для полноценного освоения боевых техник, то территориальные подразделения характеризуются заметно меньшим объемом часов, отведенных на физическую подготовку, включая обучение методам задержания и конвоирования.

В контексте текущих проблем и актуальной потребности в качественной подготовке сотрудников органов внутренних дел методам самообороны без применения оружия, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возобновлении комплексного подхода к преподаванию самбо и других видов боевых единоборств в рамках физической подготовки.

В профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов регулярно возникает необходимость применения физической силы и боевых приемов борьбы, частота которой существенно различается между подразделениями. Данное обстоятельство обуславливает необходимость особого внимания к формированию устойчивых профессиональных навыков, что может быть достигнуто посредством реализации некоторых подходов:

Первое направление включает систематическое совершенствование фундаментальных двигательных паттернов, составляющих основу системы боевых приемов борьбы. Это предполагает использование вспомогательного инвентаря, повторение и выполнение комплексов специальных упражнений, и различные модификации из базовых движений.

Второе направление предусматривает создание институциональной инфраструктуры в рамках системы МВД России для поддержания и совершенствования приобретенных навыков посредством нормативно-правового и организационного обеспечения.

Третье направление ориентировано на разработку адаптированной спортивной системы специальной подготовки для гражданских лиц.

Резюмируя вышеизложенное, установлено, что применение сотрудниками полиции техник боевого самбо и иных приемов борьбы характеризуется выраженной спецификой и демонстрирует наибольшую эффективность при задержании невооруженных правонарушителей, в том числе находящихся в состоянии различных интоксикаций.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2009 г. № 695 «Об утверждении перечня военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство развитием этих видов спорта». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Алдошин А. В., Баркалов С. Н., Герасимов И. В. Специальная физическая подготовка сотрудников ОВД к выполнению служебно-боевых задач в условиях локальных конфликтов: монография / Под общ. ред. А. В. Алдошина. - Орел: ОрЮИИ МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2023. - С. 14.
3. Герасимов И. В. Методика подготовки сборных команд ОВД по служебно-прикладным видам спорта // Наука и практика. - 2013. - С. 111.
4. Приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

АХИЯРОВ Роберт Айратович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

КОШЕВЕЦ Геннадий Владимирович

начальник учебного отдела, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ОЛЕФИРЕНКО Александр Геннадьевич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АНАЛИЗА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ СТРЕЛЬБЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В настоящей работе исследуются возможности применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) для анализа и совершенствования техники стрельбы сотрудников органов внутренних дел. Таким образом, в работе рассматриваются методы машинного обучения и компьютерного зрения, позволяющие объективно оценивать параметры стрельбы, такие как точность, скорость реакции и стабильность выполнения упражнений. В работе будет приведен пример отечественных разработок в данной сфере, а также иностранные разработки. Результаты исследования демонстрируют потенциал ИИ в оптимизации процесса обучения и повышения эффективности огневой подготовки личного состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, подготовка, огневая подготовка, искусственный интеллект, тренажеры для стрельбы.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

AKHIYAROV Robert Ayratovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KOSHEVETS Gennadiy Vladimirovich

Head of the Training Department, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

OLEFIRENKO Alexander Gennadjevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO ANALYZE AND IMPROVE THE SHOOTING TECHNIQUES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

This paper explores the possibilities of using artificial intelligence (AI) to analyze and improve the shooting techniques of law enforcement officers. Thus, the paper considers machine learning and computer vision methods that allow an objective assessment of shooting parameters, such as accuracy, reaction speed, and exercise stability. The paper will provide an example of domestic developments in this field, as well as foreign developments. The results of the study demonstrate the potential of AI in optimizing the training process and improving the effectiveness of fire training for law enforcement personnel.

Keywords: law enforcement agencies, training, fire training, artificial intelligence, shooting ranges.

Начать рассмотрение темы данного научного исследования, в первую очередь необходимо с того факта, что в современных условиях развития технологий ИИ становится ключевым инструментом для оптимизации профессиональной деятельности в различных сферах, деятельность правоохранительных органов не является исключением. Нельзя также не отметить и тот факт, что одной из актуальных задач в области подготовки сотрудников органов внутренних дел является совершенствование техники стрельбы, развития соответствующих навыков, что напрямую влияет на эффективность выполнения служебных обязанностей, а также на обеспечение личной безопасности сотрудника, безопасности граждан и их собственности. Интересным и подлежащим рассмотрению является и тот факт, что непосредственно само применение ИИ для анализа и коррекции стрелковых навыков открывает новые возможности для объективной оценки и повышения уровня огневой подготовки отдельно взятого сотрудника. Следовательно, внедрение таких высокотехнологичных систем позволяет не только выявлять ошибки в технике стрельбы, но и разрабатывать индивидуальные рекомендации, что способствует формированию более устойчивых и точных навыков у сотрудников органов внутренних дел.

Рассматривая положительные качества системы обучения с ИИ нельзя не отметить то, что обладая способностью к обработке больших объемов данных и адаптации к индивидуальным особенностям пользователя, позволяет создавать уникальные сценарии обучения, максимально приближенные к реальным условиям службы. Также ИИ способен подмечать особенности, которые не видны человеку, соответственно и предлагать крайне не очевидные способы решения определенных проблем. Это особенно важно для огневой подготовки, где ключевое значение имеет не только техническое владение оружием, но и способность быстро принимать решения в стрессовых ситуациях. Применение ИИ дает возможность моделировать разнообразные тактические сценарии, анализировать ошибки обучаемых в режиме реального времени и предлагать персонализированные рекомендации для их устранения. Кроме того, использование технологий машинного обучения позволяет накапливать и систематизировать опыт, полученный в ходе тренировок, что способствует формированию более эффективных методик подготовки.

Далее переходим к перспективам использования ИИ в процессе обучения сотрудников правоохранительных органов. Как указывалось ранее потенциал систем обучения с

ИИ неограничен, но по моему мнению необходимо выделить крайне значимые направления, применения ИИ в которых, позволит достичь качественных результатов в практической стрельбе.

Так для начала отметим способность персонализации инструментов ИИ. Таким образом, одним из ключевых преимуществ использования ИИ является возможность персонализации обучения. Так по причине способности обработки ИИ значительного объема данных, системы на основе ИИ способны практически моментально анализировать индивидуальные особенности каждого сотрудника, включая уровень физической подготовки, когнитивные способности и психоэмоциональное состояние. Это возможно также по причине способности ИИ к самообучению. Именно способность обучающей системы к самообучению, исключающему человеческий фактор, а также идеальная память, делают ее крайне эффективной, в том числе и при подготовке сотрудников. Таким образом, на основе этих данных формируются индивидуальные траектории обучения, что позволяет максимально эффективно использовать учебное время и ресурсы.

Также отметим такое перспективное направление использования ИИ, как применение технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR), интегрированных с ИИ. Такие системы позволяют моделировать реалистичные сценарии, с которыми сотрудники могут столкнуться в реальной службе. ИИ анализирует действия обучающихся в виртуальной среде, предоставляя обратную связь и рекомендации по улучшению. Это не только повышает уровень практической подготовки, но и снижает риски, связанные с использованием реального оружия на начальных этапах обучения.

И заключительным перспективным направлением, где может быть применен ИИ является то, что ИИ может быть использован для автоматизации оценки результатов тренировок и отработки упражнений с огнестрельным оружием. ИИ способен объективно анализировать данные, такие как точность стрельбы, скорость реакции и принятия решений. Это позволяет более точно определять уровень подготовки сотрудников и своевременно вносить коррективы в учебный процесс. Так далее будет рассмотрена система, которая обладает указанным функционалом.

Так, в 2023 году в Российской Федерации представлен новый автоматизированный мишенный комплекс (АМК) «Новатор», предназначенный для повышения результативности занятий по огневой подготовке. Об этом сообщает официальный сайт концерна «Калашников» [3].

Новацию разработали специалисты Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения (АО «ЦНИИТОЧМАШ», концерн «Калашников»). Они добились возможности применения искусственного интеллекта для повышения эффективности обучения стрельбе из различных видов стрелкового оружия.

Новейший комплекс состоит из акустической мишени, «падающей» мишенной установки типа УМУ-С-127 с типовой мишенью, интерфейсного блока и персональной электронно-вычислительной машины (ПЭВМ), которая осуществляет управление работой АМК. Благодаря возможностям искусственного интеллекта, комплекс может фиксировать количество попаданий и промахов, места в мишени, куда попал стрелок, а также разделять первые и последующие выстрелы.

Специалисты считают, что использование комплекса позволит модернизировать систему данных о результатах учебных стрельб. Сейчас попадания и промахи стрелявших фиксируются с помощью пуль, окрашенных в разные цвета. Комплекс «Новатор» основан на отечественных технологиях, но не уступает по своей результативности передовым зарубежным системам подобного типа.

Кроме того, комплекс сводит к минимуму негативное влияние на результаты стрельбы таких помех как рикошет или попадание кусков земли и грязи в мишень. В этом случае он просто не будет фиксировать попадания. Еще одной сильной характеристикой устройства является фиксация очень близких промахов и попаданий в края мишени. Система формирует банки данных с результатами учебных стрельб, что позволяет отвечающим за огневую подготовку военнослужащих и сотрудников силовых подразделений инструкторам анализировать успехи обучаемых и отслеживать динамику. Наконец, комплекс автономен и мобилен в эксплуатации, что позволяет легко доставлять его в небольшие воинские подразделения или отделы полиции [2].

Далее рассмотрим интересные тренажеры, представленные зарубежными компаниями. Так, например, французская компания «Thales» разработала инновационное решение для тактической подготовки сотрудников полиции и иных специальных подразделений (преимущественно правоохранительных органов). Система Tactical Engagement Analysis основана на использовании ИИ для анализа действий стрелков в режиме реального времени. В ходе тренировок система фиксирует такие параметры, как точность стрельбы, положение оружия, траектории выстрелов и взаимодействие между участниками. ИИ обрабатывает эти данные, предоставляя инструкторам детализированные отчеты и рекомендации по улучшению обучения. Отметим также, что преимущество данной системы заключается в ее портативности и масштабируемости. Кроме того, ИИ позволяет проводить анализ поведения стрелков на уровне, недоступном для традиционных методов обучения, что способствует более глубокому пониманию ошибок и их устранению [4].

Интересным, для полного раскрытия является и тренажер, представлен Шведской компанией, совместно с Университетом Умео. Он представляет собой сложное сочетание технологий виртуальной реальности и ИИ. Данная совокупность технологий позволяет приблизиться к реальности сотрудникам во время тренировок. Имитация сложных специальных задач в режиме виртуальной реальности также позволяет подготовить сотрудника психологически, а также быстро довести до них задачу непосредственно перед операцией, что выделяет ее перед аналогами. В первую очередь особенностью данной системы является ее адаптивность. ИИ подстраивает сложность сценариев в зависимости от уровня подготовки стрелка, что позволяет индивидуализировать процесс обучения. Кроме того, система предоставляет обратную связь в режиме реального времени, что способствует быстрому усвоению навыков [5].

Подводя итог данной работы необходимо отметить, что в ходе анализа положительных аспектов использования ИИ, стоит отметить и выделить его способность обрабатывать большие объемы данных, что способствует созданию уникальных сценариев обучения, максимально приближенных к реальным условиям службы. Это, в свою очередь, способствует формированию более устойчивых и точных навыков стрельбы, что критически важно для обеспечения личной безопасности сотрудников и граждан.

Также необходимо отметить, что перспективы применения ИИ в огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел не ограничены, технологии в данном направлении стремительно развиваются, это подтверждается результатами работы отечественных и зарубежных компаний. В качестве примера успешного внедрения ИИ можно привести новый автоматизированный мишенный комплекс «Новатор», разработанный в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Абидов Р. Р. Правовые основы организации огневой подготовки сотрудников полиции // Журнал прикладных исследований. 2021. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 20.01.2025).
2. ИИ обучит стрельбе: подробности о новации «Калашникова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/news/119788-ii-obuchit-strelbe-podrobnosti-o-novacii-kalashnikova/> (дата обращения: 20.01.2025).
3. «Калашников»: искусственный интеллект «Новатора» обучит меткой стрельбе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kalashnikovgroup.ru/news/kalashnikov_iskusstvennyy_intellekt_novatora_obuchit_metkoy_strelbe (дата обращения: 20.01.2025).
4. Thales Group. Tactical Engagement Analysis: AI-driven training solutions for law enforcement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thalesgroup.com> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Umea University. Virtual Reality and AI in Police Training: A Case Study [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.umu.se> (дата обращения: 20.01.2025).

ПАНОВА Ольга Сергеевна

кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

КОЛОМИЙЧЕНКО Елена Валерьевна

кандидат психологических наук доцент кафедры теоретических основ физического воспитания, Академия физической культуры и спорта Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

ФОМИЧЕВ Илья Алексеевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МВД: ОТ ТЕСТИРОВАНИЯ ДО ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПРОГРАММ

В статье рассматривается комплексный подход к оценке физической подготовки сотрудников МВД, охватывающий методы тестирования и разработки персонализированных программ тренировок. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения физической подготовки сотрудников для выполнения служебных обязанностей и обеспечения безопасности. В работе анализируются современные методики тестирования, их преимущества и недостатки, а также рассматриваются факторы, влияющие на индивидуальные программы подготовки. Основное внимание уделяется интеграции данных о состоянии здоровья и физической активности сотрудников для создания более эффективных тренировочных планов. Результаты исследования могут быть полезны для профессиональной подготовки кадров и повышения их функциональной готовности.

Ключевые слова: физическая подготовка, сотрудники МВД, тестирование, персонализированные программы, комплексный подход.

PANOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

KOLOMIYCHENKO Elena Valerjevna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Theoretical foundations of physical education sub-faculty, Academy of Physical Culture and Sports, Southern Federal University, Rostov-on-Don

FOMICHEV Ilya Alexeevich

senior lecturer of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

AN INTEGRATED APPROACH TO ASSESSING THE PHYSICAL FITNESS OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: FROM TESTING TO PERSONALIZED PROGRAMS

The article examines the importance of professionally applied physical training (PPFP) in the system of physical training of employees of internal affairs bodies. It is noted that the specifics of the operational and official activities of employees of the Ministry of Internal Affairs determines the special importance of PPFP as the main means of forming professionally significant physical qualities and motor skills. The analysis of the current state of PPFP in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia is carried out. The main problems that negatively affect the effectiveness of this area of physical training are identified: the inconsistency of the content of the PPFP with the relevant requirements for the professional activity of employees, insufficient differentiation of curricula by job responsibilities, low level of motivation of students for classes. The main directions for improving the PPFP are proposed: optimization of the content and structure of the PPFP, taking into account modern requirements for employees of the Ministry of Internal Affairs; introduction of innovative forms and methods aimed at improving the effectiveness of classes; differentiation of PPFs by job groups; development of criteria and indicators for assessing professionally applied physical fitness. The implementation of the proposed measures, according to the authors, will increase the level of professionally applied physical fitness of employees of the internal affairs bodies, and will also contribute to the improvement of their professional competencies necessary for the successful performance of official duties.

Keywords: employees of the Ministry of Internal Affairs, professionally applied physical training, physical fitness, improvement of forms and methods.

Физическое совершенствование работников МВД играет ключевую роль в их профессиональной компетенции. Выполнение служебных обязанностей предполагает не только глубокое теоретическое осведомленность, умения и способности, но также требует от сотрудников высокого уровня физической подготовки: стойкости к нагрузкам, силовой выносливости и отличной координации движений. Кроме того, оптимальная физическая форма значительно усиливает стрессоустойчивость кадров МВД, снижая уровень физической усталости и способствуя повышению общих рабочих ресурсов организма.

Анализ статистических данных свидетельствует: уровень физической готовности у сотрудников МВД существенно влияет на качество исполнения служебных миссий – показатели

выше среди тех, кто обладает отличной подготовкой. Это не только повышает индивидуальную эффективность каждого служащего, но и непосредственным образом укрепляет безопасность гражданского населения страны в целом.

Систематический анализ уровня спортивной готовности служащих Министерства внутренних дел предполагает применение широкого спектра тесно интегрированных методик для полного выявления как общего, так и специализированного физического состояния сотрудников, а также оценки их здоровья.

Прямое тестирование служит основным инструментом для наиболее точной оценки физической формы, предполагающим выполнение конкретных нормативов через:

— дистанционный бег на длинные расстояния (3-5 км);

— динамичные упражнения вроде подъемов туловища и отжиманий;

— функциональное тестирование силы и выносливости, включающее максимум повторений при жиме лежа и приседаниях.

Данные задания служат для комплексной оценки выносливости, силовых качеств и степени общей физической подготовленности работников. Сопоставление полученных показателей с профессиональными критериями позволяет точно установить текущий уровень физического состояния каждого сотрудника.

Анкетирование выступает незаменимым средством сбора данных о здоровье персонала, включающим:

1) оценку степени физической активности вне рабочего времени;

2) выявление хронических недугов у сотрудников;

3) анализ влияния вредных привычек на общее состояние организма.

Использование данного метода обеспечивает точное определение групп с повышенным риском для здоровья и позволяет разработать целевые программы по коррекции выявленных проблем. Ключевым моментом является анонимность анкет, что способствует открытому и правдивому ответу сотрудников на заданные вопросы.

Регулярная диагностика включает в себя:

1) определение основных антропометрических параметров;

— массы тела и роста;

2) глубокое исследование состояния сердца, сосудов и функций дыхания у сотрудников.

Полноценная медицинская диагностика позволяет своевременно обнаруживать патологии и нарушения в организме работников, что напрямую влияет на их функциональные возможности и работоспособность.

Систематический контроль над поведенческими аспектами сотрудников на рабочих местах служит оценкой их динамических адаптационных возможностей, включая выносливость и координацию действий в реальных условиях. Создание таких наблюдений становится ценным источником информации о степени физической активности персонала и его здоровья.

Исходя из комплекса собранной информации по уровню физического состояния работников, возможно создание индивидуализированных тренировочных планов с учетом уникальных особенностей каждого сотрудника — его личных нужд, способностей к нагрузкам и конечных целей.

Для каждого сотрудника, исходя из его уникальных особенностей в области физической подготовки, разрабатываются индивидуальные тренировочные стратегии:

1) целевые силовые упражнения;

2) создание подробных диетических схем с учетом персонализированных потребностей;

3) предложения по корректировке образа жизни для стимуляции физической активности.

Применение актуальных цифровых решений вроде фитнес-приложений для смартфонов становится ключевым элементом инфраструктуры поддержки физкультурно-оздоровительных программ на предприятиях.

Регулярные групповые занятия способствуют укреплению мотивации персонала, а также куются дух сотрудничества и сплоченности коллективов. Организация спортивных мероприятий, турниров и обучающих семинаров не только оптимизирует межличностное взаимодействие между работниками, но и закладывает основы корпоративного подхода к здоровому образу жизни.

Для эффективной реализации индивидуальных фитнес-планов необходимо системно отслеживать их результативность через повторные тесты, опросы персонала и профессиональные медицинские осмотры. Оценка прогресса

подразумевает адаптацию программ в соответствии с анализируемыми данными. Это обусловлено тем, что физическая подготовленность — процесс живой и развивающийся, требующий непрерывной коррекции и поддержки со стороны специалистов.

Современная методика оценивания физического состояния сотрудников МВД, основанная на комплексном подходе:

1. Точность и непредвзятость: разносторонняя система оценок обеспечивает высокую степень достоверности данных, что в свою очередь способствует правильной диагностике уровня здоровья работников.

2. Персонализированный подход: индивидуально разработанные программы стимулируют личную заинтересованность сотрудников и оптимизируют достижение их физических пиков.

3. Поддержание долгосрочных результатов: регулярная проверка и адаптация программ гарантирует устойчивое сохранение высокого уровня физической подготовки среди персонала на протяжении времени.

Разносторонний анализ уровня физической формы служащих МВД — ключевой фактор, определяющий увеличение производительности труда и гарантию отличной боевой готовности к исполнению должностных обязанностей. Применение структурированного тестирования с разработкой индивидуальных тренировочных планов не только укрепляет здоровье сотрудников, но и существенно повышает качество безопасности для населения. Обеспечение постоянной заботы о физической подготовке персонала МВД является стратегическим направлением поддержания их здоровья в оптимальной кондиции для выполнения служебных функций на высоком уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Ачкасов Е. Е., Левитан А. П., Шпагин С. В. Современные технологии оценки физической подготовленности сотрудников МВД России // Теория и практика физической культуры. - 2021. - № 9. - С. 66-68.
2. Горбунов А. В., Коломенская Е. А. Особенности профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. - 2021. - № 3. - С. 75-78.
3. Зайцев А. А., Манжелей И. В., Мальцев А. В. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Теория и практика физической культуры. - 2022. - № 1. - С. 83-85.
4. Лубышев Е. А., Семенов А. А., Крюкова Д. А. Анализ состояния и направления совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - № 6. - С. 167-171.

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна

студент, Институт подготовки государственных и муниципальных служащих, Академия права и управления ФСИН России

ТУАРМЕНСКИЙ Владимир Викторович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории, Академия права и управления ФСИН России

К ПРОБЛЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В статье раскрыты перспективы внедрения инновационной инфраструктуры в уголовно-исполнительные отношения, а также специфика цифровых преобразований в данной сфере. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования кадров, тем самым реализуя положения Концепции развития на период до 2030 года. Сотрудники уголовно-исполнительной системы должны обладать навыками критического мышления, быть обучены пониманию основных технических категорий информационной среды, уметь работать с ними и распознавать потенциальные трудности с техническими устройствами.

Ключевые слова: цифровизация, информация, уголовно-исполнительная система, ведомственные организации, кадровая политика, модернизация.

PEKAREVA Viktoriya Vladimirovna

student, Institute of Training of State and Municipal Employees, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

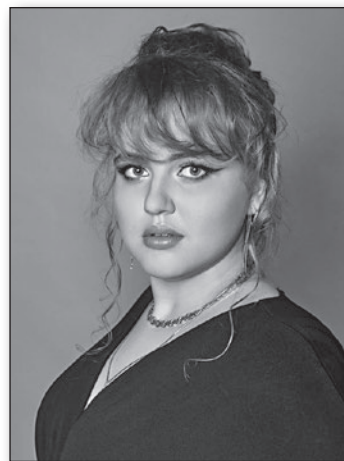
TUARMENSKIY Vladimir Viktorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

ON THE PROBLEM OF INFORMATION INFRASTRUCTURE EDUCATION IN THE PENAL SYSTEM

The article reveals the prospects for the introduction of innovative infrastructure in penal relations, as well as the specifics of digital transformation in this sphere. Special attention is paid to the need to improve personnel, thus realizing the provisions of the Development Concept for the period up to 2030. The staff of the penal and correctional system should have critical thinking skills, be trained to understand the main technical categories of the information environment, be able to work with them and recognize potential difficulties with technical devices.

Keywords: digitalization, information, penal system, departmental organizations, personnel policy, modernization.

Пекарева В. В.

Туарменский В. В.

Ведомственные организации разных типов занимают уникальное положение и имеют многоуровневую структуру, элементы которой скоординированно взаимодействуют друг с другом. Такое описание внутренней организации характерно и учреждениям ФСИН России как органам власти, осуществляющим функции в области исполнения уголовных наказаний по отношению к разным категориям лиц.

При анализе деятельности в уголовно-исполнительной системе (УИС), как в общем, так и в контексте современных тенденций, необходимо привлекать к рассуждениям непосредственно имеющие отношение к учреждениям ФСИН России образовательно-научные заведения, предоставляющие возможность подготовки профессиональных специальных кадров и иные механизмы совершенствования системы изнутри. Для эффективного её функционирования целесообразно постоянное совершенствование кадровой политики. Интересен аспект повышения профессиональных навыков сотрудников УИС, что обосновано модернизирующейся стратегией в плане введения института пробации, то есть оптимизацией вектора социальной адаптации и реабилитации лиц, и совершенствования

способов организационного воздействия и обучения, используя механизм цифровизации. Если основные вопросы подготовки кадров в сфере разработки, внедрения и эксплуатации технических средств охраны и надзора могут быть решены за счет ведомственных вузов, то для сферы информатизации УИС решение задачи кадрового обеспечения техническими специалистами становится сложнее [10]. Внедрение информационных изменений в складывающиеся общественные отношения уголовно-исполнительной системы репрезентативно, поскольку данный процесс обуславливается научно-техническими достижениями, повсеместным повышенным использованием виртуальных площадок, необходимым достижением национальной «цифровой зрелости», оптимизацией трудовых, образовательных, научных сфер и самого исполнения наказаний посредством инновационных методов через девайсы, программы, искусственный интеллект и иное электронно-телекоммуникационное оборудование или обеспечение [9]. В принципе учет специфики информационного пространства является не только объективным процессом, который нельзя отменить и невозможно запретить, но что самое

главное его игнорирование неизбежно приведет к экономической и как следствие и интеллектуальной деградации [2].

Президент Российской Федерации В. В. Путин на пленарном заседании в рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024) обозначил, что в обстоятельствах нынешней цифровой модернизации производительность труда находится в прямой зависимости от цифровых нововведений, технической автоматизации рабочих видов деятельности и использования искусственного интеллекта. Также Президент России конкретизировал: чтобы достичь сбалансированного результата в интенсификации эксплуатации вычислительных ресурсов и достижения кадрового просвещения, выработки навыков для работы с ИТ-продуктами из-за необратимых современных тенденций, в конечном итоге, необходимо создать и внедрить цифровые платформы во всех сферах жизнедеятельности и в их системе управления до 2030 г.

Темпы роста инвестиций и непосредственно в инкорпорирование ИТ-решений затрагивают не только исключительно экономические процессы, но и государственный аппарат. Несомненно, как временные рамки реализации, так, по сути, цифровые преобразования воздействуют на уголовно-исполнительную систему, о чем свидетельствует распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Данная концепция интегрирует и синергирует функции, воплощение полномочий и задач на практике органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества для прогрессивного апгрейда отношений, складывающихся в уголовно-исполнительной системе [5]. Однако это не единственная правовая база, которая предполагает создание современной информационной инфраструктуры, использование искусственного интеллекта, полного перехода к электронному документообороту, совершенствование баз данных, хранящих разноуровневые типы сведений, применение технических средств в рамках реализации видов деятельности УИС, одной из которых является обеспечение строгой изоляции осужденного от общества и иные ограничения прав, свобод и законных интересов [6] в рамках исполнения такого вида наказания как лишение свободы, и иных способов достижения поставленных целей перед уголовно-исполнительной системой в рамках правореализационной деятельности в аспекте цифровой трансформации. Например, правовое регулирование в таких областях деятельности пенитенциарных учреждений как внутренняя организация их функционирования, включая как в общем использование технических средств, так и для конкретных обстоятельств, например, для обеспечения безопасности персонала и осужденных, для предотвращения правонарушений и обеспечения порядка в учреждениях, выступают ещё такие нормы права как ст. 60.19, ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ), ст. 14 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», ст. 34 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ведомственные нормативно-правовые акты: Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. №110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распо-

рядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. №2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам», и иные нормативно-правовые акты, определяющие порядок проведения оперативно-розыскной деятельности сотрудниками уголовно-исполнительной системы с применением различных технологий.

Цифровые преобразования УИС предполагают автоматизацию рабочих процессов через разработку баз данных и внедрение искусственного интеллекта; уход от бумажного документооборота (как минимум внутри учреждения на первоначальном этапе) [3]; ориентир на повышение уровня компетенций сотрудников УИС в сфере цифровой трансформации. Главный акцент делается на активном использовании и наиболее полной реализации формы видеоконференц-связи для обеспечения, в первую очередь, свиданий осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с родственниками, встреч с различными категориями лиц, осуществляющих контроль за деятельностью УИС, также судебных заседаний и иные виды направлений деятельности со структурным включением эксплуатации технических устройств и цифровых площадок, функционирующих во благо реализацией целей, стоящих перед УИС.

Искусственный интеллект (ИИ) в уголовно-исполнительной системе открывает новые горизонты для повышения эффективности функционирования, как в исправительных учреждениях, так и в научно-образовательных организациях. Применение ИИ способствует ускорению выполнения задач, стоящих перед сотрудниками УИС, и устраняет лишние функции в процессе работы, что позволяет сократить рутинные операции. Тем самым освобождая сотрудников от подобного массива работы, они могут сосредоточить внимание и свои профессиональные навыки на основных задачах – контроле за осужденными, хотя его также коснется оптимизация, и их исправление. Последнее на практике редко становится благоприятным и реализуемым последствием, однако ИИ как вспомогательный инструмент позволит концентрировать ресурсы и механизмы работы с осужденными.

Внедрение ИИ позволяет анализировать большие объемы данных, что обеспечивает более обоснованные решения в процессе принятия мер исправительного воздействия. Например, алгоритмы могут исследовать криминальную историю, социальные факторы и психологическое состояние осужденных, а на принципах работы нейросетей представится возможность прогнозирования поведения конкретного осужденного и определения оптимального персонального плана ресоциализации, например, частью такого плана можно считать, обеспечение осужденных каким-либо занятием, что является одним из основных условий предупреждения рецидивной преступности [4]. Последнее при подобном индивидуальном цифровом подборе возымеет больший эффект в плане переосмысления осужденными своих деструктивных ценностей и мотивов совершения преступления, что свидетельствует о базовых признаках, констатирующих процесс исправления.

Цифровые технологии могут улучшить эффективность управления учреждением, например, системы учета и контроля ресурсов (питание, медикаменты, предметы первой

необходимости) могут быть автоматизированы, что позволит оптимизировать расходы и обеспечить более эффективное использование ресурсов [1]. Искусственный интеллект способен усовершенствовать мониторинг соблюдения условий наказания, предоставляя автоматизированные системы контроля, которые могут заранее выявлять закономерности и предсказывать вероятные сценарии потенциальных нарушений.

Современная кадровая политика государства в сфере обеспечения учреждений и органов высококвалифицированными, интеллектуальными, морально зрелыми сотрудниками, с высоким уровнем правовой культуры и правового сознания пока далека от совершенства и не приносит желаемых результатов [7]. Акцент на обучение и просвещение по вопросам интеграции физического (оборудование, программных обеспечений, серверов, сетевых и технического сопровождения служб) и организационно-административного (соответствующие инструкции, методические рекомендации и регламент функционирования цифровых площадок и работы с ними) форм информационной инфраструктуры сотрудников УИС обеспечит не только эффективное использование новых технологий в процессе, но и создание культуры постоянного обучения и адаптации к изменениям, что будет констатировать об улучшении результативности ведомственного профессионального образования в совокупности [10]. Важно непрерывное обновление навыков потенциальных и действующих кадров, чтобы они могли применять новые методы в своей работе, тем самым реализуя национальные задачи и концепцию, утвержденную Правительством РФ, что позволит создавать квалифицированный и устойчивый кадровый резерв, готовый к работе в условиях современных технологий.

Внедрение качественного инструментария в условиях перманентности развития и вовлечения инновационных инфраструктур подразумевает под собой не только техническое оснащение уголовно-исполнительной системы, что также отягощено спецификой исправительных учреждений, поскольку объективные условия далеки от идеализированного законодательного видения [8], к которому мы стремимся, но и подбор, подготовку кадров, способных адаптироваться к новым технологиям и цифровым изменениям.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Е. О., Ананьев О. Г. Применение цифровых технологий в исправительных учреждениях как фактор изменения гражданско-правового статуса осужденных // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 1 (229). – С. 144-146.
2. Воробьев С. М., Ивлиев П. В. Краудсорсинг как инновационный механизм повышения производительной деятельности // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 4 (220). – С. 155-157.
3. Грушин Ф. В. Информационные технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы // *Известия высших учебных заведений*. – 2024. – № 1 (69). – С. 68-78.
4. Курбатова Г. В. Фроловская Ю. И., Бондаренко И. В. Привлечение осужденных к лишению свободы к труду как один из факторов предупреждения рецидивной преступности в учреждениях УИС // *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной*

системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2021. – № 22. – С. 97-103.

5. Пекарева В. В. Цифровые преобразования в уголовно-исполнительной системе: значение и состояние // *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*. – 2024. – № 33. – С. 90-97.
6. Полищук Н. И. Конституционно-правовые ограничения избирательных прав граждан, отбывающих наказания в виде лишения свободы // *Уголовно-исполнительное право*. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 229-236.
7. Полищук Н. И. Роль кадрового потенциала сотрудников уголовно-исполнительной системы в правореализационной деятельности государства // *V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): Сборник дополнительных материалов, 17-19 ноября 2021 года*. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2021. – С. 174-178.
8. Сысоева А. С. Перспективы внедрения современных технологий в пенитенциарную систему: зарубежный и отечественный опыт // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2023. – Т. 2, № 4 (106). – С. 127-136.
9. Туарменский А. В., Шуктомов К. Б. Информационный чат-бот в цифровой образовательной среде // *Информационные технологии в современном мире - 2022: сборник материалов и докладов XVIII Всероссийской (с международным участием) студенческой конференции, 16 мая 2022 года*. – Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2022. – С. 126-129.
10. Царькова Е. Г. Аспекты применения методов искусственного интеллекта для построения прогнозной модели успешности обучения курсантов образовательных организаций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Право и управление*. – 2024. – № 1. – С. 393-396.

ХУДОЙКИНА Татьяна Викторовна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой юридических технологий и правоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск

КОРОЛЕВА Виктория Викторовна

педагог-психолог, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Русско-Паёвская средняя общеобразовательная школа»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

В данной статье рассматривается процесс формирования правовой культуры учащейся молодежи как многогранное явление, связанное с интеграцией молодых людей в социальную правовую среду. Основная роль в этом процессе отводится образовательным организациям, их деятельность направлена на становление и формирование личности. Акцентируется внимание на том, что сотрудничество общественных организаций и государственных структур направлено на эффективное развитие высокого уровня правовой культуры среди учащейся молодежи.

Ключевые слова: правовая культура, учащаяся молодежь, правовое обучение, правовое сознание, образовательные организации.

KHUDOYKINA Tatyana Viktorovna

Ph.D. in Law, professor, Head of Legal technologies and jurisprudence sub-faculty, N. P. Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk

KOROLEVA Viktoriya Viktorovna

educational psychologist, Municipal budgetary general educational institution «Russko-Paevskaya secondary comprehensive school»

FORMATION OF LEGAL CULTURE OF STUDENTS

This article examines the process of forming the legal culture of young students as a multifaceted phenomenon associated with the integration of young people into the social and legal environment. The main role in this process is given to educational organizations, their activities are aimed at the formation and development of personality. Attention is focused on the fact that cooperation between public organizations and government agencies is aimed at the effective development of a high level of legal culture among young students.

Keywords: legal culture, students, legal education, legal consciousness, educational organizations.

Правовая культура молодежи представляет собой совокупность таких компонентов, как правовые знания, уважение к закону, готовность действовать в рамках правовых норм и участвовать в правовых процессах. Она также включает в себя умение молодых людей анализировать правовые ситуации, выстраивать аргументацию на основе законов и принимать ответственные решения, соблюдая права других субъектов. Основной особенностью правовой культуры молодежи является ее динамичность и зависимость от социокультурного контекста, в котором она складывается.

Совершенствование правовой культуры учащейся молодежи в России имеет важное конституционно-правовое значение, так как она способствует формированию гражданского общества, соблюдению гражданских и конституционных прав и свобод, развитию гражданской и правовой ответственности.

В современном мире существует множество правовых норм и инструментов, которые обеспечивают защиту прав личности. Понимание этих механизмов дает возможность молодежи не только защитить себя, но и заботиться о правах окружающих. Это создает атмосферу взаимоуважения, способствует созданию солидарного и порядочного общества, где каждый гражданин осознает свою роль и ответственность перед другими.

Правовая культура как совокупность знаний, норм, ценностей и умений, является основой для формирования законопослушного поведения и уважения к правам и свободам других людей [3, с. 138]. Правовая культура оказывает значительное влияние на развитие правомерного поведения и правовых ценностей учащейся молодежи, а именно на: развитие гражданского сознания (помогает осознавать свои права и обязанности); формирование ответственного поведения (способствует формированию у учащейся молодежи ответственного отношения к своим

действиям и последствиям, что помогает принимать обдуманные решения и избегать негативных последствий); повышение уровня юридической грамотности (позволяет освоить базовые знания в области права); развития лидерских качеств (лидерские качества у молодежи помогают организовывать и проводить различные мероприятия правовой направленности).

Процесс формирования правовой культуры представляет собой целенаправленную деятельность, цель которой строится на основе приобщения учащейся молодежи к социальной правовой среде [4, с. 284]. На данный процесс значительное влияние оказывает семья, так как она закладывает первоначальные основы уважения к закону и правопорядку. Дальнейшее становление и развитие правовой культуры продолжается в общеобразовательных организациях (школа, колледж, ВУЗ).

Правовая культура учащейся молодежи формируется в процессе воспитания и образования. Целью ее формирования является развитие активного и ответственного гражданина, способного действовать в соответствии с законом и воздействовать на общественные процессы.

Факторы, влияющие на формирование правовой культуры разнообразны: различные образовательные программы; доступность правовой информации; активное вовлечение молодежи в правозащитные движения и правовые инициативы; и др. Общественные организации и молодежные инициативы могут стать важным инструментом для повышения правовой осведомленности, формируя у молодых людей активную гражданскую позицию и осознание значимости правовых норм [2, с. 84].

Структура правовой культуры включает в себя следующие основные элементы: 1) знание права; 2) понимание и осознание правовых ценностей; 3) умение адекватно реагировать на правонарушения; 4) участие в правовой жизни обще-

ства. Охарактеризуем каждый элемент правовой культуры с позиции значения для учащейся молодежи.

1. Знание права – это ключевой элемент правовой культуры, который основывается на понимании законов, правил и норм, их главная цель заключается в регулирование общественных отношений. Осведомленность в области права дает молодежи возможность быть информированной о своих правах и обязанностях.

2. Понимание и осознание правовых ценностей – это второй элемент структуры правовой культуры, который относится к пониманию значимости соблюдения законодательства для обеспечения стабильности и развития общества. Понимание правовых ценностей помогает учащейся молодежи развить уважение к закону, правам человека, справедливости и равенству перед законом.

3. Умение адекватно реагировать на правонарушения – это третий элемент структуры правовой культуры, который подразумевает умение учащейся молодежи правильно оценивать ситуации, связанные с правонарушениями, и реагировать на них в соответствии с законом. Умение адекватно реагировать на правонарушения способствует формированию у учащейся молодежи ответственного отношения к своим действиям и помогает предотвратить правонарушения в будущем.

4. Участие в правовой жизни общества – это четвертый элемент структуры правовой культуры, который заключается в активном участии учащейся молодежи в жизни общества, связанной с правовыми вопросами. Участие в правовой жизни общества может выражаться в мероприятиях, направленных на повышение правовой грамотности, а также в соблюдении правовых норм и регулярном обновлении своих знаний о праве.

Итак, каждый из составляющих элементов структуры правовой культуры играет важную роль в формировании правовой культуры учащейся молодежи и способствует развитию социально-ответственных и законопослушных граждан.

Особенность правовой культуры определяется целями, формами и содержанием правового воспитания в образовательных организациях. Образование для учащейся молодежи является той средой, где происходит становление и развитие личности. Образовательное пространство помогает учащимся социализироваться в обществе, ориентироваться в правовом поле, зная свои права и обязанности.

Задача педагога – воспитать у учащихся чувство уважения к законам и правам других людей, что является основой правомерного поведения. Главная роль в правовом воспитании отводится таким понятиям, как «правовое сознание» и «правовая культура», они направлены на правильное понимание правовых аспектов, а также успешную социализацию личности в обществе.

Эффективное формирование правовой культуры у учащейся молодежи зависит от нескольких важных условий: во-первых, важно развивать правовую культуру, начиная с накопления знаний, которые соответствуют их возрасту и интересам. Это значит, что обучение должно идти постепенно и осознанно; во-вторых, нужно уделять внимание практическим навыкам, которые помогут учащимся вести себя правомерно и активно участвовать в жизни общества.

Формирование правовой культуры в образовательных организациях, будь то школа, колледж или ВУЗ, происходит с учетом возрастных особенностей учащихся. Так, например, учащиеся средних и старших классов в ходе правового обучения изучают практический опыт действия в реальных жизненных ситуациях, регулируемых правилами и нормами. На основе практических примеров учащиеся средних классов получают представления о себе и других людях, социальных явлениях.

Формирование общественно-правового сознания у учащихся происходит в рамках образовательного процесса. Рациональное включение элементов правового воспитания в рабочие программы учебных предметов способствует развитию правового сознания молодежи, твердых гражданских позиций и уважительного отношения к общечеловеческим ценностям. Формирование ответственности, гуманистических основ общественно-правового сознания молодежи осуществ-

ляется в результате целенаправленного и длительного воспитательного воздействия на человека. Задача преподавателя – способствовать формированию общественно-правового сознания, а уроки «Обществознание» и «Право» особенно важны для этого.

На занятиях по данным курсам учащаяся молодежь приобретает теоретические правовые знания, практические навыки, обеспечивающие им успешную деятельность в реальных жизненных ситуациях.

Формирование правовой культуры во время внеурочной работы современных образовательных учреждений отличается разными форматами и регулярностью проведения. Огромное значение имеет участие молодежи в проводимых мероприятиях и акциях. К формам внеурочной правовой воспитательной работы можно отнести: организуемые месячники правового воспитания; дни правовой помощи; встречи и беседы с представителями правоохранительных органов; мастер-классы, круглые столы, дискуссии с экспертами права; участие в олимпиадах «Я – первый в праве», «Высшая проба», «От прав ребенка...» и др.

Внеурочная деятельность особенно выделяет социальные проекты, которые дают учащейся молодежи возможность поучаствовать в решении реальных социальных проблем. Участие в таких инициативах помогает им развивать социальный опыт и навыки общения. Суть проектной деятельности в том, что учащиеся сами могут выбирать, над чем работать – это может быть что угодно, как вне предмета, так и в рамках различных дисциплин.

Для молодежи в проектной деятельности особо привлекательным является научный поиск и творческое начало. Поэтому во многих учебных заведениях организуется работа правоведческих кружков, таких как: «Юный правовед», «Закон и Я», «Правознайка» и «Рубикон». Цель таких объединений заключается в развитии правовых способностей, привлечение молодежи к научной деятельности по правоведению.

Примером целенаправленной, систематической работы по формированию личности учащихся во внеурочное время является проведение с 1 сентября 2022 года в российских школах масштабного проекта по организации еженедельных внеурочных занятий «Разговоры о важном» [1]. Главными темами «Разговора о важном» являются патриотизм, гражданское воспитание, правовое просвещение, нравственность, экология и другие темы, волнующие современных учащихся. Гражданско-патриотическим ритуалом стало поднятие флага России и исполнение Государственного гимна.

Можно сделать вывод, что правовая культура учащейся молодежи представляет собой сложное, многогранное явление. Она является важнейшим фактором для создания правового государства. Для эффективного развития правовой культуры требуется слаженное сотрудничество образовательных учреждений, общественных организаций и государственных структур, ориентированное на повышение правовой осведомленности и активного участия молодых людей в правовых процессах. Для успешного формирования правовой культуры молодежи необходимо делать акцент на практическом обучении, вовлекая обучающихся в активное обсуждение правовых вопросов и предоставляя им реалистичные сценарии, с которыми они могут столкнуться в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Об организации занятий «Разговоры о важном» [Текст]: письмо М-ва просвещения Российской Федерации от 17 июня 2022 г. №03-871 // Администратор образования. - 2022. - №17. - С. 50-52.
2. Кибизова Е. К. Проблема формирования правовой культуры молодежи в России // Инновационная наука. - 2017. - № 4. - С. 83-88.
3. Устьян Э. А. Проблемы правовой культуры в современном российском обществе // Теория государства и права. - 2024. - № 3-1 (19-1). - С. 138-151.
4. Худойкина Т. В. Формирование правовой культуры школьников // Социально-политические науки. - 2016. - № 4. - С. 248-251.

ШАНЬКО Виктор Викторович

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь, подполковник полиции

ЛАПШИН Игорь Ефимович

кандидат педагогических наук, доцент, кафедры теоретических основ физического воспитания, Академия физической культуры и спорта, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Данная статья посвящена анализу эффективности активных и интерактивных методов обучения в подготовке сотрудников полиции в условиях трансформации системы образования. Авторы обосновывают необходимость перехода от традиционных методов к активному вовлечению обучающихся в учебный процесс. В статье рассматриваются определения активных методов обучения, представленные различными авторами, и приводятся примеры их применения (деловые игры, выездные занятия, проблемные семинары). Авторы отмечают, что активные методы обучения являются эффективными инструментами, способствующими углубленному усвоению знаний и формированию критического мышления у обучающихся, однако, в ряде случаев их применение может вызвать ряд существенных трудностей. Статья актуальна для преподавателей и методистов, работающих в системе МВД России, и может служить отправной точкой для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: активное обучение, интерактивные методы обучения, активные методы обучения, образовательные технологии, профессиональное обучение.

SHANKO Viktor Viktorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Deputy Head of Special disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

LAPSHIN Igor Efimovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Theoretical foundations of physical education sub-faculty, Academy of Physical Culture and Sports, Southern Federal University, Rostov-on-Don

FEATURES OF THE APPLICATION OF ACTIVE TEACHING METHODS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article is devoted to the analysis of the effectiveness of active and interactive teaching methods in the training of police officers in the context of the transformation of the education system. The authors substantiate the need for a transition from traditional methods to the active involvement of students in the educational process. The article examines the definitions of active learning methods presented by various authors and provides examples of their application (business games, field trips, problem seminars). The authors note that active teaching methods are effective tools that contribute to the in-depth assimilation of knowledge and the formation of critical thinking among students, however, in some cases their application can cause a number of significant difficulties. The article is relevant for teachers and methodologists working in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and can serve as a starting point for further research in this field.

Keywords: active learning, interactive learning methods, active learning methods, educational technologies, vocational training.

В современных условиях, когда система образования претерпевает изменения, связанные с отходом от Болонской системы образования, особую значимость приобретает выбор наиболее эффективных методов обучения. Несмотря на изменения, главная цель профессионального образования остается неизменной: подготовка квалифицированного сотрудника. Конкурентоспособность на рынке труда требует от выпускников постоянного профессионального роста и адаптации к изменяющимся условиям, что включает в себя развитие социальной и профессиональной мобильности. Важность таких качеств в контексте современности невозможно переоценить, и они должны стать основой образования уже сегодня.

Методологическую основу исследования составили идеи и концепции авторов, таких как: Е. Ю. Грудзинская, В. В. Марико, Б. А. Тарчоков, М. А. Тарчокова, Н. Б. Тошбоева, Я. Р. Якупова.

Так, согласно мнению авторов наиболее эффективными методами в подготовке будущих сотрудников полиции явля-

ются группы активных и интерактивных методов. Активные методы способствуют глубокому осмыслению материала и помогают слушателям применять теоретические знания на практике. Интерактивные методы, в свою очередь, создают атмосферу сотрудничества и доверия в учебном процессе, что повышает мотивацию и удовлетворенность обучением. Важно, что данные подходы позволяют учитывать индивидуальные особенности слушателей и их потребности, что в конечном итоге делает процесс профессиональной подготовки более эффективным. Таким образом, интеграция активных и интерактивных методов в учебный процесс образовательных организаций системы МВД России является необходимым шагом к совершенствованию подготовительного этапа в области правоохранительной деятельности.

Рассмотрим более подробно активные методы обучения. Согласно мнению Е. Ю. Грудзинской, В. В. Марико активные методы обучения представляют собой «методы, стимулирующие познавательную деятельность обучающихся;

они строятся в основном на диалоге, предполагающем свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы, характеризуются высоким уровнем активности учащихся» [1].

Я. Р. Якупова понимает под активными методами обучения «способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов, которые побуждают их к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активен не только преподаватель, но активны и студенты» [4].

Н. Б. Тобошева считает, что активное обучение представляет собой «такую организацию и ведение учебного процесса, которая направлена на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательного комплексного, использования как педагогических (дидактических), так и организационно-управленческих средств» [3].

Обобщая представленные определения, можно резюмировать, что активные методы обучения – это подход, который предполагает активное вовлечение обучающихся в процесс получения знаний. Вместо традиционного пассивного восприятия информации, учащиеся становятся активными участниками обучения, что способствует лучшему пониманию и усвоению материала.

Авторы сходятся во мнении о том, что активное обучение – это практико-ориентированное обучение. Учебный материал структурируется с выделением необходимой доли практических занятий, насыщенных проблематикой профессиональной деятельности. В числе наиболее популярных активных форм обучения – деловые игры, выездные занятия, тактико-специальная и техническая подготовка, круглые столы, проблемные семинары [2].

Применение активных методов обучения направлено на развитие критического мышления, творческих способностей и коммуникативных навыков. Учащиеся учатся работать в команде, делиться опытом и мнениями, а также находить нестандартные решения.

Кроме того, такие подходы делают процесс обучения более динамичным и интересным, что способствует повышению мотивации. Успех активных методов обучения зависит от создания комфортной атмосферы, где каждый участник чувствует себя значимым и вовлеченным. Таким образом, активные методы обучения представляют собой эффективный инструмент, способствующий формированию компетентных и будущих профессионалов, готовых к вызовам современного мира.

Интерактивные и активные методы обучения представляют собой разные подходы в образовательном процессе, каждый из которых играет свою уникальную роль. Интерактивные методы, такие как обсуждения, ролевые игры и использование технологий, направлены на вовлечение обучающихся через взаимодействие с преподавателем и сверстниками. Эти методы способствуют развитию коммуникационных навыков и критического мышления, а также создают более живую и динамичную атмосферу на занятиях.

Активные методы, в свою очередь, предполагают участие студентов в процессе обучения через выполнение заданий, проектов или исследовательских работ. Они ориентированы на практическое применение знаний и самостоятельность обучающихся, что способствует глубокому усвоению материала. Активные методы обучения стимулируют творческое мышление и помогают развивать навыки решения проблем.

Таким образом, отличие между интерактивными и активными методами заключается в акценте: интерактивные методы больше ориентированы на взаимодействие, тогда как активные методы фокусируются на самостоятельной деятельности и практическом применении знаний.

Несмотря на то, что активные методы обучения являются эффективными инструментами, способствующими углубленному усвоению знаний и формированию критического мышления у обучающихся, их применение может вызвать ряд существенных трудностей.

Во-первых, увеличивается нагрузка на преподавателей. Ввиду необходимости разработки заданий, адаптированных под различные уровни знаний и интересы обучающихся.

Во-вторых, организация групповой работы требует много времени на координацию и управление динамикой группы, что может затруднить ведение учебного процесса.

Третьей проблемой, является сопротивление некоторых педагогов и обучающихся, привыкших к применению пассивных методов обучения. Такая установка может препятствовать полноценному участию в активных методах.

Четвертой трудностью, является необходимость в обеспечении специальными ресурсами, включая оборудование и материалы для реализации интерактивных занятий.

Наконец, оценка результатов обучения при использовании активных методов может быть сложной из-за субъектности и разнообразия подходов.

Не смотря на ряд сложностей, активные методы являются эффективным инструментом в подготовке высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Грудзинская Е. Ю., Марики В. В. Активные методы обучения в высшей школе. Учебно-методические материалы по программе повышения квалификации «Современные педагогические и информационные технологии». – Н. Новгород, 2007.
2. Тарчоков Б. А., Тарчокова М. А. Применение активных и интерактивных методов обучения в процессе профессиональной подготовки слушателей образовательных организаций МВД России // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-aktivnyh-i-interaktivnyh-metodov-obucheniya-v-protseste-professionalnoy-podgotovki-slushateley-obrazovatelnyh> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Тошбоева Н. Б. Особенности активных методов обучения // Экономика и социум. – 2021. – № 5-2 (84). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-aktivnyh-metodov-obucheniya-1> (дата обращения: 03.02.2025).
4. Якупова Я. Р. Активные формы обучения – фактор интенсификации учебного процесса. – М: Высшее образование сегодня, 2007.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЁННЫХ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ

В представленной статье получение образования несовершеннолетними осуждёнными рассматривается как условие, способствующее их социализации. Указывается, что мотивы получения образования и обучения осуждённых имеют влияние на адаптационные процессы несовершеннолетних. Важную роль в образовании несовершеннолетних осуждённых играют тюремные библиотеки. Особое внимание уделяется методам и подходам к обучению подростков в условиях лишения свободы, включая индивидуализацию образовательных программ, развитие мотивации к учебе и интеграцию социальных навыков в учебный процесс.

Ключевые слова: несовершеннолетние осуждённые, адаптация, ресоциализация, пенитенциарное учреждение, воспитательная колония, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia Penitentiary Service» of Russia

IMPROVING THE EDUCATIONAL LEVEL OF JUVENILE CONVICTS AS ONE OF THE CONDITIONS FOR SUCCESSFUL ADAPTATION

In the presented article, the education of juvenile convicts is considered as a condition contributing to their socialization. It is indicated that the motives for obtaining education and training of convicts have an impact on the adaptation processes of minors. Prison libraries play an important role in the education of juvenile convicts. Special attention is paid to methods and approaches to teaching adolescents in conditions of deprivation of liberty, including the individualization of educational programs, the development of motivation to study and the integration of social skills into the educational process.

Keywords: juvenile convicts, adaptation, re-socialization, penitentiary institution, educational colony, penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia.

Повышение профессионального и образовательного статуса несовершеннолетних осужденных является одним из факторов, способствующих быстрой и успешной адаптации молодых людей к условиям содержания в пенитенциарных учреждениях, а также способствующих их реинтеграции в общество после отбывания наказания в виде лишения свободы и выхода из воспитательной колонии.

Слово адаптация происходит от латинского и изначально использовалось в биологии; когда организм приспосабливается к условиям окружающей среды, сегодня это понятие активно используется представителями различных областей знаний для обозначения процесса адаптации.

После отбывания наказания и выхода из исправительного учреждения человек, по сути, оказывается на свободе; если срок наказания, заключенного будет более длительным, то эта ситуация будет более серьезной.

Ведь в период отбывания наказания осужденный в течение определенного периода времени вел ограниченный образ жизни, предусмотренный строгими нормативно-правовыми актами, и в значительной степени был лишен личной инициативы и чувства ответственности.

Таким образом, в литературе, также используемой в таких случаях, успешная адаптация и использование термина «ресоциализация» среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, помогут осуществить профилактику преступности несовершеннолетних. Природа этого явления часто заключается в том, что процесс принятия потенциального решения является динамичным.

Вот почему мы говорим об адаптивности образования: адаптивность образования предполагает не только воспита-

ние определенных личностных качеств и этических норм, но и прагматическое определение знаний, навыков и функций таким образом, чтобы они могли успешно адаптироваться к окружающей среде.

Прежде всего, после того как сотрудники исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных будут реинтегрированы в общество, они будут переведены в исправительное учреждение для взрослых правонарушителей для дальнейшего отбывания наказания.

Мотивация несовершеннолетних осужденных к приобретению новых знаний, и мотивация учебной деятельности способствуют процессу адаптации.

Поэтому исследователи отметили, что многие несовершеннолетние хотят не учиться, а просто убить время. Лишь немногие подростки в классе по-настоящему воспользовались вынужденной паузой в своей жизни... Некоторые пришли на обучение, чтобы сменить обстановку, по крайней мере, получить новые впечатления, нарушить монотонность жизни и завести новых друзей.

В воспитательных колониях посещение школы является непременным условием соблюдения режима. Несовершеннолетние осужденные обычно не ходят в школу. Такое поведение является для них одним из способов подтвердить свое желание отличаться от других за счет независимости и несоблюдения требований.

Научные исследователи в области образования выделили следующие мотивы для обучения в воспитательных колониях:

Первая группа связана с социальной ориентацией: я учился, чтобы получить среднее образование; чтобы затем

поступил в техникум или университет; доказал свою правоту; повысил свой образовательный и культурный уровень.

Вторая группа связана с вознаграждениями за обучение: награды; обучение может принести дополнительные выгоды; признание другими.

Третья группа связана с избеганием определенных санкций: я учусь, потому что меня заставляют; я не хочу, чтобы меня наказывали.

Четвертая группа – нейтральная: все равно на учёбу просто хожу на занятия; я учусь забывая.

Обучение – это процесс, который занимает всю жизнь, но данной категории очень трудно продолжать повышать свой уровень профессионального образования вне образовательной группы. Однозначно, стоит сказать, что образование является одним из факторов успешной адаптации высших слоев общества к социализации. Повышение уровня профессионального образования создает реальную основу для избавления от прежней преступной деятельности.

В дополнение к формам обучения, организуемым исправительными учреждениями для несовершеннолетних (включая классы, состоящие из учителей и руководителей), особое значение также имеют самообразование и профессиональная подготовка.

Основой самостоятельной работы является литература, а также умение использовать современные методики и информационно-коммуникационную сеть Интернет для самостоятельной работы.

В условиях социальной изоляции доступ к онлайн-обучению сильно ограничен, поэтому чтение книг и ведение записей являются основой самостоятельной работы. Однако в рамках исправительных учреждений на это накладывается множество ограничений, обусловленных институциональными требованиями, устоявшейся повседневной практикой и правовыми нормами.

Библиотеки в воспитательных колониях играют особую важную роль в повышении образовательного уровня преступников. По мнению экспертов, в Западной Европе, США и России создание библиотек произошло одновременно. Изначально мотивом появления библиотек в пенитенциарных учреждениях было сострадание к преступникам, а позже к ним добавилась цель воспитания и просвещения.

В первой половине девятнадцатого века тюремная библиотека была редким местом содержания под стражей. Во второй половине XIX века в тюремных библиотеках стала появляться светская литература. В начале 20-го века число осужденных увеличилось, количество пенитенциарных учреждений увеличилось, и соответственно увеличилась библиотека.

Чтение несовершеннолетних осужденных направлено не только на повышение их образовательного уровня, но и на поддержание дисциплины: чтение вслух, несвязанное с определенным занятием отвлекают и помогают поддерживать дисциплину и режим.

Для повышения образовательного уровня несовершеннолетних осужденных необходимо использовать современные методы обучения, которые учитывают специфику работы с данным контингентом. Одним из таких методов является индивидуализация учебных планов. Каждый учащийся должен получать программу, соответствующую его уровню подготовки и образовательным целям. Это может включать дополнительные занятия по тем предметам, где у подростка имеются пробелы, а также ускоренное прохождение материала там, где он демонстрирует успехи.

В модели организационно-содержательной части, следует представить понятную и доступную технологию сотрудничества сторон социального партнерства. Это включает в себя повышение профессиональной квалификации (правовой, психологической, педагогической) участников, работающих с осужденными и лицами, отбывшими наказание, с целью формирования их психолого-педагогической компе-

тентности. Необходимо регулярно предоставлять территориальным органам ФСИН России объективные прогнозные данные о потребностях в рабочих кадрах для анализа и лицензирования образовательной деятельности. Важно наладить механизмы для адресной профессиональной подготовки осужденных с заключением ученических и срочных договоров между учебными заведениями и работодателями [6].

В заключении, отметим, что организация образования и профессиональной подготовки в колониях способствует повышению уровня профессионального образования несовершеннолетних осужденных.

Получение образования является фактором успешной адаптации в пенитенциарных учреждениях, а также фактором процесса социализации после освобождения из воспитательной колонии.

Пристатейный библиографический список

1. Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б., Абдуллаев К. Ф. Актуальные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики / Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2019. – 336 с.
2. Осипова И. И. Ресоциализация несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением // Регионоведение. – 2006. – № 2 (55). – С. 179-189.
3. Таланов С. Л. Образование осужденных в исправительных колониях как ресурс личностного и профессионального развития // Актуальные вопросы непрерывного профессионального образования: Сборник материалов, Ярославль, 01–02 марта 2018 года / Под научной редакцией М. В. Новикова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2018. – С. 178-181.
4. Тимошенко М. А. Проблемы реализации права на образование несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательных колониях ФСИН РФ // Технологии формирования правовой культуры в современном образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 02-03 ноября 2015 года. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2016. – С. 76-84.
5. Федоров А. Ф. Образование как средство исправления осужденных в воспитательных колониях // V Международные Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: Сборник материалов, Пермь, 02-04 октября 2019 года / Составитель Н. А. Санников. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 247-251.
6. Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Образование как средство социальной адаптации несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9 (196). – С. 509-510. – EDN EAODYU.

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

КУЗЬМИН Сергей Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

МЕЛИКСЕТАН Нельсон Генрикович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ИННОВАЦИОННАЯ МЕТОДИКА ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Статья описывает инновационную методику обучения курсантов в рамках занятий по огневой подготовке, фокусируясь на внедрении современных технологий, таких как виртуальные симуляторы и системы дополненной реальности. Особое внимание уделяется модернизации традиционных учебных программ, обосновывается необходимость перехода на более гибкие и эффективные высокотехнологичные методы подготовки и обеспечения, углубленного освоения учебного материала.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, стрелковый тренажёр, огневая подготовка курсантов, методика стрельбы.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire Training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

DAVLETOV Vadim Ildarovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KUZMIN Sergey Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

MELIKSETYAN Nelson Genrikovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

INNOVATIVE METHODS OF FIRE TRAINING OF CADETS: FROM THEORY TO PRACTICE

The article describes an innovative method of training cadets in the framework of fire training classes, focusing on the introduction of modern technologies such as virtual simulators and augmented reality systems. Special attention is paid to the modernization of traditional curricula, justifying the need to switch to more flexible and effective high-tech methods of training and provision, in-depth development of educational materials.

Keywords: virtual reality, augmented reality, shooting simulator, fire training of cadets, shooting technique.

Процесс обучения мастерству стрелкового дела претерпевает значительные изменения благодаря развитию инновационных методик и технологий, обеспечивающих интеграцию новых подходов в подготовке курсантов овладению огнестрельным оружием. Такого рода новшества включают в себя как модернизацию традиционных учебных и тренировочных программ, так и внедрение передовых технических средств в учебный процесс [5, с. 37].

По нашему мнению, инновационный подход открывает перед обучающимися уникальные возможности для совершенствования своих навыков, делая процесс освоения знаний в области огневой подготовки более эффективным и гибким.

Раскрывая особенности инновационной методики огневой подготовки курсантов стоит отметить, что к числу ключевых направлений относится использование систем виртуальной реальности и симуляторов, которые позволяют моделировать разнообразные сценарии учебной (тренировочной) стрельбы и стрелкового боя. К тому же внедрение современных технологий в учебный процесс не только повышает безопасность тренировок, но и обеспечивает более широкий спектр тематических упражнений при проведении учебных занятий с курсантами.

Применение симуляторов, оснащенных передовой системой обратной связи, в ходе отработки практических упражнений с оружием, помогает курсантам анализировать свои действия в режиме реального времени и корректиро-

вать ошибки, что значительно ускоряет процесс обучения и улучшает качество подготовки [3, с. 7].

Важно подчеркнуть, что применение средств виртуальной реальности определяет появление новых форм обучения в образовании. Средства виртуальной реальности в педагогике имеют широкий спектр применения. Анализ существующей практики подготовки кадров показывает, что в российских вузах потенциал использования средств виртуальной реальности для подготовки курсантов раскрыт не в полной мере.

Раскрывая инновационные методики огневой подготовки курсантов изначально необходимо выделить передовые отечественные разработки в данной сфере, на которые следует опираться при проведении занятий. К таковым, по нашему мнению, относятся виртуальные симуляторы и системы дополненной реальности.

Подчеркнем, что виртуальные симуляторы позволяют курсантам взаимодействовать с виртуальной реальностью, имитирующей сценарии применения боевого оружия, тогда как системы дополненной реальности добавляют виртуальные элементы к реальному миру, усиливая тренировки реальными физическими эффектами в виде препятствий, возникающих целей и иных виртуальных объектов.

Указанные технологии позволяют изучить и отработать навыки ориентирования в пространстве, точной стрельбы, тактике принятия решений при огневом контакте, минимизируя риски и материальные затраты [2, с. 90] [6, с. 618].

Среди отечественных разработок можно выделить следующие комплексные тренажёры виртуальной реальности, приспособленные для внедрения в учебный процесс:

а) SKATT BP (SKATT Virtual Reality) [7]. Данная российская разработка, представляет собой комплексный тренажёр для подготовки стрелков. Система использует гарнитуры виртуальной реальности и специализированные симуляторы оружия для создания полной иммерсивной среды. Курсанты могут тренироваться в различных сценариях, от городской застройки до полевых условий, взаимодействуя с виртуальными объектами и целями. Указанный тренажёр позволяет отслеживать действия стрелков в режиме реального времени и анализировать их результаты для последующей коррекции учебно-тренировочного процесса.

б) АРЕНА-3D [8], представленный тренажёр включает гарнитуры виртуальной реальности и симуляторы, имитирующие различные ситуации применения боевого оружия. В указанной системе предусмотрена возможность моделировать различные сценарии, такие как оборона здания, атака на укрепления и другие тактические операции. Важно отметить, что данный тренажёр позволяет настраивать сценарии под конкретные задачи и цели обучения курсантов в ходе занятий по огневой подготовке.

Раскрывая современные российские системы дополненной реальности для тактической подготовки курсантов, необходимо выделить систему дополненной реальности «Интегратор» [9]. Данная система разработана для создания интерактивных тренировок, что позволяет накладывать виртуальные объекты на реальные элементы окружающей среды. С помощью такой системы дополненной реальности курсанты могут тренироваться в условиях, где на реальную тренировочную площадку накладываются виртуальные препятствия и цели [1, с. 233]. Для этих целей применяются специальные очки дополненной реальности и мобильные устройства для создания интерактивного учебного пространства, которое адаптируется под задачи текущего занятия [4, с. 99].

Проведенный нами анализ специальной научной и учебной литературы, позволяет сформулировать следующую методику подготовки курсантов в рамках учебных занятий по огневой подготовке с применением виртуальных симуляторов и систем дополненной реальности.

1. Подготовительный этап. Особого внимания заслуживает организация первичного вводного инструктажа для курсантов, в рамках которого необходимо раскрыть порядок использования специализированного учебного оборудования и разъяснить обучающимся, как виртуальная среда будет имитировать реальные условия применения боевого оружия. Курсанты должны пройти детальный инструктаж по работе с гарнитурами виртуальной/дополненной реальности и другими устройствами, которые будут использоваться во время учебного занятия.

Важной частью этого этапа является ознакомление курсантов с возможностями взаимодействия и коммуникации в виртуальной среде для безопасной и эффективной работы с оборудованием.

2. Рабочий этап. Основным элементом данного этапа выступает погружение в сценарий учебного занятия, используя гарнитуры виртуальной и(или) дополненной реальности.

В ходе занятия курсанты активно взаимодействуют с объектами (цели, мишени и препятствия), которые создаются в виртуальной специализированных симуляторов. В рамках данного симуляционного пространства курсанты могут отрабатывать навыки стрельбы, тактики перемещения в сложных и динамичных условиях.

3. Аналитический этап. Ключевой составляющей учебного занятия является постоянный педагогический контроль и анализ за действиями курсантов с помощью интеллектуальных систем контроля и мониторинга. Такого рода системы предоставляют возможность в реальном времени воспроизводить действия обучающихся, анализировать точность их стрельбы, скорость реакции и принятия решений.

При этом анализ собранных данных позволяет преподавателю давать индивидуальные рекомендации курсантам для улучшения их стрелковых навыков.

4. Итерационный этап. В ходе развития стрелковых навыков курсантов особое значение имеет поддержание цикличности тех или иных упражнений с оружием, где курсанты самостоятельно или под контролем преподавателя могут вносить коррективы в свои действия на огневом рубеже.

Мы убеждены, что это позволяет своевременно корректировать ошибки при выполнении стрельбы и улучшать результаты, углубляя понимание и совершенствуя навыки, необходимые для успешного выполнения огневых задач в реальных условиях.

Проведение повторных тренировок с указанными системами также способствуют развитию устойчивых знаний и умений, что делает курсантов более подготовленными к сложным оперативно-служебным задачам и повышает их общую профессиональную компетентность.

Обобщение различных точек зрения теоретиков и практиков, а также анализ зарубежного и отечественного опыта успешного использования технологий виртуальной и дополненной реальности позволяют отметить достаточно высокую результативность при их комбинировании с традиционными подходами к обучению.

Таким образом, инновационная методика огневой подготовки курсантов строится на использовании передовых технологий, таких как виртуальные симуляторы и системы дополненной реальности. Мы полагаем, что указанные технологии создают иммерсивные и адаптивные учебные условия, которые позволяют моделировать множество сценариев применения оружия и различные тренировочные упражнения, которые сложно воспроизвести на статичных стрельбищах и тирах.

Полагаем, что это открывает новые перспективы и значительно улучшает учебный процесс, делая его более гибким и эффективным.

Пристатейный библиографический список

1. Гадильшин И. М. Виртуальная реальность в подготовке военнослужащих // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные технологии: проблемы инновационного развития». Петрозаводск: МЦНП «Наука», 2019. С. 232-235.
2. Иванова А. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // СРРМ. 2018. № 3 (108). С. 88-107.
3. Смирнова Ю. В., Карбовский А. Г., Карбовская В. В. Оптимизация физической и огневой подготовки сотрудников спецподразделений на основе интегративного подхода // Фитнес: теория и практика. 2022. № 13. С. 7.
4. Спицын П. А., Бавула А. А. Новый уровень обучения перспективные формы обучения курсантов с использованием средств виртуальной реальности // ВВО. 2021. № 4 (31). С. 99-104.
5. Торопов В. А. Инновационный подход в обучении огневой подготовке // Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел: сборник материалов VI межвузовской научно-практической конференции. Ставрополь. 2013. С. 36-41.
6. Ядровская М. В. Средства моделирования в компьютерных технологиях обучения // ОТО. 2015. № 2. С. 618-637.
7. Стрелковые тренажеры SKATT. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scatt.ru/training-systems/> (дата обращения: 14.06.2024).
8. Тренажёр АРЕНА-3D. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neramsc.ru/catalog/> (дата обращения: 14.06.2024).
9. Система дополненной реальности «Интегратор». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avtechno.ru> (дата обращения: 15.06.2024).

ПАНОВА Ольга Сергеевна

кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической подготовки, Волгоградская академия МВД России

МАЛЯВИНА Анна Борисовна

кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Ростовский юридический институт МВД России

БИТЮЦКИХ Иван Владимирович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки, Воронежский институт МВД России

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ОСНОВА ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД

В статье исследуется роль физической подготовки как важного фактора преодоления стрессовых ситуаций в служебной деятельности сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) Российской Федерации. Рассматриваются основные аспекты физической подготовки, включая влияние регулярных физических нагрузок на психоэмоциональное состояние сотрудников, их уверенность в себе и способность справляться с высокими требованиями служебной деятельности. Также выделяются основные стрессовые ситуации, с которыми сталкиваются сотрудники МВД, и описывается, как физическая активность может служить эффективным инструментом для их преодоления. Отдельное внимание уделяется разработке специализированных программ физической подготовки, адаптированных к специфике работы МВД, а также необходимости психологической подготовки и поддержки сотрудников. Статья подчеркивает важность интеграции физической активности в повседневную жизнь работников МВД для повышения их общей готовности и профессиональной эффективности.

Ключевые слова: физическая подготовка, стрессовые ситуации, психоэмоциональное состояние, стрессоустойчивость, программы физической подготовки, сотрудники органов внутренних дел.

PANOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Physical training sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia

MALYAVINA Anna Borisovna

Ph.D. in political sciences, researcher at the Scientific Research and Editorial Publishing Department, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BITYUTSKIKH Ivan Vladimirovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Physical training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia

PHYSICAL TRAINING AS A BASIS FOR OVERCOMING STRESSFUL SITUATIONS IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

The article examines the role of physical fitness as an important factor in overcoming stressful situations in the professional activities of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The main aspects of physical training are considered, including the impact of regular physical activity on the psycho-emotional state of employees, their self-confidence and their ability to cope with high demands of professional activity. It also highlights the main stressful situations faced by Interior Ministry employees, and describes how physical activity can serve as an effective tool to overcome them. Special attention is paid to the development of specialized physical training programs adapted to the specifics of the work of the Ministry of Internal Affairs, as well as the need for psychological training and support for employees. The article highlights the importance of integrating physical activity into the daily lives of Interior Ministry employees to improve their overall readiness and professional effectiveness.

Keywords: physical training, stressful situations, psychoemotional state, stress tolerance, physical training programs, law enforcement officers.

Сотрудники МВД России вынуждены противостоять многообразию психологических испытаний, как в рамках повседневной службы (включая административные процедуры), так и при выполнении сложных спецопераций с участием криминалитета или во время чрезвычайных ситуаций. Эти напряжения возникают из-за широкого спектра задач: от рутинного документооборота до крайне динамичных действий по нейтрализации правонарушений и реагированию на кризисы. В контексте таких вызовов, особое значение приобретает физическая подготовка кадров МВД – не просто как требование к профессии, но и как ключевая стратегия поддержания устойчивости в стрессовых обстоятельствах.

Физическое развитие как неотъемлемая составляющая профессионализма в МВД: высокий уровень физической подготовки способствует не только оперативно-служебной результативности, но и оказывает определяющее воздействие на состояние духа сотрудников. Анализ научных дан-

ных убедительно демонстрирует – регулярные тренировки существенно снижают напряженность и стрессовую реакцию, укрепляя психологическую устойчивость персонала к трудностям служебной жизни, а также положительно сказываются на общем самочувствии.

1. Физическая активность как основа психоэмоционального равновесия: систематическое применение физкультуры стимулирует естественный синтез эндорфинов, «гормонов радости», что способствует повышению позитивного настроения и снижению тревожности среди сотрудников МВД. В условиях постоянной психологической нагрузки это становится ключевым фактором поддержания здоровой психической среды.

2. Физическое совершенствование: от сердца к уму: качественная физическая подготовка напрямую воздействует на работу сердечно-сосудистого аппарата, оптимизирует метаболические процессы, укрепляет мышечные структуры и

общую выносливость. Эти улучшения не только обеспечивают высокую производительность в служебно-боевой деятельности, но также способствуют лучшему функционированию мозга при решении сложных задач.

3. Уверенность как ресурс преодоления: достижения на физическом поприще укрепляют внутреннюю уверенность сотрудников МВД в своих возможностях и компетентности, что играет решающую роль в успешном противостоянии стрессовым ситуациям. Уверенные в своей силе тела полицейские легче справляются с психологическими испытаниями служебной жизни.

Сложные обстоятельства, вызывающие стресс у сотрудников правоохранительных органов, делятся на различные категории:

1) Конфронтационная работа с правонарушителями: от борьбы с агрессивными преступниками до непосредственного столкновения при задержаниях.

2) Профессиональные обязанности в экстремальных условиях: охрана порядка, сопряженная с риском для жизни и здоровья сотрудников (например, операции с использованием оружия и взрывчатки).

3) Эмоциональное напряжение: взаимодействие с пострадавшими от преступлений или гражданскими лицами в состоянии глубокого психологического потрясения.

4) Специальные мероприятия массового характера: поддержание общественного спокойствия на шумных и многолюдных событиях. Эти аспекты создают уникальный спектр стрессовых факторов, с которыми сталкиваются работники Министерства внутренних дел.

Для выполнения данных условий сотрудникам необходимо обладать как выдающимися физическими качествами, так и особым контролем над своими аффектами, где уровень эмоциональной стабильности напрямую связан с их физическим здоровьем и психологической крепостью.

Физическая подготовка как многогранный фактор снижения стрессовых воздействий:

1. Самопроизводство антистресса: занятия спортом стимулируют выработку эндорфинов, что ведет к естественному снижению уровня кортизола – гормона стресса и улучшает общее настроение.

2. Физические тренировки как адаптационный механизм: регулярные физические упражнения способствуют формированию психологической устойчивости, позволяя сотрудникам МВД эффективно справляться с трудными условиями труда и восстанавливаться после стрессовых ситуаций.

3. Командообразование через совместную активность: групповые занятия укрепляют командный дух и социальные связи, что существенно снижает уровень стресса, связанного со страхом одиночества в критических моментах.

4. Искусство самообороны как источник уверенности: включение элементов боевых искусств и техник самозащиты в подготовку МВД способствует не только физическому совершенству, но и развитию внутренней уверенности сотрудников, что положительно сказывается на их эмоциональном состоянии.

5. Техники управления вниманием: Обучение методам регулирования эмоций и переключения фокуса во время занятий спортом позволяет временно отвлекаться от негативных мыслей, обеспечивая психологическую разгрузку и восстановление концентрации на рабочих задачах.

Ключевым фактором в обеспечении качества службы персонала Министерства внутренних дел является создание и интеграция специализированных систем физподготовки, адаптированных под особые условия профессиональной деятельности сотрудников ведомства.

1. Специализированная физкультурно-тренировочная деятельность: разработка индивидуальных планов занятий с учетом специфических операционных задач сотрудников МВД, включая развитие выносливости, силовой подготовки, скоростной реакции и прецизионного контроля движений.

2. Психологическая оптимизация: интеграция в программу тренингов по стрессоустойчивости и управлению аффектами для повышения эмоциональной устойчивости сотрудников, что критически важно при выполнении миссий с высоким уровнем психологического давления.

3. Корпоративная поддержка и мотивационные механизмы: формирование позитивного коллективного духа через проведение спортивных мероприятий, внедрение системы стимулирования (премии, грамоты) за активное участие в физическом развитии сотрудников и создание благоприятной социальной среды для укрепления командного сплочения.

Подготовка физического уровня становится краеугольным камнем для успешного выполнения служебных обязанностей в органах Министерства внутренних дел (МВД), где она не только обеспечивает устойчивость сотрудников к стрессовым факторам, но и фундаментально влияет на их общее состояние. Регулярное применение физических упражнений способствует комплексному улучшению как телесного здоровья, так и эмоциональной стабильности персонала МВД, что напрямую сказывается на повышении профессиональных показателей. В эпоху растущих социальных вызовов актуальность поддержания высокого уровня физической формы среди сотрудников МВД возрастает. Для этого необходимо создание целенаправленных и систематизированных программ развития, охватывающих как индивидуальные способности каждого сотрудника, так и командную работу в целом. Внедрение таких инициатив позволит сформировать более устойчивую структуру МВД, где сотрудники будут обладать не только высокой физической подготовкой, но и развитой психологической выносливостью для адекватного реагирования на современные вызовы.

В перспективе важно продолжать изучение взаимосвязи между уровнем физического развития и резистентностью к стрессу среди служащих органов внутренних дел. Необходимо разработать актуальные методические пособия по совершенствованию систем физической подготовки, что не только увеличит эффективность служебной деятельности, но и окажет положительное влияние на общий уровень здоровья сотрудников.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов А. В. Роль физической подготовки в формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - № 2. - С. 123-128.
2. Сидоров С. А. Влияние физической подготовки на эффективность служебной деятельности сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 1. - С. 42-49.
3. Кузнецов М. М. Особенности организации физической подготовки в системе профессионального обучения сотрудников ОВД // Труды Академии управления МВД России. - 2021. - № 4. - С. 67-73.
4. Смирнов И. В. Комплексный подход к физической подготовке сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2022. - № 3. - С. 281-286.

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

ЧИРКУНОВА Ольга Игоревна

бакалавр по направлению «Психология управления», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

КРАВЧЕНКО Вероника Алексеевна

бакалавр по направлению «Психология управления», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СПОСОБНОСТИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ У УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Статья посвящена теме связи личностных особенностей и способности к самоуправлению у людей с опытом участия в специальной военной операции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения специфических психологических особенностей участников специальной военной операции (СВО), детерминированных стрессовыми состояниями, чувством небезопасности и страха. В статье также исследуются характеристики доверия у участников СВО, поскольку стресс боевых действий может решительно изменить особенности доверия у людей. Данные исследования необходимы для разработки эффективных программ реабилитации и поддержки, учитывающих уникальные особенности данного конфликта, характерно влияющие на личность.

Ключевые слова: личностные особенности, способность к самоуправлению, участники специальной военной операции.

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Political analysis and socio-psychological processes sub-faculty, G. V. Plekhanov Russian University of Economics

CHIRKUNOVA Olga Igorevna

bachelor in Management Psychology, G. V. Plekhanov Russian University of Economics

KRAVCHENKO Veronika Alexeevna

bachelor in Management Psychology, G. V. Plekhanov Russian University of Economics

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL CHARACTERISTICS AND THE ABILITY TO SELF-GOVERNMENT AMONG PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

The article is devoted to the topic of the relationship between personality traits and the ability to self-manage in people with experience of participating in their own. The relevance of the study is due to the need to study the specific psychological characteristics of participants in a special military operation (SMO), determined by stress conditions, feelings of insecurity and fear. This is necessary to develop effective rehabilitation and support programs that take into account the unique features of this conflict.

Keywords: personal characteristics, the ability to self-manage, participants of the special military operation.

Самоуправление — это способность личности самостоятельно ставить цели, планировать, контролировать и корректировать свою деятельность, что способствует развитию ответственности, мотивации и адаптивности [4]. Процесс самоуправления представляет собой циклическую систему, включающую анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание, планирование, разработку критериев оценки, принятие решений, самоконтроль и коррекцию, направленную на оптимизацию деятельности и переход к саморегуляции. Каждый цикл завершается оценкой эффективности и корректировкой действий, что способствует достижению устойчивых поведенческих паттернов и совершенствованию процессов самоуправления. В отличие от саморегуляции, которое стабилизирует поведение, самоуправление предполагает активное изменение и развитие личности [5].

Согласно С. Л. Рубинштейну, личность формируется в социокультурной среде и включает такие элементы, как направленность, способности, темперамент, эмоции и характер. Главный психиатр МО РФ В. К. Шамрей считает, что у вернувшихся после боевых действий ветеранов имеют место стойкие личностные изменения в виде негативных личностных характеристик, нарастания посттравматической сим-

птоматики. [2]. Феномен сильных личностных изменений у участников боевых действий в научной литературе также описывается как «комбатантная акцентуация» [3]. В то же время, существуют положительные детерминанты, способствующие эффективному преодолению стресса, такие как высокая мотивация и ответственность.

Доверие рассматривается как многоаспектный конструкт, включающий ожидания, установки и отношения, и изучается как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Необходимо учитывать эмоциональные и культурные компоненты доверия, выходящие за рамки когнитивного подхода. Доверие является условием развития индивида и выполняет важные социальные функции, такие как интеграция и коммуникация [1]. В то же время, у людей с боевым опытом наблюдаются трудности с доверием, что может быть связано с адаптивной реакцией на постоянную угрозу и проявлениями посттравматического стресса.

Нами было проведено исследование среди демобилизованных участников специальной военной операции на выборке из 31 человека в возрасте от 19 до 27 лет. В качестве методов исследования были использованы:

1. Эмпирические методы:

1.1. Big Five Inventory-2 (BFI-2-S). Авторы: К. Дж. Сото, О. П. Джон, Адаптация: А. Ю. Калутин, С. А. Щебетенко, А. М. Мишкевич (2022).

1.2. Способность к самоуправлению (ССУ). Автор: Н. М. Пейсахов (1983).

2. Доверие/недоверие личности миру, себе, другим людям. Автор: А. Б. Купрейченко (2008).

3. Статистические методы:

3.1. Метод описательной статистики.

3.2. Метод математической статистики – корреляционный анализ, коэффициент корреляции Пирсона.

В результате исследования личностных особенностей при помощи методики Big Five Inventory-2 (BFI-2-S) показало следующие результаты: по шкале экстраверсии высокий уровень наблюдается у 19 респондентов (61,29 %), по субшкале энергичности – у 21 респондента (67,74 %).

По шкале доброжелательности высокий уровень у 14 респондентов (45,16 %), а по субшкале уважительности – у 15 респондентов (48,39 %).

По шкале добросовестности высокий уровень у 22 респондентов (70,97 %), особенно в продуктивности, где он зафиксирован у 26 респондентов (83,87 %).

Негативные эмоции проявляются в низких уровнях: высокий уровень у 2 респондентов (6,45 %), а низкий – у 21 респондента (67,74 %).

По шкале открытости опыту высокий уровень у 15 респондентов (48,39 %), а по субшкале творческого воображения – у 20 респондентов (64,52 %).

Эти результаты подчеркивают многогранность личностных характеристик респондентов.

Что касается результатов исследования способности к самоуправлению, по шкалам анализа противоречий, прогнозирования, целеполагания, планирования, критериев оценки качества, принятия решений, самоконтроля и коррекции было выявлено, что большинство респондентов демонстрируют уровень «выше среднего» или «средний».

В частности, 52 % (16 человек) показали уровень «выше среднего» по анализу противоречий, 45 % (14 человек) по прогнозированию, и 35 % (11 человек) по целеполаганию.

По планированию 48 % (15 человек) находятся на среднем уровне, а 58 % (18 человек) по критериям оценки качества. Принятие решений продемонстрировало высокий уровень у 52 % (16 человек), а самоконтроль – у 16 % (5 человек) респондентов. В целом, результаты показывают, что большинство участников обладают средним или выше среднего уровнем самоуправления, однако целеполагание, планирование и критерии оценки качества требуют дальнейшего развития. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к обучению и развитию навыков самоуправления. На рисунке 1 представлены результаты методики «Способность к самоуправлению».

Рисунок 1. Результаты методики «Способность к самоуправлению»

По методике «Доверие/недоверие личности миру, себе, другим людям» были получены следующие результаты.

Общий уровень доверия варьируется от 30 до 75, с медианой 55 и средним значением 53,3, что указывает на средние показатели доверия в выборке.

Доверие к себе колеблется от 14 до 30, с медианой 27 и средним 26, что свидетельствует о высоком уровне самоуважения. Доверие к другим имеет минимальное значение 4 и максимальное 15, с медианой 11 и средним 11,6, что говорит о среднем уровне доверия, но с тенденцией к снижению. Доверие миру варьируется от 6 до 30, с медианой 21 и средним 20,3, что также указывает на умеренное доверие.

Фактор 1 (доверие себе в отношениях) имеет среднее 13,1, что говорит о высокой самооценке в социальных навыках. Фактор 2 (недоверие миру) показывает среднее 8,5, указывая на умеренное недоверие. Фактор 3 (доверие другим) имеет среднее 11,6, что подтверждает умеренное доверие к сотрудничеству. Фактор 4 (доверие себе в оценках) показывает среднее 12,9, а Фактор 5 (недоверие миру как опасному) – 7,3, что указывает на осторожный подход к окружающему миру.

Результаты исследований сведены в таблицу 1.

Также был проведен корреляционный анализ. Для исследования линейной корреляционной связи был выбран ко-

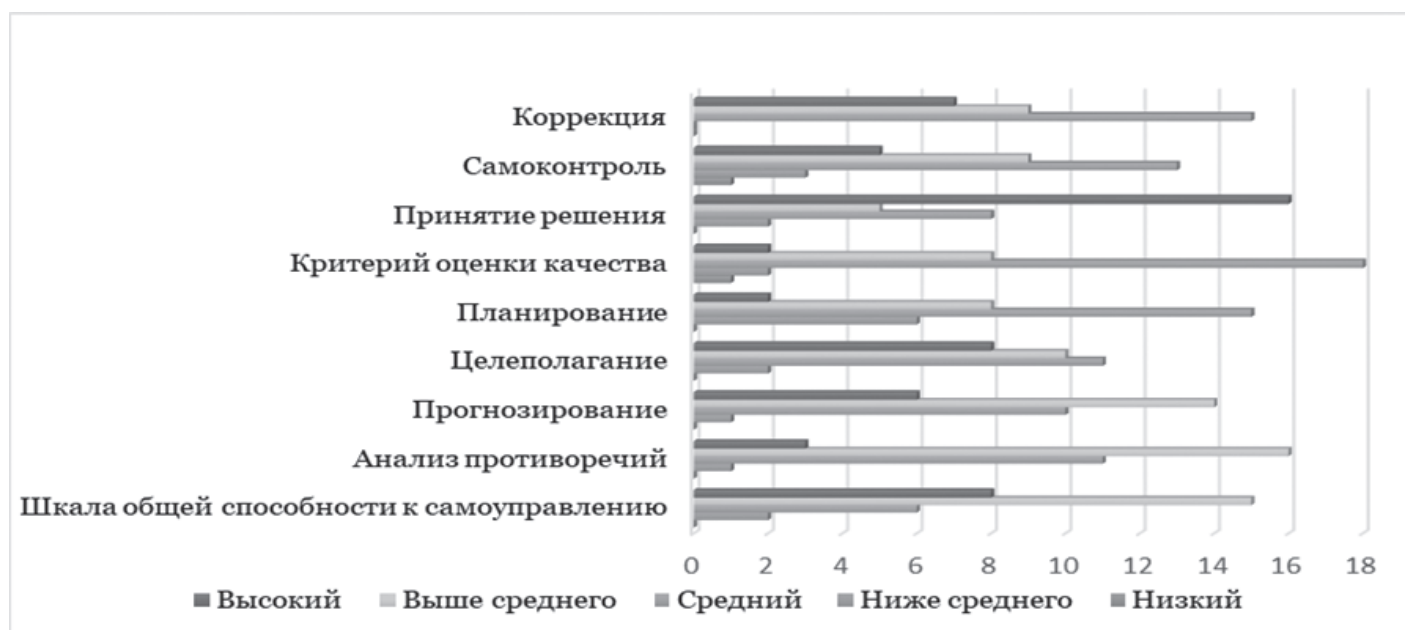

Рисунок 1. Динамика объемов добычи нефти в России в 1985-2018 гг., млн. т.

Таблица 1. Результаты методики «Доверие/недоверие личности миру, себе, другим людям»

Результаты по шкалам / Метрики	Общий балл доверия / недоверия	Доверие себе	Доверие другим	Доверие миру и другим	Ф. 1	Ф. 2	Ф. 3	Ф. 4	Ф. 5
мин.	30	14	4	6	8	3	4	6	3
макс.	75	30	15	30	15	15	15	15	15
медиана	55	27	11	21	14	8	11	14	7
ср. знач.	53,3	26	11,6	20,3	13,1	8,5	11,6	12,9	7,3
мода	55	30	11	22	15	11	11	15	7

эффицент корреляции Пирсона, поскольку данные имеют нормальное распределение, а число выборки удовлетворяет критериям использования. Расчеты были произведены в программе для работы с электронными таблицами Microsoft Excel, где были получены следующие результаты:

Шкала экстраверсии показала умеренную положительную корреляцию с общей способностью к самоуправлению ($r = 0,346$), анализом противоречий ($r = 0,426$) и коррекцией планов ($r = 0,349$).

Шкала доброжелательности продемонстрировала слабую связь с аспектами самоуправления, без значительных корреляционных связей.

Шкала добросовестности показала умеренную корреляционную связь с анализом противоречий ($r = 0,361$), но в целом слабо коррелировала с другими аспектами самоуправления.

Шкала негативных эмоций, напротив, показала умеренную отрицательную корреляцию с общей способностью к самоуправлению ($r = -0,449$) и другими аспектами, такими как анализ противоречий ($r = -0,528$) и самоконтроль ($r = -0,415$).

Шкала открытости опыту показала умеренную положительную связь с анализом противоречий ($r = 0,3$) и слабую связь с целеполаганием.

В результате исследования выявлено, что респонденты обладают средним и выше среднего уровнем способности к самоуправлению с сильными сторонами в анализе, прогнозировании, принятии решений и коррекции, но нуждаются в развитии целеполагания, планирования, самоконтроля и определении критериев оценки. Личностные особенности выборки характеризуются энергичностью, умеренной эмпатией, ориентацией на результат, низкой тревожностью и высоким воображением, при этом добросовестность и открытость опыту умеренно связаны с лучшим анализом противоречий, а негативные эмоции — с ухудшением самоуправления. В аспекте доверия респонденты демонстрируют высокое доверие к себе, но умеренное недоверие к миру и другим, что может быть связано с осторожностью и оценкой рисков. Полученные данные подчеркивают необходимость развития навыков самоуправления и учета личностных особенностей для повышения эффективности управления собой и взаимодействия с окружающими.

Полученные данные могут помочь в будущей разработке индивидуализированных программ обучения и реабилитации. Это позволит более эффективно поддерживать развитие личностных качеств и навыков самоуправления, что в свою очередь может улучшить качество жизни участников СВО и их родственников.

Пристатейный библиографический список

1. Астанина Н. Б. Развитие представлений о доверии как о психологическом феномене в зарубежной науке // Вестник Костромского государственного университета. - 2010. - Вып. 16 (1). - С. 139-143.
2. Буланова И. С., Смолянский П. В., Чернов А. Ю. Идентичность и смысловая система солдата: опыт нарративного анализа военно-исторических мемуаров // Мир науки. Педагогика и психология. - 2019. - № 4.
3. Зелянина А. Н. Динамика личностных характеристик у ветеранов с различной тяжестью военной травмы // Психологические исследования. - 2012. - № 1 (21). - С. 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.12.2024)
4. Пейсахов Н. М. Закономерности динамики психических явлений. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. - 235 с.
5. Раздобреева М. Е Сравнительный анализ подходов к пониманию саморегуляции (на примере концепций В. И. Моросановой и Н. М. Пейсахова) // Амурский научный вестник. - 2022. - № 2. - С. 40-44.

КОРОБАЕВ Дмитрий Владимирович

доцент кафедры Таможенное право и организация таможенного дела, Российский университет транспорта (МИИТ), аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления имени П. А. Столыпина

ПРОЕКТ ТРАСЕКА: ВОПРОКИ ИЛИ ВО БЛАГО РОССИИ

В статье приводится анализ предпосылок создания евроазиатского транспортного коридора. Рассматриваются цели создания проекта ТРАСЕКА, определяется круг инициаторов данного проекта. Главный акцент приходится на роль России в этом проекте через призму событий в историческом аспекте – от главного конкурента идейных вдохновителей данного проекта до одного из основных пользователей инфраструктурой в современных геополитических условиях. Также, в статье упоминается результат аналитической работы российского дипломатического ведомства относительно перспективы проекта ТРАСЕКА периода начала 90-х годов двадцатого века. Обозначена позиция стран - бывших республик Советского Союза по вопросу участия в данном транспортном проекте. В заключении автором сделан вывод об актуальности проекта ТРАСЕКА в сегодняшних условиях ведения внешнеторговой деятельности.

Ключевые слова: международный транспортный коридор, транзит, санкции, железнодорожные перевозки, геополитика.

KOROBAYEV Dmitry Vladimirovich

associate professor of Customs law and organization of customs affairs sub-faculty, Russian University of Transport (MIIT), postgraduate student, P. A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration

TRACECA PROJECT: IN SPITE OF OR FOR THE BENEFIT OF RUSSIA

The article provides an analysis of the prerequisites for the creation of a Euro-Asian transport corridor. The goals of creating the TRACECA project are considered, the circle of initiators of this project is determined. The main emphasis is on the role of Russia in this project through the prism of events in the historical aspect - from the main competitor of the ideological inspirers of this project to one of the main users of infrastructure in modern geopolitical conditions. Also, the material mentions the result of analytical work of the Russian diplomatic department regarding the prospects of the TRACECA project of the early 90s of the twentieth century. The position of the countries - former republics of the Soviet Union on the issue of participation in this transport project is outlined. In conclusion, the author draws a conclusion about the relevance of the TRACECA project in today's conditions of foreign trade activities.

Keywords: international transport corridor, transit, sanctions, railway transportation, geopolitics.

Впервые годы постсоветской эпохи наиболее экономически развитые страны Европы предложили бывшим среднеазиатским, закавказским и восточноевропейским социалистическим республикам построить новый регулярный международный транспортный коридор (далее – МТК) для доставки грузов сообщением Европа-Азия. Полный перечень стран, на которые задействованы в вышеупомянутом МТК, обозначен в документе, принятом под эгидой организации ТРАСЕКА, называющийся «Перспектива межрегиональной программы Европейской Комиссии ТРАСЕКА и её значение в интеграционных процессах» (далее – программа ТРАСЕКА). К таким государствам относятся: Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Румыния, Таджикистан, Турция, Туркменистан, Узбекистан и Украина. Главной отличительной особенностью данного МТК по сравнению с существующими на момент середины 90-х годов XX века, равно как и его основная цель, являлось исключение России из числа стран, по территории которых осуществляются международные транзитные перевозки грузов.

Данное заключение совпадает с позицией МИД России по этому вопросу. В качестве аргументации приводится цитата из справочной информации от 28.01.2000 г., подготовленной Департаментом экономического сотрудничества

МИД Российской Федерации: «При организационно-техническом и финансовом содействии Евросоюза формируется мощный евроазиатский транспортный коридор (ТРАСЕКА - Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia), так называемый «Великий шелковый путь», в котором задействованы черноморские порты (Поти, Батуми), железные дороги Грузии и Азербайджана, каспийская паромная переправа (Баку-Туркменбаши), железнодорожные сети Туркмени, Узбекистана, Киргизии, Казахстана и Китая, а также китайские порты на тихоокеанском побережье. Создание и развитие нового транспортного коридора позволит, по мнению его идеологов из Еврокомиссии, расширить рынки стран Средней Азии и Закавказья, подключить их через трансъевропейские магистрали к ЕС.

Таким образом, ТРАСЕКА нацелена на осуществление международных перевозок грузов, минуя российскую территорию. В политическом плане Запад рассматривает данный проект как реальную возможность существенного уменьшения транспортной зависимости бывших республик СССР от России, усиления центробежных тенденций среди стран СНГ».

В мае 1993 года на конференции в Брюсселе стартовала программа ТРАСЕКА (TRACECA, Transport Corridor Europe Caucasus Asia). В конференции участвовали министры тор-

Коробаев Д. В.

говли и транспорта из пяти стран Центральной Азии и трех кавказских государств. Было принято соглашение о программе Технического содействия, которую финансирует ЕС, для развития транспортного коридора по направлению Запад – Восток из Европы, с пересечением Черного моря, через Кавказ и Каспийское море с выходом на Центральную Азию. Также, этот проект поддержали США. Сторонниками коридора ТРАСЕКА являются Китай, Япония, Республика Корея и другие страны.

Для периода середины 90-х годов прошлого века реализация данного плана стала для России серьёзным экономическим и геополитическим вызовом. В это время Россия переживала тяжёлые последствия «шоковой терапии» экономических реформ, шёл затяжной политический кризис, имевший под собой опасный потенциал сепаратизма и экстремизма.

В этих условиях для России было критически важно сохранить за собой место главной транспортной артерии, связующей Запад и Восток на евразийском континенте, подразумевая под этим преимуществом стабильное пополнение государственного бюджета, выраженного в прямых (государственные пошлины и сборы) и косвенных (обеспечение занятости населения, федеральные и региональные налоги) поступлениях в казну. Доходы от международных транзитных перевозок по маршруту Европа – Китай в этом ключе не являются исключением. Согласно статистике Всемирного банка, объём взаимной торговли Китая со странами Европы и Центральной Азии в период с 1992 по 2000 год возрос более чем в 2,5 раза, с 15,5 до 40,9 млрд. \$ США в год, соответственно возросла и потребность услуг международной логистики по перевозкам между странами – экспортёрами и странами – импортёрами рассматриваемого направления.

Помимо прямого экономического ущерба от внедрения в эксплуатацию объектов транспортно-логистической инфраструктуры проекта ТРАСЕКА, инициаторами проекта также предусматривались косвенные негативные последствия для России не только в экономическом аспекте, но также и по геополитическому треку. Далее, эти вопросы рассматриваются более детально.

1. Заморозка инвестиционного и промышленного развития России – относится к области строительства объектов транспортно-логистической инфраструктуры, и производства в первую очередь подвижного состава. При падении объёма перевозок снижается потребность в пополнении и обновлении парка локомотивов и фитинговых платформ для транспортировки контейнеров, и как следствие у предприятий отраслевой промышленности происходит снижение количества заказов на производство нового подвижного состава запасных частей и комплектующих.

Считается уместным отметить амбициозные цели по развитию транспорта, обозначенные в Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия 2030), утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р. В частности, в Стратегии 2030 ключевое место в развитии железнодорожных путей сообщения отводится Транссибирской магистрали. И, действительно, по данным на 2020 год годовой объём транзитных контейнерных перевозок по Транссибу составлял 500 тысяч ДФЭ (двадцатифутовый эквивалент). Таким образом, можно сделать вывод о том, что по данному направлению планам недоброжелателей России сбыться не удалось.

2. Утверждение своего геополитического господства и распространение экспансии на территориях бывших республик Советского Союза – нынешних ближайших соседей России. В программе ТРАСЕКА явным образом прописана одна из стратегических целей Евросоюза в отношении стран-участниц данного транспортного проекта – поддержание политической и экономической самостоятельности. Разумеется, под завуалированной формулировкой «самостоятельности» здесь следует понимать не истинное самостоятельное развитие экономик этих государств и проведение политического курса суверенного развития, не выстраивание на равных позициях взаимоотношений стран-участниц проекта ТРАСЕКА со странами Европейского союза, а отторжение новообразованных государств, вышедших из состава Советского Союза и социалистического блока, от их прежнего главного экономического и политического партнёра, исторического и культурного центра – Российской Федерации, государства – наследника и правопреемника СССР.

3. Воплощению проекта ТРАСЕКА поспособствовали международные финансовые институты (далее – МФИ), а также частные инвесторы. К числу спонсоров МФИ причислены следующие организации: Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Исламский банк развития, Азиатский банк развития, Кувейтский фонд, а также Японское агентство развития.

Помимо МФИ в реализации инфраструктурных планов ТРАСЕКА приняли участие частные инвесторы. Суммарный объём частных инвестиций составил один миллиард \$ США.

Теперь автором предлагается сопоставить этот факт с тем, что же произошло в сфере международной логистики в 2022 году. А именно, здесь подразумевается отказ всех международных перевозчиков, относящихся к юрисдикции недружественных стран, от транспортировки грузов в Российскую Федерацию. Особенно остро это ограничение отразилось на международных перевозках морским видом транспорта – более одного года мощности российских портов Балтийского бассейна были критически недозагружены. В некоторых случаях под запрет попал также транзит товаров по территории России, например, в случае, когда, по мнению европейских/американских/японских чиновников, товары по своей сущности обладают признаком «двойного» назначения.

Таким образом, налицо попытка со стороны инвесторов проекта ТРАСЕКА форсировать окупаемость своих вложений, так как введённая в эксплуатацию транспортная инфраструктура по большому счёту является единственной экономически эффективной альтернативой сухопутному варианту доставки товаров в обход России по пути Европа – Китай и обратно.

4. Для международной торговли стабильное транспортное сообщение между странами – внешнеторговыми партнёрами является залогом стратегического потенциала успешного развития. Открытый призыв, а подчас и прямое давление стран коллективного Запада и к ним примкнувших в адрес третьих стран о том, что Россию необходимо исключить из всех мировых процессов, в том числе и по вектору международного сотрудничества в области транспортного развития, находят воплощение в осторожных, а порой и ограничительных (блокирующих) внешнеэкономических проявлениях со стороны государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также стран глобального Юга. Это достаточно тревожный сигнал для России, поскольку вышеупомянутые страны на сегодняшний день являются главными торговыми партнёрами нашей страны. По

отдельным категориям товаров внутреннее производство в России или отсутствует вовсе, или налажено в недостаточном объёме с ничтожной долей локализации, что ставит под вопрос достаточный уровень насыщения такими «чувствительными» товарами внутреннего рынка Российской Федерации. С этой точки зрения наблюдается неприкрытое воздействие на торговую политику развивающихся и наименее развитых стран, демонстрирующих в данный период времени самый высокий рост своих экономик.

Несмотря на все перечисленные вызовы, с которыми сталкивается Россия в условиях незаконных санкций и рестрикций со стороны отдельных стран, стоит отметить следующее. Российские участники внешнеэкономической деятельности используют инфраструктуру МТК ТРАСЕКА для доставки из-за рубежа товаров в Россию. Этот маршрут используется, в том числе для доставки так называемых «санкционных» импортных товаров, а также товаров, в отношении которых легализован параллельный импорт на территорию Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 506 от 29.03.2022 г. Получается, что на данном историческом этапе самый негативный сценарий развития событий, связанный с реализацией проекта ТРАСЕКА, о которых предупреждали аналитики из МИДа в 2000 году удалось предотвратить. Если посмотреть на эту проблему более широко, то представляется, что в том числе благодаря транспортному коридору ТРАСЕКА, Россия сегодня не изолирована не только в международном транспортном сообщении, но также использует инфраструктурные мощности данного МТК для «обхода» незаконных ограничений (торговых эмбарго) на поставку отдельной номенклатуры товаров. Из этого можно сделать вывод о том, что транспортный коридор ТРАСЕКА в сегодняшних реалиях работает не вопреки, как того ожидали его инициаторы, а во благо России.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/?ysclid=lybnau51qc392702427
2. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/documents/1/1010?ysclid=lybn0zdm12591491431>
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/?ysclid=lybh0s2sn3137166312
4. Перспектива межрегиональной программы Европейской Комиссии ТРАСЕКА и её значение в интеграционных процессах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tracesa-org.org/fileadmin/fm-dam/TAREP/29xh/ps_lib/29_31_AN5_ENG_RUS_27.pdf.
5. Справочная информация Министерства иностранных дел Российской Федерации от 28.01.2000 г. «Евразийский транспортный коридор (проект ТРАСЕКА). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1745635/
6. Электронный бюллетень EastRussia («Восток России»), «Транссиб: через пространство и время» от 02.05.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/transsib_cherez_prostranstvo_i_vremya/?ysclid=lybnk3ttjd281223304.
7. Экспертный доклад на тему «Транзит по Транссибу» / Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sonar2050.org/storage/files/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/%D0%A1%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%A0/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B7%D0%B8%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B1%D1%83.pdf?ysclid=lwt247tiec74850085>.
8. Интернет – сайт Министерства транспорта Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/>.
9. Интернет ресурс Всемирного банка «World Integrated Trade Solution». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wits.worldbank.org/>.
10. МИА «Россия сегодня». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/>.
11. Издательский дом «Коммерсантъ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/>.

ЛАЗОВСКАЯ Анастасия Николаевна

магистрант магистерской программы «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», Санкт-Петербургский государственный университет

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ

В статье рассматривается роль технологий искусственного интеллекта при реализации концепции устойчивого городского развития. В качестве примера успешной политики внедрения инновационных технологий в городскую среду приводится опыт России и Китая. Анализируются положения «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Делается вывод об эффективности внедрения цифровых технологий в достижении цели устойчивого городского развития на примере Москвы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, «умные» города, устойчивые города, урбанизация, цели устойчивого развития.

LAZOVSKAYA Anastasiya Nikolaevna

magister student of the master's program "International Cooperation in the Field of Environment and Development", St. Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty, St. Petersburg State University

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN SUSTAINABLE CITY DEVELOPMENT

The article examines the role of artificial intelligence technologies in implementing the concept of sustainable urban development. The national experience of Russia and China is given as an example of a successful policy for introducing innovative technologies into the urban environment. The provisions of the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030" are analyzed. A conclusion is made about the effectiveness of introducing digital technologies in achieving the goal of sustainable urban development using Moscow as an example.

Keywords: artificial intelligence, smart cities, sustainable cities, urbanization, sustainable development goals.

Развитие технологий искусственного интеллекта не только качественно меняет повседневную жизнь, но и становится частью политических процессов. Так, например, значение искусственного интеллекта обсуждается в рамках XXI Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»¹, одна из сессий в рамках которого получает название «Искусственный интеллект – революция или мода?». Очевидно, что технологии искусственного интеллекта влекут за собой, с одной стороны, высокие ожидания от новых возможностей, с другой – опасения возможных отрицательных последствий от его внедрения. Тем не менее, уже сейчас есть конкретные примеры влияния искусственного интеллекта на общество и политику в различных сферах, в том числе в рамках применения технологий искусственного интеллекта в устойчивом развитии городов.

Технологии искусственного интеллекта всё более активно интегрируются в сложные системы современных мегаполисов, а сферы применения нейросетей в городской жизни становятся всё более обширными – от анализа огромных массивов данных и выявления на этой основе существующих городских проблем до создания цифровых двойников горо-

дов. С развитием технологий происходит и эволюция подходов к современному городскому развитию. Искусственный интеллект начинает рассматриваться как один из ключевых инструментов для достижения целей в области устойчивого городского развития, и, в частности, Цели № 11 «Устойчивые города и населенные пункты», закрепленной в Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 г.² Кроме того, в мае 2024 года проходил Глобальный саммит «Искусственный интеллект во благо», который был организован Международным союзом электросвязи³. В рамках Саммита рассматривались вопросы практического использования искусственного интеллекта применительно к достижению целей в области устойчивого развития (далее – ЦУР-2030)⁴.

1 XXI Ежегодное заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/programma-xxi-ezhegodnogo-zasedaniya-kluba-valday/> (дата обращения: 09.11.2024).

2 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [без передачи в главные комитеты (A/70/L. 1)] 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 26.11.2024).

3 Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2024/05/1452836> (дата обращения: 06.11.2024).

4 Искусственный интеллект: ключ к достижению устойчивого развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2024/06/artificial-intelligence-game-changer-sustainable-development> (дата обращения: 06.11.2024).

Следует заметить, что концепция «умных» городов – это уже сформировавшийся мировой тренд [1]. Целью создания «умных» городов является формирование комфортной и безопасной городской среды, а также рост благосостояния городского населения и экономический рост посредством использования передовых информационно-коммуникационных технологий для предоставления более качественных услуг гражданам, внедрения цифрового городского управления и улучшения инвестиционного климата. При этом ряд современных городов, прежде всего мировых столиц, уже давно глубоко цифровизированы. В дальнейшем, как отмечается в научной литературе, облик современных городов будет сформирован под воздействием цифровой урбанистики, на основе идей повышения качества жизни горожан, а также эффективного использования ресурсов [2]. В большинстве стратегий развития умных городов существенная роль отводится именно искусственному интеллекту как инструменту для реализации сложных урбанистических задач. Среди наиболее перспективных направлений цифровой урбанистики традиционно называются те, что напрямую влияют на жизнь людей. Здесь можно отметить решения, связанные с применением искусственного интеллекта для работы с документами, как в рамках внутреннего документооборота, так и при работе с документами, получаемыми от пользователей услуг, объемы которых в области городского хозяйства весьма велики. Уже сейчас нейросети способны проверять комплектность документов, осуществлять их сортировку и дальнейшее распределение по ведомствам. Еще одно направление – «умные» ЖКХ, предполагающее использование различных датчиков, передающих информацию в единый мониторинговый центр, и нейросетей, применяемых для анализа полученной информации. Подобные решения могут быть использованы для предотвращения аварий и управления городской инфраструктурой [3].

Одним из мировых лидеров по внедрению технологий искусственного интеллекта в городскую среду является Китай. Страна занимает лидирующие позиции как по количеству таких городов, так и по объему соответствующих инвестиций. На долю Китая приходится около половины всех существующих в мире проектов по созданию «умных» городов. Так, в программе по развитию «умных» городов здесь насчитывается свыше 500 городов [4]. Кроме того, на территории государства расположено более 60 промышленных ИИ-парков, а развитие сферы искусственного интеллекта связано с такими городами как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Ханчжоу [5]. Среди задач, которые могут быть решены при внедрении технологий искусственного интеллекта в городское администрирование – оптимизация управления городской инфраструктурой, анализ трафика, внедрение экологически чистых технологий, поддержание общественной безопасности. Большое внимание в Китае уделяется сегменту видеонаблюдения, с 2015 года в стране реализуется проект, запущенный Министерством общественной безопасности КНР, целью которого является создание базы данных, позволяющей идентифицировать любого гражданина, с помощью системы распознавания лиц.

Камеры, в основе которых лежат технологии искусственного интеллекта, способны анализировать собранные данные в режиме реального времени и идентифицировать людей на видео, что позволяет не тратить время на просмотр самих записей и открывает возможности для оперативного оповещения правоохранительных органов о происшествиях [6].

В России лидирующие позиции по уровню цифровизации и внедрению инновационных технологий традиционно занимает Москва. Так, в октябре 2024 года столица получила Гран-при национальной премии «Умный город» в номинации «ИИ – человеку». Отдельно был отмечен комплексный подход Москвы к использованию искусственного интеллекта в рамках работы городского контакт-центра, когда более половины обращений на горячую линию принимается и обрабатывается голосовым ассистентом. Это позволяет ускорить процесс получения консультации по вопросам режима работы учреждений или статуса готовности документов и позволить операторам сконцентрироваться на более сложных задачах⁵. Москва традиционно занимает ведущие места и в мировых рейтингах «умных» городов. Например, по такому показателю как уровень оказания электронных государственных и муниципальных услуг Москва входит в ТОП-20 мировых мегаполисов⁶. В октябре 2024 года сразу два московских цифровых проекта были удостоены международной премии «BRICS Solutions Awards». Речь идет о проекте «Цифровой двойник города Москвы», победившем в номинации «Платформы и комплексные решения для правительства и государственного управления», а также проекте «по использованию инновационных технологий в области компьютерного зрения для анализа медицинских изображений и дальнейшего применения в системе здравоохранения города»⁷. Всё это свидетельствует не только «о стремлении российской столицы быть лидером во внедрении инноваций», но и отражает ещё одну тенденцию – усиливающуюся конкуренцию и потребность в дальнейшем развитии инновационных городских систем.

В настоящий момент нейросети используются в рамках реализации нескольких десятков городских проектов Москвы [7]. Данные проекты включают в себя задействование технологий искусственного интеллекта в чат-ботах и голосовых помощниках, для оплаты в метро по Face Pay и обеспечения безопасности пассажирских перевозок, для роботизированной сортировки мусора. Кроме того, в Москве применяется нейросеть, которая может следить за уборкой снега или находить некошеный газон. Посредством камер видеонаблюдения нейросеть способна обрабатывать большие объемы изображений и выявлять про-

5 Официальный сайт Мэра Москвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/145723073/> (дата обращения: 10.11.2024).

6 UN E-Government Survey 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-10/Chapter%204%20E-Government%20Survey%202024.pdf> (дата обращения: 06.11.2024).

7 Официальный сайт Мэра Москвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/145527073/> (дата обращения: 10.11.2024).

блемы, делая скриншоты требующих внимания городских служб участков. Указанная нейросеть является частью Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений.

Одно из наиболее развитых направлений применения искусственного интеллекта в российских городах – цифровизация сферы безопасности в целом и транспортной безопасности, в частности. В Москве также функционирует система «Безопасный город», среди задач которой – контроль дорожной ситуации и обнаружение нарушений. Подобные системы включают в себя «умные» камеры, дополнительные камеры на транспортных средствах, системы контроля водителей и спутниковые системы навигации. Отмечается, что благодаря камерам контроля скорости и использования алгоритмов искусственного интеллекта количество ДТП с участием городского пассажирского транспорта снизилось более чем на треть за период с 2019 по 2024 гг.⁸

Следует отметить, что для России ключевым программным документом, посвященным внедрению инноваций, основанных на использовании искусственного интеллекта, во все сферы экономической деятельности и повседневной жизни является «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁹. В числе приоритетов в нем отмечены: «обеспечение роста благосостояния и качества жизни ее населения»; «обеспечение национальной безопасности и правопорядка»; «достижение конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта»¹⁰. При этом ключевым принципом развития и использования искусственного интеллекта должен стать технологический суверенитет. В целях реализации вышеназванной стратегии в 2021 году был утвержден и отдельный федеральный проект «Искусственный интеллект»¹¹, а в 2022 году был создан Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации¹². Таким образом, в России наблюдается всё более широкое применение технологий искусственного интеллекта в процессе обеспечения безопасной и комфортной городской среды. В свою оче-

редь, опыт внедрения цифровых технологий показывает их эффективность в содействии достижению ЦУР-2030.

Пристатейный библиографический список

1. Тихалева Е. Ю. Умные города: правовое регулирование и потенциал развития // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – № 1 (3). – С. 803-824.
2. Папенков К. В., Никиноров С. М., Ситкина К. С. Устойчивое развитие городов. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.
3. Ильина И., Коно М. Трансформация подходов к развитию «умного города». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
4. Тетерятников К. С., Камолов С. Г., Каунов Е. Н. «Умные» города как драйвер социально-экономического развития: опыт России и Китая // *Международная экономика*. – 2019. – № 9. – С. 43-62.
5. Струкова П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 588-606.
6. Yao Y. Application of Artificial Intelligence in Smart Cities: Current Status, Challenges and Future Trends // *International Journal of Computer Science and Information Technology*. – 2024. – V. 2, № 2. – P. 324-333.
7. Сухоручкина И. Н., Сухоручкина А. А. Искусственный интеллект: проекты умных городов и модернизации России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2023. – № 18-1. – С. 394-399.

8 Официальный сайт ГУП «Мосгортранс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mosgortrans.ru/press/news/za-5-let-chislo-dtp-s-uchastiem-avtobusov-i-elektrobusov-mosgortransa-snizilos-bolee-chem-na-tret/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 11.11.2024).

9 Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 04.11.2024).

10 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (дата обращения: 05.11.2024).

11 Федеральный проект «Искусственный интеллект». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/fed_proekt_iskusstvennyy_intellekt/ (дата обращения: 05.11.2024).

12 Официальный сайт Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ai.gov.ru/ncpii/> (дата обращения: 05.11.2024).

МАТВЕЕВ Константин Сергеевич

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ЭЛЕКТРОННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Автор данной статьи анализирует становление и перспективы развития электронного здравоохранения в России. Исследование охватывает ключевые этапы формирования правовой базы, начиная от первых законодательных инициатив до современных нормативных актов, регулирующих внедрение цифровых технологий в медицинскую практику. В статье детально рассматриваются основные государственные проекты, направленные на цифровизацию здравоохранения, такие как Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), портал Госуслуг, телемедицина и другие инициативы, оценивая их эффективность и выявляя проблемные точки.

Ключевые слова: электронное здравоохранение, ЕГИСЗ, телемедицина, цифровизация здравоохранения, медицина.

MATVEEV Konstantin Sergeevich

postgraduate student of Public law and digital law sub-faculty, Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

ELECTRONIC HEALTHCARE IN RUSSIA: LEGAL FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The author of this paper analyzes the formation and prospects of e-health development in Russia. The study covers the key stages of the formation of the legal framework, from the first legislative initiatives to modern regulations governing the introduction of digital technologies into medical practice. The paper examines in detail the main government projects aimed at digitalization of healthcare, such as the Unified State Information System in the Field of Healthcare (USISZ), the portal of Public Services, telemedicine and other initiatives, assessing their effectiveness and identifying problem points.

Keywords: e-health, EGISZ, telemedicine, digitalization of healthcare, medicine.

Актуальность исследования правовых основ и перспектив развития электронного здравоохранения в России обусловлена рядом факторов, определяющих его критическую важность для национальной системы здравоохранения и социально-экономического развития страны. Внедрение цифровых технологий в медицину – это не просто модернизация, а необходимый этап трансформации, направленный на решение ряда острых проблем. Во-первых, существующая система здравоохранения сталкивается с нехваткой медицинских кадров, особенно в отдаленных регионах, что ограничивает доступность качественной медицинской помощи. Электронное здравоохранение, за счет телемедицины и дистанционного мониторинга, позволяет частично компенсировать этот дефицит, расширяя географию медицинского обслуживания и повышая эффективность работы врачей. Во-вторых, проблема доступности и качества медицинской информации для пациентов остается актуальной. Электронные медицинские карты, порталы медицинских услуг и системы записи на прием способствуют повышению прозрачности и доступности информации, улучшая взаимодействие между пациентами и медицинскими учреждениями. В-третьих, эффективность управления ресурсами системы здравоохранения может быть значительно повышена за счет внедрения цифровых технологий. В-четвертых, правовое регулирование электронного здравоохранения находится в стадии активного развития, что создает необходимость системной работы по совершенствованию нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту персональных данных, информационную безопасность и правовую определенность для всех участников процесса.

Финансирование информатизации государственного здравоохранения в Российской Федерации в период с 2011 по

2024 годы можно рассмотреть через призму трех ключевых этапов, каждый из которых имеет свои цели, источники финансирования и объемы выделенных средств.

1. Этап. «Базовая информатизация» (2011-2012 гг.) На первом этапе, который охватывает 2011 и 2012 годы, основное внимание уделялось созданию базовой инфраструктуры для информатизации здравоохранения. Общее федеральное финансирование на этот этап составило 30 млрд. рублей, из которых 5 млрд. рублей были выделены в 2011 году и 25 млрд. рублей в 2012 году.

2. Этап. «Развитие ЕГИСЗ» (2013-2018 гг.) Вторым этапом, охватывающий 2013-2018 годы, был сосредоточен на развитии Единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ). Финансирование на этом этапе составило 28 млрд. рублей, причем основная часть средств обеспечивалась на региональном уровне. В 2018 году было выделено 2 млрд. рублей в рамках субсидии по Постановлению Правительства РФ 659-р. Годовые объемы финансирования на этом этапе варьировались от 3,6 млрд. рублей в 2015 году до 6,8 млрд. рублей в 2018 году. Это свидетельствует о постепенном увеличении интереса к информатизации на региональном уровне, а также о необходимости продолжения работы по интеграции различных информационных систем в единую платформу.

3. Этап. «Создание единого цифрового контура на основе ЕГИСЗ» (2019-2024 гг.) Третий этап, который продолжается до 2024 года, направлен на создание единого цифрового контура на основе ЕГИСЗ. По состоянию на 2024 год общее консолидированное финансирование на этот этап составляет 112,7 млрд. рублей. Годовые объемы финансирования на этом этапе значительно варьируются: максимальное значение было зафиксировано в 2020 году — 47,1 млрд. рублей, что

может быть связано с пандемией COVID-19 и необходимостью быстрого внедрения цифровых решений в здравоохранение. В 2021 году финансирование составило 17,7 млрд. рублей, в 2022 году — 13,4 млрд. рублей, в 2023 году — 9,4 млрд. рублей, а в 2024 году 10,5 млрд. рублей [1, с. 6].

Развитие электронного здравоохранения в России характеризуется четкой периодизацией, отражающей эволюцию от начальной подготовки к масштабному внедрению цифровых технологий. Представленная периодизация позволяет проанализировать темпы и особенности развития на каждом этапе. Проведем анализ периодов развития цифрового здравоохранения в России.

Подготовительная стадия (1993-2005 гг.). Длительность этого этапа (12 лет) свидетельствует о значительных начальных трудностях, связанных с отсутствием необходимой инфраструктуры, правовой базы и финансовых ресурсов. Основное внимание уделялось закладке фундамента – персонализированному учету застрахованных лиц и оказываемой им медицинской помощи в рамках ОМС и системы льготного лекарственного обеспечения. Этот период можно охарактеризовать как этап накопления опыта и подготовки к системным изменениям. Отсутствие четкого правового регулирования и ограниченное финансирование замедлили темпы развития.

Стартовая стадия (2006-2009 гг.). Этот короткий, 4-летний период, ознаменовался началом централизованного регулирования цифровизации здравоохранения. Ключевым событием стало введение единого стандарта рецептурного бланка в машиночитаемой форме. Это позволило создать основу для дальнейшей интеграции данных и электронного документооборота. Несмотря на относительно небольшой временной промежуток, стадия заложила основу для последующего масштабирования цифровых решений.

Стадия создания ЕГИСЗ (2010-2018 гг.). Данный 9-летний этап характеризуется наиболее интенсивным развитием. Региональные программы модернизации здравоохранения, финансируемые как федерально, так и регионально, стали движущей силой процесса. Ключевым событием стало создание и внедрение Единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) в 2017 году (ФЗ-242). Длительный срок реализации связан со сложностью интеграции разрозненных региональных систем, необходимости разработки и внедрения новых программных продуктов, а также обучением медицинского персонала [3, с. 65]. Это свидетельствует о масштабности задачи и необходимости значительных ресурсов.

Стадия создания ЕЦК в сфере здравоохранения (2019-2024 гг.). Данный 6-летний этап фокусируется на создании единого цифрового контура здравоохранения на базе ЕГИСЗ. Системное государственное управление цифровизацией становится приоритетным. По сравнению с предыдущим этапом, наблюдается четкая координация действий на федеральном уровне, что способствует ускорению процесса. Ожидается, что к завершению этапа будет сформирована единая информационная среда, обеспечивающая доступ к медицинским данным во всех регионах страны.

Рассмотрим подробнее. Можем сказать, что на первой стадии закладывается фундамент. К ключевым событиям можно отнести: установление единого стандарта рецептурного бланка в машиночитаемой форме. Данное событие знаменует первое официальное признание цифровых медицинских документов и начало стандартизации. В декабре 2006 г. принят первый ГОСТ «Электронная история болезни». 2008

год ознаменовался созданием Департамента информационных технологий и связи в Минздравсоцразвития России и «Федеральной типовой МИС» на базе свободного программного обеспечения.

Вторую стадию можно назвать активным этапом развития. К ключевым событиям можно отнести: принятие государственной программы «Информационное общество» и нового Федерального закона № 326-ФЗ об ОМС, введение единых протоколов обмена данными в ОМС, начало выпуска единого полиса ОМС. Следует отметить, что данные события создают правовую и организационную основу для развития ЕГИСЗ, но без данных о темпах внедрения оценить их влияние сложно. В 2011 году начинается финансирование региональных программ модернизации здравоохранения, что стимулирует внедрение ИТ. В след за этим в ноябре 2011 года принят Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который закрепляет правовые основы для цифровизации здравоохранения.

В период с 2014-2016 года происходит создание Федерального реестра нормативно-справочной информации Минздрава России и Регламентной службы, разработка федерального справочника лабораторных исследований (ФСЛИ). В октябре 2016 года утвердили приоритетный проект «Электронное здравоохранение». Далее 2017 год, ознаменован принятием Федерального закона № 242-ФЗ о ЕГИСЗ — важнейшее событие, которое закрепляет правовые основы функционирования ЕГИСЗ на федеральном уровне. В июле этого года происходит утверждение национальной программы «Цифровая экономика», способствующее развитию инфраструктуры. И уже в мае 2018 год впервые выходит постановление правительства о функционировании самого ЕГИСЗ. Наряду с этим, происходит запуск национального проекта «Здравоохранение» утвержденный Указом Президента № 204, который заложил основу для цифровой трансформации отрасли. Одновременно был утвержден федеральный проект «Создание единого цифрового контура здравоохранения на основе ЕГИСЗ» и принят Приказ Минздрава № 911н, устанавливающий требования к информационным системам в здравоохранении. Данные действия создали нормативно-правовую базу для дальнейшего развития ЕЦК [2, с. 9].

В 2019 году начался регулярный мониторинг показателей проекта, создан Центр компетенций цифровой трансформации сферы здравоохранения на базе ЦНИИОИЗ. В 2020 году Приказ Минздрава № 906н запустил процесс перехода на федеральные справочники, стандартизируя информационный обмен. В этом же году был определен порядок организации электронного документооборота в здравоохранении, в том числе с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП).

В 2021 году начался постепенный запуск межведомственного электронного взаимодействия на базе ЕГИСЗ по различным направлениям (МСЭ, свидетельства о смерти/рождении и т.д.). В этом же году начался мониторинг «цифровой зрелости» здравоохранения субъектов РФ и полный переход на электронный листок нетрудоспособности [4, с. 68]. В 2022 году произошло введение цифрового полиса ОМС и начало проектирования домена «Здравоохранение».

Перспективная четвертая стадия эволюции цифрового здравоохранения, начиная с 2025 года, будет в первую очередь связана с увеличением использования систем поддержки принятия решений для врачей и пациентов, а также внедрением технологий искусственного интеллекта. Завершится переход на модели управления, основанные на данных, на

всех уровнях системы. Наблюдается активное развитие цифровых сервисов для граждан, с углублением специализации этих услуг для различных категорий населения, особенно для людей с хроническими заболеваниями и пожилых граждан. Расширится сфера персонализированного мониторинга здоровья, а также будут развиваться возможности для самостоятельного контроля за своим состоянием. Также планируется улучшение интеграции сервисов других информационных систем, которые смогут взаимодействовать с Единой государственной информационной системой здравоохранения (ЕГИСЗ) прямо или через региональные ГИСЗ. Кроме того, усилится межведомственное сотрудничество в связи с различными жизненными ситуациями граждан. С 2018 года дистанционное взаимодействие между врачом и пациентом с применением информационных технологий впервые стало легализовано. Ранее внимание акцентировалось на информатизации документооборота, расчетов за медицинскую помощь, клинических процессов, а также на управлении потоками пациентов и ресурсами, а также на профессиональном общении медиков внутри защищенных сетей медицинских учреждений. Однако сейчас, особенно на четвертой стадии развития, интернет-технологии начинают занимать все более важное место во взаимодействии с пациентами, их использовании для профилактики и укрепления здоровья, а также внедрении телемедицины. Развиваются новые сервисы для общения с пациентами, начиная с простейшей онлайн-записи на приём. В перспективе будут применяться инновационные технологии, такие как цифровые ассистенты в виде мобильных приложений, носимые диагностические устройства, а также возможность заказа медикаментов и медицинского оборудования через смартфон и роботизированные устройства для оказания медицинской помощи на дому.

Наряду с этим, будут развиваться персонализированные цифровые услуги в сфере здравоохранения, направленные на различные слои населения. В частности, данные услуги будут предоставляться не только на уровне федеральных структур через портал Госуслуг, но и на региональных платформах здравоохранения, а также через веб-сервисы медицинских учреждений и площадки соответствующих операторов других информационных систем в области здравоохранения. На четвертой стадии развития цифрового здравоохранения системы оценки уровня цифровой зрелости медицинских учреждений и здравоохранительных систем в регионах Российской Федерации, вероятно, получат большее распространение. Для анализа соблюдения требований, установленных Правительством РФ и Минздравом к информационным системам в медицине, а также для планирования дальнейшего развития и сравнения уровня цифровой зрелости между регионами и учреждениями, на федеральном уровне на третьей стадии началось отслеживание показателей проекта, направленного на создание единого цифрового контура в здравоохранении. Несмотря на это, массовое применение комплексных методов оценки, основанных на интегральных индексах, пока наблюдается только в отдельных российских регионах и медицинских организациях. Например, в январе 2018 года ФГБУ ВЦЭРМ им. А. М. Никитина МЧС России впервые в стране получил сертификат HIMSS EMRAM на 6-м уровне, а в июле 2021 года — на 7-м уровне. В 2022 году аналогичный сертификат на 6 уровень получил и РКБ Татарстана.

Перспективы развития электронного здравоохранения в России выглядят многообещающе. Внедрение технологий искусственного интеллекта, больших данных и телемедицины открывает новые горизонты для диагностики и лечения

заболеваний. Кроме того, развитие мобильных приложений и платформ для дистанционного мониторинга состояния здоровья пациентов может значительно улучшить качество медицинской помощи и повысить уровень участия граждан. В заключение, электронное здравоохранение в России находится на этапе активного развития, однако для достижения его полного потенциала необходимо преодолеть существующие правовые и организационные барьеры. Интеграция цифровых технологий в систему здравоохранения требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и образовательные программы для медицинских работников и пациентов. Только в этом случае можно ожидать толчка качества медицинских услуг и повышения эффективности системы здравоохранения в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Гусев А. В., Владимирский А. В., Голубев Н. А., Зарубина Т. В. Информатизация здравоохранения Российской Федерации: история и результаты развития // Национальное здравоохранение. - 2021. - № 2 (3). - С. 5-17.
2. Зарубина Т. В. Единая государственная информационная система здравоохранения: вчера, сегодня, завтра // Сибирский вестник медицинской информатики и информатизации здравоохранения. - 2016. - № 1. - С. 6-11.
3. Лебедев Г. С., Шадеркин И. А., Фомина И. В. и др. Эволюция интернет технологий в системе здравоохранения // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. - 2017. - № 2 (4). - С. 63-78.
4. Шадеркин И. А. Уровни зрелости телемедицины // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. - 2021. - Т. 7, № 4. - С. 63-68.

ПОЛУНИН Сергей Викторович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции

GERMAN Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

СТАБРОВСКАЯ Екатерина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

АРБУЗОВ Андрей Иванович

преподаватель кафедры конституционного и административного права, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «РУССКИЙ МИР»

В статье исследуются исторические и нормативно-правовые аспекты формирования концепции «Русский мир». Основное внимание уделяется анализу содержания Русского мира как уникального духовно-культурного феномена России. Рассмотрены ключевые этапы становления Русского мира, начиная со средневековой Руси и заканчивая современными формами его проявления. Подробно рассматривается влияние религиозных, культурных и политических факторов на формирование сущности Русского мира. Особое значение придается изучению эволюции самого термина «Русский мир» в различные исторические эпохи, включая анализ его содержания в Российской империи, Советском Союзе, постсоветской и современной России. Проводится сравнительный анализ взглядов современных общественных деятелей на сущность и границы Русского мира, выявляются их подходы к пониманию роли русского языка, культуры и традиций в формировании национальной идентичности. Кроме того, статья затрагивает вопросы правового регулирования и государственной политики в отношении продвижения идеи «Русского мира» внутри страны и за ее пределами. Рассматривается роль государственных институтов и общественных организаций в поддержании и развитии этого культурного феномена.

Ключевые слова: русский мир, русская идея, духовно-культурный феномен России, традиционные духовно-нравственные ценности.

POLUNIN Sergey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Constitutional and administrative law sub-faculty, General of the Army I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, colonel of justice

GERMAN Elena Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, General of the Army I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

STABROVSKAYA Ekaterina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, General of the Army I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

ARBUZOV Andrey Ivanovich

lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty, General of the Army I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, lieutenant colonel of justice

ON THE HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE CONCEPT "RUSSIAN WORLD"

The article discusses the historical aspects of the formation of the concept of the "Russian World," its legal framework, and analyzes the content of the "Russian World" as a special spiritual and cultural phenomenon of Russia. The article examines the key stages in the development of the Russian world, from medieval Rus' to its modern forms. It examines in detail the influence of religious, cultural and political factors on the formation of the essence of the Russian world. Particular attention is paid to studying the evolution of the term "Russian world" in various historical periods, including an analysis of its content in the Russian Empire, the Soviet Union, post-Soviet and modern Russia. A comparative analysis of the views of modern public figures on the essence and boundaries of the Russian world is carried out, and their approaches to understanding the role of the Russian language, culture and traditions in the formation of national identity are revealed. In addition, the article touches upon issues of legal regulation and state policy regarding the promotion of the idea of the "Russian world" within the country and abroad. The role of state institutions and public organizations in maintaining and developing this cultural phenomenon is considered.

Keywords: Russian world, the Russian idea, the spiritual and cultural phenomenon of Russia, traditional spiritual and moral values.

В современном мире, когда геополитическая карта мира претерпевает значительные изменения, всё более актуальным становится обсуждение духовных корней нашего национального своеобразия. Всё чаще можно услышать выражение

«Русский мир», отражающее уникальный духовно-культурный феномен России. Средства массовой информации всё активнее поднимают тему противостояния между ценностями западноевропейской цивилизации и русским миром.

Понятие «Русский мир» является сложным и многослойным явлением, охватывающим различные сферы жизни общества – от религии и культуры до истории, политики и социальной структуры.

Еще 20 лет назад Святейший Патриарх Кирилл отмечал, «для нас, Русский мир — это не этническое понятие. Русский мир включает в себя и все народы, принадлежащие к другим религиям, но разделяющие одни ценности общественной жизни вместе с русским народом. Именно Россия, осознающая себя православной, способна поддерживать в единстве различные культуры. В течение веков Россия выработала механизм сосуществования разных культур и религий, которые принимают одни общественные ценности, но сохраняют свою религиозную самобытность. Это феномен, характеризующий развитие определенного типа культуры, создавшей уникальную ценностную парадигму, состоящую из общности людей, говорящих на одном языке, единства культуры и общности, духовно-нравственных ценностях, единства мировоззрения» [1].

Появление термина «Русский мир» в российском общественном дискурсе вызвало мощную волну откликов, пробудив глубокие чувства как среди сторонников либеральных идеалов внутри страны, так и среди наших «западных партнёров». Последние усмотрели в этом понятии признаки оживления национального самосознания российского народа.

10 мая 2022 г. на сайте британской газеты «The Telegraph» появилась статья польского премьер-министра Моравецкого под одиозным названием «Чудовищная идеология русских должна быть уничтожена». Говоря о политике Кремля, его официальной идеологии и о поддержке этой идеологии в обществе, польский премьер призывает «искоренить «русский мир как раковую опухоль». Идеология «Русского мира» названа эквивалентом коммунизма и нацизма XX века. Хотя Красная армия и победила нацистскую Германию, она принесла рабство многим народам Центральной и Восточной Европы. «Мы не должны питать иллюзий. Это не безумие, а продуманная стратегия, которая уже открыла ворота для геноцида. «Русский мир» ... разъедает не только большую часть российского общества, но и представляет смертельную угрозу для всей Европы. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе против России. Мы должны полностью искоренить эту новую, чудовищную идеологию».

Стоит подчеркнуть, что концепция русского духовно-культурного мира вовсе не представляет собой нечто новое. Основу этого феномена как уникальной духовной и культурной общности составляет культурное единство, проявляющееся в восприятии народов общей исторической судьбы, разделении единых духовно-нравственных ориентиров и формировании общего мировоззрения. Как подчеркивает О. Корытко, эта основа включает в себя множество представлений, понятий и культурных нарративов, среди которых можно выделить такие важные концепты, как «русская идея», «Святая Русь» и «Москва – Третий Рим». Все эти компоненты объединены общей идеей о мессианском предназначении русского народа, его уникальной культурно-духовной и геополитической роли [2].

Формирование концепции «Русский мир» началось много столетий назад и связано с множеством важных событий. Её истоки уходят к временам Древней Руси (IX–XIII вв.), когда закладывались основы российского государства и

его культуры. Уже тогда возникли первые идеи, близкие современному пониманию «Русского мира». Одним из примеров является «Повесть временных лет», созданная Нестором в начале XII века, где акцентируется внимание на том, что русские земли составляют единую целостность, несмотря на существование отдельных княжеств. Эти первоначальные взгляды стали основой для осознания русской культуры как единого феномена.

Следующим этапом эволюции концепции стал Московский период (XIV–XVII вв.), когда Москва превратилась в центр объединения русских территорий и создания единого государства. Именно тогда появилась концепция «Третьего Рима», которая утверждала, что Москва наследует роль Византии после её крушения. Эта идея существенно усилила убеждение в исключительной миссии русского народа и его культурного наследия.

С XVIII века Российская империя приступила к активному территориальному расширению, включая в свой состав новые регионы и народы. В эпоху Империи (XVIII – начало XX вв.) сложилось понимание «Русского мира» как пространства, связанного общими русскими языком и культурой. Императоры способствовали распространению русского языка и культурных ценностей за пределы страны. Данный период ознаменован значительными успехами в исследовании русской истории, культуры и языка, чему во многом способствовали такие учёные, как Н. Карамзин и В. Ключевский [4].

В XIX веке происходил подъем национального самосознания под воздействием романтических и национальных идей, которые распространились по всей Европе. Русские интеллектуалы и литераторы этого периода начали глубже осознавать уникальность своей культуры, языка и исторического пути. Именно тогда появилось представление о «Русском мире» как о едином пространстве, объединяющем всех русских людей, независимо от их местоположения.

Важную роль играли споры между славянофилами и западниками. Славянофилы подчеркивали уникальные черты русской культуры и традиций, считая, что Россия должна опираться на свои корни и духовные ценности. Они рассматривали «Русский мир» как объединяющий фактор для всех славянских народов, стремясь к культурному и духовному единству. Западники, напротив, выступали за заимствование западных идей и технологий, что тоже оказывало влияние на восприятие «Русского мира», но уже с акцентом на интеграцию России в европейское культурное пространство.

Православие сыграло ключевую роль в становлении идеи «Русского мира», став неотъемлемой частью формирования российской духовной самобытности. Русская православная церковь олицетворяла собой единение русского народа и воплощала его духовные устремления. Представление о Москве как преемнице древнего Рима («третий Рим») укрепило образ России как важного духовного и культурного центра для всего славянства. Это позволило восприятию «Русского мира» выйти за рамки простого языкового сообщества и превратиться в более глубокое объединение, основанное на религиозных принципах.

Итак, литература и искусство XIX века, представляемые такими выдающимися личностями, как Александр Сергеевич Пушкин и Фёдор Михайлович Достоевский, оказали огромное влияние на формирование концепции «Русского мира». Их творчество глубоко затрагивает темы националь-

ной самобытности, духовных поисков и культурных традиций, способствуя укреплению идеи единства русского народа и сохранению его неповторимой культурной идентичности.

Однако после Октябрьской революции 1917 года ситуация радикально изменилась: концепция «Русского мира» подверглась значительной модификации. Выдвинутое коммунистической идеологией классовое сознание начало вытеснять многие аспекты национальной идентичности. Тем не менее, несмотря на эти перемены, русский язык продолжал оставаться основным языком общения в многонациональном государстве, а элементы русской культуры продолжали жить и развиваться.

Советский период (1917-1991 годы) внёс важные изменения в понимание «Русского мира». Политика национальной автономии привела к созданию множества национальных республик в составе СССР, формируя многонациональный союз, где русская культура и язык уже не всегда занимали лидирующие позиции. Однако русское культурное наследие продолжало оказывать серьёзное влияние на общую культуру страны. Более того, культурная политика Советского Союза была ориентирована на создание единой советской идентичности, в рамках которой «Русский мир» играл существенную роль. Руководство активно использовало достижения русской культуры и литературы для распространения своих идей. Такие деятели искусства, как Владимир Маяковский и Михаил Шолохов, внесли значительный вклад в формирование новой культурной идентичности, сочетающей русские традиции с социалистическим мировоззрением.

Особо ярко эта тенденция проявилась во времена Великой Отечественной войны, когда идея «Русского мира» вновь приобрела актуальность, особенно на фоне общей борьбы народов СССР против фашистской угрозы. Патриотические настроения и героизм советского народа вышли на первый план, что привело к возрождению интереса к русскому культурному наследию. Этот период знаменовал собой возвращение к пониманию «Русского мира» как символа единства и защиты общих ценностей.

После окончания войны, в условиях холодной войны и глобального противостояния с Западом, концепция «Русского мира» использовалась для укрепления советской идентичности и противостояния западному влиянию. Значительное внимание уделялось культурным достижениям России и её роли как великой державы.

Вследствие распада Советского Союза термин «Русский мир» приобрёл новое значение (постсоветский период с 1991 года до наших дней). Он стал инструментом внешней политики России, направленным на сохранение культурных и политических связей с бывшими советскими республиками и другими странами, где проживают крупные русскоязычные общины. Понятие «Русский мир» теперь охватывает всё русскоязычное пространство, включая диаспоры и страны, где русский язык продолжает играть важную роль.

Кроме того, после распада СССР многие народы, включая русских, столкнулись с кризисом идентичности. В условиях политической и экономической нестабильности возникла необходимость пересмотреть свои исторические и культурные корни.

Концепция «Русский мир» становится одним из средств возвращения утраченных ориентиров и определения места русской культуры и языка в новом мировом порядке.

С начала 1990-х годов отмечается активизация интереса к русской культуре, литературе и традициям. Происходит возрождение национальных праздников, обычаев и искусства. Культурные проекты, фестивали и выставки способствуют осмыслению и распространению идеи «Русского мира».

Глобализация и увеличение миграционных потоков приводят к необходимости создания единого культурного пространства для русскоязычной диаспоры. Концепция «Русский мир» помогает поддерживать связи между русскоязычными сообществами, живущими в разных странах, и способствует развитию сетей поддержки и сотрудничества. Это включает в себя как культурные, так и политические инициативы, направленные на усиление российского влияния в регионах с русскоязычным населением.

Сегодня, в условиях открытого противостояния с Западом и США, «Русский мир», по мнению Патриарха Кирилла, - «это общность святынь, общность мировоззренческих идей и нравственных ценностей, традиций, объединяющих людей разного этнического происхождения, разных вероисповеданий и культурных традиций. Ключевое понятие, общий знаменатель в формуле Русского мира — традиция. Традиция, в первую очередь, обеспечивает связь поколений, сохраняет и передает людям ценный духовный и культурный опыт. Без этого опыта невозможна ни существование народа, ни крепкая, устойчивая государственность, являющаяся, по сути, выражением воли нации к общественной самоорганизации» [1].

В Указе Президента РФ 2021 г. «О стратегии национальной безопасности» одним из национальных приоритетов сегодня является «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В Стратегии говорится о том, что «общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам РФ и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Россию и интегрирование их в единую российскую культуру»¹.

В Концепции внешней политики РФ в качестве национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере ставится стратегическая цель укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации². Это оказывается жизненно необходимой задачей, от выполнения которой зависит буквально физическое бытие нашего государства. Многовековой опыт нашей истории показал, что всегда существует приоритет духовно-нравственных ценностей, а не материальных, технических, экономических. И если этот приоритет сохраняется и поддерживается государством, тогда можно говорить о жизнеспособности и жизнестойкости всего культурного организма народа. В противном случае, как показал опыт Советского Союза, происходит развал страны [3].

Исходя из глубинных национальных интересов и многовековых духовных ценностей российской культуры, одно

1 О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

2 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. - № 229.

из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации заключается в созидании гармоничной и прочной системы международных взаимоотношений. Стремление к установлению справедливого мирового устройства коренится в самой сути исторической миссии России на мировой арене.

Одним из базовых документов в этой сфере стал указ Президента. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³, обозначивший перечень нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России, в конечном итоге и образующих понятие «Русский мир». Российская Федерация «рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»⁴.

Эффективная реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей должна способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития Российской Федерации.

В заключении приведем высказывание В. В. Путина, на пленарной сессии Всемирного русского народного собора, посвящённого 30-летию образования организации «Настоящее и будущее Русского мира» (2023 г.): «Русский мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности. Русский мир – это пространство высоких духовных и нравственных идеалов, которое объединяет людей разных религиозных взглядов, проживающих на территории России»⁵.

Таким образом, «Русский мир» представляет собой концептуальную философско-правовую и национальную идею, которая отражает смыслы и ценности русской духовной, религиозной, политико-правовой и нравственной культуры, с одной стороны, и средством обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета, с другой, в рамках той ментальной войны, которую ведет коллективный Запад против России сегодня.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXVI Всемирного русского народного собора 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.
2. Корытко О. Русский мир как историософский концепт и его связь с русской религиозностью // Богословский вестник. - 2024. - № 2 (53). - С. 313-323.
3. Кот Ю. В. Основы историко-культурных и духовных особенностей русского мира в контексте концепции внешней политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2023. - № 6 (116). - С. 12-13.
4. Тищенко А. С. Тема «русского мира» в отечественной литературе XI–XVII веков: генезис и структура: дис. ... канд. филолог. наук. - Ростов-на-Дону. - 2024. - 23 с.

3 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 нояб. 2022 г. - № 809.

4 Там же.

5 Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72863>.

СИМОНЕНКО Алексей Юрьевич

партнёр Московской коллегии адвокатов «Арбат»

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИЙ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Автор анализирует положение организаций с государственным участием в системе государственной власти Российской Федерации с точки зрения различных подходов к определению правового статуса данных организаций. Исследование направлено на выявление ключевых аспектов взаимодействия организаций с государственным участием и государственных структур, их влияние на экономику и общество в целом, а также на разработку рекомендаций для совершенствования данной системы, в силу широкого вовлечения вышеупомянутых субъектов в деятельность государства. Рассматриваются теоретические аспекты участия государства в экономической деятельности государственных компаний и корпораций, исследуются иные формы государственного участия, а также степень регламентации функционирования таких организаций. В статье дается оценка эффективности правового обеспечения организаций с государственным участием и их вклада в развитие страны. Автор приходит к выводу о том, что в Российской Федерации реализованы три основные формы организаций с государственным участием. В правовой системе присутствуют актуальные проблемы управления такими субъектами экономической деятельности, в частности, недостаточно регламентирован контроль за целевым использованием бюджетных средств, выделенных для реализации целей организаций с государственным участием.

Ключевые слова: организации с государственным участием, государственная компания, государственная корпорация, участие государства в акционерных обществах.

SIMONENKO Alexey Yurjevich

partner of the Moscow bar association «Arbat»

PUBLIC LAW NATURE OF ORGANIZATIONS WITH STATE PARTICIPATION

The author analyzes the position of organizations with state participation in the unified system of state power of the Russian Federation using various approaches to determining the legal status of these organizations. The main aim of this study is to identify key aspects of the interaction of legal entities with state participation and governmental structures, to find out their impact on the economy and society in general, and to give recommendations for improving this system, due to the wide impact of the above-mentioned entities on the governmental functioning. Theoretical aspects of state participation in the economic activities of different companies and corporations, forms of state participation, as well as the legal regulation of such organizations are considered in the study. This article assesses the effectiveness of legal support for organizations with state participation and their contribution to the development of the country. The author concludes that there are four main forms of organizations with state participation in the Russian Federation. The legal system has current problems of managing these organizations. In particular, use of governmental money allocated to such organizations is regulated insufficiently.

Keywords: organizations with state participation, state-established company, state-established corporation, state participation in joint-stock companies.

Введение

Концепция «публичности» подразумевает общественное участие в законодательном регулировании, открытость и свободу такого участия. Следовательно, государственная власть является формой управления, осуществляемого в тесном взаимодействии с общественностью, она функционирует прозрачно и обеспечивает доступность, а также обладает социальной направленностью.

Современная цель социальной функции государства состоит в преодолении резкого экономического неравенства и достижении максимально возможного справедливого распределения благ. Успешность социальной функции и её результаты, безусловно, зависят от экономической политики. Эффективность социальной политики достигается путем соблюдения баланса между контролем и самостоятельностью, государственной деятельностью и частным функционированием.

Следует обратить внимание на механизмы реализации социальной составляющей государства. Они должны сочетать в себе возможность государственного регулирования и

гибкость, присущую субъектам гражданского оборота. В современной России такими формами стали организации с государственным участием: государственные компании и государственные корпорации, а также акционерные общества с государственным участием. Преимуществами таких форм являются их обособленность, децентрализованность, независимость от государства. В то же время, данные организации существуют в тесном взаимодействии с государством

Характеристика государственных компаний и корпораций. На данный момент в России существует всего одна госкомпания «Российские автомобильные дороги». Главными целями её деятельности, согласно соответствующему федеральному закону¹, являются оказание государственных услуг и выполнение других функций в области дорожного хозяйства.

1 Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 14.07.2022) «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 20.07.2009. - № 29. - Ст. 3582.

В свою очередь государственная корпорация — это особый вид юридического лица, который основан на государственном участии и сочетает в себе функции публичного управления и независимой экономической деятельности.

У современных юристов не сложилось единого мнения касательно природы корпораций с государственным участием. Правоведы, склоняющиеся к тому, что такие корпорации являются обыкновенными юридическими лицами, считают их лишь отдельной организационно-правовой формой. Они относят их к некоммерческим организациям особого типа. Другая позиция заключается в том, что госкорпорация является организационно-правовой формой юридического лица, наделенной публичными полномочиями, однако с некоторой особенностью — учредителем всегда является государство. Иную позицию можно рассмотреть, проведя аналогию с институтом арбитражных управляющих. Такая версия подкреплена постановлением Конституционного суда Российской Федерации². В нём суд допустил отнесение арбитражных управляющих к публично-правовым субъектам деятельности. Данный факт подтверждает, что даже независимые организации и лица, обладающие негосударственным статусом, иногда наделяются правами и обязанностями государственного характера. Следовательно, госкорпорация, с данной точки зрения, тоже может являться публично-правовой организацией, не входящей в систему публичной власти.

В Российской Федерации весьма распространена деятельность государственных корпораций. В совокупности, в стране функционируют пять государственных корпораций: Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»; Государственная корпорация «Ростех»; Государственная корпорация «ВЭБ.РФ»; Государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов; Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос».

Сами по себе госкорпорации также отличаются между собой в статусе и объеме предоставленных им прав. Некоторые из них наделены более широкими публичными полномочиями, другие ими вовсе не обладают.

С одной стороны, достаточным критерием для признания госкорпорации субъектом, действующим в интересах общества от имени государства, может выступать наличие у неё общественно значимых функций. Эта точка зрения частично пересекается с позицией, высказанной Конституционным судом. По мнению органа — любая задача, направленная на помощь гражданам, является публичной.

На примере «Агентства по страхованию вкладов» рассмотрим основные функции госкорпорации как субъекта, реализующего публичные полномочия. Агентство ведет реестры; издает акты, содержащие различные правила публичной направленности; осуществляет контрольные и надзорные функции; выступает посредником между кредитными организациями и Центральным банком России. У данной

организации в большей степени присутствуют публично-властные задачи.

Среди всех госкорпораций, учитывая схожий правовой статус и набор полномочий, можно выделить одну корпорацию с особыми характеристиками, и ей является «Росатом», согласно соответствующему Федеральному закону³. «Росатом» активно взаимодействует с государственными органами Российской Федерации. Данное положение дел объясняется тем, что изначально полномочия «Росатома» принадлежали властному органу — Министерству по атомной энергетике, а после его упразднения были переданы государственной корпорации. Публично-властные функции и полномочия госкорпорации по атомной энергетике, обладающие элементами деятельности властного органа заключаются в следующем: «Росатом» вправе осуществлять правотворческую функцию в сфере атомной промышленности, является непосредственным субъектом разработки и реализации государственной политики, государственных планов и программ. Также корпорация является распорядителем части государственного имущества, обладает полномочиями по лицензированию, контролю и надзору в обозначенной сфере.

Проанализировав вышеуказанные полномочия, обоснованным считается мнение о том, что «Росатом» действительно осуществляет некоторые государственные функции, реализует деятельность, схожую с деятельностью государственного органа в силу властности, общеобязательности и публичности таких действий. Также стоит отметить, что такая деятельность корпорации осуществляется в одной из важнейших стратегических сфер для государства, что не может не являться еще одним весомым доводом в пользу властной природы «Росатома».

Неверно утверждать, что государственные корпорации полностью независимы от государства. Государство может осуществлять взаимодействие с госкорпорациями без посредников либо через различные органы и организации. К прямым методам взаимодействия можно отнести осуществление государственными органами функций по определению целей функционирования госкорпораций. Такая форма управления осуществляется посредством принятия соответствующего федерального закона, по своей сути — устава госкорпорации. Также органы государства утверждают программы деятельности некоторых государственных корпораций. Правовым механизмом в таком случае выступают указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства РФ. Органы также могут давать корпорациям поручения, контролировать их исполнение. Наконец, государство через свои органы способно принять решение о ликвидации корпорации, издав новый федеральный закон. Общие полномочия исполнительной власти, связанные с созданием и утверждением различных норм и правил, также можно считать механизмом управления госкорпорациями. Опосредованное управление осуществляется с помощью представителей государства в органах управления государственных корпораций.

Стоит упомянуть, что госкорпорации подотчетны органам власти государства. Ранее, госкорпорации были обязаны отчитываться путем публичной публикации информации.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2023 № 30-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», статьи 42 и пункта 4 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Страховая компания «ТИТ» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306080001> (дата обращения: 25.11.2024).

3 Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Собрание законодательства РФ. - 03.12.2007. - № 49. - Ст. 6078.

Затем поправками в законодательстве о некоммерческих организациях были закреплены функции Счётной палаты, а также других контрольных некоммерческих органов по надзору в сфере деятельности госкорпораций и госкомпаний. Была утверждена программа ежегодного обязательного аудита и ежегодной публичной отчетности, уточнены требования к такой отчетности и расходам на инвестиционную деятельность корпораций и компаний. Также немаловажным изменением было закрепление статуса работников госкорпораций и госкомпаний. Их статус стал весьма схожим со статусом государственного служащего.

Несмотря на закреплённую в законе обязанность госкорпораций представлять отчет государственным органам, значительная часть денежных фондов остается без должного надзора и контроля. Государственные корпорации вправе свободно распоряжаться полученным имуществом, что может создавать риск нецелевого использования средств и злоупотребления вверенными полномочиями. Необходимо отметить, что действующее законодательство не закрепляет возможность возврата переданных средств, а также полномочий обратно государству. Возникает закономерный вопрос, насколько важным является закрепление взаимной ответственности госкорпораций и государства.

В нынешнем правовом поле существует коллизия, некоторое несоответствие функций государственных компаний. С одной стороны, согласно ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»⁴, государственные компании не являются субъектом, который оказывает государственные услуги. С другой, Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» наделяет их такой функцией⁵.

Ключевым фактором в отнесении организации к системе власти является наличие у такой организации властных полномочий. В случае с «Автодором», деятельность компании носит публично-правовой и даже государственный статус, однако не обладает признаком властного воздействия, согласно нормам, установленным в ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С другой стороны, проанализировав деятельность компании можно выявить элементы властного взаимодействия. Также, существует ряд ситуаций, когда в процессе взаимодействия с «Автодором» частные лица, так или иначе, находятся в некоторой зависимости от компании, хоть и не подчинены ему прямо. Безусловно, вопрос зависимости возникает не в любого рода взаимоотношениях. Правовой статус «Автодора» является дискуссионным в российском правовом поле также по причине того, что помимо эксплуатации платных дорог, организация вправе издавать административные регламенты, которые характерны для большинства услуг государственного типа. Такая форма юридических актов свойственна скорее органам власти, а не частным организациям. В таком случае требуется либо внесение изме-

нений в статус государственной компании «Автодор», либо изменение правовых свойств и функций такого документа, как административный регламент.

Также существует противоречие, касающееся соотношения государственной компании «Автодор» и Публично-го акционерного общества «РЖД». Вторые также занимают монопольную позицию на рынке железнодорожных перевозок, однако являются независимыми и не носят публичных или властных полномочий. Так, деятельность, касающаяся организации и осуществления проезда по платной автомобильной дороге общего пользования, носит признаки социальной публичной и государственной деятельности, в силу статуса «Автодора», в то время как перевозка пассажиров и грузов с помощью железнодорожного транспорта представляет собой частноправовую предпринимательскую деятельность. Вероятнее всего разница заключается в источниках финансирования и характере общественной важности услуг. «Автодор» финансируется за счет государственных инвестиций и платы за проезд по платным автодорогам. «РЖД» финансируется за счет собственной деятельности. Компания осуществляет коммерческую деятельность, предоставляя услуги по перевозке на конкурентном рынке.

Общие положения правового статуса данных видов государственных организаций описаны в Федеральном законе «О некоммерческих организациях»⁶, однако тонкости присутствуют в федеральных законах о каждой отдельной государственной компании или корпорации.

Акционерные общества с государственным участием. Помимо государственных компаний и корпораций, публичные функции могут выполняться посредством участия государства в независимых акционерных обществах. Государственное участие такого характера весьма велико, поскольку Российская Федерация – крупнейший акционер рынка ценных бумаг страны. В случае, когда часть акций или доля в компании напрямую или опосредованно принадлежит государству, организация считается компанией с государственным участием. Владельцами и распорядителями имущества России в таком случае являются Росимущество (Федеральное агентство по управлению государственным имуществом), госкорпорация «Ростех», а также Центральный Банк РФ.

Участие государства в акционерных обществах - спорный, но вполне актуальный способ осуществления публично-правовых полномочий страны через сторонние организации. Данный механизм присутствия государства в экономике страны считается современным и эффективным по сравнению с традиционными формами, поскольку позволяет обеспечивать государственно-частное партнерство. Такой гибкий механизм дает возможность своевременно реагировать на нестабильность рынка, а также влиять на ту или иную сферу рынка собственным экономическим участием в качестве частноправового субъекта с крупным капиталом.

Преимущественно, процесс получения государством ценных бумаг, таких как акции, осуществляется в рамках приватизации. При размещении дополнительных акций для увеличения уставного капитала АО, государство также может стать акционером. Другой вариант получения государством

4 Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 08.07.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. - 02.08.2010. - № 31. - Ст. 4179.

5 Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. - 15.03.2004. - № 11. - Ст. 945.

6 Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. - 15.01.1996. - № 3. - Ст. 145.

акций публичного АО – переход прав на выморочное имущество. Помимо вышесказанного, акционерные общества могут получать инвестиции из бюджетных источников финансирования. В таком случае у государства или муниципалитета возникает собственность на соразмерную долю в уставном капитале такой организации. Наиболее распространенным методом участия государства, субъектов и муниципалитетов в акционерных обществах является косвенное участие через третьих лиц. Правовой статус публично-правового образования в качестве акционера общества регламентирован Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2004 года № 738⁷.

К крупнейшим и наиболее важным акционерным обществам с государственным участием относят ОАО «РЖД» (единственным акционером является государство); ПАО «Газпром», ПАО «Транснефть», ПАО «ФСК - Россети», ПАО «Аэрофлот» (государству принадлежат контрольные пакеты); ПАО «КАМАЗ», ПАО «Ростелеком» (государству принадлежит блокирующий пакет); АО «Институт прикладной физики», АО «Первый канал» (государство обладает золотой акцией). Так, согласно исследованиям, в данный момент в Российской Федерации зарегистрировано от 500 до 700 акционерных обществ с государственным участием. Тенденция складывается к минимизации данного участия.

В 2020 году аудиторы Счётной Палаты пришли к выводу о недостаточном контроле деятельности большинства акционерных обществ с государственным участием. В ежегодном отчете об управлении акциями, которое направляется в Правительство Российской Федерации, проводится анализ только десяти крупнейших обществ. Данное положение дел не отражает объективную картину в данной сфере. Также полностью отсутствует процедура оценки эффективности государственных представителей в акционерных обществах со стороны Росимущества. В своём отчете об управлении федеральным имуществом⁸, Счётная Палата отмечает формальный характер документов среднего и долгосрочного планирования, множество нарушений в процессе раскрытия информации о хозяйственной деятельности, отсутствия вовлеченности внутренних органов контроля и ревизии. Делаются выводы об отсутствии единых принципов ведомственного закрепления организаций с государственным участием, в том числе акционерных обществ. Не урегулированы вопросы дивидендной политики. Некоторые общества и вовсе не осуществляют перечисление дивидендов в федеральный бюджет.

Заключение.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью заявить, что организации с государственным участием играют важную роль в экономике страны, обеспечивая стабиль-

ность и развитие различных отраслей. Они вносят значительный вклад в бюджет государства, создают рабочие места и способствуют росту ВВП. Кроме того, такие организации выполняют социальные функции. Однако для эффективной работы организаций с государственным участием необходимо обеспечить прозрачность и эффективность управления ими, а также контролировать использование государственных средств. Необходимо устранить правовые коллизии и унифицировать регулирование тождественных организаций. Ключевой задачей для совершенствования правовой системы в данной сфере является приведение статуса организаций с государственным участием к единообразному регулированию, а также четкая регламентация всех аспектов данного статуса, учреждение контролирующих органов и механизмов контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Денисов П. А. Взаимоотношения органов власти с государственными корпорациями // Актуальные проблемы российского права. - 2010. - № 1. - С. 127-137.
2. Курманов А. Р. Институциональные альтернативы в корпоративном управлении компаний с государственным участием // Интернет-журнал «Науковедение». - 2013. - № 6. - С. 1-13;
3. Платунова Т. Л., Меженцев В. А. Государственная корпорация «Ростех»: правовые и практические аспекты деятельности // Российско-азиатский правовой журнал. - 2023. - № 1. - С. 18-24.
4. Сморгачева Л. Н. Интерес государства в управлении государственными корпорациями и административно-правовые формы его реализации // Право и практика. - 2023. - № 3. - С. 19-23.

7 Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 (ред. от 29.12.2023) «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)» // Собрание законодательства РФ. - 13.12.2004. - № 50. - Ст. 5073.

8 Бюллетень Счетной палаты №8 (273) 2020 г. // Официальный интернет портал Счётной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-8-273-2020-g> (дата обращения: 03.12.2024).

ЗУБЕНКО Сергей Игоревич

аспирант кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТРИАДА НОВЫХ ВЫЗОВОВ

В статье исследуются современные вызовы, с которыми сталкиваются государство и гражданское общество в условиях быстро меняющегося мира. В рамках заявленной тематики автор анализирует три ключевых фактора: тенденции развития международных отношений, цифровизацию государственного управления и новеллы российского законодательства. Рассматривается влияние международных организаций, таких как БРИКС, на формирование новых механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Обращено внимание на правовые и социальные последствия указанных факторов, а также предлагаются пути их учета и эффективного регулирования. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав граждан, обеспечения прозрачности и подотчетности власти, а также развитию цифровых механизмов взаимодействия между государством и гражданским обществом.

Ключевые слова: исполнительная власть, государство, гражданское общество, цифровизация, международное сотрудничество, законодательство, БРИКС.

ZUBENKO Sergei Igorevich

postgraduate student of Administrative law and process sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

STATES AND CIVIL SOCIETY: A TRIAD OF NEW CHALLENGES

The article explores the modern challenges faced by the state and civil society in a rapidly changing world. Within the framework of the stated topic, the author analyzes three key factors: the international situation, the digitalization of public administration and changes in Russian legislation. The influence of international organizations such as BRICS on the formation of new mechanisms of interaction between the state and civil institutions is considered. The article draws attention to the legal and social consequences of these factors, as well as suggests ways to effectively regulate them. Special attention is paid to the protection of citizens' rights, ensuring transparency and accountability of government, as well as the development of digital mechanisms for interaction between the state and civil society.

Keywords: executive power, state, civil society, digitalization, international cooperation, legislation, BRICS.

Реалии современного мира бросают новые вызовы взаимодействию государства и гражданского общества, что требует от административно-правовой науки оперативно реагирования и готовности урегулировать возникающие общественные отношения. Среди факторов, оказывающих особое влияние на этот процесс, необходимо выделить обострение некоторых направлений международного взаимодействия, активизацию государственного участия в области поддержки гражданской активности, а также увеличение роли цифровизации в процессах принятия и реализации государственно-властных решений. Рассмотрим более подробно влияние каждого из них.

В условиях международной конфронтации возрастает роль международных объединений с участием дружественных по отношению к Российской Федерации стран. Так, за последние несколько лет на международной арене все большее значение играет объединение стран БРИКС, в работе которого наблюдаются значимые интеграционные процессы

и активное взаимодействие с гражданским обществом. Необходимо отметить, что в 2024 году Россия председательствовала в объединении стран БРИКС. Октябрь 2024 года ознаменован проведением XVI саммита БРИКС в Казани, по итогам которого была принята Казанская декларация, посвященная укреплению многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Вместе с тем данная декларация содержит пункты, затрагивающие вопросы сотрудничества государства и представителей гражданского общества стран-участников. Пункт 132 Казанской декларации XVI Саммита БРИКС от 23 октября 2024 г. определяет важность укрепления связей между экспертными сообществами различных отраслей и представителями гражданского общества стран БРИКС, а также одобряет создание в рамках объединения нового органа – Гражданского совета БРИКС¹. По утверждению В. О. Горбачевой, представителя экспертного совета по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС, «Гражданский совет БРИКС станет постоянно действующей платформой взаимодействия гражданского общества десяти стран БРИКС, что позволит усилить голос гражданского общества стран БРИКС и не только»².

* Научный руководитель – Юрий Викторович Степаненко, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва.

** Scientific supervisor – Yuriy Viktorovich Stepanenko, Ph.D. in Law, professor, professor of Administrative law and process sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), chief researcher of the All-Russian Research Institute of the MIA of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow.

1 Казанская декларация XVI Саммита БРИКС (Казань, 23 октября 2024 г.) // Официальный сайт Председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brics-russia2024.ru/en/docs/> (дата обращения: 31.01.2025).

2 Первое заседание гражданского совета БРИКС пройдет на полях ВЭФ во Владивостоке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/21449641?ysclid=m4qv4qdc2636472709> (дата обращения: 31.01.2025).

Работа по взаимодействию гражданского общества и государства на международном уровне ведется непрерывно. В рамках объединения БРИКС ежегодно проводятся гражданские форумы с целью выработки согласованной позиции гражданского общества стран БРИКС по достижению всеохватных, неделимых и справедливых целей устойчивого развития, а также развития международного сотрудничества и расширения социального и культурного обмена между странами. По результатам работы гражданского форума БРИКС в июле 2024 г. были приняты рекомендации, которые в обобщенном виде отражены в ряде пунктов Казанской декларации XVI саммита БРИКС.

В правовом пространстве Российской Федерации взаимодействие с институтами гражданского общества в международной плоскости определено в качестве приоритетного направления внешней политики и в документах стратегического характера. Так, в концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, установлено, что Российская Федерация намерена уделять внимание развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений.³ Одним из ключевых направлений данного взаимодействия является развитие многосторонних форматов сотрудничества представителей гражданского общества стран БРИКС, включая создание совместных экспертных платформ, проведение форумов и обмен практиками в сфере общественного контроля, экологических инициатив и правозащитной деятельности. Важно подчеркнуть, что Гражданский совет БРИКС имеет потенциал стать не только инструментом для укрепления горизонтальных связей между обществом стран-участниц, но и возможность способствовать формированию общих подходов к взаимодействию с государственными структурами.

Кроме того, важной частью взаимодействия гражданского общества и государства в международном формате является институционализация общественной дипломатии, о чем свидетельствует активное участие неправительственных организаций и экспертных сообществ в обсуждении глобальных вызовов. В этом вопросе ведущую роль играет Совет экспертных центров БРИКС, в задачи которого входит обмен идеями между ведущими экспертами, представителями научного сообщества и исследовательскими центрами. На практике, в рамках работы БРИКС это выражается в поддержке инициатив, направленных на устойчивое развитие, борьбу с неравенством и расширение культурного обмена. Таким образом, международное сотрудничество, включая формат БРИКС, формирует новые механизмы взаимодействия, которые способствуют не только укреплению межгосударственных связей, но и расширению участия гражданского общества в процессах глобального управления.

Международные исследователи в области политологии отмечают значимость объединения БРИКС в вопросах интеграции и взаимодействия гражданского общества с пред-

ставителями власти. Так, профессор Франческо Петроне положительно оценивает деятельность Совета экспертных центров БРИКС, академических форумов БРИКС, которые в своей деятельности поднимают значимые вопросы перед органами власти стран-участниц [1, с. 184]. Данные изменения общественных отношений требуют и от законодательства Российской Федерации готовности к развитию сотрудничества между публичными органами, бизнесом и гражданами, в том числе с участием подобных международных структур.

Еще одним важным фактором развития партнерских отношений между государством и гражданским обществом является ряд правовых новелл российского законодательства, которые направлены на повышение активности представителей гражданского общества и на вовлечение в добровольческую деятельность граждан. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» одним из ключевых показателей является увеличение к 2030 году доли молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, не менее чем до 45 процентов. Введение данного целевого показателя и закрепление его на правовом уровне отображает значимость для государства участия граждан в жизни общества.

Среди недавних актов выделяется и Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации», устанавливающий среди показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации такой показатель, как «доля людей, вовлеченных в добровольческую деятельность». Показатель вовлеченности в добровольческую деятельность отражает уровень социальной ответственности и активности граждан. Высокая доля вовлеченных людей свидетельствует о зрелости гражданского общества и его готовности участвовать в решении общественных проблем. Такое правовое регулирование стимулирует региональные власти к активной поддержке добровольческих инициатив, созданию условий для их развития и вовлечения граждан в волонтерскую деятельность. Региональные органы власти зачастую имеют уже установленные и прочные связи с местными неправительственными организациями, общественными объединениями и другими институтами гражданского общества, что делает их главным звеном в вопросах совместной координации и сотрудничества. Исследователи правового регулирования гражданского общества отмечают, что в современный период одним из приоритетных направлений трансформации гражданского общества является формирование правовых институтов, определяющих процессуальные механизмы непосредственного влияния на нормотворчество и государственную политику [2, с. 6].

Роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации в вопросах взаимодействия общества и государства невозможно переоценить. Именно они напрямую взаимодействуют с гражданами, учитывая различные региональные аспекты, национально-культурную идентичность. Региональные органы власти могут быть более гибкими и адаптивными в принятии решений, так как они не связаны столь жесткими процедурами и бюрократическими процессами, как федеральные органы. Это позволяет им быстрее

3 Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 31.01.2025).

реагировать на изменения и внедрять инновации. Поэтому в данном вопросе важно обращать внимание на опыт регионов, что будет полезно и для федеральных органов. Так, в Республике Татарстан в 2019 году введена должность Уполномоченного по технологиям искусственного интеллекта. В его задачи входят: разработка стратегии развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) в Татарстане, взаимодействие с российскими и международными партнерами для реализации совместных проектов в сфере ИИ, формирование профессионального сообщества для разработки и эксплуатации продуктов ИИ. Такие нововведения с течением времени дают свои плоды. Так, по данным рейтингового агентства RAEX, Республика Татарстан вошла в пятерку регионов по показателю «Онлайн-доступность информации о поддержке социально ориентированных НКО» за 2024 год, хотя в предыдущие годы регион находился за пределами первой пятерки⁴.

Цифровизация взаимодействия гражданского общества и государства открывает новые возможности для повышения эффективности и прозрачности управления. Идеи использования цифровизации в процессе осуществления государственного управления имеют глубокие корни. В историческом контексте одной из первых попыток создания масштабной информационной системы для управления экономикой и обществом была Общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации (далее – ОГАС), разработанная в СССР в 1960-х и 1970-х годах. ОГАС предполагала создание централизованной системы, что контрастирует с современными децентрализованными подходами к цифровизации. Проект столкнулся с множеством технических, политических и организационных проблем, что служит уроком для современных проектов цифровизации. Однако и в настоящее время ОГАС подвергается обширному анализу ученых из совершенно разных научных дисциплин в контексте современных систем управления [3, с. 80-84].

Одним из ключевых направлений развития цифровизации взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти и институтами гражданского общества является создание онлайн-платформ для общественного участия. В этом контексте важную роль играют общественно-государственные объединения, такие как Общественная палата Российской Федерации и общественные советы при федеральных и региональных органах власти.

Необходимо отметить, что подобные механизмы взаимодействия уже существуют в России. Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ) нормативно закреплена возможность подачи общественных инициатив для граждан, зарегистрированных на портале государственных услуг. Однако за период своего существования портал показал низкую эффективность. Общее количество принятых актов посредством создания инициативы на площадке данного сервиса остается незначительным. А. Ю. Ульянов, отмечая недостатки РОИ, обращает внимание на то, что в работе портала отсутствуют средства, обеспечивающие мониторинг и передачу предлагаемых инициатив в феде-

ральные и региональные информационные системы, органы публичной власти, должностным лицам, в чьей компетенции находится разрешение поднятых проблем, что позволило бы добиться реального социально значимого эффекта от работы данного сервиса [4, с. 39 - 40].

В этой связи видится целесообразным создание на площадках общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (далее – ФОИВ), официальных сайтах органов власти онлайн-платформ, которые позволили бы гражданам инициировать рассмотрение насущных проблем, управленческих решений. После набора определенного количества голосов указанные инициативы должны поступать на рассмотрение в общественный совет при ФОИВ, а после этого – к соответствующему должностному лицу органа исполнительной власти. Подобное нововведение позволило бы представителям общественности напрямую обращаться к регулятору. Помимо преимуществ оперативной возможности взаимодействия с органами власти, данная площадка создает независимое, объективное онлайн-пространство для дискуссий, привлечения экспертов, сбора и анализа предложений, а также мониторинга реализации принятых решений, к которой имеют доступ органы государственной власти. Кроме того, они могут выполнять функции контроля и обратной связи, обеспечивая прозрачность и подотчетность государственных органов, взаимодействия с общественными советами органов исполнительной власти.

А. В. Соколов и Е. А. Исаева, исследуя эффективность региональной цифровой системы взаимодействия властных институтов и институтов гражданского общества на примере Ярославской области, приходят к выводу о том, что информационно-коммуникационные и цифровые технологии электронного участия являются лишь инфраструктурой, способствующей вовлечению в гражданскую активность и взаимодействие с властью. При этом важными являются институциональные, организационные, правовые условия, которые воздействуют на характер управления [5, с. 691].

По нашему мнению, данный вывод соответствует действительности и в рамках правовых условий считаем, что реализация этого процесса потребует соответствующего административно-правового регулирования: внесения изменений в Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», изменения в положения об общественных советах федеральных органов исполнительной власти в части установления полномочий по созданию и поддержке подобных онлайн-платформ, а также утверждения нормативных актов, регулирующих права и обязанности участников онлайн-платформ. В частности, требуется нормативное закрепление порядка рассмотрения общественных инициатив, направленных через онлайн-платформы, с установлением четких сроков и обязательности официального ответа со стороны органов власти. Важно предусмотреть административную и дисциплинарную ответственность должностных лиц за игнорирование или необоснованное отклонение предложений, получивших значительную поддержку граждан.

Вместе с тем необходимо понимать, что чрезмерно активная и безальтернативная цифровизация правоотношений между государством и обществом имеет свои недостатки. Так, существует риск того, что ряд граждан не сможет принимать участие в процессах взаимодействия в силу отсутствия доступа к сети Интернет или в силу недостатка необходимых компетенций. Именно поэтому важно учитывать, что цифровизация в процессе взаимодействия государства

4 «Регион-НКО»: топ-20 по фактору «Онлайн-доступность информации о поддержке социально ориентированных НКО» (2024 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://raex-rr.com/NKO/Region-nko/Online_support_information/2024/ (дата обращения: 31.01.2025).

и общества в настоящее время играет дополняющую роль и не должна вытеснять привычные формы и методы взаимодействия, знакомые большинству населения. Задача представителей органов государственной власти – чувствовать пульс общественности в вопросах цифровой трансформации взаимоотношений государства и общества.

В юридической науке еще одним значительным риском деятельности органов власти в виртуальном пространстве выделяется возможность нарушения прав граждан на неприкосновенность частной жизни посредством утечки персональных данных, в том числе вследствие хакерских атак [6, с. 87-88]. Действительно, в современном мире такая угроза приобретает новые краски. Она негативно может сказываться на доверии общества к органам власти и уменьшать их активность. Но это не должно послужить стимулом к полному отказу от цифровизации государственного управления и электронного взаимодействия с институтами гражданского общества. Для предотвращения подобных рисков и защиты прав граждан органы государственной власти должны предпринимать соответствующие меры: проведение тренингов и обучения для сотрудников по вопросам кибербезопасности и защиты персональных данных, разработку и внедрение инструкций (планов) реагирования на инциденты, связанные с утечкой данных.

Таким образом, для повышения эффективности платформ общественного участия в России требуется не только технологическое усовершенствование, но и глубокая юридическая адаптация, включающая интеграцию с государственными информационными системами, разработку правовых механизмов общественного контроля и внесение изменений в нормативно-правовую базу. Только комплексные меры, основанные на четком правовом регулировании, позволят добиться реального социального эффекта от цифровых инициатив и укрепления механизмов гражданского участия в государственном управлении.

Взаимодействие органов исполнительной власти и гражданского общества в условиях новых вызовов требует комплексного подхода, учитывающего тенденции международного сотрудничества, активную государственную поддержку и процессы цифровизации государственного управления. Международные объединения, такие как БРИКС, играют ключевую роль в укреплении многосторонности и развитии общественной дипломатии. Внутренние правовые новеллы, направленные на повышение активности гражданского общества и вовлечение в добровольческую деятельность, демонстрируют значимость участия граждан в жизни общества. Цифровизация открывает новые возможности для повышения эффективности и прозрачности управления, однако важно учитывать, что она должна дополнять, а не заменять традиционные формы взаимодействия. Региональные органы власти, благодаря своей гибкости и адаптивности, могут стать главным звеном в вопросах совместной координации и сотрудничества.

Особую роль в этом процессе играет административно-правовое регулирование. Эффективное сотрудничество между государством и гражданским обществом невозможно без четко проработанных правовых механизмов, которые обеспечивают прозрачность, подотчетность и участие граждан в принятии решений. В то же время в исследовании вопросов развития взаимодействия государства и гражданского общества не стоит абсолютизировать значение правового регулирования. Нормы права лишь опосредуют существующие общественные отношения, хотя они и способны создать не-

обходимые условия и стимулы для общественной активности, закрепляя права и механизмы участия граждан в управлении государством. Однако без заинтересованности самих граждан и формирования прочной гражданской культуры даже самое совершенное законодательство останется неэффективным.

Пристатейный библиографический список

1. Петроне Ф. БРИКС и гражданское общество: вызовы и будущее перспективы в многополярном мире // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – № 4.
2. Зражевская Т. Д. Трансформация институтов гражданского общества в системе публичной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 4.
3. Еремченко Е. Н. Идея ОГАС в XXI веке: перспективы и новые возможности // Информатика, управляющие системы, математическое и компьютерное моделирование (ИУСМКМ-2024): XV Международная научно-техническая конференция в рамках X Международного Научного форума Донецкой Народной Республики – 2024.
4. Ульянов А. Ю. Эффективность народовластия как необходимое условие функционирования единой системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12.
5. Соколов А. В., Исаева Е. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – № 4.
6. Тихомиров Ю. А. Право и виртуальное пространство. – М.: Проспект, 2025.

КАРАКУЛЬКО Мария Ильинична

начальник отдела Управления контрольно-надзорной деятельности Главного управления по вопросам миграции МВД России; адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

КОНЦЕПТ «ПРАВО КАЖДОГО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ В СВОЮ СТРАНУ»: ЛИНГВО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье рассматривается концепт «право каждого на возвращение в свою страну» с применением ключевого метода лингвокогнитивного анализа. Показано, что значения базовых элементов данного концепта в русском и английском языках практически совпадают. Это делает конструкцию его нормативного закрепления во Всеобщей декларации прав человека универсальной для понимания носителями различных культурных кодов. В статье также намечены перспективы дальнейшего изучения репрезентации концепта «право каждого на возвращение в свою страну» в различных языковых и культурных контекстах.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, право на возвращение, своя страна, Всеобщая декларация прав человека.

KARAKULKO Mariya Iljinichna

Head of the Department of Control and Supervisory Activities of the Main Directorate for Migration of the MIA of Russia; adjunct of Constitutional and municipal law sub-faculty, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

THE CONCEPT OF «EVERYONE'S RIGHT TO RETURN TO THEIR COUNTRY»: LINGUISTIC AND SEMANTIC INTERPRETATION

The article explores the concept of «everyone's right to return to their country» using a key method of linguistic and cognitive analysis. It is shown that the meanings of the basic elements of this concept in Russian and English are almost identical. This makes the construction of its normative consolidation in the Universal Declaration of Human Rights universal for understanding by speakers of various cultural codes. The article also outlines the prospects for further study of the representation of the concept of «everyone's right to return to their country» in various linguistic and cultural contexts.

Keywords: concept, conceptsphere, the right to return, one's own country, Universal Declaration of Human Rights.

Каракулько М. И.

Введение

В современных научно-правовых исследованиях в настоящее время все чаще используется термин «концепт», который заимствован юриспруденцией из лингвистики (лингвокогнитологии и лингвокультурологии), где изучение концептов, их структуры, логики образования и функционирования является одним из новейших и перспективных направлений. Развивая теоретическую базу таких исследований, ученые полагают, что понятия, формирующиеся в процессе мыслительной, познавательной деятельности человека, объединяются в систему знаний о мире. Своеобразной кодовой единицей такого знания является концепт.

Система прав человека, занимающая в современной доктрине одно из ключевых мест и являющаяся сама по себе центром, вокруг которого формируются правовые теории, по сути состоит из набора таких единиц — «прав человека», которые могут быть представлены как концепты и исследованы каждый по отдельности — для уяснения их внутреннего содержания, а также во всей совокупности лингвистических, исторических и культурных связей — для реконструкции системы в целом и прогнозирования ее дальнейшего развития.

Методы и предмет

В данной статье при исследовании концепта «право каждого на возвращение в свою страну» мы опирались на один из ключевых лингвокогнитивных методов — метод определения «буквального значения слова» или иначе «метод Кавелина» [17, с. 46-47]. В его основе лежит утверждение, что «через значение лексической единицы (имени концепта или других его репрезентантов), через организацию ее семного состава или лексико-семантических вариантов можно выйти на содержание концепта» [18, с. 45]. Этот метод предполагает обращение к различным толковым словарям, вклю-

чая этимологические, для того, чтобы определить основное содержание концепта. Также мы использовали структуру концепта, разработанную З. Д. Поповым и И. А. Стерниным (ядро, информационное содержание и интерпретационное поле) [подробнее см. 12], и элементы концептуального анализа, различные схемы которого разобраны в работах Ю. В. Титовой и Д. С. Поправкиной¹ [19, с. 18-20; 13, с. 20].

Предметом исследования в данной работе послужил основополагающий документ в области прав человека и гражданина — Всеобщая декларация прав человека, провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года², — который закрепил (репрезентовал) концепт «право каждого на возвращение в свою страну» в достаточно общей базовой конструкции: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну» (п. 2 ст. 13). А так как нами анализировались элементы концепта на русском и английском языке, мы, безусловно, учитывали замечания лингвистов-правоведов об особенностях перевода английской юридической терминологии на русский язык и возможном различном лексическом наполнении языковых единиц [7, 486; 14, с. 361].

- 1 Анализ большинства концептов в работе Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» начинается именно с определения содержания основных элементов ядра концепта по «методу Кавелина». Исследование взаимосвязи элементов концепта и их трансформация в различных концептуальных слоях (ближней и дальней периферий) осуществляется далее посредством исторического и культурологического методов.
- 2 Официальный сайт <Организация Объединенных Наций> [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 13.01.2025). Далее — «Декларация».

Результаты и обсуждение

Впервые понятие «концепт» ввел в научный оборот С. А. Аскольдов-Алексеев, который трактовал его как «мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 29]. Развивая эту идею, выдающийся русский лингвист Д. С. Лихачев утверждал, что каждое словарное значение слова порождает свой отдельный концепт, и в каждом национальном языке это множество концептов («алгебраических единиц языка») образует «концептосферы», которые теснейшим образом связаны с историей и культурой народа-носителя [6, с. 284].

Учитывая «подвижный» характер концепта, его способность к объединению (синонимизированию) с другими концептами в рамках различных контекстов, ученые говорят о его фреймовой структуре [10, с. 82-84], а также об образовании внутри общей концептосферы (как отражения картины мира) отдельных тематических концептосфер: профессиональных, семейных и т. д. [4, с. 179]. В контексте таких рассуждений понятие концепта выходит за узкие лингвистические рамки и становится междотраслевым, широко используемым в научных исследованиях разных областей знаний [19, с. 21], в частности, для выработки специального научного языка (где термин — имя концепта, научное понятие — его ядро и так далее) [10, с. 82].

Современные лингвисты также полагают, что изучение основных концептов различных языков мира может привести к выявлению общих, «корневых» или «базовых» концептов, что безусловно, приблизит носителей различных культурных кодов к взаимопониманию. Это особенно актуально в современных условиях глобального разрушения устоявшегося миропорядка, когда необходим прочный фундамент для выстраивания новых отношений между людьми, их сообществами и государствами.

Собственно «право каждого на возвращение в свою страну» является одним из элементов своеобразного «кластера» (группы) - структуры, образующей то, что обычно в доктрине понимается под «правом на свободу передвижения»: в эту группу входят такие концепты как «право каждого на свободный выезд из страны», «право каждого на свободный въезд в страну», «право каждого на свободное передвижение по территории страны», «право каждого на выбор места жительства». Из всех перечисленных концептов «право каждого на возвращение в свою страну», пожалуй, является самым неоднозначно толкуемым. Исследуя, каким образом закрепляется (репрезентуется) данный концепт в правовых актах различного уровня (декларациях, конвенциях, межгосударственных пактах и национальных конституциях), мы видим, что закрепление в норме (словесном знаке) данного концепта претерпевает трансформацию: «каждый» заменяется «гражданином», «возвращение» - «въездом», «своя страна» - названием государства гражданской принадлежности. Для понимания того, насколько правомерны такие «замены», ведут ли они к искажению первичного смысла, представляется важным выявить содержание концепта «право каждого на возвращение в свою страну» через уяснение сути таких его элементов как «каждый (человек)» (everyone), «возвращение» (to return) и «своя (собственная) страна» (to his (own) country).

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. А. Даля «возвращение — действие того, кто возвращается или возвращается» [5, с. 225], а соответственно «возвращать — обращать, воротить, отдавать назад, обратно; отпустить домой; класть или ставить на прежнее место» [5, с. 225] и «вернуться — воротиться, прийти обратно» [5, с. 182]. Большой универсальный словарь русского языка толкует данное слово как действие по значению соответствующих глаголов «возвратить» и «возвращать»: «1. Отдача обратно кого-чего-либо взятого, отнятого; 2. Восстановление, появление вновь того, что было заменено или утрачено; 3. Получение обратно чего-либо отданного, утраченного; 4. Возобновление чего-либо прежнего, прерванного, обращение к чему-либо временно оставленному; 5. Воздействие, которое заставляет что-либо принять прежнее положение», а также глаголов «возвратиться» и «возвращаться»: «Приход, приезд кого-чего-либо назад,

в то место, которое покинул» [9, с. 122-123]. Опираясь на исследование авторов Большого толкового словаря русских глаголов со специальной группировкой материала по основным лексическим значениям, и на обозначенные выше лексические значения существительного «возвращение», можно говорить о том, что элемент «возвращение» одновременно несет в себе две группы смыслов: «однонаправленное движение, ориентированное относительно конечного пункта» [3, с. 46-47] и «владение, передача объекта» [3, с. 455, 468]. То есть в сознании говорящего этим знаком фиксируется движение обратно (круговое, а потому замкнутое на конечной цели) и владение (принадлежность к цели, на которой замкнулся круг).

В элементе «своя (собственная) страна» смысловая нагрузка распределяется следующим образом: «свой — 1. Принадлежащий себе (притяжательное местоимение); 2. Собственный, составляющий что-нибудь личное достояние; 3. Своеобразный, свойственный только чему-то данному; 4. Подходящий, свойственный чему-нибудь, предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета; 5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой» [11, с. 567; 21, с. 864-865], «собственный — 1. Принадлежащий кому-чему-нибудь по праву собственности; 2. Свой, личный; 3. Буквальный, настоящий; 4. Свойственный только кому-чему-нибудь без посторонних добавлений» [11, с. 593; 21, с. 1104], «страна — 1. То же, что государство; 2. Местность, территория» [11, с. 618; 21, с. 948]. В данном элементе тоже отмечается многозначность каждой составляющей. Обобщая все значения, можно утверждать, что знаком «своя (собственная) страна» в концепте фиксируется общее место, куда направляется субъект движения, которое обладает неким свойством принадлежности субъекту через личную связь с ним.

И наконец, элемент «каждый» толкуется однозначно как «Всекий, любой из себе подобных» [11, с. 220, 21, с. 315], указывая в концепте на субъект движения.

Лингвисты отмечают, что перевод концептов — задача не из простых, так как в различных языках «его (концепта — М.К.) объем и содержание обусловлены национальной спецификой» [8, с. 97]. Поэтому, разбирая англоязычное лексическое значение элементов концепта «everyone's right to return to their (own) country», мы опирались на Кембриджский электронный словарь³ и одноязычный Словарь современного английского языка, с элементами толкования значений слов, их происхождения и вариантами употребления. По итогам исследования мы пришли к выводу, что лексическое значение элементов «everyone», «to return» и «to their (own) country» в общем не далеко уходит от русскоязычного.

Так «return» в качестве существительного употребляется в значении «акт возвращения» (в любых отглагольных значениях), как глагол — «отправиться или вернуться в то место, где был раньше, или отдать, отправить или положить что-то обратно туда, откуда оно пришло» [16, с. 893], фиксируя в концепте обратное движение субъекта к некоему месту, где он пребывал ранее. «Own» в значении «принадлежащий конкретному человеку или вещи, или совершенный им; должным образом принадлежащий себе самому, находящийся в собственности» [16, с. 737] и «country» как «участок земли, на котором есть свое правительство, армия и т. д. (то же, что государство); (чья-то) родина; любая географическая область (иногда с намеком на политическую организацию), земля, простирающаяся перед кем-то» [15, с. 235] — фиксируют ту самую конечную точку движения, с которой у субъекта есть связь. И, наконец, сам субъект: «everyone» - «каждый человек, все, любой из подобных (every + one = каждый как один)» [15, с. 348].

Таким образом, и в русской, и в английской версии концепта мы можем говорить, во-первых, о многозначности каждого из элементов, и во-вторых, об общем, «базовом» значении, которое конструируется схожим образом: «обратное

3 Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=m4va4wlyls261228845#> (дата обращения: 19.12.2024).

движение любого из себе подобных в место, с которым у этого «любого» есть некая связь».

Выводы и перспективы

Итак, лингво-семантический анализ концепта «право каждого на возвращение в свою страну» показал, что общий смысл нормы, сформулированной Декларацией и являющейся репрезентацией данного концепта как в русском, так и в английском языке, сводится к обратному движению («возвращению») субъекта («каждого»), в некое место (государство, землю, территорию), с которым у него есть личная связь. При этом обязательным условием такого движения является то, что это место («своя собственная страна») ранее им было покинуто (оставлено)⁴.

Декларация уникальна, так как в ее создании приняли участие страны с различным культурным кодом и при этом им удалось достигнуть согласия по формулировкам, что в свою очередь говорит о едином понимании сути положений, переведенных более чем на 500 языков мира. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования базовой структуры концепта в иных языковых системах.

Исходя из вышеизложенного, также можно было бы предположить, что исследуемая норма, сформулированная наиболее близким образом к базовому значению концепта, станет основой для конструирования аналогичных норм в иных международных документах, посвященных теме прав человека. Однако, помня о принципиальной «подвижности» концепта, а также о выявленной нами многозначности каждого из его основных элементов, мы полагаем, что в различных языковых и культурных контекстах он будет репрезентирован (зафиксирован, представлен) по-разному, что также является перспективой для дальнейших исследований в этой области.

Пристатейный библиографический список

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928. - С. 28-44.
2. Балмагамбетова Ж. Т., Нургалиева А. А. Понятие концепта в лингвокогнитологии и лингвокультурологии // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции, Краснодар, 20-23 февраля 2016 года. - Краснодар: Новация, 2016. - С. 83-87. - EDN WCUMXZ.
3. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. - 576 с. - (Фундаментальные словари).
4. Глотова А. А. Идеи лингвокультурологии в трудах Д. С. Лихачева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2019. - № 3. - С. 175-181. - EDN NDVMSF.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А-З. - М.: ТЕРРА, 1994. - 800 с.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В. П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - 280-287 с.
7. Макаев Х. Ф., Макаева Г. З., Ибатулина Л. М. Трансформации при переводе юридических текстов с английского языка на русский // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 11 (186). - С. 485-486. - DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-485-486. - EDN ZQNJVH.
8. Моисеенко Л. В. Концептология и перевод: поиск соответствий // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник / Под ред. И. М. Матюшина. Том Выпуск 28. - М.: Московский государственный лингвистический университет, 2016. - С. 97-103. - EDN XVORJR.
9. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В. В. Морковкина. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. - 1456 с. - (Фундаментальные словари).
10. Огдонова Ц. Ц. Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник Челябинского государственного университета. - 2010. - № 34 (215). - С. 81-85. - EDN NUBYXX.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова - 26-е изд., перераб. и доп. - М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. - 736 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж, 2001. - 190 с.
13. Поправкина Д. С. Научное понимание концепта в современной лингвистике // Лингвистика и медицина в контексте педагогического образования: материалы I Международной научно-практической конференции, Красноярск, 29 марта 2023 года. - Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2023. - С. 17-23. - EDN ZLSYDJ.
14. Приходько О. Е. Концептуальный анализ в изучении особенностей концептосферы англоязычного юридического дискурса // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 8 (123). - С. 361-362. - EDN LZRCJF.
15. Словарь современного английского языка: В 2-х т. - М.: Рус. яз., 1992. - Т. 1 А - L. - 626 с.
16. Словарь современного английского языка: В 2-х т. - М.: Рус. яз., 1992. - Т. 2 М - Z. - 1229 с.
17. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 824 с.
18. Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. - 2010. - № 5-2. - С. 43-46. - EDN MUARNH.
19. Титова Ю. В. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета. - 2010. - № 4 (52). - С. 16-21. - EDN QJBKNF.
20. Ткачева Ю. Г., Кравчук Д. В. Научные подходы к определению концепта в лингвистике // Анализ и синтез в современной науке: сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01 апреля 2024 года. - Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦ-РАЗВИТИЕ», 2024. - С. 20-24. - EDN VVHUQX.
21. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. - 1175 с.

4 Здесь хотелось бы отметить, что в каждой своей репрезентации концепт как бы «обрастает» дополнительными смыслами иных знаков и концептов, в окружении которых он употреблен (бв частности, в Декларации таким контекстным концептом выступает «право каждого покинуть любую страну»). Однако мы намеренно не учитывали эту связь в своем анализе, так как в данном исследовании ставили задачу выйти лишь на «первичное» содержание (лингво-семантическую интерпретацию) исследуемого концепта без учета культурного и исторического контекста.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент, Химико-технологический и инженерный институт, Уфимский государственный нефтяной технический университет

БИКТИН Ранис Рамилевич

студент, Химико-технологический и инженерный институт, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ХАЛИЛОВА Алина Минибаевна

студент, Химико-технологический и инженерный институт, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВЛИЯНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена изучению роли невербальной коммуникации в укреплении межличностных отношений. Рассмотрены основные элементы невербальной передачи информации, включая мимику, жесты и интонацию голоса, а также их влияние на восприятие эмоций и взаимопонимание. Отмечается значимость эмпатии и анализа невербальных сигналов для формирования доверия и гармоничных взаимодействий. Приведены практические рекомендации по эффективному использованию невербальной коммуникации для достижения качественного общения.

В современном обществе умение интерпретировать невербальные сигналы становится важным навыком для укрепления социальных связей и предотвращения конфликтов. Акцент сделан на том, как невербальные аспекты дополняют вербальное общение, повышая его эффективность. Использование таких сигналов с эмпатией способствует созданию доверительной атмосферы и улучшению взаимодействия. Понимание механизмов невербальной коммуникации способствует развитию в профессиональной и личной сферах, что подчёркивает актуальность данной темы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: доверие, эмпатия, мимика, жесты, интонация, взаимопонимание, лингвистика, общение.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Institute of Chemical Technology and Engineering, Ufa State Petroleum Technological University

BIKTIN Ranis Ramilevich

student, Institute of Chemical Technology and Engineering, Ufa State Petroleum Technological University

KHALILOVA Alina Minibaevna

student, Institute of Chemical Technology and Engineering, Ufa State Petroleum Technological University

THE INFLUENCE OF NON-VERBAL COMMUNICATION ON THE FORMATION OF INTERACTION

The article is dedicated to studying the role of nonverbal communication in strengthening interpersonal relationships. It examines the main elements of nonverbal information transmission, including facial expressions, gestures, and tone of voice, as well as their influence on the perception of emotions and mutual understanding. The importance of empathy and the analysis of nonverbal signals for building trust and harmonious interactions is emphasized. Practical recommendations are provided for the effective use of nonverbal communication to achieve quality communication.

In modern society, the ability to interpret nonverbal signals has become an important skill for strengthening social bonds and preventing conflicts. The focus is how nonverbal aspects complement verbal communication enhancing its effectiveness. Using these signals with empathy helps to create a trusting atmosphere and improve interactions. Understanding the mechanisms of nonverbal communication contributes to personal and professional development, highlighting the relevance of this topic for further research.

Keywords: trust, empathy, facial expressions, gestures, intonation, mutual understanding, linguistics, communication.

Невербальная коммуникация, включающая мимику, жесты, позы, темп и тон голоса, а также проксемику, составляет существенную часть межличностного обмена и восприятия. Этот вид коммуникации охватывает разнообразные способы передачи информации, которые не включают словесные выражения или лингвистические структуры, представляя альтернативные пути для выражения чувств, намерений и отношений.

Целью исследования является анализ влияния невербальной коммуникации на формирование межличностного взаимодействия, а также выявление её роли в передаче эмоциональных состояний и усилении доверия между участниками общения. Изучение механизмов невербальной передачи информации, таких как мимика, жесты, позы и интонация, и их значимость в формировании качественных и

эффективных коммуникационных процессов. Особое внимание уделено эмпатии и эмоциональной подлинности, которые усиливают взаимопонимание и способствуют установлению гармоничных отношений.

Задачи исследования:

1. Анализ влияния невербальной коммуникации на формирование межличностного взаимодействия, с акцентом на её роль в передаче эмоциональных состояний и укреплении доверия между участниками общения.

2. Изучение механизмов невербальной передачи информации, таких как мимика, жесты, позы, интонация, и их значимости для эффективных и качественных коммуникационных процессов.

3. Разработка практических рекомендаций по использованию невербальной коммуникации для установления меж-

личностных отношений, включая методы интерпретации и применения невербальных сигналов для улучшения взаимопонимания и эмоциональной связи между людьми.

С точки зрения истории исследований, значительный вклад в понимание невербальной коммуникации внесли такие ученые, как Пол Экман, который изучал выражение эмоций и мимику, и Альберт Мехрабян, разработавший концепцию «7 % - 38 % - 55 %» коммуникативного процесса, где лишь малая часть информации передается словами, в то время как основная часть информации транслируется через тон голоса и невербальные сигналы [1].

Изучение межличностных взаимодействий охватывает различные дисциплины, включая социологию, психологию, антропологию и коммуникационные исследования. Выдающиеся ученые в этой области включают Эрвинга Гофмана, который исследовал социальные взаимодействия с точки зрения театральной модели и представил концепцию «презентации себя в повседневной жизни», и Харри Стэк Салливана, основателя межличностной психологии, который подчеркивал важность межличностных отношений для личностного развития [2].

В межличностном взаимодействии невербальная коммуникация играет значимую роль, поскольку способна передать эмоциональный оттенок сообщения, уточнить смысл высказываний, подчеркнуть ключевые моменты и улучшить понимание партнера.

Эмоциональная невербальная коммуникация также играет важную роль в установлении контакта между людьми. Она относится к передаче и восприятию эмоциональных состояний и настроений индивида через неязыковые каналы [3].

Исследования в области эмоциональной невербальной коммуникации получили значительное развитие благодаря работам ученых, таких как Уоллес Фризени Пол Экман, которые разработали систему классификации лицевых микровыражений и связали их с основными человеческими эмоциями. Их работы позволили лучше понять, как эмоции выражаются и распознаются через лицевые выражения в различных культурах [7].

Принцип эмоциональной невербальной коммуникации включает не только экспрессию личных чувств и отношений, но и функцию социального регулирования, которая способствует согласованности и гармонии в групповых взаимодействиях.

Понимание и согласованность невербальных проявлений, сопровождаемые эмпатией, играют важную роль в укреплении доверия и формировании глубоких межличностных отношений. Эти навыки обогащают общение, способствуют взаимопониманию и улучшают качество взаимодействия между людьми [4]. Эмпатия представляет собой психологический феномен, заключающийся в способности индивида понимать и чувствовать эмоциональное состояние другого человека, а также встраиваться в его психологический контекст без полного слияния с ним. Это включает в себя как когнитивную способность, так и аффективную составляющую.

Невербальная коммуникация и доверительные отношения тесно связаны, при этом используются различные средства передачи информации:

1. Мимика: выражение лица играет важную роль в передаче эмоций. Человеческие выражения, такие как улыбка, морщины на лбу или поднятые брови, передают эмоциональное состояние.

2. Жесты: жесты рук и тела дополняют вербальную коммуникацию. Например, дружеский кивок или покачивание головой могут уточнить смысл высказывания.

3. Поза: поза тела также является важным средством передачи информации. Скрещенные руки могут указывать на уклонение или недовольство, а открытая поза – на открытость и доверие.

4. Голосовые сигналы: интонация, громкость, скорость речи и паузы также влияют на восприятие сообщения и передают эмоциональную окраску высказывания [5].

Роль выражения эмоций через невербальные средства на формирование взаимодействия:

1. Эмоциональная подлинность: мимика и жесты передают настоящие эмоции человека, создавая атмосферу доверия и позволяя чувствовать себя понятыми и поддержанными.

2. Эмпатия и поддержка: выразительные жесты и мимика показывают понимание и эмпатию к собеседнику, что укрепляет эмоциональную связь и доверие.

3. Установление эмоциональной близости: контакт глаз и открытая поза способствуют созданию эмоциональной связи между людьми.

Взаимосвязь интонации и жестов с восприятием чувственной составляющей общения оказывает существенное влияние на коммуникацию.

Интонация: тональность голоса играет ключевую роль в передаче эмоций и оттенков смысла высказывания. Эмоциональная интонация может усилить или ослабить восприятие сообщения и влиять на эмоциональное состояние собеседника.

Жесты: разнообразные жесты дополняют вербальную информацию и уточняют смысл высказываний. Они акцентируют чувственную составляющую общения, делая его более выразительным и понятным.

Невербальные средства играют ключевую роль на формирование взаимодействия и передаче эмоциональной составляющей общения [7]. Они представляют собой важный инструмент для формирования гармоничных отношений между людьми. Невербальные средства общения включают множество различных компонентов, таких как мимика, жесты, позы, темп речи, интонация, тактильный контакт и проксемика (использование пространства).

Синхронизация и эмпатия через невербальные сигналы также имеют важное значение:

1. Аутентичность и надежность: согласованные невербальные проявления создают ощущение аутентичности в общении, укрепляя восприятие надежности и искренности контакта.

2. Язык тела как дополнение к словам: невербальные проявления дополняют и уточняют вербальные высказывания, делая коммуникацию более полной и эффективной, что способствует точному пониманию собеседников.

3. Создание гармоничной обстановки: согласованные невербальные проявления способствуют созданию гармоничной обстановки, уменьшая вероятность недопонимания и конфликтов, что способствует более гладкому и приятному взаимодействию.

Эмпатия и понимание невербальных сигналов играют ключевую роль в формировании взаимодействия:

1. Сопереживание и понимание: способность чувствовать и понимать эмоции других через невербальные сигналы, такие как мимика и жесты, способствует укреплению взаимопонимания и доверия между людьми.

2. Внимательность к деталям: умение замечать и анализировать невербальные сигналы помогает раскрывать скрытые эмоции и намерения собеседника, подчеркивая важность эмпатии и понимания человеческих эмоций для формирования глубоких связей и доверия.

3. Взаимная искренность и открытость: совместное понимание невербальных сигналов способствует открытому и искреннему общению, что способствует укреплению связей между людьми [7].

Проанализировав исследования в области социальной психологии и невербального поведения, предлагаем практические советы по использованию невербальной коммуникации для установления межличностных отношений.

Понимание и эффективное использование невербальных сигналов в общении требует внимательности и наблюдательности. Невербальная коммуникация играет ключевую роль во взаимодействии, и умение читать невербальные сигналы может значительно улучшить качество межличностных отношений.

Часто невербальные сигналы могут быть более честными и выразительными, чем слова. Знание – это распознавание сигналов, которые позволяет лучше понять окружающих и эффективнее взаимодействовать с ними.

Эффективное использование невербальных сигналов требует умения контролировать свои жесты, мимику и тон голоса. Согласование слов с невербальными сигналами способствует более четкому и убедительному выражению мыслей и эмоций, что в конечном итоге укрепляет доверие и уровень взаимопонимания с собеседником.

Понимание и умение использовать невербальную коммуникацию играют ключевую роль в формировании взаимодействия [5]. Невербальные сигналы могут быть более честными и выразительными, чем слова, и поэтому их осознанное использование может укрепить связь между людьми.

Способность к интерпретации латентных эмоциональных состояний и неявных сообщений позволяет нам находить более тесный контакт с нашими собеседниками, лучше их понимать и эффективнее взаимодействовать. Адаптация собственной невербальной коммуникации к настроениям и потребностям других лиц способствует созданию атмосферы взаимопонимания и поддержки.

Осознанное использование невербальных сигналов, согласование слов с жестами и мимикой, поддержание глазного контакта - все это способы, которые могут помочь укрепить уровень доверия в общении. Когда мы выражаем свои мысли и чувства не только словами, но и через свое тело, тем самым становимся более эмпатичными и доступными для других людей [4].

Результаты исследования подтвердили, что невербальная коммуникация играет фундаментальную роль в процессе формирования межличностных связей, поскольку она значительно влияет на восприятие и интерпретацию эмоциональных состояний, а также способствует укреплению взаимопонимания и доверия между участниками взаимодействия. Специальное внимание было уделено эмпатии и эмоциональной подлинности, как важным аспектам, усиливающим взаимосвязь и создающим атмосферу доверия.

В рамках решения задачи разработки практических рекомендаций было предложено целый ряд методов и подходов для использования невербальных сигналов в межличностной коммуникации. Эти рекомендации включают как повышение осознанности в восприятии невербальных проявлений, так и коррекцию собственной невербальной манеры

общения, что позволяет значительно улучшить качество взаимодействия и уменьшить вероятность недоразумений.

Таким образом, результаты исследования подтверждают важность внимательного и осознанного использования невербальной коммуникации для установления гармоничных и продуктивных межличностных отношений. Овладение навыками интерпретации и правильного применения невербальных сигналов является важным инструментом для повышения уровня доверия, эмпатии и взаимопонимания в различных социальных и профессиональных контекстах.

Пристатейный библиографический список

1. Айнетдинова Д. А. Межкультурные коммуникации в современном образовательном пространстве // Интеграция в образовании. Художественное развитие поколения информационной эпохи: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической сетевой конференции 21-25 декабря 2015 года / Под научной редакцией Е. П. Олесиной, О. В. Стукаловой. – Москва: Институт художественного образования и культурологии РАО, 2016. – С. 84-87.
2. Беликова Н. Ю., Лапшин А. Г. Факторы, влияющие на поведение людей в процессе межкультурной коммуникации // Современные социальные процессы в контексте глобализации: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции 13 мая 2022 года / Редакционная коллегия: Н. В. Миленская, Д. А. Скочилова. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2022. – С. 186-191.
3. Дорофеева М. Ю., Латыпова Э. Р. Актуальность межкультурной коммуникаций для современного общества: сборник трудов конференции / Общество, педагогика, психология: актуальные исследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 2021). – Чебоксары: «Ларутару» («Среда») издательство сурче, 2021. – С. 10-11.
4. Латыпова Э. Р. [и др.]. Межкультурная коммуникация между представителями различных культурных групп в сферах интернета // Наука и школа. – 2020. – № 3. – С. 164-171.
5. Миньяр-Белоручева А. П. Особенности межкультурной профессиональной и научной коммуникации // Сборник научных и учебно-методических трудов: в честь Юбилея профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Выпуск 20. – Москва: «КДУ», «Добросвет», 2023. – С. 287-295.
6. Морохова О. А., Аносов В. А. Культура общения как фактор успешности профессиональной деятельности // Молодой ученый. – 2019. – № 19 (257). – С. 406-408.
7. Мотовилова А. Д., Меркер А. А., Нижельская Ю. А. Межкультурные коммуникации: теория и практика // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – С. 707-711.

ГУДЕНКОВА Олеся Ивановна

ассистент кафедры математики и прикладных информационных технологий, Тюменский индустриальный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Представлены результаты исследования, проведенного в одном из малых городов, расположенном на юге Тюменской области, с целью выявить, как реализуются социокультурные права их жителей. Поскольку на государственном уровне стоит задача развития малых городов, то одним из важных направлений их развития является создание на базе этих городов центров туризма и рекреации. Заводоуковск, где в 2024 году был проведен онлайн-опрос его жителей, полностью соответствует критериям, согласно которым можно получить государственную поддержку. В городе имеются исторические объекты, природные локации, туристическая инфраструктура. Это позволяет жителям в полной мере реализовывать свои социокультурные права.

Ключевые слова: социокультурные права, туристические предпочтения, туристические объекты, малый город.

GUDEKOV Olesya Ivanovna

assistant of Mathematics and applied information technologies sub-faculty, Tyumen Industrial University

REALIZATION OF SOCIO-CULTURAL RIGHTS OF RESIDENTS OF SMALL TOWNS

The results of a study conducted in one of the small towns located in the south of the Tyumen region are presented, with the aim of identifying how the socio-cultural rights of their residents are realized. Since the task of developing small towns is set at the state level, one of the important areas of their development is the creation of tourism and recreation centers on the basis of these cities. Zavodoukovsk, where an online survey of its residents was conducted in 2024, fully meets the criteria for receiving state support. The city has historical sites, natural locations, and tourist infrastructure. This allows residents to fully realize their socio-cultural rights.

Keywords: socio-cultural rights, tourist preferences, tourist sites, small town.

Введение и актуальность

Малые города (часто их называют провинциальными городами) выступали и продолжают выступать социокультурными центрами почти для пятой части жителей нашей страны. В малых городах проживает более 15 млн человек, а поскольку в зонах их влияния расположены районные центры со сложившейся структурой сельских поселений, в целом численность проживающего населения составляет более 36 млн чел. По мнению Н. Г. Хайруллиной, развитие малых городов обеспечивает социально-политическую стабильность региона и России в целом [3], [7].

В Градостроительном кодексе РФ при классификации городов заложен основным принцип численности его жителей [1]. Согласно определенной ГК РФ классификации, в малых городах проживают менее 50 тыс. чел. Эти и другие факторы на протяжении многих десятилетий предопределили создание и развитие в малых городах жизненной инфраструктуры для его жителей и близлежащих поселений. Многие малые города сохранили историко-культурные традиции и в настоящее время и выступают в качестве туристических объектов [4], [5]. Как правильно заметил А. В. Лазарев, малые города сегодня выступают «форпостами» государства, сохраняя контроль над большими российскими территориями и обеспечивая административные связи как в субъектах федерации, так и в масштабах всей страны [2].

На государственном уровне последние десять лет поставлена и реализуется задача развития на базе малых городов центров туризма и рекреации, база которых позволяет пополнять бюджеты разных уровней. Учитывая ограниченность бюджетных средств при выделении государственной поддержки малым городам в первую очередь обращают внимание на уникальность культурных и природных ресурсов, состояние объектов размещения и обслуживания туристов, их транспортную доступность для туристов [6]. Под пере-

численные критерии подходит малый город Заводоуковск, расположенный на юге Тюменской области, в котором проживают 47 тыс человек.

Методы исследования

Онлайн-опрос жителей Заводоуковска, проведенный в рамках реализации договора НИР в сентябре 2024 г. (руководитель д.с.н., профессор Хайруллина Н.Г.) (n=170).

Результаты и обсуждение

Результаты опроса подтвердили наличие в городе исторических объектов, которые посещают жители и туристы: краеведческий музей, историческое здание ЖД-вокзала, Колмаковский парк, мемориал «Памяти павших воинов 1941–1945 гг.», церковь Георгия Победоносца, Свято-Георгиевский собор, памятник кушцу Колмакову и др. При этом некоторые исторические объекты известны менее десятой части жителей – это этнографическая комната быта и истории купечества, городище «Дикая Яма», Антипина гора.

В ходе онлайн-опроса выяснилось, что чуть более половины респондентов посещают туристические объекты в Заводоуковске, остальные не посещают. Ответы респондентов, в целом демонстрируют устойчивый интерес к местным туристическим объектам, что может стать основой для дальнейшего развития туристической отрасли в Заводоуковске.

По мнению более трети участников опроса, развитию туризма в Заводоуковске мешает низкий интерес со стороны властей, не хватка инвестиций и информации о туристических объектах. Большинство респондентов посещают туристические объекты несколько раз в год или один раз в месяц. Это говорит о стабильном интересе к местным достопримечательностям среди активной части населения.

Каждый четвертый участник опроса оценил состояние инфраструктуры как удовлетворительное, не требующее зна-

чительных изменений. При этом каждый третий респондент (30,5 %) указал на необходимость улучшения качества дорог и указателей, каждый четвертый – на создание дополнительных удобств, а каждый пятый – на активизацию рекламной кампании и привлечение инвестиций.

На вопрос, какие виды туризма следует развивать в Заводоуковске, чуть более половины респондентов (56,3 %) выбрали спортивный туризм, каждый второй назвал экологический туризм, каждый третий – историко-культурный туризм, каждый четвертый – гастрономический туризм, а каждый пятый – этнографический туризм.

На вопрос о готовности участвовать в мероприятиях по развитию туризма в своем городе, чуть более половины респондентов (53 %) ответили утвердительно, остальные не выразили своей готовности.

Анализ посещаемости туристических объектов демонстрирует явное лидерство Центрального парка – 4/5 опрошенных назвали его самым популярным местом отдыха. Каждый второй назвал Краеведческий музей, здание ЖД-вокзала (47,9 %) Колмаковский парк (41,4 %). Привлекательными для трети опрошенных являются Мемориал «Памяти павших воинов 1941-1945 гг.», «Жемчужина юрского моря» и «Сосновый бор».

Отвечая на вопрос по улучшению туристической привлекательности Заводоуковска больше всего голосов поддержаны предложения по созданию туристических маршрутов, развитию экотуризма и проведению масштабных мероприятий. Рассматривая мероприятия для привлечения туристов в Заводоуковск, три четверти респондентов высказались за организацию ежегодных фестивалей и ярмарок, каждый второй предложил создать тематические маршруты и развивать гостиничную инфраструктуру, в частности, эко-отелей (86 человек). Более трети участников считают необходимым привлекать профессиональных экскурсоводов и организовывать спортивно-массовые мероприятия.

В рамках исследования изучалось мнение жителей Заводоуковска о том, на какую целевую аудиторию следует ориентироваться при развитии туристической сферы в городе. Анализ ответов показал, что около половины респондентов считают, что школьники и студенты являются основной целевой аудиторией для развития туризма в Заводоуковске. На втором месте оказались семьи с детьми, за них проголосовало две пятых опрошенных. Каждый десятый указал на группу работающих граждан и пенсионеров. При этом каждый двадцать пятый считает, что туризм должен развиваться для всех граждан одновременно.

На вопрос о том, какие структуры должны участвовать в развитии туризма, более трети опрошенных назвали местные органы власти, они должны играть ключевую роль в развитии туризма. Примерно шестая часть опрошенных назвала участие инициативных граждан. Такое же количество респондентов считают важным участие местных предпринимателей. Каждый шестой высказался за необходимость участия региональных органов власти. Примерно столько же указали на роль общественных организаций и некоммерческих структур в развитии туризма. Волонтеров, как важных участников развития туризма, отметила примерно одна восьмая опрошенных. Наконец, очень малая часть опрошенных упомянула участие федеральных органов власти.

Заключение и выводы

Результаты опроса показали, что город Заводоуковск, являясь типичным малым городом, расположенным в ста

километрах от областного города Тюмень, находящемся в окружении трех муниципальных районов, обладает туристическим потенциалом, поскольку имеет исторический, природный и инфраструктурный потенциал для привлечения туристов. На территории Заводоуковского городского округа (как и на территории юга Тюменской области) открыты источники с минеральной и термальной водой, что является главным туристическим брендом области на российском туристическом рынке.

Жители Заводоуковска имеют возможность реализовывать свои социокультурные права в сфере туризма, а при выборе туристических объектов в первую очередь ориентируются на качество обслуживания и услуг, а также на наличие культурного наследия и развитую инфраструктуру. Эти факторы могут служить ориентиром для местных властей и предпринимателей для улучшения качества предоставляемых услуг и повышения привлекательности региона для туристов.

Пристатейный библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации (29.12.2004 № 190-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 12.12.2024).
2. Лазарев А. В. Малые города в федеральной политике регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 8. – С. 199-209.
3. Левашов В. К., Хайруллина Н. Г. Россия – Тюмень: векторы евразийского развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 2. – С. 124-126.
4. Перькова М. В. Малые города как фактор устойчивого развития территорий // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 4. – С. 63-66.
5. Смирнов С. В. Малые города: классификация, специфика, проблемы и перспективы развития // В сборнике: Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее. Материалы VI Международных Стахеевских чтений. Елабужский Институт КФУ. – 2013. – С. 253-255.
6. Трубицына Т. Г. Малые города России – жизненное пространство людей // Философия хозяйства. – 2014. – № 5 (95). – С. 247-252.
7. Хайруллина Н. Г. Устойчивое социально-политическое развитие Тюменской области: динамика индикаторов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 4 (83). – С. 194-196.

МАРЧЕНКОВА Лилия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, Курский государственный университет

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения экономической безопасности страны, поскольку данная тема является важной и актуальной, требующей комплексного подхода и постоянного совершенствования законодательства в условиях меняющегося мирового порядка. В связи с этим рассматриваются основные положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, нормативные документы, касающиеся экономической безопасности, рассматриваются угрозы экономической безопасности, актуальные в настоящее время.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, стратегия экономической безопасности.

MARCHENKOVA Liliya Mikhaylovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Kursk State University

THE LEGAL BASIS FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY

The article examines the issues of legal support for the economic security of the country, since this topic is important and relevant, requiring an integrated approach and continuous improvement of legislation in a changing world order. In this regard, the main provisions of the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030, regulatory documents related to economic security, and current threats to economic security are considered.

Keywords: economic security, threats to economic security, economic security strategy.

В современных условиях мировой нестабильности не мало-важную роль играет правовое обеспечение экономической безопасности страны. В условиях глобализации экономики наша страна сталкивается с новыми вызовами, связанными с международной конкуренцией, транснациональной преступностью, социальной разбалансированностью и экономическими кризисами. В условиях нестабильности экономической ситуации важно иметь четкие правовые механизмы для контроля и регулирования финансовых потоков, что позволяет предотвратить финансовые преступления. Правовое обеспечение помогает создавать условия для справедливого распределения ресурсов и защиты интересов граждан, что в свою очередь способствует общественному согласию и стабильности.

Правовое обеспечение также играет важную роль в поддержке инноваций и технологического развития, что является ключевыми факторами обеспечения экономической безопасности страны на длительный период. В современных условиях структурные элементы экономической безопасности Российской Федерации, безусловно, нуждаются в детальном анализе и реформировании.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что правовое обеспечение экономической безопасности страны помогает защитить права граждан, гарантируя безопасность, качество жизни, обеспеченность населения необходимыми товарами и услугами, а также помогает стабилизировать экономику.

Значительную роль, в изучении вопросов экономической безопасности сыграли следующие авторы: Л. Абалкин, А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов, В. А. Тамбовцев, В. К. Сенчагов, Е. Е. Румянцев и др. Тем не менее, по-прежнему, существует необходимость в дальнейшем исследовании данной проблемы, уточнении методов и способов обеспечения экономической безопасности страны [5].

Обратимся к понятию «Экономическая безопасность». Так согласно Указу Президента РФ «О Стратегии экономиче-

Марченкова Л. М.

ской безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208 «экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [3]. На наш взгляд, экономическая безопасность включает в себя защиту национальных интересов в экономической сфере, прочность финансовых систем, защиту прав собственности, предотвращение экономических преступлений.

Эффективное правовое обеспечение экономической безопасности страны должно обеспечиваться комплексом законов, регулирующих экономические отношения, защищающих права собственности, осуществляющих налоговое и антимонопольное регулирование. Здесь можно выделить следующие нормативно-правовые документы: Конституцию РФ; Федеральные конституционные законы; Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и Другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ [1], [2], [3].

Кроме этого можно выделить подзаконные акты, положения, инструкции, которые детализируют и конкретизируют законодательные нормы. Помимо всего перечисленного в сфере обеспечения экономической безопасности участвуют: Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина, Климатическая доктрина, Продовольственная доктрина и другие документы.

Государственные органы, такие как министерства, службы безопасности, налоговые и правоохранительные органы, играют важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности страны. Их роль состоит в мониторинге и анализе экономической ситуации, без которого невозможно проведение политики регулирования; в проведении необходимых расследований в случае возникновения экономических пре-

ступлений; в разработке и внедрении необходимых антикризисных мер регулирования экономики.

Основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством РФ и др. определяет Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».

Важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности играет Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Стратегия регламентирует основные принципы реализации экономической безопасности Российской Федерации в рамках федеральных и межгосударственных целевых программ. Реализация данной стратегии способствует решению проблем экономической безопасности, в частности для увеличения конкурентоспособности экономики и сокращения зависимости от импорта успешно действует программа национальной технологической инициативы; для успешного доступа бизнеса и граждан к государственным услугам в электронном виде запущена система единой цифровой идентификации; действуют программы параллельного импорта в целях снижения ущерба от санкционного давления и т.д. Однако, несмотря на все плюсы реализации стратегии, следует отметить, что существуют существенные недостатки, требующие проведения определенных мер, по их устранению. Так, например Стратегия экономической безопасности не прописывает зависимость экономики страны от импортируемых продуктов высокой технологичности, также в стратегии не уделяется достаточного внимания развитию человеческого капитала, который является важнейшим фактором экономического суверенитета любой страны.

Проведенный анализ правовых актов, позволяет нам выделить следующую классификацию угроз экономической безопасности [4]:

1. По условиям возникновения выделяют: реальные и потенциальные угрозы экономической безопасности.

2. По источнику возникновения, можно выделить: внешние угрозы экономической безопасности и внутренние угрозы экономической безопасности.

3. В зависимости от видов деятельности различают угрозы: в финансовой сфере; в энергетической сфере; в оборонной сфере; в продовольственной сфере и др.

4. В зависимости от масштаба возникновения угроз выделяют: глобальные угрозы, общенациональные угрозы; локальные угрозы.

В последнее время наблюдается усиление угроз безопасности российской экономики, кроме того негативное влияние этих угроз на национальную экономику усилилось. Согласно «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» создана и функционирует система «управления рисками». Задачи данной системы сводятся к своевременному выявлению вызовов и угроз экономической безопасности и оперативному реагированию на них [3]. Авторы предлагают анализировать 40 важных для экономики показателей, что позволит быстро и своевременно реагировать на угрозы экономической безопасности. Рассмотрим некоторые из них.

Так, например, объем ВВП, представляющий собой рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг производимых экономикой страны. По данным статистики в Российской Федерации наблюдается рост объемов ВВП, так в 2024 году планируется его рост на 3,9 %. Необходимо заметить, что ежегодный рост российского ВВП в 2 % – 3 % не способен обеспечить достойное развитие экономики на расширенной основе. Кроме того, необходимо отметить замедление темпов роста ВВП по сравнению с 2023 годом. Говоря об уровне инфляции необходимо отметить, что темпы ее роста значи-

тельно выше ожидаемых. В 2024 году ожидаемый уровень инфляции составит 8,6 %, что выше на 1,18 %, чем в 2023 году.

Для поддержания высоких темпов роста экономики и предотвращения угроз экономической безопасности экономическая политика должна совершенствоваться и включать программы трансформации национальной экономической системы.

Еще одной важнейшей проблемой и угрозой безопасности является дефицит кадров. Уровень безработицы в 2023 году составлял 4,2 %, в 2024 году – 2,6 %, все это говорить о возникновении дефицита рабочей силы на рынке труда и не стимулирует работников к саморазвитию, расширению профессиональных навыков и овладению новыми компетенциями.

Кроме того, проблема старения населения негативно отражается на рынке труда в России. Исследователи прогнозируют снижение трудоспособного населения к 2030 году на 3,2 млн. человек. Все это создает для российских товаропроизводителей проблемы с трудовыми ресурсами.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Экономическая безопасность российской экономики в настоящее время находится в повышенной зоне риска. Наиболее значимые риски это: СВО и санкции, которые в кратчайшие сроки устранить невозможно. Кроме того, санкционное давление Запада со временем только нарастает, поэтому для успешного и устойчивого развития экономики страна должна опираться на собственные ресурсы и быть ориентированной на внутренний рынок.

2. Правовое обеспечение экономической безопасности страны представляет собой важнейшую динамичную задачу, требующую комплексного подхода к решению, постоянного совершенствования законодательства в ответ на изменяющиеся внутренние и внешние условия.

3. Эффективная правовая система способствует созданию устойчивой экономики. Защищая интересы государства и граждан.

Пристойный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ с изменениями и дополнениями. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
4. Золали Р. П., Арифиллин М. В. Экономическая безопасность: значение и факторы ее обеспечения // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 184-189 @ Васильева Л. П. Экономическая безопасность: определения и сущность // Журнал прикладных исследований. – 2020. – № 3. – С. 6-13.
5. Есир А. И., Кискул О. А., Толмачева И. В. Исследование теоретических аспектов понятия экономической безопасности // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 8. – С. 49-54.
6. Шелухина Е. А., Румачик Н. А., Мезенцева Е. С. Сущностная характеристика и ключевые составляющие системы экономической безопасности государства // Журнал прикладных исследований. – 2022. – № 6. – С. 801-809.

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России)

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России)

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ПО ЛИНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Государственно-частное партнерство (ГЧП) рассматривается государством как механизм повышения экономического роста с участием крупного, среднего и малого бизнеса. При проведении анализа проблем и противоречий, существующих при реализации проектов ГЧП, авторы выделили следующее: отсутствие правил бюджетного учета, установление некорректных тарифов, присутствие коррупционных составляющих, пробелы в законодательных актах, касающихся ГЧП, в частности и для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, которые, в свою очередь, могут расширить субъективизм, а значит, увеличить вероятность возникновения коррупционного риска в принятии соответствующих решений сотрудниками УИС. Что касается коррупционных моментов при реализации проектов ГЧП, то важной выступает экономическая составляющая в качестве незаконного расходования бюджетных ресурсов, снижающего инвестиционную привлекательность. В статье описываются уязвимость различных этапов и моделей государственно-частного партнерства к коррупции, а также предлагаются рекомендации по минимизации данного вопроса. Предлагается установить соответствующие механизмы контроля за нарушениями в сфере закупок по линии ГЧП, если это необходимо, еще на уровне проекта.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление служебными полномочиями, Федеральная служба исполнения наказаний, государственно-частное партнерство, уголовно-исполнительная система.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the SIC-1 of the Federal Government institution «Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the SIC-1 of the Federal Government institution «Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»

THE NEGATIVE IMPACT OF CORRUPTION IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROCUREMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Public-private partnership (PPP) is considered by the government as a mechanism for increasing economic growth with the participation of large, medium and small businesses. When analyzing the problems and contradictions that exist in the implementation of PPP projects, the authors highlighted the following: the lack of budget accounting rules, the establishment of incorrect tariffs, the presence of corruption components, gaps in legislation related to PPP, in particular for the penal enforcement system of the Russian Federation, which, in turn, can expand subjectivity, and this means that it is possible to increase the likelihood of corruption risk in making appropriate decisions by employees of the management system. As for corruption issues in the implementation of PPP projects, the economic component is important as an illegal expenditure of budget resources, reducing investment attractiveness. The article describes the vulnerability of various stages and models of public-private partnership to corruption, and also offers recommendations for minimizing this issue. It is proposed to establish appropriate mechanisms for monitoring violations in the field of PPP procurement, if necessary, at the project level.

Keywords: corruption, abuse of official authority, Federal Penitentiary Service, public-private partnership, penal enforcement system.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

Эффективное государственное управление способствует выявлению внутренних резервов государства. С целью повышения экономического роста следует уделять внимание реализации инвестиционных проектов с участием крупного, среднего и малого бизнеса. Так, согласно данным аналитического дайджеста, объем законтрактованных в 2023 году инвестиций в проекты государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) достиг рекордного значения и вплотную приблизился к отметке 1 трлн руб., что подтверждает востребованность этого механизма у инвесторов при реализации инфраструктурных проектов [1]. Участие бизнес-сообщества в совместных проектах с федеральными органами государственной власти, в том числе и с Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России), напрямую зависит от формирования нового законодательства в обла-

сти ГЧП и проектного финансирования. ГЧП представляет собой уникальный механизм взаимодействия государства и бизнеса, где намерения сторон закреплены нормативными правовыми документами и направлены на удовлетворение общественной потребности на наиболее благоприятных условиях, что находит свое отражение в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [2].

Основная часть

Реализация проектов ГЧП с привлечением бизнес-сообщества способствуют приросту валового регионального продукта, привлечению региональных подрядчиков, созданию новых рабочих мест. Но анализ проблем и противоречий,

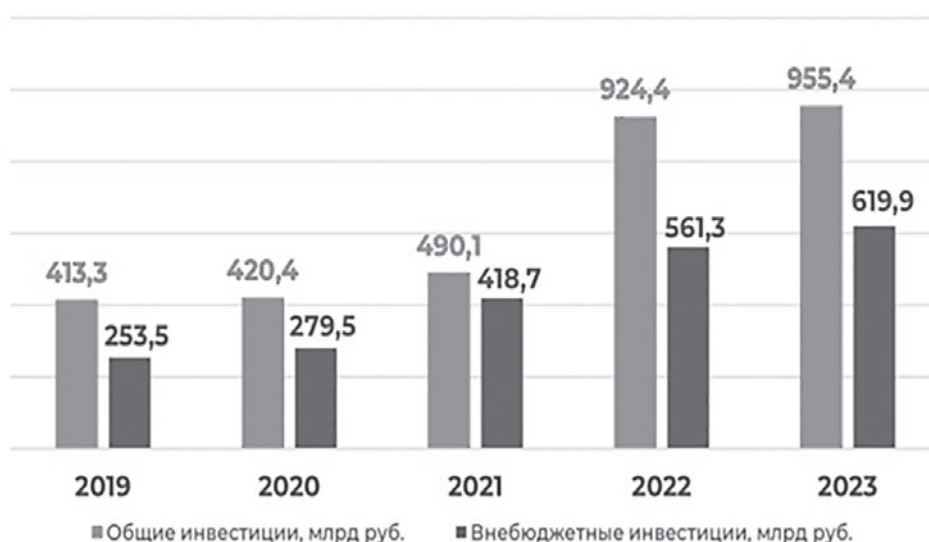

Рисунок 1. Объем финансовых средств по реализуемым проектам, прошедшим коммерческое закрытие.
Источник: Минэкономразвития России, 2024 [1].

существующих при реализации проектов ГЧП, указывает на отсутствие правил бюджетного учета, установления тарифов, коррупционные составляющие, пробелы в законодательных актах, касающихся ГЧП, в частности и для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). Недостатки, в частности, законодательства, регулирующего взаимодействие учреждений и органов УИС с хозяйствующими субъектами, могут расширить субъективизм, а значит, увеличить вероятность возникновения коррупционного риска в принятии соответствующих решений сотрудниками УИС.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена условиями ограниченности бюджетных средств и негативным влиянием коррупции на разные сферы общественной жизни. Что касается коррупционной составляющей при реализации проектов ГЧП, то важным моментом выступает экономическая, суть которой заключается в незаконном расходовании бюджетных ресурсов. Новизна исследования заключается в разработках методик, инструментов и мер по борьбе с коррупцией, которые принесли бы проектам ГЧП такую же пользу, какую они бы принесли любым традиционным проектам закупок.

Научно-методологическую основу исследования составили: общенаучные методы познания, метод экспертных оценок, научный метод анализа. Опубликованные по теме ГЧП работы рассматривают лишь отдельные аспекты этого комплексного института, не позволяя более детально рассмотреть коррупционные правонарушения как со стороны представителей органов власти, так и представителей бизнес-общества [3].

Основные модели, сопряженные с рисками, затрагивались в работах следующих авторов: А. А. Алпатов, А. В. Белицкая, В. Г. Варнавский [4], [5], [6]. Такие авторы, как: Р. А. Князьнеделин, М. Н. Козин, А. Х. Курбанов, В. А. Плотников, А. Н. Родионов, В. А. Седых, рассматривали в своих работах механизмы и инструменты реализации проектов ГЧП в отдельных федеральных органах исполнительной власти [7], [8], [9], [10].

Под коррупцией при закупках по линии ГЧП часто понимается предоставление несправедливого преимущества в конкурсе, а именно, оказание воздействия на результаты торгов таким образом, что один участник незаслуженно побеждает или получает преимущество по отношению к остальным претендентам, поэтому необходимо применить целостный подход к изучению коррупции в сфере закупок по линии ГЧП; требуется учет всех трех этапов закупок и существующих между ними связей. Это объясняется не только тем, что коррупция может проявляться на любом этапе, но и тем, что коррупция, как правило, поражает либо слабые, либо нерегламентированные элементы системы, т.е. в тех случаях, когда легко остаться безнаказанным, или в тех, когда внимание и контроль недостаточны.

Несмотря на оказание воздействия на результаты торгов, проекты ГЧП динамично развиваются в Российской Федерации и адаптируются к изменениям в экономике. Согласно данным Минэкономразвития России, в 2023 году запущено 326 проектов ГЧП на сумму 995 млрд руб., из которых 620 млрд (65 %) приходятся на внебюджетные средства (динамика развития проектов ГЧП за последние пять лет представлена на рисунок 1) [1]. Большинство проектов ГЧП реализуются в форме концессионных соглашений [11].

Активное развитие ГЧП обращает на себя внимание рядом особенностей, таких как:

- проект ГЧП заключается одним комбинированным договором на финансирование, проектирование и строительство (или восстановление) государственной инфраструктуры, а также на оказание частным партнером части или всего комплекса соответствующих государственных услуг;
- проект ГЧП должен разрабатываться с учетом меняющихся потребностей людей, которым оказываются услуги, что обусловлено более длительным периодом реализации таких проектов. ГЧП приводит к «ситуации партнерства», когда партнеры из государственного и частного секторов должны осуществлять реальное сотрудничество в течение продолжительного периода времени и вносить коррективы на оказываемые услуги, экономические условия и другие параметры договорных обязательств и деятельности в рамках данного проекта [12]. Таким образом, стороны должны придерживаться принципов справедливости и равноправия в вопросах будущих непредвиденных обстоятельств, операционных эксплуатационных проблем.

Несмотря на свою привлекательность инвестиционные проекты в рамках ГЧП, способствующие достижению технологического суверенитета и структурной адаптации экономики, не должны допускать коррупционных правонарушений, напротив, обязаны обеспечивать меры по предотвращению коррупции и коррупционных факторов [1]. Последовательное соблюдение данного принципа может способствовать не только исключению указанного явления из взаимоотношений партнеров, но и совместному осуществлению борьбы с ним. При следовании этой цели и концентрации усилий и возможностей борьбы с коррупцией на этапе выбора партнера необходимо учитывать такие его особенности, как:

- 1) взятие на себя долгосрочных обязательств в отношении финансирования, проектирования, строительства и эксплуатации объектов инфраструктуры;
- 2) обеспечение соответствия жестким показателям эффективности и положениям договора;
- 3) демонстрация способности к налаживанию реальных партнерских отношений с государственным сектором;
- 4) достижение справедливого баланса между своими собственными интересами и интересами населения.

А также к таким критериям относятся: общая способность ограничить расходы на техническое обслуживание; проявление ответственного отношения к государственному бюджету и ограниченное воздействие на него и т.д.

В общем и целом, отбирать партнеров из частного сектора при осуществлении закупок по линии ГЧП следует на основе именно прозрачных, объективных и основанных на уровне эффективности критериев наряду с соответствующими весовыми коэффициентами.

Во многих странах по-прежнему отсутствуют элементарные институты, опыт и передовая практика в области проведения честных торгов, что особенно ярко проявляется в контексте проектов ГЧП в силу их сложности и многоаспектности. Это вызывает повышенный риск коррупции в ходе процесса закупок, часто приводит к неэффективным торгам и увеличивает вероятность провала проекта в долгосрочной перспективе. Поэтому государствам следует совершенствовать систему торгов, уделяя внимание всем этапам реализации проектов ГЧП, а также создать систему правового и этического контроля, которая обеспечивала бы доверие к проектам. Должны быть разработаны и выполнять свою функциональную роль законы, подзаконные акты и кодексы, регулирующие ГЧП и направленные на борьбу с коррупцией (в том числе этический кодекс), в которых были бы либо инкорпорированы международные типовые модели и документы о противодействии коррупции, либо отражены их основные положения.

Высокопоставленные должностные лица и все участники закупок по линии ГЧП из государственного и частного секторов должны поддерживать соблюдение и/или взять на себя обязательство соблюдать законодательство и применимые нормы права, подзаконные акты и кодексы, касающиеся борьбы с коррупцией, включая этический кодекс, в котором закреплены нормы поведения для государственных и частных субъектов, участвующих в процессе закупок.

В тендерной документации должны приводиться ссылки на соответствующие применимые законы, подзаконные акты и кодексы, а также содержаться письменные обязательства заявителей по их соблюдению. Нарушения закона, подзаконных актов и кодексов, касающихся борьбы с коррупцией, должны пресекаться, а соответствующие положения предусматривать необходимую систему наказаний или санкций за нарушения, включая административное наказание, гражданскую или уголовную ответственность и отстранение или дисквалификацию физического или юридического лица.

Государству следует требовать от частных компаний, участвующих в торгах по проектам ГЧП, публикации в открытом доступе их этических кодексов и наличия у них собственных внутренних антикоррупционных документов и процедур, которые можно было бы подвергать независимой ревизии и закреплять их функционал на протяжении всего срока действия контракта.

С точки зрения частного сектора, коррупция на первом этапе процесса ГЧП характеризуется высоким риском, в то время как результат остается неопределенным из-за многоуровневых характеристик ГЧП. Что касается всех видов ГЧП, то тендерный процесс имеет ключевое значение, поскольку он весьма схож с более общими формами государственных закупок. Поиск информации о тендере, конкретной информации о планируемом проекте, подготовка самого предложения и предоставление достаточных доказательств его пригодности необходимы для успеха процесса торгов, но требуют больших затрат. Здесь могут быть использованы платежи за инсайдерскую информацию или включение в список участников, прошедших предварительную квалификацию, а также за влияние на структуру тендерных спецификаций таким образом, чтобы предприятие было единственным квалифицированным поставщиком.

Можно выделить ряд предложений по противодействию коррупционной деятельности в рамках реализации проектов ГЧП: обязывать частный сектор разрабатывать и утверждать антикоррупционные документы в своей деятельности; выявлять конфликт интересов; реализовывать процедуры заключения договора проекта ГЧП в открытом доступе; разрабатывать программные продукты по обратной связи (жалобы, предложения, опросы) – как от бизнеса, так и от на-

селения; создавать надзорные органы с представителями от бизнес-сообщества, государства и граждан.

Вывод

Можно предположить, что в большинстве случаев источником коррупции будет политический уровень как объект подкупа на этапе, предшествующем проведению тендера, когда частный сектор пытается повлиять на представителей органов власти, чтобы те определили сферы для проектов ГЧП, или, более конкретно, чтобы превратить отдельный проект в проект ГЧП. Таким образом, особую уязвимость к коррупции можно рассматривать как неотъемлемую часть системы ГЧП, и поэтому ее нелегко устранять. Предлагаемые меры по снижению риска коррупции в контексте реализации проектов ГЧП никогда не смогут устранить его полностью, но смогут снизить его в долгосрочной перспективе, начиная с изменения параметров процесса принятия решений.

Пристатейный библиографический список

1. Государственно-частное партнерство в России. Итоги 2023 года и основные тренды // Аналитический дайджест АИИК. – 2024. – Выпуск № 1. – С. 32.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.
3. Изотов М. О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук, 2012.
4. Алпатов А. А., Пушкин А. В. Государственно-частное партнерство: механизмы реализации. – М., 2013. – С. 223.
5. Белицкая А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства. – М.: Статут, 2012. – 190 с.
6. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – В 2-х томах. Том 1. – 312 с.
7. Козин М. Н., Радченко Е. П. Реализация проектов государственно-частного партнерства: вопросы сопряжения показателей экономической и общественной безопасности // Финансовая экономика. – 2021. – № 8. – С. 196-200.
8. Князьнедин Р. А., Курбанов А. Х., Крекотнев Р. Н. Применение модели государственно-частного партнерства как инструмента развития предприятий оборонно-промышленного комплекса и частных операторов // Известия СПбГЭУ. – 2019. – № 2 (116). – С. 47-53.
9. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. – 2013. – № 4. – С. 33-47.
10. Седых В. А., Авдеев В. В., Родионов А. В., Скиба А. П. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 10 (221). – С. 53-61.
11. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.
12. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Привлечение внебюджетных инвестиций как способ обеспечения экономической безопасности проектов государственно-частного партнерства // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 206-215.
13. Родионов А. В., Скиба А. П., Воронин М. Ю. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: некоторые направления развития // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 10-23.

КОРЧАГИН Эдуард Рашитович

аспирант, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

АРХИТЕКТУРА МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ВНУТРИФИРМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье предложена структурно-логическая схема механизма влияния гринфилда на развитие образовательных систем, объединяющая в себя функции и результаты такого влияния; дается характеристика разработанной автором модели взаимодействия научно-исследовательских формирований (в том числе на базе вузов), промышленного сектора экономики (как основного потребителя результатов инновационных проектов) при непосредственном участии государства, которая отображает непосредственную роль государства в формировании системного взаимодействия науки и производства.

Ключевые слова: инновационный проект, организации высшего образования, внутрифирменное предпринимательство.

KORCHAGIN Eduard Rashitovich

postgraduate student, G. V. Plekhanov Russian University of Economics

ARCHITECTURE OF THE INNOVATION PROJECT MANAGEMENT MECHANISM IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS BASED ON THE CONCEPT OF INTRA-COMPANY ENTREPRENEURSHIP

The article proposes a structural and logical scheme of the mechanism of Greenfield's influence on the development of educational systems, combining the functions and results of such influence; describes the model of interaction developed by the author of scientific research formations (including on the basis of universities), the industrial sector of the economy (as the main consumer of the results of innovative projects) with the direct participation of the state, which it reflects the direct role of the state in shaping the systemic interaction between science and production.

Keywords: innovative project, higher education organizations, intra-company entrepreneurship.

Инновации в образовании позволяют формировать новые инструменты управления, реализация которых придает новую динамику развитию системе образования в целом, тем самым экстраполировав современные тренды бизнес-менеджмента на образовательную сферу. По мнению экспертов, современный мир стоит на рубеже новой волны инноваций в образовании, которая повлечет серьезные изменения сформировавшегося «образовательного ландшафта».

Сложившийся «образовательный ландшафт» базируется на двух видах образовательных инноваций и механизмов их реализации:

- первый вид образовательных инноваций подразумевает образовательные нововведения и инновационные проекты; такого рода образовательные инновации получили название «браунфилд» или «традиционная зона образовательной практики»;

- второй вид образовательных инноваций называется «гринфилдом» (новые образовательные проекты или образовательные стартапы, в качестве которых могут выступать принципиально новые научные школы, факультеты, образовательные программы, которые вновь созданы с применением новых технологий; в последние годы в цифровой среде такие проекты получили название – «EdTech».

Совокупность всех выполняемых функций определяет предлагаемый нами механизм влияния гринфилда на развитие образовательных систем (рисунок 1).

В качестве примера образовательных гринфилдов в российской образовательной практике можно привести Школу перспективных исследований (SAS) Тюменского государственного университета и появившийся в структуре ТГУ три года назад Высшей IT-школы (HITs), которая нацелена на обучение во время работы. Гринфилд способствует решению одной из ключевых задач национального проекта «Цифровая экономика» – готовит разработчиков цифровых продуктов, способных решать сложные технические задачи в разных сферах, от медицины и экономики до космоса и ВПК.

Стоит учитывать, что инновационно-технологическая перестройка промышленных отраслей должна основываться на формировании комплексной системы взаимодействия между научно-исследовательским сектором и промышленным производством.

Связующим звеном таких процессов выступают различные виды взаимодействия высшей школы с бизнес-сообществами (инкубатор инноваторов, создание коворкинг-пространства, стратегические партнерства). Данные симбиозы, имели целевую направленность на осуществление научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, а также проектирование производственных систем и разработку новых технологий, основной задачей которых является реализация работ в сфере технико-экономического обоснования проектных решений в производстве и сбор сведений и их оценка о состоянии природных ресурсов [1].

Мы согласны с мнением А. Г. Матвеева и И. О. Стефанкова, которые считают, что даже при наличии у производственного предприятия потенциала к самостоятельным научным разработкам эффективность реализации высокотехнологичных наукоемких модернизационных проектов может быть значительно повышена посредством реализации ассоциированных форм предпринимательства с научными учреждениями при непосредственном участии государства, как основного интересанта [2].

В связи с этим, нами разработана модель взаимодействия научно-исследовательских формирований, в том числе организованных на базе вузов, промышленного сектора экономики, как основного потребителя результатов инновационных проектов, и идей при непосредственном участии государства.

Данная модель (рисунок 2) отображает непосредственную роль государства в формировании системного взаимодействия науки и производства, и при успешной ее реализации она может стать базисом для при переходе к новой индустриальной парадигме диктуемой инновационной и научно-технологической стратегиями развития государства.

Таким образом, в данной статье предложена:

- 1) структурно-логическая схема механизма влияния гринфилда на развитие образовательных систем, объединяющая в себя функции и результаты такого влияния;
- 2) разработанная автором модель взаимодействия научно-исследовательских формирований (в том числе на базе вузов), промышленного сектора экономики (как основного потребителя результатов инновационных проектов) при непосредственном участии государства.

Рисунок 1. Механизм влияния гринфилда на систему высшего образования (разработано автором)

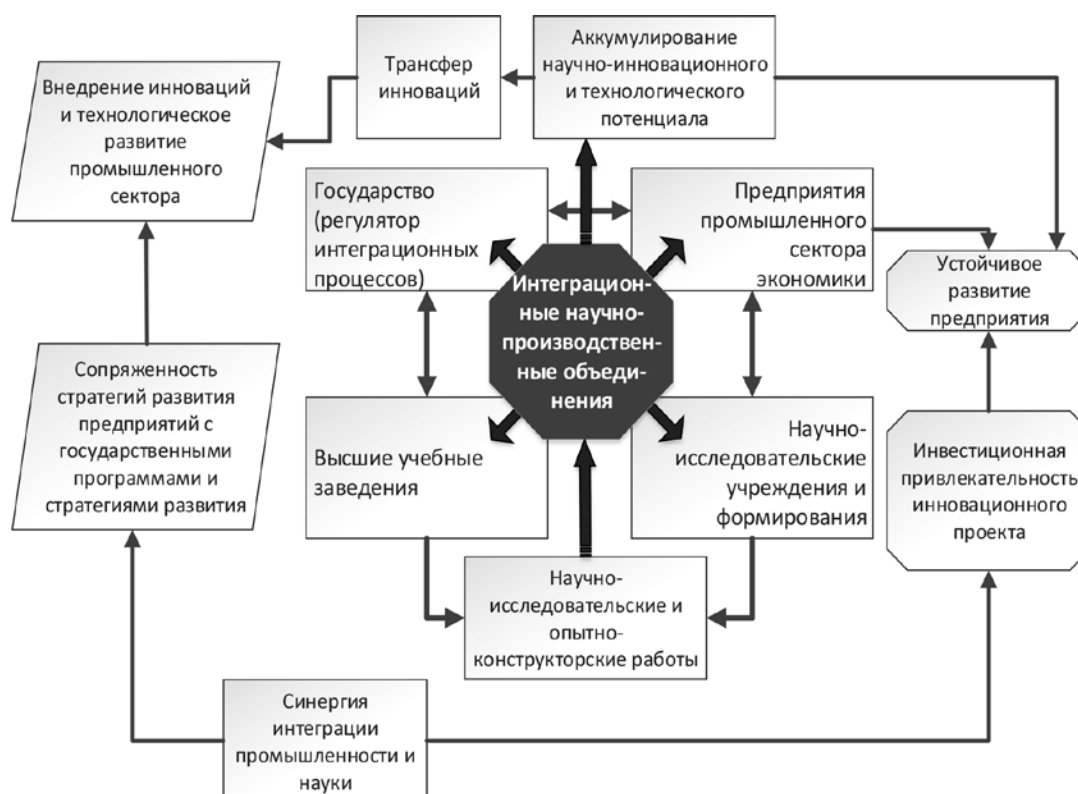

Рисунок 2. Концептуальная модель интеграции промышленного сектора экономики и академической среды при участии государства (разработано автором)

Пристатейный библиографический список

1. Калимуллин Р. Р. Научно-исследовательский сектор в реализации цикла «наука производство» в 1950–1960-х гг. (по материалам среднего Поволжья) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4.
2. Матвеева Л. Г., Стефанков И. О. Стратегический подход к развитию промышленный предприятий в условиях экономических санкций // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12, № 2-2.

АНДРИЕВСКАЯ Жанна Викторовна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии, Ростовский государственный медицинский университет, докторант, Саратовский государственный университет

ЧЕРКАСОВ Виталий Валерьевич

Управление общественно-политической работы, Следственный комитет Российской Федерации, полковник юстиции

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СЛЕДОВАТЕЛЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

В статье раскрываются актуальные аспекты улучшения имиджа следователя как проблемы социально-философского характера. На основании анализа основных инструментов формирования позитивного имиджа следователя демонстрируется значение информационно-пропагандистской работы для коррекции социального образа, рассматриваются средства построения обратной связи между обществом и следователем. Демонстрируется роль комплексной информационной политики государства при воздействии на общественное восприятие профессиональной работы следователей и следователей-криминалистов. Предлагается расширение практики взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации с общественностью за счет разработки учебно-методических материалов, которые могут быть использованы в рамках образовательного процесса.

Ключевые слова: социальный образ, социальные представления, имидж, правовая пропаганда, воспитание, информационная политика.

ANDRIEVSKAYA Zhanna Viktorovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor, associate Professor of Clinical psychology sub-faculty, Rostov State Medical University, doctoral student, Saratov State University

CHERKASOV Vitaliy Valerjevich

Department of Social and Political Work, Investigative Committee of the Russian Federation, colonel of justice

FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF AN EMPLOYEE OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

The article reveals the actual aspects of improving the image of an investigator as a problem of a socio-philosophical nature. Based on the analysis of the main tools for forming a positive image of the investigator, the importance of information and propaganda work for correcting the social image is demonstrated, and the means of building feedback between society and the investigator are considered. The article presents the role of information policy in influencing public perception of the professional work of investigators and forensic investigators. It is proposed to expand the practice of interaction of the Investigative Committee with the public by developing educational and methodological materials that can be used as part of the educational process.

Keywords: social character, image, legal propaganda, education, information policy.

Следственный комитет Российской Федерации выполняет ряд значимых функций, которые выражают его природу как органа публичного управления, что требует от штатных сотрудников регулярного взаимодействия с представителями широкой общественности. Сам процесс этого взаимодействия формирует в обществе определенный набор стереотипных установок, которые в совокупности можно обозначить как образ этого органа государства. Очевидно, что такой образ должен носить положительный характер, так как в противном случае негативная репутация будет девальвировать ценность правоохранительной деятельности следственных работников.

Образ следственного работника (далее – следователя) является элементарной единицей социального образа органа государственной власти. Положительный образ каждого следователя в отдельности в сумме формирует социальный образ Следственного комитета Российской Федерации в целом. Поэтому вопрос формирования позитивного образа следователя следует признать актуальной проблемой для теоретического осмысления в рамках социально-философского знания, решение которой отвечает потребностям, как государства, так и всего общества.

Формирование позитивного образа следователя подчиняется ряду характерных закономерностей. В первую очередь он представляет собой обоюдный процесс взаимодействия общества и личности следователя, в рамках которого формируется социальный «отпечаток» в общественном сознании, закрепляющий стереотипное представление об ожидаемых

моделях поведения следователя. Кроме того, социальный образ следователя может подвергаться коррекции, поскольку его формирование является не только результатом пассивного наблюдения за процессом восприятия обществом профессиональной работы человека, но и активным воздействием со стороны самого следователя и Следственного комитета Российской Федерации на общественное сознание для достижения желаемого результата.

Социальный образ следователя является частным случаем социальных представлений, существующих в общественном сознании. Особенностью социальных представлений является их тесная интеграция в структуру обыденного сознания, основанного на расхожих и во многом стереотипных эмоциональных, оценочных и рациональных конструкциях, описывающих то или иное социальное явление, социальный объект. Социальные представления обозначают символическое значение социального явления в общественном сознании. Формирование социальных представлений происходит под воздействием множества факторов, которые в своей совокупности обуславливают роль и общественное значение отдельных представителей публичной власти, в частности, сотрудников правоохранительных органов. Социальные представления имеют сложный диалектический характер своего формирования, поскольку, с одной стороны они «регидны и консервативны, с другой стороны, непрерывно изменяются» [5, с. 143].

Способность действенно влиять на процесс формирования социального образа следователя является залогом для

успешного решения задачи создания его положительного имиджа. В рамках теоретического анализа инструментария, пригодного для улучшения социального образа следователя в глазах населения, целесообразно остановиться на самом понятии «образ» и связанного с ним понятия «имидж».

Социальный образ представляет собой устойчивое представление о каком-либо явлении, которое закрепляется в общественном сознании. Этому представлению присущ стереотипный характер, поскольку он формируется в течение длительного периода времени и столь же долго может подвергаться изменению в ту или иную сторону. Социальный образ является достаточно инертным образованием, поскольку его динамика, то есть трансформация в лучшую или худшую сторону, обычно требует длительного времени и значительных усилий, направленных на его изменение. В результате один негативный «штрих» может подорвать «усилия многих людей по созданию положительного имиджа государственного органа» [4, с. 79].

Именно поэтому государственные структуры обычно стремятся к превентивному воздействию на свой социальный облик, не допуская распространения негативной информации или сглаживая ее наиболее «острые» элементы, чтобы в обществе не сформировался негативный образ этих органов. Один из важных аспектов формирования позитивного образа сотрудника следственного комитета – это соблюдение этических норм и стандартов поведения. Недопустимо нарушение принципов профессиональной этики и коррупционных схем, так как это может серьезно подорвать авторитет правоохранительного органа и вызвать недоверие со стороны общества. Если следователи не будут демонстрировать положительные качества в своей повседневной профессиональной деятельности, то в результате принятия цепочки управленческих решений, негативно воспринимаемых в обществе, «одна часть из них вновь потеряется «по дороге», другая же исказится до неузнаваемости, а многие будут откровенно саботированы, останутся на бумаге» [3, с. 21].

В современных социальных науках образ или облик какого-либо явления чаще заменяется понятием «имидж», которое фактически является синонимом социального образа. Имидж сотрудника государственного органа представляет собой сложное явление, сочетающее социально-психологические и индивидуальные черты поведения. Достаточно часто имидж отождествляется с авторитетом органа государственной власти, поскольку положительная репутация той или иной инстанции напрямую влияет на ее общепризнанное социальное влияние. Репутация представляет собой «следствие образа, имиджа и представляет собой сложившееся мнение в сознании людей, их реакцию на данный объект» [8, с. 254].

Формирование имиджа следователей происходит в результате повседневного осуществления ими своих профессиональных обязанностей, но только в том случае, если эта служебная деятельность становится зримой для общества, поскольку невидимая сторона их работы, скрытая от глаз общественности, как правило, слабо влияет на процесс создания позитивного образа.

Именно поэтому в структуре органов государственной власти создаются подразделения, ответственные за работу с общественностью. Наиболее распространенной формой этого взаимодействия является коммуникация со средствами массовой информации (далее – СМИ). Пример здесь может быть Управление взаимодействия со СМИ, которое и выполняет функции коммуникации с общественностью. В результате оказываются «задействованы все современные каналы связи с населением, которые дают возможность без бюрократических проволочек обратиться за помощью, выразить мнение о работе следователей» [2, с. 12].

Следственный комитет Российской Федерации активно представлен в социальных сетях, а его сайт представляет возможности для обратной связи с населением. СМИ традиционно принято рассматривать как базовый инструмент для формирования позитивного имиджа следователей, поскольку именно они выступают каналом для оповещения обще-

ственности о содержании профессиональной правоохранительной работы.

Иные мероприятия могут иметь информационно-пропагандистский, психологический и воспитательный характер, оказывая непосредственное влияние на общественное сознание. Одним из векторов информационной политики государства является выработка у граждан активной гражданской позиции, дополняемой участием в процессе достижения наиболее значимых публичных целей и интересов.

Формирование позитивного образа сотрудника следственного комитета в общественном сознании играет ключевую роль в обеспечении доверия к правоохранительным органам. Результативное создание имиджа сотрудника, который отличается профессионализмом, объективностью и ответственностью, способствует укреплению положительного отношения общества к данной профессии. Одним из основных инструментов формирования этого имиджа является принятие соответствующего ведомственного акта, который консолидирует общие этические и ценностные черты профессиональной деятельности сотрудников. Им является Кодекс этики и служебного поведения, который содержит «свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения государственных служащих» [7, с. 197].

Государство является центральным субъектом правового воспитания личности, оказывая педагогическое влияние на поведение человека через множество каналов информационного воздействия на протяжении всей его жизни. В силу данного обстоятельства принято говорить о правовой пропаганде как самостоятельном компоненте информационной политики государства, посредством которого улучшается имидж сотрудников органов государственной власти.

Пропаганда выступает механизмом, посредством применения которого населения государство оказывается легитимным участником информационной политики в той или иной области. Значимым элементом системы правовой пропаганды выступает пропаганда правоприменительной деятельности Следственного комитета Российской Федерации. В этом случае у населения формируется уважительное отношение к следователям, создаются предпосылки для надлежащего исполнения указаний, выносимых данными органами.

Формы информационно-пропагандистской работы разнообразны. Следственный комитет Российской Федерации может осуществлять деятельность (напрямую или опосредованно) по выпуску печатной продукции информационного характера, организации пропагандистских акций, проведению публичных мероприятий по правовой пропаганде (лекции, семинары, конференции), распространение правовой информации через СМИ, и проч.

Личность следователя оказывает непосредственное влияние на процесс правоприменения, так как сотрудник является носителем определенного уровня правовой культуры, которая проявляется в надлежащем исполнении им своих должностных обязанностей. Предупредительный уклон правоприменительной деятельности Следственного комитета Российской Федерации свидетельствует об отходе от одностороннего карательного воздействия, что позволяет подчеркнуть социальное значение профилактики преступлений. Положительное значение информированности как профессиональной черты заключается в верном понимании «базовых принципов, ценностей, значимости права, следовательно, и правовое информирование предполагает осуществление деятельности по целому ряду направлений, ведущих в конечном итоге к озвученной цели» [6, с. 155].

Информационное воздействие на правосознание общества производит значимый профилактический эффект, позволяя проявлять индивидуальные качества поведения человека, снижающие общее пренебрежение к нормативным требованиям административного законодательства. Основой уважительного отношения личности к требованиям законодательства является не только понимание их содержания, но и уснение социально-правовой обусловленности, смысла конкретной правовой нормы. Отсутствие понимания цели и предназначения конкретного нормативного требования ча-

сто выступает фактором пренебрежительного отношения к закону.

Следственный комитет Российской Федерации уделяет в своей информационно-пропагандистской деятельности значительное внимание вопросам ранжирования целевой аудитории по возрастному и профессиональному признаку. Существенное значение имеет правовая работа с несовершеннолетними, которая осуществляется в рамках сотрудничества с образовательными учреждениями. Правовая пропаганда в образовательных учреждениях осуществляется посредством производства публичных мероприятий педагогического и дидактического характера, в рамках которых несовершеннолетние получают возможность первичного ознакомления с профессиональной деятельностью следователей.

Результативной формой проведения мероприятий по правовому просвещению несовершеннолетней аудитории является организация игровых форм обучения и организация конкурсов в образовательном учреждении. Также взаимодействуя с учреждениями образования, Следственный комитет Российской Федерации получает возможность информационно-пропагандистского воздействия на педагогический состав такого учреждения, родителей несовершеннолетних. Это положительным образом сказывается на восприятии правовой информации, доносимой следователями.

Инструменты для формирования позитивного образа следователей могут подразумевать такие меры информационного воздействия, которые носят открытый публичный характер. К числу этих мер можно отнести проведение массовых мероприятий, в том числе образовательного и социального направления. Могут проводиться открытые лекции, семинары и конференции, на которых представители общественности получают возможность обсуждать наиболее значимые вопросы, связанные с работой правоохранительных органов.

Наиболее явными для массовой аудитории являются публичные формы пропагандистской работы, которые осуществляются благодаря информационным обращениям в СМИ, социальной рекламе и распространению печатной продукции информационного характера. Индивидуальные формы правовой пропаганды носят более ограниченный характер воздействия, так как предполагают непосредственную работу с конкретной личностью.

Здесь же следует особо выделить роль воспитания как формы правовой работы с общественностью. Значение этой формы управленческой деятельности состоит в том, что она позволяет организовать «мировоззрение посредством восприятия внутренних ценностей права с помощью определенных способов, аккумулируя при этом правовые установки, полученные при реализации иных форм правового воспитания» [1, с. 99].

Организационные формы сводятся к изучению и обобщению опыта информационно-пропагандистского воздействия, а также к интеллектуальной деятельности по подбору наиболее соответствующей конкретной социальной среде методов пропагандистского воздействия. Применение организационных мер административного воздействия предполагает предварительную оценку имеющейся социально-правовой ситуации, после которой производится отбор наиболее подходящих методов воздействия на правовое сознание общества, отвечающего заранее определенным задачам.

Как правило, организационное воздействие осуществляется применительно к конкретной задаче. Типичным примером здесь будет разработка учебно-методических материалов, которые могут быть востребованы в области образования и науки. Разработка и внедрение соответствующих материалов в рассматриваемой области предполагает осуществление деятельности по подготовке научных публикаций и работ, освещающих с положительной стороны различные аспекты профессиональной деятельности следователей. На основании данных результатов происходит подготовка соответствующих учебно-методических пособий, применяемых в области образования (средней и высшей школы).

Также процесс распространения соответствующих учебно-методических пособий требует предварительного согласования с органами публичного управления. В результате этого согласования орган власти может дать оценку соответствия распространяемых материалов актуальным положениям действующего законодательства, а также оценить выверенность правового материала, изложенного в конкретной дидактической работе. Также могут разрабатываться отдельные рекомендации, в соответствии с которыми составляются тексты учебных и методических пособий для образовательных учреждений.

В конечном итоге, формирование позитивного образа следователя играет ключевую роль во взаимодействии с общественностью и повышении доверия к этим государственным органам. Этот процесс является важным элементом установления авторитета и репутации в глазах населения, и требует постоянного внимания и усилий со стороны всех участников. Таким образом, управление имиджем следователей и использование современных инструментов для воздействия на общественное сознание становится необходимым условием для успешного выполнения профессиональных обязанностей и сохранения доверия со стороны граждан.

Кроме того, важно отметить, что эффективная информационная политика и внимательное отношение к обратной связи с обществом способствует укреплению связей между следственным комитетом и населением. Публичное восприятие и понимание профессиональной деятельности следователей имеет прямое влияние на их работу и результативность в борьбе с преступностью. Поэтому построение позитивного образа следователя необходимо не только для укрепления внутренней дисциплины и профессиональной морали, но и для повышения доверия общества к органам правопорядка. Формирование социального образа следственного комитета Российской Федерации остается важным направлением работы, что позволит укрепить авторитет и доверие к этому важному органу государственной власти, а также повысить эффективность борьбы с преступностью и обеспечить законность и справедливость в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Адаева О. В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 6. – С. 98-100.
2. Бастрыкин А. И. 10 лет Следственному комитету России! // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 1 (27). – С. 11-15.
3. Бастрыкин А. И. Общество просит защиты у Следственного комитета Российской Федерации, и каждый гражданин России её получит // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 3 (13). – С. 20-24.
4. Ильюк Е. В. Кодекс этики – Кодекс жизни // Правда и Закон. – 2018. – № 1 (3). – С. 79-82.
5. Матусевич О. А. Особенности формирования социальных представлений о прошлом // Труды БГТУ. – № 5. История, философия, филология. – 2016. – № 5 (187). – С. 142-145.
6. Осипов Р. А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 3 (104). – С. 153-158.
7. Саркисян А. Ж., Четверикова Т. Д. Положительный имидж сотрудника Следственного комитета Российской Федерации как фактор укрепления авторитета следственных органов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 1 (7). – С. 196-200.
8. Татаринова Н. В. О понятии «имидж» и его отличии от сходных с ним понятий «образ», «репутация», «стереотип» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4). – С. 252-255.

ВОЛКОВ Сергей Николаевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет

КОВАЛЁВА Светлана Евгеньевна

кандидат философских наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет

ЖИЗНЬ В СОЦИУМЕ VS СУЩЕСТВОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В обществе в настоящее время прослеживается тенденция некоторой части населения через своеобразную форму отчуждения от социума построить личную жизнь в природных условиях. С одной стороны, эта тенденция носит эко-социальный характер, и она ориентирована на признание человеком своего истинно природного компонента, который должен определить форму существования. С другой стороны, видится в этом некий эскапизм, как противостояние общественному цивилизованному укладу и попытки раскрыть собственное эго вне социума и городской среды.

Цель: рассмотрение ряда аспектов, способствующих отказу человека от благ цивилизации и погружению в среду естественного природного бытия.

Методы: используются аналитический и рационалистический методы.

Основная часть статьи даёт аналитическую оценку социальной ситуации возникновению нового течения – дауншифтинг. Потребность человека стать современным отшельником обосновывается философией жизни, в которой первичным звеном становится собственное существование. Авторы приводят примеры некоторых причин обращения людей к такой форме жизни.

Рассматривается феномен дикой природы. На примере некоторых племен современного мира, сохранивших патриархальный уклад жизни, оцениваются возможности человека видоизменить своё отношение к миру, обществу, вместе с тем приобретая новые навыки и качества для обитания в условиях дикой природы.

Отношение к последнему создаёт предпосылки для выхода на проблему формирования экологического сознания. Делается предположение, что в условиях жизни на природе человек сближается с ней, повышает свою ответственность перед природными компонентами, устремляется в сторону приятия идеи равенства всех субъектов, существующих в природной среде. В статье приводятся мнения классиков, развивающих проблемы экологической этики.

В заключении авторы подчеркивают мысль о потребности человека противостоять современному консьюмеризму. Отсюда вытекают и все те вопросы, о которых говорится в статье.

Ключевые слова: дауншифтинг, экологическое сознание, дикая природа, экологическая этика, ноосферное мышление.

VOLKOV Sergey Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Translation and translation studies sub-faculty, Penza State Technological University

KOVALEVA Svetlana Evgenjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Translation and translation studies sub-faculty, Penza State Technological University

LIFE IN SOCIETY VS. EXISTENCE IN THE CONDITIONS OF LIVING NATURE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

In society at present there is a tendency of some part of the population through a peculiar form of alienation from society to build a personal life in natural conditions. On the one hand, this trend has an eco-social character, and it is oriented towards the recognition by man of his true natural component, which should determine the form of existence. On the other hand, it is seen as a kind of escapism, as opposition to the social civilised way of life and attempts to reveal one's own ego outside of society and the urban environment.

Object: consideration of a number of aspects that contribute to the human rejection of the benefits of civilisation and immersion in the environment of natural existence.

Methods: analytical and rationalistic methods are used.

The main part of the article gives an analytical assessment of the social situation and the emergence of a new trend - downshifting. The need of a person to become a modern hermit is justified by the philosophy of life, in which the primary link is one's own existence. The authors give examples of some reasons why people turn to this form of life.

The phenomenon of wilderness is examined. On the example of some tribes of the modern world, which have preserved the patriarchal way of life, the possibilities of man to change his attitude to the world and society are evaluated, at the same time acquiring new skills and qualities for living in the wilderness.

The attitude to the latter creates prerequisites for the problem of formation of ecological consciousness. The assumption is made that in the conditions of living in nature a person gets closer to it, increases his responsibility to natural components, rushes towards accepting the idea of equality of all subjects existing in the natural environment. The article cites the opinions of the classics developing the problems of environmental ethics.

In conclusion, the authors emphasise the idea of the human need to resist modern consumerism. Hence all the issues discussed in the article.

Keywords: downshifting, ecological consciousness, wildlife, environmental ethics, noosphere thinking.

Исследование и изучение аспектов экологического сознания находит своё отражение в попытках оценить реаль-

ные отношения, возникающие между человеком и средой его жизнедеятельности. В этом ключе ставится много вопросов,

среди которых не только умение распознать и спрогнозировать возникающие социальные и экологические проблемы, но и определить готовность человека к действиям в случае негативных изменений повседневности. Экологическое сознание формируется под влиянием образования, ценностных установок, понимания использования природных ресурсов, ряда экономических и других факторов. Следует заметить, что в последние десятилетия наметилась тенденция устремленности индивида в условия живой и даже дикой природы. Процессам урбанизации сегодня противостоит тенденция отказа от «пыльных мегаполисов», устремленности к карьерному росту, попыткам найти себя на лоне природы, занимаясь любимым делом и обеспечивая собственное существование всеми доступными средствами в естественно-природных условиях жизни. Новаии такого направления получили распространенное название – дауншифтинг. Под этим термином понимаем человеческую философию «жизни ради себя» и «отказа от чужих целей». Упрощение жизни, отказ от влияния потребительского общества, информационных технологий, сосредоточение на личном развитии – всё это способствует развитию экологического сознания и одновременно новых социокультурных отношений, прежде всего с себе подобными. Простая бытовая форма проявления подобного подразумевает использование альтернативных источников энергии, отказ от упаковки товаров, переход от индустриального производства к ручному труду. Также следует отметить, что формирование потребности уйти в мир естественного существования на природе в таких ситуациях зачастую носит бессознательный характер и соответствует экзистенциальным мотивам личности.

В публикации С. Н. Ермаковой находим вычленяемые причины становления дауншифтерами, а именно: «...люди становятся дауншифтерами по четырем основным причинам. Первая связана с желанием вести более сбалансированную жизнь, уменьшить количество стрессогенных факторов; вторая – с тем, что дауншифтинг становится реакцией на противоречие между личностными ценностями, верованиями и ценностями, проповедуемыми в организации; третья – с поиском более удовлетворяющей человека жизни и, наконец, четвертая – с заботой о своем здоровье» [6, с. 98]. В связи с существующей отмеченной социальной направленностью, на наш взгляд, следует установить соотношение между условиями жизнедеятельности в рамках цивилизованного мира и дикой природы.

Отношение к феномену дикой природы

Человек издревле пытается облегчить себе жизнь в окружающем его мире всевозможными способами. Всё, что связано с защитой жилья (от первобытного образа жизни до современного урбанистического стиля) углубляется в развитие технических средств. Здесь и «крыша над головой», и простые артефакты защиты от непогоды (непромокаемая одежда, зонт и пр.), в конце концов, оружие, как надежный страж от нападения зверей или врагов и многое-многое другое. Цивилизованный путь развития – это техногенный фактор в бытийном пространстве *Homo sapiens*. Общество нацелено преимущественно на технический путь развития цивилизации, усложняя постоянно то, что необходимо для высоко комфортной жизни.

Существует иной путь развития. Это биологический путь самосовершенствования. Речь идёт о пути становления человеческого сообщества, не развивая в первую очередь техническую составляющую земного бытия, но постоянно пре-

успевая в приемах физиологического и психофизического развития. Безусловно, всё это есть и также существует на планете: от возможностей практик индийских йогов и китайских мастеров цигун до редких природных способностей отдельных людей читать мысли или телепатически предсказывать события. Однако всё это происходит опять-таки в цивилизованном сообществе, где главенствуют машины, информационные технологии и другие технические компоненты. В условиях дикой природы такое самосовершенствование носит бессознательный характер, и оно подводит индивида к самоанализу. А. А. Глузман отмечает: «...если человек постепенно обращается к самоанализу, это обязательно обратит его внимание к познанию и пониманию себя, определению своих достоинств и недостатков способами самодиагностики, чтобы целенаправленно идти к самосовершенствованию» [4, с. 66]. Такие процессы присущи цивилизованному миру, но стоит рассмотреть и другую сторону человеческого бытия.

Возьмем теперь, к примеру, патриархальную культуру некоторых современных диких племён. Здесь можно вспомнить племена, проживающие в государстве Океании Папуа, Новая Гвинея, среди которых Асаро Мудмен, Чимбу. Или людей южноамериканского континента, аборигенов племени Корубо, о которых ничего не было известно до 1996 года. Можно продолжить список аналогичных племён, которые отрицают цивилизацию, как форму жизни, предпочитая естество природы и отлучение от всего мира. Для некоторых туземных племен возможности собственного тела являются необходимым условием выживания без серьезных технических средств.

Народ Мокен, малочисленная австронезийская этническая группа, проживающая на берегу Андаманского моря, постоянно находится в воде, как ныряльщики на большие глубины. Под водой они видят также хорошо, как и просто на воздухе. Природа наградила их особой остротой зрения для поиска рыб на глубине. И эти способности были развиты людьми со временем, отказавшись от технических каких-либо плавательных средств: маски, ласты и т.п.

Другой народ – Яномама, обитающий в условиях джунглей на севере Бразилии и юге Венесуэлы. Их необычные традиции привели к тому, что сегодня каждый представитель этого народа – ходячая энциклопедия по лечебным травмам. Жизнь в условиях дикой природы позволила этим людям сформировать и интуитивные, и сакральные знания об использовании трав и деревьев в изготовлении лекарств практически от любого заболевания.

Пигмеи, живущие в экваториальных лесах Африки, работали способности издавать звуки диких животных. По сути, они знают язык оленей, жирафов, буйволов, горилл, всех диких представителей кошачьей породы. Пользуясь этим, они заманивают в ловушки животных во время охоты и всегда имеют добычу.

Можно было бы продолжить список племён, которые слились с условиями обитания в дикой природе, и для них последняя стала частью пространственно-временного бытия. Несмотря на патриархальный уклад жизни, у этих диких племен существуют свои космологические представления о земле, небе, космосе. Развитие техники, до высокого уровня которой дошла цивилизованная часть населения планеты на других континентах, их абсолютно не волнует. И, видимо, является даже чуждым их существованию. Например, аборигены Африки могут безошибочно определить погоду на предстоящий день, просто почувствовав собственным телом те порывы ветра и состояние влаги в воздухе, которые

присутствуют здесь и сейчас. Им не нужны барометры и термометры. Они – представители не технического, но биологического пути развития. Также заметим, что поедание в беднейших странах Африки червей, жуков, пауков, саранчи и скорпионов является традиционным. При этом организм аборигена вполне нормально воспринимает такую пищу, всё переваривается, не вызывая каких-либо последствий, чего нельзя сказать об организме европейца, который вдруг попробовал бы подобное.

П. С. Гуревич, анализируя афроцентризм, делает ссылку на сенегальского эссеиста Л. Сенгора, который утверждает, что африканский негр – самое уникальное явление на планете: «Африканский негр как бы заперт в своей черной коже, он живет в первозданной ночи и не отделяет себя от объекта: от дерева или камня, человека или зверя, явления природы или общества. Он берет живой объект в ладони, как слепец, вовсе не стремясь зафиксировать его или убить. Он ощущает его чуткими пальцами; он создан на третий день творения: чистое сенсорное поле. Он познает “другого” на субъективном уровне» [5].

Можно сказать, что дикая природа есть одновременно пространство жизни и центр духовно-физиологического развития для тех, кто оказывается в её лоне. С позиций экологической этики дикая природа рассматривается, как самоценное начало, исходная точка эволюции и собственно истинная природа для существования человека на планете Земля. Дикая природа, как нечто отстранённое от нормального бытия (понимаем, как «цивилизованного бытия») является таковой для людей, которые не могут воспринимать её в виде пространства, мыслящего и создающего условия для жизни других живых объектов. Не стоит рассматривать дикую природу лишь как ресурс. Это то, что не подчиняется контролю человека. Именно поэтому в дикой природе проявляются те аномалии, которые в первом приближении, именуется криптозоологическими существами, а в более детальном рассмотрении, они становятся представителями бестиария фольклористов и мифологов.

В книге «Следы невиданных зверей» автор Бернар Эйвельманс приводит цитату директора Гамбургского зоопарка Лоренца Гагенбека. Читаем: «Я считаю, что с научной точки зрения отрицать непознанное – это высокомерие... Уверен, что на Земле ещё сокрыто множество неизвестных видов животных – великанов и чудовищ» [13, с. 4]. Что имеется в виду? Прежде всего, то, что в дикой природе существуют затерянные миры и в них обитают неизвестные нам животные. Вместе с тем, можно смело предположить, что именно природа наделяет этих животных способностями исчезать из виду при необходимости или перемещаться даже во времени и пространстве.

Данная мысль метафизична, но мистики в ней нет. Так же, как нет мистики в явлениях телепатии или интуитивного предчувствия. Существует большая вероятность, что именно условия выживания человека в условиях дикой природы способствуют развитию некоторых качеств и способностей организма, которые на уровне социума в цивилизованных условиях есть ни что иное, как аномальные проявления психики. Возможно, что способности путешествия по мирам у инду-сов, практикующих йогу, есть аналог способностей отдельных индивидов, живущих на планете, чувствовать и видеть больше, чем другие. О том, что пси-способности реальны, существует не только мнение, но и массовые экспериментальные доказательства психологов с мировыми именами. Например, Ганс Айзенк, классик современной психологии

из Великобритании, заявляет: «Мы считаем, что свидетельств реальности «паранормальных» человеческих способностей предостаточно. Эти способности простираются от телепатии, ясновидения (иногда используется термин криптестезия и предвидения будущего (премониции) – всех аспектов сверхчувственного восприятия – до теле- или психокинеза (сокращенно ПК). Мы также считаем, что эти способности являются частью, пусть и трудноуловимой, человеческой природы, человеческой личности и интеллекта...» [1, с. 19].

Шаман развивает свои эзотерические способности в условиях дикой природы. В городских условиях тот же шаман становится бессильным. Нет природного компонента, помогающего ему видеть и чувствовать. Сила водных источников в глуши лесов и тайги способна исцелять. А вот водопроводная вода для этих целей уже непригодна. Безусловно, можно возразить, заявив, что срабатывает некий механизм плацебо, что является эффектом веры самого исцеляющегося, оказавшегося наедине с дикой природой. Но не в этом ли как раз и заключается сила природы?

И ещё несколько моментов, раскрывающих проблематику дикой природы. В рамках экологической этики люди не являются господствующим видом на Земле. Бытие человека всего лишь одна из форм планетарной жизни. Разум, безусловно, даёт преимущество перед инстинктивно существующими животными, но исключительное владение Землей людьми считается несправедливым. А человек стремится утвердить себя в качестве хозяина планеты. Так кто же хозяин на планете Земля? Этот вопрос можно считать открытым.

К вопросу об экологической этике

Философское осмысление феноменальности дикой природы выводит нас на проблему отношения к ней. Такие современные философы, как О. Леопольд, Б. Калликот, Дж. Ралстон и многие другие определяют права природы и этические принципы обращения с её компонентами. В этом же русле можно найти позиции русских мыслителей и писателей, таких как, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. Андреева и других.

Философские аспекты дикой природы отмечены у Леви Брайанта, американского профессора философии. Он пишет: «Что необходимо понимать в дикоприродном бытии, так это то, что люди не занимают в нём какого-либо привилегированного или определяющего значения... реальность продолжит своё существование даже тогда, когда мы перестанем существовать или вымерем. Децентрализация и умножение точек зрения – главное предназначение дикоприродного мышления» [3]. Возвращаясь к вопросу потребности в современном мире у некоторой части городского населения уехать жить в условия дикой природы, необходимо углубиться в социокультурный феномен формирования этического сознательного компонента по отношению к природе. Нравственные ориентиры в направлении социоприродной активности человека определяются сбалансированными силами по сохранению экосистем планеты. Однако цивилизованный путь развития общества не даёт возможности равномерного и взаимовыгодного развития технологического и природного. Проявление техногенных катастроф всегда ставит вопрос о правильности пути развития человечества, его местонахождения в экологическом пространстве Земли. В этом аспекте проявляются сегодня две тенденции: технооптимистическая и технопессимистическая. Мировоззренческая и жизненная позиция технооптимистов устремляется к первостепенности научно-технического прогресса (НТП). Это первичное явле-

ние, как считают сторонники технооптимизма. Природные катастрофы рассматриваются ими, как издержки прогресса, и без них также не возможен рост социокультурной цивилизованности. В отличие от такого подхода, технопессимисты видят в динамике развития НТП главную причину нарушения баланса между общественным развитием и самой природой. Развитие технологий вызывает у представителей технопессимизма недоверие к ним и устремление к уничтожению техники.

В статье, посвященной вопросам биоэтики и экологической этики, находим: «Реальность современного цивилизационного развития такова, что в условиях имеющихся технологий и при активной жизнедеятельности человека невозможно обеспечить достойный образ жизни всем социальным субъектам. Особое внимание нужно обратить на высокую вероятность потенциальной и действительной опасности использования современных биотехнологий» [7, с. 49]. Интересно отметить, что потребность людей стать дантистами, о чем говорилось выше, связано не только с их психологическими или физиологическими интересами, но также проявляется в развитии индивидуализма, развитием эгоцентрического начала, что на этапах 60-х и 70-х годов в некотором смысле нивелировалось и подводило человека более к общественным формам бытия, нежели исключительно самостоятельным, тем более отшельническим. Годы перестройки (вторая половина 80-х – начало 90-х годов) изменили отношение к коллективным, общественным интересам. На первый план вышел индивидуализм. Как замечает Б. Калликотт, рассуждая о внутренней ценности человека и природы: «Внутренняя и инструментальная ценности не являются взаимоисключающими: многие вещи могут цениться одновременно за их полезность и ради самих себя» [9].

Под термином «инструментальная ценность» понимается нечто обладающее своеобразными средствами для достижения целей другого. «Внутренняя ценность» – это то, что приносит пользу только тому, кто обладает ею. Б. Калликотт утверждает, что человек и все природные существа есть ценность, и цель развития этих ценностей в том, чтобы ориентироваться, прежде всего, на себя самих. Нравственный подход в этом случае предполагает экологически этическую норму отношения человека к природе, и, как встречное явление, природы к человеку. Каждый развивается, не причиняя другому вреда и с пользой для себя самого. В этом просматриваются компоненты экологической этики, и подобный подход к собственному существованию в окружающем мире коррелирует даже с даосским принципом «У-вей». Именно быть собой, цenia свою индивидуальность, следовать своей природе в альтернативу общественным правилам, найти своё предназначение в гармонии с природой – это именно те позиции, о которых трактует принцип «У-вей» или невмешательства во что-то идущее «не так». Как отмечает К. Феклистова, «... Вместо этого нужно плавно двигаться вперёд в соответствии с законами природы» [10].

Стоит заметить, что социально-философское понимание тенденций в цивилизованном мире способствует оцениванию процессов своеобразной эволюции взглядов и потребностей индивида, как человека производящего (Homo Faber). Именно философская оценка выявляет потребности человека слиться с природой, выйти из городского социума. Там, в условиях производственной сферы, человек созидает на благо общества. Здесь, в условиях, отдаленности от социума, наедине с природой, он проявляет свой индивидуализм максимально. Вместе с тем, оказавшись вдали от социума,

индивид не прекращает свое бытие, в забвении о том, где, когда и каким образом он сформировался, как личность. Его внутренняя философия жизни приближает существования в условиях дикой природы к оценочным суждениям того, что было и что стало, к систематизации различных бытийных аспектов, связанности натуры личности с общественными (пусть в прошлом) явлениями. О близком к этому пишет В. Н. Бочарников: «Натурфилософия в ее эволюционном формате представляет всегда собой форму культурно-философских исследований, ставящую перед собой задачу рационального постижения целостности природы и раскрытия различных уровней природы как связанного целого. Собственно, отсюда «вытекает» принципиальная идея ноосферы» [2, с. 73]. Если же проводить линию от экологической этики к формированию ноосферного мышления, то уход в дикую природу, отказ от благ цивилизации становится основанием для такого мышления. Здесь и осознанный выбор в пользу экожизни, и переход формирования сознания человека на идею единства индивидуального с коллективным интеллектом и духовностью. В условиях дикой природы индивид вынужденно способствует выполнению функций по поддержке биосистем.

Рассматривать более глубоко идею ноосферного мышления, которое способно формироваться вдали от цивилизации со всеми его «за» и «против», в данной статье не планируется. Поэтому ограничимся лишь общим представлением о том, как ноосферное мышление может стать значимым компонентом в жизнедеятельности человека в природном пространстве леса, поля, гор или другого природного ландшафта. Можно осторожно предположить, что потребность к единению с дикой природой есть феномен временного погружения в атмосферу независимости от социума и полной самостоятельности. Эволюционно видится, что на какой-то стадии, возможно через поколение или более того, человек вновь обретет потребность к общественной форме своего бытия. Ноосферное мышление в этой связи следует рассматривать не как фактор отрешения от благ цивилизации и уход в своеобразный эгоцентрический ареал, но как предпосылку для создаваемых потребностей чувствовать и понимать мышление себе подобных, в данном случае общества. Вот что пишет о ноосферном мышлении советский ботаник и микробиолог Н. Г. Холодный, как представитель русского космизма: «В чем заключаются основные черты нового миропонимания?... Начинает сдавать свои основные позиции и эгоцентризм. Человек всё больше проникается сознанием необходимости дружеского участия в жизни других людей, стремлением не столько брать, сколько давать и помогать другим» [11, с. 337].

Заключение

Таким образом, стоит взвесить все позиции, о которых шла речь относительно дикой природы и допустить мысль о том, что планета Земля есть не только живое существо, но и многозначительное явление Вселенной, где скрыты многообразные формы человеческого бытия, являющиеся недоступными для человека в городском социуме. При этом эти формы зачастую выглядят в виде антропогенных аномалий, но имеют многоаспектный характер своего появления.

Возможно, эволюция человека приведёт к тому, что наряду с цивилизованной жизнью в крупных мегаполисах и устремленности людей всеми средствами облегчить свой быт, параллельно будет существовать и иной образ жизни, связывающий индивида с дикой природой. Природные условия для этого, безусловно, есть. По разным оценкам в

настоящее время города занимают мизерную площадь на планете. Например, по материалам глобального проекта составления карт сельских районов и городов (GRUMP) только «...три процента суши в мире покрыто городскими районами» [12]. Одновременно с этим проявляет себя и социальный феномен отказа от информационного мира. Это в городских условиях выглядит, как возникновение субкультурных течений, подчеркивающих альтернативу электричеству, телекоммуникациям, компьютерной искусственной среде. Всевозможные формы таких субкультур, как стимпанк, клокпанк, стоунпанк, бронзпанк и им подобные пытаются вернуть человечество к технологиям прошлого. Среди этих технологий присутствуют и весьма архаичные формы созидательной деятельности человека.

Рассматривая проблему дауншифтинга, отчего и отталкивались авторы, отметим, что потребительское общество устремляет человека в цивилизованном мире к достижению счастья и успеха посредством потребления материальных благ. Таким образом, имеет своё развитие консьюмеризм. Как замечает И. Ф. Кулаков: «Идеология дауншифтинга базируется на отказе от плодов и ценностей общества потребления, таких как установка на карьерный успех и обогащение, ради обретения ощущения устойчивости и спокойствия» [8, с. 32].

Городская среда и цивилизованный уклад жизнедеятельности человека, воспрепятствующего динамике развития материальных и технологических благ, таким образом, находит противостояние идеям жизни в природных условиях. И это на данный момент проявляет себя достаточно отчетливо.

Пристатейный библиографический список

1. Айзенк Г. Психология паранормального. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 640 с.
2. Бочарников В. Н. Новый взгляд на проблему сохранения дикой природы // Астраханский вестник экологического образования. – 2013. – № 1 (23), – Астрахань: ООО «Нижеволжский экоцентр». С. 73. – 73-86 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-problemu-sohraneniya-dikoy-prirody?ysclid=m64zg8xtcn583231788> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Брайант Л. Онтология дикой природы. Пер. с англ. А. Буркова. / «СТОЛ». Журнал о философии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stol.guru/papers/levi-bryant-wilderness-ontology-2019-07-29?ysclid=lxr82ukbqr987500833> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Глузман А. А. Самосовершенствование личности: краткий философский и педагогический анализ // Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 66. – 64-67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/samosovershenstvovanie-lichnosti-kratkiy-filosofskiy-i-pedagogicheskiy-analiz/viewer> (дата обращения: 17.01.2025).
5. Гуревич П. С. Афроцентризм // Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. Тез. докл. Вып. 1-2. – М., 1994 @@ Африканистика зарубежных стран, 1989-1990 гг. – М., 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cult-lib.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/037.htm> (дата обращения: 14.01.2025).
6. Ермакова С. Н. Дауншифтинг: социально-психологический феномен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 6 (112). – М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения. – С. 97-107. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/daunshifting-sotsialno-psihologicheskiiy-fenomen/viewer> (дата обращения: 10.01.2025).
7. Колосова А. Ю., Вергун Т. В. Социально-философский анализ этики современного этапа цивилизованного развития // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 2. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет. – С. 48-56. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42998517> (дата обращения: 22.01.2025).
8. Кулаков И. Ф. Феномен дауншифтинга как реакция на консьюмеризм // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 27. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества». – С. 31-36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-daunshiftinga-kak-reaktsiya-na-konsyumerizm?ysclid=m67k7akejk547166430> (дата обращения: 22.01.2025).
9. Калликотт Б., Леопольд О., Аттифильд Р. Проблемы экологической этики в современной западной философии // История и философия науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Проблемы экологической этики в современной западной философии (Б. Калликотт, О. Леопольд, Р. Аттифильд) / История и философия науки (кандидатский минимум) Wiki / Fandom (дата обращения: 20.01.2025).
10. Феклистова К. Как жить по У-вей: 10 принципов, чтобы получить всё, не делая ничего через силу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/lifestyle/article-5291914-chto-takoe-u-vej-kak-dobitsya-vsego-ne-delaya-nichego.html?ysclid=m64xy9vl1204686322> (дата обращения: 18.01.2025).
11. Холодный Н. Г. Мысли натуралиста о природе человека // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 337-368.
12. Ширбер М. Города занимают больше территории, чем предполагалось / LiveScience. 11.03.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4968befa-67909112-4e4c5754-74722d776562/https/www.livescience.com/6893-cities-cover-earth-realized.html (дата обращения: 22.01.2025).
13. Эйвельманс Б. Следы невиданных зверей. – М.: Издание журнала «Вокруг света», 1994. – 352 с.

ЗОЛОТАРЕВ Сергей Петрович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и педагогики, Ставропольский государственный аграрный университет

ЯНУШ Сергей Владимирович

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Краснодарское высшее авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КИБЕРПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

В статье проанализированы некоторые проблемы интеграции цифровых технологий в обществе и межличностной идентификации человека. Исследованы процессы влияния интернета для психологического изучения поведения личности в обществе, способствующие коррелировать мировоззрение индивида. Определены границы влияния киберпространства на современную жизнь. Авторы использовали теоретические разработки, представленные в монографии Анастасии Алексеевны Лисенковой «Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве». По мнению авторов статьи – процесс самоидентификации происходит в контексте существующих межличностных и социальных отношений, отраженных на сайтах интернета. Выявлена взаимосвязь использования цифровых технологий для создания индивидуального образа в виртуальной действительности, который в большинстве случаев не соответствует реальному облику. Сделан вывод о том, что в эпоху глобализации всё чаще люди начинают замыкаться в своём узком кругу, руководствуясь исключительно личностными убеждениями. Вместо того чтобы стремиться к диалогу и взаимопониманию между представителями различных социальных групп и культур, мы видим, как общество разделяется на «своих» и «чужих». Сделан вывод о начале формирования новой культурной парадигмы, внедрение в социум эффективного типа культуры и форм её существования.

Ключевые слова: цифровизация, коммуникация, киберпространство, личность, виртуальный мир, проблемы, технологии, трансформация, социальные отношения, культура, мораль.

ZOLOTAREV Sergey Petrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy, history and pedagogy sub-faculty, Stavropol State Agrarian University

YANUSH Sergey Vladimirovich

Ph.D. in historical sciences, professor, professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty, Hero of the Soviet Union A. K. Serov Krasnodar Higher Aviation School of Pilots

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND CYBERSPACE INTO MODERN HUMAN LIFE

In the article, some problems of integration of digital technologies in society and interpersonal identification of a person are analyzed. The processes of the influence of the Internet for the psychological study of personality behavior in society, contributing to correlate an individual's worldview, are investigated. The limits of the influence of cyberspace on modern life have been determined. The author used the theoretical developments presented in Anastasia Alekseevna Lisenkova's monograph "Transformation of socio-cultural identity in the digital space". According to the author of the article, the process of self-identification takes place in the context of existing interpersonal and social relationships reflected on Internet sites. The relationship between the use of digital technologies to create an individual image in virtual reality, which in most cases does not correspond to the real appearance, is revealed. It is concluded that in the era of globalization, more and more people are beginning to withdraw into their own narrow circle, guided solely by personal beliefs. Instead of striving for dialogue and mutual understanding between representatives of different social groups and cultures, we see how society is divided into "friends" and "strangers". The conclusion is made about the beginning of the formation of a new cultural paradigm, the introduction of an effective type of culture and forms of its existence into society.

Keywords: digitalization, communication, cyberspace, personality, virtual world, problems, technology, transformation, social relations, culture, morality.

Термин «цифровизация» был теоретически обоснован философским сообществом в конце XX века, в контексте развития новых экономических отношений в развитых европейских государствах. В России он получил своё распространение на законодательном и общественном уровне внедрения в общество. С позиции российских философов «цифровизация» была представлена как необходимый процесс, регулирующий важные межличностные и государственные отношения, в том числе и на уровне развития культурных ценностей. Жанровая система интернет-коммуникации, являясь молодой и постоянно развивающейся, отличается сложностью и разнообразием. В наше время

не выработан механизм единой общепринятой классификации существующих форматов общения в онлайн-пространстве [6, с. 29].

В нынешнем обществе цифровые коммуникации играют значимую роль во взаимодействии между людьми. Однако бытует распространённое заблуждение, что такие «формы взаимодействия менее ценны, неполноценны и не могут считаться «настоящим» общением» [11, с. 485]. Этот подход по использованию цифровых технологий в различных областях жизнедеятельности социума создал новую категорию, в форме «виртуальной», «сетевой» или «интернет-идентичности». Образовался диссонанс межличностных отношений,

разделивший сознание человека на мир «реальный» и «виртуальный».

В связи с внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь появляется новый тип социальных проблем, связанный с социально-психологическим уровнем развития индивида. В период становления всемирной сети, пользователи не идентифицировали себя с субъективной стороны, что отражалось на особом типе поведения в повседневной жизни, не подвергающейся влиянию киберпространства, где временно находился человек. С развитием всемирной «паутины» интернета возникла новая роль цифровой идентичности, опосредованно влияющей на формирование его мировоззрения.

В рамках исследования на уровне психологии использования интернет-сервисов научный интерес представляют различные формы трансформации собственной соразмерности. Виртуальная идентичность предлагает пользователям возможность создавать и выражать альтернативные образы в интернете, при выборе псевдонима, указание другого пола, создание вымышленной биографии и профессии. Пользователи также могут корректировать собственные фотографии, или размещать не принадлежащие им фото, включая изображения, случайно выбранные из открытых источников в интернете [3, с. 67].

В своей монографии А. А. Лисенкова «Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве», сделала попытку не только выявить основные проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий в современную жизнь общества, но и обозначить пути их решения для динамичного развития государства и человека. Этой задачей занимаются многие учёные, но их подход ограничивается обозначением нерешенных вопросов и проведением краткого анализа существующих негативных процессов, порождаемых использованием сервисов, созданных в рамках интернет-пространства. Поэтому объединение усилий и выработка единого механизма по решению возникающих задач, связанных с развитием киберпространства, имеет первостепенное значение в нынешнем обществе.

По мнению А. А. Лисенковой, основной задачей современных философов является не только выявление ключевых проблем, порождённых цифровыми технологиями, но и методы их решения. Автор выделяет следующие парадигмы:

1. Способность выявлять пределы влияния компьютерных технологий на личность.
2. Степень интеграции индивидуального повседневного опыта внедрения в цифровую среду.
3. Способы предотвращения стирания границ между публичной и частной сферами, а также защиты личной жизни от посягательств существующих сайтов, созданных в интернете.

Важно помнить, что ответы на эти вопросы помогут нам понять, насколько прочно эти явления вошли в нашу повседневную жизнь, и спрогнозировать их возможное влияние в будущем [5, с. 55].

Автор предлагает конкретизировать воздействие цифровой трансформации для создания новой культуры и развития эффективной цифровой среды. Автор поднимает вопросы, актуальные не только для специалистов в области философии, культурологии, социологии и психологии, но и для всех, кто интересуется проблемами современной цифровой реальности.

В монографии исследованы, цифровые технологии, воздействующие на формирование социокультурной идентич-

ности человека. На уровне теории доказано, что возможности, сформированные в рамках «цифровой» культурой, создают для индивида и общества новые направления для развития личности. Сделан акцент на глобальную деформацию в мировоззрении современных сообществ. Открытость интернета способствует потере индивидуализации пользователя сайта, и создают цифровой профиль, совмещающий реальный и виртуальный мир в единое пространство. Современный интернет – учреждает новые направления, формирующие новый вид мировоззрения человека. Создание фальшивых аккаунтов утратило актуальность и перестало быть востребованным таким явлением как киберпространства. Игры с самоидентификацией и анонимностью не являются приоритетными. Социальные сети превратились в сообщество, где люди стремятся к признанию, преодолевают социальную изоляцию и реализуют личный потенциал, в окружающей социальной среде [5, с. 110].

Процесс самоидентификации личности неразрывно связан с использованием цифровых технологий для презентации себя в виртуальном пространстве, не всегда соответствующий реальному образу. «На современном этапе наименование «психология компьютеризации» выглядит несколько устарелым, однако нет большего резона отказываться от него» [2, с. 59].

Автор справедливо отмечает ряд ключевых проблем, с которыми сталкивается личность в цифровой среде. Прежде всего, это потеря конфиденциальности, стиранию различий между людьми и общественной деятельностью, эволюция технологий, методов, подходов к поиску, обработке и интерпретации данных «цифровых следов». Эти проблемы находятся на постоянном контроле в среде учёных посредством публикаций и проведения конференций по данной тематике.

Исследователь указывает на то, что цифровизация всё глубже проникает в повседневную жизнь, интегрируясь в привычные способы поведения. В современном социуме границы между онлайн-общением и традиционными взаимоотношениями, становятся всё более «размытыми» [5, с. 62].

В современном мире реальные и цифровые отношения имеют взаимообусловленный характер. А. А. Лисенкова делает упор на приоритет цифрового взаимодействия как один из методов решения «насуточных» проблем. Создаётся впечатление, что оно полностью заменяет офлайн-коммуникацию. Наблюдается тенденция к утрате значимости влияние общества на формирование мировоззрения личности. Создаваемые сайты оказывают большое воздействие на поступки пользователя интернетом и создаёт мнение о том, что индивид не может самостоятельно добиться успехов в своей трудовой деятельности «... отсутствие в цифровом пространстве равносильно отсутствию как таковому» [5, с. 63].

Большинство важных событий отражаются в интернете, что увеличивает значимость онлайн-пространства. По мнению итальянского учёного Умберто Эко виртуальная коммуникация характеризуется открытостью и доступностью для широкой аудитории, во многом образована на принципах гиперреальности [5].

Пользователи активно применяют профильные программы для обработки и улучшения качества собственных фотографий, созданных в специально оборудованных для этого местах. На них изображены романтические сцены: свидания, помолвки, прогулки. Также на фотографиях можно увидеть сцены из жизни богатых людей, например, красиво оформленные блюда.

Понятие «гиперреальность» включает в свою структуру элементы виртуального пространства, такие как хештеги, цветные рамки в социальных сетях и различные символы, служащие для выражения принадлежности к коллективной памяти, скорби или определённому общественному движению.

В условиях нынешней цифровой экономики активное присутствие компании в интернете становится главной частью стратегического планирования, обращённое на создание определённого общественного имиджа, или служащего способом самопрезентации, когда пользователь стремится соответствовать стандартам, введённым другими блогерами.

Однако в интернете мобильные идентификаторы не считаются надёжными. Смысл «узла» в сетевой структуре в значительной степени определяется устойчивостью его виртуального образа, занимаемой позицией и репутацией, которой он пользуется [1, с. 10].

По мнению М. Пренски, ««цифровое представление» характерно для поколения «цифровых аборигенов» – людей, которые выросли в условиях активного взаимодействия с цифровой средой и не застали доцифровую эпоху» [6, с.30]. Представители поколения «40+» создают разнообразные модели поведения в цифровом пространстве, отличающиеся от тех, что были описаны А. А. Лисенковой. Уровень активности в использовании цифровых технологий среди этой возрастной группы остаётся высоким. Важно отметить, что, несмотря на стремительное развитие новой цифровой культуры, её полное доминирование в обществе не установлено. Основные проблемы, связанные с внедрением интернета во все сферы государственной деятельности, возникают на стыке формирующейся культуры и применение традиционных моделей в общественных отношениях.

Исследование рассматриваемого феномена, созданного интернетом, демонстрирует обратную зависимость между высоким уровнем самоуважения и уверенностью в себе и мотивацией к обретению желаемого статуса в киберпространстве среди молодых людей. Чем больше развиты у индивида такие качества, как самооценка, независимость и целостность восприятия собственного «Я», тем меньше он стремится к воплощению актуальных идей в виртуальном пространстве. Социальные взаимодействия в интернете теряют своё значение, а необходимость в формировании сетевой идентичности снижается. Это связано с тем, что такие люди не видят преимуществ онлайн-общения по сравнению с личной коммуникацией в обществе [7, с. 77].

Данный феномен ярко иллюстрирует разрыв между поколениями: молодым и старшим. Цифровые коммуникации, существующие в интернете, создают наглядную модель идентичности. Различные аспекты самоидентификации выражаются через принадлежность к группам, описанных в профилях пользователей или иными способами. То, что в жизни проявляется избирательно, в цифровом пространстве демонстрируется постоянно и укрепляет отношения между людьми на основе общих ценностей, интересов и увлечений, объединяя их в социокультурные сообщества.

В интернете люди имеют возможность открыто выражать чувства и мысли, что остаётся незамеченным в обычной жизни. Сетевая идентичность не возникает сама собой в течение жизни человека. Она формируется осознанно и целенаправленно, чтобы быть явленной окружающим [4, с. 100].

Существующая модель сетевого взаимодействия способна контролировать как социальные, коммутативные сети, так

и способна положительно влиять на формирование, мировоззрение общества и человека. Если личность использует образовательную среду в интернете, то существует большая вероятность того, что субъект будет уверенно ориентироваться в жизни и в киберпространстве. Однако есть опасность возникновения недоверия индивида к событиям и фактам, происходящим в государстве, и их оценкой посредством средств массовой информации.

А. А. Лисенкова полагает, что «...современные информационно-коммуникационные технологии создают сложную и неоднозначную ситуацию, которая, к сожалению, нередко усугубляет недоверие, уже существующее в обществе». Противостояние этим негативным явлениям представляет собой серьёзное испытание для наших устоявшимся морально-этических и правовых норм [3, с. 191].

Одним из ключевых факторов, способствующих снижению доверия между людьми, является огромное количество источников информации, которые сложно объективно оценить на предмет их достоверности.

Ежедневное столкновение с фейковыми новостями и так называемой «постправдой» заставляет некоторую часть населения сомневаться в надёжности официальных информационных источников. Ещё одна важная тенденция, сравнимая с современными геополитическими процессами, – это «глокализация». Она проявляется в создании закрытых интернет-сайтах, где участники могут участвовать как непосредственно, так и опосредованно, посредством своих партнёров, находящихся в социальных сетях. «Благодаря этому – возможности для самовыражения и самореализации в интернете постоянно растут. Они выходят за пределы виртуальной реальности и способствуют формированию идентичности и самопредставлению в различных социальных сообществах» [3, с. 108].

Автор использует образ «кокона», чтобы описать, как люди взаимодействуют на платформе интернета. Пользователь находится в сфере тщательно отобранной информации, соответствующим основным интересам и убеждениям. Создаётся иллюзия, что весь мир устроен так же, как и его представление о нём. Однако такая «зона комфорта» может привести к искажению реальности. Например, человек может быть искренне удивлён результатами выборов, считая, что никто не поддерживает выбранную им партию. Но он не осознаёт, насколько ограничено его восприятие из-за этого «кокона». Выход за эти рамки может быть болезненным, поскольку сталкивает его мировоззрение с иными точками зрения, что разрушает иллюзию единомыслия.

Молодое поколение, известное как «цифровые аборигены», в основном «вырастает» в условиях цифрового общения. Эта среда отличается открытостью и доступностью информации для всех, с другой – она позволяет избежать столкновения с чужими взглядами, кажущиеся им неприемлемыми. В социальных сетях у пользователей есть возможность блокировать тех, чья позиция им не нравится, что служит причиной к распространению ««культуры отмены», когда любое мнение, которое отличается от нашего, объявляется неверным, а его носитель подвергается остракизму» [4].

Эффективность средств коммуникации посредством интернета в форме общения, реализации поведенческих моделей, разработанных в искусственной среде, в реальном мире сталкивается с рядом вызовов и сложностей. Цифровые платформы обладают свойством, которое может фильтровать количество участников по заданным параметрам пользователя. Тем самым ограничивать общение с людьми, имеющих иное мнение или взгляды на обозначенную проблему, выставлен-

ную на всеобщий доступ. Существующая реальная жизнь заключается в том, что «неудобного» собеседника нельзя удалить нажатием клавиши, что вызывает негативное эмоциональное состояние личности.

Присоединение к определённом онлайн-сообществу может усилить изоляцию человека от внешнего мира. А. А. Лисенкова считает, что пользователи интернетом иногда проявляют неуважение к чужим взглядам и правам на самовыражение. Она связывает это с тем, что в онлайн-сообществах, где они проводят много времени, встречается только односторонние точки зрения. Из-за этого люди не могут научиться быть толерантными и уважительно относиться к разным суждениям.

В нынешних онлайн-сообществах наблюдается парадоксальное явление: доверие внутри групп единомышленников растёт, в то время как доверие к внешнему миру уменьшается. По мере развития цифровых коммуникаций этот паттерн отношений проникает в офлайн-взаимодействие между людьми и социальные группы. Рост недоверия к «другим» гражданам приводит к серьёзным социальным и межкультурным конфликтам. Люди ограничивают круг общения в своих социальных группах, не находят компромиссов и не пытаются понять чужую точку зрения.

Анонимность и иллюзия свободы, возникающие в онлайн-пространстве, в некоторых ситуациях провоцируют деструктивные явления. Они описывают различные проявления вербальной агрессии. К ним относятся: оскорбительные высказывания, угрозы, необоснованные обвинения, неприязнь к представителям другой социальной группы, стремление к конфликтам и следование общепринятому мнению [3, с. 210].

В течение нескольких лет в российском высшем образовании появились учебные программы, задачей которых является снижение уровня цифровой безграмотности среди населения, особенности у граждан старшего поколения. Она направлена на быструю и правдивую переработку поступающей из различных источников информации и на выявление её достоверности. Негативным явлением существующей реальности является то, что есть группа людей с низким уровнем мышления, которые ориентируются на собственный опыт, основанный на «старых» моделях поведения, не учитывающих современное развитие всех сфер общественной жизни, что влечёт за собой деление общества на «своих» и «чужих».

В исследовании автор пытается раскрыть зарождающуюся культурную парадигму, предлагая предварительный анализ сформированного современного типа культуры и способов её внедрения в общество. Основная часть работы посвящена современному миру, активно подвергающегося влиянию цифровизации. А. А. Лисенкова выделяет ключевые особенности новой социокультурной среды, возникшей в результате этого процесса. Монография, несомненно, побуждает задуматься о месте человека в этом новом мире, где доминируют цифровые коммуникации. Она призывает к поиску эффективных стратегий для успешной адаптации и гармоничного развития в этой стремительно меняющейся реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Асмолов А. Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире (рус.) // Вопросы психологии: журнал. - 2009. - № 3. - С. 3-15.
2. Войскунский А. Е. Исследования в области психологии компьютеризации: история и актуальное состояние // Национальный психологический журнал: журнал. - 2006. - № 1. - С. 58-62.
3. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. - 2013. - № 1. - С. 66-83.
4. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. - 2013. - Т. 10, № 2. - С. 98-121.
5. Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве / Министерство культуры Российской Федерации, Пермский государственный институт культуры. - Пермь: ПГИК, 2021. - 285 с.
6. Сидорова И. Г. Способы позиционирования Интернет-личности в социальной сети (рус.) // Известия ВГПУ. - 2013. - № 9 (84). - С. 29-33.
7. Смирнова Т. В., Унжакова И. А. Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности // Цифровая социология. - 2019. - Т. 2, № 1. - С. 17-23.
8. Фленина Т. А. Сетевая идентичность в самосознании российской молодежи (рус.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2015. - № 178. - С. 76-79.
9. Adam Snape. Over Three Quarters Of Brits Say Their Social Media Page Is A Lie. Custard (6 апреля 2016) [Электронный ресурс]. - Дата обращения: 2 декабря 2016.
10. Back M. D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S. C., Egloff B. & Gosling S. D. Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization // Psychological Science. - № 21. - С. 372-374. A
11. Samuel D. Gosling, Adam A Augustine, Simine Vazire, Nicholas Holtzman, Sam Gaddis. Manifestations of Personality in Online Social Networks: Self-Reported Facebook-Related Behaviors and Observable Profile Information // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. - 2011. - № 01 (23), Т. 14. - С. 483-488.
12. Whitty M. T. Liar liar! An examination of how open, supportive and honest people are in Chat rooms // Computers in Human Behavior. - 2002. - № 18 (4). - С. 343-352.

КУГАЙ Александр Иванович

доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ВОСТОК И ЗАПАД: САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРАХ «ОБРЕТЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЛИЦА» И «НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА»

Цель – определить и обосновать особенности поведенческой психологии самоутверждения личности в странах Восточной Азии.

Задачи. Выявить и объяснить поведенческие модели, оказывающие решающее влияние на социализацию и самоутверждение жителей Восточной Азии в сравнении с жителями, проживающими в культурах Западной Европы и США.

Методология. Методы культурологического, системного, структурно-функционального, сравнительного и типологического анализа.

Результаты. 1. Различия между Востоком и Западом – в формах обеспечения достоинства и самоутверждения личности. Жители стран Восточной Азии самоутверждаются в культуре «Обретения и сохранения лица» («ОиСЛ»), народы стран Западной Европы и Северной Америки самоутверждаются в культуре «Невзирая на лица». («НнаЛ»). 2. Четыре ключевых фактора – скромность, приватность, ориентация на предупреждение и гармония – высвечивают основные детерминанты самоопределения и регуляции индивида в культуре «ОиСЛ». 3. Поиск разумного баланса между социокультурными и политико-правовыми основаниями общественного бытия является основным вопросом современной политической науки и практики. Судя по всему, в странах Восточной и Юго-Восточной Азии такой баланс был найден. О чем свидетельствует сохранение национальной идентичности, благодаря самоутверждению граждан в культуре «ОиСЛ», и, построенная на культуре «НнаЛ», непримиримая борьба с коррупцией в КНР, Японии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии, Таиланде.

Вывод. 1. Сравнивая самоутверждение личности в культуре «ОиСЛ» и «НнаЛ», на весах «мягкой» силы, силы – действующей по умолчанию, большую жизнеспособность и эффективность демонстрирует страны, население которых самоутверждается в культуре «ОиСЛ», при этом опирающиеся на культуру «НнаЛ», формируемых ею идею и принципы верховенства закона и равенства перед законом. Синтетическая сила культур «ОиСЛ» и «НнаЛ» в настоящее время выражается в превосходстве государств Восточной и Юго-Восточной Азии в темпах экономического развития над странами Евросоюза и США. 2. Жизнеспособность России в ее азиатских и европейских корнях, сочетающих культуры «Обретения и сохранения лица» и «Невзирая на лица». Производимая культурами «ОиСЛ» и «НнаЛ» интегрированная энергия самоутверждения российских граждан: а) обеспечивает рост ВВП в условиях беспрецедентных внешних ограничений, б) образует фундамент многообразия и национального единства народов России, в) индуцирует силу духа и героизм наших воинов в ходе СВО. Лица героев России становятся живыми образцами для подражания. Героями не рождаются – героями становятся.

Ключевые слова: Запад, Восток, Россия, достоинство, самоутверждение, культура «Обретения и сохранения лица», культура «Невзирая на лица», смирение, приватность, предупреждение, гармония, верховенство закона, равенство перед законом.

KUGAI Alexander Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of State and municipal management sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

EAST AND WEST: SELF-ASSERTION IN THE CULTURES OF «GAINING AND SAVING FACE» AND «REGARDLESS OF FACE»

Aim. To identify and substantiate the characteristics of the behavioral psychology of self-affirmation of the individual in the countries of East Asia.

Tasks. To identify and explain behavioral patterns that have a decisive influence on the socialization and self-affirmation of East Asians in comparison with those living in Western European and American cultures.

Methods. Methods of cultural, systemic, structural-functional, comparative and typological analysis.

Results. 1. The differences between the East and the West are in the forms of ensuring dignity and self-affirmation of the individual. The inhabitants of the East Asian countries assert themselves in the culture of "Gaining and Saving Face" (GSF), the peoples of the countries of Western Europe and North America assert themselves in the culture of "Regardless of Face." ("RF"). 2. Four key factors – modesty, privacy, focus on prevention and harmony – highlight the main determinants of self-determination and regulation of the individual in the culture of GSF. 3. The search for a reasonable balance between the socio-cultural and political-legal foundations of social existence is the main issue of modern political science and practice. Apparently, such a balance has been found in the countries of East and Southeast Asia. This is evidenced by the preservation of national identity, thanks to the self-affirmation of citizens in the culture of GSF, and, built on the culture of RF, the irreconcilable fight against corruption in the PRC, Japan, Singapore, Malaysia, Indonesia, Thailand.

Conclusions. 1. Comparing the self-affirmation of the individual in the culture of GSF and RF, on the scales of "soft" power, the power that acts by default, greater viability and efficiency are demonstrated by countries whose population asserts itself in the culture of GSF, while relying on the culture of RF, the idea and principles of the rule of law and equality before the law formed by it. The synthetic power of the cultures of GSF and RF is currently expressed in the significant superiority of the states of East and Southeast Asia in the rates of economic development over the countries of the European Union and the USA. 2. Russia's vitality lies in its Asian and European roots, combining the cultures of "Gaining and Saving Face" and "Regardless of Faces". The integrated energy of self-affirmation of Russian citizens produced by the cultures of GSF and RF: а) ensures GDP growth in the context of unprecedented external restrictions, б) forms the foundation for the diversity and national unity of the peoples of Russia, в) indicates the strength of spirit and heroism of our soldiers during the SVO. The faces of Russia's heroes become living role models. Heroes are not born - they are made.

Keywords: West, East, Russia, dignity, self-affirmation, culture of "Gaining and Saving Face", culture of "Regardless of Faces", humility, privacy, prevention, harmony, rule of law, equality before the law.

Введение

Процесс перехода от однополярного к многополярному миру, стимулирует обращение к раскрытию различий между Востоком и Западом в формах поведенческой психологии самоутверждения личности, каковыми, наряду с дихотомией коллективизма-индивидуализма, выступает модус Лица в двух ипостасях: в контексте его обретения и сохранения в сильной зависимости от восприятия и оценки другими людьми, и в плане формирования Лица самостоятельным образом, не обращая особого внимания на суждения и оценки, исходящие из окружающих людей.

Поскольку, по известным геополитическим обстоятельствам, в настоящее время вектор сотрудничества России ориентирован преимущественно на страны Азии, представляется целесообразным выяснить какие мотивы обеспечивают социализацию и самоутверждение народов, проживающих на этой территории. Логика самоутверждения жителей Азии исследуется на материале опубликованных в научной литературе результатах наблюдений за поведением представителей Китая, Японии, Западной Европы и США в различных ситуациях. Фокусировка на представителях Китая и Японии, связана с предположением, что, несмотря на различия в политической организации общества, геополитическое соперничество и враждебное отношение некоторых стран друг к другу, существует типичная, вошедшая в культуру, поведенческая модель самоутверждения личности, характерная для всех народов, проживающих в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, на долю которых приходится 28,4 % мирового ВВП.

Статья представляет и объясняет особенности поведения жителей Восточной Азии в контексте культуры «Обретения и сохранения лица» («ОиСЛ»), рассматривая ее в рамках логической оппозиции культуре «Невзирая на лица» («НнаЛ»)¹, в формате которой осуществляется самоутверждение западных европейцев и северных американцев.

Понимание особенностей социализации и самоутверждения людей, проживающих в Восточной Азии, представляется актуальным для политической теории и практики, в контексте более глубоко понимания феномена евразийства и самой России, как крупнейшего евразийского государства.

Самоутверждение

Среди детерминантов человеческого бытия едва не определяющим являются признание и самоутверждение. «Несчастнейший» – человек не нашедший признания ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем» (Кьеркегор) [1]. Борьба за признание – движущая сила человеческих поступков. Возникшая зависть Каина стала причиной убийства Авеля в библейском сюжете 4-й главы Книги Бытия².

Согласно Гегелю, людей с животным миром объединяют естественные, экзотерические – ориентированные во вне потребности и желания, такого рода, как пища и жилье, пи-

тье, самосохранение. Но человек фундаментально отличается от животных тем, что помимо этого он желает желаний других людей, то есть он желает быть «признанным». В частности, он нуждается в том, чтобы его признавали существом, имеющим определенное достоинство. Признание достоинства человеческой личности – главное, на чем базируется концепция прав человека [2, с. 33].

«Смертные – это люди. Они зовутся смертными, потому что в силах умирать. Только человек умирает. Животное околеваает. У него нет смерти ни впереди, ни позади него» (М. Хайдеггер) [4, с. 254]. Только человек знает, что его жизнь конечна во времени. И только человеку дана способность преодолеть инстинкт самосохранения – готовность к самоутверждению, рискуя жизнью в защите своей чести ради идеальных духовных максим и целей.

Самоутверждение во все времена являлось фундаментальным детерминантом человеческой мотивации, начиная с эпохи Эпикурейцев [14]. Также, выступая в форме самоуважения, самоутверждение обнаруживается в желании человека в сохранении благоприятных самооценок. Выявлено, что самоутверждение благоприятно влияет на здоровье людей: у них не только наблюдаются лучшие сердечно-сосудистые реакции и более быстрое восстановление сердечно-сосудистой системы при совладании со стрессом, но также обнаруживается более низкий базовый уровень кортизола – гормона, регулирующего стресс в организме.

Самоутверждение – это желание человека продемонстрировать свою ценность, значимость, добиться общественного признания и одобрения действий. К тому же, самоутверждение содействует душевному комфорту, счастью, самоуважению, расширению социальных связей, росту индивидуального символического капитала. Можно сказать, что потребность в самоуважении, выступая в качестве фундаментальной характеристики человеческого бытия, является универсальной для всех типов культур.

Являясь движущей силой жизнедеятельности личности, тип самоутверждения, вошедший национальную культуру, во многом определяет особенности национального характера.

Культуры «Обретения и сохранения лица» и «Невзирая на лица»

«Лицо», термин, впервые использованный для описания граней китайской культуры, относится к «положительной социальной ценности, которую человек фактически заявляет для себя по линии, которую другие предполагают, что он занял во время определенного контакта» [6]. Местные работы по китайской психологии определяли лицо с похожей сущностью. Хо Д. Й. Ф. говорил о Лице как о «респектабельности и/или уважении, на которые человек может претендовать... в силу [его или ее] относительного положения» в иерархии при надлежащем выполнении роли индивида [8, с. 883].

Лицо – это образ себя, очерченный одобренными социальными атрибутами. Объем и вес Лица, на которое человек может претендовать, зависит от его иерархического положения в данной культуре, и, если человек превышает отведенное количество, он подвергается порицанию, поскольку этот поступок считается нарушением обозначенной социальной гармонии или иерархии. Члены культур Лица могут активно приобретать лицо, например, имея личные связи с престижными другими и получая степень в весьма респектабельном университете. Однако они более осторожны, чтобы не потерять лицо, но не приобрести его. Сохранение лица – это

1 Происхождение фразы «Невзирая на лица» восходит к Древней Греции, к временам поклонения Фемиде – богине правосудия, которую изображали с весами и мечом в руках, как символах соразмерности и неотвратимости наказания, и повязкой на глазах, как символу беспристрастного судопроизводства. В настоящей статье выражение «Невзирая на лица» рассматривается как, вошедшая в повседневную культуру, поведенческая модель самоутверждения личности.

2 Каин принёс в жертву Богу земные плоды, а Абель – первородных ягнят. К разочарованию старшего брата, Бог принял жертву младшего, а его дары отверг. Обуреваемый эгоистичной ревностью, Каин позвал Авеля в поле и там лишил его жизни.

стремление защитить созданный образ, когда он разрушается из-за каких-то действий или слов. В качестве морального фактора, обеспечивающего присутствие в восточных странах культуры Лица, выступает *чувство стыда перед людьми* [3], когда индивид не свое утверждает, как всеобщее, а всеобщее принимает в качестве своего.

Как аналог культуры «ОиСЛ», культура «НнаЛ» – это сохранение своей внешней и внутренней свободы, самостоятельности, руководствуясь своими внутренними ценностями в самых сложных эмоциональных и критических ситуациях. Культура «НнаЛ» может быть понята как культура, в которой каждый человек считается обладающим внутренней ценностью, и эта ценность не должна оцениваться другими. В исторической ретроспективе моральным коррелятом культуры «НнаЛ» являлось переживание *чувства вины* перед Богом. Благодаря чему в Европе возникли христианские ценности.

Однако, а современном либерально-секулярном обществе, культура «НнаЛ» выпускает наружу иную мораль, в которой *не всеобщее принимается в качестве своего, а свое выдается за всеобщее*. В сфере межгосударственных отношений деструктивный потенциал культуры «НнаЛ» выражается: а) в «двойной морали», б) в принудительном навязывании странам, несовместимых с национальными традиционными ценностями, западных представлений о должном.

Несколько положений объясняют, как по-разному люди из культур «ОиСЛ» и «НнаЛ» определяют и регулируют себя.

Во-первых, нормы Лица, как фундаментальной ценности восточных культур, определяются и устанавливаются в определенных количествах в зависимости от положения, занимаемого в социальной среде. Отсюда существует не прописанный, но понятный в восточной культуре запрет на стремление обладать тем количеством Лица, которое предоставлено другим, поскольку это приводит к нарушению организационной иерархии и влечет дисгармонию [9]. Следовательно, во избежание социального порицания, поведение жителей Восточной Азии будет, очевидно, определяться психологией смирения.

В культуре «НнаЛ» выбор совершается, по внутреннему убеждению, а не из-за указаний каких-либо социальных инстанций или авторитетов. Выбор делается на основании нравственных ценностей человека, полученного им жизненного опыта. Если два субъекта ситуации производят выбор в сторону добра, это могут быть абсолютно разные направления в системе морально-этических норм общества. У каждого есть собственное понимание предомыслия основ морали по отношению к нравственности.

Во-вторых, способ, которым личность определяется и оценивается в культурах Лица, осуществляется в оптике восприятия других. То есть, «информация, полученная с точки зрения третьего лица, определяет личность для людей из культуры лиц, потому что лицо определяется другими на основе консенсусных суждений других о личности. Учитывая природу культур Лица, в которых «личность» определяется и оценивается восприятием индивидами того, как их видят другие, индивиды ведут себя, чувствуют и думают по-разному в зависимости от того, наблюдают за ними другие или нет.

Во-вторых, самоопределение человека в культуре «ОиСЛ» осуществляется в зеркале других, на основе согласованных оценок о его поступках. В зависимости от природы культур Лиц, в которых пребывают индивиды, они воспринимают и ведут себя в согласии с тем, каким образом реагируют на них наблюдатели.

Напротив, в культуре «НнаЛ», исходящей из автономии личности, поведение личности должно определяться внутренними императивами, но не должно оцениваться другими. Иными словами, в культуре «НнаЛ» люди в меньшей степени озабочены тем, как их воспринимают другие [9, с. 539].

В-третьих, если индивиды в культурах «ОиСЛ» больше фиксированы на предохранении, то индивиды в культуре «НнаЛ» больше сфокусированы на продвижении. Потерять лицо легко – не просто обрести его снова, поскольку лицо дается окружением, и определяется степенью исполнения личностью, назначенной ей роли в иерархически структурированном социальном пространстве. [7] Поэтому, в культурах Лица, люди прибегают к психологии смирения, тактике избегания потерь. В отличие от культуры «ОиСЛ», в культуре «НнаЛ» самообладание не дается другими и человек ориентирован на обретение достоинства как стратегию саморегулирования, личное действие без участия окружающих.

В-четвертых, культура Востока – своеобразный калейдоскоп взглядов, в котором лицо может быть обретоено лишь посредством признания другими. Благодаря чему достигается гармония. В культурах «НнаЛ», опирающихся на то, что уникальность и свобода выбора, присущая человеку ценятся выше, чем мнения других людей, сохранение гармонии не имеет решающего значения.

Обобщая сказанное, принимаем, что основу мотивации жизнедеятельности людей в странах Востока образует культура «ОиСЛ», с присущими ей атрибутами: а) смирением, б) акцентуаций на общественных (в отличие от личных) проблемах, в) саморегуляцией, ориентированной на минимизацию рисков, г) социальной гармонией.

В то же время, не следует полагать, что эти четыре свойства присущи лишь культурам «ОиСЛ» и не имеют значения в культурах «НнаЛ». Обращение к общим, типичным для культуры тенденциям, полагаю, позволит нам углубить понимание специфики культур «ОиСЛ» и «НнаЛ».

Психология смирения

Мотивация самосовершенствования жителей Восточной Азии происходит под знаком смирения – ключевой норме культуры «ОиСЛ». Ради сохранения иерархии и гармонии, чтобы не превышать предоставленный масштаб лица, люди в культурах Лица традиционно действуют в границах смирения. Кто соблюдает нормы скромности, оценивается позитивно, те, кто выходят за рамки границ лица, подвергаются остракизму. Индивиды, которые не соблюдают норму скромности, неявно критикуются другими, а те, кто соблюдает, оцениваются благосклонно. Стремление увеличить масштаб лица на объем, не соответствующий ожиданиям окружающих, признается нарушением гармонии, поскольку подрывает иерархическую организационную систему.

В восточноазиатских культурах скромное поведение формируется и стимулируется в молодом возрасте. Например, японские учащиеся младших классов более позитивно оценивали проявление скромного поведения, нежели эгоцентричного.

Напротив, высшей ценностью в культуре «НнаЛ» выступает не скромность, а демонстрация самобытности и уникальности. Соответственно, стремление к скромности для людей из культуры «НнаЛ» уходит на второй план в процессе самоутверждения.

Во-первых, эта предвзятость смирения имеет тенденцию ограничивать выходцев из Восточной Азии в проявлении их потребности в самоутверждении, поскольку скромность

является наиболее сильным параметром самокритики. Во-вторых, для людей, пребывающих в культурах Лица скромное поведение не только сдерживает самовозвеличивающее поведение, но воспринимается в качестве формы самоутверждения. Это связано с тем, что в отличие от культуры «НнаЛ», в культурах «ОиСЛ» скромность – общественное правило, соблюдение которого укрепляет достоинство и увеличивает самоуважение. «Мудрый человек не выставляет себя на свет, поэтому блещит; не говорит о себе – поэтому славен; не прославляет себя – от этого заслужен; не возвышает себя – поэтому является выше других» (Лао-цзы)³.

В Восточной Азии скромность оказывает заметное влияние на характер самоутверждения людей. Если градус скромности поднимается так, что бросается в глаза окружающим, люди склонны к сдерживанию своей мотивации к самоутверждению. К примеру, в исследовании, когда действия японцев, распределенных спонтанным образом, могли привести к выигрышу либо к поражению в атмосфере соперничества, либо при отсутствии конкуренции. В результате, в условиях состязания, нацеленного на выигрыш, и достигнутом при этом высоком результате, японские участники с гордостью говорили о том, что их успех достигнут благодаря превосходству над конкурентами в более слаженном и мастеровитом выполнении задания. Напротив, при отсутствии состязательной атмосферы, участники не осмеливались признать свои заслуги в достижении должного результата [15].

Исследователи отмечают, что китайцы обнаруживали повышенную неявную самооценку, в ситуациях, когда им следовало быть максимально скромными, но не когда они проявляли самовозвеличивающее поведение. Для американцев такое поведение не характерно, что свидетельствует о том, что сохранение скромного отношения содействует самоуважению только в культурах Лица Восточной Азии [5].

Общественные и частные проблемы в культурах «Обретения и сохранения лица» и «Невзирая на лица»

Из-за того, что умозаключения и самооценка глазами других имеет определяющее значение в культурах «ОиСЛ», вне зависимости от того, является ситуация частной либо публичной, возникают различия в формах проявления самоутверждения.

В культурах «ОиСЛ, даже в условиях доступности и очевидности публичных суждений о положении дел в социальном пространстве, люди будут воздерживаться от выражения своей позиции. В культурах «НнаЛ», где человеческое Эго не дается и отнимается другими, индивид способен проявлять инициативу, не боясь порицания со стороны окружающих. Восприятие и оценка окружающими при наличии такой автономии не оказывают особого влияния на поведение представителей культур «НнаЛ» в сравнении с людьми культур «ОиСЛ». В выражении потребностей в самоутверждении для жителей Восточной Азии приоритетными являются не личные, а общественные дела.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что, представители Восточной Азии самоутверждались в условиях надежной защиты и корпоративности их высказываний, поскольку допустимость оценки другими людьми была низкой. В проведенном исследовании китайские участники

обладали возможностью сообщать об успехах и просчетах в работе [10]. При этом ответы давались анонимным способом, посредством сбора информации на основе непредсказуемых данных. В результате, когда китайцев спрашивали в частном порядке, они давали более восторженные умозаключения о результатах своего труда, в отличие от того, когда к ним обращались публично. В то время, как ситуация будь то частная или публичная – не оказывала влияние на ответы европейских и американских участников. Например, обнаружено [9], что при явном измерении японские участники оценивали корпоративных коллег выше чем себя. В то же время, при анонимном опросе японцы не показывали разницы в оценках себя и своих коллег, что свидетельствует о том, что в частном контексте они не проявляли одобрительной предубежденности по отношению к другим. К тому же выявлено, что при анонимной оценке самовосприятия, японцы оценивали себя так же позитивно, как и американцы.

Предупреждение и продвижение

Сглаживанию проявления позитивного самоуважения у представителей Восточной Азии способствует исследовательский подход, отличающий установку на продвижение либо на предупреждение. Индивиды, нацеленные на продвижение, в стремлении достичь своих идеалов, фокусируются на достижении успеха, обретении материального и символического капитала. Напротив, индивиды, ориентированные на предупреждение, стремясь выполнить свои обязательства сосредотачиваются на минимизации рисков, а не поиска прибыли.

В условиях существующего лимита Лиц, которые могут быть даны, продвижение Лица затруднено, а обретенное Лицо может быть потеряно по разным причинам, жители Восточной Азии более расположены самоутверждаться предупредительными способами. Наоборот, в культурах «НнаЛ», основанных на стремлении к выражению своей уникальности, люди нацелены на выбор стратегий, связанных с продвижением. Поэтому, для американца европейского происхождения характерно самоутверждаться в надежде на то, что он добьётся большего успеха, чем другие. Ряд результатов эмпирических исследований подтверждают данное утверждение [9].

Во-первых, одним из видов оптимистического убеждения жителей Восточной Азии является надежда на то, что негативные события с меньшей вероятностью произойдут с ними, чем с другими, если они будут придерживаться стратегии, ориентированной на предупреждение. В противовес этому, американцы европейского происхождения, в соответствии с ориентацией надеются на успех в соперничестве с другими.

Стало быть, жители Восточной Азии и американцы европейского происхождения демонстрируют оптимистический настрой как проявление самоутверждения, различие в том, что первые реализуют его в предупредительной форме, вторые реализуют его в пропагандистской манере. Некоторые эмпирические результаты подтверждают эту предположку.

Во-вторых, если цель, одобрительная, либо упреждающая текущему положению вещей, коррелирует с культурно распространенным фокусом – возникает корыстное пристрастие.

Был проделан эксперимент по распределению денежных средств китайскими и американскими представителями [12]. В ходе эксперимента им было предложено распределить

3 25 цитат мудреца Лао-цзы, которые дают простые ответы на сложные вопросы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/lifestyle/article-5390340-25-luchshih-citat-lao-czy-o-zhizni-garmonii-schaste.html>.

деньги между собой и другими командами. В результате, как американские, так и китайские представители проявили корыстное пристрастие, оставив себе больше денег, чем иным членам команды, но при этом, руководствовались разными мотивами: китайские участники согласились на такой шаг, после того, как их команда не допустила потерю денег, американцы осуществили это после обретения дополнительных денежных средств. Стало быть, корыстное пристрастие в достижении цели проявили как китайские, так и американские представители, хотя руководствовались, соответственно, разными мотивами: предупреждением и продвижением.

Гармония

Достижение гармонии имеет основополагающее значение для культур Лица – культур «чтойности», основанных на доминировании личных отношений над обезличенными. На Востоке считают, что сохранить гармонию важнее, чем доказать правоту или получить выгоду. К тому же, гармония, которую вы ищите, не столько исходит от других людей, а, сколько – напрямую зависит от вас. Гармония налагает границы на формы и способы самоутверждения, тем самым, поддерживают достоинство в рамках существующих норм социальной иерархии. Поскольку в культурах Лица Это личности формируется в ответ на эспектацию Альтер-Эго, определяясь суждениями и оценками социальной среды, постольку, содействие гармонии внутри группы являются приоритетной задачей. Конфуций учил, что для сохранения «лица» важно заботиться о сохранении лица другого человека. Лишь сохраняя «лицо» другого человека путём уступок ему, компромиссов с ним, индивид обретает способность сохранять собственное «лицо», поскольку он поступил доброжелательно. Такова модель бесконфликтного социального бытия.

Если всмотреться в средний тренд культуры, очевидно то, что культуры «НнаЛ» не относят сохранение внутригрупповой гармонии в качестве доминирующего идеала в своем реестре культурных ценностей. В культуре «НнаЛ» приоритетным является поддержание внутренней целостности и проявление самостоятельности не определяемыми социальным окружением. Поскольку в культурах «НнаЛ» на первом плане находятся автономия и уникальность, индивидуальное «Я» получает более важную значимость, нежели коллективное – групповое «Я».

Культуры «НнаЛ» – культуры «чтойности» – доминирования обезличенных, основанных на контракте, отношений. «Ничего личного» – сокращённый вариант от фразы «Nothing personal. Only business» («Ничего личного. Только бизнес»), прозвучавшей в фильме Ф. Ф. Копполы «Крёстный отец». В культуре «НнаЛ» фраза «Ничего личного» обрела статус нарратива, выражает циничность говорящего, его жесткий и прагматичный подход к делу, как правило, сопровождающееся показным оправданием, мол, без обид.

Индивид, проявляющий эгоистическую мотивацию не тактичным образом, в культуре «ОиСЛ» будет непременно стигматизирован, как человек, который нарушает гармонию. Чтобы обеспечивать достоинство и повседневную уверенность, при этом, сохраняя гармонию, люди в культурах «ОиСЛ» могут прибегнуть к косвенному пути проявления самоутверждения, посредством ангажированности в пользу группы. Неудивительно, что также самоутверждаются американцы, в позитивном ключе, воспринимая компании, к которым они принадлежат.

Обратимся к ироничному афоризму: «Хватит винить себя в своих неудачах! Изучите астрологию и обвиняйте планеты». Афоризм весьма поучителен, напоминает о том, что, поскольку культура является продуктом жизнедеятельности человека, постольку наивно перекладывать ответственность за нарушение гармонии в социальной среде на объекты, расположенные в комическом пространстве.

В исследованиях для выполнения задания, японских участников, спонтанно распределённых, как по индивидуальным, так и по групповым условиям, направляли к действиям, ведущим либо к неудачам, либо к успехам в выполнении задания [13]. В групповой выборке авторство достигнутого успеха приписывалось членам группы, а источник неудачи – внешним группам. В то же время, в индивидуальной выборке участники причину достигнутого успеха возлагали на внешние обстоятельства, а неудачи связывали с внутренними – индивидуальными факторами. Это свидетельствует о том, японцы самоутверждаются посредством соотнесения себя с группой, но не с ориентацией на себя.

Заключение

Исходя из изложенного, можно заключить следующее.

Защита достоинства является фундаментальной ценностью личности, независимо от места ее проживания. Различия между Востоком и Западом – в форме обеспечения достоинства и способах самоутверждения личности. Жители стран Восточной Азии самоутверждаются в культуре «Обретения и сохранения Лица», народы стран Западной Европы и Северной Америки самоутверждаются в культуре «Невзирая на Лица».

Четыре ключевых фактора – скромность, приватность, ориентация на предупреждение и гармония – высвечивают основные детерминанты самоопределения и логику регуляции индивида в культуре «ОиСЛ».

В то же время, следует признать, что социализация и самоутверждение людей в странах культуры «ОиСЛ» сопровождалось правовым нигилизмом, поскольку ядро правой культуры образуют идеи и принципы верховенства закона и равенства перед законом, основанные на культуре «Невзирая на лица». Соответственно, культуры «ОиСЛ» и «НнаЛ» (в аспекте верховенства права) должны играть такую же роль в современном обществе, как и наличие двух ног для прямохождения человека. Отсюда, поиск разумного баланса между социокультурными и политико-правовыми основаниями общественного бытия выступает ведущим вопросом современной политической науки и практики. Судя по всему, в странах Восточной и Юго-Восточной Азии был найден такой баланс. Об этом свидетельствует сохранение национальной идентичности, основанной на культуре «ОиСЛ», и, построенная на культуре «НнаЛ», непримиримая борьба с коррупцией – в КНР, Японии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии, Таиланде.

Сравнивая самоутверждение личности в культуре «ОиСЛ» и «НнаЛ», на весах «мягкой» силы, силы – действующей по умолчанию, большую жизнеспособность и эффективность демонстрирует страны, население которых самоутверждается в культуре «ОиСЛ», при этом опирающиеся на культуру «НнаЛ», формируемых ею идею и принципы верховенства закона и равенства перед законом. Синтетическая сила культур «ОиСЛ» и «НнаЛ» выражается в превосходстве государств Восточной и Юго-

Восточной Азии в темпах экономического развития над странами Евросоюза и США⁴.

В России, с ее восточно-христианскими (византийскими) и азиатскими корнями, самоутверждение, составляющих ее народов, преимущественно осуществлялось в рамках культуры «ОиСЛ». В формате культуры «ОиСЛ» формировались традиционные ценности представителей русского и иных народов, проживающих на двух континентах Российской империи. Сформированные культурой Лица ценности – добродушие, открытость миру, милосердие, взаимоуважение, коллективизм, гражданственность, патриотизм, крепкая семья, стремление к утверждению справедливости, жертвенность, скромность, смирение перед трудностями, упорство в достижении цели, верность друзьям позволяли России выдерживать многочисленные удары судьбы, при этом, одерживая исторические победы. Во все времена Российской истории обретение и сохранение лица, от обычных людей – до Государя, связывалось со служением Отечеству. Тем, кто сегодня пытается нанести России стратегическое поражение, следует помнить предупредительное высказывание лидера англосаксонского мира У. Черчилля: «Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна. ...» [16].

Жизнеспособность России в ее азиатских и европейских корнях, сочетающих культуры «Обретения и сохранения лица» и «Невзирая на лица». Производимая культурами «ОиСЛ» и «НнаЛ» интегрированная энергия самоутверждения российских граждан: а) обеспечивает рост ВВП в условиях беспрецедентных внешних ограничений, б) образует фундамент многообразия и национального единства народов России, в) индицирует силу духа и героизм наших воинов в ходе СВО. Лица героев России становятся живыми образцами для подражания. Героями не рождаются – героями становятся.

Пристатейный библиографический список

1. Керкегор С. Несчастнейший. – М.: Библ.-Богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2002. – С. 17-28.
2. Кугай А. И. Права человека: от теории – к политике // Управленческое консультирование. – 2021. – № 5. – С. 32-44.
3. Кугай А. И. Добродетель и закон в китайской теории и практике управления / Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности. – Чебоксары: ИД «Среда», 2024. – С. 140-149.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: сборник. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
5. Cai H., Sedikides C., Gaertner L., Wang C., Carvallo M., Xu Y., O'Mara E. M., & Jackson L. E. Tactical self-enhancement in China is modesty at the service of self-enhancement in East Asian culture? *Social Psychological and Personality Science*. – 2011. – № 2. – Pp. 59-64.
6. Goffman E., Ho D. Y. F. On the concept of face // *American Journal of Sociology*. – 1976. – Pp. 867-884.

7. Hamamura T., Meijer Z., Heine S. J., Kamaya K., & Hori I. Approach-avoidance motivation and information processing: A cross-cultural analysis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2009. – Pp. 454-462.
8. Ho D. Y. F. On the concept of face // *American Journal of Sociology*. – 1976. – Pp. 867-884.
9. Kim Y.-H., & Cohen, D. Information, perspective, and judgments about the self in face and dignity cultures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2010. – Pp. 537-550.
10. Kudo E., & Numazaki M. Explicit and direct self-serving bias in Japan: Reexamination of self-serving bias for success and failure // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2003. – Pp. 511-521.
11. Leung A. K.-y., & Cohen D. Within-and between-culture variation: Individual differences and the cultural logics of honor, face, and dignity cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2011. – Pp. 507-526.
12. Leung A. K.-y., Kim Y. H., Zhang Z. X., Tam K. P., & Chiu C. Y. Cultural construction of success and epistemic motives moderate American-Chinese differences in reward allocation biases // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2012. – Pp. 46-52.
13. Muramoto Y., & Yamaguchi S. Another type of self-serving bias: Coexistence of self-effacing and group-serving tendencies in attribution in the Japanese culture // *Japanese Journal of Experimental Social Psychology*. – 1997. – C. 65-75.
14. Sedikides C., & Gregg A. P. Self-enhancement: Food for thought // *Perspectives on Psychological Science*. – 2008. – Pp. 102-116.
15. Takata T. Self-enhancement and self-criticism in Japanese culture: An experimental analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2003. – Pp. 542-551.
16. Winston Churchill. *The World Crisis 1916-1918*. – Vol. 1. – N.Y., 1927. – P. 227-228.

4 По данным МВФ в 2024 г. рост ВВП стран Восточной Азии составила 4,5 %, Юго-Восточной Азии – 4,6 %. При этом рост реального ВВП Европейского союза составил 1,12 %.

ЛЮ ЦУНИН

доктор психологических наук, кафедра практики русского языка, Хэйлунцзянский университет

РУССКИЙ МИР В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ*

В статье рассмотрена многогранность и уникальность явления, получившего название «Русский мир». Прослежено становление его концепции в исторической ретроспективе, отмечено, что сам термин пока еще не имеет четкости в определении. Приведены два подхода к его возникновению, датируемые X и XIX вв., изучены различные подходы к пониманию русского мира и в связи с этим особенности доктрины традиционализма. Обозначены ассоциации, связанные с ним и его отображение в живописи, литературе и искусстве. На основе конкретных событий новейшей истории России, автор прослеживает начало возрождения «русскости» в сознании общества. Многоаспектность «Русского мира» проанализирована с помощью его внутренних и внешних элементов, сущностных характеристик, критериев определения его специфики и национальных символов. Автором акцентировано внимание на начавшийся процесс осознания народов страны единой нацией и актуализирована мысль о том, что в современных сложных условиях мирового развития именно идея русского мира становится системообразующим фактором в консолидации общества.

Ключевые слова: общество, русский мир, сознание, концепция, нация, консолидация, критерии.

LIU CONGYING

Ph.D. in psychological sciences, Russian language practice sub-faculty, Heilongjiang University

THE RUSSIAN WORLD IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIA

The article examines the versatility and uniqueness of the phenomenon called the "Russian World". The formation of his concept in historical retrospect is traced, it is noted that the term itself does not yet have a clear definition. Two approaches to its origin dating back to the 10th and 19th centuries are given, various approaches to understanding the Russian world and, in this regard, the features of the doctrine of traditionalism are studied. The associations associated with it and its representation in painting, literature and art are indicated. Based on specific events in the modern history of Russia, the author traces the beginning of the revival of "Russianness" in the consciousness of society. The multidimensional nature of the "Russian World" is analyzed using its internal and external elements, essential characteristics, criteria for determining its specifics and national symbols. The author focuses on the process of the country's peoples becoming a united nation that has begun and actualizes the idea that in today's difficult conditions of global development, it is the idea of the Russian world that is becoming a system-forming factor in the consolidation of society.

Keywords: society, Russian world, consciousness, concept, nation, consolidation, criteria.

Актуальность

Проблема понимания «Русского мира» как понятия, объединяющего не только жителей России, но и соотечественников, проживающих за рубежом, становится актуальнее с каждым днем в связи с внешними факторами, такими как вызовы глобализации, санкции, введенными Западом и США против России. И в этой ситуации это понятие приобретает новые смыслы.

Сама Концепция базируется на исторических традициях русского народа и православии (и в этом ее устойчивость), на ощущении человека в качестве частицы Русского мира, независимо от знания языка, вероисповедания или национальности.

Президент РФ В. В. Путин в одном из своих выступлений дал высокую оценку Русскому миру как объединяющему и связующему звену для всех тех, кому «дорого русское слово и русская культура, где бы они не жили, в России или за ее пределами»¹.

Граждане России, успешно преодолевая сложные обстоятельства, становятся сплоченнее, а уровень их самосознание повышается. В связи с этим определение понимания ценностей русского мира в общественном сознании на взгляд автора представляется актуальным и значимым.

Сегодня само понятие «Русский мир» недостаточно раскрыто и конкретизировано для правильности его понимания, а доктрина «Русского мира» в качестве целостного мировоззрения еще только формируются в столкновениях разных позиций философов и историков, социологов и политологов, а его компоненты объединяются вместе, собираясь словно пазлы.

Цель написания данной статьи, состоит в определении самого понятия «Русский мир», его основных критериев, а также его роли и значения в общественном сознании во взаимосвязи с историческим контекстом развития России как возвращения к исконно русским ценностям.

Для этого предлагается исследовать различные философские, социологические и политологические подходы к определению «Русского мира», определить его основные постулаты и осуществить анализ представлений об особенностях самосознания нашего народа.

Материалы и методы

Общественное сознание это теоретическое понятие, рассматриваемое в качестве соединения сущности личности,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Академии общественных наук КНР «Исследование русского национального самосознания» (19BGJ060).

1 Путин назвал миссией России укрепление «русского мира». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61fa7ea19a7947fad65b9306> (дата обращения: 16.01.2025).

детерминированной его культурно-историческим опытом. По мнению профессора М. М. Бетильмерзаевой человек воспринимает мир в двух плоскостях: «в вертикальной через традиции и обычаи, формирующие его духовный мир, и в горизонтали повседневного опыта, обусловленного параметры его практического мира» [5, с. 19].

Применение комплексного подхода к исследованию Русского мира позволяет синтезировать его будущий образ, на основе применения «совокупности системно-синергетического и структурно-функционального методов» [3, с. 54] в сочетании с методами анализа и синтеза, логики и диалектики.

Обсуждение

Сам термин «Русский мир» имеет давнюю историю, отдельные исследователи считают, что он берет свое начало в Киевской Руси, другие связывают его появление с именем выдающегося русского философа Н. Я. Данилевского, выделившего в цивилизационном развитии мира особый славянский тип, противостоящий западноевропейскому.

Но, несмотря на разницу даты возникновения, относительно русской цивилизации в научной среде существует общее мнение ее восприятия как особенной духовной общности, опирающийся на фундамент исторической памяти поколений.

Поэтому под этим понятием «Русский мир» можно понимать как особый цивилизационный тип, так и людей, принадлежащих к этому миру. И это не означает, что это только россияне, либо те, кто имеет славянские корни, это «духовное, культурное и ценностное измерение личности» [15, с. 307], те, кто считает русскую культуру созвучной своей душе, независимо на каком языке они говорят и в какой стране проживают.

Без понимания образа Русского мира, «сформированного в сознании социума, невозможно определить дальнейшие векторы деятельности в этом направлении» [11, с. 59].

В свою очередь, общественное сознание состоит из двух частей:

- 1) из совокупности взглядов, идей и представлений, преобладающих в социуме;
- 2) осознание каждым членом интересов своей общности и своего положения в мире, а также представления «о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах своего развития» [2, с. 44].

Сам термин «Русский мир» имеет множество значений, к наиболее известным можно отнести следующие:

- понимание его как «трансграничной социокультурной общности людей, небезразличных к судьбе России, независимо от страны их происхождения и проживания» [12, с. 288];
- как ответная реакция на трансформации, происходящие в современном мире и переход от парадигмы «социального общества» к «обществу культурному» [7, с. 187];
- как исторический и социокультурный феномен со свойственной славянскому народу «ментальностью, развивающийся в интересах консолидации и прогресса народов» [14, с. 120];
- как совокупность ценностей и идей, «выражающих самобытность цивилизационного пути России» [16, с. 36];
- как действие мягкой силы, создаваемой социально-культурной общностью людей (русских) [17, с. 105].

В первом из представленных воззрений, его автор И. А. Козловцева, рассматривает Россию как материнское

государство, дети которого, оказавшись в русском зарубежье, остались на духовной связи со своей Родиной и обеспокоены ее судьбой.

Ментальность русского народа подчеркивает А. А. Карамова, выстраивая контекстуальный аспект: народ – россияне, граждане – страна и парадигматический аспект. Она подчеркивает, что сила русского государства кроется в его истории, достижениях, традициях, менталитете, уважительно относящимся к «этнической и религиозной самобытности всех населяющих страну наций; это все русскоговорящие (и соответственно, мыслящие по-русски) люди в мире» [8, с. 18].

В начале 90-е гг. XX века столкновение двух видов цивилизации обострилось настолько, что на руинах Советского Союза «обнажился каркас тысячелетней Русской цивилизации» [1].

В это же самое время в общественном сознании одновременно формируются два Русских мира, один – это Российская Федерация (ядро), а второй сообщество русских за границами этого государства.

Образ русского мира тесно связан с образом страны, с ее природой, этничностью народов его населяющих, чертами характера, русской культурой, многовековыми традициями, передающимися от предков к потомкам. Для него характерна целостность его восприятия в общественном сознании.

Формирование образа России в культурной памяти социума осуществляется на основе двух стратегий: «политики памяти и культурной памяти» [21, с. 72].

В концепции традиционалистического подхода (А. Дугин, В. Цымбурский, патриарх Кирилл) русский мир опирается «на православную веру, русскую культуру и язык, и традиционные русские ценности» [6, с. 18]. Это почерпает истоки в философии В. С. Соловьева, в которой русский народ представлен народом духовного служения, его сила в справедливости, доброте и истине.

Патриарх Кирилл определяет образ русского мира при помощи таких категорий, как:

- самобытность, симфоничность и суверенность;
- рассматривает русский народ как его оплот [9].

Он называет пять основных ценностей Русского мира: вера-справедливость-солидарность-достоинство-державность.

Философские размышления, в которых заметно стремление осмыслить формирующуюся концепцию Русского мира, основываются как на традиционных воззрениях и самоочевидности сознания и неочевидности истории, так и на ощущении связи времен. Их основной целью становится «поиск выражения духовного и постижение одноментной истины, понимание «народной мысли» [19, с. 82].

У России своя судьба, основанная на приоритетности духовного над материальным. Это особый мир империи, но не похожей на те, которые были в мировой истории, это не «империя-захватчица», а «империя-покровительница» [1], которая добра ко всем инородцам. Это потому что для русского человека мир ассоциируется со словами: гармония, согласие, община. Община для русского крестьянина была своим космосом и вселенной, где он полностью чувствовал себя защищенным. Так появился особый тип человека, выработанного русской цивилизацией с особыми «русскими корнями».

Образ Русского мира широко был представлен в различных сферах искусства на протяжении веков:

1) в литературе – это фольклор и христианство;

2) в живописи – пейзажи наших просторов, портреты, в которых явственно отражены черты исконно русского характера: широта души, терпение, трудолюбие, сила воли;

3) в музыке – тема судьбы, природы, духовности.

Искусство, влияющее на развитие самосознания каждого человека, закладывает в нем те самые доминанты «русскости», которое означает:

1) восприятие «земли Святорусской» как мировой оси, вокруг которой вращалось мироздание;

2) объединенность общей идеей, сплоченности в случае угрозы своей семье/земле;

3) восприятие общественных ценностей через призму своего собственного «я» и обнаружение аналогичных черт у своих земляков/соотечественников.

Самосознание русского народа заключается, прежде всего, в осознании его принадлежности к русской нации, понимании миссии своей державы и поступательности ее развития, в удивительном чувстве единения с другими его представителями [20, с. 94].

Отсчет для возрождения этой самой «русскости» у жителей нашей страны, безусловно, стало возвращение Крымского полуострова в состав России. И в этом событии отдельные авторы видят элемент сакральности: «Русский мир разделен исходом из Крыма в 1920 г., с его возвращением он снова стал единым» [13, с. 162].

События на Донбассе, снова подняли вопрос о единстве Русского мира, отразившегося в лозунге «Своих не бросаем». Начало СВО способствовало возвращению в жизнь общества исконно русских вековых ценностей: сыновней любви к своей Родине и готовности встать на ее защиту.

Русский мир включает в себя определенные элементы.

К внутренним относятся: символы государства, природные богатства, территория страны, власть, язык, религия, культурно-историческое наследие.

К внешним: знаковые личности отечественной истории и культуры, внесшие большой вклад в развитие не только российской, но и мировой цивилизации.

Сегодня национальными символами становятся инок Пересвет, одержавший победу в тяжелом поединке с Челубеем на Куликовом поле, Минин и Пожарский, возглавившие народное ополчение, с тем, чтобы прогнать поляков из Москвы, великие русские полководцы Суворов и Кутузов, возрождаются из небытия имена малоизвестных героев Великой Отечественной войны.

Доктор политических наук А. В. Матюхин, опираясь на выступление М. Захаровой², выделяет сущностные характеристики Русского мира:

– «русский ковчег», как объединение самобытных народностей населяющих страну;

– «русский монастырь» как единитель духовности разновозрастного населения;

– традиционные ценности, берущие свое начало/истоки в христианской добродетели и становящиеся ключевым ориентиром в самосознании российского общества.

Профессор, доктор философии В. Н. Ксенофонов, рассматривая эволюцию русского мира, выделяет критерии, которые дают возможность понять его специфику:

– генетический, опирающийся на духовную мощь русского народа и тысячелетнюю историю;

– сущностный, характеризующий этот феномен как «взаимосвязанную систему социокультурного развития, опирающуюся на художественно-эстетические и нравственные ценности» [14, с. 121-122];

– пространственно-временной, с исторической ретроспективой противоречивости его развития и с обеспечением дальнейших перспектив в узком и широком понимании;

– коммуникативный, связан с носителями русского языка, которых 288 млн. в мире и поэтому наш язык занимает четвертое место по распространенности.

Также он предлагает рассматривать его с позиций онтологии, аксиологии и эстетики.

Основная роль общественного сознания заключается в сплочении членов общества на основе системы, включающей в себя: ценности и идеалы, принципы их трансляции последующим поколениям.

Русского мира не может быть без русской идеи. Задача, которая стоит перед современной Россией заключается в консолидации всех ее граждан и соотечественников, временно или постоянно проживающих в других странах на основе единой культурной идентичности. Для этого должны быть определены некие постулаты. Так в XIX веке, такими скрепами для России была знаменитая триада: «религиозность, соборность, государственность» [18, с. 7]. В современных реалиях на смену приходит «духовность, народовластие и державность».

Русский мир в сознании социума это многоуровневый «культурный пласт, включающий в себя как элементы высокой, так и повседневной культуры» [11, с. 64].

Очевидная связь Русского мира и русского самосознания заключается в том, что последняя категория и задает вектор «сущностной системной характеристики русской нации, определяющей ее целостность как субъекта историко-цивилизационного процесса» [4, с. 59].

Россия – не просто огромное государство, расположенное между Западом и Востоком, она является воплощением самобытности российской духовности и культуры, у нее особая миссия в современном геополитическом мире, быть объединяющей силой славянских народов, нести свет мира, добра и веры. Отсюда, идеи Русского мира становятся системообразующим фактором в «консолидации общества, предполагающим восстановление геополитического статуса России как великой мировой державы» [22, с. 70]

Выводы

Формирование образа русского мира продолжается, для адекватного образа страны необходимо развенчание стереотипного образа восприятия России и русских, увеличение представленности для мирового сообщества достойных образцов высокой русской культуры, сохраняющей лучшие традиции своих предшественников и трансформирующих их в соответствии с новыми тенденциями общемирового развития.

Обладающая огромным цивилизационным потенциалом, Россия только укрепляется духом, преодолевая все сложности на ее пути. Следовательно, понимание роли Русского мира в новом мироустройстве очень значимый момент для каждого россиянина и тех, кто ощущает себя русскими.

2 Приглашаем вас на встречу с Марией Захаровой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-189271885_4481 (дата обращения: 12.01.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянов В. Доктрина Русского мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/10269> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Александров Д. С. Теоретико-методологические подходы исследования национального самосознания // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 10. - С. 42-45.
3. Алимов А. В. Концептуальные основы Русского мира в социально-политической системе России // Общество: политика, экономика, право. - 2023. - № 4. - С. 46-57.
4. Барина К. В. Русское национальное самосознание: истоки и развитие в историческом контексте // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации: сборник научных трудов V Всероссийской конференции, 14-15 октября 2003 г. - Екатеринбург: УрГУ, 2003. - С. 58-68.
5. Бетильмерзаева М. М. Сущность общественного сознания: становление смыслов // Общество: философия, история, культура. - 2023. - № 7. - С. 14-20.
6. Быданов В. Е. Концепт «Русский мир» в структуре новой идеологии России // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IX Международной научной конференции. - Донецк, 2024. - С. 16-19.
7. Гофман А. Б. Социальное-социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник, 2010: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н. Е. Покровский. - Москва, 2010. - С. 128-136.
8. Карамова А. А. Концепт «русские» в языковой картине политического мира: семантический аспект // Политическая лингвистика. - 2024. - № 2 (104). - С. 12-19.
9. Кирилл Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А. В. Щипков. - М.: ВРНС, 2015. - 120 с.
10. Князев В. М. Возвращение «Русского мира» в историческую жизнь России // Позиция. Философские проблемы науки и техники. - 2023. - № 19. - С. 99-103.
11. Козловцева И. А. Образ русского мира в актуальном социокультурном пространстве // Вестник культуры и искусств. - 2018. - № 1 (53). - С. 58-65.
12. Козловцева Н. А. Русский мир как теоретическое понятие в современном социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. - 2017. - Т. 14, № 3. - С. 284-292.
13. Крылов В. С. Крым сакральный: единство русского мира // Евразийский союз ученых. - 2015. - № 7-5 (16). - С. 159-162.
14. Ксенофонов В. Н. Русский мир: критерии и особенности реализации // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. - 2009. - № 1 (21). - С. 120-128.
15. Лобанов Д. С., Стрионова И. В. Русский мир: понятие, ценности // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. - 2017. - С. 306-307.
16. Матюхин А. В., Давыдова Ю. А., Федорук В. Д. Ценности «русского мира» как фактор политической консолидации в период СВО // Журнал политических исследований. - 2024. - Т. 8, № 3. - С. 33-45.
17. Панкратьева И. А. Русский мир: явление и политика // Позиция. Философские проблемы науки и техники. - 2019. - № 13. - С. 100-105.
18. Пестцов А. Ф. Генезис русского национального самосознания в духовной культуре России: дис. ... к.ф.н.: 24.00.01. - Нижний Новгород, 2009. - 26 с.
19. Половченко А. В. Концепция русского мира как фактор собирания земель русских // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. - 2019. - С. 80-82.
20. Сизов С. Г. Сохранение русского национального самосознания как условие сбережения народа // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. - Омск, 2021. - С. 91-97.
21. Шуб М. А. Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. - 2016. - № 4 (48). - С. 71-76.
22. Яценко М. П. Идея русского мира как важный фактор консолидации общества // Чуриновские чтения: Русский мир. Материалы круглого стола: сборник научных трудов. - Красноярск, 2024. - С. 68-74.

СОБКО Руслан Васильевич

кандидат философских наук, доцент, Приволжский филиал, Российский государственный университета правосудия, г. Нижний Новгород

СПИРИН Василий Константинович

магистр философии, преподаватель, Нижегородская духовная семинария, г. Нижний Новгород

ТРЕТЬЯКОВ Илья Сергеевич

бакалавр теологии, магистр религиоведения, преподаватель, Нижегородская духовная семинария, г. Нижний Новгород

НАСКОЛЬКО ТРАДИЦИОННЫ ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ УКАЗА В. В. ПУТИНА ОТ 22.11.2023

В статье рассматривается проблема социальной ответственности представителей традиционных религий по вопросам сохранения традиционной культуры и семейных ценностей. Традиционные религии в разной степени способствуют реализации Указа В. В. Путина от 22.11.2023 в силу особенностей вероучения и исторического развития. Ислам и иудаизм оказываются более комплиментарными к семейным ценностям. Европейская христианская культура во многом утратила «традиционность», что в целом связано с проблемой урбанизации, атомизации и особенностями миграционных процессов. Оказываясь в городской среде носители традиционных ценностей отчасти сохраняют традиционную религиозность, но утрачивают традиционные семейные ценности как социальный навык.

Ключевые слова: традиционные религии, православие, иудаизм, ислам, миграция, семейные ценности, урбанизация, атомизация, социальные процессы.

SOBKO Ruslan Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Privolzhie branch, Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod

SPIRIN Vasilii Konstantinovich

magister of philosophy, lecturer, Nizhny Novgorod Theological Seminary, Nizhny Novgorod

TRETYAKOV Ilya Sergeevich

bachelor of theology, master of religious studies, lecturer, Nizhny Novgorod Theological Seminary, Nizhny Novgorod

WHETHER TRADITIONAL RELIGIONS ARE TRADITIONAL: TO THE QUESTION ON THE REALIZATION OF V. V. PUTIN'S DECREE OF 22.11.2023

The article considers the problem of social responsibility of representatives of traditional religions on the issues of preserving traditional culture and family values. Traditional religions contribute to the implementation of the decree of V. V. Putin from 22.11.2023 to different degrees due to the peculiarities of their beliefs and historical development. Islam and Judaism are more complimentary to family values. European Christian culture has lost much of its «traditionalism», which is generally associated with the problem of urbanization, atomization and peculiarities of migration processes. Being in an urban environment, the bearers of traditional values partially preserve traditional religiosity, but lose traditional family values as a social skill.

Keywords: traditional religions, Orthodoxy, Judaism, Islam, migration, family values, urbanization, atomization, social processes.

Основанием для написания данной статьи послужил указ В. В. Путина от 2023 года, согласно которому следующий 2024 год объявлен годом семьи [1]. В своем интервью американскому журналисту Такеру Карлсону Владимир Владимирович также говорил о приверженности традиционным ценностям. Такая постановка вопроса заставляет задуматься о содержании термина «традиционные» или, возможно, по-другому – «консервативные» ценности. Традиция в дословном переводе с латинского языка – передача (от старших поколений к младшим). Консерватизм же можно понять как сохранение того, что имелось раньше. Уже на этом этапе у исследователя имеются определенные сложности: так, например, если говорить о сохранении, то ценности какого именно государственного строя следует сохранять: строй Московской Руси, Российской империи, Союза Советских Со-

циалистических республик или, возможно, демократические либеральные ценности в их изводе конца 19 – начала 20 века?

К традиционным религиям в Российской Федерации обычно относят православие, ислам, буддизм, шаманизм (в том или ином виде). Если говорить о традиционности этих религий для России, то их традиционность в рамках социологических исследований скорее историческая или исторически-культурная, но не актуально демографическая [2].

Исследование данной проблематики затрудняет тот факт, что статистическая информация о принадлежности к той или иной религии ограничена, неактуальна или получена в результате весьма немногочисленных и нерепрезентативных опросов. Так, например, по данным одного из опросов к православной церкви себя причисляли около 68 % опрошенных, однако более 60 % из этой группы в ходе этого

же опроса заявляли, что они не верят в Бога и не посещают церковь, сведя, таким образом, вопрос вероисповедания к этническому маркеру традиционной культуры [3].

Можно было бы относительно точно сопоставить число приверженцев той или иной религии с определенными национальностями, однако в первые годы существования Российской Федерации графа «национальность» была исключена из анкет и российского паспорта, в связи с чем в настоящее время говорить о численности того или иного народа в составе Российской Федерации можно лишь приблизительно. В смысле религиозной статистики наибольшей точности, вероятно, достигали исследователи этно-религиозного состояния Российской империи, где графа «вероисповедание» фактически заменяла позднесоветскую (1974 г.) «национальность». Всем известная цифра – около 80 % православных – происходит именно из результатов дореволюционных переписей населения [4].

В подобной атрибуции податного народонаселения в имперский период, как ни странно, была своя логика: так, например, в состав современного Дагестана входит более семи крупных этнических групп, которые достаточно разобщены в языковом и культурном плане и больше связаны как раз религией, а не географией или историей. Несмотря на наличие в составе, как современной Российской Федерации, так и Российской империи крупнейшего тюркоязычного меньшинства (ок. 15 %), ими в отличие от славянского большинства так и не был сформирован общетюркский (русский) язык, что делает затруднительным этноязыковое деление [5].

В настоящее время для описания религиозной статистики в большей мере используется идея компактного проживания представителей того или иного народа в определенном субъекте Российской Федерации, что тоже дает лишь приблизительные и не до конца точные результаты из-за миграционных и культурных процессов современного социума. Менее всего в этом отношении точны статистические данные о приверженцах православной конфессии в силу весьма смешанного этнического состава жителей центральной России, что не позволяет выделить православных в отдельную этно-религиозную группу. Похожую проблему озвучивают и представители ислама, говоря о размывании традиционной религиозности в результате миграционной политики и секуляризации исламского населения внутри городской культуры.

Традиционно ли Православие, когда мы говорим о традиционности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно уточнить, какое именно Православие имеем в виду. Как уже было сказано выше, консерватизм – это сохранение старого порядка вещей, только вот какой именно порядок вещей стремиться сохранить современное Православие? Может быть, православные традиционные ценности – это полная и большая семья, уважение к старшим, уклад жизни, основанный на следовании определенным национальным или религиозным традициям? Однако, с другой стороны, гендерный состав приходских православных общин преимущественно женский, зачастую это неженатые или разведенные женщины, число детей в православных общинах хотя и заметное, но не очень значительное, а число разводов в условно «православных регионах» – одно из самых больших [6].

Могут ли православные найти вдохновляющие к семейной жизни цитаты внутри Евангельских текстов? Для ответа

на этот вопрос традиционно приводят цитату из Писания о браке в Кане Галилейской как первое и одно из центральных и главных чудес (Ин.2:1-11). Но, тем не менее, читатель Евангелия не может судить о том, насколько прочным был брак упомянутой супружеской пары, были ли у них дети, были ли они счастливы.

В другом месте читаем о том, что у Девы родился Младенец, и вот к Ней в Вифлеем приходят три царя, чтобы поклониться Младенцу. Мария радуется, радуются волхвы, радуются пастухи, но, к сожалению, далее мы не находим в Евангелии семейной истории со счастливым концом, которая могла бы стать примером для молодой семьи. Может быть, такая история – это идеал, в лучшем случае, материнской заботы о своём Сыне от Девы Марии или, может быть, это в каком-то смысле, пример, заботы самого Иисуса Христа о Своей Матери, когда Он поручает Иоанну Богослову после Его кончины присматривать за Ней.

При этом в текстах Нового Завета можно найти множество «монашеских» цитат, говорящих о преимуществах бездетного, духовного образа жизни: нужно возненавидеть отца и мать (Лк. 14:26), лучше не жениться (Мф. 19:10), пусть мертвые хоронят своих мертвецов (Мф. 8:22) и, наверное, самое главное – в Воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают как ангелы (Мф. 22:30).

Ислам в силу изначальной брачной жизни Пророка, гораздо более комплиментарен по отношению к семейным ценностям. «И выдавайте в брак безбрачных среди вас и праведных рабов и рабынь ваших. Если они бедны, – обогатит их Аллах Своей щедростью. Аллах объемлющ, знающ!» – (К.24:32). Как мы видим, в исламе как некогда и в иудаизме безбрачие антисоциально. Более того, Пророк в вышеприведенной цитате предписывает выдавать замуж тех, то беден, оказывая им при этом меры социальной поддержки. Далее пророк (меиб) сообщает: «Никях (брак – араб. прим. авт.) – моя сунна. Отдалившийся от моей сунны, – не от меня».

Если в традиционном христианстве мирской называется семейная жизнь, то в исламе мирская, напротив, – жизнь самолюбивая и безбрачная, соответствующая современному понятию child-free: «О пророк, скажи своим женам, советуя им: «Если вы предпочитаете мирскую жизнь с ее благами и уладами, то приходите, я одарю вас, облегчив неприятности развода, отпущу вас с миром и дам вам полную свободу» (К.33:28).

Достоинство воспитать дочерей и устроить их семейную жизнь так важно, что это становится гарантией вхождения в Рай: «Посланник Аллаха сказал: «Тот, кто является отцом троих дочерей, которым он предоставит приют, будет проявлять милость к ним, и которых будет содержать и выдаст замуж, то для него Рай станет обязательным». Затем его спросили: «А если двух дочерей будет иметь?» На что он ответил: «Даже если двух дочерей будет иметь» (Имам Ахмад, Аль-Бухари)» [7].

Обязанность почитать родителей также законодательно закреплена в сунне: «Позор тому, кто оставит родителей в старости. Он не войдет в рай» (Аль-Бухари). Что в целом совпадает положениями иудаизма. Так, например, по Галахе отдавать часть денег своим родителям (10 %) – это одна из заповедей иудаизма. В связи, с чем можно задаться вопросом о традиционности современной российской социальной

жизни вообще, т.к. по мнению некоторых исследователей в настоящее время скорее родители содержат уже взрослых детей, чем, наоборот, получают от них материальную помощь [10].

Если говорить о социальном измерении традиционных религий, то в Сунне содержится еще одно указание о найденном ребенке, которого обязаны усыновить члены исламской уммы, причем, если желающих несколько, то можно устроить своеобразный конкурс (Сура «аль-Бакара», аят 220 или хадис Сахих Аль Бухари). Подобная обязанность позволяет иногда говорить о том, что в исламских регионах гораздо меньшее число сирот или же их нет вообще, поскольку сирот по обязанности берут на воспитание родственники или иные мусульмане [8].

В заключение нашего небольшого исследования можно сделать следующие выводы.

В целом внутрисемейные социальные отношения более связаны с традиционным условно сельским укладом жизни и обычаями (например, адатное право в исламе), чем напрямую с той или иной религией. Указанные выше обязанности по содержанию родителей или детей-сирот некогда существовали и в традиционном русском обществе, но в настоящее время утрачены в силу урбанизации и атомизации социальной жизни [12].

Ислам или иудаизм более четко в правовом и этическом смысле указывают на необходимость сохранения традиционного социального семейного уклада. Христианство вне ветхозаветной традиции скорее направлено к бездетной жизни, что, возможно, отчасти наряду с урбанизацией вызвало демографические проблемы внутри европейской христианской культуры [9].

Особенность вероучения традиционных религий напрямую связана с особенностями передачи (tradition) и книжной культуры: Сунну, Галаху и Талмуд писали в основном семейные люди, христианская экзегетическая литература и источники канонического права составлены преимущественно бездетными монахами, для которых более важны вопросы догматики и церковного управления.

Попадая в городскую среду, религия утрачивает функциональность социального обычая и сводится почти исключительно к исполнению религиозных обрядов. Ислам и иудаизм хотя и имеют в этом смысле преимущество в силу особенностей вероучения, однако все же утрачивают в городской среде часть «традиционности», например почтение ко всем старшим или воспитание всех детей (регионы компактного проживания), а не только членов своей семьи (мигранты). Оппозиция «личная религиозность – общественные обязанности» стала предметом уточнения фетвы по поводу многоженства. Так шейх Равиль Гайнутдин пояснил, что многоженство с точки зрения шариата – это социальная обязанность, а не возможность для удовлетворения личных желаний [10].

Пристатейный библиографический список

1. Казенин К., Муракаев М. Влияние религии на рождаемость: обзор современных демографических исследований // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2022. - Т. 40, № 4. - С. 9-49.
2. Муравьев В. В. Религиозные факторы воспроизводства населения // Национальное здоровье. - 2020. - № 2. - С. 110-115.
3. Кублицкая Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. - 2024. - Т. 10, № 1. - С. 11-27.
4. Григорьева М. В. Специфика форм социальной активности личности и групп в зависимости от социально-демографических характеристик и уровня образования // Общество: социология, психология, педагогика. - 2020. - № 8. - С. 48-52.
5. Стыров М. М. Духовно-нравственные аспекты демографических проблем России и её северных регионов // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». - 2021. - С. 813-818.
6. Лермонтова Т. Н. Брак или девство: мужчина и женщина в свете новозаветного учения // Христианство и мир. - 2021. - С. 16-25.
7. Набиев Р. А., Ибрагимов М. И. Понятие блага в авраамических религиях в контексте социального служения // Народы и религии Евразии. - 2023. - № 4. - С. 134-146.
8. Кравчук Н. В. Проблема установления происхождения ребенка и право ребенка на семью в контексте исламского права // Государство и право: Реферативный журнал. - 2021. - № 1. - С. 205-211.
9. Закирова Т. В., Переселкова З. Ю. Трансформация института семьи в контексте ценностей либерализма // Вестник Удмуртского университета. - 2022. - Т. 32, № 4. - С. 359-366.
10. Муфтий объяснил, почему разрешение на четыре жены не противоречит закону. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2024/676723b99a7947f9d89c6d30?ysclid=m513kn9s4m442852965> (режим доступа: 21.12.2024).

ШАЙСЛАМОВА Муслима Муслимовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, Нефтекамский филиал, Уфимский университет науки и технологий

ИЗИБАЕВА Гульназ Маратовна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин, Нефтекамский филиал, Уфимский университет науки и технологий

СМЫСЛОВА Ксения Дмитриевна

студент, Нефтекамский филиал, Уфимский университет науки и технологий

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КАК ЗНАЧИМЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

В статье рассматриваются религия и философия – два мощных течения человеческой мысли, тесно переплетенные и одновременно противостоящие друг другу. Зачастую религию рассматривают не просто как систему верований и ритуалов, но и как специфическую форму философского знания, стремящуюся осмыслить существование, место человека в мире и его предназначение. Однако, в отличие от строгой рациональности философии, опирающейся на логику и эмпирические данные, религия часто обращается к вере, откровению и мистическому опыту. Именно это различие порождает как плодотворный диалог, так и острые споры. Влияние религии на философию сложно переоценить. Многие философские системы, особенно в античности и средневековье, возникли и развивались в тесной связи с религиозными догматами. Таким образом, связь между философией и религией остается актуальной до наших дней. Несмотря на различия в методах и предмете исследования, они продолжают взаимодействовать, влияя друг на друга и обогащая понимание человека и мира. Исходя из этого в данной статье рассмотрено значение религии в философии, как она связана с ней и её влияние на неё, а также приведены мысли известных философов, которые раскрывают сущность философской религии.

Ключевые слова: философская религия, философия, религия, Бог, абсолютный дух, вера, разум.

SHAYSLAMOVA Muslima Muslimovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of General humanitarian disciplines sub-faculty, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

IZIBAEVA Gulnaz Maratovna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of General humanitarian disciplines sub-faculty, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

SMYSLOVA Kseniya Dmitrievna

student, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

THEOLOGICAL THOUGHT AS A SIGNIFICANT SOURCE FOR PHILOSOPHICAL REFLECTION

The article discusses religion and philosophy which are two powerful currents of human thought, closely intertwined and simultaneously opposing each other. Religion is often viewed not just as a system of beliefs and rituals, but also as a specific form of philosophical knowledge that seeks to understand human existence, place in the world, and purpose. However, unlike the strict rationality of philosophy, which is based on logic and empirical evidence, religion often turns to faith, revelation, and mystical experience. It is this difference that generates both fruitful dialogue and sharp disputes. The influence of religion on philosophy cannot be overestimated. Many philosophical systems, especially in antiquity and the Middle Ages, arose and developed in close connection with religious dogmas. Thus, the connection between philosophy and religion remains relevant to this day. Despite the differences in research methods and subject matter, they continue to interact, influencing each other and enriching the understanding of man and the world. Based on this, this article examines the importance of religion in philosophy, how it is related to it and its influence on it, as well as the thoughts of famous philosophers who reveal the essence of philosophical religion.

Keywords: philosophical religion, philosophy, religion, theology, God, absolute spirit, faith, reason.

Религия, а если точнее, то теология (богословие) тесно взаимодействуют с философским знанием. Большинство философов, признающих правомерность метафизики, также не оспаривали и факта тесной взаимосвязи философии и религии. По Г. Гегелю, составляющие религии и философии тождественны (Бог или истина), поскольку религия является второй формой или ступенью самораскрытия Абсолютного духа. Конкретизируя сущность связи между философией и религией, Гегель отмечал: «До тех пор, пока религия обладает определенным кредо, учением, догматикой, она обладает тем, чем может заниматься философия и в чем последняя как таковая может с ней соединиться». Следовательно, религия «может существовать без филосо-

фии, но философия не может существовать без религии, а содержит ее внутри себя».

В результате тесного взаимодействия религии и философии формируется религиозная философия, которая также является одним из концептуальных выражений религиозного сознания [1, с. 4].

Философия религии – это философское исследование тем и концепций, связанных с религиозными традициями, а также более широкая философская задача размышления о вопросах, имеющих религиозное значение, включая природу самой религии, альтернативные концепции Бога или высшей реальности и религиозное значение общих черт космоса (например, законов природы, возникновения сознания)

и исторических событий (например, Лиссабонского землетрясения 1755 года, Холокоста) [2].

Говоря об уровнях предметности философской религии, хотелось бы обратиться к известному русскому философу религии В. К. Шохину, который выделил ноуменальный, абстрактный, феноменальный, рефлексивный уровни [2, с. 231-252].

Некоторые известные философы высказывались по поводу существования религиозного аспекта в философии:

Ксенофан подверг основательной критике религию своего времени, впервые сформулировав учение о едином и неделимом божестве. Его аргументация основывается на наблюдении, что образы богов у разных народов отражают антропоморфные черты: греческие боги подобны грекам, эфиопские - курчавые и с приплюснутыми носами, фракийские - рыжеволосые и голубоглазые. Отсюда Ксенофан делает вывод, что боги похожи на людей именно потому, что их выдумали люди. Он рассуждает: «Если бы у коней были боги, то это были бы боги-кони». Ввиду невозможности существования множества различных богов у каждого народа, Ксенофан отвергает господствующую религию как ложную. В качестве альтернативы он предлагает учение о едином боге: «Есть один только бог, величайший среди богов и людей, не похожий на смертных ни видом, ни разумом». Этот бог всевидящий, всеведущий и всеслышащий, но действует без усилий, силой мысли. Он вечно пребывает на одном месте, неподвижен, ему неприсущи перемещения. Аргументация Ксенофана основывается на очевидном положении, что Бог всемогущ. Если бы богов было несколько, то некоторые из них были бы более могущественными, чем другие. Но Бог, по определению, есть самое могущественное существо, следовательно, он один. У Бога нет частей, поскольку если бы Бог имел части, то одна часть доминировала бы, а другая - подчинялась. Бог же является полностью самым могущественным. Следовательно, его нельзя представлять в виде некоего существа, имеющего различные части – уши, глаза и т.п. Он все слышит, видит, сознает и т.д.

Филон утверждает, что Бог представляет собой абсолютную единицу, восходящий всякую множественность. Сущность Бога проста и, следовательно, недоступна для человеческого разума. Мы можем постигнуть существование Бога, но не его природу. По мнению Филона, Пифагор и Платон ближе всех подошли к монотеизму не только благодаря своей «логической» одарённости и проницательности, но и благодаря прямому заимствованию из Библии.

Августин не противопоставляет веру разуму. Вера и разум находятся не просто в гармонии; они являются как бы ветвями одной человеческой способности - способности к познанию. Вера сверхразумна. Это значит, что если положения веры кажутся человеку нелепыми, то только потому, что человек не до конца понимает их [3].

Взаимосвязь философии и религии носит уникальный характер, обусловленный тем, что религиозный опыт Священного служит фундаментом для всей духовной жизни во всех её проявлениях. Философия же выступает как кульминация, завершение и высшая точка осмысления каждой из этих форм духовной жизни. Можно сказать, что всякое духовное движение берёт начало в вершинах религиозного опыта и устремляется к философии, находя в ней своё завершение.

Религия имеет большое значение в философии, она является одним из видов истинного знания. Как известно, философия способна понимать религию, а религия философию – нет. Религия оказывает значительное влияние на фи-

лософию, особенно в раннюю эпоху. Например, у ионийских натурфилософов заметно отражение мифологических представлений: например, идея Фалеса Милетского, что мир произошёл из воды, ещё недалеко отходит от мифа об Океане как отце всего существующего. Позднейшие философы-идеалисты, вплоть до Сократа и Платона, нередко пользовались для изложения своих концепций мифологическими образами. Вновь усилилось влияние религии на философию в эллинистическо-римскую эпоху, когда в связи с упадком античной демократии стали возникать религиозно-философские системы, такие, как неоплатонизм, неопифагореизм [4].

Таким образом, можно утверждать, что религия представляет собой значимый источник для философских размышлений, вдохновляя философов на глубокий анализ и интерпретацию различных религиозных идей и концепций. Философия религии, в частности, акцентирует внимание на природе религиозного опыта и отдельных представлениях о божественном, анализируя их с разных точек зрения. Уровни предметности, предложенные различными философами, служат основой для структурированного анализа, который охватывает как теоретические, так и практические аспекты вероисповедания и духовного опыта. Взаимное влияние философии и религии на протяжении всей истории человечества служит ярким примером того, что эти две области развиваются в активном диалоге, обогащая наше понимание человеческого существования и его смысла. По сути, религию и философию можно рассматривать как две стороны одной медали, обе стремятся к истине и осмыслению глубочайших вопросов бытия.

Пристатейный библиографический список

1. Мекушкин А. А., Воденко К. В. История религиозной философии. [Электронный ресурс]: учебное пособие / Донской государственный технический университет. - Ростов н/Д: Изд-во «Профпресс», 2019. - 231 с.
2. Шохин В. К. Введение в философию религии // Издательство «Альфа-М». - М., 2010. - 288 с.
3. Лега В. П. Религиозная философия: учебное пособие. - М.: Изд-во МГЛУ, 2009. - 308 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/religioznaja-filosofija/2_14.
4. Влияние религии на философию. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru/hP4farXcB8?ysclid=m2lv3c4d44708423794>.

ХОМИЧ Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского

БОДЯК Марина Германовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского

ФУНКЦИИ УСЛОВНОСТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается функция условности с позиции ее способности проектировать субъективные миры. Условность здесь наделяется категориальными значениями и выступает как общее понятие, выражающее отношение реального мира к субъективному. Обзорно рассмотрен мифологический конструкт как один из общего набора условных конструктов. Площадкой для репрезентации условных субъективных миров является масс медиа, где проявляется творчество и квазитворчество молодежи, изучение которого может частично объяснить закономерности и способы конструирования этих вторичных реальностей. Знание этих механизмов может помочь регулировать формирование ценностной картины мира отдельного человека и нации в целом, а также становление субъективных представлений в соответствии с духовно-нравственными национальными категориями. Мифологическое структурирование целостной субъективной модели мира изначально ориентировано на стереотипы, которые представляют собой шаблоны для обобщения и упрощения понимания идей. Стереотипы порождают такие когнитивные категории, как концепты, которые объединяют абстрактные и конкретные представления.

Ключевые слова: условность, социальный конструкт, миф, творчество, субъективная реальность.

KHOMICH Natalia Viktorovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty, A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

BODYAK Marina Germanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty, A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

THE FUNCTIONS OF CONVENTION IN THE CONSTRUCTION OF SUBJECTIVE REALITY (MYTHOLOGICAL ASPECT)

The article examines the function of convention from the perspective of its ability to design subjective worlds. Conventionality is given categorical meanings here and acts as a general concept expressing the relation of the real world to the subjective one. The mythological construct is reviewed as one of the general set of conditional constructs. The platform for the representation of conditional subjective worlds is the mass media, where the creativity and quasi-creativity of young people are manifested, the study of which can partially explain the patterns and ways of constructing these secondary realities. Knowledge of these mechanisms can help regulate the formation of a value picture of the world of an individual and the nation as a whole, as well as the formation of subjective ideas in accordance with spiritual and moral national categories. The mythological structuring of a holistic subjective model of the world is initially focused on stereotypes, which are templates for generalizing and simplifying the understanding of ideas. Stereotypes generate cognitive categories such as concepts that combine abstract and concrete representations.

Keywords: convention, social construct, myth, creativity, subjective reality.

Картина мира каждого человека формируется посредством структурирования жизненных ценностей, их понимания и принятия в процессе создания условной действительности. Современное состояние культурного и идеологического хаоса провоцирует не всегда разумное мировосприятие современной молодежи как социально-демографической группы, наиболее подверженной различного рода влияниям манипулятивного характера. Абсолютно обоснована возникшая тревога по поводу «заблуждения» и дезориентации молодых людей в условиях трансформации нравственных идеалов и навязывания ложных нравственных и жизненных ориентиров. В своей работе о природе этничности Н. Глейзер и Д. Мойнихен основные механизмы трансляции культуры видят в языке, происхождении и религии, и смысл этих трансляций в ценностном содержании представлений, формирующем когнитивные сценарии поведения и понятийные модели каждого человека [16], [17]. Эта новая сконструированная субъективная реальность разноаспектно оказывает влияние на человека, на его эмоциональные реакции и процессы принятия решений. Сама условность неизбежна без социального контекста, а ее категориальное же проявление заключается, прежде всего, в проектировании мотивно-образного мира как альтернативы или замены реального» [15], [24].

Критерием типологии объективной и субъективной модальности Аристотель определяет отношение объекта с реально существующими или потенциально существующими, но еще не возникшими. «Отсюда использование Аристотелем терминов «унилатеральной» [безусловной] модальности, применимой только к таким положениям дел, которые существуют в действительности, и «билатеральной» [условной] модальности [9, с. 28]. Демонстрация картины

мира современной молодежи – это результат творческой деятельности, представленный в виртуальном социальном пространстве и отображающий осмысление и перевоплощение окружающего мира. Площадками, на которых может репрезентоваться субъективный мир, могут быть блоггерство и социальные медиа, музыкальная и кино - [видео -] индустрии, а также различные онлайн курсы и школы. Способность к модификации и саморазвитию такой специфичной современной художественно-эстетической картины мира и ее синтетическая основа неоднократно отмечается в трудах современных исследователей культуры постиндустриального общества [7, с. 137].

Создание новой реальности, способной функционировать и отвечать запросам информационного общества, возможно только на основе знаний и опыта, которые в итоге формируют систему социальных конструктов, на основе которых строится парадигма социального конструктивизма. «На основании выявленных причин формируется знание в форме интеллектуальных идей, которые позволяют интерпретировать окружающую действительность, в том числе и социальную» [6, с. 117]. В рамках исследования возможностей социального конструктивизма в построении картины мира акцентируется роль социальных ценностей, типичных как для определенной культуры, так и для отдельного человека [11, с. 150].

Несмотря на то, что субъективные миры не идентичны, а зачастую и не похожи в силу разности мотивов и ценностных ориентиров их создателей, социальная идея общества возникает, развивается и является жизнеспособной только при условии аналогичности выбранных конструктов у всех его представителей. «Из этого социальные конструктивисты делают вывод, что социальная действительность отчасти создается,

или «конструируется» [5, с. 196]. В концепции социального конструктивизма конструкты определяются как «способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир» [6, с. 37]. В этом представлении субъективный мир может рассматриваться как субстанция, тождественная человеческой идентичности и неотъемлемой минимальной составляющей национального самосознания в целом.

Если речь идет о выборочности конструктов, то возникает вопрос о наборе конструктивных инструментариев, и, как следствие – классификации конструктов, способных создавать тот или иной тип субъективной реальности. Первичным критерием классификации становится деление на способность проявиться или в содержательном наполнении, или посредством формального выражения. Миф обеспечивает становление субъективного видения реальности и возводит его в статус истинного. С точки зрения М. Дюркгейма миф – это «хранилище аллегорических указаний, позволяющих личности существовать в обществе». К. Юнг рассматривает миф как систему архетипов, выражение бессознательного. Э. Тейлор делает акцент на ритуал и магический обряд, а С. С. Аверинцев определяет миф как «создание коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающей действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реально» [1, с. 880].

К основным мифологическим конструктам, способным графически представить образы условного мира можно отнести бытовые верования (знаки и символы, содержащиеся в социальных текстах разных дискурсов – религиозных, рекламных, художественных, политических и т.д.), культурные и социальные стереотипы, архетипы. Переходя из абстрактного пространства в реальные жизненные условия, мифотворчество определяет законы и колористику, в зависимости от которых определяется природа творчества, и становится «одним из универсальных способов гармонизации постоянно изменяющихся отношений конкретного индивида (обладающего набором потребностей, интересов, мотивов) с миром» [9, с. 28]. Само по себе мифологическое мышление – явление абстрактное, а процессы репрезентации объектов объективного мира должны в итоге иметь конкретное выражение. Условные субъективные реальности всегда упрощены для более понятного видения окружающей действительности, и, согласно В. М. Найдышу, в основе этого понимания находится именно мифологическое мышление. «Мифологическое мышление – это не что иное, как допонятийное мышление образами» [8, с. 18].

Мифологическое структурирование целостной субъективной модели мира изначально ориентировано на стереотипы, которые представляют собой шаблоны для обобщения и упрощения понимания идей, ситуаций, фактов, объектов. Стереотипное мышление помогает избежать глубокого анализа явления и позволяет человеку быстро ориентироваться в социуме и бытийном пространстве. «Стереотипы срабатывают как «маркеры» социальной дифференциации между группами и интеграции внутри них, ибо они защищают и охраняют интересы группы, регулируют поведение людей» [9, с. 154]. Р. И. Павиленис рассматривал проблематику смысла как неотъемлемую часть более общей проблемы познания мира и построения его концептуальной картины. В его концепции концептуальная система носителя языка является системой его мнений и знаний о мире, отражающих познавательный опыт на разных этапах и уровнях [10, с. 100]. Концептуальный анализ продуктов творчества позволяет выявить и ценностные, и познавательные установки и ориентиры человека. «Человек выделяет в своей концептуальной системе те концептуальные структуры, которые представляют его мнение о мире» [12, с. 156].

Концепты субъективной реальности собираются не разрозненно, а в большинстве своем – бинарны. Вместе с тем существует длительная и богатая философская традиция, признающая бинарность не только важной характеристикой «проекта модерна», но и структурообразующим принципом мышления и бытия человека [3], [5]. Восприятие мира в контексте оппозиционного разграничения жизненных ценностей вводит принципы главных этических категорий: добра и зла, динамики и статики, души и тела, духовности и материальности, что и определяет нравственные ориентиры

человека. «Бинарные отношения <...> в буквальном смысле способствуют выживанию субъекта и группы, обуславливая отношения кооперации и конкуренции [2, с. 106].

Итак, роль условности в конструировании субъективных миров может определяться двумя ее основными функциями: определять концептуально-ценностную систему человека и являться инструментом превращения образных представлений в графически выраженные в творчестве и медиа творчестве объекты. Посредством социальных условностей и стереотипов, определяющих структуру социальных мифов, условность непосредственно влияет на индивидуальные особенности мыслительной деятельности каждого отдельно взятого человека, формируя тем самым систему ценностей и социальных установок, и в то же время объясняет природу вербальных и невербальных знаков, культурных и социальных символов индивидуальной творческой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Аверинцев С. С. Мифы // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 876-882.
2. Альперович В. Д. Субъективный «образ мира»: сравнительный анализ концептуальных моделей // Психология и психотехника. – 2023. – № 4. – С. 104-117.
3. Воробьева Е. Ю. Бинарность и ее архетипические основания: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01; Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2005. – 22 с.
4. Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 137.
5. Коньшнев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 94-112.
6. Левицкая И. А. Теория личностных конструктов Дж. Келли: на пути к когнитивной философии образования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2. – С. 114-119.
7. Мусат Р. П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Красноярск, 2016. – 343 с.
8. Найдыш В. М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Философия мифа: онтология, аксиология, методология. – 2022. – Т. 49, № 1. – С. 15-28.
9. Найдыш В. М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 26-34.
10. Павиленис Р. И. Проблема смысла: соврем. логико-филос. анализ яз. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
11. Равочкин Н. Н., Князев Н. А., Круглова И. Н. [и др.]. Проблема идей в контексте социального конструктивизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9, № 3-1. – С. 148-157.
12. Раздабарина Ю. А. Концептуальная система в теории смысла РИ Павилениса // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8-2. – С. 155-156.
13. Суходольская Н. П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. – 2007. – № 3 (47). – С. 152-160.
14. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35-45.
15. Хомич Н. В. Социально-философская трактовка условности как универсальной категории // Философская мысль. – 2024. – № 8. – С. 21-30.
16. Ethnicity: Theory and Experience / Eds N. Glazer and D. Movnihan. – Cambridge, Mass, 1975. – P. 17.

БЛОХИН Константин Максимович

аспирант, Государственный университет просвещения

ГЕОПОЛИТИКА «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ» В КОНЦЕПЦИЯХ НЕОЕВРАЗИЙСТВА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ АТЛАНТИЗМУ И ПОИСК СОЮЗНИКОВ

Статья рассматривает геополитическую концепцию неоевразийства в контексте противостояния атлантизму и поиска союзников в условиях многополярного мира. Анализируются ключевые идеи и принципы неоевразийства, его геополитические цели и стратегии, а также влияние внешних и внутренних факторов на практическую реализуемость этого проекта. Обсуждаются потенциальные союзники концепции в лице стран БРИКС и ШОС, их интересы и возможности сотрудничества, а также противоречия и вызовы, с которыми сталкивается неоевразийство. Выводы подчеркивают неопределенность перспектив концепции, зависящую от международной обстановки и готовности стран к сотрудничеству.

Ключевые слова: геополитика, неоевразийство, атлантизм, Большая Евразия, многополярность, БРИКС, ШОС, региональная безопасность, мировой порядок.

BLOKHIN Konstantin Maximovich

postgraduate student, State University of Education

THE GEOPOLITICS OF "GREATER EURASIA" IN THE CONCEPTS OF NEO-EURASIANISM: OPPOSITION TO ATLANTICISM AND THE SEARCH FOR ALLIES

The article examines the geopolitical concept of neo-Eurasianism in the context of the confrontation with Atlanticism and the search for allies in a multipolar world. The key ideas and principles of neo-Eurasianism, its geopolitical goals and strategies, as well as the influence of external and internal factors on the practical feasibility of this project are analyzed. The potential allies of the concept represented by the BRICS and SCO countries, their interests and opportunities for cooperation, as well as the contradictions and challenges faced by neo-Eurasianism are discussed. The conclusions highlight the uncertainty of the concept's prospects, depending on the international situation and the willingness of countries to cooperate.

Keywords: geopolitics, neo-Eurasianism, Atlanticism, Greater Eurasia, multipolarity, BRICS, SCO, regional security, world order.

Современная геополитическая ситуация характеризуется глубокими трансформационными процессами, наиболее заметным из которых является смещение глобального центра силы в сторону Евразии. Усиление многополярности, проявляющееся в ослаблении гегемонии США и НАТО и возрастающем влиянии незападных центров силы (Китай, Россия, Индия и др.), формирует крайне нестабильную и конкурентную среду. Сдвиг парадигмы выражается не только в экономической сфере, но и в сфере безопасности, идеологии и культуры, что существенно обостряет противостояние между различными геополитическими блоками, условно обозначаемыми как «Запад» и «Восток».

В этом контексте концепция неоевразийства, предлагающая альтернативу либеральному миропорядку, становится актуальным объектом научного анализа. Противоречивость и многогранность концепции, обусловленные разнообразием интерпретаций и отсутствием единой догматической основы, делают исследование особенно необходимым для понимания формирующегося мирового порядка.

Для более точного определения предмета исследования необходимо дать четкие определения ключевых терминов. «Большая Евразия» в данном контексте представляет географическую и геополитическую область, включающую Европу и Азию, рассматриваемую как единое целое, с акцентом на взаимосвязь и взаимозависимость

регионов. «Неоевразийство» — геополитическая концепция, предполагающая формирование многополярного мира с активным участием евразийских государств, ориентированная на создание системы безопасности и экономического сотрудничества, альтернативной атлантической системе. Под «атлантизмом» в данной работе понимается геополитическая доминанта, основанная на либеральном мировом порядке, в основе которого лежит гегемония США и НАТО, пропаганда либерально-демократических ценностей и стремление к установлению глобального контроля через международные организации и механизмы экономического давления.

Главной целью данной статьи является теоретический обзор концептуальных основ неоевразийства в контексте противостояния атлантизму и поиска союзников. Для достижения этой цели будут решены следующие задачи: 1) рассмотрение ключевых идей и принципов неоевразийства; 2) анализ его геополитических целей и стратегий; 3) определение потенциальных союзников и противников неоевразийской концепции; 4) оценка практической реализуемости неоевразийского проекта с учетом существующих геополитических реалий и внутренних противоречий в самой концепции; 5) исследование возможных сценариев развития геополитической ситуации в Евразии в условиях конкуренции между атлантизмом и неоевразийством.

Неоевразийство как современная геополитическая концепция представляет эволюционное развитие класси-

ческого евразийства, возникшего в эмигрантских кругах после революции 1917 года. Классическое евразийство, представленное Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким и Л. П. Карсавиным, акцентировало внимание на уникальности евразийской цивилизации, противопоставляя ее Западу и Востоку. Евразийский континент рассматривался как самостоятельная, самобытная цивилизационная сущность, обладающая специфической социокультурной структурой и историческим опытом, формирующим особые геополитические парадигмы. Однако, изначально евразийство носило в значительной степени философско-культурологический характер, не имея четко сформулированной геополитической программы. Неоевразийство же, возникшее в постсоветский период, «впитало» идеи классического евразийства, но приобрело выраженный геополитический и прагматический характер, адаптировавшись к новым реалиям многополярного мира. Ключевая трансформация, на наш взгляд, заключается в переходе от абстрактных философских построений к конкретным политическим и экономическим проектам, направленным на укрепление позиций Евразии в глобальной политической системе.

Центральная идея неоевразийства – концепция «Большой Евразии» как самостоятельного центра силы, способного противостоять гегемонии Запада, в частности, атлантическому гегемонисту – США. Критика либерального мирового порядка, основанного на принципах либерального интернационализма и глобализации в этом контексте ключевое составляющее неоевразийской идеологии. Неоевразийцы отвергают универсализм либеральных ценностей, отдавая предпочтение многополярному миру, в котором суверенитет национальных государств является фундаментальным принципом. В этом контексте акцент делается на цивилизационном разнообразии Евразии, признании уникальности различных культурных и религиозных традиций. При этом интерпретация роли России в неоевразийской системе – предмет дискуссий, который отличается в зависимости от конкретного подхода. Некоторые критики указывают на ограниченность интеграционных процессов, зависимость от энергетических ресурсов, а также на проблемы в развитии инфраструктуры и технологий. На практике, неоевразийская экономическая стратегия сталкивается с вызовами, связанными с геополитической нестабильностью, экономическими санкциями и конкуренцией со стороны других региональных и глобальных экономических акторов.

Очевидно, что неоевразийство не представляет унифицированную идею. Существуют различные школы и течения внутри неоевразийства, которые отличаются по своим подходам к ключевым вопросам. Например, некоторые представители неоевразийства отдают приоритет геополитическому соперничеству с Западом, в то время как другие акцентируют внимание на экономическом сотрудничестве и культурном обмене. Различия существуют также в оценке роли России в неоевразийской системе: от концепций российского лидерства до идей равноправного партнерства между государствами Евразии.

Причины противостояния коренятся в историческом опыте, в частности, в восприятии последствий холодной войны и расширения НАТО на Восток, что многие страны постсоветского пространства и другие регионы рассматри-

вают как угрозу своим национальным интересам. Механизмы противостояния многообразны: от экономических санкций и торговых войн до информационных кампаний и геополитического соперничества за влияние в различных регионах мира, включая Африку, Латинскую Америку и Азию. В основе противостояния конкуренция идеологических моделей, борьба за определение глобальной повестки дня и формирование новых норм международного права.

Вместо однополярного мира, доминируемого США и их союзниками, неоевразийство отстаивает многополярный мир, в котором ведущая роль принадлежит не одной, а нескольким глобальным державам. Данная модель предполагает укрепление региональных интеграционных процессов (Евразийский экономический союз, ШОС и БРИКС), что должно способствовать справедливому распределению глобального богатства и уменьшению зависимости от атлантических институтов. Однако, критики неоевразийства подчеркивают риск возрождения геополитической фрагментации и потенциальную нестабильность, связанную с ослаблением глобального управления и распространением националистических тенденций. Более того, сам термин «неоевразийство» достаточно неоднозначен и охватывает широкий спектр идей и подходов, усложняя оценку потенциальных последствий.

Критика либерального мирового порядка со стороны неоевразийства основывается на ряде аргументов. Одно из главных обвинений – универсализм либеральных ценностей, который, по мнению неоевразийцев, игнорирует культурное многообразие и национальные особенности различных стран. Кроме того, неоевразийство критикует экономическую политику либерального мирового порядка, считая, что она способствует усилению неравенства между развитыми и развивающимися странами и ведет к эксплуатации ресурсов периферийных регионов. В качестве примера приводится неокOLONIALИЗМ, проявляющийся в экономическом давлении и политическом вмешательстве со стороны западных стран. Более того, неоевразийство подчеркивает ограниченность институтов либерального мирового порядка (ООН и МВФ), считая, что они не способны эффективно решать глобальные проблемы и отражают интересы лишь ограниченного круга стран.

В условиях нарастающей конкуренции между ведущими державами возрастает риск военных конфликтов, как прямых, так и косвенных, в различных «горячих точках» мира. Экономические санкции и торговые войны неминуемо приводят к глобальной рецессии и усугублению социально-экономического неравенства. Риск непреднамеренной эскалации конфликтов значительно вырос из-за нарастания напряженности и недостаточного доверия между сторонами, а учитывая распространение ядерного оружия, даже локальный конфликт может иметь непредсказуемые катастрофические последствия.

Поиск союзников в рамках неоевразийской концепции, альтернативной западнцентричному атлантизму, обусловлен желанием создать противовес доминированию США и их союзников. Ключевыми факторами, определяющими потенциальных союзников, являются экономические интересы, геополитическое положение и общность подходов к решению глобальных проблем – борьба с терроризмом, обеспечение энергетической безопасности и

противодействие однополярному миропорядку. Анализ мотивации предполагаемых партнеров выявляет их стремление к экономическому росту, технологическому развитию и укреплению суверенитета, что часто совпадает с целями неоевразийской концепции, предлагающей платформу для сотрудничества вне рамок западных институтов.

В число потенциальных союзников неоевразийства входят страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также ряд других государств, ориентированных на многополярный мир. Китай, будучи крупнейшей экономикой мира и обладающим значительным геополитическим влиянием, пожалуй, важнейший «игрок» в этом процессе. Мотивация Китая обусловлена стремлением к расширению рынков сбыта, обеспечению доступа к ресурсам и укреплению глобального статуса. Страны ШОС, объединенные общими интересами в области безопасности и экономического сотрудничества – эффективный блок для противодействия атлантизму, особенно в Центральной Азии. Однако, внутри БРИКС и ШОС существуют значительные разногласия по вопросам экономической политики, региональных амбиций и внешнеполитических приоритетов. Индия, например, несмотря на участие в БРИКС и усиление сотрудничества с Россией, сохраняет тесные связи с США.

Возможные формы сотрудничества между потенциальными союзниками неоевразийства весьма разнообразны, включая экономическую интеграцию, развитие совместных инфраструктурных проектов, укрепление военных связей, культурный обмен и сотрудничество в области науки и технологий. Различия в уровнях экономического развития, политических режимах и национальных интересах создают трудности в координации действий и принятии совместных решений. Следовательно, ограничения в формировании прочных альянсов в рамках неоевразийской концепции обусловлены, прежде всего, противоречиями интересов между потенциальными союзниками, к которым относятся территориальные споры между государствами, конкуренция за ресурсы и влияние в отдельных регионах. Внутренняя нестабильность в отдельных государствах, включая политическую нестабильность, экономические кризисы и социальные конфликты, также существенно ослабляет потенциал неоевразийских альянсов. Кроме того, существует очевидное внешнее давление со стороны США и их союзников, направленное на подрыв неоевразийского сотрудничества посредством санкций, дипломатического давления и информационных кампаний.

Таким образом, отсутствие единого видения будущего порядка в «Большой Евразии», разногласия между участниками по ключевым вопросам экономического и политического сотрудничества (например, распределение ресурсов, баланс влияния между региональными державами), а также различный уровень экономического развития и политической зрелости государств – все это тормозит процесс формирования устойчивой неоевразийской системы. Тем не менее, наблюдаемое усиление многополярности в международных отношениях, рост экономического влияния некоторых евразийских стран и растущее недовольство гегемонией атлантической системы создают

благоприятную почву для дальнейшего развития неоевразийских идей. Мы считаем, что успех неоевразийства во многом будет зависеть от способности преодолеть внутренние противоречия, выработать совместную стратегию и предложить конкретную альтернативу существующему миропорядку.

Так, перспективы неоевразийства остаются неопределенными и во многом зависят от конъюнктуры международной обстановки и способности заинтересованных стран к конструктивному диалогу и сотрудничеству. Формирование эффективной системы региональной безопасности, создание современной инфраструктуры и достижение более сбалансированного экономического развития являются ключевыми задачами для реализации неоевразийского проекта.

Пристатейный библиографический список

1. Асаналиев У. А., Бредихин А. В. Роль ШОС для стран ЕАЭС в современный период // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 487-488.
2. Бредихин А. В. Евразийский вектор развития Российской Федерации: исход к Востоку // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 1. С. 98-109.
3. Бредихин А. В. Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции // Архонт. 2017. № 2 (2). С. 14-16.

ВОРОНИЦЫН Николай Владимирович

аспирант, Государственного университета просвещения

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ НЕОЕВРАЗИЙСТВА: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА К ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена исследованию философских основ неоевразийства в современном контексте, акцентируя внимание на эволюции этой концепции от классического евразийства к постсоветским интерпретациям. Актуальность статьи обусловлена интересом к евразийской идее в условиях глобализации и изменяющейся геополитической ситуации. Классическое евразийство, возникшее в начале XX века, акцентировало уникальность евразийской цивилизации, комбинируя элементы европейской и азиатской культур. Неоевразийство, в свою очередь, развилось в постсоветский период, став более многообразным и адаптивным к современным реалиям. В статье рассматриваются ключевые концепции, отличия и противоречия между этими двумя течениями, а также влияние на формирование российской внешнеполитической идеологии и место России в глобальной политической системе.

Ключевые слова: неоевразийство, классическое евразийство, философские основы, геополитика, постсоветская концепция, идентичность, культура, интеграция, Россия, международные отношения.

VORONITSYN Nikolay Vladimirovich

postgraduate student, State University of Education

THE PHILOSOPHICAL ORIGINS OF NEO-EURASIANISM: FROM CLASSICAL EURASIANISM TO POST-SOVIET INTERPRETATION

The article is devoted to the study of the philosophical foundations of neo-Eurasianism in the modern context, focusing on the evolution of this concept from classical Eurasianism to post-Soviet interpretations. The relevance of the work is due to the interest in the Eurasian idea in the context of globalization and the changing geopolitical situation. Classical Eurasianism, which emerged at the beginning of the 20th century, emphasized the uniqueness of the Eurasian civilization, combining elements of European and Asian cultures. Neo-Eurasianism, in turn, developed in the post-Soviet period, becoming more diverse and adaptive to modern realities. The article examines the key concepts, differences and contradictions between these two trends, as well as the impact on the formation of Russian foreign policy ideology and Russia's place in the global political system.

Keywords: neo-Eurasianism, classical Eurasianism, philosophical foundations, geopolitics, post-Soviet concept, identity, culture, integration, Russia, international relations.

Актуальность исследования философских основ неоевразийства в современном контексте обусловлена возросшим интересом к евразийской идее, которая в последние десятилетия вновь становится предметом активных дискуссий, как в научных кругах, так и в политической практике. В условиях глобализации и изменения геополитической карты мира, концепция евразийства, изначально сформулированная в начале XX века, обретает новые смыслы и интерпретации, что связано с необходимостью осмысления идентичности постсоветских стран, их места в международной системе и поиска альтернативных моделей интеграции. Важно подчеркнуть, что между классическим евразийством и его современными интерпретациями существует значительная разница, требуя дифференциации и анализа.

Классическое евразийство, возникшее в контексте русской эмиграции после революции 1917 года, акцентировало внимание на уникальности евразийской цивилизации, которая, по мнению его основателей, сочетает в себе элементы как европейской, так и азиатской культур. Движение, представляемое Георгием Вернадским и Николаем Трубецким, стремилось создать философскую и культурную альтернативу западному индивидуализму, подчеркивая важность коллективных ценностей и духовного единства народов Евразии. В отличие от него, неоевразийство, как философская и политическая концепция, зародилось в постсоветский период и включает

более широкий спектр идей, часто подчеркивающих необходимость интеграции стран СНГ и противостояния западному влиянию. В рамках данной статьи основная цель заключается в прослеживании эволюции философских основ евразийства от его классической формы к постсоветской интерпретации. Структура статьи будет организована следующим образом: будет представлен исторический контекст возникновения классического евразийства и его основные концептуальные положения и отдельно рассмотрена трансформация этих идей в рамках неоевразийства, включая анализ современных философских и политических интерпретаций.

Глубокий анализ евразийских трудов показывает стремление их авторов к созданию альтернативной геополитической парадигмы, отличающейся от как западного либерализма, так и от советского тоталитаризма. Евразийцы выдвигали концепцию «геополитического регионализма», акцентируя внимание на особой роли географического фактора в формировании цивилизаций и государств. Евразийская цивилизация, по их мнению, представляла уникальную социокультурную систему, сформировавшаяся на стыке Европы и Азии, характеризующуюся синтезом различных культурных, религиозных и политических традиций. Ключевыми понятиями евразийской доктрины являлись «континентальность», «синкретизм», «традиционализм»: 1) континентальность подразумевала особую геополитическую и климатическую обусловленность евра-

зийского пространства, которое определяло его цивилизационные особенности; 2) синкретизм отражал сложный процесс взаимодействия и взаимопроникновения различных культурных и религиозных влияний на евразийских территориях; 3) традиционализм акцентировал важность сохранения традиционных ценностей и институтов в оппозицию либеральным реформам.

Евразийцы предлагали конкретную альтернативу, базирующуюся на концепции евразийской империи — символа синтеза и взаимодействия разных культур. Однако, классическое евразийство отличалось внутренней неоднородностью и отсутствием единой идеологической платформы. Внутри движения прослеживались различные точки зрения на будущее России и ее место в мире. Некоторые евразийцы отдавали предпочтение авторитарным формам правления, полагая, что только сильная государственная власть может обеспечить стабильность и развитие Евразии. Другие же придерживались более либеральных взглядов, отстаивая необходимость гражданского общества и развития рыночной экономики в рамках евразийской идеи. Внутренний плюрализм позволял евразийству вбирать разные идеи и концепции, делая его идеологическую структуру довольно сложной и многогранной. Однако, это же стало причиной определенного фрагментаризма и неспособности сформировать единую, консолидированную политическую силу. Разные толки внутри евразийства часто вступали в дискуссии и полемику, тем самым подрывая общее влияние.

Центральными фигурами течения стали Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и Л. П. Карсавин, каждый из которых внес свой уникальный вклад в формирование евразийской доктрины. Трубецкой, опираясь на концепцию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, акцентировал внимание на специфике евразийской цивилизации как самобытного целого, отличного как от Запада, так и от Востока. Он критиковал либерализм и индивидуализм Запада, видя в них источники дезинтеграции и деградации общества, отдавая предпочтение органической солидарности и коллективизму, присущим, по его мнению, евразийскому менталитету. Савицкий, в свою очередь, разрабатывал конкретную социологическую и политическую концепцию евразийства, подчеркивая роль государства как интегрирующего фактора в многонациональной евразийской среде. Он рассматривал государство как высший синтез духовных, экономических и политических сил, способный гармонизировать разнообразные социальные группы и обеспечить устойчивое развитие. Карсавин, ориентированный на философско-религиозные аспекты, исследовал особенности евразийской духовности, видя в ней синтез христианских и восточных традиций, противопоставляя её рационалистическому и материалистическому мировоззрению Запада. Все эти мыслители сходились в критике западного индивидуализма и либерализма, предлагая в качестве альтернативы органическое общество, основанное на иерархических принципах и коллективной ответственности.

Ключевым аспектом концепции была идея о специфическом евразийском менталитете, отличающемся от западного индивидуализма и восточного коллективизма. Евразийцы описывали менталитет как сочетание коллек-

тивистических традиций с сильной государственностью, ориентированной на сохранение уникальности и самобытности евразийского пространства. В отличие от западного антропоцентризма, евразийская философия ставила во главу угла идею гармонии человека с природой и космическим порядком. Религия, по мнению многих евразийцев, должна играть важную роль в объединении общества и формировании общего мировоззрения. Однако, в отличие от официальной идеологии советского периода, евразийцы не проповедовали атеизм, а признавали важную роль различных религиозных конфессий в жизни евразийского населения. Интересно отметить, что сами понятия «Восток» и «Запад» в контексте евразийской идеологии интерпретируются не как географические понятия, а как обозначения различных цивилизационных парадигм, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки.

Сторонники западной модели демократии осуждали авторитарные тенденции евразийства, иерархическую структуру и антилиберальные взгляды. Евразийская концепция «географического детерминизма», предполагающая приоритет географических факторов в определении исторического пути народов, была подвергнута критике за схематизм и пренебрежение ролью социальных и культурных факторов. Некоторые критики указывали на противоречивость евразийской модели, где идеи самобытности и уникальности русской цивилизации сочетались со стремлением к гегемонии России в Евразии, что выглядело империалистически. С другой стороны, идеологии радикального толка (например, левые движения) критиковали евразийцев за консерватизм, отсутствие социальной справедливости и поддержку государственного авторитаризма. Интересно отметить, что критика евразийства шла не только «извне», но и «изнутри», отражая внутренние противоречия и разногласия между самими евразийцами относительно идеальной модели организации евразийского пространства и роли России в нем.

Распад Советского Союза, утрата статуса сверхдержавы и последующая либерализация, сопровождавшаяся экономическими потрясениями и социальной дезориентацией, породили потребность в новой национальной идеологии, которая могла бы предложить альтернативу, как западному либерализму, так и марксистско-ленинскому прошлому. Ноевразийство, заимствуя некоторые элементы из классического евразийства, попыталось заполнить идеологический вакуум, предлагая концепцию самобытного, континентального пути развития России, основанного на синтезе традиционных ценностей, консерватизма и утверждении многополярного миропорядка, противостоящего доминированию Запада. Процесс сопровождался активным переосмыслением исторического опыта, поиском новой национальной идентичности и попыткой определить место России в глобальной политике, что привело к формированию весьма неоднородного и дискуссионного идеологического поля.

Отличия ноевразийства от классического евразийства проявляются, прежде всего, в акцентах. Если классическое евразийство в большей степени ориентировалось на экономическое и геополитическое сотрудничество между европейской и азиатской частями Евразии, то ноевразийство делает ставку на континентальный антиза-

паднический фундаментализм. Классическое евразийство, в частности в лице Савицкого, стремилось к синтезу западных и восточных культурных влияний в рамках общей евразийской идентичности, тогда как неоевразийство часто выступает с позиций отвержения западных ценностей и моделей развития. Ещё одним важным отличием является насыщенность неоевразийства мистицизмом и эзотерическими идеями, что было гораздо менее выражено в классическом евразийстве. Неоевразийство активно использует религиозные, культурологические и метафизические концепции для обоснования своих геополитических тезисов, что придает ему значительно более идеологизированный характер по сравнению с относительно прагматичным подходом классического евразийства.

Философские основы классического евразийства, акцентировавшие континентальную специфику, синкретизм культурных влияний и противопоставление «Западу» и «Востоку», в неоевразийстве подверглись существенной трансформации. Ранние евразийцы часто идеализировали имперскую модель, а неоевразийцы стремятся к более прагматичному подходу, часто апеллируя к концепциям «мягкой силы», региональной интеграции и многополярного мироустройства. Понимание «евразийской цивилизации» стало более дифференцированным, учитывающим наличие разнообразных этнокультурных групп в регионе, хотя и с явным уклоном в направлении русского мирового фактора. Введены новые элементы, как акцент на сохранении суверенитета, защите от глобалистского давления, построении альтернативных моделей развития, не подчиняющихся либерально-демократическому дискурсу.

Теоретическое исследование показало, что, несмотря на очевидную преемственность в отношении к геополитическому положению России и Евразии, неоевразийство существенно трансформировалось, адаптируясь к новым реалиям постсоветского пространства и глобализованного мира. Классическое евразийство, с его акцентом на традиционалистских ценностях, синтезе Востока и Запада и противопоставлении «Западу-Атлантизму», претерпело значительную модификацию. Постсоветское неоевразийство, хотя и сохраняет некоторые ключевые элементы предшественника, демонстрирует большую вариативность и эволюционную динамику. В нём можно выделить различные течения и подходы, от умеренного регионализма до более резко выраженных геополитических доминант, что обусловлено влиянием множества факторов, включая изменения в международной системе, трансформацию российского государства и разнообразие идейных традиций в российском обществе.

Анализ выявил как точки преемственности, так и существенные отличия между классическим и неоевразийством. К первым можно отнести критику либерального глобализма, акцент на самобытности российской цивилизации и многополярности международных отношений. К отличиям же следует отнести более прагматичный подход неоевразийства к международному сотрудничеству, большую внимательность к экономическим факторам и меньшую идеологическую заряженность по сравнению с более утопичными представлениями классического евразийства. Важно отметить, что неоевразийство не представляет собой монолитную идеологию, а является скорее це-

лым спектром взаимосвязанных и часто противоречивых взглядов.

Значение неоевразийства в современном мире заключается во влиянии на формирование российской внешнеполитической доктрины и идеологического ландшафта, поскольку служит источником легитимации для политики «многополярного мира», поддерживая ориентацию на многостороннее сотрудничество и дистанцирование от однополярного доминирования США. Однако необходимо отметить, что влияние неоевразийства остаётся предметом дискуссий, и его реальное воздействие на внешнюю и внутреннюю политику России требует более глубокого исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Асаналиев У. А., Бредихин А. В. Роль ШОС для стран ЕАЭС в современный период // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 4 (191). - С. 487-488.
2. Бредихин А. В. Евразийский вектор развития Российской Федерации: исход к Востоку // Вестник Московского университета. - 2023. - Т. 29, № 1. - С. 98-109.
3. Бредихин А. В. Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции // Архонт. - 2017. - № 2 (2). - С. 14-16.

ПЛЕХАНОВ Николай Александрович

соискатель кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Плекханов Н. А.

ПОСТМОДЕРН: НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФЛЕКСИИ В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье исследуется специфика и роль культуры постмодерна в условиях свершающихся глобальных изменений современности социокультурного и геополитического характера. В работе приведены и проанализированы аргументы постмодернистов, свидетельствующие об истощенности культуры Нового времени. Представлены аргументы, которые действительно отражают динамику евроатлантического социокультурного развития. Однако делается вывод о том, что постмодернисты не предлагают взамен никаких проектов преобразований и выхода из текущего системного кризиса. В статье сделан вывод об истощенности постмодерна для современного этапа социокультурной динамики.

Ключевые слова: постмодерн, философия культуры, социокультурная трансформация, системный кризис, переходная эпоха, кризис культуры.

PLEKHANOV Nikolay Alexandrovich

applicant of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

POSTMODERNISM: THE NEED FOR REFLECTION IN NEW SOCIO-CULTURAL CONDITIONS

The article examines the specificity and role of postmodern culture in the context of ongoing global changes in modernity of a socio-cultural and geopolitical nature. The paper presents and analyzes the arguments of postmodernists, indicating the exhaustion of the culture of the New Time. It is shown that these arguments, indeed, reflect the dynamics of the Euro-Atlantic socio-cultural development. However, it is concluded that postmodernists do not offer any projects for transformation and a way out of the current systemic crisis in return. The article makes a final conclusion about the exhaustion of postmodernism for the current stage of socio-cultural dynamics.

Keywords: postmodernism, philosophy of culture, socio-cultural transformation, systemic crisis, transitional era, crisis of culture.

К исходу первой четверти XXI века многие как обыватели, так и профессиональные исследователи солидарны с тем, что мир изменился. Если прежде, на протяжении почти трёх десятилетий (с начала 1990-х годов) активно говорилось о глобализации, то сегодня говорится о процессе, противоположном указанному – деглобализации.

Со всей очевидностью деглобализация проявляется последние несколько лет и можно совершенно точно утверждать, что процесс этот на современном этапе социокультурного развития лишь начался.

Изучение деглобализации – это перспективное предметное поле, причём междисциплинарного характера. Вместе с тем, исходим из того, что и глобализация и текущая деглобализация – это явления частного порядка, выступающие следствием иного, более масштабного процесса – это всё части целого. Этим целым считается постмодерн.

В отечественной и зарубежной литературе дано множество определений и представлено немало подходов к анализу постмодерна как современной социокультурной ситуации [1, с. 289], [2, с. 99], [3, с. 49], [4, с. 4], [6, с. 107]. Все эти рефлексивные практики объединяет оценка данного феномена, как знаменующего выход социокультурного развития к новым границам. Причём таким границам, каковых история культуры прежде не знала. Принципиальность и отличительная черта постмодерна заключается в разрыве с предшествующим культурным опытом. Постмодерн предлагает отказаться от достижений прошлого, считая их устаревшими, не соответствующими веяниям текущего момента.

В первую очередь острей критики постмодернистов направлено на культурные достижения периода Нового времени. Идеалы рациональности, веры в прогресс (во всех его проявлениях) вызывают у постмодернистов неприятие.

Анализ работ постмодернистов показывает, что, безусловно, основания для критики новоевропейского этапа социокультурной динамики есть. Прогресс научного и технологического развития, решив множество проблем, улучшив условия жизни, поставил /заострил вопросы духовного развития, этическая проблематика приобретает всё более и более актуальный характер. Типичный пример, который в этой связи приводится в многочисленных работах постмодернистов – это создание оружия массового поражения. Действительно, это, с одной стороны, пример торжества научной мысли, но, с другой, феномен, поставивший вопросы этического характера и проблему сохранения человечества.

В схожем ключе постмодернисты рассуждают относительно идеи рациональности. Эта идея, действительно, долгое время выступала мерилем социокультурной динамики европейской (а позднее – евроатлантической) цивилизации. Однако, как показывает опыт последних нескольких десятилетий, идея рациональности загнала евроатлантическую цивилизацию в тупик, которая со всей очевидностью проявляется в сфере духовной культуры.

По нашему убеждению, замечание постмодернистов о «тупике» справедливо, причём перспективы развития стран отмеченного региона представляются как минимум туманными. Это касается как социокультурной динамики, так и физического существования коренных представителей Европы (напомним, что на протяжении ряда лет фиксируется вымирание коренных европейцев, а баланс народонаселения удаётся поддерживать за счёт притока мигрантов, не всегда готовых интегрироваться в новую социокультурную среду, уважать культуру принявшей их территории).

Итак, отдельные аргументы, приводимые постмодернистами из истории европейской культуры, представляют-

ся достаточно убедительными. Однако, принципиальный недостаток постмодернистов заключается в том, что они не предлагают ничего взамен. Действительно, в духовном отношении евроатлантическая цивилизация зашла в тупик, но как решить эту проблему, каков выход из этого системного кризиса? – У теоретиков постмодерна ответа на этот вопрос не нашлось.

Более того, попытки установить методологию постмодерна (хотя и считается, что её фактически не существует), показывают, что любые подобные поиски обречены на провал – альтернативы постмодернисты не предлагают.

Рассматривать постмодерн как некую уникальную эпоху, по нашему мнению, не совсем корректно. Если исходить из понимания постмодерна как переходной эпохи, т.е. как социокультурной трансформации, то подобные периоды в динамике европейской (евроатлантической) культуры уже встречались [5, с. 17], [7, с. 19]. Так, например, переходом между Античностью и Средневековьем социокультурной трансформацией следует определять поздний эллинизм. С этой позиции Возрождение вполне корректно охарактеризовать как переходный период, знаменующий выход Средневековья к Новому времени.

В такие переходные периоды культура всегда ищет выход к новым мировоззренческим основаниям, что объясняется фактом истощенности прежних ориентиров – они перестают отвечать требованиям времени. Последнее объясняется тем, что окружающая действительность (бытие, социокультурная реальность) находятся в состоянии перманентного развития, а указанные характеристики остаются константными.

Сам факт изменчивости культуры представляет собой доказательство её адаптивности по отношению к условиям, в которых она развивается. Это наблюдение культурфилософского свойства только подтверждает ранее сформулированные закономерности социокультурной динамики.

Для каждого периода стабильного/устойчивого развития (каковой разделяется социокультурными трансформациями) может быть определён набор особенностей, которые раскрывают его специфику. Например, для средневековой культуры такой определяющей характеристикой выступал теоцентризм, отразивший роль религиозного фактора в социокультурной динамике этого периода. Именно поэтому для Средневековья идея Бога выступала определяющей и с её позиции решались все мировоззренческие вопросы. Для эпохи Нового времени определяющими выступили идеи веры в прогресс и силу человеческого разума. Эти идеи нашли отражение в обыденной жизни – в стремительном развитии технологий и науки.

В переходные периоды создавалась весьма специфическая ситуация, при которой в культуре одновременно продолжали сохраняться, как характеристики уходящей культуры, так и той, которая приходила ей на смену. Этому наблюдению соответствуют все указанные социокультурные трансформации, в том числе и постмодерн, который с этой позиции рассматривается. Так, например, эпоха Возрождения – как социокультурная трансформация между Средневековьем и Новым временем – не отрицала идею Бога, сохраняя отдельные элементы теоцентризма, но постепенно открывала путь для антропоцентризма. Именно поэтому периоды социокультурных трансформаций постепенно низлагают прежние характеристики (уходящей культуры) и создают условия для утверждения новых, тех, которые будут определять социокультурное развитие в дальнейшем, на следующем этапе устойчивого/поступательного развития.

В этой связи, постмодерн – типичный пример социокультурной трансформации, который низлагает идеалы и ценности культуры Нового времени, однако созидательных предложений относительно дальнейшей социокультурной

динамике представителями (теоретиками) постмодерна не даётся.

На наш взгляд, отсутствие предложения альтернативы – ключевой недостаток концептуальных поисков постмодернистов. Они точно фиксируют проблемы, выступая по их собственному выражению «клиницистами цивилизации» (воспользуемся этим выражением, хотя и имеющим отношение к представителям художественной сферы), но, как решить эти проблемы, – не предлагают. В этой связи, если постмодернисты фактически с последней трети XX века говорят об истощенности идеалов культуры Нового времени, то сегодня, к исходу первой четверти XXI века вполне корректно поставить вопрос об истощенности постмодерна.

Постмодерн оказался «своевременен» для последней трети XX века, отразив поиски евроатлантического общества,двигающегося по пути приоритета личности над всеми иными феноменами социокультурной реальности. Эти идеи отражались постмодернистами весьма основательно и рельефно. Однако во втором десятилетии XXI века эти идеи перестали отвечать требованиям времени, что со всей очевидностью отразила пандемия covid-19.

Сегодня в условиях развития активной фазы геополитической трансформации, постмодерн, как некое универсальное переходное средство, себя истощил. Более нет необходимости устанавливать единые/универсальные принципы и правила духовного, политического и даже экономического развития.

Постмодерн подготовил благодатную почву для глобализации, а затем и начавшейся сегодня деглобализации. Однако именно запущенный процесс деглобализации привёл к необходимости поиска альтернативы постмодерну, как переходной эпохе в социокультурной динамике.

Пристатейный библиографический список

1. Когай Е. А. Социальное благополучие населения в социологическом измерении // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: ИЖГТУ имени М. Т. Калашникова, 2024. – С. 287-290.
2. Коленко Э. А., Федюнина Т. Г., Арнаутова А. М., Петунина О. А. Феномен насилия в пьесе Ж.-П. Сартра «Дьявол и Господь Бог»: культурфилософский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2024. – Т. 13, № 5-1. – С. 97-102.
3. Кретов Д. В. Феномен политической идентичности в современном социокультурном пространстве // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 48-51.
4. Ромахов О. В. Колонка редактора // Аналитика культурологии. – 2016. – № 1 (34). – С. 4.
5. Тарасов А. Н. Культура: динамика через трансформации. – М: ИНФРА-М, 2024. – 240 с.
6. Тарасов А. Н. Методика использования воспитательного потенциала экосистемы исторического образования: из опыта работы // Философия и культурология: вопросы теории и методологии: материалы II Всероссийской научно-методологической конференции. – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 105-108.
7. Тарасов А. Н. Социокультурная трансформация как феномен динамики европейской культуры: философский анализ: дис. ... доктора философ. наук: 09.00.13. – Курск, 2021. – 379 с.

ПРИМАК Артём Витальевич

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ВАКУЛЕНКО Анастасия Олеговна

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ГУБИНА Анна Олеговна

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

КОМАРОВ Александр Михайлович

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

БАЖЕНОВА Злата Сергеевна

студент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОТ КЛАССИКИ ДО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Статья посвящена эволюции теории конфликта в философской мысли, начиная с классической философии и до постмодернистских подходов. В ней рассматривается развитие взглядов на конфликт как важный философский феномен, его интерпретация в трудах античных мыслителей, таких как Платон и Аристотель, в средневековой философии, а также в работах эпохи Нового времени и XIX века. Особое внимание уделяется трансформации концепции конфликта в постмодернистской философии, где конфликт перестает быть лишь социальным или политическим явлением и становится важной составляющей культуры, языка и знания. Работа анализирует, как различные философские школы трактуют природу конфликта, его роль в обществе и его значение для понимания власти, идентичности и социальной динамики.

Ключевые слова: теория конфликта, философия, классическая философия, постмодернизм, Платон, Аристотель, Маркс, Фуко, Лиотар, социальная динамика, власть, идентичность, деконструкция.

PRIMAK Artem Vitaljevich

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

VAKULENKO Anastasiya Olegovna

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

GUBINA Anna Olegovna

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOMAROV Alexander Mikhaylovich

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAZHENOVA Zlata Sergeevna

student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE EVOLUTION OF CONFLICT THEORY IN PHILOSOPHICAL THOUGHT: FROM CLASSICS TO POSTMODERNISM

The article is devoted to the evolution of conflict theory in philosophical thought, from classical philosophy to postmodern approaches. It examines the development of views on conflict as an important philosophical phenomenon, its interpretation in the works of ancient thinkers such as Plato and Aristotle, in medieval philosophy, as well as in the works of the Modern era and the 19th century. Special attention is paid to the transformation of the concept of conflict in postmodern philosophy, where conflict ceases to be just a social or political phenomenon and becomes an important component of culture, language and knowledge. The work analyzes how various philosophical schools interpret the nature of conflict, its role in society, and its significance for understanding power, identity, and social dynamics.

Keywords: conflict theory, philosophy, classical philosophy, postmodernism, Plato, Aristotle, Marx, Foucault, Lyotard, social dynamics, power, identity, deconstruction.

Конфликт в классической политической теории представляет собой многогранное явление, рассматриваемое как неотъемлемая часть политической жизни, с разнообразием подходов в зависимости от философского контекста. На протяжении тысячелетий различные мыслители стремились понять природу конфликтов, их причины и способы разрешения. От античных философов до эпохи Ренессанса концепция конфликта эволюционировала, преломляясь через призму социальных и политических изменений.

В философии древнегреческих мыслителей конфликт занимал центральное место в понимании как социального устройства, так и политической организации. Платон, в своей работе *Государство*, выдвигает идею о том, что внутренний конфликт в душе человека является основой социальных и политических противоречий. По его мнению, гармония возможна только тогда, когда каждый человек в обществе выполняет свою природную роль, и когда не возникает конкуренции между различными социальными слоями. Платон разделял общество на три класса: правителей (философов),

стражей (воинов) и производителей (земледельцев, ремесленников). Конфликт, по его мысли, возникает, когда эти классы начинают нарушать свои роли, что ведет к социальной дисгармонии. Платон видел решение этого конфликта в философском правлении, когда мудрые правители, понимая истину, смогут предотвратить социальные потрясения и регулировать напряженность в обществе [1].

Аристотель, ученик Платона, пошел дальше в своем исследовании природы конфликта. В отличие от Платона, который был сторонником идеального государства, Аристотель в своей Политике утверждал, что конфликты между различными слоями общества неизбежны и отражают различные интересы, характерные для каждой социальной группы. Он полагал, что лучшие формы правления — это те, которые обеспечивают баланс и гармонию между этими интересами. Аристотель выделял три формы правления: монархию, аристократию и полицию, каждая из которых может быть извращена в деспотию, олигархию и демократию соответственно. Конфликт, по Аристотелю, происходит, когда власть оказывается сосредоточенной в руках одной социальной группы, что неизбежно ведет к политическим потрясениям и насилию. Он также акцентировал внимание на том, что эффективная политическая система должна предотвращать такие конфликты через сбалансированное представительство интересов разных слоев общества.

В эпоху Ренессанса мыслители, такие как Никколо Макиавелли, начали по-новому осмысливать роль конфликта в политической жизни, в частности, в контексте сохранения и укрепления власти. В своем трактате Государь Макиавелли утверждает, что политическая борьба, включая внутренние конфликты, является необходимым элементом государственной жизни. Макиавелли не разделял утопических представлений о гармонии общества, а наоборот, рассматривал конфликты как неизбежные и даже полезные для правителей, стремящихся укрепить свою власть [2]. В отличие от Платона и Аристотеля, которые рассматривали конфликты как нечто разрушительное для общества, Макиавелли акцентировал внимание на их конструктивной роли. Он считал, что для политического лидера важно уметь использовать конфликтные ситуации для укрепления своей власти и достижения политических целей, будь то посредством манипуляций, маневров или прямого вмешательства. В его теории конфликты становятся инструментом, который может быть использован для достижения политической стабильности и укрепления власти.

Конфликт, как необходимая составляющая политической жизни, также находил отражение в теориях общественного договора, ставших основой политической мысли Нового времени. Томас Гоббс, в своем знаменитом труде Левиафан, предложил концепцию конфликта как неизбежного состояния человеческого существования в условиях отсутствия государственной власти. В его взгляде естественное состояние человека — это состояние «войны всех против всех», где каждый человек стремится к собственным интересам, что неизбежно приводит к насилию и анархии. Гоббс видел решение этой проблемы в передаче всех прав и свобод суверену, который обеспечит порядок и защитит общество от внутреннего конфликта. В этом контексте государственная власть, по Гоббсу, представляет собой абсолютный механизм, способный подавлять любой конфликт, возникающий в рамках общества [3].

Джон Локк, с другой стороны, рассматривал конфликт как следствие нарушения естественных прав человека — жизни, свободы и собственности. В Двух трактатах о правительстве Локк подчеркивал, что в естественном состоянии люди имеют право на защиту своих прав, а государство должно служить защитником этих прав, обеспечивая правопорядок и предотвращая конфликты. Однако, в отличие от Гоббса, Локк не поддерживал абсолютную власть суверена, а утверждал, что власть должна быть разделена и ограничена законом, что снижает возможность конфликтов в рамках государственной системы.

Жан-Жак Руссо в своей работе Общественный договор сосредоточился на идее социальной несправедливости как источника политических конфликтов. Он утверждал, что конфликты в обществе происходят из-за неравенства и эксплуатации, создающих глубокие разделения между бедными и богатыми, трудящимися и владельцами собственности. Руссо полагал, что только через установление нового социального договора, в рамках которого каждый гражданин будет принимать участие в формировании общей воли, возможно устранить источник социальных конфликтов и создать истинную демократию. Для Руссо конфликт был не только результатом политического устройства, но и социальной несправедливости, которую необходимо было устранить для создания гармоничного общества.

Политическая мысль Нового времени и XIX века значительным образом трансформировала представление о конфликте, рассматривая его не только как негативное явление, но и как неотъемлемую составляющую социально-политической реальности, необходимую для прогресса и развития общества. Этап, начавшийся с философии эпохи Ренессанса, продолжался в трудах мыслителей, которые не только описывали политические конфликты, но и искали их разрешение в рамках новых политических теорий и систем [4].

Одним из важнейших философов Нового времени, чьи идеи стали основой для дальнейших размышлений о политическом конфликте, был Томас Гоббс. В своей работе Левиафан (1651) он утверждал, что естественное состояние человека — это состояние войны, или «войны всех против всех». Для Гоббса человек по своей природе эгоистичен и стремится к максимальной выгоде, что неизбежно приводит к конфликтам и насилию в обществе. В условиях отсутствия сильной власти конфликты между индивидами становятся неизбежными, что, по мнению Гоббса, порождает хаос и анархию. Именно для предотвращения этого хаоса и существует необходимость в сильной и централизованной государственной власти, которая может подавлять конфликты и гарантировать общественный порядок. Таким образом, у Гоббса конфликт представлен как результат человеческой природы, и его решение заключается в создании абсолютного суверена, который будет иметь полномочия на применение силы для устранения конфликтов.

В противоположность Гоббсу, Джон Локк, автор Двух трактатов о правительстве (1689), предложил более оптимистичный взгляд на человеческую природу и роль государства в разрешении конфликтов. Локк утверждал, что люди в своем естественном состоянии не склонны к конфликтам, так как у них есть естественные права — жизнь, свобода и собственность. Государство в его концепции должно служить не для подавления этих конфликтов, а для их разрешения

посредством защиты прав граждан. Локк был сторонником идеи ограниченной власти, и он утверждал, что политический конфликт может быть минимизирован через создание правового государства, в котором власть будет ограничена законами и контролируемой системой сдержек и противовесов. Локк также полагал, что конфликт может возникать из-за несправедливости, в частности, из-за нарушений прав индивидов, и это требует вмешательства государства, которое будет решать такие вопросы на основе закона.

С развитием политической мысли в XVIII веке идея конфликта приобрела новую форму, особенно в трудах Жан-Жака Руссо. В своем произведении *Общественный договор* (1762) Руссо предложил концепцию конфликта как неизбежного следствия социального неравенства и частной собственности. В отличие от Локка, который верил в возможность мирного существования граждан в рамках правового государства, Руссо утверждал, что неравенство, которое возникает с появлением частной собственности, является основным источником социальных конфликтов. Руссо полагал, что решения, основанные на частной собственности, создают глубокие разделения между различными социальными слоями, и только установление общего договора, который предполагает участие всех граждан в создании законов, может привести к гармонии [5]. В его концепции конфликт не является чем-то негативным и разрушительным, но является неотъемлемой частью социального развития, требующей нового подхода к организации политической власти.

В XIX веке политическая мысль была подвержена значительным изменениям, что во многом связано с индустриализацией, ростом социальной мобильности, развитием капитализма и усилением классовых противоречий. Конфликт начинает рассматриваться, как не только неизбежное, но и продуктивное явление, которое может быть двигателем социальных изменений. В частности, идеи Карла Маркса, сформулированные в Манифесте Коммунистической партии (1848) и в других его трудах, стали основой для новой теории классового конфликта. Маркс утверждал, что социальные и экономические конфликты являются движущей силой исторического процесса, и что конфликт между буржуазией, владеющей средствами производства, и пролетариатом, не обладающим собственностью и вынужденным продавать свою рабочую силу, является основным источником изменений в обществе. Согласно марксистской теории, такие конфликты неизбежны и приведут к революции, в ходе которой пролетариат свергнет буржуазию, установив новый, бесклассовый порядок. Конфликт, в марксистском понимании, не просто неизбежен, но и необходим для разрушения устаревших социальных порядков и создания нового общества.

Концепция Маркса, несмотря на свою радикальность, оказала огромное влияние на развитие политической мысли и привела к созданию различных социалистических и коммунистических движений, которые искали пути разрешения классового конфликта через социальную революцию. Однако, в отличие от утопических идей, Маркс подчеркивал, что решение социального конфликта не может быть достигнуто через реформы, оно требует глубоких экономических и политических преобразований, ведущих к смене производственных отношений.

К числу мыслителей, оказавших влияние на развитие теории конфликта в XIX веке, следует также отнести Макса

Вебера, который рассматривал конфликты в контексте социального и культурного многообразия. Вебер акцентировал внимание на том, что помимо классовых конфликтов существуют также конфликты, основанные на этнических, религиозных и культурных различиях. В его представлении политическая власть не всегда определяется экономическими интересами, она также зависит от культурных и идеологических факторов, которые часто приводят к социальным и политическим столкновениям. В отличие от Маркса, Вебер рассматривал власть как сложное взаимодействие различных групп интересов, которые вступают в конфликты в борьбе за ресурсы, символический капитал и влияние в политической и социальной жизни [6]. Вебер также подчеркнул важность бюрократии как института, который может как способствовать, так и ограничивать возникновение конфликтов, в зависимости от того, как она организована.

Ключевым моментом в политической мысли XIX века стало понимание конфликта как составной части исторического процесса и как явления, которое не обязательно ведет к разрушению, но и может стать фактором изменения и развития политической структуры. Проблема разрешения конфликтов в это время начинает рассматриваться через призму классовых интересов, борьбы за власть, а также через введение новых форм политической организации, таких как демократия, социализм и другие политические идеологии.

Конфликт в постмодернистской политической философии приобрел особое значение как неизбежный и структурный элемент социальной и политической реальности. В отличие от традиционных теорий, которые рассматривают конфликты как временные аномалии, нуждающиеся в разрешении, постмодернистская мысль утверждает, что конфликт — это не только неотъемлемая часть человеческого существования, но и двигатель исторического и социального развития. В центре внимания постмодернистской философии находится отказ от универсальных метанарративов и принципов, которые пытались объяснить и регулировать конфликты в рамках единой, систематизированной теории. Вместо этого постмодернизм признает многогранность, многообразие и неопределенность, присущие конфликтам, и рассматривает их как исходную точку для понимания современного мира.

Жан-Франсуа Лиотар, один из основоположников постмодернистской мысли, в своей знаменитой работе *Состояние постмодерна* (1979) вводит понятие «метанарративов», описывая их как большие теории, которые пытаются объяснить все аспекты человеческой жизни и общества, будь то религия, наука, марксизм или либерализм. Лиотар критикует эти метанарративы, утверждая, что они создают ложные универсальности и подавляют локальные, разнообразные истории и нарративы. Постмодернизм, в отличие от этих традиционных теорий, предлагает признание множества параллельных нарративов, которые могут быть в конфликте друг с другом. Конфликты между различными группами и идеологиями становятся не только неизбежными, но и продуктивными, так как они ставят под сомнение доминирующие истории и предлагают новые перспективы. Лиотар подчеркивает, что такие конфликты не могут быть разрешены окончательно, так как каждая попытка поиска единого решения будет игнорировать значительную часть человеческой реальности и политической жизни.

Согласно Лиотару, в постмодернистской политической философии конфликт — это результат столкновения множества локальных и культурных нарративов. Например, при анализе конфликтов между различными этническими или религиозными группами, Лиотар утверждает, что эти группы не должны быть приведены к единому консенсусу или решению, так как это может привести к насильственному подавлению их уникальных идентичностей. Вместо этого, философия постмодернизма предполагает, что политический процесс должен учитывать существование множества голов и позиций, которые часто противоположны и непримиримы. Лиотар считает, что политическое решение не может быть найдено через рациональные обсуждения, направленные на поиск общего решения, так как разногласия являются частью самой структуры политической реальности.

Другая ключевая фигура постмодернизма, Жак Деррида, также играет важную роль в переосмыслении конфликта в политической философии. В своей теории деконструкции Деррида подчеркивает важность анализа скрытых структур власти, которые определяют наши восприятия и социальные отношения. Конфликт, согласно Дерриде, не может быть понят как простая борьба между «правым» и «неправым», «добром» и «злом». Он утверждает, что все политические конфликты имеют скрытые предпосылки и часто обращают внимание на то, как различные идеи и ценности сталкиваются и противопоставляются друг другу. Для Дерриды решение конфликта невозможно через простое установление правды или закона, так как все идеологии, даже самые благородные, в какой-то момент становятся инструментами власти, которые поддерживают определенную структуру. Примером этому может служить его анализ институциональных структур, таких как право и государство, которые, несмотря на свои формальные цели, могут быть использованы для угнетения определенных групп и индивидов. Деррида акцентирует внимание на необходимости постоянного осознания и деконструкции этих скрытых и незаметных форм власти.

Веберовская концепция власти в постмодернистской философии также подвергается значительному переосмыслению. Мишель Фуко, который развивал идеи Вебера, предложил новый взгляд на власть, заявив, что она не ограничивается только формальными политическими институтами, такими как государство, парламент или суд. В его работах, таких как *Надзирать и наказывать* (1975), Фуко показывает, как власть проникает в самые глубины общества, пронизывая все аспекты жизни через нормы, правила и дисциплины. По его мнению, конфликты происходят не только на уровнях политической борьбы или идеологического соперничества, но и на уровне повседневной жизни, в тех структурах, которые формируют наше поведение, мысли и действия. Власть, в представлении Фуко, всегда связана с конфликтами, возникающими из-за сопротивления этим дисциплинарным и нормативным системам. Конфликты становятся результатом попыток изменить или преодолеть эти структуры власти, которые часто скрыты и неосознанны.

В свою очередь, концепция «микropolitики» Фуко акцентирует внимание на том, как даже мелкие социальные практики могут стать источником конфликтов. Например, его анализ дисциплинарных практик в тюрьмах, школах и больницах показывает, как конфликты на этих уровнях могут быть вызваны формами контроля и нормализации, которые

подчиняют индивида в силу его социальной позиции. Фуко считал, что такие конфликты должны быть поняты в контексте властных отношений, которые включают не только государственные структуры, но и различные социальные институты, такие как семьи, школы, медицинские учреждения, и даже личные отношения.

Философы, такие как Жиль Делез и Феликс Гваттари, развивают теорию конфликтов в контексте социального производства и борьбы против доминирующих структур власти. В своей работе *Анти-Эдип* (1972) они подчеркивают, что конфликты не только неизбежны, но и продуктивны, так как они способствуют созданию новых форм жизни и социальной организации. Для Делеза и Гваттари конфликты не являются чем-то, что нужно преодолеть или разрешить, но и возможностью для социальных изменений и трансформации существующих структур власти. Они рассматривают конфликты как процессы, через которые можно преодолеть старые формы власти и создать новые, более открытые и гибкие социальные структуры.

Пристатейный библиографический список

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: Отказ от большого нарратива / Пер. с фр. М. Л. Галковский. — М.: Академический проект, 2005. — 320 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. М. И. Левина. — М.: ИФ РАН, 1997. — 408 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. М. А. Киселевой. — М.: АдМарго, 2000. — 400 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Ю. М. Дубина. — М.: Канон+ РОО, 2001. — 496 с.
5. Вебер М. Экономика и общество: Очерки социологической теории / Пер. с нем. В. М. Голосова. — М.: Наука, 1990. — 784 с.
6. Харроу Дж. В. Политические конфликты в истории: От теории к практике. — Лондон: Routledge, 2002. — 320 p.

ШЕВЧУК Никита Владимирович

ассистент кафедры социальной работы, аспирант кафедры философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье исследуется специфика формирования политической идентичности современной молодёжи России. В трактовке политических процессов и отношении к ним в России всегда учитывалась особенность нашей страны, заключающаяся в многоконфессиональности и полиэтничности населения. Однако, существует значительное отличие нынешней молодёжи России от предыдущих поколений: отказ от реалий в пользу онлайн-площадок.

Ключевые слова: современная Россия, молодёжь, политическая культура, политическая идентичность, онлайн-активизм.

SHEVCHUK Nikita Vladimirovich

assistant of Social work sub-faculty, postgraduate student of Philosophy and cultural studies sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

FORMATION OF THE POLITICAL IDENTITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

The article examines the specifics of the formation of political identity among the modern youth of Russia. The interpretation of political processes and the attitude towards them in Russia has always taken into account the peculiarity of our country, which consists in the multi-confessional and multi-ethnic nature of the population. However, there is a significant difference between the current youth of Russia and previous generations: the rejection of realities in favor of online platforms.

Keywords: modern Russia, youth, political culture, political identity, online activism.

Шевчук Н. В.

В формировании политической культуры современной российской молодёжи одной из самых важных является проблема становления политической идентичности. Она, в свою очередь, выступает индикатором политической ситуации в стране, оказывающей огромное влияние на систему ценностей современной молодёжи России, особенно молодёжи эпохи глобализации и цифровизации. Однако большинство исследователей обращает внимание на социальные, гендерные, национальные и этнические компоненты идентичности молодёжи, необоснованно игнорируя показатель возрастной пирамиды [4], [6] её политической зрелости. Данный подход характерен для исследований не только отечественных, но и зарубежных авторов. Недостаточность исследований аспектов, определяющих политическую идентичность молодёжи и факторов, влияющих на её формирование, актуализирует тему, заявленную в статье.

Определение политической идентичности молодёжи включает в себя сразу несколько аспектов. Во-первых, осознание и принятие политических ценностей, а также принадлежность к определённой политической группе или движению. Это интересно переплетается с тягой некоторых представителей молодёжи к репрезентации среди определённых субкультур, что ярко демонстрирует, к примеру, движение «хиппи», возникшее в 1960-х годах в США. Его представители пропагандировали идеи пацифизма, любви, гармонии с природой, и также они являлись своеобразным ответом на массовые социальные волнения, воз-

никшие из-за действий Соединённых Штатов Америки во Вьетнаме. В целом повестка движения была напрямую связана с политическими действиями страны, но при этом движение существовало как единица генерации новых передовых величин в области музыки, моды и искусства. Во-вторых, понятие политической идентичности включает в себя вовлечённость в активное участие в политической жизни общества. К этому можно отнести участие в выборах, общественных движениях, акциях и иных формах политической активности.

Политическая идентичность молодёжи формируется под воздействием различных факторов и по своей полярности они иногда могут удивлять. Ввиду того, что молодёжь является достаточно «хаотичной» группой, нельзя определить какой-то однородный фактор формирования. Они все, так или иначе, оказывают влияние на молодёжь, политическая культура которой в результате воздействия таких факторов становится всё более и более податливой, особенно в процессе глобализации с её огромным количеством информации. Обычно к основным агентам формирования политической идентичности относят, в первую очередь, семью, друзей-сверстников, затем социокультурную среду, образование. Однако в наше время «во главу угла» встаёт интернет и онлайн-источники информации. Это показывают многочисленные опросы среди молодёжи, в которых её представители признаются, что большинство информации о происходящих событиях в стране и в мире они получают из интернета [3], [5]. Но интернет, воздей-

ствуя на свою целевую аудиторию, является «хаотичным» источником информации, содержащим огромное количество не только правдивого освещения событий, но и фейков. Это, в свою очередь, приводит к появлению огромного количества инфлюенсеров, которые негативным образом влияют на, не до конца сформированных психологически и политически, личностей.

Нельзя не упомянуть, что в связи с этим большинство активной молодёжи оставляет реальную политическую сцену и показывает свою заинтересованность в онлайн-активизме, так как эта площадка является для неё более привычной и, как следствие, именно там молодёжь пробует привести изменения в уже сложившиеся реалии. Молодёжь никогда не была доминирующей когортой в политике, однако в нынешнее время её заинтересованность в политических процессах достигла рекордно низких показателей за всю историю. Эта тенденция также характерна для многих европейских стран и отчасти является показателем мировой отчуждённости молодёжи от политики [1], [6].

В исследовании «Поколение «Z»: Молодежь времени путинского правления» виден результат исследований, проведённых после последних выборов в Госдуму РФ, а это огромное различие в процентах между возрастными группами голосующей молодёжи. Категория лиц, относящихся к 18-20 годам, голосовавшая на выборах представлена в 26 %. Среди лиц, относящихся к 21-24 годам, процент голосующих повысился и стал равен 38 %. Данная тенденция продолжилась, и для голосующих 25-29 лет процент равен 53 и является самым большим среди всех возрастных категорий опрашиваемой молодёжи [3].

На первый взгляд, это показывает отсутствие необходимости исследований молодёжи, как отдельной группы заинтересованных граждан в политической жизни современной России, так как молодёжь, взрослея, так или иначе начинает принимать участие в «традиционных» формах политики, коими в приведённом примере являются выборы. Но ключевая проблема заключается в том, что возрастная категория 18-24 (а это молодёжь, обучающаяся в средних и высших профессиональных учебных учреждениях, и, конечно, работающая молодёжь) является наиболее социально-активной. Если оставлять эту категорию без должного внимания в вопросе формирования политической идентичности, то в результате из «лидеров» получим «зрителей» [2]. Между тем, наличие молодых лидеров является необходимым фактором для гармоничного развития политической системы страны ввиду, наблюдающегося в настоящее время, кризиса глобализации.

Заметим, что у молодёжи и более старшего поколения есть явно пересекающиеся темы интересов, например, социальная справедливость, национальная идентичность, в которых и те, и другие одинаково активны. Однако в вопросах сохранения окружающей среды молодёжь показывает намного большую заинтересованность. Это можно объяснить тем, что молодёжь видит себя принимающей планету и страну от старшего поколения, и её заинтересованность в поддержании адекватного экологического состояния села, города, республики, страны, Земли не вызывает вопросов [1], [3]. Также молодое поколение отличается более либеральным взглядом на картину мира, что, в

свою очередь, является явным контрастом доминирующему среди старшего населения консервативному взгляду на политическое устройство страны и мира. Это и понятно. Старшее поколение любит сравнивать, и при этом естественно даёт положительную оценку прошлому, не учитывая, что прошлое – это его молодость, в которую самой природой заложено позитивное восприятие мира. Молодёжь, имея возможность сравнивать благодаря воспоминаниям старших, живёт «здесь и сейчас», а, главное, будет жить в будущем. Это здоровое молодецкое соперничество, которое следует учитывать исследователям и учёным, может привести к позитивным реформам политической идентичности молодёжи в случае исправно работающего механизма регуляции в её формировании.

Формирование политической идентичности молодёжи начинается, конечно, не с 18 лет. Формирование политической идентичности личности закладывается раньше, уже с детского возраста. В Российской Федерации в последнее десятилетие происходит много событий, влияющих на правильное формирование политической идентичности гражданской личности.

Приведём лишь малую толику из них. Например, дети, достигшие 8 лет, могут быть участниками ВВПОД «Юнармия». Это Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение, зарегистрированное в июле 2016 года, в целях которого указано «участие в реализации государственной молодёжной политики РФ», а в качестве одного из механизмов достижения целей заявлено «развитие в молодёжной среде системы нравственных установок личности на основе «присущей российскому обществу системы ценностей».

На базе крупнейшей детской общественной организации Российского движения школьников (РДШ) в 2022 году создано новое Российское движение детей и молодёжи РДДМ «Движение первых», в состав которого вошли все уже существующие организации, такие, например, как «Юнармия», «Большая перемена». Вступить в сообщество может любой россиянин в возрасте от 6 до 18 лет. Являясь на данном этапе социальным проектом, «Движение первых» всеми своими двенадцатью направлениями способствует развитию общественно значимой активности у детей и молодёжи, воспитанию готовности служению Отечеству и ответственности за его будущее.

Это реалии современной России. Считаем, что и в виртуальном пространстве нельзя оставлять вопрос политического воспитания и становления молодёжи на откуп монополизированным ресурсам, отдельным личностям, здесь важным является суверенитет данных.

Приведём пример. Мессенджер Viber позиционирует себя таким образом: «Наша миссия – защищать приватность общения, чтобы вам не пришлось выбирать темы, которые вы можете или не можете обсуждать в Viber». Очень заманчиво для молодёжи. Для зрелого ума быстро стало понятно, что это западная платформа социальных сетей, политизированная и самая украинизированная, однако она активно и продолжительное время влияла на позицию российской молодёжи по многим вопросам. Viber, кстати, был давно запрещён в Донецкой народной республике, в Минске, был оштрафован за фейки о дискредитации Российской Армии, но его владельцы не платили штрафы и не

удаляли фейки. И наконец, Роскомнадзор с 13.12.2024 г. заблокировал Viber в России за нарушение требований российского законодательства, так как «хватает отечественных и качественных платформ» (Президент РФ В. В. Путин). Исследователи проблемы формирования политической культуры молодёжи современной России, считают, что хаотичность интернета должна быть упорядочена и должна способствовать гражданскому формированию политической идентичности молодёжи нашей страны.

На Международной конференции по искусственному интеллекту в Москве (11.12.24 г.) Президент РФ В. В. Путин отметил, что «Россия – среди лидеров в области развития и использования искусственного интеллекта, свыше 130 миллионов пользователей ИИ в нашей стране». Участники конференции рассказали, что в каждом регионе РФ используется ИИ в области здравоохранения, что ИИ позволяет гражданину быстро и качественно реализовывать свои права, и что около 200 услуг оказывается в электронном формате, тем самым сокращаются сроки исполнения, повышается качество обслуживания. Искусственный интеллект многократно ускоряет выполнение автоматического анализа и исследования во многих областях науки и сферах жизни. Особенно важно применение ИИ в образовании для семей с небольшими доходами. Публичная цифровая инфраструктура, доступная в общественном пространстве, в каждой сфере опосредованно влияет на формирование политической идентичности молодёжи России, которая начинает понимать свою сопричастность к изменениям и достижениям, происходящим в жизни и в обществе нашей великой страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическая идентичность современной российской молодёжи должна представлять большой интерес для исследователей – философов, политологов, социологов. Результатом исследований должен быть выбор правильного вектора формирования политической идентичности молодёжи на перспективу вперёд. Необходимо и далее предпринимать действия для структурного вовлечения молодёжи согласно возрастным категориям, уровня образованности, в общественную жизнь России, дабы не получить поколение, которое не уважает «традиционные» формы политики и не желает быть частью политических механизмов своей страны. Если не заниматься исследованием вопросов, возникающих в формировании политической идентичности молодёжи, не влиять быстро, адекватно и структурно на её результаты, то такой откат в будущем может привести к сильнейшим сдвигам в политической системе, вплоть до её реструктуризации, которая будет негативно влиять на социальное и экономическое благосостояние народа России.

Пристатейный библиографический список

1. Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С., Сафиуллина Э. И. Мотивы участия молодёжи в избирательных кампаниях // Мониторинг. - 2021. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-uchastiya-molodezhi-v-izbiratelnyh-kampaniyah> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг. - 2019. - № 5 (153). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pokolenie-grazhdanskaya-mobilizatsiya-i-politicheskiy-protest-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. - 2020. - № 1-2 (130). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-molodezh-vremeni-putinskogo-pravleniya> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Расторгуев С. В. Современные исследования политической идентичности российской молодёжи // Вестник Финансового университета. - 2022. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-politicheskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Шамионов Р. М., Суздальцев Н. В. Соотношение приверженности молодёжи к социальной активности в интернете и физическом пространстве // Вестник РУДН. - 2022. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-priverzhennosti-molodezhi-k-sotsialnoy-aktivnosti-v-internete-i-fizicheskom-prostranstve> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Youth without Representation: The Absence of Young Adults in Parliaments, Cabinets, and Candidacies// University of Michigan Press. - 2022 - P. 40-42.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕвразЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.